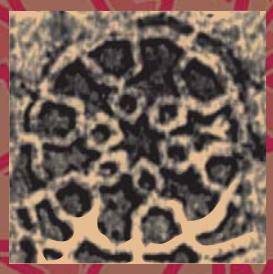
Серия

Tartarica

Атлас

Великий Болгар



Tartarica

Серия

Великий Болгар

Министерство культуры Республики Татарстан
Республиканский Фонд возрождения памятников истории
и культуры Республики Татарстан
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

Серия

Tartarica

Атласс

Великий Булгар

Издательство Ферия

Москва — Казань 2013

УДК 908(470.4);904(470.4)(084.4)
ББК 63.3(2Рос.Тат)+63.4
В27

Научный руководитель проекта
академик АН РТ, доктор исторических наук Р.С. Хакимов

Научный редактор
кандидат исторических наук А.Г. Ситдиков

Ответственные редакторы
кандидат исторических наук В.С. Баранов
доктор исторических наук Р.М. Валеев
член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук Р.Р. Салихов
кандидат исторических наук М.Д. Полубояринова
Р.Ф. Шарифуллин

Макет и оформление
Б.Г. Аразян, А.М. Игитханян

Великий Болгар. — М., Казань: Феория, 2013. — 404 с.: ил.

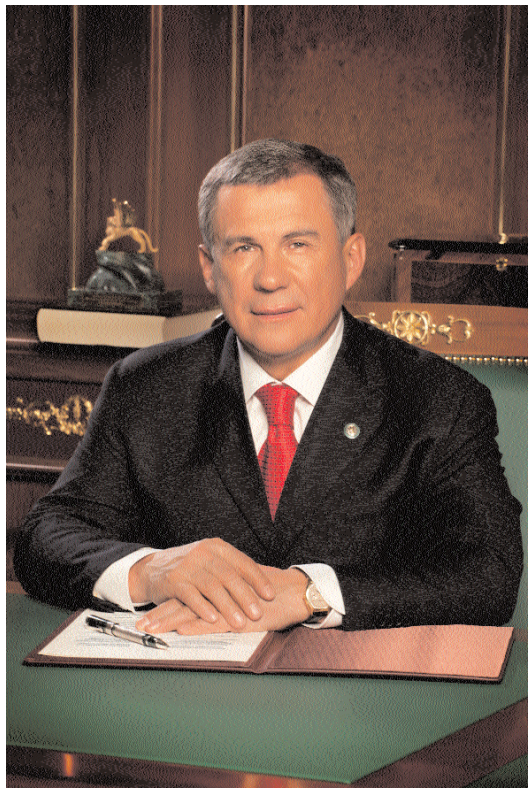
Атлас «Великий Болгар» представляет собой комплексное историко-археологическое и картографическое изложение результатов многолетнего изучения уникального памятника средневековья — Болгарского городища, на месте которого располагался один из крупнейших городских центров средневековой Восточной Европы XI–XIV вв. — Великий Болгар, бывший древнейшим центром Волжской Болгарии, а в последствии первой столицей Улуса Джучи (Золотой Орды). В Атласе дана всесторонняя подробная характеристика истории, градостроительства, материальной и духовной культуры этого средневекового города. Специальные разделы книги посвящены истории изучения, сохранения и современного использования историко-культурного и природного наследия уникального памятника. Особое внимание к этому памятнику приковано вследствие того, что в нем заключена квинтэссенция всей татарской истории. На примере разносторонней жизни Великого Болгара показан процесс становления и развития средневековой городской культуры Среднего Поволжья, многосторонние экономические и культурные связи болгарской цивилизации, ставшей основой современного татарского этноса.
Книга предназначена для историков, археологов и широкого круга читателей, интересующихся историей.

Появление Болгарского государства на Волге и его активное развитие, которое проходило в условиях небывалой интенсивности и масштабности контактов и взаимодействий культур, привела к качественному скачку в историко-культурном развитии огромного Волго-Камского региона. Созданная на пресечении двух ключевых торговых магистралей — Великого Шелкового и Пушного пути — Волжская Болгария сыграла революционную роль в истории Восточной Европы в целом, стала локомотивом ускорения социально-экономических, политических и цивилизационных процессов для целого ряда народов Поволжья, активно стимулировала возникновение и бурное развитие городов, становление государств. Именно в этот период формировалась уникальная тюркская культура, и получили значительное развитие масштабные и всесторонние связи тюркских, славянских и финно-угорских народов. С этого времени мы можем говорить о Большой Волге и Каме в самом широком историко-культурном плане. Ведь именно Волжская Болгария, связав Восток и Запад, Север и Юг, оставила огромный след в формировании и развитии исторических процессов на огромном Евразийском континенте в эпоху раннего средневековья, Золотой Орды и в последующие периоды истории.

Мы должны помнить и еще об одном существенном факте, непосредственно связанном с Волжской Болгарией, который очень актуален для нашего времени. Сегодня, когда велико влияние деструктивных, разрушающих единство мира факторов, чрезвычайно важно искать и находить пути его объединения, в том числе и на примерах нашего общего прошлого. В этом видится еще один важнейший смысл и глубокий подтекст комплексного изучения Великого Болгара. Ведь хорошо известно, что эпоха процветания в Волго-Камье и шире — всей Европе наступала тогда, когда развивались культура и торговля, а в политике главенствовали законы толерантности и взаимного учета интересов. В этом смысле Волжская Болгария, находившаяся в центре Восточной Европы, несла на себе важную объединительную миссию, была чутким барометром экономической, политической, духовной, культурной конъюнктуры, активно способствовала процветанию Волго-Камского и соседних регионов.

Обширной программе по изучению Болгарской цивилизации, несомненно, требуется большая высококвалифицированная научная экспертиза. В этом исследовательском процессе уже активно и плодотворно участвуют ученые различных специальностей из самых передовых научных структур России и зарубежных стран. Атлас «Великий Болгар» является важным этапом в этом исследовательском процессе и способствует актуализации и широкой пропаганде огромного наследия многих народов, населявших благодатные земли Волго-Камья, ставшего важной частью общечеловеческой цивилизации.

Научный руководитель проекта
академик АН РТ, доктор исторических наук Р.С. Хакимов



Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов

Уважаемые читатели!

Книга «Великий Болгар», подготовленная Республиканским Фондом возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан и Институтом истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, представляет широкой аудитории многовековую историю, уникальное археологическое и архитектурное наследие Волжской Булгарии и Золотой Орды.

С этой священной землёй неразрывно связано формирование государственных традиций, духовности и уникальной культуры татарского народа. Именно здесь в 922 году наши предки приняли ислам, что во многом предопределило дальнейшее развитие татарской цивилизации. Болгар был известен как один из крупнейших центров хозяйственной жизни и просвещения, где представители разных народов и вероисповеданий успешно вели взаимовыгодную торговлю, занимались ремёслами, строили великолепные здания, удивляя чужестранцев своими выдающимися достижениями.

Творческий дух наших предков продолжает жить и в дне сегодняшнем.

Республика Татарстан последовательно решает перспективные задачи социально-экономического и национально-культурного развития.

Тысячелетняя Казань — достойная преемница Великого Болгара — стремительно меняет свой облик, превращаясь в современный мегаполис, не теряющий при этом свою самобытность.

Сохранение историко-культурного наследия является одним из приоритетных направлений государственной политики республики Татарстан. Возрождение древнего Болгара и острова-града Свияжск, исторического центра Казани и других важных историко-культурных объектов представляет собой яркий пример эффективного частно-государственного партнёрства, вызывая заметный интерес как в самой России, так и за рубежом. Очень важной для нас в данном отношении является также поддержка руководства Российской Федерации и лично Президента России В.В. Путина.

Татарстан ежегодно проводит крупные мероприятия общероссийского и международного масштаба, среди которых особое место занимает «Изге Болгар жыены». Тысячи гостей из разных уголков нашей страны и со всего мира направляются к седым древностям, возрождённым мечетям и памятникам Болгара. Надеюсь, что эта книга станет прекрасной визитной карточкой великого города, неизменно хранящего память о многовековой истории многонационального Российского государства.



Минтимер Шаймиев

Уважаемые читатели!

Город Болгар занимает особое место в российской и мировой истории. В течение нескольких столетий, являясь столицей Волжской Булгарии, крупнейшим центром Золотой Орды, он находился на перекрестке великих цивилизаций средневековья, поражая современников развитой торговлей и ремеслами, прекрасными образцами зодчества, мусульманской образованностью. Именно в Болгаре наши предки приняли ислам в качестве государственной религии, что способствовало формированию высокой культуры, непреходящих духовных ценностей и традиций татарского народа.

Можно сказать, что древний Болгар живет в душе каждого татарстанца, напоминая ему о славных свершениях прошлого, наполняя сердца гордостью за бесценное культурное достояние, за родную республику. Поэтому, возрождение нашего общего наследия в древнем Болгаре и острове-граде Свияжске находит сегодня горячий отклик среди самой широкой общественности, являясь, по сути, народной программой сохранения памятников истории и культуры.

Безусловно, определяющей в этом масштабном процессе выступает поддержка Президента Российской Федерации В.В.Путина и Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, уделяющих особое внимание ходу восстановительных работ, реставрации святынь в Булгаре и Свияжске.

Исследования наших ученых, деятельность архитекторов, строителей, реставраторов убедительно доказывают, что город Болгар остается одним из самых выдающихся образцов мирового историко-культурного наследия.

Думаю, что книга «Великий Болгар», основанная на уникальных источниках и последних научных открытиях, даст вдумчивому читателю содержательное и оригинальное представление о древнем городе, без которого невозможно познать историю многонациональной России.

Введение *А.Г. Ситдиков*
10

Город Болгар в средневековом мире: люди, пространство, время

Город Болгар в истории и культуре *А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов*
16
Природный ландшафт Болгарского городища *В.Н. Калуцков, П.М. Шульгин*
30
История Волго-Камья в древности *П.Н. Старостин*
40
История города Болгар в письменных источниках *Р.Г. Фахрутдинов*
50
Историческая топография Болгара *Т.А. Хлебникова*
68
Город Болгар на картах и планах XVIII–XIX вв. *Х.М. Абдуллин*
78

Жизнь средневекового города: торговля, производство, промыслы

История становления и развития Великого Волжского пути *А.Н. Кирпичников*
86
Международные торговые связи Болгарских земель в X–XIV вв. *Р.М. Валеев*
94
Торговля *М.Д. Полубояринова*
104
Денежное дело и денежное обращение *Г.А. Федоров-Давыдов*
118
Металлургия железа и металлообработка *Ю.А. Семыкин*
128
Кузнечная продукция *Л.Л. Савченкова*
132
Изделия из цветных и драгоценных металлов *Г. Ф. Полякова*
136
Неполивная керамика *Т.А. Хлебникова*
142
Керамические горны *И.Н. Васильева*
160
Стеклянные изделия Болгарского городища *М.Д. Полубояринова*
164
Кожевенное дело *Т.А. Хлебникова*
172
Косторезное ремесло *И. А. Закирова*
176
Земледелие *Ю.А. Краснов*
182
Скотоводство *А.Г. Петренко*
196

Город Болгар: фортификация, архитектура, благоустройство

Градостроительная культура и монументальное зодчество *С.С. Айдаров*
202
Оборонительные сооружения *Ю.А. Краснов*
222
Благоустройство и его роль в городской культуре *В.С. Баранов*
232
Общественные бани *Р.Ф. Шарифулин*
242
Мавзолеи *Н.Д. Аксенова, М.М. Кавеев, В.С. Баранов*
252
Малый городок *Л.А. Беляев*
262
Строительная керамика *Л.М. Носкова*
270

Городская культура поволжья: духовность, письменность и искусство

Ислам в Поволжье в эпоху средневековья *И.Л. Измайлов*
274
Население средневекового Болгара *Л.Т. Яблонский*
294
Язык и письменность в городе Болгаре *Ф.С. Хакимзянов, И.Л. Измайлов*
304
Надписи на металлических изделиях *Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов*
316
Эпиграфические памятники Болгара *Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов*
320
Духовная культура тюрок Поволжья *Г.М. Давлетшин*
324
Искусство города Болгара *Д.К. Валеева*
334

Историко-культурное наследие Болгара: изучение, реставрация, музеефикация

История изучения Болгарского городища в 1864–1980 гг. *Т.А. Хлебникова*
342
Болгарская археологическая экспедиция *Р.Ф. Шарифуллин*
352
Создание Болгарского музея-заповедника *А.Г. Ситдиков, Р.Р. Хайрутдинов, Р.З. Махмутов*
356
Болгарское городище в контексте регионального историко-культурного ландшафта *Ф.М. Забирова*
364
Болгар — объект всемирного наследия *Р.М. Валеев*
378
Город Болгар: культурное и духовное возрождение *Р.Р. Салихов, А.Г. Ситдиков*
384
Великий Болгар в изобразительном искусстве Татарстана *Д.Д. Хисамова*
390

Заключение
Неизгладимая память прошлого *Р.Г. Фахрутдинов*
398

Исследователи Болгарского городища
402
Условные обозначения карт Атласа
403
Карты Атласа
403

А.Г.Ситдиков

Введение



Немногие археологически дошедшие до нас древние поселения являются подтверждением былого величия и могущества, средоточием духовных и культурных ценностей современных народов. В этом смысле значение Болгара в прошлом и настоящем мировой культуры трудно переоценить. Здесь разворачивались исторические драмы, велась мировая торговля, творили архитекторы и поэты. Болгар стал живым свидетелем, реальным отражением великого прошлого тюрко-мусульманской цивилизации Поволжья.

Болгарское городище находится в Спасском районе Республики Татарстан, на левом берегу р. Волга в 30 км ниже устья р. Кама. Это обширное городище, окруженное оборонительными валами и рвами. Площадь укрепленной части менялась с ростом города. В X — первой половине XI веков защищенная территория занимала — 12 га, а в начале XIII века она увеличивается до 25 га. К середине XIII века город расширяется и достигает в размерах до 400 га. За пределами крепости, во все периоды, располагались обширные предместья. В нескольких километрах к западу от города недалеко от русла Волги функционировал хорошо известный и далеко за пределами Поволжья международный торг — Ага-Базар.

Начало интереса болгарским древностей было положено еще Петром I на заре становления отечественной науки. С этого времени внимание к памятникам Болгара не только не затихает, но наоборот возрастает. Увеличивается количество качественных научных исследований, к изучению прошлого все активнее подключаются специалисты естественных наук, углубляя и расширяя наши представления о средневековом прошлом. Литература, созданная за два с половиной столетия изучения остатков Болгара, поистине огромна. И она все увеличивается, обрастая новыми трудами и открытиями.

Работа над Атласом проводилась на основе публикаций фундаментальных научных изысканий. В частности, широко использована серия «Город Болгар», вышедшая в период с 1987 по 2009 год в пяти томах, в работе над которой приняли деятельное участие известные ученые, крупные специалисты в области болгарской археологии, на протяжении многих лет непосредственно работавших на раскопках Болгарского городища. Среди них — Т.А. Хлебникова, П.Н. Старостин, М.Д. Полубояринова, Л.А. Беляев, Р.Ф. Шарифуллин и многие другие. В этой коллективной монографии в форме научных очерков были представлены публикации, демонстрирующие богатство культурного наследия города Болгара домонгольского и золотоордынского времени, различные аспекты его хозяйства, градостроительства, торговли и ремесел. Значение этого издания, который нацелен на освещение наиболее значимых сторон жизни средневекового города, научное обобщение многолетних систематических археологических исследований Болгарского городища, трудно переоценить.

При работе над Атласом применен принцип прямого цитирования вошедших в серию «Город Болгар» научных статей с введением наиболее интересных с точки зрения составителей Атласа фрагменты. Материалы многотомной серии «Город Болгар» дополнены новыми исследованиями, посвященными историко-культурному наследию Болгара и пониманию его места и роли в истории Евразии.

Статьи коллективной монографии «Город Болгар» вместе с научно-справочным аппаратом и аутентичным иллюстративным материалом включены в электронное приложение к данному изданию. Кроме того, туда же включен ряд научных работ, дополняющих историографию изучения города Болгар.

Практически с момента своего возникновения Болгар — явление Всемирной истории, объект внимания арабо-персидских географов, русских летописцев, западноевропейских путешественников и торговцев. Это вполне объяснимо: самая северная в тогдашнем мире мусульманская страна — факт сам по себе незаурядный — быстро завоевала себе славу могущественной торговой державы. И не только благодаря своему удачному геополитическому положению. Основу экономического могущества страны, способствовавшего активной международной торговле, составляли в первую очередь высокоразвитое сельское хозяйство и ремесленное производство, удовлетворяю-



Древний город Серебряных Болгар. Худ. Р. Газеев. 2009 г.

щие внутренние потребности и ориентированное на экспорт.

Объектом целенаправленных археологических исследований является культурный слой Болгарского городища. Благодаря работам А.П. Смирнова были определены основные хронологические этапы развития памятника, описана специфика формирования культурных напластований. Они состоят их семи хронологическим сменяющихся страт от середины первого тысячелетия н. э. до современной эпохи. Эти отложения отражают все этапы жизни древнего памятника, основные события его истории, свидетельства культуры. В них содержится ценнейшее археологическое наследие, иллюстрирующее бытование поселения в догородской период, а затем различные периоды жизни Болгара, время его возникновения, расцвета и упадка.

Исторически Болгар является одним из древнейших центров Волжской Болгарии. Ранний Болгар отражает процесс становления средневековых городов в Среднем Поволжье, возникших на большом международном торговом пути по Волге и Каме. Болгар — один из наиболее значимых городов региона в домонгольское время, а, по мнению некоторых исследователей, в X–XI века — один из столичных центров государства волжских болгар. Позднее, в первые десятилетия после монгольского нашествия Болгар становится столицей формирующегося государства — Улуса Джучи (Золотая Орда). Войдя, наряду с другими областями, в состав Улуса Джучи, Волжская Болгария с ее высоким экономическим потенциалом, развитой системой государственного управления и монотеистической религией представляла значительный интерес для монгольских ханов с точки зрения экономической выгоды.

Раннезолотоордынским временем датируются строительные горизонты многих монументальных построек Болгара. Сразу же после завоевания в середине XIII века начинается строительство Соборной мечети, позднее, в начале XIV века, рядом возводятся два мавзолея-дюрбе, где были захоронены знатные горожане. В первой половине XIII века, очевидно, уже полностью сформировался весь центральный комплекс архитектурных памятников Болгара, куда также входил и Царский (Ханский) дворец. В это же время юго-восточней Соборной мечети начинает функционировать одна из



Панорама Волги с Болгарского городища

крупнейших общественных бань города («восточная» или «ханская» баня).

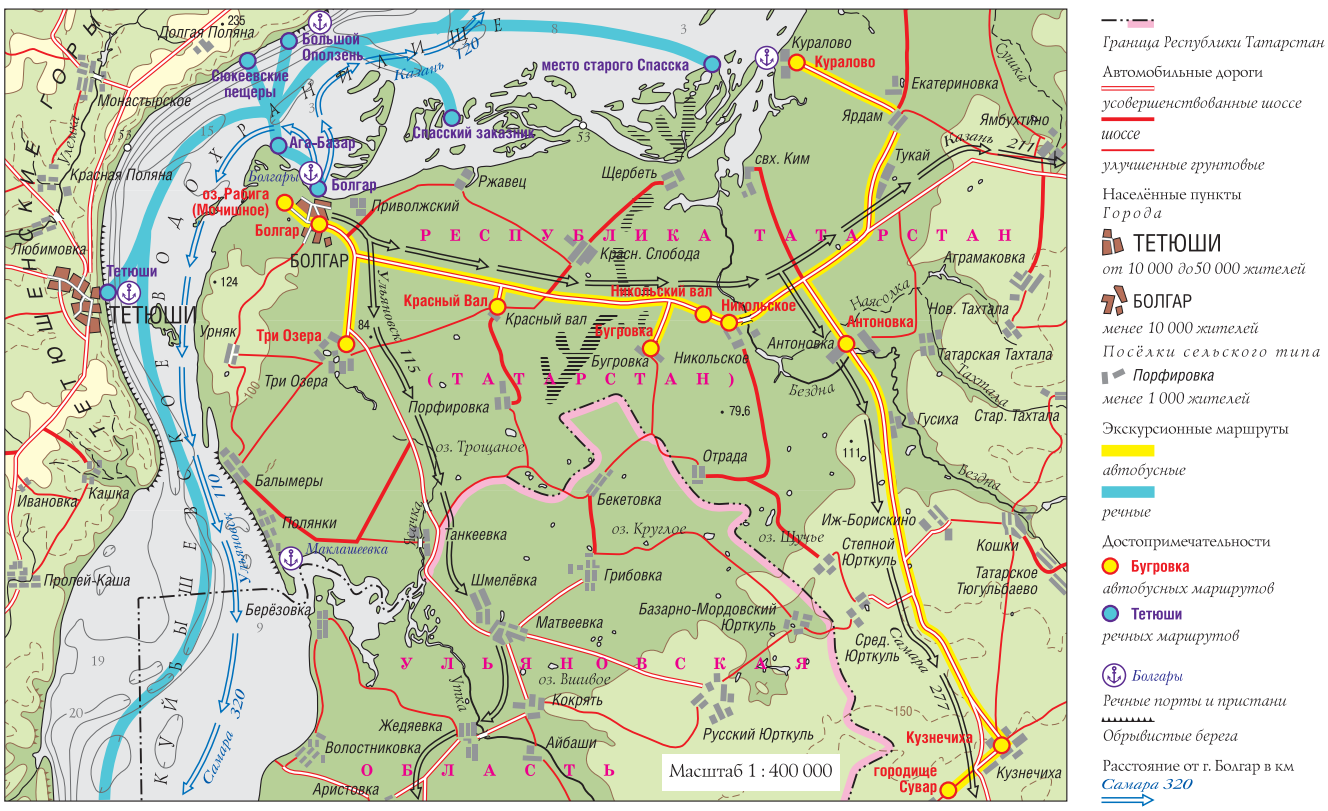
В первой половине XIV столетия город значительно разрастается, появляется линия укреплений протяженностью около 7 км, которая опоясывает всю южную часть города.

Город переживает в XIV веке эпоху самого бурного роста и развития. Ремесленные мастерские Болгара восстанавливались и расширяли свою деятельность. Археологически прослежены остатки меднолитейного и кожевенного производств, мастерские по обработке цветного и черного металлов, кости, стекла, керамики. Одновременно осваивались и новые районы, в том числе заречье, где наряду с остатками каменных общественных зданий, жилых домов были выявлены гончарные мастерские, производственные постройки с горнами, следами металлургии и металлообработки.

Памятники Болгара являются выдающимися образцами мусульманской средневековой архитектуры в Европе. Болгар — самый северный в мире памятник мусульманского зодчества XIII–XV веков, демонстрирующий высокий уровень строительной технологии и самобытный характер этой архитектуры. Пространственная организация города является прекрасным примером передового урбанизма Волжской Болгарии, что является одним из основных признаком цивилизации.

В XIII–XIV века город Болгар становится одним из важнейших и значимых городов не только в Поволжье, но и Восточной Европе. Исторически это процветание длилось недолго, и в силу целого ряда обстоятельств городская жизнь постепенно приходит в упадок, а в первой трети XV века его политическое значение переходит к Казани. Но и позднее Болгар оставался культурным и духовным центром, местом паломничества татар-мусульман.

Историко-культурный потенциал комплекса позволяет раскрыть тысячелетнюю историю татар и их предков от зарождения цивилизации до современности. Особое внимание к этому памятнику приковано вследствие того, что в нем заключена квинтэссенция всей татарской истории во всей ее сложности и многообразии. В нем соединились тюркский язык и арабская письменность, языческие традиции и глубокая, уже с X века мусульманская городская культура, мировые торговые связи. На пересечении этих тенденций и дилемм происхо-



Граница Республики Татарстан

Автомобильные дороги

усовершенствованные шоссе

шоссе

улучшенные грунтовые

Населённые пункты

Города

ТЕТЮШИ

от 10 000 до 50 000 жителей

БОЛГАР

менее 10 000 жителей

Посёлки сельского типа

Порфировка

менее 1 000 жителей

Экскурсионные маршруты

автобусные

речные

Достопримечательности

Бугровка

автобусных маршрутов

Тетюши

речных маршрутов

Болгары

Речные порты и пристани

Обрывистые берега

Расстояние от г. Болгар в км

Самара 320

водным путём

Казань 211

по автомобильным дорогам

Экскурсионные автобусные и речные маршруты в районе г.Болгара

дило взаимное перемешивание и поглощение многих традиций, возникали средневековые этносы. Живейший современный интерес к средневековой истории Болгара — свидетельство его особого значения для прошлых и будущих поколений.

Международное значение Болгарского историко-архитектурного комплекса подтверждено включением его в качестве номинанта в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, где памятник, будучи уникальным свидетельством существования самобытной болгарско-татарской цивилизации, занял свою особую нишу. Болгарский комплекс раскрывает важный аспект истории отношений, культурного взаимодействия степных культур и городских цивилизаций Азии и Европы.

Важное место в создании нового туристско-привлекательного облика Болгарского историко-архитектурного комплекса принадлежит Фонду «Возрождение», ставшему идейным вдохновителем и организатором многочисленных работ по реставрации, музеефикации памятников, созданию дополнительных площадей для музейного показа и хранения музейных предметов, благоустройству территории, создания современной инфраструктуры для обслуживания туристов.

Эти мероприятия стали дополнительным стимулом для проведения археологических исследований Болгарского городища и значительно увеличили объемы раскопок. Вместе с тем, появились возможности для реализации научных программ комплексного изучения памятника с использованием методов естественных наук, привлечением для работы ведущих специалистов из центральных научных учреждений России. Одним из результатов этой целенаправленной работы является и появление этой книги, вбирающей в себя наиболее значимые достижения в изучении историко-культурного наследия Болгара.

Лист Специальной карты Европейской России, изданной в 1919 г. Военно-Топографическим отделом Генерального Штаба. Карта, с одной стороны, очень детальная, уделяющая внимание всем особенностям ландшафта, среды, сети поселений, дорог, а с другой стороны, — панорамная, она дает целостное представление о базовом пространстве волжских болгар. Даже по карте начала XX в. видно что основой природного каркаса были лес и реки



Изд. Воен. Топ. Отдела Генеральн. Штаба.

109.

Масштабъ 10 верстъ въ дюймѣ или 1:420000
Печат. 1919 г.
Литография Картографическаго Отдѣла.
ПЕЧАТАНО VII-1919 г.
Елабуга
Мамадышъ
Мензелинскъ
Чистополь
Тетюши
Чебоксары
Буинскъ
Спасскъ
Сенгилей
Ново-Николаевское
Ново-Шешминскъ
Шешминская
Богородское
Архангельское
Бугульма
Бугуруслан
Бавлы
Сарманы
Старые Шешминскъ Ург.
Каракалы
Кайбицкое
Ютазы
Ижевское
Ижевскъ Казанск.
Ижевскъ Вятск.
Сарапулъ
Можга
Вотскъ
Кукморъ
Мензелинскъ
Сарапульскій
Вятскій
Казанскій
Вятскій Полянъ
Малмыжскій
Елабужскій
Мамадышскій
Чистопольскій
Тетюшскій
Буинскій
Спасскій
Ново-Николаевскій
Ново-Шешминскій
Шешминскій
Богородскій
Архангельскій
Бугульминскій
Бугурусланскій
Бавлинскій
Сарманскій
Старо-Шешминскій Ург.
Каракалинскій
Кайбицкій
Ютазинскій
Ижевскій
Можгинскій
Вотскій
Кукморскій
Мензелинскій
Сарапульскій
Вятскій
Казанскій
Вятскій Полянскій

А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов

Город Болгар в истории и культуре



Хуннский легковооруженный воин. Китайский рисунок

Болгар на Волге: прорыв к цивилизации. Важность и значимость истории Болгарского государства, в прошлом Волго-Уральского региона, объясняется тем, что именно оно обеспечило прорыв региона к цивилизации и стало «ареалообразующим фактором» в социальной, культурной и этнополитической истории региона. Возникновение Болгарии, появление многочисленных городов, среди которых Болгар всегда играл важнейшую роль, и оседло-земледельческой культуры привело к самым значительным переменам в судьбах региона, превратив его в важный фактор истории Евразии.

В III веке в Волго-Уральский регион начинают инфильтроваться тюркские племена, пришедшие с востока под давлением других племен. Во главе этого движения были гунны, по-



Памятники Болгарского городища. Грандиозное каменное строительство в Болгаре было обусловлено тем, что этот город являлся одной из столиц Золотой Орды

томки центральноазиатских хунну. В середине III в. гунны усилились и, став реальной силой, в 375 г. вышли к границам Римской империи, сокрушив алан и готов, частично покорив их, а частично выдавив в пределы империи. Тем самым они дали заключительный толчок Великому переселению народов, которое разрушило античный мир, на развалинах которого возникли различные «варварские» королевства. Держава европейских гуннов, возникшая в Паннонии, включала, видимо, европейские степи вплоть до Волги. Конгломерат различных (в частности, разноязычных) народов был непрочен. Вскоре после гибели их вождя Аттилы (452 г.) держава распалась, а восставшие народы нанесли поражение гуннам в битве при Недао (454 г.), заставив гуннское племя акацир отступить в Поволжье, где их поглотила новая сила: болгары. Возможно, именно в это время или даже несколько ранее одна из групп огуро-тюркских племен, разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чуваш и даже, возможно, в Верхнее Прикамье.

Движение протоболгарских племена — огуров (урогов), сарагуров и оногуров было вызва-

но натиском савиров в середине V в., которые были сдвинуты в результате движения в Европу авар (жуаньжуани китайских источников), потерпевших поражение от тюрок. Огурский союз, в котором усилились болгары, стал главенствовать в Северном Причерноморье. Достаточно уверенно это событие письменные источники фиксируют в 480 г., когда византийский император Зенон обратился к болгарам за помощью против остготов. Во второй половине VI в. кутригуры и утригуры, подорвавшие силы в войнах с Византией и междоусобицах, были завоеваны аварами, создавшими свой каганат в Подунавье. Племя савир (сувар) появилось на Северном Кавказе в начале VI в. Около 515 г. за влияние на них уже соперничали Византия и государство Сасанидов. Есть данные о том, что савиры имели этнические контакты с огурскими племенами. Среди тюркских племен Предкавказья в арабских источниках упоминаются баланджары/баранджары. С приходом авар в 558 г. объединению савиров был нанесен мощный удар и они утратили главенство в степи, позднее войдя в состав Хазарского каганата. Господство авар оказалось недолгим и в 568 г. они отступили в Паннонию под натиском тюрков, завоевавших степи Северного Кавказа. В период ослабления Тюркского каганата, болгары, жившие в степях Кубани и Причерноморья, объединенные около 603 г., очевидно, племенным объединением оногундуров (унногундуров по византийским источникам, что связано с наименованием тюркских объединений Центральной Азии — «он окбудун»/ «народ десяти стрел»), во главе с кланом Дуло, сформировали свое этнополитическое объединение.

Государство Кубрата в Подонье возникает на основе более ранних потестарно-политических структур и государственных образований, созданных различными кланами кочевых народов. К середине VII в. в Западной Евразии власть тюркских каганов ослабла и в причерноморских степях возникло госу-



Вождь хунну. Реконструкция К.С.Ахметжана





Рисунки, оставленные древнеболгарским населением



Перстень из погребения знатного человека на реке Морской Чулек (Ростовская область). Вторая половина V — начало VI в.

Археологические следы праболгар Кубрата сохранились в виде памятников»перещепинской культуры», к которой исследователи относят около 90 погребений первой половины VII — начала VIII вв. Они включают в себя преимущественно отдельные грунтовые погребения и могилы, впущенные в более ранние курганы, а также «клады», рассматриваемые в качестве погребального инвентаря.

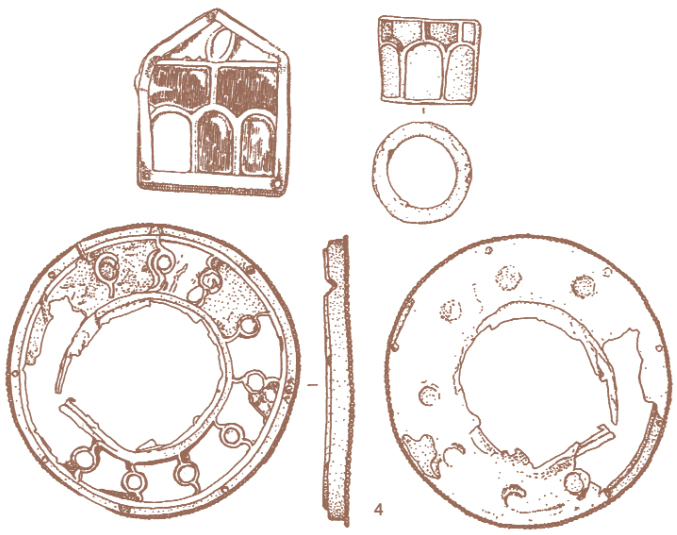


Меч с кольцевым навершием в золотой облицовке. Золото, железо, стекло. VII в. Перещепинский погребальный комплекс хана Кубрата. ГЭ



Поясная бляшка. Золото, гранат. VII в. Перещепинский погребальный комплекс хана Кубрата. ГЭ

дарство «Великая Болгария» во главе с Кубратом. Болгары, жившие в степях Кубани и Причерноморья, объединенные около 603 г., очевидно, кланом Дуло, сформировали свое этнополитическое объединение. Некоторое время оно находилось в зависимости от Аварского каганата, но в 635 г. правитель болгар Органа и его племянник Кубрат, сбросив власть Аварского каганата, создали в степях Восточного Причерноморья союз племен, вошедший в историю под названием «Великая Болгария». Это государственное объединение выступало как союзник Византии, а Кубрат даже принял от императора Ираклия титул патрикия. После смерти Кубрата (640–660-е гг.) его держава распалась». Хотя Великая Болгария существовала исторически недолго, однако в этот период у его населения сформировалось особое этнополитическое самосознание, так как после распада государственного объединения и переселения в иные регионы проживания различные группы болгар и на новой родине сохраняли свой этноним и характерные элементы духовной культуры, в том числе, видимо, династийную историю («Именник болгарских ханов»).



Фрагменты конской упряжки из погребения знатного человека на реке Морской Чулек (Ростовская область). Вторая половина V — начало VI в.



Афмора. Серебро, ковка. VII в. Перещепинский погребальный комплекс хана Кубрата. ГЭ



Древневенгерский конный латник. IX — первая половина X вв. Реконструкция М.В. Горелика



Костяная накладка. Брусянский IV курганный могильник. Самарская область. Конец VII–VIII в.



Костяная пластина. Шиловский курганный могильник. Самарская область. Конец VII–VIII вв.

Дунай, основав так называемое Первое Болгарское царство. Еще двое сыновей Кубрата, вероятно, ушли в Паннонию, к аварам. Болгарские (болгарские) племена, возможно, возглавлявшиеся котрагами, обитавшими по правобережью Среднего Дона, переселившись в Поволжье в конце VII в., оказались в окружении близкого в языковом и культурно-хозяйственном планах тюркского населения, которое пришло сюда несколько ранее.

Археологическими свидетельствами переселения болгар в Волго-Камье являются Бураковское погребение, погребения Шиловского, Брусянского и Новинковского могильников, имеющих аналогии в памятниках Северного Причерноморья (Малая Перещепина) и Болгарии (Мадара). Особенно выразительно Бураковское погребение, которое имеет все черты сходства с погребением самого Кубрата или кого-то из его ближайших наследников: в любом случае это одиночное захоронение, совершенное, очевидно, по обряду кремации покойного, в могилу которого был положен богатый погребальный инвентарь — оружие (мечи и кинжалы), конское снаряжение (стремена, уздечка с драгоценными накладками), парадный пояс с золотой гарнитурой и другие украшения. Все это заставляет думать, что вожди болгар, пришедших на Волгу имели достаточно высокий социальный статус, возможно, даже являлись потомками Кубрата. Однако в Среднем Поволжье им не сразу удалось занять главенствующее положение.

Первоначально болгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы,



Парные браслеты с вставка изумрудов на щитке. VII в. Перещепинский погребальный комплекс хана Кубрата. ГЭ



вытеснив или подчинив себе балто-славянские племена (именьковская культура). Несколько восточнее в Восточном Закамье и Западном Приуралье распространяются угорские племена (носители кушнаренковско-каракуповской культуры). В степном Заволжье и Южном Урале исследователи локализуют легендарную прародину венгров — «Магна Хунгария», которая была конгломератом родовых и племенных объединений.

Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена огурскими племенами еще ранее. По данным сочинений арабо-персидских авторов, кроме болгар среди них отмечаются группы берсула(барсил), эсегел, а также более мелких родовых групп — сувар (савир), баранджар, т.е. население будущей Волжской Болгарии кроме болгар включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/эсгили или чигили) компоненты.

Названия этноплеменных объединений зафиксировала арабо-персидская традиция уже в начале X в. и сохранялась практически в неи5зменном виде вплоть до конца X в., когда была вытеснена другой более актуальной и достоверной информацией. Самым ранним свидетельством о составе населения Среднего Поволжья следует, очевидно, считать отрывок Ибн-Русте: «Они (болгары) — трех разрядов. Один разряд из них б. р. сула (берсула), другой разряд — ас.е. л. (эсегел), и третий — болгары; средства существования каждого из них в одном месте». В несколько дополненном и уточ-

ненном виде это известие сохранилось в анонимном персидском источнике второй половины X в. «Худуд ал-Алам»: «Их (болгар) три группы: бахдула, ишкиль и болгар; все находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг другу друзьями».

Становление и развитие болгарской государственности протекало на фоне формирования новых торгово-хозяйственных отношений в Европе. Бурное развитие производительных сил на севере Европы под влиянием римской цивилизации привело к становлению классового общества и дало толчок движению населения, которое получило в истории название «эпоха викингов», суть которого было в становлении раннесредневекового общества и государства на обширных просторах Северной и Северо-Восточной Европы.

Историками и археологами давно признано, огромное влияние, которое оказал на экономическое развитие Восточной и Северной Европы Балтийско-Волжский путь, посредством которого сюда с Востока поступало в больших количествах арабское серебро, развивая местную торговлю и ремесленное производство. С начала VIII в. эта магистраль сомкнулась с Великим шелковым путем, став его северо-западным ответвлением. С этого времени эти два направления по Волге в Северную Европу и по степному коридору из Центральной Азии в Европу через Нижнее Поволжье в страны Средиземноморья, а через Среднее Поволжье в Балтийский регион, стали играть системообразующее значение для судеб народов Поволжья. Однако возникновение и функционирование этого пути имело и другие, не менее значительные последствия, в первую очередь для социального и этнополитического развития этих регионов.

Постепенно, к началу X в., болгары сумели одержать верх и подчинить или связать союзническими отношениями все население Среднего Поволжья. К сожалению, детали этого процесса скрыты от нас в глуби веков, но этапность его очерчивается достаточно отчетливо. Приход группы болгар из Подонья во главе с кланом, верхушка, которого, имела, очевидно, родственные связи с правящим родом хана Кубрата Дуло, и, видимо, называла себя «серебряными болгарами», дабы отличить от других групп болгар (или протоболгар) в Подонье, Северо-Западном Предкавказье и на Дунае, вызвал цепную реакцию социальных изменений. В силу своей знатности и родовитости, этот клан болгар сначала объединил ряд огуро-тюркских групп. В начале X в., когда письменные источники начинают фиксировать обстановку в Среднем Поволжье, болгары уже являются центром объединения всего населения Среднего Поволжья.

Хозяйственно-экономическим фоном становления Болгарского государства стало функционирование Великого Волжского пути и караванного пути в Хорезм, приведшего к резкому обогащению болгарской клановой аристократии, а также массовый приток родственного тюркского населения из районов Подонья, Приазовья и Северного Кавказа. В условиях этого хозяйственного подъема происходило становление нового государства, которое возникает во второй половине IX в., во главе которого становится Алмыш, а до него — отец Шилки, видимо, предводитель болгар.



Предметы из Большетарханского могильника. Ранние болгары

Центрами государственных образований со своей военной административной структурой были города, на что указывает факт чеканки собственной монеты с именем своего правителя. Судя по данным археологии, самые ранние города, возникшие в Болгарии — это целый ряд пунктов по берегам Волги и Камы от современных Чистополя до Старой Майны, а также бассейн р. Малый Черемшан и бассейна р. Свияги в средней его части. Здесь обнаружены самые ранние находки, позволяющие говорить о начальных этапах становления раннегородской структуры уже в началеX в. Вокруг этих городских пунктов — Болгара, Сувара, Биляра и других возникает и расширяется сельскохозяйственная округа.



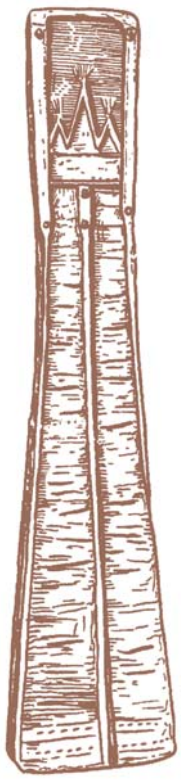
Височные подвески. Волжская Болгария. X–XII вв.

Практически с момента своего возникновения Болгария становится заметным явлением всемирной истории, объектом внимания арабо-персидских географов, русских летописцев, западноевропейских путешественников и торговцев. Это вполне объяснимо: самая северная в тогдашнем мире мусульманская страна — факт сам по себе незаурядный — быстро завоевала себе славу могущественной торговой державы. И не только благодаря своему удачному геополитическому положению. Основу экономического могущества страны, способствовавшего активной и равноправной международной торговле, составляли в первую очередь высокоразвитое сельское хозяйство (пашенное земледелие и животноводство) и ремесленное производство. Их продукция была рассчитана как на удовлетворение внутренних потребностей страны, так и на экспорт.

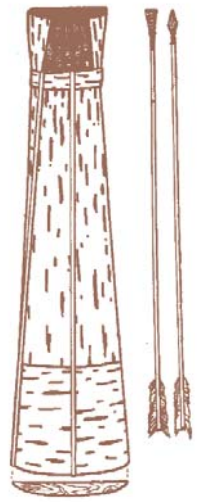
Важнейшим шагом на пути консолидации общества внутри государства принятие ислама болгарами в качестве государственной религии. Можно прямо сказать, что процесс возвышения государства болгар шел практически одновременно с внедрением ислама. Уже в IX в. ислам проникает в среду населения Среднего Поволжья и в начале X в. его, очевидно, принимает Алмыш и болгарская знать. Уже в 920-е гг. ислам становится государственной религией, что подчеркиваю арабо-персидские авторы и начало чеканки монет по мусульманским образцам. Мусульманами является, судя по данным археологии, практически все городское население.

Болгар в системе связей Запад — Восток. Сведений о месте Болгара и болгарских земель в системе евразийских связей довольно много. Для X в. это знаменитое «Рисале» Ибн Фадлана о контактах болгарского хана Алмуша с Арабским халифатом и рассказ венгерского Анонима о переселенцах из Биляра, занявших впоследствии важные государственные посты в административной системе Венгерского королевства и основавших на левом берегу Дуная город Пешт. Одиннадцатым веком можно датировать смутные сообщения скандинавских источников о «Волгарии» как части русской Гардарики — «страны городов». Далее идет сообщение персидского историка XII в. Бейхаки о посылке болгарским эмиром Ибрагимом денег и подарков в Хорасан на строительство мечетей в Себзеваре и Хосровджерде (1024/1025 г.). К XII в. относится подробное описание Волжской Болгарии Абу-Хамидом ал-Гарнати, выходцем из Андалусии, и, наконец, к первой половине XIII в. — рассказ венгерского миссионера Юлиана о его путешествии в Болгарию в поисках своих сородичей, пребывающих в язычестве. Имеются, кроме того, многочисленные, к сожалению, фрагментарные известия о болгарах представителей классической арабской географической школы: Ибн-Русте, ал-Балхи, ал-Джайхани, ал-Истахри, ал-Масуди, Ибн-Хаукаля, ал-Мукаддаси, ал-Марвази, ал-Идриси и др., а также сведения древнерусских летописей, по которым можно в подробностях представить динамику болгаро-русских взаимоотношений X — начала XIII в.

Все вышесказанное дает нам основание заключить, что еще в X в. Волжская Болгария, будучи достаточно сильным в экономическом отношении государством, включается в международную торговлю, которая способствовала налаживанию политических и культурных связей с Древней Русью, с некоторыми странами Востока и Запада. В налаживании этих связей, несомненно, огромная роль принадлежала купцам и Великому Волжскому пути, являющемуся северным ответвлением Великого Шелкового пути.



Колчан из кимакских погребений. Казахстан



Колчан из кимакских погребений. Казахстан

Высокий международный престиж Болгарского государства был достигнут не только целенаправленной и соответствующей духу времени политикой его правителей, но и упорным трудом простых людей — земледельцев и ремесленников — создателей материальных ценностей, востребованных на мировом рынке.

Контакты Болгарии с Востоком развивались по сухопутному пути из Средней Азии (Хорезма) через Южный Урал в Болгарию, который и являлся северным ответвлением Великого шелкового пути. Именно этим путем двигалось посольство багдадского халифа с Ибн-Фадланом, и определенно существовал регулярный торговый караванный путь. Судя по имеющимся письменным свидетельствам, ислам к болгарам пришел вместе с торговцами и проповедниками из Средней Азии.

Связи с исламским миром, самым северным форпостом которого в «странах седьмого климата» (по терминологии арабо-персидской географии) была Волжская Болгария, выражались в существовавшей транзитной торговле через ее территорию (фактически Болгария являлась воротами для восточных товаров в Северную и Северо-Восточную Европу), а также в том, что в становлении многих ремесленных производств волжских болгар, особенно высокотехнологичных и художественных (стеклоделие, изготовление медной и бронзовой посуды и т.д.) принимали участие мастера, прибывшие в Поволжье из стран ислама, в первую очередь из Ирана и Анатолии. В области идеологии и политики следует отметить двусторонность связей Болгарии с исламскими странами. Болгары не просто восприняли ислам от среднеазиатских проповедников и позже охотно



Кыпчакское намогильное изваяние. Ак-Тобе. Казахстан



Кыпчакский воин. Реконструкция К.С. Ахметжана

приглашали гонимых на родине иранских и среднеазиатских наставников-суфиев, но и сами создали исламскую научную школу, давшую целый ряд ученых, многие из которых были широко известны на Востоке и даже занимали видные посты в администрации некоторых государств Ирана и Средней Азии.

Во взаимоотношениях Волжской Болгарии с древнерусскими княжествами тесно переплетены военно-политические и экономические аспекты. С одной стороны, имела место борьба Руси и Болгарии за экономическое и политическое доминирование в Среднем Поволжье, уже с конца X в. постоянно переходящая в военную плоскость (в особенности это касается Северо-Восточной (Владимиро-Суздальской) Руси, с 1088 г. вплоть до монгольского нашествия находившейся в состоянии перманентной вялотекущей войны с болгарами). С другой стороны, цель этой борьбы — улучшение своих экономических позиций в спорных регионах или на территории противника, поэтому войны носят локальный характер, не препятствуют интенсивному товарообмену между воюющими сторонами и во многих случаях (начиная с первого похода князя Владимира Святославича на болгар в 985 г.) имеют результатом заключение торговых договоров. На стыке политики и торговли находятся своеобразные «гуманитарные акции» болгарских эмиров, которые неоднократно во время неурожая и голода во Владимиро-Суздальских землях организовывали отправку голодающим зерна — не без выгоды для себя: поставки всегда щедро оплачивались (хрестоматийный пример — отправка в 1229 г. на Русь «трехсот насадов с житом», в «благодарность» за которые в Болгарию был отправлен груз мехов, ценных тканей и «рыбьего зуба»). В экономической области, как отмечено выше, поддерживались теснейшие торговые связи, ориентированные по двум основным направлениям: сохранивший прежнее значение отрезок Волжского пути связывал Болгарию с северо-востоком Руси, а сухопутный путь из Болгара в Киев — с южнорусскими княжествами. Существовали торгово-ремесленные общины болгар на Руси и русских в болгарских городах, статус которых регулировали упомянутые выше межгосударственные торговые соглашения. Квалификация ремесленников, «выезжавших на заработки», могла быть настолько высока, что соответствовала запросам политической элиты Руси или Болгарии: например, отмечается участие болгарских мастеров в создании монументальных архитектурных сооружений Владимирской Руси (белокаменная резьба Дмитриевского собора во Владимире, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и княжеского дворца в Боголюбове и др.). В межконфессиональных отношениях не наблюдалось сколько-нибудь значительных противоречий между диаспорами и коренным населением: иноверцы жили по своим обычаям, имели собственные кладбища и т.п.

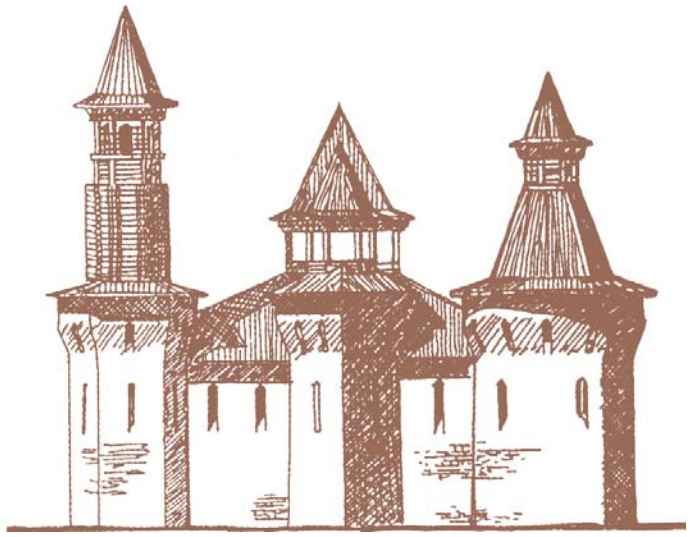


Поливной светильник. XII–XIII в. Волжская Болгария. БГИАМЗ

Взаимодействие болгар с ближними соседями — финно-угорскими народами лесной и кочевниками степной зоны Восточной Европы было часть формирования культурного пространства этого государства. Развитие контактов болгар с соседними народами от торговых экспедиций и военных набегов до включения их сферу влияния Болгарского государства. С одной стороны, это процесс постепенной адаптации пограничных или переселившихся на окраины Болгарии групп финно-угров, угров и тюрок в структуру государства: принятие ислама, распространение болгарской материальной культуры, включение в военно-политическую систему. С другой стороны — образова-

ние болгарских ремесленных центров на отдаленных от метрополии территориях финно-угорских племен и в степной зоне Поволжья.

Золотая Орда и становление тюрко-мусульманской цивилизации в Поволжье. Образование в Евразии империи Чингиз-хана и его потомков, возникшей из крови и разрушений периода завоеваний, привело к созданию «мировой державы», объединившей земли от Амура до Дуная и от Северного Ледовитого океана до Персидского залива. После своего возникновения эта империя переживала период своего расцвета, когда наступил период относительно прочного мира. Хотя междоусобная война крупнейших улусов и привела в 1269 г. к образованию самостоятельных государств, но даже тогда экономические и этнополитические свя-



Реконструкция мечети-крепости. Алабуга. С.С. Айдаров

Елабужское городище — местонахождение болгарского города Алабуга



зи объединяли их гораздо сильнее, чем спорадические пограничные конфликты.

Прекрасно иллюстрирует это история Поволжья в период Золотой Орды. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимается населением как огромное благо. Практически сразу после завоевания стали ак-

Легковооруженный воин-лучник Волжской Болгарии. XII–XIII вв. Реконструкция М.В.Горелика



тивно действовать мировые торговые магистрали, которые пришли в упадок в конце XII в. Это в первую очередь Великий шелковый путь, который проходил через территорию Улуса Джучи от Ургенча до Азака и городов Крыма, через Сарай и торговый путь по Волге и Каспию, связывая Переднюю Азию с Северной Европой. В силу своего исключительно выгодного географического положения Улус Джучи стал средоточием целого ряда магистральных торговых путей, пронизывавших весь евразийский континент. Один из них — поволжский — связывал мусульманский Восток с Северной Европой и Балтикой. Второй — черноморско-волжский — соединял причерноморские города с нижневолжскими городами и далее со среднеазиатским ответвлением Великого шелкового пути. Третий — транскавказский — связывал страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой.

Важнейшей караванной дорогой для Золотой Орды служила магистраль, которая была северным ответвлением Великого шелкового пути и шла через города Восточного Туркестана, Семиречья, Хорезма в Поволжья, а оттуда — в Центральную Европу. Благодаря удачно сложившейся конъюнктуре в условиях войн и нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, вызванной монгольскими завоеваниями, вторжениями хорезмийцев и крестовыми походами, товарный поток из Китая хлынул в Европу через Поволжье. Концентрация богатств, награбленных в завоеванных странах, и участие в мировой торговле колоссально обогатили аристократию Улуса Джучи, и подталкивали ее



Золотая подвеска из Мокрокурналинского клада. XII в. Реконструкция К.А. Руденко



Монгольский воин. XII–XIII вв. Реконструкция К.С. Ахметжана

к подчинению новых земель, к установлению контроля за балканским и малоазийским отрезками Великого шелкового пути. По этому знаменитому торговому пути, начинавшемся в Китае и проходившем через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары — пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы, а также меха и пушнина1 . Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной обслуги: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Судя по запискам европейских послов и купцов (Дж. Де Плано Карпини, Г. Рубрук, Марко Поло), этот путь активно начала функционировать уже в 50-е гг. XIII в. Путешественники особо отмечали, что «купцы, снабженные тамгой, свободно странствовали повсюду, и никто не дерзал трогать их» . Беспрепятственная торговля позволяла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство (например, производство чугуна и огнестрельного оружия). Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например на Руси, Болгарии и т.д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызывало в них бурный расцвет ремесла, науки и культуры.

Войдя, наряду с другими областями, в состав Ак-Орды Улуса Джучи (Золотая Орда) болгарские земли с ее высоким экономическим

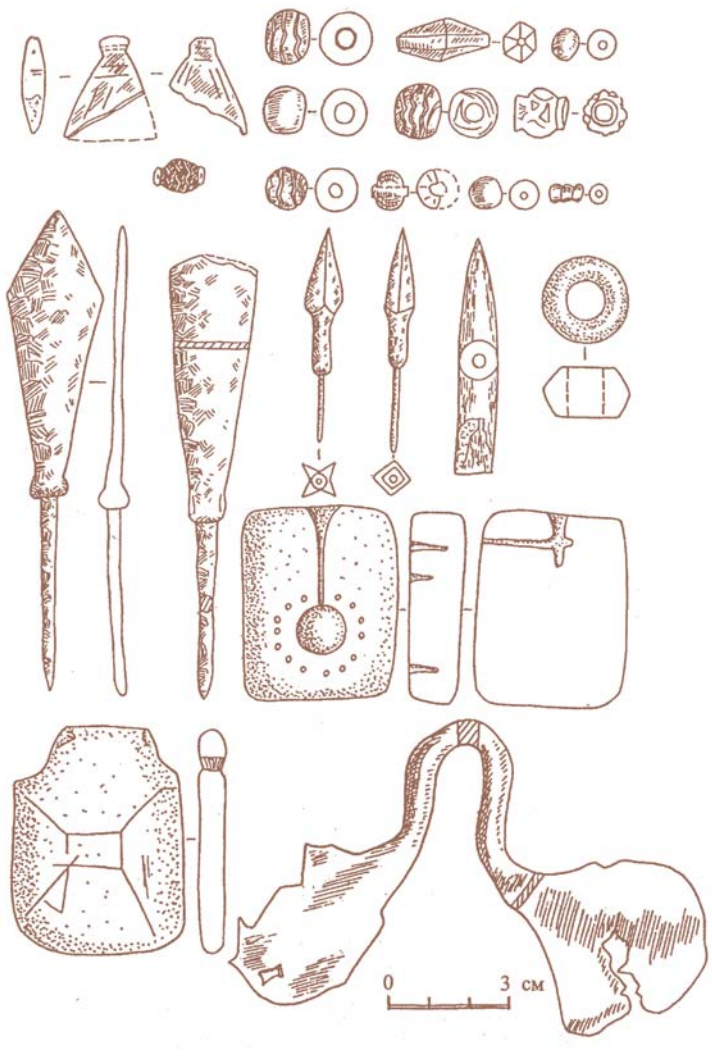


Чингис-хан. Китайская миниатюра



Монеты, отчеканенные на Сарайском монетном дворе в 1260–1270-е гг.

потенциалом, с развитой системой государственного управления и исламом представляли значительный интерес для монгольских ханов с точки зрения экономической выгоды и легкости управления, что и объясняет их стремление обеспечить спокойствие на подвластной территории. Самым крупным и известным болгарским городом того времени был Болгар. Этот город, возникший еще в начале X в., не отличался в домонгольский период большими размерами (примерно 12 га) и состоял из небольшой крепости и торгово-ремесленных пригородов, хотя и был важным экономическим центром. Настоящая его история начинается с 40-х гг. XIII в., когда, вернувшись из западного похода и подавив восстание болгар, Бату сделал местом своей ставки район



Археологические находки из раскопок Джукетау



Монгольский конный лучник. Китайская миниатюра. XVII в.

Нижнего Прикамья. Именно Болгар стал первой столицей Улуса Джучи и местом, где началась чеканка татарских монет — серебряных и медных дирхемов с именем багдадского халифа Насир-лид-Дина.

Этот район имел стратегическое значение, так как позволял в начальный период формирования империи контролировать две самые важные области — Русь и Болгарию. Постепенно благодаря богатым традициям высокоразвитого сельского хозяйства и ремеслу удалось во многом преодолеть последствия завоевания и добиться возрождения страны.

Город Болгар конца XIII — начала XIV в. становится одним из самых крупных производственных, торговых, культурных и культовых центров Золотой Орды и всей Европы. В золотоордынское время площадь его расширяется до 380 га, а население доходило до 20 тыс. человек. Он бурно застраивается каменными и кирпичными постройками, в том числе общественными зданиями: мечетями и банями. Они по праву считаются одними из самых величественных памятников татарского зодчества периода Золотой Орды. Золотоордынский Болгар был значительным и важным городом. Улицы были покрыты мостовыми. Благоустройству города служили водопроводные и дренажно-ряжевые системы. Продолжая ранние болгарские традиции, ремесленники изготавливали предметы широко известные во всем цивилизованном мире: кожаные изделия, оружие, украшения. Выгодное географическое положение на пересечении речных и сухопутных путей делали Болгар важным перевалочным пунктом мировой торговли.

Кроме того, город был крупнейшим центром тюркской культуры и областью, где уже давно распространилось мусульманство. Благодаря влиянию болгарских миссионеров ислам сумел завоевать прочные позиции в регионе. Болгарские улусбеки имели сильные хорошо вооруженные воинские отряды и передовую военную технику, в том числе и огнестрельное оружие — тюфяки (небольшие пушки). Впервые в Восточной Европе выстрелы из огнестрельного оружия прозвучали именно под стенами Болгара в 1377 г. Экономическая и военная силы позволяла болгарских улусбекам уже с середины XIV в. активно участвовать во внутренних делах Улуса Джучи.

Золотоордынская цивилизация — яркая страница истории мировой культуры. В империи Джучидов был создан пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении разнородных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучавшими стилями и направлениями, разными в различные периоды существования государства. Кроме синкретичного фона домонгольских культур, некоторые из которых имели развитый образный язык, основанный на мусульманских (хорезмская, болгарская) и евразийских кочевых (кыпчаки, кимаки) традициях, в культуре Улуса Джучи нельзя не видеть центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры. Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства, осваивая принесенный за-



Архитектурные памятники Болгарского городища. Вид с запада



Археологические находки с Царевского городища

воевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати — крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована. Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изыскано тонкого орнамента и каллиграфии». Характерными чертами декоративно-прикладного искусства Золотой Орды являются орнаментальность, полихромность в использовании цветовой гаммы, наличие арабесковых мотивов и т.д.

Появление большого количества городов в Дашт-и-Кыпчаке в XIII–XIV вв. (сейчас их известно более ста) — явление уникальное в истории средневековья. Практически на пустом месте возникли не просто отдельные города, а целая область, ставшая центром яркой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую мусульманскую культуры. По образному выражению Г.А. Федорова-Давыдова, золотоордынские города периода расцвета «представляли смесь среднеазиатских мечетей и минаретов, изразцов и поливной посуды, деревянных срубов и кочевнических юрт». Несомненно, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением, стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом бурного подъема экономической и культурной жизни в конце XIII — первой половине XIV в. в период наивысшего могущества правивших здесь ханов.



Раскопки золотоордынского города Сарай-Джук на реке Яик (Урал)

Следует также подчеркнуть три обстоятельства, которые способствовали расцвету городов, развитию сельской округи вокруг них и укреплению единства государства, тем самым, сплачивая различные части империи и способствуя формированию цивилизации и единого средневекового татарского народа. В первую очередь, это создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций — ямов (йамов, джамов) — почтовых станций с лошадьми и караван-сараями. Обычно они располагались на расстоянии 30-50 км между собой, т.е. на длину дневного перехода на всех важнейших караванных путях Улуса Джучи, связывая различные города и порты страны. Ямская повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой особо оговаривалось в тарханных ярлыках, например, русскому духовенству. Кроме чисто государственных интересов — быстрое распространение важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараев стала важнейшими торговыми артериями страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханбалыка. Яркое описание этого пути из Кафы в Сарай, а из него в Ургенч и оттуда в Индию дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Батута. Это были не только пути движения материальных ценностей, но информации — культурных и технологических достижений, религиозных проповедников. Недаром часто караван-сараи обычно служили вакуфом для какой-то определенной суфийской общины или близ караван-сарая возникала ханака — странноприимный дом для проповедников и дервишей.



Нашивная бляшка. Золото, жемчуг

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. создана своя денежно-весовая система, основой которой стал серебряный дирхем (йармак) весом 1, 156 г позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/11 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а некоторых регионах и позднее. Одновременно выпускались и медные монеты пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, Московском великом княжества) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовало не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм кредитно-финансовых систем — банков и векселей. Судя по итальянским письменным источникам, в ходу также были и частные векселя, которые связывали в единую финансовую систему торговые компании городов Италии и, очевидно, других стран Средиземноморья с торговыми домами Золотой Орды.

Несомненно, что кроме чисто экономических, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов, сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой



Минарет. Болгарское городище



Керамика из раскопок Джукетау



Поливной изразец и поливная изразцовая плитка. Улус Джучи. XIV в. Зарисовка Ф.Х. Валеева





Серьга. Великая Монгольская империя. XIII в.

и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом, которому города обязаны бурным подъемом экономической и культурной жизни в конце XIII — первой половине XIV вв. — в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. До тех пор, пока симбиоз оседлых и кочевых областей сохранялся, ханам Улуса Джучи и правящим кланам удавалось сдерживать сепаратизм отдельных улусбеков и удерживать в подчинении покоренные народы.

Города Поволжья были также крупными культурными центрами, где развивались литература и искусство, формировались общеразговорный и литературный языки. В начале XIV в. мусульманская община в городах и в войске настолько усилилась, что смогла поставить на престол своего ставленника — хана Узбека (1313–1342). Мусульманское духовенство с этого времени становится важнейшим проводником религиозной политики, получая большие земельные наделы и рычаги влияния на народ.

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление пышной и синкретичной культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («поволжский тюрки»), а также активное перемешивание военно-феодальной знати привело к формированию татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается еще плохо понятным. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно предположить, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно внедрение новой джучидской этнополитической идентификации.

В степях и городах Дашт-и Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и формирование новой этносоциальной структуры, общим этнонимом для которой становится имя «татар». Об этом прямо свидетельствует в уже упомянутом выше фразе историк и государственный деятель державы Ильханидов Рашид ад-Дин: «вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах ... все тюркские племена называют татарами». Этнокультурным отражением этих процессов может служить целый пласт новых элементов центральноазиатской культуры, связанный прежде всего с новыми традициями имперского государственного управления и тюрко-монгольского воинства. Таким образом, активное формирование слоя военно-служилой знати, создание материальных и духовных символов надплеменного имперского единства, а также государственной идеологии с использованием как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики, привело к формированию на территории Улуса Джучи новой этнополитической общности.

Таким образом, развитие цивилизации в Волго-Уральском регионе самым прямым образом связано с возникновение и расцветом международной торговли по трансевразийским торговым магистралям. В IX–X вв. — это, в первую очередь, Волго-Балтийский торговый путь, а в XIII–XIV вв. — Великий Шелковый путь. Становление городов и городской цивилизации идет вслед за установлением этим торговых путей и непосредственно связано с ними. Соответственно расцвет, подъем и упадок их можно связывать не только с ослаблением государственной власти или природными причинами, а пульсацией торговой активности на разных направлениях. Возникновение городов ведет к укреплению политической власти, осуществляющей контроль над этими магистралями и усложнением социальной структуры общества, развитием культуры и установлением связей с базовыми центрами цивилизации. Соответственно, страна, ставшая



Кувшин. Лепная керамика. XIV в. БГИАМЗ

очагом новой социально-политической системы, становится системообразующим центром для тяготеющего к ней региона. Развитие городской цивилизации и развитие социальной структуры общества ведет к формированию устойчивой этнополитической общности, как это произошло со средневековыми татарами.

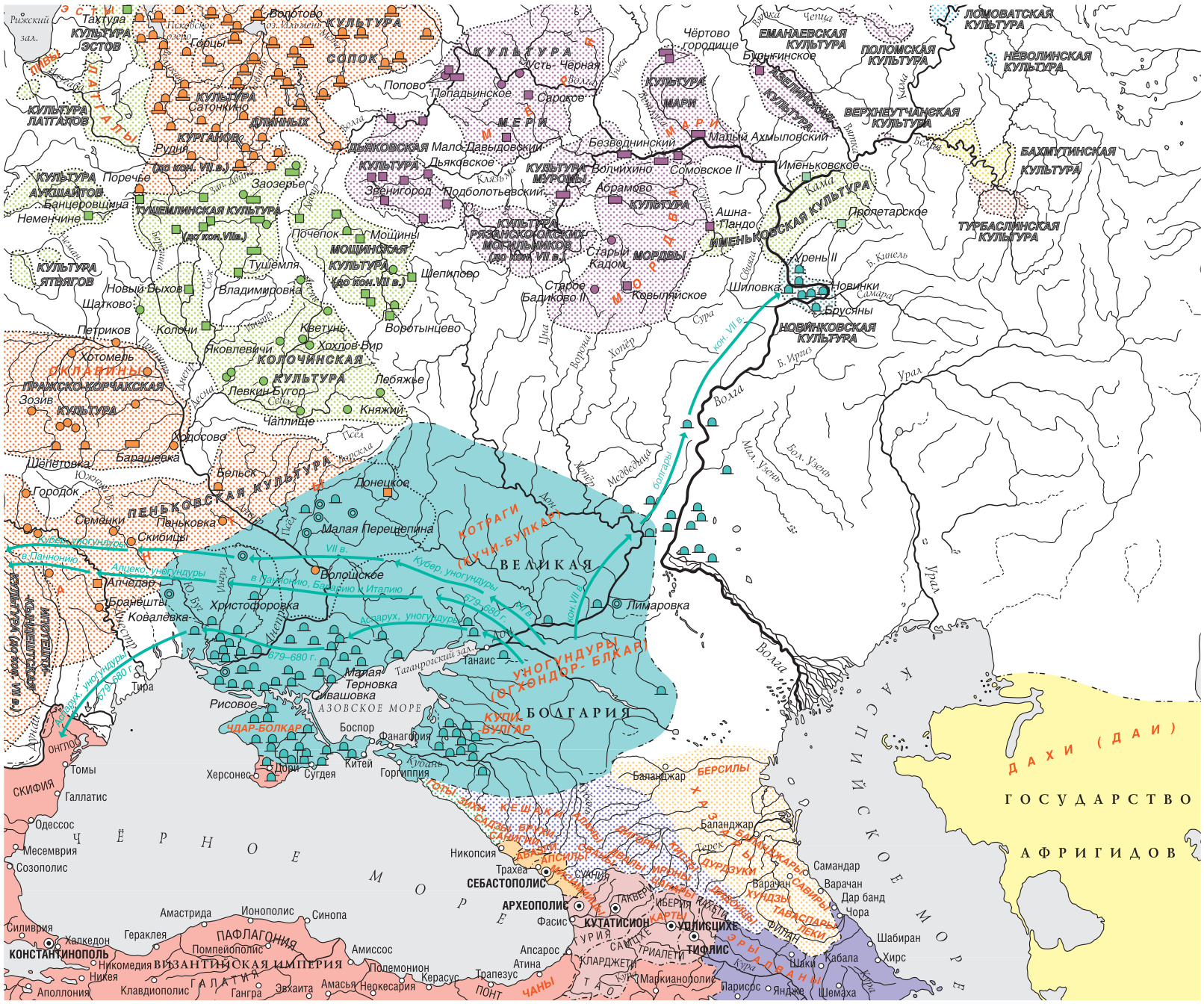
Именно благодаря возникновению и последовательному развитию городской цивилизации в Волго-Уральском регионе произошло становление тюрко-мусульманская цивилизации, определяющей облик современной Евразии.



Замки, ключи, петли из раскопок Джукетау



Азия в Каталанском атласе. 1375 г.


ВЕЛИКАЯ БОЛГАРИЯ
ГОСУДАРСТВО АФРИГИДОВ
ДАХИ (ДАИ)
КОТРАГИ (ТУЧИ-БУЛКАР)
УНОГУНДУРЫ (ОГХОНДР-БЛКАР)
КУПИ-БУЛГАР
ЧДАР-БОЛКАР
САРАГУРЫ
САВИРЫ
ТАВАСДАРЫ
ЛЕКИ
ЛИПСИМЫ
ЭРЫ
ДУРДЗУКИ
ЛИГИ
ЛЕЗГИНЫ
ХУНЗЫ
ГОТЫ
ЗИХИ
СИДЫ
БРУХИ
САНИГИЛЫ
ЛАЗЫ
ЛИЗГИНЫ
МЕРЕТЫ
ЦАНАРЫ
ЛИМЫ
ЛЕЗГИНЫ
ХУНЗЫ
ЭРЫ
ДУРДЗУКИ
ЛИГИ



Карта больших окрестностей г. Казани, 300-тысячного масштаба, составлена в 1945 г. Для своего масштаба карта очень детальна, отражает все особенности рельефа, гидрографии, сети расселения, природной растительности до водохранилищного периода. Даёт уникальный образ приволжского пространства до его кардинальной переделки

В.Н. Калуцков, П.М. Шульгин

Природный ландшафт Болгарского городища

Региональная природная ситуация

Используя терминологию великого евразийца Л.Н. Гумилева, можно утверждать, что местоположение Болгарского городища представляет собой уникальное месторазвитие для лесных и степных культур Поволжья.

Уникальность и связанное с ней природно-культурное разнообразие территории во многом предопределяется пограничностью этого места. Пограничность расположения городища проявляется на страновом, региональном и локальном уровнях рассмотрения ситуации. Болгар расположен, во-первых, на окраине природных зон (лесной и лесостепной), во-вторых, на границе распространения культур, степной и лесной, в-третьих, на стыке речных бассейнов двух крупнейших рек — Волги и Камы, в-четвертых, на пограничье высокого волжского правобережья и низменного Заволжья... И этот список можно продолжить.

В зональном отношении территория Болгарского городища располагается на границе географических зон — зоны широколиственных лесов и зоны лесостепей. Такое пограничное местоположение предопределяет значительное природное разнообразие почв, флоры и фауны территории, расширило ресурсные возможности для лесных и степных культур Поволжья.

Исходно степная болгарская культура, с одной стороны, нашла в этих местах близкие степные мотивы, а с другой стороны, вынуждена была осваивать новые лесные пространства. Тем самым, положение Болгара на границе степи и леса — на ландшафтном пограничьи представляет собой важный культурный знак, знаменуя историческую веху — культурно-хозяйственный переход — с кочевого образа жизни на оседлый, освоение навыков земледелия, развитие лесных промыслов.

Рассматриваемый район оказывается в центре природного транспортного узла, образованного в результате впадения Камы в Волгу. Такое расположение позволило древнему Болгару замкнуть на себя древние торговые пути, идущие с Европы и Урала, с одной стороны, и с Центральной России и Средней Азии, с другой. И в наше время для Болгара сохраняется выгодное транспортное положение, позволяя использовать возможности речного туризма.

На локальном уровне благоприятное разнообразие природных условий и ресурсов определяется ландшафтными контрастами — сочетание широкой камско-волжской поймы (ныне в основном затопленной водами водохранилища), волжских террас с многочисленными балками и оврагами. В исторической перспективе эрозионное расчленение территории способствовало использованию близко залегающих к поверхности земли полезных ископаемых (глины, известняка, гипса и других), что также явилось дополнительным ресурсом развития традиционных культур региона.



Вид на Городской остров — бывший Спасск — и на мост, построенный в начале XX в. в устье р. Бездны. Фото П.М. Шульгина

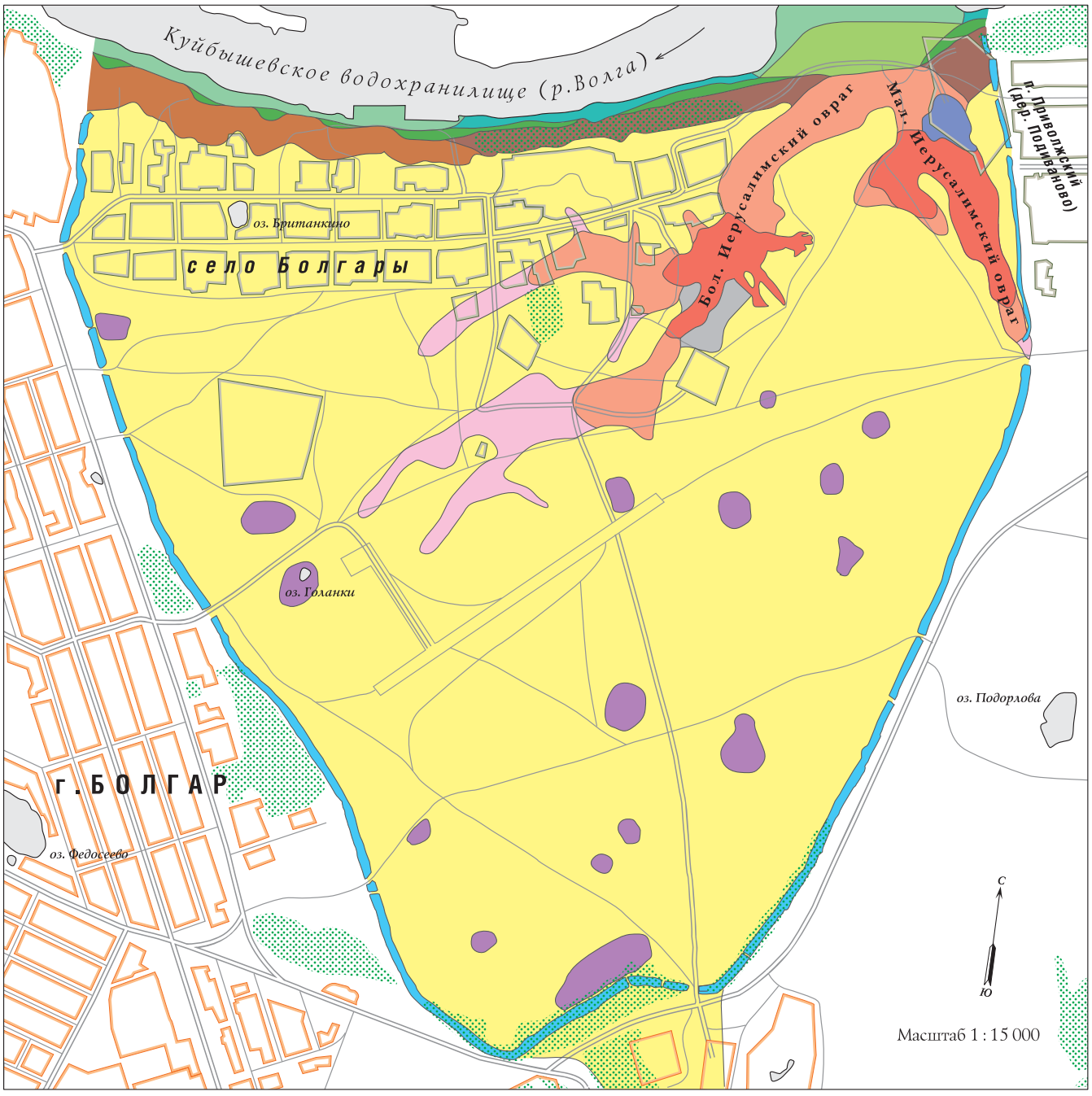
Контрастность природных ландшафтов, значительный размах высот долины Волги создает неповторимые панорамы, раздвигает визуальное восприятие территории, повышая туристскую привлекательность (аттрактивность) места.

Характеристика и эколого-культурная оценка ландшафта

Вмещающий ландшафт Болгарского городища представляет собой типичный лесостепной ландшафт с характерной морфологической структурой — овражно-балочная сеть, блюдца степных западин. Несмотря на вековые воздействия исторического хозяйствования на этой территории, включая строительство, промыслы, сельское и лесное хозяйство, морфологическая структура природного ландшафта изменена слабо. Это свидетельствует о щадящем, адаптивном характере традиционного природопользования на данной территории. Основные изменения природного ландшафта в XX веке связаны с созданием Куйбышевского водохранилища, что привело к затоплению волжской поймы и большей части первой надпойменной террасы Волги.

Ландшафт Болгарского городища состоит из двух больших групп территориальных комплексов — природных и культурных.

К природным территориальным комплексам, в возникновении и эволюции которых ос-



Природные ландшафты Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Природные территориальные комплексы

Вторая надпойменная терраса р. Волги, сложенная супесями и песками, с лугово-степной растительностью, местами под коренными дубовыми лесами и посадками березы, сосны и американского клена; частично занята исторической деревней Болгары

Суффозионные западины (с сезонными озерами) с лугово-степной растительностью, местами с влажнотравьем

Лощины с лугово-степной растительностью

Трапециевидные балки с лугово-степной растительностью с сорнотравьем

V-образные овраги с лугово-степной растительностью с сорнотравьем

Конус выноса Большого и Малого Иерусалимских оврагов с лугово-степной растительностью

Крутые склоны второй надпойменной террасы р. Волги, местами незадернованные и осыпные, с оползнями и оплывинами в нижних частях, с луговой растительностью с сорнотравьем

Крутые склоны второй надпойменной террасы р. Волги, оползневые, под вторичными лесами с лугово-степной растительностью с сорнотравьем

Фрагменты первой надпойменной террасы р. Волги, сложенной супесями и суглинками, с лугово-степной растительностью

Периодически затапливаемые песчаные пляжи водохранилища

Пляжи водохранилища (бечевник), сложенные суглинками с влажнотравно-тростниковой растительностью

Культурные территориальные комплексы

Комплекс древних земляных валов и рвов с лугово-степной, местами лесной растительностью

Ареал древнего «ямного рельефа» (антропогенного бедленда) по бортам Большого Иерусалимского оврага с луговой и сорной растительностью

Рекультивированный песчаный карьер, с посадками сосны и лугово-степной растительностью

Залесённые территории

новная роль принадлежит природным факторам и процессам, принадлежат:

— основная поверхность второй надпойменной террасы Волги;

— суффозионные западины с сезонными озерами;

— лощины;

— балки;

— овраги;

— конуса выноса эрозионных форм;

— крутые в разной степени оползневые склоны второй надпойменной террасы Волги;

— местами сохранившиеся от затопления водохранилищем фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги;

— пляжи.

Среди основных культурных территориальных комплексов, в создании которых основную роль сыграла человеческая деятельность, выделяются:

— комплекс древних валов;

— ареал древнего «ямного рельефа», происхождение которого на склонах Большого Иерусалимского оврага, связано с болгарскими и русскими промыслами;

— рекультивированный песчаный карьер.

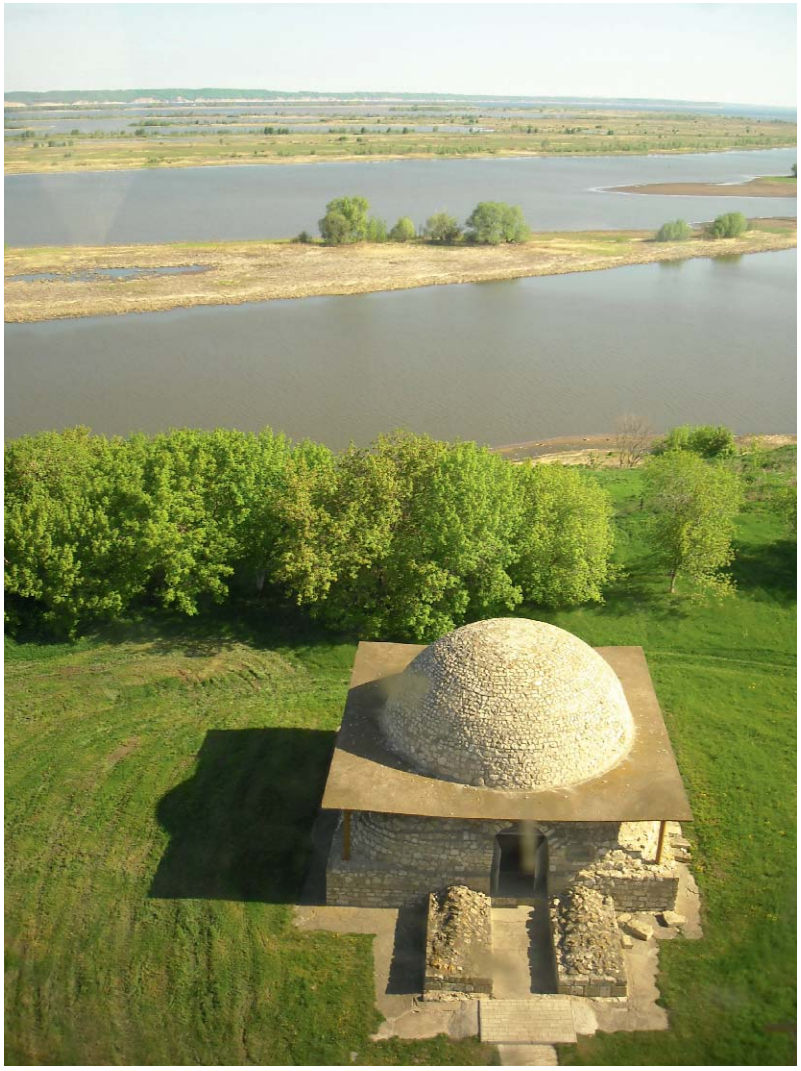
Выделенные ландшафтные территориальные комплексы характеризуются следующими особенностями:

Вторая надпойменная терраса реки Волги составляет основную часть современной территории Болгарского музея-заповедника. Практически весь он расположен в ее пределах, именно на этой террасе находится большая часть археологических и архитектурных памятников музея.

Основная поверхность этой террасы сложена супесями и песками; преобладает лугово-степная растительность, местами встречаются посадки (береза, сосна, американский клен), в южной части музея-заповедника расположен небольшой ценный массив молодого дубового леса. Однако так было не всегда. Чтобы понять природную ситуацию доболгарского освоения, достаточно посетить примыкающий к городу район озера Рабига, с его вековым широколиственным, с примесью сосны и березы, лесом. Тем самым, нынешний лугово-степной ландшафт не коренной, а вторичный. Однако это не уменьшает его культурную и эстетическую ценность.

С позиции культурного ландшафта ценность данного вторичного (антропогенного) лугово-степного ландшафта заключается в том, что он репрезентирует степной вмещающий ландшафт болгарской культуры, культуры генетически и органически связанной со степью, с кочевничеством. Тем самым он способствует формированию визуального образа степи как исходного ландшафта и как природного архетипа болгарской культуры. Кроме того, открытость пространств данной территории создает основной пейзажный фон архитектурных и археологических памятников музея-заповедника. Она обеспечивает исторически верное восприятие основных архитектурных монументов.

Экологическая ценность основной поверхности второй надпойменной террасы Волги заключается в том, что она представляет собой зону формирования сезонного стока и основной ареал лугово-степной растительности. В пределах этой территории расположено два особо ценных природных объекта:



Вид на Северный мавзолей с Большого минарета. Фото В.Н. Калуцкова

— к юго-востоку от взлетной полосы бывшего аэродрома находится экологически ценный ареал дрока красильного,

— в юго-восточной части нынешней территории музея-заповедника располагается единственный небольшой ареал восстанавливающихся коренных дубрав.

Важным элементом степного ландшафта является также небольшой ареал ковыля, который сохранился в западной части музея-заповедника. Он представляет несомненную эстетическую ценность и должен быть не только сохранен, но и по возможности увеличен, используя наработанные современные методы выращивания ковыля.

Данные природные территориальные комплексы испытывают разнообразное антропогенное давление, выражающееся в интенсивном выпасе скота, развитой сети пешеходных троп, нерегулируемых грунтовых дорог и автомобильных стоянок, вытаптывании растительности туристами и паломниками.

Учитывая, что данные территории сложены песчаными и супесчаными отложениями, они относятся к малоустойчивым. При повышении уровня воздействия и сведении травяной растительности существует значительный риск деградации под влиянием ветровой эрозии. Поэтому основные поверхности второй надпойменной террасы отнесены к проблемным территориальным комплексам, требующим первоочередных мероприятий по уменьше-



Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Опасные и неблагоприятные природные процессы, их локализация

Потенциальная ветровая эрозия и возможные суффозионные просадки грунта, основная поверхность второй надпойменной террасы р. Волги

Сезонное подтопление, суффозионные западины (степные блюдца)

Потенциальная ветровая эрозия и опасность развития новых эрозионных врезов, присетьевые склоны основной поверхности второй надпойменной террасы р. Волги

Опасность дальнейшего развития эрозионных форм (лощин и балок) в овраги, лощины и балки

Опасность дальнейшего развития оврагов (углубление) оползневая опасность по склонам, овраги

Опасность возникновения оползней по склонам, дальнейшее развитие эрозионных врезов в овраги, балка сложного профиля (нижняя часть Бол. и Мал. Иерусалимских оврагов)

Опасность возникновения и активизации оползней, склоны второй надпойменной террасы р. Волги

Опасность возникновения осыпей, эрозионных врезов и оползней, склоны второй надпойменной террасы р. Волги

Интенсивное размывание (абразия) берега, фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы р.Волги, пляж и бечевник водохранилища

Опасность возникновения, эрозионных врезов и осыпей, рекультивированный песчаный карьер

Оборонительный земляной вал

Залесённые территории

нию и перераспределению антропогенного воздействия.

Суффозионные западины (степные блюдца). Степные блюдца представляют собой характерный элемент ландшафта, широко распространенный на поверхности второй террасы (в пределах городища их встречается примерно полтора десятка). В ряде западин в весеннее время существуют озера, используемые для водопоя скота. Западины хорошо читаются на местности не только по понижению в рельефе, но по наличию в их центральной части влажнотравной растительности.

Наряду с основной поверхностью второй террасы западины также репрезентируют степной ландшафт болгарской культуры. Кроме того, в весеннее время года они способствуют повышению эстетической ценности территории. Система западин представляет собой важный компонент экологического каркаса территории, места локализации поверхностного стока.

Основное антропогенное воздействие на эти территории связано с выпасом скота. Однако при существующем уровне выпаса западины относительно устойчивы. По этой причине основное природоохранное требование в отношении суффозионных западин — постоянный экологический мониторинг.

Эрозионные формы (лощины, балки, овраги, конуса выноса). Природные территориальные комплексы эрозионных форм также являются неотъемлемой характеристикой степных и лесостепных ландшафтов. Как основные поверхности второй террасы и степные блюдца, эрозионные территориальные комплексы репрезентируют степной ландшафт болгарской культуры. За счет значительного контраста высот они способствуют повышению эстетической ценности и живописности территории.

Представлены как денудационные формы, связанные с разрушением горных пород (лощины, балки, овраги), так и аккумулятивные формы (конуса выноса). Эти природные комплексы отличаются высокой динамичностью и пониженной устойчивостью к антропогенному воздействию. Характерным примером является свежий эрозионный врез в районе колодца Габдарахмана, инициированный пешеходами. В ряду устойчивости к размыву текущими водами данные комплексы могут быть выстроены в следующий ряд (по понижению устойчивости): конус выноса — лощина — балка — овраг. Поэтому овраги отнесены к проблемным комплексам, а лощины и балки — к потенциально проблемным комплексам.

Днища балок, реже посещаемые скотом и лучше увлажненные, благоприятны для произрастания сорной растительности (крапива, лопух, подрост американского клена), что снижает эстетическую ценность территории и требует дополнительных мероприятий по их выкашиванию.

Среди положительных моментов укажем на то, что почти все эрозионные формы на территории музея-заповедника задернованы, свежие эрозионные врезы отсутствуют (нами отмечен только один врез, о котором написано выше). Кроме того, для правых отвершков Большого Иерусалимского оврага проведены



Озеро Рабига (Мочишное). Фото В.Н. Калуцкова

противоэрозионные мероприятия (канализация стока и бетонирование верхних частей врезов). В районе колодца Габдарахмана, где активна дорожно-тропиночная эрозия, осуществлены противоэрозионные посадки и сооружены фашины из прутьев. Все эти объекты могут и должны быть использованы, как положительный пример, при проведении экологически ориентированных экскурсий.

Эрозионные комплексы представляют собой важный компонент экологического каркаса, зону формирования и транзита сезонного стока, местообитания норных животных. Конус выноса оврагов Большого и Малого Иерусалимских — единственный крупный конус выноса на территории музея-заповедника.

Склоны второй надпойменной террасы Волги. Выделяются склоны двух типов — оползнево-осыпные и оползневые.

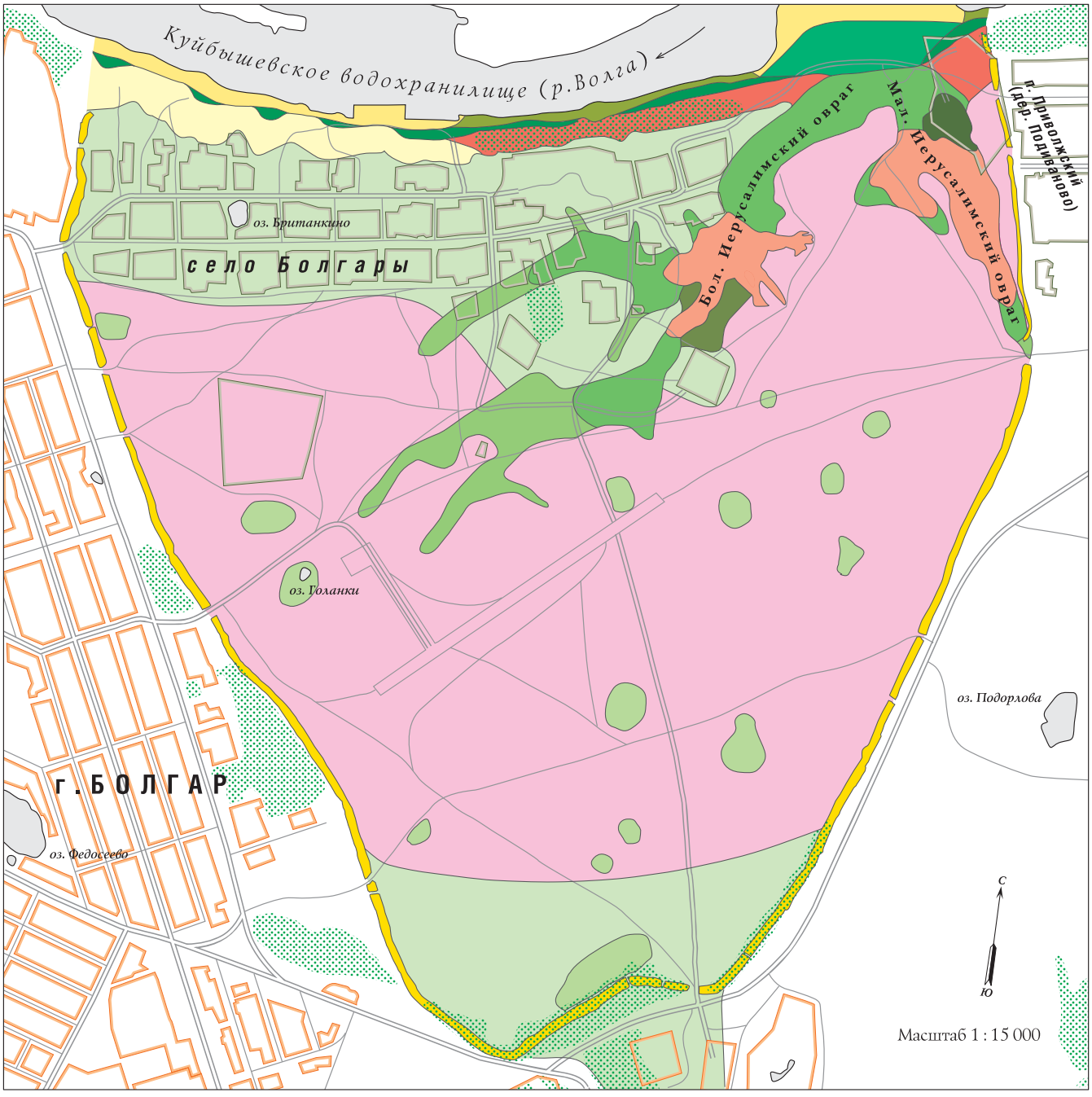
В северо-западной части музея-заповедника (под западной частью деревни Болгары) встречаются крутые склоны второй надпойменной террасы Волги оползнево-осыпного типа, представляющие собой чередование цирков, в нижней части которых видны тела оползней и оплывин. Местами, в самых крутых частях, они не задернованы, и потому здесь развиваются осыпные процессы.

В северной части музея-заповедника, непосредственно под его центром, встречаются склоны второй надпойменной террасы Волги оползневого типа, крутые, оползневые, под вторичной лесной растительностью, лугово-степной растительностью и сорнотравьем.

По опросам местных жителей, оползни в районе музея сходят регулярно. По этим причинам данные склоновые природные территориальные комплексы отнесены к неустойчивым. С этим же обстоятельством связан их проблемный характер, принципиальная невозможность их использования под строительство каких-либо объектов, но при этом склоновые комплексы представляют собой важный элемент экологического каркаса территории, способствуют повышению ее эстетической ценности.

Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги сохранились в виде узкой полосы, протягивающейся над пляжами водохранилища. Именно на этой террасе находится кафе в районе пристани музея-заповедника.

Пляжи водохранилища. Выделяются пляжи двух типов — песчаные и суглинистые, т.н. бе-



Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Территориальные комплексы. Современные антропогенные воздействия. Устойчивость территориальных комплексов к антропогенным воздействиям

Проблемные территориальные комплексы, требующие первоочередных мероприятий по уменьшению антропогенного воздействия

Вторая надпойменная терраса р. Волги, сложенная супесями и песками, с лугово-степной растительностью, местами под коренными дубовыми лесами и посадками березы, сосны и американского клена. Интенсивный выпас скота, сеть автомобильных грунтовых дорог и пешеходных троп, нерегулируемые автомобильные стоянки, вытаптывание. При повышении уровня воздействия малоустойчив со значительным риском деградации и развития ветровой эрозии

V-образные овраги с лугово-степной растительностью с сорнотравьем. Выпас скота, противоэрозионные мероприятия. При усилении воздействия существует опасность активизации водной эрозии

Крутые оползневые склоны второй надпойменной террасы р. Волги под вторичными лесами с лугово-степной растительностью с сорнотравьем. Тропиночная сеть. Не устойчив

Потенциально проблемные территориальные комплексы, нуждающиеся в регулировании антропогенного воздействия

Крутые склоны второй надпойменной террасы р. Волги, местами незадернованные и осыпные, с оползнями и оплывинами в нижних частях, с луговой растительностью с сорнотравьем. Выпас скота. Не устойчив

Периодически затапливаемые песчаные пляжи водохранилища. Зона пляжной рекреации. Не устойчив

Комплекс древних земляных валов и рвов с лугово-степной, местами лесной растительностью. Выпас скота, пикники, стихийные свалки, бытовое изъятие грунта. Относительно устойчив; при усилении антропогенного воздействия существует опасность деградации рельефа

Территориальные комплексы, нуждающиеся в постоянном экологическом мониторинге

Вторая надпойменная терраса р. Волги, сложенная супесями и песками, с лугово-степной растительностью, местами под коренными дубовыми лесами и посадками березы, сосны и американского клена. Селитебная территория (д. Болгары, огороженная территория музея), выпас скота. Относительно устойчив

Суффозионные западины (с сезонными озерами) с лугово-степной растительностью, местами с влажнотравьем. Интенсивный выпас скота. При существующем уровне воздействия относительно устойчив

Лощины с лугово-степной растительностью. Интенсивный выпас скота. Относительно устойчив

Трапециевидные балки с лугово-степной растительностью с сорнотравьем. Выпас скота. При существующем уровне воздействия относительно устойчив

Конус выноса Большого и Малого Иерусалимских оврагов с лугово-степной растительностью. Автомобильная дорога. Относительно устойчив

Фрагменты первой надпойменной террасы р. Волги, сложенной супесями и суглинками, с лугово-степной растительностью. Тропиночная сеть. Относительно устойчив

Пляжи водохранилища (бечевник), сложенные суглинками с влажнотравно-тростниковой растительностью. Рыбалка. Относительно устойчив

Ареал древнего «ямного рельефа» (антропогенного бедленда) по бортам Большого Иерусалимского оврага с луговой и сорной растительностью. Тропиночная сеть. Относительно устойчив

Рекультивированный песчаный карьер, с посадками сосны и лугово-степной растительностью. Выпас скота. Относительно устойчив

Залесённые территории



Цветущий дрок красильный. Фото В.Н. Калуцкова

чевник. Первые усиливают рекреационную ценность территории, а вторые — экологическую, являясь убежищем для некоторых видов животных и птиц.

Комплекс древних валов. Для комплекса древних валов существует местный топоним — Валки. Так называют западную часть валов городища, примыкающую к городу. Валки — уникальное свидетельство («память места») о золотоордынском этапе жизни Болгара, усиливающее аутентичность Болгарского культурного ландшафта.

Эти места представляют собой излюбленное место городского отдыха, проведения пикников. Кроме пикников, сопровождающихся стихийными свалками, для этих территорий характерен выпас скота и, что вызывает особую обеспокоенность, бытовое изъятие грунта.

Ареал древнего ямного рельефа (антропогенный бедленд, или экологически нарушенные территории) распространен в средней части оврага Большой Иерусалимский. Его образование связано с добычей глины и производством знаменитого болгарского кирпича в золотоордынский период, а также развитием поташного производства в русский период. На территории ведутся раскопки, по окончании которых древние печи должны быть музеефицированы и стать одним из объектов эколого-культурных экскурсий.

Песчаный карьер. Рекультивированный песчаный карьер, расположенный в северо-восточной части музея-заповедника (с посадками сосны и лугово-степной растительностью) должен быть использован в природоохранных экскурсиях в качестве примера эффективной экологической деятельности (наряду с недалеко расположенными рекультивированными оврагами).

Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского городища. Среди опасных и неблагоприятных природных процессов выделяются: водная эрозия, ветровая эрозия (дефляция), суффозионные просадки грунта, сезонное подтопление, оползневые процессы, осыпи, абразия (размывание берега).

Для водораздельных поверхностей второй надпойменной террасы Волги возможны суффозионные просадки грунтов и потенциальная (при условии сведения или засыхания луговой растительности) ветровая эрозия, учитывая песчаные и супесчаные составы грунтов. Для присетьевых (прилегающих к оврагам и балкам) склонов второй надпойменной террасы Волги, помимо потенциальной ветровой эрозии, возможны и процессы водной эрозии.

Процессы сезонного подтопления характерны для суффозионных западин и связаны с образованием сезонных озер после таяния снега.

Процессы водной эрозии разной степени интенсивности типичны для эрозионных форм территории — лощин, балок и оврагов.

Оползневые процессы наиболее активно протекают по склонам второй террасы, обращенным к водохранилищу. Кроме этого, небольшие оползни возможны в средней и нижней частях Большого и Малого Иерусалимских оврагов в связи с выходом в этих местах глин.

Абразионные процессы характерны для пляжей водохранилища.



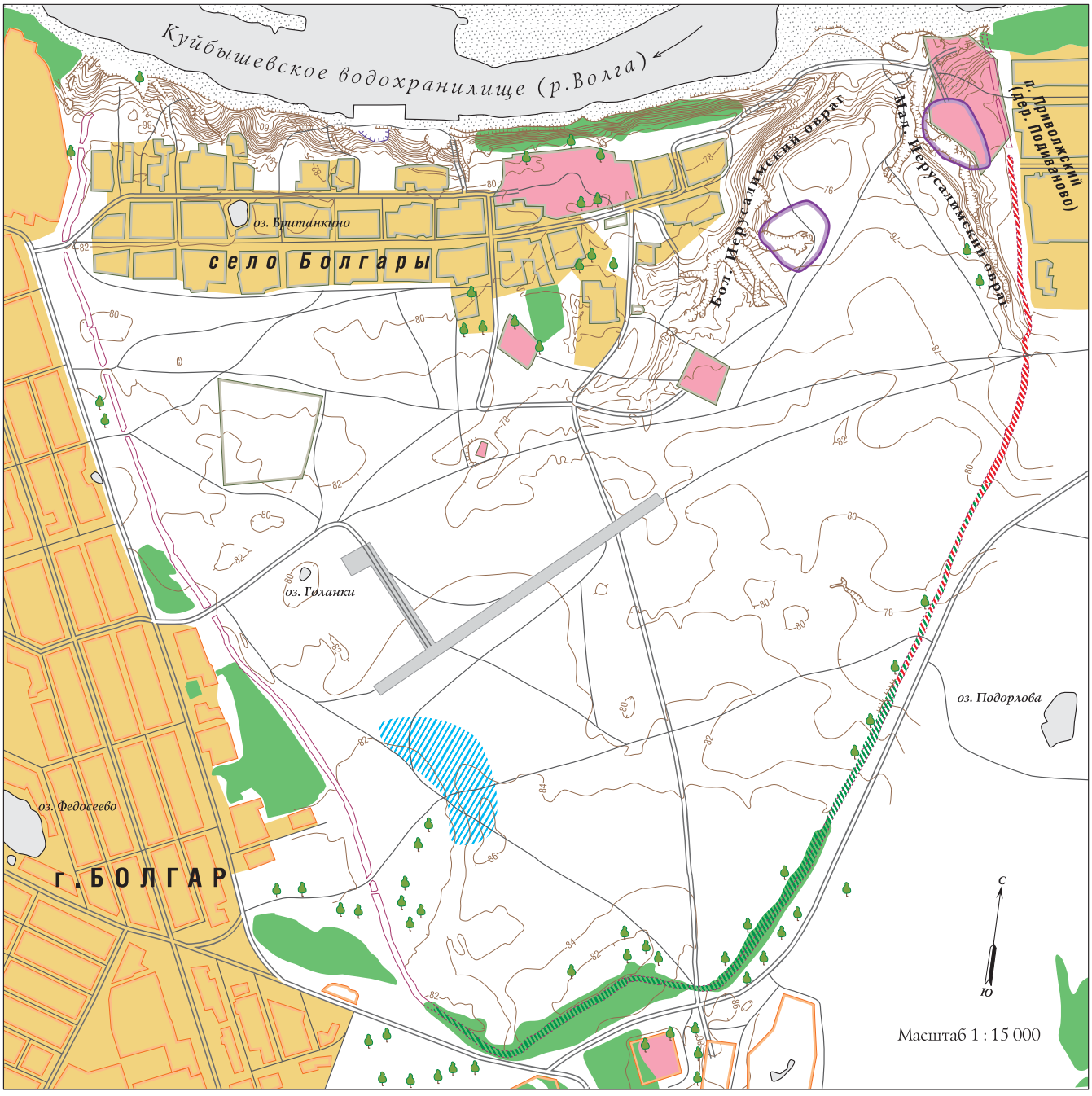
Естественный массив ковыля. Фото В.Н. Калуцкова

Карта опасных и неблагоприятных природных процессов на территории музея-заповедника может дать характеристику устойчивости территориальных комплексов.

Современная территория музея-заповедника испытывала и испытывает разнообразные антропогенные воздействия: строительство, разработка полезных ископаемых, воздействие в связи с функционированием поселения и служб самого музея-заповедника, рекреационные воздействия туристов и жителей (грунтовые и пешеходные дороги, стихийные стоянки), выпас скота и т.д. При этом эти воздействия распространены по территории неравномерно. Наиболее интенсивное влияние выпаса скота и вытаптывание растительности паломниками и туристами приходится на центральную часть музея-заповедника.

С другой стороны, как показало ландшафтное картирование, территория обладает значительной ландшафтной неоднородностью, а сами ландшафтные комплексы обладают разной устойчивостью к одному и тому же хозяйственному фактору.

Таким образом, сочетание наиболее интенсивного антропогенного воздействия, с одной стороны, и неустойчивости территориальных комплексов — с другой, позволяет выявить территории, которые являются *проблемными*. К ним относятся большая часть территории основной поверхности второй надпойменной террасы Волги, овраги и крутые оползневые склоны основной поверхности второй надпойменной террасы Волги.



Экологически ценные природные объекты на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Ареалы произрастания

дрока красильного

дуба

ковыля

Территории оврагов и эрозионных врезов с противоэрозионными мероприятиями

Селитебные территории

Территории наиболее интенсивно используемые музеем-заповедником

Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

Оборонительный земляной вал

Проблемность природных комплексов второй надпойменной террасы связана со значительным перевыпасом скота и потенциальной неустойчивостью песчаных и супесчаных отложений и породам, подверженных ветровой эрозии.

Проблемность оврагов связана с их неустойчивостью в отношении к водной эрозии.

Проблемность крутых оползневых склонов основной поверхности второй надпойменной террасы Волги определяется постоянным риском проявления оползневых процессов.

Вторая группа территориальных комплексов отнесена к *потенциально проблемным*. Риски усиления негативных природных процессов для этих территорий связаны с перспективой усиления антропогенного воздействия. Отдельно отметим неблагоприятную ситуацию

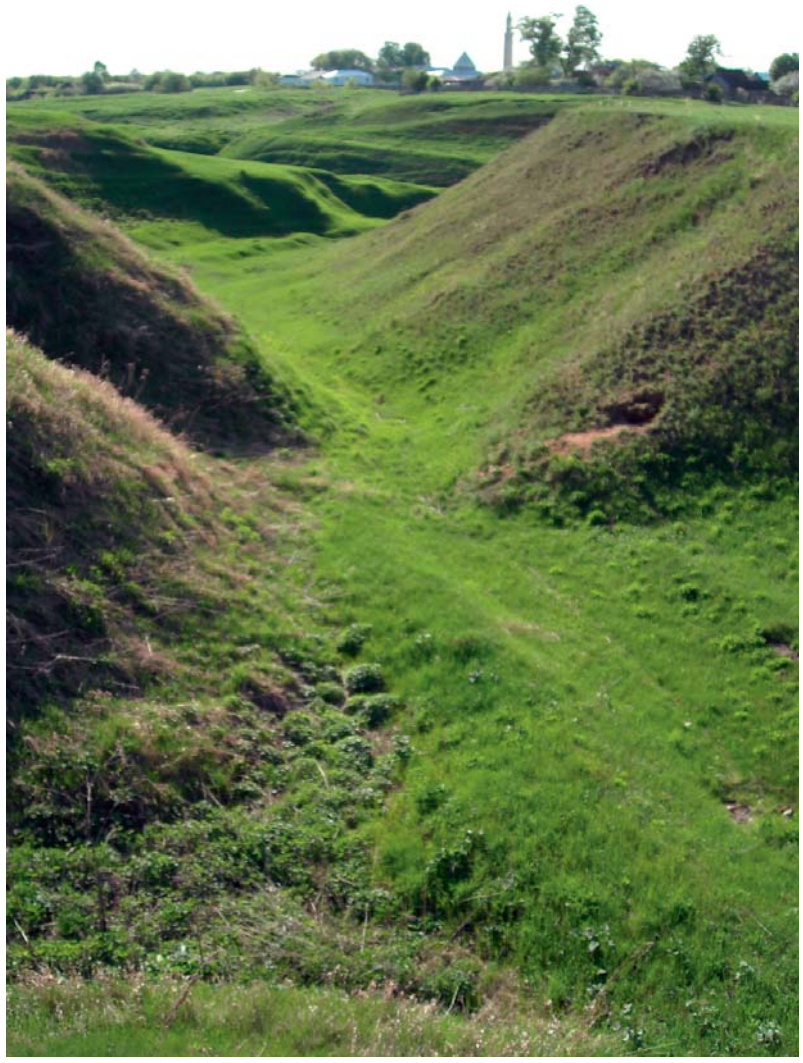


Дуб на Болгарском городище.
Фото В.Н. Калуцкова

с комплексом древних земляных валов и рвов, которые нередко используется местными жителями в бытовых целях (изъятие грунта, стихийные свалки).

Третья и наиболее многочисленная группа территориальных комплексов отнесена к нуждающимся в постоянном экологическом мониторинге.

Экологически ценные природные объекты на территории Болгарского городища. Экологически ценные природные объекты музея-заповедника были выявлены в результате рекогносцировочного обследования территории в мае 2009 г. Карту этих объектов нужно рассматривать как исходную. Для выявления новых объектов нужны специальные экологические (фаунистические и флористические) исследования.



Правый задернованный отвершек оврага Большой Иерусалимский. По правому борту оврага видна нора.
Фото В.Н. Калуцкова

К экологически ценным природным объектам относится три ареала растений — дрока красильного, ковыля и молодая дубрава. Дрок и ковыль — важные элементы степного ландшафта. Ареал зарослей дрока красильного расположен к юго-востоку от аэродрома. В других местах музея-заповедника дрок регулярно встречается, но в единичных экземплярах. Особенно он красив в период цветения.

Единственный ареал ковыля на территории музея-заповедника находится в его северо-восточной части, в основном ковыль произрастает на древних валах. В юго-восточной части, недалеко от Малого городка, расположен небольшой, единственный на нынешней территории музея-заповедника массив молодого дубового леса.

К экологически ценным объектам относятся также объекты, демонстрирующие позитивные примеры взаимоотношений человека и природы. На территории музея-заповедника к ним принадлежат: система противоэрозионных мероприятий на правом отвершке Большого Иерусалимского оврага, система противоэрозионных мероприятий в районе колодца Габдарахмана, а также рекультивированный песчаный карьер.

Характеристики экологической и эстетической ценностей ландшафта музея-заповедника сведены в таблицу.

Экологические и культурно-эстетические ценности ландшафта Болгарского городища

№ Территориальные комплексы (природные и культурные) и их местоположение на территории музея-заповедника	*Экологическая и культурно-эстетическая ценность природных и культурных территориальных комплексов*	
	Природные территориальные комплексы	
1. Основные поверхности второй надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и песками, под лугово-степной растительностью, местами под посадками березы, сосны, американского клена и коренными дубовыми лесами	Основная по площади территория музея-заповедника: зона формирования сезонного стока и основной ареал лугово-степной растительности (к юго-востоку от аэродрома расположен экологически ценный ареал дрока красильного, а в юго-восточной части — массив молодого дубового леса)	Репрезентирует степной (вмещающий) ландшафт болгарской культуры. Представляет собой основной пейзажный фон архитектурных и археологических памятников
2. Суффозионные западины с сезонными озерами с лугово-степной растительностью и местами с влажнотравьем	Важный элемент экологического каркаса, неотъемлемая составляющая степного ландшафта	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры. В весеннее время года способствуют повышению эстетической ценности территории; места сезонного водопоя скота
3. Лощины с лугово-степной растительностью (центральная и северо-восточная части музея-заповедника)	Зона формирования и транзита сезонного стока	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры
4. Балки, трапециевидные, с лугово-степной растительностью и сорнотравьем (центральная и северо-восточная части музея-заповедника)	Зона транзита сезонного стока	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры. Способствуют повышению эстетической ценности территории
5. Овраги, V-образные, задернованные (северо-восточная часть музея-заповедника)	Зона транзита сезонного стока, местообитания норных животных; примеры действенности противоэрозионных мероприятий	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры. За счет значительного контраста высот способствуют повышению эстетической ценности территории
6. Конус выноса оврагов Б. и М. Иерусалимских, задернованный	Уникальный природный территориальный комплекс для музея-заповедника	
7. Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, местами незадернованные и осыпные, с оползнями и оплывинами в нижних частях, под луговой растительностью и сорнотравьем (северо-западная часть музея-заповедника)	Важный элемент экологического каркаса	Способствуют повышению эстетической ценности территории
8. Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, оползневые, под вторичной лесной растительностью, лугово-степной растительностью и сорнотравьем (северная часть музея-заповедника)	Важный элемент экологического каркаса	
9. Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и суглинками, под лугово-степной растительностью (северная часть музея-заповедника)	Элемент экологического каркаса	Представляет собой «память места» о ситуации до затопления территории водохранилищем
10. Пляжи водохранилища, песчаные, периодически затопляемые (северо-западная часть музея-заповедника)		Способствуют повышению рекреационной ценности территории
11. Пляжи водохранилища (бечевник), суглинистые, с влажнотравно-тростниковой растительностью (северная часть музея-заповедника)	Убежище для некоторых видов птиц и животных	Способствуют повышению эстетической ценности территории
	Антропогенные территориальные комплексы	
12. Комплекс древних земляных валов и рвов с лугово-степной и местами лесной растительностью	Единственный ареал ковыля на территории музея-заповедника (северо-восточная часть музея-заповедника)	Уникальное свидетельство («память места») о золотоордынском этапе жизни Болгара
13. Ареал древнего «ямного рельефа» (антропогенного бедленда) по бортам оврага Б. Иерусалимский с луговой и сорной растительностью	Обладает большой историко-культурной ценностью	Свидетельство о развитии кирпичного и поташного промыслов в золотоордынский и русский периоды жизни Болгара
14. Песчаный карьер, рекультивированный, с посадками сосны и лугово-степной растительностью	Пример современной экологической деятельности	

П.Н. Старостин

История Волго-Камья в древности

Район Болгарского городища и прилегающей к нему территории был заселен человеком с глубокой древности. Это во многом объясняется природными условиями. Широкая долина Волги с массой пойменных озер и прилегающих к ним лесов всегда привлекала к себе рыболовов и охотников. Луга и участки степей издавна давали возможность заниматься скотоводством; плодородные почвы позволяли развивать земледелие; выходы кремня в Сюкеевских обнажениях были прекрасной сырьевой базой для развития кремневой индустрии; болотные руды способствовали развитию металлургии железа.

Наиболее ранние памятники рассматриваемого региона относятся к эпохе мезолита. В районе урочища Ага-Базар и бывшего Степного озера зафиксирована серия памятников эпохи неолита и бронзы. Эти поселения ныне затоплены Куйбышевским водохранилищем. Казанскими археологами в течение 1961—1981 гг. в этой зоне собрана интересная и разнообразная коллекция орудий труда, оружия, украшений, принадлежностей костюма и керамики того отдаленного времени.

Ряд находок может быть отнесен к периоду раннего железа. С территории самого Болгарского городища происходят поздние римские монеты, найденные в разное время. К сожалению, недостаточно точная паспортизация этих находок не позволяет связать их с каким-то определенным археологическим объектом.



Нуклеусы и пластины. Поздний мезолит. VI–V тыс. до н.э. Кабы-Копрынская стоянка (Апастовский р-н ТАССР). АЭ ИЯЛИ КФАН СССР, 1961 г.



Сосуд. Неолит, волго-камская культура. V–IV тыс. до н.э. Лебединская II стоянка (с. Лебедино, Алексеевский р-н ТАССР). АЭ ИЯЛИ КФАН СССР, 1963 г.

Среди случайных находок из Болгар следует отметить бронзовую литую привеску в виде стилизованного изображения конька. По форме, технике изготовления и орнаментации привеска аналогична украшениям с памятников азелинского типа, обычно датируемым III–VI вв.

Позднепьяноборские (или азелинские) памятники на правобережье низовий Камы представлены серией могильников. Позднепьяноборские (азелинские) племена расселялись и по правому берегу Волги. Следует упомянуть находки с Кузькинского селища, открытого в Алексеевском р-не ТАССР. Вещи азелинского типа обнаружены на Базяковском взвозе в низовьях р. Ахтай, на Маклашеевском II городище, а также в окрестностях Болгар.

А.М. Ефимова упоминает о находках керамики в урочище Борки, расположенном на правом берегу р. Меленки. Она считает керамику урочища Борки и Бабьего бугра аналогичной. В 1964 г. в 5 км к северо-западу от Успенской церкви на вышедшем из-под воды останце надлуговой террасы удалось собрать фрагменты лепных слабопрофилированных сосудов, иногда украшенных на шейке неглубокими круглыми ямками. В тесте — примесь толченых раковин. Все изложенное позволяет предполагать, что отдельные группы азелинского поселения



Наконечники дротиков. Неолит. V–III тыс. до н.э. Кремень. Вверху: Казанская губерния. Слева: стоянка «Сорочьи Горы» (Лаишевский уезд Казанской губ.). Коллекция ОАИЭ. Справа: Майданские I находки (Свияжский уезд Казанской губ.). Коллекция А.Ф. Лихачева

выходили на край левого берега Волги и Камы, в том числе и в районе Болгарского городища. Малочисленность азелинских предметов и керамики говорит о том, что пребывание этого населения в рассматриваемом регионе было кратковременным. Оно датируется III–V вв.

В середине I тыс. н. э. прибрежная территория Болгарского городища была занята поселениями именьковской культуры. Два из них, по-видимому городища, располагались на Коптеловом и Бабьем буграх. К городищам примыкал ряд селищ. Об этом свидетельствуют отдельные фрагменты именьковской посуды, встреченные на других участках Болгарского городища. Но культурные напластования этих селищ, вероятно, полностью переработаны интенсивным строительством средневековья.



Застежка эполетообразная. Азелинская культура. IV в. Сюкеевский («Чачлы-Кул») могильник (Камско-Устьинский р-н ТАССР). Коллекция ОАИЭ



Подвеска шумящая. Азелинская культура. V в. н.э. С.Именьково (Лаишевский р-н ТАССР). АЭ ГОМ ТАССР, 1987 г.

Расположение поселений группами, иногда включавшими по два городища и пять-семь селищ, типично для именьковской культуры. Судя по площади селищ и их количеству, основная жизнь носителей именьковской культуры протекала на селищах. Городища, вероятно, использовались как укрытия в период опасности и как места хранения припасов. Но на площадках городищ какие-то группы населения проживали постоянно, не случайно поэтому культурные слои на них значительны. Существование двух городищ на рассматриваемой ограниченной территории именьковских поселений в настоящее время объяснить трудно. Возможно, что вначале было устроено небольшое городище на Бабьем бугре, и лишь с течением времени возведено городище на Коптеловом бугре.

До недавнего времени памятники интересующего нас круга всеми археологами относились к так называемой позднегородецкой, или послегородецкой, культуре, генетически связанной с памятниками городецкого типа. Исследователи полагали, что в середине I тыс. н. э. в связи с распространением пашенного земледелия значительная часть позднегородецкого населения перешла на левый берег Волги и расселилась на востоке до среднего течения р. Белая. Этническая принадлежность памятников определялась как финно-угорская, в частности, мордовская.

Но в связи с накоплением материалов, открытием новых поселений этого круга и осмыслением полученных источников взгляд на них изменился. В.Ф. Генинг предложил выделить исследуемые памятники в самостоятельную культуру, получившую название именьковской по первому, наиболее полно изученному городищу около с. Именьково Лаишевского р-на ТАССР.

Территория памятников именьковского типа занимает широкий регион от средней Суры до уфимского течения Белой, от низовьев Камы до Самарской Луки. Только на территории Татарии нами учтено более 350 памятников именьковской культуры, преимущественно городищ и селищ. Ведущую роль в хозяйственной жизни населения, оставившего памятники именьковского типа, играло пашенное земледелие с применением железных ральников. Следует отметить железные слабоизогнутые серпы, косы-горбуши, каменные жернова. Анализ остеологических находок позволяет

утверждать, что это население занималось и домашним скотоводством. Роль охоты и рыбной ловли отходила на второй план. Разнообразный набор орудий труда, инструментов, остатки сыродутных горнов, а также отходы производства (шлаки и крицы) свидетельствуют об успехах в развитии металлургии железа.

Могильников именьковской культуры известно немного: Рождественский II в низовьях р. Меша в Лаишевском р-не ТАССР, Маклашеевский IV в низовьях р. Утка, левого притока Волги, в Куйбышевском р-не ТАССР, и Богородицкий в низовьях р. Брыска, правого притока Волги, в Лаишевском р-не. Кроме того, обнаружены одиночные захоронения. Погребальный обряд могильников характеризуется сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков сожжения в небольшие ямы, наличием в ямах сосудов, не являвшихся урнами.



Горшки. Именьковская культура. V–VII вв. Рождественский II могильник, погребение 1 (Лаишевский р-н ТАССР). АЭ ИЯЛИ КФАН СССР, 1961 г.



Наральники. Именьковская культура. V–VII вв. Д. Ташкирмень (Лаишевский уезд Казанской губ.). Коллекция ОАИЭ.

Многие проблемы, связанные с происхождением именьковской культуры, ее этнической принадлежностью и историческими судьбами, остаются дискуссионными. А.П. Смирнов и другие исследователи полагали, что значительная часть носителей именьковской культуры влилась в состав населения Волжской Болгарии и растворилась в нем. Они исходили из того, что на многих поселениях между напластованиями именьковского времени и слоями Волжской Болгарии нет стерильных прослоек. Однако встречающееся во многих случаях взаимопроникновение материала можно объяснить переработкой нижележащих слоев в результате последующей жизнедеятельности. Есть немало примеров таких поселений, на которых нет стерильных прослоек даже между горизонтами эпохи бронзы и средневековья.



Наральник. Именьковская культура. V–VII вв. Д. Ташкирмень (Лаишевский уезд Казанской губ.). Коллекция ОАИЭ.

Говорить конкретно о преемственности памятников именьковского типа и волжских болгар на территории Болгарского городища пока нет оснований, так как между именьковскими памятниками и болгарскими существует хронологический разрыв. Верхнюю дату именьковской культуры мы относим к VII в. н. э. Болгарские поселения, в том числе поселения на месте Болгарского городища, содержат материал, датирующийся временем начиная с грани IX–X вв. Известную на памятниках волжских болгар раннего периода лепную плоскодонную посуду горшковидных форм с примесями в тесте шамота, украшенную по венчику насечками, накольчатыми вдавлениями, защипами по краю или без орнамента, исследователи справедливо увязывают с салтово-маяцкими памятниками Подонья, Приазовья и Предкавказья. Поэтому генетически связывать именьковские памятники с волжскими болгарами пока нет оснований.



Серпы. Именьковская культура. V–VII вв. Лаишевский уезд Казанской губернии. Коллекция ОАИЭ.

Этническая история болгар в IV–XIV вв.

Вероятная территория складывания праболгарских племён

Великая Болгария (государство Кубрата, ок. 616—660-е гг.)

Волжская Болгария в первой трети XIII в.

Дунайская Болгария при царе Симеоне (893—927 гг.)

Территории, где присутствие болгар зафиксировано письменными источниками, данными археологии и топонимии (V—XIV вв.)

Основные направления военных походов и переселений древних болгар

354 г. (?) — легендарные или недостоверные военные походы

479 г. — достоверные походы

ок. 665 г. — массовые переселения болгар и родственных им племён

Памятники археологии

древних болгар

предположительно древних болгар



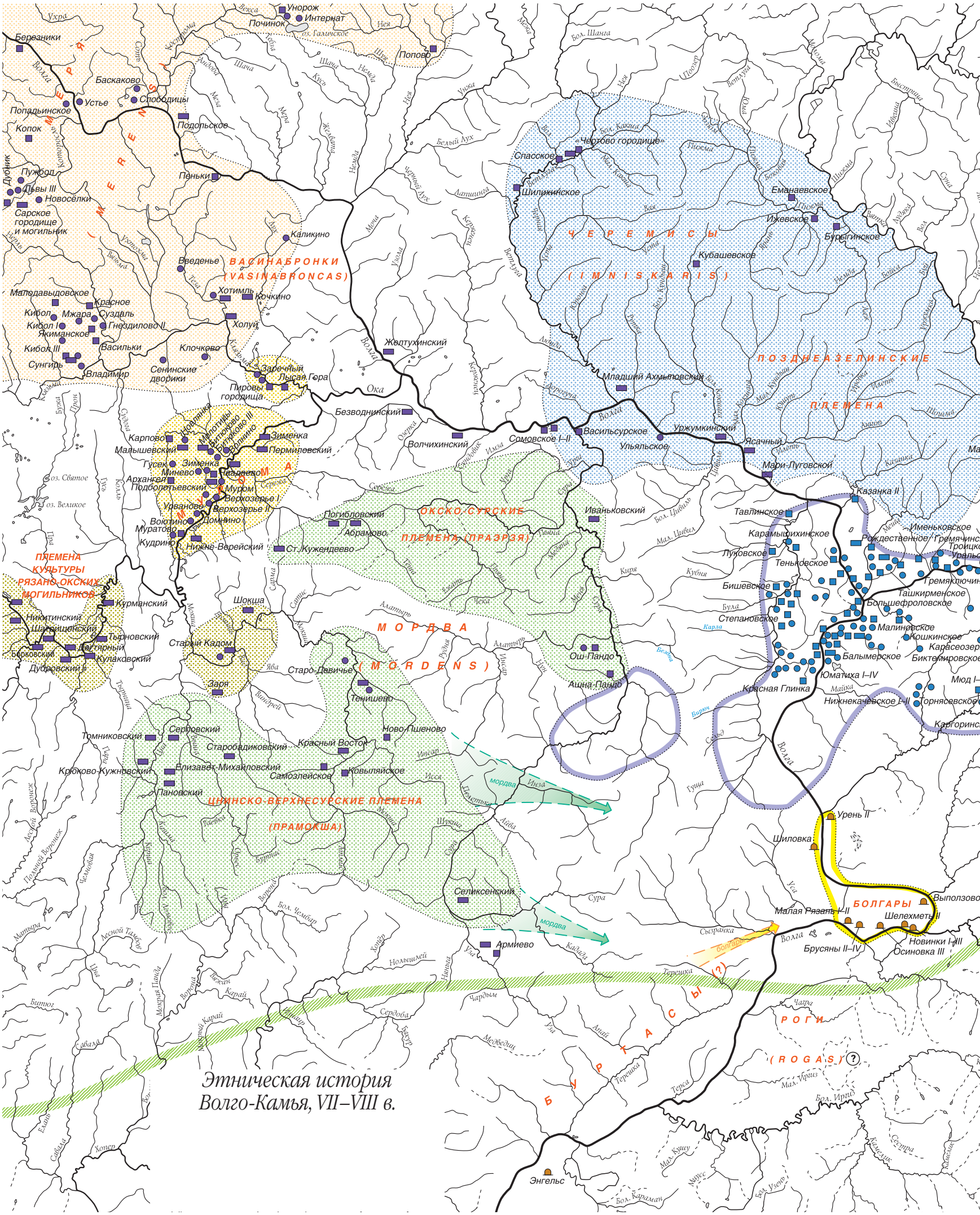
Увеличенная часть карты «Казань-1», изданной впервые Главным управлением Геодезии и картографии при СНК СССР в 1944 г.
Карта уникальна в своей детальности, подробности, точности.
Большая часть ландшафтов, показанных на карте района, отображенного в Атласе, уже не существует.
Карта зримо передает богатство традиционного пространства, еще не изменённого кардинально: леса, заливные луга, овраги, речные заводи, степные ландшафты и т.д.

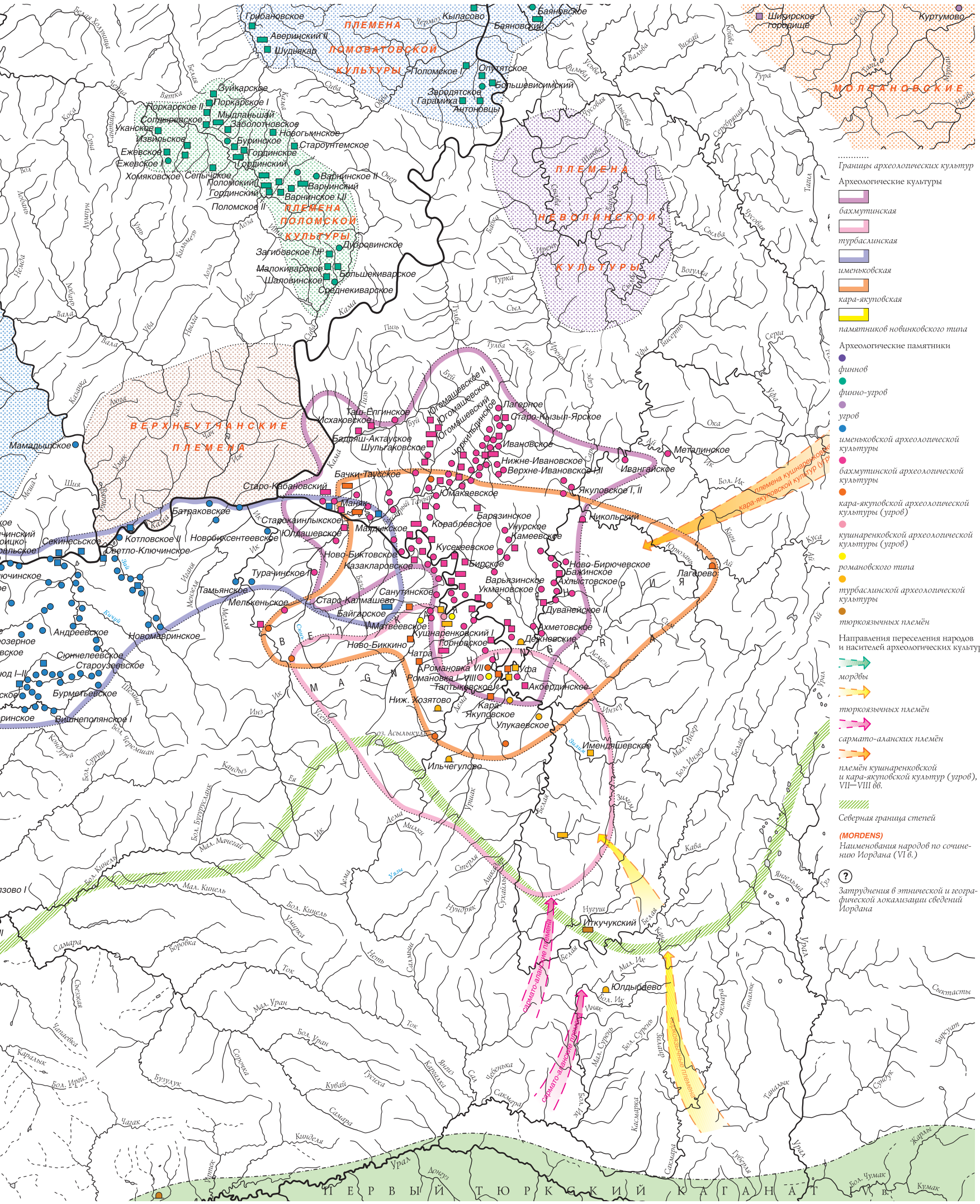

КАМА
ВОЛГА
Старая Кама
Старая Волга
Мешка
Бездна
ЛАИШЕВО
КАМСКОЕ-УСТЬЕ
КУЙБЫШЕВ
КУЙБЫШЕВСКИЙ ЗАТОН
Девятово
Среднее
Стерлитамак
Стрюково
Никольское
Смольяново
Ягодина
Рассвет
Чирпы
Сергеевский
Именьково
Елга
Богородский
Серебрячиха
Полянка
Шурган
Курманаково
Рождествено
Тангачи
Танеево
Сенгили
Карташиха
Тат. Агайбаш
Русск. Саралы
Тат. Саралы
Чулпан
Мысы
Байчуга
Ташкирмень
Макаровка
Мансуров
Табаево
Еланчино
Караганов. Сенопресс
Старая Кама
Кармалы
Архангельское-Кляри
Малаевка
Уралино
Заовражные Каратаи
Капердино
Менситово
Красн. Каратай
Ишимово
Кирельское
Мордовский Каратай
Сюкеево
Старая Волга
Заозерье
Минеевка
Тенишево
Ново-Мордово
Ново-Славка
Зеленовский
Щербеть
Болгары
Красн. Слобода
Молостовка
Три Озера
Никольское
Саксонский
Дубровка
Михайловка
Ижавец
Яснасалы
Салтыки
Мереткозино
Данышево
Баргузино
Менглячево
Антоновка
Шапкино
Литоновский
Красновидово
Бурнаси Русские
Тетеево
Астраханка
Кабан
Нармонка
Лабышка
Куюки
Новос-Георгиевский
Венера
Александровка
Середняк
Курманаково
Починок Троицкий
Мясовский
Алексеевский
Куралово
Ново-Славка
Ново-Мордово
Ташкирмень
Мансуров
Макаровка
Табаево
Еланчино
Караганов. Сенопресс
Лукьяновский
Кулугово
Ибрыш
Шилбы
Кузькино
Балахчи
Вурман-Касы
Соломцы
Бутлеровка
Лебедино
Березовая Гриза
Пичкасы
Измери
Христофоровка
Семеново
Долгоруково
Вожи
Буракаво
Каюки
Бояково
Пановка
Левашево
Ямкино
Караваево
Языково
Старосельская
Ямбухтино
Хребодаровка
Каргополь
Анкино
Нов. Салманы
Стар. Салманы
Балыкули
Нов. Нохраты
Стар. Нохраты
Сипатровка
Антоновка
Тахтала
Куралово
Кызыльяр
Екатериновка
Ардеевский
Владимирский
Ярдам
Тукай
Горки
Мартыш
Нижн. Марьян
Пановка
Ибрыш
Кулугово
Шилбы
Кузькино
Вурман-Касы
Соломцы
Бутлеровка
Лебедино
Березовая Гриза
Караваево
Ямкино
Языково
Ямбухтино
Каргополь
Нов. Салманы
Стар. Салманы
Балыкули
Нов. Нохраты
Стар. Нохраты
Сипатровка
Антоновка
Тахтала
Никольское
Три Озера
Молостовка
Красн. Слобода
Саксонский
Дубровка
Михайловка
Щербеть
Болгары
Ижавец
Зеленовский
Ново-Мордово
Ново-Славка
Тенишево
Заозерье
Кирельское
Мордовский Каратай
Сюкеево
Ишимово
Капердино
Менситово
Красн. Каратай
Заовражные Каратаи
Уралино
Малаевка
Кармалы
Баргузино
Данышево
Мереткозино
Салтыки
Яснасалы
Антоновка
Шапкино
Литоновский
Красновидово
Бурнаси Русские
Карташиха
Сенгили
Танеево
Тангачи
Рождествено
Курманаково
Тетеево
Астраханка
Кабан
Нармонка
Лабышка
Куюки
Новос-Георгиевский
Венера
Александровка
Середняк
Починок Троицкий
Мясовский
Алексеевский
Рассвет
Чирпы
Сергеевский
Именьково
Елга
Богородский
Серебрячиха
Полянка
Шурган
Ягодина
Смольяново
Стрюково
Никольское
Девятово
Среднее
Стерлитамак
Александровка
Брынка
Сабакаево
Меретлки
Рагозино
Ибрыш
Шилбы
Кузькино
Балахчи
Вурман-Касы
Соломцы
Бутлеровка
Лебедино
Березовая Гриза
Караваево
Ямкино
Языково
Ямбухтино
Каргополь
Нов. Салманы
Стар. Салманы
Балыкули
Нов. Нохраты
Стар. Нохраты
Сипатровка
Антоновка
Тахтала
Никольское
Три Озера
Молостовка
Красн. Слобода
Саксонский
Дубровка
Михайловка
Щербеть
Болгары
Ижавец
Зеленовский
Ново-Мордово
Ново-Славка
Тенишево
Заозерье
Кирельское
Мордовский Каратай
Сюкеево
Ишимово
Капердино
Менситово
Красн. Каратай
Заовражные Каратаи
Уралино
Малаевка
Кармалы
Баргузино
Данышево
Мереткозино
Салтыки
Яснасалы
Антоновка
Шапкино
Литоновский
Красновидово
Бурнаси Русские
Карташиха
Сенгили
Танеево
Тангачи
Рождествено
Курманаково
Тетеево
Астраханка
Кабан
Нармонка
Лабышка
Куюки
Новос-Георгиевский
Венера
Александровка
Середняк
Починок Троицкий
Мясовский
Алексеевский
Рассвет
Чирпы
Сергеевский
Именьково
Елга
Богородский
Серебрячиха
Полянка
Шурган
Ягодина
Смольяново
Стрюково
Никольское
Девятово
Среднее
Стерлитамак
Александровка
Брынка
Сабакаево
Меретлки
Рагозино


СЕВЕРНОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Ботнический залив
Финский залив
Ладожское озеро
Чудское оз.
Псковское оз.
Ильмень
Ботническое море
Эстерйдалиф
Даларна
Упланд
Кумадаль
Вермланд
Вестергётланд
Вестманланд
Сёдерманланд
Эстергётланд
Смоландия
Халланд
Блекинге
Сконе
Зеландия
Фюн
Ютландия
Борнхольм
Готланд
Эланд
Сааремаа
Хийумаа
Сааре
Вирумаа
Ляэне
Харьюмаа
Ляэне-Вирумаа
Пярнумаа
Вильяндимаа
Тартумаа
Валгамаа
Выруумаа
Латгалия
Видземе
Земгале
Курземе
Аукштайтия
Жемайтия
Мемельланд
Пруссия
Померания
Мекленбург
Ругиланд
Рюген
Шлезвиг
Голштиния
Фризия
Гронинген ?
Траектум (Утрехт)
Дорестад
Бремен
Хаммаб (Гамбург)
Ферден
Люнебург
Оснабрюк
Минден
Мюнстер
Падерборн
Хексельхаим
Брауншвейг
Реклар
Фрицлар
Магдебург
Кведлинбург
Гослар
Мерзебург
Цейц
Мисния
Эрфесфурт (Эрфурт)
Веймар
Фульда
Франконофурд (Франкфурт)
Ингельхайм
Августа Треверов (Трир)
Могонтиациум (Майнц)
Вормс
Шпейер
Бамберг
Нюрнберг
Регенсфлавум
Хирсау
Ульм
Аугсбург
Констанция (Констанс)
Цюрих
Сен-Галлен
Кемптен
Фрайзинг
Пассау
Ленция (Линц)
Ювавум
Петерсберг
Лорх
Тренчин ?
Девин
Нитра
Скарбантия (Сопрон)
Посониум (Пожонь)
Аррабона (Рааб)
Савария
Сальвио Мансио (Сергом)
Аквинкум
Контра Аквинкум
Альба Регия
Ставка кагана
Сегединч
Надьхедь
Солноград
Печ
Морисена
Турда
Сопиана (Квинке-Экклезия)
Сирмиум
Вецел
Белград
Сингидунум (Белград)
Земмин
Виминациум
Браница (Браничево)
Салинео
Трагурион (Трогир)
Спалатум (Салона)
Шибеник ?
Задар
Аэнона (Нин)
Сисция (Сисак)
Загреб
Целе
Поетовно
Эмона (Лайбах)
Крайнбург
Каринтия
Карнбург
Санктикум (Фиссах)
Либурния
Аквилея
Венеция
Триест
Фиуме
Пула
Зара
Одрия
Классис
Равенна
Римини
Сансагус
Аримин
Перузия (Перуджа)
Анкона
Фермо
Сполето
Герцогство Сполето
Орвиетто
Витербо
Портус
Рим
Остия
Анций
Римский дукат
Форум Аппия
Гаэта
Траектум
Дикеархия (Путеоли)
Неаполь
Капуя
Герцогство Беневенто
Беневенто
Сепонтум
Луцерия
Канны
Амальфи
Салернум
Бариум
Тарентум (Таранто)
Посидония
Велия
Буксенциум
Металлон
Брундизиум
Отранто
Гераклея
Лаус
Козенца
Фурии
Калиполь
Гиппоний
Терина
Кротон
Скиалетий
Кавлония
Мессана
Энна
Катана
Леонтины
Регий (Реджо)
Локры
Аквитания
Септимания
Нарбонская Галлия
Нарбонна
Тулуза
Арелат
Марсель
Арелатское королевство
Прованс
Бургундия
Бургундское королевство
Лотарингия
Лотарингское королевство
Аустразия
Нейстрия
Франкское королевство
Аквисгракум (Аахен)
Колония Агриппина (Кёльн)
Конфлуентес (Кобленц)
Франкфурт
Кведлинбург
Гослар
Гайле
Мерзебург
Рюсенская
Цейц
Мисния
Торнов ?
Попенщице
Будишин (Баутцен)
Прага
Градец Кралове
Кручев
Коружим
Оломоуц
Прага-Град
Велеград
Микульчице
Виндобона (Вена)
Девин
Нитра
Тренчин ?

Ранние болгары в Европе, IV—IX вв.

Веслян
Шойнаты
ВАНВИЗДИНСКАЯ КУЛЬТУРА
Ягкодж
Вис II
ФИННО-УГРЫ
ОРОНТУРСКАЯ КУЛЬТУРА
Оронтурское
ПОТЧЕВАШСКАЯ КУЛЬТУРА
Чирва II
Ликино
Усть-Вагильское
Дворниковское
Санкино
Петрово
МОЛЧАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА
Молчаново
ЛОМОВАТСКАЯ КУЛЬТУРА
Гаврятское
Зародятское
Баяновское
ЕМАНАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА
Весьякар
ПОЛОМСКАЯ КУЛЬТУРА
Карвалес
Неволино
НЕВОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА
Никольское VI
Белоозеро
Крутик
Шексна
Унорож
Уктубужское
Березники
Попадьинское
Колок
Ярославль
Дурасово
Михайловское
Ростов
Сарское
КУЛЬТУРА МЕРИ
МАРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
Ижевское
Кубашевское
Бурышинское
АЗЕЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА
ВЕРХНЕУТЧАНСКАЯ КУЛЬТУРА
Мало-Давыдовское
Суздаль
Сунгирь
Юромка
Сормовское II
ПОЗДНЯКОВСКАЯ КУЛЬТУРА
МУРОМА
МУРОМЫ
Муром
Старшее Кужендеево
МЕЩЕРА
КУЛЬТУРА МОРДВЫ
Огубское
Моцины
Серенск
Дуна
Поречье
Федяшево
Зайцево
Белокаменка
Хохлов Вир
Лебяжье
Княжий
Рябовка
Малая Перещепина
Новые Сенджары
Маяки
Жирноклеевский
Гуково
Карнаухово
Лимаровка
Семикаракоры
Мелитополь
Большой Токмак
Дмитриевка
Обрыв
Танаис
Ростов
Азовское море
Зеленокумск
Здвиженское
Заханата
Вугундыр
Михельсфельд
Борисово
Синоп
Амис
Амасия
Котиора
Неокесария
Зигана
Гераклея
Трапезунд
Ризон
Атина
Бердаграк
Ишханк
Карцберд
Вананд
Ани
Шират
Бджни
Шатберд
Артандух
Маврикаполис
Хупта
Тмогви
Самшвилде
Ахалцихе
Дманис
Вардзия
Хуцан
Лори
Севан
Ташир
Ахтала
Шамхор
Ганджа
Шамаха
Бакуу
Баку
Каспийское море
Дербент
Чир-юрт
Самандар
Варачан
Баланджар
Дарбанд (Баб ал-Абваб)
Чора
Шабран (Аш-Шабиран)
Шарван
Кабала
Шаки
Филан
Балахат
Цахур
Череми
Эрети
Рустави
Тифлис
Мцхета
Урбниси
Картли
Сарапанис
Кутаиси
Родополис
Уплисцихе
Бихлоон
Цихондиди
Такверы
Цихар
Бедия
Гиэнос
Севастополис
Археополис
Питиунт
Трахея
Цибилиум
Фасис
Петра
Апсарос
Гурия
Сваны
Двалы
Кахеты
Ирон
Дар-и Алан
Дурдзуки
Савиры
Хундзы
Тавасписпары
Текки
Хазары
Терек
Берсилы
Утигуры
Кутригуры
VI–VII вв.
Сар-огуры
Купи-булкар
Сабы
Зихи
Кешаты
Алаканы
Абазги
Брухи
Цаниды
Мисимиане
Колхида
Страна гуннов
Дешт-и-Хазар
Каспийское море
Итиль?
Хазарский
Малая Перещепина
Новые Сенджары
Маяки
Семикаракоры
Мелитополь
Большой Токмак
Дмитриевка
Обрыв
Танаис
Ростов
Азовское море
Зеленокумск
Здвиженское
Заханата
Вугундыр
Михельсфельд
Борисово
Синоп
Амис
Амасия
Котиора
Неокесария
Зигана
Гераклея
Трапезунд
Ризон
Атина
Бердаграк
Ишханк
Карцберд
Вананд
Ани
Шират
Бджни
Шатберд
Артандух
Маврикаполис
Хупта
Тмогви
Самшвилде
Ахалцихе
Дманис
Вардзия
Хуцан
Лори
Севан
Ташир
Ахтала
Шамхор
Ганджа
Шамаха
Бакуу
Баку
Каспийское море
Дербент
Чир-юрт
Самандар
Варачан
Баланджар
Дарбанд (Баб ал-Абваб)
Чора
Шабран (Аш-Шабиран)
Шарван
Кабала
Шаки
Филан
Балахат
Цахур
Череми
Эрети
Рустави
Тифлис
Мцхета
Урбниси
Картли
Сарапанис
Кутаиси
Родополис
Уплисцихе
Бихлоон
Цихондиди
Такверы
Цихар
Бедия
Гиэнос
Севастополис
Археополис
Питиунт
Трахея
Цибилиум
Фасис
Петра
Апсарос
Гурия
Сваны
Двалы
Кахеты
Ирон
Дар-и Алан
Дурдзуки
Савиры
Хундзы
Тавасписпары
Текки
Хазары
Терек
Берсилы
Утигуры
Кутригуры
VI–VII вв.
Сар-огуры
Купи-булкар
Сабы
Зихи
Кешаты
Алаканы
Абазги
Брухи
Цаниды
Мисимиане
Колхида
Страна гуннов
Дешт-и-Хазар
Каспийское море
Итиль?
Хазарский
Старое Бадиково I
Старое Бадиково II
Самозлейское
Ново-Пшеново
Армиево
Покровск
Березовка
Восход
Бородаевка
Новиковка
Политотдельское
Верхнепогромное
Бережновка
Ленинск
Покровск
Березовка
Восход
Бородаевка
Новиковка
Политотдельское
Верхнепогромное
Бережновка
Ленинск
Шиповка
Урень II
Хрящевский
Новинки
Владимирское
Брусяны
Шипово
Урал
Пролетарское
Маклашеевское II
Аш-Пандо
Ашна-Пандо
Именьковская культура
Именьковское
Старопаньчиковское
Новотумбаслы IV
Кушнаренковская культура
Уфа
Бахмутинская культура
Турбаслинская культура
Огубское
Моцины
Серенск
Дуна
Поречье
Федяшево
Зайцево
Белокаменка
Хохлов Вир
Лебяжье
Княжий
Рябовка
Малая Перещепина
Новые Сенджары
Маяки
Жирноклеевский
Гуково
Карнаухово
Лимаровка
Семикаракоры
Мелитополь
Большой Токмак
Дмитриевка
Обрыв
Танаис
Ростов
Азовское море
Зеленокумск
Здвиженское
Заханата
Вугундыр
Михельсфельд
Борисово
Синоп
Амис
Амасия
Котиора
Неокесария
Зигана
Гераклея
Трапезунд
Ризон
Атина
Бердаграк
Ишханк
Карцберд
Вананд
Ани
Шират
Бджни
Шатберд
Артандух
Маврикаполис
Хупта
Тмогви
Самшвилде
Ахалцихе
Дманис
Вардзия
Хуцан
Лори
Севан
Ташир
Ахтала
Шамхор
Ганджа
Шамаха
Бакуу
Баку
Каспийское море
Дербент
Чир-юрт
Самандар
Варачан
Баланджар
Дарбанд (Баб ал-Абваб)
Чора
Шабран (Аш-Шабиран)
Шарван
Кабала
Шаки
Филан
Балахат
Цахур
Череми
Эрети
Рустави
Тифлис
Мцхета
Урбниси
Картли
Сарапанис
Кутаиси
Родополис
Уплисцихе
Бихлоон
Цихондиди
Такверы
Цихар
Бедия
Гиэнос
Севастополис
Археополис
Питиунт
Трахея
Цибилиум
Фасис
Петра
Апсарос
Гурия
Сваны
Двалы
Кахеты
Ирон
Дар-и Алан
Дурдзуки
Савиры
Хундзы
Тавасписпары
Текки
Хазары
Терек
Берсилы
Утигуры
Кутригуры
VI–VII вв.
Сар-огуры
Купи-булкар
Сабы
Зихи
Кешаты
Алаканы
Абазги
Брухи
Цаниды
Мисимиане
Колхида
Страна гуннов
Дешт-и-Хазар
Каспийское море
Итиль?
Хазарский
Государство Михранидов
Албания
Армения
Каспийское море
Черное море
Азовское море
Хазарский каганат
Страна гуннов
Дешт-и-Хазар
Волга
Дон
Днепр
Кама
Урал
Ока
Сура
Ветлуга
Унжа
Ветлуга
Вятка
Северский Донец
Оскол
Сев. Двина
Онега
Онежское озеро
Шексна
Мста
Москва
Ока
Сура
Ветлуга
Унжа
Вятка
Кама
Урал
Дон


МЕРЯ (MERENSI)
ВАСИНАБРОНКИ (VASINABRONCAS)
ЧЕРЕМИСЫ (IMNISKARIS)
ПОЗДНЕАЗЕЛИНСКИЕ ПЛЕМЕНА
ОКСКО-СУРСКИЕ ПЛЕМЕНА (ПРАЗРЯЗЯ)
МОРДВА (MORDENS)
ЧИНСКО-ВЕРХНЕСУРСКИЕ ПЛЕМЕНА (ПРАМОКША)
ПЛЕМЕНА КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ
БОЛГАРЫ
РОГИ (ROGAS)
БУРТАСЫ (?)
«Чертово городище»
Березники
Попово
Унорож
Интернат
Починок
Баскаково
Слободицы
Устье
Попадьинское
Копок
Подольское
Пеньки
Пужбол
Дубник
Львы III
Новосёлки
Сарское городище и могильник
Каликино
Введенье
Малодавыдовское
Красное
Кибол
Мжара
Суздаль
Кибол I
Гнездилово II
Якиманское
Кибол III
Васильки
Сунгирь
Владимир
Клочково
Сенинские дворики
Холуй
Хотимль
Кочкино
Заречный
Лысая Гора
Пировы городища
Желтухинский
Безводнинский
Волчихинский
Карпово
Малышевский
Новлянка
Малютины
Битюково
Битюково III
Волынино
Зименка
Пермиловский
Гусек
Зименка
Минево
Падаево
Архангел
Подболотьевский
Муром
Верхозерье I
Верхозерье II
Урваново
Воютино
Муратово
Кудрино
Домнино
Нижне-Верейский
оз. Святое
оз. Великое
Погибловский
Абрамово
Ст. Кужендеево
Иваньковский
Ош-Пандо
Ашна-Пандо
Старо-Девичье
Тенишево
Заря
Шокша
Курманский
Никитинский
Шатрищенский
Тырновский
Борковский
Дягтярный
Кулаковский
Дубровский II
Старый Кадом
Томниковский
Серговский
Старобадиковский
Красный Восток
Ново-Пшеново
Крюково-Кужновский
Елизавет-Михайловский
Самозлейское
Ковыляйское
Пановский
Селиксенский
Армиево
Энгельс
Спасское
Шилижинское
Еманаевское
Ижевское
Бурыгинское
Кубашевское
Младший Ахмыловский
Васильсурское
Сомовское I–II
Ульяльское
Уржумкинский
Ясачный
Мари-Луговской
Казанка II
Тавлинское
Карамышихинское
Луковское
Теньковское
Бишевское
Степановское
Балымерское
Юматиха I–IV
Красная Глинка
Нижнекачевское I–II
Малиновское
Кошкинское
Карасеозер
Биктимировское
Ташкирменское
Большефроловское
Гремячкино
Троицко
Уральс
Именьковское
Рождественное
Урень II
Шиловка
Малая Рязань I–II
Выползово
Шелехметь II
Брусяны II–IV
Новинки I–III
Осиновка III
Сызранка
Терешка
Чагра
Мал. Цивиль
Бол. Цивиль
Мал. Кушу
Бол. Кушу
Мусус
Бол. Узень
Бол. Карашан
Мал. Иргиз
Бол. Иргиз
Терса
Медведиц
Чардым
Ольшелей
Сердоба
Хопёр
Савала
Елань
Мокрая Панда
Мокрый Карай
Карай
Вежан
Ворона
Бишог
Матыра
Лесной Воронеж
Полной Воронеж
Челновая
Лесной Тамбор
Цна
Ухра
Векса
Ухтома
Соть
Волга
Мера
Шача
Кубра
Нея
Шуя
Немда
Унжа
Белый Ух
Черный Ух
Латышка
Мокша
Ухтохма
Вильма
Теза
Мух
Ухолка
Ока
Кержемка
Ламна
Сережа
Пра
Проня
Сура
Сатис
Алатырь
Инсар
Рудня
Ежать
Чека
Мокша
Вирей
Тюрюша
Ява
Труда
Вад
Ирсть
Ирсть
Ирсть


ПЛЕМЕНА ЛОМОВАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЛЕМЕНА ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЛЕМЕНА НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОЛЯНОВСКИЕ
ВЕРХНЕУТЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА
Грибановское
Авериновский II
Шудьякар
Кыласово
Баяновское
Баяновский
Шкирское городище
Куртумово
Опутятское
Поломское I
Большевисимский
Зародятское
Гарамиха
Антоновцы
Зуйкарское
Поркарское II
Поркарское I
Мыльнаньшай
Солдыревское
Заболотновское
Уканское
Новогумянское
Извильское
Буринское
Староунтемское
Ежевское
Гординское
Ежевское I
Гординский
Хомяковское
Сепычское
Варнинское II
Поломский
Варнинский
Гординский
Варнинское I,II
Поломское II
Загибовское I,II
Дубровинское
Малокиварское
Большекиварское
Шаловинское
Среднекиварское
Мамадышское
Таш-Елгинское
Исхаковское
Бадряш-Актауское
Шульгаковское
Югомашевское II
Югомашевское I
Югомбашевский
Юркильдинское
Лагерное
Старо-Кызыл-Ярское
Ивановское
Нижне-Ивановское
Верхне-Ивановское I,II
Ивангайское
Металинское
Якуловское I, II
Бачки-Таусское
Старо-Кабановский
Юмакаевское
Баразинское
Умурское
Камеевское
Никольский
Кораблевское
Кусекеевское
Бирское
Варьязинское
Укмановское
Ново-Бирючевское
Бажинское
Ахлыстовское
Лагерево
Батраковское
Старокаинлыкское
Юлашевское
Маняк
Маяцкое
Котловское II
Новобиксентеевское
Светло-Ключинское
Секинеевское
Ново-Биктовское
Казакларовское
Турачинское I
Тамьянское
Мелькеньское
Санутинское
Старо-Калмашево
Байгарское
Матвеевское
Кушнаренковский I
Горновское
Ново-Биккино
Чатра
Романовка VII
Романовка I–VIII
Гаптыкеевское I
Ниж. Хозятово
Кара-Якуповское
Улукаевское
Ахметовское
Дежневские
Дувалейское II
Уфа
Акбердинское
Имендяшевское
Ильчегулово
Иткучукский
Юлдыбаево
Андреевское
Новомавринское
Сюннелеевское
Староузеевское
Бурмантьевское
Вишнеполянское I
Андреевское
Сарайлинское
Самарское
Сарайлинское I
Самарское I
Сарайлинское II
Самарское II
Сарайлинское III
Самарское III
Сарайлинское IV
Самарское IV
Сарайлинское V
Самарское V
Сарайлинское VI
Самарское VI
Сарайлинское VII
Самарское VII
Сарайлинское VIII
Самарское VIII
Сарайлинское IX
Самарское IX
Сарайлинское X
Самарское X
Сарайлинское XI
Самарское XI
Сарайлинское XII
Самарское XII
Сарайлинское XIII
Самарское XIII
Сарайлинское XIV
Самарское XIV
Сарайлинское XV
Самарское XV
Сарайлинское XVI
Самарское XVI
Сарайлинское XVII
Самарское XVII
Сарайлинское XVIII
Самарское XVIII
Сарайлинское XIX
Самарское XIX
Сарайлинское XX
Самарское XX
Сарайлинское XXI
Самарское XXI
Сарайлинское XXII
Самарское XXII
Сарайлинское XXIII
Самарское XXIII
Сарайлинское XXIV
Самарское XXIV
Сарайлинское XXV
Самарское XXV
Сарайлинское XXVI
Самарское XXVI
Сарайлинское XXVII
Самарское XXVII
Сарайлинское XXVIII
Самарское XXVIII
Сарайлинское XXIX
Самарское XXIX
Сарайлинское XXX
Самарское XXX
Сарайлинское XXXI
Самарское XXXI
Сарайлинское XXXII
Самарское XXXII
Сарайлинское XXXIII
Самарское XXXIII
Сарайлинское XXXIV
Самарское XXXIV
Сарайлинское XXXV
Самарское XXXV
Сарайлинское XXXVI
Самарское XXXVI
Сарайлинское XXXVII
Самарское XXXVII
Сарайлинское XXXVIII
Самарское XXXVIII
Сарайлинское XXXIX
Самарское XXXIX
Сарайлинское XL
Самарское XL
Сарайлинское XLI
Самарское XLI
Сарайлинское XLII
Самарское XLII
Сарайлинское XLIII
Самарское XLIII
Сарайлинское XLIV
Самарское XLIV
Сарайлинское XLV
Самарское XLV
Сарайлинское XLVI
Самарское XLVI
Сарайлинское XLVII
Самарское XLVII
Сарайлинское XLVIII
Самарское XLVIII
Сарайлинское XLIX
Самарское XLIX
Сарайлинское L
Самарское L
Сарайлинское LI
Самарское LI
Сарайлинское LII
Самарское LII
Сарайлинское LIII
Самарское LIII
Сарайлинское LIV
Самарское LIV
Сарайлинское LV
Самарское LV
Сарайлинское LVI
Самарское LVI
Сарайлинское LVII
Самарское LVII
Сарайлинское LVIII
Самарское LVIII
Сарайлинское LIX
Самарское LIX
Сарайлинское LX
Самарское LX
Сарайлинское LXI
Самарское LXI
Сарайлинское LXII
Самарское LXII
Сарайлинское LXIII
Самарское LXIII
Сарайлинское LXIV
Самарское LXIV
Сарайлинское LXV
Самарское LXV
Сарайлинское LXVI
Самарское LXVI
Сарайлинское LXVII
Самарское LXVII
Сарайлинское LXVIII
Самарское LXVIII
Сарайлинское LXIX
Самарское LXIX
Сарайлинское LXX
Самарское LXX
Сарайлинское LXXI
Самарское LXXI
Сарайлинское LXXII
Самарское LXXII
Сарайлинское LXXIII
Самарское LXXIII
Сарайлинское LXXIV
Самарское LXXIV
Сарайлинское LXXV
Самарское LXXV
Сарайлинское LXXVI
Самарское LXXVI
Сарайлинское LXXVII
Самарское LXXVII
Сарайлинское LXXVIII
Самарское LXXVIII
Сарайлинское LXXIX
Самарское LXXIX
Сарайлинское LXXX
Самарское LXXX
Сарайлинское LXXXI
Самарское LXXXI
Сарайлинское LXXXII
Самарское LXXXII
Сарайлинское LXXXIII
Самарское LXXXIII
Сарайлинское LXXXIV
Самарское LXXXIV
Сарайлинское LXXXV
Самарское LXXXV
Сарайлинское LXXXVI
Самарское LXXXVI
Сарайлинское LXXXVII
Самарское LXXXVII
Сарайлинское LXXXVIII
Самарское LXXXVIII
Сарайлинское LXXXIX
Самарское LXXXIX
Сарайлинское XC
Самарское XC
Сарайлинское XCI
Самарское XCI
Сарайлинское XCII
Самарское XCII
Сарайлинское XCIII
Самарское XCIII
Сарайлинское XCIV
Самарское XCIV
Сарайлинское XCV
Самарское XCV
Сарайлинское XCVI
Самарское XCVI
Сарайлинское XCVII
Самарское XCVII
Сарайлинское XCVIII
Самарское XCVIII
Сарайлинское XCIX
Самарское XCIX
Сарайлинское C
Самарское C
Сарайлинское CI
Самарское CI
Сарайлинское CII
Самарское CII
Сарайлинское CIII
Самарское CIII
Сарайлинское CIV
Самарское CIV
Сарайлинское CV
Самарское CV
Сарайлинское CVI
Самарское CVI
Сарайлинское CVII
Самарское CVII
Сарайлинское CVIII
Самарское CVIII
Сарайлинское CIX
Самарское CIX
Сарайлинское CX
Самарское CX
Сарайлинское CXI
Самарское CXI
Сарайлинское CXII
Самарское CXII
Сарайлинское CXIII
Самарское CXIII
Сарайлинское CXIV
Самарское CXIV
Сарайлинское CXV
Самарское CXV
Сарайлинское CXVI
Самарское CXVI
Сарайлинское CXVII
Самарское CXVII
Сарайлинское CXVIII
Самарское CXVIII
Сарайлинское CXIX
Самарское CXIX
Сарайлинское CXX
Самарское CXX
Сарайлинское CXXI
Самарское CXXI
Сарайлинское CXXII
Самарское CXXII
Сарайлинское CXXIII
Самарское CXXIII
Сарайлинское CXXIV
Самарское CXXIV
Сарайлинское CXXV
Самарское CXXV
Сарайлинское CXXVI
Самарское CXXVI
Сарайлинское CXXVII
Самарское CXXVII
Сарайлинское CXXVIII
Самарское CXXVIII
Сарайлинское CXXIX
Самарское CXXIX
Сарайлинское CXXX
Самарское CXXX
Сарайлинское CXXXI
Самарское CXXXI
Сарайлинское CXXXII
Самарское CXXXII
Сарайлинское CXXXIII
Самарское CXXXIII
Сарайлинское CXXXIV
Самарское CXXXIV
Сарайлинское CXXXV
Самарское CXXXV
Сарайлинское CXXXVI
Самарское CXXXVI
Сарайлинское CXXXVII
Самарское CXXXVII
Сарайлинское CXXXVIII
Самарское CXXXVIII
Сарайлинское CXXXIX
Самарское CXXXIX
Сарайлинское CXL
Самарское CXL
Сарайлинское CXLI
Самарское CXLI
Сарайлинское CXLII
Самарское CXLII
Сарайлинское CXLIII
Самарское CXLIII
Сарайлинское CXLIV
Самарское CXLIV
Сарайлинское CXLV
Самарское CXLV
Сарайлинское CXLVI
Самарское CXLVI
Сарайлинское CXLVII
Самарское CXLVII
Сарайлинское CXLVIII
Самарское CXLVIII
Сарайлинское CXLIX
Самарское CXLIX
Сарайлинское CL
Самарское CL
Сарайлинское CLI
Самарское CLI
Сарайлинское CLII
Самарское CLII
Сарайлинское CLIII
Самарское CLIII
Сарайлинское CLIV
Самарское CLIV
Сарайлинское CLV
Самарское CLV
Сарайлинское CLVI
Самарское CLVI
Сарайлинское CLVII
Самарское CLVII
Сарайлинское CLVIII
Самарское CLVIII
Сарайлинское CLIX
Самарское CLIX
Сарайлинское CLX
Самарское CLX
Сарайлинское CLXI
Самарское CLXI
Сарайлинское CLXII
Самарское CLXII
Сарайлинское CLXIII
Самарское CLXIII
Сарайлинское CLXIV
Самарское CLXIV
Сарайлинское CLXV
Самарское CLXV
Сарайлинское CLXVI
Самарское CLXVI
Сарайлинское CLXVII
Самарское CLXVII
Сарайлинское CLXVIII
Самарское CLXVIII
Сарайлинское CLXIX
Самарское CLXIX
Сарайлинское CLXX
Самарское CLXX
Сарайлинское CLXXI
Самарское CLXXI
Сарайлинское CLXXII
Самарское CLXXII
Сарайлинское CLXXIII
Самарское CLXXIII
Сарайлинское CLXXIV
Самарское CLXXIV
Сарайлинское CLXXV
Самарское CLXXV
Сарайлинское CLXXVI
Самарское CLXXVI
Сарайлинское CLXXVII
Самарское CLXXVII
Сарайлинское CLXXVIII
Самарское CLXXVIII
Сарайлинское CLXXIX
Самарское CLXXIX
Сарайлинское CLXXX
Самарское CLXXX
Сарайлинское CLXXXI
Самарское CLXXXI
Сарайлинское CLXXXII
Самарское CLXXXII
Сарайлинское CLXXXIII
Самарское CLXXXIII
Сарайлинское CLXXXIV
Самарское CLXXXIV
Сарайлинское CLXXXV
Самарское CLXXXV
Сарайлинское CLXXXVI
Самарское CLXXXVI
Сарайлинское CLXXXVII
Самарское CLXXXVII
Сарайлинское CLXXXVIII
Самарское CLXXXVIII
Сарайлинское CLXXXIX
Самарское CLXXXIX
Сарайлинское CXC
Самарское CXC
Сарайлинское CXCI
Самарское CXCI
Сарайлинское CXCII
Самарское CXCII
Сарайлинское CXCIII
Самарское CXCIII
Сарайлинское CXCIV
Самарское CXCIV
Сарайлинское CXCV
Самарское CXCV
Сарайлинское CXCVI
Самарское CXCVI
Сарайлинское CXCVII
Самарское CXCVII
Сарайлинское CXCVIII
Самарское CXCVIII
Сарайлинское CXCIX
Самарское CXCIX
Сарайлинское CC
Самарское CC
Сарайлинское CCI
Самарское CCI
Сарайлинское CCII
Самарское CCII
Сарайлинское CCIII
Самарское CCIII
Сарайлинское CCIV
Самарское CCIV
Сарайлинское CCV
Самарское CCV
Сарайлинское CCVI
Самарское CCVI
Сарайлинское CCVII
Самарское CCVII
Сарайлинское CCVIII
Самарское CCVIII
Сарайлинское CCIX
Самарское CCIX
Сарайлинское CCX
Самарское CCX
Сарайлинское CCXI
Самарское CCXI
Сарайлинское CCXII
Самарское CCXII
Сарайлинское CCXIII
Самарское CCXIII
Сарайлинское CCXIV
Самарское CCXIV
Сарайлинское CCXV
Самарское CCXV
Сарайлинское CCXVI
Самарское CCXVI
Сарайлинское CCXVII
Самарское CCXVII
Сарайлинское CCXVIII
Самарское CCXVIII
Сарайлинское CCXIX
Самарское CCXIX
Сарайлинское CCXX
Самарское CCXX
Сарайлинское CCXXI
Самарское CCXXI
Сарайлинское CCXXII
Самарское CCXXII
Сарайлинское CCXXIII
Самарское CCXXIII
Сарайлинское CCXXIV
Самарское CCXXIV
Сарайлинское CCXXV
Самарское CCXXV
Сарайлинское CCXXVI
Самарское CCXXVI
Сарайлинское CCXXVII
Самарское CCXXVII
Сарайлинское CCXXVIII
Самарское CCXXVIII
Сарайлинское CCXXIX
Самарское CCXXIX
Сарайлинское CCXXX
Самарское CCXXX
Сарайлинское CCXXXI
Самарское CCXXXI
Сарайлинское CCXXXII
Самарское CCXXXII
Сарайлинское CCXXXIII
Самарское CCXXXIII
Сарайлинское CCXXXIV
Самарское CCXXXIV
Сарайлинское CCXXXV
Самарское CCXXXV
Сарайлинское CCXXXVI
Самарское CCXXXVI
Сарайлинское CCXXXVII
Самарское CCXXXVII
Сарайлинское CCXXXVIII
Самарское CCXXXVIII
Сарайлинское CCXXXIX
Самарское CCXXXIX
Сарайлинское CCXL
Самарское CCXL
Сарайлинское CCXLI
Самарское CCXLI
Сарайлинское CCXLII
Самарское CCXLII
Сарайлинское CCXLIII
Самарское CCXLIII
Сарайлинское CCXLIV
Самарское CCXLIV
Сарайлинское CCXLV
Самарское CCXLV
Сарайлинское CCXLVI
Самарское CCXLVI
Сарайлинское CCXLVII
Самарское CCXLVII
Сарайлинское CCXLVIII
Самарское CCXLVIII
Сарайлинское CCXLIX
Самарское CCXLIX
Сарайлинское CCL
Самарское CCL
Сарайлинское CCLI
Самарское CCLI
Сарайлинское CCLII
Самарское CCLII
Сарайлинское CCLIII
Самарское CCLIII
Сарайлинское CCLIV
Самарское CCLIV
Сарайлинское CCLV
Самарское CCLV
Сарайлинское CCLVI
Самарское CCLVI
Сарайлинское CCLVII
Самарское CCLVII
Сарайлинское CCLVIII
Самарское CCLVIII
Сарайлинское CCLIX
Самарское CCLIX
Сарайлинское CCLX
Самарское CCLX
Сарайлинское CCLXI
Самарское CCLXI
Сарайлинское CCLXII
Самарское CCLXII
Сарайлинское CCLXIII
Самарское CCLXIII
Сарайлинское CCLXIV
Самарское CCLXIV
Сарайлинское CCLXV
Самарское CCLXV
Сарайлинское CCLXVI
Самарское CCLXVI
Сарайлинское CCLXVII
Самарское CCLXVII
Сарайлинское CCLXVIII
Самарское CCLXVIII
Сарайлинское CCLXIX
Самарское CCLXIX
Сарайлинское CCLXX
Самарское CCLXX
Сарайлинское CCLXXI
Самарское CCLXXI
Сарайлинское CCLXXII
Самарское CCLXXII
Сарайлинское CCLXXIII
Самарское CCLXXIII
Сарайлинское CCLXXIV
Самарское CCLXXIV
Сарайлинское CCLXXV
Самарское CCLXXV
Сарайлинское CCLXXVI
Самарское CCLXXVI
Сарайлинское CCLXXVII
Самарское CCLXXVII
Сарайлинское CCLXXVIII
Самарское CCLXXVIII
Сарайлинское CCLXXIX
Самарское CCLXXIX
Сарайлинское CCLXXX
Самарское CCLXXX
Сарайлинское CCLXXXI
Самарское CCLXXXI
Сарайлинское CCLXXXII
Самарское CCLXXXII
Сарайлинское CCLXXXIII
Самарское CCLXXXIII
Сарайлинское CCLXXXIV
Самарское CCLXXXIV
Сарайлинское CCLXXXV
Самарское CCLXXXV
Сарайлинское CCLXXXVI
Самарское CCLXXXVI
Сарайлинское CCLXXXVII
Самарское CCLXXXVII
Сарайлинское CCLXXXVIII
Самарское CCLXXXVIII
Сарайлинское CCLXXXIX
Самарское CCLXXXIX
Сарайлинское CCXC
Самарское CCXC
Сарайлинское CCXCI
Самарское CCXCI
Сарайлинское CCXCII
Самарское CCXCII
Сарайлинское CCXCIII
Самарское CCXCIII
Сарайлинское CCXCIV
Самарское CCXCIV
Сарайлинское CCXCV
Самарское CCXCV
Сарайлинское CCXCVI
Самарское CCXCVI
Сарайлинское CCXCVII
Самарское CCXCVII
Сарайлинское CCXCVIII
Самарское CCXCVIII
Сарайлинское CCXCIX
Самарское CCXCIX
Сарайлинское CCC
Самарское CCC
Сарайлинское CCCI
Самарское CCCI
Сарайлинское CCCII
Самарское CCCII
Сарайлинское CCCIII
Самарское CCCIII
Сарайлинское CCCIV
Самарское CCCIV
Сарайлинское CCCV
Самарское CCCV
Сарайлинское CCCVI
Самарское CCCVI
Сарайлинское CCCVII
Самарское CCCVII
Сарайлинское CCCVIII
Самарское CCCVIII
Сарайлинское CCCIX
Самарское CCCIX
Сарайлинское CCCX
Самарское CCCX
Сарайлинское CCCXI
Самарское CCCXI
Сарайлинское CCCXII
Самарское CCCXII
Сарайлинское CCCXIII
Самарское CCCXIII
Сарайлинское CCCXIV
Самарское CCCXIV
Сарайлинское CCCXV
Самарское CCCXV
Сарайлинское CCCXVI
Самарское CCCXVI
Сарайлинское CCCXVII
Самарское CCCXVII
Сарайлинское CCCXVIII
Самарское CCCXVIII
Сарайлинское CCCXIX
Самарское CCCXIX
Сарайлинское CCCXX
Самарское CCCXX
Сарайлинское CCCXXI
Самарское CCCXXI
Сарайлинское CCCXXII
Самарское CCCXXII
Сарайлинское CCCXXIII
Самарское CCCXXIII
Сарайлинское CCCXXIV
Самарское CCCXXIV
Сарайлинское CCCXXV
Самарское CCCXXV
Сарайлинское CCCXXVI
Самарское CCCXXVI
Сарайлинское CCCXXVII
Самарское CCCXXVII
Сарайлинское CCCXXVIII
Самарское CCCXXVIII
Сарайлинское CCCXXIX
Самарское CCCXXIX
Сарайлинское CCCXXX
Самарское CCCXXX
Сарайлинское CCCXXXI
Самарское CCCXXXI
Сарайлинское CCCXXXII
Самарское CCCXXXII
Сарайлинское CCCXXXIII
Самарское CCCXXXIII
Сарайлинское CCCXXXIV
Самарское CCCXXXIV
Сарайлинское CCCXXXV
Самарское CCCXXXV
Сарайлинское CCCXXXVI
Самарское CCCXXXVI
Сарайлинское CCCXXXVII
Самарское CCCXXXVII
Сарайлинское CCCXXXVIII
Самарское CCCXXXVIII
Сарайлинское CCCXXXIX
Самарское CCCXXXIX
Сарайлинское CCCXL
Самарское CCCXL
Сарайлинское CCCXLI
Самарское CCCXLI
Сарайлинское CCCXLII
Самарское CCCXLII
Сарайлинское CCCXLIII
Самарское CCCXLIII
Сарайлинское CCCXLIV
Самарское CCCXLIV
Сарайлинское CCCXLV
Самарское CCCXLV
Сарайлинское CCCXLVI
Самарское CCCXLVI
Сарайлинское CCCXLVII
Самарское CCCXLVII
Сарайлинское CCCXLVIII
Самарское CCCXLVIII
Сарайлинское CCCXLIX
Самарское CCCXLIX
Сарайлинское CCCL
Самарское CCCL
Сарайлинское CCCLI
Самарское CCCLI
Сарайлинское CCCLII
Самарское CCCLII
Сарайлинское CCCLIII
Самарское CCCLIII
Сарайлинское CCCLIV
Самарское CCCLIV
Сарайлинское CCCLV
Самарское CCCLV
Сарайлинское CCCLVI
Самарское CCCLVI
Сарайлинское CCCLVII
Самарское CCCLVII
Сарайлинское CCCLVIII
Самарское CCCLVIII
Сарайлинское CCCLIX
Самарское CCCLIX
Сарайлинское CCCLX
Самарское CCCLX
Сарайлинское CCCLXI
Самарское CCCLXI
Сарайлинское CCCLXII
Самарское CCCLXII
Сарайлинское CCCLXIII
Самарское CCCLXIII
Сарайлинское CCCLXIV
Самарское CCCLXIV
Сарайлинское CCCLXV
Самарское CCCLXV
Сарайлинское CCCLXVI
Самарское CCCLXVI
Сарайлинское CCCLXVII
Самарское CCCLXVII
Сарайлинское CCCLXVIII
Самарское CCCLXVIII
Сарайлинское CCCLXIX
Самарское CCCLXIX
Сарайлинское CCCLXX
Самарское CCCLXX
Сарайлинское CCCLXXI
Самарское CCCLXXI
Сарайлинское CCCLXXII
Самарское CCCLXXII
Сарайлинское CCCLXXIII
Самарское CCCLXXIII
Сарайлинское CCCLXXIV
Самарское CCCLXXIV
Сарайлинское CCCLXXV
Самарское CCCLXXV
Сарайлинское CCCLXXVI
Самарское CCCLXXVI
Сарайлинское CCCLXXVII
Самарское CCCLXXVII
Сарайлинское CCCLXXVIII
Самарское CCCLXXVIII
Сарайлинское CCCLXXIX
Самарское CCCLXXIX
Сарайлинское CCCLXXX
Самарское CCCLXXX
Сарайлинское CCCLXXXI
Самарское CCCLXXXI
Сарайлинское CCCLXXXII
Самарское CCCLXXXII
Сарайлинское CCCLXXXIII
Самарское CCCLXXXIII
Сарайлинское CCCLXXXIV
Самарское CCCLXXXIV
Сарайлинское CCCLXXXV
Самарское CCCLXXXV
Сарайлинское CCCLXXXVI
Самарское CCCLXXXVI
Сарайлинское CCCLXXXVII
Самарское CCCLXXXVII
Сарайлинское CCCLXXXVIII
Самарское CCCLXXXVIII
Сарайлинское CCCLXXXIX
Самарское CCCLXXXIX
Сарайлинское CCCXC
Самарское CCCXC
Сарайлинское CCCXCI
Самарское CCCXCI
Сарайлинское CCCXCII
Самарское CCCXCII
Сарайлинское CCCXCIII
Самарское CCCXCIII
Сарайлинское CCCXCIV
Самарское CCCXCIV
Сарайлинское CCCXCV
Самарское CCCXCV
Сарайлинское CCCXCVI
Самарское CCCXCVI
Сарайлинское CCCXCVII
Самарское CCCXCVII
Сарайлинское CCCXCVIII
Самарское CCCXCVIII
Сарайлинское CCCXCIX
Самарское CCCXCIX
Сарайлинское CD
Самарское CD
Сарайлинское CDI
Самарское CDI
Сарайлинское CDII
Самарское CDII
Сарайлинское CDIII
Самарское CDIII
Сарайлинское CDIV
Самарское CDIV
Сарайлинское CDV
Самарское CDV
Сарайлинское CDVI
Самарское CDVI
Сарайлинское CDVII
Самарское CDVII
Сарайлинское CDVIII
Самарское CDVIII
Сарайлинское CDIX
Самарское CDIX
Сарайлинское CDX
Самарское CDX
Сарайлинское CDXI
Самарское CDXI
Сарайлинское CDXII
Самарское CDXII
Сарайлинское CDXIII
Самарское CDXIII
Сарайлинское CDXIV
Самарское CDXIV
Сарайлинское CDXV
Самарское CDXV
Сарайлинское CDXVI
Самарское CDXVI
Сарайлинское CDXVII
Самарское CDXVII
Сарайлинское CDXVIII
Самарское CDXVIII
Сарайлинское CDXIX
Самарское CDXIX
Сарайлинское CDXX
Самарское CDXX
Сарайлинское CDXXI
Самарское CDXXI
Сарайлинское CDXXII
Самарское CDXXII
Сарайлинское CDXXIII
Самарское CDXXIII
Сарайлинское CDXXIV
Самарское CDXXIV
Сарайлинское CDXXV
Самарское CDXXV
Сарайлинское CDXXVI
Самарское CDXXVI
Сарайлинское CDXXVII
Самарское CDXXVII
Сарайлинское CDXXVIII
Самарское CDXXVIII
Сарайлинское CDXXIX
Самарское CDXXIX
Сарайлинское CDXXX
Самарское CDXXX
Сарайлинское CDXXXI
Самарское CDXXXI
Сарайлинское CDXXXII
Самарское CDXXXII
Сарайлинское CDXXXIII
Самарское CDXXXIII
Сарайлинское CDXXXIV
Самарское CDXXXIV
Сарайлинское CDXXXV
Самарское CDXXXV
Сарайлинское CDXXXVI
Самарское CDXXXVI
Сарайлинское CDXXXVII
Самарское CDXXXVII
Сарайлинское CDXXXVIII
Самарское CDXXXVIII
Сарайлинское CDXXXIX
Самарское CDXXXIX
Сарайлинское CDXL
Самарское CDXL
Сарайлинское CDXLI
Самарское CDXLI
Сарайлинское CDXLII
Самарское CDXLII
Сарайлинское CDXLIII
Самарское CDXLIII
Сарайлинское CDXLIV
Самарское CDXLIV
Сарайлинское CDXLV
Самарское CDXLV
Сарайлинское CDXLVI
Самарское CDXLVI
Сарайлинское CDXLVII
Самарское CDXLVII
Сарайлинское CDXLVIII
Самарское CDXLVIII
Сарайлинское CDXLIX
Самарское CDXLIX
Сарайлинское CDL
Самарское CDL
Сарайлинское CDLI
Самарское CDLI
Сарайлинское CDLII
Самарское CDLII
Сарайлинское CDLIII
Самарское CDLIII
Сарайлинское CDLIV
Самарское CDLIV
Сарайлинское CDLV
Самарское CDLV
Сарайлинское CDLVI
Самарское CDLVI
Сарайлинское CDLVII
Самарское CDLVII
Сарайлинское CDLVIII
Самарское CDLVIII
Сарайлинское CDLIX
Самарское CDLIX
Сарайлинское CDLX
Самарское CDLX
Сарайлинское CDLXI
Самарское CDLXI
Сарайлинское CDLXII
Самарское CDLXII
Сарайлинское CDLXIII
Самарское CDLXIII
Сарайлинское CDLXIV
Самарское CDLXIV
Сарайлинское CDLXV
Самарское CDLXV
Сарайлинское CDLXVI
Самарское CDLXVI
Сарайлинское CDLXVII
Самарское CDLXVII
Сарайлинское CDLXVIII
Самарское CDLXVIII
Сарайлинское CDLXIX
Самарское CDLXIX
Сарайлинское CDLXX
Самарское CDLXX
Сарайлинское CDLXXI
Самарское CDLXXI
Сарайлинское CDLXXII
Самарское CDLXXII
Сарайлинское CDLXXIII
Самарское CDLXXIII
Сарайлинское CDLXXIV
Самарское CDLXXIV
Сарайлинское CDLXXV
Самарское CDLXXV
Сарайлинское CDLXXVI
Самарское CDLXXVI
Сарайлинское CDLXXVII
Самарское CDLXXVII
Сарайлинское CDLXXVIII
Самарское CDLXXVIII
Сарайлинское CDLXXIX
Самарское CDLXXIX
Сарайлинское CDLXXX
Самарское CDLXXX
Сарайлинское CDLXXXI
Самарское CDLXXXI
Сарайлинское CDLXXXII
Самарское CDLXXXII
Сарайлинское CDLXXXIII
Самарское CDLXXXIII
Сарайлинское CDLXXXIV
Самарское CDLXXXIV
Сарайлинское CDLXXXV
Самарское CDLXXXV
Сарайлинское CDLXXXVI
Самарское CDLXXXVI
Сарайлинское CDLXXXVII
Самарское CDLXXXVII
Сарайлинское CDLXXXVIII
Самарское CDLXXXVIII
Сарайлинское CDLXXXIX
Самарское CDLXXXIX
Сарайлинское CDXC
Самарское CDXC
Сарайлинское CDXCI
Самарское CDXCI
Сарайлинское CDXCII
Самарское CDXCII
Сарайлинское CDXCIII
Самарское CDXCIII
Сарайлинское CDXCIV
Самарское CDXCIV
Сарайлинское CDXCV
Самарское CDXCV
Сарайлинское CDXCVI
Самарское CDXCVI
Сарайлинское CDXCVII
Самарское CDXCVII
Сарайлинское CDXCVIII
Самарское CDXCVIII
Сарайлинское CDXCIX
Самарское CDXCIX
Сарайлинское D
Самарское D
Сарайлинское DI
Самарское DI
Сарайлинское DII
Самарское DII
Сарайлинское DIII
Самарское DIII
Сарайлинское DIV
Самарское DIV
Сарайлинское DV
Самарское DV
Сарайлинское DVI
Самарское DVI
Сарайлинское DVII
Самарское DVII
Сарайлинское DVIII
Самарское DVIII
Сарайлинское DIX
Самарское DIX
Сарайлинское DX
Самарское DX
Сарайлинское DXI
Самарское DXI
Сарайлинское DXII
Самарское DXII
Сарайлинское DXIII
Самарское DXIII
Сарайлинское DXIV
Самарское DXIV
Сарайлинское DXV
Самарское DXV
Сарайлинское DXVI
Самарское DXVI
Сарайлинское DXVII
Самарское DXVII
Сарайлинское DXVIII
Самарское DXVIII
Сарайлинское DXIX
Самарское DXIX
Сарайлинское DXX
Самарское DXX
Сарайлинское DXXI
Самарское DXXI
Сарайлинское DXXII
Самарское DXXII
Сарайлинское DXXIII
Самарское DXXIII
Сарайлинское DXXIV
Самарское DXXIV
Сарайлинское DXXV
Самарское DXXV
Сарайлинское DXXVI
Самарское DXXVI
Сарайлинское DXXVII
Самарское DXXVII
Сарайлинское DXXVIII
Самарское DXXVIII
Сарайлинское DXXIX
Самарское DXXIX
Сарайлинское DXXX
Самарское DXXX
Сарайлинское DXXXI
Самарское DXXXI
Сарайлинское DXXXII
Самарское DXXXII
Сарайлинское DXXXIII
Самарское DXXXIII
Сарайлинское DXXXIV
Самарское DXXXIV
Сарайлинское DXXXV
Самарское DXXXV
Сарайлинское DXXXVI
Самарское DXXXVI
Сарайлинское DXXXVII
Самарское DXXXVII
Сарайлинское DXXXVIII
Самарское DXXXVIII
Сарайлинское DXXXIX
Самарское DXXXIX
Сарайлинское DXL
Самарское DXL
Сарайлинское DXLI
Самарское DXLI
Сарайлинское DXLII
Самарское DXLII
Сарайлинское DXLIII
Самарское DXLIII
Сарайлинское DXLIV
Самарское DXLIV
Сарайлинское DXLV
Самарское DXLV
Сарайлинское DXLVI
Самарское DXLVI
Сарайлинское DXLVII
Самарское DXLVII
Сарайлинское DXLVIII
Самарское DXLVIII
Сарайлинское DXLIX
Самарское DXLIX
Сарайлинское DL
Самарское DL
Сарайлинское DLI
Самарское DLI
Сарайлинское DLII
Самарское DLII
Сарайлинское DLIII
Самарское DLIII
Сарайлинское DLIV
Самарское DLIV
Сарайлинское DLV
Самарское DLV
Сарайлинское DLVI
Самарское DLVI
Сарайлинское DLVII
Самарское DLVII
Сарайлинское DLVIII
Самарское DLVIII
Сарайлинское DLIX
Самарское DLIX
Сарайлинское DLX
Самарское DLX
Сарайлинское DLXI
Самарское DLXI
Сарайлинское DLXII
Самарское DLXII
Сарайлинское DLXIII
Самарское DLXIII
Сарайлинское DLXIV
Самарское DLXIV
Сарайлинское DLXV
Самарское DLXV
Сарайлинское DLXVI
Самарское DLXVI
Сарайлинское DLXVII
Самарское DLXVII
Сарайлинское DLXVIII
Самарское DLXVIII
Сарайлинское DLXIX
Самарское DLXIX
Сарайлинское DLXX
Самарское DLXX
Сарайлинское DLXXI
Самарское DLXXI
Сарайлинское DLXXII
Самарское DLXXII
Сарайлинское DLXXIII
Самарское DLXXIII
Сарайлинское DLXXIV
Самарское DLXXIV
Сарайлинское DLXXV
Самарское DLXXV
Сарайлинское DLXXVI
Самарское DLXXVI
Сарайлинское DLXXVII
Самарское DLXXVII
Сарайлинское DLXXVIII
Самарское DLXXVIII
Сарайлинское DLXXIX
Самарское DLXXIX
Сарайлинское DLXXX
Самарское DLXXX
Сарайлинское DLXXXI
Самарское DLXXXI
Сарайлинское DLXXXII
Самарское DLXXXII
Сарайлинское DLXXXIII
Самарское DLXXXIII
Сарайлинское DLXXXIV
Самарское DLXXXIV
Сарайлинское DLXXXV
Самарское DLXXXV
Сарайлинское DLXXXVI
Самарское DLXXXVI
Сарайлинское DLXXXVII
Самарское DLXXXVII
Сарайлинское DLXXXVIII
Самарское DLXXXVIII
Сарайлинское DLXXXIX
Самарское DLXXXIX
Сарайлинское DXC
Самарское DXC
Сарайлинское DXCI
Самарское DXCI
Сарайлинское DXCII
Самарское DXCII
Сарайлинское DXCIII
Самарское DXCIII
Сарайлинское DXCIV
Самарское DXCIV
Сарайлинское DXCV
Самарское DXCV
Сарайлинское DXCVI
Самарское DXCVI
Сарайлинское DXCVII
Самарское DXCVII
Сарайлинское DXCVIII
Самарское DXCVIII
Сарайлинское DXCIX
Самарское DXCIX
Сарайлинское DC
Самарское DC
Сарайлинское DCI
Самарское DCI
Сарайлинское DCII
Самарское DCII
Сарайлинское DCIII
Самарское DCIII
Сарайлинское DCIV
Самарское DCIV
Сарайлинское DCV
Самарское DCV
Сарайлинское DCVI
Самарское DCVI
Сарайлинское DCVII
Самарское DCVII
Сарайлинское DCVIII
Самарское DCVIII
Сарайлинское DCIX
Самарское DCIX
Сарайлинское DCX
Самарское DCX
Сарайлинское DCXI
Самарское DCXI
Сарайлинское DCXII
Самарское DCXII
Сарайлинское DCXIII
Самарское DCXIII
Сарайлинское DCXIV
Самарское DCXIV
Сарайлинское DCXV
Самарское DCXV
Сарайлинское DCXVI
Самарское DCXVI
Сарайлинское DCXVII
Самарское DCXVII
Сарайлинское DCXVIII
Самарское DCXVIII
Сарайлинское DCXIX
Самарское DCXIX
Сарайлинское DCXX
Самарское DCXX
Сарайлинское DCXXI
Самарское DCXXI
Сарайлинское DCXXII
Самарское DCXXII
Сарайлинское DCXXIII
Самарское DCXXIII
Сарайлинское DCXXIV
Самарское DCXXIV
Сарайлинское DCXXV
Самарское DCXXV
Сарайлинское DCXXVI
Самарское DCXXVI
Сарайлинское DCXXVII
Самарское DCXXVII
Сарайлинское DCXXVIII
Самарское DCXXVIII
Сарайлинское DCXXIX
Самарское DCXXIX
Сарайлинское DCXXX
Самарское DCXXX
Сарайлинское DCXXXI
Самарское DCXXXI
Сарайлинское DCXXXII
Самарское DCXXXII
Сарайлинское DCXXXIII
Самарское DCXXXIII
Сарайлинское DCXXXIV
Самарское DCXXXIV
Сарайлинское DCXXXV
Самарское DCXXXV
Сарайлинское DCXXXVI
Самарское DCXXXVI
Сарайлинское DCXXXVII
Самарское DCXXXVII
Сарайлинское DCXXXVIII
Самарское DCXXXVIII
Сарайлинское DCXXXIX
Самарское DC

Р.Г. Фахрутдинов

История города Болгар в письменных источниках

Цель данного раздела — охватить письменные сведения по всему периоду существования Болгара как восточной географии, так и русских летописей в хронологической последовательности.

Ценнейшие сведения о городах Волжской Болгарии, в первую очередь о Болгаре, дают арабские источники X в. Самое первое упоминание встречается у ал-Балхи, выдающегося представителя школы классической арабской географии: «Болгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 000 человек. Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам. Тот же проповедник сказал о долгих летних днях и коротких ночах и зимних коротких днях и долгих ночах». Это известие содержится в сочинении ал-Балхи, написанном, как принято считать в востоковедении, в 920–921 гг. (308–309 гг. х.). В прежних работах, где поднимался вопрос о времени возникновения Болгара, почему-то не обращали внимания на год создания этого произведения ал-Балхи и делали упор на то, что Ибн Фадлан не упоминает города Болгара.

Почти одновременно с ал-Балхи, но независимо от него сведения о болгарских городах дал среднеазиатский географ ал-Джайхани. Отрывки из нее о болгарских городах, известны в передаче ал-Марвази: «У них (болгар) два города, один из них называется Сувар, а другой называется Болгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов». В.В. Бартольд и И.Ю. Крачковский считают возможным отнести сочинение Джайхани к 922 г.

Что касается взглядов на отсутствие упоминания о болгарских городах у Ибн Фадлана, то это, по нашему мнению, объясняется разночтением в переводах. Дело в том, что он при описании Волжской Болгарии 22 раза употребляет термин «балад», который имеет два одинаковых значения: «страна» и «город». Историки, отрицающие существование болгарских городов в то время, признают только первое значение и умалчивают о втором. А вот Б.Д. Греков, исследовавший социально-политическую историю Болгарского государства начального периода, полагал, что город Болгар был во времена Ибн Фадлана. Эту мысль он аргументировал тем, что место стоянки торговых кораблей из других стран имеет отношение к городу на Волге, т. е. Болгару. Ибн Фадлан писал: «На этой реке (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи». Арабский путешественник вполне мог иметь в виду торговую пристань города Болгара, расположенную на Волге. В другом месте он сообщил, что расстояние между этим рынком и местопребыванием посольства менее фарсаха, что соответствует расстоянию от Болгарского городища до Ага-Базара, рассматриваемого современными исследователями как торговая пристань Болгара. Небезынтересно упоминание Наджибом Хамадани, известным переписчиком Ибн Фадлана в XII в., четырех крепостей в Болгарии: Йасу, Мерджи, Эрнаса и Техшу. Представляет большой интерес рассказ самого Ибн Фадлана о том, что предводитель болгар Алмас (Алмуш), вызвав его, устроил скандал по поводу отсутствия 4 тыс. динаров, обещанных ему халифом для строительства крепости, хотя через несколько дней эльтебер сказал, что для строительства крепости у него достаточно своего серебра и золота, что деньги халифа нужны были ему лишь для получения благословения «повелителя правоверных». Мы должны иметь в виду и то, что Ибн Фадлан был у болгар летом, когда люди переходили в юрты.



Прибытие багдадского посла в Болгарию. Худ. В.Л. Лаптев





Карта мира ал-Истахри. 934 г.

Перечисленные косвенные данные позволяют предполагать наличие городов во время приезда арабского посольства в Болгарское государство. Кстати, великий географ XIII в. Йакут ал-Хамави в своем знаменитом словаре «Муджам ал-булдан», который «представляет свод сокровищ, накопившихся в арабской литературе за шесть веков», помещая записки Ибн Фадлана, писал следующее: «Болгар — город славян, лежит на севере».

Тему, впервые встреченную у ал-Балхи, примерно через 10 лет развивает ал-Истахри, другой крупный представитель классической школы географов X в., в своем произведении, написанном в 930–933 гг.: «Болгар — имя города, и они (болгары) — мусульмане; в (городе) — соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей. У них — деревянные строения, укрываются в них зимой, а летом располагаются в шатрах». Эти сведения являются дальнейшей редакцией ал-Балхи, трудом которого пользовался ал-Истахри. Почти без изменений повторяет ал-Истахри его младший современник Ибн Хаукал в своей книге «Китаб алмасалик ва-л-мамалик», первая редакция которой составлена в 967 г., а вторая — в 977 г.

Теперь трудно установить, что именно принадлежит в данном сообщении самому ал-Балхи и что добавил ал-Истахри. Считается, что уже к концу X в. сочинение ал-Балхи представляло собой редкость и все последующие компилято-



*Ага-Базар в Болгарах.
Худ. К. Нафиков*

ры пользовались им через ал-Истахри и Ибн Хаукала. Если даже предположить, что названия городов Болгара и Сувара являются редакцией ал-Истахри, все равно тема сохраняет свою древность. Ал-Истахри называет источник сообщаемых им сведений: это хатиб — мусульманский проповедник. Б.Н. Заходер не очень уверенно предположил, что этим проповедником был Ибн Фадлан. Мы хотим присоединиться к мнению Б.Н. Заходера, ибо Ибн Фадлан был единственным проповедником мусульманства, побывавшим в X веке в Волжской Болгарии, и при нем там был принят ислам в качестве официальной религии. Дальнейшее развитие и географическую конкретизацию темы находим в «Худуд ал-алем» и у ал-Мукаддаси. «Худуд ал-алем» — выдающееся произведение восточной географической литературы X в. (982 г.). Отрывок из этой книги посвящен двум болгарским городам: «Болгар — город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все (жители) мусульмане; из него выходит 20 000 всадников. Со всяким войском кафиров, сколько бы его не было, они сражаются и побеждают. Это место крепкое, богатое. Сувар — город вблизи Болгара; в нем борцы за веру, так же как в Болгаре». В.В. Бартольд, первый научный комментатор этого произведения, считал, что у его автора в руках был экземпляр сочинения ал-Балхи или ал-Истахри. Однако в «Худуд ал-алем» есть совершенно новые сведения о Болгаре: город расположен на берегу Волги, его конница состоит из 20 тыс. всадников, и весьма боеспособна, город «крепок», т. е. укреплен, к тому же, богат.



*Хан Алмыш. Первая четверть X в.
Худ. Ф. Халиков*

Ярким представителем арабской классической географии X в. был ал-Мукаддаси, который в результате долгих путешествий, расспросов и большой литературно-картографической работы создал труд «Ахсан ат-такасим фи магрифат ал-акалим», первая редакция которого относится к 985 г. Крачковский считал, что эта работа продолжает традицию серии, начатой ал-Балхи. В то же время Мукаддаси критически, иногда даже слишком сурово относится к своим предшественникам. Хотя сведений о Восточной Европе у него очень мало, однако он уделяет внимание болгарам и хазарам. О Болгаре сказано следующее: «Болгар лежит на обоих берегах (реки), и строения там из дерева и камыша. Ночи там коротки. Главная мечеть стоит на рынке. Мусульмане уже давно завоевали его. Болгар лежит у реки Итиля и находится ближе к морю, чем к столице». Мукаддаси говорит и о Суваре, что он у Итиля, дома там войлочные, у жителей много полей и имущества. Как видно, это почти те же данные, что известны от ал-Балхи, хотя у Мукаддаси имеются и новые сведения. Это и понятно, ибо к концу столетия накопились новые данные. Мукаддаси сообщает еще о третьем городе, который лежит на берегу другой реки и больше упомянутых городов. Жители вначале были иудеями, потом стали мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но затем возвратились в этот город. Вопрос об этом третьем городе требует некоторого разъяснения, ибо иногда под ним подразумевают «другой» Болгар, якобы находившийся, в отличие от первого, на месте Билярского городища на Черемшане.

Название третьего города у ал-Мукаддаси написано (Х. д. р.). Д.А. Хвольсон писал, что он не смог разобрать это слово. Известный ориенталист И.Ф. Готвальд прочитал согласно правилам арабской орфографии «Хадар».

В этом «Хадаре» можно видеть город Итиль, столицу Хазарии, вернее, его восточную часть. Во-первых, Хадар можно произнести и как Хазар, ибо в тюркской речи эти звуки не различаются (например, Ибн Фадлан и он же Ибн Фазлан). В некоторых источниках восточная часть Итиля называется или Хазаран (у Ибн Хаукала), или даже Хазар (у самого ал-Мукаддаси). Во-вторых, слова Мукаддаси о том, что жители Х. д. р. вначале были иудеями, а затем стали мусульманами, указывают на Итиль — единственный крупный мусульманский город Восточной Европы, где значительную часть населения составля-





*Арабские дирхемы.
Аббасиды.
Конец VIII — начало IX в.*





Карта мира ал-Идриси (1154 г.), переработанная и изданная Конрадом Миллером. Штутгарт. 1928 г.

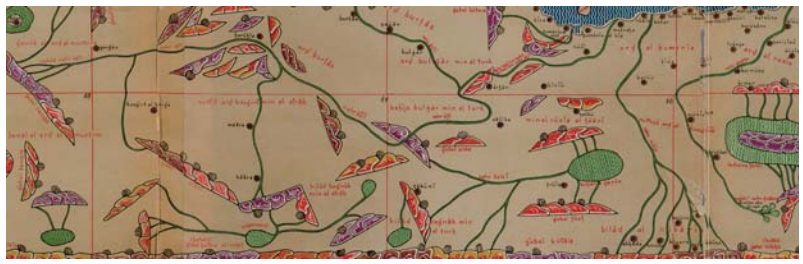
ли иудеи, которые вместе с мусульманами, христианами и язычниками жили и в его восточной части. Эти два важнейших момента, думается, говорят в пользу Итиля-Хазарана (Итиля-Хазара).

Что касается рассказа ал-Мукаддаси о Болгаре (он лежит на обоих берегах реки; строения там из дерева и камыша; ночи короткие; главная мечеть на рынке; город принадлежит мусульманам; он находится ближе к морю, чем к столице или чем столица), который приводил в недоумение ряд историков и археологов, то он возник в результате смешения сведений о Болгаре со сведениями об Итиле, что справедливо подчеркнуто Заходером .

В этой связи интересны сообщения малоизвестного автора X в., Исхака ибн ал-Хусейна, который отметил, что хазарам «принадлежат многие города, среди которых есть Булкар, находящийся в подчинении хазар; из него выходят 10 000 бойцов». Последние данные соответствуют высказываниям ал-Балхи.

Из других авторов X в. Болгар упомянут ал-Масуди в 947 г. Правда, Масуди помещает город Болгар на берегу Азовского моря, а волжских болгар иногда путает с дунайскими, но значительная часть его сведений о болгарах имеет отношение к волжским болгарам. Называя болгар мусульманами, Масуди в другом месте сообщает: «У них соборная мечеть».

Известия представителей классической арабской географии X в. в различной степени отражены в работах последующих географов и компиляторов. Среди них выделяется ал-Идриси, который в свой труд, написанный в 1154 г., включил следующий отрывок: «Болгар — имя города, населенного христианами и мусульманами: последние имеют большую мечеть. Близ этого города деревянные строения, куда переходят жители на зиму, летом они живут в палатках. В Руси и в Болгаре продолжительность дня зимой не более 3,5 часов. Ибн Хаукал уверяет, что он был свидетелем этого». География Идриси имеет большое значение как источник XII в., однако



Фрагменты карты ал-Идриси, включающей Поволжье. 1154 г.

приведенное сообщение, как видно из текста, восходит к X в. Коротко повторяет подобные сведения, размещая Болгар на берегу Волги, компилятор XV в. Ибн ал-Варди. Город Болгар среди городов Восточной Европы («седьмого климата») назван у авторов XV в. ал-Бакуви и ал-Химйари (Хумейри). Отдельно Болгар и Сувар упомянуты в хронике Фахр ад-дина Мубарак-шаха, составленной в начале XIII в. в Индии.

Домонгольский Болгар упоминается во многих более поздних татарских и персидских рукописях (рукопись Хисамутдина ал-Болгари, «Тарджимаи Ферхег-намэ», «Таварих ад-Даваир», «Бурхан-кати», «Гефт-Кулзум», рукопись Мирхонда, рукописи, найденные Х.Д. Френом, К.Ф. Фуксом, С.Г. Вахиди и др.), а также в многочисленных легендах и преданиях.

Снова обратимся к ал-Балхи: «Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что есть главнейший торговый пункт этого государства». Выражение «внешний Болгар» некоторыми исследователями было понято буквально, и на этой основе возникла гипотеза о двух Болгарах в X в. Но, как видно из приведенного текста, ал-Балхи говорил только об одном Болгаре. К тому же, в другом месте он отметил: «От Итиля до Болгара расстояние по степям около одного месяца пути; водою же, вверх по реке около двух месяцев, вниз по реке около 20 дней». Следовательно, Болгар располагался на Волге — единственном водном пути между ним и городом Итилем. По поводу «внешнего Болгара» Б.Д. Греков и Н.Ф. Калинин высказали мысль о том, что под ним следует подразумевать Ага-Базар — торговую пристань Болгара на Волге. Расстояние от Ага-Базара до Болгара около 7 км, а до Билярского городища — около 100 км. Что же касается ал-Истахри и Ибн Хаукала, то они ни о каком «внешнем» Болгаре не писали, а отметили лишь следующее: «Внутренние болгаре же суть христиане» (ал-Истахри), «между внутренними болгарами находятся христиане и мусульмане» (Ибн Хаукал).

Ибн Хаукал сообщает: «Болгар же есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же он был потому, что был гаванью этих государств. Но русы ограбили его, Хазаран, Итиль и Самандар в 358 (969. — *Р. Ф.*) году и отправились тотчас в Рум и Андалус». Здесь нет эпитета «внешний». К тому же, нетрудно догадаться, что Болгар располагался на Волге, ибо русы взяли его по пути в Хазарию, плывя по этой реке. Слова Ибн Хаукала «Болгар есть небольшой город, не имеющий многих владений» в известной степени созвучны с определением «Худуд ал-алем»: «Болгар — город с небольшой областью». В этой связи уместно привести чрезвычайно интересное сообщение ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукала о ближайшем к Болгару племени русов, царь которых живет «в городе Куяба (Киев), который есть больше Болгара».



Монеты Кордовского халифата. Вторая половина X в.



Таким образом, исторический материал представляет два крупных города Волжской Болгарии X в. — Болгар и Сувар, притом основное внимание уделяется Болгару, городу с главной мечетью, крупнейшему торговому пункту государства, городу, вблизи которого происходил прием предводителем болгар Алмушем посольства халифа и где был утвержден ислам как государственная религия. Все это, а также важнейший факт, что тем же именем источники называют страну и ее население, дают полное право рассматривать Болгар как столицу государства. Кстати, в словаре Йакута, куда были включены записи Ибн Фадлана, сказано: «Болгар — главный город славян (болгар. — *Р. Ф.*)».

Из восточных географов XI в., дающих отдельные сведения о волжских болгарах, известны ал-Марвази, ал-Бакри, Гардизи, Махмуд Кашгари. Об оригинальных сообщениях ал-Марвази мы писали выше, ибо часть рассказа о болгарских городах заимствована им от Джайхани. Ни ал-Бакри, ни Гардизи, у которых имеются любопытные данные о стране болгар, к сожалению, не упоминают городов. Это



Абу Абдаллах ал-Идриси. Карта мира. 1154 г.



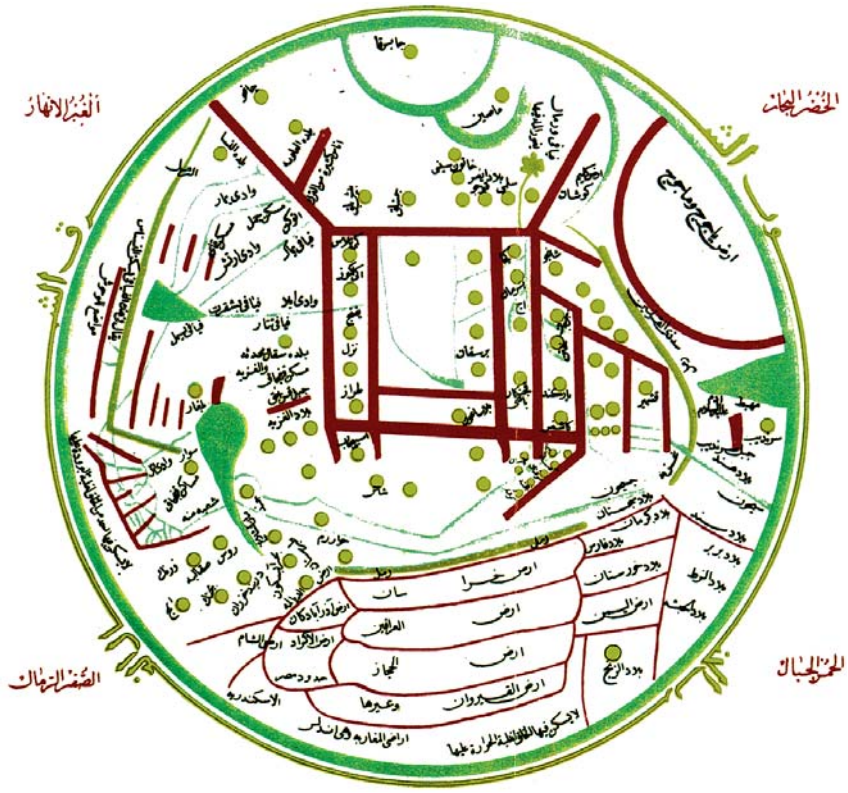
Биляр строится.
Худ. Ф. Халиков

в первую очередь объясняется, конечно, тем, что они пользовались в основном сочинениями Ибн Русте, при котором этих городов еще не было. Правда, были и другие источники, например, известные нам Джайхани и Масуди — у ал-Бакри, Джайхани и частично «Худуд ал-алем» — у Гардизи. Однако, несмотря на это мы лишены возможности пользоваться сведениями географов XI в. для изучения истории города Болгара. Впрочем, надо иметь в виду, что труд Гардизи «Зайн ал-ахбар» до настоящего времени полностью не издан.

Махмуд Кашгари в произведении «Диван лугат ат-турк», завершенном в 1074 г., небольшое внимание уделил описанию поволжских тюркских народов. Он упомянул Болгар, назвав его «известным тюркским городом», и Сувар, отождествленный с городом Саксином (однако это не тот Саксин, который через 100 лет был описан ал-Гарнати). Составленная Махмудом Кашгари круглая карта мира, довольно схематичная и несовершенная, помещает эти города почти у Каспийского моря. По всей вероятности, автор, не бывавший сам в этих городах, связал их с Каспийским морем потому, что оно в те времена называлось и Болгарским. Кашгари в тексте пишет: «Атил — река в области кыфтджаков (кипчаков. — *Р. Ф.*); она впадает в море Болгар».

Из авторов XI в. следует упомянуть еще ал-Бируни. Хотя он не оставил ценных сведений о болгарских городах, но в своем сочинении «Ат-Тафхим ли-ава'ил сина'ат ат-танджим», написанном около 1030 г., среди городов «седьмого климата» указал Сувар и Болгар.

Сведения о Болгаре XII в., по сравнению с XI в., богаче. Они оставлены двумя путешественниками, побывавшими в Волжской Болгарии спустя 200 лет после Ибн Фадлана. Один из них — ал-Гарнати, араб из Андалузии, посвятивший путешествиям почти всю свою жизнь. Он провел 20 лет в Восточной Европе, главным образом в низовьях Волги, — в городе Саксине. За это время он несколько раз посещал Хорезм,

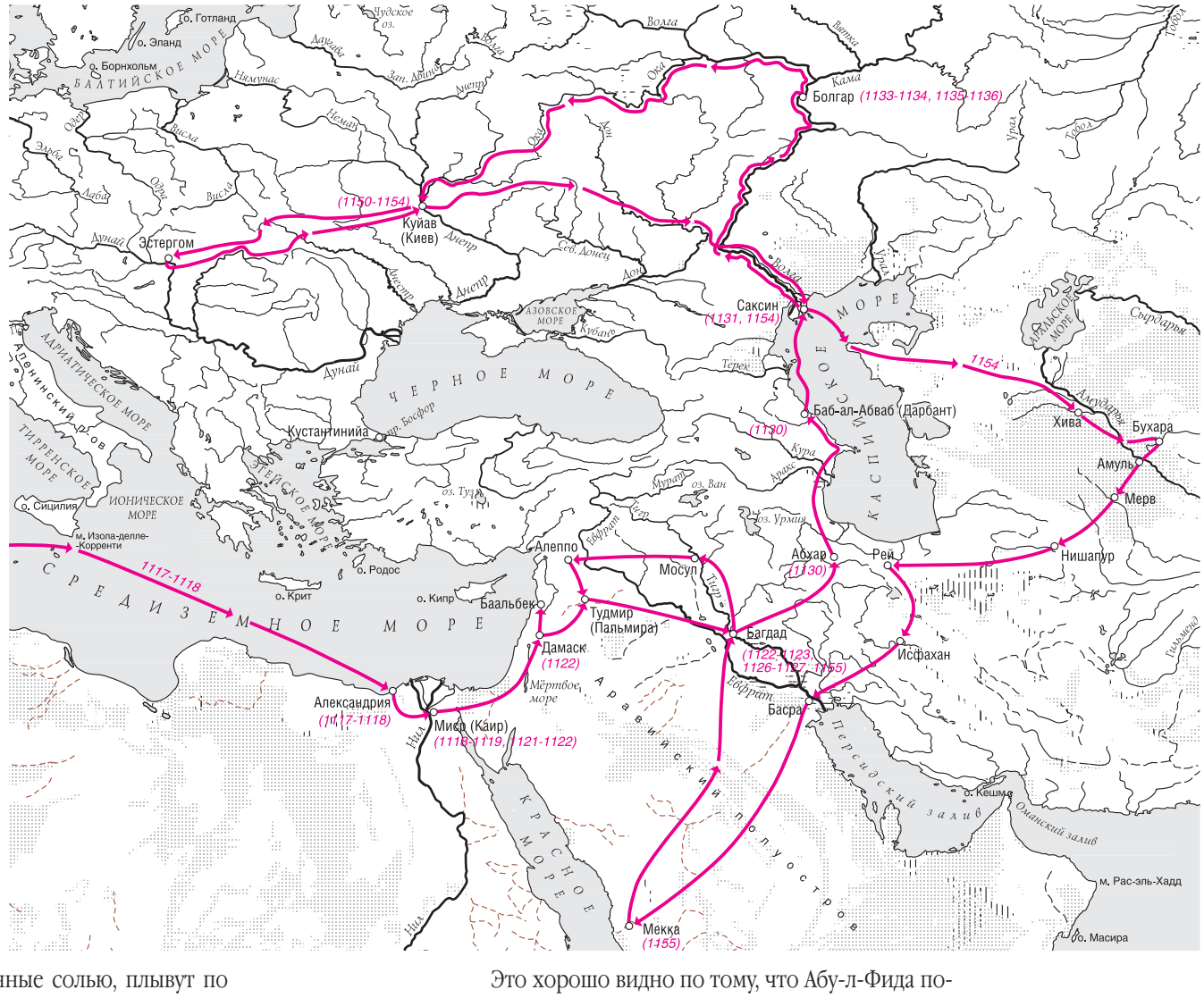


Махмуд Кашгари.
Карта мира. 1074 г.

Волжскую Болгарию и Русь. Свои путешествия он описал в 1162 г. в работе «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб». Сведения о болгарах и городе Болгаре из этой книги были повторены в космографии Казвини (XIII в.) и в работе турецкого географа XVI в. Мухаммеда Ашика.

Приводим сведения ал-Гарнати о городе Болгаре, сравнивая их со сведениями из прежних работ: «А Болгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов. Когда день длинный, то его длина двадцать часов, а ночь четыре часа. А когда наступает зима, длится ночь двадцать часов, а день — четыре часа». Из книги ал-Гарнати ясно можно понять, что Болгар был расположен на Волге: он пи-

Путешествия Абу Хамида ал-Гарнати



шет, что суда, нагруженные солью, плывут по этой реке в Болгар, а иногда определяет расстояние между Болгаром и Саксином по реке.

Следует остановиться еще на одном, чрезвычайно интересном сообщении Гарнати, имеющем прямое отношение к вопросу о болгарской столице. В последние годы данное сообщение стали связывать с Биляром. Поводом для этого послужил старый перевод работы Гарнати. Там говорится, что некий мусульманин, помогавший лечить царя и его жену и распространять мусульманство, «назывался Бюлар, а по его имени город назван Бюларом. впоследствии с арабским изменением Болгар». Отсюда был сделан вывод, что Гарнати писал не о Болгаре на Волге, а о Биляре, названном Болгаром, что повторяет якобы позднее Абу-л-Фида. Этот отрывок в новом издании выглядит так: «А ученый у них назывался балар, поэтому назвали эту страну «Балар», смысл этого — «ученый человек», и арабизировали это, и стали называть «Болгар»». Следовательно, налицо разночтение: не Бюлар, а балар, не город, а вообще страна. Однако дело не только в переводе. Против возможности такой арабизации, т. е. превращения «Бюлар» (Биляр) в «Болгар», категорически выступили в свое время Френ и Хвольсон; Френ считал, что Биляр был отдельным городом.

Что касается Абу-л-Фиды, который якобы подтверждает сообщение ал-Гарнати, необходимо отметить следующее. Этот выдающийся географ XIV в. в своем труде «Таквим ал-булдан», завершенном в 1321 г., приводил небольшие, но любопытные данные о болгарском городе, но не о Биляре XII в., а о Болгаре XIV в. Это хорошо видно по тому, что Абу-л-Фида помещает его на «северо-восточном континенте», там же, где Сарай, от которого он отстоит более чем на 20 дней пути. Известно, что города Сарая в XII в. еще не было. Определяя местонахождение золотоордынского города Укек, он пишет, что Укек «находится между Сараем и Болгаром на половине дороги», или же: «От Болгара течет Итиль к городку, находящемуся на берегу его» по имени Укек, а от него к местечку, называемому Бельжемен, и все в направлении к югу». В другом месте Абу-л-Фида говорит о Волге, которая «проходит около города Болгара, огибая его с севера и запада». Данное определение полностью соответствует топографии окрестностей Болгара.

Сочинение ал-Джавалики, другого путешественника XII в., не сохранилось до наших дней. Шпилевский, приводя слова о коротких зимних днях в Болгаре, которые Джавалики передавал как очевидец, считал, что трудом Джавалики пользовался впоследствии Ибн ал-Варди. В работе дореволюционного татарского историка М.М. Рамзи приводятся дополнительные, более интересные сообщения Джавалики о болгарах и Болгаре. После слов о краткости зимних дней, Джавалики сообщает: «Их строения похожи на строения Рума. Они большой народ, их город называется Болгар. Это очень большой город». Рамзи отметил, что при описании Болгара Джавалики доходит до преувеличения, ибо в другом месте сам же называет его небольшим городом.

Анализ сообщений путешественников XII в. о городе Болгаре показывает, что Болгар продолжали определять как город большого наро-

да. Несмотря на то, что ал-Гарнати жил у болгар довольно значительное время, он не называет других знаменитых городов.

В русских летописях, отражающих события домонгольского времени, название города Болгара отсутствует (лишь в XIV в. упоминаются «Болгары Великие»), а термины «Болгары», «болгары» или «болгаре» применены для обозначения болгарской земли и ее населения. Однако принято отождествлять домонгольский Болгар с летописным Бряхимовым («Град их славный Бряхимов»), единственный раз упомянутым под 1164 г. в связи с походом Андрея Боголюбского на Волжскую Болгарию: «Иде князь Андрей на Болгары, с сыном своим Изяславом и с братом своим Ярославом и с муромским князем Гюргем..., самих исекоша множество, а стягы их поимаша и едва в мале дружине утече князь болгарский до Великого города. Князь же Андрей воротися с победою, видев поганые болгары избиты и шедши взяша град их славный Бряхимов, а переди их пожгоша». Считают, что название Бряхимов связано с именем Ибрахима, одного из правителей домонгольской Болгарии. Кстати, в Летописце Переяславля-Суздальского город назван «Ибряхимов». Основываясь на Списке болгарских ханов (князей), составленном Марджани, Шпилевский высказал предположение об Ибрагиме как о современнике Андрея Боголюбского. После Шпилевского стало известно имя еще одного Ибрахима — это «эмир Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед», бывший «государем Болгара и той области, которую целиком называют Болгар», упомянутый под 1024–1025 гг. в связи с посылкой болгарским правителем денег на сооружение двух мечетей в Хорасане в сочинении автора газневидских мемуаров Бей-хаки.



Харири, группа всадников в ожидании праздничного шествия (седьмой макам). Худ. Яхья ибн Махмуд аль-Васити. Начало XIII в.

Представляется более вероятным связывать название города именно с этим Ибрахимом, ибо он упомянут в раннем источнике, к тому же, известны его полное имя, год правления (415 г. х., т. е. 1024–1025 гг.) и то, что он правитель Болгара и всей страны.

Выбор Болгара столицей в X в., когда образовалось государство, вполне закономерен. Он занимал весьма удобные позиции при слиянии Волги и Камы. Сооружение столицы в этом важном районе сыграло важную роль в объединении болгарских земель в одно централизованное государство, в превращении Волжской Болгарии и ее столицы в центр международного экономического и культурного обмена между Западом и Востоком. Во второй половине XII в. политический центр страны был перенесен в Биляр, в глубь страны, подальше от побережий больших рек, где стало тревожно.



Белая палата в Болгаре. Худ. К. Нафиков



Красная палата в Болгаре (баня). Худ. К. Нафиков

Как уже упоминалось, под 1164 г. в летописи встречается название Великого города. В историографии существуют различные мнения по вопросу о местонахождении Великого города. Они тщательно разобраны Шпилевским, установившим, что «Великий город» русских летописей — это город, остатки которого находятся на р. Малый Черемшан, на месте нынешнего села Билярск. Подтверждением этого мнения послужило расположение «Великого города» и Билярского городища на реке Черемшан («Черемисан» в летописях). Кроме того, Билярское городище по размерам не имеет себе равных среди всех болгарских городищ. Отождествление его с Великим городом достаточно правомерно.

После событий 1184 г. Великий город упоминается в летописях еще четыре раза: под 1220 г. — в связи с описанием похода Святослава на Ошель, к которому с опозданием пришла помощь из Великого и других болгарских городов; под 1229 г. — в рассказе об убиении болгарами некоего Авраамия в Великом городе, в ответ на что кто-то поджег город, и он горел три дня; под 1232 г. — в сообщении о первом нашествии монголов, когда они вынуждены были зимовать, не дойдя до Великого города; наконец, под 1236 г. — при описании завоевания Волжской Болгарии монголами, которые «взяша славный великий город Болгарский, избиша оружьем от старца до уного, и до сущаго младенца, и взяша товаре множество,

и город их пожгоша огнем и всю землю плениша». При описании последнего события подчеркивается значение «великого города Болгарского», его судьба связывается с судьбой всей болгарской земли. Следует заметить, что в этот последний раз он назван и славным, т. е. тем же эпитетом, которым называли летописи в 1164 г. город Бряхимов, между прочим, больше не упоминавшийся, — везде фигурирует только название «Великий город».

Историография располагает рядом мнений о том, что этот «великий город Болгарский», упомянутый под 1236 г. как центр Волжской Болгарии в год монгольского завоевания, и есть город Болгар (П.И. Кеппен, А.Артемьев, Н.И. Второв, Ф.И. Эрдман, М.Г. Худяков и др.). Это объясняется главным образом тем, что «Великим» русские летописи называют и город Болгар. Однако Шпилевский указал, что Болгар назван так лишь в 1374 г. Решая вопрос об отождествлении «великого города Болгарского» с Болгаром времени нашествия монголов, нельзя не учесть некоторые восточные источники, например, сообщение Джувейни (XIII в.): «В пределах Болгара царевичи соединились; от нашествия войск земля стонала и гудела; а от многочисленности и шума полчищ столбенели звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силой и штурмом взяли город Болгар (подчеркнуто мной. — *Р.Ф.*), который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью».

Таким образом, письменные источники из двух известных им городов Волжской Болгарии X–XI вв. — Болгара и Сувара — выделяют Болгар как главный политический и экономический центр государства, названный именем страны и ее населения и располагавшийся на соединении двух крупнейших водных магистралей, сыгравших большую стратегическую и торговую роль в жизни народов Восточной Европы. В русских летописях город имел и другое название — Бряхимов (по всей вероятности, по имени правителя государства в XI в. — Ибрахима). Перенос столицы в глубь страны — в город Биляр («Великий город» русских летописей) — в XII в. связан с обострением международных отношений Волжской Болгарии, особенно с Русским государством.

Биляр был сильно разрушен в 1236 г., и хотя он впоследствии частично был отстроен, но утратил былую мощь и политическое положение. Болгар же, благодаря расположению недалеко от слияния Волги и Камы, вновь стал важным центром и не только для самой Болгарии, но и для новообразованной Золотой Орды.

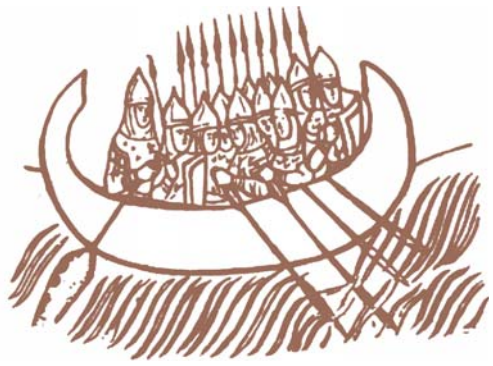
По персидскому сочинению «Ферхег-намэ» известно название города Болгара как «Золотого трона» («Алтын тахт») золотоордынских ханов. Шпилевский вслед за Ф.И. Эрдманом считал, что это сообщение отражает XIII век, и связывал его со сведениями западноевропейского путешественника Рубрука (XIII в.) о летней кочевке Батыя далеко на север, т. е., как предполагают исследователи, в город Болгар. О том, что Батый сидел в Болгаре, говорит другой, правда, более поздний источник — Казанский летописец середины XVI в.: «Державнии же наши (русских. — *Р.Ф.*) идоша в Болгары ко царю (Батыю. — *Р.Ф.*) и ту встретиша и утолиша его великими многими дарми». Летописец называет Батыя «Саином Болгарским». Золотоордынский хан Берке, по сообщению Марко Поло, правил и в Болгаре, и в Сарае. Марко Поло писал, что его отец и дядя «прибыли к Берка хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае». Братья Поло целый год прожили на земле Берке, а когда началась война с Хулагуидами, решили вернуться в Константинополь: «Собрались да вышли из Болгар».

Таким образом, исторические источники свидетельствуют о том, что на первых порах, в период отсутствия своих городов, монгольские правители пользовались старыми, домонгольскими, центрами завоеванных земель. Примером этого в Среднем Поволжье служит Болгар.

В первой половине XIV в. — в период могущества Золотой Орды — Болгар оставался центром болгарских земель, являясь одновременно одним из самых крупных городов в ордынских владениях на северо-западе. В арабо-персидских источниках XIV–XVI вв., сообщающих об областях и городах в составе Золотой Орды описываемого периода, название «Болгар» варьирует: иногда его применяют в значении болгарской земли и ее населения («История Вассафа», Хамдаллах Казвини, Шараф ад-дин Йезди, «Родословие тюрок»), а иногда — в зна-



Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Пластическая реконструкция М.М. Герасимова



Русская дружина в ладье. Миниатюра XII в.



Поход Всеволода Большое Гнездо на Болгар. 1183 г. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

чении конкретно города Болгара (ал-Дзахаби, ал-Омари, ал-Асади, Гаффари). Так, арабский автор первой половины XIV в. перечисляет: «Границы этого государства (Золотой Орды. — *Р. Ф.*) со стороны Джейхуна: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Болгар, области Сибир и Ибир, Башгырд и Чулыман». Сообщение несколько иного характера оставлено арабским автором первой половины XIV в. ал-Дзахаби: «Царство его (Узбек-хана. — *Р. Ф.*) (лежит) на северо-востоке и (простирается) от моря Константинопольского до реки Иртыша в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Бабелабваба (Дербенда) до города Болгара, т. е. приблизительно на 600 фарсахов». В ряде сообщений название Болгара отождествляется с названием болгарской земли в составе Золотой Орды (ал-Муфаддал, Ибн Халдун, «Аноним Искендера»).

Вследствие единства государственной религии (ислам), сходства литературного языка (поволжский тюрки) и многих элементов городской культуры Волжская Болгария была гораздо ближе Золотой Орде, чем некоторые нетюркские государства, например Русь. Исследователи отмечают, что в исламизации Орды видную роль сыграл Болгар.



Миниатюра из книги «Путешествия Марко Поло». 1477 г.



Монголы гонят пленных. Тебризская миниатюра. Первая четверть XIV в.

Ал-Омари, например, писал, что один из известнейших городов Золотой Орды — это Болгар. Факт чеканки джучидских монет в Болгаре от имени ханов Орды говорит о подчиненном положении этого города по отношению к центру — Сараю. В 1330-х гг. прекратилась монетная чеканка в Болгаре, а еще раньше — в Азаке и Крыму. Но болгарский денежный рынок в 1340-е гг. еще сохранял некоторое своеобразие, связанное с чеканкой здесь до 1330-х гг. местного дирхема. В этом, возможно, проявились стремления к обособлению Болгара и его округи, которые усилились в последний период существования Золотой Орды.

Необходимо сказать и о тех сообщениях, касающихся города Болгара, которые оставлены путешественниками первой половины XIV в. Таких путешествий в Болгар было совершено несколько. Среди них выделяется путешествие Ибн Батуты в 1333 г. в города Золотой Орды. Он посетил тогда же и Болгар: «О моем путешествии в город Болгар. Я наслышался о городе Болгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость ночи в нем, а также про кратковременность дня в противоположное время года. Между ним и ставкой султана (Узбека. — *Р. Ф.*) был десяток (дней) пути. . . Также короток день в нем (Болгаре) в период краткости его (зимой). Пробыл я там три дня».

Междоусобица в Сарае и военные столкновения в Поволжье нанесли немалый ущерб закамскому населению. В сражениях Тохтамыша с Тимуром принимали участие воинские силы Болгара, о чем сообщают восточные источники. Так, Шараф ад-Дин Йезди пишет, что в 1388 г. ордынский хан снарядил большое войско со всего улуса Джучи, включая и болгар. О выступлении войска из Болгара на стороне армии Тохтамыша в сражении против Тимура в 1391 г. можно судить по сообщениям историка XV в. Абд ар-Раззака.

Болгар и другие болгарские города сильно пострадали в результате походов новгородских ушкуйников, которые начались одновременно со смутой в Орде. В 1366 г. ушкуйники ограбили Болгар. В 1374 г. новгородцы на 90 ушкуях пошли вниз по Вятке, далее поплыли по Каме и взяли Болгар, но там им дали выкуп в 300 рублей, чтобы они не трогали города.



*Чаша. Кашин.
Подглазурная роспись.
Поволжье. XIV в.*



*Монгольское войско.
Персидская миниатюра.
Начало XIV в.*

Прошел только год, и новгородцы снова на 90 ушкуях направились в поход: вначале они ограбили русские города Кострому и Нижний Новгород, в последнем побили «бесерман» (болгар?), далее вышли на Каму, продали в Болгаре христианских пленников и поплыли дальше к Астрахани.

Ходили в Волжскую Болгарию с походами и русские князья. Так, в 1370 г. Дмитрий Суздальский послал своего брата и сына с войском «на болгарского князя Асана» (в некоторых летописях Осан). Асан вышел к ним навстречу с челобитьем и дарами. Те приняли дары, а на княжение посадили «Салтана бакова сына». В 1376 г. великий князь Дмитрий Иванович и упомянутый Дмитрий Суздальский послали большое войско к Болгару. Болгары вышли из города навстречу русским, стреляли из «луков и из самострелов, а инии гром пучаще с града, страшаще русское воинство; а инии выехоша на верблюдах, кони русские полошающе». Однако русские одолели. Князья Асан и Махмат Салтан били челом и дали выкуп за город 5000 рублей, а русские «дарагу» (даруга. — *Р. Ф.*) и таможника посади на великого князя в Болгарах». Личности упомянутых в летописях Асана и Махмата (Мамат, Маамат), «бакова сына», определены П.С. Савельевым: Асан — это малоизвестный Хасан-хан, от имени которого чеканились монеты в Новом Сарае, бывший князем в Болгаре. Русские князья предприняли поход в Болгар по требованию Мамая для низвержения Хасана в пользу Махмата (Мухаммеда Булака) .

В 1360-е гг. проявились некоторые стремления к обособлению Волжской Болгарии от Золотой Орды. В 1361 г. ордынский князь Булат-Тимур захватил Среднее Поволжье.

Проведем краткий анализ русских летописей, в которых содержатся сведения об этом событии 1361 г. Одни из них (Воскресенская, Никоновская, Рогожская, Симеоновская) сообщают следующее: «А Булат-Темир, князь ордынский, Болгары взял, и все грады на Волге и улусу поймал, и отня весь Воложский путь». Другие (Новгородская IV, Софийская I, Летопись Авраамки), рассказывая о том же походе, не упоминают Болгара: «А Булат-Темир, князь ордынский, поима грады поволжские, волости вся». Конкретных сведений о разгроме болгарских городов ни одна летопись не содержит. Нам кажется, что в объяснении этого исторического факта прав Г.А. Федоров-Давыдов, оценивший его как



*Зеркало
с эпиграфическим узором
и изображением
фантастических
существ.
Поволжье.
XIII — начало XIV вв.*



*Чаша с изображением
барса. Поволжье.
Сарай ал-Джадид.
XIV в.*

«захват отдельных оседлых периферийных районов улуса Джучи сепаратистски настроенной феодальной знатью, чьи желания и политические устремления были направлены на утверждение автономии их улусов».

Тогда же выделились и другие улусы — княжества Наровчатское, Астраханское, Сарайчукское и Хорезмское. Что же касается Булат-Тимура, который начал самостоятельную политику в обособленной Волжской Болгарии, то он кончил бесславно: в 1366 г. пошел войной на русские земли, однако, встретившись с войском суздальского князя Дмитрия, бежал в Орду «и тамо убиен бысть от Азиза царя». Восстановил ли Азиз-шейх власть над Болгаром, сведений нет. Однако через четыре года летописи снова упоминают Болгар, но уже в связи с новым правителем —

Асаном, также сбежавшим из Золотой Орды и захватившим власть в Болгарии.

В конце 1370-х гг. было временно восстановлено единство Золотой Орды. Все улусы Джучи, помимо Хорезма, снова были подчинены Сараю. Это единство еще более утвердилось в правление Тохтамыша. Некоторые русские источники называют его ханом Сарая и Болгара. В 1382 г. Тохтамыш послал своих людей в город Болгар с заданием задержать и препроводить к нему всех русских торговцев вместе с их судами и товарами.

Последний поход на Болгар в XIV в. датируется 1395–1399 гг. Летописи сообщают, что суздальский князь Семен Дмитриевич, изгнанный великим князем Василием и нашедший убежище в Золотой Орде, пришел под Нижний



Поход новгородских ушкуйников на Болгар. 1366 г. Миниатюра Лицевого летописного свода

Новгород и осадил его. С ним был и татарский царевич Ентяк во главе тысячного войска. Город был взят войском Ентяка и ограблен. В ответ на это русское войско под руководством великого князя взяло города Болгар, Жукотин, Казань и Керменчук и, воевав там три месяца, возвратилось с большой добычей. Это событие упоминается под 1395 г. в Новгородской IV, Софийской I летописях, Русском хронографе, Западнорусских летописях, Никаноровской летописи, Сокращенных летописных сводах конца XV в., Вологодско-Пермской летописи; под 1396 г. — в Никоновской летописи и Мазуринском летописце; под 1399 г. — в Троицкой, Софийской II, Тверской, Воскресенской и Львовской летописях.

Таким образом, во второй половине XIV в. для Волжской Болгарии и Болгара сложилась крайне неблагоприятная обстановка: бесконечные смуты в Золотой Орде и в связи с этим открытие дороги ушкуйникам, путь которых на Волгу после вятских лесов проходил по Каме через болгарскую землю, богатую городами и селениями. Не остались в стороне и русские князья. Такая обстановка оказала отрицательное воздействие на развитие экономики и на оборону Волжской Болгарии, особенно ее центральных земель и городов во главе с Болгаром. Болгар был не в состоянии дать необходимый отпор ни ушкуйникам, ни княжеским войскам. Западноевропейский путешественник И. Шильтбергер сообщал, что Едигей, прежде чем посадить на престол нового хана Пулата, «выступил в Болгарию, которая также им была завоевана». М.Г. Сафаргалиев считает, что ушедший из Орды Джелал ад-дин взял Болгар и летом 1407 г. был провозглашен ханом. Следовательно, поход Едигея в Волжскую Болгарию был связан с целью окончательного упрочения его власти и на севере, что ему и удалось сделать. Русские летописи указывают, что во время похода на Нижний Новгород в 1408 г. в составе армии Едигея были болгары и мордва: «И с ним (Едигеем. — *Р. Ф.*) мнози татарове, и болгарская сила и мордва».

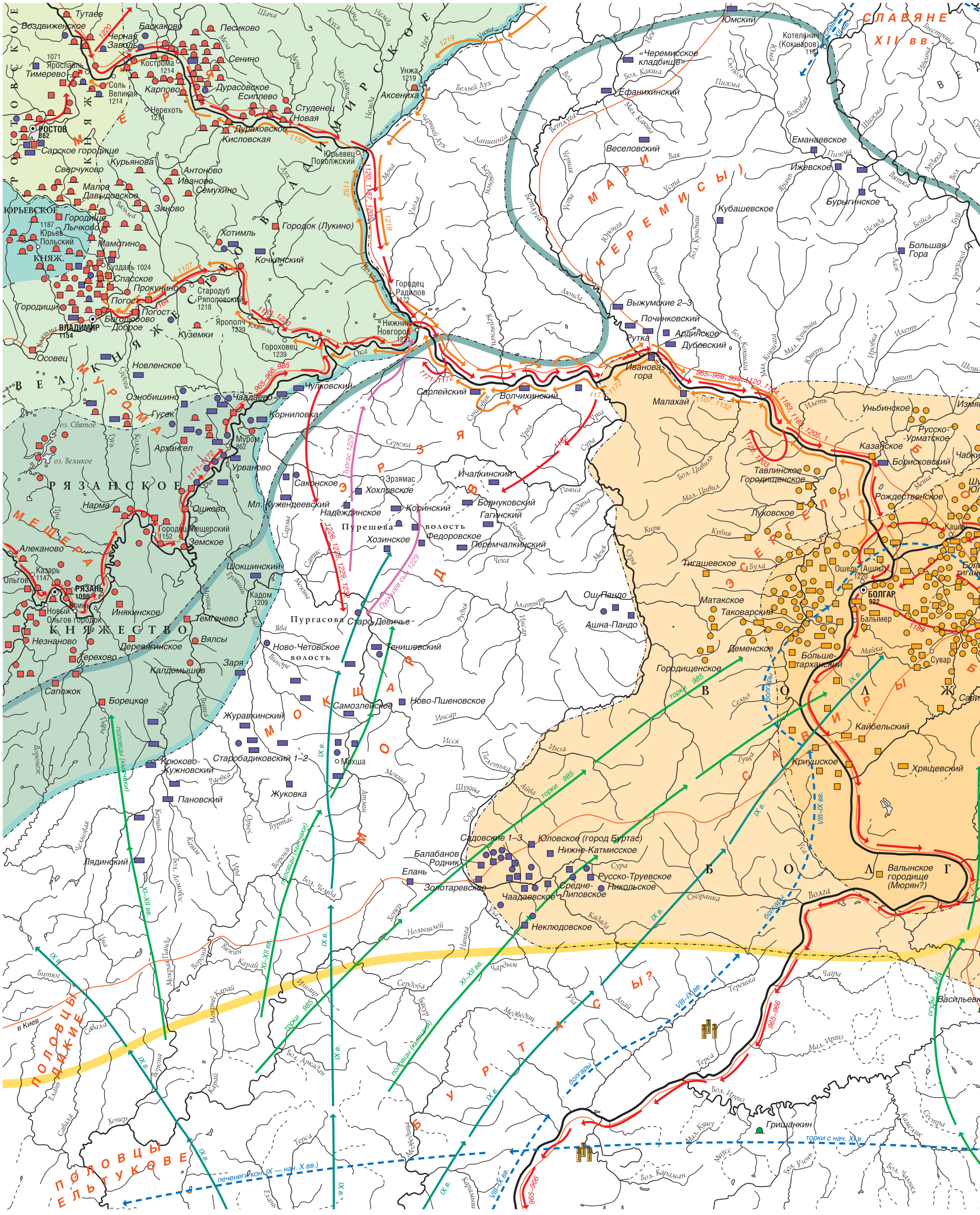


Печать великого князя Дмитрия Ивановича Донского

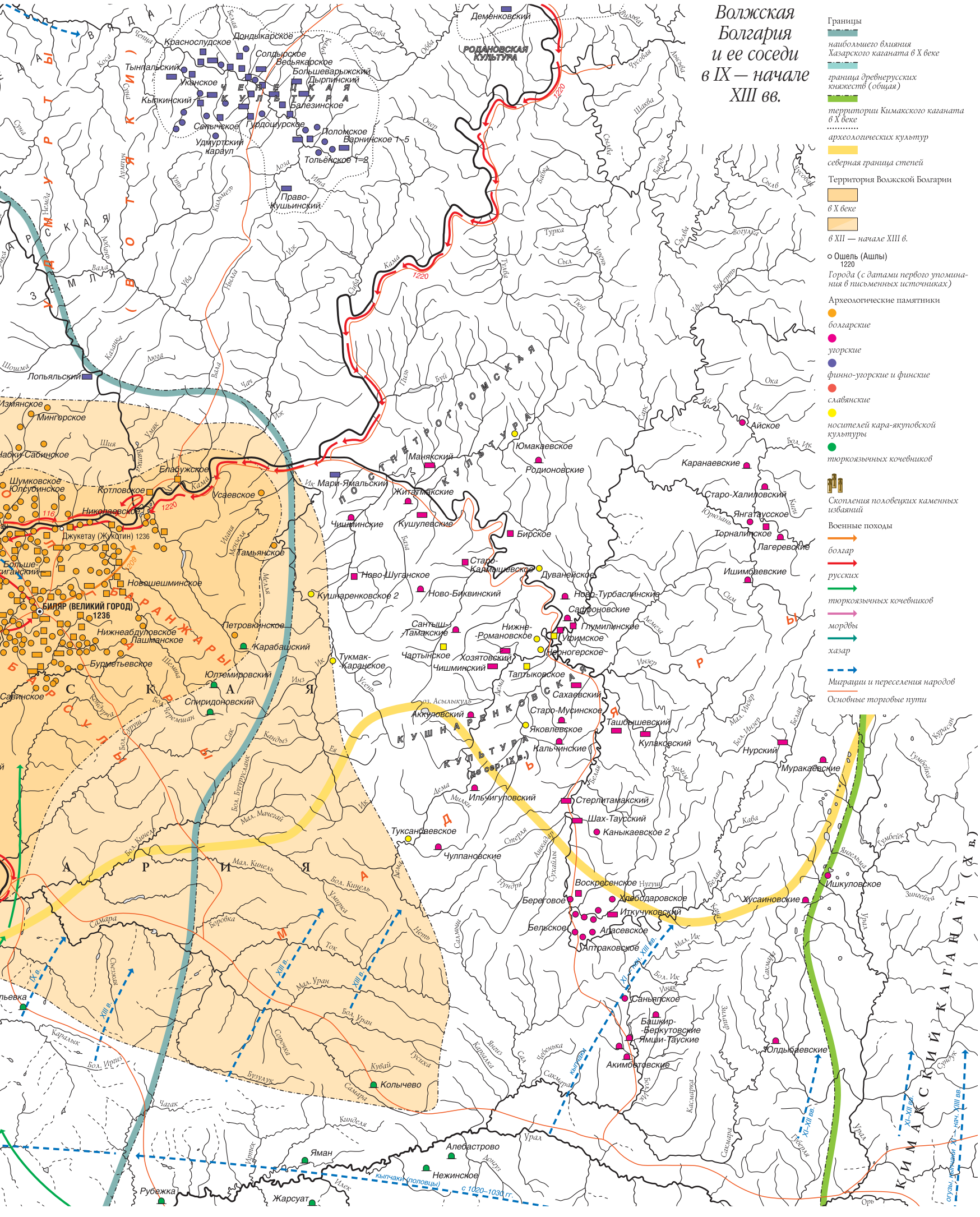
Проходит только год, и русские летописи снова обращают внимание на события в Волжской Болгарии, что связано с походами ушкуйников и князей. Софийская II и Никоновская летописи сообщают, что новгородский посадник Анфал в 1409 г. с большими силами ходил на Болгар: сто насадов (судов) направилось по Каме, а полтораста — по Волге. Однако на Каме болгары их остановили и повели в Орду. Коротко о походе Анфала на Болгар говорится также в летописях Новгородской IV и Софийской I, Авраамки, Западнорусских, Никаноровской, в Сокращенном летописном своде 1495 г., Холмогорской летописи, Пискаревском и Архангелогородском летописцах. В Тверской летописи приводятся подробности похода. Там говорится, что ушкуйники, тот их отряд, который пошел по Волге, ограбил Кострому, Нижний Новгород и потом направился к устью Камы, «на совет Анфалу и не успеша». Анфал водами вышел на Каму. Вначале болгарские и жукотинские князья предложили ему выкуп, а когда Анфал доверился им, перебили его дружину. Часть ушкуйников убежала.

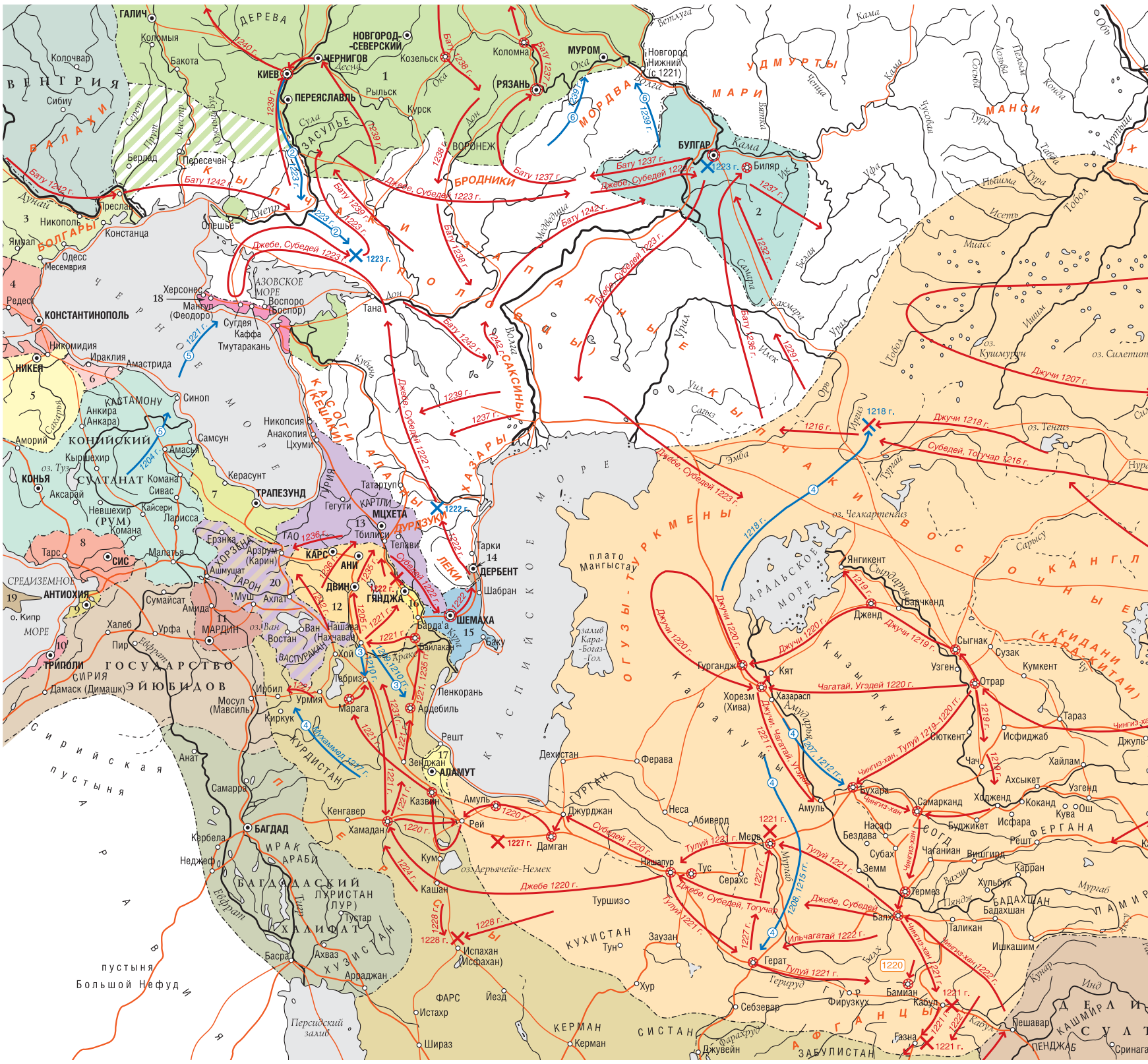
Болгарские и жукотинские князья упоминаются вместе и под 1411 г., при описании сражения в Лыскове на Волге между московскими и суздальскими князьями. На стороне последних Никоновская летопись указывает болгарских и жукотинских князей, а Тверская — еще и мордовских.

Под 1429 г. летописи описывают поход татар на Галич. Великий князь послал против них войско. Отряд под руководством Федора Пестрого и Федора Добрынского «угониша да их биша, татар и бесерман, и полон весь отняша». Это событие описывают Софийская I, Софийская II, Воскресенская, Вологодско-Пермская летописи, Пискаревский и Архангелогородский летописцы. Шпилевский под летописными «татарами» подразумевал болгар. По всей вероятности, он был прав. В 1431 г. Федор Пестрый совершил поход на болгар, «воева их и всю землю их отняша». Предпринятый по приказу Василия II поход Пестрого, как принято считать в историографии Волжской Болгарии, положил конец существованию Болгара. Роль политического, экономического и культурного центра края перешла к новому городу — Казани.

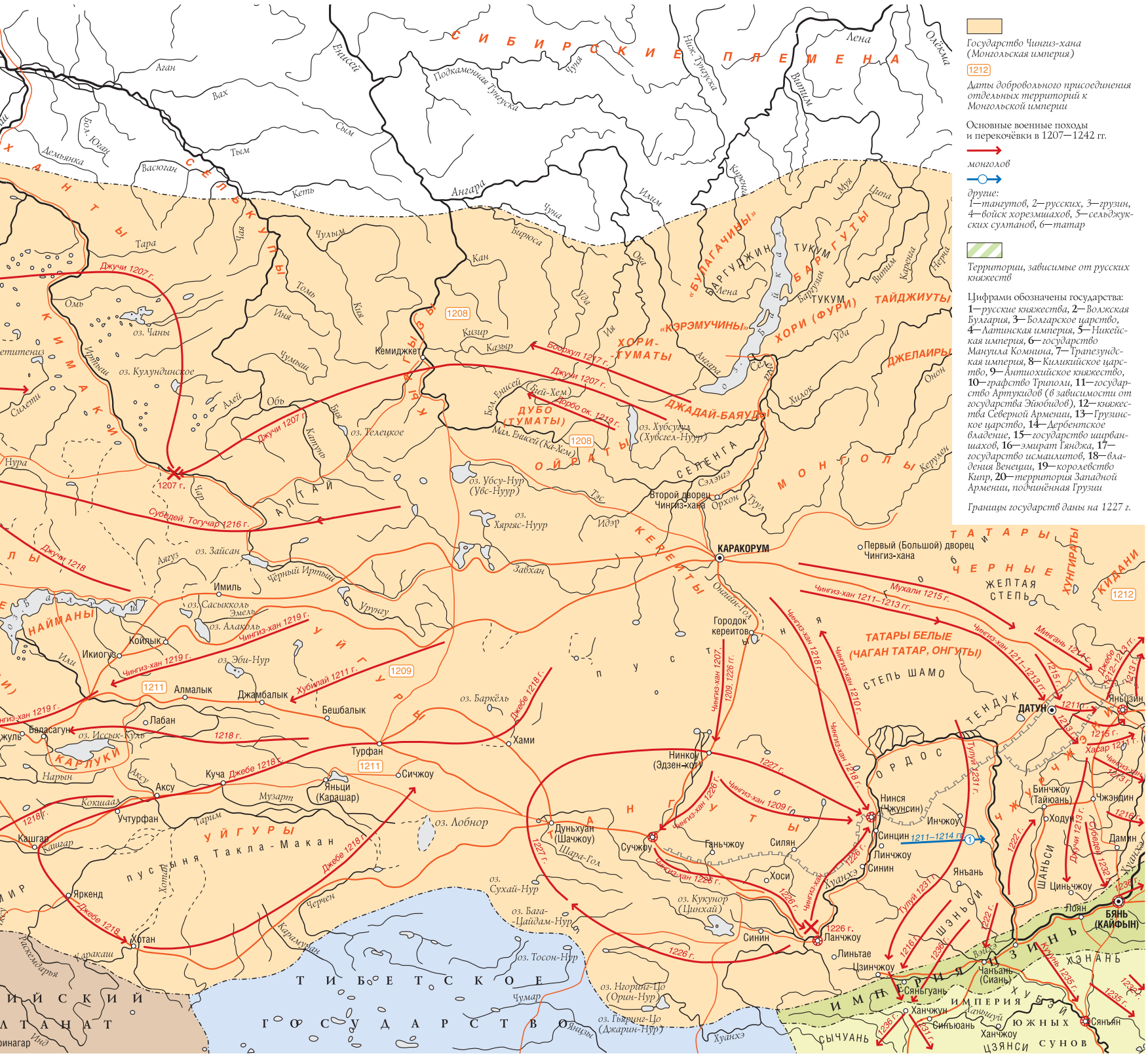

СЛАВЯНЕ XII вв.
МАРИ (ЧЕРЕМИСЫ)
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО РЯЗАНСКОЕ
КНЯЖ.
ВЕЛ. КНЯЖ.
РОСТОВСКОЕ
ВЛАДИМИРСКОЕ
МУРОМА
МЕЩЕРА
ПОЛОВЦЫ ДИКИЕ
ПОЛОВЦЫ ЕЛЬТУКОВЕ
ТОРКИ
ПЕЧЕНЕГИ
БОЛГАРЫ
Ростов
Ярославль
Тимерево
Воздвиженское
Тутаев
Баскаково
Песиково
Черная Заводь
Сенино
Кострома
Соль Великая
Карпово
Дураскавское
Есиплево
Студенец
Новая
Нерехоть
Дураховское
Кисловская
Сарское городище
Курьянова
Сверчуково
Малое Давыдовское
Зиново
Антоново
Иваново
Семухино
Юрьевец Поволжский
Городище Лычково
Юрьев Польский
Мамдтино
Суздаль
Спасское
Прокунино
Погост
Городищи
Погост Богородово Доброе
Владимир
Стародуб Ряполовский
Ярополч
Кочкинский
Городок (Лукино)
Хотимль
Куземки
Осовец
Новленское
Гороховец
Нижний Новгород
Городец Радилов
Унжа
Аксениха
Юмский
Котельнич (Кокшаров)
«Черемисское кладбище»
Ефанихинский
Веселовский
Еманаевское
Ижевское
Бурыгинское
Кубашевское
Большая Гора
Выжумские 2–3
Починковский
Ардинское
Дубовский
Рутка
Иванова гора
Малахай
Сарлейский
Волчихинский
Чулковский
Ознобишино
Гусек
Чаадаево
Корниловка
Муром
Архангел
Урваново
Саконское
Эрзямас
Хохловское
Мл. Кужендеевский
Надеждинское
Коринский
Пурешева волость
Хозинское
Федоровское
Перемчалкинский
Ичалкинский
Борнуковский
Гагинский
Пургасова Старо-Девичье
Ново-Четовское волость
Тенишевский
Самозлейское
Ново-Пшеновское
Журавкинский
Старобадиковский 1–2
Махша
Жуковка
Пановский
Лядинский
Юрюково-Кужновский
Борецкое
Сапожок
Заря
Калдомышев
Вялсы
Деревягинское
Терехово
Незнаново
Инякинское
Темгенево
Ошково
Городец Мещерский
Земское
Алеканово
Ольгов
Казарь
Рязань
Ольгов городок
Новый Ольгов
Шокшинский
Кадом
Ош-Пандо
Ашна-Пандо
Матакское
Таковарский
Деменское
Городищенское
Тигашевское
Ошель (Ашня)
Болымер
Болгар
Больше-тарханский
Сувар
Каибельский
Криушское
Хрящевский
Садовские 1–3
Юловское (город Буртас)
Нижне-Катмисское
Балабанов Родник
Елань
Золотаревское
Русско-Труевское
Средне-Липовское
Никольское
Чаадаевское
Неклюдовское
Валынское городище (Мюрян?)
Уньбинское
Русско-Урматское
Казанское
Борисковский
Тавлинское Городищенское
Рождественское
Луковское
Гришанкин
Кашан
Васильевка
Сестра
Камелик
Мал. Ирюз
Бол. Ирюз
Терса
Чапра
Терешка
Сердоба
Чардым
Нолышлей
Ингиша
Хопер
Ворона
Вежан
Карай
Мокрый Карай
Ирюпан
Медведиц
Бол. Аркаган
Карай
Елань
Савала
Бирюч
Ина
Мокрая Панда
Ворона
Ворона
Ворона

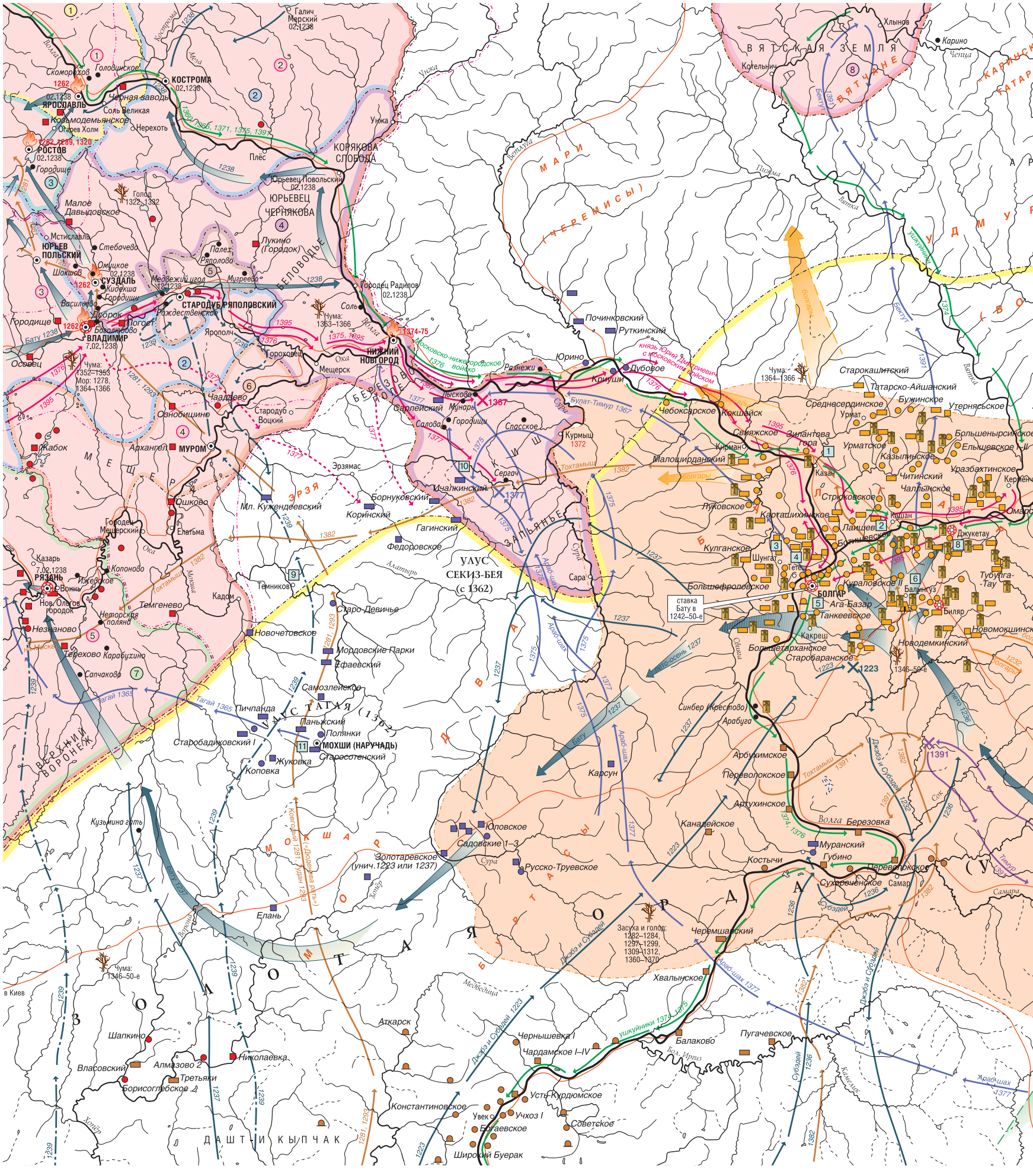
Волжская Болгария и ее соседи в IX — начале XIII вв.

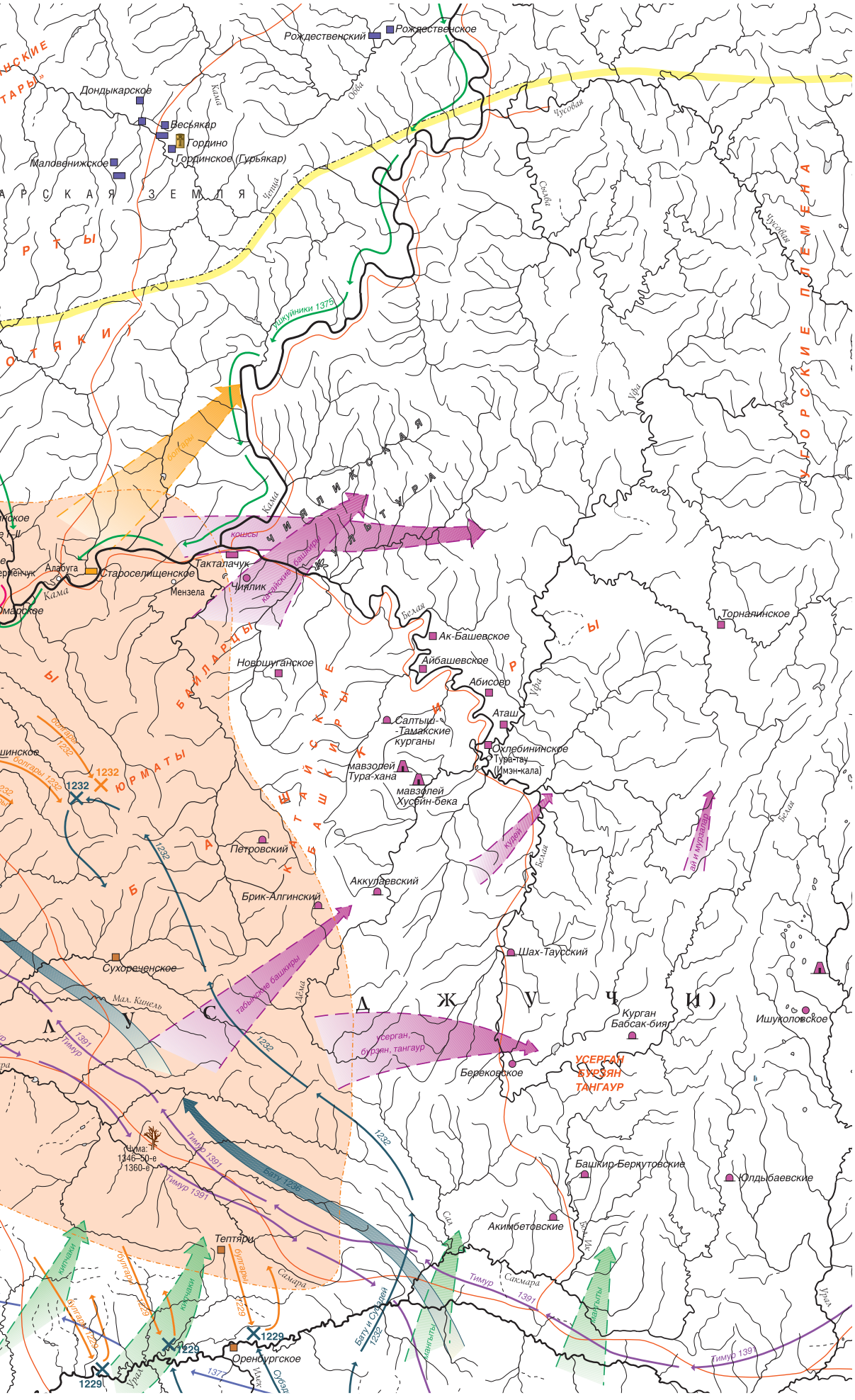




Войны монголов в 1207–1242 гг. Образование Монгольской империи


СИБИРСКИЕ ПЛЕМЕНА
Енисей
Аган
Вах
Тым
Сым
Васюган
Кеть
Ангара
Подкаменная Тунгуска
Нижняя Тунгуска
Чуня
Илим
Лена
Витим
Олёкма
Киренга
Муя
Чара
Нерча
Тара
Омь
Тюмень
Иня
Чулым
Кия
Бирюса
Кан
Уда
Ока
Кизир
Казыр
Чая
Ия
Белая
Уда
Ангара
Селенга
Хилок
Онон
Керулен
Джучи 1207 г.
Бофжул 1207 г.
Джучи 1207 г.
Джучи 1207 г.
Субедей. Тогучар 1216 г.
Чингиз-хан 1219 г.
Чингиз-хан 1219 г.
Хубилай 1211 г.
Джебе 1218 г.
Джучи 1218
Джебе 1218 г.
Джебе 1218 г.
Кокшаал
Аксу
Тарим
Музарт
Хотан
Черчен
Карамурун
Чингиз-хан 1226 г.
Чингиз-хан 1209 г.
Чингиз-хан 1225 г.
Чингиз-хан 1226 г.
Чингиз-хан 1218 г.
Чингиз-хан 1210 г.
Чингиз-хан 1207, 1209, 1226 гг.
Чингиз-хан 1211–1213 гг.
Мухали 1215 г.
Мингань 1214 г.
Субедей 1212–1213 гг.
Тулуй 1231 г.
Субедей 1232 г.
Джучи 1213 г.
Чингиз-хан 1211–1214 гг.
Хасар 1213 г.
Чингиз-хан
1222 г.
1226 г.
1227 г.
1236 г.
1235 г.
1238 г.
1216 г.
1215 г.
1211 г.
1212
1208
1209
1211
Кемиджкет
Дуньхуан (Шачжоу)
Сучжоу
Ганьчжоу
Силян
Хоси
Нинкоу (Эдзен-хоэ)
Турфан
Кучча
Аксу
Яньци (Карашар)
Сичжоу
Лобнор
Шара-Гол
Хами
Баркёль
Бешбалык
Джамбалык
Алмалык
Лабан
Баласагун
Кашгар
Яркенд
Хотан
Икиогуз
Койлык
Имиль
Черный Иртыш
Урунгу
Завхан
Орхон
Тэс
Идэр
Второй дворец Чингиз-хана
Первый (Большой) дворец Чингиз-хана
КАРАКОРУМ
Городок кереитов
Онон-Гол
Керулен
Тула
Сэлэнгэ
Орхон
Тэс
Идэр
Нинся (Чжунсин)
Синцин
Линчжоу
Синин
Инчжоу
Ходун
Бинчжоу (Тайюань)
Чжэндин
Дамин
Циньчжоу
Люян
Яньань
Ланчжоу
Линьтао
Цзинчжоу
Чаньань (Сиань)
Сяньгуань
Ханчжун
Синьюань
Ханчжоу
Сянъян
БЯНЬ (КАЙФЫН)
ДАТУН
Яньцзин
Цзинчжоу
Вэйхэ
Ханьшуй
Хуанхэ
Шэньси
Шаньси
Цзинь
Хэнань
Хубэй
Сычуань
Цзянси
Южных сунов
Империя
Чёрные татары
Желтая степь
Степь Шамо
Ордос
Тенгри
Пустыня Такла-Макан
Пустыня Гоби
Тибетское государство
Индийский субконтинент
Гималаи
Каракаш
Яркенд
Хотан
Оз. Тосон-Нур
Оз. Ингорнг-Цо (Орин-Нур)
Оз. Гьяринг-Цо (Джарин-Нур)
Оз. Бага-Цайдам-Нур
Оз. Кукунор (Цинхай)
Оз. Сухай-Нур
Оз. Чаны
Оз. Кулундинское
Оз. Телецкое
Оз. Убсу-Нур (Увс-Нуур)
Оз. Хяргяс-Нуур
Оз. Хубсугул (Хубсгел-Нуур)
Оз. Эби-Нур
Оз. Алаколь
Оз. Сасыкколь
Оз. Зайсан
Оз. Иссык-Куль
Оз. Чёрное
Оз. Ханка
Оз. Ханка
Оз. Ханка


ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
МАРИ (ЧЕРЕМИСЫ)
УДМУРТЫ
ВОТЯКИ
ТАТАРЫ
ВЕЛИКАЯ БУЛГАРИЯ
ЗОЛОТАЯ ОРДА
УЛУС СЕКИЗ-БЕЯ (с 1362)
УЛУС ТАГАЙ (1362)
ДАШТ-И КЫПЧАК
ЭРЗЯ
МОКША
МЕЩЕРА
ЗАЛЕССКАЯ РУСЬ
ВЕРХНИЙ ВОРОНЕЖ
ЮРЬЕВЕЦ ЧЕРНЯКОВА
КОРЯКОВА СЛОБОДА
ЗАВОЛЖЬЕ
ЗАОКСКИЕ ЗЕМЛИ
ЗАБЕЛЬЕ
ЗАПЬЯНЬЕ
ЗАВОЛЖЬЕ
ЗАКАМЬЕ
ЗАУРАЛЬЕ
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
РОСТОВ
ГОРОДИЩЕ
МАЛОЕ ДАВЫДОВСКОЕ
ЮРЬЕВ ПОЛЬСКИЙ
СУЗДАЛЬ
СТАРОДУБ РЯПОЛОВСКИЙ
ВЛАДИМИР
ОСОВЕЦ
ГОРОДИЩЕ
МУРОМ
АРХАНГЕЛ
ЯКОВ
ОЗНОБИШИНО
ЧААДАЕВО
СТАРОДУБ ВОЦКИЙ
ГОРОДЕЦ МЕЩЕРСКИЙ
ЕЛАТЬМА
ОШКОВО
КАЗАРЬ
РЯЗАНЬ
ИЖЕВСКОЕ
КОЛОНОВО
ВОИНЬ
НОВ. ОЛЕГОВ ГОРОДОК
ТЕМГЕНЕВО
НЕЗНАНОВО
ТЕРЕХОВО
КАРАБУХИНО
САПЧАКОВО
ПИЧПАНДА
СТАРОБАДЖКОВСКИЙ I
ЖУКОВКА
КОПОВКА
ТЕМНИКОВ
КАДОМ
СТАРО-ДЕВИЧЬЕ
НОВОЧЕТОВСКОЕ
МОРДОВСКИЕ ПАРКИ
ЕФАЕВСКИЙ
САМОЗЛЕЙСКОЕ
ПАНЬЖСКИЙ
ПОЛЯНКИ
МОХШИ (НАРУЧАДЬ)
СТАРОСОТЕНСКИЙ
ЕЛАНЬ
ЗОЛОТАРЕВСКОЕ (унич.1223 или 1237)
КУЗЬМИНА ГОРА
ЮЛОВСКОЕ
САДОВСКИЕ 1–3
РУССКО-ТРУЕВСКОЕ
ЧЕРНЫШЕВКА I
ЧАРДАМСКОЕ I–IV
УСТЬ-КУРДЮМСКОЕ
УЧХОЗ I
СОВЕТСКОЕ
БОГАЕВСКОЕ
ШИРОКИЙ БУЕРАК
КОНСТАНТИНОВСКОЕ
АТКАРСК
ШАПКИНО
ВЛАСОВСКИЙ
АЛМАЗОВО 2
ТРЕТЬЯКИ
БОРИСОГЛЕБСКОЕ Д
НИКОЛАЕВКА
ЧЕЛНАВЛЯ
ЕЛАНЬ
ЧЕРЕМШАНСКИЙ
ХВАЛЫНСКОЕ
ПУГАЧЕВСКОЕ
БАЛАКОВО
ЗАСУХА И ГОЛОД: 1282–1284, 1295–1299, 1309–1312, 1360–1370
ЧУМА: 1346–50-е
ЧУМА: 1352–1353, МОР: 1278, 1364–1366
ЧУМА: 1363–1366
ГОЛОД 1322–1332
ЧУМА: 1364–1366
ГОРОДЕЦ РАДИЛОВ 02.1238
ГАЛИЧ МЕРСКИЙ 02.1238
ПЛЁС
УНЖА
ЛУКИНО (ГОРОДОК)
ПАЛЕХ
РЯПОЛОВО
ОМУТЧЕВО
МЕДВЕЖИЙ УГОЛ
ОМУТСКОЕ
МСТИСЛАВЛЬ
ШОКШОВО
СТЕБАЧЕВО
ВАСИЛЬЕВО
ПОГОСТ
БОГОЛЮБОВО
ПРОБОРК
КИДЕКША
ГОРОДИЩИ
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
ЯРОПОЛЧ
ГОРОХОВЕЦ
МЕЩЕРСК
ЧЕРНАЯ ЗАВОДЬ
СОЛЬ ВЕЛИКАЯ
ОТЛАЕВ ХОЛМ
НЕРЕХОТЬ
ГОЛОВИНСКОЕ
СКОМОРОХОВ
ХЛЫНОВ
КАРИНО
ЧЕПЦА
КОТЕЛЬНИЧ
ВЯТСКИЕ ПОЛЯНЫ
ПОЧИНКОВСКИЙ
РУТКИНСКИЙ
ЮРИНО
КРИУШИ
ДУБОВОЕ
РАЗНЕЖИ
ЛЫСКОВО
МУНАРЫ
ГОРОДИЩИ
СОЛОВО
СПАССКОЕ
СЕРГЕЧ
ЧКАЛОВСКИЙ
БОРНУКОВСКИЙ
КОРИНСКИЙ
ГАГИНСКИЙ
ФЕДОРОВСКОЕ
САРА
КУРМЫШ 1372
ЭРЗЯМАС
МЛ. КУЖЕНДЕЕВСКИЙ
ЧЕБОКСАРСКОЕ
КОКШАЙСК
СРЕДНЕСЕРДИНСКОЕ
УРМАТ
СВИЯЖСКОЕ
ЗИЛАНТОВА ГОРА
КИРМАН
МАЛОШИРДАНСКИЙ
КАЗАНЬ
ЛУКОВСКОЕ
КУЛГАНСКОЕ
ШУНГАТ
ТЕТЕШ
БОЛЬШЕФРОЛЕВСКОЕ
КАРАТАШИХИНСКОЕ
ЛАЙШЕВО
БОЛЬШЕВО
КИШАН
ДЖУКЕТАУ
КИРАЛОВСКОЕ II
БОЛГАР
АГА-БАЗАР
ТАНКЕЕВСКОЕ
БАЛИНГУЗ
БИЛЯР
ТУБУЛГА-ТАУ
НОВОМОКШИНСКИЙ
НОВОДЕМКИНСКИЙ
ТАТАРСКО-АЙШАНСКИЙ
БУЖИНСКОЕ
УТЕРНЯЕВСКОЕ
УРМАТСКОЕ
КАЗЫЛИНСКОЕ
БОЛЬШЕНЫРСИНСКОЕ
ЕЛЬНИКОВСКОЕ
УРАЗБАХТИНСКОЕ
ЧИТИНСКИЙ
ЧАЛЫШЕВСКОЕ
СТРЮКОВСКОЕ
ОМАР
СТАРОКАШИТСКИЙ
ЧЕРЕМШАНСКИЙ
ЗАСУХА И ГОЛОД: 1282–1284, 1295–1299, 1309–1312, 1360–1370
КАРСУН
АРБУХИМСКОЕ
ПЕРЕВОЛОКСКОЕ
АРТУХИНСКОЕ
КАНАДЕЙСКОЕ
СИНБЕР (КРЕСТОВО)
АРБУГА
КАКРЕШ
БОЛЬШЕТАРХАНСКОЕ
СТАРОБАРАНСКОЕ
МУРАНСКИЙ
ГУБИНО
ПЕРЕВОЛОКСКОЕ
КОСТЫЧИ
СУХОРЕВЕНСКОЕ
САМАР
ВОЛГА БЕРЕЗОВКА
ставка Бату в 1242–50-е
1223
1237
1391
1395
1376
1377
1382
1375
1374
1367
1362
1365
1363
1239
1238
1262
1281, 1293
Бату
Тагай
Ногай
Арабшах
Тохтамыш
Джэда и Субэдей
Ушкуйники
Волга
Ока
Сура
Хопёр
Медведица
Самара
Кама
Вятка
Белая
Пижма
Унжа
Мокша
Цна
Проня
Ворона
Ягорба
Сок
Тимир
Большой Иргиз
Малый Иргиз
Аткарка
Карамыш
Большой Узень
Малый Узень
Камышлинка
Самарка
Кондурча
Большой Кинель
Малый Кинель
Чапаевка
Большой Черемшан
Малый Черемшан
Большой Сок
Малый Сок
Большой Аманак
Малый Аманак
Большой Иргиз
Малый Иргиз
Большой Узень
Малый Узень
Камышлинка
Самарка
Кондурча
Большой Кинель
Малый Кинель
Чапаевка
Большой Черемшан
Малый Черемшан
Большой Сок
Малый Сок
Большой Аманак
Малый Аманак


Рождественский
Рождественское
Дондыкарское
Весьякар
Гордино
Гординское (Гурьякар)
Маловенижское
Кама
Ока
Чусовая
Сылва
Чепца
Вятка
Уфа
Белая
Ик
Сок
Самара
Ашит
Ашитский
Ашитские горы
Ашитские горы
Ашитские горы

Т.А. Хлебникова

Историческая топография Болгара

Болгарское городище имеет в плане форму треугольника, направленного острием на юг. Ограниченная укреплениями площадь памятника занимала: в X — первой половине XI в. — 12 га, в начале XIII в. — 25 га, с середины XIII в. — 380 га. Вокруг крепости во все периоды жизни городища располагались неукрепленные поселения. В 6 км к западу от города находилась торговая пристань — Ага-Базар.

За более чем столетний период с начала археологических работ на Болгарском городище максимальное внимание при исследованиях обращалось на стратиграфию культурных напластований. С первых лет археологических работ А.П. Смирновым была поставлена задача разработки стратиграфической шкалы культурного слоя городища. Уже в 1938–1940 гг. он стремился сопоставить синхронные напластования разных раскопов между собой. Стратиграфия городища интенсивно разрабатывалась в 1940–1950-е гг. в неразрывной связи с исторической периодизацией истории Волжской Болгарии и Восточной Европы.

Стратиграфическая шкала Болгарского городища, разработанная за более чем столетний период археологических работ, связана с периодизацией истории Волжской Болгарии и восточноевропейской средневековой истории в целом и позволяет связывать любой его участок с определенным периодом в истории памятника. Это способствует более углубленному исследованию исторической топографии и разрешению других вопросов истории и культуры города.

В целом, благодаря систематическим раскопкам установился единый взгляд на Болгар как



Фиксация стратиграфии культурных напластований на раскопе в центральной части Болгарского городища

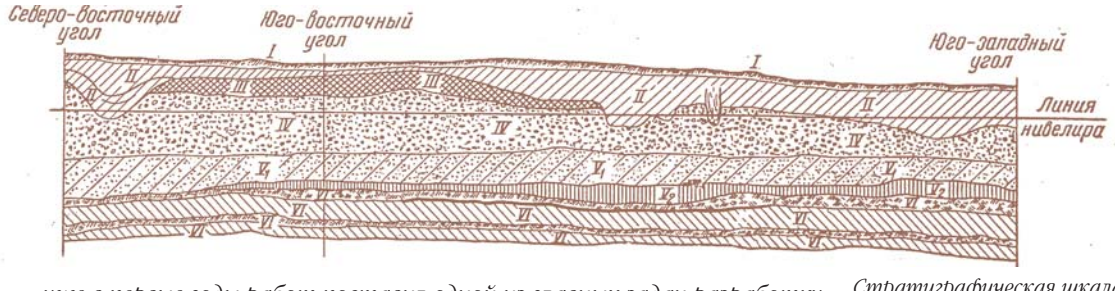
на поселение городского характера, возникшее к началу X в. как политический, административный центр Волжской Болгарии, т. е. как столицу государства.

В основании культурных напластований на ряде участков городища выделяется слой VII — слой доболгарских поселений. Как слой вне ям это напластование прослежено в северо-восточной части верхнего плато городища у Подыванова, в урочище Бабий бугор и в заречье. Лучшая сохранность его отмечена на Бабьем бугре, где прослежена даже четкая темная прослойка (может быть, почвенный слой), отделяющая его от лежащих выше болгарских напластований. На Коптеловом бугре этот слой наблюдался только в заполнении ям, а вне ям он подвергся полной переработке в период жизнедеятельности города.

Подобной переработкой объясняется, вероятно, отсутствие слоя VII (при наличии керамических материалов, характерных для его времени в поздних напластованиях золотоордынского слоя IV) на раскопе 1945 г. в северо-западной части городища, у Британкина озера и на ряде других участков. Этот материал — свидетельство о существовании на территории

Стратиграфическая шкала Болгара

В письменных источниках, главным образом восточных, город упоминается с 920–921 гг., т.е. еще до прибытия Ибн-Фадлана. Не противоречит этим сведениям и анализ нумизматических материалов. Первые археологические работы на памятнике проведены в 1864 г. В.В. Тизенгаузеном. Систематические исследования ведутся с 1938 г., и связаны они, прежде всего, с именем А.П. Смирнова, который уже в первые годы работ поставил одной из главных задач разработку стратиграфической шкалы культурных отложений городища. В настоящее время эта шкала, состоящая из 7 слоев, является одной из самых надежных и используется многими исследователями при изучении других памятников Волжской Болгарии. В стратиграфической шкале Болгара различается семь напластований от времени, предшествующего возникновению города, до современности.



Профиль культурного слоя центральной части верхней площадки городища (номера на плане соотвествуют общей нумерации в стратиграфической шкале)

Стратиграфическая шкала культурного слоя
I слой жизни современного села XX в.
II слой периода русской истории конца XVI–XIX в.
III слой времени Казанского ханства середины XV–XVI в.
IVр слой раннезолотоордынский слой середины XIII — начала XIV в.
IVп слой позднезолотоордынски йслой середины XIV — начала XV в.
V слой второй половины домонгольского периода XI — начала XIII в.
VI слой первой половины домонгольского периода IX — начала XI в.
VII слой доболгарских поселений середины — второй половины I тыс. н. э.



Находка из VII слоя городища. Летной горшок. V–VII вв. БГИАМЗ



Печь и настил пола в сооружении. XVIII в.



Археологические работы в центральной части Болгарского городища

городища еще одного доболгарского поселения. Подобные следы аналогичных поселений на верхней террасе с несохранившимся в результате интенсивной жизни города слоем могут быть указаны и на других раскопах центральной части городища. По-видимому, эти следы можно рассматривать как остатки селищ, тяготевших к укрепленным поселениям на Коптеловом и Бабьем буграх. Подобная картина размещения открытых поселений вблизи укрепленных городищ-убежищ на мысах весьма характерна для памятников середины и второй половины I тыс. н. э., предшествующих появлению болгар в Поволжье.

К эпохе образования Болгара относится слой VI. Он представлен серой гумированной супесью на песке и плотным буроватым суглинком на глинистом материке. В слое наблюдаются мелкие углистые включения, чаще — редкие, но на отдельных участках — более заметные, подзолистые и глинистые прослойки и включения. В верхней части слоя, на грани его со слоем V, зачастую на достаточно большом протяжении, хотя и не повсеместно, прослеживается углистая прослойка толщиной 1–3 см. Мощность слоя колеблется от 10 до 35–40 см, а иногда достигает 60 и 70 см.

Слой VI прослежен почти на всех раскопах центральной части верхнего плато городища, а также на склоне верхней террасы, у центра городища. Существенного различия в содержании слоя на цитадели, в посаде и на поселениях вокруг города на основании проведенных исследований не замечено. Повсюду встречаются различного характера жилые и хозяйственные постройки. В средней части цитадели, близ укреплений, открыта крупная деревянная постройка на основательном фундаменте, занимавшая здесь, возможно, центральное место.



Находки из VII слоя городища. Бронзовые ременной распределитель и пряжка. V–VII вв. БГИАМЗ



Хронологические рамки периода образования слоя VI, исходя прежде всего из вещевого содержания, определяются X–XI вв. Это согласуется с историческим процессом общественного развития болгар, формированием оседлого земледельческого уклада жизни, развивавшегося у них еще в бытность их на юге, в составе Хазарии, и в Среднем Поволжье. Конец IX — начало X в. — время второго большого притока болгар и других групп населения из Подонья и Предкавказья, способствовавшего, вероятно, интенсивному процессу их оседания. Находки глазчатых бус ранних типов, «лимонок», золото- и серебростеклянных бус, архичной лепной керамики лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры Подонья на городище весьма закономерны и хорошо определяют дату возникновения начального этапа жизни Болгара. Нет сомнения, что появление укрепленных и неукрепленных постоянных поселений относится у болгар Поволжья к рубежу IX–X — самому началу X в.

Верхняя же хронологическая грань слоя VI определяется не только его содержанием, но и лежащего выше слоя V, ряд находок из которого свидетельствует о начале отложения его еще в XI веке. Так что верхнюю дату слоя VI, по-видимому, надо ограничивать лишь началом XI в. и считать временем отложения слоя рубеж IX–X — середину XI в.

Итак, Болгар периода возникновения размещался на стрелке мыса высокой волжской террасы, был сильно укреплен естественно и искусственно и имел достаточно широкий обзор в сторону Волги. Площадь укрепленной части невелика. Это участок стрелки между оврагом и обрывом террасы с крутыми склонами, занимавший 90 тыс. кв. м. Одновременно с созданием укреплений была заселена территория в непосредственной близости к ним с напольной стороны. Вокруг, на расстоянии 300–700 м, располагались одновременные городищу пригородные поселения. Исходя из всего этого, можно считать, что Болгар периода возникновения имел вид замка, владетель которого стремился сделать его неприступным оплотом своей власти в округе, густо заселенной. Это произошло в период оседания болгар на землю в конце IX — начале X в., т. е. в период феодализации болгарского общества и формирования государственности.



Подпол жилища с ямам и погребками. XIV в.

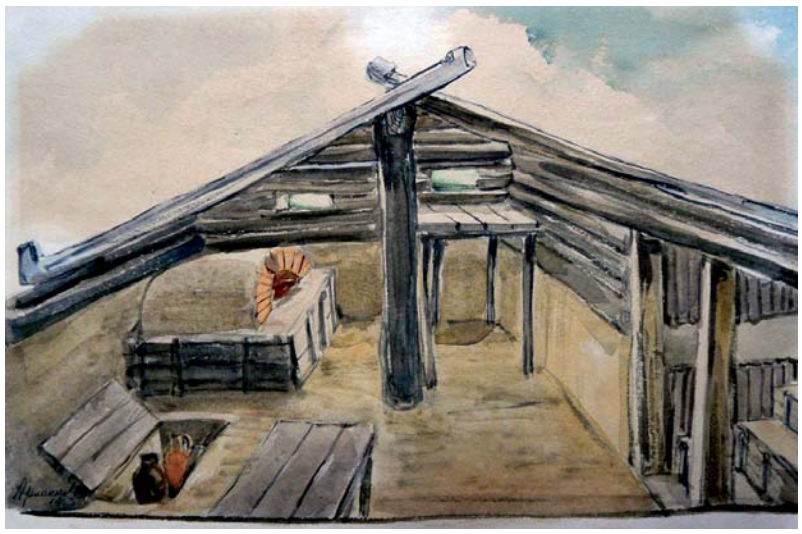
В начале X в. Болгар выступает уже в роли политического центра государственного объединения разнокультурного и разноэтничного населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

В период возникновения Болгар был подобен, вероятно, памятникам Хазарии. Он скоро оброс посадом, быстро перерастая из крепости в город. Он нес еще признаки полукочевого быта болгарского населения предшествующего периода, отражая процесс перехода к прочной оседлости. В этом процессе развития оседлой хозяйственной деятельности и становления городов Болгар имел большие преимущества перед рядом других известных пунктов благодаря сочетанию таких факторов, как близость Волги, широчайшие волжские луга и благоприятные почвенные условия. Болгар конца IX — начала X в. фигурирует в письменных источниках как торговый центр Среднего Поволжья, центр международной торговли, связывавший Северо-Восточную Европу со странами Востока, Кавказа, Крыма. С самого начала X в. Болгар уже чеканит собственную монету. В X–XI вв. в округе Болгара развивается сельскохозяйственное производство скотоводческо-земледельческого направления, и население города принимает в нем непосредственное участие. Развитие зернового направления в земледелии дает даже возможность вывозить зерно. К XI в. относится расширение ремесленного посада Болгара с железоделательным, медеобрабатывающим, кожевенным и другими производствами. Продукция некоторых отраслей ремесленного производства также служит предметом вывоза. Формируется типично феодальный город. Поселки вокруг Болгара разнообразны. Одни с самого начала представляли собой поселения оседлого земледельческого быта с культурным слоем и постройками в виде полуземлянок и хозяйственных ям. Другие — с юртообразными постройками — были, вероятно, сезонными летними поселениями скотоводов. Процесс оседания рядового населения болгарского общества, равно как и процесс феодализации, был, по-видимому, достаточно длительным.

Среди поселков вдоль коренной волжской террасы особого внимания заслуживает Ага-Базар. Археологическим исследованием слой VI на нем стратиграфически пока не выделен. В основании культурных напластований вскрытых участков лежит слой светло-серой супеси (30 см), определенный в целом домонгольским временем. Но сведения письменных источников начала X в. о торжище в 7 км от Болгара, на берегу Волги, позволяют считать, что уже в период отложения слоя VI Болгара поселок на Ага-Базаре существовал. Находки того времени — детали поясного набора, керамика, монеты — встречены в переотложенном виде. Вероятно, слой VI на Ага-Базаре переработан в процессе последующей более интенсивной жизни поселка.

Слой V (XI — начало XIII в.) представляет собой серую супесь, более гумированную, не столь плотную, как напластования, лежащие ниже, и с более заметным содержанием мелких углистых включений. Мощность слоя в основном 30–40 см, однако на ряде раскопов в центре он достигал и 70 см, а на склоне террасы со смывными песчаными прослойками — 90 см, уменьшаясь на периферии до 10–25 см. Слой завершается повсеместно прослойкой пожарища из разложившегося угля с красноватыми и белесыми золисто-песчаными линзами. Мощность прослойки 5–20 см, а в западинах ям, в местах сдвинутого в ямы слоя — до 30 см. Слой пожарища, завершающего домонгольские напластования, интенсивнее в центре, на участках более плотной застройки.

Площадь укрепленной части Болгара второй половины домонгольского периода на верхней террасе составляет 240 тыс. кв. м, а включая северный склон террасы, — около 250 тыс. кв. м.



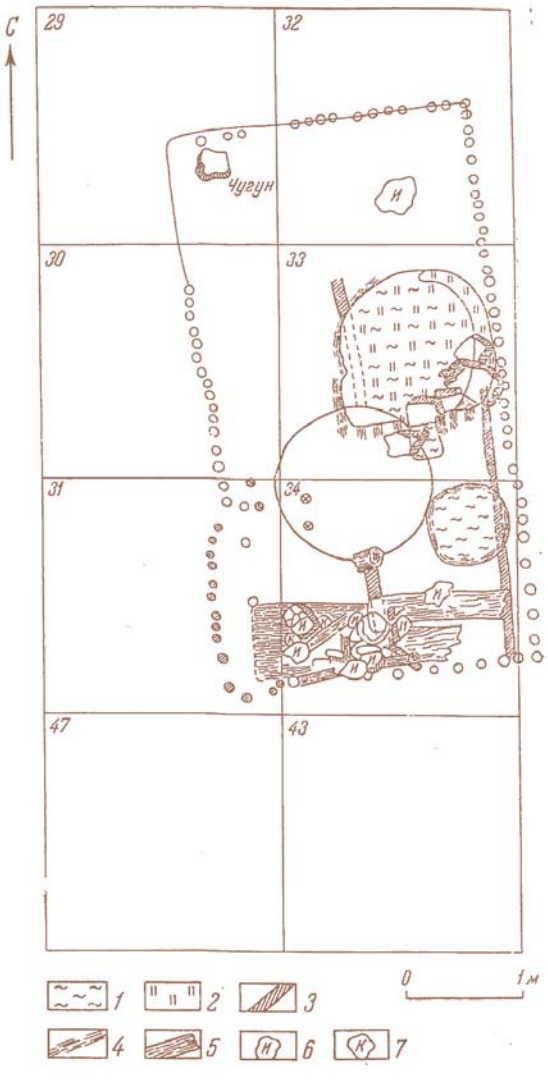
Реконструкция землянки. XII–XIV вв.



Пряслица из шифера и керамики. XII–XIV вв. БГИАМЗ

За пределами укреплений в западном и юго-западном направлениях осталась менее заселенная часть посада. Включая его, территорию Болгара можно определить в 350–400 тыс. кв. м.

Исследование слоя V позволяет представить Болгар конца XI — начала XIII в. Начало отложения слоя на цитадели, судя по раскопам близ ее укреплений и на площади посада, а также на ближайшем из выявленных южном поселке, связано с новой застройкой участков, пострадавших в результате какого-то разрушения (пожара?), отразившегося в завершении слоя VI. Крупная постройка на основательном фундаменте в цитадели, близ ее укреплений, сменяется хозяйственным строительством: ямы котлована ее фундамента были перестроены в зернохранилища.



План дома XIII в.
1 — зола
2 — обожженная глина
3 — тлен от дерева
4 — тлен от настила подполья
5 — настил подполья
6 — известняк
7— кирпич

С началом образования слоя V связано развитие западной части ремесленного посада, где на окраине города возникают железоплавильные мастерские с сыродутными горнами и происходит расширение жилого строительства. Начало медеплавильного и кожевенного производств на посаде также восходит к нижним горизонтам слоя. За всеми этими производствами закрепляются в последующее время занятые ими прежде районы города.

Расширение посада происходит далее к западу, юго-западу и югу, достигая к концу домонгольского периода площади, втрое большей по сравнению с первоначальной площадью города. В территорию города к этому времени включается ближайший южный пригородный поселок. Под жилье осваивается и склон третьей террасы.

Строительство в городе ведется из дерева и глины. Кирпич применяется только в кладке печей. Застройка имеет достаточно устойчивую ориентировку — с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад, что может свидетельствовать о ее планомерности и направлении улиц. Только постройки на склоне террасы ориентированы по линии восток-запад, что обусловлено, по-видимому, направлением склона.

Продолжают сохранять значение сельскохозяйственной округи ближайшие к городу поселки, но не все из возникших ранее. Южный поселок вошел в черту города. Западный, на урочище Бабий бугор, сменился кладбищем. В восточном поселке развивается собственное кузнечное ремесло. Ага-Базар сохраняет роль торговой пристани с жилыми строениями.

В картине жизни Болгара в конце XI — начале XIII в. обращают на себя внимание следующие моменты. Заметное развитие ремесленного посада приходится на начало рассматриваемого периода. Площадь посада с интенсивным слоем увеличилась сравнительно с предыдущим периодом ненамного. На всем протяжении этого периода город, как и прежде, остается деревянным. До конца домонгольского периода посад города не укреплен, и только в конце XII — начале XIII в. создается система обороны, окружающая его более плотно застроенную часть. По сравнению с предыдущим периодом не ощущается значительного притока населения и в округу Болгара.

Все это — свидетельства определенной замедленности в развитии Болгара в XII в., кото-



Контуры ям XII–XIV вв. на уровне погребенной почвы IX–X вв.

рую можно объяснить утратой ведущей политической роли в государстве, а вслед за тем и экономического значения, которое было у него в X–XI вв. Болгар продолжал оставаться торговым городом на волжском водном пути, но место его в экономике государства изменилось. Значение первого города в государстве, центра внутренних связей, столицы Волжской Болгарии в XII в. перешло от него к расположенному в глубине густонаселенного сельскохозяйственного района Закамья, удаленному от Волги и Камы Биляру.

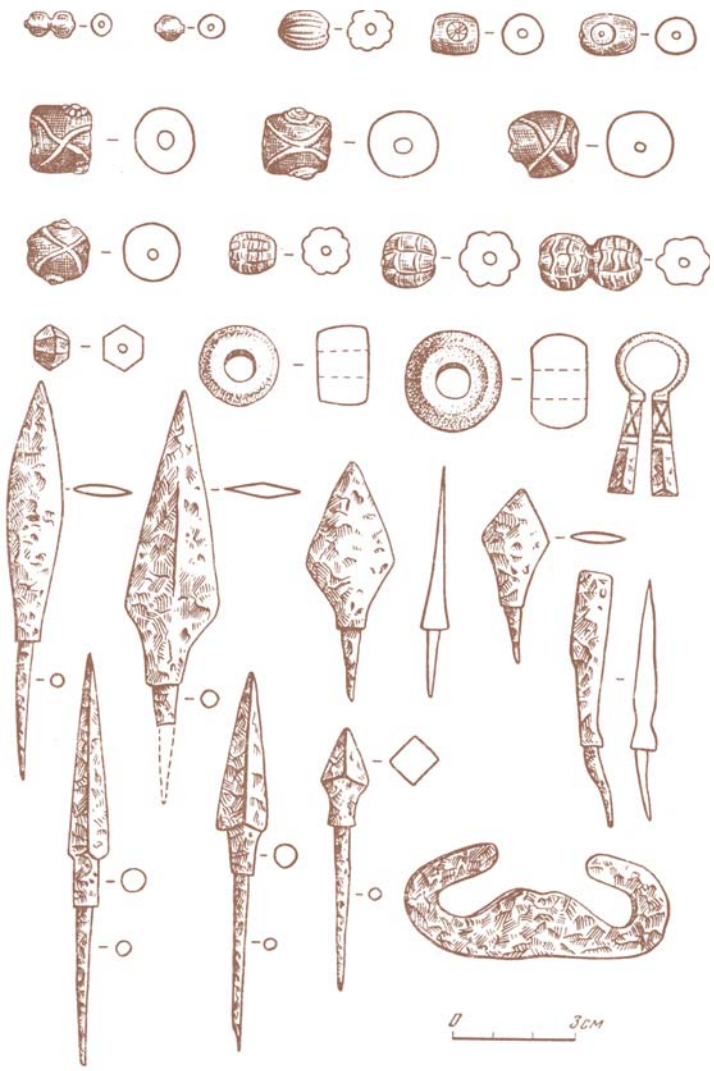
К золотоордынскому периоду жизни Болгара относится слой IV. Нижний его горизонт — IVр (ранний) — соответствует раннезолотоордынскому периоду, XIII — началу XIV в., а верхний — IVп (поздний) — позднезолотоордынскому, XIV — началу XV в.

Слой IVр почти повсеместно характеризуется суглинистыми, песчаными и древесными включениями и прослойками, окрашивающими его в желтоватый и буроватый цвет. Большое содержание суглинка от интенсивных земляных работ и сгнившей древесины построек свойственно центральной части городища. Возле Соборной мечети, кроме того, прослежено включение известняковой крошки, связанное с началом строительных работ по созданию каменного фундамента здания. На отдельных участках, например, у домонгольских рвов, в слое наблюдаются неперработанные массивы суглинка от срытого вала или жилищного строительства на краю рвов.

Слой IVр отразил начало чеканки джучидских монет. Вместе с монетами 1250-х гг. и отдельно от них в слое IVр встречены монеты 1260–1280 гг. В верхней части слоя оказались монеты 1280–1300 гг., а на грани слоев IVр и IVп и в основании слоя IVп (позднезолотоордынского), в напластованиях засыпи и разрушения самых поздних сооружений слоя IVр залегают монеты 1310–1334 гг. Таким образом, верхняя грань слоя IVр может быть датирована первыми десятилетиями XIV в.

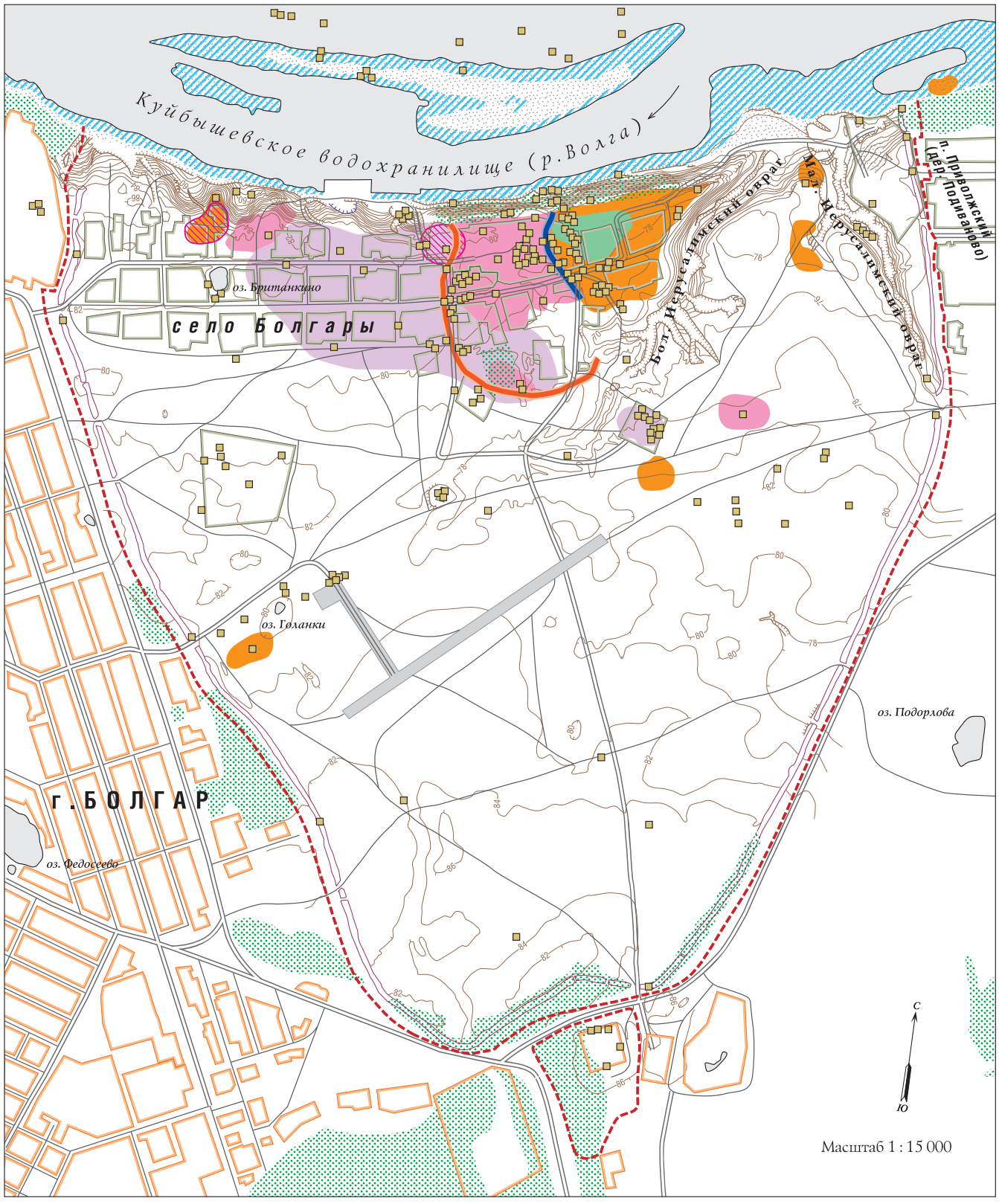
Содержание раннезолотоордынского слоя говорит о весьма интенсивной жизни города. Например, только в центральной части выявлено раскопками более 200 жилых и хозяйственных сооружений и прослежено до четырех-шести строительных горизонтов. Раннезолотоордынские жилища представлены преимущественно наземными срубными домами с подпольями и глинобитными печами, а полуземлянки, служившие, возможно, первыми жилищами вернувшимся на пепелище горожанам, отмечены, в основном, в основании слоя, причем наибольшее их количество приходится на районы примыкавшие к домонгольским рвам.

Вторая половина XIII — начало XIV в. — это время восстановления Болгара. Именно его как старый экономический центр Поволжья дела-



Датирующие предметы слоя V. XII–XIII вв.

ют своим главным городом золотоордынские ханы XIII в. Экономика Болгара восстанавливалась трудно. Об этом можно судить хотя бы по затянувшемуся на многие десятилетия строительству самой ранней из монументальных построек города золотоордынской поры — Соборной мечети. Однако при определенном поощрении торговли Болгар в XIII — начале XIV в. не только достиг домонгольского уровня, но и вступил в период нового расцвета. На протяжении раннезолотоордынского периода расширились границы города, восстановилось и расширилось ремесленное производство, укрепились торговые связи, было начато монументальное строительство. К концу раннезолотоордынского периода закончилось возведение Соборной мечети и завершилось оформление центра города с торговой площадью, четко распланированными улицами, мавзолеями знати. Была сооружена в подгорной части общественная баня («восточная» или «ханская» баня, расчищенная археологами в последнее десятилетие. — *ред.*), начиналось строительство других общественных зданий. Окончательное оформление центра и расширение монументального строительства было осуществле-



Расположение культурных слоев и некрополей домонгольского периода

Граница Болгарского городища

Раскопы 1864—2012 гг.

Расположение некрополей домонгольского периода

Оборонительные сооружения

Ров и вал X—XI вв.

Ров и вал XII—XIII вв.

Культурные слои

VII слой — слой поселения Именьковской культуры

VI слой — нижний слой поселения X в.

V слой — верхний слой поселения XI в.

V слой — верхний слой поселения XII в.—начало XIII в.

Подтопляемые территории

Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы



Общий вид раскопа центральной части городища на уровне материка

но в начале следующего, позднезолотоордынского периода истории города. Он связан со слоем IVп.

Слой IVп отразил и пышный расцвет Болгара, и сильные потрясения 1360-х гг. и последующее частичное восстановление, и, наконец, упадок города. Почти повсеместно он представляет собой серую рыхлую супесь с мелкими углистыми и суглинистыми включениями, строительными остатками в виде кирпичной, известковой и гипсовой крошки, обожженной и необожженной глины, сырца, обугленной и сгнившей древесины. Больше строительных остатков на центральных участках городища, на склоне третьей террасы и на местах каменного и кирпичного строительства в юго-восточном районе, а также в заречье. Мощность слоя IVп от 20 до 120 см (вне ям). На многих раскопах в этих районах, а также в западной и юго-западной частях городища прослежены углистые прослойки, имеющие широкое распространение. В центре, на склоне и в юго-восточном районе их две — в нижней части слоя и в его завершении. В заречной и юго-западной частях городища — одна. Эта углистая прослойка хорошо датируется монетами середины XIV в. Самыми поздними среди них являются монеты 1361 г., что позволило исследователям увязать прослойку с походом на Болгар Болгар-Тимура. В заречье и юго-западном районе эта углистая прослойка имеет характер разложившегося угля, пропитавшего и окрасившего верхнюю часть культурного слоя. Выше залегает почвенный, частично распаханный слой без следов строительства и с очень редкими случайными находками.

В центре, на склоне третьей террасы и в юго-восточном районе городища с событиями 1361 г. связана углистая прослойка в нижней части слоя IVп, выше которой залегают монеты второй половины XIV и начала XV в. Надо сказать, что характер этой прослойки в центре и в юго-восточных районах городища несколько иной: часто прослеживаются куски угля, обугленных плах и бревен. Жизнь в этих районах не прекращалась.

Вторая углистая прослойка слоя IVп в центре и юго-восточном районе залегает в завершении слоя IVп и отражает гибель города в результате похода русских князей в 1431 г. Датируется она всем содержанием подстилающего слоя и прежде всего золотоордынскими монетами с надчеканкой конца XIV — начала XV в. Эта прослойка имеет характер сильно разложившегося угля, измельченного в пыль, пропитавшую и окрасившую до синевы супесь в завершении слоя IVп. Она подстилает лежащие выше напластования периода Казанского ханства, или почвенный слой того времени, также окрашивая их.

Территория Болгара позднезолотоордынского периода занимает около 4 млн кв. м и определяется в пределах большого вала, воздвигнутого в первой четверти XIV в., включая северный и заречный районы города. Это территория периода наивысшего экономического расцвета города в первой половине XIV в. Но нельзя считать, что на всей этой площади слой IVп имел сплошное распространение. Повсеместно он прослеживается в западном и восточном направлениях, причем в западном направлении он наблюдается и за валом. Но южная треть города имела лишь островки культурного слоя. На юго-восточной территории города во второй половине XIV — начале XV в. в пределах большого вала размещались лишь мавзолеи. Юго-западная часть города вообще находилась в запустении. Заречная северная часть в то время также стала пустырем. Жизнь Болгара в этот отрезок позднезолотоордынского времени продолжалась лишь в центральной части, включая северо-восточный мыс, Коптелов бугор и склон третьей террасы.

Периферийные ремесленные слободы в основном были уничтожены погромом 1361 г. Этим золотоордынские правители и претенденты на правление значительно ослабили экономику не только города, но и более широ-

Расчистка развалов керамических сосудов XIII–XIV вв.





Землянка XIV в. со следами опорных столбов

кой округи. Но золотоордынские ханы не были заинтересованы в полном уничтожении Болгара. Поэтому, видимо, центр города пострадал меньше. Вскоре жизнь в нем восстановилась, хотя и на более низком экономическом уровне. Все же город был способен вести торговлю и обеспечивать ремесленной продукцией оставшееся в нем население.

Завершая описание Болгара позднезолотоордынского периода, упомянем о находившейся за пределами городских укреплений, к северо-западу от них, у края верхней террасы, на месте ранее существовавшего болгарского пригородного поселка армянской слободе. Здесь было кладбище и христианский храм, именуемый Греческой палатой. Далее к западу вдоль террасы отмечены следы каменной постройки.





Глиняные кружки. XIV в. БГИАМЗ



Медный сосуд в слое XIV в.



Следы пожара караван-сарая. XIV в.

К югу от городища, сразу за валом, располагается Малый городок, укрепленный рвами и валами, с парадным, оформленным каменными пилонами въездом с северной стороны и с каменной постройкой в южной части. Установлено, что каменная постройка входила в систему внутренней линии укреплений городка, а культурные остатки в его слое незначительны. Эти наблюдения, а также топография размещения свидетельствуют о сторожевом назначении городка. Ведь если по воде связи Болгара осуществлялись через Ага-Базар — поселок и пристань на Волге, то сухопутный южный путь вел сюда через Малый городок — городской форпост.

Торгово-ремесленный поселок на Ага-Базаре продолжал развиваться и во второй половине XIV— начале XV в. жил даже более интенсивной жизнью, чем Болгар.

Последующий период истории Болгара археологически связан со слоем III, определяемым как слой эпохи Казанского ханства. Он представляет собой серую супесь аморфной структуры в центре городища, на склоне и в юго-восточной части, т. е. везде, где слой IVп завершается прослойкой 1431 г. Иной характер — зернистую структуру, похожую на чернозем, — он имеет на других участках городища, где жизнь прекратилась в середине XIV в. и со временем стал образовываться почвенный слой. Везде, где слой III залегает на пожарище 1431 г., он окрашен в синевато-черный цвет. Мощность слоя III — от 8–10 до 30–40 см.

Залегая между слоями II (русским) и IVп (болгарским), слой III только на немногих участках содержит находки и остатки построек. Это участки центра городища, практически территория самой ранней части города, и северо-восточный мыс. Видимо, часть жителей сожженного в 1431 г. города осталась жить на его руинах, образовав небольшой поселок у края террасы.

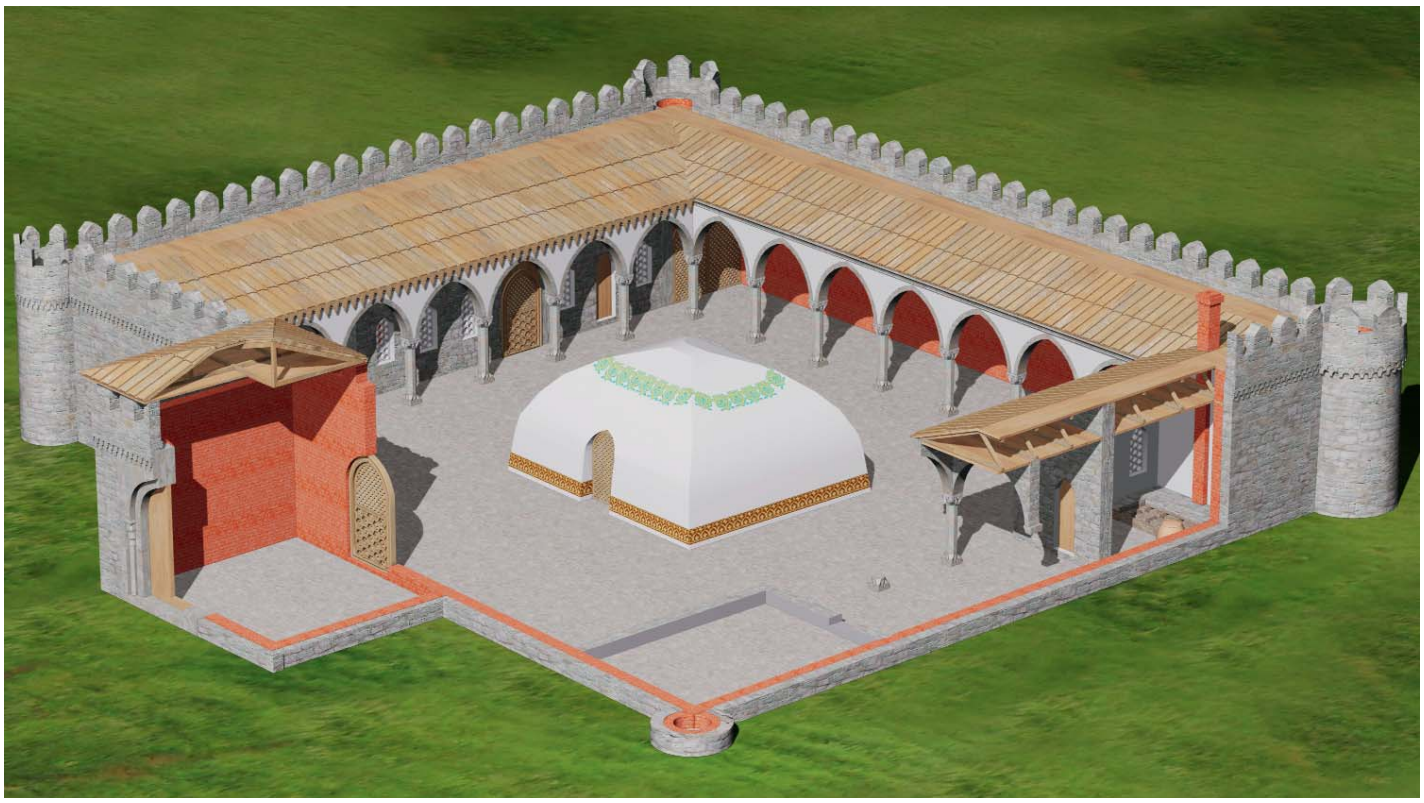
Небольшое население поселка жило в немногочисленных жилищах у края террасы, занимая полосу площадью не более 5 тыс. кв. м. Теплилась жизнь и на Ага-Базаре, где раскопками в основании слоя III также обнаружены остатки дома. Ни в Болгаре, ни на Ага-Базаре не найдены следы ремесленного производства. Скорее всего, существование этих поселков поддерживалось паломничеством людей, хранящих память о Болгаре.

Ханский дворец

В центральный комплекс архитектурных памятников Болгара, кроме описанных сооружений, входил и Царский (Ханский) дворец, исследование которого было начато в 1994 г. Это кирпично-каменное сооружение с угловыми башнями-пилонами (в плане — прямоугольник с внутренними размерами 24 х 29 м) расположено на краю верхнего плато городища, в 100 м к северо-востоку от Соборной мечети.



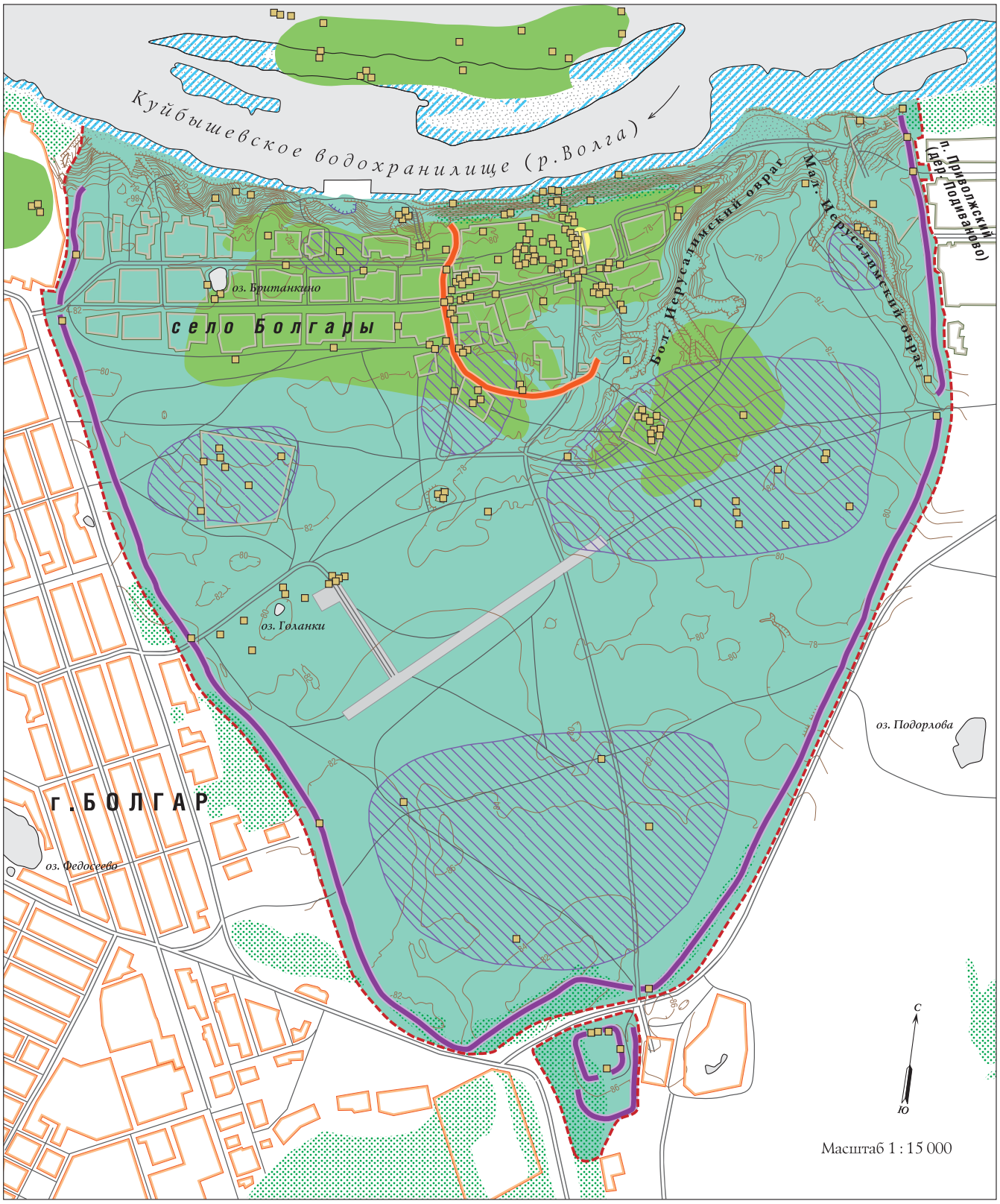
Ханский дворец. Остатки фундамента юго-восточного угла



Графическая реконструкция Ханского дворца. XIII–XIV вв.



Раскоп CXXIII. Исследование Ханского дворца



Расположение культурных слоев и некрополей золотоордынского периода

Граница Болгарского городища

Раскопы 1864—2012 гг.

Расположение некрополей золотоордынского периода

Оборонительные сооружения

Ров и вал XII–XIII вв.

Ров и вал XIV вв.

Культурные слои

VI (ранний) слой — слой поселения нач. XIII — нач. XIV вв. (нижний горизонт)

VI (поздний) слой — слой поселения нач. XIV — пер. пол. XV вв. (верхний горизонт)

III слой — слой поселения Казанского ханства пер. пол. XV — пер. пол. XVI вв.

Подтопляемые территории

Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

Х.М. Абдуллин

Город Болгар на картах и планах XVIII–XIX вв.

Болгарское городище постоянно привлекало к себе внимание путешественников и исследователей. Кроме описаний и зарисовок зданий и развалин Болгарского городища, особое значение в изучении памятника играют картографические материалы, которые являются важнейшими источниками в изучении исторических поселений. Благодаря картографии исследователи успешно локализуют не только исторические центры современных поселений, но и прекратившие свое существование населенные пункты и особенности их исторического развития.

Проведенные изыскания картографических материалов по истории города Болгара затронули материалы трех основных архивохранилищ — Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственого военно-исторического архива (РГВИА) и Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), а также многочисленных опубликованных источников.

На картах и планах Казанской губернии (наместничества, царства) XVIII–XIX вв. исторические поселения отражены минимально, однако данные материалы позволяют проследить зарождение, функционирование и рост таких поселений в контексте истории всей губернии, во взаимосвязи с населенными пунктами других сопредельных уездов. Село Болгары, именно под этим названием, выделено на чернобелой карте «Царства Казанского с окольными провинциями и частью реки Волги» 1745 г.

В тот период село входило в большой Казанский уезд, включавший в себя обширные территории не только будущих Лаишевского и Мамадышского уездов, но и Западного Закамья. «Карта Казанского наместничества», составленная учеником знаменитого математика Л. Эйлера А.Д. Вильдбрехтом согласно «Положению о губерниях» 1775 г. и изданная в Санкт-Петербурге в 1792 г. в «Российском атласе, из сорока шести карт состоящем и на сорок два наместничества Империю разделяющем», указывает Болгары не как Успенское, а под современным названием.

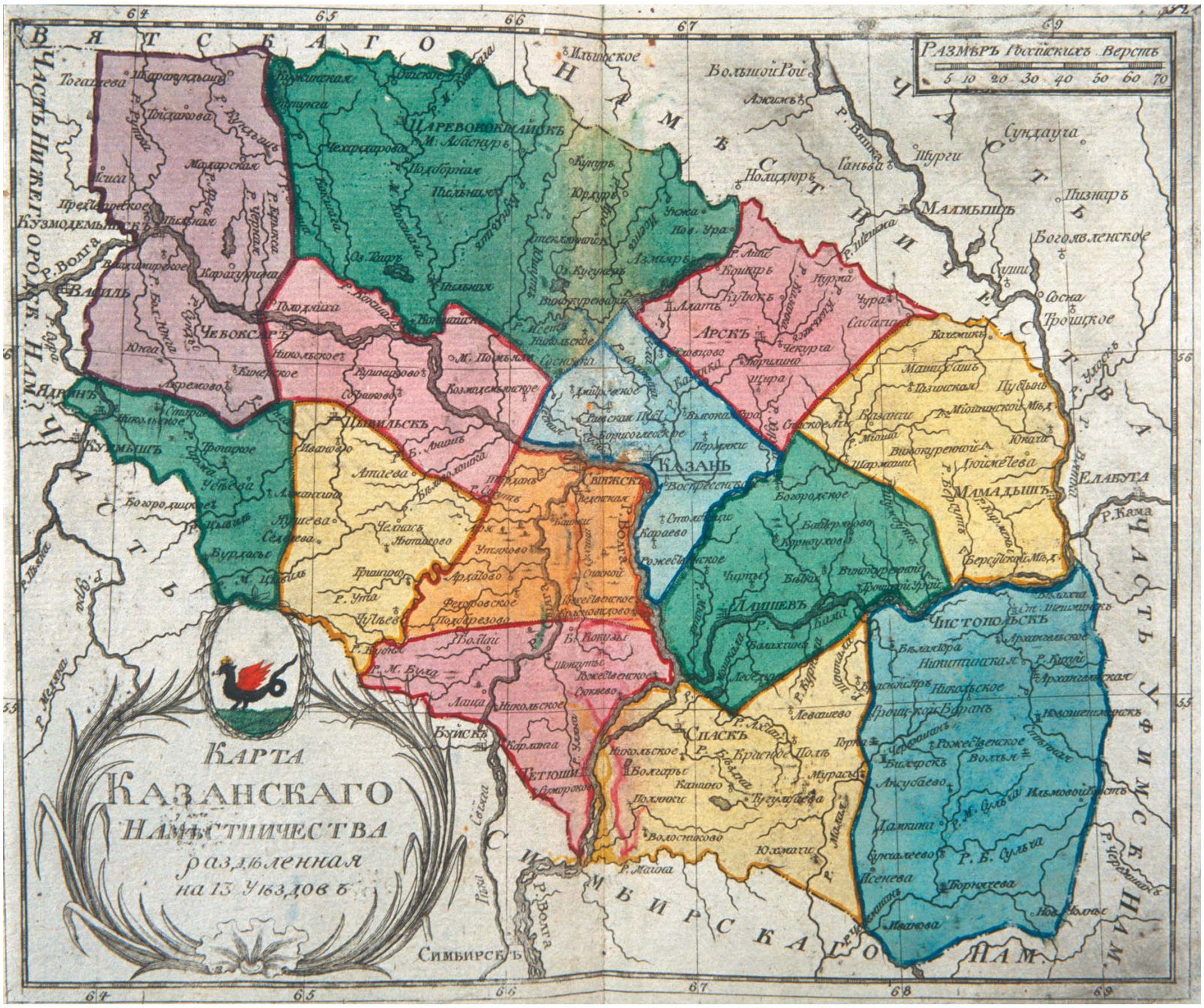
На цветной копии 10-верстной «Карты подчищенным дубовым рощам и прочим диким лесам Казанской, Нижегородской, Оренбургской губерниях, описанным подполковником Медвечиным 13 октября 1765 г.» в указаны населенные пункты, реки, озера, основные дороги, ну и конечно село Болгары.

На «Генеральной карте Казанской губернии 1822 г.», сочиненной и гравированной полковником Пядышевым, указаны наиболее крупные или значимые города и села уезда. Название села Болгары, как и других населенных пунктов, здесь продублировано латинскими буквами.

Карта Казанской губернии, входящая в «Атлас Грибовского» 1843 г., делает акцент на владениях Управления Первого департамента




ВОТЧИНА
ГОСПОДЪ БАРОНОВЪ СТРОГАНОВЫХЪ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ
ХЛЫНОВСКАГО УѢЗДА
УФИМСКОЙ ГУБЕРНІИ
КАЗАНСКАГО УѢЗДА
СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ
ЮЖНАЯ ЧАСТЬ
СТЕПЬ ЯИЦКАЯ
Р. Кама
Р. Ока
Р. Сок
Р. Самара
Казань
Чистополь
Мамадышъ
Спасскъ
Елабуга
Бугульма
Бугурусланъ
Бирскъ
Красноуфимскъ
Самара
Тоцкъ
Сарапулъ
Мензелинскъ
Уфимскій
Оса
Кунгуръ
Шешминскъ
Бугульминскій
Бирскій
Самарскій
Оренбургскій
Симбирскій
Пермскій
Вятскій
Нижегородскій
Тобольскій
Тамбовскій
Пензенскій
Саратовскій
Астраханскій
Каспійское Море



«Карта Казанского наместничества», составленная А.Д. Вильдбрехтом согласно «Положению о губерниях» 1775 г., издана в Санкт-Петербурге в 1792 г. в «Российском атласе, из сорока шести карт состоящем и на сорок два наместничества Империю разделяющем»

Государственных имуществ. Село Болгары на данной карте обозначено как один из наиболее важных пунктов по дороге из Спасска в Тетюши.

На 30-верстной цветной карте Казанской губернии, составленной надворным советником П. Жигановым, Болгар предстает уже в качестве единственного указанного населенного пункта вдоль дороги из Тетюшей в Спасск. Наконец, на цветном «Новом настольном атласе А.Ф. Маркса» 1909 г. в разделе «Европейская Россия» обращает на себя внимание уже абсолютно равное положение Тетюшей, Болгара и Спасска. Таким образом, на губернских планах и картах XVIII — начала XX вв. село Болгары прошло путь от одного из сотен мелких поселений на территории большого Казанского уезда до наиболее значимого населенного пункта Спасского уезда Казанской губернии.

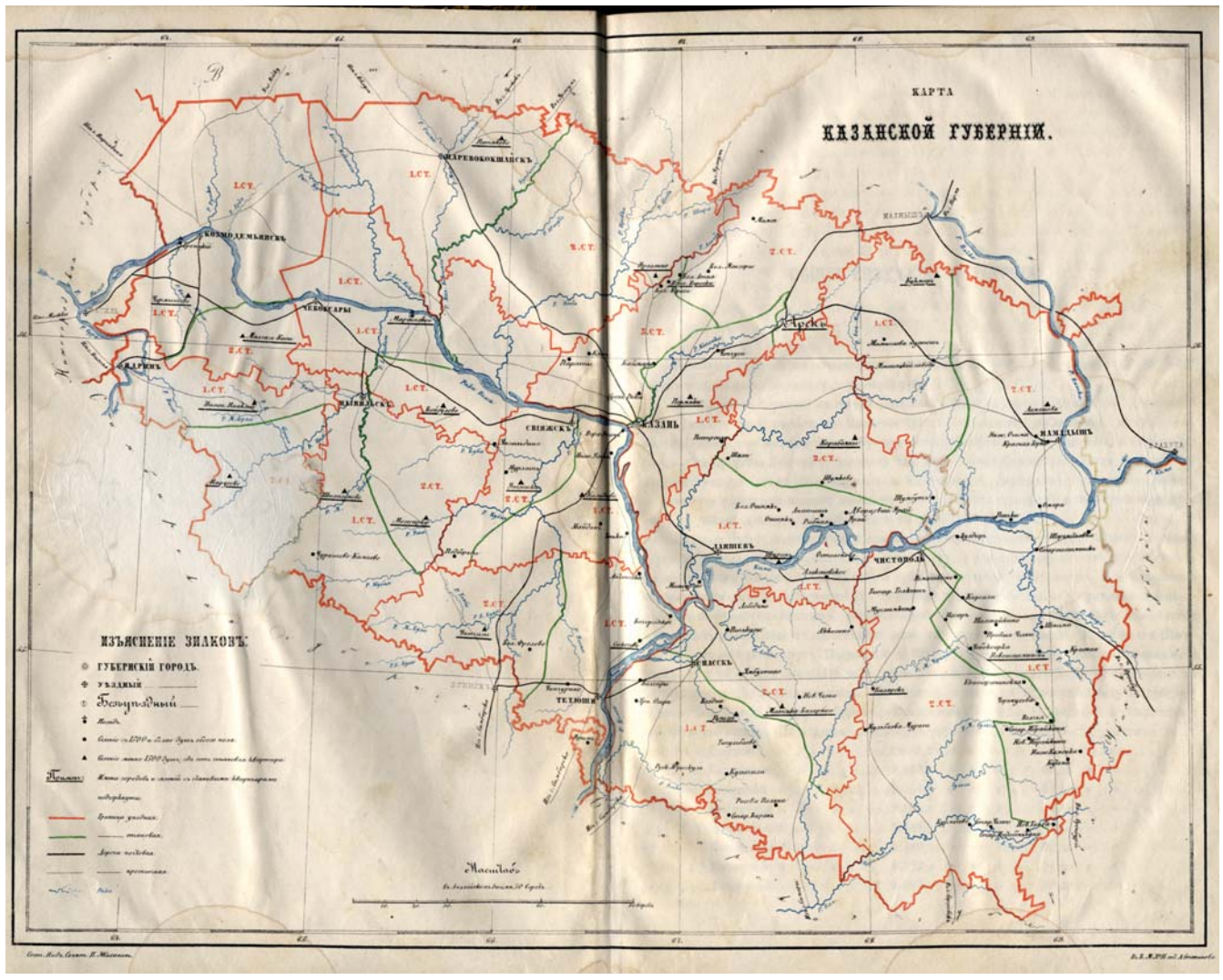
Карты Спасского уезда, безусловно, более интересны и информативны для исследователя. Здесь отражаются даже минимальные по численности поселения. Рассмотренные нами планы относятся к концу XVIII в. и XIX в. Среди них выделяется генеральный уездный план Спасского уезда конца XVIII в. из собраний планов генерального межевания всех земель Российской империи с масштабом в 1 версту. Представленное здесь село Успенское (Болгары) прорисовано довольно подробно. На план нанесены границы городища (валы), отдельные здания, территория Малого городка, Иерусалимский овраг, распахиваемая территория и здание бывшего селитренного завода на востоке городища. План утвержден в Межевой канцелярии землемером, коллежским секретарем Михайлой Носовым.

На уездной карте Спасского уезда конца XVIII в. с масштабом в 4 версты нанесены слободы, села, сельца, деревни, выселки, хутора, мельницы (ветряные и водяные), дороги, мосты и пристани, в том числе и село Успенское. Минусом данной карты является то, что она не завершена: в частности, не подписано большинство населенных пунктов.

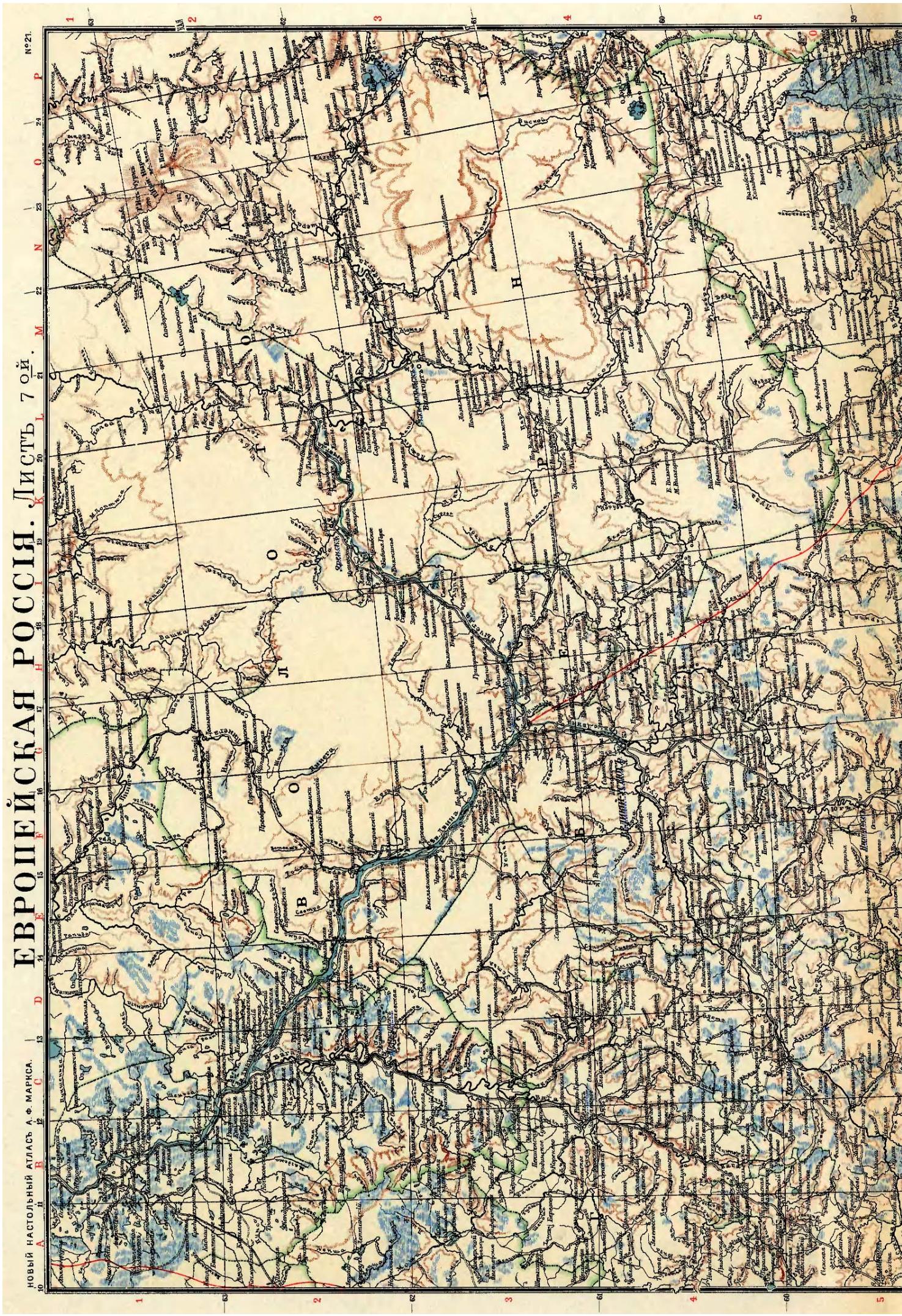
Красочная, парадная карта с описанием города Спасска и его уезда масштабом в 8 верст условно разделена на четыре части, которые будут более подробно указаны в отдельном Атласе Спасского уезда в четырех частях. Здесь бросается в глаза доминирующее положение села Успенское (Болгары) для всей прилегающей округи. Масштаб карты не позволил прорисовать более подробно все особенности села, однако



Карта Казанской губернии, составленная надворным советником П. Жигановым



Карта Казанской губернии, входящая в «Атлас Грибовского» 1843 г.



Карта Казанской губернии в «Новом настольном атласе А.Ф. Маркса» 1909 г., раздел «Европейская Россия»


Масштабъ 1:2.000.000.
Версты
Километры
Геогр. Миль
ИЗДАНІЕ и СОБСТВЕНН. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ въ С.ПЕТЕРБУРГѢ.
ПЕЧАТ. въ КАРТОГР. АРТ. ЗАВ. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
ВЛАДИМІРЪ
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ
КОСТРОМА
МУРОМЪ
БОГОРОДСКОЕ
ВОРСМА
ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ



Атлас Спасского уезда в 4 частях масштабом в 2 версты

в непосредственной близости от села все же локализован «казенный селиторный» завод.

Наконец, последним в ряду уездных планов следует отметить Атлас Спасского уезда в 4 частях масштабом в 2 версты. Подобно предыдущей карте, части Атласа также красиво оформлены, однако отсутствует уездное описание. Село Болгары, также как и город Спасск вошли в 1-ю часть атласа. Подобно генеральному плану Спасского уезда конца XVIII в., здесь подробно прорисованы валы, отдельные здания, как самого села, так и городища, территория Малого городка, Иерусалимский овраг, распахиваемая территория и здание бывшего селитряного завода.

Безусловно, главный интерес для исследователей представляют планы непосредственно самих населенных пунктов. Село Болгары, благодаря своим уникальным архитектурным памятникам, постоянно находилось в центре внимания путешественников и художников. Не обошли вниманием Болгарское городище и картографы. В Атласе IV археологического съезда приведена карта Болгарского городища XVIII в. Это схематический черно-белый план, на котором прорисовано городище, оборонительные валы, реки и указано местоположение сохраняющихся и обрушившихся древних строений. Привлекает к себе тот факт, что на плане указаны село Щербеть и деревня Мордово, однако села Успенского (Болгары) нет. Как известно село Болгары (первоначально слобода) при Успенском монастыре было учреждено около 1712 г., вместе с монастырем на месте Болгарского городища.

В Российском государственном военно-историческом архиве нами выявлен не публиковавшийся ранее «План экономическому селу Болгары, что внутри земляного вала». Сразу отметим, что в описи в названии плана указано, что он относится к первой четверти XIX в., однако, локализация на плане действующего монастыря в районе Соборной мечети прямо указывает на более древний характер этого картографического источника. Как известно, Успенский монастырь в селе Болгары был закрыт в 1770-е гг. К сожалению, план не подписан, что делает невозможным более точную датировку его создания. Это цветной, красочный план, содержащий кроме собственно плана городища и села также описание плана, список новых построек и профили трех старинных сооружений городища. Здесь хорошо прорисованы пашни, река, затапливаемые территории, посадки, овраги, рвы и валы городища. Строения села прорисованы схематично, однако отдельно стоящие здания и руины исторических построек локализованы правильно. Все они подписаны.

Подчеркнем, что наличие действующего селитряного завода еще раз подтверждает версию о создании плана в XVIII в., так как на генеральном уездном плане Спасского уезда конца XVIII в. завод уже назван «бывшим».

Другим выявленным нами и не публиковавшимся ранее планом Болгарского городища является «План местоположению прежде бывшего в древнее время столичного города Болгарского царства, где ныне имеют поселение Лаишевского уезда села Успенского (Болгары

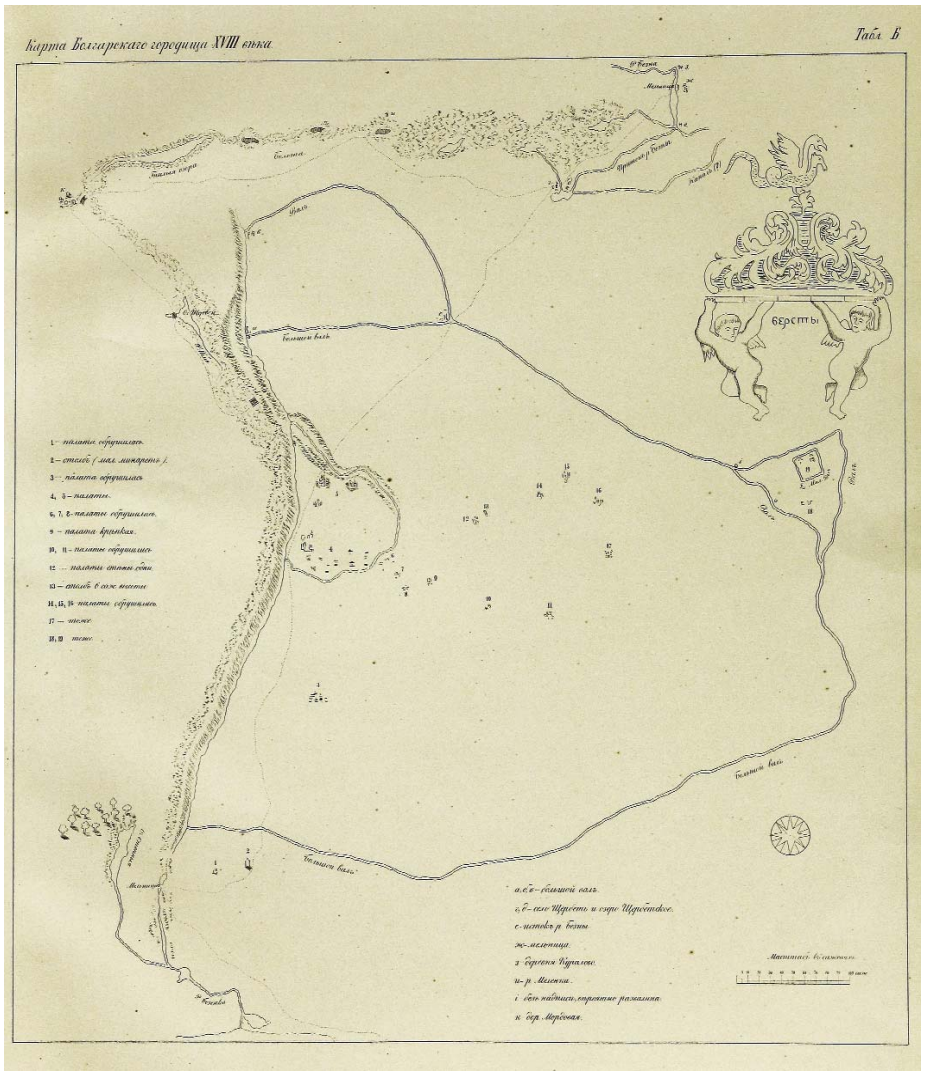
тож) экономические крестьяне», относящийся к концу XVIII — началу XIX в. План цветной, подписан землемером первого класса, титулярным советником Петром Мальковым, масштаб — 100 саженей. На плане подробно локализованы деревенские дома и приусадебные участки, пашни, леса, дороги, реки, овраги и затапливаемые во время половодья пространства, отдельно стоящие здания городища и валы. Отметим, что все отдельно стоящие здания пронумерованы. В левом нижнем углу приведены изъяснения плана. Обращает на себя внимание описание Болгарского городища, помещенное в правом нижнем углу: «Оное село Болгары положение имеет речки Меленки на левой стороне, расстоянием от города Казани в 130 верстах, окружается от той речки с трех сторон семиугольным, довольно обширным земляным валом и рвом, возле коего с полуденной стороны имеется не большая вокруг обнесенная таковым валом и рвом крепостца, где видны следы прежде бывшего в древние времена столичного города Болгарского царства, в оном пребывание имели болгарские татары, в том селе состоит древнее татарское строение, сооруженное из дикого камня и кирпича, плата, из которой освещена церковь во имя Николая Чудотворца, а возле нее выстроена вновь другая во имя Успенья Божьей Матери, где прежде был монастырь с названием Болгарского, а ныне по уничтожении онаго, сделан приходскою церковью, около того развалившаяся ограда с четырью башнями, столб и три палаты, примечательно, что в древности там строений было весьма много ибо и поныне оное видно в развалинах заселением внутри земляного вала — 26, да в Малом Городке — 4, за валом же — 5, разных каменных зданий, из них ввиду означают только палат — 7, башен — 4, столбов — 2, строения все развалились, и в тех развалинах находят много поливной с венцом гончарной работы, которая в наружных украшениях употреблялась, находятся также и высеченные на камнях надгробные на разных языках восточных народов надписи».



Генеральный уездный план Спасского уезда конца XVIII в. из собрания планов генерального межевания всех земель Российской империи с масштабом в 1 версту

Более поздним планом Болгарского городища является «План Великого Града Болгар, древней столицы Болгарского царства». План составлен и опубликован губернским архитектором А. Шмидтом в 1827 г. Здесь хорошо прорисованы географические особенности и, конечно же, указанны все здания и развалины, которые пронумерованы. Внизу плана приведены объяснения этих архитектурных объектов.

Картографические источники XVIII–XIX вв. раскрывают для нас село Болгары и древнее городище с новой стороны. Благодаря картам и планам мы наблюдаем развитие села, фиксацию и разрушение памятников на территории его городища в указанный период.



Карта Болгарского городища XVIII века из Атласа IV археологического съезда

А.Н. Кирпичников

История становления и развития Великого Волжского пути

В истории народов Европы Великий Волжский путь в эпоху раннего средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, торгово-транспортное, международное и межгосударственное значение. Он способствовал контактам и общению славянских, финно-угорских, тюркских и других народов и племен Старого Света в их стремлении узнать друг друга, обогатиться благами человеческой цивилизации и коллективными достижениями в области экономики, техники и культуры. В этот период Волжский путь послужил стимулом невиданного до тех пор прогресса евразийского общества повлиял на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовал созданию единого наднационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Функционирование данного пути в VIII–XI вв. решающим образом сказалось на возникновении нового для своей эпохи явления, которое можно назвать глобализацией мировой экономики.

Особую роль сыграл Великий Волжский путь в развитии славянских, финно-угорских, тюркских и скандинавских народов Европы в отношении организации городов, транспорта, ремесла, путей сообщения, международных рынков, а в конечном итоге, в становлении государств и властных институтов.

Судя по находкам восточного серебра, Волга и ее самый крупный северный приток Кама все настойчивее стали использоваться в VII–VIII вв. для целей дальнего судоходства. В последней четверти I тыс. н.э. значение Волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию. На то были веские причины. В результате арабской экспансии доступ европейцев в Средиземное море в течение VII–VIII вв. и их связи с Византией и Ближним Востоком фактически нарушились, и торговля была вынуждена искать другие пути. И такой путь через Восточную Европу в страны Азии, впрочем, издревле известный, был использован во все возрастающей мере. Перенаселение Скандинавии выталкивало избыточных жителей в поисках пригодных для поселения земель, торговли и захвата добычи. Одновременно увеличилась потребность в денежных средствах и изделиях, поступающих с Востока.



Астролябия. Ирак. 927–928 гг.

Бурный период создания государств, армий, флота, властных институтов сопровождался стремление правящих верхов и общественных групп к переделу мира, военным походам. К накоплению богатств и обмену ценностями подталкивало сложившееся мировое разделение труда и неравномерное разделение сырьевых ресурсов стран Запада и Востока, различие стоимости изделий удаленных регионов. Для ведения караванной торговли возникли сообщества купцов. Основными явились водные дороги, ис-





Подвески поволжских финно-угров болгарской эпохи



Каролингский меч типа S с клеймом ULFBERHT (слева); каролингский меч типа H (справа)

Русско-болгарские войны. 1108–1220 гг.



Границы государств, 1236 г.

Основные направления военных походов 1107–1229 гг.

русских

болгар

мордвы

Цифрами обозначены:
1 — *Углицкое княжество (с 1218 г.)*
2 — *Ярославское княжество (с 1218 г.)*
3 — *Ростовское княжество (с 1212 г.)*
4 — *Переяславское княжество (с 1212 г.)*
5 — *Юрьевское княжество (с 1212 г.)*

Походы русских князей на булгар и мордву в XII–XIII вв.
1120 — Юрия Владимировича Долгорукого
1164 — Андрея Боголюбского, князей Ярослава Юрьевича, Изяслава Андреевича, Юрия Муромского
1171–1172 — Мстислава Андреевича, сыновей муромского и рязанского князей
1183 — Всеволода Большое Гнездо, Мстислава Давыдовича, Владимира Святославича, Изяслава, Романа, Игоря, Всеволода и Владимира Глебовичей, Владимира Муромского
1185 — владимирцев и городчан
1205 — «судовой рати» Всеволода Большое Гнездо
1220 — Святослава Юрьевского, ростовцев, белозерцев, устюжан и муромцев
1220 — Василька Константиновича Ростовского, Юрия Всеволодича
1228 — Святослава и Юрия Всеволодичей
1229 — Юрия и Ярослава Всеволодичей, Василька Ростовского, Всеволода Ярославича, Юрия Муромского

1221
Даты основания города

1024
Даты первого упоминания города в летописи

Гороховец
Города, укрепленные в связи с опасностью болгарских нападений

1220 г.
Мирный договор Юрия Всеволодича с болгарами в Городце Радилове

пользовались не только морские, но и речные корабли шириной примерно до 2, длиной не менее 8 м. Организация региональных и трансконтинентальных связей потребовала устройства береговых поселений, корабельных станций, постоянных или сезонных торжищ.

Протяженность Волги — самой большой реки Восточной Европы — составляет 3690 км. Она протекает по Русской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности, минуя зоны леса, лесостепи и степи. Волга, как великая река, отмечена в «Повести временных лет», вытекающей из Оковского леса и впадающей 70 рукавами в Каспийское море — «тем же из Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы (Хорезм) и на въсток дойти в жребий Симов», т.е. в пределы Азии, которая, по библейским понятиям, была отдана роду Сима.

Великий Волжский путь, каким он функционировал в последней четверти I тыс., можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготели реки, а также сухопутные водные трассы, представляющие ее транспортное продолжение. Не будет преувеличением протянуть общий маршрут Волжской системы с учетом ее прямого и косвенного функционирования от Британии и Готланда до Ирана и Ирака.

Северная часть Волжского пути располагалась за его пределами. Это Северное и Балтийское моря, Финский залив, р. Нева, Ладожское озеро, р. Волхов, озеро Ильмень. Далее кратчайшим и удобным (даже с учетом волоков) переходом к истоку Волги был «Селигерский путь» по рекам Поле, Явони до озера Селигер и по р. Селижаровке с выходом на Волгу. Не исключается также и переход из Волхова на Волгу по рекам Мста, Цна, Тверца. Дальнейшее передвижение, что можно отнести к основной части пути, происходило по главной реке вплоть до ее устья. Южный участок плавания включал Каспийское море до его южного побережья (до области Джурджан). Далее шла ухутная дорога до города Рея или дальше до Багда-

Каролингский меч. X в. НМРТ



да. Наибольшая часть водного пути приходилась на пространство Восточной Европы. Путешественникам приходилось преодолевать волоки, а на Неве и Волхове — пороги.

Караванное движение кораблей из района Балтики (например, от Бирки) до района Каспия (допустим до Дербента), с учетом, что расстояние составляло около 5500 км, могло занять два месяца и несколько месяцев на обратный путь. В последнем случае в речной части плыли против течения, а средняя скорость дневного перехода равнялась 25 км. Таким образом, в течение летнего сезона суда, побывавшие в города Прикаспия, едва ли успевали вернуться на свои исходные базы в регионе Балтики. Иными словами, парусно-весельные суда одной флотилии могли осуществлять полную поездку в лучшем случае раз в год.

В систему передвижения кораблей и грузов по Волге входили также Кама (т.н. «Пушной путь»), Вятка, Ока, Клязьма, Которосль, Мста. Самостоятельное значение имели Донской и Неманско-Донецкий пути. С верховьев Волги был выход к Западной Двине, «а по Двине в варяги, а из варяг до Рима». Волжский и Донской пути сближались друг с другом у г. Калач, в месте называемом «переволока» (здесь сухой путь составлял около 60 верст). В среднем течении Волги от нее на юго-восток отходили сухопутные пути в Хорезм, а на запад — в Киев (по ал-Идриси, приблизительно 20 станций на 1400-1500 км) и далее — в Чехию и южную Германию. Среди водных дорог Русской равнины Волжский путь с его системными ответвлениями относился к наиболее разветвленным и значительным, а его стержневое направление по отношению Запад-Восток — магистральным.

Исторически Волга не только не разъединяла народы, а наоборот притягивала к своим берегам новых поселенцев. Она как бы являлась осью, вокруг которой в разные времена группировались аланы, хазары, мадьяры, печенеги, гузы, половцы, буртасы, болгары, мордва, мурома, мещера, весь, чудь, славяне (включая северян,



Янтарные бусы из Прибалтики. Волжская Болгария. X–XI вв. БГИАМЗ







Вислая печать великого князя владимирского Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо (лицевая и оборотная стороны). XII в. Билярское городище

Фибула. IX–XI вв. БГИАМЗ



радимичей, вятичей, словен новгородских), югра. Хорошо был знаком Волжский путь арабам, персам, азербайджанцам, армянам, евреям, балтам, скандинавам, фризам, саксам, западным славянам. Эти люди исповедовали разную веру, были язычниками, христианами, иудеями, мусульманами, что не мешало им вступать в длительные деловые контакты и договариваться между собой. В истории мировой цивилизации то был едва ли не самый редкий период всеохватывающей веротерпимости и межэтнической уживаемости коллективов, объединенных необходимостью торговых отношений. Наличие Волги и рек ее системы способствовало расселению и земледельческому освоению Северо-Восточной и Северо-Западной Руси славянами. С особой интенсивностью этот процесс протекал в Волго-Окском междуречье. Не случайно здесь возникнут крупные города Муром, Суздаль, Ростов, позже Владимир. Создалась новая обстановка и в степной части Волги. Достигнув этой реки, кочевники, случалось, переходили к частичной или полной оседлости и воздвигали здесь постоянные становища.

Развитие региональной, особенно дальней торговли в Восточной Европе явилось тем поворотным моментом, который сопровождался взрывом урбанизации. «Город в целом делал рынок всеобщим явлением» писал известный французский историк Ф. Бродель. Евразийская по своему размаху коммерция имела результатом освоение ряда новых и преобразование прежних городов и поселений, находящихся в зоне речных и морских путей. Именно в системе Волжского пути возникло большинство раннесредневековых городов и торговых факторий. Эти населенные пункты необязательно находились на берегах морей, рек и озер, некоторые строились в глубине территорий в целях большей безопасности и более удобной связи с сельскохозяйственной или сельской округой. Поселения той эпохи по преимуществу были многфункциональными: одновременно являлись административными, военными, ремесленными, религиозными центрами, средоточием ремесленников и международной торговли. Здесь находились склады местных и транзитных грузов, устраивались ярмарки, существовали верфи по изготовлению судов, их оснастки и ремонту, строились гостиницы, корабельные пристани, станции по обслуживанию водного транспорта, заставы по сбору по-

Болгарские боевые топоры





шлин и даней. В северной части Волжского пути обозначились особые города-порты, сходные с западноевропейскими виками. Устройство таких центров было подчинено интересам торговли, товарного ремесла, близости к водным коммуникациям, доступности купеческому транспорту. При всем индивидуальном различии торговым городам были свойственны общие черты: они имели не аграрный, а торгово-ремесленный характер, в них действовали разнообразные мастерские по выделке изделий, необходимых в быту горожан и для внегородской продажи, существовали кварталы мастеров, купцов и воинов.

Среди городских образований в системе Волжского пути выделялись ключевые города-лидеры своих территорий, располагавшиеся на определенных отрезках торговых магистралей. Они находились в стратегически важных местах, на скрещениях дорог, перевалочных остановках, у гаваней, где имела место стоянка и разгрузка кораблей и были удобны контакты как с горожанами, так и окружающим местным населением. Перечислим такого рода города, имевших прямое или косвенное отношение к Великому Волжскому пути и функционировавшие в VIII–IX вв. и позже. В перечислении с Запада на Восток: Дорестад во Фризии, Йорк в Британии, Рибе и Хедебю в Дании, Нидарос и Каупнг в Норвегии, Охус и Бирка в Швеции, Стариград (Ольденбург), Рёрик (Мекленбург), Ральсвик и Аркона на о. Рюген, Менцлин, Щецин, Волин, Колбжег, Трузо на оз. Дружно — все в землях западных славян, Павикен на о. Готланд, Сальтвик на Аландских островах, Гробини в Латвии. Что касается восточноевропейских населенных пунктов (в большинстве IX–X вв.), то следует назвать Ладогу в нижнем течении р. Волхов, предшественник Новгорода — Рюриково городище в истоке упомянутой реки. Далее, вниз по течению Волги, археологические комплексы Тимерево и Михайловское, давшее начало Ярославлю. С Волгой в определенной степни связаны раннесредневековые центры Залесской земли: Сарское городище — предшественник Ростова, Суздаль, Клещин — предшественник Переяславля-Залесского. Отметим далее Муром на Оке. На Средней Волге находились: поселение на месте современной Казани, Болгар, а также Биляр, Сувар, Ошель и другие торгово-ремесленные пункты. В дельте Волги помещались столица Хазарии Итиль. Назовем также построенный в 834 или 837 г. Саркел-Белую Вежу. В зоне Прикаспия помещались Семендер, Беленджер, Дербент, Баку. На юго-востоке Каспийского моря находилась область Джурджан с портом Абескун, как отмечал современник, «самым известным портом на Хазарском море». Из Абескуна сухопутные караванные дороги вели в Рей — «торговый центр мира» и далее в Багдад. Другим направлением из этого места двигались через Балх и Мавераннахр в Центральную Азию и Китай. В приведенном перчне упомянуты отнюдь не все древние населенные пункты периода сложения Великого Волжского пути. Некоторые еще не установлены, о местоположении других идет спор. Ряд поселений известен лишь археологически, они не сохранили своих наименований. При всем этом более или менее крупных торговых мест, существовавших в VIII–IX вв. и позже, было относительно немного, они имели опорное значение и определяли состояние международных рыночных связей.

Население торговых городов, включало, как правило, титульный, коренной этнос и приезжих гостей, состав которых мог меняться в связи с сезонностью торговли. В целях безопасно-



Похороны знатного руса. Худ. ГИ. Семирадский. 1892 г.



Фибула. Найдена у села Скаково. Наровчатского района. Пензенская область. X–XI вв.



Фибула-сюльгама. Муром. X–XI вв.

сти, поддержания определенных общественных отношений, регулирования торговли и сделок, несомненно, действовали принятые правила и поведенческие правовые нормы. Торговые поселения по их статусу и положению во многом определили свое время, явившись первыми, открытыми, «вольными» городами Европы. Жители этих центров по своему социальному положению были неоднородны: на полюсах общества распределяется нобилитет, дворовые зависимые люди, а также рабы. При этом основная часть коллективов горожан была свободной. Отличительной чертой этих была национальная пестрота, этническая уживаемость, соседство разноплеменных, даже экзотических по происхождению, по-видимому, равноправных общин, необычная религиозная и расовая терпимость.



Стеклянные бусы. XII–XIII вв. БГИАМЗ



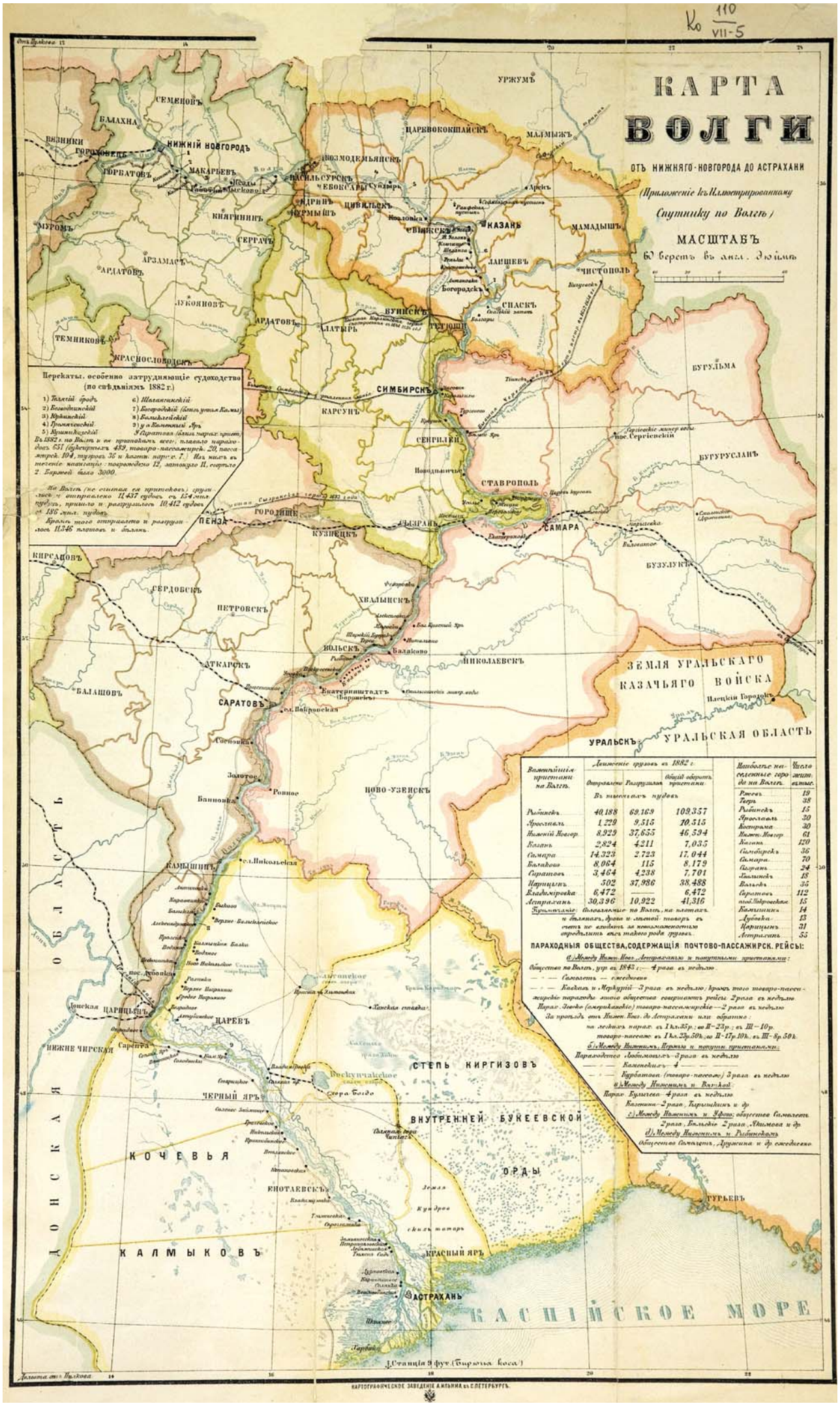
Воин дружины русов. Конец X — начало XI в. По материалам погребений Шестовицы Черниговской области. Реконструкция О.В. Федорова

Развитие этнических, культурных, хозяйственных и географических условий не препятствовало городским общинам прибалтийских регионов и Восточной Европы интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами международной торговли. Все это происходило нередко без вмешательства государства и его институтов на основе частного предпринимательства. Развитие торговых центров строилось по принципу сообщающихся сосудов. Уровень, достигнутый в одном месте, распространялся и на соседние, порой далеко друг от друга отстоящие места. В подобных центрах на достигнутом технически передовом уровне развивалось производство популярных изделий, которые пользовались мировым спросом, таких, как ук-

В каких условиях могло преуспеть разноязыкое общество ранних портовых мест с достоверными подробностями на примере Волина описал Адам Бременский в своей «Хронике архиепископов Гамбургской церкви» (около 1075). «Знаменитый город Юмна (Волин) — отличный порт, посещаемый греками и варварами, живущими вокруг ... Это величайший из городов Европы. Населяют его славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Даже саксы, приезжающие туда, получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Что касается нравов и гостеприимства, то не найти людей честнее и радушнее. В этом городе, полном товарами всех народов, есть все, чего ни спросишь дорогого и редкого». Основные особенности городской жизни, несомненно, были унаследованы волинцами от более ранних времен и приложимы к другим торговым городам Северной и Восточной Европы. Так, по записи «Жития святого Ансгария» (этот германский миссионер был в Швеции в 829–830 и 852 гг.), а в Бирке было «много богатых купцов, изобилие всяческого добра и много ценного имущества».



Бусы и подвески. Стекло, янтарь, сердолик, халцедон, гешир, кашин. Билярское городище. X – начало XIII в.



Карта Волги от Нижнего Новгорода до Астрахани. 1882 г.

рашения, предметы туалета, оружие. Повсеместным признанием на мировых рынках пользовались меха, изделия из кожи, благовония, ткани, а также рабы. В системе дальней торговли устанавливались приоритеты признанных высококачественных изделий, которые поступали из определенных городов и мастерских. Кузницы Рейнской области — едва ли не первые в Европе орудийные мануфактуры — снабжали весь мир мечами и доспехами непревзойденного качества. Меха северных народов концентрировались в северорусских городах, первоначально в Ладоге, и затем с огромной выгодой продавались на восточных рынках. В той же Ладоге, как показали археологические раскопки, ее жители в течение почти трех столетий производили ювелирные украшения из

Поволжская чаша. XIX в. Болгар. БГИАМЗ



Поволжская чаша. XIV в. Кавказ. БГИАМЗ



стекла, кости, бронзы, янтаря, распространявшиеся затем в среде окрестных финнов и других покупателей.

Купцы, нередко объединенные в своем лице воинов, мореходов и мастеров, образовывали сплоченные, скрепленные клятвой товарищества, набирали гребцов и в дальние странствия пускались не меньше, чем на нескольких кораблях. Дорога становилась им известной. Застигнутые холодами, они не боялись зимовать в одном из придорожных мест, дожидаясь весны. Постоянно имея при себе пояс с монетами, купцы прибегали и к денежному расчету, и к обмену. Так, например, оказавшись в районах, богатых мехами, они обменивали привозные вещи на пушнину. В дальнейшем на восточных рынках приобретенный мех продавался уже за деньги. Поездки торговцев сочетались с посредничеством. Известно, что болгарские купцы продавали арабам меха, выменянные у северных народов. Мусульманские писатели сообщали, что арабские купцы дальше Болгара не ездили, довольствуясь богатым местным, во многом перекупным, транзитным рынком. Товарно-денежные отношения взон речных путей и приближенных к ним поселений Европейского континента приобрели в период раннего средневековья небывалый размах в результате экспортно-импортных операций. Скапливался крупный торговый капитал. Его, очевидно, использовали для организации новых перевозок, снабжения кораблей и найма команды, уплаты пошлин, покупки восточных или европейских изделий, а также рабов и невольниц, уплаты дани и налогов, строительства





Поливные чаши. XIV в. Болгар. БГИАМЗ

жилищ, складов, пристаней, содержания охраны. Часть прибавочных средств укрывалось «до лучших времен», а иногда жертвовались богам. Растущее обогащение отдельных групп людей способствовало социальному расслоению общества и одновременно развитию его экономической базы. Возникли условия для капиталистических отношений, которые в то время не были реализованы.

Мировой рынок складывался под воздействием разных обстоятельств, во многом стихийно, но в тенденции поступательно. Запреты и ограничения на торговлю в большинстве мест фактически отсутствовали. Дорожные издержки и пошлины, а также опасности пути не останавливали торговцев. Их путешествия проходили по населенным, но больше безлюдным местам, в том числе и через, если так можно выразиться, ничейные «безгосударственные» земли. На волоках, ночевках, да и при движении по воде купцов подстерегали нападения разбойников и пиратов. Понятно, что в одиночку такая поездка была обречена на неудачу. Флотилию каравана должны были охранять воины, бывшие одновременно гребцами. Фигура смелого, предприимчивого, странствующего купца приобрела своего рода героический ореол. В одном восточном источнике писалось: «кто по алчности с востока едет на запад по горам и морям и подвергает опасности жизнь и тело, и имущество, не страшится разбойников и бродяг, и пожирающих людей хищников, и небезопасных путей, людям (Запада) доставляют блага Востока, а людям Востока доставля-



Бляхи-подвески «с сокольником» (сокольничьим). Пермский край



ют блага Запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это не кто иной, как купец».

Государства, возникшие в зоне Великого Волжского пути, способствовали его интенсивному функционированию. Их роль в этом отношении еще недооценена. Прежде всего, речь идет о Хазарии, занимавшей нижнее течение Волги, предгорья Кавказа, Кубань, среднее течение Дона, бассейн Северского Донца, северное Приазовье, часть Крыма. Столица хазар Итиль являлась крупнейшим в Восточной Европе торговым и таможенным городом, в котором в отдельных кварталах жили выходцы из разных стран, включая и славян. По справедливому заключению М.И. Артамонова, «роль хазар в истории была прогрессивной. Они остановили натиск арабов, открыли двери византийской культуре, установили порядок и безопасность в прикаспийских и причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития хозяйства этих стран и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы».

Мощное развитие, начиная с конца IX в., получила Волжская Болгария. В середине X в. она стала независимой от Хазарии и унаследовала необычайно продвинутую торговую миссию. На территории этого государства скрещивались главнейшие водные и сухопутные дороги, соединявшие его с основными торговыми партнерами Востока и Запада. Процветание Волжской Болгарии нашло отражение в необыкновенной плотности основанных в домонгольский период укрепленных поселений — их насчитывается около 170. В отличие от Хазарии, разгромленной в 960-е гг., Болгария сохранила свое значение важнейшего экономического и культурного центра и транзитного узла вплоть до монгольского нашествия 1236 г.

Развитие судоходной и иной торговли, начиная с VIII в., сопровождалось установлением единой платежной единицы — дирхема. Вплоть до начала XI в. восточное монетное серебро выполняло функции международной валюты. Количество находок дирхемов в Восточной и Северной Европе в кладах и отдельно составляет более 160 тыс. Эти находки указывают места торговли, маркируют купеческие маршруты и разъезды сборщиков дани. В некоторых случаях выявленные клады позволяют реконструировать военные потрясения, происходящие в тех или иных регионах, хотя о них молчат письменные источники.

Через Хазарию и возвысившуюся в X в. Болгарию, Русь и страны Балтийской Европы продолжали получать восточные изделия и арабское серебро. Объем этих ценностей по сравнению с IX в. заметно возрос. Главнейшим транзитным центром исламской торговли с европейским миром становится Болгар на Волге и иные города Волжской Болгарии.



Дружина русов. Последняя четверть X в. По материалам дружинных курганов Чернигова. Реконструкция О.В. Федорова



Топорик с серебряной оковкой и золотой инкрустацией. XI в. Биляр

Р.М. Валеев

Международные торговые связи Болгарских земель в X–XIV вв.

Развитие торговли в рамках сложившихся государств Волжской Болгарии и Золотой Орды прошло длительный путь — от IX — до начала XV вв. Он характеризовался как подъемами, так и спадами, связанными с внутренним и внешним положением страны.

Несмотря на военное противоборство с Русью за контроль над торговой артерией — Волгой в конце XI–XII вв., нападения кочевников, монгольское нашествие 1236–1240 гг., смуту 60–70-х гг. XIV в., чуму во второй половине XIV в. торговля за почти семь веков средневековья пережила динамичный подъем, а рынок занял значительное место в социально-экономической жизни страны. Об этом свидетельствуют такие показатели, как общественное разделение труда и экономическая специализация регионов и городов; сформировавшаяся политика государства по торговым вопросам; появление и становление купцов и торговцев как особой социальной группы, уртачество в организации торговли; расширение ассортимента товаров; товаризация ремесленных производств и промыслов в городе и на селе; увеличение количества крупных городских торговых центров, таких как Биляр, Болгар, Джукетау, средних и мелких поселений для поддержания торговых путей и организации внутренней торговли; широкое распространение иноземных, болгарских, джучидских и иных монет, серебряных саумов, немонетных средств платежа, торговых договоров и торгового инструментария. С одной стороны, в IX–X вв. процветала элитарная торговля. В ее ассортименте преобладали предметы роскоши и редкие товары, а субъектами выступали купцы-дружинники и транзитники, сочетавшие торговлю с грабежом. С другой, начиная с XI в., времени активного развития внутренней торговли, постепенно, к XIV в. преобладающее место в ассортименте заняли товары широкого потребления. Субъектами рыночных операций становятся не только торговцы и ремесленники, но и представители других социальных слоев. Вспомогательным занятием городских и сельских жителей становится торговля, что было свойственно развитому феодальному рынку.

В рамках развитой экономики, базирующейся на земледелии и скотоводстве, сочетавшем оседлый и кочевой методы ведения хозяйства, разнообразных ремеслах и внешней и внутренней торговле, одновременно с укреплением феодальных отношений шел процесс расширения товарного производства.



Ладья викингов. IX–XI вв. Реконструкция



Изделия финно-угорских ремесленников. IX–XI вв. Раскопки Измерского селища. Е.П. Казаков. ИИ АН РТ

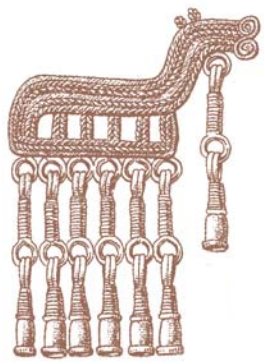


Фрагменты китайских поливных сосудов из раскопок Болгара

Натуральное хозяйство, являвшееся источником средств существования, по мере усиления общественного разделения труда, подразумевающего обмен результатами трудовой деятельности, постепенно привело к товарному обращению. Если товарные отношения в раннеболгарский период носили в основном меновой характер, то есть шел обмен товарами, то возникновение в X в. ремесла, торгово-ремесленных поселений типа Измерское и Семеновское, городов типа Биляр, Болгар, Сувар и других привело к зарождению товарного производства, ставшего неотъемлемой частью уже сложившихся феодальных отношений. В дальнейшем этот процесс расширялся и усложнялся как в экономическом, так и в социальном плане.

Анализ различных источников по экономической и социальной структуре Болгарского и Золотоордынского государств указывает на ведущую роль города в товарном обращении и товарном производстве, в торгово-рыночных процессах и, следовательно, уровне развития товарно-денежных отношений. Это было характерно и для средневековой Руси и Европы. В рассматриваемое время болгарские и золотоордынские города Поволжья и Приуралья, прошли длительный путь. В начале этого периода, включившись в систему трансъевроазиатской торговли по водным, в первую очередь, Великому Волжскому, и сухопутным путям, стали центрами международной транзитной торговли с Востоком, Русью, Северной и Западной Европой. Здесь концентрировались товары внутреннего и внешнего обмена. С XI и вплоть до XV в. они были не только центрами международной, но и локальной, и региональной торговли: между городом и селом, с соседями — финно-уграми Поволжья, Прикамья и Приуралья, с близкими и дальними регионами Золотой Орды — Нижним Поволжьем, Крымом, Северным Кавказом, Сибирью, Хорезмом и др.

В истории Евразии важную роль в укреплении торгово-экономических, культурных сыграл Великий пушной путь, являвшийся трансконтинентальным. Кама и Волга с глубокой древности стали важными речными путями, соединявшими Прикаспий и Восточную Европу с Уралом, Сибирью и Севером. По нему происходили не только передвижения племен на Урал, но и обмен товарами. Со времен Птолемея Клавдия (II в. до н.э.), а скорее всего и раньше, считалось что Кама составляет восточное течение Волги-Ра. Продолжая античные традиции, арабские и персидские средневековые географы и путешественники считали Каму и Волгу одной рекой и называли Итиль, Ак-Итиль, Кара-Итиль или Чулман.





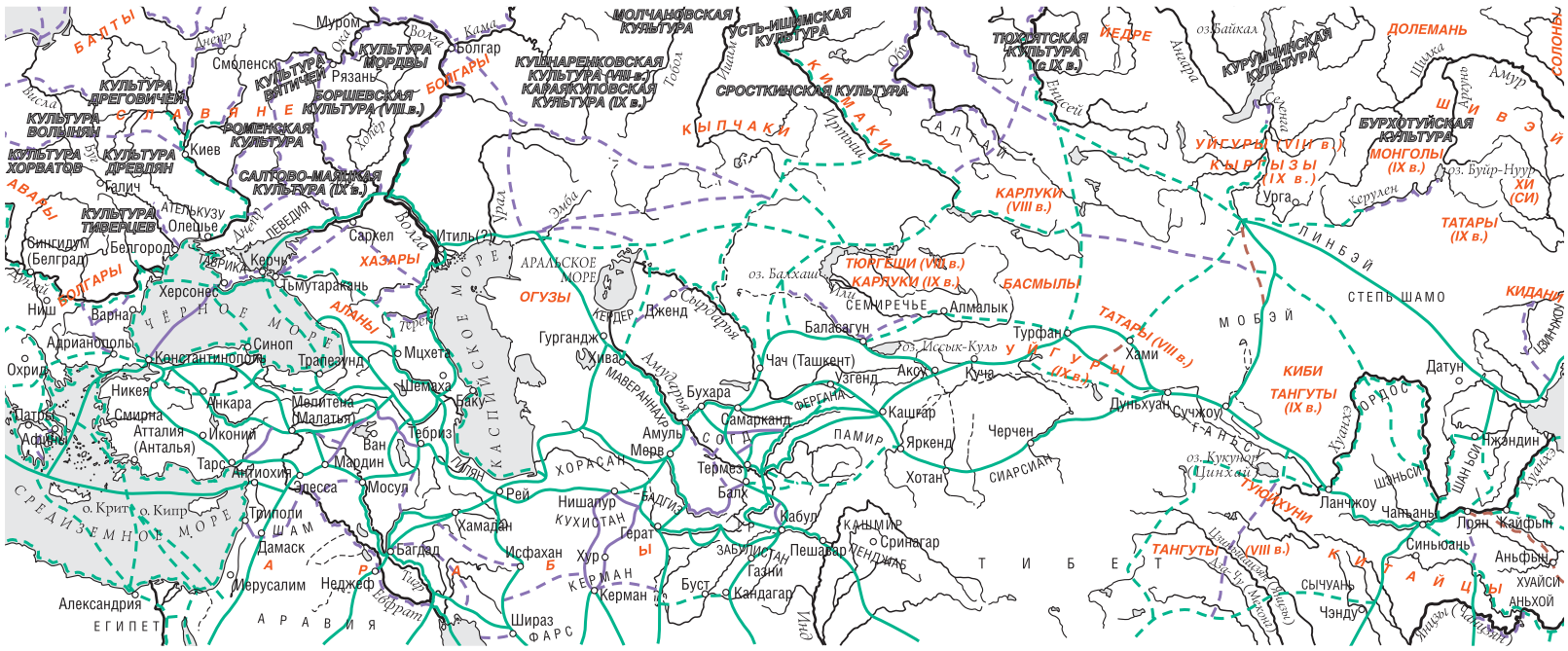


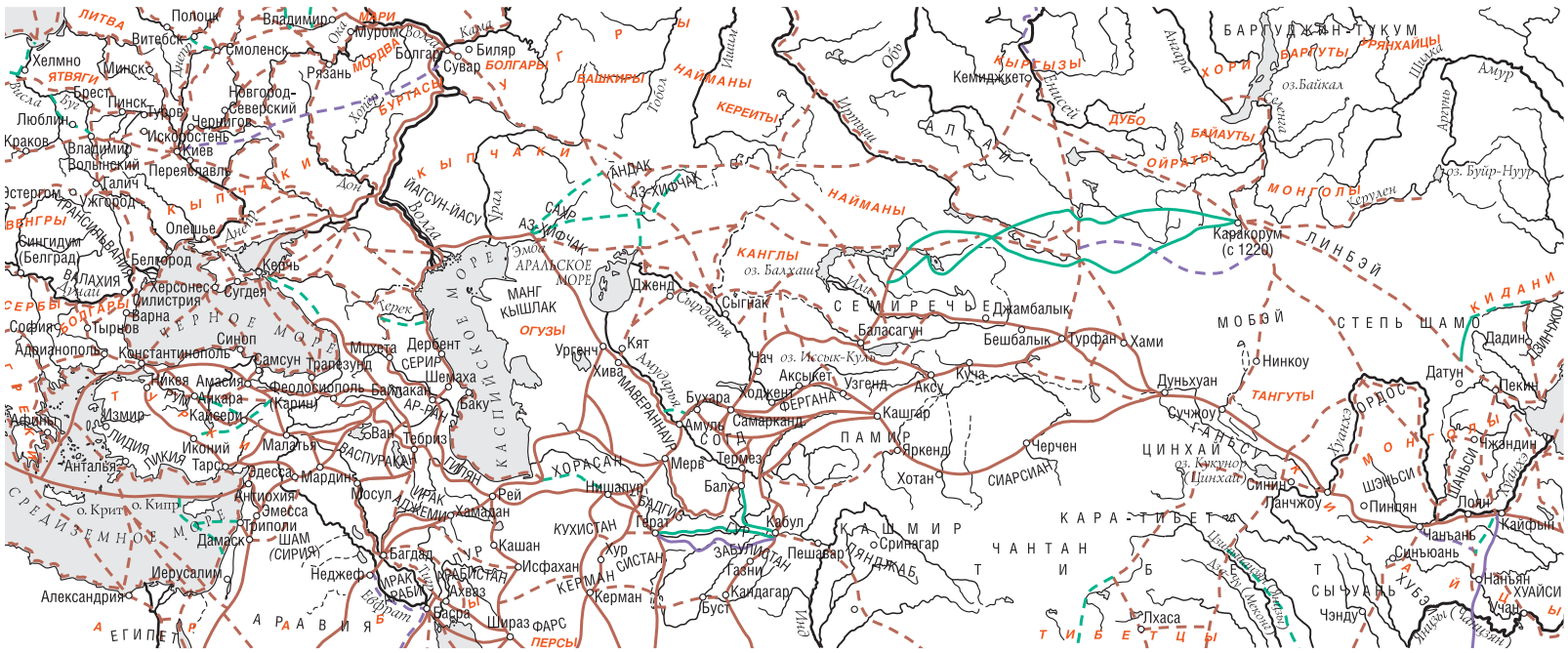
Украшения X–XI вв. из мордовских могильников

В период древности и средневековья известно два всплеска торговой активности Великого пушного пути. Это эпоха раннего железа, когда на территории Прикамья и Среднего Поволжья проживали финно-угорские племена, входившие в состав ананьинской культурной общности. В Приуралье появляются изделия Востока и др. Второй более мощный этап импульс связан с эпохой Великого переселения народов. Огромный поток среднеазиатского, сасанидского, византийского серебра и изделий, византийских, сасанидских и арабских куфических монет, других товаров, в т.ч. китайского шелка начал поступать на территорию Прикамья и далее в Зауралье. Известно более 100 кладов в Прикамье, где обнаружено 16 импортных сосудов, причем сасанидских и среднеазиатских составляет 25 % от общего количества. В.П. Даркевич отмечает 23 клада IV–VII вв. в Прикамье и Башкортостане и 4 клада в Оренбуржье и Казахстане. Массовое распространение византийских и сасанидских монет, яркие свидетели начавшегося роста функционирования торгового пути.

Вначале Хазарский каганат, а затем Волжская Болгария и Золотая Орда, Казанское ханство стали важными стимуляторами разворачивания объемов торговли по Камскому торговому пути, ставшего главной речкой торговой артерией в связях между Севером и Югом

Исследование поселенческих структур, в первую очередь, городов и поселений вдоль торговых путей, динамика их изменений позволили раскрыть ведущую роль городов и ряда поселений в товарном обращении и товарном производстве, как центров торговых связей и процессов, а также, соответственно, значение торговли в урбанизации и социально-экономическом развитии общества. Внутренняя и межрегиональная торговля по Волжско-Камскому пути, ассортимент товаров, охват ею социальных слоев и различных этнических групп населения отражали потенциал общества, взаимодействие финно-угорских и тюркских народов, проживавших в указанный период в Поволжье, Прикамье, Приуралье и Сибири. Внутренняя торговля связывала крупные городские центры, сельскую округу и районные поселенческие агломерации в единую структуру, что подтверждается находками однотипных изделий (например, золотые височные подвески, изготовленные в Биляре), характерных форм сосудов или деталей, их оформления и других товаров. Первая (малый круг) — это непосредственная зона контакта в ближайшем пограничье, в области болгарского влияния (например, Марийское и Верхнее Поволжье, Верхнее Прикамье, Поветлужье, Посурье, Приуралье). Сюда включаются и торговые посредники (чулыманские купцы). Вторая (средний круг) — это дальние области соседних государств, охваченные сферой торговых договоров и соглашений (например, Русь, область Саксин), или территории «открытой» торговли («страны Мрака»). Третья (транзитная — дальний круг) — это отдаленные страны и регионы, находившиеся


БАЛТЫ
ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ
ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ
ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ
КУЛЬТУРА ДРЕГОВИЧЕЙ
КУЛЬТУРА ВОЛЫНЯН
КУЛЬТУРА ХОРВАТОВ
КУЛЬТУРА ТИВЕРЦЕВ
КУЛЬТУРА ДРЕВЛЯН
КУЛЬТУРА ВЯТИЧЕЙ
КУЛЬТУРА МОРДВЫ
БОРЩЕВСКАЯ КУЛЬТУРА (VIII в.)
РОМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА
САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА (IX в.)
МОЛЧАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА
КУШНАРЕНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА (VIII в.)
КАРАЯКУПОВСКАЯ КУЛЬТУРА (IX в.)
УСТЬ-ИШИМСКАЯ КУЛЬТУРА
СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА
ТЮХТЯТСКАЯ КУЛЬТУРА (с IX в.)
КУРУМЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА
БУРХОТУЙСКАЯ КУЛЬТУРА
КЫПЧАКИ
КИМАКИ
ЛЕДРЕ
ДОЛЕМАНЬ
СОЛОНЫ
ШИВЭЙ
УГИ
МОНГОЛЫ (IX в.)
ТАТАРЫ (IX в.)
КЫРГЫЗЫ (IX в.)
УЙГУРЫ (VIII в.)
КАРЛУКИ (VIII в.)
ТЮРГЕШИ (VIII в.)
КАРЛУКИ (IX в.)
БАСМЫЛЫ
ОГУЗЫ
ХАЗАРЫ
ПЕЧЕНЕГИ (X в.)
БУРТАСЫ
ВЕЛЕТЫ
ЛИНБЭЙ
СТЕПЬ ШАМО
МОБЭЙ
КИДАНЬ
ТАНГУТЫ (IX в.)
ТАНГУТЫ (VIII в.)
ТУЮХУНЬ
КИБИ
ЧЖУРЧЖЭНЬ
ЧЖУРЧЖЭНИ
ХУАЙСИ
АНЬХОЙ
ЧЖЭНДУ
СЫЧУАНЬ
ТИБЕТЦЫ
ЮЭСЫ
ЮЭНАНЬ
ЧЖЭНЬЛА
ЧЖЭНЬНАНЬ
ЧЖЭНЬСИ
ЧЖЭНЬЦЗЯН
ЧЖЭНЬЦЗЯНЬ
ЧЖЭНЬЦЗЯНЬ
ЧЖЭНЬЦЗЯНЬ


ЛИТВА
ЯТВЯГИ
ВЕНГРЫ
ВАЛАХИЯ
БОЛГАРЫ
СЕРБЫ
ХОРВАТЫ
ГРЕЦИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
АРАВИЯ
ЕГИПЕТ
МОРДВА
БУРТАСЫ
БОЛГАРЫ
БАШКИРЫ
КЫПЧАКИ
НАЙМАНЫ
КЕРЕИТЫ
ОГУЗЫ
МАНГ КЫШЛАК
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
КАНГЛЫ
оз. Балхаш
ТУРКЕСТАН
СЕМИРЕЧЬЕ
ТАНГУТЫ
ЗАПАДНЫЙ КРАЙ
ПАМИР
ХОРАСАН
СОГДА
ФЕРГАНА
ТОХАРИСТАН
ЗАБУЛИСТАН
ГАНДХАРА
КАШМИР
ТИБЕТЦЫ
ЧАНТАНЬ
КАРА-ТИБЕТ
ЦИНХАЙ
МОНГОЛЫ
ТАНГУТЫ
ОРДОС
ЛИНБЭЙ
МОБЭЙ
СТЕПЬ ШАМО
КЫРГЫЗЫ
ДУБО
БАЙАУТЫ
ОЙРАТЫ
БАРГУДЖИН-ТУКУМ
БАРГУТЫ
ХОРИ
ТУМАТЫ
ХОРИ-БУЛАГАТЫ
УРЯНХАЙЦЫ
оз. Байкал
оз. Буйр-Нуур
оз. Кукунор (Цинхай)
Полоцк
Витебск
Смоленск
Москва
Муром
Болгар
Биляр
Сувар
Рязань
Старая Рязань
Новгород-Северский
Чернигов
Хелмно
Минск
Брест
Пинск
Туров
Люблин
Краков
Искоростень
Киев
Владимир
Волынский
Переяславль
Галич
Ужгород
Олешье
Сингидум (Белград)
Белгород
Керчь
Сугдея
Херсонес
Силистрия
Варна
Тырнов
София
Адрианополь
Константинополь
Синоп
Самсун
Трапезунд
Никея
Амасия
Анкара
Кайсери
Измир
Иконий
Малатья
Тарс
Антиохия
Эмесса
Триполи
Дамаск
Иерусалим
Александрия
Мцхета
Дербент
СЕРИР
Шемаха
Баку
Феодосия (Карин)
Балакан
Ван
Тебриз
Ардебиль
Багдад
Неджеф
Басра
Шираз
Исфахан
Кашан
Хамадан
Рей
Нишапур
Мерв
Герат
Кандагар
Газни
Кабул
Пешавар
Сринагар
Лахор
Термез
Балх
Бухара
Самарканд
Амуль
Хива
Ургенч
Кят
Джанд
Сыгнак
Отрар
Баласагун
Чач
оз. Иссык-Куль
Аксыкет
Узгенд
Аксу
Кашгар
Яркенд
Хотан
Кучa
Турфан
Хами
Бешбалык
Джамбалык
Черчен
Ниньхэ
Дуньхуан
Сучжоу
Ланчжоу
Синин
Пинлян
Чаньань
Синьюань
Кайфын
Пекин
Датун
Дадин
Чжэндин
Поянь
Цзиньань
Чэнду
Шаньнань
Лхаса
Кемиджкет
Каракорум (с 1220)
Каракорум (до 1338)
Желтая степь
Сицзин
Шэньси
Ханьси
Чжэцзян
Хэнань
Сычуань
Хубэй
Цзянсу
Аньхой
Фуцзянь
Гуандун
Гуанси
Юньнань
Гуйчжоу
Тайвань
Хайнань
Цзянси
Хунань
Чанша
Ухань
Нанкин
Шанхай
Ханчжоу
Нинбо
Фучжоу
Сямэнь
Гуанчжоу
Чжанцзян
Наньнин
Наньчан
Чаньша
Ухань
Цзюцзян

вне зоны непосредственного пограничного контакта (Китай, Индия, Египет, Средняя Азия и Иран, Северная и Западная Европа).

Несмотря на преобладание натурального хозяйства в Болгарии во второй половине IX в. ускоренно шел процесс становления торговли и товарно-денежных отношений. Это вместе с развитыми земледелием, скотоводством и ре-





Костяные облицовки передней луки седла. XIII–XIV вв. Золотая Орда. Великий Новгород



месленными производствами характеризует экономическую структуру государств.

В развитии торговли Поволжья и Приуралья рассматриваемого периода выделяется пять этапов.

Первый этап развития торговли начинается в IX в. Он во многом был связан с уровнем развития пришедших сюда болгарских племен и местного населения. На этом этапе важное значение приобретает внешняя торговля Западной, Северной Европы и Руси со странами Востока, в которой с конца IX-начала X вв. главную посредническую роль начинает играть Ваолжская Болгария. Развивается и внутренняя торговля. Наиболее ранней ее формой стала меновая. Существовавший вначале обмен между племенами постепенно перешел к обмену между отдельными лицами. Товарные отношения, которые возникли раньше, зародили денежные отношения, но не сразу в форме благородных металлов. У болгар и татар в роли денег выступал скот (мал), что подтверждается как надписями на монетах, чеканенных в предмонгольский и золотоордынский периоды, так и данными фольклора. Использование в международной торговле мехов пушных зверей в роли товара привело к тому, что и меха стали средством обращения.





Арабский дихрем. 807 г.

Потребность внутреннего рынка в металлической монете привела к распространению, начиная с 70–80-х гг. VIII в., куфических дирхемов. В IX веке — первом и втором этапах обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе — во внутреннем денежном обращении были в основном омейядские и аббасидские дирхемы. В своей основной роли, как средство обращения, эти монеты использовались в незначительном количестве. Они больше выступали в качестве товара в торговле Болгарии с восточными странами и в качестве украшений. В конце IX — начале X в. куфические дирхемы начинают выполнять свою функцию, то есть обмениваться на другие виды товаров. Происходит окончательный переход от меновой формы организации торговли к денежно-вещевой. В X в., который представляет третий и четвертый этапы обращения куфического дирхема, во внутреннем денежном обращении Волжской Болгарии широко используются саманидские монеты, что связано с особой ролью Саманидского государства. В начале X в. начинается болгарский чекан и продолжается до конца X в. Кроме того, болгары организуют массовый чекан подражаний куфическим дирхемам, в большей степени саманидским и, таким образом, удовлетворяют огромную потребность в серебре, которую испытывали государства Восточной и Северной Европы. С 60-х гг. X в. наряду с саманидскими дирхемами появляются монеты других династий: Бувейхидов, Зийяридов, Сал-ларидови других. Среди них наибольший процент составляют монеты Бувейхидов, династии, которая правила на западе и юго-западе Ирана с 935 по 955 гг. Продолжается бытование и абассидских монет из Ближнего Востока. Использование денег зарождает такую форму организации внутренней торговли, как подписание договорных бумаг, которыми закрепляли куплю-продажу в Болгарии. Она получает широкое распространение в золотоордышский период. Упоминание о ней имеется в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф». Когда Малик покупаетЙусуфа у братьев за 18 монет, то он просит скрепить договор бумагой, на что те дали согласие, и договор был подписан.





Арабский дихрем. 1205 г.

Таким образом, роль торговли ярко прослеживается уже в IX–X вв., на начальных этапах развития Болгарского государства, с появлени-

ем и расцветом в регионе торгово-ремесленных поселений типа Семеновского или Измерского. Доходы от посреднической торговли были настолько впечатляющими, что болгарские правители были фактически независимыми экономически задолго до падения Хазарии. Ибн Фадлан в своих трудах отметил множество интересных деталей, свидетельствующих об интересе к Поволжью правителей из очень отдаленных стран.

В XI веке наступает второй период развития торговли. «Серебряный» кризис в это время приводит к прекращению поступления куфических монет в Волжскую Болгарию, в Восточную и Северную Европу. Прекращается чеканка болгарских монет и подражаний, зато в незначительном количестве распространяются караханидские дирхемы и западноевропейские денарии. В этот период продолжается использование в роли средства обращения обрезков монет, их число в кладах, начиная с 70–80-х гг. X в., резко увеличивается. Приблизительно в то же время в обращение вводятся кусочки серебра. Распространение весов и весовых гирек, унифицированного торгового инструментария, необходимого для удобства торговых платежей, свидетельствует о переходе к весовому приему серебра. В обращение на смену монетам приходят серебряные слитки — саумы (сомы), очень удобные для крупных платежей. Для мелкого платежа в повседневном обращении использовались обрезки монет, кусочки серебра, меха, раковины «каури», бусы, шиферные пряслица и другие товаро-деньги. Активно развивается внутренняя торговля, особенно в городах, где продавались товары широкого потребления, роскоши и пряности. В целях поиска рынка сбыта расширяются торговые связи с соседями — финно-уграми Поволжья, Прикамья и Приуралья. Три основных направления болгарской внешней торговли с Востоком, Русью и древнерусскими княжествами, Прибалтикой, Северной и Западной Европой получают свое дальнейшее развитие.



Меха горностая, соболя и куницы на протяжении всего Средневековья использовались как эквивалент денежных средств в торгово-обменных операциях на Волжском торговом пути



Обрезанная саманидская монета. Первая половина X в. Найдена в 1997 г. при раскопках Казанского Кремля

Торговля, как видим, сохраняет свое значение и в этот период. Список экспортируемых из Болгарии товаров был весьма внушительным. Экспортировали не только природные богатства края, но и ремесленную продукцию самих болгар. То, что косвенно отразилось в списке экспорта, говорит о развитии экономики в самой Болгарии. До монгольского нашествия это была страна с высоко интегрированной экономикой, развитой сетью внутренних мелких рынков и экономическим районированием.

В 1236–1240-х гг. Волжская Болгария в результате монгольского нашествия была включена в состав Улуса Джучи. В золотоордынское время количество городов в Среднем Поволжье и Прикамье сокращается, но они укрупняются, в них активно возрождается экономика, культура и торговля.

Третий этап развития торговли и товарно-денежных отношений наступает со второй половины XIII в. и длится до денежной реформы 1310–1311 гг. В этот период активно развиваются внешнеторговые связи и внутренняя региональная торговля. Среднее Поволжье становится экономическим и политическим центром Золотой Орды. Это лучше всего подтверждается чеканом джучидских монет и большим количеством кладов. Сначала в 1240-е гг. в обращение вводятся серебряные и медные монеты с именем халифа Насирлид-Дина, затем — серебряные монеты великих каанов Мунке и Ариг-Буги, в 1260–70-е гг. — серебряные монеты Менгу-Тимура и последующих ханов, анонимные и анэпиграфные монеты. Затем происходит радикальная смена, и обращение наполняется серебряными анонимными монетами 1290-х гг. Все это носит ярко выраженный региональный характер. В конце XIII — начале XIV в. происходит перенос экономического и политического центра в Нижнее Поволжье. Наступает политическая централизация и время наивысшего развития Золотой Орды.

Четвертый этап развития торговли (1310–1400) характеризуется наиболее высоким уровнем ее развития, особенно в первой половине XIV в. и ее стагнацией в 60–70-е гг. XIV в. в связи с чумой и смутой. Время Токтамыша принесло некоторую стабилизацию, но кардинально ситуация не изменилась. Между реформами Токты (1310–1311) и Токтамыша (1380–1381) монеты XIII в. исчезают из обращения, их заменяют данги Сарая, Сарая ал-Махруса при Узбеке. Чеканка в Болгаре, Мохше, Азаке, Крыму вносит некоторое своеобразие в обращение дангов. Общие закономерности денежного обращения действуют на всей территории Золотой Орды. При Джанибеке и ханах 1360-х гг. выпускаются большие партии монет в Сарае, Сарае ал-Джадиде и Гюлистане.



*Замок с ключом.
Золотая Орда. XIV в.*

Вес их почти не меняется, лишь при некоторых ханах происходит незначительное понижение. При Джанибеке столичные и гюлистанские выпуски почти полностью вытесняют местные данги, которые в это время перестают чеканиться, хотя в Среднем Поволжье они еще сохранялись до 1360-х гг.

Активно развивается внешняя торговля, особенно с Египтом и Индией. Зачастую она закреплялась торговыми договорами, посольствами и богатыми дарами.

В 1360–1370-е гг. в Золотой Орде проявляются центробежные тенденции в торговых связях и объемах внутренней торговли и дробление на территориальные «нумизматические провинции». Кончается господство столичных монет, серебряные данги получают принудительный курс, установленный центральной и местными властями.

В результате реформы хана Токтамыша (1380–1381) по единой весовой норме начинают чеканить все города Золотой Орды. В Поволжье и Приуралье появляются монеты с его именем. Массовым становится обрезание монет, надчеканка и распространение подражаний золотоордынским монетам. Поэтапно уменьшается вес обращавшейся монеты. Однако действие реформы Токтамыша в Среднем Поволжье было неполным. Городской торг в это время приходит в упадок. Серебро уходит из сферы городского торга и местного денежного обращения в сферу транзитной торговли и купеческого капитала. Унификационная реформа Токтамыша не смогла преодолеть разделения денежного обращения на особые провинции.





*Кожанные тисненые поясные сумки («калта»).
Золотая Орда. XIV в.*

Пятый период начинается денежной реформой 1399–1400 гг., не приведшей, однако, к нивелировке денежного обращения. Материалы первой четверти XV в. указывают на окончательное обособление Поволжья и Приуралья вначале в экономическом, торговом, а затем и в политическом отношении. В его территориальных границах происходит возвышение Казани и смена денежного обращения.

Из форм организации торговли в Волжской Болгарии и Золотой Орде нами выделены следующие: меновая, денежно-вещевая, ярмарки, городские рынки, купеческие кварталы, колонии в городах, договорные бумаги, торговые фактории, договора. Важную роль в товарном обращении играли вначале ярмарки, затем торгово-ремесленные поселения, болгарские и золотоордынские города.

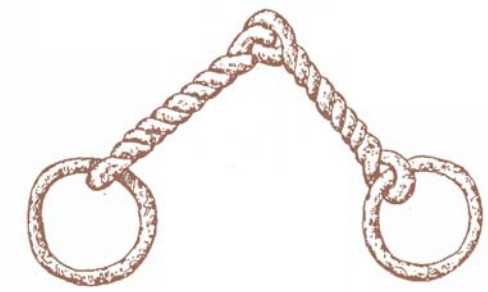
Внутренняя торговля по ассортименту и охвату им социальных слоев преобладала над внешней. Для Волжской Болгарии важное значение имела внешняя посредническая торговля с восточными странами и Русью, а для Золотой Орды — с Египтом, Индией, Китаем, другими монгольскими государствами.

*Кожанные тисненые поясные сумки («калта»).
Золотая Орда. XIV в.*





Древнерусссские материалы с территории Волжской Болгарии



Удила. Быргындинское IV поселение



Змеевик. Малопургинская находка









Серебряные височные подвески, лапчатые подвески-нашивки, подвески-рыбки. Работа болгарских ювелиров. Сайгатский 3 могильник. Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа. XIII–XIV вв.

Отделение ремесла от сельского хозяйства, узкая специализация ремесленных производств, повышение их технологичности и товарности оказали значительное влияние на развитие внутреннего рынка в этом регионе, на значительное расширение ассортимента и товарооборота города, на включенность в процесс развития товарно-денежных отношений близлежащих к городам и торговым путям поселений и активный рост межрегиональной торговли. Ассортимент внутреннего рынка включал широкий круг товаров, изготавливавшихся на базе достигших высокого уровня керамического, металлического, кожевенного, ювелирного и ряда других производств, требующих высокого мастерства, профессионализма и специализации. Во второй половине XIII — начале XV в. эти процессы еще более усложняются и расширяются за счет более активного включения в процесс товарно-денежных отношений других социальных и этнических групп, в первую очередь, сельского и кочевого населения.

Поиски рынков сбыта для товаров еще в X в. привели к широкому расцвету межрегиональных торговых контактов на огромных территориях, как напрямую, так и через посредников — «чулыманских» купцов. Выделяются несколько территориальных направлений активного взаимодействия финно-угорского и тюркского народов, проживавших в указанный период в Поволжье, Прикамье, Приуралье, Сибири и Алтае. Различные товары, поступавшие непосредственно от болгар и при их посредничестве, а также хронологические рамки торговой деятельности с Верхним и Марийским Поволжьем, буртасскими и мордовскими землями, Верхним Прикамьеми населением Зауралья и Сибири — все это достаточно ярко характеризует высокий уровень развития внутреннего рынка и межрегиональной торговли.

Роль торговли в развитии средневековых городов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья огромна. Превращение Болгара, Биляра, Джукетау и других городов этого региона в важные торговые и экономические центры Евразии во многом связано с расцветом международной торговли по Балтийско-Волжско-Каспийскому водному пути и широко известным сухопутным путям, связывавшим Европу и Азию, Юг и Север. Наиболее интенсивными они были в X — начале XI в. В XIII–XIV вв. к ним добавляется выход на Черноморское побережье, путь в Индию, Египет и Китай. Расцвет международной транзитной торговли с Востоком, Северной и Западной Европой благоприятно отразился на развитии средневолжских городов, особенно тех, которые в силу географического положения контролировали торговлю.

С конца IX — начала X в. в связи с изменением общей политической ситуации в Евразии и географического положения ВолжскаяБолгария активно включается в торговлю с Европой и Азией. Восточное направление торговли со Средней Азией, Ираном, Кавказом и Багдадом способствовало экономическому, культурному развитию и во многом цивилизационному выбору страны. Волжская Болгария перенимает от Хазарского Каганата торговые традиции и становится главным посредником в торговле между восточными странами и Русью, северными



Зеркало. XIV в. Золотая Орда



Эти и другие изделия из серебра восточного происхождения, обнаруженные на Урале и в Нижнем Приобье являются ярким свидетельством активной торговли между странами Средней Азии и Ближнего Востока и далекими фино-угорскими землями, в которых посредническую роль играли купцы Волжской Болгарии



Щиток с изображениями животного, рыб и антропоморфных фигур. Найден М.Л. Истоминым в 1973 г. на берегу Сора рядом с поселком Шурышкары — районным центром Ямало-Ненецкого автономного округа

народами, странами и Западной Европой. Сюда прибывали купцы из Руси, Северной Европы и мусульманских стран. Болгарские купцы имели налаженные и устойчивые связи с этими странами. Важнейшими статьями торговли были меха пушных зверей, кожа, воск, зерно, мед, рыбий клей, рабы и другие товары. Комплексом источников зафиксированы предметы, привозимые из восточных стран, Руси, Прибалтики, Северной и Западной Европы. Среди них — серебряные сасанидские, куфические и западноевропейские монеты, художественный металл, драгоценные и полудрагоценные камни, ткани, бусы и другие импортные товары, а также изделия болгарского производства на Руси и продукция русских ремесленников.

В XIII–XV вв., в связи с обеспечением золотоордынским государством безопасности торговых путей, эти направления внешней торговли, значительно расширяются, и внутренние районы Поволжья и Приуралья наполняются товарами. Происходит переориентация евроазиатской международной торговли в сторону итальянских городов на северном побережье Черного моря, основанных Генуей и Венецией. С середины XIV в. сухопутная торговля идет через Литву и Польшу. В восточном направлении приоритет отдается торговле с Египтом, Ираном, Индией и Китаем. Поэтому внешняя посредническая торговля с восточными странами и Русью, а в период Золотой Орды — с Египтом, Индией, Китаем и другими монгольскими государствами имела важное значение для развития экономики городов Болгарии.

Щиток с птицей. Серебро. По ряду аналогий щиток датируется XII–XIII вв. Найден в поселке Ямгорт Шурышканского района Ямало-Ненецкого округа. Предназначался для защиты руки стрелка из лука от удара тетивы

Характеристика ведущих статей экспорта и импорта в регионе позволила показать систему болгарской и золотоордынской торговли, структуру товарооборота. Импорт касался не только готовых товаров, но и сырья, которое отсутствовало в данной местности (драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, шифер, олово, серебро, золото и др.), заготовок изделий, а также ремесленных технологий и строительных приемов, то есть всего того, что формирует материальную культуру.

Выделенные статьи экспорта и импорта по рассмотренным трем направлениям внешней торговли свидетельствуют о том, что на внутреннем рынке происходило слияние ассортимента внутренней и внешней торговли. В период Золотой Орды многие черты внешней торговли Болгарского государства прослеживались во внутренней торговле Улуса Джучи. И в самом деле, внутренняя и внешняя торговля неразрывно связаны и вместе с тем различаются как протяженностью торговых путей (ближняя и дальняя торговля), характером продуктов, путей и средств сообщения, так и организационными действиями купцов, уртачества и государства.

Нумизматические материалы позволили показать объемы, масштабы и уровень развития торговли в Волжской Болгарии и Золотой Орде, ее инструментарий, а также особенности монетного обращения Поволжья и Приуралья. Развитой внутренней и внешней торговле соответствовала и развитая денежно-весовая система и развитое монетное обращение. В свою очередь, монетное обращение, непосредственным образом отражая уровень развития товар-

но-денежных отношений, является одним из существенных признаков товарного производства при феодализме. Клады куфических монет X — начала XI вв., найденные на территории Волжской Болгарии, подтвердили сообщения письменных и археологических источников о приоритетности для страны восточного направления, а также восточных денежно-весовых норм, приспособленных к условиям Поволжья и получивших местные наименования. В «безмонетный» период и позже, в XIII–XV вв., широкое обращение получили саумы (сомы) — серебряные слитки, удобные для ведения крупной оптовой торговли и обеспечивавшие ее серебром в весовом отношении.

Во второй половине XIII в. нарастает объем в обращении джучидского серебра. До XV в. татарские серебряные монеты являются важным компонентом расширяющейся торговли Поволжья, Прикамья и Приуралья в рамках Золотой Орды. О дальнейшем развитии розничной торговли свидетельствуют медные монеты, чеканка которых в огромном количестве осуществлялась в Золотой Орде. Они составляли важную часть монетной политики государства. По сравнению с домонгольским периодом, когда в Волжской Болгарии было в основном монетное обращение серебра, в золотоордынский период основным средством мелкой внутригородской и межобластной торговли являлись медные монеты, что подтверждается топографией находок медных монет как местной, так и не местной чеканки.

Преемственность, динамика и эволюция монетного обращения в домонгольский и золотоордынский периоды отражали, во-первых — основные тенденции и состояние торговли в евразийском пространстве; во-вторых, потребности болгаро-татарского населения, масштабы товарно-денежных отношений внутри страны, оптовой и розничной торговли, а также новые аспекты экономического развития Болгарии и Золотой Орды. Монетные и немонетные средства платежа являются свидетельством уровня и объемов торговли в Болгарии и Золотой Орде, динамизма роста внешней, внутренней и межрегиональной торговли, а также особенностей денежного обращения в Поволжье, Прикамье и Приуралье. Достаточно развитому уровню торговли болгарского средневековья соответствовала развитая денежно-весовая система.

Торговля достигла значительного уровня и способствовала эволюции болгарского и золотоордынского обществ. Торговлю Поволжья и Приуралья характеризовала теснейшая связь внутреннего обмена с внешней торговлей, прежде всего со странами Востока, в результате которой на эту территорию проникали куфические дирхемы, ставшие одним из основных средств внутреннего денежного обращения. Хотя развитие товарно-денежных отношений изначально идет посредством внешней торговли волжских болгар и к ней приобщается верхушка общества, стабильное развитие рынка начинается с внутреннего обмена и организации форм внутренней торговли. Как средоточие мелкотоварного производства и торговли города Поволжья и Приуралья составляли важную часть экономической системы. Непрерывность ее развития, за исключением времени военных действий, имеет важное значение для характеристики болгарского и золотоордынского обществ в рассматриваемый период. Именно внутренний рынок имел широкое товарное и денежное обращение, был показателем уровня общественного разделения труда, которое в Волжской Болгарии и Золотой Орде складывалось, прежде всего, за счет отделения от земледелия скотоводства и ремесленных производств, отношений между городом, селом и разными регионами. Активно развивающиеся водные и сухопутные торговые пути, как внутренние, так и международные, создавали предпосылки для экономического процветания страны, а также для увеличения культурных и межцивилизационных взаимовлияний.


1 2


3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Джучидские монеты: 1 — анонимная, Хорезм (1308–1309), 2 — хан Золотой Орды Джанибек (1342–1357), 3 — Анонимная, Хорезм (1351–1352), 4 — хан Золотой Орды Навриз (1360), 5 — хан Золотой Орды Кулпа (1360–1361), 6 — хан Золотой Орды Хызр-хан (1360–1361), 7 — анонимная, Хорезм (1365–1366), 8 — Анонимная, Хорезм (1365–1366), 9 — то же, 10 — анонимная, Хорезм (1367–1368), 11 — анонимная, Хорезм (1367–1368), 12 — анонимная, Хорезм (1365–1366)

МД. Полубояринова

Торговля Болгара

Волжская Болгария находилась в выгодном для торговли географическом положении. Благодаря рекам Волге и Каме она оказалась на перекрестке важнейших путей средневековой Восточной Европы и Азии, тянувшихся с севера на юг и с запада на восток. Это способствовало не только посреднической торговле, но и развитию болгарского ремесла, продукция которого также становилась товаром. В стране уже в ранний период стали появляться торгово-ремесленные поселения по левому берегу Волги и Камы. Исследователь их Е.П. Казаков насчитывает в этом районе до 10 таких пунктов; наиболее крупные среди них — Измерский и Семеновский комплексы (970-е и 1080-е гг.).

Огромный материал по домонгольской международной торговле дает крупнейший город Волжской Болгарии Биляр.

Самые первые упоминания Болгара в сочинениях восточных авторов характеризуют его как крупный торговый центр.

Ибн Фадлан рассказывает о посещении царя болгар, остановившегося во время своей кочевки в местности, называемой Три озера: «Между этим местом и (их) огромной рекой, текущей в страну хазар (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продают многочисленные ценные вещи». Деревня Три озера до сих пор существует неподалеку от Болгарского городища. К западу от Болгара на Волге находится урочище Ага-Базар, где была торговая пристань Болгара, возникшее как место торга, возможно, раньше, чем сам город. Видимо, именно здесь приставали корабли русов, и купцы направлялись к сооруженному где-то поблизости языческому святилищу, чтобы принести жертвы богам.

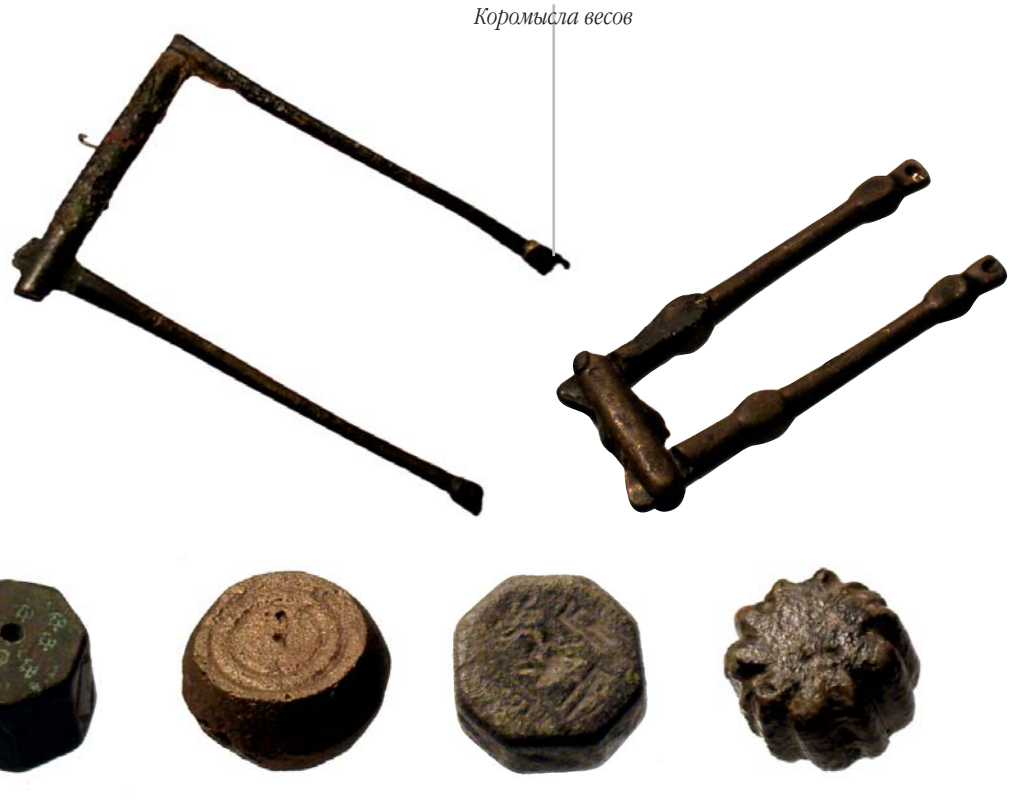
Другой автор X в. ал-Балхи говорит: «Внешний Болгар — маленький город, не занимающий большого пространства, и известен только тем, что он главнейший торговый пункт этого государства».

Ибн Хаукаль сообщает в своем сочинении: «Болгар небольшой город, не имеет большой территории. Он был некогда знаменит, так как был складочным местом торговли тамошнего государства. Но русские разрушили его в 358 г.» (968–969 гг.). И еще: «Русские продавали (меха) в Болгаре, пока этот город не был ими разрушен в 358 г.». В сочинении Ибн Русте говорится о прибытии в Болгар мусульманских судов: «...если приходят к ним мусульманские суда для торговли, берут с них десятину».

Испанский араб ал-Гарнати в 1130–1150-х гг. совершил большое путешествие и в том числе побывал в Поволжье. Он говорит о Болгаре как о крупном торговом городе, рассказывает, что из мест, богатых солью в низовьях Волги, ее перевозят на судах по этой реке в Болгар. Затем ал-Гарнати сообщает подробности о том, как проходит закупка мехов в стране Вису, о продаже ее жителям мечей, «которые привозят из стран ислама в Болгар».

Основным товаром, интересующим среднеазиатских, арабских, иранских купцов, были меха. Торговля мехами сделала Болгар на раннем этапе крупным центром международной торговли. Здесь сходились пути болгарских, славянских, скандинавских купцов и торговцев с Востока. За мех платили серебряными монетами, что обеспечило громадный приток серебра на Волгу в IX–X вв., гораздо меньше в XI в. Именно восточного купца, имеющего серебряные дирхемы и динары, просит послать ему купец-рус, торгующий мехами и невольниками, обращаясь к своему божеству. «А белые круглые дирхемы привозят из областей ислама и совершают на них сделки», — пишет Ибн Русте. Гардизи сообщает, что болгары ломают дирхемы, которые отдают русам и славянам, так как те не продают товары иначе, чем за чеканенные дирхемы.

Ради драгоценных шкурок соболей, бобров, горностаев, выдр, чернобурых лисиц, песцов, которые поставляли рынки Волжской Болгарии, арабские купцы предпринимали трудные и дальние поездки на север, в самую крайнюю



Коромысла весов

Весовые гирьки





Чашки весов



Фрагмент импортной поливной посуды

точку мусульманского мира. О меховой торговле упоминают все авторы, которые пишут о Волжской Болгарии. Ибн Фадлан сообщает, что меха к болгарам привозят из страны Вису и купцы-русы. «Хазары торгуют с ними и совершают сделки, также и русы привозят к ним свои товары, и все те, кто обитает на обоих берегах этой реки, привозят к ним (болгарам) свои товары, как то: соболей, белок и другое», — говорит Ибн Русте. Марвази, описывая природу Болгарии, отмечает, что в местных лесах водятся белка, соболь и другие ценные пушные породы. Это может означать, что болгары торговали и своими мехами.

Суммируя данные письменных источников и археологии — можно очертить круг стран, с которыми болгары имели торговые отношения на разных этапах своей истории. В X–XI вв. — город Болгар был значительным центром международной торговли, связывающим Европейский Север с мусульманским Востоком. С.Г. Кляшторный полагает, что среди упомянутых Ибн Фадланом болгарских поселений, обозначаемых словом «биляд» (город), одно, имеющее пристань на Волге, было основным торговым центром страны. Этим городом мог быть только Болгар.

Монетное серебро и художественная утварь, золотая, серебряная, бронзовая, из Средней Азии, Ирана, Ирака и других восточных стран, сокровища, захваченные арабами в результате завоевательных войн, отдавших под их власть огромные и богатые территории, стали той ценой, которую арабы платили за добытые северными охотниками драгоценные меха, поступавшие в Арабский халифат через посредство болгар.

С Ближнего Востока (Сирия, Египет) через Болгар поступала в X в. масса стеклянных бус, которые наравне с серебряными монетами предназначались главным образом для закупки мехов. Меха, купленные в Болгаре, переправлялись в самое западное среднеазиатское государство Хорезм, который на раннем этапе был основным восточным торговым партнером Волжской Болгарии в силу географического положения и активности хорезмийских купцов. Ибн Хаукаль сообщает, что меха, добытые в странах русов, славян и болгар, попадают в Хорезм «... по причине частого проникновения хорезмийцев в Болгар...». И еще: «Караваны



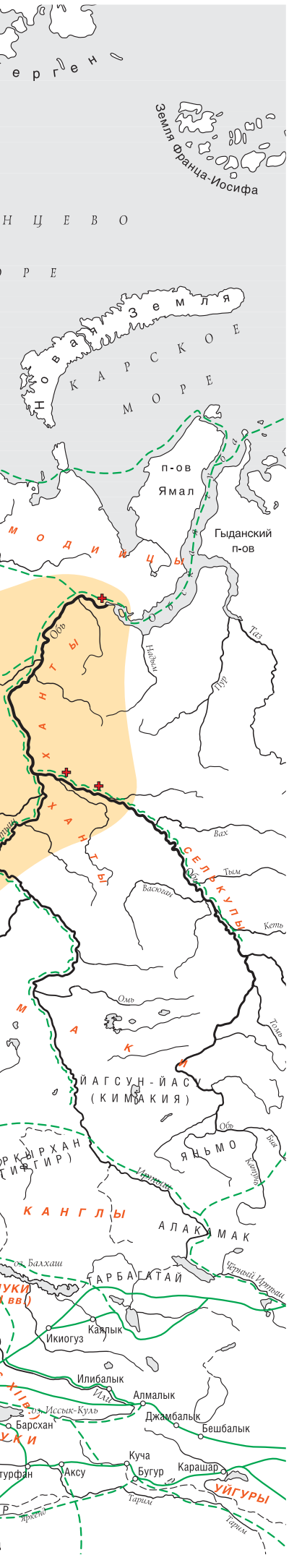
Браслет и очелье. Работа болгарских ювелиров. Сайгатский 3могильник. Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа. XI–XIV вв.

Прием ханом Алмышем Багдадского посольства в 921 г. Худ. Ф. Халиков.




СЕВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Ботнический залив
Финский залив
Гданьский залив
БЕЛОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Персидский залив
ДИНУРИЙСКОЕ МОРЕ
Берген
Ставангер
Дорестад
Ютландия
Каупанг
Нидарос
Халогаланд
Рибе
Орхус
Хедебю
Гамбург
Старигард
Кёльн
Майнц
Вормс
Трир
Страсбург
Базель
Женева
Марсель
Арль
Нарбонна
Барселона
Ампуриас
Тулуза
Лимож
Орлеан
Париж
Брюгге
Труа
Лион
Турин
Милан
Констанц
Аугсбург
Нюрнберг
Регенсбург
Дрезден
Берлин
Прага
Вена
Венеция
Верона
Флоренция
Рим
Неаполь
Беневенто
Бари
Таранто
Задар
Сплит
Пожега
Буда
Пешт
Нитра
Краков
Вроцлав
Познань
Кенисберг
Гданьск
Гробини
Рига
Ревель
Юрьев
Псков
Новгород
Изборск
Ладога
Онежское озеро
Мадожское озеро
Кириялаланд
Мурманский берег
Сканди
Финнмарк
Халоголанд
Нидарос
Упсала
Сальтвик
Або
Финляндия
Лапландия
Бирка
Хелье
Визби
о. Готланд
Кальмар
Смоланд
Сконе
Педдеченинг
Аркона
Ральсвик
Щецин
Любек
Менцлин
Рерик
Юмна
Колобжег
Славно
Гнезно
Познань
Ополье
Мазовия
Малая Польша
Великая Польша
Силезия
Чехи
Моравы
Словаки
Словенцы
Хорваты
Сербы
Хлум
Дубровник
Сегедин
Мачва
Белград
Браничево
Сирмия
Рашка
Авлон
Охрид
Скопле
Ниш
Видин
Лом
Средец
Белград
Дева
Клуж
Трансильвания
Сибиу
Валахи
Печенеги (XI в.)
Торки (XI в.)
Половцы
Кыпчаки (с XI в.)
Бродники
Северяне
Вятичи
Радимичи
Дреговичи
Полесье
Волынь
Дулебы
Древляне
Поляне
Киев
Вышгород
Чернигов
Стародуб
Брянск
Новгород Северский
Серенск
Воинь
Мценск
Курск
Тим
Рыльск
Путивль
Сула
Переяславль
Чёрные клобуки
Белгород
Дорогобуж
Искоростень
Туров
Луческ
Галич
Владимир
Сандомир
Краков
Варшава
Нур
Гродно
Пинск
Минск
Полоцк
Витебск
Орша
Смоленск
Новый Торг
Тверь
Вологда
Ярославль
Ростов
Москва
Серпухов
Коломна
Суздаль
Владимир
Ярополч
Городец
Муром
Пронск
Рязань (Старая)
Новгород Нижний
Унжа
Устюг
Белозеро
Кривичи
Словене
Меря
Весь
Чудь
Пермь
Печора
Мордва
Буртасы
Волжская Болгария
Великая Венгрия
Сувар
Биляр
Булгар
Чулман
Удмурты
Марийцы
Великая Комания
Кыпчаки (с XI в.)
Мадьяры
Итиль (Хамлидж)
Саксин
Саркел
Дон
Волга
Дашт-и Хазар
Дашт-и Кыпчак (XI в.)
Кимак-Бигур (Хв.)
Огузы (X в.)
Карлуки (XI-XII вв.)
Кидани (с XII в.)
Кумаины (X-XI вв.)
Кыпчаки (с XI в.)
Карлук
Каспийское море
Хазары (до XIII в.)
Самандар
Дербент
Ширван
Шемаха
Барда
Нахичеван
Гянджа
Дабил (Двин)
Ани
Тифлис
Кахети
Картли
Мукрзукия
Эгриси
Кутаиси
Цхуми
Питиунт
Трапезунд
Сванеты
Абхазы
Алланы
Касоги
Зихи
Убыхи
Садзы
Армения
Халдия
Гурия
Чаны
Малатья
Самосата
Урфа
Халеб
Раккa
Амид
Мардин
Васпуракан
Муш
Озеро Ван
Озеро Севан
Тебриз
Озеро Урмия
Марага
Ардебиль
Атурпатакан
Муган
Баку
Джазира
Курдистан
Мосул
Тикрит
Анат
Самарра
Багдад
Ирак
Аджеми
Зенджан
Абхар
Хамадан
Казвин
Керманшах
Нехавенд
Луристан
Тустер
Кум
Рей
Кашан
Амул
Абаскун
Джурдан
Дамиган
Ферава
Дихистан
Хазарасп
Тахирис
Ниса
Мерв
Бухара
Амул
Дабусия
Самарканд
Согд
Насаф
Кеш
Замин
Ходжент
Фергана
Ахсикет
Сыр-Дарья
Сарахс
Зузан
Келиф
Земм
Мерв ар-Руд
Термез
Вахш
Вишгирд
Карран
Балх
Хаят (Герат)
Тохаристан
Бадахшан
Таликан
Анбар
Рустак
Кирман
Хур
Каин
Истахр
Шираз
Фарс
Кухистан
Систан
Дарган
Кундуз
Ишкашим
Шугнан
Памир
Кашгар
Яркенд
Учтурфа
Бишкет (Шаш)
Текабкет
Мирки
Хайлам
Баласагун
Суяб
Тараз
Испиджаб
Сюткенд
Сыгнак
Сауран
Фараб
Урду-Орду
Оксус
Ашнас
Дженд
Гургандж
Хорезм
Хорасан
Кят
Хорезмшахи
Аральское море
Янгикент
Андак ал-Хифчак
Кыпчаки (с XI в.)
Кыргыз
Гиргис
Уранг
Билан
Сарысу
Туркай
Каракорум
Кыпчаки (с XI в.)
Огузы
Кыпчаки (с XI в.)
Кавказские горы
Армения
Каппадокия
Галатия
Ликаония
Ликия
Фригия
Лидия
Мисия
Вифиния
Пафлагония
Каппадокия
Киликия
Исаврия
Памфилия
Писидия
Ликаония
Фракия
Македонцы
Эпир
Фессалия
Ахейя
Беотия
Аттика
Пелопоннес
Крит
Кандия
Родос
Кипр
Никосия
Фамагуста
Тарс
Кайсери
Сивас
Сис
Амасья
Амис (Самсун)
Синоп
Анкира
Конья
Анталья
Болу
Фетхие
Эжвидир
Милет
Самос
Эфес
Смирна
Пергам
Адрамиттий
Троада
Никомидия
Никея
Брусса
Константинополь
Херсонес
Феодоро
Сугдея
Каффа
Тьмутаракань
Тана
Азовское море
Амастрида
Синоп
Амасья
Амис (Самсун)
Питиунт
Цхуми
Трапезунд
Малатья
Самосата
Урфа
Халеб
Раккa
Амид
Мардин
Васпуракан
Муш
Тикрит
Анат
Самарра
Багдад
Кербела
Неджеф
Басра
Ахваз
Персидский залив
Истахр
Шираз
Фарс
Кухистан
Сирия (Шам)
Дамаск
Иерусалим
Акра
Яффа
Газа
Триполи
Антакья
Палестина
Аравия
Арабы
Туркмены
Печенеги (XI в.)
Торки (XI в.)
Половцы
Кыпчаки (с XI в.)
Бродники
Кыпчаки (с XI в.)
Буртасы
Мордва
Мари
Удмурты
Пермь
Печора
Чудь
Весь
Меря
Словене
Кривичи
Радимичи
Дреговичи
Полесье
Волынь
Дулебы
Древляне
Поляне
Северяне
Вятичи
Половцы
Печенеги (XI в.)
Торки (XI в.)
Бродники
Кыпчаки (с XI в.)
Буртасы
Волжская Болгария
Великая Венгрия
Великая Комания
Мадьяры
Кыпчаки (с XI в.)
Кумаины (X-XI вв.)
Карлуки (XI-XII вв.)
Кидани (с XII в.)
Карлук
Огузы (X в.)
Огузы (XI в.)
Кыпчаки (с XI в.)
Кыргыз
Гиргис
Уранг
Андак ал-Хифчак
Кыпчаки (с XI в.)
Каракорум
Кимак-Бигур (Хв.)
Дашт-и Кыпчак (XI в.)
Дашт-и Хазар
Итиль (Хамлидж)
Саксин
Саркел
Кыпчаки (с XI в.)
Великая Комания
Мадьяры
Буртасы
Волжская Болгария
Великая Венгрия
Сувар
Биляр
Булгар
Чулман
Удмурты
Марийцы
Мордва
Мари
Пермь
Печора
Чудь
Весь
Меря
Словене
Кривичи
Радимичи
Дреговичи
Полесье
Волынь
Дулебы
Древляне
Поляне
Северяне
Вятичи
Половцы
Печенеги (XI в.)
Торки (XI в.)
Бродники
Кыпчаки (с XI в.)
Буртасы
Мордва
Мари
Удмурты
Пермь
Печора
Чудь
Весь
Меря
Словене
Кривичи
Радимичи
Дреговичи
Полесье
Волынь
Дулебы
Древляне
Поляне
Северяне
Вятичи

Внешние связи Волжской Болгарии. X — начало XIII в.



Сфера экономических, политических и культурных контактов Волжской Болгарии, X — начало XIII в.

Населённые пункты

○ Белград

Города

○ Багдад

Города, связанные с Волжской Болгарией экономическими, религиозными, военными, дипломатическими и другими отношениями, X — начало XIII в.

Торговые пути

Великий Волжский путь

Камский («Пушной» путь)

Путь «из Варяг в Греки»

Великий шёлковый путь (магистральные участки)

Прочие торговые пути

Археологические находки булгарского происхождения (монеты-подражания, керамика, замки и другие предметы ремесленного производства)

Границы Волжской Болгарии даны на конец XII — начало XIII вв.



Фаянсовая чаша с личинами. Билярское городище. XI в. Иран

постоянно ходят от них (болгар) в Хорезм, что в Хорасанской земле...»

Связь со Средней Азией, с Хорезмом осуществлялась двумя путями: во-первых, по Волге до ее устья, дальше Каспийским морем до полуострова Мангышлак и сухопутным путем к Ургенчу; во-вторых, дорогой, которой прибыла на место будущего Болгара миссия Ибн Фадлана, но в обратном направлении — по заволжским степям, пересекая многие реки, через землю башкир и огузов, через плато Устюрт к Ургенчу. Б.Н. Заходер считал, что этот путь не был традиционным, основываясь на сообщении Ибн Фадлана о том, что огузские военачальники не слышали, чтобы здесь продвигались когда-либо на запад караваны, в то время как по Каспийскому морю плавали купцы и воины многих стран. Однако в Хорезме, видимо, знали, что этот путь займет три месяца, так как арабы запаслись едой именно на этот срок. Это же время называет Марвази. Ал-Масуди (первая половина X в.) рассказывает, что путь болгар к Хорезму шел через области кочевий тюрков и торговые караваны охранялись ими. Близким путем шел в XIII в. Марко Поло — от средней Волги, от Увека на юго-вос-



Австрийские пфенниги. Найденные на Юловском городище: Леопольда II (1194–1230) и Эберхарда II (1200–1246)





Бусы из стекла и полудрагоценного камня. XI–XIV вв. Волжская Болгария



Стеклянный сосуд. Сирия. XIV в. БГИАМЗ



Ага-базар в Болгарах. Худ. М.Ш. Хазиев. 2011 г.



Стенка поливного сосуда. Византия. XIV в. БГИАМЗ

ток через закаспийские степи к Ургенчу. Из Хорезма лежала дорога в Самарканд и Бухару, далее в Мерв, Нишапур, Рей, Багдад, или от Рея до портов южного берега Каспийского моря. По этим путям на среднюю Волгу шли серебряные монеты и бусы этого времени. М.В. Фехнер сопоставила ареал находок этих предметов торговли в X в. и сделала вывод об их близких источниках и одинаковых путях распространения в Восточной Европе. Существует и другая гипотеза, выдвинутая З.А. Львовой. Бусы из Средиземноморья по рекам Европы шли на ее северное побережье, в Швецию, на Готланд, оттуда распространялись скандинавскими купцами по Южному Приладожью в обмен на меха, а меха везли в Болгар, чтобы продать за дирхемы. Возможно, существовали оба пути доставки бус, широко распространенных в Восточной Европе. Надо отметить, что в Средней Азии бусы этих типов редки.

В золотоордынский период Болгар сохраняет свое значение как центр меховой торговли. Баварский солдат Иоанн Шилтбергер, попавший в плен в 1396 г. при разгроме султаном Баязетом крестоносцев, упоминает увиденный им во время скитаний «...город Болгар, богатый разного рода зверями». Кроме мехов, важнейшим предметом торговли с Востоком были рабы. О том, что в Болгаре был крупный рабский рынок, говорят письменные источники.

Путь со средней Волги на Ближний Восток через Ургенч действовал и в последующие века. Для XIV в. интересны свидетельства торговых книг Каффы, сообщающие о привозимой в Крым (и, вероятно, далее в Италию) «ургенчской белке». По-видимому, и в это время меха из Поволжья иногда попадали в Причерноморье окружным путем — через Хорезм. Через Новый Сарай в Ургенч добирался посланец папы Джованни Мариньолли в 1338 г. Среди находок Болгарского городища к товарам из Средней Азии можно отнести большую часть посудного стекла, возможно, стеклянные оконные диски, некоторые виды керамики, отдельные художественные изделия из металла, каменные котлы, украшения из драгоценных и полудрагоценных камней.



Чаша с фигурой льва. Конец XIV — начало XV в. Святилище Торум-ойки (Мир-сусне-хума) на р. Северная Сосьва. Государственный Эрмитаж

Большинство стеклянных изделий Болгара сделано из голубоватого или зеленоватого, специально не окрашенного стекла. Это посуда, оконные диски, приспособления для детских люлек — сунаки. Размеры оконных дисков совпадают со среднеазиатскими и отличаются от дисков из золотоордынских городов, где также пока не найдены изготавливавшие их мастерские. Стеклодельная мастерская была раскопана в Биляре. Возможно, оконные диски в домонгольских слоях Болгара происходят из Биляра, а более поздние — из Средней Азии.

К импорту из Хорезма относятся фрагменты больших темноглиняных тарных кувшинов



Нильдинское блюдо. VII–VIII вв. Государственный Эрмитаж



Чаша со сценой полета Александра Македонского на грифонах. Византия. XII в. Государственный Эрмитаж

с круглыми в сечении ручками. Определенно отнести какую-либо группу поливной керамики к среднеазиатскому импорту пока не удалось.

В предмонгольское и золотоордынское время на среднюю Волгу поступали каменные котлы из талькопирита, добывавшегося в горах Хорезма и там же обрабатываемого. В Болгаре найдено довольно много такой каменной посуды. Такие же котлы изготавливали в Иране.

Яркую картину связей Болгара со Средней Азией дают многочисленные украшения из полудрагоценных камней. В Бадахшане добывались в древности и горный хрусталь, и лазурит, и халцедон, и змеевик. На Болгарском городище украшений из этих камней довольно много.

В золотоордынских слоях регулярно находят сероглиняную штампованную керамику — кувшины, фляги, сфероконусы. По тесту, формам и орнаментации найденная в Болгаре штампованная керамика ближе всего к среднеазиатской, к хорезмийской. В Сарае открыта гончарная мастерская, где производилась, возможно, хорезмийскими мастерами штампованная сероглиняная посуда. Не исключено, что часть ее все же привозилась из Хорезма. Г.А. Федоров-Давыдов предполагал, что белоглиняная штампованная керамика привезена из Средней Азии, а более темная — сероглиняная — производилась на месте. Определенно изготовлены в Средней Азии сфероконусы серо-зеленого, серого и темного цвета, найденные в Болгаре.

Связь болгарских городов с Ираном могла осуществляться не только через Хорезм, но и по Каспийскому морю — от устья Волги по воде до иранских портов на южном берегу, или через Северный Кавказ, Дербент, Закавказье. К товарам из Ирана относится фаянсовая (кашинная) керамика, в основном расписанная люстром. В Иране люстр производился с XII в. В Болгаре преобладает люстр XIII–XIV вв., который отличается более темным и рыхлым тестом и наличием в декоре синего и бирюзового цвета. Из всей найденной здесь поливной кашинной керамики, кроме нижневолжской, сосуды с люстровой росписью иранского происхождения представлены самым большим числом.

Из Ирана происходят и три бронзовых замочка в виде львов с рогом на шее, их датировка X–XI вв.; бронзовые сосуды с инкрустацией, подсвечник. Из Ирака (Мосула), по определению В.П. Даркевича, происходит бронзовая чаша.

Арабские дирхемы халифов из династии Аббасидов. Конец VIII–X вв.



Через посредство среднеазиатских рынков в Волжскую Болгарию поступали товары из Индии — страны чудес. Это были, главным образом, украшения из полудрагоценных камней — сердолика, горного хрусталя. В Болгаре найдены сердоликовые бусы, которые, безусловно, можно отнести к индийским, с так называемым «содовым узором» — белым орнаментом, протравленным щелочью. Находки таких бус на среднеазиатских памятниках появляются с рубежа нашей эры, а позже — в слоях XI–XIII вв.; изредка они встречаются в древнерусских курганах, куда они попали через посредство болгар. Домонгольским временем датируются и находки большинства каменных бус из Болгара.

Из Индии на Волгу привозили и хрустальные



Поливной изразец с эпиграфическим орнаментом. XIV в. БГИАМЗ

вставки. В Болгаре они встречены пока только в золотоордынских слоях, но на Руси, куда их болгары перепродавали, они изредка попадаются в городских слоях XII в. — в Муроме, Торопце, Изяславе. В то же время в Новгороде ко второй половине XIII–XIV в. относится целая серия хрустальных вставок, идентичных найденным в Болгаре и других городах Золотой Орды. Некоторые из них состоят из двух линзочек, склеенных розовым веществом. О таких двойных вставках из Болгара писал А.Ф. Лихачев. Розовое вещество — это, вероятно, выцветший красный лак, добывавшийся, по сведения Афанасия Никитина, в Индии. Путь хрустальных вставок из Индии в Восточную Европу прослеживается по находкам в среднеазиатских городах, в столицах Золотой Орды на нижней Волге, в Болгаре и в тот же период — в Новгороде. Вероятно, хрустальные бусы в Восточную Европу также попали из Индии через Волжскую Болгарию.

В Индийском океане водятся моллюски каури, их находят в Болгаре, как и во всей Восточной Европе, иногда с отверстиями для ожерелья, чаще — без; возможно, они служили в какие-то периоды деньгами.

Тесные торговые взаимоотношения связывали Волжскую Болгарию с ее ближайшими соседями — населением Прикамья, Приуралья и Зауралья.

Привозимые в Болгар серебряные дирхемы и товары — серебряная утварь, стеклянные и каменные бусы — расходились по северу Восточной Европы. По Каме, верховьям Вятки, по Чепце болгарские купцы везли эти товары местным финно-угорским племенам. Коми-



Поливные сосуды. XIV в. БГИАМЗ

пермяцкие торговцы переправляли восточные и болгарские товары за Урал, в Западную Сибирь, где на среднем и нижнем течении Оби, даже на полуострове Ямал находят эти вещи.

Исследователи западносибирских древностей отмечают, что торговля местных племен приобрела регулярный характер с X в. Путь камских купцов на Обь мог идти либо по северу через Приполярный Урал, либо из бассейна Камы через Уральский хребет. Б.Б. Овчинникова намечает несколько возможных переходов из бассейна Камы в бассейн Оби: от верховьев Усы (притока Печоры), от притоков Печоры — Шугур и Илыч — к верховьям Сосьвы (притока Оби), с Вишеры на Лозьву (приток Оби), по рекам Вишера и Чусо-вая к р. Туре, от р. Уфы к р. Исеть, от р. Белой к р. Миас.



Глиняный котел. XIV в. БГИАМЗ

С Севера на рынки Волжской Болгарии поступали меха, соколы для охоты (с Приполярного Урала), бивни мамонтов, рабы. О связях Болгара с северными соседями говорят такие находки, как матрица для изготовления круглых блях со сценами охоты и некоторые виды украшений прикамского типа и бронзовые рукояти кресал, которые изготавливались для продажи на Север. Высказывалось мнение, что бурное развитие меднообрабатывающего ремесла в Волжской Болгарии базировалось на собственных месторождениях меди, однако пока не обнаружены средневековые разработки медной руды на болгарской территории. Медью были богаты области Среднего и Верхнего Прикамья, откуда, по-видимому, и поступал металл в города Волжской Болгарии, что обеспе-



Базар в Волжской Болгарии XIII в. Худ. РФ. Хузин. 1996–2012 гг.





Замочек. Железо с золотой инкрустацией. Волжская Болгария. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

чивало бурный рост медницкого дела в стране и массовое изготовление различных предметов, поставлявшихся в те же Прикамские земли. Другим ближайшим соседом и постоянным торговым партнером была Русь. В болгарские города из славянских земель привозились невольники, меха, льняные ткани, продукты пчеловодства. Болгары поставляли восточные монеты и подражания им, чеканенные в Болгаре и Суваре, зерно, вероятно, кожи. С X века в городах Северо-Восточной Руси появляется болгарская керамика как тара для каких-то товаров (например бус) или как личные вещи болгарских купцов. Зафиксированы находки нескольких зооморфных болгарских замочков.

Киевская Русь поставляла на среднюю Волгу массу шиферных пряслиц. В Болгаре их находят довольно регулярно, однажды, найдена шиферная игральная кость. Последнее десятилетие украинскими археологами на Волыни исследуются производственные поселения, где происходила добыча и обработка пирофиллитового сланца — так называемого шифера. Производственные комплексы расположены в местах древних разработок и содержат отходы производства, полуфабрикаты пряслиц, а также крестиков, образков. Открыты жилища и мастерские, большинство которых датируются XII–XIII вв. Так, в одной из мастерских этого времени найдено более 2500 бракованных остатков и отходов пряслиц и около 50 обломков и заготовок крестиков и бус. Эти исследования говорят о том, как широко в Киевской Руси была поставлена разработка шифера и изготовле-

Фрагменты поливной чаши. Иран. XIV в. БГИАМЗ



ние из него пряслиц, которые расходились по всей Восточной Европе. Вопреки мнению А.П. Моци, и шиферные пряслица, и бронзовые зооморфные замочки, безусловно, были товаром, не менее выгодным, чем, скажем, бусы. Только торговыми интересами можно объяснить широкое распространение пряслиц на территориях восточных соседей Руси, в частности, Волжской Болгарии. Их находят, буквально, «в товарных количествах», например на торгово-ремесленном поселении Измери.

Из Киева привозили стеклянную посуду и ювелирные изделия. В нескольких городах Киевской Руси XI–XII вв. найдена болгарская керамика, как тарная, так и кухонная и столовая.

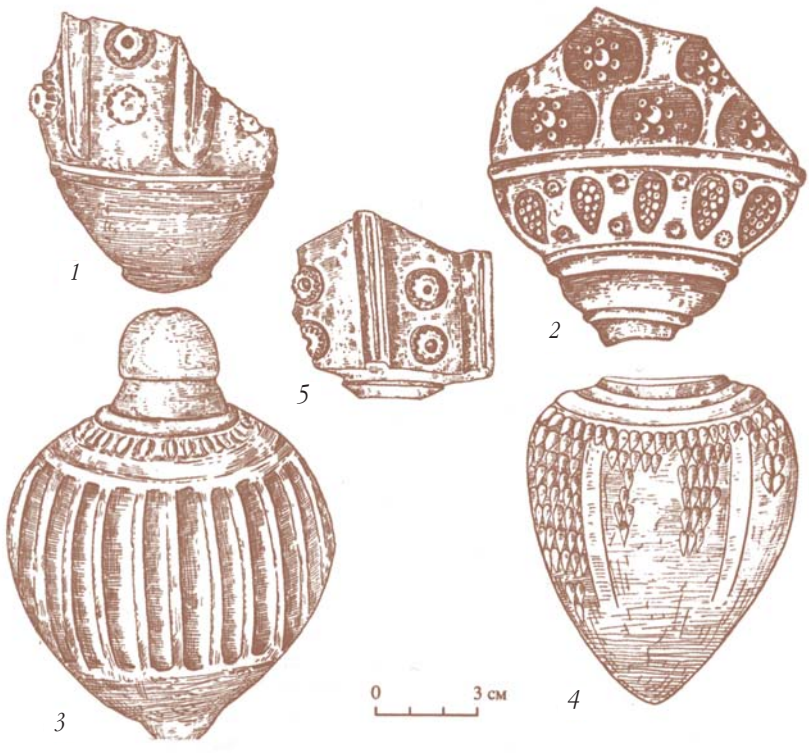
Среди стеклянных изделий Болгара определяются как русские некоторые виды бус XII — начала XIII в., браслеты. В Новгороде, в Москве и других русских городах в слоях XIV в. найдены биконические бусы, черные и бирюзовые. Такие бусы в большом количестве выпускала мастерская, недавно открытая в Болгаре. К продукции этой мастерской относятся и непрозрачные бирюзовые и черные плосковыпуклые стеклянные перстни, найденные в слоях конца XIII–XIV вв. Новгорода и предположительно отнесенные Ю.Л. Щаповой к западному импорту. Подобные перстни найдены и в других русских городах в слоях XIV в. Химический состав стекол, исследованных Ю.Л. Щаповой, по ее мнению, не противоречит предположению о происхождении этих перстней из мастерской Болгара.

Из Новгорода в Болгар завезены в XIV в. медные овальнощитковые перстни с несомкнутыми концами и с изображением свастики или руки на щитке. Вероятно, русскими были две костяные печати, найденные в Болгаре в золотоордынском слое.

Русь и Волжская Болгария осуществляли, таким образом, транзитную, посредническую торговлю. Так, янтарь из Прибалтики поступал через Новгород в болгарские города и дальше

Сердоликовые и стеклянные бусы. Болгар. X—XIV вв.





Штампованные свероконусы: 1, 2 , 5 — серо-зеленоватое тесто; 3 — серое тесто; 4 — темное тесто



Фельс Саманидов. X в.



Фигурный замок. XI–XII вв. БГИАМЗ

на Восток вплоть до Китая. Возможен и другой путь для янтаря — Днепровский: Бируни называет янтарь «румийским», т.е. византийским. Следовательно, Центральная Азия могла получать янтарь и через Киев и Византию.

Русские земли снабжались ближневосточными стеклянными бусами и индийскими а также среднеазиатскими каменными. Иранский



Замок с арабской надписью мастера Абу Бекра. Биляр. XII в. НМ РТ

люстр в XII — начале XIII в. также шел на Русь по Волжскому пути. По данным В.Ю. Коваля, в южные земли Руси его поступало гораздо меньше, чем в северо-восточные и северо-западные, так же как византийской поливной керамики. Во Владимире в комплексе конца XII — начала XIII в. была найдена поделка из мамонтовой кости, которую болгары получали из полярного Приуралья и Зауралья и перепродавали, в частности, на Русь.

Во второй половине XIII–XIV в. на Русь, по всей вероятности, через Болгар поступала золотоордынская поливная керамика, иранский и сирийский люстр, китайский селадон, а также, возможно, часть штампованной керамики, костяные безмены для взвешивания монет, каменные котлы. Фрагмент каменного кот-



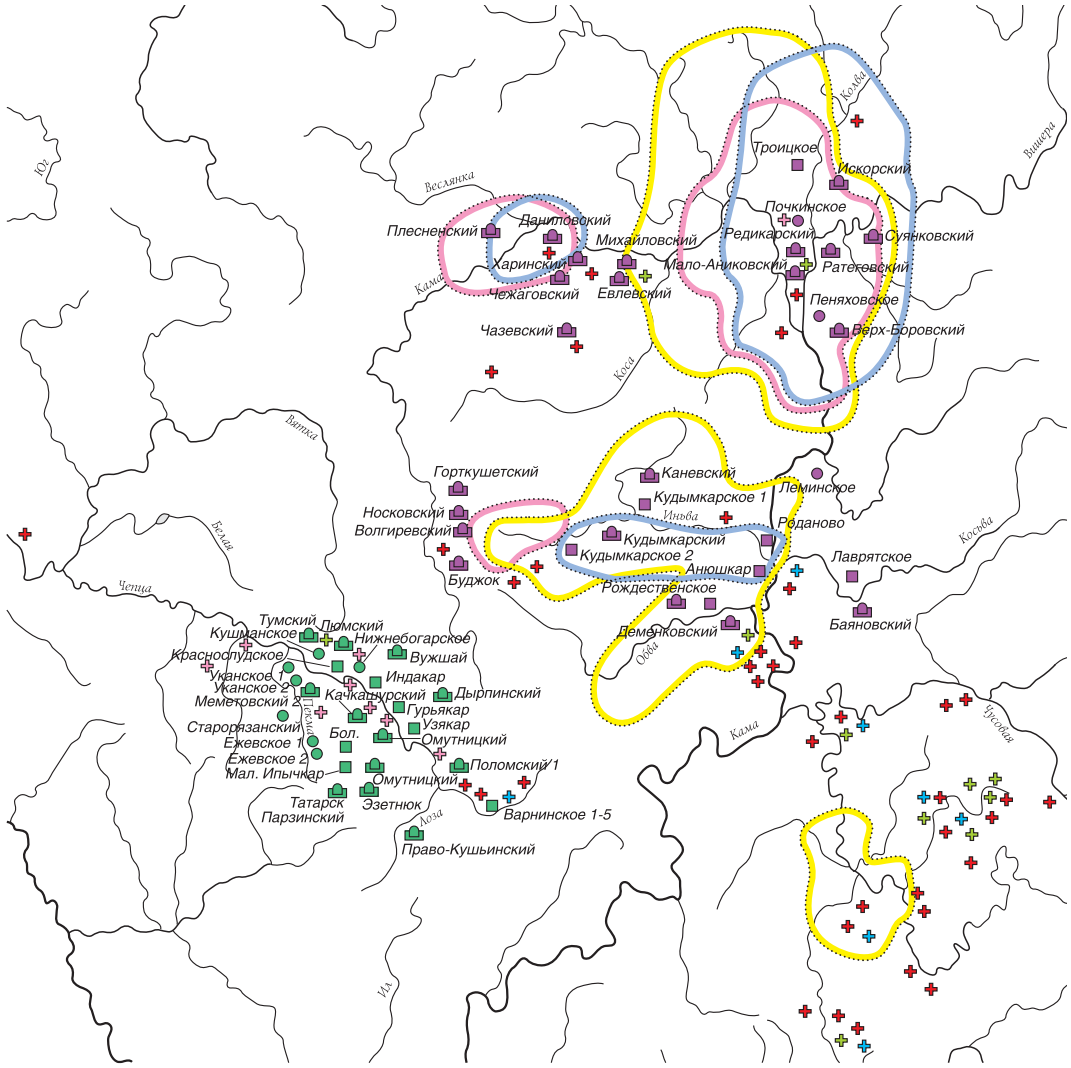


Янтарные бусы из Прибалтики. Волжская Болгария. XI–XII вв. БГИАМЗ





Карта распространения импортных изделий в Верхнем Прикамье



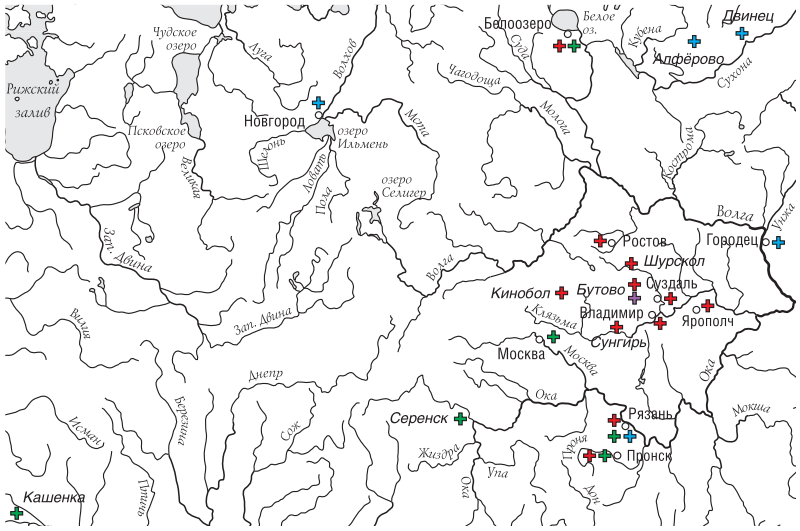
ла, как и штампованного сероглиняного сосуда, найден во Владимире. Русь и Волжскую Болгарию связывали водные пути: по Волге, Оке, Сейму и Десне — в Киевскую Русь, а по Волге и Клязьме — в Северо-Западную и Северо-Восточную Русь. Существовали и сухопутные пути. Такой путь из Болгара в Киев, намеченный Б.А. Рыбаковым, был уточнен украинско-татарской экспедицией 1989–1991 гг.

Кости верблюда, найденные в Киеве, Вышгороде, на Боршевском городище, на городище Титчиха, показывают, как далеко заходили иногда караваны с Востока. Кость верблюда найдена даже в Суздале. В самом Болгаре, как и в Биляре, кости верблюдов находят довольно часто.

Через Русь пролегала дорога от Болгара в скандинавские страны. Несколько находок норманских вещей в Болгаре, как и в других пунктах болгарской территории, подтверждают данные письменных источников о торговых связях со Скандинавией. Скандинавские купцы-воины шли через Старую Ладогу, Новгород и мелкие опорные центры: Любшу, Новые Дубовики, Городище, Холопий городок, Покровское, Тимерево. Болгар был обычно последним пунктом для норманских купцов, хотя некоторые из них иногда достигали

Стеклянные и бронзовые изделия работы славянских мастеров. Измерское и Семеновское болгарские селища. Конец X — XI вв. ИИ АН РТ





Болгарский импорт на Руси. X–XI вв.

- *Города*
- Археологические находки
- *керамика*
- *замочки*
- *печати-пломбы*
- *салазковидные кресала*







Шиферные (сланцевые) пряслица из Поднепровья. БГИАМЗ

Каспия, Средней Азии и даже Багдада.

Южное и юго-западное направления торговых связей Болгара документируются находками крымской и византийской поливной керамики XIV в.

Из Крыма происходит несколько красноглиняных поливных чаш, найденных на городище. Надо думать, что через Крым в это время поступали в Болгар и византийские красноглиняные сосуды (на городище найдены фрагменты двух кувшинчиков, двух двуствольных ручек, двух донышек от чаш).

Поливная керамика из Закавказья, Крыма, Византии, Средней Азии, безусловно, могла быть предметом торговли в Поволжье в силу своей красоты, яркости и отличия от местной глазурованной посуды. Сомнения в этом, высказанные А.Ф. Кочкиной и некоторыми другими исследователями, мне представляются неосновательными: перевозилась же стеклянная посуда, намного более хрупкая. О способе перевозки кашинной посуды (а вероятно, и фарфоровой) позволяют судить деревянные футляры, найденные в Белореченских курганах.

В Болгаре византийскими по составу стекла оказались четыре стеклянных браслета из 17 найденных в Болгаре и подвергнутых анализу.

В более раннее время (XI в.) из Византии поступали стеклянные бусы: синие кобальтовые различных форм, в том числе белоромбические; некоторая часть «лимонок», бус с золотой и серебряной прокладкой; некоторые формы желтых и зеленых бус; возможно, бусы с «пластичным узором» и «треугольные». Теперь, когда рецепт калиево-свинцово-кремнеземного и свинцово-кремнеземного стекла перестал считаться у специалистов по стеклу исключительно русским, а признан отчасти и византийским, круг находок византийских бус на Руси и в Волжской Болгарии сильно расширяется.

Торговые пути, связывающие Болгар с Крымом, а через него — с Византией, проходили через Киев и по Днепру до Черного моря. Существовал путь с переходом с Волги на Дон



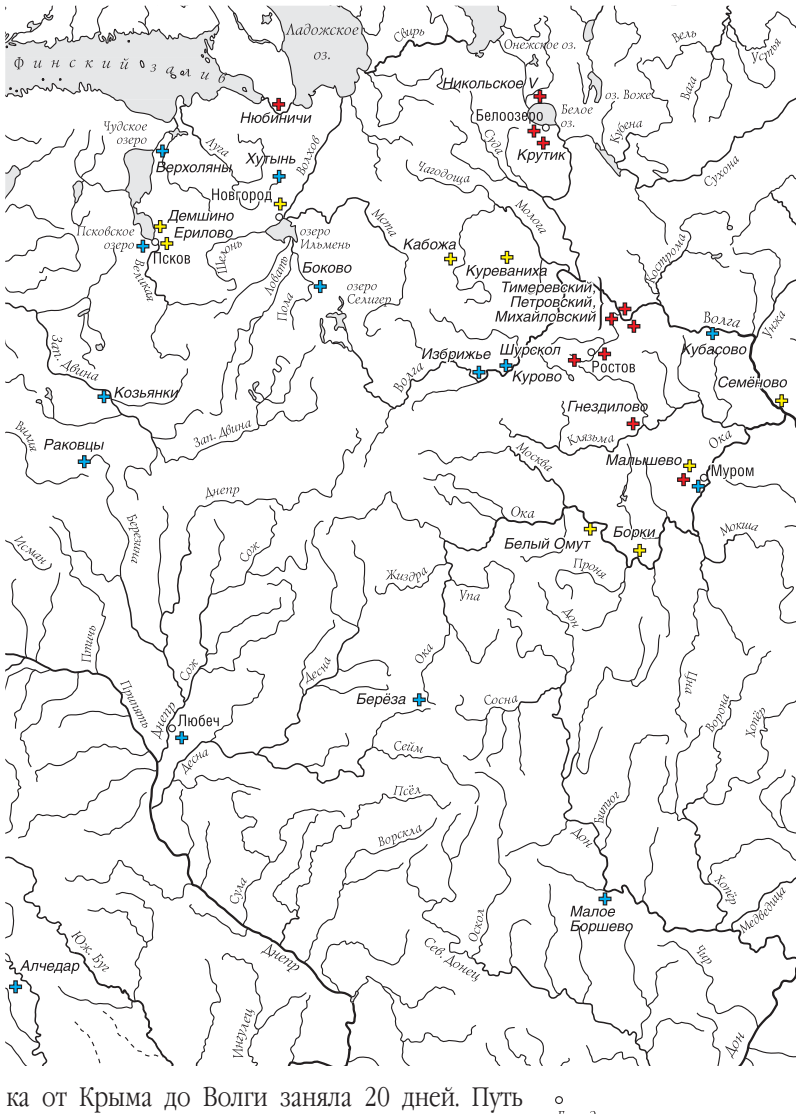
Русские вещи из Болгара: 1-6, 9 — цветные металлы; 7 — шифер; 8 — кость



Западноевропейские монеты. XI–XII вв.

в месте их максимального сближения и далее степью до Крыма.

Во второй половине XIII в., и в особенности в XIV в., большое значение для Поволжья приобрела причерноморская торговля. Отсюда вывозили рабов в Египет, Италию, Францию, в том числе рабов, купленных в Болгаре. Связь Болгара с Причерноморьем осуществлялась по Волге и Ахтубе до обеих столиц Золотой Орды, оттуда по степи до Азака (Азова), далее Азовским морем в Черное. Другой путь — по Волге до места ее сближения с Доном, через волок на Дон, до Азака, далее — как в первом случае. Существовала и сухопутная степная дорога от нижней Волги до Крыма. По ней проехало, но в обратном направлении, посольство султана Египта к хану Берке в 1263 г., причем поезд-



Города

Археологические находки

керамика

монеты (до 70-х гг. X в.)

монеты (70—80-х гг. X в.)

Болгарский импорт на Руси. XII — начало XIII в.



Поливная керамика. Кавказ. XIV в. БГИАМЗ

сионер из ордена проповедников Журден де Северак пишет о китайской империи Юань, что там нет ничего достойного внимания (кроме ревеня и мускуса), но «там есть глазурованные чаши, прекрасные, знатные и отменные». Справедливости ради надо сказать, что Журден, совершив два далеких путешествия в 1318 и 1330 гг., посетив Индию и много других стран, в Китае не был и видел поразивший его китайский фарфор в какой-то другой стране. В Китай из Болгара можно было проехать через Хорезм, Самарканд, Бухару, Хаган. Существовал более северный путь — на Отрар, Алмалык и далее — в Каракорум и в Китай. Еще севернее из Болгара можно было проследовать, обогнув Южный Урал, степями до Каракорума. И, наконец, ал-Омари указывает са-





Чешская свинцовая монета святого Вацлава. Чеканка 929/930 г. Из раскопок Казанского Кремля

Глиняный кувшин со штампованным орнаментом. Поволжье. XIV в. БГИАМЗ



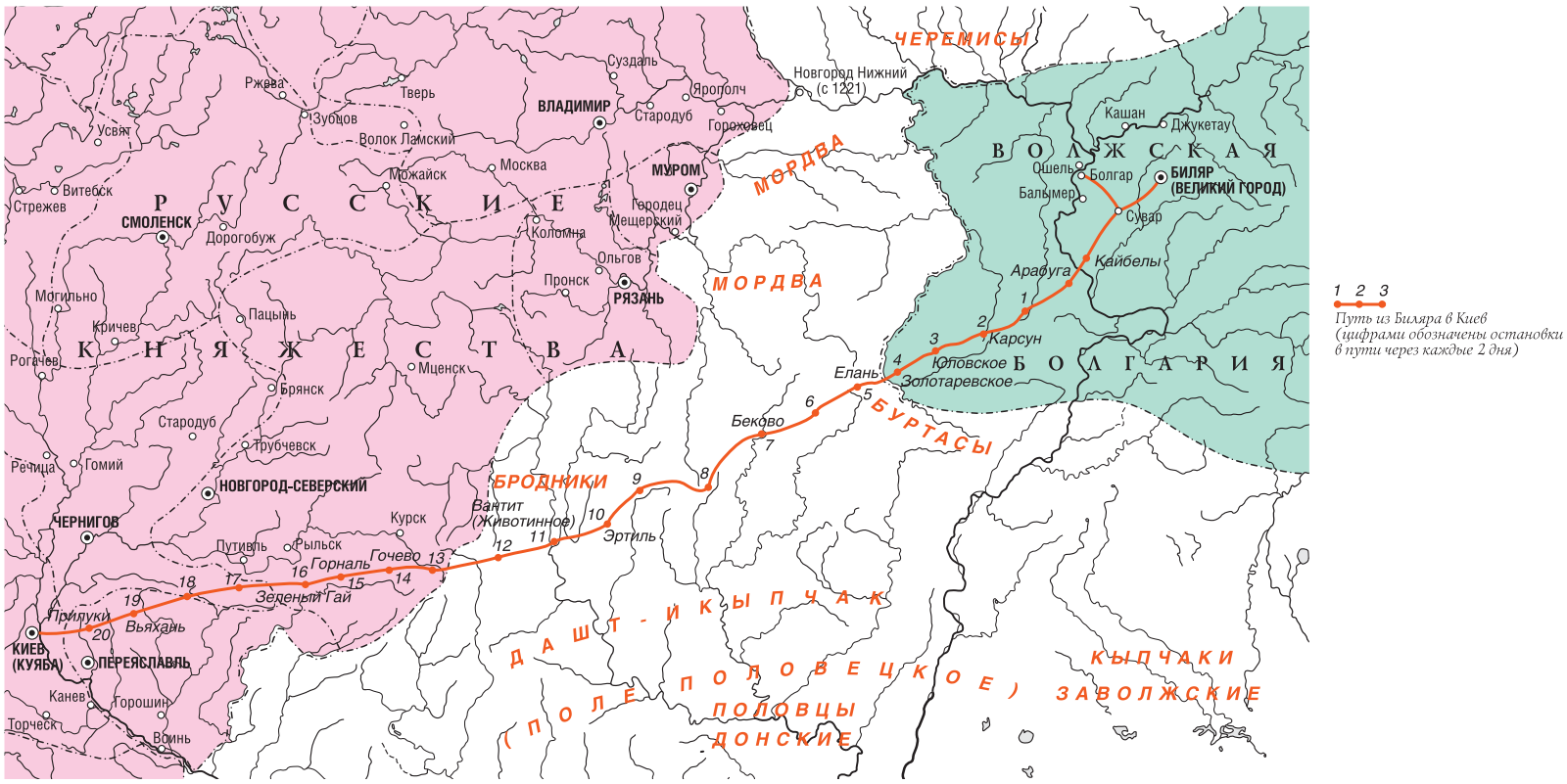
ка от Крыма до Волги заняла 20 дней. Путь к Причерноморью от низовьев Волги шел и через Северный Кавказ, через город Маджар.

На Болгарском городище найдены фрагменты керамики, доказывающие наличие торговых связей города с Закавказьем. Ремеслу Азербайджана принадлежат несколько поливных чаш. Одна из них имеет снизу (на дне) рельефный знак, что характерно для поливных чаш этой страны. Не исключено, что темные сфероконусы с кольчужным орнаментом также азербайджанские. В них могли перевозить нефть из Бакинских месторождений.

Существованию армянской колонии у валов Болгара давно установлено. Здесь в погребении были найдены фрагменты ткани, изготовленной в Армении. Два стеклянных браслета из 17, проанализированных Ю.Л. Щаповой, оказались закавказскими. Связь Болгара с Закавказьем осуществлялась по Волге и Каспийскому морю через Дербент.

Установление дипломатических связей с Египтом, договоры между правителями Золотой Орды и Египта давали торговые привилегии купцам обеих стран. В результате в Болгаре в большом количестве появились египетские и сирийские стеклянные лампы, бронзовый котелок, предположительно вставка в перстне в виде фигурки лягушки из египетского фаянса, возможно — керамический кубок.

Находки селадона, китайского фарфора и, возможно, некоторых украшений из нефрита указывают на участие Болгара в торговле с Китаем в золото-ордынский период. Посланный папой на Восток французский монах — мис-



Путь из Биляра в Киев

мый северный путь от Болгара — через Уральский хребет, на среднюю Обь, на ее правый приток Чулым и далее до Каракорума. Причем этот автор сообщает, что если этим путем пойти на запад, то придешь в землю русских, франков и обитателей Западного моря. Таким образом, для XIV в. это был путь через весь материк с востока на запад.

Торговые пути, связывающие Болгар с разными странами, пролегали на огромные расстояния. Путешествия были сопряжены со многими опасностями. Поэтому купцы обычно передвигались большими караванами — на лошадях, верблюдах, мулах. В караване насчитывалось иногда до нескольких сотен животных и приблизительно столько же людей — обслуга, охрана, сами купцы. Купцы могли объединяться во временные компании и закупать товары коллективно. Вместе с караванами могли передвигаться путешественники, ученые, ремесленники. Преодолевать такие огромные расстояния помогала поэтапная организация торговли. Товары свозили в ключевые пункты, такие как Болгар, Ургенч, иранские города южного берега Каспия. Там их покупали, переформировывали и отвозили в нужном направлении уже другие купцы. Такую схему тор-



Поливные среднеазиатские чаши. БГИАМЗ





Свинцовая пломба. БГИАМЗ



Китайская бронзовая монета династии Сун начала XII в.

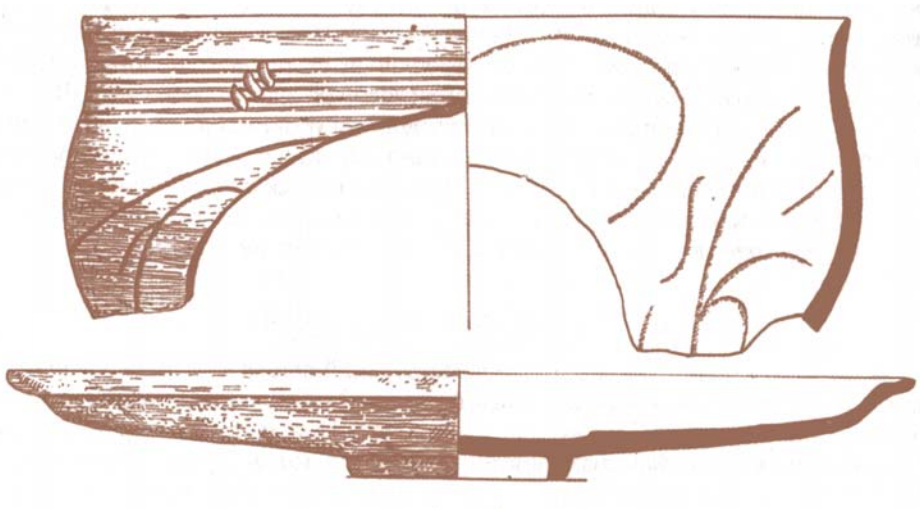


Донца поливных чаш. XIV в. БГИАМЗ

говли с Севером дает ал-Омари. Для путешествий по морю также собирались караваны кораблей.

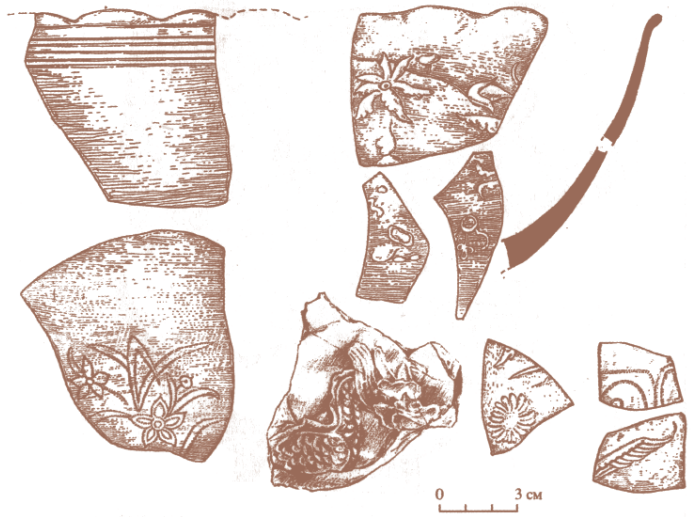
Анализ археологических материалов позволил очертить те области средневекового мира, с которыми Болгар имел торговые отношения. Но не надо забывать о внутренней торговле Волжской Болгарии, а позднее — Золотой Орды.

В конце XI — начале XIII в., когда выгодное географическое положение Болгара на Волге обернулось для него непрекращающимися нападениями русских, Биляр стал крупнейшим ремесленным центром государства. Надо думать, что билярская продукция, особенно та, которой не было в Болгаре, поступала и на его внутренний рынок, например посуда и оконные диски из стекла.



Фрагменты селадоновых чаши и блюда. XIV в. Болгар

Торговля Болгара второй половины XIII — начала XIV в. — это часть торговли Золотой Орды. Ханы покровительствовали купцам, так как получали большие доходы от торговых оборотов. Они поощряли торговлю, обеспечивая почтовую связь и безопасность дорог. Флорентийский купец Ф. Пегалотти писал в XIV в.: «Путь из Таны (Азак. — *МП.*) в Китай, по словам купцов, совершающих это путешествие, вполне безопасен и днем, и ночью». Поэтому торговля развивалась в этот период особенно бурно.



Фрагменты селадоновых чаш. XIV в. Болгар

Пережив полное разрушение при монгольском нашествии и заново отстроившись, став фактически первой столицей Золотой Орды, Болгар активно включился в международную и внутреннюю торговлю. Интенсивность участия Болгара в торговом процессе, охватившем огромные пространства Евразии, сказывается в резко возросшей насыщенности культурного слоя этого времени предметами импорта.

Исключительно выгодное географическое положение Болгара позволило ему во все века своей истории сохранять положение одного из крупнейших торговых центров тогдашнего мира.



Красноглиняный гончарный кувшин. Самосдельское городище

Г.А. Федоров-Давыдов

Денежное дело и денежное обращение

Начало денежного дела и денежного обращения в городе Болгаре относится к X в. В Болгаре, как и во всем районе обитания волжских болгар, встречены клады и отдельные находки куфических монет, зафиксировавшие начало обращения восточной монеты в Волго-Камье еще с VIII в., а в Среднем Прикамье — с эпохи Сасанидов. Известно два клада куфических монет из Болгар — 1895 и 1957 гг.

Об обращении в начале X в. привозных дирхемов и о замене денег шкурками куниц сообщают восточные авторы — например, Ибн Русте. Тогда же, в X в., началась и самостоятельная чеканка Болгара, но очень незначительная по объему. Большая редкость монет эмиров Волжской Болгарии заставляет думать, что основным средством обращения были куфические (главным образом саманидские) монеты и подражания им, находимые на территории Волжской Болгарии. Собственный чекан преследовал в основном престижные, политические цели.

Впервые сведения о монетах Волжской Болгарии X–XI вв. собрал и опубликовал Р.Р. Фасмер. Данные Фасмера существенно дополнила С.А. Янина.

Фасмер допускал возможность первоначальной чеканки в Болгаре подражаний саманидским монетам с помещением иногда на них названий болгарских городов — «Болгар» и «Сувар». Первыми бесспорно болгарскими монетами, по его мнению, были монеты, чеканенные также по типу саманидских, на которых вместо имени саманидского эмира стояло имя Микаила ибн Джафара. Названия монетных дворов сохранялись среднеазиатские — Самарканд, аш-Шаш и др. Д.П. Ковалевский писал, что болгарский чекан, сначала анонимный, начался после признания болгарским эмиром верховной власти багдадского халифа, т. е. после посольства 922 г. Но С.А. Янина считала, что чеканка началась от имени Алмуша, сына Шилки, имевшего мусульманское имя Джафар ибн Абдаллах, т.е. до этой даты. Янина основывала этот тезис обломанной монетой из Неревского клада, найденного в Новгороде, которая, судя по имени халифа и имени саманидского эмира, могла быть отчеканена в 289–295 гг. х. (902–908 гг.). Это «удревняет» принятие ислама болгарским эмиром, относит это событие ко времени до приезда посольства 922 г., описанного Ибн Фадланом. Саманидский тип первых монет Болгара говорит о путях исламизации страны, связанных со Средней Азией.

Больше всего чеканил монет сын Джафара Микаил. Их круговые легенды и легенды в поле л. с. имеют характер подражаний саманидским, а легенды в поле о. с. написаны иногда довольно грамотно. На некоторых монетах имеется имя города «Болгар».

Сын Микаила Абдаллах чеканил монеты в Болгаре с именем аббасидского халифа ал-



Дирхам Мумина бин аль Хасана



Дирхам Альмуш хана до принятия ислама

Мустакфи, которое помещалось на саманидских монетах между 333–345 гг. х. (944–957 гг.), что датирует правление Абдаллаха 940–950-ми гг. В Суваре с 337 г. х. (948/949 гг.) начинается чекан монет Талиба ибн Ахмеда.

К 360–370 гг. х. (970–980 гг.) относится чеканка монет с именами Мумина. Янина показала, что эти монеты чеканились с именем Мумина ибн Хасана в Болгаре (с именем халифа ал-Мутти) и с именем Мумина ибн Ахмеда (может быть, брата Талиба ибн Ахмеда, как предположил еще Френ) — в Суваре. Суварские монеты не несут никаких знаков вассалитета по отношению к болгарским правителям.

Болгарская чеканка представляет аналогию чеканке древнерусских монет Киевской Руси. Выпуски так же были очень малы по объему и играли не экономическую, а политическую роль, так же основным средством обращения были куфические монеты, и собственный чекан развивался на их фоне, но в Руси в соответствии с ее христианизацией символика и надписи были христианские, легенды — русские, а в Волжской Болгарии — мусульманские, среднеазиатские. Болгарские монеты в XI в., видимо, уже не чеканились, а на Руси собственная чеканка, возникшая позднее, в конце X в., еще продолжалась в XI в.

Следует отметить, что в Ага-Базаре в 1980 г. среди подъемного материала было обнаружено низкопробное серебряное подражание западноевропейскому денарию XI в.

В XI–XII вв. в Волжской Болгарии своих монет не чеканили. В течение XI в. нарастают последствия серебряного кризиса на Востоке и прекращается поступление куфического дирхема. Вторая половина XI и весь XII в. — это эпоха безмонетная, так же как и на Руси. Средством мелкого розничного торга служили заменители денег, может быть, бусы и шиферные пряслица.

Одним из возможных заменителей денег были оловянные кружки с дыркой, находимые



Согдийский купец. Деревянная раскрашенная погребальная статуэтка. Восточный Туркестан. VII в.

в культурном слое Болгара и других городов Волжской Болгарии. О торговле на кусочки олова в Саксине в XII в. писал ал-Гарнати.

Обращались золото, серебро и медь в слитках. В Волжской Болгарии обращались отличные от русских серебряные овальные и круглые слитки. Обрубок одного такого слитка найден в Болгарах в 1880 г. Вместе с ним были найдены обрубки в виде четырехугольной плитки с косо обрубленными краями, в виде пятиугольной неправильной плитки и в виде неправильного четырехугольника. Иногда попадаются слитки, свернутые в трубку. Так, в 1869 г. близ г. Спасск, видимо в Болгарах, был найден клад из 47 слитков, часть из которых была свернута в трубку, часть — разрублена. В кладе были золотые и серебряные вещи.

Саманидские дирхамы X в.





Подражание саманидскому дирхему

По вещам этот клад относится к домонгольскому времени. Судя по другим кладам из Волжской Болгарии, эти слитки обращались в XII — начале XIII в., т. е. в домонгольское время. Одновременно с этими слитками в Волжской Болгарии тогда же появились палочковидные слитки новгородского типа, вес которых близок к 196–200 г, и ладьевидные слитки, найденные с домонгольскими вещами, в частности с желудевидными подвесками. В отличие от пластинчатых слитков, которые разрезались на нестандартные по весу части, палочковидные слитки в Волжской Болгарии обычно не разрезались и не разрубались и имели примерно одинаковый вес, отражающий какой-то весовой стандарт, по которому слитки отливались с потерей доли серебра в виде «угара».

Постепенный выход из безмонетного состояния в Волжской Болгарии начался, видимо, так же как и в Средней Азии, с середины XIII в. Тогда в Болгаре были осуществлены первые после длительного, 200-летнего, перерыва монетные серебряные и медные эмиссии. Это монеты с именем халифа ан-Насир лид-Дина, которые Френ, Янина, Федоров-Давыдов относили к середине XIII в., к эпохе хана Берке, рассматривая имя уже умершего к этому времени халифа как религиозный символ, тогда как Френ (в ранних работах), А.Ф. Лихачев, П.С. Савельев — ко времени правления этого халифа (1180–1225 гг.). А.Г. Мухамадиев аргументировал эту точку зрения: монеты эти резко отличаются по внешнему виду от ранних джучидских — у них неправильная форма, напоминающая о некоторых закавказских домонгольских медных монетах так называемого неправильного чекана, на них нет ни чингизидской, ни джучидской тамги, обязательной для всех ранних джучидских монет Волжской Болгарии. В последнее время А.З. Сингатуллина вновь рассмотрела этот вопрос и отнесла монеты с именем халифа Насира к середине 1240-х гг.

В Болгарах найдено довольно много монет халифа Насира, а в 1887 г. клад из 104 таких монет. По весу эти монеты сильно различаются, но все же наибольшее их количество приходится на вес 1,9–2,4 г.

Следующие выпуски монет в Болгаре, видимо, в 1250-х гг., были осуществлены от имени монгольского великого каана Менгу, чьими вассалами были джучидские ханы.

Многие из этих медных монет являются перечеканкой монет с именем халифа Насира, сохранившихся в обращении до выпуска новых монет в 1250-х гг. с именем Менгу. Мухамадиев обратил внимание на то, что медные монеты с именем Насира делятся на две группы — крупные, более тяжелые, и мелкие, более легкие. При этом почти только одни мелкие оказываются перечеканенными штемпелем с име-

Серебряные монеты Болгара XIII в. Из находок на Болгарском городище и из коллекции ГИМ



нем Менгу. Из этого Мухамедиев делает вывод о том, что крупные монеты были более ранними и к 1250-м гг. уже вышли из обращения, а более легкие сохранились в денежном обращении до середины XIII в. Это говорит о некотором дефиците на медь в денежном деле Болгара середины XIII в. Мухамадиев считает, что именно этим объясняется следующий после монет Менгу чекан серебряных монет половинного веса с именем Ариг-Буги, предпринятый с целью насытить денежное обращение мелкой разменной монетой .

В середине XIII в. Болгар играл роль экономического и политического центра Джучидов в Поволжье. В нем первом, как видим, начинается чеканка золотоордынских монет, значительно раньше, чем в Сарае, где первая монета была выбита в 1270-х гг.

После выпусков 1250-х гг. в Болгаре была предпринята новая монетная эмиссия. Были отчеканены серебряные монеты от имени каана Ариг-Буги. Характерно, что в Волжской Болгарии не чеканят монет от имени каана Хубилая, захватившего каракорумский престол и вскоре перенесшего столицу монгольской империи в Китай. Против Хубилая бо-



Монгол. Китайская картина. XVIII в.

ролся его брат Ариг-Буга, а джучидский хан Берке, правивший в то время в Золотой Орде, поддерживал его.

На городище древнего Болгара было найдено несколько кладов монет первой половины и середины XIII в.: в 1874, 1876, 1878 и 1887 гг. Монеты Менгу и Ариг-Буги встречаются в кладах вместе. Следовательно, в конце 1250-х гг. они обращались параллельно. В это время продолжалось еще обращение палочковидных слитков. Например, в кладе 1876 г. из Болгар было 14 серебряных палочковидных слитков и около 1 тыс. монет Ариг-Буги.

Серебряные монеты Менгу и Ариг-Буги исчезли из обращения в Болгаре перед выпуском следующих групп в 1260-е гг. С этими более поздними монетами, уже собственно джучидскими, монеты великих каанов, чеканенные в Болгаре, никогда в кладах не встречаются.

Монетные выпуски 1260-х гг. — собственно золотоордынские. Они не имеют имени великого каана и несут джучидскую тамгу в виде двузубца с перекладиной. Первый выпуск монет с такой тамгой в Болгаре имеет указание, что это — «Главная тамга». Веса этих монет распределяются таким образом, что максимум



Болгарские монеты с тамгой хана Бату. XIII в.

приходится на значения 1,2–1,27 г. Есть легкий (видимо, половинный по весу) вариант. По сравнению с предшествующей эмиссией монет с именами Менгу и Ариг-Буги у этих денег нормативный вес был несколько повышен.

Первым джучидским ханом, который стал помещать свое имя на монетах, в том числе и болгарского чекана, был Менгу-Тимур. Его монеты с обозначением Болгарского монетного двора, выпущенные в 1270-е гг., красивы и аккуратны, в отличие от более поздних, да и более ранних монет Болгара. Интересно, что на монетах типа 11 титул каан, уместный на монетах великих каанов Менгу и Ариг-Буги, придан имени хана. Менгу-Тимур поместил свое имя на монетах вместе с титулом, ему не принадлежавшим как хану, тем самым заявив о значительных своих претензиях быть полноправным и суверенным правителем в системе монгольских государств.

Весовые данные этих монет (типы 9–19) колеблются около нормативного веса 1,50–1,55 г. Встречаются более легкие монеты тех же типов (от 0,98 г и ниже), тяжелые монеты двойного веса (2,85–3,12 г). При Менгу-Тимуре стали чеканить монеты и иного веса, близкого к норме 1,3–1,39 г. Монеты эти иногда имеют имя Менгу-Тимура, иногда анонимны, но всегда без имени выпускавшего их монетного двора. Однако можно предполагать, что, поскольку эти монеты встречаются исключительно в Волжской Болгарии и главным образом на Болгарском городище, они в значительной части чеканились именно в Болгаре.

О денежном обращении Болгара того времени можно судить по нескольким кладам серебряных монет. Это Болгарский клад 1980 г., который был зарыт, судя по младшей монете, в начале 1280-х гг. В нем есть почти все описанные выше монеты Болгара 1270-х годов, кроме того, присутствуют три ранние монеты 1260-х гг. с легендой «Главная тамга». Альменевский клад, вероятно, был зарыт несколько раньше Болгарского клада 1980 г. Он отражает тот период в развитии денежного обращения, когда господствовали анонимные монеты типа монет с легендой «Главная тамга», но в обращение поступили также большие массы монет с загадочной надписью («Кирман»), ознаменовавшие повышение весовой нормы. Несколько позднее, очевидно, в середине 1280-х гг., был зарыт Болгарский I клад 1967 г. Он содержал мало монет Менгу-Тимура и анонимной чеканки 1270-х гг.

Около 70 % монет этого клада составляли серебряные анэпиграфные монеты с изображением двух луков и тамги — на л. с. и птицы — на о. с. Их весовая норма колеблется в пределах 1,50–1,58 г. Очевидно, в денежном деле и обращении Болгара того времени начинают преобладать анонимные и анэпиграфные монеты с тамгой. Такие монеты часто находят в культурном слое Болгара. Тогда же, вероятно, зарыт был и Болгарский клад 1887 г. Болгарский II клад 1967 г. был сокрыт в конце 1280-х или в 1290-е гг. Он показывает полную смену монет в денежном обращении. Все его монеты анонимны и не имеют обозначения места и года чекана. Их вес колеблется около 1,28–1,39 г. Многочисленные монеты из Волжской Болгарии, не имеющие ни имен ханов, ни выпускных данных, очевидно, чеканились именно в это время и, вероятнее всего, в Болгаре. Чекан этих монет в Волжской Болгарии не вызывает никакого сомнения — почти все они найдены в пределах Волжской Болгарии и большая часть — в Болгаре. Вероятно, к 1290-м гг. относится зарытие Болгарского клада 1889 г., от которого сохранились только три серебряные монеты, в том числе с трехногой тамгой. Монеты с этой тамгой дают по весу группу около 1,28–1,39 г. Есть маленькие монеты с двуногой тамгой весом около 0,18–0,30 г.



Золотоордынские монеты конца XIV в. Каратунский клад. Апастовский р-н Республики Татарстан. НМ РТ



Памятник Чингиз-хану у Президентского дворца. Улан-Батор

Анонимные монеты 1280–1290-х гг. отражают, очевидно, слабость ханской власти в период номинального правления Тула-Буги, а также в начале правления Токты. Имена этих ханов помещают на крымских монетах, а в Волжской Болгарии они на монетах почти всегда отсутствуют.

Помещение на монетах одной (общеродовой) джучидской тамги, очевидно, является следствием того распространенного в ранний период истории монгольских государств представления, что завоеванные территории и улусы — общеродовое достояние рода завоевателя. Эти монеты часто встречаются в культурном слое Болгарского городища. Обращает внимание то, что на болгарских серебряных монетах Узбека продолжает помещаться тамга Джучидов, в то время как в обоих Сараях столичная монета этой тамги не имеет. Очевидно, в отказе от тамги в столичном чекане сказалось утверждение Джучидами в первой половине XIV в. принципа престолонаследия по прямой династической линии в ущерб притязаниям и правам других членов правящего дома. Помещение общеджучидской тамги, тем более при анонимности монет, — выражение другого принципа престолонаследия, при котором Джучидский улус рассматривался как достояние всего ханского рода.

Хотя в Болгаре и чеканили в первой трети XIV в. монету, в денежном обращении города господствовали монеты Сарая, а потом Нового Сарая и Гюлистана, т. е. выпуски обильно чеканивших монеты нижневолжских городов. Этот неизменный по весу чекан начался после реформы 1310–1311 гг. и, естественно, вытеснил провинциальные монеты из сферы обращения серебра.

На основании текстов древнетатарской литературы XIII–XIV вв. Мухамадиев установил, что в Волжской Болгарии имелись следующие денежные наименования: «Мал» — в значении скот, деньги вообще, казна, имущество. «Ярмак» (буквально «рубленый») означал в золотоордынское время, видимо, серебряную монету, дирхем; термин «дирхем» есть только на золотоордынских монетах XIII в., чеканенных в Волжской Болгарии. «Алтын» (буквально золото) означал счетную единицу, вероятно счетный динар, который, судя по сообщениям



Серебряные дирхамы Болгара. БГИАМЗ



Интронизация хана. Миниатюра из персидской рукописи «Шах-наме». Около 1330-х гг.

источников, равнялся в XIV в. шести дирхемам, так же как в Средней Азии и Иране в это время. Термин «динар», который мы находим на монетах с именем халифа Насира, означал, видимо, обобщенное понятие «деньги». «Пул» означал медную монету. Встречается на медных монетах XIV в., в том числе и на монетах болгарского чекана. «Сом» означал слиток серебра и крупную счетную единицу, равную, как сообщают источники, 20 динарам.

В денежном обращении Болгара до 1370-х гг., как и в Золотой Орде вообще, господствовали серебряные дирхемы (ярмаки) и медные пулы, и те и другие главным образом столичной нижневолжской чеканки. В денежном обращении Болгара действовали те же закономерности, которые управляли денежным обращением и денежным делом Золотой Орды.

Кроме собственно золотоордынских монет, на Болгарском городище встречается некоторое количество золотых монет патанских султанов Дели. На Болгарском городище была найдена также медная монета императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1294–1340 гг.). Есть, но очень мало, русских — суздальско-нижегородских и рязанских монет конца XIV в., а также иранских — Хулагуидов и Джалаири ДОВ. Найдена также серебряная монета Василия II Темного, чеканенная в Нижегородском княжестве в середине XV в.

Денежное обращение Болгара несколько отличалось от денежного обращения нижневолжских городов. В XIII в. денежное обращение Волжской Болгарии питалось исключительно местной серебряной и медной монетой, и монета, чеканенная в Волжской Болгарии, почти не выходила за границы этой области. В первой половине XIV в. в обращении серебряной монеты в Болгаре значительную долю еще составляли дирхемы местной чеканки. В 1360-е гг. они совсем исчезли из обращения. В обращении медных монет определенную долю (около 9 %) составляли медные монеты болгарской чеканки, но местная медная монета в Болгарах играла меньшую роль, чем в Мохше, Азаке, Шехр-ал Джедиде и Хорезме. Основную долю местных монет, обращавшихся в Волгаре, составляли монеты, чеканенные в нижневолжских городах — Сарае (16,9%), Новом Сарае (47,2%) и Гюлистане (13,9%). Таким образом, Болгар в этом отношении занимает промежуточное положение между нижневолжскими городами, где преобладали медные монеты столичной чеканки (Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана), и провинциальными городами, где большую долю медных монет составляли монеты местной чеканки (в Наровчате — около 84 %, в Старом Орхее — около 40 %, в Хорезме — свыше 90 %, в Болгаре — только около 9 %).

Обращение местных медных монет было ограничено территорией того района, где они чеканились. В отношении болгарских медных монет следует заметить, что они почти не встречаются в нижневолжских городах Золотой Орды и в других районах. Почти все находки медных болгарских монет XIV в. сосредоточены в Волжской Болгарии. А серебряные болгарские монеты встречаются в кладах джучидских монет из других областей Золотой Орды, где они вливались в денежное обращение.



Золотоордынская монета. Прорисовка

Выявив отличия в чеканке и обращении серебряной (дирхем) и медной (пул) монет в Золотой Орде, мы должны также отметить, что соотношение серебряных и медных монет в Золотой Орде было постоянным и составляло 16 пулов на один даник — весовую счетную единицу, равную 1/6 весового мискаля, а в период 1310–1380 гг. в столичных городах — 1/2 монетного дирхема, чеканившегося по норме примерно 1,56 г. Это соотношение было установлено в начале XIV в. и провозглашено в легендах медных монет Узбека.

Таковы нумизматические факты. Мы предлагаем следующую гипотезу, объясняющую их. В Золотой Орде существовал открытый, или «свободный», чекан серебряной монеты из приносимого частными лицами серебра. Эти лица получали со сданного металла строго определенное число монет установленных неизменных веса и пробы с удержанием какого-то определенного числа монет в пользу монетного двора как платы за работу и как взноса в казну, составлявшего нормированную эксплуатацию монетной регалии государством. Об этом прямо писал, касаясь денежного дела Азака (Таны), флорентийский финансист XIV в. Ф.Б. Пеголотти.

Такой «свободный», или открытый, способ чеканки дирхема был в Золотой Орде при сравнительно малом дефиците или при отсутствии дефицита на серебро. Это обеспечивалось русским «выходом», создававшим в Золотой Орде большие массы серебра как в руках государства, так и в частном владении. Этот же «выход» серебра из Руси в качестве дани создавал сравнительно низкий курс серебра в пересчете на золото — показатель обилия серебра

на рынках. В странах Средней Азии и Иране курс серебра в пересчете на золото был выше, серебра было меньше, на него имелся дефицит. Серебряный кризис, только что преодоленный, давал там себя еще чувствовать.

В денежном деле постоянно возникают диспропорции в курсе серебра в его монетной и металлической форме, а также диспропорции в рацио серебра, меди и золота (монетных металлов) в одной стране по сравнению с другими.

Когда серебро в монетной системе оказывалось оцененным слишком низко по сравнению с рыночной оценкой серебра, тогда возникала угроза тезаврации, т. е. изымания серебряной монеты из обращения, переплавки ее в слитки или зарытия в клады. В Иране высокий курс серебра в монете (что было необходимо во избежание тезаврации монет) поддерживали тем, что постоянно понижали серебряное содержание монеты, оставляя неизменной ее номинальную стоимость, т. е. повышали элемент принудительного курса в монете. Открытое понижение металлического содержания монет трудно совместимо с описанным выше «открытым» способом чеканки серебряной монеты. В Золотой Орде, как это видно из приведенных нумизматических фактов, шли по другому пути.

Золотоордынские ханы и их финансовые советники корректировали, «подправляли» денежное обращение путем постоянных реформ медного обращения, оставляя неизменным обращение серебра. Медь, судя по сильным колебаниям веса монет одного выпуска, обращалась как знак стоимости, вне прямого соответствия с весом монеты. Пулы одного выпуска и одного внешнего вида отличались существенно по весу, но тем не менее они были, видимо, на рынке равноценны, имели одну покупательную способность. Так как не встречаются разрезанные медные пулы, то нельзя предположить и обращение их по весу. Пулы были знаком, фракцией дирхема, 1/16 частью счетно-весового даника серебра.

Золотоордынская казна время от времени выпускала пулы с измененным внешним видом. На них иногда даже помещали легенду «новый пул». Старые пулы, судя по малочисленным кладам и находимым вместе, группами, медным монетам, запрещались, и население должно было их обменивать в казне на новые. При этом, вероятно, новые пулы приравнивались к какому-то большему числу старых. Чтобы население легче принимало новые монеты, они делались в среднем тяжелее, «солиднее» в глазах населения, еще не признававшего монеты только как знаки стоимости.

Новые пулы при этой пропорции обмена их на старые получали большую покупательную способность. При этом вес новых (более тяжелых) пулов в среднем, вероятно, не компенсировал эту пропорцию обмена. Казна получала дополнительный доход от монетной регалии в виде значительных масс меди. Но покупательная способность новых пулов не могла, однако, возрасти по отношению к старым пулам в той же пропорции, в которой старые пулы обменивались на новые, так как действовало неизменное соотношение пула (и старого, и нового) к данику и серебряному дирхему, оставшимся неизменными. Старые пулы обесценивались, новые получали на рынке лишь небольшую прибавку к своей покупательной способности и курсу. Поскольку старое соотношение (1 даник = 16 пулам) оставалось тем же, то серебряные даник и дирхем приравнивались теперь не только к несколько большей в среднем массе меди, но и к монетам несколько большей покупательной способности. Таким образом курс серебра в дирхеме поднимался, оцениваемый и большей массой приравниваемой к ней медной монеты и большим количеством товаров, которые на них можно было купить.

Будучи частично знаком стоимости, старые пулы не могли храниться долго. При такой практике постоянных смен меди в обращении они быстро теряли свою стоимость, если их не сдавали в казну. Потому-то почти совсем нет медных кладов, потому-то так часто теряли люди эти пулы — мелкие доли дирхема, которые, к тому же, обесценивались с каждым новым выпуском. Этим объясняется колоссальное количество находок медных монет в культурном слое золотоордынского города, не сравнимое с числом монет ни в русских городах, ни в среднеазиатских. Этим объясняется также и то обстоятельство, что медные монеты провинциальной чеканки не выходили за границы своего района: компонент принудительного курса, заключенный в них, не позволял этим монетам распространяться по всей стране. Столичные медные монеты, у которых принудительный курс поддерживался общегосударственным по-







Западноевропейские монеты из Болгара. БГИАМЗ





Серебряные монеты Болгара XIII в. Реконструкция штемпеля





Серебряные монеты Болгара XIII в. Из находок на Болгарском городище

Великая Тартария, или Империя Великого Хама. Генрих Хандиус. 1633 г.
В географических представлениях западноевропейцев, начиная с XIII в. Восточные страны упорно ассоциировались с местами, гибельными для человека и его души: Татария — с античным Тартаром, а Империя Великого хана — с потомством библейского Хама. Это очевидно при взгляде на название карты Г. Хиндуса (1633 г.), охватившей большую часть Азии




TARTARIE OU DE L'EMPIRE DU GRAND CHAM,
& sur d'autres observations tres exactes de divers Voyageurs.
REMARQUE.
Cette Tartarie est nommée la Grande, pour la distinguer de la petite qui fait partie de l'Europe. Son etendué est en effet fort considerable, à la prendre depuis l'extremité de la Circassie jusques au Canal ou Detroit de Beko, quoi-que suivant les observations des Jesuites faites à Siam cette Longitude soit beaucoup plus petite que du 69. au 102. degré où l'on la place ordinairement. Le Pays en general n'y est pas fort peuplé à proportion de La grandeur; il y a peu de Villes & quantité de deserts. La terre y est inculte en plusieurs endroits, & il n'y a que vers le midy où elle produit la meilleure Rhubarbe qui soit au monde. On y trouve quantité d'Ours blancs, de Renards d'hermines & de Martes Zibelines dont les fourures, qui sont si estimées, font le principal commerce du Pays.
MER DE TARTARIE
MER DE LENSKOGO
MER DU JAPON
MER DE LA CHINE
MER D'AMOUR
GLACIAL
TARTARIE DESERTE
TARTARIE INDEPENDANTE
LA GRANDE TARTARIE
MOGOLIE ou GRANDE TARTARIE
BALONDE ou GRANDE TARTARIE
KATAY ou PARTIE de la CHINE
LA CHINE au delà de ses Murs
Cap Scythique
Islemerland decouv. en 1664 par le Pilote Fleming
Pais de Ielmer
Mollugionceaya
Lopari
Jakutskoy
Nertchinskoy
Baikal lac
Royaume d'Ufurtai
Pays de Saindochan
Lousachan
PAYS du PRINCE TALAMAN
Tangut
Sechen
Cascar
Turkestan
Tibet
Tanguth
Tanju
Kararitay
Camul ou Kamila
Tangutska Desert
Kobi ou Desert de Gobi
Kinesi Desert
Chamil
Hami
Lac Sale nommé Gemin
Ruisseau de Baykal
Peuples Gilliaki
Peuples Jezanzos ou Grigoi
Peuples Sichin
Peuples Tchutzkoi
Peuples Tchutzkoi ou Nouveaux
Peuples Tchutzkoi ou Anciens
Peuples Tchutzkoi ou Grigoi
Peuples Tchutzkoi ou Rochers
Peuples Tchutzkoi ou Rochers inaccessib.
Peuples Tchutzkoi ou Grig

становлением ханской власти, имели более широкую территорию обращения и свободно доходили до окраинных городов Золотой Орды.

Стабильность золотоордынского дирхема нарушается еще в 1360-е гг. в связи с ослаблением государства, междоусобными войнами и, возможно, сокращением русского «выхода». В это время медные монеты, встречающиеся в комплексах, не всегда, как раньше, принадлежат к одному выпуску, а иногда относятся к разным выпускам 1350–1360-х гг. Вероятно, механизм выравнивания курса обращавшейся серебряной монеты путем систематического обновления медных монет перестал действовать. Медь не обновлялась больше в денежном обращении. Это привело вскоре к изменениям серебряной монеты в весе. Уже в 1360-е гг. начинаются чеканки дирхема в провинциальных городах по иным весовым стандартам (в Азаке 1360-х гг., в Орде 1370-х гг.). В столичных городах резко уменьшаются серебряные эмиссии. Усиливаются явления тезаврации.

Столичное денежное обращение расстраивается. Прекращение притока на местные рынки столичного серебра в монетной форме должно было вызвать в провинциях усиление процессов тезаврации, дефицит на серебро, повышение его курса как металла. Появились надчеканки на меди и серебре, очевидно, имевшие целью выправить курс серебра, пустить монеты вторично в обращение с более высоким курсом металла. В Среднем Поволжье, в районах бывшей Волжской Болгарии, наряду с надчеканками уже в 1370-е гг. развивается обрезывание монет по определенным, снижавшимся постепенно нормам, имевшее также целью обновить денежное обращение старыми монетами, обрезанными под новый весовой стандарт и выпущенными по более высокому курсу серебра.



Тарханный ярлык хана Токтамыша. 1392 г.



Медные монеты из Болгарского городища. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Создавшееся положение было выправлено реформой хана Тохтамыша 1380 г., введшего обязательный новый весовой стандарт для всех монетных центров Золотой Орды. Реформа Токтамыша была проведена с изъятием старых монет и пуском в обращение новой монеты по новому, вероятно, более высокому курсу серебра.

Но в Волжскую Болгарию монеты Токтамыша не поступали в значительных массах. Здесь образовывалась особая «нумизматическая провинция» — локальный вариант золотоордынского денежного обращения, в котором продолжали обращаться старые серебряные монеты дотохтамышевской чеканки, но обрезанные. Для обращения Болгара 1380-х гг. характерен клад 1871 г. с младшей монетой 789 г. х. (1387 г.), в котором только две монеты (1 %) относятся к 1380-м гг.





Серебряные дирхемы Болгарского городища. X–XIV вв. ГИАМЗ

Серебряные и медные монеты Болгара XIII (1, 2) и XIV (3–7) вв. 1, 3–6 — реконструкции штемпелей; 2, 7 — из находок на Болгарском городище; 1–4, 7 — серебряные; 5, 6 — медные

Но Болгар в 1370-х гг. приходит в упадок. Исследователи обычно связывают это с взятием города Булак-Тимуром в 1361 г. Однако изучение денежного обращения нижневолжских городов показывает их общий упадок в то же время, вызванный смутой в государстве, резкое сокращение их денежного обращения в четвертой четверти XIV в. Обрезанные дирхемы, как и монеты времени Токтамыша, встречаются на Болгарском городище очень редко. Значительно чаще находят их на соседнем с городищем Ага-Базаре — торговой пристани Болгара на Волге. Это поселение жило в конце XIV в. более интенсивно, и, как показал Жиромский, в его культурном слое много монет 1380–1390-х гг. Монеты XV в. на обоих этих памятниках почти не встречаются.

Упадку города в XV в. содействовали походы на Болгар русских князей и нападения на него ушкуйников в конце XIV–XV в. На Болгарском городище очень мало монет XV в. А ведь известно, что в первых годах XV в. возобновилась чеканка серебряной монеты с именем Болгара по весовой норме, примерно равной норме обрезывания старых серебряных монет в самом конце XIV в. Эта чеканка продолжалась в течение всей первой четверти XV в., но осуществлял ее, видимо, не тот Болгар, который связан с Болгарским городищем. Очевидно, имя «Болгар» было присвоено новому городу, предположительно Старой Казани, на месте руин которой часто находят болгарские монеты XV в. На этих монетах иногда появляется эпитет «Новый» с именем Болгара. До XV в. «Нового Болгара» на монетах не было. Общий сдвиг мест находок кладов XV в. в Волжской Болгарии к северу от Камы показывает, что южные районы Волжской Болгарии в XV в. в значительной мере обезлюдели и утратили свою ведущую экономическую роль.

Ю.А. Семыкин

Металлургия железа и металлообработка



Воин Волжской Болгарии XII — начала XIII вв. Реконструкция О.В. Федорова

Металлургии железа и кузнечному ремеслу принадлежало ведущее место в экономической и хозяйственной жизни Волжской Болгарии. Едва ли не единственными источниками для реконструкции организации ремесленного производства и технологии болгарского ремесла по черному металлу являются остатки ремесленной деятельности, полученные в результате археологических исследований. За последние десятилетия вышло немало работ, всесторонне освещающих металлургическое и металлообрабатывающее ремесло Древней Руси. На этом фоне кажется еще недостаточно ясным уровень развития металлургии железа и черной металлообработки у волжских болгар. В то же время источниковая база по данному вопросу значительно пополнилась в результате многолетних археологических исследований на памятниках Волжской Болгарии.

Черная металлургия Волжской Болгарии в целом, и города Болгара в частности, возникла на основе синтеза металлургических традиций пришлого раннеболгарского и финно-угорского населения Среднего Поволжья и Прикамья.

Металлургическое производство Болгара имело все необходимые предпосылки и условия для развития. В связи с развитием пашенного земледелия, сельского и городского хозяйства в Болгаре ощущалась все возрастающая потребность в железных и стальных орудиях, предметах быта и промыслов. Причины военно-политического характера ставили перед населением и феодальной верхушкой города задачу создания надежных средств обороны и нападения — совершенного железного и стального оружия, а также оборонительных доспехов. Судя по свидетельствам письменных источников, болгарские ремесленники производили предметы вооружения и на экспорт.

В распоряжении металлургов и кузнецов Болгара имелись в достатке все необходимые виды сырья, топлива и других компонентов металлургического процесса. Расположение Болгара на важном торговом пути, проходящем по Волге, позволяло использовать и привозные компоненты для металлургического процесса, например, никелевые легирующие добавки со Среднего и Южного Урала.

Уже наиболее ранние остатки металлургических сооружений Болгара, относящиеся к X–XI вв., свидетельствуют о том, что в это время существовали специализированные металлургические мастерские с одним-двумя невысокими наземными металлургическими горнами в форме опрокинутой чаши для восстановления железа из руд, и одним горном кузнечного типа для первичной проковки железной крицы. Конечной продукцией такой мастерской, вероятно, была товарная крица.

Металлографические анализы показали, что качество первичной проковки кричного железа в Болгаре было низким, поэтому основная масса железных изделий из Болгара значительно засорена шлаковыми включениями.

Как показывают подсчеты затрат человеческого труда, необходимого для успешного проведения сыродутного процесса, силами одного человека получение железной крицы было невозможно. В этой работе должны были принимать участие минимум два-три человека, мастер и его помощники — подмастерья. Потребность в таком штате работников была не только чисто физическая. Преемственность металлургических традиций требовала передачи опыта и секретов во многом загадочного и таинственного ремесла металлургов. Это же относится и к ремеслу кузнецов. Следовательно, мы вправе говорить о существовании института ученичества в черной металлургии и металлообработке Болгара уже для раннего периода существования города.

Археологические остатки металлургических горнов и кузнечной продукции Болгара дают основание говорить об узкой специализации и дифференциации металлургического и куз-



*Топор.
XII–XIII вв. НМ РТ*



*Железный наконечник
стрелы. XIII–XIV вв.*



*Боевая маска, забрало,
железо. НМ РТ*



*Золотоордынский
конный латник XIV в.
Реконструкция
М.В. Горелика*

нечного ремесел еще в домонгольское время. Этот вывод согласуется с точкой зрения предшествующих исследователей нашей темы.

К сожалению, археологически изученные остатки металлургических горнов XII — первой половины XIII в. крайне невыразительны и не позволяют судить о них в деталях. Предположительно, в этот период идет дальнейшее совершенствование конструкции горнов со сферическим перекрытием, характерных для более раннего времени.

Развитие металлургических традиций Болгара было прервано монгольским нашествием в 1236 г. Но уже во второй половине XIII в. металлургические и металлообрабатывающие ремесла Болгара вновь достигают значительных успехов. Об этом можно судить как по остаткам металлургического производства, так и по значительно возросшей массе кузнечной продукции.

Для конца XIII — первой половины XIV в. известно несколько различных горнов, значительно отличающихся от ранних горнов X–XI вв. В это время идет интенсивный поиск оптимальных конструкций металлургических печей. Эксперименты в этом направлении затрагивали форму горнов, их рабочий



*Железные наконечники
стрел. XIII–XIV вв.*

объем, габариты, систему дутья, материал и технику строительства корпуса. Косвенные данные говорят о том, что этот поиск коснулся также различных приспособлений и оборудования, предназначенных для обслуживания черной металлургии: воздуходувных мехов, специальных керамических приемников для восстановленного железа и прочее.

Металлургические горны Болгара золотоордынского времени имеют некоторые черты преемственности от домонгольских металлургических сооружений, например, куполообразные перекрытия, зафиксированные у горнов X–XI и XII — первой половиной XIII в.

Со второй половины XIII в. заметна тенденция к увеличению рабочего объема горнов за счет возрастания их вертикальных и горизонтальных габаритов. Эта тенденция явилась, очевидно, отражением возрастающих потребностей в черном металле и попыток увеличения производительности металлургических горнов. Модернизации коснулись, вероятно, и самого технологического процесса восстановления железа. Металлурги, изменяя форму дна горнов, переходят к металлургическому процессу с режимом выпуска шлака самотеком.



Разрез металлургического горна XII — XIII вв. Болгар. Раскопки 2012 г.

Существование в золотоордынский период чугунолитейного производства выявляется в виде многочисленных фрагментов чугунных котлов и развалов крупных горнов с большим количеством воздуходувных отверстий. Металлургия чугуна в Болгаре развивалась на местной технической основе и на опыте богатых традиций производства железа. Однако не исключена возможность заимствования самой идеи чугунного литья болгарскими металлургами у ремесленников, попавших в Среднее Поволжье из восточных районов монгольской державы.

Таким образом, анализ остатков черной металлургии города Болгара свидетельствует о том, что уровень металлургического ремесла на территории города вполне соответствовал техническим требованиям своего времени. А в золотоордынский период металлургия Болгара занимала передовые позиции технического прогресса на территории Восточной Европы.

Основная масса кузнечной продукции, исследованной металлографически, относится к золотоордынскому времени существования города. Для более полной характеристики кузнечного ремесла в домонгольский период необходимо исследовать железные изделия из непотревоженных домонгольских слоев, которых пока мало. В целом микроструктурное исследование кузнечной продукции позволяет отметить следующие характерные черты черной металлообработки Болгара: использование кричного, железа, изначально сильно засоренного шлаковыми включениями. Из такого металла было отковано 16,8% изделий, суммарно датируемых с X по XV в. В кузнечном ремесле Болгара отмечается активное использование высококачественной, специально приготовленной стали. Получение такой стали горновым путем, даже учитывая наличие на Болгарском городище совершенных для своего времени горнов типа Stuckofen, трудно. Способ передела чугуна в сталь был открыт только в конце эпохи средневековья. Высококачественную сталь, которую мы встречаем на орудиях из Болгара, можно получить только способом цементации. Полученную таким путем сталь кузнецы Болгара использовали для наварки на рабочие части высококачественных орудий. 8,7% изделий было отковано из сырцовой неравномерно науглероженной стали, полученной непосредственно в металлургических горнах. Эта сталь отличалась неравномерным распределением углерода в металле и качественно значительно уступала цементованной.

Отмечается значительное разнообразие арсенала технологических приемов в кузнечном ремесле Болгара. По данным металлографических исследований, кузнецы Болгара владели всеми основными приемами горячей и холодной ковки. Наиболее активно в Болгаре кузнецы использовали технологии пакетного металла и косой боковой наварки — по 14,3% от общего количества исследованных предметов. Изделия, целиком откованные из стали, составляют 12,5%. Технология цементации занимает 10,6%. В мень-



Наконечник копья. Железо. XIV в. Болгар. БГИАМЗ



«Чеснок» железный — шипы для защиты от конницы. XIV в. Болгар. БГИАМЗ



Наконечник стрелы. Железо. XIV в. Болгар. БГИАМЗ



Нож. Железо. XIV в. Болгар. БГИАМЗ



Крица товарная. Железо. XIV в. БГИАМЗ



Фрагмент чугунного котла. XIV в. Болгар. БГИАМЗ

шем количестве применялись технологии вварки стальной лезы и торцовой наварки — по 5%. Изделия, откованные в технологии первого варианта V-образной наварки, представлены 3,7%. Технологии трехслойного пакета и второго варианта У-образной наварки составили 1,8% от общего количества изделий. И в единичном случае отмечена технологическая схема наварки железной пластинки на стальную основу.

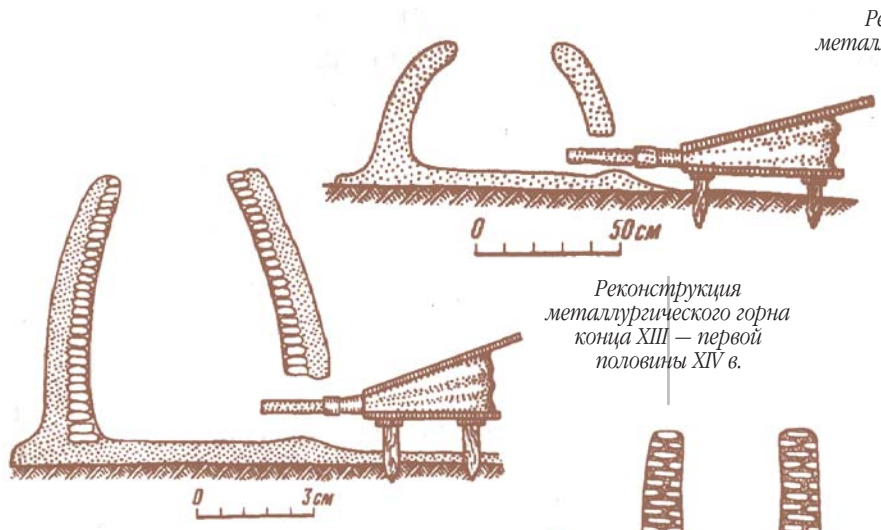
Перечисленные выше процентные соотношения изделий, выполненных по различным технологическим схемам, даны для Болгара суммарно для X–XV вв. Они позволяют говорить о существовании традиционных технологических приемов, практиковавшихся кузнецами Болгара.

Металлографические анализы показали, что наряду с образцами высококачественной продукции среди отдельных категорий изделий встречаются экземпляры бракованной продукции, например, неудачная наварка стальных пластин или пережог металла.

Наблюдение над технологией изготовления массовой продукции, такой как ножи, свидетельствует о стремлении упростить технологический процесс, иногда в ущерб качеству. Большой процент ножей из простого кричного железа и сырцовой стали может быть результатом давления рынка, побуждающего болгарских кузнецов искать способы повышения производительности труда.

Сравнение технологического арсенала кузнецов Болгара с технологией черной металлообработки в Древней Руси и у других соседних народов показывает, что наряду с общими чертами в Волжской Болгарии было и значительное своеобразие. Среди таких своеобразных черт отметим редкое применение технологии трехслойного пакета и частое пакетование заготовок.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что металлообработка Болгара отличалась высоким уровнем развития и яркими характерными чертами.



Реконструкция металлургического горна X–XI вв.

Реконструкция металлургического горна конца XIII — первой половины XIV в.

Реконструкция металлургического горна второй половины XIII — начала XIV в.

Реконструкция металлургического горна конца XIII — первой половины XIV в.

Реконструкция металлургического горна конца XIII — первой половины XIV в.

Реконструкция металлургического горна конца XIII — первой половины XIV в.

Реконструкция металлургических горнов первой половины XIV в.

Реконструкция металлургических горнов первой половины XIV в.

Л.Л. Савченкова

Кузнечная продукция



Железный светильник XIV в. БГИАМЗ

Начало II тысячелетия в Волжской Болгарии является периодом интенсивного развития экономики, основу которой составляют земледелие и ремесло и особенно черная металлургия и металлообработка. Изделия из железа этого региона представлены самыми разнообразными категориями предметов.

На основании изучения археологического материала можно рассмотреть целый комплекс проблем, связанных с процессом экономического развития, и в частности металлургии, как всей Волжской Болгарии, так и одного из ее центров — города Болгара. Немаловажно при этом его углубленное типологическое исследование.

Изделия болгарских кузнецов, отличавшиеся высоким качеством металла и зачастую своеобразием декоративных элементов, издавна попадали в поле зрения собирателей (историков, археологов, этнографов).

В задачу данной работы входят публикация и классификация орудий труда земледелия, скотоводства, рыболовства, инструментария ремесленников, оружия, а также бытовых изделий из Болгара. При работе над темой были использованы материалы, собранные при исследовании Болгарского городища в разное время. Эти археологические коллекции хранятся в ГИМе, ГМТР, музее БГИАЗ. Привлекаются также смешанные коллекции старых собраний (ГИМ, ГМТР), включивших материалы с Болгарского городища. Результаты археологических полевых исследований городища почерпнуты из отчетов, хранящихся в ИА АН Российской Федерации. Кроме того, в качестве аналогии были привлечены материалы Билярского городища, хранящиеся в ГИМ, ГМТР, кабинете археологии КГУ, материалы дореволюционных сборов из Старо- и Ново-Альметьево, городищ Сувар и Балымеры (хранятся в ГИМ). При составлении типологической классификации отдельных категорий предметов были широко использованы работы по систематизации орудий труда как территории Волжской Болгарии, так и Древней Руси.



Игла. Железо. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

В основу классификации каждой категории предметов положено понятие типа как устойчивого ряда признаков.

Морфологический анализ болгарских изделий из черного металла свидетельствует о том, что железоделательное производство Болгар развивалось с домонгольского времени до середины XV в. Расширялась номенклатура изделий и совершенствовалась техника их изготовления. Болгарские кузнецы производили разнообразные железные и стальные орудия труда, инструменты, бытовые вещи.

Формы изделий из черного металла своими корнями уходят в традиции раннеболгарского и финно-угорского населения Среднего Поволжья и Прикамья. В более позднее время на них, безусловно, сказывается влияние и древнерусских традиций. Однако целый ряд форм различных категорий предметов можно назвать болгарскими по своему происхождению: в частности, замки типа AII, типа B, кресала типа B и др. Суммируя наши наблюдения по группам изделий, можно сказать следующее: формы ряда категорий орудий труда и инструментов оставались неизменными с XI в. Среди них такие изделия, как серпы, косы, предметы деревообрабатывающего инструментария, а также кузнечные инструменты. Изменение формы сошников в XI–XV вв. связано с развитием системы земледелия у болгар. У некоторых орудий труда, в частности, топоров и ножей прослежена эволюция отдельных конструктивных элементов, которая может быть связана с упрощением технологии изготовления. Как и на других средневековых памятниках, наибольшим изменениям подвергались формы таких изделий, как замки, кресала и некоторые другие категории бытового инвентаря, что можно отнести, наряду с улучшением конструктивных качеств изделий, и к изменениям вкусов потребителей. Касаясь вопросов морфологии и хронологической классификации изделий из черного металла, мы отмечали раннее появление кузнечного производства и его высокий технический уровень. В X–XI вв. в Болгаре кузнечное ремесло уже существовало как самостоятельная отрасль. Кузнецы этого периода изготовляли продукцию разнообразного ассортимента. После разгрома 1236 г. в развитии кузнечного мастерства наступает некоторый перерыв. Новый этап железоделательного производства относится к золотоордынскому перио-



Железные светцы. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





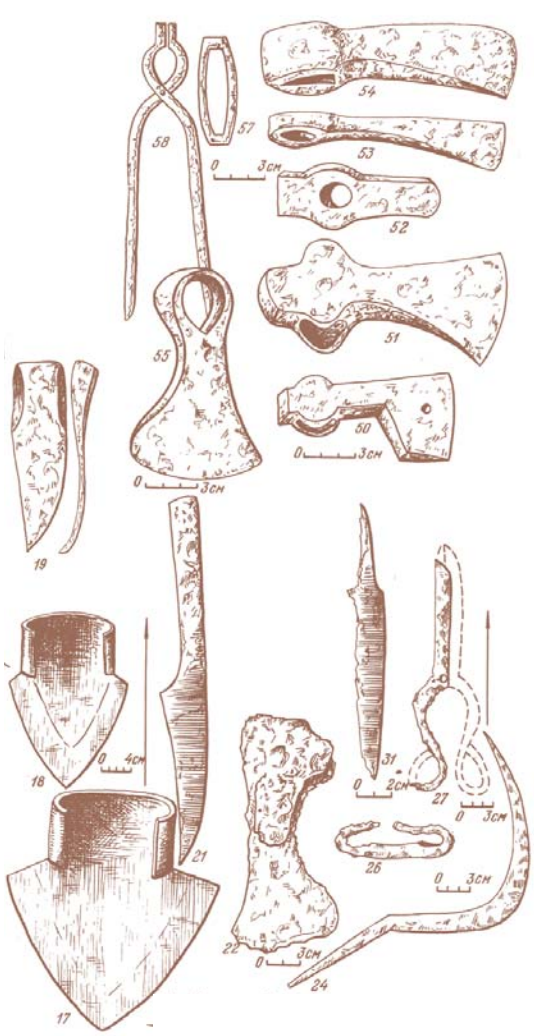
Ножницы по металлу. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

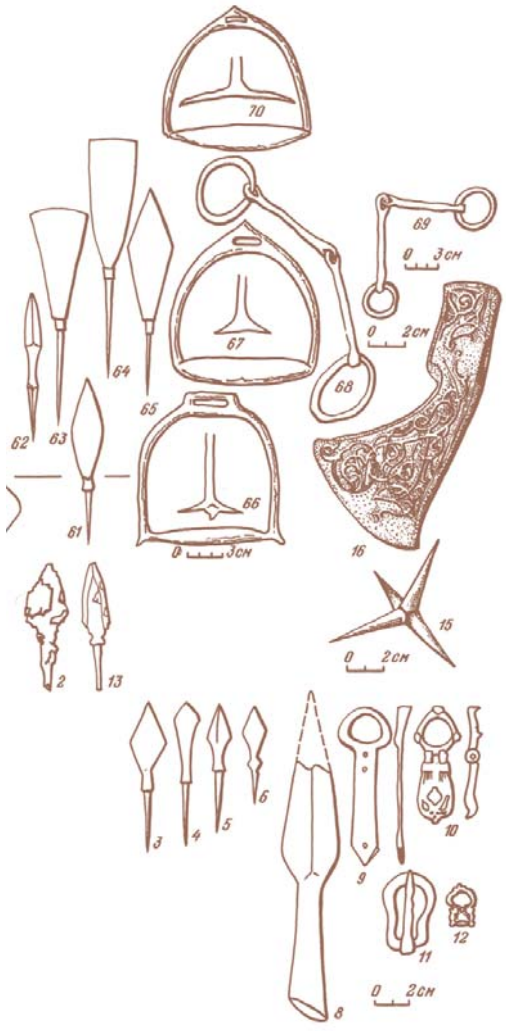


Крючок рыболовный. Железо. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Гарпун. Железо. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





Разнообразные железные изделия Волжской Болгарии. 17–21 — Пахотные орудия: лемехи, чересла, сошники; 16, 22, 50–54 — разнообразные топоры, в том числе 54 — тяжелый топор без щековиц с широким лезвием и срезанной нижней частью (золотоордынское время); 55 — тяжелая мотыга XIII — XIV вв.; 2–6, 14, 61–65 — наконечники стрел XIII — XIV вв.; 15 — «чеснок» — шипы для защиты от конницы XII — XIV вв.; 26, 56, 57 — кресала; 27— ножницы; 31— нож; 24 — серп



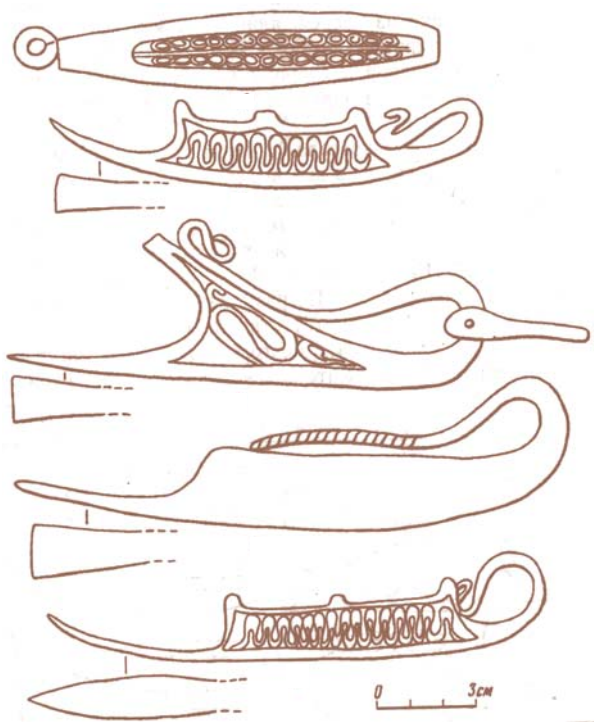
Серп. Железо. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Замок двухцилиндровый. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Ключ от двухцилиндрового замка. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Кресала. Тип В

ду в жизни Болгара. Он отмечен, в первую очередь, появлением чугунных котлов, что может быть связано с заимствованием восточной технологии изготовления чугуна.

Как показывают исследования Ю.А. Семыкина, в кузнечном ремесле Болгар прослежен разнообразный арсенал технических приемов. Автор пришел к выводу, что болгарские кузнецы владели всеми основными приемами горячей и холодной ковки. Кузнечные изделия предназначались для широких слоев как городского, так, возможно, и окрестного сельского населения, для продажи на рынок.

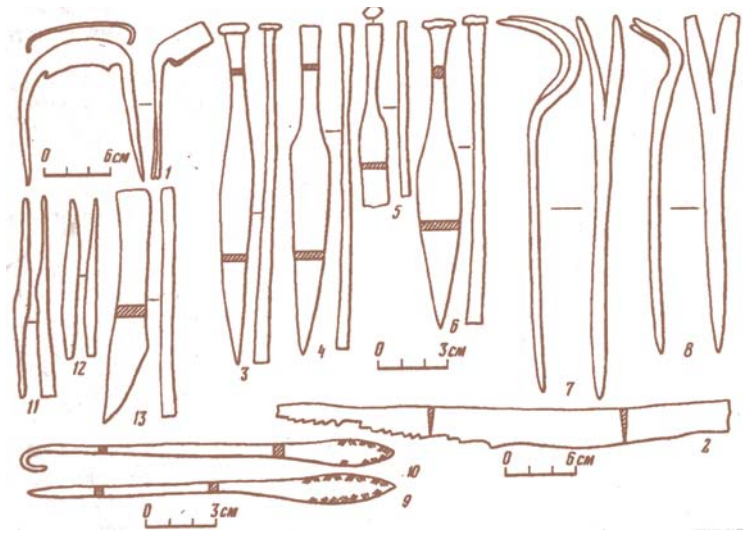
На основе исследованного материала можно говорить о существовании наряду с кузнецами-универсалами узкой специализации среди мастеров, о чем свидетельствует стандартизация



Долото. Железо.
XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Коса. Железо.
XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Орудия деревообработки.
1 — скобель; 2 — пила;
3–6 — долота; 7, 8 —
гвоздодеры; 9, 10 —
сверла; 11, 12 —
стамески. Болгар



Пряжка подпружная.
Железо. XIII–XIV вв.
БГИАМЗ

ряда конструктивных и технологических приемов в производстве изделий из железа.

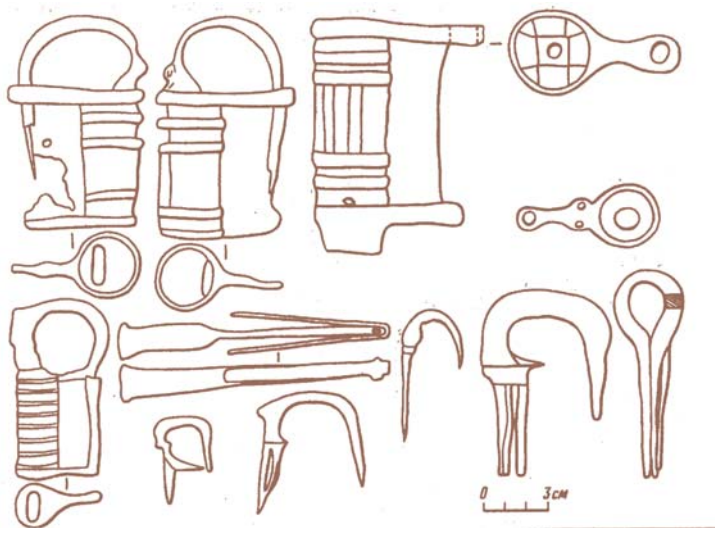
Вышесказанное позволяет предполагать существование в болгарском кузнечном ремесле школ ученичества и ставить вопрос о форме организации этого вида ремесла.

Изучение изделий из железа в Болгаре дает возможность исследовать культурные связи с соседними территориями. Общность многих форм орудий труда, бытовых предметов говорит о тесных связях с Древней Русью, а также населением Урала и Нижнего Поволжья. Наряду с этим следует отметить, что целый ряд форм изделий из черного металла имеют, по всей вероятности, общеевропейский характер, так как морфологически совершенно идентичны на разных средневековых памятниках. К последним относятся сельскохозяйственные, универсальные и целый ряд кузнечных орудий.

Таким образом, проведенный морфологический анализ изделий из черного металла свидетельствует о том, что развитие этого вида болгарского ремесла шло в русле эволюции общеевропейского ремесла, сохраняя при этом самобытные черты раннеболгарской традиции.



Топорик. Железо.
XIII–XIV вв. БГИАМЗ



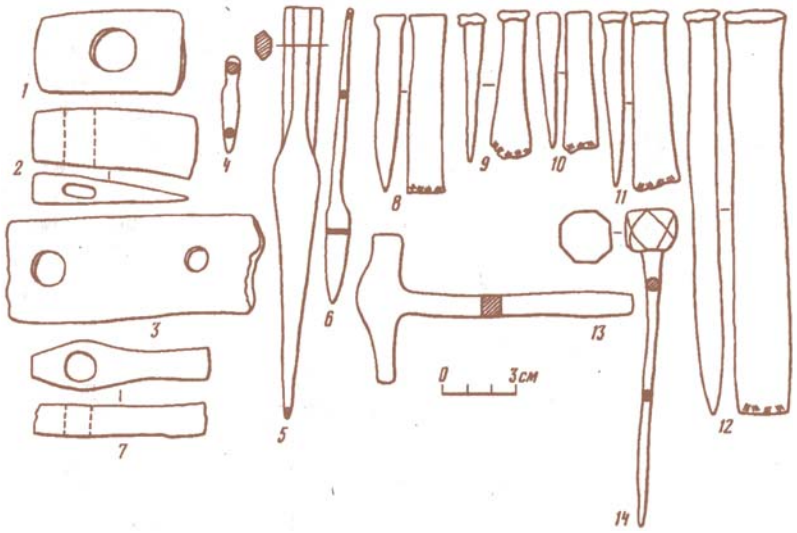
Замки, детали замков.
XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Кресало калачевидное.
XIII–XIV вв. БГИАМЗ



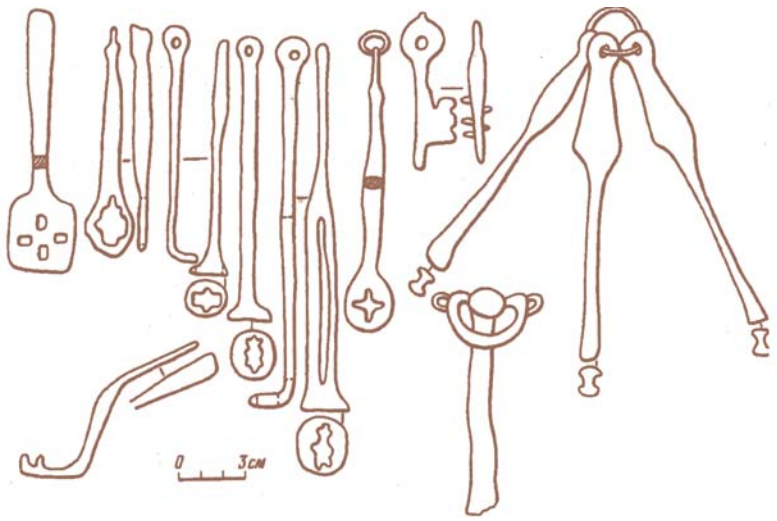
Кресало калачевидное.
XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Орудия металлообработки. 1 — кузнечный молот; 2 — кузнечный молоток; 3 — гвоздильня; 4–6 — пробойники (бородки); 8–12 — зубила; 7, 13 — молотки; 14 — ювелирная наковаленка. Болгар



Чугунный котел. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





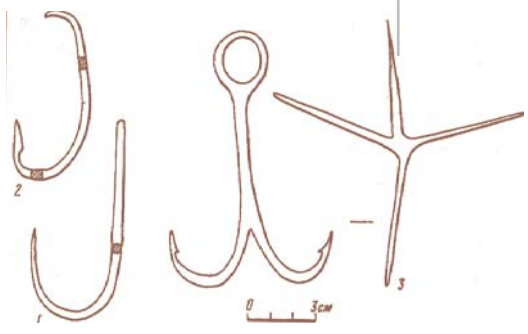
Ключи. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Рыболовный четырехконечный крючок типа «Якорь». XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Орудия рыболовства. 1, 2 — крючки типа А; 3 — крючки типа Б





Путы. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Удила. Железо. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Г.Ф. Полякова

Изделия из цветных и драгоценных металлов

Среди огромного количества находок, собранных на Болгарском городище, несомненный интерес представляют изделия из цветных и драгоценных металлов, поражающие своей многочисленностью, обилием форм, богатством орнаментальных мотивов и разнообразием технических приемов изготовления.

Исходя из результатов проделанного типологического анализа и датировки огромного количества материала из цветных и драгоценных металлов его можно расчленить на три хронологические группы. Первая группа включает предметы X–XI вв., вторая XII — первой половины XIII в., а третья — второй половины XIII — начала XV в. Это деление соответствует основным культурным напластованиям, зафиксированным в процессе археологического изучения Болгарского городища.



Медный котел. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Замок зооморфный бронзовый с идолом-«уродцем» («Маклашеевский всадник»). Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Бронзовые матрицы для штамповки украшений. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Первая хронологическая группа объединяет изделия, относящиеся к начальному периоду существования города Болгара. Он возник на рубеже IX — начале X в. и первоначально располагался на мысу, ограниченном с севера краем волжской террасы, с юго-востока, крутым склоном Иерусалимского оврага и с напольной стороны двумя рвами. К изделиям этого времени отнесены каменная литейная форма, матрица и разнообразные украшения. Литейная форма предназначалась для изготовления украшений поясных ремней. Гнезда располагались на всех шести ее гранях и заполнялись металлом открытым способом. Матрица, имеющая четырехугольные очертания, использовалась для тиснения крупных нашивных блях. Большим числом находок представлены украшения. Среди них 69 подвесок, 8 шумящих украшений, 5 бубенчиков, фибула скандинавского типа, 3 нашивных бляхи, 12 пряжек, 5 наконечников ремней, 18 поясных блях, 5 блях для боковых ремней, 3 распределителя ремней, 6 свинцовых грузиков, три рукояти огнива и другие предметы.

Подвески имеют преимущественно шаровидную и грушевидную (В-VI, 2) форму. Подобные изделия широко представлены в Танкеевском могильнике. Кроме того, одна подвеска (В-IV-1) плоская, фигурная, с изображением на фоне плетенки личины человека и звериных морд по краям близка по трактовке орнамента скандинавским украшениям конца IX — начала XI вв. Среди шумящих украшений — плоские коньковые (В-I-3, 4), умбоновидная (В-VI-1), арочные (В-VII-1, 3) и трапециевидные (В-XI-1) подвески. Шумящие украшения типов В-I-1, В-VI-1 и В-VII-1 являются по происхождению прикамскими. Украшение типа В-I-4 имеет аналогии в Лядинском могильнике. Подвеска типа В-VII-3 близка мерянским украшениям X — первой половины XI в. Желудевидные бубенчики с щелевидной прорезью (В-II-1, В-III-1) имеют аналогии в Танкеевском могильнике. Грушевидные крестопрорезные бубенчики (В-I-1),



Слиток бронзы в форме округлой лепешки с тамгой. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Тигель для плавки бронзы. XII–XIV вв. БГИАМЗ

вероятнее всего, появились в Болгарах из Древней Руси. К указанному времени относятся также четырехугольные нашивные бляхи типов В-II-1 и В-III-1, являющиеся характерным болгарским украшением, что подтверждается большим числом находок этих изделий, а также матриц для их тиснения в пределах Волжской Болгарии. Большим разнообразием характеризуются детали поясных и сбруйных ремней. Многие из них имеют широкий круг аналогий в синхронных памятниках оседлого и кочевого населения Евразии. Таковы двурамчатые лировидные и рамчато-щитковые (В-IIIа-1, В-IIIб-1, В-IIIв-1, В-IIIг-1, В-IIIд-1, В-IIIз-1) пряжки, сердцевидные (В-VII-1, 2, 3, 4), четырехугольные (В-IXа-1, В-IXд-1), пятиугольные (Б-I-1) и многоугольные (В-XI-1) бляхи, а также бляхи для бо-



Свинцовая пломба. XI–XIV вв. БГИАМЗ



Бронзовые замки и ключи. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Коньковая подвеска (бронза). Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Бронзовые бубенчики. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

ковых ремней типов В-VIa-1, В-VII-1, 2, 3, 4, круглые рамчатые (В-I-1, 2) и Т-образные (В-III-1) распределители ремней. Наконечники ремней типов В-II1, В-III-1 и В-IV-1, а также кольцевидная бляха типа В-IVa-1 имеют аналогии в прикамских памятниках. Из Прикамья происходят, очевидно, и три рукояти огнив.

На материале рассматриваемых изделий первой хронологической группы прослеживаются разносторонние культурные и экономические связи не только с соседними, но и с очень отдаленными территориями. Интересны в этом отношении свинцовые грузики. Для рассматриваемого периода характерны небольшие усеченно-конические грузики с орнаментированной поверхностью (В-I-2, 3, 4). Они имеют аналогии в Нариджане и других среднеазиатских памятниках X–XII вв. Изделием иранского или среднеазиатского производства является серебряная поясная бляха с арабской надписью (Б-I-1). Несомненно, скандинавскими следует считать равноплечевую фибулу и подвеску с человеческой личиной на фоне плетенки (В-IV-1). Все эти вещи служат прекрасным дополнением к общепринятой характеристике Болгар как центра международной торговли.

К изделиям из цветного металла XII — начала XIII в., составляющим вторую хронологическую группу, относятся 2 серьги, 6 височных колец, 3 перстня, 10 браслетов, подвеска, 13 шумящих украшений, 10 бубенчиков, 6 поясных пряжек, зеркало, 3 свинцовых грузика. Среди этих изделий многие экземпляры сделаны из серебра. Таковы серьги типа Б-III-1. Они вырезаны из пластин и украшены сканью и янтарными вставками. Серьги обнаружены в кочевническом погребении домонгольского времени. Аналогии им среди материала Волжской Болгарии неизвестны. Вероятнее всего, эти изделия являются привозными. При исследовании того же погребения обнаружено зеркало типа В-I-3. Это единственная среди многочисленного собрания болгарских зеркал находка,



Золотое височное кольцо из Кожаевского клада. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Золотая серьга в виде несомкнутого кольца из круглой проволоки с полым шариком и ажурной бусиной. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Золотая серьга в виде несомкнутого кольца из круглой проволоки с полым шариком и ажурной бусиной. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Кожаевский клад XII–XIII вв. БГИАМЗ



Золотое височное кольцо XII–XIII вв. Болгар. БГИАМЗ

которую с полным основанием можно отнести к домонгольскому времени. По-видимому, оно тоже является привозным. Височные кольца, отнесенные ко второй хронологической группе, имеют трехбусинную форму. У пяти экземпляров бусины желудевидные (А-II-1, В-I-2). Эти украшения признаны наиболее характерными для Волжской Болгарии домонгольского времени. Еще одно височное кольцо имеет трехсоставные бусины, украшенные зернью и сканью (В-I-3). Аналогичные кольца чаще всего встречаются на Верхней Каме в памятниках позднего этапа родановской культуры и в Западной Сибири. Перстни, происходящие из Болгар, серебряные, кованые, с шестиугольным щитком, украшенным гравировкой и чернью (Б-II-1, 2, 3). Большое число подобных перстней имеется в кладах домонгольского времени. Браслеты, отнесенные к рассматриваемой группе, изготовлены из серебряной проволоки в технике свободного витья, придающего изделиям ажурность (Б-I-3). Аналогии им также отмечены среди вещевого материала болгарских кладов домонгольского времени. В данную группу включена и ажурная подвеска типа В-IV-2, имеющая близкое сходство с бляхой из Новоникольского могильника на Оби. Среди шумящих украшений преобладают экземпляры прикамского происхождения. Это якорьковые (В-V-1), арочные (В-VII-2), кольцеобразные (В-VIII-1) и в виде изогнутой планки (В-IX-1) подвески. Бубенчики имеют шаровидную (В-III-2, 3) и грушевидную (В-I-2) форму. Однотипные шаровидные бубенчики встречены в Биляре и в домонгольских памятниках Древней Руси. Аналогии грушевидным бубенчикам отмечены в Ликинском могильнике на Оби. К деталям поясного набора XII — начала XIII в. отнесены шесть пряжек. Пять из них — двурамчатые лировидные (В-IIа-2, 4, 5). Аналогии им известны в древнерусских памятниках. Одна пряжка ажурная с головкой на конце (В-IVб-1). Подобные изделия встречены в Биляре. Кроме того, близкая по форме пряжка найдена



Серебряные витые браслеты. Болгар. XI–XII вв. БГИАМЗ













Серебряные перстни с чернью. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





Инструментарий ремесленника-ювелира: медный пинцет. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Инструментарий ремесленника-ювелира: молоточек. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



в Новгороде в слое XII в. По-прежнему использовались в быту свинцовые грузики, причем, наряду с ранее известной формой, появляются усеченно-конические грузики с вогнутым верхним основанием и цилиндрическим стерженьком в центре (В-III-3).

Продукция местных мастеров, конечно, не ограничивалась только перечисленным набором изделий. Она была намного разнообразнее. Это убедительно показано в работе Т.А. Хлебниковой, посвященной исследованию ремесленного производства Волжской Болгарии домонгольского времени. Наши материалы подтверждают и дополняют эти выводы.

Включение Волжской Болгарии в состав Золотой Орды не изменило основ ее экономики. Как и в предыдущий период, главным занятием населения были земледелие и скотоводство. Продолжали развиваться различные виды ремесел — гончарное, железоделательное, кузнечное, бронзолитейное, косторезное, кожевенное, деревообрабатывающее и т. д. Совершенствовалась техника различных производств. Большой размах приобрело бронзолитейное производство. В ремесленном районе в северной части города, где еще в домонгольское время функционировали плавильная яма и горн, сооружаются новые медеплавильные горны. Кроме того, значительное скопление медных шлаков, выплесков и обрезков медных пластин открыто в районе Голландского озера. Здесь в золотоордынское время возник новый ремесленный район. В разных пунктах городища зафиксированы следы мастерских медников и ювелиров.



Кувшины из клада бронзовой посуды. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Золотое кольцо. Концы шинки оформлены в виде голов дракона. XIV в. Болгар. БГИАМЗ

Чрезвычайно многочисленны и разнообразны изделия из цветных и драгоценных металлов золотоордынского времени, составляющие третью хронологическую группу. К ним относятся 4 бляхи для головных уборов, 91 серьга, 4 височных кольца, 2 бусины, 46 перстней, 129 браслетов, 10 подвесок, 28 пуговиц, 5 костылько в, 18 бубенчиков, 79 нашивных блях, 158 деталей поясных и сбруйных ремней, 3 копоушки, 9 пинцетов, 878 зеркал, 4 предмета мусульманского и языческого культа, 84 грузика, 92 замка, 8 матриц, 9 «печатей». На основании типологического анализа этих категорий изделий выделяются наиболее характерные для золотоордынского времени формы предметов: розетковидные бляхи для головных уборов, серьги в виде небольших проволочных колец в виде знака вопроса, щитковосрединные перстни, браслеты пластинчатые, витые со вставками на концах, гладкопроволочные, дротовые, бубенчики шаровидной формы с линейной прорезью, завершающейся круглыми отверстиями, и с Т-образной прорезью и бубенчики с уплощенной верхней частью, нашивные бляхи в виде розеток, цветков лотоса и прямоугольных пластин с тисненым орнаментом в виде плетенки и стилизованного растительного узора, большие серии поясных украшений, зеркала, предметы языческого культа в виде антропоморфных фигурок, свинцовые грузики, замки в виде фигурок животных и цилиндрической формы и т. д.

Многие из указанных изделий имеют аналогии в материале золотоордынских городов Нижнего Поволжья. После включения Болгарско-



Золотые серьги в форме знака вопроса — типичные украшения золотоордынского времени. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ







Бронзовая матрица для штамповки украшений. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Серебряная гривна. XIII–XIV вв. Болгар. БГИАМЗ



Серебряные перстни с чернью. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





го государства в состав Золотой Орды исчезают хорошо известные по вещевым кладам домонгольского времени височные кольца с желудевидными бусинами, витые из шести проволок ажурные браслеты и гривны, шейные цепочки с подвесками, замки в виде фигурок львов и т. д. Облик культуры волжских болгар, развиваясь на основе достижений домонгольского периода, приобретает черты, свойственные культуре Золотой Орды.

Приведенный выше перечень предметов, составляющих третью хронологическую группу, свидетельствует о широком ассортименте продукции, выпускаемой местными ремесленниками. Очень разнообразны были и используемые ими приемы при изготовлении ювелирных изделий. Многие предметы отлиты в каменных формах различного устройства, в том числе имитационных. Нередко применялись и глиняные формы. Так, большинство зеркал отлито по оттиску в глине готовых изделий. Есть предметы, выполненные по восковой модели, например, шумящие украшения. Об изготовлении изделий способом тиснения говорят находки матриц и многочисленные экземпляры тисненых блях. Встречаются изделия из волоченой проволоки — серьги, витые браслеты. Иногда поверхность украшений покрывалась позолотой. Многие предметы прекрасно декорированы. Узор чаще всего наносился гравировкой или пунсоном. Встречаются также зернь и скань. Орнамент в целом соответствует художественному стилю Золотой Орды, характеризующемуся богатой разработкой растительных, геометрических, эпиграфических и зооморфных узоров. Разнообразие мотивов декора отражает сложный процесс становления культуры золотоордынского периода, впитавшей в себя традиции и достижения многих покоренных народов.

Ремесленная продукция этого времени, характеризующаяся большим разнообразием



Медная посуда. Вторая половина XIV в. Болгар. БГИАМЗ

Бронзовая накладка из слоя разрушения караван-сарая. Вторая половина XIV в. Болгар. БГИАМЗ



Серебряный наконечник ремня. XIV — первая половина XV в. Болгар. БГИАМЗ



Клад XIV в. у речного вокзала. Раскопки 2010 г. В.С. Баранов. БГИАМЗ

форм и, вместе с тем, серийностью производства многих видов изделий, позволяет говорить о глубокой специализации среди медников и ювелиров. Массовый выпуск качественных изделий требовал хорошего знания технологии их производства, специального инструментария и необходимого исходного сырья. Ремесленники, руководствуясь своими возможностями и рыночным спросом, специализировались на выпуске определенных видов продукции. В ходе раскопок на городище открыты, как уже говорилось, следы деятельности ремесленников различной специализации. Возможно, существовали специализированные мастерские по изготовлению замков, свинцовых грузиков, зеркал, браслетов, накладок на рукояти ножей, обработке листовой меди и т. д., о чем свидетельствуют большие серии однотипных находок этих изделий. Специальность ювелира упоминается в эпитафии на болгарской могильной плите 1317 г.: «Он есть живой (бог), который не умирает. Краса молодцов, главный нерв сердец, почитатель ученых, кормилец вдов и сирых, сын Мусы, золотых дел мастер (выделено мною. — *Г. П.*), Шагид улла...»

Широко используя все многообразие приемов, освоенных еще мастерами предшествующих периодов, ремесленники золотоордынского времени постоянно совершенствовали производство изделий из цветных и драгоценных металлов. В свою очередь, накопленный ими опыт был воспринят ювелирами и медниками казанских татар.





Каменные литейные формы. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Серебряный браслет. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Серебряная пуговица XIV в. БГИАМЗ



Золотая овальная пуговица (подвеска) с псевдозернью. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





Золотые перстни из клада XIV в. у речного вокзала. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Т. А. Хлебникова

Неполивная керамика

Керамика в Болгарах обильна и многообразна. Для ее анализа имеется более тысячи полных и реконструированных сосудов. Статистическую обработку по принятой для полевой фиксации схеме прошло огромное количество обломков глиняной посуды. Достаточно сказать, что в среднем за сезон проходили полевую обработку 8–12 тыс. фрагментов, а на остатках гончарных мастерских с одного раскопа их обрабатывалось до 15–16 тыс. Однако сегодня весь этот материал нуждается и более углубленном анализе с учетом как статистических, так и топографических данных. Автор данного очерка ставил перед собой задачу рассмотреть керамику Болгара и тяготеющих к нему поселений, со временем включенных в его территорию, с этих позиций, дать картину керамики Болгара в развитии — от возникновения города до его гибели, а также определить ее этнокультурную принадлежность. В основе исследования лежит изучение коллекций керамики, сформированных в результате многолетних раскопок на Болгарском городище, проводившихся с 1938 по 1971 г.

Полученные данные позволяют достаточно полно представить неполивную керамику Болгарского городища в ее этнокультурном отношении, где наблюдается большое разнообразие. По комплексу признаков, определяемых визуально (техника производства, оформление сосудов) и путем корреляции форм, в керамике Болгара можно выделить все этнокультурные группы, свойственные памятникам волжских болгар домонгольского периода.

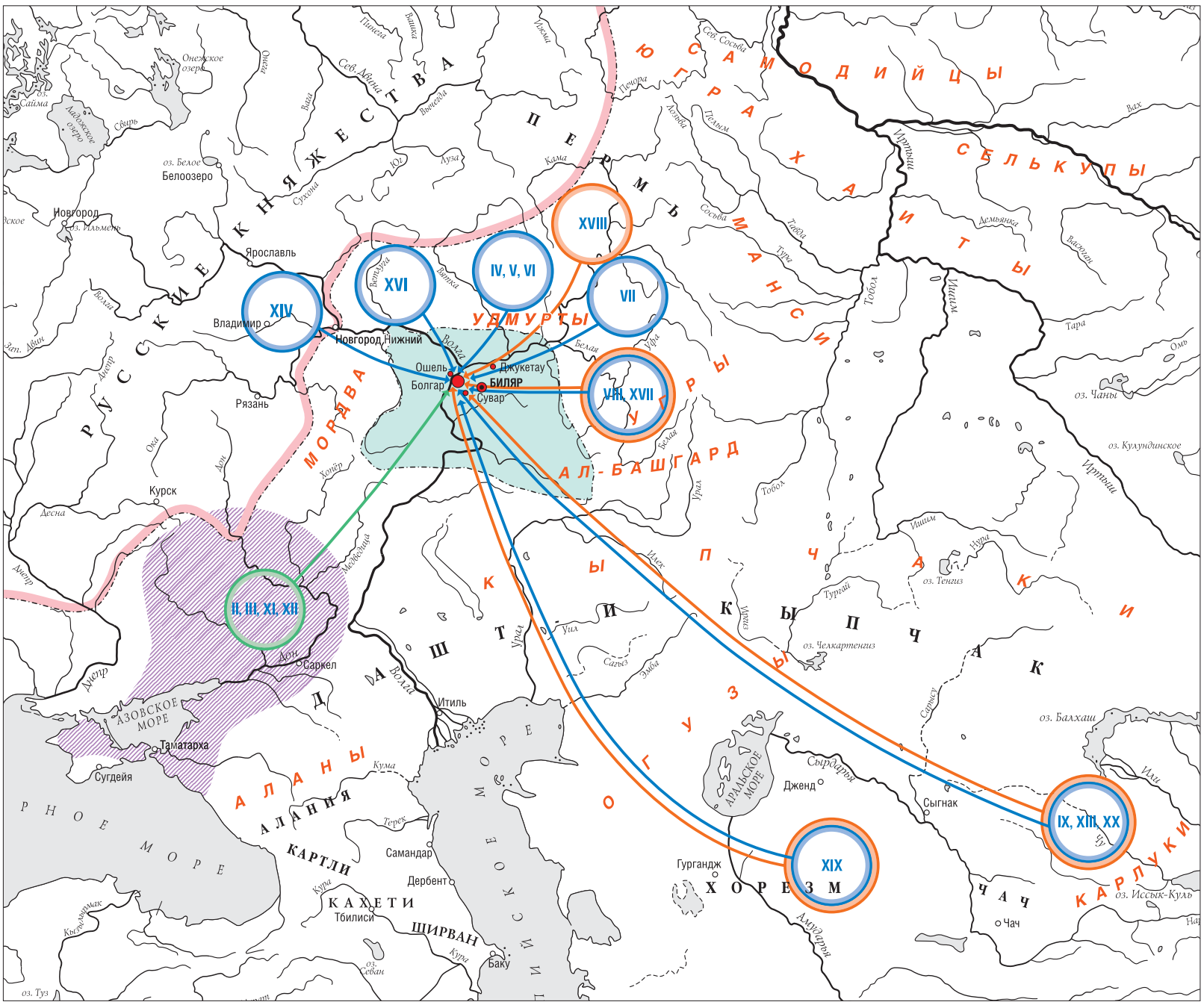
Многочисленной и наиболее характерной для керамического комплекса Болгара является керамика I группы ремесленного производства. Во всех напластованиях она превалирует над традиционной керамикой, преимущественно домашнего изготовления. Керамика I группы, рассчитанная на широкий, главным образом рыночный, сбыт, развивается под воздействием на нее керамики различных этнокультурных групп и является отражением разносторонних этнических контактов волжских болгар. Поэтому, целесообразно разбору керамики I группы предпослать анализ керамики различных этнокультурных групп, уже выделившихся по другим памятникам болгар, по направлениям их истоков.

Салтово-маяцкие истоки имеют II, III, XI и XII группы керамики Болгара. II группа представлена 12 крупными фрагментами, пригодными для реконструкции форм, и несколькими десятками более мелких фрагментов. Все они несут признаки формовки от руки из теста с примесью шамота (иногда с растительной добавкой в нем), имеют неровный обжиг серого, буро-серого и желтовато-серого цвета. Горшкам II группы Болгара свойственна орнаментация в виде защипов и вдавлений по наружному краю венчика, блоковидная и раструбообразная горловина с закругленным, несколько утолщенным краем венчика.

Этнокультурное определение этой керамики как кочевнической с истоками в тюркоязычной среде кочевого населения салтово-маяцкой культуры и Хазарского каганата сделано на достаточно широком круге памятников домонгольского времени. По исследованиям С.А. Плет-



Керамика Волжской Болгарии



Истоки традиций производства неполивной керамики Болгара

Территория Волжской Болгарии, XI–XIII вв.

Граница русских княжеств, XII в.

Населенные пункты

Города Волжской Болгарии

Города

Салтово-маяцкая культура ранних болгар и алан

Районы происхождения традиций производства посуды и время их появления в Болгаре

X—XI вв.

XI—XIII вв.

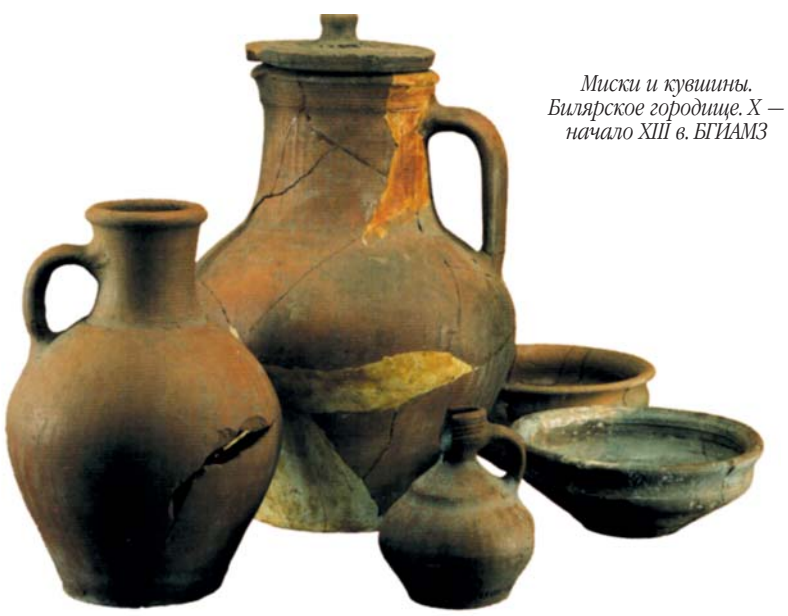
XIV—XV вв.

XIV
Группы керамики

Подписи

ХОРЕЗМ
государств и областей

АЛАНЫ
племен и народов



Миски и кувшины. Билярское городище. X — начало XIII в. БГИАМЗ

невой, подобную керамику в памятниках салтово-маяцкой культуры оставили различные кочевые народы: болгары, хазары, печенеги, гузы.

III группа керамики Болгара — это в основном гончарная посуда из теста с хорошо заметной примесью песка, иногда с добавкой к нему растительных остатков и мелкого шамота. Для них характерны следующие черты: оформление закругленным, иногда с припухлостью края, венчиком, рифление по тулову в сочетании с размашистой волной на плечике и тулове.

Салтово-маяцкие истоки имеет и XI группа керамики. Ее в Болгарах больше, чем керамики II и III групп. В настоящее время она представлена фрагментами верхних и придонных частей горшков и крышек, по которым возможна их графическая реконструкция. В целом это выделанная от руки посуда, иногда с подправкой, а иногда и с признаками производства на кругу или вращающейся подставке, выполнена из довольно грубой глиняной массы с примесью шамота различной измельченности, дополняющегося в некоторых случаях мелкой дресвой. Цвет посуды серый, желтовато-серый или бурый, иногда до красноватого оттенка.



Кружка. Керамика. Волжская Болгария. X–XI вв. БГИАМЗ

Представленные образцы керамики XI группы свидетельствуют о наличии в ней всех характерных для других памятников приемов оформления — многозонных горизонтальных, волнообразных, резных линий по плечику и тулову, насечке и гребенчатых отпечатков по скошенному наружу краю венчика.



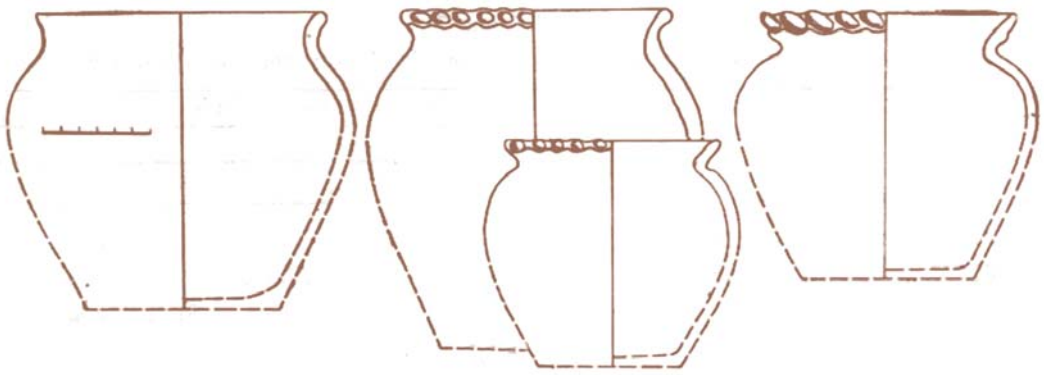
Кружка. Лепная керамика. Волжская Болгария. X–XI вв. БГИАМЗ

Отсутствие XI группы керамики в других памятниках второй половины домонгольского периода и отсутствие связи ее с V слоем в Болгарах позволяет сделать вывод, что и эта посуда, как и посуда III группы, бытовала на протяжении первой половины домонгольского времени, будучи вытеснена затем из употребления ремесленной посудой.

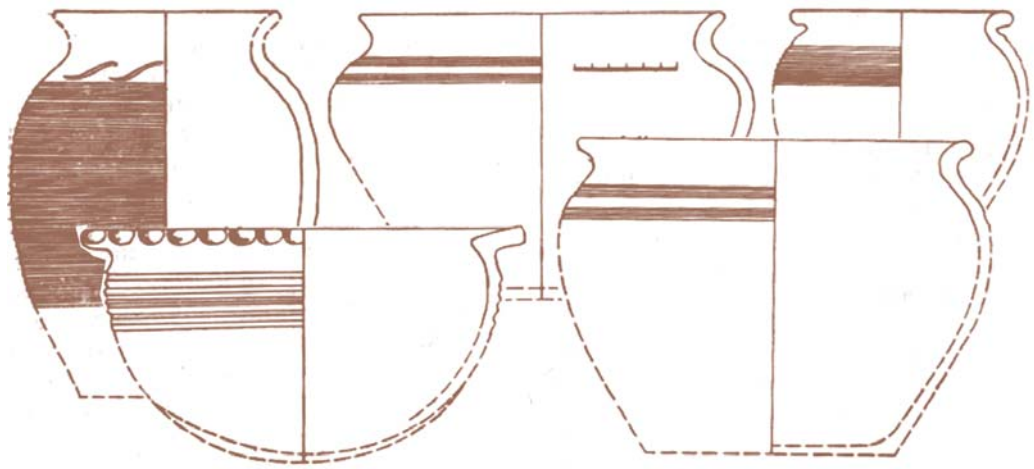
Как известно, вместе с керамикой II, III и XI групп, в основном болгарского тюркоязычного населения салтово-маяцкой культуры, в Волго-Камье попало и небольшое количество раннеславянской посуды XII группы. Она встречается и в Болгарах в виде нескольких фрагментов. Эти фрагменты свидетельствуют о ручной выделке этой посуды из теста с песком и шамотом (один из них имеет также дресвяную примесь серого цвета). Орнамент представляет собой веревочные отпечатки от жгута, намотанного на палочку, или их имитацию.

Заключая раздел о керамике с истоками в салтово-маяцких памятниках, следует отметить единовременность появления и сосуществование всех ее групп на протяжении X–XI вв. И если население, производившее II группу так называемой кочевнической керамики, сохраняло еще традицию домашнего изготовления на протяжении второй половины домонгольского периода, то население, производившее остальные группы традиционной посуды, перешло в это время, по-видимому, полностью на использование ремесленного производства кухонной посуды, которую уже в X–XI вв. гончары создавали с учетом особенностей керамики III и XI групп. XII группа керамики, весьма малочисленная, просто изжила себя.

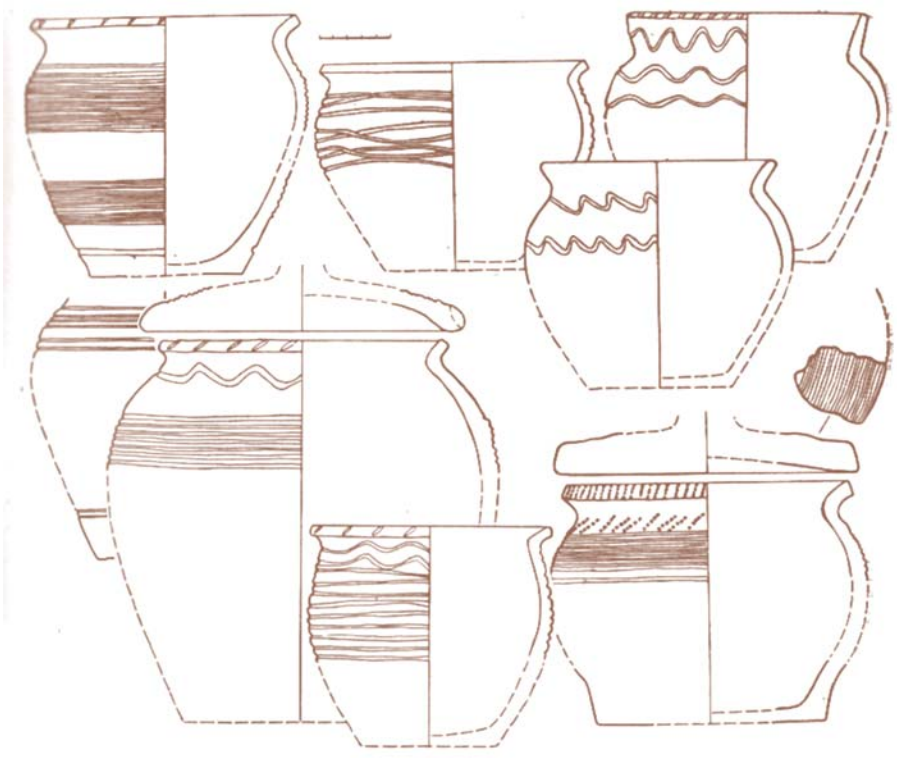
Керамика салтово-маяцких истоков



II группа керамики



III группа керамики



XI группа керамики



XII группа керамики



Лепные круглодонные сосуды. Танкеевский могильник. Конец IX в. ИИ АН РТ

Несмотря на различия по комплексу признаков, керамика II, III и XI групп связана единым происхождением с регионом Хазарии, с различными ее тюркоязычными племенными группировками, и главным образом с болгарскими в их культурно-хозяйственных вариантах. Это единство было залогом создания общей для волжских болгар ремесленной посуды, кухонные формы которой возникли на основе рассмотренной керамики салтово-маяцких истоков.

Керамика прикамских истоков в Болгаре представлена образцами IV, V, VI и VII групп. Из них образцы IV, V и VI немногочисленны и не особенно выразительны, что неудивительно, так как эти группы посуды с истоками из района Верхней Камы и Чепцы известны главным образом по памятникам раннеболгарского периода истории волжских болгар.

Десять образцов IV, V, VI групп происходят от сосудов, выделанных от руки из глиняного теста с толченой раковиной с добавками известняка в образцах IV, шамота в V и песка в VI группах (черепок керамики IV группы имеет большую плотность).

В IV и V группах есть образцы, стратиграфически связанные с VI слоем, а в VI группе — с V, что, несмотря на небольшое количество, указывает на бытование керамики этих групп в Болгаре.

VII группа керамики в Болгаре гораздо более выразительна. Лепная из глины с толченой раковиной круглодонная (иногда с приуплощенностью) посуда серого и бурого цвета имеет горшковидную и чашевидную форму с закругленным или утоньшенным и скошенным вовнутрь краем венчика. Высокая подцилиндрическая горловина сосудов этой группы всегда оформлена веревочным орнаментом (чаще всего в виде косички) из 2–5 сдвоенных или строенных рядов. По плечику сосудов почти всегда гребенчатые многозубчатые отпечатки различного рисунка. Скошенный край венчика иногда оформлен нарезками или гребенчатым орнаментом.

Все реконструирующиеся сосуды VII группы происходят из центральной части городища, включая посад. Половина их стратиграфически связана с VI и V домонгольскими напластованиями, но по три сосуда найдено в IV раннем и IV позднем золотоордынских слоях.

Из этого можно заключить, что традиция изготовления VII группы керамики в Болгаре существовала и в золотоордынский период.

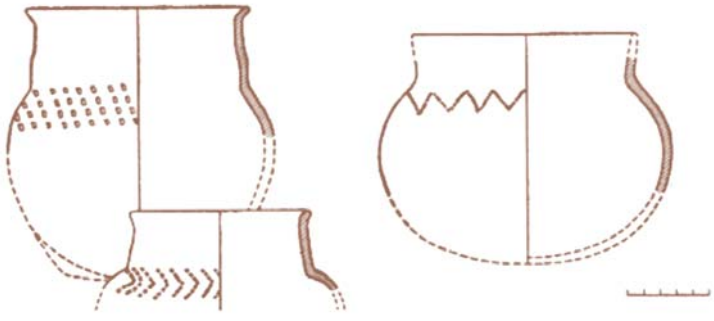
Этнокультурная принадлежность VII группы керамики, возникшей на финно-угорской почве в Верхнем Прикамье, где определяющим в бассейне р. Сылвы был угорский компонент, с последующим развитием и распространением ее в Нижнем Прикамье и шире — в пределах Волжской Болгарии, достаточно обоснованна.

В сравнении с немногочисленными IV, V и VI группами также прикамских истоков VII группа керамики гораздо более выразительна и связана с центральной частью города, где и проживало, видимо, в основном производившее ее население.

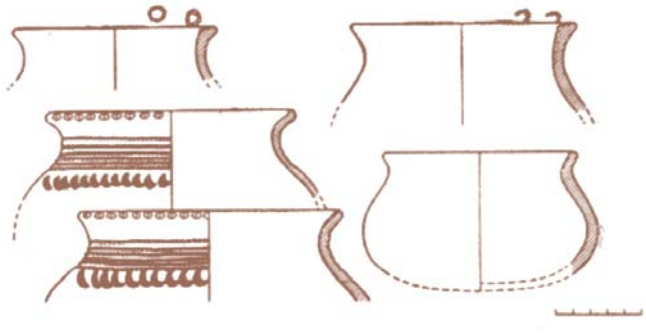
Керамика приуральского происхождения в Болгаре представлена VIII группой, продолжающей традиции позднекушнаренковской керамики башкирского Приуралья, и XVII группой, возникшей уже на основе развития VIII группы.

Эта керамика домашнего производства сделана вручную целиком или с применением вращения при формовке верхней части сосудов, изготовлена из теста с мелкими добавками (песок, реже — шамот и небольшое количество толченой раковины). Черепок плотный, цвет серый. Орнаментирована по горловине и плечику, а иногда и по краю венчика прямыми и волнообразными резными линиями, поясками из неглубоких овальных и прямоугольных выемок, иногда гребенчатыми отпечатками. Орнамент тонкий, неглубокий. Край венчика с утоньшением закруглен, прямосрезан или скошен вовнутрь. Форма сосудов горшковидная и чашевидная с округлым или приуплощенным дном. Исследователи

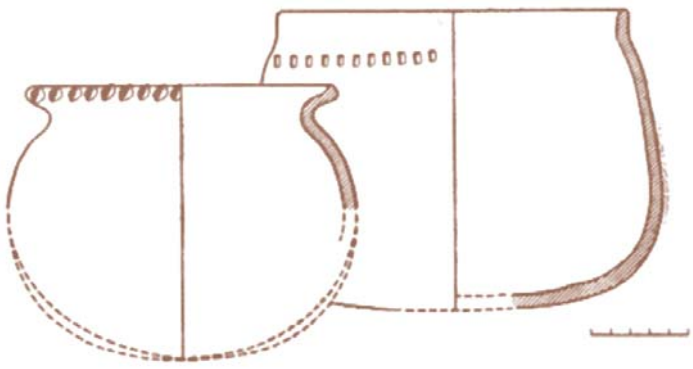
Керамика прикамских истоков



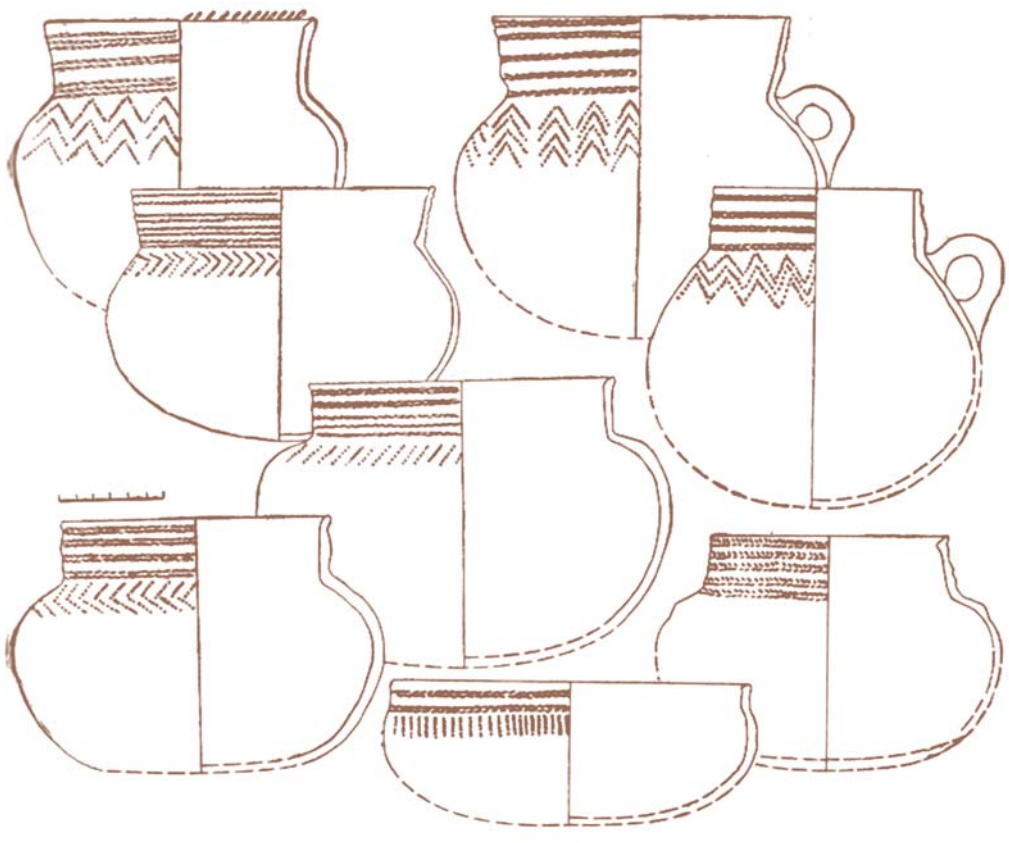
IV группа керамики



V группа керамики



VI группа керамики



VII группа керамики







Древности догородского периода. VII–VIII вв. БГИАМЗ

рассматривают эту керамику как созданную угроязычным населением Волжской Болгарии, попавшим на ее территорию еще в раннеболгарские времена.

Топография и стратиграфия находок указывает на бытование VIII группы керамики в домонгольское время. Но не исключено сохранение какого-то ее числа и в монгольский период до ее полного вытеснения более совершенной посудой XVII группы, продолжающей ее традиции.

XVII группа болгарской керамики более многочисленна. Судя по верхней части сосуда, эта керамика несет признаки производства на кругу, но тулово ее изготовлялось, видимо, вручную с выравниванием поверхности снаружи путем срезания лишней глины. Из видимых глазом примесей в изломе черепка — только мелкий песок. Цвет посуды — серый, желто-серый и бурый до красного. Орнамент подобен орнаменту VIII группы, но однообразнее (резные прямые и волнистые линии по горловине и плечику). Край венчика без орнамента. Как и у сосудов VIII группы, он закруглен, немного утоньшен, а изредка, на сосудах более поздних, имеет небольшое утолщение снаружи.

Форма — плоскодонный горшок без закраины, с характерным плавным переходом к стенкам, а у наиболее ранних даже с некоторой закругленностью, как бы на переходе от приуплощенного округлого к плоскому дну. Близость этой керамики керамике VIII группы по форме и по орнаменту налицо. Тулово горшков благодаря переходу к плоскодонности приобрело более высокие пропорции, что сказалось и на его соотношении с высотой горловины.

Керамику XVII группы можно рассматривать как изготовлявшуюся для среды того, видимо, угроязычного по происхождению населения города, которому были свойственны традиции изготовления керамики VIII группы. Переход к плоскодонности сопровождался освоением техники производства верхней части сосуда на вращающемся приспособлении, но не на том гончарном круге, которым пользовались мастера по производству ремесленной посуды I группы, а на подставке, подобной применявшейся мастерами, изготовлявшими XIII группу керамики.

Этнокультурные истоки болгарской неполивной керамики IX группы юго-восточных истоков указывают на ее связь с памятниками второй половины и конца I тыс. н. э. пограничных областей между кочевым и оседлым населением Казахстана и Киргизии. IX группа керамики Болгара немногочисленна, выделана вручную из глины с добавкой мелкого шамота и известковой (?) крошки. Черепок на излом крепкий. В некоторых образцах вместо шамота — песок. Цвет сосудов — серый. Характерный элемент техники формовки — подправка венчика при вращении и срезание глины на выделанном от руки тулове сосуда. Форма или горшковидная с шарообразным туловом, или чашевидная с округлым дном и открытой горловиной, или блюдообразная. На одном из фрагментов горшка — резная волна по плечику. Горшковидные и чашевидные сосуды снабжены петлеобразными ручками, крепящимися в верхней части тулова. У ручек подтреугольного сечения на уровне верхнего крепления к тулову — округлая подтреугольная или многогранная площадка.

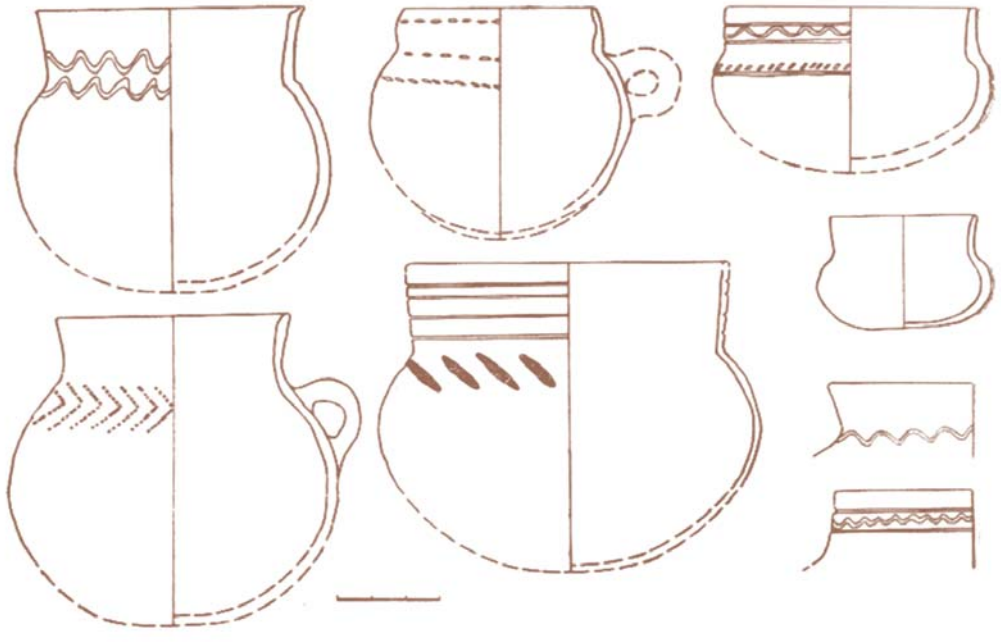
Материалы Болгара позволяют в какой-то мере говорить о бытовании подобной керамики и в золотоордынский период, что, очевидно, объясняется продолжавшимся притоком тюркского населения юго-восточного происхождения из пограничных регионов между оседлым и кочевым населением Средней Азии.

Керамика XIII группы, возникшая у болгар, как представляется, на основе IX группы, более многочисленна и более показательна для оценки ее связи с тюркоязычным населением юго-восточных истоков. Выделенная в 1960-е гг. в самостоятельную группу и получившая название джукетауской по месту своего обнаружения в болгарском городе Джукетау на Каме.

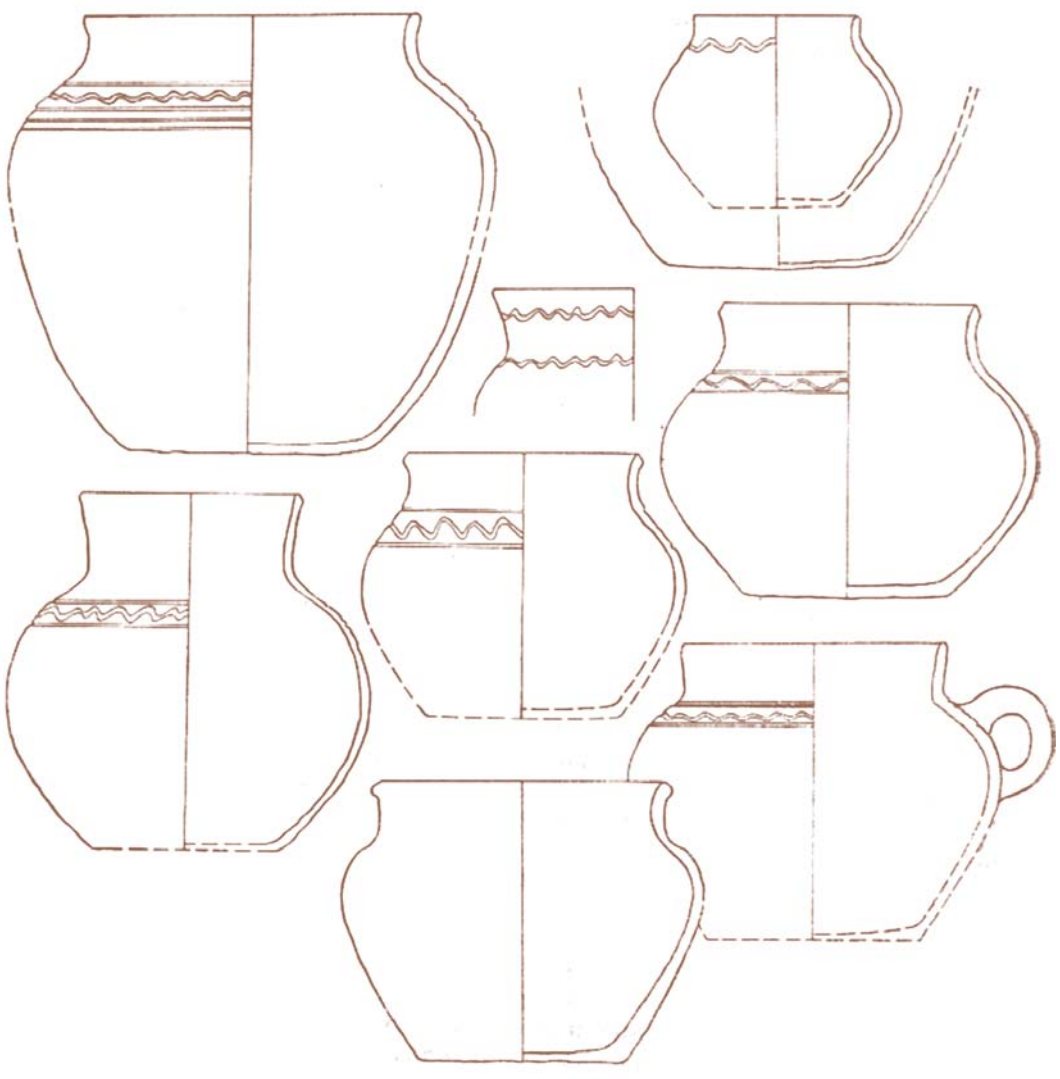
Керамика XIII группы является в основном гончарной по венчику и лепной по тулову, со следами срезанной в горизонтальном направлении глины, но иногда и целиком выделанная вручную. Глиняное тесто для нее обычно готовилось с большим количеством хорошо заметного песка, в некоторых сосудах заметна добавка мелкого известняка или небольшого количества толченой раковины. Цвет — от желтого до красного, иногда серый, но почти всегда с прослойкой другого цвета. Черепок крепкий. Орнаментирована эта посуда обычно наклонной многорядной волной в 1–2 пояска, расположенной по плечику. На сосудах позднезолотоордынского слоя встречается гребенчатый штамп по плечику, а изредка и по краю венчика.

Форма керамики XIII группы — горшковидная и чашевидная, иногда с округлым и приуплощенным дном, венчик закруглен и имеет в неко-

Керамика приуральского происхождения



VIII группа керамики



XVII группа керамики



Раскоп CLXVIII. Глиняный котел XIII–XIV вв. БГИАМЗ

торых случаях утоньшение или утолщение снаружи. Связь этой керамики с керамикой IX группы, выявленная по другим памятникам волжских болгар, подкрепляется и данными Болгара.

XIV группу керамики, как и по другим памятникам Болгарии с конца первой половины домонгольского периода, составляет славянская (древнерусская) керамика. В эту группу включается собственно древнерусская: керамика (подгруппа 1) и производная от нее, возникновение которой исследователь русских материалов в Болгаре М.Д. Полубояринова связывает с работой древнерусских же мастеров этого города и выделяет во 2-ю подгруппу.

Керамика обеих подгрупп выделана на гончарном круге и имеет формы и орнаментацию, характерные для древнерусской посуды памятников Северо-Восточной Руси. Подгруппы различают, прежде всего, по техническим данным: керамика 1-й подгруппы имеет типичный для древнерусской керамики состав глиняного теста с кварцитом и дресвой, своеобразный обжиг с трехслойным изломом черепка, серый, часто с беловатым, иногда розоватым оттенком цвет, обусловленный составом глин и приемами обжига; подгруппе 2 свойственно тесто более мелкого состава без грубых примесей, как и у болгарской ремесленной посуды, и обжигалась она аналогично болгарской посуде. Форма посуды обеих подгрупп горшковидная. Коррелирование некоторых пропорций формы обеих подгрупп подтверждает доказательства М.Д. Полубояриновой о происхождении 2-й подгруппы от 1-й.

XVI группа керамики марийско-чувашского происхождения принадлежит марийскому населению Болгара, оседавшему здесь в результате тех разнообразных связей, которые имел этот город с северо-западными соседями Поволжья. Эта керамика представляет собой гончарной выделки горшковидную посуду раковинного теста с довольно хрупким черепком, изредка орнаментированную в верхней части сосуда резными горизонтальными и волнообразными линиями. По близости ее формы к древнерусской (славянской) керамике она получила наименование славяноидной. Находки XVI группы керамики принадлежат напластованиям второй половины домонгольского периода вплоть до конца золотордынского времени.

В XVIII группу входит керамика, изготовленная главным образом от руки, но с подправкой верхней части некоторых сосудов при вращении. Состав теста с небольшим содержанием толченой раковины, мелкодробленого известняка, а в некоторых образцах — хорошо заметного песка. Цвет посуды серый, буро-серый. Форма посуды горшковидная, чашевидная и котловидная, круглодонная с приуплощенностью. Орнамент — гребенчатый штамп по плечику сосуда, чаще с рисунком в елочку, иногда дополненным отпечатками короткой гребенки по краю венчика. Часть горшковидных и чашевидных сосудов имеют вертикальную петлеобразную ручку округлого или подтреугольного сечения, крепящуюся в верхней половине сосуда. Подтреугольного сечения ручки завершаются более или менее выступающей горизонтальной площадкой, также оформленной гребенчатым орнаментом. У котлов ручка иная: полукруглая, поднимающаяся выше уровня края сосуда.

Происхождение этой керамики у болгар может быть выяснено только путем сопоставления ее с материалами финно-угорских памятников Прикамья. Наиболее близкой к рассматриваемой керамике Болгара является керамика из родановских памятников пермского Прикамья, таких, как Кудымкарское городище, городище Анюшкар (Кыласово). Есть она и в памятниках Удмуртии X–XIV вв., таких, как Идна-Кар, Шудья-Кар и др. Эта керамика восходит к памятникам ломоватовской культуры Верхнего Прикамья и к памятникам Нижнего Прикамья IX — начала X в., исследователи которых справедливо связывают их происхождение также с Верхним Прикамьем.

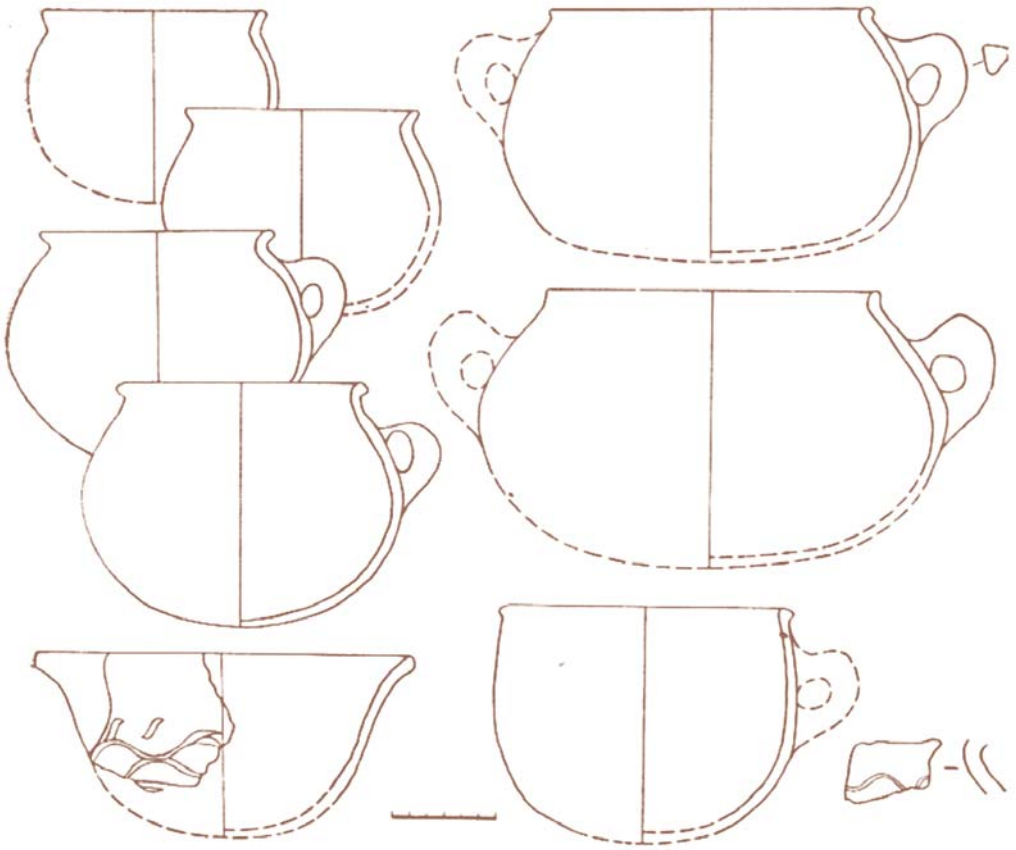
В домонгольских слоях Болгарского городища ее нет. Наличие же в слоях второй половины XIII — начала XV в. надо трактовать как свидетельство связей Болгара с финно-угорским населением Верхнего Прикамья именно этого времени.

XIX группу керамики составляет довольно многочисленная посуда из отмученного теста. Из видимых добавок в ней имеется мелкий песок и иногда (в незначительном количестве) мелкодробленый известняк. Часть сосудов изготовлена вручную, но у большинства на венчике явные признаки формовки при вращении. Как лепная, так и посуда с подправкой выровнена снаружи срезанием глины вертикально поставленным ножом.

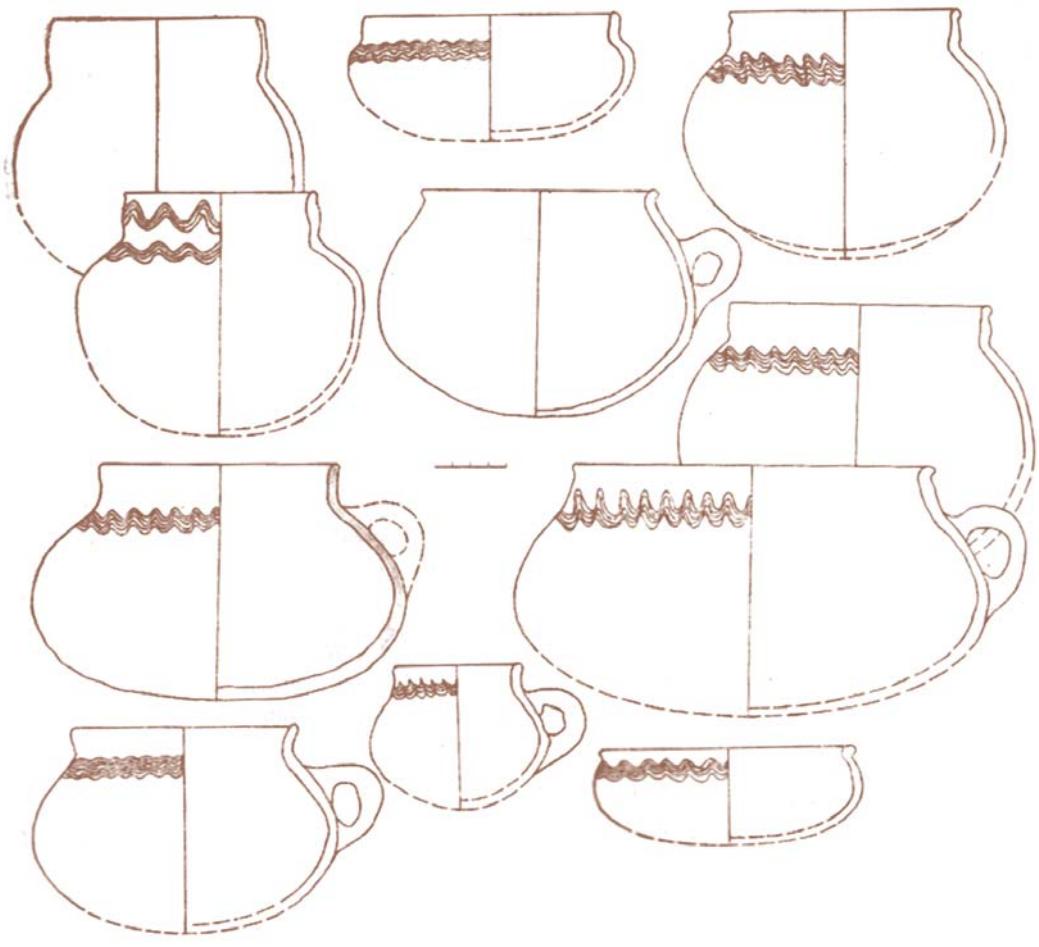
Форма посуды XIX группы разнообразна. Это котлы и котелочки, горшки, блюда и кружкообразные сосуды, ковши, светильники и крышки. Преобладающее большинство посу-

Керамика юго-восточных истоков

IX группа керамики



XIII группа керамики





Фрагмент глиняного сосуда. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

ды составляют круглодонные котлы, котелочки и горшки. Для этих форм наиболее характерен ребристый переход от тулова к днищу. Аналогичную особенность формы имеют некоторые кружкообразные усеченно-конические сосуды, а также ковши и светильники. Но есть в этой группе среди горшков, кружек и светильников и плоскодонные формы.

Наиболее характерные мотивы орнамента — поясок из пальчатых вдавлений или волнообразных линий, а иногда их сочетание. Гораздо реже встречается гребенчатый штамп. На котелках без ручек и с небольшими выступами на плечиках встречены орнамент из горизонтальных и наклонных расчесов и штамп из розеток и фигуры животного. Пальчатыми вдавлениями и штампом из розеток орнаментированы некоторые крышки. Пальчатые отпечатки и резные линии есть на плоскодонных горшках. Резной орнамент волнистых и прямых линий наносился на кружки.

В связи с необходимостью выявления истоков таких характерных для котлообразных сосудов XIX группы приемов решения формы, как остроребериый переход от тулова к округлому дну, горизонтальные ручки, орнаментальное оформление в виде пальчатых вдавлений и размашистой неровной волны, следует обратить внимание на то, что весь этот комплекс признаков формы и оформления уводит в Среднюю Азию, в районы Хорезма и Чача, к их памятникам мусульманского периода. Исследователи этих памятников считают формы круглодонных подшаровидных котлов глубоко древними, связанными с изготовлением пищи на открытом очаге и бытующими длительный период.

Круглодонная форма XIX группы керамики Болгара более многообразна и ее сопоставление с керамикой XVIII и XIII групп позволяет сделать вывод, что это разнообразие возникло на болгарской почве в результате контактов между ними. Исходная форма попала в Болгар, видимо, в результате перемещения в начале золотоордынского периода населения, и скорее всего ремесленников, из районов Средней Азии.

Что касается трех- и четырехпалых ручек, то их появление может быть связано с излюбленным в гончарстве Средней Азии приемом оформления керамики путем защипов. Прием оформления защипами и пальчатыми вдавлениями, хорошо известный по так называемой кочевнической керамике IX–XI вв., у болгар в золотоордынский период получил новое распространение.

Изготовление посуды XIX группы, видимо, переросло уровень домашнего производства. Она весьма однородна по составу теста, приемам обжига и по облику в целом. Внешние признаки позволяют думать, что значительная часть ее изготавливалась на вращающемся круге, возможно, подобном хорезмийскому с чашевидной подставкой под донную часть.

Верхние напластования Болгарского городища дают еще одну группу керамики — XX. Ее образуют плоскодонные горшки из глины грубого состава с примесью песка, мелкого шамота, а иногда и мелкого известняка, дресвы, дробленого шлака. Цвет ее серый, буро-серый, желто-серый, буро-красный и красный. Поверхность сосудов бугристая от примесей. Черепок крепкий. Кольцевой бортик на днищах некоторых сосудов и признаки формовки верхней части при вращении свидетельствуют об изготовлении их на круге. Но некоторые сосуды несут признаки формовки вручную и подправки (выравнивания) тулова сосуда снаружи путем срезания глины вертикально поставленным ножом. Орнамент — прямые и волнообразные неровные линии по плечику и верхней части тулова.

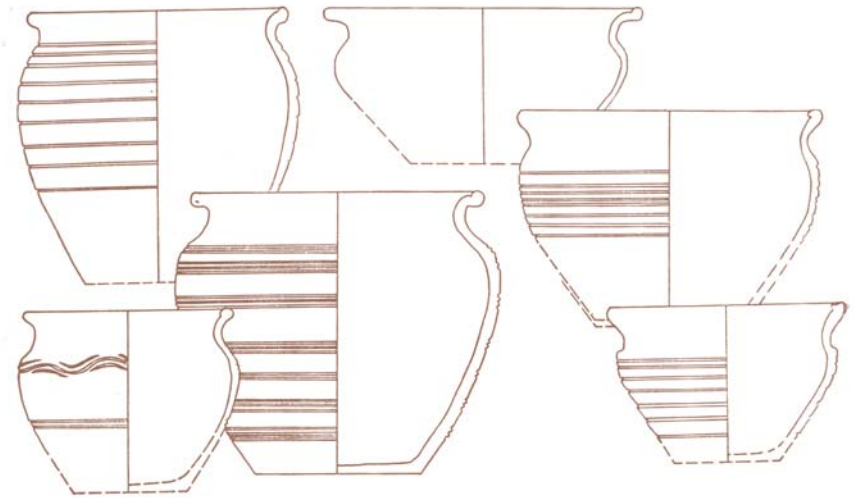
Эта керамика появилась в позднезолотоордынский период и, видимо, больше свойственна его концу. Надо сказать, что есть такая керамика и в III слое эпохи Казанского ханства.

Можно, по-видимому, считать, что выделяемая в XX группу керамика возникла на основе джукетауской XIII группы в результате перехода к плоскодонности и освоения техники формовки, видимо уже отличной от джукетауской, но сохраняющей некоторые ее приемы. В тесто добавляются дробленый шлак, шамот, а иногда, как в древнерусской, дресва. Несколько изменяется рисунок характерного для XIII группы волнистого орнамента, что могло быть связано с изменением техники формовки, направлением вращения. Появляется резной линейный орнамент и орнаментация распространяется на верхнюю часть тулова, в связи с чем можно говорить о влиянии древнерусской традиции.

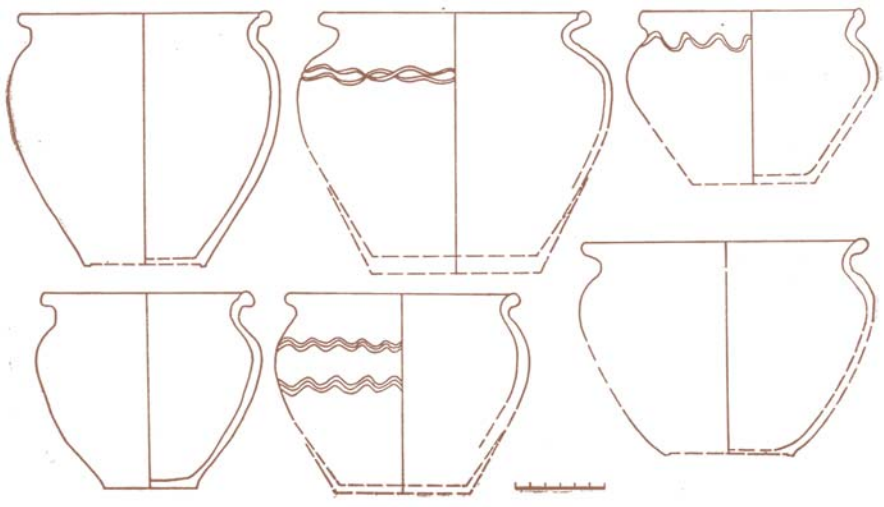
Итак, керамика, изготовлявшаяся населением Болгара, главным образом в домашних условиях, сохраняла черты, связанные с ее истоками, и, как видно, была весьма разнообразной. В Болгаре представлены почти все известные к настоящему времени этнокультурные группы керамики за исключением только X группы, известной по единичным фрагментам лишь по нескольким памятникам центральной части Волжской Болгарии.

Как видно, наиболее разнообразна традиционная керамика на начальном этапе жизни Болгара X — первой половины XI в. Далее часть ее исчезает: для одних групп — в силу незначительности населения ее изготовлявшего (IV, VI группы), для других — в силу вытеснения керамикой ремесленного производства, впитавшей

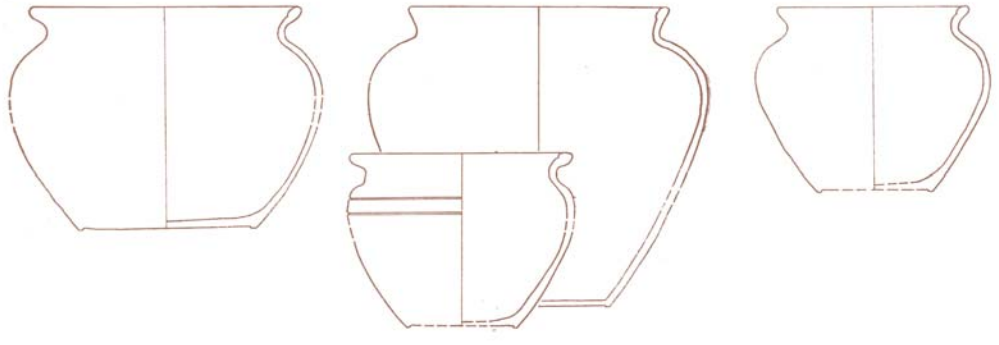
Керамика древнерусских, марийско-чувашских и пермских традиций



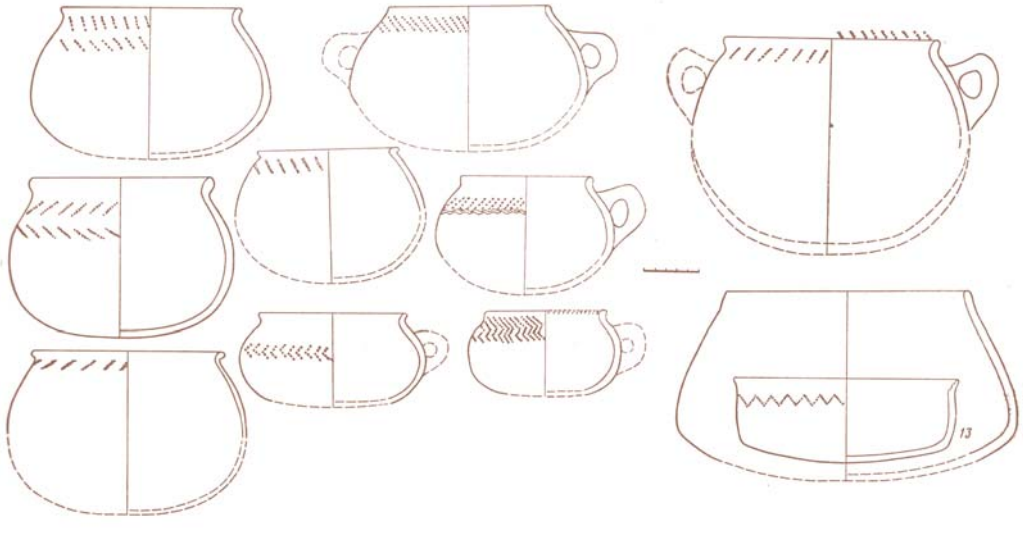
XIV группа керамики, I подгруппа



XIV группа керамики, II подгруппа



XVI группа керамики



XVIII группа керамики



Глиняные сосуды. Талгар. XI–XII вв.



Глиняный котел. XIII–XIV вв.

черты традиционной керамики, что особенно заметно по керамике III, XI, XII групп салтово-маяцких истоков. На основе именно этих групп посуды в значительной мере развивается кухонная ремесленная керамика болгар.

Интересна топография размещения некоторых групп в домонгольский период. Находки II группы керамики, связанной с кочевнической керамикой салтово-маяцкой культуры, сделаны на западной окраине городского посада и в западном пригородном поселке, тогда как посуда III и XI групп характерна для центральной части города включая посад, восточный и юго-восточный пригородные поселки. Весьма любопытна статистика по XIII группе керамики, возникшей на основе IX группы южноказахстанского происхождения. Она сосредоточена в слоях X–XII вв. южного поселка и отсутствует в раскопах центральной укрепленной части города. Затем в золотоордынский период население, ее употреблявшее, судя по находкам, рассредоточилось по всей территории города.

Ко второй половине домонгольского периода относится появление XIV и XVI групп посуды поволжских соседей Волжской Болгарии. В слоях этого периода появляется XVII группа, заменившая, видимо, VIII группу посуды приуральского происхождения.

В раннезолотоордынских слоях при наличии вышеотмеченной керамики появляются новые группы керамического материала — XVIII и XIX. XVIII группа пополняет керамику Болгара посудой прикамского происхождения. В возникновении XIX значительна роль ремесленного населения, переселившегося из регионов Средней Азии и принесшего форму остроребериых котлов с горизонтальными ручками.

Состав керамики позднезолотоордынского времени пополняется по сравнению с предшествующим временем XX группой посуды, возникшей в Болгаре на основе XIII, но с переходом к плоскодонным формам и производству на круге.

Анализ традиционной керамики городища и ее истоков отражает наличие в Болгаре населения различного этнического происхождения и изменение его состава на разных этапах истории города.

Керамика ремесленного производства, включенная в I группу общеболгарской (общеволжскоболгарской) посуды, характеризуется мелким составом глиняного теста, малозаметными примесями в виде песка, изредка мелкодробленого красного шамота, а в керамике домонгольского периода, главным образом, кухонной, — в виде растительных остатков. Ее форма разнообразна: кувшины, кружки и кринки, кружкообразные сосуды также столового назначения, горшки, тарная посуда в виде корчаг и корчажек, блюда и миски, а также крупные тазообразные сосуды типа тагора, стакановидные сосуды — туваки, сосуды специального назначения — сфероконусы, копилки, светильники, много крышек для сосудов разного назначения и размеров. Для керамики этой группы характерны лощение и разнообразная орнаментация, где наиболее типичными являются резной линейный и волнистый орнамент и гребенчатый штамп.

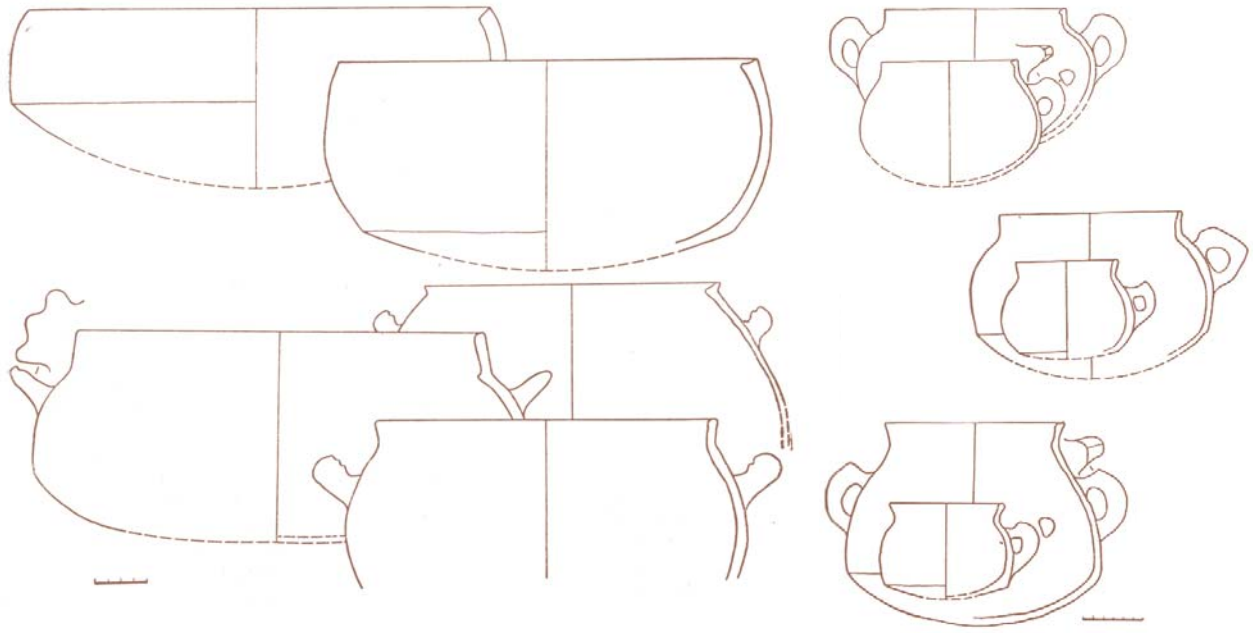
Для полноты характеристики керамического комплекса Болгара необходимо указать на наличие фрагментов глиняных столиков — типа среднеазиатских тастаров. Они могли быть не только привозными, но и изготовлявшимися на месте в позднезолотоордынский период жизни города.

К I группе керамики Болгара можно отнести и такие формы посуды кухонного и хозяйственного назначения, как мелкие и более глубокие сковороды, маслобойки, напрясла и грузила, происходящие из домонгольских и золотоордынских слоев городища.

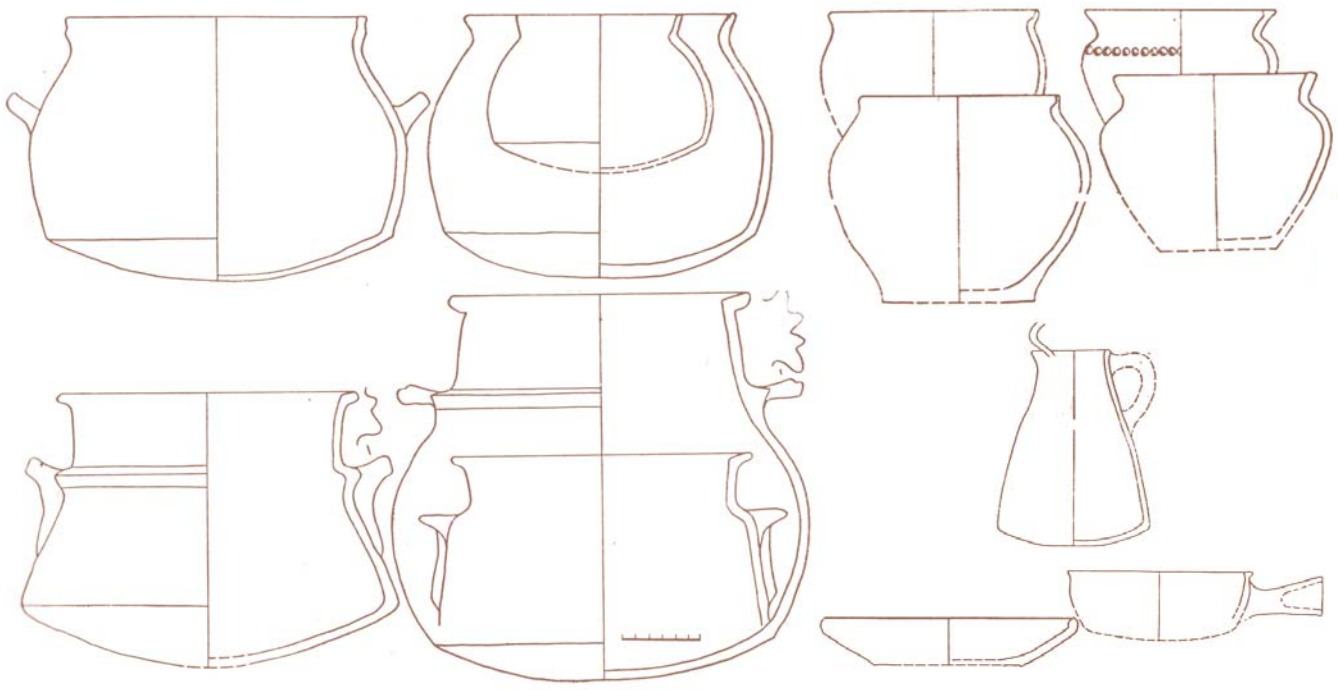
Такова многочисленная и разнообразная общеволжскоболгарская ремесленная керамика I группы в Болгаре. По количеству и многообразию форм и назначения она является основной посудой в керамическом комплексе жителей Болгара во все периоды его истории и особенно в золотоордынский период, когда она вытеснила из употребления многие другие традиционные группы керамики. На материале Болгара, как на материале других памятников, видно, что вытеснение посуды домашнего изготовления ремесленной керамикой проходило путем ассимиляции ее черт. Многие формы ремесленной общеволжскоболгарской керамики развивались на основе традиционных

Керамика среднеазиатских истоков

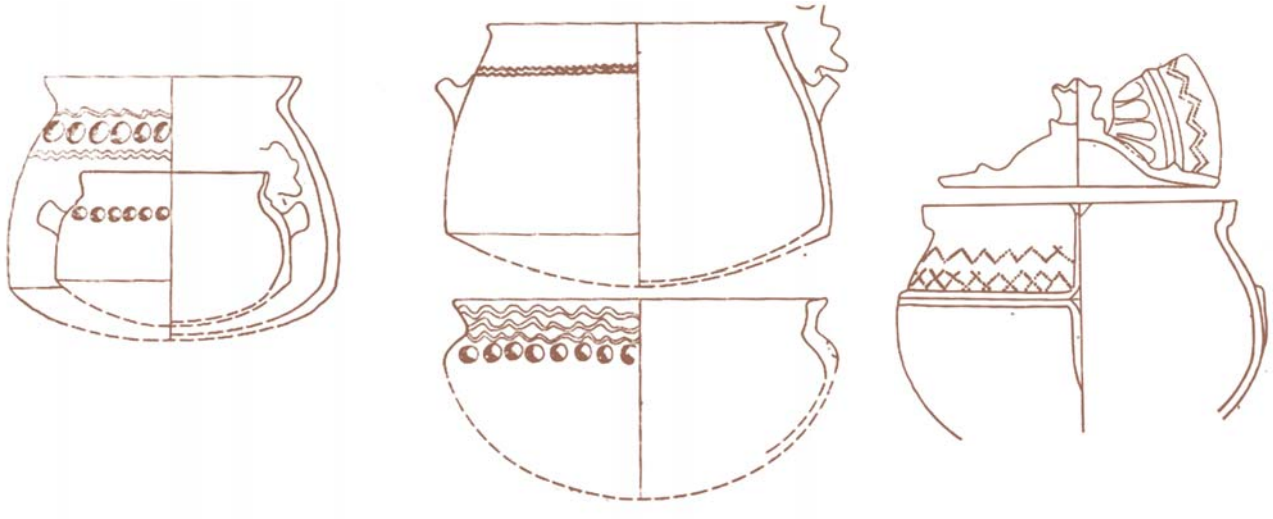
XIX группа керамики



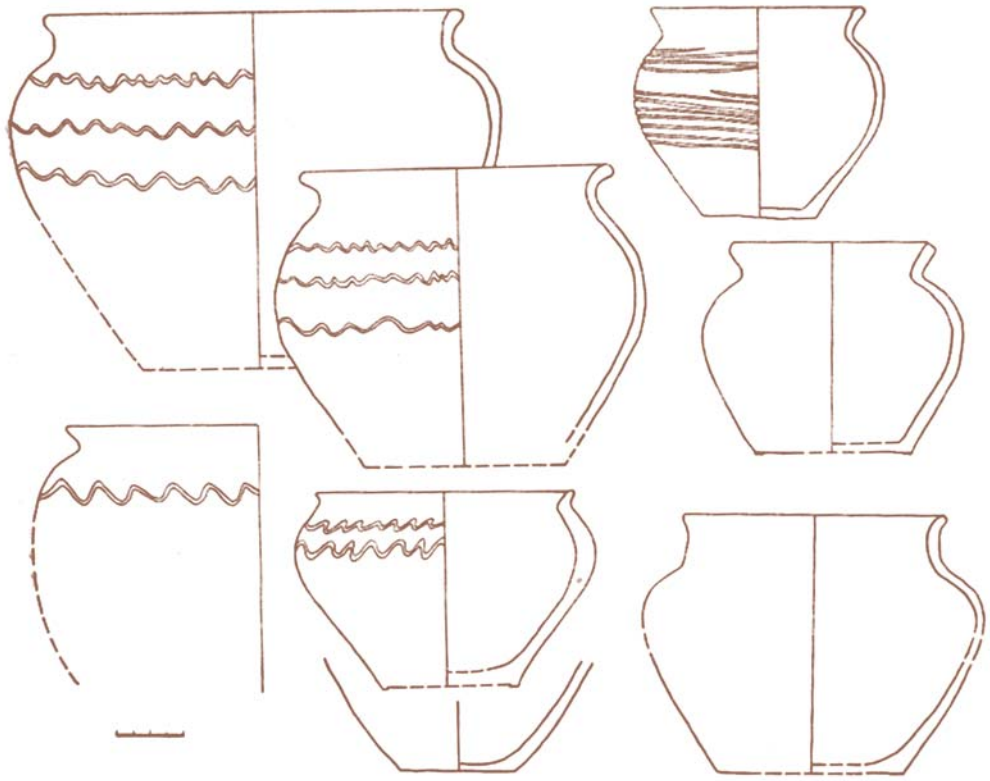
XIX группа керамики



XIX группа керамики



Поздняя средневековая керамика юго-восточных традиций



XX группа керамики



Глиняный кувшин. Жайык. XIV в.



Кружка. Керамика. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

групп посуды, что особенно заметно в формах кухонной керамики. Для развития столовой посуды и форм специального назначения как в домонгольский период, так и в период Золотой Орды большое значение имели внешние контакты с другими регионами, и главным образом с культурными центрами Средней Азии. В появлении новых форм золотоордынского периода, как в столовой, так и в кухонной посуде значимым было вхождение Волжской Болгарии в систему Золотой Орды с ее широкими торговыми связями.

Однако, несмотря на то, что болгарская ремесленная керамика несет в себе черты культуры Золотой Орды, специфику керамики Болгара золотоордынского периода определяет не это. Ее формы и в этот период по-прежнему



Глиняная корчага. XIV в. Волжская Болгария. БГИАМЗ

развиваются благодаря освоению гончарным производством все еще сохраняющихся форм традиционной посуды. На этой основе появляется посуда новых для зоолотоордынского периода форм и групп. Влияние же культуры Золотой Орды проявилось главным образом в оформлении посуды и в распространении некоторых ее форм, например, котлообразных, отражающих особенности бытового уклада части населения Золотой Орды, попавшего на территорию Волжской Болгарии.

Вопрос о преемственности керамики золотоордынского и домонгольского периодов требует привлечения более широкого круга памятников. Но и на материалах Болгара в ходе исследования групп и форм его керамики было видно, что преемственность налицо и отчетливо выражается как в этнокультурных группах традиционной керамики, так и в ремесленной посуде I группы. Даже появление новых групп керамики в золотоордынский период теснейшим образом связано с развитием традиционно наследуемых форм, что особенно явно ощущается в XIX и XX группах посуды, где обращает на себя внимание их связь с керамикой, характерной для региона Прикамья Волжской Болгарии.



Глиняный светильник XIII–XIV вв. БГИАМЗ

В исследовании этого вопроса необходимо также использовать во всей полноте материалы III стратиграфического слоя Болгарского городища, сохранившего следы небольшого поселка, существовавшего на месте погибшего города. Керамическое содержание этого слоя и по группе ремесленной керамики указывает на преемственную связь материалов XIV — начала XV в. с эпохой Казанского ханства.



Глиняная кружка. XIV в. Волжская Болгария. БГИАМЗ

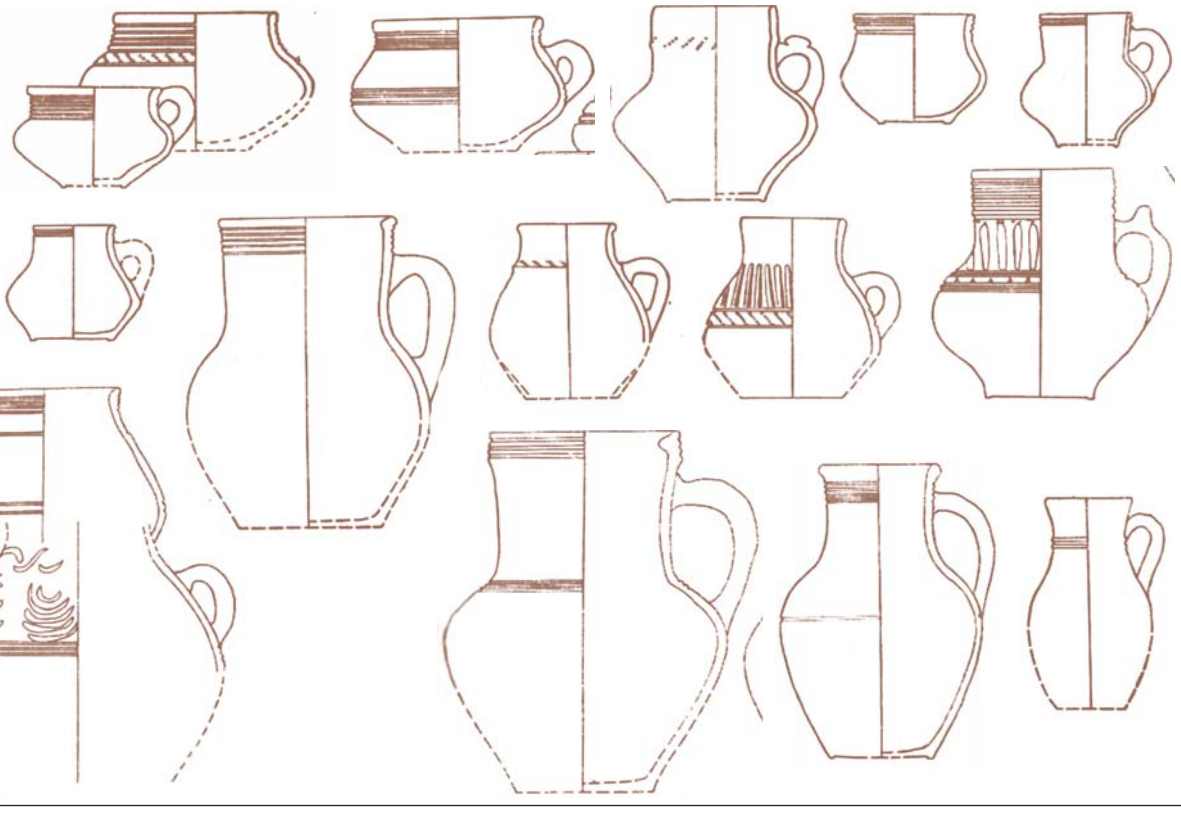
Следует остановиться еще на одном вопросе. Керамика Болгара на протяжении всего периода его существования весьма разнообразна. Если при анализе керамических материалов домонгольских памятников территории Волжской Болгарии удалось наметить некоторые локальные особенности отдельных ее районов, то керамика Болгара отражает все многообразие керамики Волжской Болгарии, что вполне согласуется с его ролью политического, экономического и административного центра ее территории в течение длительного времени.

Особенности размещения керамики в пределах самого Болгара практически отражают картину размещения населения города и его этнический состав в разные этапы его истории. Исследованный в настоящее время археологический материал позволяет заключить, что по составу керамики центральной укрепленной части раннего Болгара ведущая роль в нем принадлежала собственно болгарам, попавшим в Волго-Камье из районов степного Подонья. Видимо, это и была политически наиболее значимая группа населения того времени. Она сохранила такое значение на протяжении достаточно длительного времени до тех пор, пока не произошли различные изменения в истории города и государства.

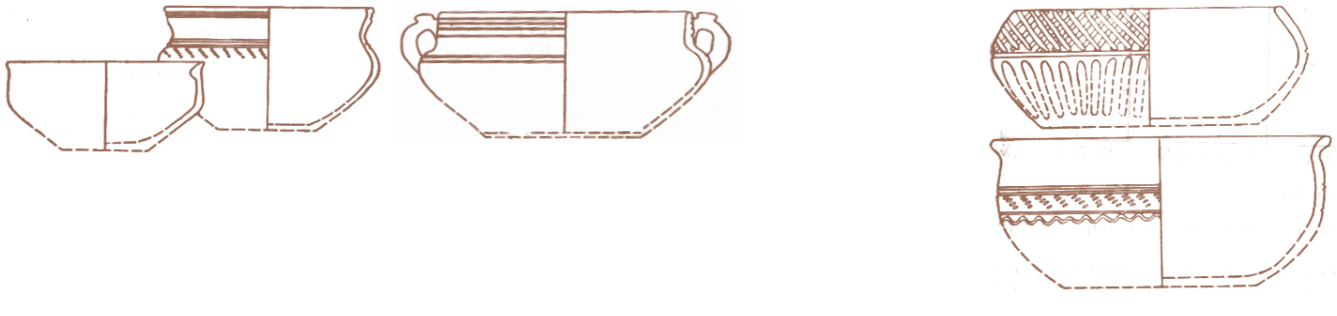
Керамика ремесленного производства



Кувшины



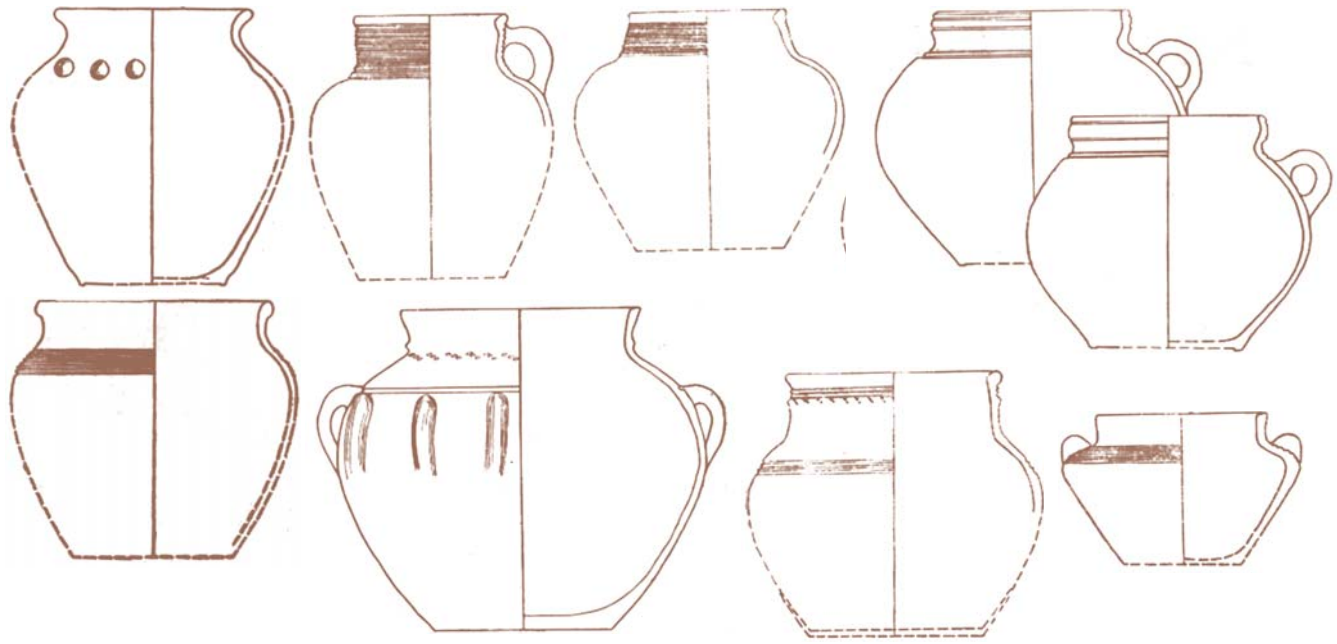
Кувшины и кринки



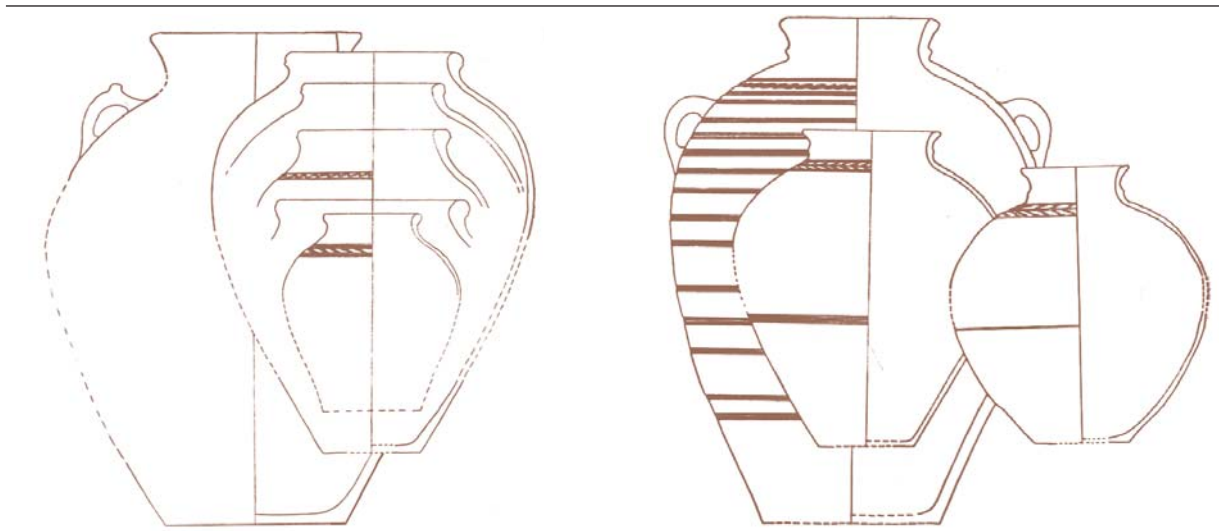
Кувшины и кринки

Керамика ремесленного производства

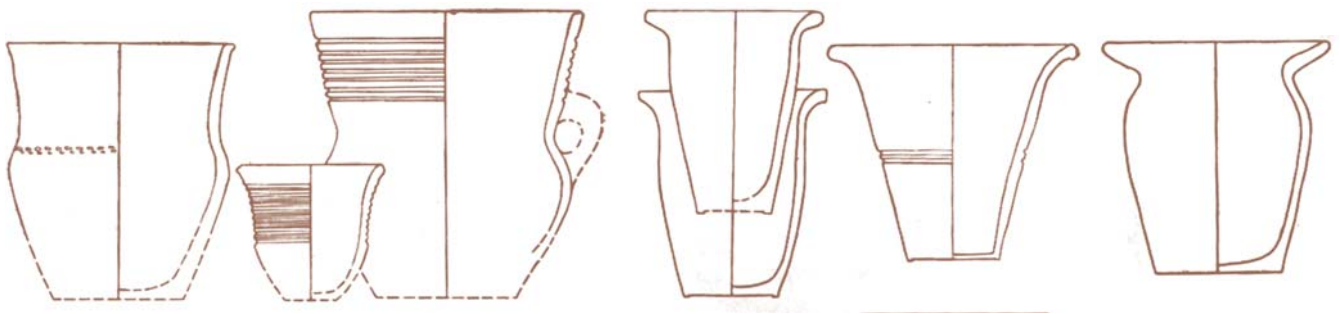
Горшки



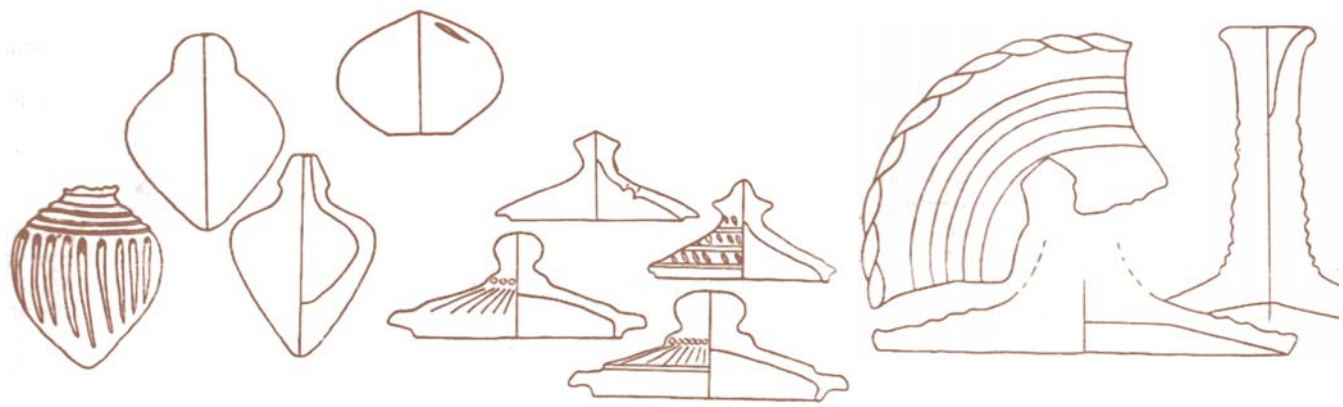
Горшки



Кубки, туваки



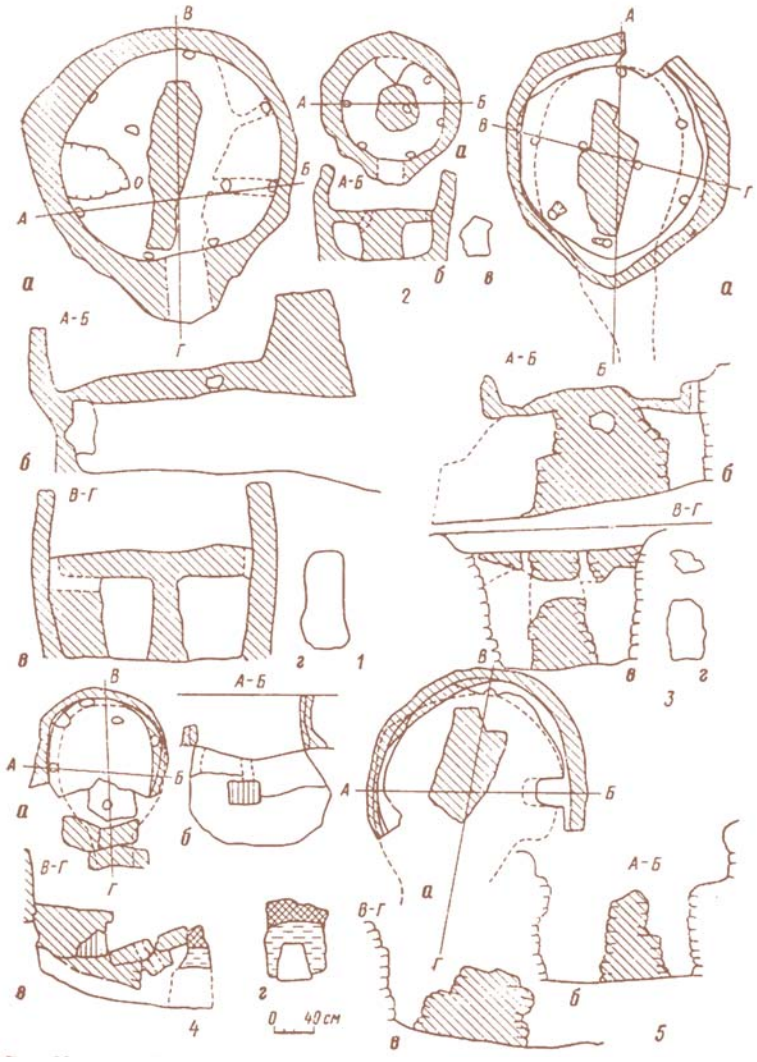
Другие виды изделий



И.Н. Васильева

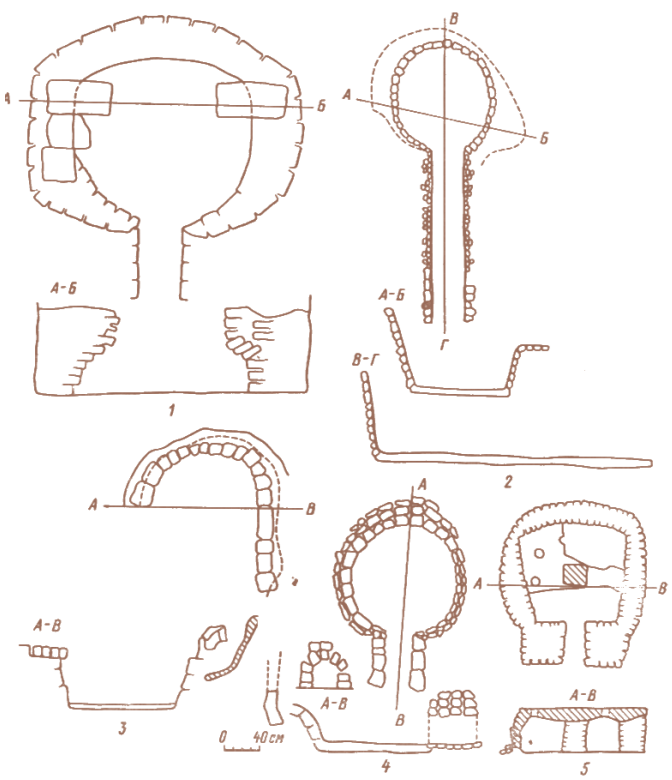
Керамические горны

Все известные в настоящее время болгарские гончарные горны могут быть отнесены к одному типу обжигательных горнов с восходящим движением газов; по форме здесь можно выделить две основные группы: горны прямоугольной или трапециевидной формы с арками-устоями в топке и горны круглой или овальной формы с опорными столбами и перегородками в топках или без них. По совокупности нескольких признаков, прежде всего специфичности строительного материала, во второй группе выделяются три подгруппы: 1) горны района Голланского озера Болгар и Мохши, построенные с использованием сырцовых блоков, имеющие значительные размеры и, как правило, сгруппированные по нескольку горнов в одном комплексе; 2) горны, построенные из обожженного кирпича квадратной формы с перегородкой из кирпичиков трапециевидной формы, небольшие по размерам, одиночные (Иски-Казань, Болгар, Биляр, Муромский городок, Больше-Тоябинское городище, возможно, Хулаш и Садовское селище); 3) горны глинобитные, построенные без использования кирпича, небольших размеров, более характерные для сельского гончарства (Сухореченское поселение, «Большой Шихан», Болгар). Горны второй подгруппы более типичны для домонгольского и раннезолотоордынского времени, горны первой и третьей подгрупп получили распространение в золотоордынский период.



Горны Болгара. 1 — Ага-Базар; 2-4 р. – 30 в подгорной части городища (2 — горн 1; 3 — горн 3; 4 — горн 2); 5 — р. 48 над «Красной палатой».

В исследовании болгарской обжигательной гончарной техники важное место занимает вопрос о происхождении горнов, тесно связанный с проблемами этнического состава населения Волжской Болгарии, культурных связей и взаимовлияний, а также технических заимствований. Общеизвестно, что появление гончарного круга и гончарных обжигательных горнов было обусловлено социально-экономическими причинами и свидетельствовало о ремесленном характере гончарного производства. Ведущие типы обжигательных горнов возникли в глубокой древности и существенно не изменялись, хотя с развитием гончарных традиций и на различных территориях появлялись свои особенности устройства горнов; шло изменение и улучшение некоторых конструктивных деталей, применялся разный строительный материал, отрабатывалось пропорционирование различных частей горнов и т. д. Ситуация, благоприятная для распространения гончарного круга и горна, сложилась в Волжской Болгарии в X веке. В это время формировалось раннефеодальное государство, было принято мусульманство, начато строительство городов, устанавливались связи со странами Востока и Запада. С этими процессами тесно связано развитие торговли и ремесла. Именно в это время у болгар повсеместно появляется круговая керамика, обожженная в гончарных горнах и имеющая цвет, характерный для обжига в окислительной атмосфере: красный, желтый, коричневый. В предшествующий раннебол-



Горны Болгара у Голланского озера. 1–2 — р. 16 (1 — горн 4; 2 — горн 3); 3–5 — р. LXX (3 — горн 4; 4 — горн 3; 5 — горн 5).



Гончарная мастерская в Болгаре аль-Джадиде. Худ. К. Нафиков. 1984 г.



Кирпичные керамические горны Болгара золотоордынского времени

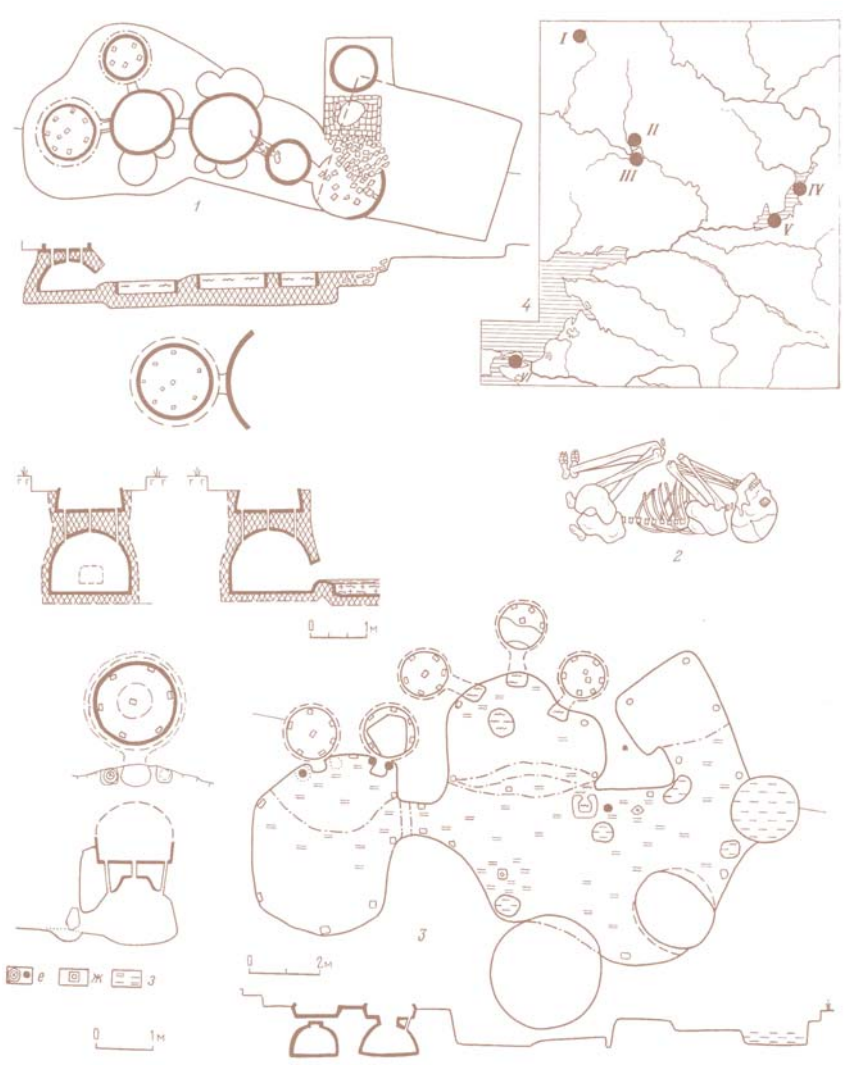
гарский период существовала традиция обжига посуды в восстановительной среде, вследствие чего она имела серый и черный цвет. Эта традиция продолжала существовать в течение всего домонгольского периода: в материалах болгарских памятников всегда присутствует определенное количество керамики серого цвета. Однако уже в материалах позднего периода Танкеевского могильника, а также поселений и городищ начала X в. преобладает керамика, обожженная в окислительной среде. Все раскопанные болгарские гончарные горны использовались для обжига красноглиняной посуды, изготовленной ремесленниками с использованием гончарного круга. Лепная керамика домашнего производства, сосуществующая с ремесленной, обжигалась, по-видимому, в домашних печах, в кострах или на открытых площадках.

Процесс сложения болгарской народности и ее культуры был многокомпонентным. В настоящее время установлено несколько основных групп, которые участвовали в этом процессе: финно-угорские племена, племена Прикамья и Башкирии, салтово-маяцкой культуры, а также тюркское население Южного Казахстана.

Финно-угорские племена принесли с собой традиции изготовления посуды лепным способом и обжига ее в домашних печах или на площадках. Лепная финно-угорская керамика бытовала на памятниках Волжской Болгарии параллельно с круговой общеболгарской в течение всего домонгольского периода. У соседних болгарам финно-угорских племен круг и горн не появились и в период развитого средневековья. Они получали круговую красноглиняную посуду из городских центров Волжской Болгарии в виде импорта. Другие соседи болгар, мордовские гончары, обжигали керамику на глинобитных площадках.

В среде салтово-маяцкого населения существовали традиции гончарного производства, оснащенного гончарным кругом и обжигательным горном. В настоящее время известно значительное количество гончарных горнов и мастерских на памятниках салтово-маяцкой культуры в Подонье. Одни представляют собой глинобитные, вырезанные в грунте двухъярусные горны круглой и овальной в плане формы, с горизонтальными перегородками, представляющими собой слой грунта, с круглыми или квадратными продухами, с опорными столбами в топках, другие — горны без опорных устройств. И.И. Ляпушкин считает, что первые «конструктивно близки средневековым гончарным горнам Крыма, продолжающим античные традиции. Появление их на поселениях салтово-маяцкой культуры, вероятнее всего, следует рассматривать как заимствование. Последнее можно поставить в связь с пребыванием в Саркеле (левобережном городище) византийских мастеров, приезжавших для постройки крепости». Горны второго типа (без опорного столба) И.И. Ляпушкин связал с горном у с. Дуба-Юрт (Северный Кавказ), но ничего более конкретного он сказать в то время не мог. В настоящее время такие горны известны на памятниках раннесредневекового времени (IV–VIII вв.) в Дагестане. Десять глинобитных округлых в плане двухъярусных горнов без опорного столба были исследованы на Андрейаульском городище. Традиция строительства

Гончарные мастерские салтово-маяцкой культуры





Глиняная кружка. Городище Мерке VI–VIII вв.

подобных горнов продолжает существовать в более позднее время в средневековой Алании. Новые данные получены по истории развития горнов с опорным столбом. Около двух десятков горнов и не-сколько гончарных мастерских раскопаны в балке Канцирка в Запорожской области. Они представляют собой глинобитные двухъярусные горны, вырубленные в грунте. В горизонтальной перегородке — от 7 до 14 продухов округлой и квадратной формы: в топочной камере имелись круглые и прямоугольные столбы. Датируются эти мастерские VI–VII вв. А.Т. Смиленко считает, что мастерские принадлежали смешанному населению: аланам, переселившимся с Северного Кавказа, и «местному населению пеньковской культуры с Черняховскими традициями». В конструкции горнов А.Т. Смиленко усматривает близость их черняховским горнам, продолжение местных традиций. Черняховские горны действительно конструктивно близки канцирским горнам. Прослеживается определенное совпадение в деталях устройства и размерах: топки вырезаны в грунте; обжигательные камеры сбиты из глин на деревянном каркасе; топочные камеры больше, чем обжигательные; количество продухов, как правило, больше, чем у горнов Андрейаульского городища, которые имеют их 5–7. Известны Черняховские горны без опорного столба.

Таким образом, в гончарной обжигательной технике салтово-маяцких племен можно предполагать продолжение традиций аланских племен Кавказа и опосредованно традиций Черняховских племен, которые, в свою очередь, видимо, можно поставить в связь с античными традициями строительства гончарных горнов. С другой стороны, необходимо учитывать связь гончарства салтово-маяцких племен с центрами производства керамики Крыма, которые производили гончарную продукцию для варварского населения Причерноморья и в строительстве обжигательных печей продолжали позднеримские традиции. Горны Крыма, датированные VIII–X вв., принадлежат к типу больших, построенных из сырцовых кирпичей двухъярусных горнов с прямоугольной или реже округлой обжигательной камерой и арками-устоями в топке. По своему устройству они отличаются от круглых печей со столбом в центре и следуют позднеримскому принципу сооружения обжигательных печей. Строительство подобных печей в Крыму продолжалось в более позднее время, в XI–XIII вв.

Красноглиняная керамика была широко распространена на поселениях и городищах Казахстана I тыс. н. э. Круглые в плане двухъярусные глинобитные горны там были известны уже в V–VIII вв. Гончарное ремесленное производство населения Казахстана было тесно связано со Средней Азией. Гончарные печи появились в Средней Азии в конце IV тыс. до н. э. За четырехтысячный период истории гончарная обжигательная техника Средней Азии прошла длительный путь развития и совершенствования. К X–XI вв. в различных районах Средней Азии и Казахстана были распространены печи самых разных конструкций: 1) круглые двухъярусные с горизонтальной перегородкой без опорных устройств в топке; 2) круглые двухъярусные без горизонтальной перегородки, топка соединялась с камерой обжига через большое центральное отверстие (продукция укладывалась на полке и на штырях, вбитых в стенки горна); 3) прямоугольные двухъярусные печи с арками и перегородкой в топке; 4) одноярусные куполообразные глинобитные печи.



Керамические сосуды. Городище Алматы. XI–XII вв.

Таким образом, центрами высокоразвитого керамического производства, из которых могла

Глиняный кувшин. Городище Тараз. VIII–IX вв.



Керамический сосуд. Городище Тараз. VII–VIII вв.





Керамические горны Болгара золотоордынского времени

быть принесена болгарам традиция строительства гончарных обжигательных горнов, были Казахстан — Средняя Азия и Подонье — Причерноморье (территория салтово-маяцкой культуры). Однако точно так же, как на основе многих компонентов сложилась болгарская народность со своей яркой культурой, так и дальнейшее развитие болгарской обжигательной техники пошло своим самобытным путем. Так, характерные для домонгольского периода двухъярусные круглые горны, сложенные из обожженного кирпича разной формы и размеров, не известны в других областях.

В золотоордынский период среднеазиатское влияние на культуру народов Поволжья было значительно усилено. Большинство типов обжигательных печей, исследованных на золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья, имеют среднеазиатские прототипы: 1) прямоугольные двухъярусные печи с арками в топке; 2) круглые двухъярусные печи с большим центральным отверстием, полкой вокруг обжигательной камеры и штырями в ее стенках; 3) одноярусные тондыры; 4) круглые двухъярусные глинобитные и кирпичные печи со столбом в топке и без него. Эти же типы горнов получили распространение и в других областях Золотой Орды: в Крыму, в Пруто-Днестровье, в Казахстане.

В Волжской Болгарии горны 2-го и 3-го типов не известны. Возможно, это объясняется тем, что мастерские по изготовлению поливной посуды в Болгарии пока не исследованы, а горны указанных типов были предназначены для обжига именно поливных сосудов. Определенное влияние в золотоордынский период среднеазиатской обжигательной техники на болгарскую можно усматривать в распространении прямоугольных двухъярусных печей, отличающихся от домонгольских более значительными размерами и следующей конструктивной особенностью: арки золотоордынских горнов стоят на основании пода топочных камер, а у домонгольского горна с Муромского городка арки покоились на ступеньках, сложенных из кирпичей квадратной формы и обмазанных глиняным раствором. Однако в строительстве основной массы болгарских горнов, предназначенных для обжига неполивной посуды, прослеживаются местные традиции. Раннезолотоордынские горны подгорного района Болгар относятся к домонгольскому типу болгарских горнов.

Определенные изменения в конструкции горнов произошли во второй четверти и середине XIV в.: значительно увеличились размеры; для строительства стал использоваться другой материал — сырец; в сооружении опорных устройств в топке возникли длинные «перегородки» и выступы вдоль стен. На наш взгляд, все эти изменения можно объяснить увеличением спроса на продукцию гончаров и в связи с этим необходимостью роста объема производства. В целом же горны Голланского озера являлись продолжением развития местных болгарских традиций строительства гончарных обжигательных устройств.

О.С. Хованская указывает на близость конструкций древнерусских и болгарских горнов. На древнерусских памятниках исследованы в основном двухъярусные глинобитные горны небольших размеров с опорными устройствами



Сипаи (подставка под поливные сосуды при обжиге)

в топках и без них. В XI–XII вв. получили распространение прямоугольные двухъярусные печи с арками. Для домонгольской Волжской Болгарии, как уже отмечалось выше, были характерны специфические конструкции круглых двухъярусных горнов, сложенных из обожженных кирпичей, и прямоугольные, четырехугольные печи с арками в топке, которые распространились здесь в то время, что и на Руси, — в XI–XII вв. Таким образом, можно говорить лишь о возможных общих источниках заимствования конструкций обжигательных печей. Наблюдается определенное воздействие болгарского гончарного производства на гончарство отдельных районов Руси, в частности Владимиро-Суздальского княжества, что проявилось в распространении здесь краснолощеной керамики и больших круглых двухъярусных горнов из сырца со столбами в топке. Р. Л. Розенфельд связывает это с переселением болгарских ремесленников, плененных и привезенных на Русь во время походов 1396 и 1399 гг. Можно предположить и более раннее переселение болгарских гончаров на Русь — после разгрома Волжской Болгарии татаро-монгольскими завоевателями. Данные о переселении части болгарского населения в западные районы к русским имеются в письменных источниках. В целом же гончарные горны Волжской Болгарии в единой системе теплотехники средневековой эпохи на основе общих законов представляют самостоятельное явление ее культуры.

М.Д. Полубояринова

Стеклянные изделия Болгарского городища

Стеклянные изделия из Болгара начали собираться давно. Дореволюционные коллекции содержат массу бус, хорошо сохранившихся в культурном слое и привлекающих внимание коллекционеров. В ходе систематических раскопок в Болгаре также найдено множество бус, браслетов, осколков посуды, оконного стекла. Они происходят из разных слоев начиная с X в.

Для данного раздела были изучены стеклянные изделия Болгарского городища из раскопок и сборов разных лет, хранящиеся в Эрмитаже, Государственном Историческом музее, Государственном музее Татарии, в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике.

Важнейшую роль в изучении стеклянных изделий играет выяснение химического состава стекла, в связи с чем в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ Ю.Л. Щаповой были специально проведены спектральные анализы некоторых образцов.



Стеклянные бусы

Бусы

Собрано и обработано около 2450 бус с Болгарского городища. Для рассмотрения этого довольно многочисленного, материала принята схема классификации, в основу которой вслед за З.А. Львовой я кладу технологический принцип, т. е. учет способа, которым была изготовлена бусина.

Таким образом, выделяются несколько технологических групп: — бусы из тянутых трубочек (I); бусы из трубочек, изготовленных способом навивки (II); бусы, изготовленные способом навивки стеклянного жгута вокруг твердого стержня(III); бусы резные с последующей шлифовкой(IV); бусы из сложного глазкового стержня(V); бусы, изготов-ленные обертыванием плоского куска стекла вокруг твердой основы(VI). Поскольку орнаментация бус — это дальнейшее усложнение технологического процесса, наличие орнамента или его отсутствие должно быть положено в основу классификации бус внутри групп. По этому признаку каждая группа делится на подгруппы:

А — бусы, не усложненные дополнительно орнаментацией, т. е. бусы без орнамента;

Б — бусы, орнаментированные различными способами. Внутри подгрупп бусы подразделяются на отделы по форме поперечного сечения — круглые, ребристые, граненые. Отделы, в свою очередь, делятся на типы по форме продольного сечения.

Иногда сложная форма изделия требует введения промежуточного деления: например, бусы отдела «граненые» подразделяются по числу граней в поперечном сечении на подотделы — четырехгранные, шестигранные, восьмигранные, а уже внутри подотделов делятся на типы — эллипсоидные, призматические и т. д. Типам бус в возможных случаях даются общепринятые названия. По цвету стекла, степени его прозрачности выделяются виды. Аналогии подбираются на уровне вида, реже — типа. Датировка и в тех случаях, когда это возможно, выяснение происхождения бус того или иного вида и типа осуществляются на основании стратиграфии находок и аналогий.

Внутри вида бусы разделяются по размеру. Размер бусины является одной из важных ее характеристик. Учитываются два размера — высота (расстояние между отверстиями) и наибольший диаметр. Бусы, у которых высота или диаметр больше 10 мм, относятся к крупным, от 6 до 10 мм — к средним, до 5 мм — к мелким.

Подвески

В эту категорию стеклянных украшений входят, во-первых, бусы, которые в силу своего большого размера или особенности формы должны были носиться как отдельные украшения на шнурке на шее, в косе или в качестве центральной бусины в ожерелье, составленном из бус обычного размера. Во-вторых, настоящие вытянутые вертикально подвески различной формы, у которых в верхней части имеется ушко или отверстие, куда пропускается нить или шнурок (кулоны). Всего подвесок найдено 157 экземпляров.

Как и бусы обычных размеров, мы разделяем подвески по технологии их изготовления и орнаментации.

Стеклянные браслеты

Стеклянных браслетов с Болгарского городища известно 157 экземпляров.



Фрагмент стеклянного браслета древнерусского производства . XI–XIII вв.

По их набору Болгар очень близок древнерусским городам. Здесь нет специфических южных форм — широких плоских с накладными нитями, продольными полосами, желобками, росписью и т. д. Количественное же соотношение типов браслетов Болгара по сравнению с древнерусскими иное: круглые гладкие браслеты резко преобладают над крученными, а рифленых вообще нет. Среди браслетов Киева, Полоцка, Вышгорода, Новгорода, городища Слободки разница между количеством гладких и витых небольшая, обе формы браслетов встречаются обычно примерно в равных соотношениях. В золотоордынских же городах Нижнего Поволжья, по данным Н.Н. Бусятской, круглые гладкие браслеты резко преобладают над крученными и находятся в соотношении 45,6 к 1,3 % .

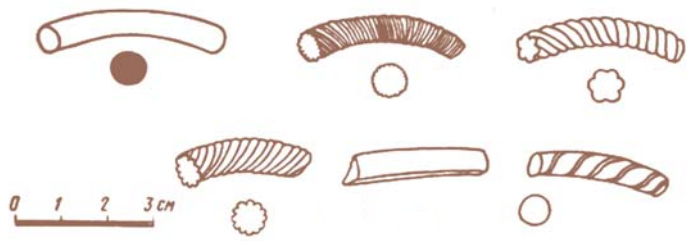
Цвет браслетов города Болгара также своеобразен — во всех типах отмечается безусловное преобладание черного над другими цветами. В целом черные браслеты составляют 41,36 %, т. е. около половины. Из всех русских городов, пожалуй, только Новгород дает преобладание черного цвета для браслетов. На втором месте в Болгаре стоят бирюзовые браслеты (20,36 %). Пристрастие к бирюзовому цвету характерно для стран Востока и для Золотой Орды, что видно на примере бус и перстней. Однако бирюзовые браслеты в отличие от других стеклянных украшений все прозрачные (полупрозрачных экземпляров встречено всего несколько). Коричневые и зеленые браслеты присутствуют почти поровну. Желтые (все прозрачные) единичны. Синих меньше всего. Часть браслетов (8,92 %) потеряли цвет. В некоторых случаях цвет браслетов определенным образом связан с формой: 2 из 4 имеющихся синих браслетов — плосковыпуклые, такой же формы 2 черных и 2 бирюзовых браслета. Плосковыпуклые браслеты, именно синие и черные, чаще всего встречаются и на других памятниках Восточной Европы.

Что касается такого способа орнаментации, как оплетение браслета (круглого или крученого) одной или несколькими цветными нитями, то в Болгаре он характерен для 3,79 % браслетов. Таких браслетов всегда немного — например, в Новгороде их 10,65 %.

Решить вопрос о происхождении браслетов можно, только выяснив состав стекла. До последнего времени были известны результаты 5 спектральных анализов браслетов из Болгара. В последнее время Ю.Л. Щаповой были проведены анализы еще 12 стеклянных браслетов.

Из 17 взятых наугад браслетов, найденных в Болгаре, 11 оказались русскими (K-Pb-Si). Из них 10 найдены в золотоордынском слое, а 1 — в слое пожара 1236 г. и может считаться домонгольским. Находки браслетов в домонгольском слое единичны. Безусловно, часть домонгольских браслетов могла попасть в вышележащие слои в результате перекопов, как это часто наблюдается по другим находкам, или сохраниться в быту пережиточно, хотя это очень хрупкое и недолговечное украшение. Основная же масса браслетов датируется второй половиной XIII–XIV в.

Во второй половине XIII–XIV в. русские браслеты этого состава изготавливались в Новгороде. Такие браслеты продолжали бытовать



Формы стеклянных браслетов Болгара

в XIII–XIV вв. в Белоозере и других городах, не затронутых непосредственно монголо-татарским нашествием. Отсюда, из Северной Руси, и доставлялась большая часть стеклянных браслетов в Болгар. Браслеты другого состава стекла могли попадать из нижневолжских центров Золотой Орды, из Средней Азии, с Кавказа. В стеклодельной мастерской Селитренного городища (Сарай) найдены следы производства стеклянных браслетов. Из типов, встреченных в Болгаре, там изготавливались круглые гладкие; крученые, перевитые спиралью; плосковыпуклые брас-леты. Эта или какие-то другие мастерские могли снабжать Болгар своей продукцией. Нельзя исключить и возможность изготовления браслетов на месте по тем или другим рецептам.

Стеклянные перстни

В настоящее время известно 225 стеклянных перстней из Болгара. Эта цифра необычайно велика. Н.Н. Бусятская также отмечала, что в Болгаре их намного больше, чем в других городах Золотой Орды. В Новгороде за 1951–1957 гг. было найдено около 100 перстней, в Белоозере — 52, в других древнерусских городских центрах — единицы. В Серенске, где было собственное стеклодельное производство, в том числе и перстней, найдены 7 экземпляров. Перстни были в основном городским украшением, в сельских поселениях находки их редки.

По форме болгарские перстни довольно единообразны. Подавляющее большинство их (223 экз.) плосковыпуклые, образующие в сечении полукруг, иногда с вогнутым основанием. Такие перстни изготавливались, как установлено Ю.Л. Щаповой, путем навивки стеклянной нити вокруг стержня. Из всей массы перстней выделяются 9, имеющих рифленую поверхность.

Целыми найдены 12 плосковыпуклых перстней. Все они имеют овальный щиток, который получался в результате прикладывания еще горячего перстня к какой-либо поверхности. Этот способ украшения перстней был распространен и на Руси, и в Средней Азии. Почти половина обломков (102 экз.) перстней имеют этот щиток. Можно предположить, что и хотя бы часть обломков без щитка принадлежит также щитковым перстням. Один плосковыпуклый перстень (обесцвеченный) имеет фигурный щиток в виде двух защипов, другой — оттиск нечитаемой арабской надписи на щитке. В то же время наблюдается некоторое различие

в окраске обломков щитковых перстней и перстней, не имеющих щитка. Если обломки со щитком, черные и бирюзовые, найдены в равных количествах, то обломки бирюзовых перстней без щитка более чем в 3 раза превышают черные. Синие перстни также показывают связь цвета и формы: из 13 экземпляров (целых и обломков) щиток имеют 11. Остальные цвета представлены единичными находками, и какую-либо закономерность выявить трудно.

Два перстня из найденных в Болгаре принадлежат к другому типу: они круглые в сечении, один коричневый, другой фиолетовый. Круглые в сечении перстни встречаются вообще довольно редко. В Новгороде зеленые и желтые круглые перстни (свинцовые, состав Pb-Si) найдены в слоях конца XIII — середины XIV в. Подобный перстень найден в Белоозере в слое XIV в. Ю.Л. Щапова предполагает, что такие перстни изготавливали в Новгороде. В Серенске 2 круглых перстня, изготовленные, по-видимому, на месте, найдены в слое пожара 1240 г.



Бусы Болгара. XII–XIV вв. БГИАМЗ

В старых коллекциях и среди подъемного материала имеются 52 перстня из Болгара. Остальные 173 найдены при раскопках. Для 38 из них слой не установлен.

Из V (домонгольского) слоя происходят 2 перстня — синий прозрачный рифленый плосковыпуклый со щитком и бирюзовый непрозрачный плосковыпуклый без щитка; из IV р. — 16 экземпляров; из IV п. — 86. Из IV слоя (без разделения на горизонты) — 23 экземпляра, из II слоя — 8.

Таким образом, стеклянные перстни почти все, за небольшим исключением, принадлежат золотоордынскому периоду жизни Болгара. Сходство в цветовом составе перстней Болгара золотоордынского периода и других золотоордынских центров объясняется тем, что Болгар, вероятно, снабжался перстнями из тех же источников, что и другие города Золотой Орды. В этой связи интересно обратиться к материалам единственной пока золотоордынской стеклодельной мастерской, раскопанной на Селитренном городище (город Сарай). Среди разных изделий там изготовлялись и перстни. Все найденные в мастерской перстни (8 экз.) плосковыпуклые щитковые («печатные»), т. е. те, что составляют большинство и на Болгарском городище. По цвету на первом месте стоят бирюзовые. Все стекло из этой мастерской (следовательно, и перстни) непрозрачное. Аналогии таким перстням указывают на Среднюю Азию как на возможную область их происхождения и распространения в Золотой Орде. Перстни плосковыпуклые щитковые прозрачные (бирюзовые и синие, черные) встречены, например, на поселениях Уйгарак (XII–XIV вв.), Шехрлик. Находки их как на домонгольских, так и в основном на золотоордынских памятниках Средней Азии отмечает Л.Л. Галкин.



Бусы Болгара. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Как подчеркивает Н.Н. Бусятская, вопрос о происхождении золотоордынских перстней, и в частности перстней Болгарского городища, не ясен. Конечно, решающую роль здесь могли бы сыграть анализы, но их пока мало. Тот факт, что даже по неполным данным Н.Н. Бусятской, ровно половина всех перстней из золотоордынских городов найдена в Болгаре (из 150 перстней — 73 болгарские), а по нашим сведениям, в Болгаре к этому периоду относятся точно стратифицированные 125 экземпляров, это заставляет усомниться в том, что они изготовлены в нижневолжских центрах. Их должны были или привозить из Средней Азии, или изготавливать на месте, в самом Болгаре, среднеазиатские мастера в традициях и вкусах своей родины.



Интересно рассмотреть вопрос об одной группе новгородских находок, которые Ю.Л. Щапова предположительно относила к западноевропейскому импорту. Речь идет о 8 голубых (бирюзовых) непрозрачных плосковыпуклых перстнях, изготовленных из стекла, сложного по составу: Na-K-Ca-Pb-Si. Они найдены в 8-11 ярусах и ни разу не встречены в слоях другого времени. Исследованные Ю. Л. Щаповой 2 перстня с Селитренного городища дали разные составы стекла: синий прозрачный — Na-K-Ca-Mg-Al-Si, бирюзовый непрозрачный — Na-K-Ca-Mg-Al-Pb-Si. Последний оказался очень близким по своему составу группе новгородских непрозрачных перстней. Стекла этого состава (среди других) выявлены также и при изучении мастерской Селитренного городища. Очевидно, этот рецепт стекла был одним из характерных для Поволжья золотоордынского периода. Поэтому группу перстней из Новгорода, датированных концом XIII–XIV в., можно отнести к импорту не с Запада, а из Золотой Орды, точнее, из Болгара.









Вставки перстней

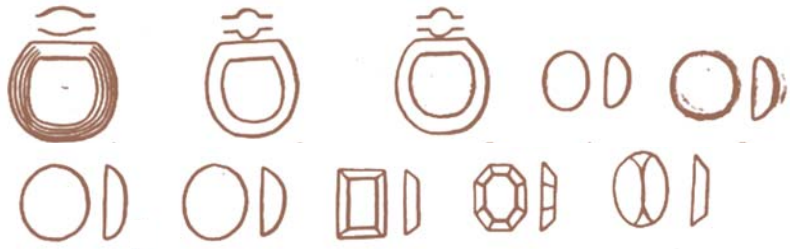
Издавна металлические перстни украшались стеклянными вставками, имитирующими драгоценные камни. На Болгарском городище найден 51 экземпляр стеклянных вставок различных форм.

Наиболее распространенными в средневековой Восточной Европе были круглые и оваль-

ные в плане плосковыпуклые вставки, отнесенные нами к I группе. Они формировались очень просто — каплю остывающего стекла помещали на плоскость.

Как и в окраске стеклянных перстней, преобладающим является бирюзовый непрозрачный цвет. Часто встречаются коричневые прозрачные.

Подобные стеклянные вставки известны на Руси, в Золотой Орде, Средней Азии и на Кавказе. В Новгороде перстни со стеклянными вставками встречены в слоях XII–XIV вв. В Белоозере найдены 10 вставок, из них 9 относятся к этой группе. Они распределяются равномерно в слоях XI–XIV вв. Есть они и в других русских городах. По городам Золотой Орды Н.Н. Бусятская насчитывает (вместе с золотоордынскими слоями Болгара) 39 экземпляров. Отмечено, что иногда вставками служили расколотые пополам одноцветные бусины. Подвергнутая анализу бирюзовая непрозрачная вставка показала состав, свойственный золотоордынским стеклам.



Перстни и вставки перстней Болгара

Группа II включает вставки, отлитые в форму и имеющие иногда гранение и полировку. Все эти вставки сделаны из бесцветного стекла, подражающего горному хрусталю. Они также, как и вставки группы I, плосковыпуклые, но с ребром при переходе к выпуклой поверхности. Высота их очень небольшая — 1,5–2,5 мм. Различаются типы I–V: круглые, овальные, прямоугольные, шестиугольные, восьмиугольные.

От хрустальных изделий они отличаются меньшим весом, теплотой поверхности и иногда некоторой потертостью, чего никогда не бывает на хрустальных вставках.

Все вставки группы II, кроме одной, происходят из случайных находок, при раскопках зафиксирована только одна.

Плоские стеклянные вставки прямоугольной формы Н.Н. Бусятская в золотоордынских городах не фиксирует. Но они есть в хорезмийских памятниках — например, на поселении в урочище Дарьялык-куль (XII — начало XIII в.). Одна прямоугольная зеленая вставка найдена в Белоозере, но она не связана с подражанием хрусталю, которое шло, видимо, с Востока.

Оконное стекло

Обломки оконных стекол встречаются в культурном слое Болгара довольно часто. Подавляющее большинство их бесцветные, но с зеленоватым или голубоватым оттенком, со множеством мелких воздушных пузырьков — «мошки». Изредка находят обломки цветного оконного стекла — ярко-зеленого, коричневого, рубиново-красного, синего; оно лучшего качества.

Бесцветные оконные стекла имеют форму дисков с двойным петлевидным в сечении краем. Поверхность дисков покрыта вдавлениями в виде концентрических кругов — следы способа производства (выдувался пузырь, который потом расплющивался путем вращения на плоскости). В Болгаре зафиксировано 167 обломков краев подобных дисков. Все паспортизованные находки относятся к золотоордынскому слою, причем большая часть к позднезолотоордынскому. В домонгольских слоях оконные стекла как будто пока не встречены. На Руси оконные стекла в виде дисков употреблялись с XI до середины XV в. В Средней Азии оконные диски известны с XI в. (Ниса, Афрасиаб) вплоть до тимуридского периода. Застекление окон было широко распространено в Хорезме XII в. В городах Золотой Орды такие стекла встречаются также часто.

Диаметр болгарских бесцветных дисков 16–24 см, но наибольшее число находок имеет диаметр 18–23 см.

По сравнению с оконными дисками нижневолжских центров болгарские более крупные. На Селитренном городище преобладают диски диаметром 16–18 см, на Царевском 10–12 см. Диски с хорезмийского поселения Шах-Сенем (XI — начало XIII в.) имеют диаметр 16–35 см.



Стеклянный шар — сырье для производства изделий. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

На Афрасиабе обычно — 21 и 31 см; в монументальных сооружениях Самарканда XV в. оконные стекла имели диаметр 32–35 см, сырцовая крепость в Таджикистане Кала-и-боло дала при раскопках диски 18–22 см. Размер оконных дисков в Мерве 18–35 см, в Узгене — 22–35 см. Получается, что по размеру оконные диски Болгара стоят ближе к некоторым среднеазиатским центрам, чем к городам Золотой Орды. Анализы оконного стекла Болгара показывают, что оно по составу близко как стеклам Нижней Волги, так и стеклам Средней Азии.

Найденные в Болгаре обломки цветных оконных дисков представляют собой плоские тонкие стекла, не имеющие пузырьков внутри и концентрических кругов на поверхности. Края цветных дисков оформлены совсем не так, как у бесцветных, а узенькой закраинкой шириной 1–2 мм. В профиль это выглядит как небольшое утолщение по краю, но без петельки. Диаметр цветных дисков больше, чем бесцветных, — 25–27 см. Качество стекла лучше, цвета очень чистые и яркие.

Всего найдено 58 фрагментов цветных стекол (из них 12 — от закраин). Красных стекол найдено — 28, зеленых — 6, синих — 15, корич-

невых — 3. Есть 6 стекол, у которых красный цвет в центре диска по краям переходит в зеленый. Анализы зеленого, красного и синего стекла из Болгара дали состав Ca-Na-Mg, свойственный Византии или Египту. Исследователи среднеазиатского стекла отмечают, что цветные стекла XV в. из Самарканда (мавзолей Ишрат-хана) по составу резко отличаются от других среднеазиатских стекол, и делают вывод, что они привозные.

И бесцветные, и цветные стекла в Болгаре связаны большей частью с храмами, общественными зданиями и богатыми сырцовыми домами золотоордынской знати. Так, например, множество обломков бесцветных дисков было найдено в 1982 г. при раскопках одного такого дома, имеющего систему подпольного отопления. Точно так же и в других золотоордынских центрах оконные стекла связаны с зажиточными домами (деревянными и сырцовыми). На городище Шах-Сенем особенно много стекла было найдено при раскопках мечети конца XII — начала XIII в. Цветным стеклом были украшены 4 памятника архитектуры Самарканда XV в. На Афрасиабе оконные стекла встречаются и в рядовых жилищах.

Как же крепились оконные диски? На Руси для закрепления стекол делали деревянные рамы (Нередица в Новгороде, церковь Св. Георгия в Старой Ладоге). В Средней Азии и Нижнем Поволжье, где нет леса, такие рамы делались из гипса (ганча). Поскольку традиции архитектуры и употребления в ней оконных стекол в Болгар пришли с Востока, то и здесь также употреблялись гипсовые оконные рамы. Решетку из ганча еще недавно можно было видеть в «Черной палате» — одном из дошедших до нас архитектурных памятников XIV–XV вв. Болгара. Переплет этой решетки имел круглые отверстия.

Цветные оконные стекла употреблялись по-другому: их нарезали на мелкие фигурные кусочки и вставляли в панджару — гипсовую решетку, получался своеобразный мозаичный цветной витраж. Фрагменты таких решеток с кусочками разноцветного стекла были найдены дважды на Селитренном городище, в загородной усадьбе Замахшара (Хорезм), на городище Лягман X–XII вв. (в Таджикистане, на Афрасиабе. В Нисе были найдены куски бесцветного оконного диска, оставшегося от вырезания правильных геометрических пластинок. Е.А. Давидович, опираясь на изображения архитектуры в среднеазиатской миниатюре, пришла к выводу, что такие решетки с многоцветными стеклами использовали в верхней части дверных проемов или в оконном проеме над дверью. Цветные стекла были существенной частью красочного декора среднеазиатских зданий. Такую же роль они, безусловно, играли в монументальной архитектуре Болгара. Мастерских по изготовлению оконных дисков пока не найдено нигде, поэтому установить точно, где произведены оконные стекла Болгара, пока не удается. Возможно, диски из неокрашенного стекла привезены из Средней Азии, но не исключено, что их делали и в самом Болгаре. Цветные оконные стекла, где бы они ни изготавливались, на Волгу поступали из Средней Азии.

Посудное стекло

Помимо украшений, на Болгарском городище найдено множество осколков посудного стекла. Особенно крупные скопления были встречены при раскопках в районе Малого минарета и Ханской усыпальницы в восточной части города. Особенно много в этом районе найдено импортного дорогого стекла, которое почти все пострадало при пожаре.

Все посудное стекло Болгарского городища разделяется на 2 группы. В первую из них входит бесцветное (т. е. не окрашенное специально) прозрачное стекло, обычно толстое, имеющее зеленоватый, голубоватый, изредка желтоватый оттенки, покрытое, как правило, пленкой иризации и содержащее множество пузырьков. В эту группу входят и некоторые цветные стекла. Вторая группа объединяет также бесцветное прозрачное стекло, но лучшего качества и сохранности, зачастую расписанное эмалью. В эту же группу входит и некоторое число цветных, в основном фиолетовых и синих, стекол. Происхождение этих групп разное. Посудное стекло всех золотоордынских городов подразделяется так же.



Глиняные сфероконусы. Болгар. Раскоп 2011 г. XII–XIV вв. БГИАМЗ

На некоторых стенках сосудов I группы сохранился декор: накладные нити, ямки-вмятины, полученные при выдувании в форму, налепы из цветного стекла, волнообразный налеп с защипами. Встречены также стенка сосуда с вертикальными канелюрами по внутренней поверхности, стенка сосуда с выступом на внутренней поверхности, очевидно для крышки. Найдена стенка из двух слоев стекла.

К I группе принадлежат, видимо, и некоторые цветные стекла, которые встречаются и в Средней Азии. Найдено 27 осколков синего прозрачного стекла без орнамента. Можно предположить, что два сосуда имели вогнутое дно с утолщением в центре (следом понтия). Придонная часть другого сосуда имела, по-видимому, такое же дно и тонкие вертикальные стенки, округло переходящие ко дну. Четвертый сосуд обладал слегка вогнутым дном без утолщения в середине и расширяющимися от дна стенками. Имеется также круглая по форме и в сечении ручка сосуда, диаметр сечения которой 6 мм. Среди фрагментов стенок некоторые — довольно выпуклые. В целом можно заключить, что формы цветных сосудов близки формам сосудов зеленоватого и голубоватого стекла.

В Болгаре найдены фрагмент синего стекла с белыми нитями, стекло бирюзового цвета с желтой нитью от стенки сосуда и зелено-коричневый с белыми нитями венчик. Способ декорирования стеклянных сосудов нитями и кусочками стекла другого цвета был широко распространен в среднеазиатском стеклоделии начиная с VIII в.

Стеклянная посуда I группы из зеленоватого и голубоватого стекла обычно довольно низкого качества, в большинстве случаев асимметричная, с неровной поверхностью, имеет точные аналогии в Средней Азии, откуда она, по-видимому, и происходит. Такая же посуда домонгольского времени найдена в Биляре. В Болгаре посудное стекло в основном находят в золотоордынских слоях, хотя есть оно и в домонгольское время.



Стеклянный кувшин. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Стеклянный сосуд. Болгар. XI–XII вв. БГИАМЗ

Во II группу входят прежде всего изделия из бесцветного стекла, многие из которых расписаны. Особое место здесь занимают лампы, бывшие в арабское средневековье одним из основных украшений мечетей. Они представляют собой сосуд с округлым приземистым туловом, обычно на поддоне, с высоким расширяющимся кверху горлом. По окружности тулова расположено 6 ручек, за которые лампа подвешивалась к потолку. Высота ламп достигает 35–38 см, причем примерно треть ее занимает горло. Роспись обычно располагается на лампах поясами: широкие полосы эпиграфического многоцветного орнамента перемежаются зонами тонко прорисованных арабесок или пятен цветной эмали, включенных в растительный орнамент.

Большая часть фрагментов арабских ламп была найдена в юго-восточном районе Болгара, но они встречаются по всей центральной части городища и в богатых сырцовых домах, принадлежавших золотоордынской знати. Все находки ламп связаны с XIV — началом XV в.

На нескольких осколках одной лампы обнаружены следы изображения сцены охоты, где собаки или лисы преследуют зайца. Выше этого орнаментального фриза идет полоса сложной плетенки, нанесенная тонкой золотой линией, а ниже — эпиграфический орнамент. Подобная же сцена встречена однажды на стекле, найденном на Селитренном городище (Сарай). Другие фрагменты ламп хранят роспись разноцветными пятнышками. Подобный орнамент встречается на египетских средневековых лампах. Такие лампы в Болгаре представляют собой импорт из Сирии и Египта, что подтверждается и составом стекла. Всего в Болгаре учтено не менее 150 фрагментов таких ламп.

Из стекла такого же качества изготавливали и сосуды, которых в болгарской коллекции насчитывается 215 фрагментов. Из них 40 сохранили роспись или ее следы. В одном случае восстанавливается почти полная форма сосуда — маленький цилиндрический стаканчик диаметром 3 см, украшенный по венчику росписью красной и золотой краской. Чаще встречаются фрагменты стаканов с цилиндрическим туловом и с воронкообразно расширяющейся верхней частью. Некоторые из них имеют поддон.



Кубок из стекла. Сувар. XI–XII вв. БГИАМЗ

Орнаментация сосудов из бесцветного стекла красочна и разнообразна: это и эпиграфический узор, выполненный синей краской с красной обводкой, и цветные точки, сочетающиеся с полосами, и растительный орнамент. На одном венчике толстостенного сосуда — рельефная плетенка, покрытая позолотой по красной грунтовке.

В эту же группу ближневосточных стекол входят фиолетовые и синие сосуды с орнаментом из накладных стеклянных нитей. В яме XIV в. найдены два почти целых фиолетовых флакона, покрытых белым «елочным» узором. Флаконы из очень тонкого прозрачного стекла. Близкие по форме флаконы синего стекла, но по-другому орнаментированные, найдены в Новогрудке в слое XII — начала XIII в., на Кипре (XII в.), в Коринфе (XI–XII вв.).

В слое XIV в. найден крупный фрагмент фиолетового сосуда также с белыми полосами, толстостенного, округлого, без шейки и венчика.

Вероятно, это туалетный сосуд, а может быть, чернильница. Аналогичный сосуд найден на Селитренном городище.

Большая часть фрагментов синего стекла также принадлежит привозным ближнево-сточным сосудам. Узоры на них выполнены эмалью: белой — «елочный» орнамент, желтой, белой и красной — растительный.

К этой же группе стекол принадлежат два массивных литых загадочных предмета из зеленого прозрачного стекла. Один из них имеет форму пестика. Возможно, он относится к аптекарской посуде или к посуде алхимиков. Другой предмет представляет собой сосуд в форме слегка сплюснутого шара диаметром 14 см. Назначение непонятно. Аналогии обоим предметам найти не удалось.



Стеклянный бисер. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Особую группу посудного стекла из Болгара составляют три донца из светло-желтого прозрачного стекла; два из них массивные, двойные — принадлежат к числу довольно частых находок на Руси. Почти целые сосуды — «бокалы» были найдены в Галиче и Турове и датированы XII в. В то же время такие же по форме и цвету донца встречены, например, на поселении Ахсикат (Фергана); для выяснения их происхождения нужны анализы стекла. Третье, вогнутое донце принадлежит сосуду с прямыми вертикальными стенками. Такие донца характерны для Руси, и анализ подтвердил его русское происхождение.

Кроме перечисленных массовых находок из стекла в Болгаре встречены стеклянные рукоятки ножей, пуговицы с металлической петлей, разновременные напускные бусины от серег.

Изучение стекла Болгарского городища позволяет сделать некоторые выводы. Состав бус показывает, что к раннему этапу домонгольского периода (X — начало XI в.) относятся 356 экземпляров, т. е. 14,7 % всего количества учтенных бус. Такие типы, как лимоновидные, многочастные, рубленый бисер, ребристые, продольно-полосатые, черные с выпуклыми глазками в «овалах», бородавчатые (группы I и II), резные 14-гранные, призматические (IV группа), из отрезков глазкового стержня (V группа), а также белоромбическая бусина составляют ранний комплекс бус, который ставит Болгар в один ряд с крупными поселениями Северной и Восточной Европы X — начала XI в., находившимися в сфере ближневосточной торговли. Характерно, что в Среднюю Азию такие бусы попадали редко. Товары из Сирии или Египта доставлялись в Константинополь или Трапезунт, оттуда на Северный Кавказ и дальше по Волге шли на север. Другой путь проходил из Сирии через Палестину и Иран, дальше вдоль западного берега Каспийского моря или через Закавказье и Дербент к Волге. Значение Волжского пути и самого Болгара в снабжении восточным импортом стран Восточной и Северной Европы многократно доказано.



Стеклянный сосуд. Болгар. XII–XIII вв. БГИАМЗ

Возможен и другой путь: из Средиземноморья по европейским водным магистралям в Прибалтику. В этом случае в Среднее Поволжье их могли доставлять скандинавские или северорусские купцы. Й. Херман выяснил, что некоторые типы бус ценились в XI в. наравне со шкуркой куницы, которая, в свою очередь, соответствовала 1 дирхему, так что подобные торговые предприятия вполне себя оправдывали.

Период XII — первой трети XIII в. охарактеризован меньшим числом находок. Относящиеся к этому времени 137 бусин составляют всего 5,65 % общего количества. Поток бус, идущий в предыдущий период с Ближнего Востока в Восточную Европу, к этому времени иссяк, а дорогая, расписанная эмалями стеклянная посуда, которую привозили через Крым на Русь в XII — начале XIII в., в Болгар, видимо, почти не попадала. Отсутствует среди находок и византийское стекло. В Болгаре в это время бытовали одноцветные шарообразные зонные рыбовидные бусы, бусы с валиками у отверстий и «пластичным узором». Часть бус этих типов при анализе дает русский рецепт стекла. На Руси производство бус в XII — начале XIII в. переживало подъем, но в Болгар они, видимо, попадали эпизодически.

Стеклянные браслеты домонгольского периода датируются XII — началом XIII в. По внешнему виду домонгольские браслеты, найденные в Болгаре, ближе всего древнерусским.

Стеклянная посуда в небольшом количестве попадала в этот период в Волжскую Болгарию из Средней Азии. Форма и качество стекла



Венчик стеклянного сосуда. XII–XIII вв. БГИАМЗ

большинства сосудов из Биляра указывают на их среднеазиатское происхождение. К домонгольскому времени в Болгаре относятся и 3 обломка древнерусских сосудов. Оконных стекол в этих слоях пока не зафиксировано. Утратив к XII в. положение столицы, находясь под угрозой со стороны русских княжеств, Болгар в XII — первой трети XIII в. ввозит меньше стеклянных украшений и бытовых предметов, чем в предшествующий период. С другой стороны, находки этого времени свидетельствуют о крепнущих, несмотря на военные столкновения, торговых связях с Русью. Следов собственного стеклоделия в домонгольском Болгаре, как, впрочем, и в других центрах Волжской Болгарии, пока не обнаружено. Но нужно принять во внимание, что к настоящему времени исследовано всего 1,5 % территории домонгольского Болгара и 0,4 % золотоордынского. И среднеазиатская, и русская рецептура найденных изделий из стекла не отрицает возможность их изготовления на месте.

Золотоордынский период дает в Болгаре самые мощные слои и больше всего находок, в том числе и стекла. Это объясняется возросшей к XIV в. интенсивностью городской жизни и сравнительно хорошей сохранностью этих слоев. Множество бус (около 80 % всех находок), связанных аналогиями с мастерскими Средней Азии и Нижней Волги, бытовая стеклянная посуда, также идентичная среднеазиатской, парадные сосуды и лампы ближневосточного происхождения, стеклянные браслеты — русские, золотоордынские и закавказские, среднеазиатское бесцветное оконное стекло и, вероятно, ближневосточное цветное — вся эта масса стеклянных изделий свидетельствует о включении Болгара в XIV — начале XV в. в сферу теснейших международных связей с Хорезмом и другими областями Золотой Орды, со странами Средиземноморья, а также и с Русью. Для этого периода Н.Н. Бусятская намечает два возможных пути, по которым товары доставлялись на Волгу из стран Ближнего Востока: по морю вдоль побережья Малой Азии из Средиземного моря в Черное или сухопутными дорогами через Малую Азию до Трапезунта или Синопа, а далее по Черному морю до Крыма. Из Крыма шли пути через Северный Кавказ, а с XIV в. — через Азак на Волгу.

Можно предполагать и наличие своего стеклоделия в Болгаре XIV в. Раскопанная мастерская на Селитренном городище была небольшой и существовала недолго (5–6 лет, по определению Ю.Л. Щаповой), снабжать своей продукцией слишком большой район она не могла. По-видимому, каждый крупный город Золотой Орды должен был иметь свое стеклоделие. Свидетельством наличия собственного производства бус в Болгаре могут быть находки полуфабрикатов или брака — глазчатой бусины



Венчик стеклянного сосуда. XII–XIII вв. БГИАМЗ

с вставленной в нее керамической трубочкой (аналогичной самаркандским находкам), нескольких неразделенных одинаковых бус и др. Другим моментом, указывающим на большую вероятность существования в Болгаре мастерских по изготовлению стекла, чем в других золотоордынских городах, является значительное число некоторых украшений, например перстней, отдельных типов бус и своеобразие их цветового состава.

Выявить продукцию местных мастерских в массе стеклянных находок можно лишь с помощью массовых анализов стекла Болгара. Имеющиеся анализы наряду с типологическим изучением стеклянных вещей четко указывают на Среднюю Азию как на истоки основной части болгарского стекла второй половины XIII — начала XV в. Часть изделий могла быть привезена оттуда уже в готовом виде, а часть сделана в золотоордынском Поволжье, в том числе и в Болгаре, ремесленниками, вывезенными из Средней Азии, или изготовлена по их рецептуре. Как и другие ремесла, стеклоделие Золотой Орды было создано руками иноземных мастеров, чей опыт и вековые традиции были использованы завоевателями.

Т.А. Хлебникова

Кожевенное дело

Во всех тюркоязычных странах и в некоторых странах Восточной Европы широко известен особый сорт кожи — «болгари». В исторических источниках (например, в «Повести временных лет») зафиксировано, что уже в X в. болгарские воины носили кожаные сапоги, что предполагало наличие налаженного кожевенного производства. Такого мнения придерживались все исследователи, обращавшиеся к вопросам хозяйства и ремесел волжских болгар. Однако исследование кожи и кожевенного производства Болгара смогло начаться только после развертывания систематических археологических работ на городище. Первые археологические находки кожаной обуви и следов кожевенно-пошивочных мастерских были сделаны в результате раскопок 1947 и 1949 гг. На основании этих находок А.П. Смирнов и О.С. Хованская обратились к вопросу о кожевенном деле в Волгаре. Последующие археологические работы на Болгарском городище в 1950–1980-е гг. несколько пополнили количество остатков обуви и позволили начать разговор и о ее производстве. Но имеющийся к настоящему времени материал все еще нельзя считать достаточным для углубленного изучения темы, поэтому данная работа предлагается лишь как некоторое обобщение имеющихся сведений, необходимое в силу значимости болгарского кожевенного ремесла как показателя материального и культурного развития болгар, а также для характеристики истоков знаменитого ичежного производства татар. Здесь необходимо указать, что под кожевенным делом в данном очерке понимается как обработка шкур животных, так и изготовление из них различных изделий.

Скотоводство у жителей Болгара и его округи служило хорошей сырьевой базой для кожевенного дела в городе. В составе болгарского стада было достаточно много лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Вероятно, как и на Руси шкуры всех этих животных шли в производство. В большем количестве использовались, возможно, бычьи шкуры. По сведениям Ибн-Фадлана (по Йакуту), бычья шкура была предметом подати болгарскому царю от каждого занимающегося хозяйством двора. Исследование почти 800 кожаных обрезков и частей готовых изделий из раскопа 1949 г. на посаде Болгара (раскоп 18), проведенное реставратором Государственного Исторического музея А.Д. Чиварзиным, привело его к заключению об использовании в качестве сырья воловьих шкур. Для изготовления мягкой юфтевой кожи под названием «болгари» должны были использоваться шкуры различных молодых животных, дающие более эластичную кожу. Согласно списку государственных стандартов, куда введен и этот термин, на ее изготовление преимущественно шли шкуры яловки и бычка. Использовались, вероятно, и шкуры мелкого рогатого скота, которого в болгарском стаде было много. В целом при развитости болгарского скотоводства, имевшего самостоятельное хозяйственное значение, недостатка в разнообразном сырьевом материале для кожевенного производства, конечно, не было.



Образцы изделий из кожаной мозаики. 1920-е гг.



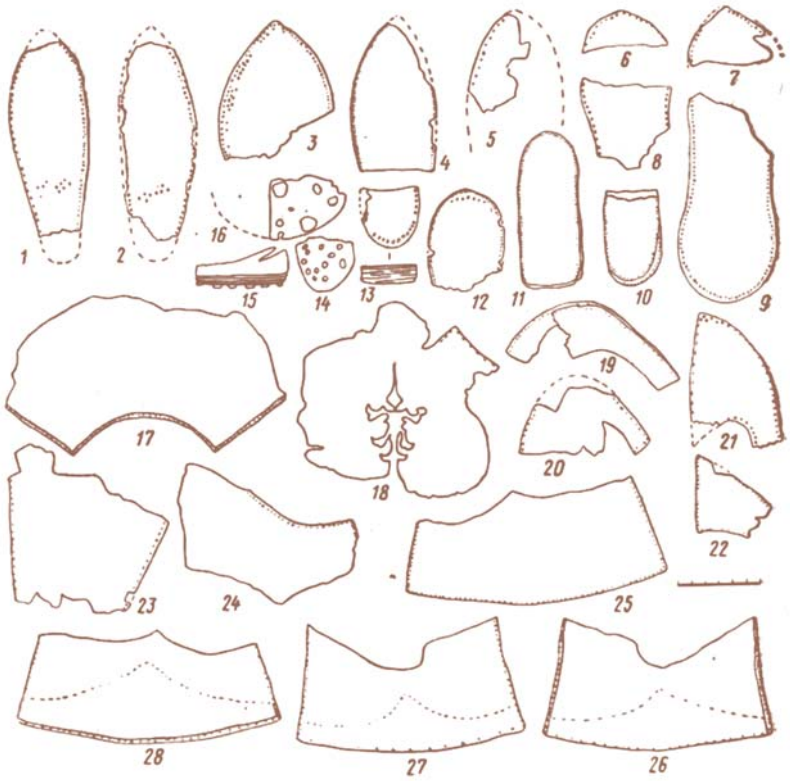
Каменный оселок для заточки шильев. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Мастерские по обработке шкур и изготовлению кожи в Болгаре пока не обнаружены. Но процесс производства сырья не трудно представить благодаря его лучшей изученности у соседей, например на Руси, и по кустарному производству более позднего времени. Этот процесс заключался в отмачивании шкур, в очистке от мездры (нижнего рыхлого подкожного слоя) и остатков мяса, жира, в сгонке волоса с верхним роговым слоем кожи, в мягчении и дублении ее, а затем в выравнивании и жировании. В силу особенности сырья такая последовательность процесса изготовления кожи является общей для кожевенного производства вообще. Различия у разных народов эпохи средневековья заключались в приспособлениях, способах и приемах осуществления этих операций.

О.С. Хованская, основываясь на заключении А.Д. Чиварзина, сообщает, что в отношении исследованных им остатков из Болгара «процесс гонки шерсти осуществлялся не известкованием, а обработкой хлебным тестом. Для дубления применялось ивовое корье, готовые кожи жировались яичным белком». Однако это заключение сделано на материале одного раскопа; чтобы получить более полные сведения, необходимы дополнительные химические исследования большего числа образцов. Имеющиеся факты указывают лишь на некоторые приемы подготовки сырья кожевниками Болгара, но и они, судя по исследованным образцам, обеспечивали изготовление высококачественных сортов кожи.



Железное шило. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Детали обуви. 1–12 — подошвы; 13–16 — каблуки; 17–22 — головки; 23-34 — голенища; 25–28 — задники; 1–2 — р. LXVII; 3–4, 6–12, 14–15, 19–21, 24 — р. 25; 5 — р. XXXV; 13 — р. XXXV; 16, 18 — р. 18; 22 — р.29; 23 — р. 14; 17, 25–29 — раскопки на Ага-Базаре. Болгар. XIII–XIV вв.



Железные иглы. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Как свидетельствует анализ остатков изделий, болгарские кожевники при использовании различных кож учитывали назначение изделия. Более грубые и твердые сорта кожи толщиной до 2–2,5 мм шли на подошвы и каблуки для жесткой взрослой обуви, хотя есть и сделанные из нее голенища от сапог. На мягкую же обувь и на различные изделия другого рода использовалась более тонкая и более эластичная одно-и двухслойная кожа толщиной 1–0,5, 1–0,3 мм.

Кожаные изделия Болгара имели буро-коричневый цвет более или менее темной окраски. Образцов красного цвета, в который, как известно, окрашивалась юфтевая кожа, называемая «болгари», и зеленого цвета, свойственного сафьяну, среди образцов Болгара не встречено. На археологическом материале окрашивание в эти цвета не прослежено. Источником сведений о бытовании кож этого цвета у болгар являются данные языка и фольклора.

Кожевенная продукция Болгара представлена отдельными деталями взрослой и детской обуви и заготовками для нее, кошельком, ремешками, фигурными деталями для нашивок и массой обрезков от раскроя кожи. Из деталей обуви есть подошвы, каблуки, головки, задники, части голенищ и много фрагментов, назначение которых точно определить затруднительно. Подошвы и их куски достаточно многочисленны — их более двух десятков. Они различного кроя и размера: тупоносые и остроносые с закругленной пяточной частью. Среди имеющихся образцов подошв есть толстокожие, но большинство выделано из достаточно тонкой (в 1 мм) кожи: видимо, эти подошвы принадлежали обуви мягкой.



Сапог ичиг. XX в.





Фрагменты кожаных изделий золотоордынского периода. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Ичиги «Сапфировые». Кожа, мозаика, вышивка. Худ. Н.Х. Кумысникова. 2003 г.

Каблуки все полукруглой формы, четырех-семислойные, с железными гвоздиками или следами от них, а описанный О.С. Хованской — с шипами. Все каблуки происходят, видимо, от сапог на достаточно жесткой подошве.

Головки представлены десятком фрагментированных экземпляров. Однако они все же дают некоторую возможность представить и крой обуви. Среди них есть цельнокроеные образцы и сделанные из двух деталей со швом от носка. Первые — от сапог из грубой, толщиной 2 мм кожи; от мягкой обуви типа туфель и сандалий — из кожи более тонкой, толщиной 1 мм. Головки из двух частей выделаны из тонкой кожи и принадлежали мягкой открытой легкой обуви.

Среди задников выразительных образцов всего 7, из них 4 образца — жесткие, из толстой



Узорные татарские сапоги ичиги. Начало XX в.

(2 мм) кожи, с дополнительной прошивкой (прокладкой) от сапог, а 2 — от мягкой обуви из более тонкой кожи, причем один сшит из двух деталей, соединенных по пяточному шву. Часть еще одного задника вместе с каблуком явно принадлежала сапогу с жесткой подошвой.

В болгарской коллекции кожаных изделий есть несколько фрагментов голенищ из двухслойной тонкой кожи и кожи более грубой, но также двухслойной.

Помимо описанных определимых частей обуви, в коллекции Болгара много кусков кожи, сохранивших следы швов. Некоторые из них тоже могут происходить от обуви, представляя собой ее детали в виде ремешков и различных частей кроя.

Пошив обуви, судя по имеющимся образцам, осуществлялся разнообразными швами. Много образцов со следами потайного шва встык. Он наблюдается на соединении головки с задником и голенищем, на соединении двух кусков кожи в одной детали. На подошвах есть следы потайного накладного шва. Потайные швы наблюдаются на внутренней стороне жестких задников.

Другой применявшийся болгарскими кожевниками шов — выворотный. На подошвах есть удлиненные поперечные следы, видимо от сквозного выворотного шва через край. Выворотным, вытянутым швом вдоль края соединялись 2 детали головки сандалий. Однако больше образцов с точечными следами, оставленными сквозными (наружным и выворотным) швами. От последнего наблюдается определенный изгиб края в результате сильной затяжки и выворачивания сшитых деталей. Поскольку полностью сохранившихся образцов обуви из Болгара нет, то на основе первых же находок 1947 и 1952 гг. была сделана попытка реконструкции обуви: туфли, вероятно, типа сандалия из тонкой мягкой кожи и сапожка, с мягким сшивным задником. Проведенная реконструкция, а также другие имеющиеся в коллекциях образцы дают представление о мягкой туфлеобразной неглубокой обуви и сапогах на мягкой и более жесткой (с каблуком) подошве. Все собранные данные позволяют считать, что кожевниками Болгара изготовлялась обувь различных типов: невысокие легкие из мягкой кожи сандалии, мягкие сапожки и полусапожки и сапоги с жестким двойным задником на более жесткой подошве и многослойном каблуке. Все эти типы обуви продолжали бытовать и у татар в XV–XVI вв., обувь этого времени в хорошей сохранности можно видеть в археологической коллекции Казанского кремля, а более позднего — в альбомах с зарисовками обуви.



Костяной инструмент для тиснения кожи. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Об оформлении болгарской обуви говорить пока трудно, хотя О.С. Хованская и усмотрела в отдельных образцах наличие плоского и рельефного тиснения. Есть также образцы с растительным сквозным рисунком, свидетельствующим об украшении аппликацией передка обуви типа сандалии. Сандалия имела, видимо, подкладку, возможно из цветной ткани, на фоне которой рисунок, вырезанный на коже, хорошо выделялся. Признаков шва в этом случае не заметно.

На некоторых образцах кожи из Болгара (видимо, от головок) есть следы параллельных надрезов в 0,3–0,4 см друг от друга. Надрезы сделаны на внутренней, рыхлой части кожи и имели не орнаментальное, а утилитарное значение — смягчали сгиб обуви при движении и обеспечивали форму обуви по ноге.

Как уже говорилось, продукция кожевников не ограничивалась изготовлением обуви, хотя при широком распространении именно она была основной категорией изделий в кожевенном производстве. Имеющиеся в археологической коллекции Болгара, помимо деталей обуви, небольшой кошелечек из мягкой тонкой кожи, куски полосок со следами швов, вероятно от ремней, фигурные обрезки, очевидно для нашивания на ткань в качестве аппликации (?), возможно конской упряжи, заготовка в виде кружка диаметром 4,5 см, видимо для мячика, и другие говорят о широком употреблении кожи в быту Болгар. По письменным источникам и археологическим находкам из других памятников можно предположить, что у болгар были кожаные головные уборы и одежда, конская сбруя и футляры для предметов вооружения. В археологических образцах Болгара их нет: условия для сохранности кожи на городище не столь благоприятны, как, например, в Новгороде, где они при раскопках добыты в изобилии и в большом разнообразии. Но и то, что найдено в Болгаре, ясно показывает, что кожевенное дело как жизненно необходимая и хорошо обеспеченная сырьем отрасль достигло высокого развития. Исследователи, обращавшиеся к этому производству, по праву оценивали его как всемирно известное. Вывозимая за пределы государства болгарская кожа распространялась достаточно широко. Недаром в языках народов Европы и Азии именно в названии кожи «болгари» запечатлелось слово «болгар».

Образцы кожевенной продукции происходят из различных районов Болгарского городища. Они обнаруживаются в многослойной цент-



Фрагмент узорного сапога. Кожа, мозаика, вышивка. Худ. Н.Х. Кумысникова. 2000 г.



Образец кожаных сапог, изготовлявшихся для русского населения. Начало XX в.



Ичиги «Сапфировые». Кожа, мозаика, вышивка. Худ. Н.Х. Кумысникова. 2003 г.



Женская туфля. Кожаная мозаика. Начало XX в.



Ичиг на мягкой подошве. Конец XIX в.



Женские узорные сапожки ичиги. Середина XIX в.

ральной части города и его ремесленном посаде, в могильнике и на поселении в районе «Бабьего бугра», на склоне и у подножия верхнего плато городища, в заречье, в юго-восточной части города. Находки кусков обуви и других предметов происходят из колодцев, хозяйственных ям, подполий домов.

Особого внимания заслуживают скопления остатков кожи со следами самого производства. К настоящему времени можно указать на пять таких участков. Самым показательным является участок на ремесленном посаде близ исторического центра Болгара (раскоп 18). На этом раскопе во всех пластах, начиная с напластований домонгольского времени и кончая второй половиной XIV в., сохранились следы работы кожевенно-пошивочных мастерских. Здесь найдено до 800 фрагментов кожи в виде многочисленных обрезков и большого количества частей изделий. Среди деталей этих изделий весьма разнообразного ассортимента оказалась единственная пока находка головки мягкой обуви с аппликацией, о которой мы уже говорили. Данные полевой описи позволяют установить, что обрезки кожи встречаются на раскопе, начиная с напластований XI — XII вв. Далее производство мастерских на этом участке развивается, достигая расцвета в конце XIII — начале XIV в., и затухает на протяжении второй половины XIV в. На раскопе в напластовании начала XIV в. вскрыты остатки дома, бывшего жилищем и мастерской ремесленника-кожевника, в котором были найдены сырье (куски кожи 40 х 30 см), обрезки кожи и инструментарий — раскроечные ножи, медная игла, железное четырехгранное шило и обломки точильного камня. Социальный уровень этого ремесленника по содержанию находок в доме и рядом с ним исследователь оценивает выше уровня гончаров, одновременно работавших в гончарной слободе города.

Второе скопление остатков кожевенного производства открыто в центре города. Обрезки и остатки обуви найдены здесь в заполнении ямы позднезолотоордынского периода и происходили, видимо, из мастерской поблизости. В этом же напластовании найдены ножницы для остригания шерсти.

К позднезолотоордынскому времени относится также находка обрезков кожи в небольшом количестве и остатков обуви еще на одном участке работы кожевника близ центра города.

Значительными оказались скопления обрезков кожи (622 куска) в сочетании с остатками обуви на раскопках в подгорном и заречном районах города. Остатки кожи и обуви встречены в слое на глубине 8–12 штыков, в домах и колодцах, начиная с культурных напластований XIII в., т. е. с раннезолотоордынского периода и далее.

Инструментарий кожевников найден и в других раскопах на склоне террасы и в юго-восточном районе города.

Археологические остатки кожевенно-пошивочных мастерских свидетельствуют о разделении труда по обработке кожи и изготовлению кожевенной продукции, в частности о выделении ремесленников по пошиву обуви. Можно допустить и более узкую специализацию. Так, есть скопления с преобладанием обрезков и остатков обуви из толстой (1–2 мм) кожи (головки, части голенища, задники) от сапог на жесткой подошве. Следов обработки шкур в Болгаре раскопками не найдено. Они обрабатывались, возможно, в силу специфики производства на окраинах города и в прилегающих к нему поселках, исследованных археологами еще недостаточно. Разделение труда в кожевенном производстве Болгара, наличие некоторых сведений о достаточно узкой специализации также говорят о высоком уровне его развития. Это не только обеспечило болгарской коже славу за пределами Волжской Болгарии — в странах Азии и Европы, но и сформировало ту необходимую культурную платформу, которая сыграла существенную роль в развитии кожевенной промышленности и современной Советской Татарии, где традиции и культура кожевенного мастерства продолжают оставаться живыми и нужными.

И.А. Закирова

Косторезное ремесло



Костяная вилка. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Изготовление изделий из рога и кости входило в систему ремесленных производств Волжской Болгарии. Раскопки крупнейших городов государства дали достаточное количество материала, позволяющего восстановить основные черты косторезного ремесла.

Первые описания и публикации предметов из кости с территории Волжской Болгарии, дополненные технологическими наблюдениями, появились в прошлом веке и связаны в основном с Билярским городищем. В советской археологии научный подход к теме впервые определился в монографии А.П. Смирнова «Волжские болгары», где автором были описаны наиболее интересные предметы, некоторые технологические приемы, примерный инструментарий, определен ремесленный характер производства.

Коллекции изделий из рога и кости, собранные с территории Болгарского городища, хранятся в ГИМе (более 290 изделий), в фондах БГИАЗ (около 300 предметов), в археологических коллекциях ГМТР (более 120 предметов). Таким образом, известная нам по раскопкам продукция косторезов Болгара насчитывает более 700 предметов. Определенную сложность для исследования представляют коллекции из смешанных (Болгар, Биляр) сборов А.Ф. Лихачева, Н.А. Толмачева и других дореволюционных коллекционеров. Для сопоставления с изделиями из Болгара использованы зарисовки предметов коллекции Заусайловых в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки), которые любезно были предоставлены профессором А.Х. Халиковым, вещи из фондов Билярского филиала БГИАЗ, материалы Муромского городка, а также коллекция костяных изделий из Саркела-Белой Вежи и материалы из нижневолжских, древнерусских и финно-угорских памятников.



Шило с костяной рукоятью. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ



Костяные изделия болгарских мастеров. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Весь косторезный материал Болгара можно разделить на несколько групп по функциональному назначению, которые, в свою очередь, состоят из ряда категорий.

I группа. Орудия труда и предметы домашнего обихода. Составные части ножа: 1 — рукояти, 2 — затыльники, 3 — муфты. Орудия по изготовлению предметов одежды: 4 — швейные иглы, 5 — вязальная игла (?), 6 — проколки, 7 — прясла, 8 — кочедык, 9 — ремизка ткацкого станка (?), 10 — орудия для тиснения кожи, 11 — лощила, 12 — сумаки, 13 — счетная бирка (?), 14 — затычка для горла бурдюка, 15 — ложечка, 16 — орудия из бараньих лопаток.

II группа. Предметы боевого и охотничьего снаряжения. Детали для стрельбы из лука: 1 — наконечники стрел, 2 — налучные накладки, 3 — концевая накладка лука, 4 — колчанные петли, 5 — орнаментированные накладки колчана, 6 — защитные кольца, 7 — щитки для запястья. Предметы конской упряжи: 8 — путовые петли, 9 — застежки недоуздка, 10 — подпружные пряжки, 11 — рукоятки плеток.

III группа. Предметы туалета и украшения: 1 — гребни, 2 — копоушки, 3 — пуговицы, 4 — бусы, 5 — декоративные изделия: накладки, орнаментированные пластины и т. п.

IV группа. Предметы для игр: 1 — альчики для игры в бабки, 2 — шашки, 3 — шахматы, 4 — игральные кубики с «очками».

V группа. Культовые предметы: 1 — амулеты из зубов, клыков, костей животных, 2 — мусульманские амулеты.

VI группа. Вещи неопределенного функционального назначения. В VII особую группу мы относим изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости на различных стадиях, — обрезки, спилы, бракованные изделия.

Введенная нами типологическая классификация позволила выявить отсутствие тех или иных ее звеньев непосредственно в материале Болгара и дополнить картину болгарской кости материалом его других памятников.

Попытка построить хронологический ряд изменений типов изделий с учетом стратиграфии раскопов существенного результата не дала. Для большинства категорий и типов периодом бытования представляются X–XIV вв., хотя все же возможно и вычленение некоторых отдельных предметов домонгольского времени. Подобные изделия найдены либо в сооружениях и глубинах, относящихся к домонгольским V–VI слоям, либо в раскопах с присутствием от VI до IV слоя. Очень редки находки в слоях, четко датированных только золотоордынским временем. Такие находки имеют аналогии в других домонгольских памятниках Волжской Болгарии и, видимо, синхронны им. К домонгольским относятся следующие предметы: застежка недоуздка (тип I, вид 3), найденная на грани VI и V слоев; рукоять ножа с арочным навершием и выступом (тип I 2А), типичная в билярском материале; рукоять шила, залегавшая ниже слоя XIII в.; обломок костяного ножа с аналогами в X–XIII вв., хотя и не исключено



Костяная рукоять плети. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





Костяные рукояти ножей. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

их более позднее бытование. Копоушка с навершием в виде «петушиной головки» датируется русскими аналогиями X–XIII вв. Шахматные фигуры и шашки, найденные в домонгольских слоях, бытуют и в золотоордынское время. Болгарская клювовидная рукоять плети из домонгольского слоя относится к раннему типу рукоятей X–XII вв. Более плавные очертания стилизованной в виде птичьей головки клювовидной накладки на рукоять дают возможность датировать ее XII–XIII вв.

Односторонние гребни часто встречаются на домонгольских болгарских памятниках и, видимо, в золотоордынское время постепенно исчезают из обихода. Остальные аналогичные гребни обнаружены в раскопах с наличием раннеболгарских слоев. Изображения гребней этого типа зафиксированы на половецких каменных изваяниях. Отсутствие же гребней в кочевнических погребениях С.А. Плетнева объясняет изготовлением их из плохо сохраняющегося здесь дерева. В смешанных болгарских коллекциях имеются заготовки к костяным односторонним гребням; вероятно, эта форма, принесенная из южных степей, осталась существовать у болгар как традиционная.

Поскольку большая часть вещей, встреченных в послемонгольских слоях, имеет и более ранние аналогии, выделение материалов, появление которых было бы связано с золотоордынским временем, затруднено. В целом облик косторезного ремесла Болгара на протяжении существования города довольно однороден.

Процесс обработки кости и рога в средневековье достаточно подробно описан в литературе и в общих чертах является одинаковым в разных центрах городского ремесла.

Производство разделялось, очевидно, на ряд этапов. I этап — сбор и отбор сырья. Судя по составу стада Болгара — крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, сырьем для работы служили кости именно этих животных. Качественные характеристики кости и рога как поделочного материала известны в литературе. На наш взгляд, основное количество изделий Болгара изготовлено из рога, поскольку его пластичность, мягкость и, наконец, размеры позволяют вырезать предметы самой разной величины и формы. Возможности кости в этом смысле более ограниченны. Материалом для резьбы служила также и благородная кость; по сообщениям путешественников, бол-



Костяная рукоять. Болгар. XIII–XV вв. БГИАМЗ

Затыльники и муфты наборных костяных рукоятей. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ





Звенья наборных костяных рукоятей ножей. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ







Костяная накладка доспеха XI–XII вв. — элемент степной традиции косторезного дела Болгара. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ





Защитное кольцо для стрельбы из лука. XIV в. БГИАМЗ



Костяные наконечники стрел. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ



Предметы боевого и охотничьего снаряжения: путовые петли, накладки на колчан, защитные кольца для стрельбы из лука, застежка недоуздка

гары вывозили моржовую и мамонтовую кость из «Стран Мрака» и продавали ее в Хорезме (Ал-Гарнати).

II этап заключался в предварительной подготовке сырья к работе, освоеобразном изготовлении полуфабрикатов. Сюда входили: 1) отбор и хранение костей по анатомическим признакам; 2) обезжиривание и размягчение кости посредством варки и неоднократного кипячения в воде со щелоком, в золе, в кисломолочных продуктах; 3) приготовление заготовок, т. е. а) удаление насыщенных жиром и менее прочных эпифиозов; б) расщепление трубчатой кости, рога на пластины; в) придание плоским костям нужной конфигурации; д) повторное распаривание пластины для распрямления; д) разметка на подготовленной кости формы, размера и количества будущих изделий. Например, как это видно и на болгарских изделиях, рога с бугристой поверхностью предварительно обстругивали, затем распиливали на тонкие овальные пластинки, идущие на муфты и затыльники ножей.

III этап включал изготовление конкретного предмета из полуфабриката и его предварительную отделку. На IV этапе производилась декорировка изделий. В декоративных целях и для более надежной сохранности вещь полировалась, однако надо отличать специальную полировку изделия от их «рабочей» заполированности. На болгарских изделиях орнамент наносился, так же как и на русских, различными способами: гравировкой, плоскорельефной и ажурной резьбой. Предметы, несущие декоративную нагрузку, нередко окрашивались. Краситель на болгарских изделиях отличен по составу от стеклообразной пасты, покрывавшей костяные обкладки колчанов кочевников Нижнего Поволжья и Подонья XIII–XIV вв. Цвета окраски — оттенки красного (розовый и малиновый), зеленый, коричневый, черный. Присутствие в красителе марганца, которое устанавливается спектральным анализом, может дать розовый и коричневый цвета; розовый цвет дают также свинец, олово; предметы зеленого цвета окрашены красителем с присутствием меди, марганца и свинца. Кроме минеральных, применялись органические красители, которые также давали розовый, малиновый и коричневый цвета. По литературе, для красно-коричневых оттенков применялся отвар из листьев щавеля, цветы зверобоя, отвар дубовой коры и т. д.



Наконечники стрел

Набор инструментов косторезов тоже схож с орудиями из мастерских средневековых городов Руси. Наиболее универсальные орудия — нож и топор. Вторую группу инструментов (специальную) составляют орудия, необходимые в ходе предварительных этапов обработки материала: пила, сверло, резцы для объемных работ, напильник для затачивания зубьев

у гребней, токарный станок, о применении которого свидетельствуют характерные круговые следы на пуговицах, рукоятях, навершиях и заготовках, а также правильная форма самих вещей. Судя по билярским находкам точеных изделий, токарный станок применялся здесь с домонгольского времени, для нанесения циркульного орнамента использовался резец — двузубец или трезубец. Несмотря на то что сами «циркульные» резцы не найдены, следы на предметах дают возможность предположить применение двузубца с резцами одинаковой длины и с более длинным осевым резцом, оставляющим глубокую центральную точку.

Следы косторезного производства зафиксированы на многих раскопах Болгарского городища в виде полуфабрикатов и готовых ве-



Кость со следами использования ее в качестве заготовки для изготовления плоских круглых дисков, которые могли использоваться для наборной рукояти ножа. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ



Роговые заготовки изделий. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

щей, особенно в ремесленных районах города. Раскопано несколько сооружений, принятых нами за мастерские. Раскопанные в Болгаре производственные помещения, как правило, обычные наземные дома или землянки, заполненные неравномерным количеством обрезанных, опиленных костей, а также готовых, незавершенных или бракованных изделий. В 1947 г. (раскоп 13) расчищена постройка прямоугольной формы с боковой пристройкой, в подполье которой обнаружено несколько опиленных костей. На участке рядом с домом найдено скопление опиленных коровьих и конских эпифизов (101 экз.), возможно, сваленных в яму после использования трубчатой кости. В яме для отбросов возле дома обнаружено скопление 400 аналогичных спилов и обрезков, отобранных, видимо, по функциональному признаку изготовляемого изделия. Можно предполагать, что мастер жил в самом доме, занимаясь своим ремеслом в при-стройке. Судя по обилию отходов, причем однородного характера, мастер работал на рынок. Мастерская, уничтоженная в результате разгрома и пожара, датируется концом XIII — началом XIV вв.



Заготовки из рога лося. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Одним из признаков определения ремесленной мастерской следует считать скопление функционально однотипных изделий или их заготовок, указывающих на специализацию резчика по конкретным видам продукции и его работу на заказ. Очевидно, остатки такой мастерской, без постройки, обнаружены в 1949 г. (раскоп 17), где в верхних штыках сосредоточены заготовки рукоятей ножей в виде расщепленных и обструганных трубчатых костей (12 экз.). Здесь же на глубинах от 1 до 8 штыков зафиксированы следы производства в виде спиленных и обструганных коровьих рогов, эпифизов, готовых изделий, нередко встречающихся целыми группами (47 экз.). Очевидно, производство здесь не прекращалось с домонгольского до позднезолотоордынского времени.

Еще один вариант узкой специализации прослежен в славянском поселке (раскоп 36). Здесь в жилище-полуземлянке № 3 среди железных шлаков и изделии из железа отмечены ножи, а также очень интересная находка рогового топорика. В заполнении находившейся по соседству хозяйственной ямы встречены опиленные кости животных и медные накладки на

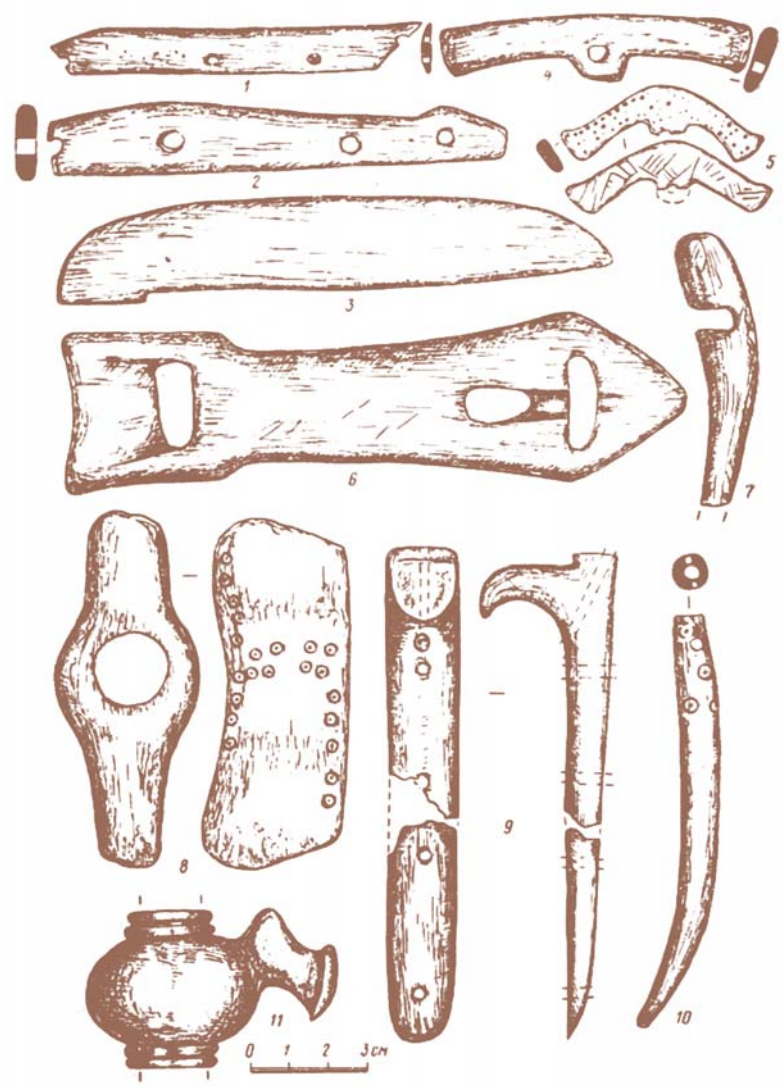


Проколка из кости осетра. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

черенок ножа — готовые, полуфабрикаты и брак, а также железные ножи с надетыми костяными муфтами и медными накладками, медные монеты конца XIII в. Можно полагать, что от кузнеца ножи шли на окончательную отделку к косторезу, изготовлявшему костяные рукояти, муфты для ножей и медные накладки из листовой меди к ним, либо производством ножей полностью занимался один мастер.

В доме № 3 раскопа 19 вместе с распиленными костями встречены крицы и кричное железо. В раскопе есть костяные изделия и заготовки. Возможно, здесь также совмещено производство железных и костяных изделий.

Совмещение различных видов ремесла и примеры «ремесленного производства в условиях жилого дома» широко известны на Ру-



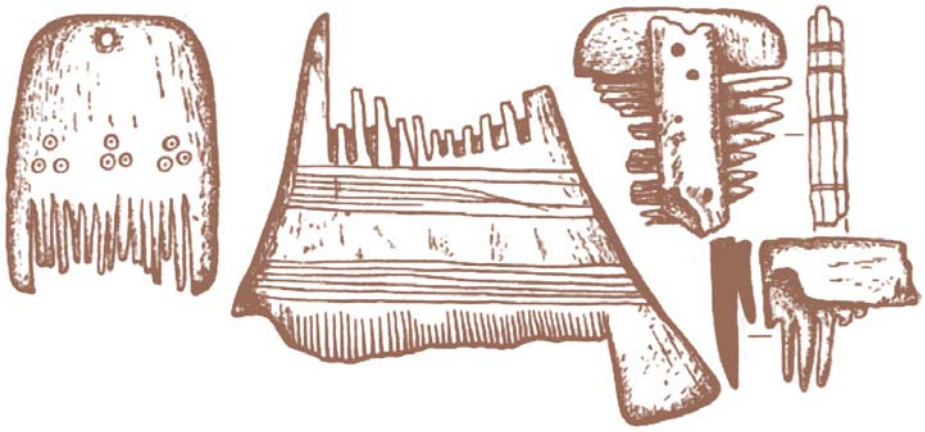
Предметы боевого и охотничьего снаряжения. 1–2 — колчанные петли; 3 — налучная накладка; 4–5 — застежки для недоуздка; 6 — подпружная пряжка; 7 — концевая налучная накладка; 8 — роговой топорик; 9–11 — рукояти плети.



Костяное навершие рукояти плети. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

си, причем чаще всего обработка кости связана с работой по металлу.

Для определения имущественного положения косторезов среди других категорий ремесленников можно сравнить данные, например, по поливной керамике в жилищах-мастерских. В мастерской дома (раскоп 13), по нашим подсчетам, количество поливной керамики (включая рейскую и полихромную нижневолжскую) составляло 2 % всей керамики, обнаруженной близ дома. Поливная керамика в доме кожевника (раскоп 18, 1949 г.) представлена 0,5 %, неполивная состояла из гончарной серой и коричневой, не имевшей большой стоимости. А.П. Смирнов отметил более высокую обеспеченность кожевника по сравнению с гончаром. В усадьбе ремесленника-металлурга количество поливной керамики составило 4 % среди всей керамики. «Градация зажиточности», т. е. оплачиваемости труда по нисходящей, примерно такова: гончар, кожевник, косторез, металлург. Конечно, эти показатели достаточно условны, хотя, например, по мнению Т.В. Гусевой, среди ремесленников Нового Сарая керамисты, также находились в более выгодном положении, чем ювелиры и косторезы.

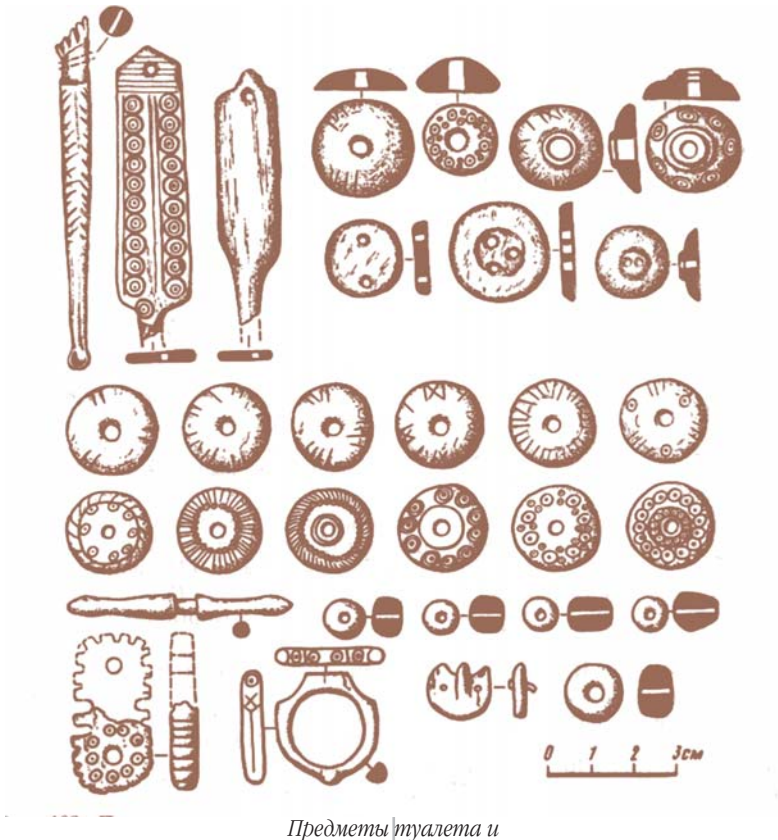




Костяные гребни. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

С необходимыми оговорками можно определить следующие круги сбыта продукции косторезов. Вполне естественна распродажа изделий внутри города. Второй круг сбыта — близлежащие сельские поселения, поставляющие сырье. По мнению А.П. Смирнова, ремесленная продукция распространялась от Болгара и Биляра на «территории, очерченные радиусом около 50 км» вокруг указанных городов, хотя известны отдельные находки костяных изделий болгарского производства и в Прикамье. Болгар, как один из крупных торговых городов Золотой Орды, несомненно, поставлял на рынок собственную продукцию — костяные детали лука, колчана, конской сбруи. Производство шло, по всей видимости, на продажу, о чем говорят находки монет в жилищах косторезов.

Характер косторезного ремесла Болгара оказался довольно традиционным. Резких перемен в типах изделий в золотоордынский период существования города по сравнению с домонгольским не наблюдается. Это вполне допустимо, поскольку технологические приемы обработки кости и рога в силу неизменности внутренней структуры костной ткани как сырья существенных изменений на протяжении этого времени не претерпели. Существование одновременно разных типов внутри категорий объясняется скорее вкусами мастера или заказчика, т. е. определенной модой или необходимостью, нежели порождением новой технологии. Отдельные формы предметов носят определенную этническую окраску, связанную с группами населения города и страны в целом (например,



Предметы туалета и украшения: копоушки, пуговицы, застежки, бусины, перстень, накладка



Костяные пуговицы. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

выскобленные из рога ложечки связываются с финно-угорскими традициями; копоушки с навершиями в виде «петушиных головок», роговой топорик — результат влияния русских традиций; односторонние гребни — болгарский элемент). «Степной импульс», обусловленный, видимо, определенной схожестью материальной культуры государств Золотой Орды, в костяном производстве Болгара вырисовывается довольно четко. В целом, начиная со времени заселения болгарами Волго-Камья, облик косторезного ремесла у волжских болгар складывался синкретично. Развитие этого производства выразилось в переходе от домашнего промысла и выделения ремесла еще в раннедомонгольское время к ремесленной организации с более узкой специализацией мастеров и работой на рынок, т. е. в простую товарную форму производства, соответствующую уровню развития государственности и феодальных отношений у волжских болгар.

Ю.А. Краснов

Земледелие



Панорама Иерусалимского оврага

О большой роли земледелия в экономике государства волжских болгар свидетельствуют письменные источники. Ибн Фадлан, посетивший город Болгар в 922 г. с посольством халифа Муктадира, говорил о болгарах, что «пища их — просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень [у них] в большом количестве». Арабский географ начала X в. Ибн Русте подчеркивал: «Болгаре — народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо». Из более поздних источников можно заключить, что земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны, но по крайней мере с XI в. давало определенный прибавочный продукт, шедший на экспорт. Так, русские летописи под 1024 г. сообщают: «Бе мятеж велик и голод по всей... стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша». В 1229 г. во время неурожая в ряде русских земель «болгары возили жито во все грады русские и продавали, и тем великую помочь сделали». Относительно более позднего времени А.Ю. Якубовский на основе сопоставления различных источников справедливо отмечал, что «Болгар с его областью был самым важным в Золотой Орде земледельческим районом».

Однако письменные источники по интересующему нас вопросу немногочисленны и содержат слишком общие сведения. Основным материалом для изучения земледелия Волжской Болгарии являются археологические данные. Ведущая роль среди них принадлежит находкам деталей почвообрабатывающих орудий, которые у болгар, безусловно, были упряжными пахотными, и палеоботаническому материалу, т. е. остаткам зерен культурных растений и сопутствующих им сорняков.

Исследованию пахотных орудий Волжской Болгарии посвящены специальные работы А. Штукенберга и А.В. Кирьянова. Их характеристике уделяли внимание А.П. Смирнов, Ш.Ф. Мухаммедьяров, Н.А. Халиков и некоторые другие историки. Новые археологические



находки и новый подход к их исследованию позволяют существенно уточнить и дополнить имеющиеся по этой проблеме выводы.

Палеоботанические остатки из болгарских памятников, в том числе из раскопок на Болгарском городище, изучались А.В. и Н.А. Кирьяновыми в лаборатории Института археологии АН СССР, В.В. Туганаевым и Т.П. Ефимовой — в лаборатории Удмуртского университета. Результаты исследований частично опубликованы.

Болгарская деревня археологически почти не изучена. Поэтому при характеристике земледелия Волжской Болгарии приходится довольствоваться главным образом материалами, обнаруженными при исследовании городских центров, а также случайными находками. Это обстоятельство не может существенно исказить картину болгарского земледелия в целом. Земледельческие орудия изготовлялись в то время прежде всего городскими ремесленниками и из городов поступали в сельскую местность. Во всей Европе средневековые горожане наряду с ремеслом и торговлей занимались и земледелием. В эпоху феодализма развитие земледелия (точнее, его уровень) бы-



Лемехи. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

ло по существу одинаковым и в сельской местности, и у горожан.

Аналогичным образом и о развитии земледелия древней Руси мы судим, прежде всего, по находкам в городах.

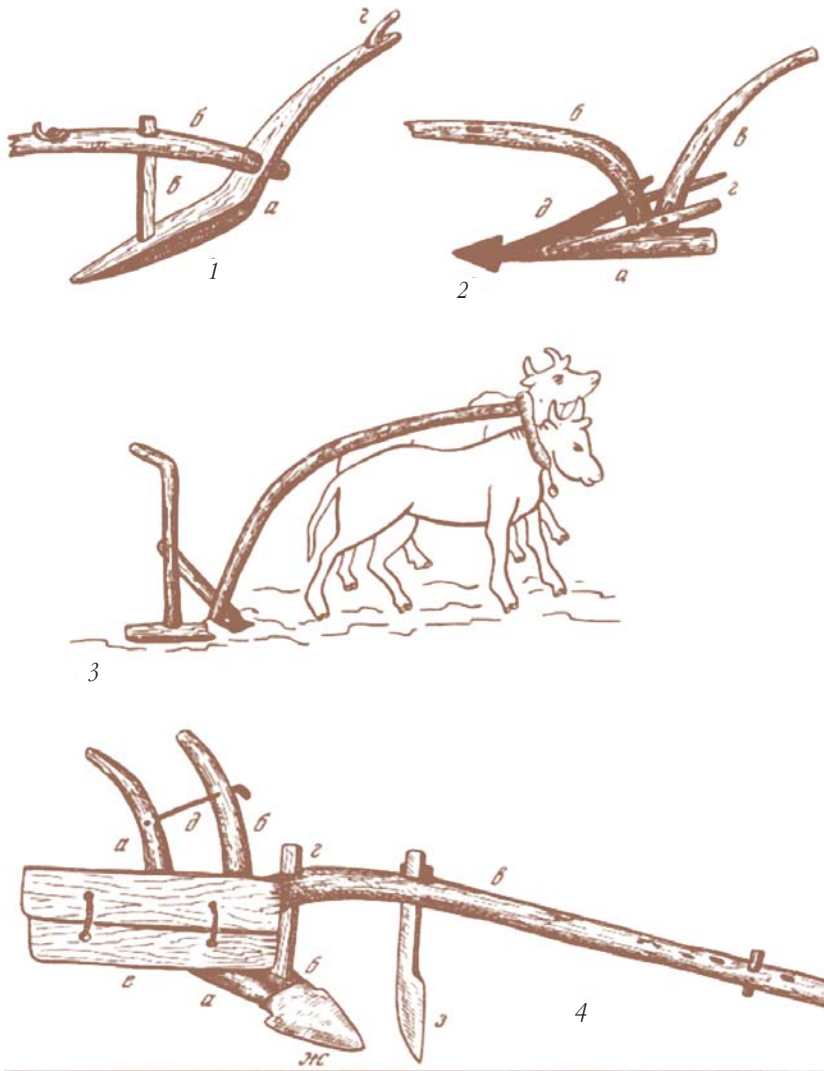
Анализ археологических находок из одного какого-либо центра, например, города Болгара, не может дать полноценных выводов о состоянии земледелия из-за относительной немногочисленности материала. Такие данные необходимо рассматривать на общем фоне аналогичных материалов со всей территории расселения волжских болгар.

Основными источниками для суждения о пахотных орудиях Волжской Болгарии и их устройстве являются археологические находки их железных частей. Ниже приведены результаты исследования более 60 наконечников рабочих органов пахотных орудий, чересел и сошных полиц, происходящих с территории расселения волжских болгар и по ряду признаков отнесенных к раннеболгарскому, домонгольскому и золотоордынскому периодам.

Значительная часть этого обширного материала недостаточно документирована. В большинстве своем находки происходят из случайных сборов, причем точное местонахождение предметов можно установить далеко не всегда. Лишь немногие экземпляры найдены при систематических археологических исследованиях и имеют более или менее точную дату. По аналогии с этими последними может быть ориентировочно определен и возраст других находок. Это позволяет наметить основные вехи в хронологическом развитии болгарских пахотных орудий. Из общего числа находок с Болгарским городищем и его ближайшими окрестностями связывается не менее 14 экз.

В рассматриваемом материале представлены чересла — крупные массивные ножи, предназначенные для разрезания земли в вертикальной плоскости перед тем как она будет поднята рабочим органом орудия (из них восемь — с Болгарского городища и из его ближайших окрестностей); сошные полицы, своеобразные отвальные приспособления в виде лопаточки, устанавливаемые только на сохах (из них одна — с Болгарского городища). Остальные находки являются наконечниками рабочих частей различных разновидностей пахотных орудий. По предложенной нами классификации подавляющее большинство таких наконечников относится к отделу втульчатых, т. е. они соединялись с деревянной рабочей частью орудия при помощи втулки, в которую переходит их рабочий орган — лопасть.

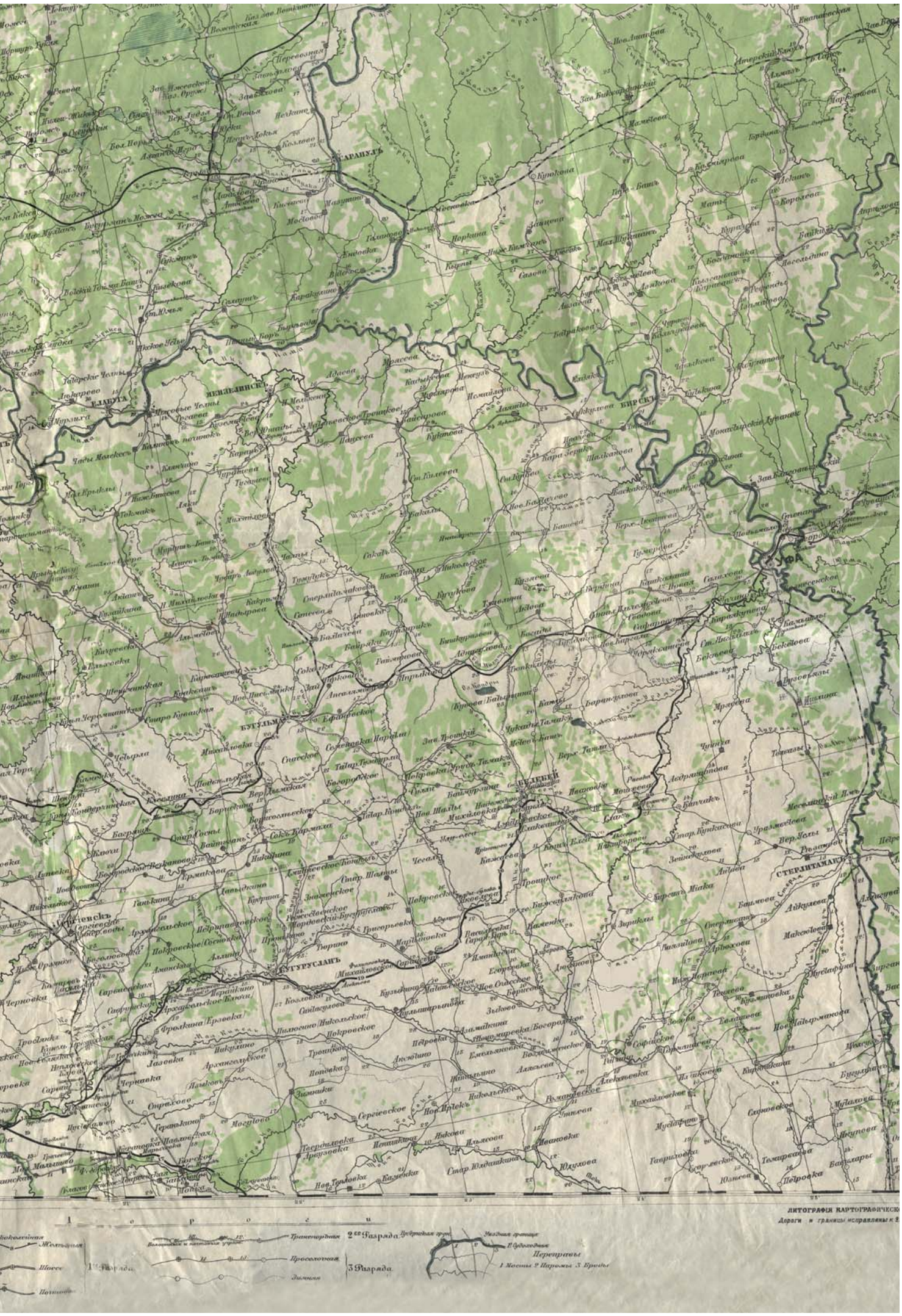
Есть веские основания считать плуги Волжской Болгарии близкими по конструкции остова к сабанам, известным в Среднем Поволжье по описаниям XVIII — первой половины XIX в. Как и эти сабаны, болгарские плуги имели двойную подошву (полоз), детали которой составляли одно целое с рукоятками. Двойная подошва скреплялась перекладиной, спереди на нее надевался лемех, симметричный или асимметричный. Грядиль, почти прямой или искривленный в вертикальной плоскости, вставлялся в нижнюю часть левой рукоятки. Между подошвой и грядилем могла быть стойка.

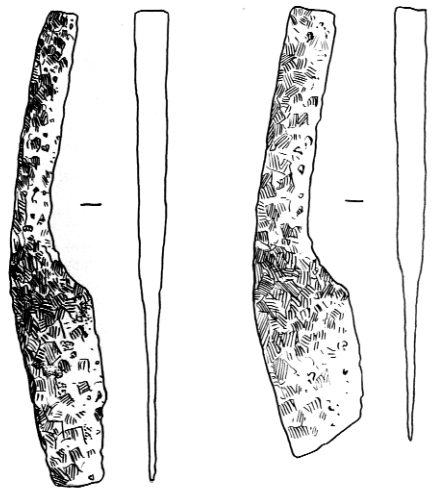


Некоторые этнографические и иконографические параллели пахотным орудиям из Волжской Болгарии. 1 — однорукояточное прямогрядильное рало с близким к горизонтальному положением рабочей части из Киевской обл. (а — конструкция рукоятьральник; б — грядиль; в — стойка; г — держак. Наральник снят); 2 — грядильное кривогрядное рало с цельножелезным дополнительным ральником из Болгарии (а — полоз, образующий одно целое с грядилем; б — грядиль; в — рукоятка; г — отвальное приспособление; д — дополнительный ральник); 3 — кривогрядильное рало с дополнительным ральником по миниатюре из византийской рукописи «Слов Григоря Богослова» (XI в.); 4 — сабан начала XIX в. из Среднего Поволжья (а — правая рукоять с правой деталью полоза; б — левая рукоять с левой деталью полоза; в — грядиль; г — стойка; д — железный штырь; соединяющий рукояти; е — отвал; ж — лемех; з — чересло).



Военно-топографическая карта района Казань-Самара — Уфа. Июль 1919 г. М. 1 : 1 050 000. 1 л., 59 х 78 см печать в 2 краски. Литография Картографического отдела [Генштаба РККА]. Съемки XIX в. Дороги и границы исправлены к 25 июня 1919 г.


САРАПУЛЪ
МЕНЗЕЛИНСКЪ
ЕЛАБУГА
БИРСКЪ
УФА
БУГУЛЬМА
БЕЛЕБЕЙ
СТЕРЛИТАМАКЪ
БУГУРУСЛАНЪ
Сергіевскъ
ЛИТОГРАФІЯ КАРТОГРАФИЧЕСК
Дороги и границы исправлены к 2
Шоссе
Почтовая
1 Разряда
2 Разряда
3 Разряда
Транспортная
Проселочная
Зимняя
Переправы
1 Мосты 2 Паромы 3 Броды





Плужные ножи — чересла. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Но у некоторых сабанов стойки не было, а задняя часть грядиля как бы лежала на левой детали полоза. К стойке и правой рукоятке (или соответственно, если стойки не было, — к правой детали полоза и правой рукоятке) прикреплялся односторонний отвал в виде одной прямой или двух соединенных досок. Чересло вставлялось в грядиль так, что разрезало землю непосредственно перед лемехом. Односторонний отвал и асимметричность в работе даже при наличии только симметричного лемеха предопределялись уже самой конструкцией остова этих орудий, имевших две рукоятки и грядиль, вставлявшийся в одну из них.

Характерная особенность всех восточноевропейских плугов, в том числе и болгарских, заключалась в том, что их основа — две цельные детали, составляющие две части подошвы, и две рукояти — была изготовлена как бы из двух рал рукояточной конструкции. Это позволяет говорить, что такие плуги сформировались по принципу «удвоения рала», резко отличавшемуся от принципов устройства синхронных центрально- и западноевропейских плугов.

Развитие болгарских плугов, как и русских, шло в направлении усовершенствования формы лемеха, эволюция которого от симметричного, в форме равнобедренного треугольника, к несимметричному, в форме разностороннего треугольника, и далее, в период, выходящий за хронологические рамки настоящей работы, — прямоугольного треугольника, определялась работой с односторонним отвалом.

Таким образом, древнейшими археологически засвидетельствованными пахотными орудиями волжских болгар следует считать сравнительно небольшие однорукояточные прямогрядильные рала с железными наконечниками типа IБ1, имевшие, вероятно, относительно короткий ральник, находящийся при работе в положении, близком к горизонтальному. Аналогичные рала применялись еще доболгарским населением Среднего Поволжья и были, по-видимому, заимствованы от него пришельцами-болгарами. Для домонгольского, а может быть, и раннеболгарского периодов можно констатировать также употребление кривогрядильных грядильных рал с дополнительными ральниками, появление которых в Среднем Поволжье скорее всего надо связывать с влиянием со стороны областей, прилегающих к северо-восточному Причерноморью, включая регион салтово-маяцких памятников, где такие рала широко применялись еще в первых веках нашей эры.

Если нижняя хронологическая граница применения рал у волжских болгар достаточно определенна, то о верхней четких данных нет. Во всяком случае в домонгольский период (за исключением, может быть, самого его начала) рала не были основными пахотными орудиями, уступив место плугу. Но применялись ли рала при плуге в качестве вспомогательного орудия, как это было на Руси в средневековье и зафиксировано в недавнем прошлом на Украине, остается пока неясным. Рала у волжских болгар образовывали меньшее количество разновидностей, чем на Руси.

В период, широко датированный X — началом XIII в., в болгарских землях получают



Русская перекладная соха (1), ее сошники (2) и полица (3). а — рассоха; б — рогаль; в — оглобли (обжи); г — перечень; д — подвои; е — сошники; ж — полица. Реконструкция НА. Халикова

большое распространение плуги с односторонним отвалом и симметричным лемехом, устройство которых близко к русским, появившимся практически одновременно. Возможно, уже в рассматриваемое время они назывались сабанами. От русских плугов такие орудия отличались несколько большими размерами, некоторыми характерными чертами устройства лемехов, позволяющими выделить эти последние в особый тип, а также, возможно, какими-то деталями устройства корпуса, выяснить которые по археологическим материалам затруднительно.

Есть основания говорить об известной самостоятельности возникновения плугов у русских и у волжских болгар на базе различных разновидностей однорукояточных прямогрядильных рал, но на основе одного и того же принципа «удвоения» рала. Судя по количеству находок лемехов и чересел, плуги-сабаны были наиболее применяемыми пахотными орудиями в Волжской Болгарии уже в домонгольское время. При помощи плугов можно было успешно обрабатывать достаточно тяжелые почвы степного и лесостепного типов, широко распространенные в землях волжских болгар.

Домонгольские болгарские плуги, как и русские, имели, по-видимому, только симметричные наконечники. В золотоордынский период появились более совершенные и лучше приспособленные к работе с односторонним отвалом асимметричные лемехи в виде разностороннего треугольника; однако симметричные все еще широко применялись. Среди асимметричных лемехов из Волжской Болгарии есть и аналогичные синхронным русским, что может рассматриваться как определенные следы контакта русских и болгарских земледельцев.

Несомненно, в результате русского влияния у волжских болгар не позднее конца XII — начала XIII в. появились сохи. Наибольшее распространение получили орудия с сошниками, лопасть которых была шире втулки. Такие сошники с асимметричной лопастью очень близки к перовым сошникам недавнего прошлого, симметричные же следует рассматривать как переходные к ним. Судя по этнографическим данным, перовые сошники устанавливались на рассохе под небольшим углом к почве. Такие сохи часто снабжались перекладной полицей и применялись на старопахотных землях, в том числе и прежде всего при паровой системе земледелия. Полицы, как уже указывалось, были известны и волжским болгарам. Сохи с коловыми и близкими к ним сошниками (типы IIIА1 и IIIБ1), судя по количеству находок, в Волжской Болгарии применялись редко. Каких-либо убедительных данных о бытовании на рассматриваемой территории однозубых и многозубых сох источники не содержат. В целом же сохи применялись значительно реже, чем плуги.

Обрисованная выше общая картина развития пахотных орудий волжских болгар в полном объеме применима и к жителям города Болгара и его ближайшей округи.

Луговые степи

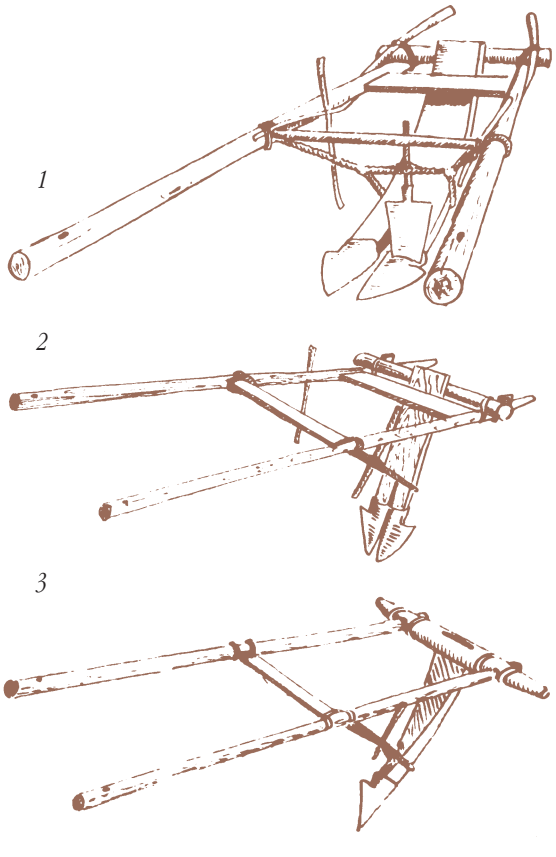


Изображение полевых работ в средневековой арабской рукописи





Сошники. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ



Сохи: 1) соха с горизонтально расположенными сошниками; 2) соха-черкуша; 3) соха-резец (чертеж). Реконструкция Н.А. Халикова



Серпы с территории Болгарского городища. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Палеоботанический материал позволяет в настоящее время дать лишь самую общую характеристику культурных растений Волжской Болгарии.

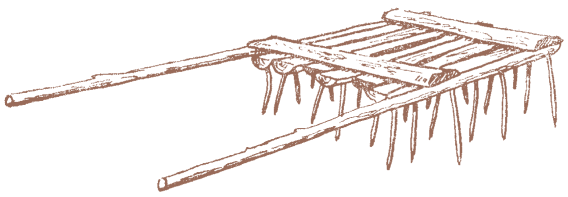
Особенно большое количество палеоботанических проб исследовано из раскопок Болгарского городища. Зерновые остатки здесь, как правило, обнаружены в хранилищах — ямах, вырытых в земле и сопровождавших едва ли не каждое жилище. При многократном использовании ям зерна различных культур не могли не перемешиваться. Поэтому почти в каждой пробе обнаружена смесь зерен культурных растений от двух до семи-восьми видов. Реже зерновые остатки встречены непосредственно в культурном слое. Найденное в Болгарах зерно принадлежало именно местной культуре. Об этом свидетельствуют оказавшиеся вместе с ним семена ряда сорняков, типичных для степных и лесостепных районов Поволжья, например, круглеца метельчатого, неселии метельчатой и др.

Наиболее полные сведения о культурных растениях из окрестностей города Болгара, имеются для золотоордынского времени. По данным А.В. Кирьянова, здесь были известны из зерновых культур мягкая пшеница (Triticum aestivum L. или Triticum vulgare Will) просо (Panicum miliaseum L.), ячмень (Hordeum vulgare L.), овес (Avena sativa L.) и рожь (Secale cereale L.); из бобовых — горох (Pisum sativum L.) и чечевица (Lens sp.), из технических волокнистых культур — конопля (Cannabis cannabis L.). А.В. Кирьянов предполагал также, что волжские болгары были знакомы с пшеницей-двузернянкой (полба или эммер — Triticum dicoccum Schubl), считая отсутствие ее в палеоботанических находках случайным. Позднее пшеница-двузернянка в Болгарах была обнаружена в больших количествах. Кроме того, исследованиями В.В. Туганаева и Т.П. Ефимовой были выявлены одна из древних разновидностей пшениц — пшеница карликовая (Triticum compactum Host.), лен (Linum usitatissimum L.) и вика (Vicia Faba L.). Среди ячменя В.В. Туганавым обнаружены голозерные и пленчатые формы, а также редкая разновидность — ячмень бутылковидный (Hordeum lagunculiforme Bacht.), не характерный для центральных и северных районов Восточной Европы. Найдены также семена огурцов и зернышки яблок, возможно, окультуренных, свидетельствующие о занятиях огородничеством и садоводством.



Пшеничное поле

Ведущее место среди зерновых культур занимали, по-видимому, пшеница и просо. По данным В.В. Туганаева и Т.П. Ефимовой, из 21 находки зернового материала из Болгар, датируемого ими XIV в., мягкая и карликовая пшеница встречена в 17 случаях, пшеница-двузернянка — в 14, просо — в 14. Если мягкая и карликовая пшеница использовалась в древности, как и в настоящее время, прежде всего для приготовления муки, то просо и полба были крупяными культурами. Меньшую роль играл ячмень, обнаруженный в семи пробах, и рожь, зерна которой найдены в пяти случаях. Довольно распространенной культурой был овес. Зерна его обнаружены в 14 случаях, но в относительно небольшом количестве. Нередко он встречался как небольшая сорная примесь к зернам полбы (так называемый



Борона-смык. Реконструкция

полбяной овес). В недавнем прошлом в Среднем Поволжье высевали овсяно-полбяные смеси, которые могли быть известны и в болгарское время. Однако сомневаться в наличии и чистых посевов овса у нас нет оснований.

Размеры зерен мягкой пшеницы, по данным А.В. Кирьянова, были около 5 х 3,3 мм, что отводит им срединное положение между зернами современных озимых и яровых пшениц. Чечевица и горох, по тем же данным, отличались мелкосемянностью, на что обратил внимание и В.В. Туганаев. Семена конопли также имели меньшие размеры, чем у современных культурных сортов.

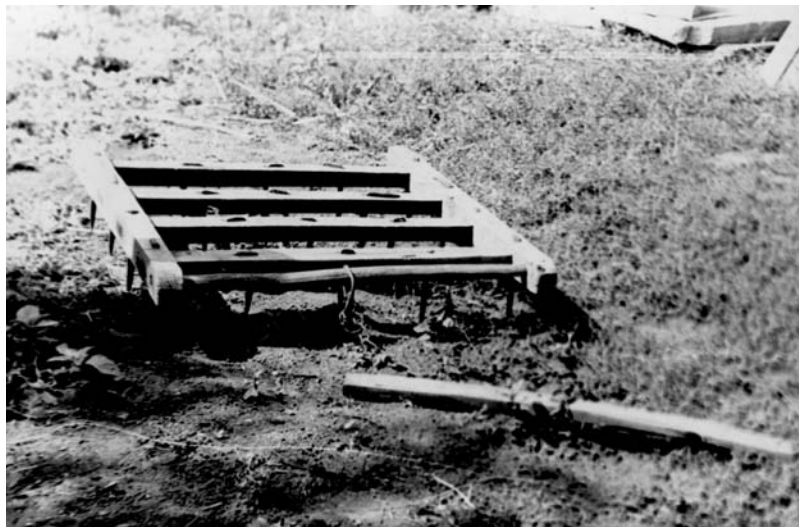
Некоторые из рассмотренных палеоботанических проб суммарно датированы исследователями XII–XIV вв. Зерновые находки



Ржаное поле перед грозой

только домонгольского времени из Болгар, попавшие к палеоботаникам, малочисленны. Так, в 1957 г. при раскопках дома, по комплексу находок и стратиграфически отнесенного к домонгольскому периоду, были найдены зерна мягкой пшеницы, полбы, проса, ячменя, ржи, овса, а также гороха, т. е. большинства культур, которые были известны в золотоордынское время. По данным В.В. Туганаева и Т.П. Ефимовой, в материалах раскопок 1980 г., датированных XII — началом XIII в., обнаружены зерна карликовой пшеницы, ячменя (в том числе бутылковидного), ржи и овса. Для суждения о количественном соотношении культур эти данные слишком малочисленны. То же следует сказать о зерновом материале из селища у с. Рождественно.

Хорошее представление о культурах, выращиваемых волжскими болгарами в домонгольское время, можно получить по многочисленным палеоботаническим находкам в Биляре, относящимся в массе к XII — началу XIII в. Здесь встречен почти тот же набор зерновых находок, что и в Болгаре золотоордынского времени: не было только бутылковидного ячменя и карликовой пшеницы, зато в небольшом количестве обнаружены зерна твердой пшеницы (Triticum durum), что может объясняться и чисто случайными причинами. Близко и предполагаемое соотношение культур в посевах: ведущую роль в находках играли мягкая пшеница и пшеница-двузернянка, просо и ячмень; значительно меньшей была роль ржи; семян вики, чечевицы, гороха, конопли немного. Нужно отметить значительное количество зерен льна. Относительно овса В.В. Туганаев высказал предположение о принадлежности его к «полбяным овсам».



Рамная борона. Д. Кугеево, РТ. Середина XX в. Фото 1970-х гг.

Сопоставление палеоботанических материалов из Биляра и Болгара свидетельствует, с одной стороны, что в золотоордынский период по сравнению с домонгольским не произошло существенных сдвигов ни в составе выращиваемых растений, ни в их роли в посевах. С другой стороны, становится ясным, что в различных частях Волжской Болгарии состав посевов был достаточно однородным.

Как свидетельствуют материалы из городищ Шолом и Балымеры, в предболгарское и раннеболгарское время в Среднем Поволжье преобладали посевы пшеницы-двузернянки, ячменя и проса. Возделывались также мягкая пшеница, роль которой была очень невелика, горох, конопля. Овес, зерна которого в небольших количествах найдены на обоих городищах, принадлежал, вероятно, к «полбяным овсам», которые обычно сопутствуют полбе как засорители ее посевов. Трудно интерпретировать находку на городище Шолом десяти зерен ржи. Если она и возделывалась как самостоятельная культура, то играла в посевах незначительную роль.

Очевидно, в болгарском земледелии постепенно происходило расширение ассортимента культурных растений, увеличение роли в посевах такой ценной культуры, как мягкая пшеница. Можно предположить, что уже в домонгольское время были введены в культуру рожь и овес, или во всяком случае произошло существенное увеличение их роли в посевах. В то же время уменьшалось относительное значение ячменя и, вероятно, пшеницы-двузернянки. Такой вывод, однако, будет сугубо предварительным из-за несравнимости в количественном отношении находок раннеболгарского времени, с одной стороны, и домонгольского и золотоордынского периодов — с другой.

Ко времени появления болгар в Среднем Поволжье мягкая и карликовая пшеница, полба, ячмень обыкновенный, просо, несколько видов

*Мотыга — «кумгач».
Д. Утузы Тевризского р-на
Омской обл. 1976 г.*

*Мотыга. Металл, дерево.
Казанская губ. XIX в.*



*Мотыги.
Болгар. XII–XIV вв.
БГИАМЗ*

бобовых, а также лен и конопля были широко распространены по всей северной половине Восточной Европы, причем на восточной части этой территории во второй половине I тыс. н. э. имелись значительные посевы полбы. В палеоботанических находках конца I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э. спорадически встречаются также зерна овса и ржи, сначала,

Ячмень



вероятно, как засорители посевов других культур. Давность выращивания здесь культурных растений, восходящая ко II тыс. до н. э., позволяет предполагать складывание в результате стихийно протекавшей селекции различных сортов этих культур, наиболее хорошо приспособленных к местным условиям. Следует допустить поэтому, что болгары в Среднем Поволжье стали использовать преимущественно местные разновидности зерновых, бобовых и волокнистых культур, известных еще доболгарскому населению. Однако среди зерновых находок из Волжской Болгарии есть остатки таких видов, которые обычны в более южных районах. В Среднее Поволжье они могли быть занесены либо при переселении болгар, либо в результате их связей с югом. Таковы твердая пшеница, которая и сейчас возделывается главным образом в степных районах нашей страны, и бутылковидный ячмень. Среди ископаемых ячменей бутылковидные формы зафиксированы, в частности, в Закавказье и в Крыму, где датируются I тыс. до н. э. и I тыс. н. э.

Сравнение палеоботанического материала из памятников волжских болгар домонгольского и золотоордынского периодов с синхронным русским показывает, что состав культурных растений в обоих районах был примерно одинаковым, но роль отдельных культур в посевах существенно различалась. Это относится ко ржи, которая на Руси практически повсеместно доминировала в посевах с XI в., а у болгар занимала весьма небольшое место, и полбе — одной из основных зерновых культур Волжской Болга-



*Косы.
Болгар. XII–XIV вв.
БГИАМЗ*



*Ступа с пестом.
Дерево.
Арский кантон ТАССР.
1923 г.*



Реконструкция ветряной мельницы в комплексе музея в Болгарах



*Жернова.
Болгар. XII–XIV вв.
БГИАМЗ*

и в золотоордынский периоды была очень значительной. А.В. Кирьянов отмечал, что на 1000 зерен овса и ячменя встречалось до 160 семян сорняков, на 1000 зерен пшеницы — 80 семян сорняков, на 1000 зерен чечевицы — 68 семян сорняков. По данным В.В. Туганаева, на том же памятнике на каждую 1000 зерен культурных растений в исследованном им материале встречалось в среднем 100–120 семян сорняков. Это значительно превышает засоренность древнего новгородского зерна, но впрочем не относится к максимуму, зафиксированному археологией. Часть семян и плодов сорных растений могла и не сохраниться: сорняки имеют меньшие по размерам семена, которые скорее могут уничтожиться со временем, чем зерна культурных растений. К тому же, здесь идет речь о том, что называется «амбарной засоренностью». Засоренность же полей была, вероятно, еще более высокой. Такая высокая степень засоренности, отмечавшаяся во многих пробах различными исследователями, не может быть случайной. Она свидетельствует, что посевы в окрестностях города Болгара выращивались преимущественно на давно окультуренных, старопахотных землях. Как известно, при освоении новых целинных земель, старых залежей, расчисток из-под леса в собранном урожае почти не бывает сорняков. В дальнейшем количество последних из года в год возрастает за счет заноса семян сорных растений с посевным материалом, птицами и животными, но главным образом — за счет осыпания при созревании, что создает огромный запас семян сорных растений в пахотном слое.

О том, что зерновые хлеба в окрестностях Биляра и Болгара возделывались преимущественно на старопахотных землях, а не на новях, говорит и экология ряда видов сорных растений. Так, марь белая, горец вьюнковый и горец шероховатый, гречишка вьюнковая, круглец метельчатый, подмаренник и некоторые другие виды, широко представленные в билярском и болгарском палеоботаническом материале, считаются характерными засорителями сравнительно мягких, долгое время обрабатывавшихся земель.

Характерно, что в рассматриваемом палеоботаническом материале преобладают засорители яровых посевов (куколь, пикульник, горчица полевая, гречишники и др.) или такие, которые по всей экологии могут сопутствовать как озимым, так и яровым посевам (пырей пол-

рии, крайне скромно представленной в палеоботаническом материале русских памятников. На Руси широко практиковались посевы озимой ржи, до сих пор не установленные у волжских болгар. Эти различия кажутся достаточно существенными и могут свидетельствовать не столько о почвенно-климатических различиях двух регионов, сколько о различиях в технологии сельскохозяйственного производства. Отметим также, что просо на Руси более или менее широко возделывалось только в южных районах, что становится понятным уже из экологии этого культурного растения. Не позднее XI–XII вв. на Руси стала возделываться гречиха, пока не найденная на памятниках Волжской Болгарии.

Характеризуя палеоботанические находки из волжскоболгарских памятников, нельзя не обратить внимание на сорняки, засорявшие посевы и выделенные среди зерновых остатков. В материалах Балымерского городища обнаружены сорняки девяти видов, в Биляре — 37 видов, в Болгарах семь видов определил А.В. Кирьянов, и еще 54 вида — В.В. Туганаев. Для нас важно отметить здесь следующие моменты.

Во-первых, оказывается, что засоренность хлебов сорняками как в домонгольский, так

зучий, гречишка вьюнковая и др). Практически не встречены типичные засорители озимых культур (костер ржаной, костер безостый и др.). Это свидетельствует о решительном преобладании у волжских болгар яровых посевов. Полное отсутствие в исследованных материалах костра ржаного, всегда сопровождающего посевы озимой ржи, позволяет говорить, что в Волжской Болгарии культивировалась прежде всего яровая рожь.

Отметим, наконец, что в составе сорных растений из Биляра и Болгара заметную роль играют представители луговых и мусорных сообществ: пырей ползучий, овсяница луговая, лютик многоцветковый, клоповник сорный, крапива двудомная и др. Семена таких растений могли заноситься на поля домашними животными. А это свидетельствует об использовании полей в качестве выпасов после уборки урожая или во время сравнительно короткого периода их «отдыха».



Луга Болгарского городища

Чтобы получить самое общее представление о системах земледелия, которые могли практиковаться у волжских болгар в домонгольский и золотоордынский периоды, отметим следующие обстоятельства, на которые уже обращалось внимание выше:

1. Посевы, по крайней мере в окрестностях Биляра и Болгара, производились главным образом на старопахотных землях, чем объясняется большая засоренность их сорняками.

2. В посевах решительно преобладали, если не являлись единственными, яровые культуры.

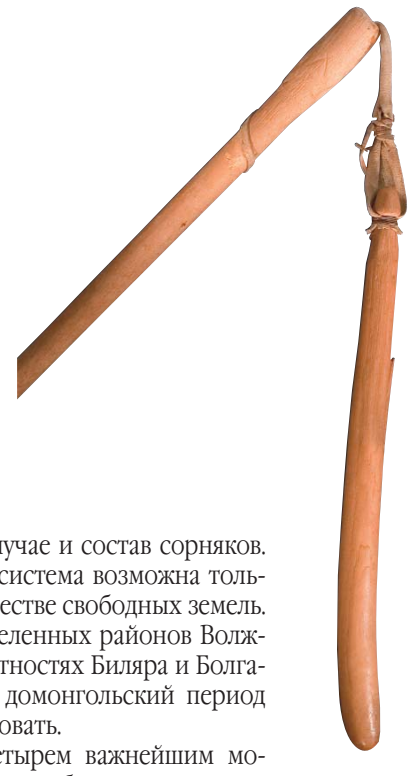
3. Имеются некоторые данные о том, что пахотные поля сменялись лугами и использовались под выпасы и наоборот.

4. По крайней мере с XI–XII вв. волжские болгары широко использовали плуг — орудие, способное проводить вспашку с оборотом пласта, в том числе на значительно задернованных землях.

В свете этих данных кажется маловероятной гипотеза, что уже в X веке в Волжской Болгарии господствовала развитая паровая система с трехпольным севооборотом: при трехполье около половины посевов составляют озимые, которые у волжских болгар пока не установлены. Маловероятно и господство залежной системы: как уже отмечалось, при посевах на новях зерно обычно бывает почти не засоренным, что не могло не отразиться на составе хотя бы части палеоботанических проб. Иным должен быть в этом случае и состав сорняков. Кроме того, залежная система возможна только при большом количестве свободных земель. Для весьма плотно заселенных районов Волжской Болгарии в окрестностях Биляра и Болгара это условие уже в домонгольский период вряд ли могло существовать.



Цеп с резным билом простого типа. Среднее Поволжье. XIX в.



Цеп сложного типа. Среднее Поволжье. XIX в.

Указанным выше четырем важнейшим моментам, характеризующим болгарское земледелие и установленным по археологическим материалам, лучше всего соответствует известная по этнографическим данным переложная система с краткосрочными перелогами, а также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом.

Действительно, все эти системы земледелия могли базироваться только на выращивании яровых посевов с известным чередованием культур. При краткосрочных перелогах срок «отдыха» земли сокращался до трех-четырех лет, вследствие чего природная растительность не могла здесь полностью восстановиться, и земли постепенно превращались в мягкие старопахотные со специфическим набором сорняков и значительным их запасом в почве. Еще в большей степени это относится к двуполью и пестрополью. При правильно организованных перелогах «отдыхающие» земли обычно используются под выгон и в качестве сенокосных угодий. Это, а также весьма древний обычай выгонять скот на пашню после сбора урожая, преследовавший, в частности, цель удобрения полей, приводили к появлению среди сорных растений луговых и мусорных формаций, что и наблюдается в болгарском палеоботаническом материале. Для поднятия перелогов и паровой обработки полей болгары вполне могли использовать имевшийся у них плуг, орудие многоцелевого назначения. С конца домонгольского периода в Волжской Болгарии появились сохи, получившие вскоре перекладные полицы и сошники с лопастью шире втулки. По этнографическим данным, такие орудия использовались прежде всего для обработки паровых полей.

Краткосрочные перелоги, пестрополье и двуполье следует рассматривать как переходные стадии к правильному трехполью, непосредственно предшествующие ему во времени. Но из документов времени Казанского ханства и второй половины XVI–XVII в. явствует, что в Среднем Поволжье трехполье занимало видное место, хотя и применялось, особенно у местного населения, наряду с залежной и пере-



Кирка. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Приволжская возвышенность

ложной системами. Это может служить еще одним доводом в пользу существования и интересующий нас период краткосрочных перелогов и ранних форм паровой системы.

Однако сделанный нами весьма предварительный вывод относится лишь к наиболее развитым в экономическом отношении, наиболее плотно заселенным и более других охваченным процессом феодализации землям вокруг Биляра и Болгара. Каких-либо фактических данных о системах земледелия в других районах государства волжских болгар, в частности на его окраинах, у нас нет. Опираясь на некоторые этнографические параллели, можно лишь предположить, что здесь применялась, кроме переложной, и залежная система. Широкому распространению этих систем в условиях относительно редкого населения и при большом количестве плодородных земель лесостепного и степного типов способствовало появление оборачивающих плугов достаточно крупных размеров. В лесных районах известную роль мог играть лесной перелог.

Для суждения о системах земледелия в Среднем Поволжье в раннеболгарский период мы также не располагаем необходимыми данными. В это время из пахотных орудий имелись лишь рала достаточно простых конструкций, и это позволяет предполагать, что залежная система не могла получить широкого распространения. Очевидно, практиковалась переложная система, причем с не слишком длительными периодами «отдыха» земли, так как пахотные орудия, которыми располагало население, не были приспособлены для успешной работы на целине и старых залежах. Есть некоторые основания говорить о появлении уже в то время постоянных полей со старопахотными почвами.

На восточнославянской территории, в пределах лесостепи и на южных окраинах лесной зоны, т. е. примерно в тех же физико-географических условиях, что и Волжская Болгария, господствовали иные системы земледелия. Согласно исследованиям В.И. Довженка, двуполье существовало здесь уже в VII–VIII вв., а в эпоху Киевской Руси паровая система в форме двуполья и трехполья занимала ведущее место. Даже в лесной зоне в этот период происходил интенсивный процесс складывания паровой системы, причем к концу XV в. трехполье здесь окончательно победило.

В плане исторической смены систем земледелия Волжская Болгария как будто несколько отставала от русских земель. Однако с экономической точки зрения переложная система и паровые системы с двуполем, пестропольем и трехпольем отличаются для региона Среднего Поволжья определенной степенью эффективности использования пригодных для обработки земель. При переложной системе под посевы используется не более одной трети наличных угодий (обычно же значительно меньше),



Лопата. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Кайло. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

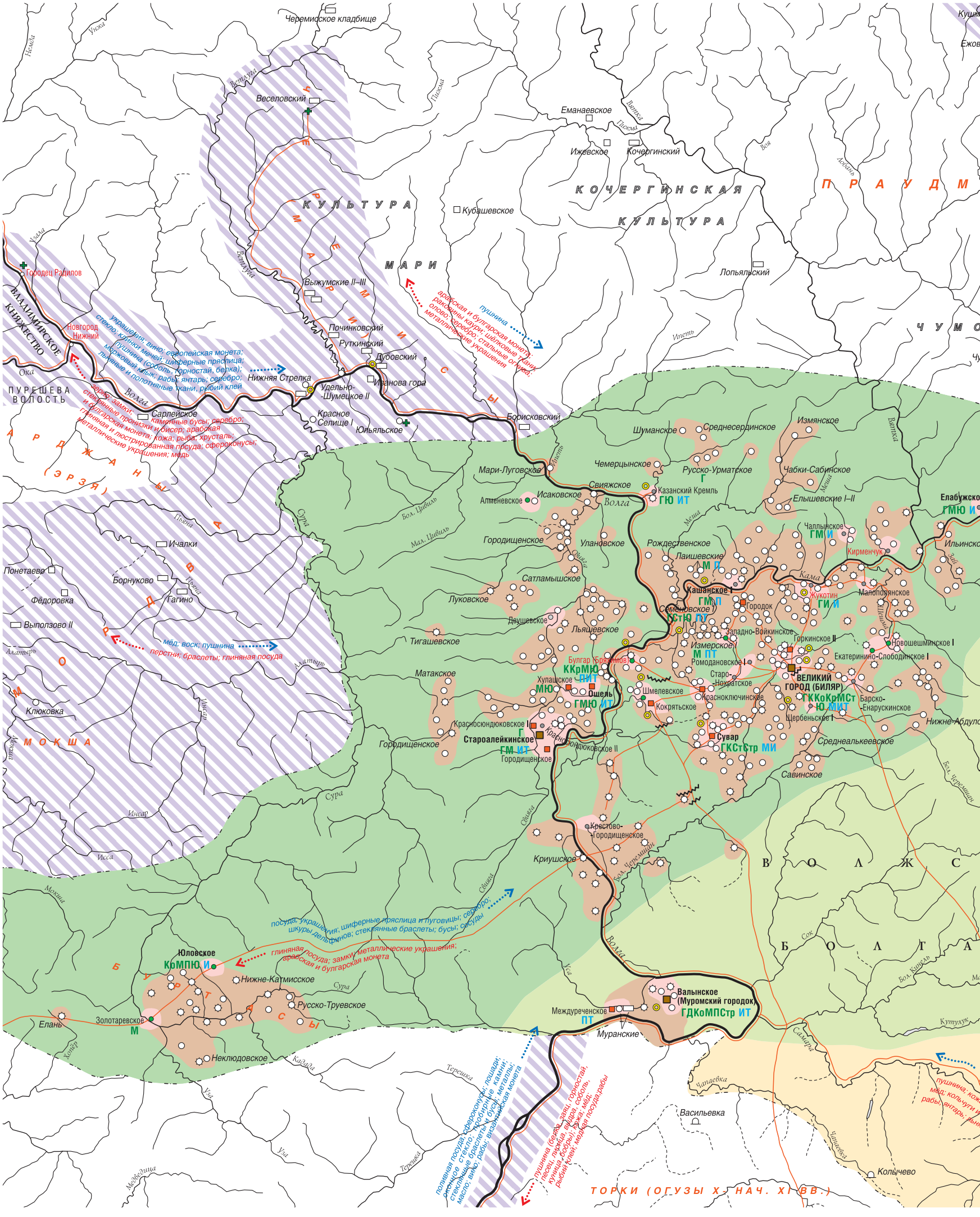




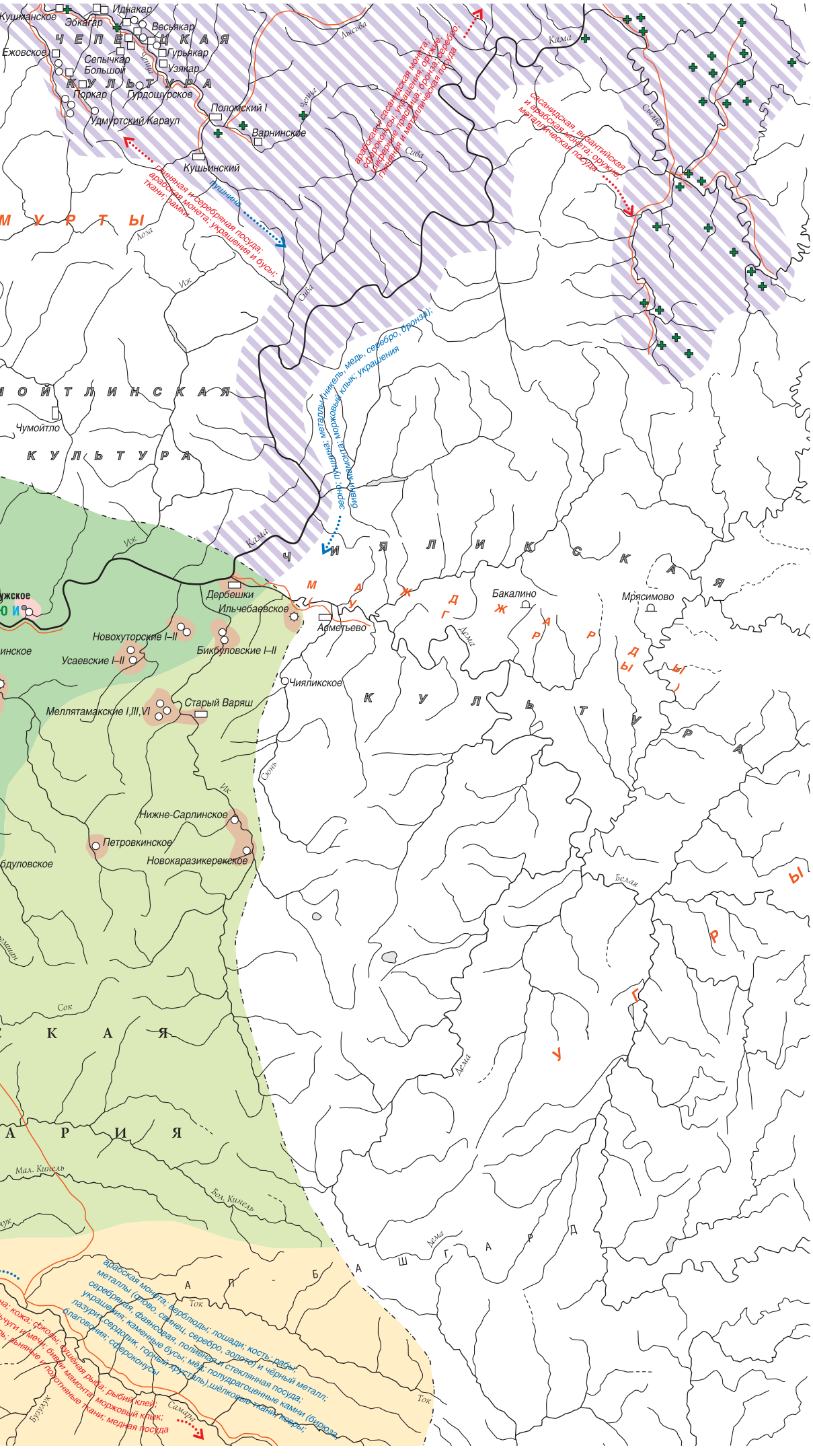
Луговые степи

при двуполье и пестрополье — около половины, при трехполье — две трети. При благоприятных условиях переложные земли в первые годы после «отдыха» давали относительно высокий урожай. То, что древняя Русь в плане систем земледелия несколько опережала Волжскую Болгарию, объясняется прежде всего большей древностью на Руси земледельческого хозяйства, глубокими земледельческими традициями.

Тем не менее, высокое развитие земледельческой техники, результатом которого явилось самостоятельное возникновение плуга, а также обилие плодородных земель превратили Волжскую Болгарию в одну из самых развитых в земледельческом отношении областей Восточной Европы, использовавших зерно даже как предмет вывоза.


Черемисское кладбище
Веселовский
Еманаевское
Ижевское
Кочергинский
Кубашевское
Лопьяльский
Выжумские II–III
Починковский
Рутkинский
Дубовский
Иванова гора
Нижняя Стрелка
Удельно-Шумецкое II
Красное Селище I
Юльяльское
Борисковский
Сарлейское
Городец Радилов
Новгород Нижний
Городищенское
Ручимский
Ичалки
Понетаево
Борнуково
Гагино
Фёдоровка
Выползово II
Клюковка
Шуманское
Среднесердинское
Измянское
Мари-Луговское
Чемерцынское
Русско-Урматское Г
Чабки-Сабинское
Свияжское
Казанский Кремль ГЮ ИТ
Исаковское
Алменевское
Елабужско ГМЮ И
Ульинско
Чаллынское ГМ И
Кирменчук
Рождественское
Лаишевские М П
Ульяновское
Сатламышское
Луковское
Кашанское I ГМ П
Городок
Жукотин ГИ И
Малополянское
Семиозерское ГСтЮ ПТ
Девшевское
Льяшевское
Западно-Войкинское
Горкинское II
Новошешминское I
Тигашевское
Измерское М ПТ
Ромодановское I
Екатеринино-Слободинское I
Матакское
Булгар Братлов ККрМЮ ИТ
Старо-Нохратское
ВЕЛИКИЙ ГОРОД (БИЛЯР) ГКСтКоКрМСт Ю МИТ
Барско-Енарускинское
Хулашское МЮ
Ошель ГМЮ ИТ
Шмелевское
Кокрятское
Красноключинское
Щербеньское I
Нижне-Абдуло
Красносюндюковское I
Старoалейкинское Г ГМ ИТ
Городищенское
Красносюндюковское II
Сувар ГКСтСтр МИ
Среднеалкеевское
Савинское
Крестово-Городищенское
Криушское
Юловское КрМПЮ И
Нижне-Катмисское
Русско-Труевское
Золотаревское М
Елань
Неклюдовское
Валынское (Муромский городок) ГДКоМПСтр ИТ
Междуреченское ПТ
Муранские
Васильевка
Колычево
Чапаевка
Ичалки
Фёдоровка
Выползово II
Клюковка
Понетаево
Борнуково
Гагино
Ока
Волга
Сура
Инсар
Исса
Алатырь
Мокша
Пьяна
Тёша
Ирзянь
Ардатов
Ардатовский район
Ардатовские леса
Ардатовские боры
Ардатовские пустоши
Ардатовские поля
Ардатовские горы
Ардатовские холмы
Ардатовские равнины
Ардатовские низины
Ардатовские долины
Ардатовские ущелья
Ардатовские перевалы
Ардатовские вершины
Ардатовские склоны
Ардатовские подножия
Ардатовские основания

Экономика Волжской Болгарии, X– начало XIII в.


Иднакар
Кушманское
Эбкагар
Весьякар
Ежовское
Гурьякар
Сепычкар
Большой Узякар
Поркар
Гурдошурское
Удмуртский Караул
Поломский I
Варнинское
Кушьинский
Лудзда
Кама
Сива
Ижма
Лудза
Лыза
Иж
Чепецкая культура
Мурты
Нойтлинская культура
Чумойтло
Чияликская культура
Дербешки
Ильчебаевское
Новохуторские I–II
Усаевские I–II
Бикбуловские I–II
Меллятамакские I,III,VI
Старый Варяш
Нижне-Сарлинское
Петровкинское
Новокаразикерекеское
Бикбуловское
Асметьево
Чияликское
Бакалино
Мрясимово
Сюнь
Белая
Дема
Сок
Мал. Кинель
Бол. Кинель
Ток
Самара
Бурлук
Мажарская культура
Самарская культура
Прикамье
Башкирское Приуралье
Южное Приуралье
Лесостепное Заволжье
Степное Заволжье
Степное Подонье
Лесостепное Подонье
Степное Приазовье
Лесостепное Приазовье
Степной Крым
Лесостепной Крым
Предгорный Крым
Горный Крым
Северный Кавказ
Центральный Кавказ
Западный Кавказ
Восточный Кавказ
Закавказье
Северное Причерноморье
Западное Причерноморье
Центральное Причерноморье
Восточное Причерноморье
Северная Анатолия
Центральная Анатолия
Восточная Анатолия
Западная Анатолия
Южная Анатолия
Северная Месопотамия
Центральная Месопотамия
Южная Месопотамия
Северная Сирия
Центральная Сирия
Южная Сирия
Северная Палестина
Центральная Палестина
Южная Палестина
Северная Аравия
Центральная Аравия
Южная Аравия
Северная Африка
Центральная Африка
Южная Африка
Восточная Африка
Западная Африка
Северная Европа
Центральная Европа
Западная Европа
Восточная Европа
Южная Европа
Северная Азия
Центральная Азия
Восточная Азия
Южная Азия
Юго-Восточная Азия
Океания
Австралия
Северная Америка
Центральная Америка
Южная Америка
Арктика
Антарктида
Мировой океан
Индийский океан
Тихий океан
Атлантический океан
Северный Ледовитый океан
Средиземное море
Красное море
Черное море
Каспийское море
Аральское море
Балтийское море
Северное море
Белое море
Баренцево море
Карское море
Лаптевых море
Восточно-Сибирское море
Чукотское море
Берингово море
Охотское море
Японское море
Желтое море
Восточно-Китайское море
Южно-Китайское море
Филиппинское море
Сулавеси море
Банда море
Арафура море
Тиморское море
Коралловое море
Тасманово море
Бофорта море
Гренландское море
Норвежское море
Ирландское море
Северное море
Балтийское

А.Г. Петренко

Скотоводство

Вопросам животноводства и охоты у населения древнего города Болгара, по данным остеологических исследований, были посвящены работы В.И. Цалкина и автора настоящей статьи. В публикациях дан морфологический анализ остеологических материалов, найденных при раскопках на городище.

К настоящему времени для обобщения собран огромный остеологический материал, насчитывающий около 40 тыс. костей. Преобладают остатки домашних животных, принадлежащие девяти видам. Это крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, лошадь, верблюд, осел, кошка, собака. Дикие виды представлены почти единичными костями следующих охотничье-промысловых видов: бобра, зайца, куницы, волка, лося, косули.





Стремена. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Удила. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Из остатков домашних сельскохозяйственных видов кости овец, коров, лошадей многочисленны, а кости коз, свиней, верблюдов, ослов редки.

Крупный рогатый скот. Остеологический материал по крупному рогатому скоту, как и по всем остальным видам, происходит в основном из слоев золотоордынского времени (XIII — начало XV в.). В Болгаре сравнительно редки находки костных остатков черепа, которые представлены по всем раскопам, как правило, единичными экземплярами стержней рогов с небольшими фрагментами черепа и обломками нижних челюстей. Преобладают остатки костей нижнего отдела конечностей.

Возрастной анализ комплексов, представленных в подавляющем большинстве обломками костей со сросшимися эпифизами, позволяет думать, что основная масса коров забивалась на мясо в возрасте старше 3,5 лет.

Незначительное число стержней рогов, зафиксированных на большей части раскопов Болгарского городища, несколько фрагментов мозговой части черепа, роговых стержней с межроговой частью, а также та часть стержней, которая описана В.И. Цалкиным, позволяют представить местный скот с краниологической стороны. Хотя большая часть этих костей повреждена, тем не менее данные промеров свидетельствуют о разнообразии в породном составе крупного рогатого скота.



Ботало. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

В «кухонных остатках» города мы выделяем в породном отношении три основные разновидности крупного рогатого скота: брахицерного и примигенного типов и комолых. Порода скота брацихерного типа считается очень древней и имеет удивительное сходство с европейским бурым скотом. К ней принадлежат маленькие, изящного сложения особи рогатого скота с небольшими и относительно тонкими стержнями, направленными кнаружи и изогнутыми кверху, лоб между выступающими глазницами вдавлен. Окраска шерсти большей частью темная. В Европе к этой породе должен быть причислен ряд групп рогатого скота, в том числе и польский красный скот, который был широко распространен и в Северной России. Крупный рогатый скот примигенного типа — крепкого сложения, с большими или средней величины рогами. К нему относится степной и подольский скот. Степная порода дает хороших рабочих животных, но отличается худшими молочными качествами. Широко распространена в Юго-Восточной Европе.

Отметим сходство остеологического материала Болгара и Биляра.

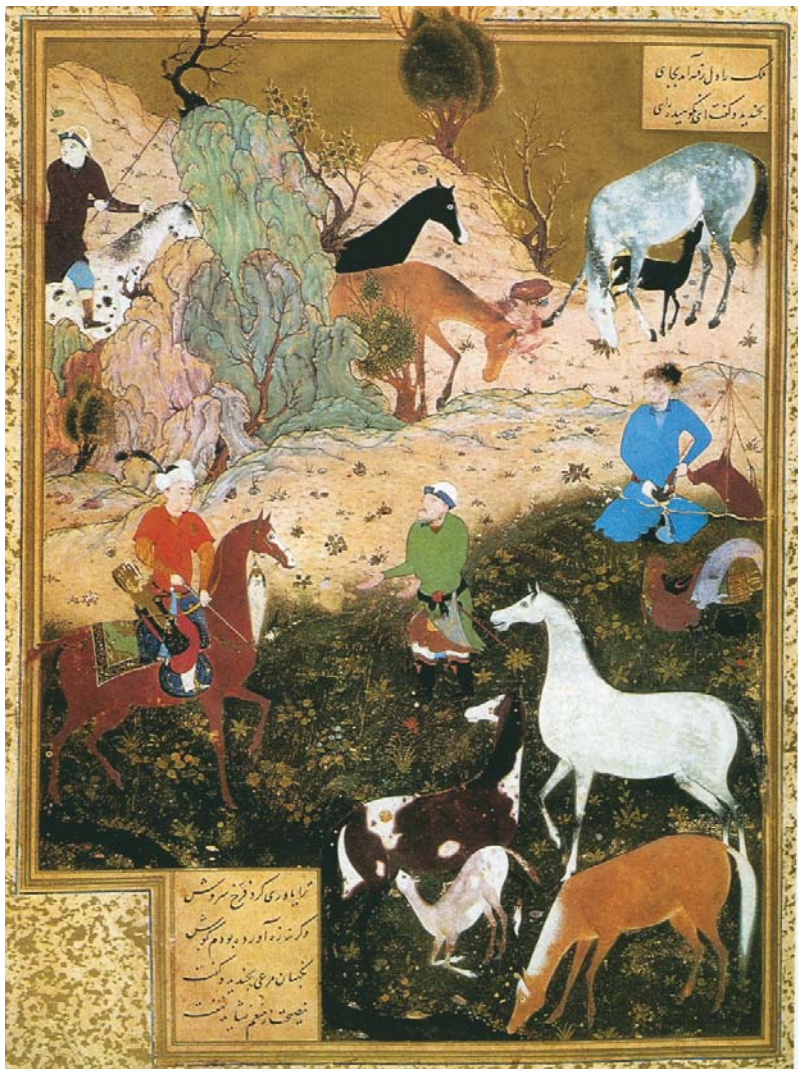
Возможно, этот крупный, грубокостный скот с длинными роговыми стержнями, широко распространенный в Юго-Восточной России, попадал к болгарам от кочевников. В их громадных стадах домашних животных были широко представлены быки и волы, которых использовали при перевозке тяжестей, в частности тяжелых жилых повозок, о чем писал Марко Поло.

Промеры пястных костей коров свидетельствуют о достаточно широкой изменчивости пропорций.

Четыре пястные кости, которые могут быть отнесены к особям быков, составляют 12,5 %



Колокольчик для коровы. Металл, ковка. XVII–XVIII вв. Из коллекции В.И. Заусайлова



Царь Дара (Дарий) слушает назидание пастухов. Миниатюра из рукописи поэтического сборника «Бустан» Саади. 1488 г.



Путы. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



общего числа пястных костей, что представляется достаточно высокой долей при определении полового состава популяции стада крупного рогатого скота. Столь значительное количество быков, превышавшее необходимое для воспроизводства стада число животных, следует связывать с использованием их в качестве тягловой силы для перевозки грузов, для обработки пашни и у болгар.

Еще раз отметим, что крупный рогатый скот Болгара представляется разнообразным как по строению черепа (примигенный и брахицерный типы), так и по высоте и грацильности. Интересно, что данные пересчета по пястным и плюсневым костям при вычислении высоты в холке дали близкие результаты. Наличие трех популяций крупного рогатого скота, а именно грацильного с небольшими роговыми стержнями, комолого и степного грубокостного, чаще с массивными стержнями, является результатом значительных активных связей болгарского населения с южными, западными и северными соседями.

Южный степной длиннорогий скот мог постоянно попадать к болгарам от южных кочевников. Крупный рогатый скот брахицерного типа, возможно, поступал в результате широких обменных связей со славянским миром.

Мелкий рогатый скот. Интересны для истории хозяйственной деятельности населения Болгара остеологические материалы мелкого рогатого скота, в подавляющем большинстве представленные остатками особей овец в возрасте 1,5–2 лет и старше.

Сравнение метаподий овец из Болгара и из Биляра позволяет говорить о статистически достоверном сходстве материала в целом. Однако билярские овцы в подавляющем большинстве были более крупными.

В серии из Болгара при преобладании крупнопородных овец увеличивается число более мелких овец, что объясняется, очевидно, усилением торговых и экономических связей с северными районами края, где были широко представлены овцы мелкие. Эти овцы, как считал В.И. Цалкин, значительно уступали в размерах северным короткохвостым и были очень близки к современным романовским. В поголовье ранних билярских овец, а также золотоордынских преобладала иная порода, более крупная и грубокостная, аналогии которой мы находим только среди крупных аборигенных овец Казахстана и Туркмении.



Овцы у хлева в зимнее время



Железные ножницы для стрижки овец. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Лошадь. Костные остатки лошадей из Болгара представлены в основном отдельными костями метаподий и фаланг.

Черепа лошадей, найденные на Болгарском городище и описанные В.И. Цалкиным согласно классификации В.И. Громовой, в большинстве принадлежат широколобым особям. Значительно меньше среди них среднелобых и узколобых. В.И. Цалкин подчеркнул значительную изменчивость относительной ширины лба у лошадей Болгара при преобладании широколобого типа. По относительной длине лицевой части и морды черепа исследованных животных довольно сходны. Тип длинномордых лошадей представлен одним черепом из пяти.

Основную массу составляют тонконогие и средненогие животные. На основании промеров целых черепов и трубчатых костей конечностей В.И. Цалкин определяет высоту в холке лошадей из Болгара. Группа лошадей высотой 135–140 см была наиболее распространенной.

Верблюд. Представленные в остеологическом материале из Болгара фрагменты скелета двугорбого верблюда являются несомненно «кухонными остатками». Мясо животного было использовано как пища. Этим и объясняется



Ножницы для стрижки овец. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





Удила, псалии. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





весьма плохая сохранность диагностированного материала по данному виду.

Из остеологических остатков были промерены нижние челюсти, зубы черепа и отдельные кости нижнего отдела конечностей.

Оценивая в целом остеологический материал по двугорбому верблюду из Болгара, следует упомянуть о его сходстве с древнехорезмийскими материалами, описание которых было дано В.И. Цалкиным. Это подтверждает вывод о широком использовании верблюдов на караванных путях, соединявших Среднюю Азию и Закавказье с Болгаром. Верблюды были незаменимы при перевозке товаров по засушливым и пустынным районам.

Рассмотрим статистические данные по имеющимся остеологическим материалам, группируя их по четырем основным районам города Болгара: центру с его южной окраиной, юго-западу и юго-востоку. Такой подход к изучению материала предоставляет некоторые возможности для исследования социальной и этнической истории населения Болгара.

Основная часть материала, использованного в настоящей работе, происходит из слоя IV, датированного второй половиной XIII — началом XV в. Содержание более ранних, домонгольских напластований центральной части города из-за сильной нарушенности их позднейшей строительной деятельностью выделить трудно. Однако анализ остеологического материала из раскопов центральной части города с домонгольскими напластованиями даже при рассмотрении материала в целом, включая слои золотоордынского периода, позволяет подметить характерные для этого района черты, отличающие его от остальных частей города, где есть напластования только золотоордынского периода. Особенность этого района выражается в таком свойственном домонгольскому периоду волжских болгар явлении, изученном и по другим памятникам, как значительное количество крупного рогатого скота, что нехарактерно для золотоордынских слоев города.



Стремя. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Несомненно, что для домонгольского времени он был значительно большим, вероятно близким к тому, что дает Билярское городище.

Центр города был наиболее густонаселенным, торгово-ремесленным и жилым районом с X до XV в. Его отличает массовость остеологического материала животных, представляющих «кухонные остатки». Определено 27 224 кости минимально от 1895 особей. Несмотря на большую мощность культурных напластований центра города по сравнению с другими районами, столь значительная насыщенность их костными остатками может свидетельствовать о зажиточности большинства его обитателей.

Южная окраина центра города в районе «Черной палаты» также была в золотоордынский период жилым и ремесленным районом. Здесь диагностировано костей и особей почти в десять раз меньше: 2384 кости и 147 особей. Даже с учетом разницы в мощности культурного слоя различие весьма существенно и, несомненно, является социальным признаком, свидетельствующим о значительно меньших жизненных возможностях ремесленного люда этого района.

Из раскопов, расположенных в юго-западной части городища, где также жили ремесленники, получено 1897 костей от 162 особей, т. е. относительно несколько больше, чем в районе у «Черной палаты», но отнюдь не так много, как в центре.

И наконец, в четвертом из рассматриваемых районов города, в юго-восточной и восточной частях городища, у «Малого минарета» и «Ханской усыпальницы», в XIII в. был пригородный поселок с полуземляночными жилищами, а с конца XIII и в первой половине XIV в. стояли богатые жилища монгольского типа. Количество костных остатков на этих раскопах различно. Такие различия объясняются не только разной мощностью культурных напластований, но и особенностями состава населения.

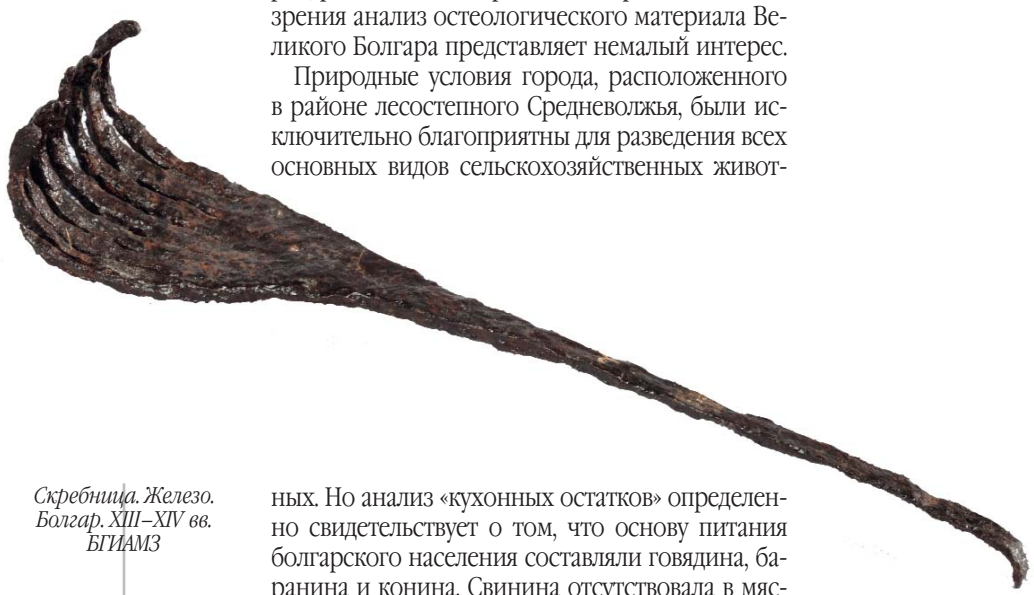
Поскольку диагностированные остеологические материалы в подавляющем большинстве являются «кухонными остатками», анализ видовых данных, как правило, показывает, каких сельскохозяйственных животных разводило и использовало в пищу население и какие дикие животные были объектом охотничьего промысла.

Несомненно, что каждой географической среде присущи определенные виды домашних и диких животных. Более того, в зависимости от среды находятся и определенные соотношения между видами. Скотоводы всегда стремятся поддерживать такой состав стада, который наиболее выгоден в определенных климатических условиях. Так, в северных таежных районах Волго-Камья испокон веков преобладало разведение крупного рогатого скота и лошадей, а в лесостепных районах — крупного и мелкого рогатого скота и свиней.

Но нарушение видового состава и соотношения между видами возникало часто в связи с изменениями социально-экономических факторов, религиозных верований и др. С этой точки зрения анализ остеологического материала Великого Болгара представляет немалый интерес.

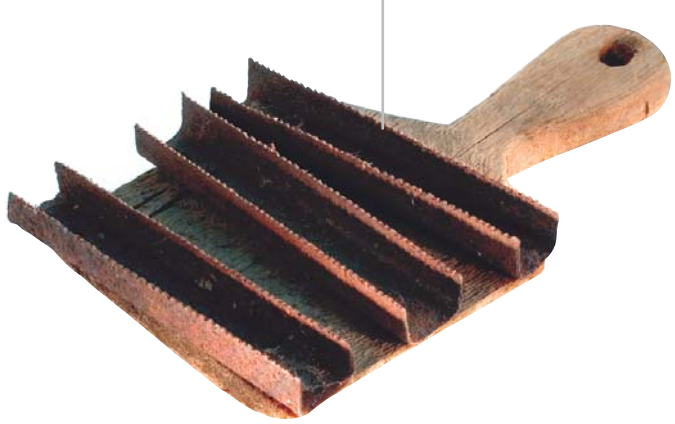
Природные условия города, расположенного в районе лесостепного Средневолжья, были исключительно благоприятны для разведения всех основных видов сельскохозяйственных животных. Но анализ «кухонных остатков» определенно свидетельствует о том, что основу питания болгарского населения составляли говядина, баранина и конина. Свинина отсутствовала в мясном рационе самих болгар полностью. Однако виды животных, использованных в пищу, на различных участках городища разные. Данные о соотношениях между видами животных из раскопов центра Болгара свидетельствуют о значительном разнообразии домашних сельскохозяйственных животных. Наряду с костями таких обычных домашних видов, как крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, довольно часты находки костей двугорбого верблюда, иногда осла. Заметно больше по сравнению с другими районами города особей крупного рогатого скота и меньше — мелкого рогатого скота. Такое соотношение крупного и мелкого рогатого скота связано с домонгольскими слоями, в которых доля крупного рогатого скота больше, чем в слоях золотоордынского времени.

Значительное разнообразие видов домашних животных на центральных раскопах свидетельствует, как нам представляется, об этнической пестроте ремесленного и торгового люда этого района.



Скребница. Железо. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Скребок для чистки лошадей. Металл, дерево. Заказанье. Конец XIX — начало XX в.







Страницы из арабского трактата по ветеринарии. XVIII в.

Интересные данные зафиксированы и на раскопах в юго-западной части городища. Находки костей свиньи, увеличение остатков крупного рогатого скота и лошадей позволяют утверждать, что в этом районе среди основного тюркского болгарского ремесленного населения жили и славяне. На обитание славян в Болгаре указывал и В.И. Цалкин.

Для раскопов восточной окраины городища характерна очень плохая сохранность костных остатков по причине значительной раздробленности их в момент приготовления пищи.

Некоторым исключением является материал, полученный из жилища земляночного типа, располагавшегося близ Малого минарета. Здесь встречены лопатки крупного рогатого скота (одна — старой особи, другая — сравнительно молодой), две целые челюсти, два черепа собаки и нижняя челюсть лошади с пробитым в ней отверстием квадратной формы, а также бедренная кость. Возможно, эти кости остались после совершения какого-то ритуала при постройке жилища.

Остеологический материал из раскопа XXVII, где застройка носит другой характер, отличается меньшей раздробленностью костей. Здесь вообще найдено меньше костей животных, несколько меньше и доля мелкого рогатого скота. Как и на центральных раскопах города, здесь встречены кости верблюда. Общей чертой, типичной для Болгара, является отсутствие костей свиньи. Заслуживают особого внимания возрастные морфологические исследования остатков овец. Кости овец в возрасте от двух до четырех месяцев составляют в материалах Болгара не более 10 %. В действительности их, вероятно, было значительно больше, но они очень плохо сохраняются из-за исключительной хрупкости. Остатки костей этой возрастной группы овец, кожа которых шла, по всей вероятности, на выработку сафьяна, происходят не только с периферии, но и из центрального района города. В отличие от металлургических и гончарных мастерских кожевенные мастерские обнаружены и в центре городища. К интересным выводам приводит сравнение остеологических показателей овец из Болгара с данными, полученными Н.П. Чирвинским при изучении пород грубошерстных овец, разводившихся в России. Волжскоболгарские овцы оказываются сходны по одним показателям с хиссарской породой, которую Н.П. Чирвинский относит к группе бухарских курдючных овец, а по другим — с черкасской породой, принадлежавшей к длиннотощехвостым овцам из Казанской губернии.

Овцы хиссарской породы представляли собой крупных, покрытых черным волосом, высоконогих животных. Зародыши их по характеру и рисунку смушек несколько походили на каракульские. Самки были комолы, а бараны чаще рогаты. Овцы черкасской породы имели длинную блестящую белую шерсть и были комолыми. Высота в холке достигала у них 71–78 см. Об особой ценности этой древней исчезающей породы и о необходимости ее сохранения и распространения настоятельно напоминал Н.П. Чирвинский. Не исключено, что это и была «ордынская» овца, о которой упоминает М.Е. Лобашев, касаясь вопроса породообразования ро-

мановской овцы, которая, как считал автор, попала в Ярославскую губернию с пленными татарами во времена Ивана Грозного.

Эти данные позволяют предполагать, что у волжских болгар были овцы двух пород, исключительно крупные и близкие по величине. Овцы, близкие к хиссарским, содержались в основном для получения мяса, смушки, сафьяна и забивались в возрасте четырех месяцев или полутора-двух лет, а близкие к черкасским выращивались чаще до трех лет и служили источником не только мяса, но и ценной белой шерсти высокого достоинства.

Отходы от сельскохозяйственных культур и большие пространства заливных пойменных волжских лугов служили надежной базой для длительной зимовки крупного рогатого скота.

Бирки для счета скота пастухами. Дерево. Д. Новые Карплы, Башкирия. XVIII в.



Бахрам Гур в сельском доме. Миниатюра из рукописи «Шахнаме» Фирдоуси. 1341 г.



Тем не менее, судя по «кухонным остаткам» из раскопов всех районов города, независимо от их социальной и этнической характеристики, мелкий рогатый скот, особенно овцы значительно преобладал (по числу как костей, так и особей) над крупным рогатым скотом.

Болгары, жившие в условиях большого торгового города и близ него, строили, вероятно, животноводческое хозяйство с учетом максимального «товарного» использования. Они содержали овец и крупный рогатый скот, коз было мало. От крупного рогатого скота, судя по данным возрастного анализа костей, болгары получали мясо, молоко, масло; от овец — шерсть, смушку, сафьян и мясо. По данным остеологического анализа костных остатков из домонгольского Биляра, близкого Болгару как по природным условиям, так и по этническим показателям, оседлое животноводческое хозяйство билярского населения представлено следующими видами: крупный рогатый скот — 50,6 %, овца — 39,7 %, лошадь — 7,1 %.

В Биляре домонгольского времени говяжье мясо играло значительно большую роль в питании, чем мясо овец, тогда как в Болгаре золотоордынского периода потребляли преимущественно баранину. Нам представляется, что это было связано не столько с изменением в хозяйственной деятельности самих болгар, сколько с довольно сильным влиянием степных кочевых племен в золотоордынский период.

Вильгельм де Рубрук, сообщая о кочевании Батыя со стадами скота по волжским берегам, писал, что с января по август он поднимался вверх по Волге выше Болгара, а в августе начинал спускаться вниз и зиму проводил в своей ставке в Сарае. Марко Поло, говоря о кочевой жизни татар и описывая способы передвижения во время перекочевок, упоминал, что в телеги впрягают волов и верблюдов. Близость видовых соотношений и породных данных сельскохозяйственных животных в золотоордынском Сарае, монгольском Каракоруме и Болгаре золотоордынского периода свидетельствует о том, что основу мясной пищи населения Болгара в золотоордынское время составлял скот кочевников Юго-Восточной Европы.

Кочевники часто приобретали зерно у земледельческих оседлых народов, в том числе и у болгар, в обмен на скот. Этим и объясняется исключительное сходство породных данных основных сельскохозяйственных домашних животных и их соотношения в разных по географическим условиям и далеких друг от друга, но связанных политически и экономически столичных городах Болгаре, Сарае, Каракоруме.

Роль Болгара как торгового посредника трудно переоценить. Не последнее место в торговле занимала пушнина. Она поступала с территории современных Удмуртии, Кировской и Пермской областей в виде таких охотничье-промысловых животных, как бобр, куница, белка. Сами болгары охотой почти не занимались.

С.С. Айдаров

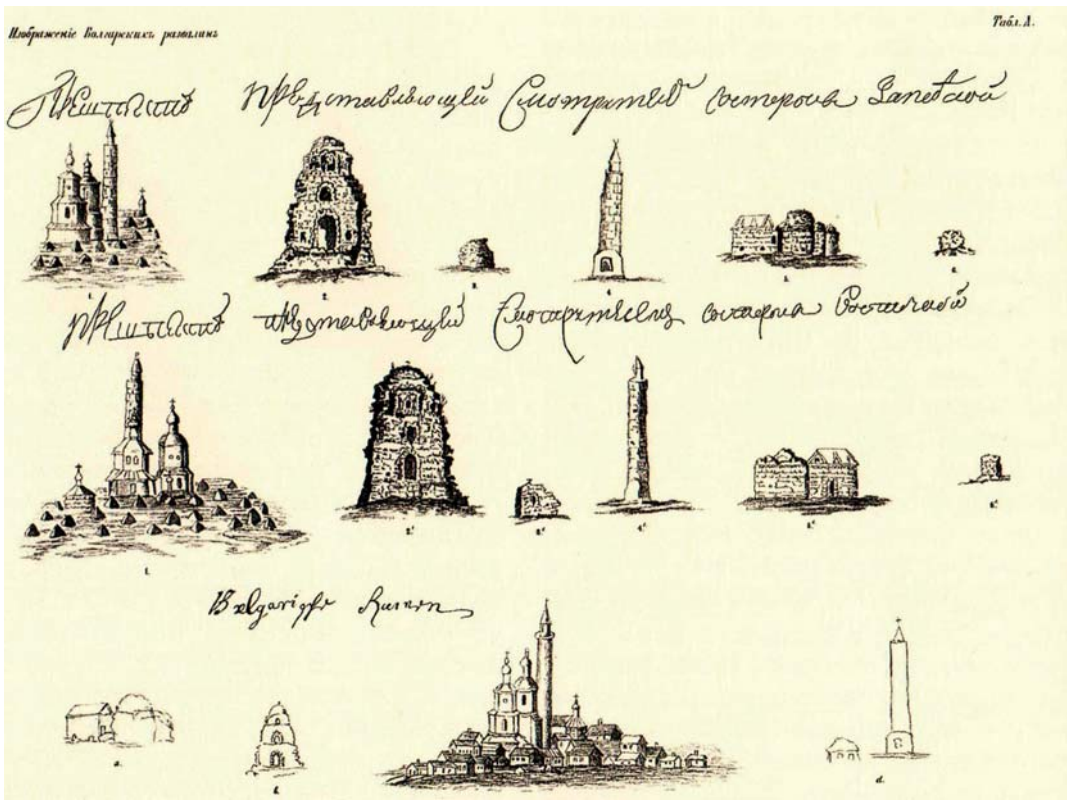
Градостроительная культура и монументальное зодчество

История исследования

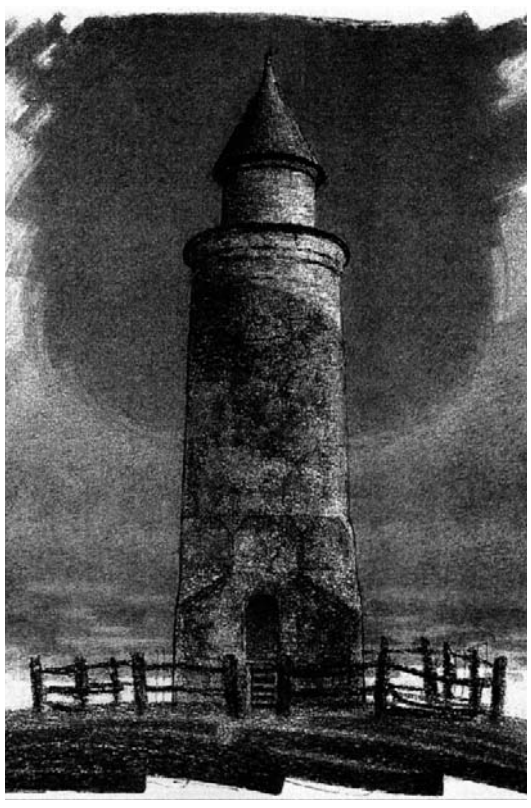
Среди наземных остатков каменных сооружений на территории столицы Волжской Болгарии, известной русским летописцам под названием «Великие Болгары», наиболее сохранившимися к середине 1950-х гг. являются шесть памятников. Это руины Четырехугольника, Никольской церкви, Монастырского погреба, Ханской усыпальницы, Малого минарета и Черной палаты, получившие свои условные наименования в литературных источниках сообразно их внешнему виду, позднему использованию или известному по преданиям древнему назначению. К указанному времени и восходит начало работы по их исследованию и реставрации, когда автором в бытность научным руководителем Казанской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (КСНРПМ) осуществлялись обмеры, зарисовки, натурные и архивные исследования этих памятников. Осознание величайшей историко-культурной ценности памятников обязывало к соблюдению максимально внимательного и глубоко научного подхода к их изучению, что определило методику поэтапного исследования и выведения памятников из состояния крайней ветхости; постепенного раскрытия их от позднейших строительных наслоений и культурных напластований ниже земной поверхности в целях установления характера всевозможных перестроек, точного времени возникновения и первоначального типического облика, очень важного в решении проблемы архитектурного наследия Татарстана.



Начатые предварительные исследования переросли к концу 1950-х гг. в неотложные защитно-ремонтные работы по выведению памятников сначала из угрожающего аварийного состояния, сопровождавшиеся производством зондирования наземных участков поздних перестроек, и ремонтных заплаток руин. При этом были вскрыты значительные несоот-



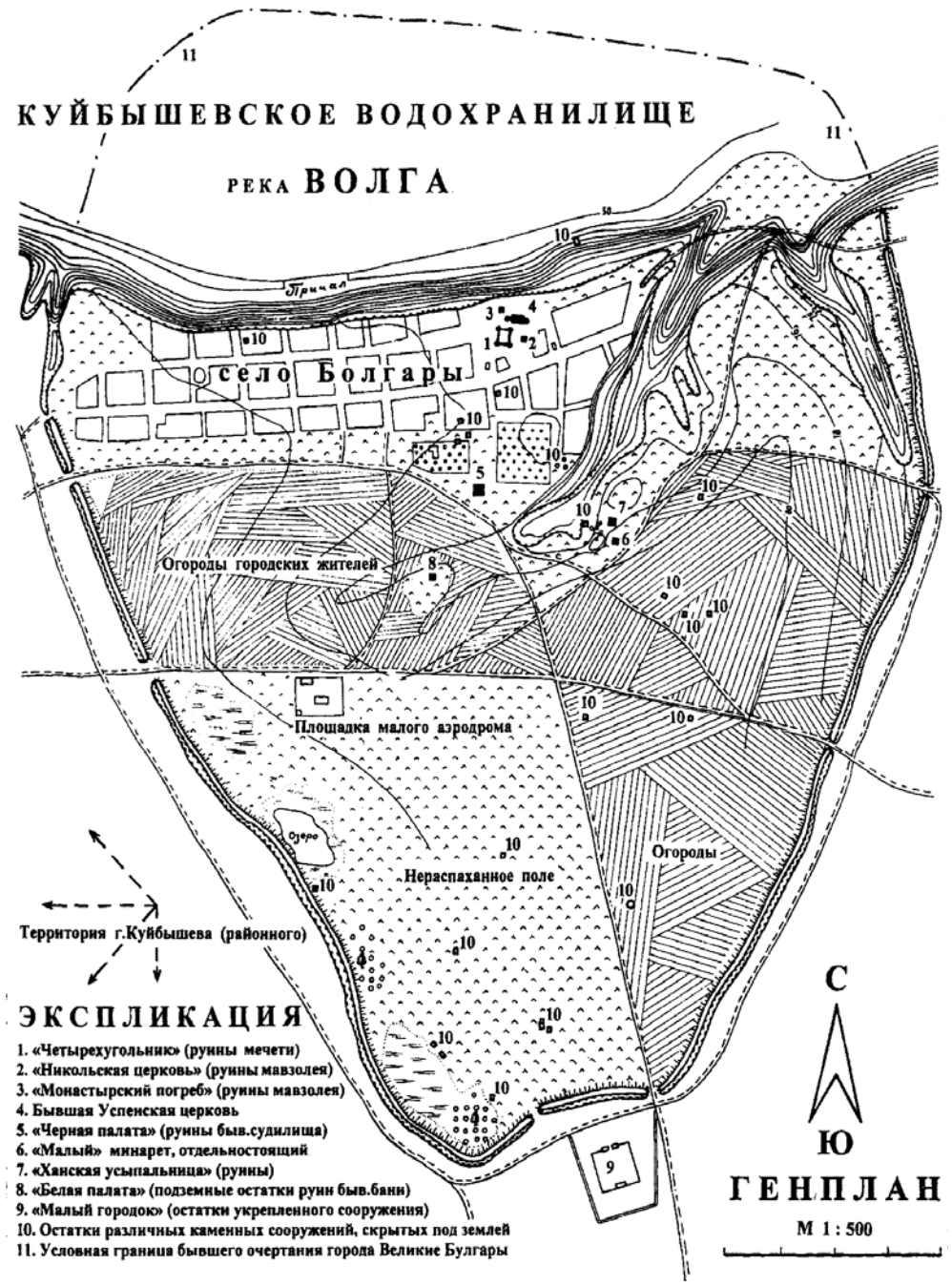
Рисунки развалин монументальных построек в Болгаре. Г.Ф. Миллер. Сер. XVIII в.



Малый минарет. Зарисовка северного фасада в процессе исследования. Середина 1950-х гг.



Архитектурные памятники Болгара. Вид с юга

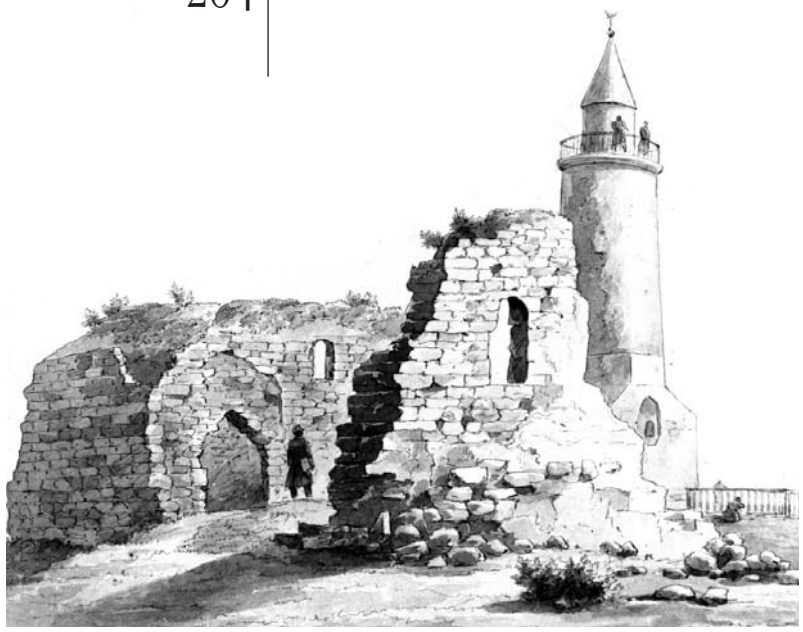


Генеральный план Болгарского городища с указанием основных архитектурных памятников, открытых в XIX–XX вв.

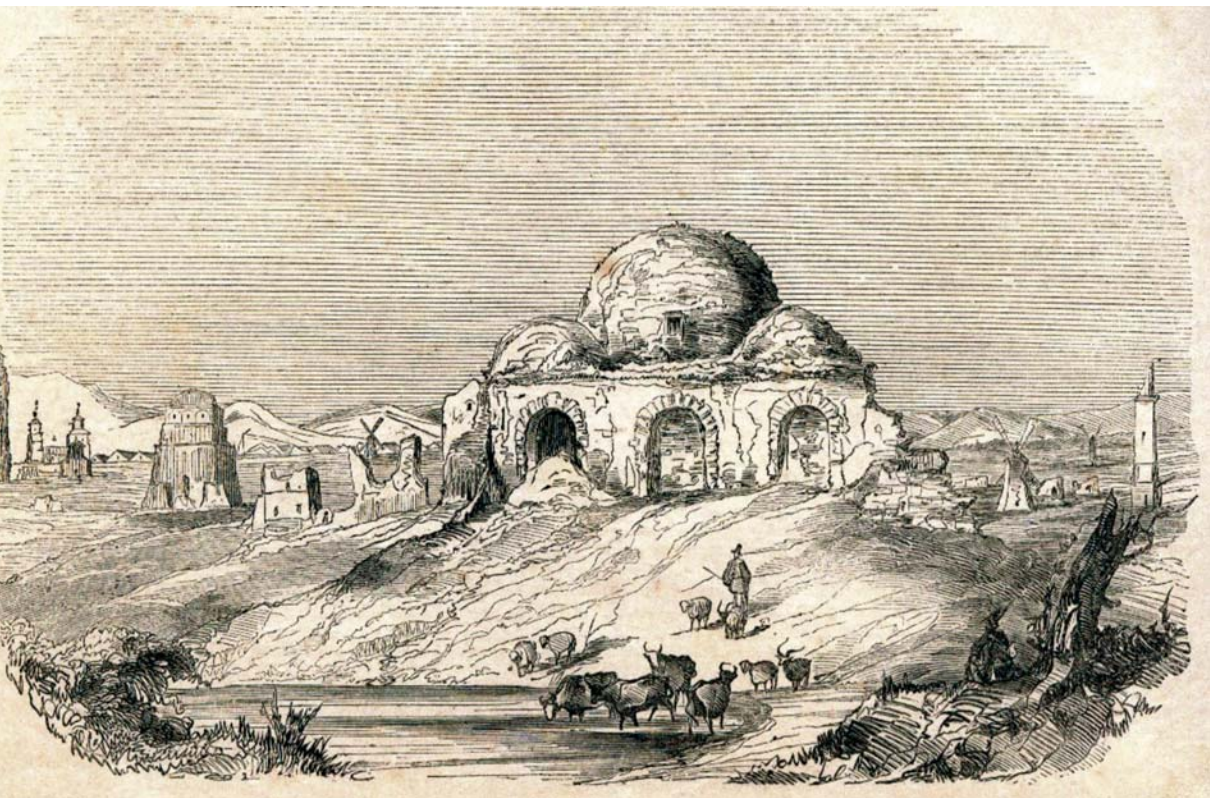
Монументальные постройки Болгара

На территории города Болгара сейчас известно и исследовано более двадцати монументальных построек. Среди них крупнейшими являются т.н. «Четырехугольник» — Соборная мечеть с Большим минаретом, руины ханского дворца, исследованные в последние два десятилетия, Малый минарет. Самую большую группу построек образуют ритуальные сооружения — мавзолеи, которых в настоящее время известно десять (два — в центральной части городища и восемь — в юго-восточной и южной). По некоторым предположениям, в земле скрыты руины еще не менее четырех. Другая функциональная группа каменных зданий объединяет шесть общественных бань (в 1984 г. помимо пяти ранее исследованных была открыта Ханская баня в центральной части городища). Отдельную группу составляют фортификационные сооружения городища — остатки валов и рвов, к которым примыкает комплекс кирпичного Малого городка. Наконец, особое место среди каменных построек Болгара занимает Черная (Судная) палата.

ветствия данных натурных исследований с показаниями авторов ряда ранних описаний и поверхностных исследований памятников. Натурные исследования показали, что сведения о болгарских памятниках носят самый разноречивый характер, основанный на результатах лишь зрительного осмотра и сравнительного анализа главным образом их позднейших, уже искаженных обликов с приблизительно схожими восточными аналогиями. Противоречивость (данных о болгарских памятниках — ред.) не способствовала ясному представлению специфики архитектуры волжских болгар и былого назначения ее сохранившихся руин, не говоря уже о вопросах их датировки. Отсутствие убедительных сведений тормозило и начало планируемых реставрационных работ, ко-



Ханская усыпальница и Малый Минарет. Рис. братьев Чернецовых. XIX в.



Общий вид развалин города Болгары. Рисунок Ф.Х. Эрдмана. 1820 г.



Титульный лист альбома А. Шмита «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар». 1827 г.

торые не могли производиться без научно обоснованного раскрытия первоначальной, хотя бы приблизительной, объемно-планировочной структуры памятников. Важным звеном в этом являлось раскрытие от позднейших культурных напластований подземных частей руин, что требовало археологической расчистки от земли больших площадей со следами возможных пристроев и различных других находок вокруг древних руин. Археологические раскопки должны были вестись непосредственно перед началом самих консервационных и фрагментарно-реставрационных работ, причем с участием специалистов самой высокой квалификации, ибо ошибки по столь значимым памятникам были бы непростительны.

Для реализации этих мер автором был представлен в 1964 г. в Научно-методический совет Министерства культуры СССР «эскизный проект консервации и фрагментарной реставрации Четырехугольника», предусматривающий в начальной стадии своего производства совместное архитектурное и археологическое доисследование подземных частей памятника. После одобрения проекта и получения разрешения к реализации, с привлечением ведущих археологов из Института археологии АН СССР и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, летом того же года на Болгарском городище, началось полное раскрытие, всестороннее исследование и одновременная консервация остатков древних частей руин Четырехугольника. Аналогичные работы стали проводиться с 1964–1965 гг. по Никольской церкви, Монастырскому погребу, Черной палате, Ханской усыпальнице и Малому минарету. Данные археологических вскрытий всех шести руин, произведенных под общим руководством профессора А.П. Смирнова, с участием Т.А. Хлебниковой, А.С. Воскресенского и ряда других специалистов, внесли полную ясность в понимание назначения и времени создания памятников, явились значительным научным вкладом в дело изучения архитектурного наследия волжских болгар. Они использовались автором архитектурных исследований как при графической реконструкции утраченного облика памятников, так и в процессе производства самих консервационно-реставрационных работ. Последние осуществлялись совместно группой специалистов проектного и производственного отделов КСНРПМ с 1964 по начало 1970-х гг., затем, с некоторыми перерывами, до начала 1980-х гг.



Черная или судная палата. Рис. А. Шмита. 1827 г.

Реставрация памятников

В реставрационной деятельности существует два научных метода поддержания разрушенных архитектурных памятников — консервация и реставрация

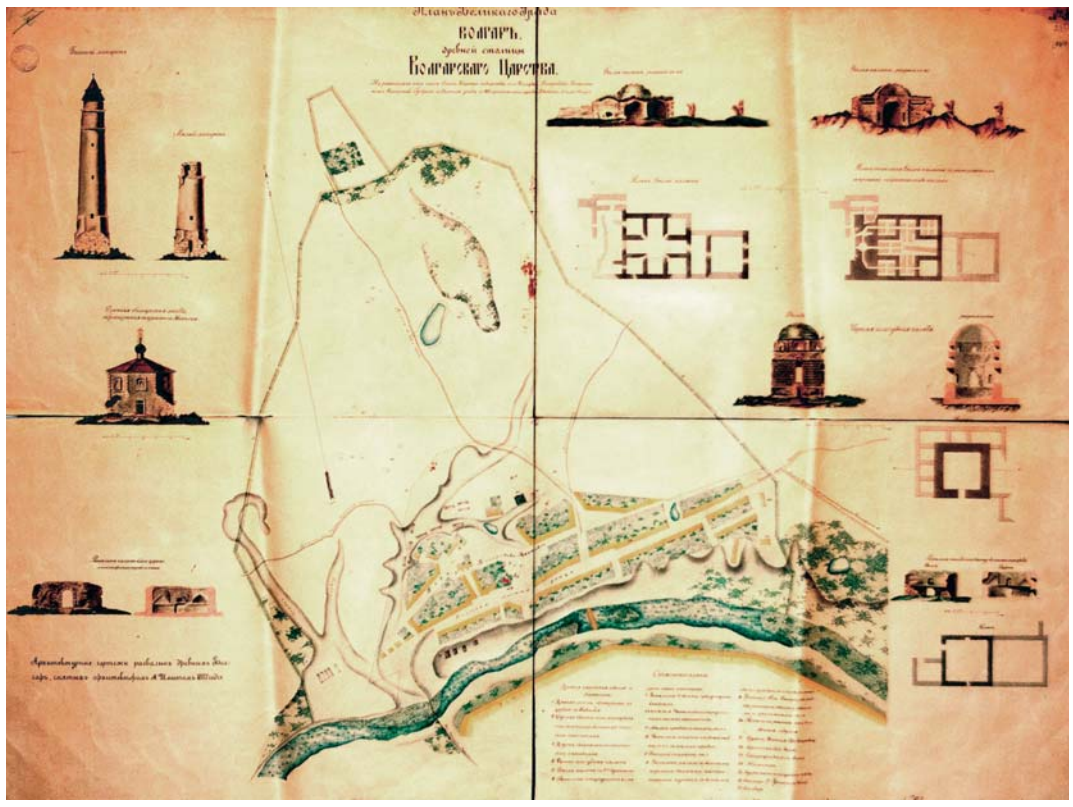
Для болгарских памятников был принят метод консервации с фрагментарной реставрацией тех их частей, которые способствовали бы лучшей сохранности памятников при дальнейшем использовании в качестве остатков архитектурного наследия Волжской Болгарии. Применение этого метода определялось отсутствием исчерпывающих данных о формах и размерах несохранившихся элементов памятников. Результаты исследований позволяли воссоздать лишь графические реконструкции их утраченного облика, являющиеся наглядным выражением научной гипотезы. Этот метод получил конкретную практическую разработку вначале по отношению к руинам Соборной мечети, после чего такие же меры были использованы по отношению ко всем остальным памятникам. Они выражаются в производстве следующих видов работ после предварительного натурно-разведочного и архивного исследования сохранившегося облика памятника.

1. Раскрытие от позднейших наслоений наземных и подземных частей руин в сопровождении тщательного натурного и историко-архитектурного исследования, с производством зондажей, шурфов и археологических раскопов до основания фундаментов с привлечением для последних опытных специалистов-археологов, тщательных архитектурных обмеров, зарисовок, фотофиксации и разработкой опыта графической реконструкции по возможности полного утраченного облика памятника.

2. Укрепление, согласно предварительно разработанному после стадии раскрытия проекту консервации памятника, по обеспечению конструктивной устойчивости раскрытых элементов руин. Достигается это такими мерами, как инъекция трещин и промазка соответствующим раствором выветрившихся швов кладки древних стен, восполнение утраченных мест кладки стен в пределах сохранившейся высоты памятника, докладка древних стен на несколько рядов кладки выше (фрагментарная реставрация) в целях предохранения их от возможности растаскивания, дальнейшего разруше-

ния и т.д. Фрагментарно-реставрационное укрепление производилось специально на новом, известково-цементном растворе, позволяющем отличить будущим исследователям произведенные консервационные работы от первоначальных.

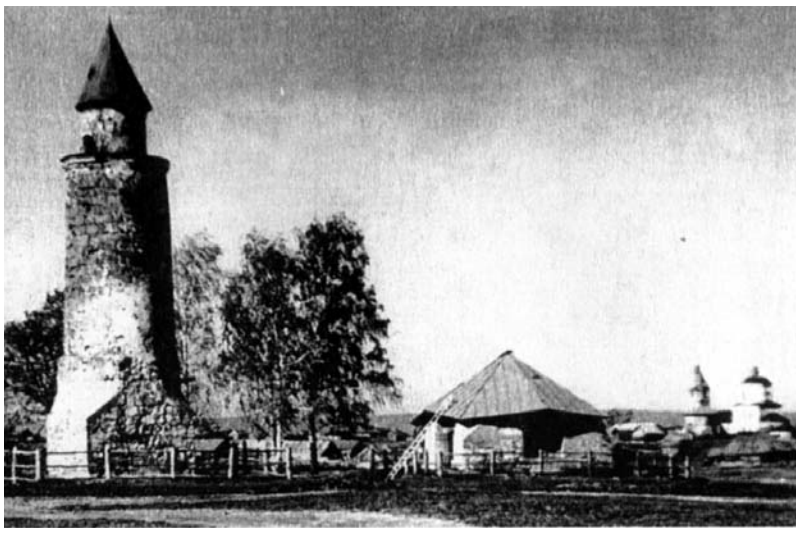
3. Профилактика по предупреждению разрушения памятника от агрессивных воздейст-



План Болгара и архитектурные рисунки. Рис. А. Шмита. 1827 г.



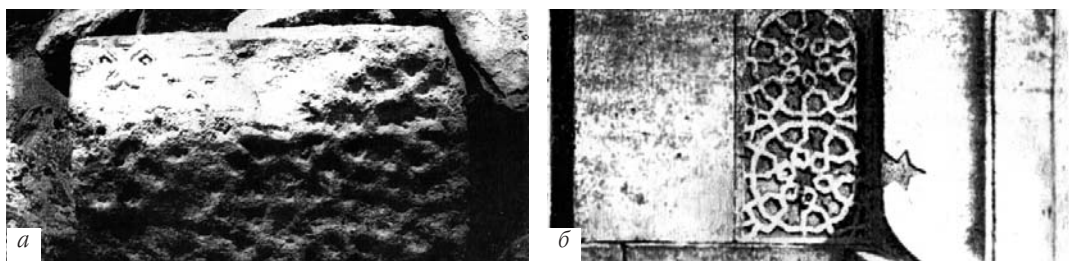
Восточный мавзолей. Рис. А. Шмита. 1827 г.



Фиксация сохранившегося облика Малого минарета в разные годы. Фотофиксация в процессе натурного исследования (середина 1950-х гг.)

вий природы — воды, колебаний температуры выше и ниже нуля, химических реакций и пр. К числу профилактических мер относились, например, покрытие поверхности расчищенного и укрепленного пола Четырехугольника жидким стеклом в два слоя и засыпка сверху слоем (10–12 см) гранитного гравия. Последняя рассчитана была на постепенное отложение в нем вредных для камня силикатов при капиллярном подсосе и испарении почвенной влаги, а также на периодическую замену этого зараженного слоя (с вывозом его за пределы городища и закопкой в землю) через каждые 5–6 лет новой подсыпкой тем же гравием (к сожалению, эта мера ни разу не соблюдалась охранителями памятника). Сюда же входили обработка поверхности древней каменной кладки руин гидрофобизирующей жидкостью (абиетатом натрия и мылонафтом) ГКЖ–94, защищающей камень от увлажнения осадками и повышающей его морозостойкость; устройство над угловыми башенными выступами Четырехугольника и над консервированными руинами Монастырского погреба железобетонных навесов, предохраняющих участки древней забутки, оставленные для демонстрации перед последующими исследователями, от инсоляции и дождевых осадков.

4. Анастилоз, связанный с установкой выпавших, но сохранившихся элементов руин на свое прежнее место. Анастилозу подвергнуты были некоторые профилированные и резные орнаментированные блоки фасадов и интерьера, включая основание южного окна западного фасада Четырехугольника; сборка таких блоков



Резные детали Четырехугольника: а — обрамление одного из боковых оконных проемов в зарисовке В.И. Корсунцева (1920 г.); б — каменный блок того же проема, обнаруженный при раскопках в культурном слое



Графическая реконструкция первоначального облика Соборной мечети

и установка на внутренней площади того же памятника одной из утраченных восьмигранных колонн и ряда баз от таких же колонн и т.д.

5. Благоустройство руин и их прилегающей территории, связанное с созданием благоприятных условий для музейной демонстрации руин и подчеркиванием их живописно-художественной привлекательности. К числу этих мер относились разборка жилого дома, примыкавшего к юго-западному угловому выступу руин Четырехугольника, создание ограды вокруг прилегающей территории всех памятников, посадка деревьев, устройство цветочных клумб и т.д. По самому Четырехугольнику создана была разновысотная кладка его наружных стен и угловых выступов с последующим искусственным озеленением их горизонтальных поверхностей по водонепроницаемому железобетонному лотку с организованным стоком излишней дождевой воды. Благоустройству с посадкой деревьев и ограждением подвергнуты были территории и остальных памятников.

Фрагментарная реставрация руин производилась в органическом единстве с указанными процессами укрепления и анастилоза, являющимися составным элементом и чисто реставрационной меры. По Четырехугольнику, например, при повышении стен и башенных выступов на несколько защитных рядов между древней и реставрационной кладками создавался разделительный шов в виде визуально ощутимой ленты розового цвета, достигаемого благодаря включению в новый раствор из белого цемента частой примеси красной кирпичной крошки. Извилистая розовая лента, заметная лишь при внимательном обзоре памятника, создана была по всему наружному и внутреннему периметру стен и позволяла зрителю легко отличить подлинные части руин от фрагментов защитно-реставрационной кладки. Фрагментарной реставрации подвергнуты были и туфовые облицовки оснований трех угловых выступов на высоту их сохранившейся древней забутки. Для отличия их от подлинной облицовки реставрационная облицовка производилась из искусственных, цементно-бетонных блоков с лицевой поверхностью из частой примеси туфовой крошки и с внутренней алюминиевой арматурой для крепления с забуткой. На некоторых таких блоках создавались метки «65» и «66», обозначающие год производства консервации (1965 и 1966 гг.). Четвертый угловой выступ памятника оставлен был без реставрационной облицовки в целях возможного обозрения или изучения древней забутки последующими исследователями. Небезынтересно отметить, что при сборке блоков единственно сохранившейся восьмигранной колонны Четырехугольника ее капитель привезена была из фондов Государственного



Малый минарет. Рис. А. Шмита. 1827 г.



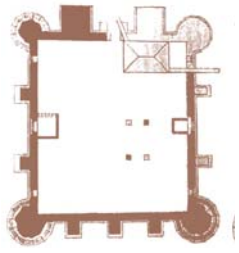
Большой минарет. Рис. А. Шмита. 1827 г.



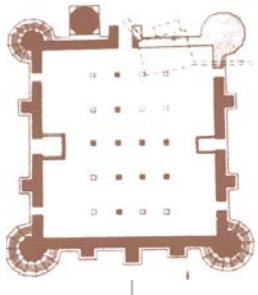
Графическая реконструкция интерьера Соборной мечети

Исторического музея на Красной площади в Москве, куда она была передана в 1914 г. архитектором А.С. Башкировым после обнаружения ее на территории городища в печи для обжига извести (во второй половине XIX в. на территории городища существовал завод по пережогу древнего камня руин в известь). Фрагментарной реставрации (из бетона на белом цементе) на Четырехугольнике подвергнута была также нижняя часть южного окна на западном фасаде, декорированная фигурным обрамлением с геометрическим орнаментом.

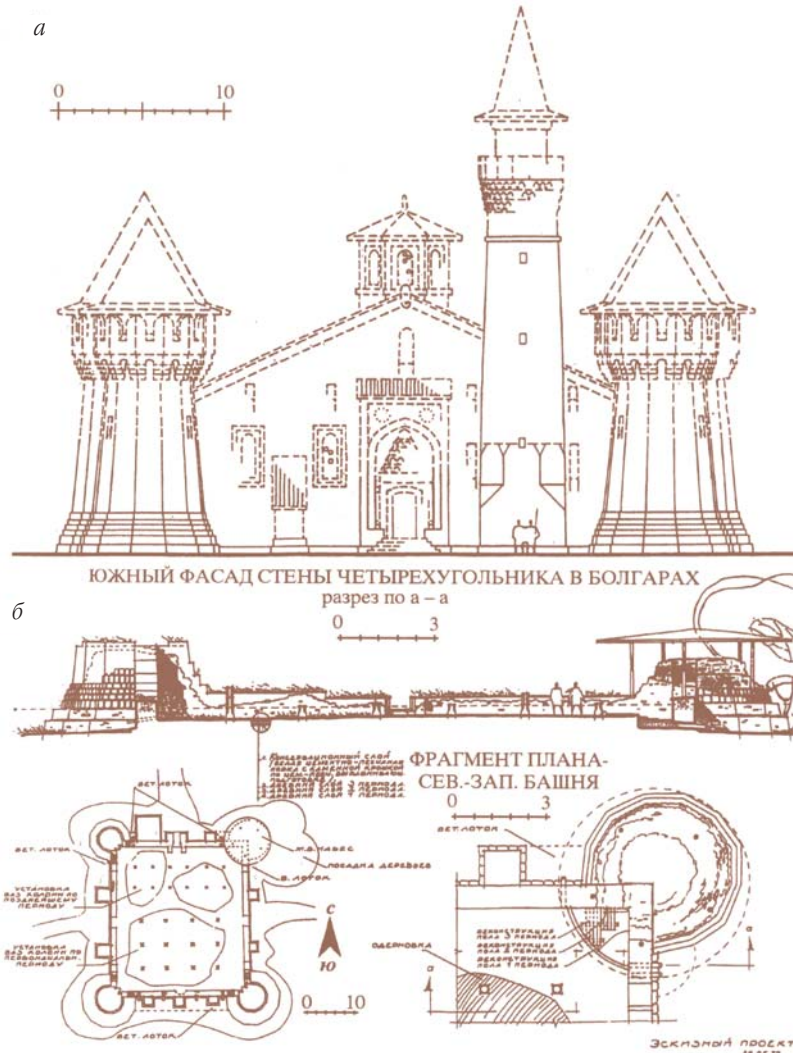
На Никольской церкви фрагментарной реставрации были подвергнуты: основания бывших портальных пилонов, южный входной проем, западный оконный проем, форма некогда каменного шатрового покрытия в виде железной кровли по деревянным стропилам с покраской под цвет сохранившейся древней облицовки фасадов. От использования для реставрации этого шатра каменного материала воздержались ввиду неустановленности точной высотной отметки шатра, а также в целях предохранения стен руинированного памятника от большой нагрузки. На Монастырском погребе фрагментарная реставрация осуществлялась путем создания защитного сферического купола в виде железобетонной оболочки толщиной 10–15 см, предохраняющей одновременно внутренние стены от излишней инсоляции и атмосферных осадков; раскрытия поздней закладки трех окон и воссоздания утраченной стрельчато-арочной формы входного проема. Снаружи на этом памятнике восстановлено также утраченное очертание основания наружных стен с созданием по всему периметру облицовочной кладки из древнего камня (анастилоз), включая основания двух пилонов бывшего портального выступа перед входом. На Ханской усыпальнице восстановлены были почти целиком утраченные южная и восточная стены с оконными проемами, входной проем северной стены, сферический купол, основания стен западного и восточного пристроев, основание отдельно стоящего западного сооружения с арочной нишей и топочным отверстием перед внутренним круглым очертанием бывшей полусферической печи и прочие, менее значительные элементы. На Черной палате фрагментарной реставрации подвергнуты были основания окружавших галерей и интерьер основного подкупольного помещения.



План по реконструкции В.В. Егерева (1958 г.)



План по обмерам Бехтерева и Шельнова, представленный в сочинении А.С. Башкирова (1929 г.)



Четырехугольник по итогам исследования середины 1950–1960-х гг.: а — утраченный облик с пристроенными башнями. Опыт научной реконструкции главного фасада по начало XIV в.; б — проект консервации и фрагментарной реставрации (графическая часть, 1964 г.), реализованный в 1960–1970-е гг.

Исторические предпосылки возникновения, место и роль болгарских памятников в архитектуре народов Среднего Поволжья

Первое раннефеодальное государственное образование народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья — Волжская Болгария — складывается из союза племен волжско-камских болгар к началу X в. Временем его окончательного становления следует считать 922 г., когда произошло официальное принятие ислама. В борьбе за политическую независимость страны и более прочное объединение княжеств своего государства болгарский царь Алмуш опирается на поддержку сильнейшей и высокоцивилизованной в то время мировой державы — Арабского халифата, номинально подчинившись его халифу Муктадиру и приняв мусульманство. По сообщению Ибн-Фадлана, в 919–920 гг. Алмуш посылает к Муктадиру посольство с просьбой прислать «кого-нибудь, кто научил бы их вере и религиозным обрядам», специалистов «для постройки мечети и сооружения минбара (кафедры), с которого он мог бы призывать для поклонения богу народ со своей страны,» а также для того, чтобы они «могли бы поставить ему крепость, в которой он защитил бы себя от нападения враждебных князей». По свидетельству того же современника тех лет, в 922 г. из Багдада прибывает ответное посольство, в составе которого, помимо самого Ибн-Фадлана (духовного пред-

ставителя), находилось 3 тыс. всадников (официальные лица с войском) и 2 тыс. пеших. В составе этого посольства могли быть и зодчие, и ремесленники — специалисты по строительству запрашиваемой мечети и крепости. Указывается также путь следования каравана с посольством — он пролегал через территорию Средней Азии и башкирские земли, входившие,



Восточный мавзолей до и после реставрации

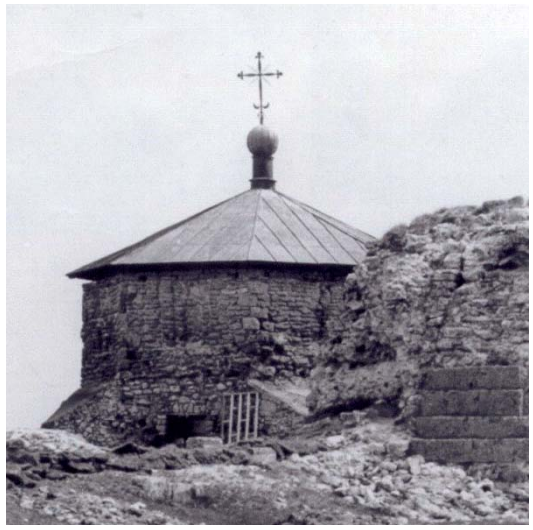


Никольская церковь. Вид с юго-западной стороны. Фиксации во время исследования

очевидно, в круг тесного торгового и культурно-политического общения с Волжской Болгарией. Известно, что и в последующее время, с потерей Арабским халифатом своего политического значения, тесные экономические и культурные связи Волжская Болгария продолжает поддерживать с государствами Средней Азии, в частности с Саманидским, с народами Закавказья и с Ираном. Наивысшего экономического расцвета Волжская Болгария достигает, как отмечается всеми исследователями, в XII — начале XIII в., когда столицей государства являлся Великий город, располагавшийся на месте существующего Билярского городища. После основательного разрушения в 1236 г. от монгольского нашествия в середине XIII — середине XIV в. Волжская Болгария достигает нового экономического подъема, в связи с чем на ее территории немного севернее, возникает новая столица под наименованием Великие Болгары с множеством монументальных каменных сооружений, в том числе с исследованными памятниками. Вышеотмеченная политическая и культурно-идеологическая связь Волжской Болгарии с мусульманским миром Центрального Востока и раскры-



Никольская церковь (Восточный мавзолей) до реставрации



вает их стилистическую сущность.

Помимо рассмотренных памятников, к числу наземно сохранившихся каменных руин Болгарского городища принадлежат так называемые Белая палата и Малый городок, предварительно изученные автором данного раздела в 1980-е гг., уже после натурного исследования и реставрации первой группы из шести наземно более выделявшихся руин. К остаткам монументальных каменных сооружений Волжской Болгарии относятся также подземные находки при археологических раскопках, производившихся в 1970-е гг. на территории Билярского городища под общим руководством А.Х. Халикова (с участием археолога Р.Ф. Шарифуллина и других специалистов, включая автора данного исследования). Это остатки комплекса билярской Соборной мечети и здания караван-сарая, созданных и подвергавшихся перестройкам в течение X–XII вв. Этот ряд монументальных каменных сооружений дополняют подземные остатки так называемого Дома феодала XII в. в бывшем болгарском городе Суваре, исследованные А.П. Смирновым в 1930-е гг., руинированная башня на Чертовом городище близ современного города Елабуги, представляющая собой, как показали совместные архитектурно-археологические исследования с А.Х. Халиковым в 1993 г., лишь угловую часть восьмибашенной крепости-мечети XII в. Много подземных остатков кирпично-каменных сооружений на Билярском, Болгарском и других городищах периода существования Волжской Болгарии, еще не подвергшихся полному архитектурно-археологическому исследованию и не получив-



Восточный мавзолей в процессе реставрации

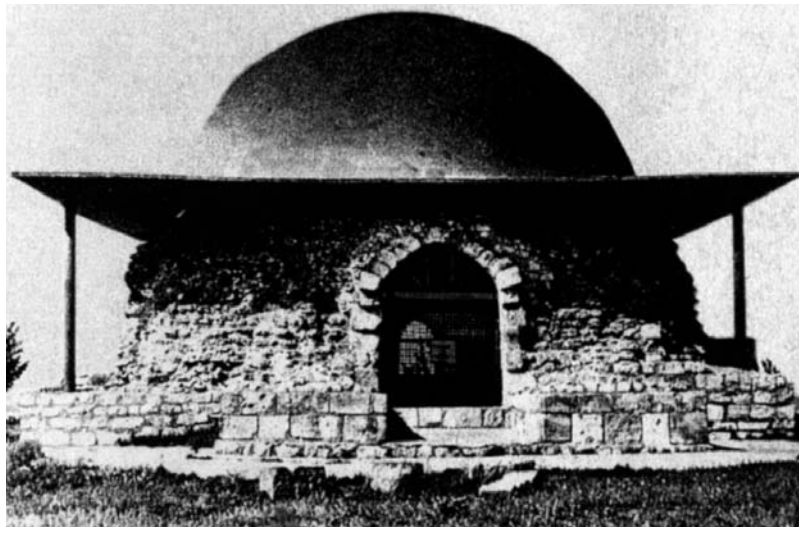
ших должного освещения в литературе. Но все из исследованных памятников рассматриваемого типа являются постройками, созданными по типологическим и фрагментарным признакам в основном в стилистических приемах стран мусульманского Востока.

Однако далеко не все сооружения Волжской Болгарии создавались в превалирующем восточном стиле. По археологическим остаткам массовой застройки ее поселений установлена типологическая характеристика, свидетельствующая о прочных связях техники домостроения с местными традициями доболгарского периода. Господствующими типами жилища являлись деревянный сруб со скатным покрытием и каркасно-плетеные мазанки с их хозяйственными постройками того же типа. Они были не единственными, а сочетались с юртами (плетеными или войлочными), располагавшимися, судя по известной специфике их использования у других полукочевых и кочевых народов, как отдельными группами в круговой планировочной системе, так и в системе деревянной усадьбы в качестве сезонного летнего или стационарного круглогодичного (за исключением очень холодных зимних дней, не столь продолжительных в местных климатических условиях) жилища. Юрты чередовались с шатрами, достигавшими у феодальной знати иногда очень крупных размеров, для проведения многолюдных церемоний общественного характера.

Немаловажным фактором в поисках стилевой определенности болгарской архитектуры является также учет природно-географической, этнокультурной и торгово-экономической общности с соседней Русью, о чем свидетельствует немало историко-литературных источников. Это отразилось на родстве строительно-технических и объемно-планировочных приемов массовой болгарской и русской деревянной застройки, принципов создания рядовых городов на несколько возвышенной местности с трехчастным зонированием на цитадель, посад и пригород некоторых мотивов декоративно-прикладного искусства.

Преемственность с болгарским периодом развития четко прослеживается и в культуре Казанского ханства. Она характерна для письменности на основе арабского алфавита, литературы, фольклора, музыки, различных видов промышленного производства, декоративно-прикладного искусства и, конечно, для архитектуры. Более того, многие культурные традиции населения Казанского ханства, включая архитектурные, восходящие в своем генезисе к культуре волжских болгар, имели преемственное развитие и в эпоху присоединения его к России. Об этом пишет автор фундаментального труда по исследованию материальной культуры казанских татар Н.И. Воробьев, указывая, что болгарская культура в процессе исторического развития «без резких скачков переходит сначала в древнетатарскую, а затем в современную татарскую». Если некоторый скачок в действительности и был, то он касался в первую очередь архитектуры, в общей стилевой направленности которой отмеченная общность с русской народной деревянной





Монастырский погреб в состоянии до и после консервационно-реставрационных работ (1950-е и начало 1970-х гг.).

архитектурой перерастает в господствующий стилевой компонент, охватывающий и монументальное каменное зодчество. При этом прежние стилевые компоненты вовсе не исчезают. Они продолжают развитие в той или иной мере активности, сознательно или подсознательно, вплоть до позднейшего периода. Но наряду с ними получает постепенно сильное проявление, через трансформацию в некоторые направления как местного, так и русского зодчества, еще интернациональный компонент, средствами которого являются, например, декоративные стрельчато-арочные формы некогда восточной, а позднее — западноевропейской готической архитектуры, приемы и формы тоже западноевропейской ордерной архитектуры, некоторые декоратив-

ные приемы и орнаментальные мотивы восточной архитектуры, принципы и ряд декоративных черт модернизма, многие достижения научно-технического прогресса в разных странах и другие успехи, распространившиеся и превратившиеся постепенно во всеобщее, международное явление.

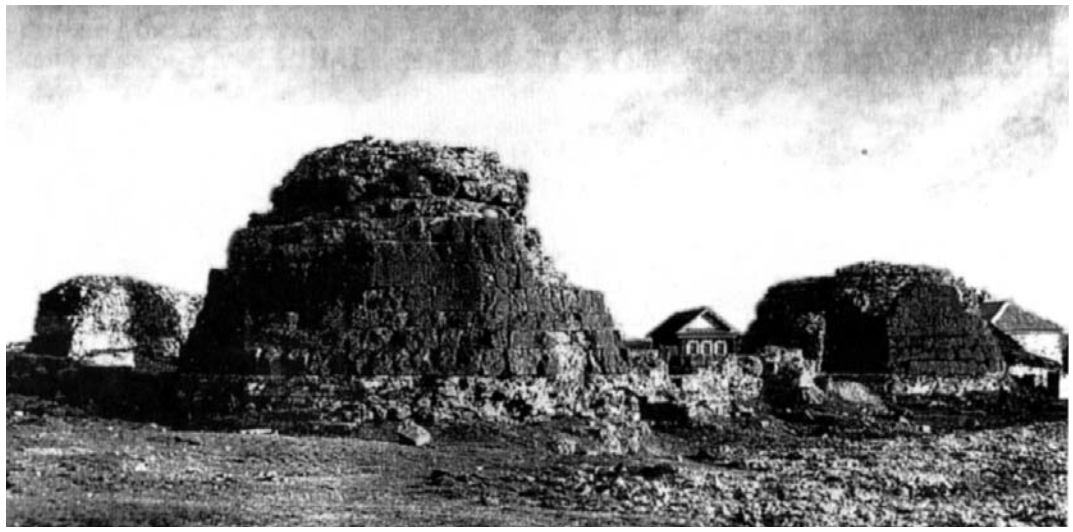
Обобщение всего этого историко-архитектурного материала в более полном охвате сведений о развитии евроазиатской по происхождению российской материально-духовной культуры в целом приводит к заключению, что общая стилистическая направленность болгаро-казанского зодчества в целом, включая российский и советский периоды развития, базировалась на постоянном сочетании и частичном взаимодействии (с эпохи раннего средневековья — начала формирования нации казанских татар) следующих пяти основных генетико-стилистических компонентов:

— местный региональный, охватывающий традиции народного деревянного зодчества и складывавшийся испокон веков в рамках стилистического единства с древними традициями народов всей лесо-лесостепной полосы Восточной Европы, восходящего в своем генезисе к эпохе мезолита и развивающегося по настоящее время;

— евразийский степной, традиции которого (включая декоративно-художественные) складывались тысячелетиями у кочевых народов, обитавших в полосе смежных географических регионов Северного Причерноморья, Приазовья, Нижнего Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири, включая южную безлесную зону Татарстана. Этот компонент с типичными для него юртами и шатрами (мобильными и стационарными) получил широкое распространение в местном регионе в связи с массовым проникновением в VII–IX вв. тюркоязычных болгарских племен;

— центрально-восточный, связанный с приятием оседло-кочевым населением Волжской Болгарии религии ислама, а вместе с ней профессиональных навыков по созданию монументальных каменных и деревянных сооружений культового, светского и крепостного назначения;

— европейско-русский, трансформировавшийся в профессиональный русский компо-



Руины Четырехугольника в состоянии середины 1950-х гг. Общий вид с северо-западных и юго-западных сторон







Северный мавзолей до и после реставрации. 1950–1980-е гг.

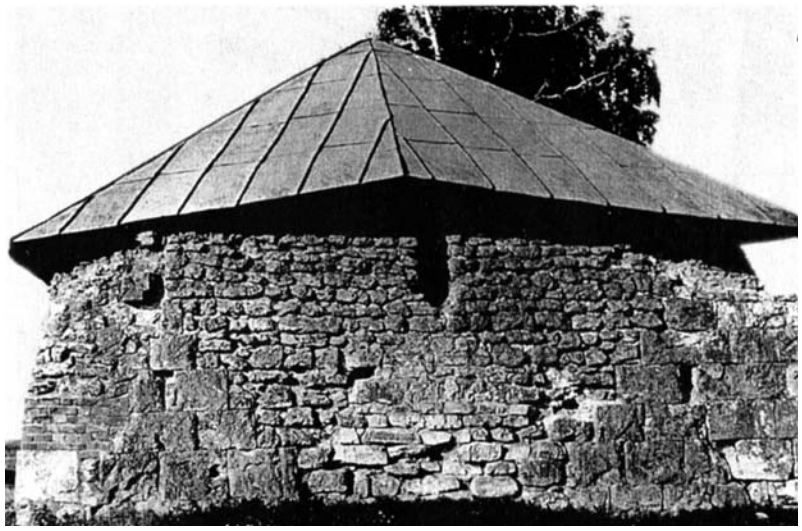


Ханская усыпальница и малый Минарет

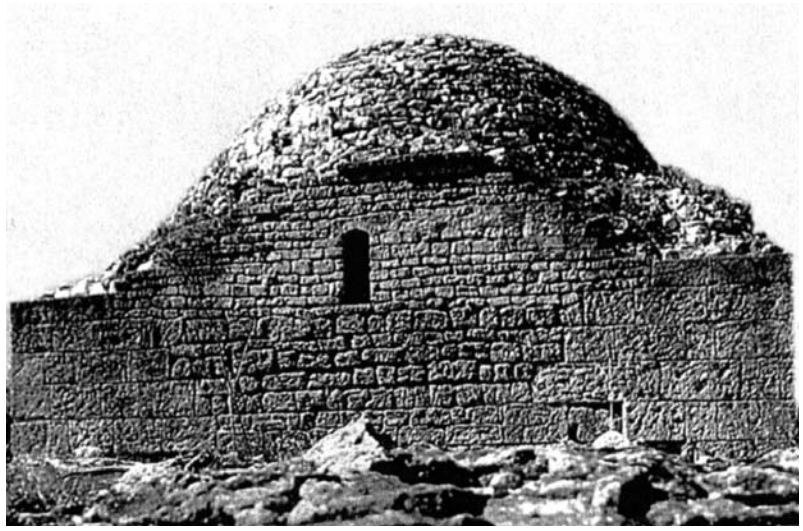
нент и начавший особенно активно проявляться в средневолжском регионе после присоединения населения Казанского ханства к России;

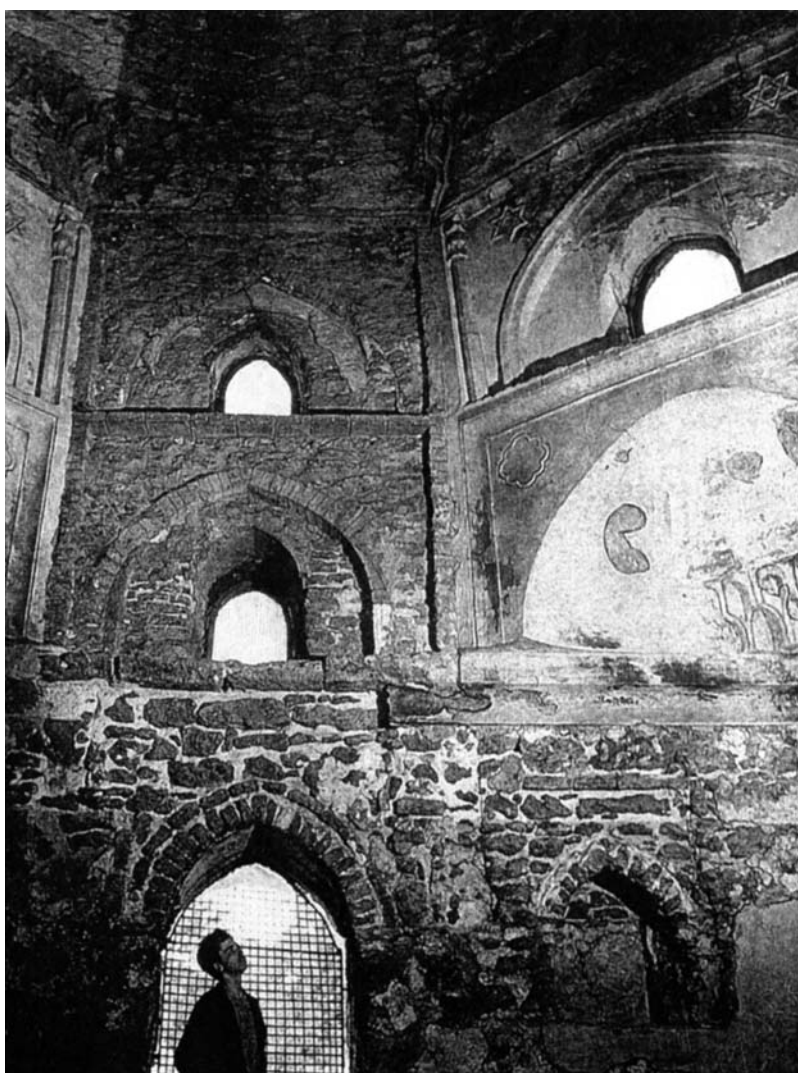
— интернациональный, отдельные черты которого прослеживаются во всех указанных компонентах, выступая одновременно и как международные (приемы создания сооружений со скатным покрытием, стрельчатой и полуциркульной арки, классического ордера, зданий в стилях барокко, модерн и т.д.).

Руины Ханской усыпальницы. Фотофиксация относительно лучше сохранившихся частей в процессе исследования — северный фасад



Ханская усыпальница в процессе консервации и фрагмент реставрации — восточный фасад центрального сооружения комплекса после завершения работ





Черная палата после реставрации интерьера в начале 1980-х гг.



Ханская усыпальница до и после реставрации. 1950–1980-е гг.

В рамках приведенной покомпонентной классификации четко определяется место и роль исследованных памятников в истории архитектуры Татарстана. Они являются документальным хронологическим звеном в цепи непрерывного поэтапного развития традиций восточного стилевого компонента местного архитектурного наследия, без которого было бы невозможно построение научно обоснованной теории о преемственном развитии национально-регионального своеобразия в современной архитектуре Татарстана и отчасти других суверенных республик и областей Среднего Поволжья — теории, способствующей решению одной из глобальных и сложнейших проблем современности в условиях надвигающейся экологической катастрофы в социально-культурной сфере, связанной с исчезновением самобытного духовного наследия и безудержным ростом космополитизма в многонациональной мировой культуре. И это помимо огромной ценности их просто как памятников истории и культуры, наглядно и эмоционально отражающих характер проявления в условиях восточноевропейского средневековья прогрессивных традиций стран мусульманского Востока.

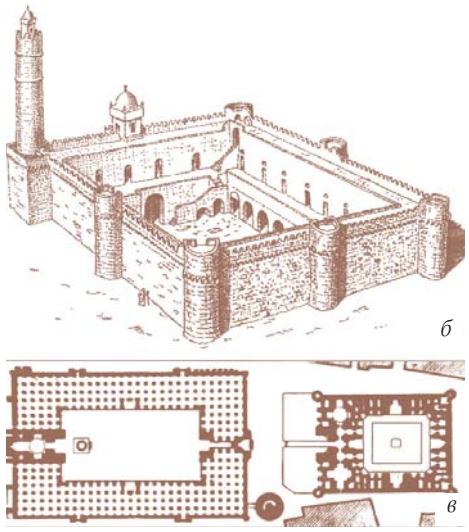
Соборная мечеть



О первоначальном облике Соборной мечети существуют две основные гипотезы: по реконструкции А.С.Башкирова и Н.Ф.Калинина угловые выступы являются основаниями высоких минаретов, по реконструкции В.В.Егерева — контрфорсами некоего базиликального сооружения. Первая справедливо отвергается В.В.Егеревым как по конструктивным (нарушение их центрирования и наличие пятого минарета), так и по функциональным соображениям. Завершение пятью минаретами функционально могло иметь место только при громадных по площади дворовых мечетях, как, например, известные средневековые мечети Мекки и Медины, позволяющих расстановку минаретов на достаточном отдалении друг от друга. А в качестве же чисто декоративного приема они появляются позже создания болгарской мечети. В Болгарах угловые башни в плане превышают размер Большого минарета и композиционно доминируют над всеми остальными элементами храма, свидетельствуя о том, что они несут весьма определенную функциональную нагрузку. Вероятность гипотезы В.В.Егерева также подвергается сомнению. Служить контрфорсами угловые выступы могли лишь косвенно, выполняя иную, более важную, оборонительную, функцию. Их назначение — служить крепостными башнями на случай нападения неприятеля — подтверждается соответствующими аналогиями как в местной, так и в зарубежной архитектуре. Монолитность изнутри, особая прочность неоштукатуренной облицовки, многогранность, уширение стен книзу и внушительность объемов угловых выступов свойственны крепостным сооружениям. Башни болгарской укрепленной мечети соответствовали общему уровню развития военного искусства XIII–XIV вв. и могли противостоять орудиям метательной артиллерии и стенобитным машинам.

Строительство мечети прошло четыре периода, начиная с 30-х — начала 40-х гг. XIII в. Реконструкция мечети была завершена в конце 30-х — начале 40-х гг. XIV в. ликвидацией располагавшихся вокруг деревянных построек и вымосткой прилежащей территории. Архитектура болгарского сооружения обнаруживает большую стилистическую общность с архитектурой исламских культовых зданий стран Ближнего и Среднего Востока. Приобщившаяся к культуре стран мусульманского Востока сравнительно поздно (начало X в.), Волжская Болгария восприняла архитектурные типы культовых зданий, с одной стороны, уже в сложившемся в период Арабского халифата VII–IX вв. виде, с другой — имея совершенно иные, северные природно-климатические условия, своеобразные культурные традиции и возможности строительной техники. Отпечаток этого на архитектуре исследуемого памятника выразился в том, что, несмотря на общность, он имеет свою индивидуальность, позволяющую говорить о наличии определенных черт и местной архитектурной школы. Из четырех распространенных типов восточ-





Фрагментарные аналоги Четырехугольника по принадлежности и типу укрепленных мечетей, наличию одного минарета и дополнительных входных проемов на боковых фасадах, а также размещению напротив главного фасада еще одного портального сооружения культового назначения. а — мечеть Мутаваккиля в Самаре близ Багдада (Арабский халифат, IX в.); б — крепость-мечеть в Сусе (Тунис, IX в.); в — мечеть Калян в Бухаре с медресе напротив (Средняя Азия, XII–XVI вв.).

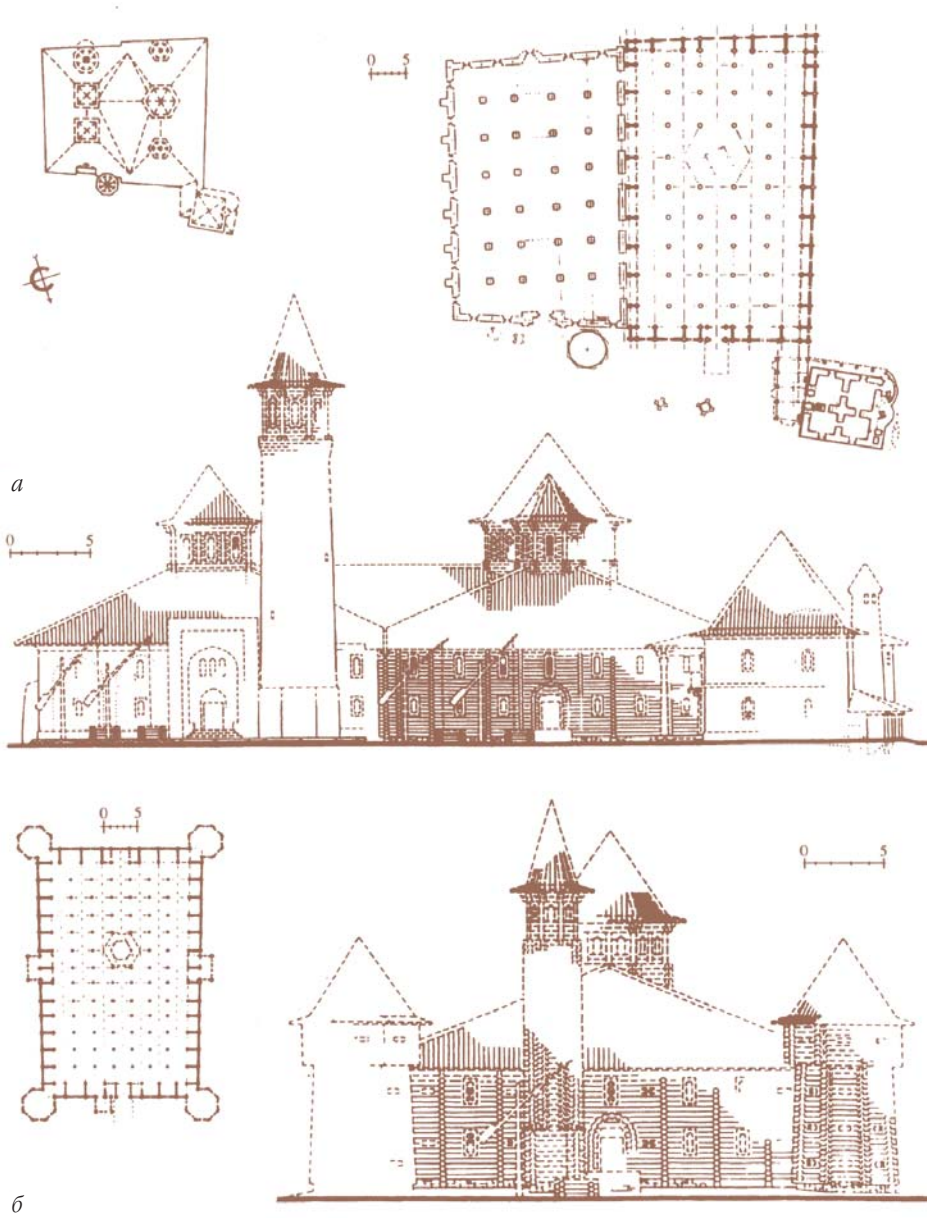


ных мечетей (по классификации С.С. Айдарова) болгарская мечеть относится ко второму типу, к типу зальных мечетей. В этой типологической группе она принадлежит к подгруппе с несколькорядными внутренними опорами и одним асимметрично встроенным минаретом. Среди множества восточных мечетей на первое место по совокупности аналогичных признаков и времени постройки можно поставить мечети Узбека в Солхате (Крым, 1314 г.) и Султана Алаеддина в Конии (Турция). Последняя была основана в начале XIII в., но ее зальная часть, аналогичная болгарской мечети, и минарет, расположенный у северного входа, является результатом реконструкции второй половины XIII — начала XIV в.

По наличию крепостных башен облик Соборной мечети может иметь аналогии лишь по фрагментарному сходству нововозведенных частей с родственными элементами в культовых и крепостных постройках мусульманского Востока. Сам принцип постановки крепостных башен на углах мечети в Волжской Болгарии имел место еще в домонгольский период (первоначальный деревянный облик мечети на Билярском городище, каменная крепость-мечеть на Чертовом городище) и мог быть занесен туда еще зодчими из Арабского халифата в начале X в. В позднейшей восточной архитектуре мы не встречаем сохранившихся образцов такого типа мечетей с непосредственно примыкающими крепостными башнями.

Кроме того, угловые башни болгарской мечети родственны башням азербайджанских донжонов. Сам Большой минарет (как, впрочем, и Малый) по тяжеловесности пропорций и трактовке форм также носит черты, роднящие его с крепостными башнями, и близок к типу ранних азербайджанских минаретов. К последним относятся: минарет мечети Мухаммеда в Баку (XI в.), минарет близ Шамхора (XII в.), минарет Ханеги на реке Пирсагат (середина XIII в.), минарет в селении Шихово (XIV в.), мечети в Дербенде (XIV в.), Джума-мечеть в Бакинской крепости (XV в.) и др. Главное отличие болгарских минаретов от азербайджанского типа — характер шатрового завершения, в чем они роднятся больше с крымскими и турецкими (малоазийскими сельджукскими).

По четкости выделения обеих осей в принципе прямоугольного плана и по центральному выносному порталу на главном фасаде, фланкированным угловыми башнями, болгарская мечеть родственна укрепленным караван-сараям Рабат-и-Малик в Узбекистане (XI в.) и Дая-Хатын в Туркмении (XI в.) — древнейшим полукрепостным гражданско-культовым сооружениям Средней Азии, а так же позднейшим тимуридским мечетям и медресе, угловые башни которых ко времени их создания приобрели



а

б

уже декоративную функцию. Болгарское сооружение с угловыми башнями крепостного назначения в данном ряду среднеазиатских построек является промежуточным звеном архитектурной эволюции.

В целом, по материалу кладки, техническим и декоративным приемам болгарская Соборная мечеть ближе к каменным постройкам Закавказья, Крыма, Малой Азии, Северной Месопотамии. В то же время в архитектуре данной мечети, особенно в ее позднейшем облике, нашли отражение объемно-композиционные черты, присущие постройкам Средней Азии в основном золотоордынского периода, а также местные традиционные приемы. В целом архитектура исследуемого памятника составляет своеобразную стилистическую ветвь восточного зодчества, сложившегося в относительно пограничном с указанными странами географическом регионе Поволжья в золотоордынский период развития.

Местный аналог Четырехугольника по принадлежности к зальному типу мечетей с несколькорядными опорами, одним минаретом, портальному решению входа и наличию угловых выступов — Соборная мечеть в Билярском городище. Опыт реконструкции автора в 1980-е гг.: а — планы и главный фасад по периоду после первой реконструкции в середине X в.; б — план и главный фасад по периоду первоначального строительства в начале X в.

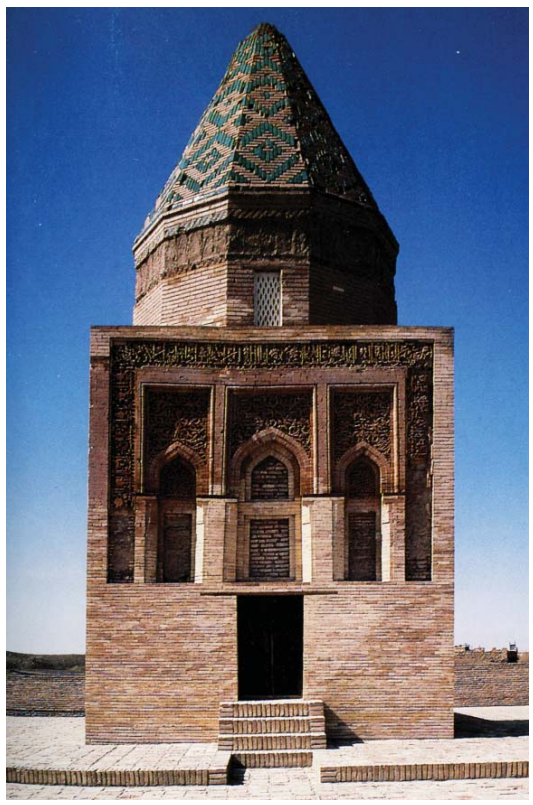
Восточный мавзолей

Первоначальный облик Восточного мавзолея в сопоставлении с обширным кругом мемориальных построек стран мусульманского Востока принадлежал к весьма распространенному типу шатровых мавзолеев с выносным порталом. Хронологически и отчасти композиционно близкими аналогиями являются мавзолеи Байтак в Казахстане (XI–XII вв.). Фахреддина-Рази в Хорезме (XII в.), Юсуфа, сына Кусейира, в Азербайджане (XII в.), безымянный мечети Султана Алаеддина в Кании (XIII в.), Сеидов в Амоле (XIII–XIV вв.), безымянный в Куме (XIII–XIV вв.).

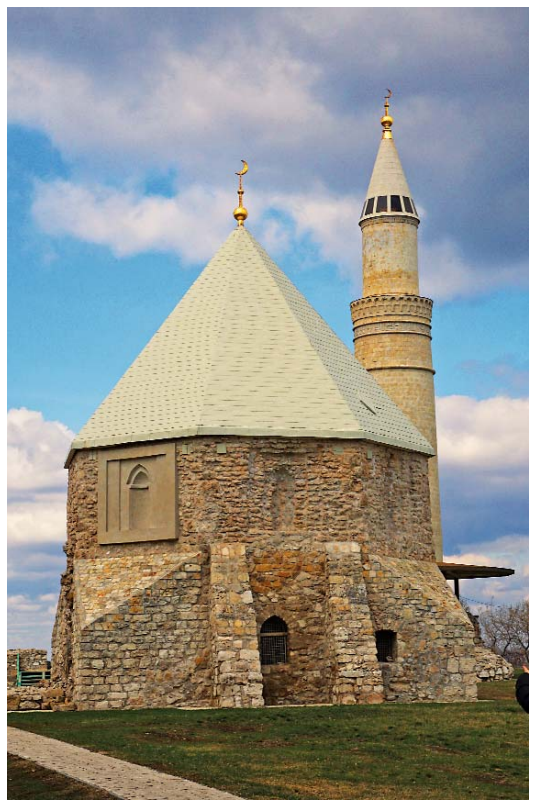
Что касается портала, то композиция портально-шатрового типа мавзолеев специфична только для Средней Азии и нигде в других странах не встречается. Генетические корни их прослеживаются в погребальных обычаях и обрядах северных среднеазиатских народностей в Киргизии, Казахстане, на юге России, в Приволжье, Сибири. Это не могло не оказать определенного воздействия и на архитектуру волжских болгар, имевших этническое родство с указанными народностями. В болгарском мавзолее портал выделен объемным элементом, пристроенным к главному фасаду. Вынесение портала в мавзолейном строительстве Средней Азии наблюдается примерно в одно время с возведением исследуемого памятника. Это видно на примере портально-шатровых мавзолеев Хорезма — Наджм-ед-дина Кубра и Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче, построенных при привлечении Кутлук Тимура (1321–1333), и портально-купольных мавзолеев Киргизии — Южный и Восточный в Касане. С этими постройками болгарский памятник имеет еще большее типологическое (Хорезм) и планировочное (Касан) родство, хотя при детальном рассмотрении между ними наблюдается и резко выраженное различие, указывающее на локальную вариацию портально-шатрового типа мавзолея в Болгарах.

Порталы в купольных мавзолеях присутсвуют в постройках и более позднего, чем болгарский памятник, времени. Из них следует особо отметить крымский мавзолей Мухаммед-Шах-бея (вторая половина XIV в.). Он аналогичен болгарскому не только в планировке и выносном портальном решении вхо-

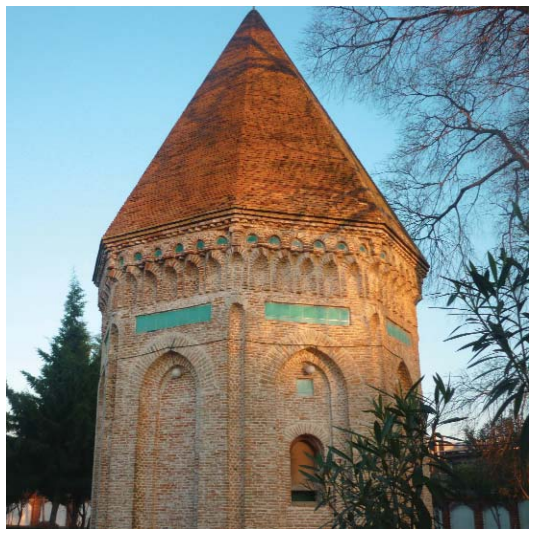
Мавзолей Фахреддина Рази в Хорезме



Восточный мавзолей Болгар

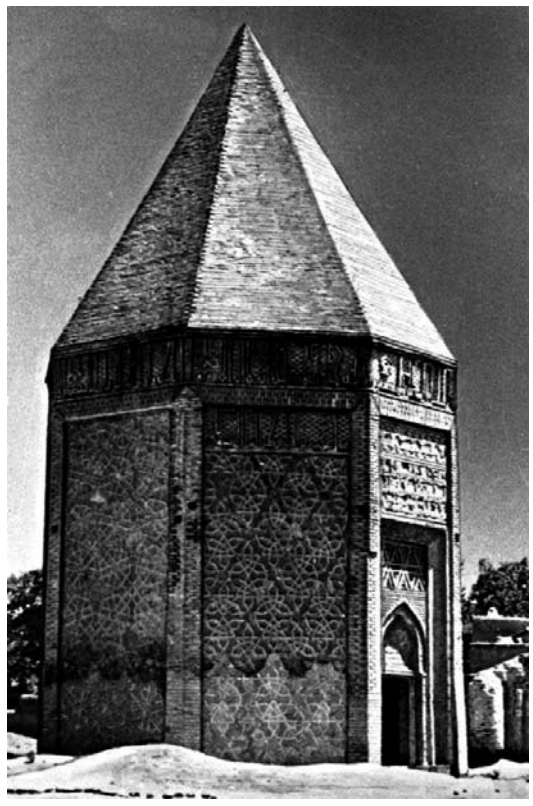






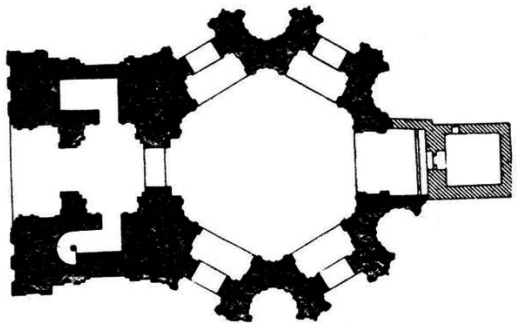
Мавзолей Байтак после реставрации, Казахстан

Мавзолей Сеидов в Амоле, Иран



Мавзолей Юсуфа ибн Кусейира, Азербайджан

да, но и в расчленении основного объема здания на наружный четверик и восьмерик идентичным срезом углов над трompами. По технике исполнения и фрагментарному сходству он близок к каменным постройкам Закавказья, Крыма, Малой Азии. Так, например, родственные мотивы срезки наружных надтромповых углов четверика болгарского мавзолея можно видеть в беспортально-шатровых образцах — в мавзолее Гюлистан в Азербайджане и Большом Ахлатском мавзолее в древней Армении (вторая половина XIII в.). Но при всем этом ближайшей аналогией болгарского памятника является башкирский мавзолей Кэшэнэ у селения Чишма. Очевидно, это не случайно, так как в раннем средневековье башкиры находились в подчинении



План мавзолея Тюрабек-Ханы в Куня-Угренче, Туркменистан



Мавзолей Тюрабек-ханым в Куня-Угренче, Туркменистан

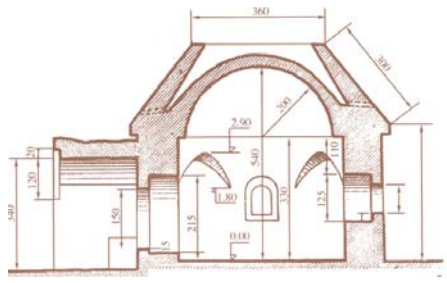


Мавзолей Гюлистан в Азербайджане



Мавзолей-кэшэнэ Хусейнбека в Чишмах, Башкирия

волжских болгар и под воздействием их культуры. Это позволяет рассматривать мавзолей Кэшэнэ, расположенный в западной части Башкирии, как проявление болгарской архитектурной школы, не лишенной, возможно, и некоторого местного своеобразия. Проведенный анализ позволяет констатировать, что в основе объемно-планировочной структуры исследуемого памятника лежит типичная ячейка, распространенная в большинстве стран восточного мусульманского мира. По детальным признакам он принадлежит к местной архитектурной школе, составляющей своеобразную ветвь восточной мусульманской архитектуры в условиях региона Среднего Поволжья, одним из наглядных подтверждений чему служит то, что из всей совокупности существующих аналогий, представленных в данной работе, лишь частично, наибольшее сходство с болгарским мавзолеем имеет только башкирский памятник, принадлежащий к той же архитектурно-строительной школе.





Мавзолей-кэшэнэ в с. Чишма. Башкирия. XIV — Ближайший аналог первоначального облика Никольской церкви по типологическому, фрагментарным, строительно-техническим признакам — мавзолей-кэшэнэ в с. Чишма (Башкирия, XIV в.): а — боковой фасад; б — продольный разрез по обмерам Б.Г. Калимуллина в середине 1950-х гг.

Северный мавзолей

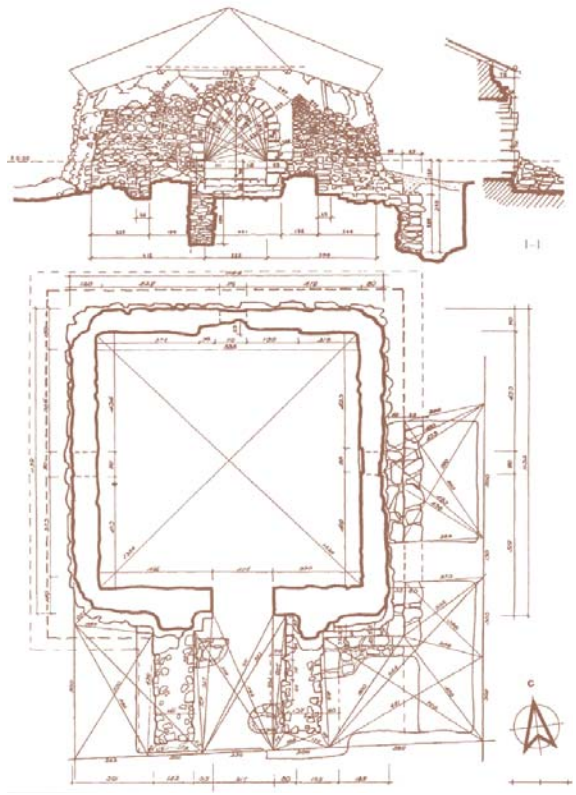
Северный мавзолей, расположенный напротив главного фасада Соборной мечети и ориентированный своим входом на ее минарет, первоначально представлял собой прямоугольное в плане сооружение с внутренним квадратным помещением, освещенным тремя небольшими окнами, и полусферическим куполом. В целом он аналогичен Восточному мавзолею, расположенному перед боковым фасадом мечети, отличаясь от него более крупными размерами в плане (9,5 х 9,5 м в отличие от Восточного, где размеры помещения изнутри составляют 8,5 х 8,5 м). Соответственно увеличена и толщина стен (1,7 м против 1,3 м). В ис-

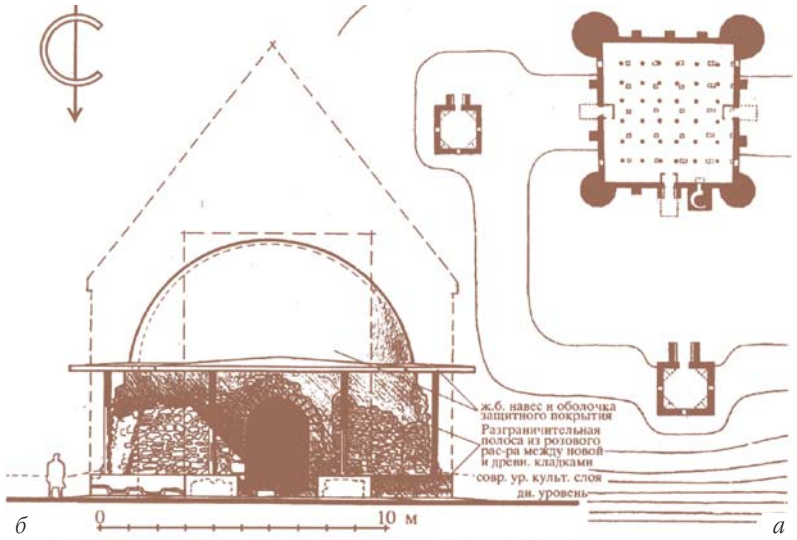


Монастырский погреб. Обмер южного фасада и плана в процессе археологического раскрытия основания стен с портальным выступом в середине 1960-х гг.



Мавзолей Джаникеханым (Ненекеджанханым) в Чуфут-Кале





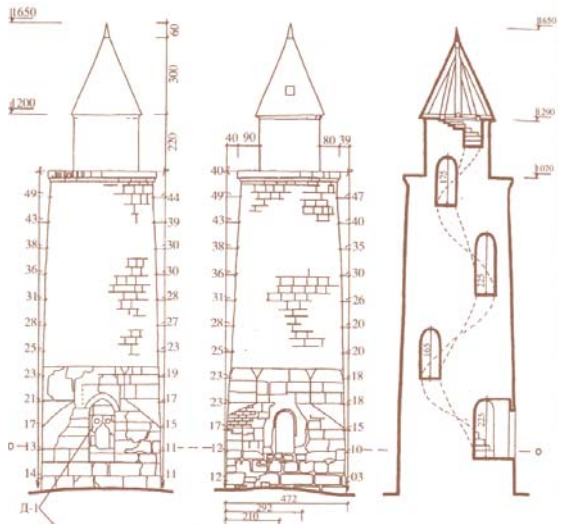
Реконструкция и консервация первоначальной структуры Монастырского погреба в системе комплекса Соборной мечети: а — реконструкция плана комплекса Соборной мечети с Северным и Восточным мавзолеями; б — проект консервации и фрагмент реставрации южного фасада Монастырского погреба по первоначальному облику, реализованный во второй половине 1960— начале 1970-х гг.

следуемом мавзолее намного шире и входной проем с порталом. По наружному очертанию портал имеет ширину 6,5 м (там — 5 м) и отступ от южного фасада 4,5 м (там — 2,5 м). У обоих порталы облицованы тщательно отесанными блоками и не имеют следов штукатурки, что указывает на вероятность декорировки их главных фасадов резными профилями и орнаментами, как большинство их восточных аналогий. По всей очевидности, Северный мавзолей более значимый и соответственно имел наиболее представительное оформление, чем Восточный мавзолей.

Малый минарет

Орнаментальные мотивы Малого минарета очень близки к восточным и в то же время своеобразны в деталях композиционной трактовки. По технике тонкого исполнения из камня, по характеру переплетения растительного орнамента с плетеным геометрическим и по сходству многих мотивов самого орнамента они наиболее близки к армянским хачкарам XIII–XIV вв. и к некоторым декоративным деталям в оформлении порталов, капителей и прочих фрагментов их каменных сооружений. Мотивы орнаментов позволяют проследить и их более глубокие генетические корни, уводящие к самаррским (Месопотамия) резным стукам IX в. и другим ранним декорам Ближнего и Среднего Востока. Трехкратно расчлененная ниша в своем генезисе также восходит к древнейшим прототипам, одним из которых может служить михраб мечети в Мешхеде, созданный еще в период проникновения ислама в Среднюю Азию и Волжскую Болгарию (IX–X вв.). В последнем случае, выполненном в резном стуке, имеется родство и в компо-

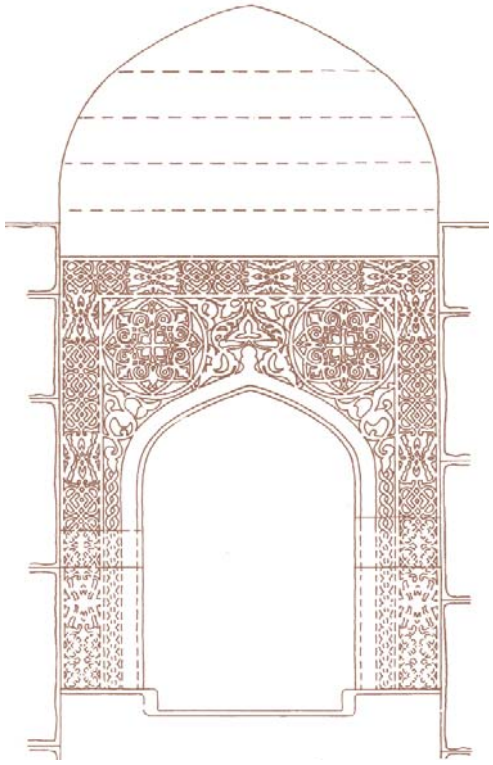




Архитектурный обмер Малого минарета в середине 1950-х гг.

Минарет ханеги на реке Пирсагат. XII–XIV вв. Реконструкция





Вариант реконструкции узора ниши Малого минарета при натурном исследовании



Гек-медресе в Сивасе, Турция

новке двух круглых элементов в тимпане над стрельчатой аркой. Аналогия с подобными восточными нишами позволяет определить наиболее вероятное композиционное место и других утраченных элементов в декоре ниши. Так, например, можно допустить, что над сохранившейся резной орнаментацией вокруг малой ниши, под аркой средней ниши располагалась первоначально надпись из священного Корана, а снизу существующая орнаментальная плоскость с надарочным профилем малой ниши могла опираться на два, возможно несохранившихся, импоста, покоящиеся в этом случае (при втором варианте реконструкции ниши) на несущих их резных вертикальных опорах.

По общему объемно-композиционному строю Малый минарет относится к местному варианту распространенного типа каменных минаретов, расчлененных на нижний четверик, переходный восьмерик и два верхних цилиндрических яруса. Такие минареты создавались главным образом в северных странах Ближнего Востока, в Закавказье и Крыму. К ним относятся, например, минареты: Шамхорский (XII в.), в селе Карабаглар (XII–XIV вв.), ханеги на реке Пирсагат (XIII в.) в Азербайджане, отдельно стоящий в северном Ираке (дата не установлена) и Киек-медресе в Сивасе (XIII в.) в Турции. Последний ближе к Малому минарету по характеру шатрового завершения верхнего яруса, в то время как минареты в других странах завершались купольным покрытием. Шатровое завершение имели также мечети Крыма, относящиеся к несколько иной типологической группе (минареты мечети Узбека в Солхате и мечети Бахчисарайского дворцового комплекса).

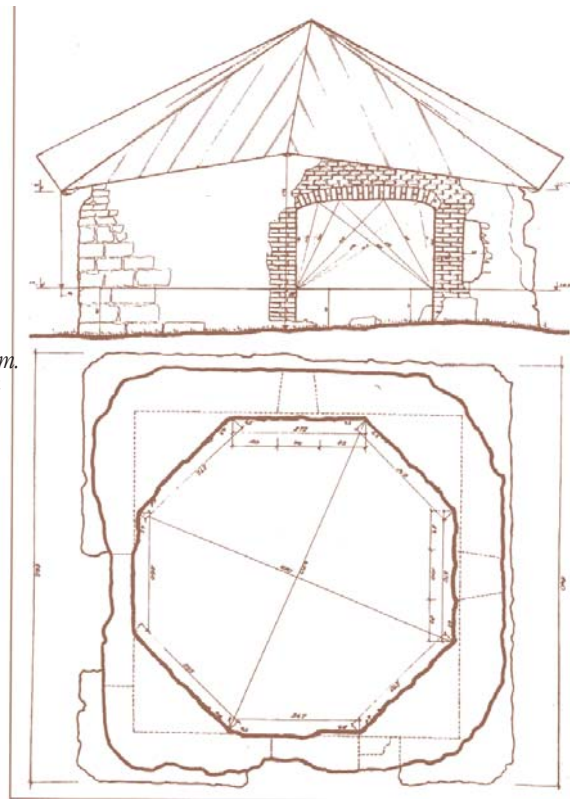
Ханская усыпальница



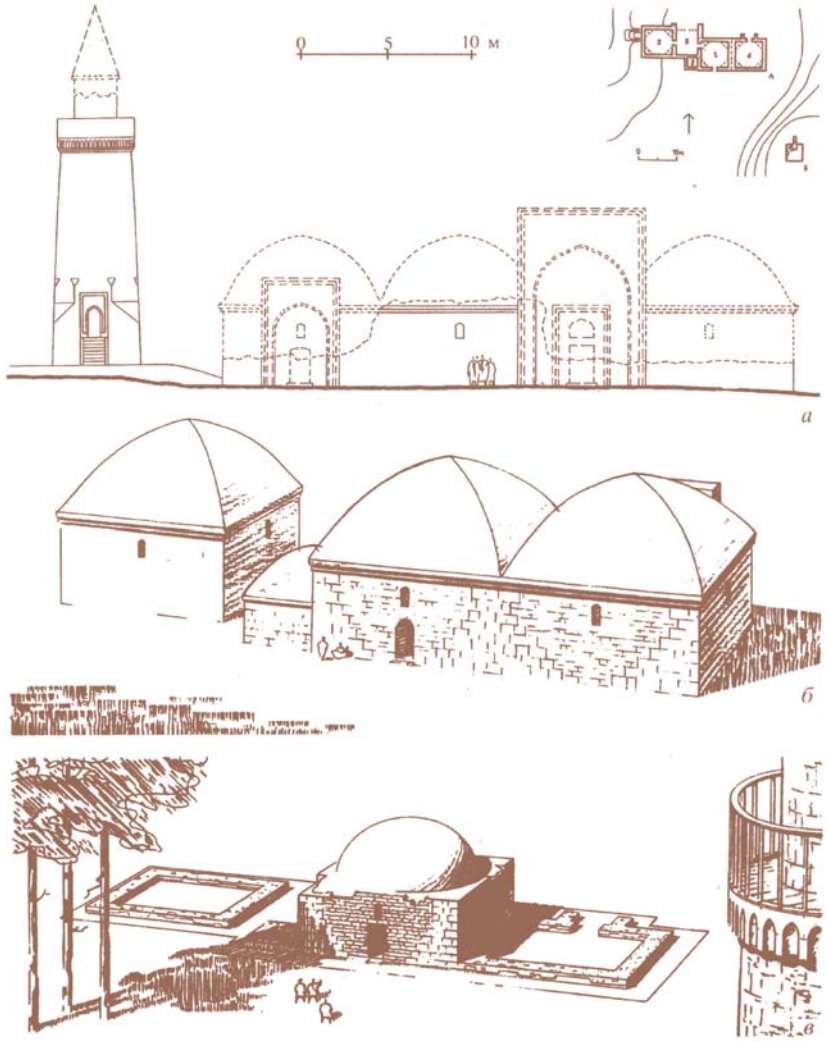
Ханская усыпальница

Ханская усыпальница имела внешнюю объемно-пространственную структуру, отличную от таковой мавзолеев при Соборной мечети. О характере конструктивных деталей этой структуры позволяют судить сохранившиеся рисунки и обмерные чертежи Шмидта, Кафтанникова Палласа.

В первоначальном виде относительно сохранившаяся часть руин представляла собой центрально-купольное беспортальное сооружение, защищенное снаружи, с большой долей вероятности, надкупольным покрытием в виде четырехскатного сомкнутого свода. Наружный четырехугольный объем здания не повторял членения внутреннего помещения на четверик и восьмерик, а трактовался цельным подкубовидным объемом с овальным кровельным завершением. Главный вход в усыпальницу в один из ранних периодов существования памятника располагался по центру южной стены (со стороны Киблы, как и в мавзолеях Соборной мечети), окопные же проемы — по осям всех четырех стен; снаружи и изнутри стены были облицованы туфовыми блока-



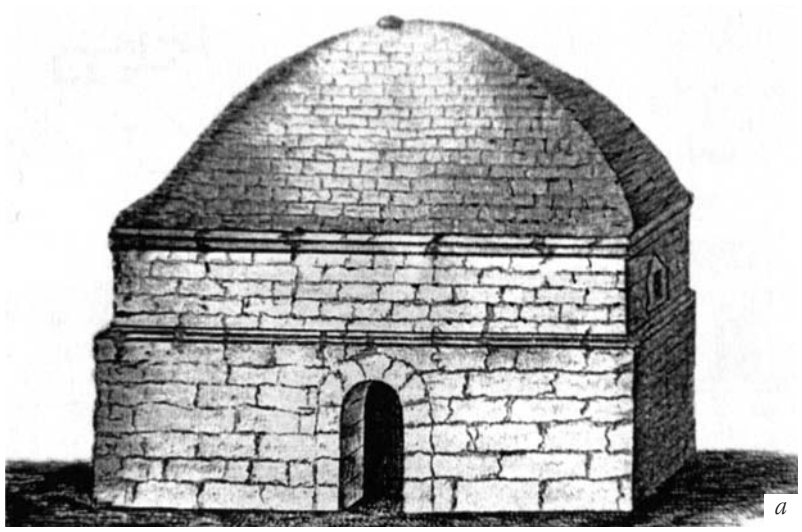
Обмер Ханской усыпальницы в состоянии до реставрационных работ. Южный фасад и план



Ханская усыпальница в комплексе с бывшими пристроями: а — опыт реконструкции северного фасада по позднейшему периоду функционирования (после разгрома города в 1361 г.) в качестве сквозного прохода на территорию кладбища с Малым минаретом; б — реконструкция общего вида с юго-восточной стороны по периоду до событий 1361 г., — когда рядом с центральным двухкамерным сооружением созданы были еще две усыпальницы; в — общий вид проекта консервации и фрагмент реставрации руин, реализованный (с закладкой южного проема) в 1970-е гг.

ми на таком же растворе, как и мавзолеи в центральной части города. Особо тщательная наружная облицовка Ханской усыпальницы оставалась без штукатурки и представляла собой сочетание двух типов облицовочных блоков, ясно выражавших конфигурацией своей кладки распределение конструктивных усилий в стенах, несущих распорную нагрузку свода. Рядом со зданием располагались еще две усыпальницы подобной же формы в плане (за исключением портального выноса относительно позднего восточного пристроя), возведенные в основном из тех же строительных материалов. Время возведения всего комплекса относится к периоду наивысшего расцвета города (начало-середина XIV в.), когда он назывался Великими Болгарами.

Ближайшие аналоги Ханской усыпальницы: а — несохранившаяся усыпальница на территории у Малого Минарета, зарисованная П.С. Палласом в 1760-е гг. под одноименным названием «Ханская усыпальница»; б — мавзолей Хусейн-бека под Уфой (Башкирия, XI–XIV вв.).

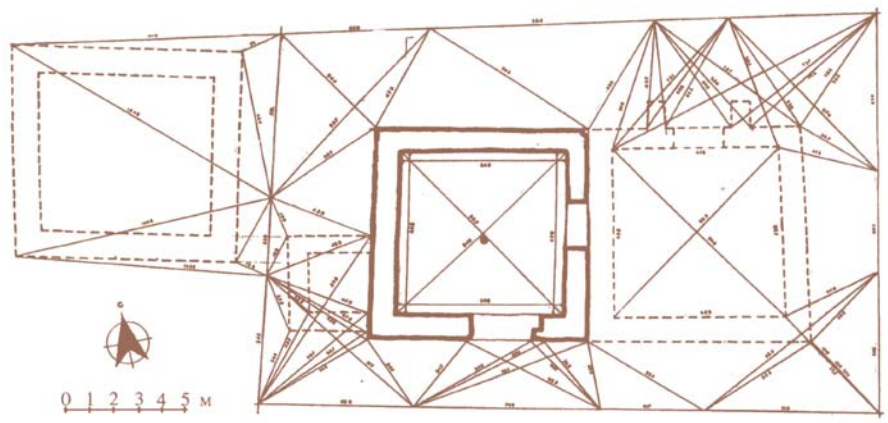


а

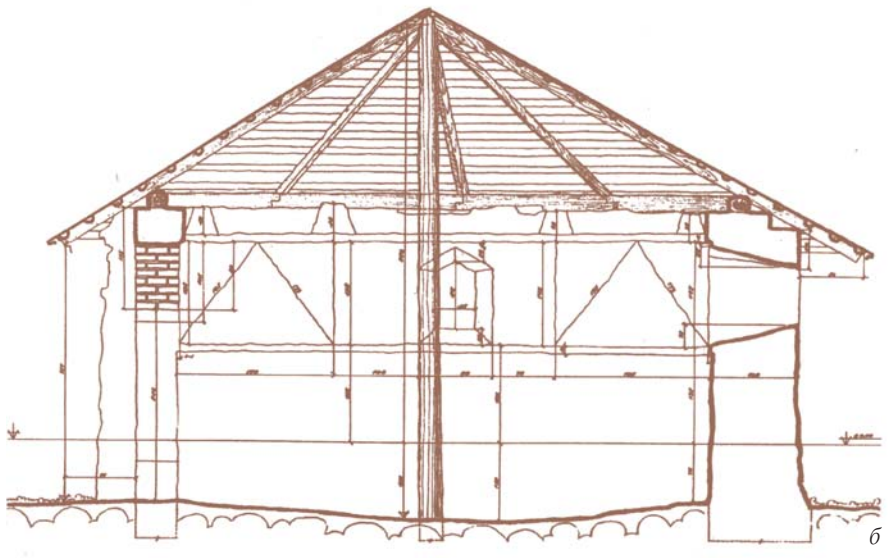


Оба здания были объединены созданием между ними двух соединительных стен и образованием тем самым дополнительного помещения с портальным входом с северной стороны. Первоначально западная усыпальница являлась отапливаемым помещением с круглой сводчатой печью в северо-западном углу и развитой системой подпольных дымовых каналов, расположенных выше указанных захоронений. Печь отапливалась снаружи, где с северной стороны западной стены найдена поздняя арочная ниша с квадратным отверстием в ней для топки печи.

Архитектура Ханской усыпальницы — сохранившегося среднего здания рассмотренного комплекса у Малого минарета — принадлежит к локальному варианту весьма распространенного типа кубических мавзолеев в восточных мусульманских странах. Восточной аналогией болгарского памятника по форме покрытия является усыпальница «Малый восьмерик» в Эски-Юрте (Азисе) на территории Крыма, относящаяся ко времени не ранее второй половины XIV в. Наиболее близкой аналогией в типологическом и одновременно территориальном отношении служит мавзолей Хусейн-бека в Башкирии и, возможно, мавзолей в Касимове, не сохранивший своего завершения.



а



б

Ханская усыпальница: а — архитектурный обмер археологического раскрытия комплекса несохранившихся сооружений, пристроенных в различные годы к сохранившимся руинам (конец 1960-х — начало 1970-х гг.); б — обмер разреза сохранившейся части комплекса по оси юг-север с видом на западную стену интерьера

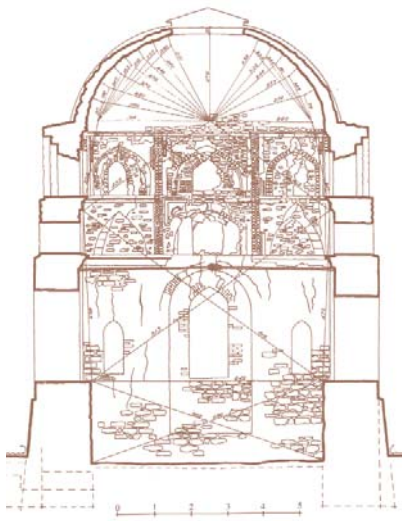
Черная палата

Объемно-планировочная структура «Черной палаты» позволяет высказать ряд предположений о функциональном назначении этого самого загадочного из известных сооружений Болгара. Наличие с южной стороны главного зала трех входных проемов, из которых боковые сообщались с помещениями пристроев, а центральный с наружным пространством, свидетельствует о том, что здание не могло являться культовым сооружением: иначе с этой стороны располагалась бы михрабная ниша. А водопроводный ввод внутрь главного объема указывает на то, что здание не могло являться и мавзолеем. Помещения в цокольной части галереи с очень толстыми стенами при небольшой площади внутреннего пространства и отсутствии отопления не являлись местом для жилья. Их возможное назначение лучше всего согласуется с сообщениями некоторых из вышеуказанных авторов (П.С.Паллас, Ф.Х.Эрдман, Кафтанников) о местных преданиях, относящих здание Черной палаты к ханскому судилищу. Удивительно то, что с таким назначением, казавшимся несовместимым с позднейшей структурой памятника, согласуется и вся остальная часть выявленного исследованием древнего облика памятника. Определяется это резким контрастом пышно декорированного и хорошо освещенного дневным светом просторного купольного зала второго яруса, могущего служить залом суда, с мрачными, тесными и сырыми помещениями под галереями, являвшимися, скорее всего, камерами для временного содержания подсудимых. Это соответствие заставляет отнестись к сообщению о таком назначении памятника как достоверному факту.

Второе название (Черная палата) она получила уже впоследствии, от закопчения дымом во время пожара, а именно со времен нашествия Тамерлана (Булак Тимура в 1361 г.). С выявленной планировкой это согласуется следующим образом. Главный вход — «ханский» — в здание действительно ведет с западной стороны (со стороны лестницы, ведущей на относительно более представительную северную галерею с главным южным входом и надписью над ним). Напротив этого входа, с южной стороны, располагается другой, несколько более скромный вход для народных старейшин. Войдя в зал, двое из трех старейшин могли в целях соблюдения указанного обряда выйти через боковые служебные проемы южной стены и, пройдя боковые галереи, войти вновь в зал судилища каждый через свою дверь в западной и восточной стенах зала.

Центральное подкупольное ядро Черной палаты обнаруживает общее сходство с обширным кругом восточных сооружений рассматриваемого времени как светского, так и культового назначения. В то же время ячейка болгарского памятника обладает признаками, позволяющими заключить ее в определенные хронологические рамки развития подобного типа сооружений в странах Востока. Такими признаками являются самостоятельный надтромповый ярус как световой барабан и наружное надсводное по-



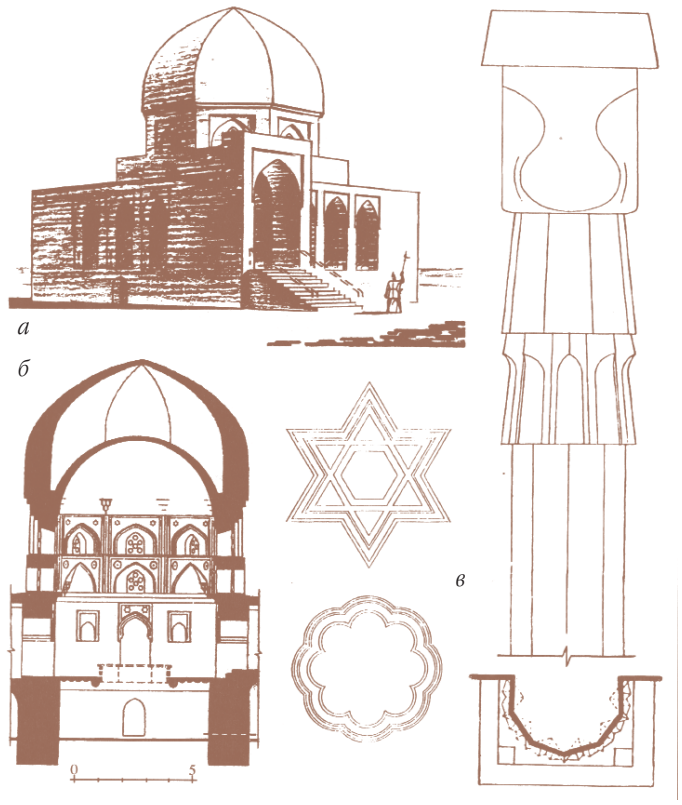


Черная палата. Обмер южного фасада в конце 1950-х гг.



Черная палата. Обмер разреза по оси восток-запад с видом на юную сторону интерьера в конце 1950-х гг.

Опыт реконструкции первоначального облика Черной палаты (1960-е гг.): а — общий вид с северо-западной стороны; б — разрез по оси запад-восток с показом северной стены интерьера; в — элементы декора интерьера по обмерам Р.М. Муртазина в 1938 г.





Реконструкция Черной палаты

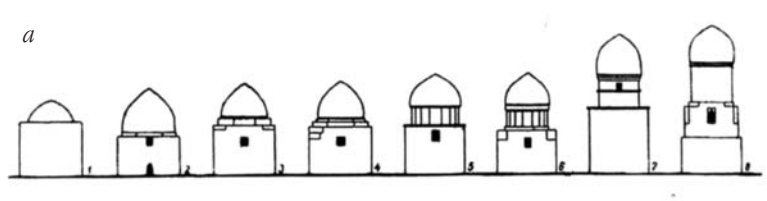


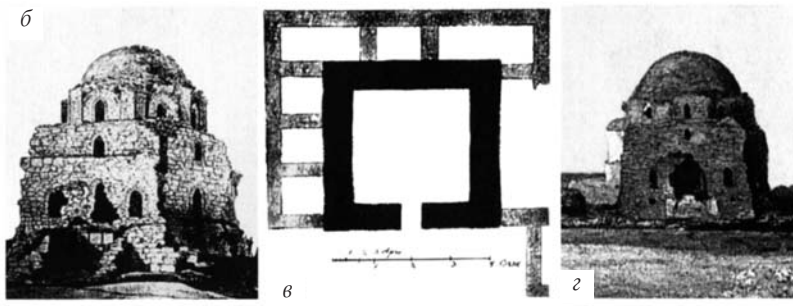
крытие с промежуточным пространством. Сочетание обоих признаков сближает Черную палату со среднеазиатскими, относящимися к середине и второй половине XIV в., а именно с ячейками мавзолеев Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче, Ширин-бика-ака в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде. Родство со среднеазиатскими постройками

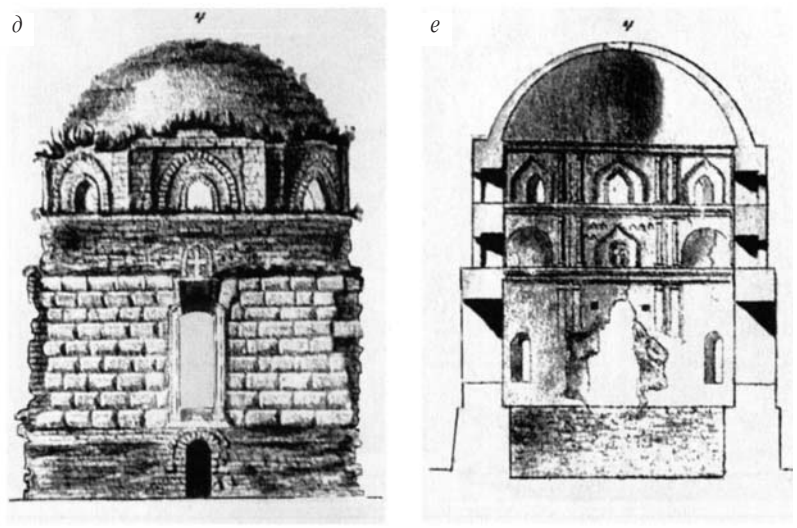


Интерьер Черной палаты

в Черной палате обнаруживается и в приеме строительной техники, в том, что туфовые блоки внутренней и частично наружной облицовки вытесаны по форме и размерам, близким к кирпичным. Этот прием отмечается в Средней Азии, в Хазаринской мечети, еще в VIII–IX вв. Широкое распространение он получил в среднеазиатских постройках XIV в. — мавзолеях Гумбез Манэса, среднем из группы Касана, Хасан-и-Саурани близ городища Ваенган в Хорезме, Наджмеддина-Кубра в Куня Ургенче, Сейид Алаеддина в Хиве, Хазрети-имам в Шахрисябзе и др. Таким образом, Черная палата по структуре и художественной трактовке центральной ячейки стоит ближе всего к среднеазиатской архитектуре. В этой связи важно отметить, что в архитектуре Средней Азии наружное шатровое (коническое или пирамидальное) покрытие венчает только мавзолеи. Эта закономерность, возможно, распространялась и на постройки других мусульманских стран рассматриваемого времени, в том числе и Волжской Болгарии. В этом случае Черная палата должна была завершаться не шатром, а альтернативным восьмидольным сомкнутым сводом.







Иконографические источники по Черной палате: а — эволюция верхних ярусов однокупольных мавзолеев Шахи-Зинда в Самарканде в хронологическом ряду с середины XIV в. до 30-х годов XV в.; б — рисунок неизвестного художника второй половины XVIII в.; в — обмерный план А. Шмита (1827 г.); г — рисунок художника АК. Саврасова (1872 г.); в, е — обмеры А. Шмита.

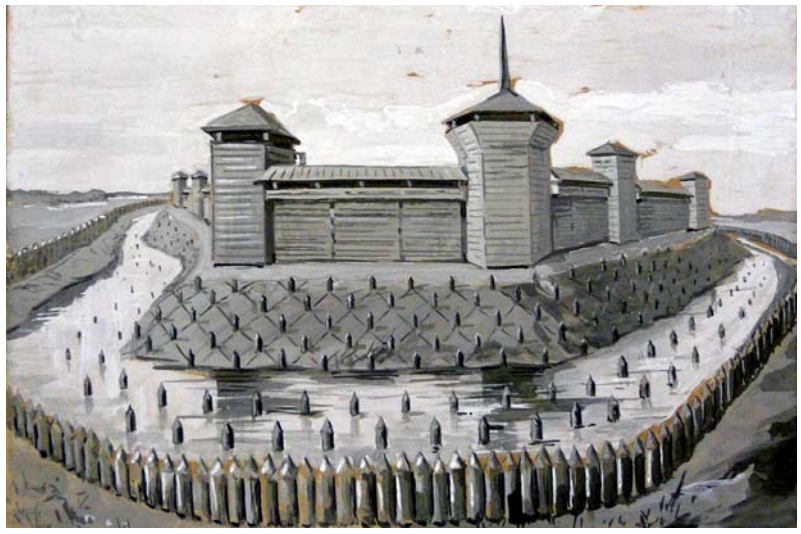
Черной палаты с его галереями и порталь-ным входом перед нами предстает аналогичный тип здания в Баку (Азербайджан), известный под названием «Диван-хане». Как и Диван-хане, Черная палата входит в ансамбль ханского дворца. Особенно примечательно то, что оба они являются, по преданиям, зданиями ханского судилища.

Ю. А. Краснов

Оборонительные сооружения

Остатки древнейшей оборонительной системы города Болгара были исследованы в 1967–1969 и 1972–1974 гг. к востоку и юго-востоку от Успенской церкви при работах на раскопах XVI, XXVII, XXX, XLI и XLVI, а также при наблюдениях за прокладкой водопроводных траншей. Археологически они прослеживались в виде двух мощных рвов. Оба рва начинались у северного края высокой волжской террасы, примерно в 500 м к западу от устья Иерусалимского оврага, и шли в направлении на юг и юго-восток, расходясь на расстояние около 50 м. Южным концом оба рва подходили к одному из крупных отрогов. Иерусалимского оврага, показанному на плане Болгарского городища, опубликованном в «Полном географическом описании нашего отечества» Предполагаемая длина рвов составляла 200–220 м. Оба рва отрезали значительный участок площади мыса между волжской террасой и Иерусалимским оврагом, где сохранились культурные отложения X–XI вв. Первоначально укрепление Болгара имело, таким образом, мысовый характер, как и многие другие городища Волжской Болгарии домонгольского периода

По имеющимся скудным остаткам, сильно нарушенным позднейшим строительством, можно следующим образом реконструировать древнейшие оборонительные сооружения Болгара. По-видимому, в их истории можно выделить два этапа. В начале X в. эти укрепления состояли из двух рвов. Основную линию обороны представлял восточный ров, многократно перестраивавшийся. Перед ним и позади него были устроены стены, состоявшие из глубоко врытых в материк опорных столбов толщиной до 0,75 м, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами, вставлявшимися в пазы вертикальных столбов. О высоте стены мы можем только догадываться. По-видимому, она была не менее 3 м. Позднее, также в домонгольский период, стена по восточному краю рва была заменена валом, остатки которого, возможно, встречаются в засыпке ряда участков этого рва. Может быть, большие перестройки восточного рва, в результате которых он стал почти вдвое шире, были связаны именно с сооружением вала. По гребню его должна была идти деревянная стена, ибо без нее оборона крепости вряд ли была бы возможной. О существовании в XII в. крепостной стены Болгара, сделанной из дуба, сообщает Ибн Хамид Андалуси, посетивший город в 1135 г.



Реконструкция оборонительных сооружений Сувара





Топоры. . Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

В целом можно считать, что ранний Болгар имел мощные для своего времени укрепления. Строители крепости умело включили в систему ее обороны крутые склоны Иерусалимского оврага на юге и востоке и более чем 30-метровый обрыв к Волге на севере.

Укрепления раннего Болгара ограничивали лишь часть территории города X–XI вв., составляли его цитадель. Расположенный западнее посад занимал значительную площадь и по содержанию слоя VI существенно не отличался от укрепленной части.

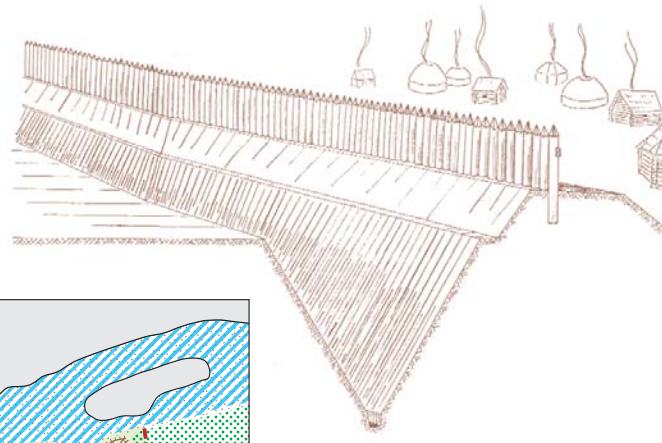
Укрепления, соответствующие «малому окопу», или «замошному валу» описаний первой половины XVIII в., как и древнейшие оборонительные сооружения Болгара, археологически представлены остатками рва. Глубина и ширина его на разных участках оказались различными. В южной части ров имел глубину 2,5–3 м от дневного уровня при ширине около 5,5 м, в западной — всего 1,5–1,85 м при ширине 2,9–3,2 м. Засыпь нижней части рва в ряде мест имела слоистую структуру, свидетельствующую, что в определенный период он заполнялся водой.

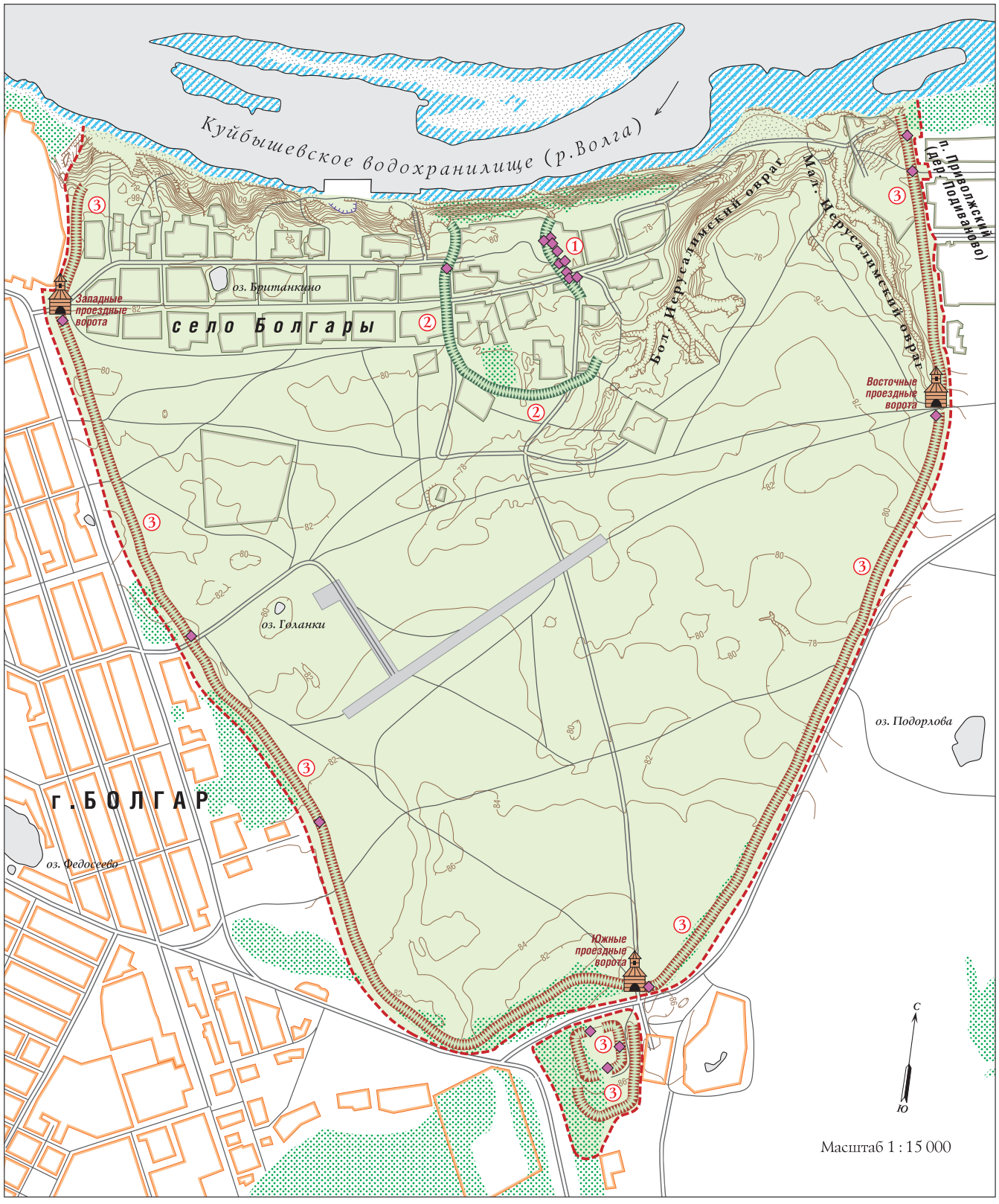
Дневной уровень, с которого был вырыт ров, относится к верхней части напластований до-



Наконечники стрел. Болгар. XII–XIV вв. БГИАМЗ

Тын и ров Болгара, X в.
Реконструкция
А.М. Губайдуллина





Оборонительные сооружения (рвы и валы)

сохранившиеся частично

не сохранившиеся

Цифрами обозначены рвы и валы:

① — *X—XI вв.*

② — *XII—XIII вв.*

③ — *XIV в.*

Въезды в городище с дополнительными укреплениями

Раскопы на оборонительных сооружениях (рвах и валах)

Граница Болгарского городища

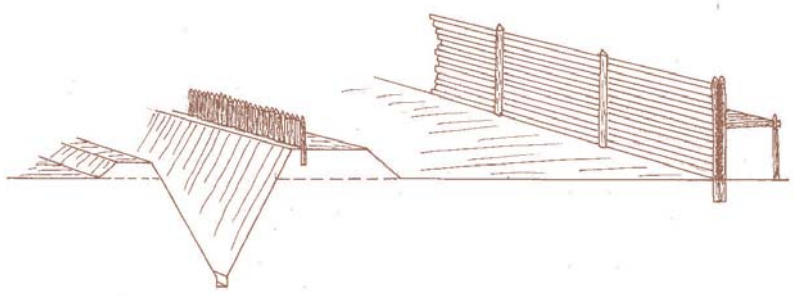
Подтопляемые территории

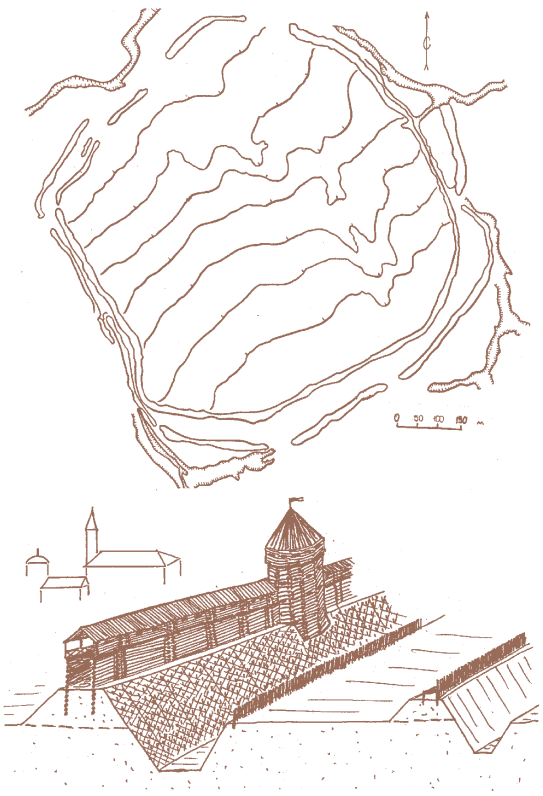
Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

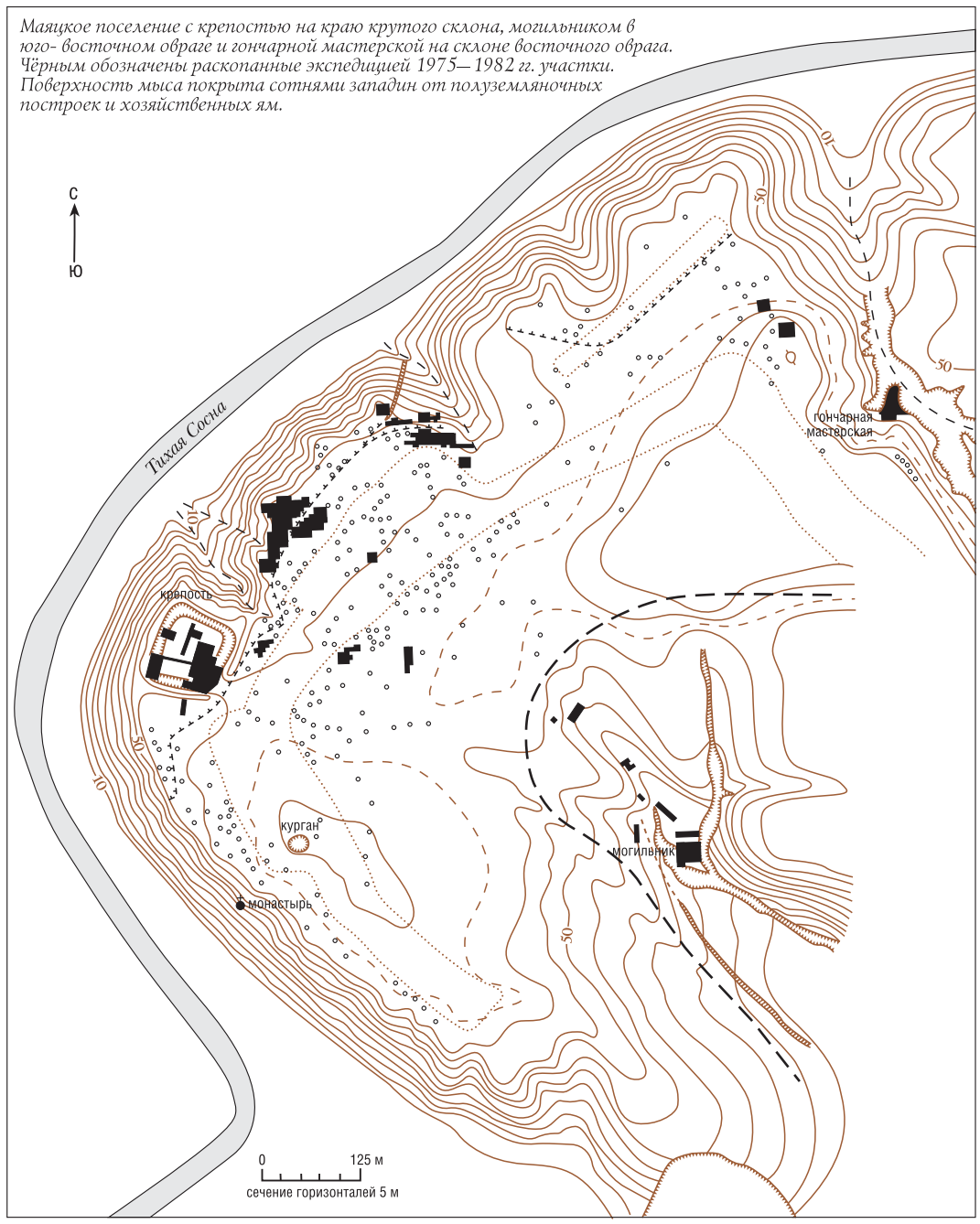
Оборонительные сооружения города Болгара

Оборонительные сооружения Болгара X в.
Реконструкция
А.М.Губайдуллина





Оборонительные сооружения Сувара. Реконструкция А.М.Губайдуллина



Маяцкое поселение с крепостью на краю крутого склона, могильником в юго- восточном овраге и гончарной мастерской на склоне восточного оврага. Чёрным обозначены раскопанные экспедицией 1975—1982 гг. участки. Поверхность мыса покрыта сотнями западин от полуземляночных построек и хозяйственных ям.

монгольского времени. Лишь намного выше этого уровня располагались слой пожарища 1236 г. и нивелирующая его прослойка. Это дает основание считать, что рассматриваемый ров, как и связываемый с ним «замошный вал», были сооружены в самом конце домонгольского периода, вероятно, в конце XII — начале XIII в.

Сейчас можно предполагать, что внешняя линия укреплений города домонгольского периода, если и не была полностью разрушена после 1236 г., то во всяком случае оказалась сильно ослабленной. На большей части ее протяжения ров был засыпан, частичной нивелировке, возможно, подверглись и валы. Существенного фортификационного значения эта линия обороны уже не могла иметь.

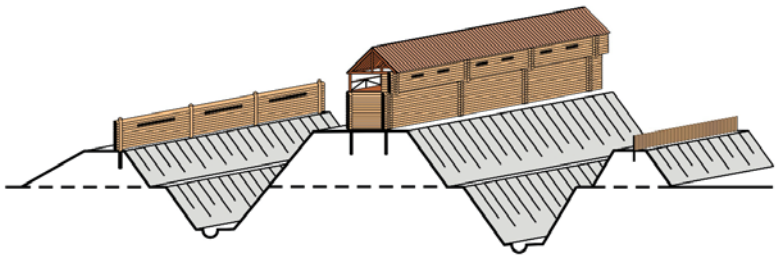
Таким образом, в конце домонгольского периода Болгар имел двойную систему укреплений — цитадель, сооруженную еще в X в. и впоследствии неоднократно подновлявшуюся, и внешнюю линию обороны, построенную незадолго до монгольского нашествия. С наиболее опасной для нападения южной стороны ров и, очевидно, вал внешней оборонительной линии были достаточно мощными. Размеры рва здесь (ширина 5,5 м, глубина 2,5–3 м) сопоставимы с тем же элементом укрепления цитадели города. На других участках ров и, вероятно, вал имели значительно меньшие размеры, что, впрочем, не составляет исключения среди близких по времени укреплений. Следует предполагать, что по гребню «замошного вала» шла деревянная стена, об устройстве которой мы вряд ли сможем что-либо узнать.

Рассматриваемую двойную систему укрепления Болгар имел лишь короткое время. Как показывают археологические данные, в результате разгрома города монголами в 1236 г. были уничтожены укрепления цитадели и сильно ослаблена внешняя линия обороны. Это вполне согласуется со многими свидетельствами средневековых авторов о том, что завоеватели уничтожали все укрепления в покоренных городах.

Какое-то время после монгольского нашествия город не имел укреплений, если не считать остатков «замошного вала». Лишь спустя некоторое время была создана та система укреплений, остатки которой в виде валов и рвов, опоясывающих Болгарское городище, сохранились до настоящего времени.

О.С. Хованская высказала предположение, что оборонительная система города, остатки которой сохранились до наших дней, была постро-

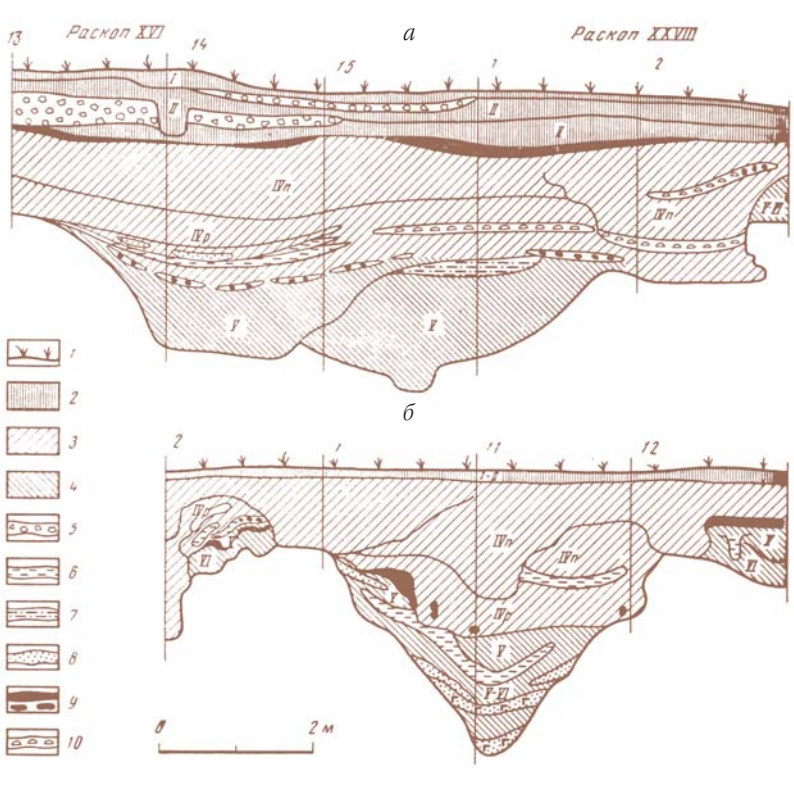
Маяцкое поселение с крепостью, могильником и гончарной мастерской на склоне восточного оврага. Черным обозначены участки, раскопанные экспедицией 1975–1982 гг.



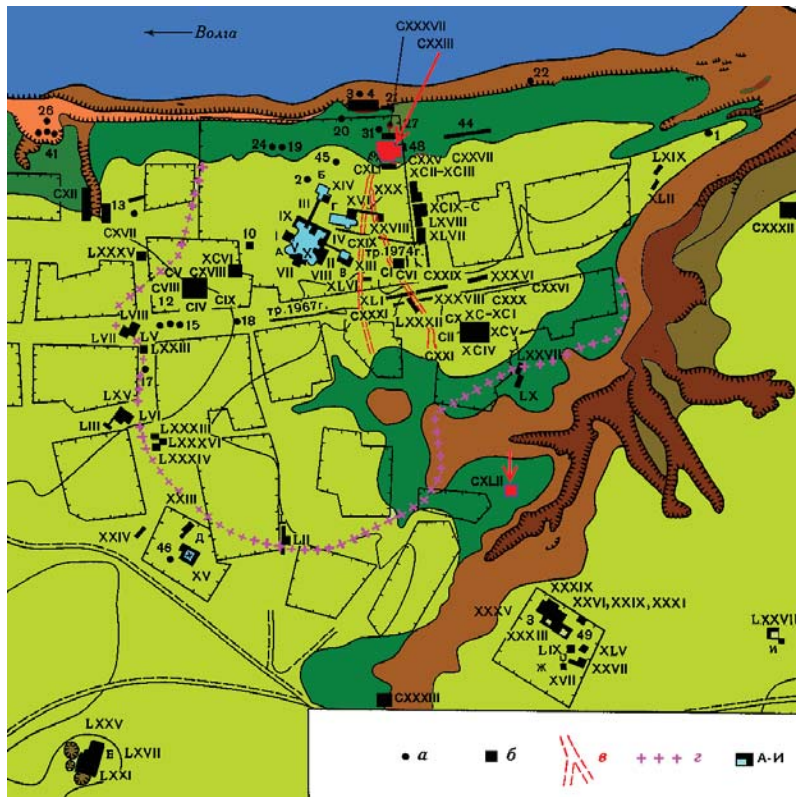
Оборонительные сооружения Джукетау домонгольского времени. Реконструкция А.М. Губайдуллина

на не позднее первой четверти XIV в. Эта дата и сейчас представляется наиболее вероятной.

В настоящее время укрепления Болгарского городища начинаются у кромки верхней волжской террасы к западу от с. Болгары, идут к югу и далее к юго-востоку, у южной оконечности городища делают довольно резкий поворот к северо-востоку и, поворачивая затем на север, оканчиваются опять-таки у верхней террасы, к востоку от устья Иерусалимского оврага. Огражденная валами и рвами площадь городища напоминает равнобедренный треугольник, основанием которого служит верхняя терраса Волги. По данным съемки П.Н. Ефимова в 1919 г. и измерениям, проведенным в 1967 г., длина валов на верхней террасе составляла около 5,6 км. До создания водохранилища Куйбышевской ГЭС, затопившего нижнюю террасу Волги, было хорошо видно, что вал и ров в восточной части городища спускались по сравнительно отлогому здесь склону с верхней террасы на вторую, надлуговую, и заканчивались, немного не доходя до заболоченной низины, в которой протекала Меленка. Протяженность вала от кромки верхней террасы до его окончания в низине, по данным О.С. Хованской, составляла 85 м, а разность вы-



Болгар. Рвы начала X в.: а — западные ров в профиле северной стенки раскопов XVI и XXVIII; б — восточный ров в северо-западной стенке раскопа XLI; 1 — дерн; 2 — современный слой (I) и слой русской деревни XVI–XIX вв. (II); 3 — слои золотоордынского времени — поздний (IVn) и ранний (IVр); 4 — слои домонгольского времени (V-VI); 5 — кирпичный лом; 6 — глина; 7 — суглинок; 8 — песок; 9 — уголь; 10 — древесная труха.

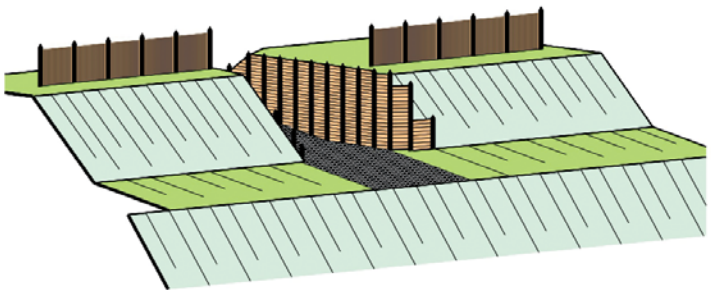


План центральной части Болгарского городища

сот верхней террасы и места, где вал кончался, равнялась 26,6 м. Раскопками 1953 г. выяснено, что далее укрепления почти под прямым углом поворачивали на запад. Рва и вала здесь не было, а выявленная раскопками деревянная стена располагалась на невысоком естественном всхолмлении, шедшем в направлении восток — запад и немного подправленном искусственной подсыпкой. Остатки стены здесь прослежены на небольшом протяжении.

Как шли укрепления дальше, недостаточно ясно. О.С. Хованская высказала предположение, что стена в подгорной части охватывала лишь устья двух крупных оврагов, разрезавших плато городища, — Большого Иерусалимского и расположенного немного восточнее Малого Иерусалимского. Далее укрепления, по ее мнению, поднимались вверх по склону волжской террасы и смыкались с северо-восточной частью укреплений «детинца», под которым она понимала «замошный вал». Такое предположение, однако, достаточно уязвимо. Согласно рассмотренной наиболее вероятной реконструкции расположения «замошного вала» его северо-восточный конец далеко не достигал кромки верхней террасы, упираясь в высокие и крутые склоны Большого Иерусалимского оврага. К тому же, у нас нет оснований считать, что «замошный вал» функционировал в золотоордынское время как фортификационное сооружение, т. е. действительно выполнял роль детинца. Данные о засыпке рва перед валом на большей части его протяжения в ранний золотоордынский период скорее говорят об обратном. Поэтому представляется более вероятным, что укрепления в подгорной части имели большую протяженность, чем это предполагает О.С. Хованская, и, как в восточной части городища, смыкались с укреплениями на верхней террасе в его западной части. По-видимому, следы этих укреплений уже давно уничтожены.

Если высказанное предположение верно, то оборонительная система Болгара золотоордынского времени имела круговой характер. Она защищала не только центральную часть города, но и ремес-



Въезд на городище. Реконструкция А.М.Губайдуллина

ленные районы, расположенные на верхней волжской террасе, а также посады на средней террасе и у края нижней. Только обширный посад за Меленкой и район так называемой армянской колонии у северо-западного угла городища находились вне основной линии укреплений.

Рассматривая оборонительную систему Болгара XIV— начала XV в., нельзя не отметить небольшие укрепления у южной оконечности городища (Малый городок) и на краю волжской террасы у северо-восточного угла крепости (так называемый окоп Савенкова).

Раскопки свидетельствуют, что укрепления Малого городка возводились в золотоордынское время. Более точная дата их постройки пока не установлена. Может быть, строительство этих укреплений не было завершено.



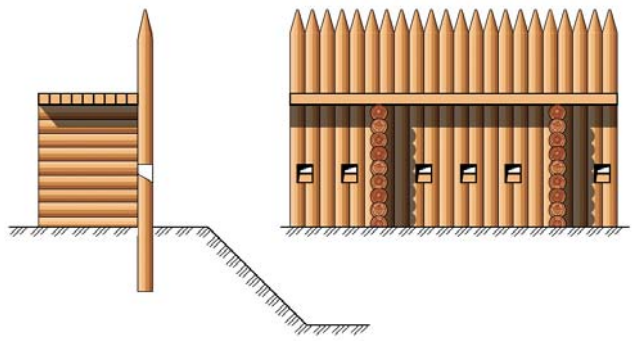
Ров Малого городка

«Окоп Савенкова» западной стороной примыкал к восточному валу городища близ выхода его на край волжской террасы и ограничивал территорию длиной по обрыву к Волге в 210 саженей. В настоящее время от этого укрепления не сохранилось никаких следов. На площади, где оно располагалось, при работах 1967 г. в почти полностью развеянном песчанистом по структуре культурном слое найдено значительное количество керамики золотоордынского периода, что позволяет датировать этим временем и сооружение «окопа».

На некоторых старых планах Болгарского городища у западного его угла, в районе армянской колонии, показаны следы каких-то сильно снивелированных валов. Не исключена возможность, что здесь также располагалось какое-то укрепление золотоордынского времени, близкое по характеру расположения и, вероятно, назначению к «окопу Савенкова».

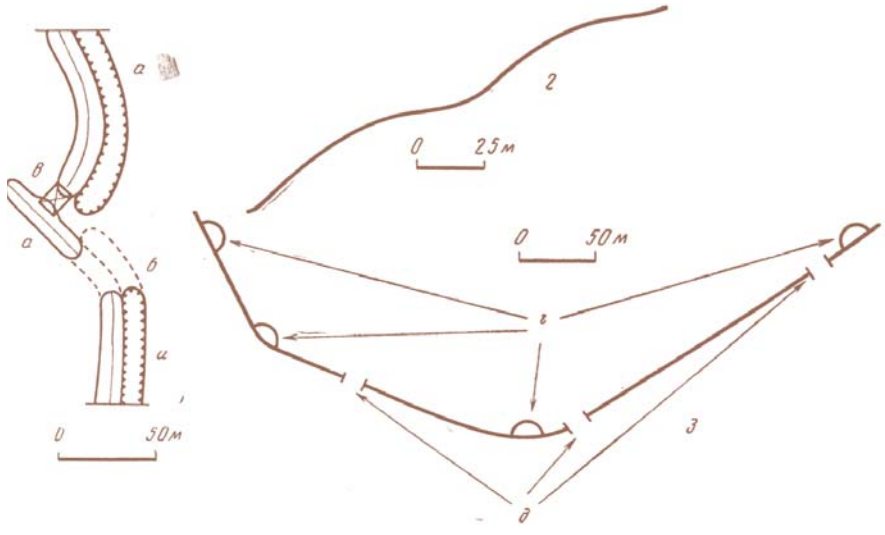
Возвращаясь к описанию укреплений собственно Болгарского городища, отметим, что размеры валов на разных его участках существенно различались. Высота валов его колебалась от 2,05 до 5,4 м, а глубина рвов — от 2,6 до 2,8 м. Рвы золотоордынского времени не уступали аналогичным элементам оборонительной системы домонгольского периода, а местами превосходили их. Наибольшая высота валов и глубина рвов наблюдалась в южной и юго-восточной частях оборонительной линии.

Для крепости Болгара золотоордынского времени наиболее уязвимым участком обороны была узкая южная и прилегающие к ней участки



Тыновая преграда. Реконструкция А.М. Губайдуллина

восточной и западной сторон, где естественных препятствий для осаждающих не было. Именно здесь валы и в настоящее время имеют наибольшую высоту, а в древности возвышались более чем на 5 м. На этих участках стены города были укреплены башнями, следы оснований которых выявлены при работах 1967 г. в виде полукруглых расширений внутренней стороны вала. Размеры их около 12–13 х 3–5 м, поверхность обычно горизонтальная и несколько понижена по сравнению с прилежащими участками валов. О том, что эти площадки были действительно основаниями башен, убедительно свидетельст-



Детали линии обороны золотоордынского времени: 1 — схематический план въездных ворот в восточной стене крепости по съемке А.П. Смирнова 1950 г.; 2 — схема части западной линии обороны; 3 — схема части южной линии обороны; а — линия валов и рвов; б — уничтоженная часть вала и рва; в — предполагаемое место надвратной башни; г — места выступов вала для башен внутрь городища; д — поздние проемы в валах.

вуют раскопки двух из них. На южной и прилегающих участках восточной и западной стен зафиксированы основания 14 башен. Расстояние между ними составляет около 125 м, в единичных случаях достигает 180 м или уменьшается до 50–75 м. На тех участках, где зафиксированы остатки башен, валы и рвы сооружались практически по прямой линии или по дуге, выступающей наружу по отношению к городищу.

На других участках западной и восточной оборонительных линий, где эти последние прикрывались различными естественными препятствиями, валы были значительно ниже. Следы оснований башен здесь не обнаружены. Однако линия валов и рвов повсюду идет здесь не по прямой, а с волнообразными изгибами, причем эти изгибы должны истолковываться как опре-

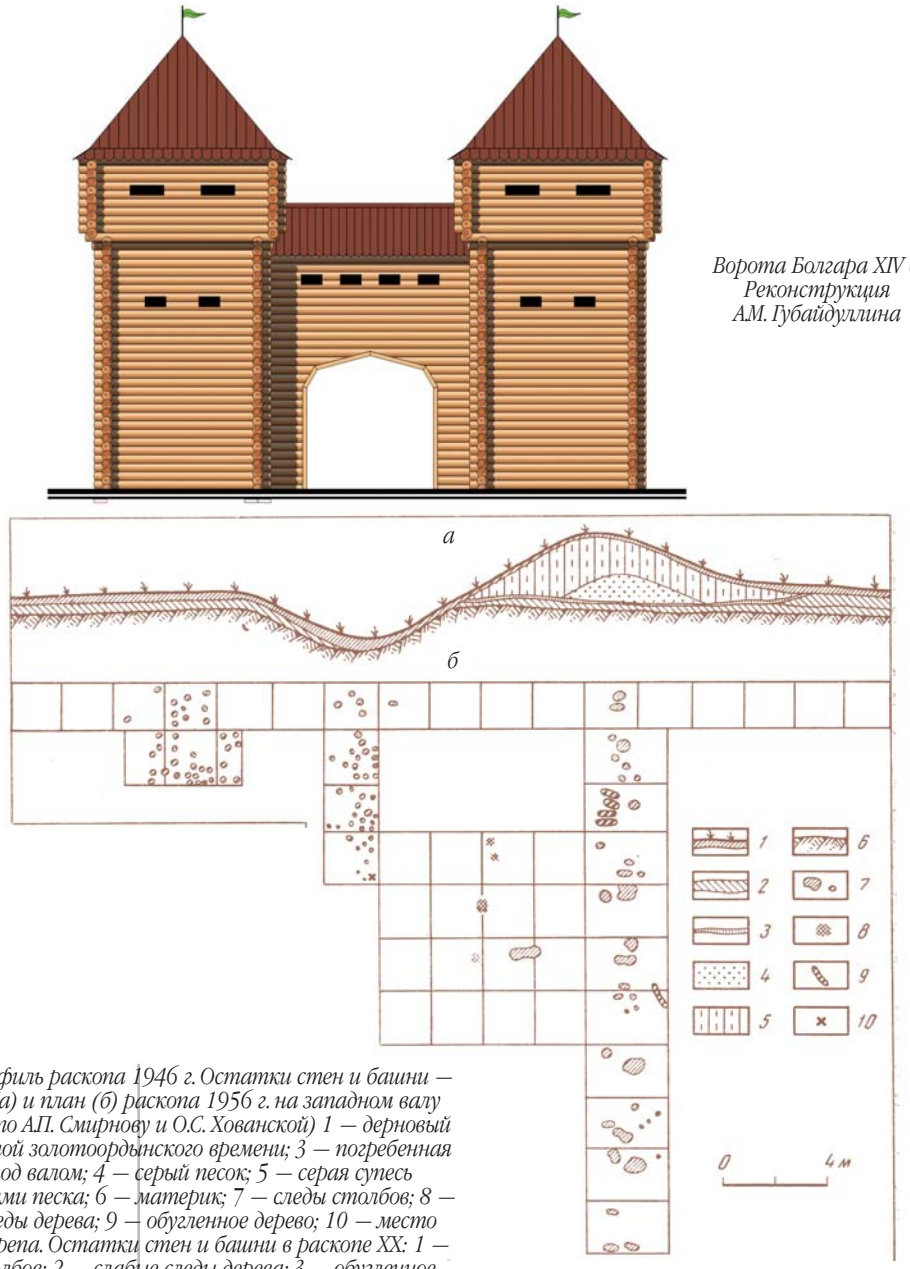
деленный фортификационный прием, обеспечивающий более удобный фланговый обстрел врагов, приближающихся к стенам крепости. Длина таких волнообразных изгибов для западного вала составляла около 120 м (т. е. была близка к среднему расстоянию между башнями и соответствовала дальности полета стрелы, выпущенной из лука или самострела), глубина колебалась от 5 до 9–10 м. В восточном валу наблюдается чередование «волн» таких же размеров с более крупными, длиной 200–240 м и глубиной до 10–12 м.

В северной части линии обороны подход врага к укреплениям города был маловероятен из-за труднопроходимого болота. В этом месте строители крепости ограничились возведением одной только деревянной стены. Однако у поворота стены на запад в подгорной части раскопками 1953 г. обнаружены остатки угловой башни.

Обследование укреплений в 1967 г. показало, что в древности в валах было лишь три проезда — по одному в западной, южной и восточной стенах города. Наиболее хорошо такая система устройства входа в крепость сохранилась в восточном валу, где можно предполагать также наличие надвратной башни. У древнего южного проезда башня располагалась не над воротами, а немного восточнее их. Аналогичная система расположения проездов в крепостных стенах широко применялась в средневековье в различных модификациях как в западной Европе и на Руси, так и на Востоке, причем и в каменном, и в деревоземляном строительстве.

В связи с установлением мест древних проездов в валах Болгарского городища можно предположить, что такие укрепления, расположенные вне основной линии городской обороны, как Малый городок, «окоп Савенкова» и зафиксированные старыми планами валы в районе армянской колонии, могли выполнять роль фортов, прикрывающих ведущие к городу дороги.

Устройство валов Болгарского городища исследовано неоднократными разрезами и зачистками в местах современных разрывов. Валы насыпались из взятых в ближайших к строительству местах почвенного слоя, супеси и чистого песка. В основании вала лежит обычно слой древней почвы, взятой из рва или с ближайшей части площадки городища. Выше располагается слой песка, супеси или песчанистого суглинка, составляющий основную часть насыпи. Площадки для башен насыпались из глины с супесью или чистой глины, что придавало этим конструкциям



Ворота Болгара XIV в. Реконструкция А.М. Губайдуллина

Болгар. Профиль раскопа 1946 г. Остатки стен и башни — Профиль (а) и план (б) раскопа 1956 г. на западном валу городища (по А.П. Смирнову и О.С. Хованской) 1 — дерновый слой; 2 — слой золотоордынского времени; 3 — погребенная почва под валом; 4 — серый песок; 5 — серая супесь с включениями песка; 6 — материк; 7 — следы столбов; 8 — слабые следы дерева; 9 — обугленное дерево; 10 — место находки черепа. Остатки стен и башни в раскопе XX: 1 — следы столбов; 2 — слабые следы дерева; 3 — обугленное дерево; 4 — предполагаемые контуры стен и башни.



Оборонительный ров. X в.

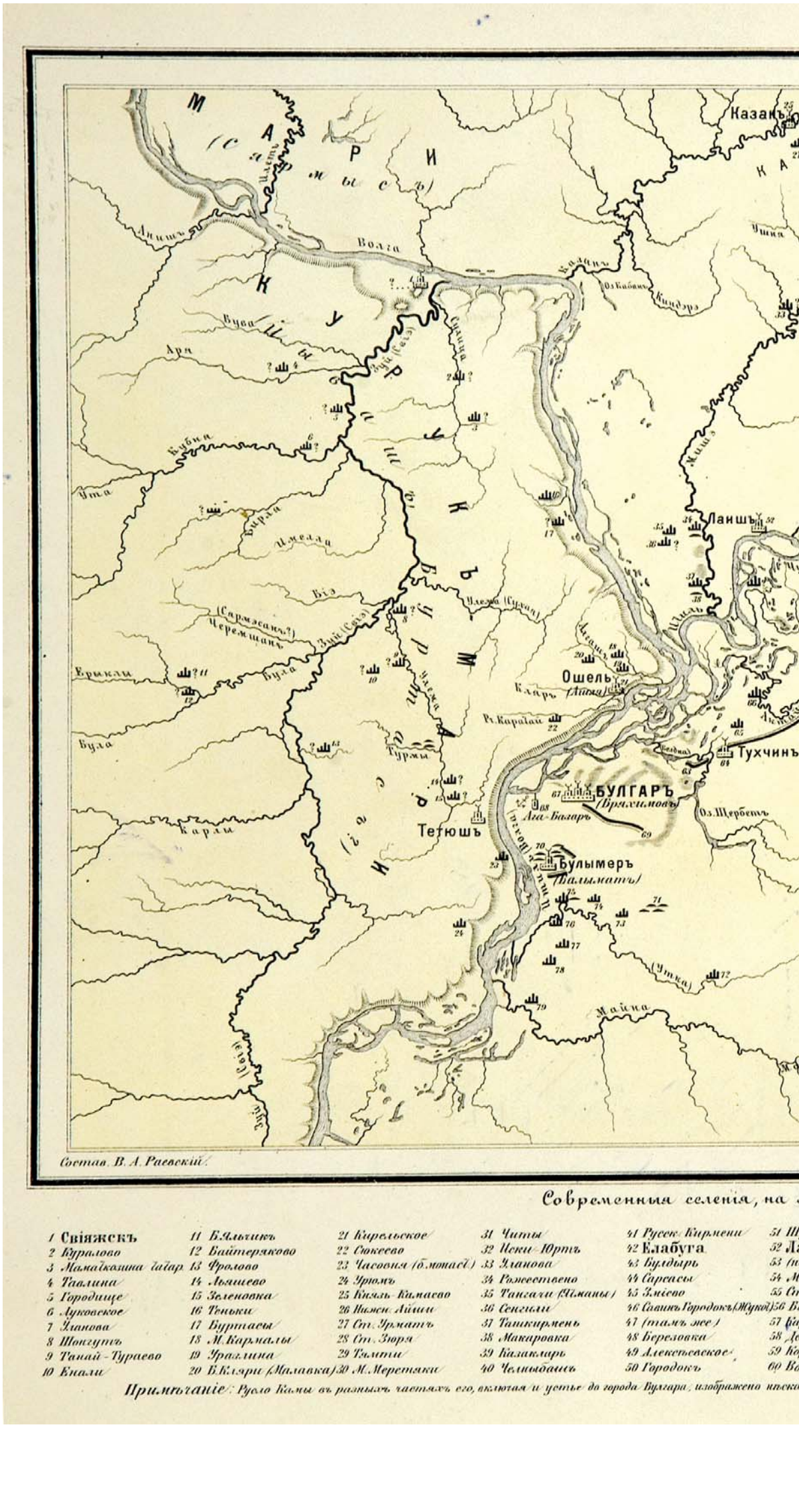
большую прочность. В западной линии обороны вал был насыпан на более или менее мощном культурном слое, в других местах — на почвенном слое, не имевшем культурных остатков.

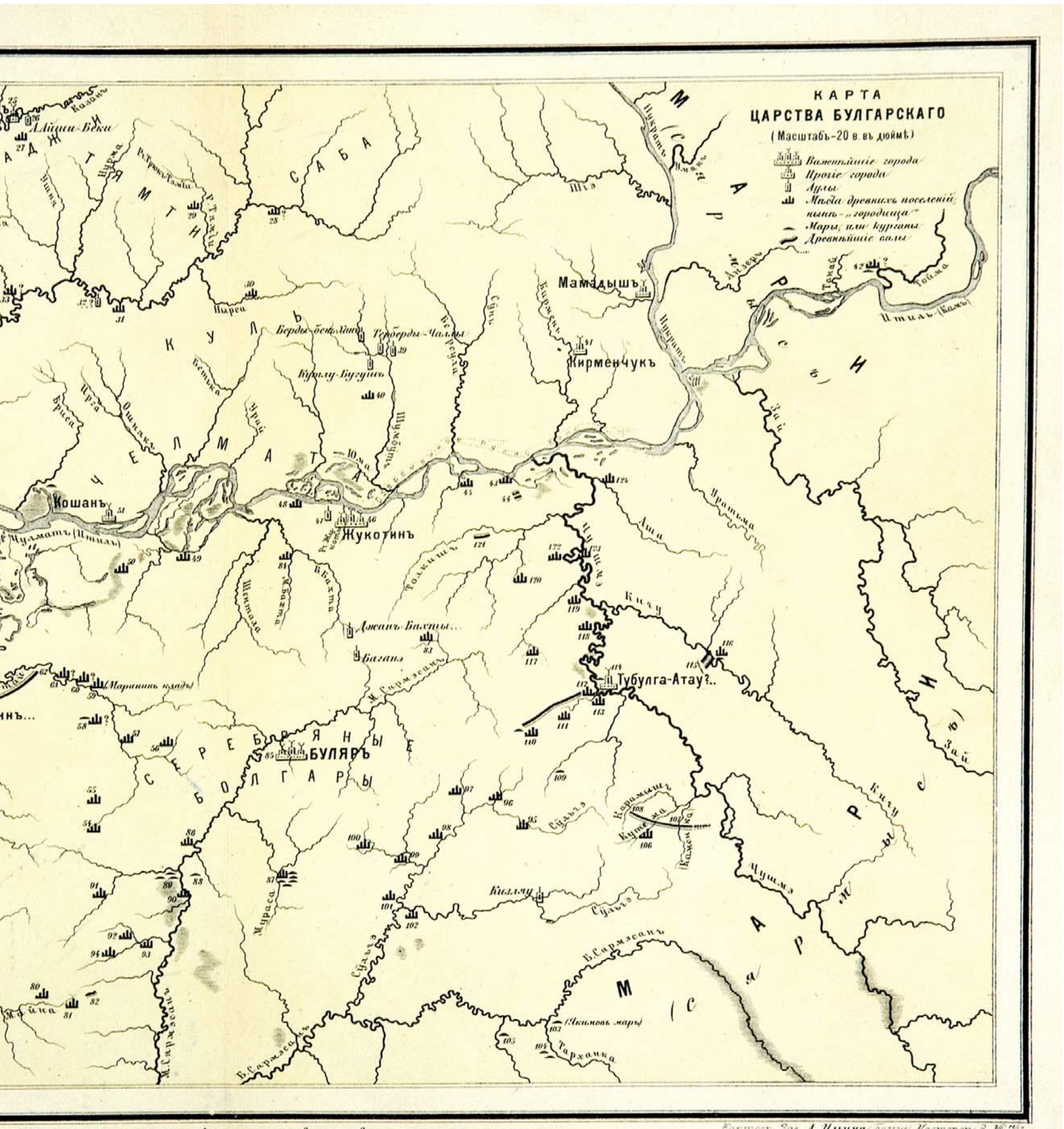
Для придания большей прочности насыпи вала применялись сваи — врытые или вбитые в насыпь короткие бревна диаметром не менее 0,2–0,3 м и длиной около 1 м. В Болгарах сваи были преобладающей, но не единственной формой укрепляющих вал конструкций. В раскопе XVIII, например, в насыпи вала выявлены остатки срубов. На одном из участков южного вала городища отмечен своеобразный прием укрепления насыпи путем добавления в песок, из которого она здесь состояла, связующего вещества — извести. На Малом городке с той же целью был применен алебастр, оставшийся от каменного строительства.

При работах 1967 г. на раскопе XX отмечено обжигание поверхности почвы перед насыпкой вала. Такое же явление зафиксировано на ряде поселений Среднего Поволжья доболгарского времени. Не исключена возможность, что такой обжиг имел какое-то ритуальное значение. В том же раскопе в середине насыпи вала найден целый череп лошади, лежавший поперек вала ли-

Карта царства Болгарского

Историческая карта «Царства Болгарского» XIX в. во многом, безусловно, устарела. Преимущественно это касается точности и полноты нанесения населенных пунктов. Сегодня, благодаря успехам археологии и изучения письменных источников, мы имеем гораздо более насыщенную картину. Но у этой карты есть множество преимуществ перед современными, главное из которых — стремление соединить абстрактную форму визуализации исторического знания (карту) со стремлением максимально образно, внятно, конкретно показать время и место. Получается достойный результат, чье достоинство базируется на уважении к человеку, который будет изучать и рассматривать карту: она, прежде всего, красива, уважительна к нему своими деталями, внятностью. Через предмет — историческую картографию — мы чувствуем подлинную любовь наших предков к своему занятию, культуре, стране, учимся их умению представлять все это умно, эстетично, интересно.

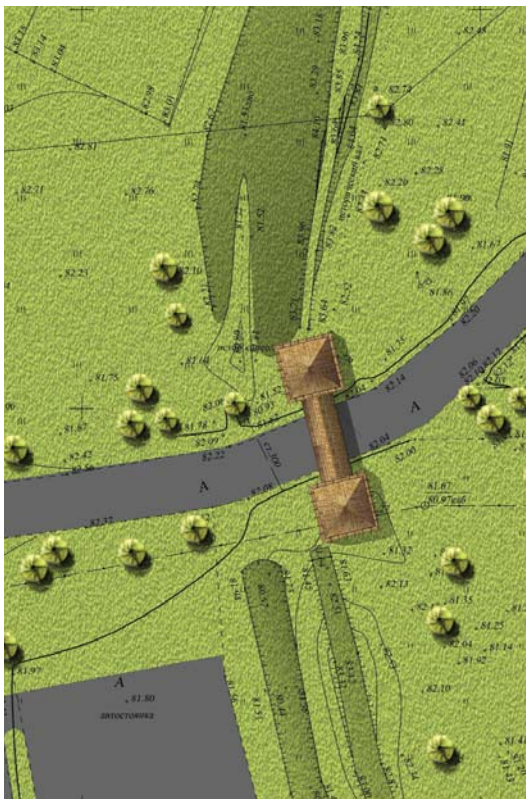



КАРТА
ЦАРСТВА БУЛГАРСКАГО
(Масштабъ-20 в. въ дюймѣ)
Важнѣйшіе города
Прочіе города
Аулы
Мѣста древнихъ поселеній
напр. „городища"
Мары, или курганы
Древнѣйшіе валы
Мамадышъ
Кирменчукъ
Кошанъ
Жукотинъ
Джанъ-Бахты...
Багаи
Тубулга-Атау?..
БУЛЯРЪ
Киляу
Б. Сарматскія
М. Сарматскія
Ахтуба
Ашка
Ашма
Ашитма
Ашуа
Ашуатма
Ашуатма
Ашуатма





Восточные ворота Болгарского городища XIV в. Реконструкция



Западные ворота Болгара



Восточные ворота Болгара

цевой частью к его внешней стороне. Вероятно, и эта находка может быть связана с ритуальными действиями, являясь своего рода оберегом.

Остатки стен изучались в западной, восточной, северной и южной частях оборонительной линии. Очевидно, стены были двухрядными и имели столбовую конструкцию, знакомую нам уже по древнейшим оборонительным сооружениям города Болгара. Основу стен составляли толстые вертикальные столбы, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами, скреплявшимися в паз с опорными столбами.

Приведенные данные позволяют реконструировать стены Болгара золотоордынского времени по образцу укреплений, известных в русском военном зодчестве XVI–XVII вв. под названием тарас. При устройстве тарас рубились две параллельные стены, имевшие обычно срубную конструкцию, а иногда представлявшие собой частокол. На некотором расстоянии эти стены связывались поперечными перевязями, на которые укладывался настил. Стена, обращенная наружу, делалась более высокой, в ней проделывались бойницы для нижнего и верхнего боя. Над настилом могла быть устроена двускатная или односкатная крыша, в известной степени служившая и защитой для воинов. Внутреннее пространство между стенами в нижней части заполнялось землей, песком или камнями, оставлялись только проходы к нижним бойницам. Впрочем, раскопки на Болгарском городище не дали ясных указаний на то, что пространство между стенами заполнялось песком или камнем: никакого инородного материала на поверхности вала или во рву не найдено. Заполнение тарас землей в Болгарах не может быть исключено. В русском оборонительном зодчестве такое заполнение пространства между стенами нередко производилось только во время опасности и не всегда на всем протяжении стен. Характерной для Болгара была столбовая конструкция тарас, почти не известная на Руси.

Остатки башен археологически изучены на южном и юго-западном участках стен, а также в подгорной части крепости, в ее северо-восточном углу. Очевидно, башни Болгара, как и его стены, имели столбовую конструкцию. Можно говорить о сравнительно небольшой их высоте: об этом свидетельствует то обстоятельство, что толщина их опорных столбов существенно не отличалась от толщины опорных столбов стен. Башни имели не менее двух ярусов.





*Булавы.
Болгар. XIII–XIV вв.
БГИАМЗ*

Уже говорилось, что на южном и прилегающих западном и восточном участках линии валов предполагается наличие 14 башен. Две из них исследованы раскопками. Остатки одной башни изучены в северо-восточном углу крепости. Такая же угловая башня могла быть в подгорной части и в противоположном северо-западном углу укрепления. Вполне возможна надвратная башня у восточных ворот, на что указывает конфигурации отрезка вала. Таким образом, Болгар золотоордынского времени имел не менее 17 башен.

Ров золотоордынского времени, как и рвы более ранних укреплений города, характеризовался некоторой асимметрией: внешний склон его был более крутым, чем внутренний. Судя по отложениям в нижней части, ров заполнялся водой, поступавшей сюда из многочисленных озер, по крайней мере одно из которых было перерезано рвом.

При разрезе рва в раскопе 1946 г. на западном участке обороны отмечены остатки заграждений в виде надолб перед рвом и следы кольев, вбитых в дно рва.

Оценивая оборонительную систему города Болгара золотоордынского времени в целом, отметим, что она по величине сооружений, глубокой продуманности способов защиты занимала одно из первых мест среди деревоземляных укреплений Восточной Европы.



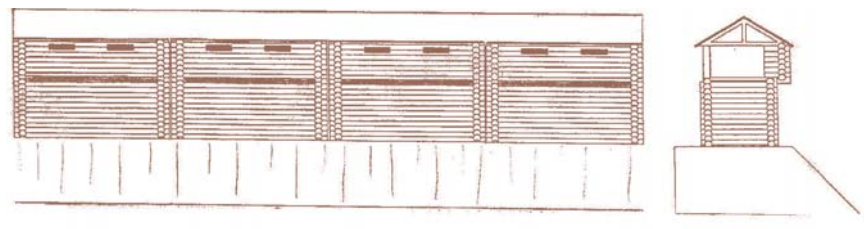
Оборонительный ров. XIII в.

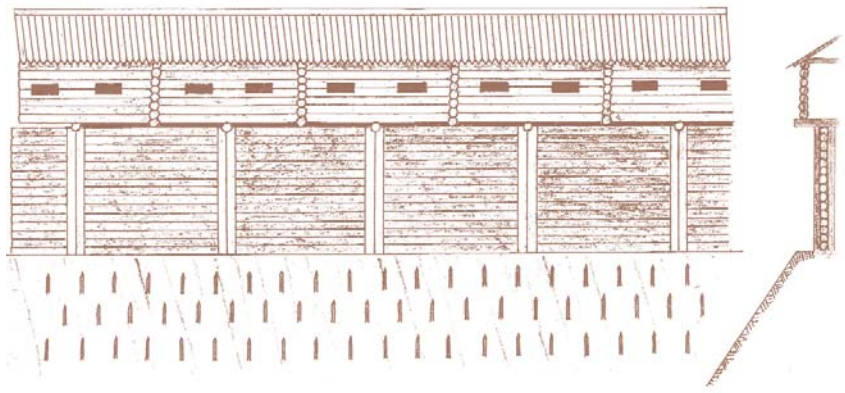
История защитных сооружений города Болгара достаточно ясно показывает, что военное зодчество волжских болгар, если и испытывало определенное влияние со стороны, возникло и развивалось в целом на местной основе и было достаточно самобытным. Нельзя не согласиться с мнением О.С. Хованской, что «если с багдадским посольством в 922 г. и прибыли мастера-строители, то в сооружении крепости в Болгарском царстве они не принимали никакого участия, так как на Востоке оборонительные комплексы возводились из камня, кирпича». Оборонительные сооружения волжских болгар по материалу, из которого они строились, за единичными исключениями, относились к деревоземляным, как большинство средневековых крепостей северной половины Восточной Европы. Сходство русских и болгарских крепостных сооружений объясняется прежде всего именно широким применением в строительном деле дерева.



*Восточные проездные ворота Болгара XIV в.
Реконструкция
А.М.Губайдуллина*

*Городни XII–XIV вв.
Реконструкция
А.М.Губайдуллина*





*Деревянные стены
Болгара XIV в.
Реконструкция
А.М.Губайдуллина*

В.С. Баранов

Благоустройство и его роль в городской культуре



Реконструкция города Болгара. Худ. Р.М.Вагапов

Как явление, меняющее облик среды обитания человека и влияющее на сущность человеческих отношений в рамках населенного пункта, благоустройство сказалось на становлении и развитии культуры Болгара. Сфера этого влияния затрагивает самые разные проблемы, касающиеся планировки и застройки, теории и практики возведения гидротехнических и общегородских объектов, бытовой культуры и образа жизни населения, санитарии и медицины, управления городским хозяйством, метрологии, стимуляции ремесленной деятельности, внешних связей и многого другого. Благоустройство города отражает способность населения и власти организовать свою жизнь в соответствии с принятыми нормами и установками.

Благоустройство Болгара, сложившееся на фоне связей населения Волжской Болгарии в средневековом мире, определялось необходимостью решать задачи, связанные с природно-ландшафтными условиями города, а также вытекающие из природы городской жизни, среди характерных особенностей которой следует отметить скученность населения, концентрацию производства и управления, сложную картину социальных, профессиональных, этнических и конфессиональных связей. Характер действий, проводимых в целях благоустройства города, их качество в немалой степени были связаны со значением Болгара как одного из главных центров болгарской государственности, а затем — крупнейшего центра Золотой Орды в Среднем Поволжье.

Проблемы водоснабжения, регулирования стока, утилизации отходов и санитарии, планировки и упорядочивания пространства города становятся обычной практикой городской жизни.

Попытки решить эти проблемы мы видим уже в материалах раннего Болгара. Об этом свидетельствует регулярность застройки домонгольского города и ряд объектов благоустройства этого времени, например, мощная ограда и колодец в центральной части города, следы улицы южнее Соборной мечети, укрепление береговой полосы Британкина озера, строительство плотин в устье Малого Иерусалимского оврага и по течению р. Меленки. Эти объекты, различные по своему назначению и конструкции, указывают на уже наметившуюся тенденцию формирования, организации и упорядочивания городского пространства путем его инженерного освоения и способы приспособления его к нуждам жителей.

Монгольское нашествие стало гибельным для города. Восстановление городской жизни после разгрома и активный рост территории города дали новый импульс для развития благоустройства во второй половине XIII — первой половине XIV в. В этот период происходит освоение районов подгорья и заречья, юго-восточной части городища и расширение застройки в западном и юго-западном направлении. Огромное значение для создания облика города сыграло возведение Соборной мечети и формирование рядом с ней городского центра, интенсивное каменное строительство, в частности сооружение бань и других зданий. Строительство в конце XIII — начале XIV в. дренажно-ряжевой системы создало возможности для планомерной застройки в основании склона террасы в центральной части Болгара.

В первых десятилетиях — середине XIV в. происходят изменения в планировке городского центра: окончательно оформляется центральный рынок, проводятся новые улицы в юго-восточной части центра. Строится основная часть известных бань подгорья и связанных с ними объектов, строится баня, известная как Белая палата. По-видимому, в это время начинают планомерно вывозить мусор к городским окраинам и утилизировать его в специальных ямах и котлованах пришедших в негодность сооружений. Этот период следует считать временем наибольшего распространения объектов благоустройства в Болгаре. Развитие ремесла и администрирования, привлечение труда местных и иноземных мастеров позволили достичь высокой степени инженерной подготовки городской территории, особенно в общественных и социально-значимых районах, таких как городской центр, места расположения общественных бань и домов городской знати. Значительную роль в этом играла, очевидно, сильная административная власть. Не последнее место в становлении благоустройства и его расцвете в золотоордынское время сыграло наличие традиций городского хозяйства предшествующей эпохи.

События 1361 г. и времена «великой замятии» значительно подорвали ведение городского хозяйства в Болгаре. Были разрушены и уже не восстанавливались многие объекты, среди которых большинство бань подгорья. В этот период население



Общий вид раскопа после завершения исследований

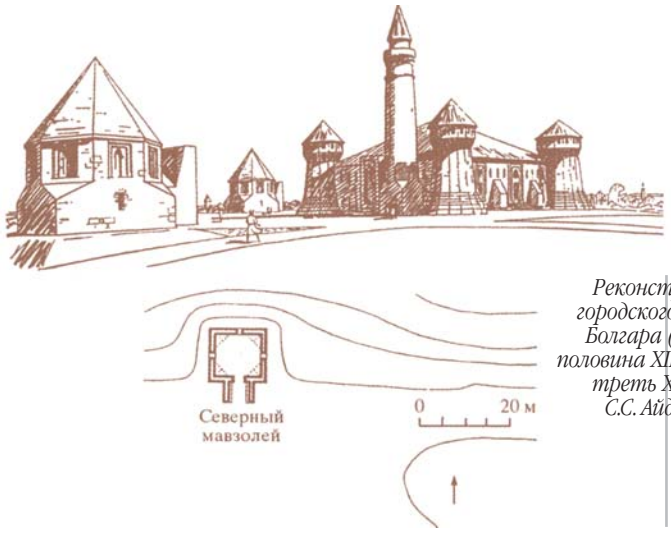
покидает некоторые городские районы. Вместе с разрушением бань приходят в негодность и связанные с ними сооружения. Площади покрываются мусором и застраиваются второстепенными постройками, нарушающими планировочный рисунок, перестают функционировать трубопроводы, засыпаются колодцы, многие сооружения получают вторичное использование. Строительство новых объектов благоустройства не ведется, проводится только некоторый объем ремонтных работ на постройках, сохранившихся с прежнего времени. Культурные отложения второй половины XIV — начала XV в. на целом ряде участков городища свидетельствуют о нерегулируемом мусорном сбросе. В этих слоях нередки находки захоронений, совершенных под завалами стен и в случайных ямах. Вместе с тем в южной части городища наблюдается значительное увеличение площади могильников, расширяется строительство мемориальных комплексов. Прилегающее к ним пространство иногда отделялось от окружающей территории частоколами. Могильники наступают на ремесленные и жилые комплексы, чаще всего уже прекратившие существование и используемые для сброса производственного и бытового мусора.

Болгар конца XIV — начала XV в. переживает упадок городского хозяйства, вызванный общим экономическим упадком города и Золотой Орды. Одной из характерных черт этого кризиса стало увеличение числа военных конфликтов, усиление давления на Болгар и Болгарский улус со стороны ушкуйных ратей и русских князей, что в значительной мере подрывало экономический потенциал города. В этой обстановке усилия и средства городской власти уже не могли быть направлены на нужды благоустройства, задачи которого отходят на второй план по сравнению с проблемами выживания города как такового.

Разгром города в 1431 г., во время которого были разрушены последние объекты благоустройства — бани Красная и Белая палаты — означал коллапс городской жизни и превращение Болгара в эпоху Казанского ханства в небольшой поселок, занимающий территорию бывшего городского центра. Явление благоустройства с прекращением существования Болгара как города деградирует или принимает более архаичные формы, типичные, скорее, для поселений сельского типа.

Городское благоустройство как часть культуры находится в жесткой взаимосвязи и взаимозависимости с экономикой, внешними отношениями, управлением города. Как область градостроительства оно затрагивает формирование и развитие городской структуры — центра и периферии, коммуникаций. Городское пространство — переулки, улицы и площади — рассматриваются как места сосредоточения городской жизни и характеризуют инженерную подготовленность территории города. На современном уровне изученности Болгарского городища вопросы планировки нельзя считать достаточно исследованными. Однако и сейчас мы можем говорить о ее сложности, вызванной как разнообразием городского ландшафта, так и многоэтапностью развития города. Уже на ранних этапах городской жизни проявляются тенденции к внутригородскому межеванию и установлению системы коммуникаций, выделяется городской центр и районы периферии, способствовавшие складыванию определенных традиций городского строительства и местного своеобразия городской структуры.

Среди основных планировочных схем развития Болгарское городище демонстрирует радиально-кольцевую планировку. Выявленные здесь укрепления начала домонгольского периода отсекали участок мыса между руслом Большого Иерусалимского оврага и р. Меленкой, протекавшей в древности у основания склона коренной волжской террасы. Коммуникации раннего города шли перпендикулярно линии городских валов и параллельно направлению дороги к торговой пристани Ага-Базар. Таким образом, первоначальный центр формирующегося города складывается к востоку от построенной позднее Соборной мечети. Здесь были выявлены следы мощной ограды, прослеженной за время изучения на протяжении 42 м, и остатки мощной деревянной постройки, относящейся к начальным этапам существования Болгара.



Реконструкция городского центра Болгара (вторая половина XIII — первая треть XV в.), по С.С. Айдарову

Разрастание городской территории в XII–XIII вв. подготавливает создание нового центра, оформившегося в конце XIII — первой половине XIV в. вокруг здания Соборной мечети с Большим минаретом, ставшим архитектурной доминантой города. К 30-м годам XIV в. это уже прекрасно оформленный в инженерном отношении участок города, выполняющий самые различные функции городской жизни. Здесь концентрируется религиозная, общественная жизнь горожан. Рядом, в построенных в первой половине XIV в. торговых рядах, развивается деловая и ремесленно-торговая деятельность. Рядом со зданиями городских общественных бань, отличающихся высоким уровнем инженерной подготовленности и внешнего оформления, складываются локальные центры. Будучи местами сосредоточения городской жизни, они, наря-



Землянка XIV в. со следами от опорных столбов. Болгар. 2011 г.

ду с культовыми сооружениями, становятся своеобразными узловыми пунктами города, формирующими его облик и влияющими на застройку. Кроме зданий монументального характера, на складывание городского пространства повлияли расположенные на его территории водоемы, группируя рядом с собой, как и в некоторых городах Средней Азии, городскую застройку. Облик Болгара создавали и разнообразные типы оград. Они выделяли имущественные, территориальные, хозяйственные, административные или культовые комплексы, определяя их социальную значимость, личную или общественную необходимость.

С переносом центра города в район Соборной мечети, переориентацией связей в сторону центральной площади, а также усложнением застройки, распространившейся на районы подгорья, заречья, в юго-восточную часть городища, усложняется и планировка города. Можно предположить, что, сохраняя радиальный принцип в центре, планировка периферии приобретала черты линейно-поперечной структуры, в нижней части города ориентированной вдоль подножия коренной террасы, а в юго-восточной — по сторонам света, как изученные там жилища. Таким образом, юго-восточный поселок с доминирующей застройкой золотоордынского типа, отделенный от центра города Большим Иерусалимским оврагом, был спланирован и развивался независимо. Для западной части Болгара, застроенной в позднезолотоордынское время отдельными комплексами построек, была характерна свободная планировка. Плотность застройки в этом районе была гораздо меньшей, чем в центре или в восточной части Болгара. Весьма возможно тяготение строений к сезонным водоемам и дороге, ведущей в сторону Ага-Базара, которая, проходя через западную часть города, сама должна была приобретать облик улицы.

В связи с тем, что разнообразные способы городской застройки предполагали различные типы внутренних коммуникаций, направление улиц Болгара представляется достаточно вариативным. Плотная застройка центра делала необходимым наличие множества небольших переулков, обеспечивающих выход на более широкие магистральные улицы. Менее застроенная периферия могла предполагать наличие как небольших улиц, так и относительно свободных площадок — пустырей, отмечающих пространство между отдельными жилыми, ремесленными или культовыми комплексами. Однако и здесь должны были сохраняться устойчивые направления дорог, ведущих к проездам в оборонительной системе города.

Таким образом, наряду с элементами сельского домостроительства, характерными для средневековых городов Восточной Европы, в облике Болгара появляются черты, составляющие исключительно городское своеобразие. В период его расцвета объекты благоустройства в значительной степени формируют облик города. Комплексы общественных бань, развитая система коммуникаций, мощеные площади, организующие пространство рядом с монументальными постройками, водоемы и фонтаны свидетельствуют об элементах урбанизации в городской культуре Восточной Европы.

Тесная связь благоустройства города с вопросами его планировки, социально-топографической структуры и характером застройки проявляется в организации улиц и площадей. Их совокупность, сложившаяся в условиях определенного природно-географического ландшафта, должна была обеспечивать органичное единство внутригородских связей и функционирование общественно значимых узлов городской жизни.

Площади

Первая информация о площадях Болгара, как объектах, формирующих облик города, была получена в 1938 г. во время работ на склоне верхней волжской террасы, в районе центральной части городища. Здесь были вскрыты два горизонта мостовой. Нижняя мостовая обнаружена в слое, относящемся к этапу интенсивного заселения подгорной части города. Синхронны этим объектам уличный водоем, отделанный профилированным камнем, и система водопровода из керамических труб, уложенных под вымосткой площади.

Весь комплекс датируется началом XIV в., и относится ко времени хана Узбека. Можно предположить, что каменная вымостка и водоем были связаны с оформлением площади перед фасадом большого здания, фундамент которого выявлен с западной стороны от мостовой.

Верхняя мостовая открыта в юго-восточной части раскопа. Она расположена выше, чем более ранняя, и состоит из хорошо подогнанных квадратных и прямоугольных плит различного размера. На этом уровне к востоку от раскопа в 1939 г. были вскрыты остатки бани, известной как «Красная палата». Под мостовой изучена водопроводная линия, относящаяся ко времени бытования площади — началу второй половины XIV в. Выявленная вымостка и баня перекрываются слоем погребенной почвы времени запустения города в XV в.

В 1951 г. в заречье были раскрыты остатки площади, прилегавшей к бане, исследованной в 1950 году. Покрытие площади сохранилось фрагментарно, в виде массивных известняковых плит. Устройство площади потребовало нивелировки путем срезания части культурного слоя, засыпки неровностей и ям кирпичным щебнем, выравнивания поверхности с помощью специальной подушки, состоящей из глины и извести. В центре площади был установлен фонтан, к которому подведена ветка водопровода, устроенная в кирпичном желобе. С ремонтными работами в бане связано оборудование площади новой линией труб и монтажом вместо фонтана водоразборного сооружения. Излишек воды стекал по неглубокой канаве. Рядом с фонтаном на участках мостовой обнаружено более 150 монет, большей частью медных, относящихся ко второй и третьей четвертям XIV в. Строительство бани и сопутствующей ей площади, по-



Замки и ключи. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ







Болгар. Раскоп CLXXXII. Подпол постройки и полуземлянка XIII–XIV вв.

следующее их бытование относятся к XIV в. Запустение территории произошло после 1361 г.

В 1951 и 1954 гг. у подошвы верхней террасы исследована баня начала XIV в. С западной стороны здания, перед входом, была спланирована площадь, которая дважды перекрывалась каменной вымосткой. Настил ранней площади был составлен из плит белого камня и отчасти песчаника, разной формы и размеров, уложенных на слой песка и суглинка и подогнанных краями одна к другой. В южной части находился фонтан с подводящими трубами и водостоком, расположенными под плитами площади. Водосток фонтана соединялся с канализационным желобом бани.

Проведение ремонтных работ по устранению провала, образовавшегося на месте поворота желоба на север, потребовало нового покрытия мостовой. Верхняя мостовая была устроена после нивелировки и укладки в необходимых местах слоя из песка и суглинка.

Остатки этой вымостки выявлены в виде массивных плит известняка. На новой площади также продолжал функционировать фонтан, значительной перестройке подверглась канализационная система. Баня, обслуживавшая социальную верхушку посада — купечество, богатых ремесленников, прекратила существование в 60-х годах XIV в. По-видимому, ко второй половине XIV в. следует относить и постепенное запустение площади: замусоривание ее обломками водопроводных труб, строительными и культурными остатками, и застройку объектами конца XIV — начала XV в.

Исследования 1957 г., проведенные в западной части городища, у обрыва берега Волги, на территории бывшей усадьбы крестьянина И. Маслова, выявили остатки еще одной каменной вымостки, которая относится к раннему золотоордынскому слою. Назначение вымостки не удалось определить из-за ее фрагментарности.

Одним из результатов изучения в 1964–1965 гг. Соборной мечети и прилегающей к ней территории стало выявление большой площади, примыкавшей к зданию с западной, северной, восточной и частично с южной сторон. Сооружение площади, окончательно оформившей архитектурный облик центра города, произошло, согласно нумизматическому материалу и стратиграфическим данным, не ранее конца 30-х годов XIV в. Под мостовой оказался находившийся с восточной стороны от Соборной мечети мусульманский могильник.

Вымостка в отдельных местах отмечается как прослойка мелкого известкового бута и крошки, на одном из участков она состоит из камней.

Итак, площадь прослеженная раскопками 1964–1965 гг., занимала с восточной стороны пространство до Восточного мавзолея, с северной — до мавзолея Монастырский погреб, исключая свободный участок перед входом в мечеть, где, по-видимому, находилась лестница. Существование площади на протяжении всего последующего периода и до раз-рушения города подтверждается отсутствием сооружений в верхнем горизонте IV слоя.

Остатки вымостки в виде плотного слоя мелкодробленого туфа в строительном растворе с примесью угольной крошки были найдены в юго-восточной части Болгарского городища во время работ 1981 г. Вымостка площадью около 240 кв.м. залегает в верхнем горизонте IV слоя.

Н.Д.Аксенова относит сооружение площади к середине XIV в., когда район был заселен состоятельными жителями города. Вымостку пересекают два мусульманских захоронения, отмечающие прекращение использования площади, что произошло после событий 1361 или 1431 г.

Улицы

Информация об улицах разной степени значения и направленности, как линий коммуникаций, обеспечивающих внутригородские связи между отдельными районами Болгара, получена в наиболее хорошо исследованной центральной части города, в первую очередь, путем наблюдений за ориентировкой вскрытых жилищ, единообразие которой позволяет предположить наличие уличных магистралей. В ряде случаев удалось проследить остатки деревянных мостовых.

Улицы в направлении северо-восток-юго-запад были намечены на склоне третьей террасы. Жилые постройки здесь частично вкопаны в склон террасы, а их ориентировка совпадала с ориентировкой домов на верхнем плато. Прослежены два горизонта, относящиеся к золотоордынскому слою.

В 1951 г. при изучении дренажно-ряжевой системы на склоне террасы был затронут горизонт мостовой, состоящий из деревянных досок или плах шириной 20–40 см. Вымостка относится к нижнему горизонту IV слоя и предшествует постройке дома № 1 и колодца № 2, выброс из которого лежит на настиле мостовой. Горизонт IV слоя датируется второй половиной XIII — началом XIV в.

Изучение Соборной мечети, в частности участка, прилегавшего к ней с юго-восточной стороны, показало наличие здесь нескольких ярусов уличного покрытия в виде остатков деревянных плах и ориентированных перпендикулярно последним лаг. Плахи до 2,2 м лежали в направлении север-юг. Строительство деревянных мостовых относится ко времени позднее строительства мечети, так как остатки дерева упираются в кладку верхней части фундамента. Улица с деревянной мостовой, проложенная южнее мечети, трижды обновлялась в течение первой половины XIV в. Она отодвигала застройку от южного фасада Соборной мечети и на вскрытом участке имела ориентировку запад-восток. Возможно, она была проложена на месте более ранней мостовой домонгольского времени. Предполагаемая улица, очевидно, могла следовать в сторону городской цитадели.

По мнению Н.Д.Аксеновой, устойчивая планировка улиц складывается в юго-восточной части городища. где с рубежа XIII–XIV вв. и до середины XIV в. функционировал район заселенный знатью, для которой строились в основном наземные до-





Детали дверных проемов. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

ма, ориентированные по странам света, а новые жилища строились на месте старых. Можно предположить направление улиц с запада на восток.
В 1971 г. Т.А. Хлебниковой проводились исследования в восточной части ул. Назаровых, на территории современного села. При изучении позднего горизонта золотоордынского слоя обратило на себя внимание малое число сооружений, бытовых вещей и значительное количество монетного материала. Все сооружения группируются в восточном-северо-восточном конце раскопа. На основании этого было сделано предположение о наличии здесь улицы. Повторное рассмотрение материалов раскопа автором этого очерка показало, что прохождение улицы следует связывать с юго-западным участком раскопа. Ее направление — запад-юго-запад-восток-северо-восток. В этой части сосредоточены монеты начала XIV — первой четверти XV в. В позднезолотоордынский период горизонт нижележащего слоя здесь почти не перерабатывался, а новые сооружения отсутствовали. С этим связано малое число находок бытовых предметов. Таким образом, не ранее первых десятилетий XIV в. здесь происходит перепланировка. Отодвигается застройка на целом ряде участков, и на этом месте прокладывается улица, очевидно направленная в сторону Соборной мечети.



Фрагмент каменной мостовой XIV в. Раскоп 3 (по А.П. Смирнову).

Изгороди

Среди сооружений города известны разнообразные варианты деревянных оград. Следы изгородей выявлены и изучены в заречье, в центре городища, в западной его части, в районе Малого минарета, а также в Школьном переулке села Болгары и у восточной ограды старого сельского кладбища.
Объекты зафиксированы в слоях как домонгольского, так и золотоордынского времени. Ограждение частоколом использовано для выделения ремесленных усадеб XIII — начала XIV в. на восточной окраине заречья. Изгородью ограничивалась территория вокруг некоторых монументальных каменных зданий светского и культового назначения, что показали исследования юго-восточнее и юго-западнее Малого минарета. С раннезолотоордынским могильником, расположенным у юго-западной границы домонгольского города, хронологически увязывается ограда-частокол, прослеженная с юго-восточной стороны памятника. В Школьном переулке села Болгары на площади 20 кв. м было выявлено сразу пять оград, восходящих к слоям золотоордынского времени. Это, очевидно, связано с неоднократным переносом ограды. Конструктивно все пять оград представляют собой частоколы различной степени мощности, характерные уже с домонгольского времени. Могли применяться и более легкие варианты оград.
Деревянные изгороди, выполняя разнообразные задачи внутригородского межевания, в значительной степени, вместе с площадями и улицами города, формировали пространственный облик средневекового Болгара.

Объекты водоснабжения, дренажа и противоэрозийной защиты

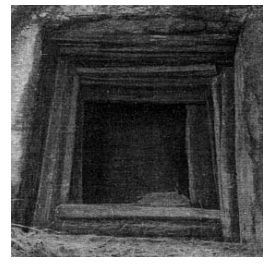
Одна из наиболее важных функций городского благоустройства — обеспечение жителей питьевой водой, водой для различных хозяйственных и производственных целей, а также водоснабжение крупных общественных зданий, в частности городских бань. Выполнение этой функции осуществлялось путем строительства соответствующих объектов: колодцев, водоемов-накопителей, сетей трубопроводов. К объектам водоснабжения следует отнести расположенные на территории городища природные водоемы, а также городские фонтаны, имеющие к тому же и декоративное значение. Гидротехническое строительство отвечало не только целям водоснабжения. Территория города требовала ежегодных дренажных мероприятий и противоэрозийных действий.

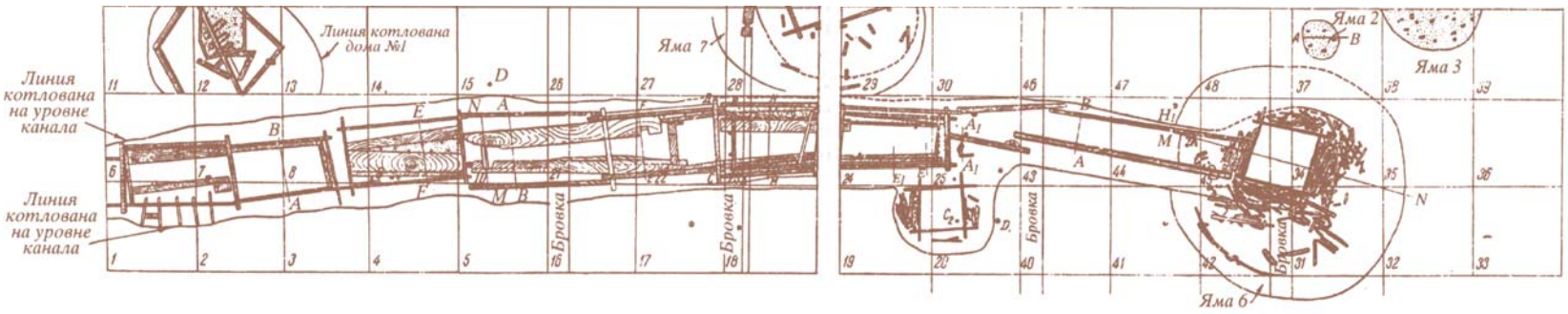
Колодцы

Основная часть этих объектов исследована в подгорной и заречной части. Сооружение колодцев на верхней площадке городища было в большой степени затруднено глубоким, до 30–40 м, залеганием от поверхности водоносных слоев. Однако нельзя отрицать возможность существования колодцев, опирающихся на промежуточные водоупоры, где может скапливаться влага от осадков и талых вод, а также родников. В подгорной и заречной части колодцы являлись основным источником водоснабжения жителей и одним из источников водоснабжения бань.
В 1938 г. во время работ на склоне был изучен колодец глубиной около 2 м. Нижняя его часть выложена дубовыми досками, скрепленными впритык. Колодец существовал до начала XIV в., когда был засыпан, и над ним проложен водопровод.
При исследовании «Красной палаты» был выявлен колодец, находившийся у стен здания. Стены выложены из дубовых досок. Значительная часть пола была дощатой. Верхняя, несохранившаяся часть колодца была облицована бревнами рубленными в обло. А.П. Смирнов относит его до времени постройки бани в середине XIV в. Ко времени строительства колодец был засыпан, так как, по его мнению, вряд ли строители стали бы возводить стены цистерны бани без достаточного фундамента рядом с ямой, поскольку это грозило оползнем и деформацией стен. О.С.Хованская, напротив, связывает колодец со временем существования бани, ссылаясь на то, что устройство колодцев у самой стены здания известно и в болгарском строительстве, и в банях Кавказа и Крыма.
В 1950 г. колодцы были изучены на склоне в центральной части городища и к востоку от нее, а также в районе заречной слободы.
На раскопе 20 дневной уровень колодезной ямы расположен в основании IV слоя. Стены колодца изготовлены из тесаных досок длиной 210 см, соединенных в обло, образуют коробку 106 х 106 см. Бытование колодца, по стратиграфическим данным, следует связывать с самым началом формирования золотоордынского слоя.
Раскопом 21 изучен колодец, расположенный в 6 м к юго-юго-востоку от линии ряжей. Подквадратная колодезная шахта впущена в котлован округлых очертаний. Стенки изготовлены из деревянных досок, соединенных в обло. Глубина колодца 2,5 м, дно песчаное. Вдоль западной стенки сруба располагались три столбовые ямы, которые могли быть остатками следов подъемного устройства. Строительство колодца относится к началу формирования IV слоя в этом районе городища и может быть связано со второй половиной — концом XIII в.
Водоснабжение восточной части подгорья и бани, вскрытой здесь, осуществлялось с помощью двух



Угол колодца № 3, колодец № 1





План дренажной системы (по А.М. Ефимовой): 1 — бревна; 2 — доски; 3 — уголь; 4 — следы сгнившей древесины; 5 — глина; 6 — вертикальные столбы; 7 — зола; 8 — гумусовые пятна; 9 — песок

колодцев. Первый из них обнаружен в западной части раскопа. О.С.Хованская датирует колодец болгарским временем. По всей видимости, объект следует относить к рубежу XIII — первой половине XIV в. Он был использован во время работы расположенной рядом бани.

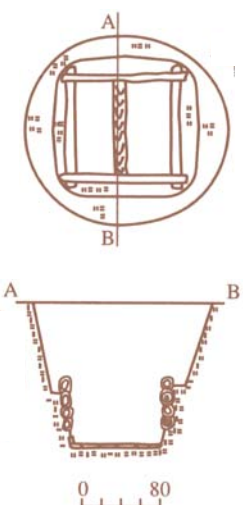
В двух метрах от восточной стены бани был найден еще один колодец. Колодезный сруб рублен в обло из дубовых бревен, затесанных с внутренней стороны. Глубина колодца от верхнего венца 2,38 м. Отмечены следы накатника, прикрывавшего сверху колодезный сруб и предохранявшего воду от попадания пыли и дождевой влаги. От него сохранились два бревна со стесанной поверхностью, лежащие горизонтально около южной стенки. Вероятно, колодец был построен и использовался для снабжения водой бани XIV в.

В 1950–1951 гг. на западной окраине заречного поселка, был исследован колодец рядом с баней начала XIV в. Он представлял собой в плане неправильный четырехугольник. Колодец связан с IV слоем, состоял из трех срубов, последовательно впущенных один в другой. Глубина его от поверхности 4,65 м. Колодец перерезал подполье золотоордынского дома, от которого сохранились остатки фундамента, лежащего непосредственно на материковой глине. Разрушение колодца связано со временем взятия города Булак-Тимуром.

В 1951 г., когда было продолжено исследование западной части правобережья реки Меленки, в этом районе были найдены и изучены еще два колодца, обслуживавшие городскую баню.

Сруб первого (колодец № 1) был обнаружен на глубине 2,9 м от поверхности, в яме под завалом строительного мусора и крупных известковых блоков. Колодец состоял из основного сруба, двух дополнительных, впущенных в основной, и отстойника. Глубина колодца от поверхности 6,26 м. Стратиграфически колодец восходит к IV слою. В завале под колодезным срубом найдена монета 1333 г. чекана Болгара, датирующая засыпку колодца не ранее этой даты и не позднее разрушения района заречья Булак-Тимуром в 1361 г.

Под слоем чернозема, отнесенного автором раскопа к концу XIV в. и завалом, состоящим из крупных кусков белого камня, алебастра, обломков кирпича, открыт еще один колодец (№ 2), обслуживавший баню. Его глубина от поверхности 5,07 м. Он состоял из двух впущенных один в другой двух срубов и отстойника. Оба сруба сделаны из плах, обработанных теслом и скрепленных между собой в лапу. Третий сруб являлся отстойником. Он был сделан из широких досок, скрепленных встык. Колодец имел водоподъемное устройство, о чем свидетельствуют крупные куски дерева с вырубленными пазами. Картина дополняется находкой в колодце скелета подростка с признаками насильственной смерти. Разрушение колодца датируется временем взятия города ханом Булак-Тимуром.



Колодец 1 из раскопа 22. ГИМ, д. 244.

В 1951 г. продолжалось изучение склона террасы в центральной части городища, и, в частности, участка расположения дренажно-ряжевой системы. В том же году здесь были вскрыты три колодца, относящиеся к разным горизонтам IV слоя.

К нижнему горизонту слоя относится колодец № 3. Колодезный сруб состоял из пяти венцов досок, связанных в обло. Существование колодца следует отнести к началу формирования IV р. слоя. Колодец № 2 относился к более позднему периоду. Колодезный сруб размером 90х70 см состоял из плах, соединенных в обло, образующих четырехугольник. Сруб в четыре-пять сохранившихся венцов, кроме первых из них, впущен в материк. Котлован колодца перерезал деревянный настил мостовой, о чем свидетельствует выкид из котлована, прослеженный пятнами глины на ее поверхности. По мнению А.М.Ефимовой, колодец № 2 следует связать с функционированием дома № 1, изученного рядом. Оба сооружения хронологически вписываются в период конца XIII — начала XIV в.

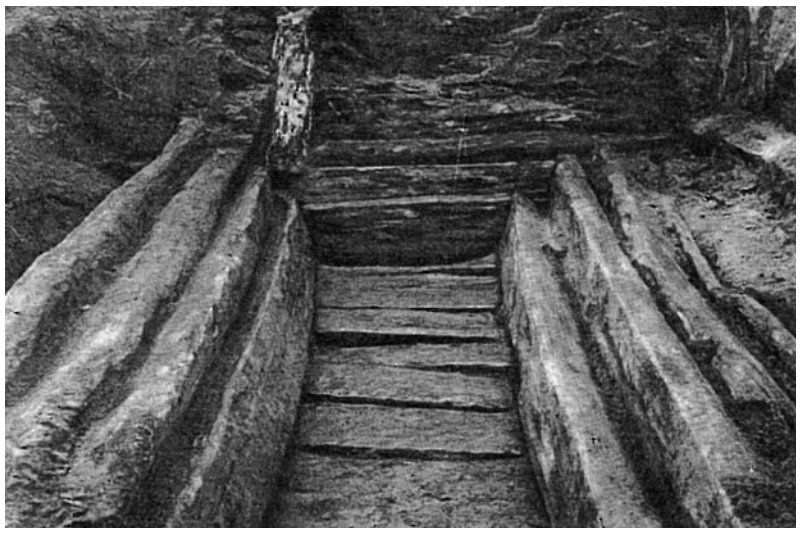
Колодец № 1 относится к верхнему горизонту IV слоя. Его сруб, ориентированный по странам света, имеет прямоугольную форму. Он изготовлен из бревен и досок. Бревна соединены в обло. Дно колодца расположено в материковой глине. Глубина объекта 3,4 м от уровня выявления.

В западной части подгорья колодец был исследован при изучении бани начала XIV в. и прилегающих объектов. Среди них — городская площадь, линии трубопроводов и канализации, фонтан и другие сооружения. Котлован колодца находился в 5 м северо-восточнее угла здания. Он представлял собой яму округлых очертаний. Венцы сруба — из обугленных бревен. Сооружение колодца относится ко времени постройки бани. Первое время он снабжал баню водой. Позднее колодец был использован для сброса сажи после очистки дымоходов бани.

Изучение колодцев в 1950–1954 гг. показало их широкое применение жителями Болгара в северной части города и городского посада. Во второй половине XIII — первой половине XIV в. за счет колодцев производилось водоснабжение населения, а в ряде случаев обеспечивались и потребности бань подгорной части и заречья.

Природные водоемы и искусственные бассейны

В обеспечении водой населения, проживавшего на верхней площадке города, природные водоемы играли, несомненно, важную роль. Водоемы подобного рода располагались и в подгорной части. Они основывались на русле реки Меленки и имели наполняемость, зависимую от сезонных стоков. А.П. Смирновым отмечается, что Меленка была заболочена и имела, по-видимому, плохую воду. Од-



Западная часть ряжей. Болгар

нако это не исключает использования ее для хозяйственных нужд.

В 1945 г. Н.Ф. Калининым были проведены осмотр и описание Британкина озера. В 1948 г. отрядом О.С. Хованской проведены разведки у Галланского озера на западной окраине Болгара. Здесь впоследствии был изучен район, связанный с керамическим, меднолитейным, кузнечным производством XIV в.

Весной 1996 г. сотрудниками Болгарского заповедника был проведен осмотр более 30 сезонных водоемов. Среди них известные ранее Британкино, Черноморье и Галланское озера. Крупные водоемы образуются в юго-восточной, южной и западной частях городища. В некоторых из них вода держится до конца мая — начала июня. Концентрация рядом с ними археологических объектов, позволяет говорить об использовании их ресурсов в период существования города.

Кроме водных бассейнов природного происхождения, на территории Болгара изучен ряд искусственных водоемов.

В 1938 г. на склоне в центральной части городища был исследован уличный водоем. Судя по сохранившейся части, он был прямоугольной или квадратной формы. Край бассейна выложен профилированными известняковыми камнями, по верхнему краю сохранились отверстия для парапета. Вода подводилась с северо-западной стороны двумя трубопроводами. Излишки ее стекали по неглубокой канаве в юго-восточном направлении.

По-видимому, бассейн входил в единый архитектурный ансамбль небольшой площади, перед фасадом монументальной постройки XIV в., и имел декоративное и эстетическое значение. Кроме того, его вода могла использоваться для питья.

Подобные бассейны, снабжаемые фонтанами, могли устанавливаться на площадях перед банями и украшать комплексы домов болгарской знати.

Примером хозяйственного водоема служит объект, исследованный в 1988–1989 гг. М.Д.Полубояриновой. Он представлял собой овальную яму к северо-востоку от бани, известной под названием «Восточная баня». Строительство и использование этого здания относятся ко второй половине XIII — первой половине XIV в. Размеры котлована водоема 7,4 х 6,4 м. Глубина сооружения 1,7 м. Его дневной уровень лежит в раннеордынском слое почти на границе с домонгольским, что позволяет отнести его к середине — второй половине XIII в. Правомерно связывать использование этого водоема с каменной общественной баней, находящейся рядом и бытовавшей примерно в то же время.



Общий вид дренажного канала. Болгар

Трубопроводы

Исследования городища на гребне и склоне верхней террасы, в подгорной части и в заречье выявили линии коммуникаций водоснабжения, представляющие собой трубопроводы из соединенных керамических секций цилиндрической, бочонковидной или усеченно-конической формы.

Одна из таких линий была найдена крестьянами села Болгары на берегу р. Меленки в 1936 г. В 1938 г. здесь исследованы две линии водопровода более 30 м длиной, подводившие воду к искусственному водоему, очевидно, со стороны озер на верхнем плато городища. Водопровод относится ко времени интенсивного заселения подгорной части города. Трубы диаметром 10–13 см и длиной 25–40 см. уложены в котловане на глубине 50–60 см и менее. Под трубами открыто ложе из обломков кирпичей и известковых плит, соединенных между собой алебастровым раствором. С боков и сверху трубы обкладывались обломками кирпича. Алебастрово-известковая обмазка также связывала между собой отдельные трубы и фиксировала их положение относительно ложа. Трубы лежат не по прямой линии, а образуют зигзаги, очевидно, таким образом регулировалась скорость водопотока. На некоторых поворотах труб использовались соединительные известняковые муфты с двумя отверстиями. На высоте 30–40 см от уровня труб проходит вымостка, датированная не позднее середины XIV в.

Линии трубопровода. Раскоп 3 (по А.П. Смирнову)





Развал глиняной водопроводной трубы. Болгар. XIV в.

Использование керамических труб для водоснабжения цистерн бани «Красная палата» было изучено в 1939–1940 гг.

В 1951 г. в западной части заречья при исследовании площади перед баней первой половины XIV в. были выявлены две линии трубопровода, подводящего воду от цистерн бани к фонтану и к водоразборной колонке в центре площади. Они действовали в разное время. Верхний, более поздний трубопровод выявлен на протяжении 3,6 м и состоял из 11 керамических секций цилиндрической формы, сведенных несколько под конус. Трубы соединялись между собой алебастровым раствором.

Постройка нижнего трубопровода датируется временем строительства мостовой, с которой он органически связан. По-видимому, при перестройке бани он был заброшен: в дальнейшем поверх кирпичного желоба, под самыми плитами мостовой, был уложен новый.

Раскопками 1951 г. в районе общественной бани, обнаруженной в западной части подгорья, были изучены остатки водопроводных сетей, подводивших воду к самому зданию и к расположенному рядом на площади фонтану. Трубопровод, подводивший воду к бане, найден в непотревоженом слое XIV в.

К фонтану вода подавалась по трубопроводу, состоявшему из пяти секций диаметром 9–10 см. Трубы были скреплены на стыках алебастром, помещены в цементное ложе и залиты цементом. Трубопровод располагался под вымосткой площа-



Жилище-полуземлянка XIV в. со следами от опорных столбов

ди и лежал в слое песка и суглинка. После их разборки была открыта более ранняя площадь, под которой находился трубопровод из шести секций, уложенных в материковую супесь. По мнению исследователя бани О.С.Хованской, так как никаких признаков соединения трубопровода с цистерной не обнаружено, он был связан непосредственно с трубой, подающей воду с верхнего плато.

В 1991–1993 гг. западнее центра городища, в районе спуска к Волге с ул. Набережной с. Болгары, прослежен участок линии трубопровода длиной 45,1 м. Он пересекает с севера на юг площадку коренной террасы и направлен с верхнего плато городища вниз по склону, ориентировочно к вскрытой в 1951 г. бане № 2. Трубы уложены в траншею со ступенчатыми стенками. Линия составлена из керамических секций длиной 50–60 см. Соединение труб производилось без применения скрепляющего раствора, путем фиксации на втулке с упором в бортик широкой части последующей секции и т.д. После укладки трубы были забутованы плотным суглинком с супесчаными включениями, углем и древесным тленом. Траншея, очевидно, была перекрыта деревянным настилом. На основании анализа нумизматического материала и стратиграфических наблюдений постройку линии следует отнести к началу 40-х годов XIV в.

Сооружение трубопровода решало задачу регулированного отвода избытков влаги с верхней площадки городища и водоснабжения бани в западной части подгорья. Применение магистралей из керамических труб являлось необходимым элементом функционирующей в Болгаре системы водоснабжения. Их строительство и использование падают на период начала-середины XIV в. и связаны в первую очередь с обеспечением нужд общественных бань, водоемов, фонтанов и водоразборных сооружений.

Дренажные и противоэрозийные объекты

Задачи благоустройства города требовали отвода избытков воды в тех местах, где это было необходимо. В условиях развернувшегося во второй половине XIII в. городского строительства возникает необходимость создания специальных гидротехнических сооружений, способных остановить или замедлить эрозийные процессы, особенно при строительстве монументальных каменных зданий. Подобный объект изучен в 1950 г. в ранних напластованиях IV слоя и представляет собой берегозащитную стенку, сохранившуюся в виде пяти бревен, лежавших параллельно одно к другому по наклонному рельефу местности. С севера они упираются в забитые под углом 40° свайки диаметром 12–18 см. Стенка прослежена на протяжении 5 м и шла далее к востоку и западу за пределы раскопа. Ее сооружение предшествовало постройке более значительной системы объектов, предназначенных для решения этой проблемы. В первые десятилетия XIV в. в нижней части склона, у подножия городского центра, была построена комбинированная дренажно-ряжевая система. Она одновременно выполняла задачи водоотвода и укрепления берегового склона. Эти сооружения были выявлены и исследованы в 1950–1952 гг. А.М.Ефимовой.

Общая протяженность линии составила с востока на запад 53 м. Дренажная система состояла из трех составных частей: головных водосборных сооружений, водоотводного и дренирующего канала и поглощающего колодца. Ряжи были сооружены над каналом и поглощающим колодцем, перекрывали их и принимали на себя давление склона на территории расположения сооружений. Подземные воды собирались в бассейне, часть их разбиралась местными жителями, а остатки стекали в водоотводный канал. Поверхность водосборного бассейна была перекрыта деревянным настилом.

На перекрытии канала и поглощающего колодца, которое состояло из продольных пластин и бревен, лежал грунт засыпки сооруженных над ним ряжей. Ряжи имели протяженность 40 м и представляли собой массивную подпорную стенку, принимавшую на себя давление склона на участке расположения дренажных сооружений. Конструкция состояла из ряда срубов, сложенных из сосновых, березовых и дубовых бревен и стоявших на горизонтальном выступе стен котлована. По мнению А.М.Ефимовой, «постройка гидротехнических сооружений, связанных с благоустройством центрального городского района, выявляет сложение в Болгаре XIII–XIV вв. городского хозяйства, наличие элементов городского благоустройства свидетельствует о развитии городской культуры».

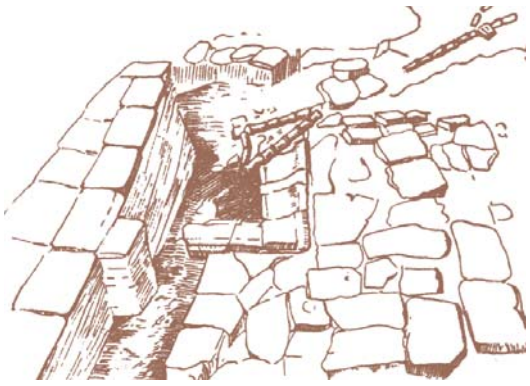


Глиняный светильник. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Дамбы

Своеобразным гидротехническим сооружением, предназначенным для сбора сезонной воды и ее запасов, является плотина в 1200 м к востоку от Ага-Базара. Она была изучена в 1952 г. в низовьях реки Меленки, в местности, которая у жителей носила название «Валок». Остатки плотины сохранились в виде невысокого оплывшего вала протяженностью 66 м, перпендикулярно пересекавшего долину реки. В сохранившейся части вал имел холмообразную поверхность с понижением в середине. Постройку сооружения исследователи относят к домонгольскому времени.

Подобный объект исследован в 1986 г. П.Н. Старостиным в районе устья восточного отрога Иерусалимского оврага. Дамба, построенная в предмонгольский период жизни города, регулировала сток сезонных вод, протекавших здесь, и препятствовала затоплению нижней части городской территории. Остатки сооружения наблюдались в виде валообразной насыпи из песка и пестроцветного грунта мощностью около 1 м, а шириной около 9 м. Есть основания предполагать, что в предмонгольское время овраг заполнялся водой.



Уличный водоем (по А.П. Смирнову). Болгар



Общий вид водопровода. Болгар

Объекты санитарно-гигиенического назначения

Распространение сооружений, решающих проблему отвода или захоронения отходов, несомненно, характеризует облик бытовой культуры городского населения. В Болгаре таких объектов открыто пока немного. Часть из них связана с комплексом общественных бань городища, где были выявлены канализационные стоки. Примитивное устройство подобного рода сооружений характерно для «Красной палаты». Отвод сточных вод здесь осуществлялся по открытому цементированному каналу, проложенному через помещение раздевалки. При исследовании бани № 2 подгорья была выявлена канализационная система, включавшая трубы, уложенные в каналах подпольного отопления. Из предбанника вода поступала в дубовый желоб, уложенный в канаве и зацементированный изнутри. Сверху желоб был перекрыт каменными плитами и субструкцией песка и суглинка, на которую укладывались плиты площади. Не исключено, что бани оборудовались также санитарными ямами типа среднеазиатских бадрабов.

В качестве мусорных ям жители Болгара использовали котлованы заброшенных сооружений, засыпая их отходами.

Выявлены ямы, использовавшиеся для сброса бракованной продукции и отходов ремесла. Они хорошо увязываются с деятельностью различных производственных комплексов Болгара. Во многих случаях прослеживаются ямы для кухонных отбросов, в которых преобладают кости домашних животных и рыба. Целый ряд сооружений, атрибутированных как сбросовые ямы, изучен в 1978 г. в западной части городища. В них во множестве встречены кости животных, керамика, кирпичный бой, шлаки. Сооружения датируются позднезолотоордынским временем.

Археологическое изучение объектов благоустройства Болгарского городища выявило их функциональное разнообразие и готовность к решению самых разнообразных задач городского хозяйства. Совокупность этих объектов свидетельствует о высокой степени инженерного обеспечения территории средневекового Болгара, особенно в период его рассвета в начале-первой половине XIV в.

Культура производства

Развитие ремесленного производства в городском пространстве требовало организованного размещения производственных комплексов, чтобы не нарушать безопасность и комфортность жизни горожан. В первую очередь это касалось ремесел, связанных с использованием огня (металлургия, кузнечное дело, производство керамики). Наиболее крупные из них устойчиво тяготели к городской окраине. Вокруг этих объектов в ряде случаев практиковалась санитарная зона. Складирование шлаков, брака и отходов деятельности мастерских производилось в специальные ямы, кроме того, эти материалы могли использоваться для мощения улиц и нивелировки поверхности (засыпки ям, оврагов и т.п.). Интересам организации ремесла и минимизации его влияния на городскую среду отвечало и сведение лавок-мастерских, где параллельно с производством происходила торговля, в крупные крытые рынки, подобные исследуемым в центральной части Болгарского городища.

Управление городским хозяйством

Судя по масштабам проводимых по благоустройству работ, которые затрагивали всю городскую территорию, касались общегородских объектов и имели общегородское значение, следует предположить наличие в Болгаре службы, занимающейся вопросами городского хозяйства, подобно службе мухтасиба в городах Средней Азии или «базардэ — турханы» в нижневолжских городах Золотой Орды.

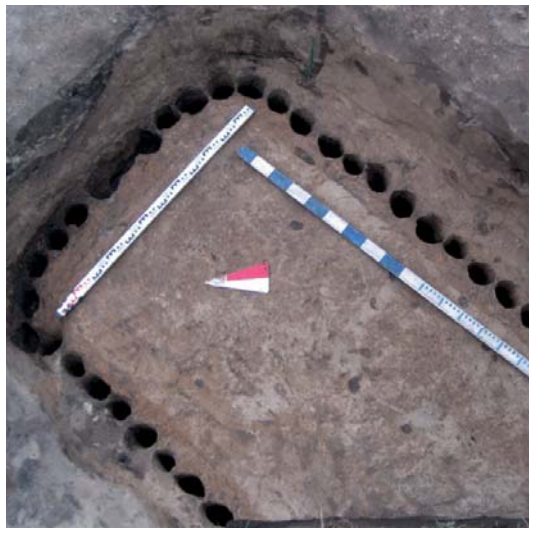
Важным условием для благоустройства города была способность городского управления концентрировать необходимые людские ресурсы. Это стало возможным в условиях сильной государственной власти, которая обеспечивала строительство и обслуживание объектов благоустройства материальными средствами и рабочей силой в лице захваченных в плен ремесленников, а в случае необходимости для решения различных хозяйственных задач могла переселять целые группы населения.

Стимулирование внешних связей

Масштабное каменное строительство, а затем и крупные работы по перепланировке и благоустройству Болгара требовали привлечения большого числа инженеров, мастеров и рабочих, владевших необходимыми навыками. Эта проблема решалась путем использования труда местных ремесленников и специалистов из других регионов, которые привнесли с собой не только привычные формы изделий и технологические приемы,



Жилище-землянка. Болгар. Раскоп 2010 г.



Болгар. Раскоп 2010 г. Погреб постройки XIII–XIV вв. с ямками по периметру от деревянных укреплений стенок

но и удобные для них метрические нормы и стандарты. Контакты, происходившие при этом, способствовали широкому внедрению культурных и технических новаций, расширению географии связей средневекового Болгара.

Прототип болгарских водопроводных сооружений исследователи находят в Средней Азии, в Крыму, на Кавказе, не без основания сравнивая их с применяемыми в среднеазиатских городах кубурными линиями и трубопроводными системами Армении и Грузии. Исследованные в Болгаре линии трубопроводов сопоставимы с кавказскими по форме труб, размерам, строительным приемам их закладки. Особенно это касается труб, использованных при устройстве общественных бань.

Устройство внутренней водопроводной сети этих сооружений, а также проведение водопроводов от отдаленных водоемов О.С. Хованская считает основными показателями участия кавказских мастеров в возведении бань Болгара.

Изучение магистральной линии трубопровода в западной части городища выявило черты сходства с сооружениями Южного Казахстана. Водопроводы городища Актобе X–XI вв. дают примеры инженерно рассчитанного уклона труб, достаточного для подачи воды самотеком, и водоснабжения при наличии отрицательных уклонов. Трубы близки к болгарским по форме, размерам, орнаментации. Ирригационные системы VII–XIII вв., исследованные в районе городища Актобе, демонстрируют способ регулировки скорости водопотока при помощи изменения направления канала поочередно с меридионального на широтное. Такой же принцип использовался при укладке труб на склонах террасы в Болгаре. Использование инженерного опыта и традиций благоустройства городов Южного Казахстана могло осуществляться путем привлечения специалистов из этого региона.

С.С. Айдаров обращает внимание на градостроительную общность Болгара и древнерусских городов, которая проявлялась «в выборе территории для города, размещении посадов вокруг укрепленного «детинца», выделении среди массовой деревянной застройки каменных культовых и дворцовых построек в качестве главных опорных элементов для создания силуэтной выразительности, устройстве вокруг города оборонительной системы». А.М. Ефимова отмечает общие моменты болгарских гидротехнических сооружений с новгородскими, где изучено большое количество водоотводных дренажных систем. Это единство материала, конструктивной схемы, устройства водозабора. Говоря о возможности знакомства болгарских мастеров с опытом новгородцев, исследователь подчеркивает оригинальность и самобытный характер гидротехнических сооружений Болгара, не имеющих аналогий среди объектов подобного назначения. Некоторое сходство наблюдается в конструкции берегозащиты Британкина озера и ряжей Красного пруда в Москве, построенных в XV–XVII вв., где крепление берегов прудов и рек осуществлялось преимущественно рядами врытых вертикальных столбов. Следует отметить, что объекты, выявленные в Болгаре, относятся к более раннему времени, восходя к домонгольским напластованиям городища. Зная развитые традиции деревообработки Волжской Болгарии, которые выражались и в строительстве колодцев, известных по материалам Билярского городища, нам представляется излишним преувеличивать влияние древнерусского деревянного строительства.

Сохранение традиций домонгольской эпохи

Проведение работ по благоустройству города конца XIII — середины XIV в. может служить примером сохранения и использования опыта болгарских мастеров домонгольского времени. Наиболее ярко это прослеживается на примере строительства городских колодцев: их сходство с колодцами домонгольского Биляра весьма значительно. Оно наблюдается в технике сооружения, наличии дополнительных элементов в конструкции.

Сходство в строительных приемах между банями Биляра, Муромского городка и Болгара, восходящее прежде всего к строительным традициям среднеазиатского региона, может свидетельствовать о преемственности болгарского зодчества домонгольского и золотоордынского времени.

На фоне городского хозяйства восточноевропейского и среднеазиатского регионов благоустройство Болгара представляется нам явлением ярким и закономерным, ставшим таковым во многом благодаря широкой сети связей Волжской Болгарии с городскими центрами Средней Азии и Южного Казахстана, древнерусских земель, Кавказа и Крыма. В значительной мере творчески переработанные и привитые к местным условиям сведения, практические навыки, градостроительные тенденции позволили создать на территории западного Закамья яркий образец городской культуры восточного типа, адаптированной к условиям лесостепи и несущей черты своеобразия средней полосы восточноевропейского региона.

Р.Ф. Шарифулин

Общественные бани



Изображение внутреннего вида бани на исфаханском ковре

Облик городов Волжской Болгарии, в том числе и столичного Болгара, определялся не только экономическим состоянием и политической ситуацией в стране и регионе. Организация внутригородской среды в значительной степени зависела от климатических условий региона, уровня строительного производства и традиций возведения объектов различного назначения, архитектурных ансамблей и др. Мы не можем пока утверждать, что город застраивался по какому-то единому плану, но определенная локализация торгово-ремесленных, фортификационных, культовых и иных комплексов по функциональному признаку прослеживается достаточно четко.

Среди архитектурно-строительных памятников Болгара, упоминаемых различными авторами, выделяются руины крупных кирпичных и каменных зданий, имеющих усложненную планировку, следы развитых систем отопления, водоснабжения, канализации. Наличие этих и других особенностей свидетельствовало о специальном назначении таких построек, что и было подтверждено затем многолетними археологическими исследованиями.

Первое, довольно полное, описание каменных развалин на территории Болгара было осуществлено в 1712 г. при переписи земель отведенных для Успенского мужского монастыря. Именно в описи дьяка Андрея Михайлова среди множества каменных «палаток» упоминаются впервые руины двух крупнейших бань Болгара известных впоследствии как «Белая» и «Восточная» палаты.

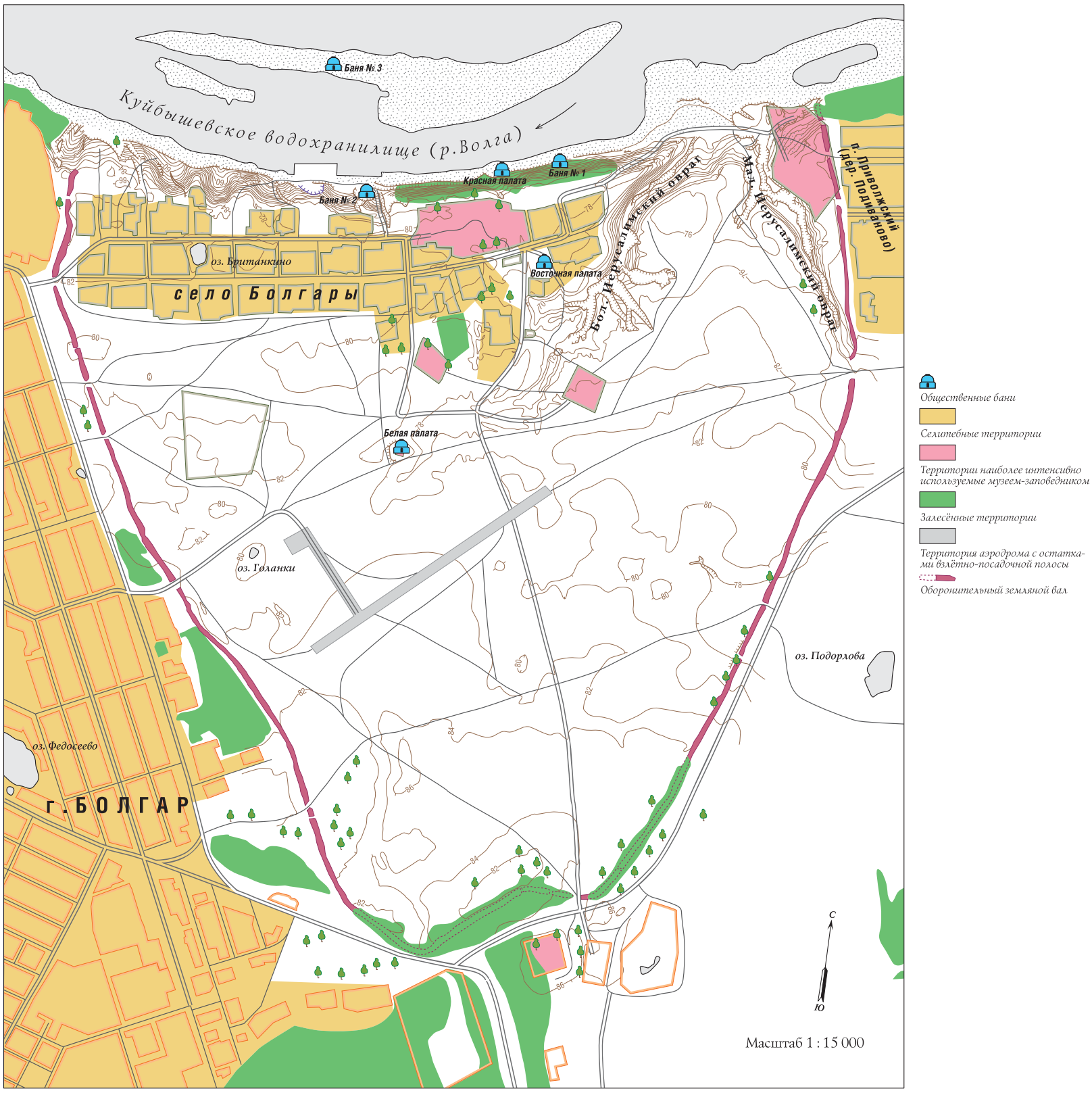
Десять лет спустя городище посетил Петр I, и, скорее всего, результатом его повеления охранять развалины древних зданий являются следы подновления северной части Белой палаты красным брусковым кирпичом, характерным для построек XVII–XVIII вв. Вероятно, тогда же были собраны в одном из помещений надмогильные плиты с арабскими надписями, а отдельными обломками таких плит укреплена кладка южной стены здания. В эти же годы (между 1712 и 1732 гг.) на городище побывали подполковник Никон Савенков и геодезист Исай Крапивин, которые оставили подробное топографическое описание городища и его памятников, а об упомянутых руинах записали и предание: «Та де палата была баня». В 1768 г. подробное описание памятников Болгарского городища, в том числе и этой постройки, составили участники экспедиции И.И. Лепехина, причем П.С. Палласом была произведена и первая графическая фиксация здания. Впервые же руины названы «Белой палатой» в работе Ф.Х. Эрдмана. Позднее, в XIX же столетии среди древних построек Болгара это здание описывается П.П. Свиньиным, Н.Н. Кафтанниковым, Н.И. Второвым, И.Н. Березиным, К.И. Невоструевым, А.Ф. Риттихом, С.М. Шпилевским и другими авторами, изображения



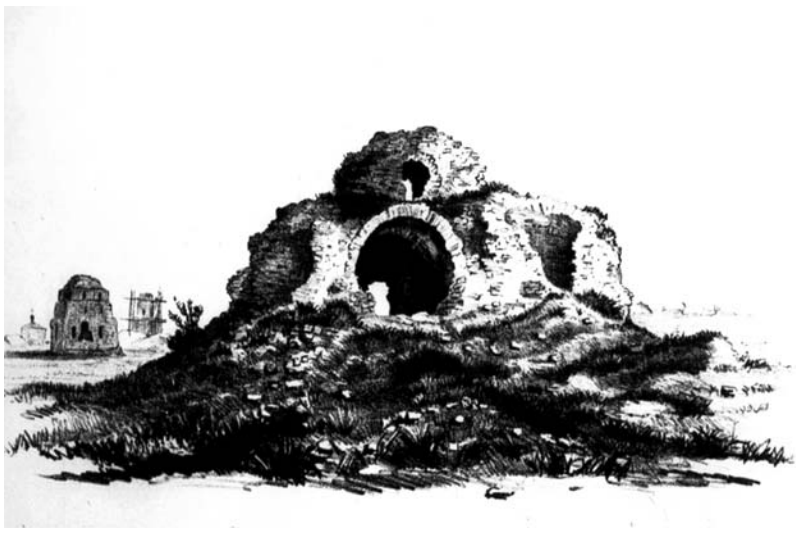


Белая палата Болгарского городища. Из книги «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. архитектором А. Шмитом». 1832 г.

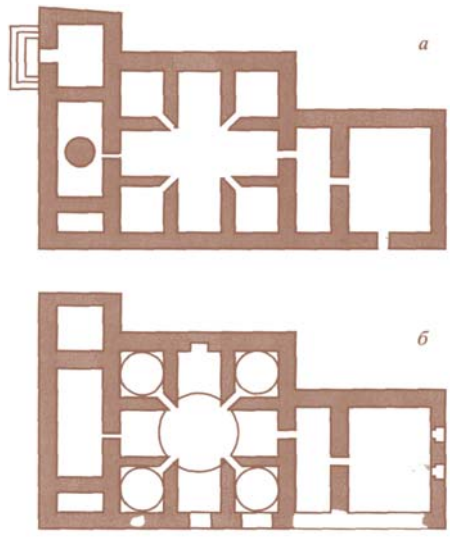
и обмеры известны по гравюрам Андре Дюранда, зарисовкам Н.Г. и Г.Г. Чернецовых, архитектора А. Шмита и других. В 1887 г. проводятся и первые археологические раскопки (вернее было бы сказать расчистка) памятника доверенными московского купца I гильдии Н.С. Растеряева отставным майором В.В. Глинским и И.И. Ващуком на средства их доверителя. История этих раскопок весьма запутанна, но довольно подробно изложена в протоколах Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете за 1887–1888 гг. Благодаря участию в раскопках члена Общества В.В. Казаринова, опубликовавшему краткие результаты работ, материалы этих раскопок легли в основу суждений о планировочных особенностях здания на долгие годы, вплоть



Исследованные общественные бани на территории Болгарского городища



Руины Белой палаты. Литография С.А. Тиле. 1868 г.



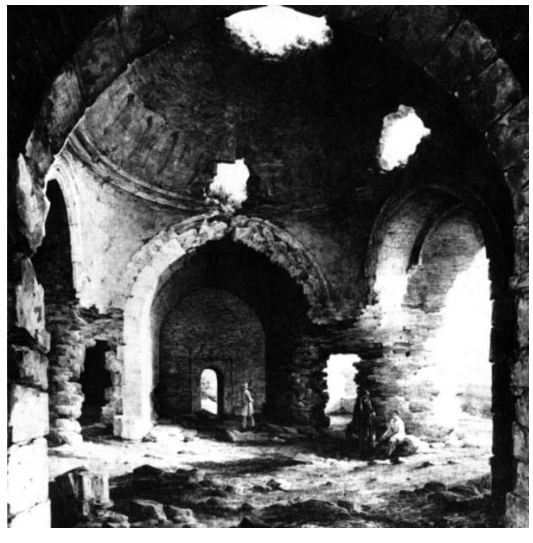
Планы Белой палаты: а) П.С. Палласа (1768 г.); б) А. Шмидта (1827 г.)

до раскопок 1979–1983 гг. Последние, не только подтвердили наблюдения В.В. Казаринова, но значительно дополнили и конкретизировали их, в частности были уточнены размеры (30–32,8 х 9,6–17 м.), выявлена вторая отопительная печь, следы позднейших реставраций, установлено, что баня функционировала около 30 лет и была частично разрушена и заброшена в 1660-е гг.

Следующий объект, также находившийся на верхнем плато городища, примерно в 200 м к юго-востоку от руин Соборной мечети, на сводном плане составленном в 1892 году по А. Шмиту, Штраусу, Н. Савенкову, Ф. Сурину и др. отмечен надписью «место не сохранившихся ханских палат или бани».С.М. Шпилевский, вслед за К.И. Невоструевым, считал, что впервые эти развалины описаны в выписи 1712 г. — «Полата четвероугольная без своду, мерою длины полсеми саж. (т.е. 61/2 саж.), ширины 5 саж. с арш., вышины 11/2; посреди с тех двух сторон вывалилось до подошвы стен», а позднее, с теми же размерами, И.И. Лепехиным. Он же предполагал, что и на плане А. Шмита, и в публикациях Второва и Березина речь идет именно об этой постройке, правда, с чуть большими размерами (длиной в 7 и шириной в 6 сажен). В 1870-е гг. по заданию МВД здесь, на территории усадьбы крестьян Раимовых, проводились какие-то раскопки, возможно, связанные с добычей камня из развалин для выжигания извести, о чем имеются глухие сведения в протоколах ОАИЭ, причем участие в этих работах принимал упомянутый выше В.В. Глинский, о чем он сам сообщает в письме на имя председателя Общества. Впрочем, это упоминание возымело обратный эффект — ему было отказано в продолжение археологических раскопок на городище, именно по причине характера предыдущей деятельности. По словам же жителей современного села Болгары, скопления крупных камней и щебня, мешавшие им при вспашке огородов, вынудили засадить это место яблонями, что в какой-то мере оградило руины от полного разрушения. Исследования 1983–1993 гг. позволили выяснить план, конструктивные особенности, время строительства и существования этой наиболее крупной (длиной в 39 м, шириной от 11 до 19 м) в Болгаре общественной бани функционировавшей уже в конце XIII в. В обиходе архитекторов-реставраторов, в технической документации и в изложении

Болгар. Белая палата с южной стороны

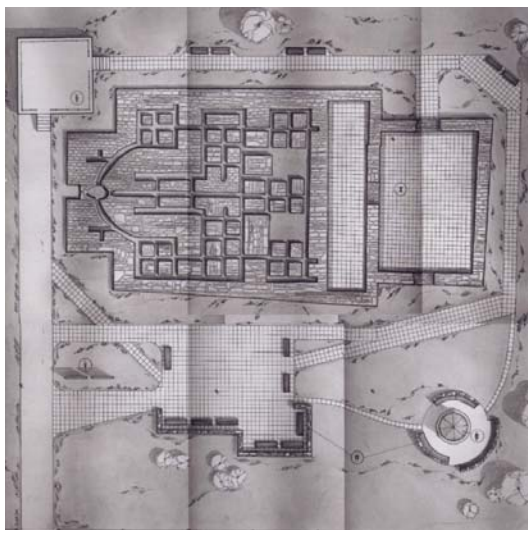




Центральный зал Белой палаты с южной стороны по рис. Н.Г. Чернецова «В развалинах предполагаемых бань в Болгарах»



Восточная палата. Музеефикация 2012 г.

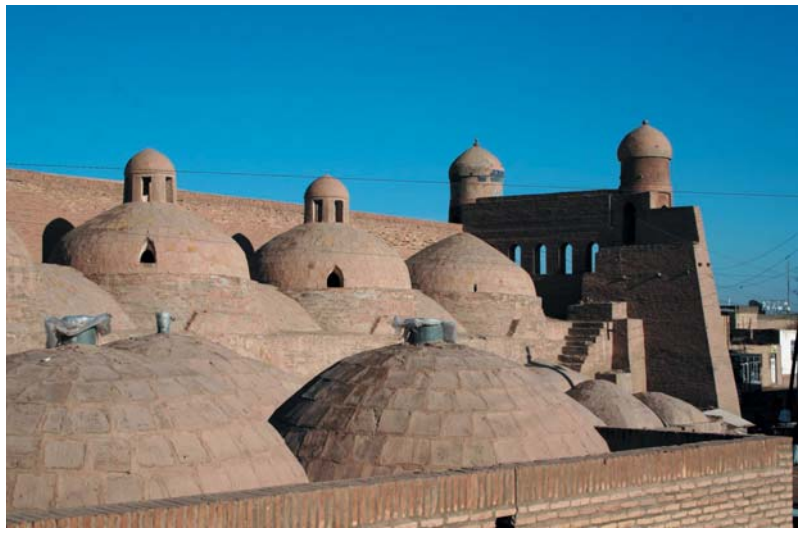


Проект музеефикации Восточной палаты

экскурсоводов постройка стала именоваться как «Восточная палата».

Еще четыре постройки, интерпретированные как бани, исследованы в подгорной части памятника, в долине р. Меленки по обоим ее берегам. Основные результаты раскопок получили отражение в литературе 1940–1950-х гг., поэтому в предлагаемом очерке описание этих памятников, несмотря на некоторые дополнительные сведения, почерпнутые из отчетов и полевых материалов экспедиции А.П. Смирнова, наблюдения и выводы автора, является сжатым изложением прежних публикаций. В то же время, это позволило снять отдельные неточности и противоречия, неизбежные при предварительной публикации.

Наиболее известной из болгарских подгорных бань является «Красная палата», получившая свое название по цвету внутренней отделки. Располагалась она у подножия склона верхней террасы левого берега р. Меленка к северу от комплекса Соборной мечети. В самом конце XIX в. остатки здания подверглись хищнической разборке местными крестьянами Сидоршиным и А. Суходоевым с целью добычи камня для выжигания извести. Тогда же этот участок был обследован членами Общества археологии, о чем было доложено на общем собрании в сентябре 1899 г. с указанием значительной протяженности здания вдоль рва длиной около 7 сажен и с описанием строительных материалов, разбросанных по всей площади произведенных крестьянами раскопок. Следы их варварской деятельности были весьма заметны позднее при проведении археологических исследований 1938–1940 гг. Раскоп А.П. Смирнова, Н.Ф. Калинина и А.М. Ефимовой (общей площадью около 700 кв. м) позволил выяснить планировку, время строительства, назначение и период функционирования этой постройки. Имевшая усложненный план, тщательную отделку интерьеров и довольно крупные размеры (30 х 12–24 м) баня, как выяснилось, была построена в середине XIV в., а окончательно разрушена в 1430-е гг. Судя по размерам и богатству оформления помещений, Красная палата являлась общественной баней, обслуживавшей более или менее зажиточные слои населения, хотя и не предназначалась исключительно для социальных верхов города, о чем свидетельствует незначительное (по сравнению с баней № 2 и «Восточной палатой») количество фрагментов поливной посуды и нумизматических находок. После завершения раскопочных работ остатки бани были частично законсервированы и засыпаны грунтом, а от реки ограждены каменной дамбой.

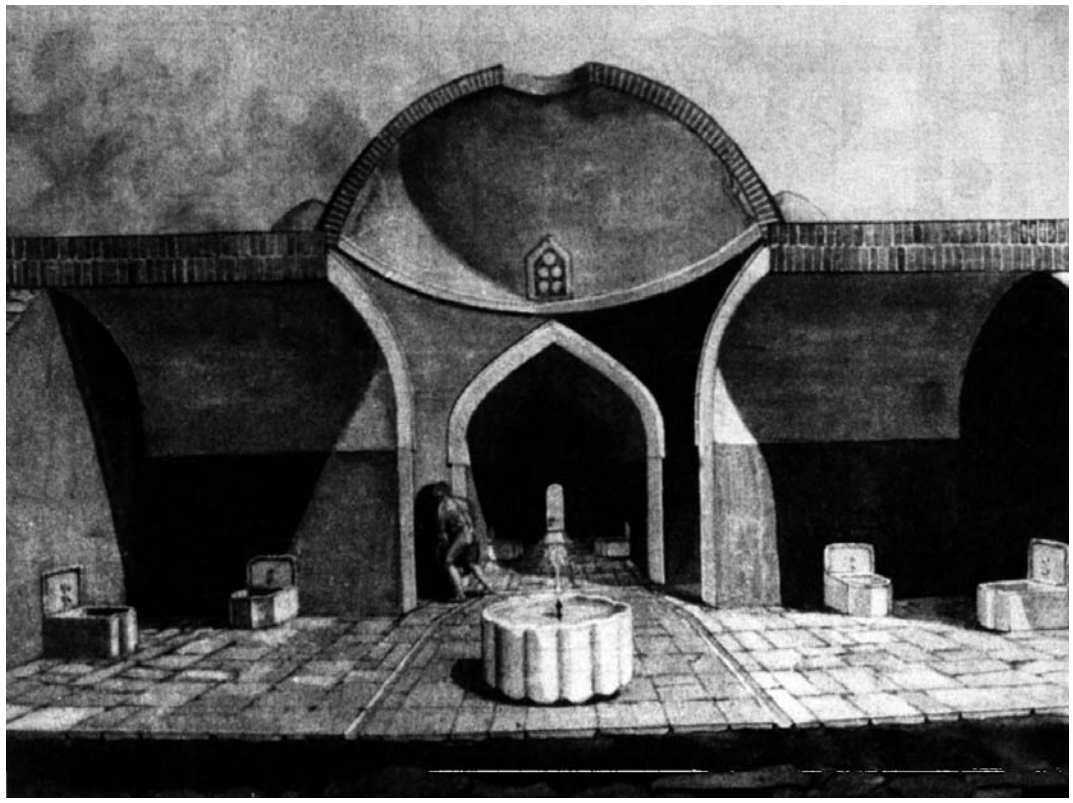


Бани Ануш-хана. Хива



Керамическая водопроводная труба. Болгар. БГИАМЗ

Летом 1950 г., в 150 м к востоку от Красной палаты, так же в подгорной части левого берега, там, где на плане А. Шмита 1827 г. были нанесены развалины каменных строений, О.С. Хованской были изучены остатки еще одной постройки, в дальнейшем известной по материалам публикаций как баня № 1 . Раскоп площадью около 400 кв. м предоставил возможность наблюдения здесь практически всех слоев стратиграфической шкалы городища, начиная с отложений V (домонгольского) слоя и до современности, причем наибольшая на-



Реконструкция интерьера Красной палаты

сыщенность объектами и находками отмечена для напластований XIII–XIV вв. Время строительства и функционирования кирпично-каменного здания, расчищенного в южной части раскопа, по комплексу находок и уровню строительного горизонта отнесены исследователем к первой четверти XIV столетия. А небольшие размеры (14 х 9 м), упрощенность плана и оформления интерьера, скудность вещевого комплекса при почти полном отсутствии находок поливной керамики дали основание предполагать, что это остатки рядовой городской бани.

К западу от Красной палаты, по левому же берегу, на второй надлуговой террасе, у бывшего земляного перехода через Меленку, почти на месте ныне существующего туристического комплекса, в 1951 г. были вскрыты остатки еще одной каменной бани, получившей порядковый № 2. Раскоп был заложен там, где, по рассказам старожилов, в конце XIX в. добывали белый камень. Остатки подпрямоугольного в плане (20 х 11 м) здания были выявлены под мощным слоем завала камня и алебастра. Работы не ограничились расчисткой здания — в 1954 г. здесь были возобновлены работы О.С. Хованской и И.А. Талицкой, что позволило уточнить стратиграфические наблюдения как в целом по отложениям болгарского времени в этом районе, так и датировать время строительства и бытования здания второй четвертью XIV в. Наконец, в 2012 г., с целью включения в экспозицию Болгарского заповедника, баня была подвергнута археологическому вскрытию в третий раз (иссл. С.Г. Бочаров). Расчистка здания позволила уточнить некоторые конструктивные особенности, но в то же время показала утерю значительной части постройки.

В заречной части, по правому берегу Меленки, А.П. Смирновым и В.В. Седовым (у Хованской — А.М. Ефимовой (См.: Бани... с. 419)) изучена всего одна постройка, которая по ряду признаков (системы отопления, водоснабжения, канализации и пр.) была отнесена к баням (баня № 3). Несмотря на очень плохую сохранность (на уровне подошвы фундамента и дна отопительных каналов), раскопы 1950–1951 гг. позволили полностью выявить план и отдельные конструктивные особенности строения, имевшего подпрямоугольные очертания (15 х 12 м) с небольшой (4 х 6 (?) м) прямоугольной же пристройкой со стороны отопительной печи. Полное отсутствие поливной керамики и следов декоративного оформления помещений при обилии других находок дали основание считать, что баня обслуживала рядовое население, проживавшее на окраине города. Стратиграфические наблюдения и комплекс находок, в том числе и нумизматических, свидетельствуют о строительстве здания в середине XIV в., а разрушение его исследователи относят ко второй половине этого же столетия.

Еще одна постройка, предположительно баня, была обнаружена при работах С.М. Ефимовой к востоку от Красной палаты в 1950 г., но очень плохая сохранность остатков не позволила получить более достоверных сведений о планировке, назначении, времени строительства и функционирования. Разведочной тран-





Фрагменты водопроводных труб. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Восточная палата в процессе исследований



Персидский миниатюрист Камаледдин Бехзад. Гарун аль-Рашид в бане. Миниатюра. «Хамсе» Низами. 1495–1496 гг.



шеей были выявлены лишь отдельные фрагменты кладки и следы каналов отопления.

Таким образом, к настоящему времени в Болгаре изучены полностью остатки шести построек, интерпретируемых как общественные бани. Имея много общих конструктивных черт, они, тем не менее, различаются расположением, размерами, планировочными особенностями, материалом и временем строительства.

Несомненно, как в любом средневековом городе мусульманского мира, их было гораздо больше. Например, описывая Багдад и Каир, источники приводят совершенно фантастические цифры, даже с учетом того, что к концу XIII в. количество бань многократно уменьшилось.

Вопросам происхождения средневековых бань, в том числе и бань с подпольным отоплением, развитию их планировочной схемы посвящено заметное число работ. Известные бани Болгара представляют собой, за исключением бани № 1 с анфиладным расположением помещений от входа к топке, типичные восточные хаммам. Планировочная структура таких сооружений выглядит следующим образом: прямоугольный (чаще квадратный) объем,

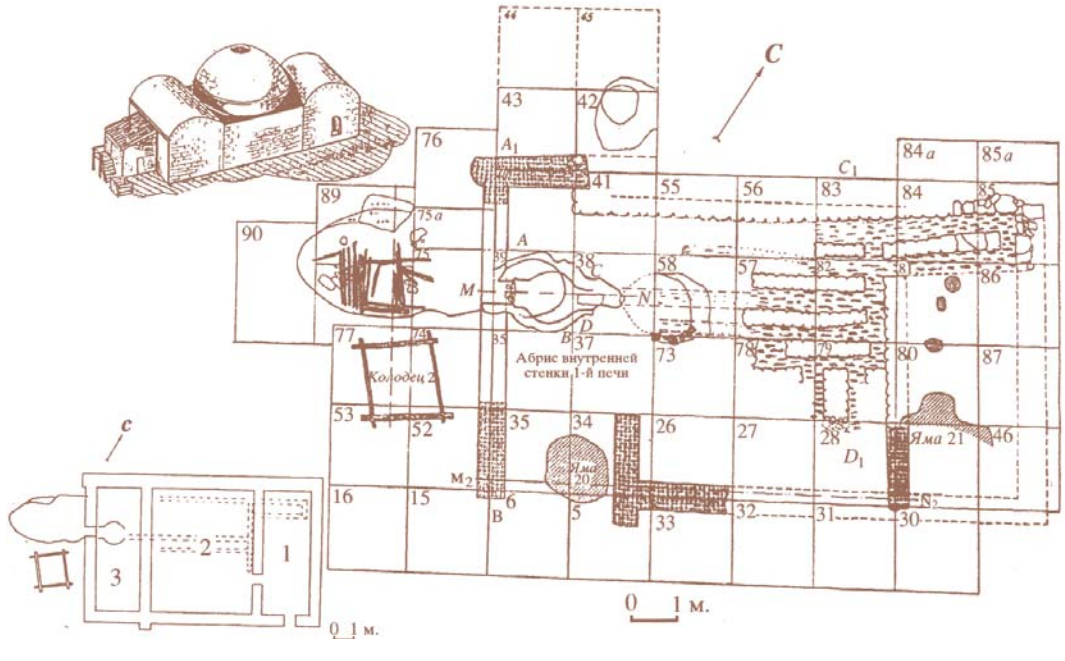


Баня № 1. XIV в. Раскопки 1954–1956 гг.

с вписанным в него крестообразным залом, между сторонами которого устроены квадратные кабины-мыльни, представляет собой основу постройки и имеет подпольную систему обогрева. С двух противоположных сторон к нему, как правило, пристраивались служебные и вспомогательные помещения. Служебная часть предназначалась для тепло- и водоснабжения центральных помещений. Вспомогательные комнаты, иногда отделенные от мылен промежуточным тамбурным помещением, предназначались для переодевания и отдыха посетителей.

Вариантами этого классического типа, причем весьма близкими, и являются болгарские бани, что роднит их с подобными же одновременными сооружениями Нижнего Поволжья, Азербайджана и Средней Азии, различающимися лишь наличием или отсутствием дополнительных помещений (например, отсутствие тамбура у всех бань, кроме Белой и Восточной палат). Иногда это отличие выражается сдвоенным планом центральной части (разрушенный северный пристрой Красной палаты) или, наоборот, заменой отдельного элемента основного объема вспомогательным помеще-

Общий план бани № 1



*Баня.
Городище Каялык.
Семиречье, Казахстан.
XIII в.*

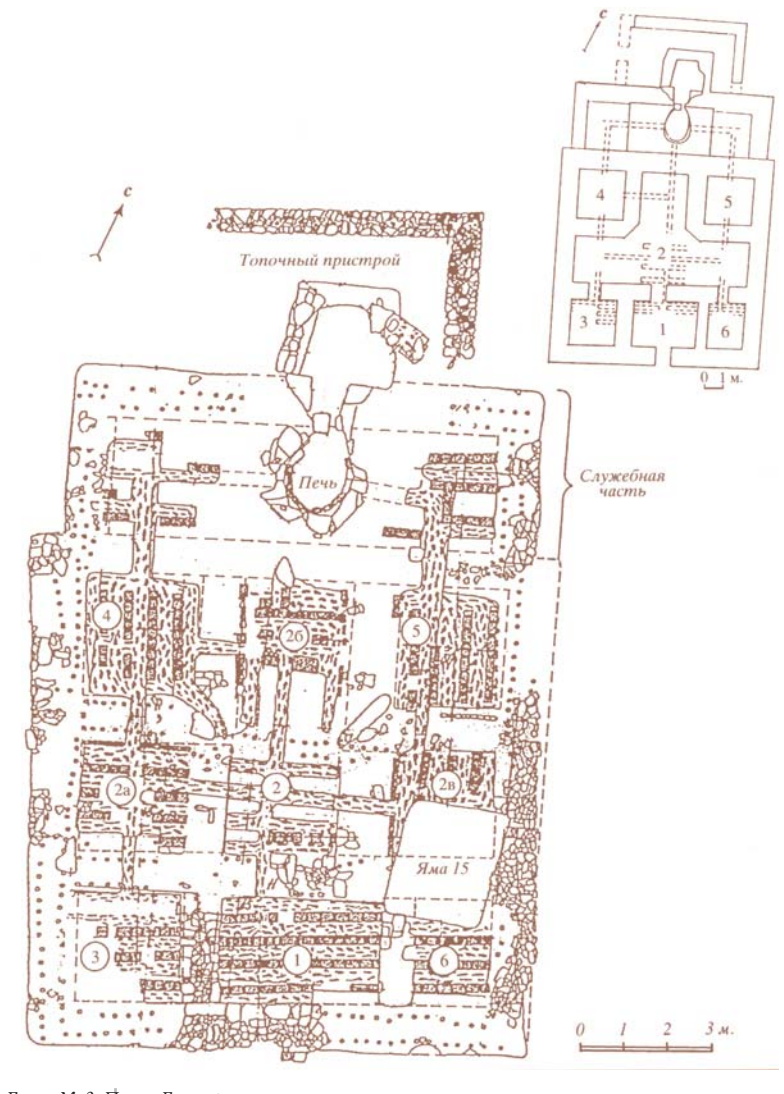


нием (баня № 3). Расположение комнат бани по одной оси, при небольшом количестве помещений, вряд ли, на наш взгляд, может указывать на наличие римско-византийских традиций: скорее это свидетельствует о стремлении сэкономить материалы, время и, в дальнейшем, топливо, при строительстве бани для ограниченного круга посетителей (баня № 1). А вот разница систем подпольного отопления в сочетании с крестообразным или анфиладным планом может оказаться более действенным критерием выявления строительных традиций. Дело в том, что все известные постройки центральных районов Волжской Болгарии с подпольным отоплением, как золотоордынского, так и домонгольского периодов, за исключением бани 1 Красносюндюковского городища



Баня № 2

и построек Мохши-Наровчата, имеют отопление в виде системы жаропроводящих подпольных каналов с вертикальными тяговыми дымоходами. Эта система принудительной циркуляции дыма и жара характерна для большинства восточных хаммам. Для римско-византийской строительной традиции свойственно устройство пола на кирпичных столбиках, обеспечивающих свободное движение горячего воздуха и дыма под полом постройки. При крестообразном плане большинства бань Болгара, также свойственного хаммам, наличие влияний среднеазиатских строительных традиций, на которые обращали внимание исследователи, представляется достаточно убедительным.



Баня № 3. План. Болгар

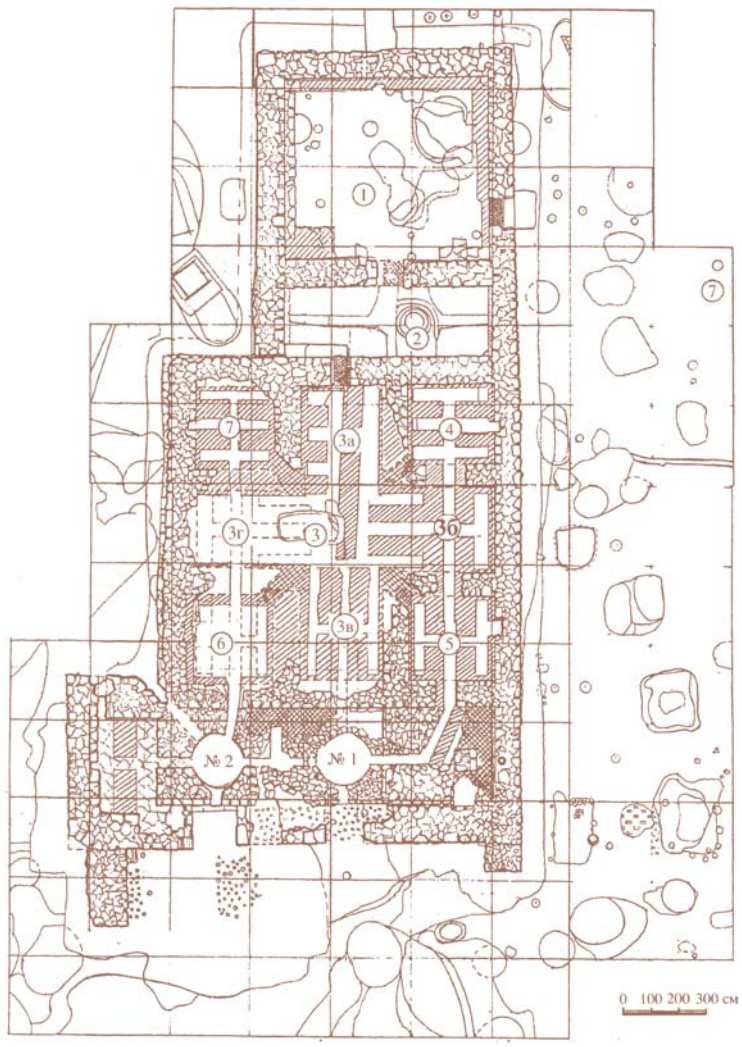
Белая палата



Белая палата. Музеефицированные руины

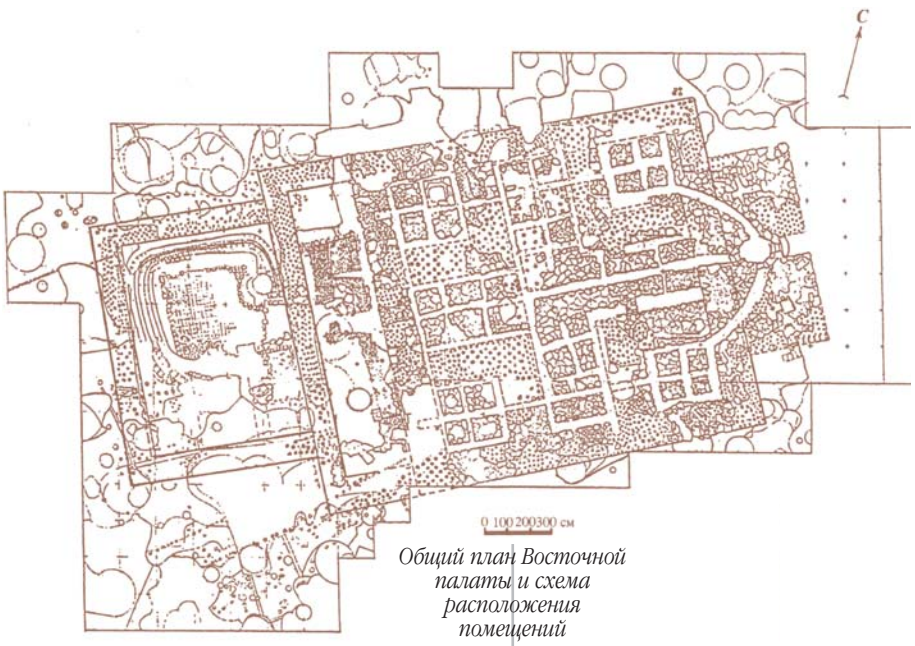


Руины Белой палаты

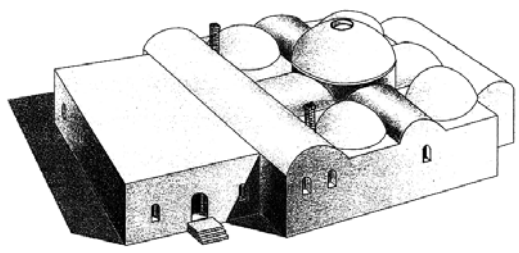


Общий план Белой палаты (по результатам работ 1980–1983 гг.).

Восточная палата

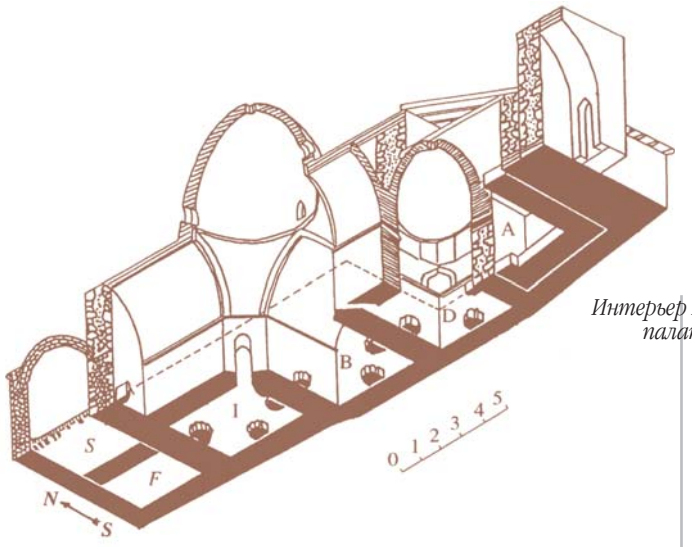


Общий план Восточной палаты и схема расположения помещений



Восточная палата. Графическая реконструкция

Красная палата



Аксонометрическое сечение Красной палаты (авторы: А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин?)



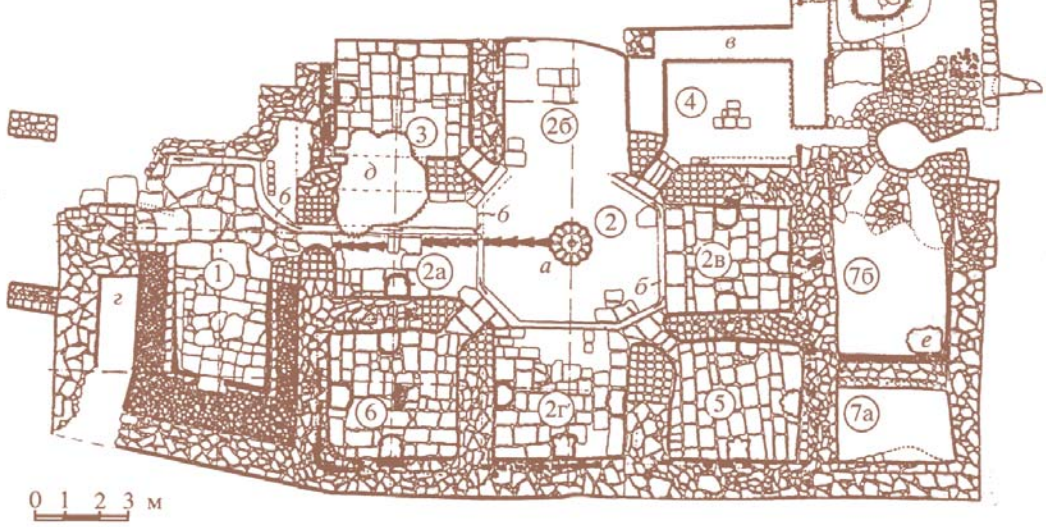
Интерьер Красной палаты

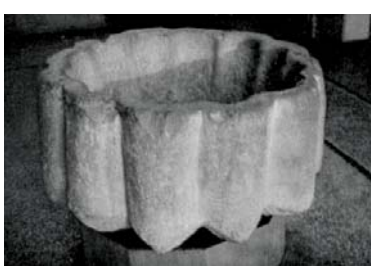


Фонтан в Красной палате

Красная палата. Общий план: 1 — предбанник; 2 (а, б, в, г) — центральное, крестообразное помещение; 3, 4, 5, 6 — кабины-мыльни; 7 (а, б, в) — помещения служебной части; а — фонтан, б — водосток, в — несохранившаяся часть стены, г — разрушенная часть стены, д — кладоискательный раскоп, е — провал





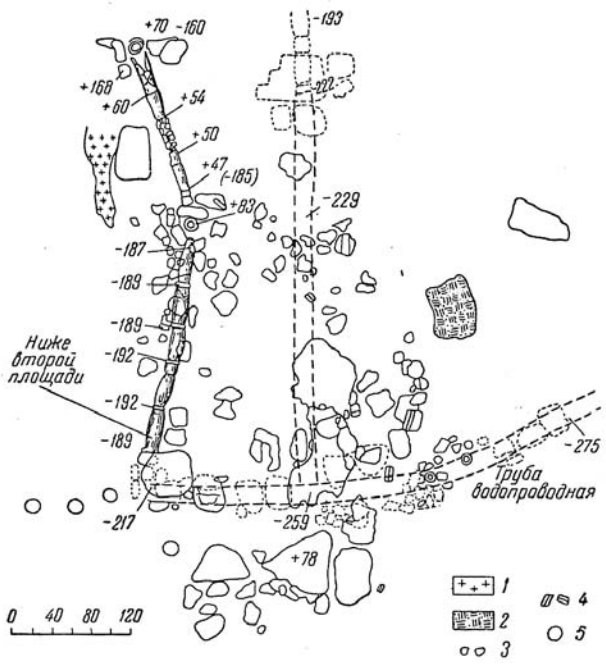


Детали интерьера Красной палаты



Интерьер Красной палаты в процессе раскопок. Рис. Н.О. Фреймана

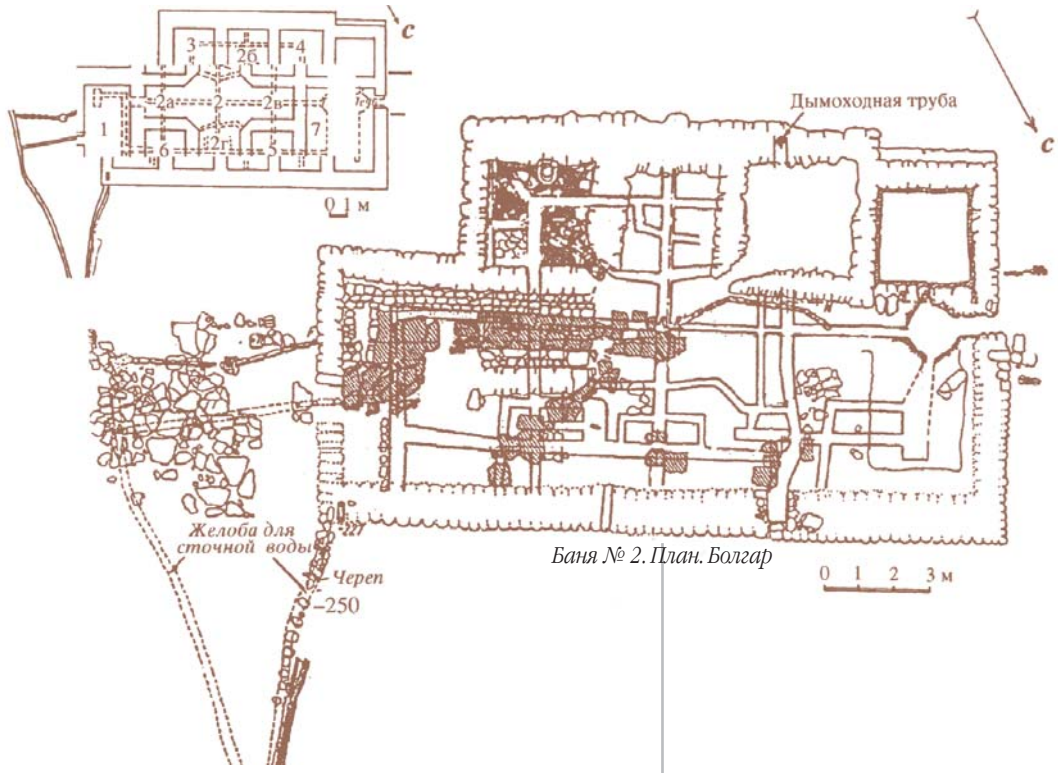
Баня № 2



Баня № 2. Система водоотведения. Болгар



Общий вид раскопа CLXXIII. Расчищенные руины бани XIV в.



Баня № 2. План. Болгар



Раскопки 2012 г. Общий вид раскопа CLXXIII. Расчищенные руины бани XIV в.



Юго-восточная комната-мыльня

Н.Д. Аксенова, М.М. Кавеев, В.С. Баранов

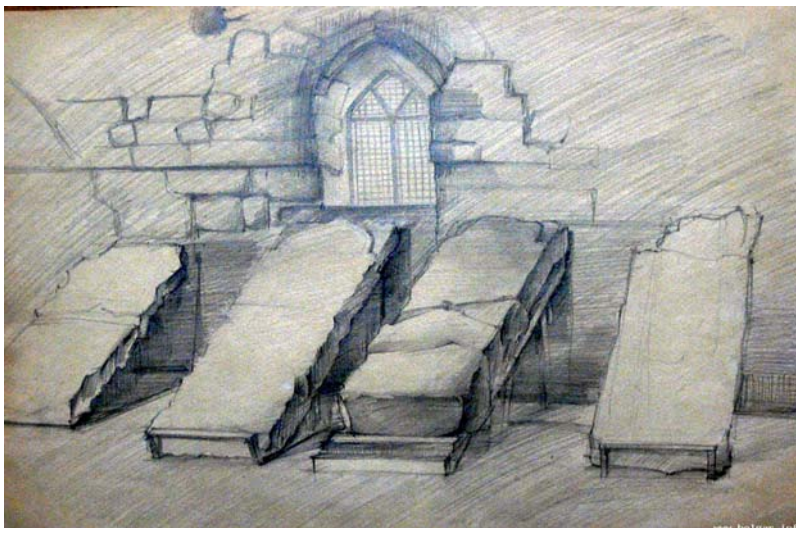
Мавзолеи

Среди монументальных каменных построек города Болгара особое место принадлежит ритуальным сооружениям — мавзолеям. Из известных и исследованных на данное время 20 монументальных построек 10 — мавзолеи. По некоторым предположениям, в земле скрыты руины еще не менее четырех.

Все мавзолеи расположены в черте города. По времени строительства их можно объединить в две группы. Первая группа датируется первой половиной XIV в. и располагается в самом центре города, в непосредственной близости от Соборной мечети. Это два мавзолея, известные в научной литературе под названиями Монастырский погреб и церковь Св. Николая.



Северный мавзолей



Болгарские намогильные камни. Рис. Т.А. Елесиной

Северный мавзолей (монастырский погреб)

Памятник археологически исследуется с 1964 г. Раскопом III была вскрыта часть входа в мавзолей с западным его пилоном. Более масштабные работы по изучению объекта проведены в 1966 г. раскопом XIV. Он охватил южную и восточную стены здания.

Раскопом XIV открыты фундамент, нижняя часть стен и южная сторона выносного портала. Нижняя часть стены представляет собой крупные, грубо обработанные блоки известняка, скрепленные известковым раствором. Скреплялись камни также известковым раствором, но с примесью толченого кирпича. На дне котлована под фундаментом, глубина которого 230 см, прослежены столбовые ямки от свайкоротышей. В юго-восточном углу памятника под фундамент положены крупные блоки, размером 105 х 45 х 30 см. Скорее всего, подобные конструкции были и под другими углами.

Восточная стенка выносного портала шириной 140 см имеет однородную кладку в виде полубутового заполнения на растворе, аналогичном раствору кладки стен. Изнутри и снаружи выявлены следы несохранившегося ряда камней облицовки. Глубина фундамента под стенами входного коридора, сложенного из крупных блоков, достигает той же глубины, что под стенами основного сооружения.

Пол коридора, который неоднократно ремонтировался, представляет собой каменно-известковую вымостку.

Уровень пола коридора и вымостки находится на одном горизонте, но по мере удаления от усыпальницы понижается на 60–70 см.

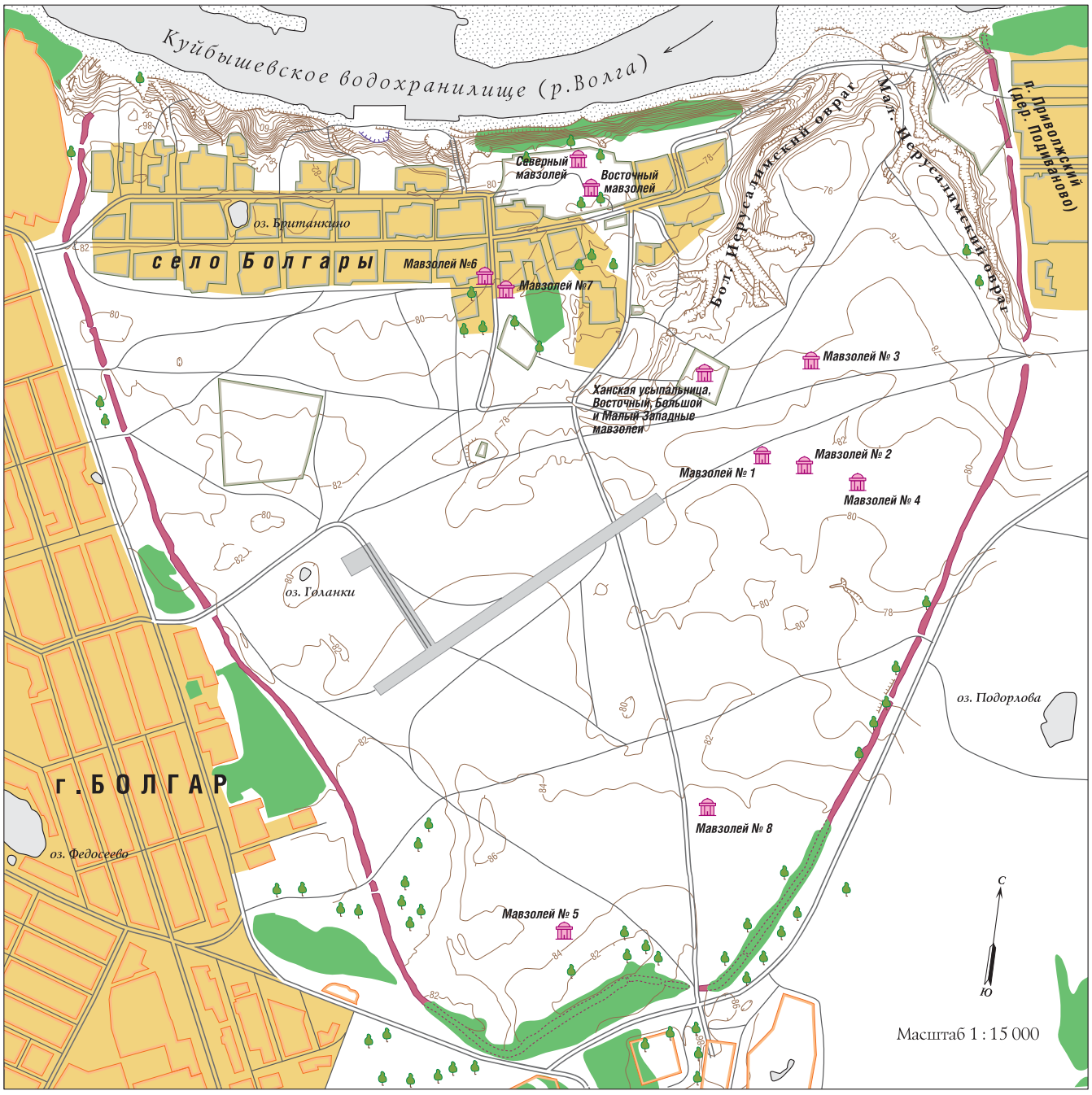
Таким образом, мавзолей оказался на искусственном холме. Подъем фундамента объясняется необходимостью поставить мавзолей в одну плоскость с мечетью и включить его в оформление комплекса центральной площади.

Время строительства Северного мавзолея восходит к основанию IV позднего слоя. Именно на этом уровне прослежены прослойки материкового выкида из котлована фундамента, строительные остатки и подсыпки. Более ранних следов работ с камнем в этом районе не выявлено. В период накопления IV раннего слоя на этом месте были хозяйственные и жилые сооружения, выполненные из дерева. Некоторые из них частично срезаны котлованом фундамента.

Над строительными остатками мавзолея и вымостки обнаружены следы ремонта здания в виде мелкой гипсовой и известковой крошки, подсыпки к фундаменту в местах оседания грунта.

Возведение мавзолея было завершено ко времени создания вымостки центральной площади, мощение которой связано с окончанием работ на Соборной мечети.

Для установления точной даты строительства Северного мавзолея имеет значение находка монеты при расчистке цоколя здания. Датируемая 1353 г., она фиксирует существование дюрбе. Стратиграфическая картина залегания вымостки, покоящейся непосредственно на первоначальной подсыпке к выступающей части фундамента мавзолея, позволяет отнести ее к первой половине XIV в., вскоре после 30-х гг. Таким образом, Северный мавзолей может быть датирован началом XIV в.



Размещение изученных мавзолеев на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника



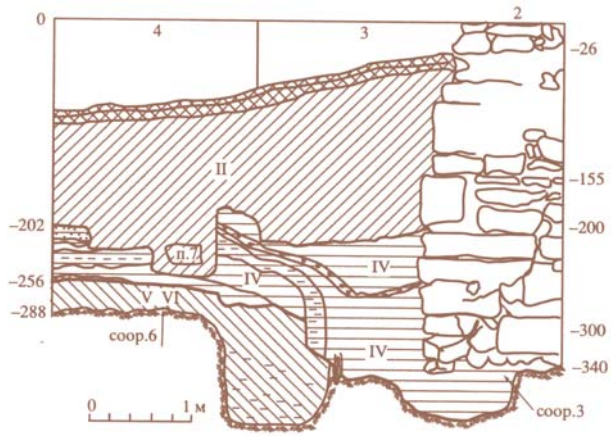
Ханская усыпальница. Худ. А. Кубарев

Восточный мавзолей (церковь св. Николая)

Археологическое изучение памятника началось в 1964 г., когда траншеей раскопа II с западной стороны была прослежена кладка фундамента до материка.

В 1965–1966 гг. продолжено исследование мавзолея раскопом XIII.

Проведенными исследованиями получены сведения о конструкции Восточного мавзолея, вскрыты фундамент, нижняя часть стен и вход. Последний расположен в центре южной стороны усыпальницы. Он представляет собой коридор шириной 4,5 м и глубиной 2,5–2,6 м. Стены его шириной 1,6–1,65 м с внутренней и наружной сторон облицованы тесаными



блоками толщиной 0,4–0,5 м. Внутреннее пространство их заполнено полубутом. Стенки входного коридора сохранились в два ряда камней. Фундамент его, сложенный из крупных известняковых камней, скрепленных известковым раствором, имеет глубину 1,5 м.

Раскопом также вскрыт юго-восточный угол цокольной части и фундамента мавзолея. Фундамент выступает от цоколя на 10–13 см по южной стороне и 20–22 см по восточной. Его глубина 190–195 см. Кладка аналогична кладке фундамента входной части дюрбе.

Дата строительства Восточного мавзолея определяется следующими полученными данными. В основании IV (позднего) слоя, в тех местах, где он сохранился непотревоженным, прослеживаются прослойки выкида, строительных остатков и известковой вымостки. Уровень их залегания сопоставляется с верхней гранью фундамента постройки под стенами и под входным коридором.

В раннезолотоордынских напластованиях нет никаких остатков каменного строительства — этот период здесь был ремесленный район. Прекращение хозяйственной деятельности на этом участке происходит во второй половине XIII в. в результате пожара. Позднее на этом месте возникает кладбище, но в связи с созданием мощеной площади вокруг Соборной мечети и оно прекращает свое существование. Исследованиями 1964–1965 гг. установлено, что сооружение вымостки и оформление площади относятся к периоду вскоре после 1330-х гг. Скорее всего, возведение мавзолея может быть связано с рубежом XIII и XIV вв.

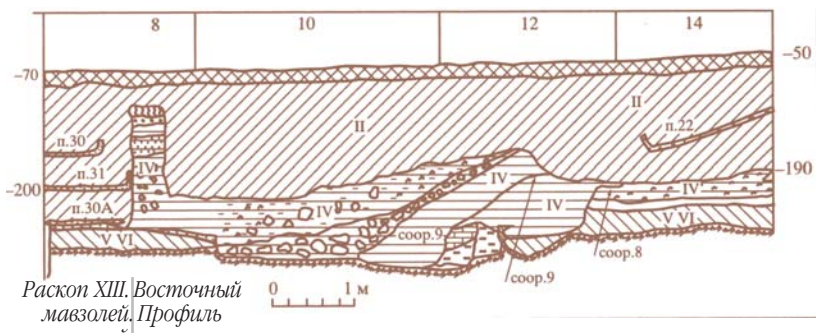
Восточный мавзолей (Никольская церковь). Рис. Н.И. Калашникова. 1819 г.



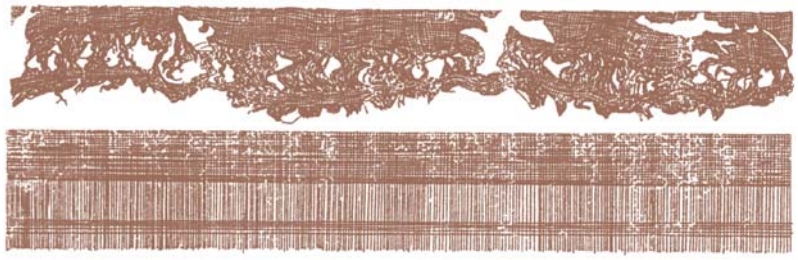
Западный профиль раскопа XIII



Восточный мавзолей. Современный вид



Раскоп XIII. Восточный мавзолей. Профиль южной стенки



Фрагмент ткани

В 1991 г. принято решение музеефицировать памятник, предварительно проведя внутри него археологические раскопки, которые, в свою очередь, дополнили бы картину строительства и функционирования мавзолея, полученную в результате работ 1965–1966 гг. Часть выявленных объектов предполагалось законсервировать и включить в экспозицию (раскоп CXIX).

Проведенные исследования позволили получить некоторые сведения об интерьере церкви Св. Николая, Восточного мавзолея и ранее существовавшего на его месте жилого и ремесленного района.

Погребения, расположенные внутри мавзолея, и напластования болгарского времени оказались в значительной степени разрушены и переработаны грабительскими перекопами.

Исходя из стратиграфических наблюдений и их размещения в здании, представляется возможным установить следующую последовательность склепов. Наиболее ранними являются склепы №1 и 3, расположенные в западной части памятника. Очевидно, они появились еще до строительства мавзолея или во время него. Группа сооружений у восточной стены выстроена уже в процессе использования здания как усыпальницы. Из них ранним является склеп № 5, затем был выстроен склеп № 2, перерезающий своим котлованом погребение 2. Впоследствии к нему с юга был пристроен склеп № 6. Склепы № 4, 7, устроенные в северо-восточном углу, скорее всего, наиболее поздние или, по крайней мере, синхронны склепу № 6. Внутри памятника, кроме объектов, относящихся к XIX в., и склепов, выявлены объекты более ранних периодов, когда в этой части города был расположен жилой и ремесленный район.

Исследования Северного и Восточного мавзолеев показали, что застройка этого участка городища произошла еще в домонгольское время. Сооружения этого периода характеризуют хозяйственно-бытовую деятельность населения городского посада. С начальным этапом раннезолотоордынского времени связана активизация ремесленной деятельности, связанной с получением кричного железа. Функционирование горнов определялось восстановлением городской жизни, экономики, активным строительством Болгара после монгольского нашествия. Монета, найденная в засыпи печи № 1, чеканенная в 40–60-е гг. XIII в. и бывшая в обращении до 80-х гг., свидетельствует о том, что не позднее этого времени ремесленная деятельность переносится с этого участка городища, уступая место расширяющемуся могильнику. Перемещение кладбища, очевидно, было вызвано мероприятиями по строительству Соборной мечети.

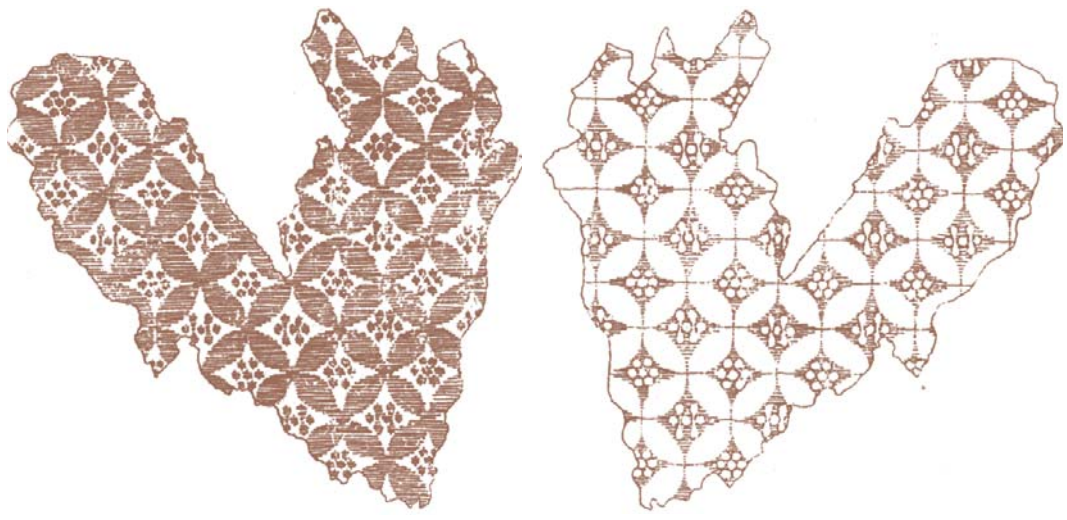
Мавзолеи центральной группы являлись некрополями аристократической верхушки Болгара, были построены на окраине могильника и могли включить в свою площадь уже имеющиеся склепы, как это видно на примере Восточного мавзолея (склепы № 1, 3).

Во время Казанского ханства мавзолеи, очевидно, оставались местом поклонения, о чем свидетельствует наличие слоя этого периода в Восточном мавзолее. Не исключено проведение каких-либо работ внутри памятника, связанных с ремонтом склепов и уборкой в них.

Стратиграфически строительство мавзолеев происходило одновременно и относится к основанию IV (позднего) золотоордынского слоя. Завершение их приходится на время окончания работ на Соборной мечети и вымостки площади вокруг нее. Возведением мавзолеев, которые органично вписались в общий комплекс, и укладкой вымостки было окончательно закончено оформление центральной площади города Болгара.

Мавзолей у бывшей сельской школы

В 150 м южнее центрального комплекса города Болгара был исследован еще один мавзолей (раскопы LIII 1976 г., LVI 1977 г.). Сохранившиеся остатки сооружения маловыразительны. Однако, сопоставляя данные, полученные при расчистке самой постройки, с результатами наблюдений над выборкой поздних ям, почти полностью разрушивших ее, можно наметить контуры мавзолея. Отправным моментом для их определения служат реально сохранившиеся границы, открытые в южной части в виде двух полукруглых выступов нивелировочного пласта глины. Выступы, скорее всего, оформляли вход в мавзолей, т.е. являлись основанием небольших пилонов. Ширина выступов — 120–125 см, расстояние между ними 150 см. В южной половине мавзолея стены были возведены без фундамента, на пласте утрамбованной глины, он был положен в целях нивелировки площадки, предназначенной для возведения здания, при этом создавалась прочная опора для стен, расположенных на рыхлой засыпи более ранних жилищ. Глиняный пласт являлся одновременно и полом, о чем свидетельствуют пятна гумированности на поверхности.



Фрагменты тканей из погребения 4 склепа № 7: слева — лицевая, справа — изнаночная сторона

Стены мавзолея, который в плане представлял собой четырехугольник площадью 400 х 412 см, ориентированный длинными сторонами в направлении север-юг, судя по заполне-

нию поздних ям, были возведены из известняка и туфа на известковом растворе. Находки кусков алебастра дают основание предположить, что стены были оштукатурены. Вход, оформленный пилоном, располагался с южной стороны здания.

В заполнении поздних ям, находившихся под мавзолеем, обнаружены обломки черепной коробки человека и фрагмент кирпичной кладки, сходный с надгробиями золотоордынских погребений. Длина кладки — 80 см, ширина — 37 см, высота — 18 см.

Описание мавзолея будет неполным, если не сказать о сооружении, примыкавшем к нему с северной стороны. Учитывая величину здания, его ориентировку и такие существенные детали конструкции, как ряды колонн, расчленяющие помещение на нефы, можно предположить, что данная постройка представляла собой мечеть. Дневной уровень ее связан с нижними отложениями позднего горизонта золотоордынского слоя, т.е. время строительства относится к 1330-м гг.

Мечеть и мавзолей просуществовали недолго. В 1361 г. они были разрушены войсками Булак-Тимура. В мощном слое пожарища, перекрывающем следы обоих зданий, открыты беспорядочно лежащие скелеты, отдельные кости и черепа людей.

Наиболее ранние культурные отложения относятся к домонгольскому времени, когда этот район представлял собой окраину городища, где проходили оборонительные сооружения.

В ранний период золотоордынского времени жизнь в исследованном районе активизируется. Об этом свидетельствуют значительные культурные напластования, их большая гумусированность и множество сооружений.

Особенно интенсивно ведется освоение этой территории на позднем этапе золотоордынской эпохи. Толщина отложений этого периода достигает 120 см. С ними связаны четыре хозяйственные ямы, четыре полуземляночных жилища, мавзолей и мечеть. Две землянки были засыпаны в связи со строительством мечети в 1330-е гг.

Каменные и культовые постройки являлись украшением средневекового города. Их интенсивное строительство в центральной части относится к 30–50-м гг. XIV в., когда город переживал период своего расцвета.

Вторая группа включает восемь археологически исследованных мавзолеев. Руины еще четырех каменных сооружений, скрытых под холмиками, по всей вероятности, пополнят эту группу. Эти мавзолеи располагаются в юго-восточном и южном районах городища и датируются серединой XIV в. и началом XV в.

В юго-восточном районе городища, в округе Малого минарета, еще в 1914 г. экспедицией С. Покровского, М.Г. Худякова и Б. Крелленберга, а в 1968–1969 гг. — экспедицией Болгарского отряда ПАЭ (начальник экспедиции А.П. Смирнов, раскопы XXVI, XXIX) исследован мавзолей Ханская усыпальница с примыкающими Восточным, Западным большим и Западным малым мавзолеями.

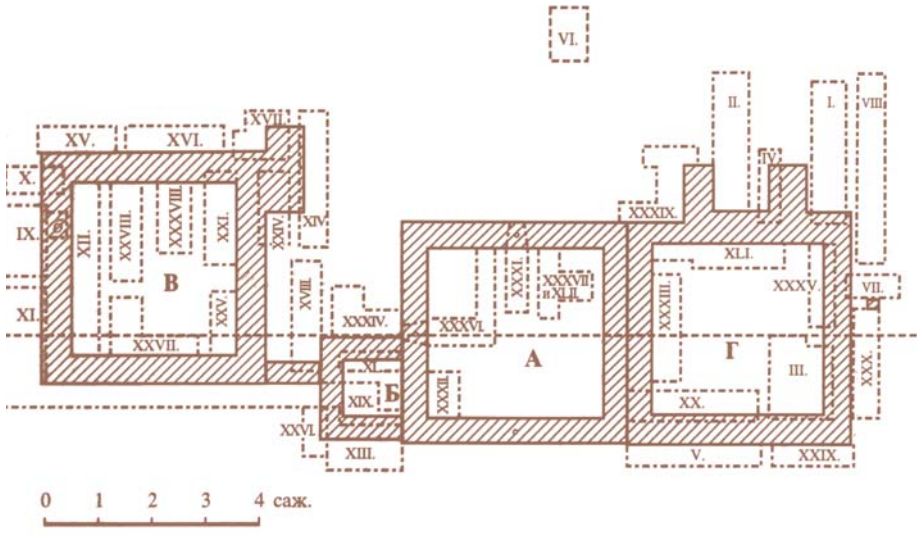
Все четыре здания вытянуты в одну линию с запада на восток, два из них, центральных, Ханская усыпальница и Малый западный мавзолей, построены одновременно, а Восточный и Западный большой мавзолеи пристроены позднее. От центральной Ханской усыпальницы сохранились стены, остатки оконных и дверных проемов, определяется материал, из которого возводили здание, сохранились погребения.



Ханская усыпальница

Археологическим исследованием в 1914–1915 гг. внутри усыпальницы вскрыты три погребения, но значительная часть площади осталась неисследованной.

У южного угла Ханской усыпальницы был небольшой пристрой — Малый западный мавзолей. Его восточной стеной служила западная стена Ханской усыпальницы. Постройка в плане квадратная, размером 330 х 340 см при ширине стен около 60 см, фундаменты пристроя и центральной постройки составляют единое целое Ханской усыпальницы. Внутри Малого западного мавзолея раскопок не производилось.



План мавзолеев Ханская усыпальница, Восточный, Большой и Малый западные мавзолеи. Пунктир западной стены здания В показывает дверь, ведущую в подвальный этаж (б), пунктир стен здания А — окна (а), пунктир четырехугольников с написанными внутри их римскими цифрами — место траншей

С восточной стороны к Ханской усыпальнице примыкает Восточный мавзолей. Он построен позднее, имел самостоятельное здание и, по-видимому, не сообщался с центральным.

Размеры здания аналогичны размерам центральной усыпальницы. Цокольная кладка стен облицована хорошо отесанными блоками известнякового камня, но сами стены и перекрытие, очевидно, были сложены из кирпича, о чем свидетельствует груда кирпичного щебня внутри здания и вокруг него. Здание снаружи и внутри было тщательно оштукатурено. Вход располагался по центру северной стены. Он был украшен арочным порталом, что типично для арабской архитектуры. Фундамент портала — два пилона, сложенные из известнякового камня, залитого строительным раствором. Площадка перед входом вымощена кирпичом. Она служила также и отмосткой.

Внутри помещения раскопками вскрыто и исследовано восемь погребений, из них два детских. Однако большая часть площади осталась неисследованной.

Большой западный мавзолей был объединен с Ханской усыпальницей и Малым западным мавзолеем позднее.

Здание Большого западного мавзолея также было прямоугольным и выдержано почти в тех же размерах, что и Ханская усыпальница и Большой восточный мавзолей. Можно говорить о портале входа в комплексе мавзолеев. Он, по-видимому, был также с арочным перекрытием и небольшим коридором, ведущим внутрь промежуточного помещения, образованного стенами центральной Ханской усыпальницы, Западного большого мавзолея, Малого западного мавзолея и стеной-перемычкой. Можно предположить, что при объединении обоих зданий появилась потребность устроить и новый вход, объединяющий здания в единое архитектурное сооружение и одновременно украсивший его арочным порталом. Тогда же был, очевидно, замурован вход в северной стене Ханской усыпальницы.

Внутри здание Большого западного мавзолея было оштукатурено. В северо-западном углу обнаружены остатки подпольной отопительной системы — развал печи и рабочее место истопника. Таким образом, мы видим устройство системы подпольного отопления, типичного для домов монгольского типа, каких в городе было достаточное количество, и особенно в этом районе в первой половине XIV в.

Археологически исследовано, что вся система отопления была уничтожена еще в бытность города Болгара.

Достаточно оснований, чтобы предположить, что здание строилось как поминальная мечеть или странноприимный дом для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам. Оно строилось на территории кладбища, возникшего одновременно с сооружением мавзолеев, на западной его окраине. Потому оно первоначально не примыкало к центральным мавзолеям и даже стояло особняком, отступая немного к северу от линии, по которой были вытянуты три мавзолея — Малый западный, Ханская усыпальница и Восточный. Лишь тогда началась вторая жизнь здания, когда его превратили в мавзолей, когда оно было соединено стеной-перемычкой с остальными и с общим входом, порталом, образовав еще одно, промежуточное помещение с оштукатуренными стенами, земляным полом. Это была своего рода прихожая, из которой можно было попасть и в Ханскую усыпальницу, и в Большой западный (теперь уже) мавзолей.

Здание стали использовать как усыпальницу несколько позднее. Исследователями была вскрыта вся площадь и обнаружено восемь погребений, одно из которых детское.

Все 18 погребений трех усыпальниц, за исключением одного, совершены по мусульманскому обряду. Погребения совершены в гробах или гробовищах из толстых плах, скрепленных железными скобами или гвоздями. В Большом западном мавзолее над двумя погребениями имелись надгробия из двух горизонтальных рядов кирпичей, расположенных один на другом, с уступом по краям.

Одно погребение в Ханской усыпальнице не выдержано в мусульманском обряде. Покойный лежал в коротком гробовище на правом боку в скорченном положении.

Захоронения в мавзолеях, с надгробиями, в гробах или гробовищах свидетельствуют о том, что здесь нашли последнее упокоение знатные или особо почитаемые и уважаемые умершие. Детские захоронения могут свидетельствовать и о семейных усыпальницах знатных фамилий.

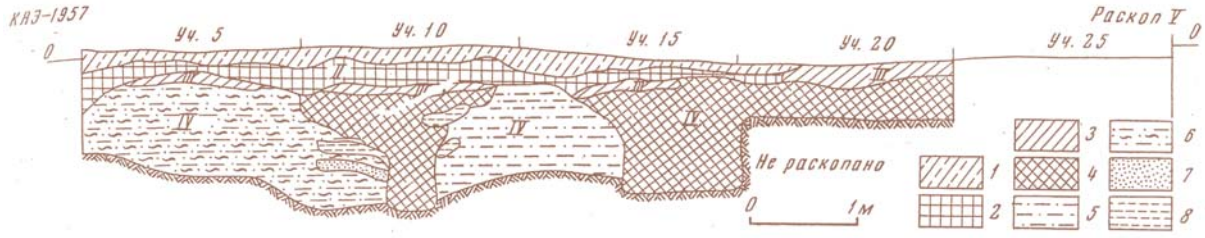
К северу от стен усыпальниц расположилось кладбище, насчитывающее десятки за-



Западный большой мавзолей комплекса Ханской усыпальницы. Западный фасад



Западный большой мавзолей комплекса Ханской усыпальницы. Фрагмент кладки северо-западного угла



Профиль раскопа V

хоронений. Погребения вскрыты раскопками 1914–1915 и 1967–1969 гг.

Все исследованные мавзолеи хорошо датируются стратиграфическими данными и всем комплексом находок серединой XIV — началом XV в. Более ранней была Ханская усыпальница, к которой позже с востока пристроен Восточный мавзолей. Наиболее поздний — Большой западный мавзолей. Он был построен на руинах дома монгольского типа, датируемого монетами и комплексом находок первой половиной XIV в. Могильные ямы кладбища у мавзолеев также нарушили жилые постройки того же времени. Фундаменты более поздних мавзолеев прорезают слои, относящиеся ко второй половине XIII в. и вплоть до 1361 г., когда город был сожжен и разрушен золотоордынским правителем Булак-Тимуром.

К югу, юго-востоку и северо-востоку от Малого минарета в 1970–1980 гг. вскрыто еще пять мавзолеев.

Мавзолей №1 — находится в нескольких сотнях метров к юго-востоку от Малого минарета. Он был вскрыт в 1970–1971 гг. раскопом XXXVII.

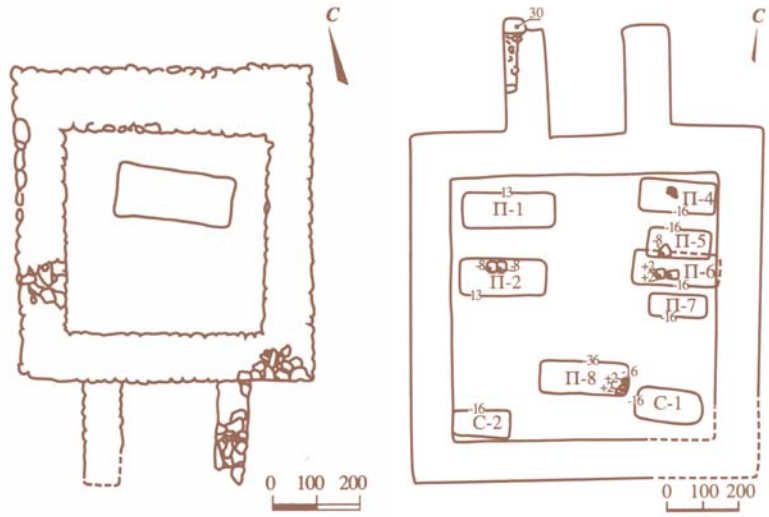
По сохранившимся фрагментам реконструируется здание, ориентированное по странам света, почти квадратное в плане, размером 6,6 х 7 м, с толщиной стен до 1 м, с внутренним помещением площадью 5 х 5 м, с входом, расположенным с южной стороны и украшенным арочным порталом, образующим коридор длиной до 2,5 м при ширине 2 м. Перекрытие здания было полусферическим о чем свидетельствует находка замкового блока. Найденные куски хорошо заглаженной штукатурки указывают на оштукатуренность внутреннего помещения Пол был земляной.

В мавзолее совершено одно погребение. Могильная яма располагалась против входа, вдоль северной стены, и была ориентирована с востока на запад. Покойный лежал в гробу из досок, соединенных железными скрепками. Погребение было нарушено поздней кладоискательской ямой. Однако по сохранившимся in situ фрагментам (ориентировка могильной ямы, характер устройства гробовища) можно не без оснований говорить об обычном для Болгар захоронении по мусульманскому обряду.

Мавзолей был построен в последние десятилетия XIV в.

Мавзолей № 2 находится также в округе Малого минарета, невдалеке от мавзолея № 1. Он был вскрыт и расчищен в 1976–1977 гг. раскопом LIV.

По выявленному котловану ленточного фундамента, фрагментам кладки фундамента и стен, по остаткам пола и отмостки, по плиткам резного камня, ганча и кусков штукатурки можно в общих чертах реконструировать все здание. Оно имело прямоугольный план размером 9,6 х 9,6 м и было ориентировано по странам света. Фундамент углублен на 1 м при ширине стен до 1 м. Кладка стен и фундамента облицовывалась с внешней и внутренней сторон крупными блоками известнякового камня, между которыми засыпался бут, залитый строительным раствором. Здание было облицовано хорошо затесанными квадратными известняковыми камнями, а внутри тщательно оштукатурено. Площадь внутреннего помещения составляла 7,3 х 7,3 м. Вход располагался с северной стороны Он представлен двумя пилонами — основой для арочного портала. Длина коридора входа была около 2 м, ширина до 3 м. Пол коридора находился на одном уровне с полом внутреннего помещения и был выстлан слоем строительного раствора толщиной 12 см. Внутри помещения пол был дощатым. Перекрытие здания



Мавзолей № 2. План (раскоп LIV 1976–1977 гг.)

Мавзолей № 1. План (раскоп XXXVII 1970–1971 гг.)

было купольным, о чем свидетельствуют многочисленные находки уплощенных туфовых плиток со скошенными боковыми сторонами различных размеров Здание украшали плиты известняка с резным геометрическим орнаментом и плитки ганча, также орнаментированные (найдены фрагменты). Вокруг стен постройки прослеживалась вымостка из щебенки, залитой строительным раствором.

Мавзолей № 2 датируется, как и мавзолей № 1. Это время последних десятилетий XIV в. Как и мавзолей № 1, здание строилось на руинах дома «монгольского типа», на площади, которая была к тому времени покинута горожанами.

После 1431 г. для здания начался новый период — его стали использовать как усыпальницу.

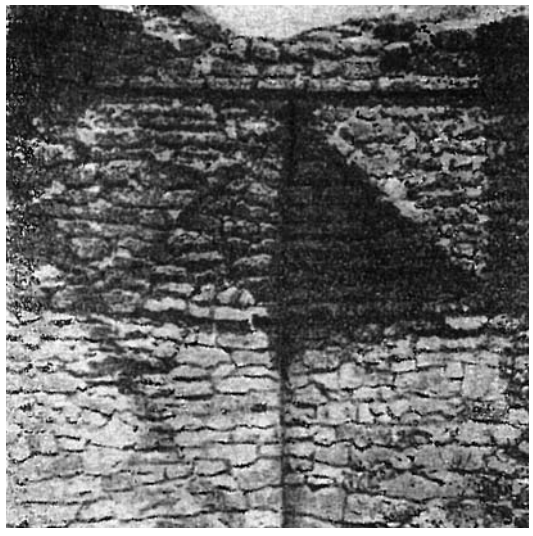
Вскрыто семь погребений, из них два детских и одно младенческое. Хорошей сохранности были три захоронения. Могильные ямы располагались двумя рядами: вдоль западной стены — две, вдоль восточной — четыре, одна могильная яма занимает центральное положение — у северной стены напротив входа.

Обряд положения покойных обычный для захоронений Болгара XIV в. Одно погребение

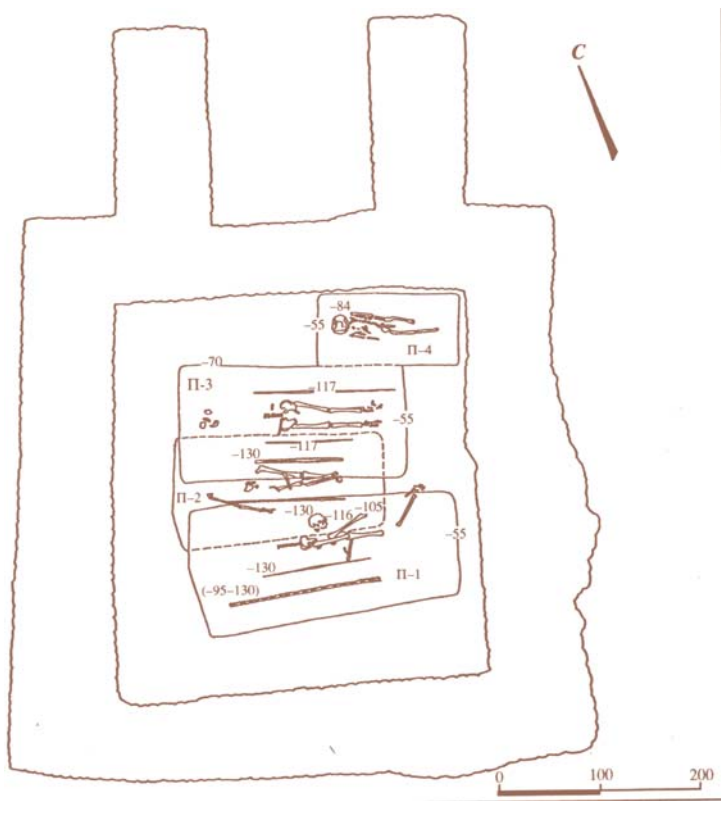


Западный большой мавзолей комплекса Ханской усыпальницы. Вид с востока

совершено в гробу из досок, остальные шесть — в гробовищах из досок или плах. Доски и плахи крепились пазами, а в одном случае — кожаными ремешками. Могильные ямы в трех погребениях имели отвесные стенки и ровное плоское дно, в четырех прослежены заплечики, что встречалось на городских кладбищах XIV в.



Ханская усыпальница. Пирамидальный тромп



Мавзолей № 3. План (раскоп LXXVII 1981 г.)

Как отличительную особенность в обряде нужно отметить положение плит известняка. В одном погребении большой необработанный камень был положен на крышку гробовища в изголовье; в другом — также в изголовье и еще посередине крышки гробовища. На поверхности дневного уровня пять могильных ям были отмечены плитами известняковых камней. Мусульманский обряд захоронения допускает положение камней над могилами.

Мавзолей № 3, вскрытый раскопом LXXVII 1981 г., расположен приблизительно в 200 м от Малого минарета, к северо-востоку от него.

По сохранившимся фрагментам реконструируется прямоугольная, почти квадратная в плане, постройка размером 5,3 х 5,5 м, с внутренней площадью 3,6 х 3,6 м, ориентированная по странам света. Вход, оформленный арочным порталом, находится с северной стороны. Ширина его в пределах 1,7 м, длина коридора 2 м. Пол в здании земляной. Ширина стен фундамента колеблется от 0,7 до 1 м при заглублении в грунт на 0,8 м. Геометрически четких очертаний в планировке, точности в размерах стен и в глубине кладки фундамента нет. Кладка фундамента из мелких камней туфа и извест-

няка, залитая строительным раствором, производит впечатление хлипкости, недобротности.

Внутри здания совершены четыре разновременные погребения, три из них располагались в центре и одно — в северо-восточном углу. Могильные ямы в плане прямоугольные, лишь одна трапециевидная; дно ям плоское и ровное, стенки отвесные. В трех ямах прослежены древесные остатки гробовищ из досок. Реконструируются гробовища как прямоугольные, с вертикальными бортами, с плоским дощатым дном. Костяки, за исключением одного, сохранились фрагментарно, так как были нарушены русской кладоискательской ямой и более поздним захоронением. Однако можно сказать, что умершие погребены по мусульманскому обряду. Дневной уровень мавзолея лежит в верхних горизонтах золотоордынского слоя. Мавзолей можно датировать второй половиной XIV в. или даже началом XV в.

Этот район города заселяется уже в домонгольское время. Интенсивная городская жизнь здесь началась лишь с рубежа XIII–XIV вв. и в XIV в. вплоть до 1361 г. На раскопе четко прослежен слой пожарища, связываемого с событиями карательного похода на город золотоордынского хана Булак-Тимура. Пожарище перекрывает все выявленные сооружения. Признаков возрождения жилых кварталов после 1361 г. не выявлено. Мавзолей был возведен на пустыре.

Мавзолей № 4, вскрытый раскопом LXXVI 1981 г., расположен в 600 м к юго-востоку от Малого минарета. От здания сохранился лишь котлован ленточного фундамента да строительный мусор. Котлован образует в плане квадрат неправильного очертания (8,6 х 8,6 м) при ширине стен от 0,7 до 0,9 м. Сохранившаяся глубина котлована составляет лишь 0,1–0,12 м. Дно котлована покоится в средних горизонтах позднезолотоордынского слоя первой половины XIV в. Не сохранилось и следов от входа. Лишь по расположению погребений, теснящихся в южной половине помещения и образующих небольшое пустое пространство у северной стены, можно предположить здесь дверной проем. Для реконструкции первоначального вида мавзолея данные очень скудны.

В мавзолее было совершено 11 погребений, 3 из них детские, 4 погребения полностью или частично нарушены при захоронениях очередных покойников. Погребенные положены головой на запад, вытянуто, на спине или с легким полуповоротом на правый бок, лицом на юг. Одно детское погребение совершено на боку и с полусогнутыми ногами, как и на городских кладбищах. Положение верхних конечностей во всех погребениях одинаково: правая рука вытянута вдоль туловища, а левая полусогнута в локте и лежит в области живота или кистью на тазовых костях. Нижние конечности вытянуты, лишь в детских погребениях они слегка согнуты.

Все погребения совершены в могильных ямах прямоугольной формы, с плоским дном и в гробовищах из досок, прямоугольной формы или слегка расширенных к изголовью. Глубина могильных ям от поверхности современной пашни составляет от 0,8 до 1,3 м.

Для этого мавзолея характерны большая четкость, отработанность погребального обряда положения покойного, бедность и небрежность в возведении здания усыпальницы.

На раскопе выявлены лишь два культурных слоя — позднезолотоордынский и современная пашня. Болгарский слой хорошо датируется находками бытовых вещей и монетами первой половиной — серединой XIV в.

Датировать постройку мавзолея стратиграфически можно второй половиной XIV в., а быть может — началом XV в. Стенки котлована фундамента пересекли культурные напластования первой половины XIV в., и дно его лежит в этом же слое, в нижнем его горизонте. Признаков жилищ вокруг мавзолея не обнаружено. Он, как и предыдущие мавзолеи, построен был на пустыре.

Мавзолей № 5 находится на окраине города, недалеко от южных городских ворот. Он исследован раскопом LXXXVIII 1983–1985 гг. Здание было возведено на возвышении, окруженном заболоченной низиной. От постройки остался лишь холмик из строительного мусора. Однако котлован ленточного фундамента и 12 могильных ям с остатками гробовищ и останками погребенных прослежены четко.

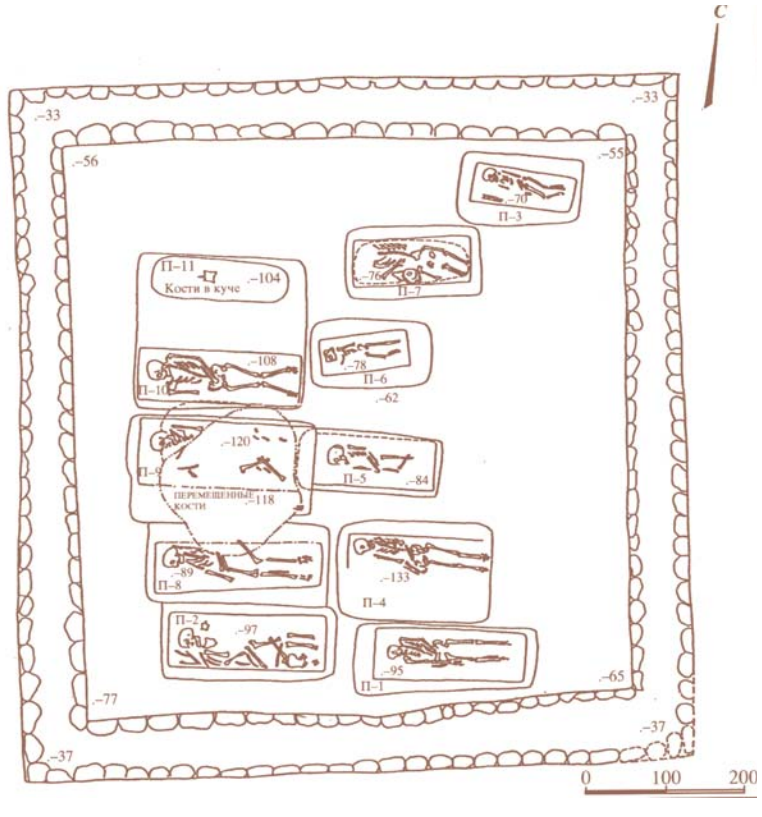
Здание было прямоугольным в плане (8 х 14 м), ориентировано по странам света. С южной стороны располагался вход, представленный котлованом фундамента под пилоны для арочного портала: длина коридора входа около 2 м, ширина 2,5 м. Внутри постройка состояла из двух помещений размером 6 х 6 и 5 х 6 м с толщиной стен 1,2–1,3 м.

В общих чертах сооружение представляло собой прямоугольное, довольно вытянутое здание с входом с южной торцовой стороны. Вход был увенчан арочным порталом.

Строительные приемы были традиционны для Болгара. Котлован под фундамент здания заполнялся кусками известнякового камня, затем заливался строительным раствором. Обломки отесанных блоков известнякового камня в раскопе свидетельствуют о кладке стен из квадров, а куски штукатурки — о внутренней отделке помещений.

В большем помещении совершено восемь погребений, а в меньшем — четыре. Погребе-

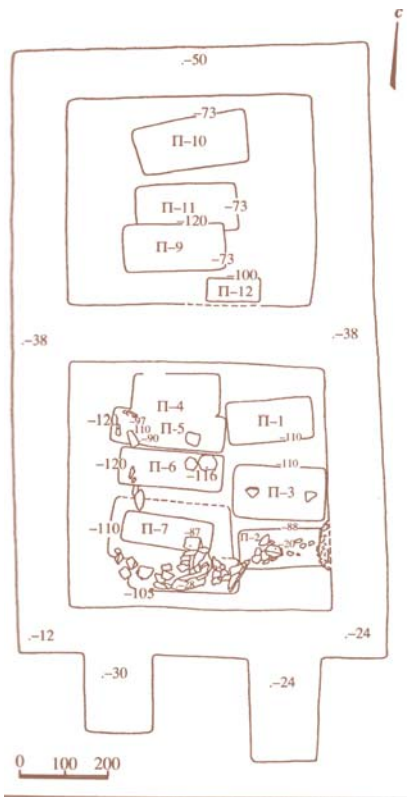
Мавзолей № 4. План (раскоп LXXVI1981 г.)



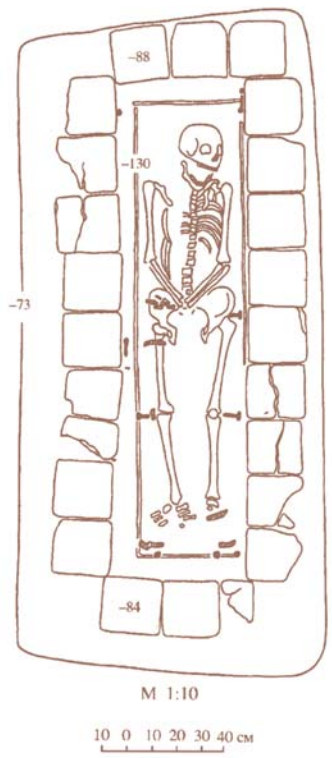
ния разновременны, борта некоторых могильных ям нарушены соседними, более поздними. Все погребения, за исключением одного детского, совершены в гробовищах, сделанных из досок, в форме прямоугольного ящика, с вертикальными боковыми стенками, иногда с перекрытием из плах. Крепились деревянные конструкции железными скобами и гвоздями. В одном погребении гробовище было обложено кирпичной кладкой, образовавшей в могильной яме склепик. Кладка в семь рядов кирпича выполнена всухую. В плане склепик прямоугольный, с отвесными стенками.

Из 12 погребений 2 детских и 2, по-видимому, подростковых. Костяки хорошо сохранились в пяти случаях, об обрядовом положении остальных можно судить по сохранившимся in situ частям костяков.

В трех погребениях, под костями черепа и рядом, обнаружены фрагменты тонкой ткани зеленоватого цвета с кромкой из серебряных или золотых нитей. В одном погребении под нижней челюстью найдена сердоликовая бусина-пуговка, а в другом — сердоликовый перстень с печаткой. Сердоликовые бусинки-пуговки были уже встречены в погребениях, на-



Мавзолей № 5. План (Раскоп LXXXVIII 1983–1985 гг.)



План погребения 10 в мавзолее № 5



Северный мавзолей до реставрации. 1950-е гг.



пример в одном погребении мавзолея № 2 и на городском кладбище конца XIV — начала XV в. у Малого минарета.

Погребения совершены по мусульманскому обряду, и положение покойных ничем не отличаются от положения погребенных на городских кладбищах XIV — начала XV в. у Малого минарета.

Стратиграфическими данными захоронения датируются последними десятилетиями XIV — началом XV в.

Мавзолей № 5 от других рассмотренных отличается (как и мавзолей № 3 и 4) некоторой небрежностью кладки, нечеткостью планировки стен и пилонов.

Все пять рассмотренных мавзолеев, а также Ханская усыпальница с тремя пристроями, объединяются в одну группу по времени сооружения: серединой XIV — началом XV в. Все они, кроме Ханской усыпальницы, сооружались уже после 1361 г., когда Булак-Тимур превратил город в сплошное пепелище. Все громадное пространство к югу от Иерусалимского оврага больше уже не застраивалось жилищами и ремесленными мастерскими. Это был пустырь в черте оборонительных городских сооружений, возведенных еще в начале XIV в. На этой площади и стали возводить усыпальницы.

Захоронения в мавзолеях свидетельствуют, что это погребения знатных, особо почитаемых лиц. Не исключено, что это семейные усыпальницы, если принять во внимание детские захоронения.

Все погребения совершены по мусульманскому обряду и идентичны погребениям городских кладбищ.

Площадь городища с привольно раскинувшимися мавзолеями и, по меньшей мере, с еще четырьмя скрытыми пока под холмами, свидетельствует, что Болгар, теряя после 1361 г. свое прежнее экономическое и, вероятно, политическое значение, приобретал все большую славу мусульманской святыни.

Л.А. Беляев

Малый городок

Высокий уровень развития архитектуры и строительных ремесел в средневековой Болгарии общепризнан. О нем наглядно свидетельствуют довольно многочисленные и относительно хорошо сохранившиеся памятники. Но подступ к созданию общей картины истории строительства у болгар все еще затрудняет недостаточность целенаправленных исследований отдельных архитектурно-археологических объектов.

На это указывал более 30 лет назад А.П. Смирнов, связывавший частые расхождения в датировке сооружений и малообоснованные аналогии памятникам болгарской архитектуры именно с нехваткой положительных сведений о строительстве, о конкретных чертах облика давно находящихся в научном обороте зданий. Впоследствии он наметил путь для ликвидации пробелов на материале наиболее «застроенного» каменными зданиями городища Великого Болгара. С тех пор многое сделано для сбора материалов по монументальным сооружениям Болгарии, и все же оттенок излишней генерализации вынужденно сохраняется в истории болгарского строительного дела до сих пор. Накопление скрупулезных архитектурно-археологических обследований построек монографического характера, ориентированных на фиксацию и осмысление деталей строительной техники и архитектуры, позволит реально охарактеризовать способ производства болгарских строителей, формы, приемы их деятельности, представить сам ход работ и на основе этих данных провести обоснованные сопоставления памятников как внутри, так и за пределами этого круга построек.

Такого рода работа была проведена в 1981–1984 гг. на довольно известном архитектурном комплексе Болгарского городища — Малом городке, сведения о древностях которого, несмотря на обилие описаний, были самыми скудными. Памятник привлекал внимание исследователей уже в конце XVIII в., однако первые раскопки здесь были произведены спустя 100 лет. В 1893 г. И.Н. Смирновым и А.И. Александровым были начаты расчистки руин каменных зданий, но велась ли при этом фиксация и где ее результаты — неизвестно.

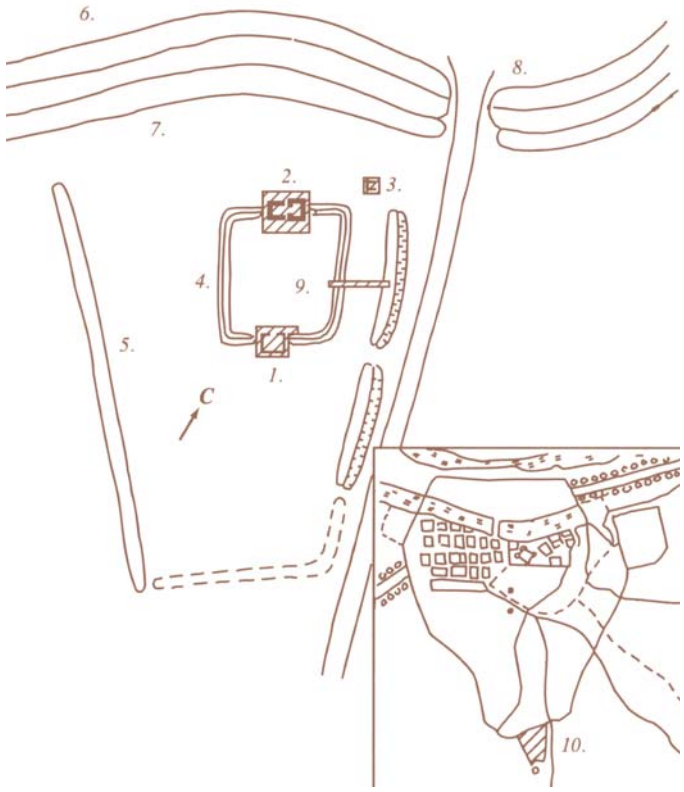
В период работ А.П. Смирнова Малый городок затронула лишь разведка, в его трудах памятнику уделено несколько строк.

Раскопками 1981–1984 гг. вскрыты три монументальные сооружения — двухбашенные проездные ворота, здание для омовений и трехкамерное (Южное) здание, были прорезаны рвы, частично — внешний вал, изучена стратиграфия.

Малый городок расположен на южной оконечности Болгарского городища, за его пределами, к западу от южных въездных ворот города XIV в., в 2 км от берега реки. В плане имеет трапециевидную форму, меньшей стороной обращен на юг и как бы повторяет в миниатюре

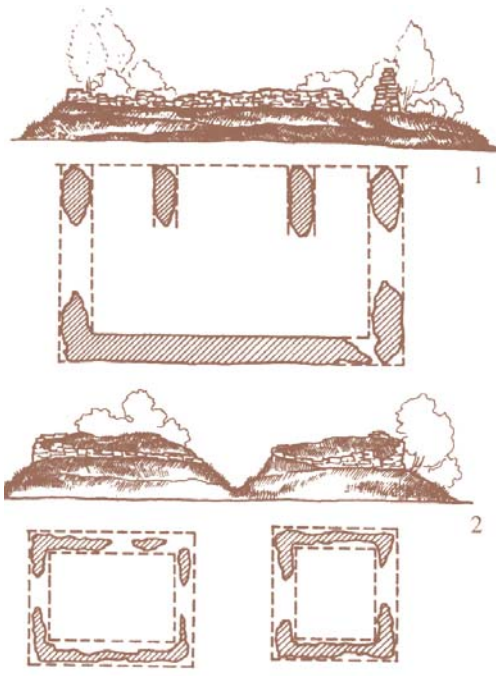


Северное здание Малого городка середины XIV в.

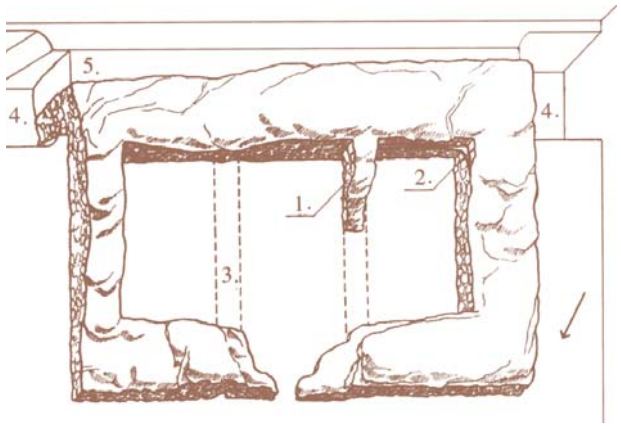


План Болгарского городища и Малого городка: 1 — Южное здание (раскоп LXXX); 2 — пилоны ворот (раскоп LXXXVII); 3 — здание с водоемом (раскоп LXXXIX); 4 — внутренний ров; 5 — внешний ров; 6 — вал городища; 7 — ров городища; 8 — южные ворота города Болгара; 9 — раскоп LXXIX 9прорезка вала и рва); 10 — Малый городок в составе Болгарского городища

план «большого вала», также треугольно-трапециевидного. Малый городок имеет два пояса укреплений. Внешний пояс образован валом со рвом. Въезд внутрь его осуществлялся, вероятно, через проем в восточной части вала, там, где он примыкает к валу городища. Меньший обвод укреплений вписан в наружный, с сильным сдвигом к северо-восточному углу, т.е. к въезду. Это неправильный четырехугольник, стороны которого, образованные рвом, почти параллельны внешним линиям. Внутри рва — хорошо задернованная, ровная, наклонная к югу площадка, в прошлом распахивавшаяся. Северная и южная стороны рва прерываются каменными сооружениями. Остатки еще одного здания лежат в северо-восточном углу городка, при въезде, между внешним и внутренним углами укреплений.



Руины зданий Малого городка в 1827 г. по рис. А. Шмита. 1 — южное здание; 2 — пилоны въезда



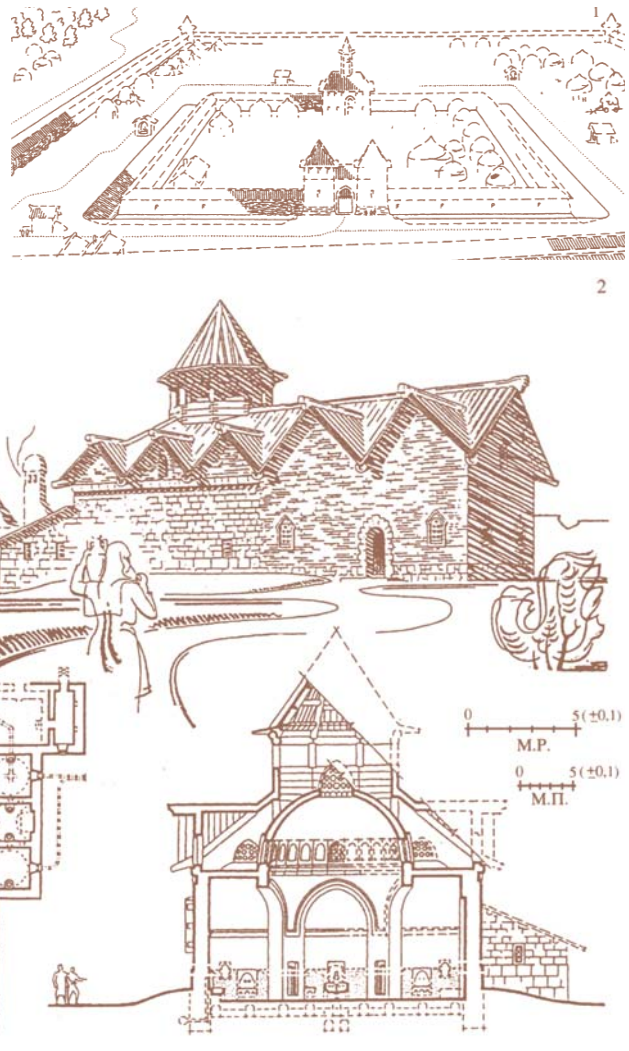
Остатки Южного здания в раскопе LXXX. Аксонометрия: 1 — остатки западной перегородки; 2 — лицевая кладка; 3 — возможное положение восточной перегородки; 4 — ров городища; 5 — ров южного фундамента

Стратиграфия Малого городка в целом очень проста. На центральной площадке, а равно и между укреплениями культурный слой не обнаружен. Ленты светлого материкового выброса из рвов аккуратно обозначают уровень необжитой поверхности времени строительства, которая приподнята над материком на 0,4 м за счет природного гумуса. Общая мощность слоя зависит от величины насыпи и наросшего на ней вторичного гумуса (0,2–0,4 м), который сливается с современным и содержит большее или меньшее количество строительных остатков. Вблизи зданий прослеживаются слои строительства и разрушений, но прямых свидетельств обживания поверхности здесь нет. Стратиграфия позволяет предположить, что комплекс не использовался по назначению, анализ строительных остатков убеждает в том, что работы по его созданию не были завершены.

Время постройки городка суммарно определяется, во-первых, явной связью с возведением укреплений «большого вала»; во-вторых, керамическими материалами, собранными в строительных рвах и в растворе (куда фрагменты сосудов домешивались как армирующая добавка). Эти материалы указывают на середину XIV в.

Недостаточная выраженность архитектурного замысла Малого городка, проистекающая из его недостроенности, а также отсутствие следов длительного использования определили своеобразие этого комплекса как объекта исследования, как исторического источника. С одной стороны, возникли осложнения с раскрытием функции ансамбля в целом, а также с определением назначения отдельных построек, с уточнением датировки, с реконструкциями объемов сооружений. Но с другой — городок предоставил редкую возможность наблюдать детали строительной техники, приемы строительных работ (особенно их первых этапов), обычно скрытые на лучше сохранившихся и доведенных до завершения сооружениях. Отсутствие строительных периодов, однослойность памятника позволили увидеть технические, конструктивные особенности работы древних ремесленников со всей обнаженностью.

При сооружении комплекса важная роль отводилась рельефу, что вообще характерно для болгарской фортификации. Центральная площадка помещена в самой высокой точке поля, макси-



Опыты реконструкций архитектурно-археологических памятников по иконографическим источникам. 1 — Малый городок перед въездом в Булгарское городище, принадлежащий к типу «каравансарая в системе работа (крепости)». Общий вид по облику конца XIV в. со стороны южной крепостной ограды бывшего города в реконструкции С.С. Айдарова; 2 — Белая палата, принадлежащая к типу «турецкой бани». План кровель бани и прилегавших колодцев с водонапорными устройствами, общий вид, план этажа и разрез по облику второй половины XIV — начала XVI (XVIII) вв. В реконструкции С.С. Айдарова.

мальная отметка ее лежит в районе ворот. К северу, востоку и особенно к югу от города местность понижается Малый городок и сейчас — господствующая позиция в южной части города.

Строительная техника построек Малого городка имеет ряд особенностей, выделяющих ее среди болгарских памятников XIII–XIV вв., хотя в целом она им аналогична.



Западная башня северного здания Малого городка середины XIV в.

Общим приемом для болгарского строительства является использование под фундаментами песчаных подсыпок, заливок и свай коротышей.

Однако системы фундаментов Малого городка, отличаясь особой сложностью и дробным характером, имеют на большинстве участков весьма малое заложение, существенно уступающее глубине оснований не только крупных зданий (у Соборной мечети — 2,2–2 м), но и небольших построек (мавзолеи Монастырский погреб — 2,35 м, ц. Николая — 1,9 м, даже дромос последнего — 1,9 м, в то время как обычные «ленты» на городке — около 1 м).

В кладках стен и фундаментов используются все те же материалы, что применялись в Болгаре вообще, — туф, известняк, песчаник, булыжник. Но использован он практически без разбора, вперемежку. Вместе с камнем в дело идет в большом количестве и застывший колотый раствор. Очевидно, при строительстве активно использованы разбираемые кладки более ранних городских сооружений.

Камень обработан очень экономно, скупо, хотя и искусно. Прослеживаемый по следам, уже упоминавшийся набор инструментов (тесовик, скарпель, для твердых пород троянка-зубчатка) характерен для болгарской тески в целом, но рядом стоящие блоки обработаны совсем по-разному, следовательно, и здесь речь идет о вторичном использовании камня. Следует подчеркнуть, что среди камней совершенно нет шлифованных и вообще облицовочных, тесанных начисто, — вероятно, облицовка стен не применялась, хотя прием этот в архитектуре Болгара эпохи расцвета

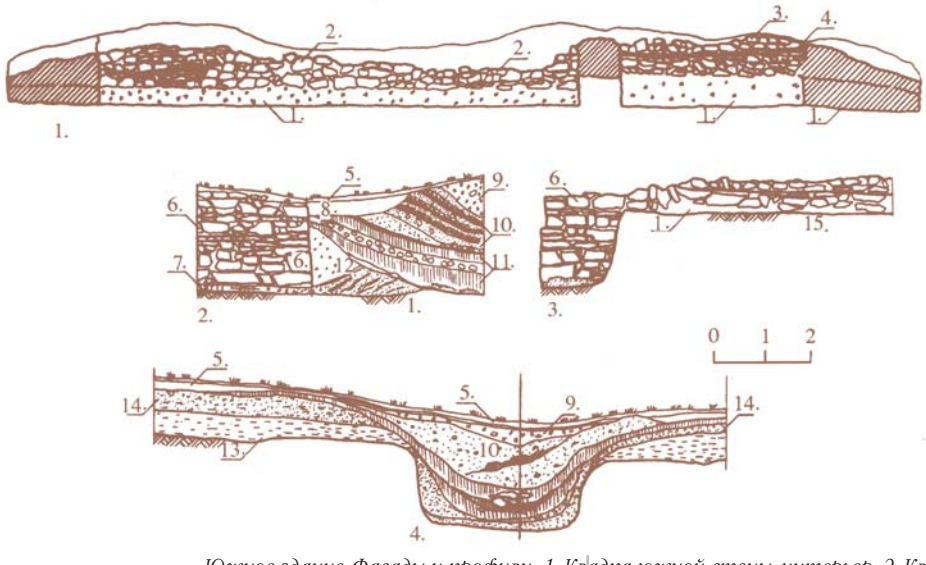


Южное здание Малого городка. Середина XIV в.

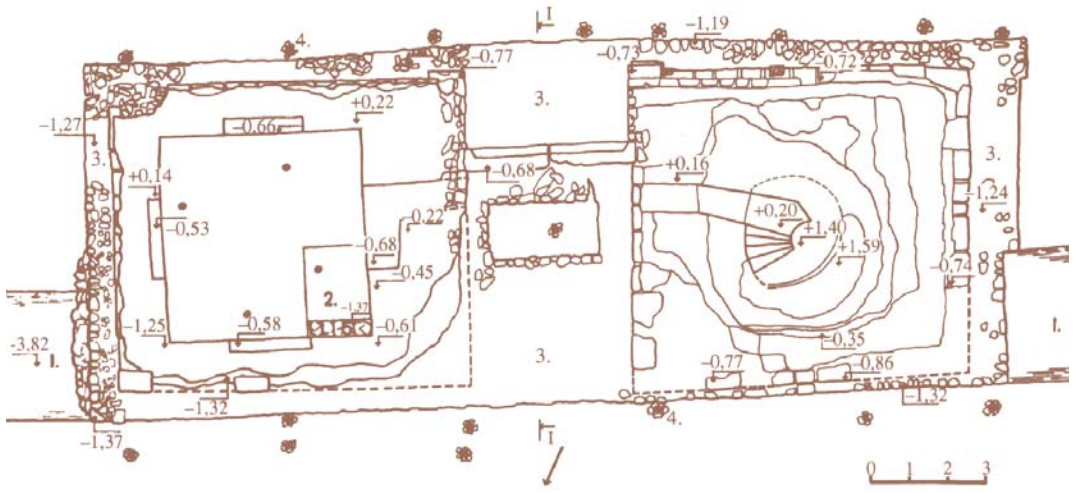
использовался широко. Нужно указать также на полное отсутствие в кладках конструктивно используемого кирпича, фрагменты которого лишь изредка встречаются в забутовке, а ведь это очень популярный в позднесредневековой Болгарии материал. Вся кладка, включая своды и иные ответственные места, была каменной, поверхность ее закрывалась штукатуркой.

Растворы — и это тоже характерная черта болгарского строительства — имеют сложный состав и различаются в разных частях зданий. Им явно придавалось особое значение, что легко объяснимо господством бутовой техники кладки. Визуально можно выделить три варианта — для кладок наземных частей, для фундаментов, для обмазок и штукатурок. Первый из них — известковый, с добавками гипса, кусочков извести, камушков, черепков, редких угольков и т.п.; второй — весьма тощий, без посторонних добавок, на чистом песке, местами с небольшой примесью цемянки; наконец, третий — декоративный, на алебастровой основе, или, тонко отмученный, без добавок.

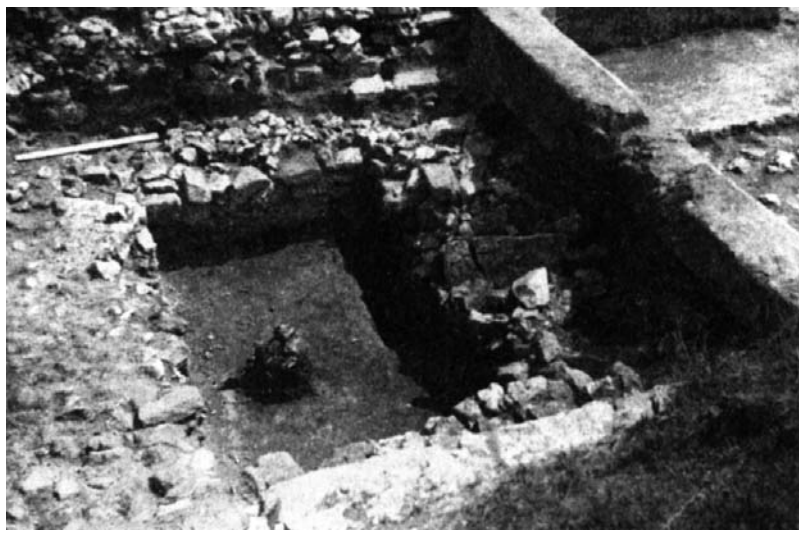
Декор сооружений, даже по болгарским меркам, более чем скромен. Полностью отсутству-



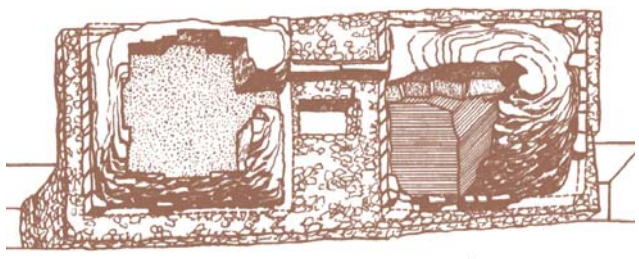
Южное здание. Фасады и профили: 1. Кладка южной стены, интерьер; 2. Кладка фундамента южной стены во рву и его заполнения; 3. Кладка фундаментов северной стены; 4. Профиль северного борта раскопа LXXX. 1 — бутово-заливной уровень фундамента; 2 — кладка с подбором камней; 3 — лицевая кладка стены; 4 — обмазка пола; 5 — дерн; 6 — кладка во рву; 7 — подсыпка под фундамент и сваи; 8 — перекоп XX в.; 9 — строительный мусор; 10 — гумус и строительные прослойки; 11 — чистый гумус; 12 — песчаная подсыпка; 13 — плотный гуммированный суглинок; 14 — выброс из рва



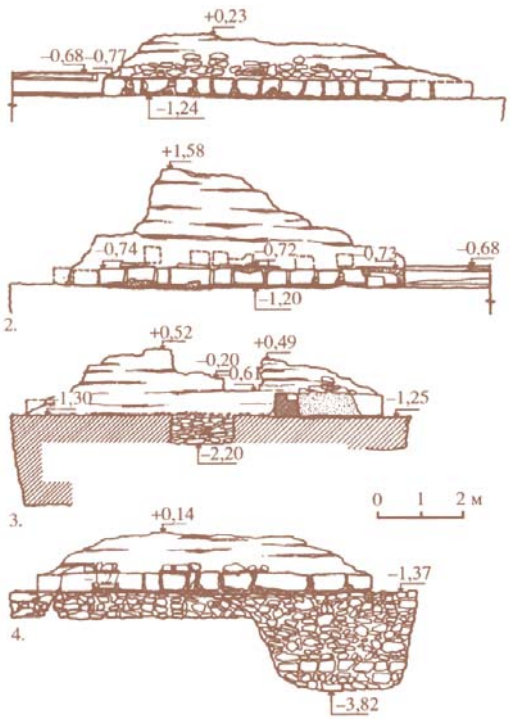
Въездные башни Малого городка (раскоп LXXXVII). План



Проезд ворот. Общий вид фундаментов и порога с запада



Остатки въездных ворот в раскопе LXXXVII. Аксонометрия



Обмер башен-пилонов ворот: 1. Южный фасад восточного пилона. 2. Южный фасад западного пилона. 3. Западный фасад восточного пилона. 4. Восточный фасад восточного пилона

ют изразцы или иные керамические украшения, профилировки из камня или раствора, орнаментальная резьба по камню. Единственный найденный в «здании с водоемом» фрагмент резного ганча — плоский врезной трилистник с прорезями по бокам — представляет, собственно, всю декоративную часть. Он очень прост и относится к распространеннейшему мотиву мусульманской орнаментики. Аналогичные или очень близкие по рисунку трилистники входят в орнамент достаточно отдаленных друг от друга памятников и выполняются в разных техниках (ср. изразцы надгробий Наджм-ад-дин-Кубра в Куня-Ургенче и шейха Сейи-да Алауддина в Хиве, XIV в.; резной ганч михрабной ниши мечети султана Калауна в Каире, XIII в.; декоративную нишу в стене городских ворот Каира — Баб аз-Зувайла, XI в.).

Скупость отделки странно контрастирует с широтой общего замысла. Масштабы строительства на Малом городке в целом сопоставимы разве что с возведением земляных укреплений городов Болгарии. Ансамбль в момент перерыва работ имел, вероятно, вид огромной строительной площадки со свежевырытыми, более чем километровыми рвами, частично насыпанными валами, зданиями, отстроенными полностью или частично.

Кроме значительности объемов, внимания заслуживает тот факт, что в отличие от всех значительных комплексов Болгара, «накапливавшихся», складывавшихся постепенно в течение десятилетий, Малый городок был задуман и начат как единое целое, целенаправленно и в общем одновременно по всей площади. Это ансамбль в прямом значении слова, собственно, единственный известный сейчас в Болгаре. Отдельные постройки и части его должны были сочетаться друг с другом целесообразно и органично.

Как сам замысел, так и размеры проведенных работ отражают значительные материальные возможности города, огромный опыт строительства из камня, земли и дерева, накопленный в XIII–XIV вв. Строительные ремесла, техника, организация работ в Болгаре к середине XIV в. достигли, безусловно, нового уровня, позволявшего планировать и возводить крупные комплексы репрезентативного назначения, не уступавшие по размерам и сложности замысла ансамблям территорий с гораздо более древней архитектурной традицией. Попыт-



Край михрабной ниши, остатки водоема и начало водоотвода

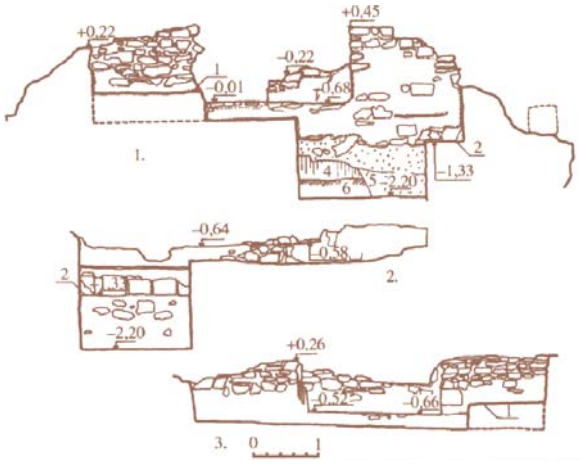


Кладка суфы и подсыпки под пол

ка возведения Малого городка свидетельствует о возросших потребностях заказчиков и возможностях мастеров перейти от сооружения отдельных зданий к постройке единых ансамблей. Разумеется, такие работы требовали не только больших прямых трудозатрат, но и значительного количества высококвалифицированной рабочей силы. Для осуществления задуманного город, возможно, был вынужден мобилизовать ресурсы, в том числе использовать выборки материалов из старых памятников, а также пожертвовать некоторыми традиционными приемами строительства, не говоря о богатстве декора.

Противоречие, заложенное в расхождении реальных возможностей и размаха строительства, вкупе с неблагоприятными для Болгара событиями внешнеполитической истории конца XIV и начала XV в. стало, вероятно, причиной не только перерыва в работах, но и полного их прекращения.

Обратившись к попытке представить себе ансамбль в том виде, в каком он был задуман в XIV в., приходится признать, что наши представления об окончательном виде отдельных зданий очень несовершенны. «План здания,



Обмер частей интерьера восточного пилона: 1.Западная стена. 2. Северная стена. 3. Южная стена. 1 — уровень верхней обмазки пола; 2 — выступ фундамента северной стены; 3 — пустоты под фундаментом западной стены: заполненные выпавшими камнями

прочитанный как отпечаток фундамента на листе бумаги, часто ничего не говорит». К сожалению, это часто применимо к архитектурно-археологическим материалам Понятнее всего объемная композиция самого маленького и простого здания — часовни-куббы, перекрытой сводом со сферическим или шатровым завершением, с михрабом, украшенным резьбой, боковыми суфами и водоемом («здание с водоемом»). В общих чертах можно представить также объемы башенных ворот — два вертикально стоящих параллелепипеда, соединенные по верху, равновысокие — или с поднятым «донжоном» (минаретом ?) на западной башне, в который уходит винтовая лестница, и с залом в основании восточной башни, освещаемым, вероятно, через проемы в стенах. Сложнее обрисовать Южное здание: вероятно, это продолговатый объем (в два этажа ?), с небольшим, слабо выраженным снаружи порталом и с куполом над центральной камерой. Возможны, конечно, и другие варианты композиции.

В историко-архитектурном отношении наиболее интересное сооружение — въездные ворота, поскольку до сих пор болгарское строительство не давало решений проездов типа городских ворот, фланкированных каменными башнями, и в этом смысле пилоны Малого городка — явление уникальное. Аналоги сочетаний земляных ограждений и деревянных конструкций с каменными проездными воротами хорошо известны в городах домонгольской Руси — достаточно напомнить укрепления Киева (Золотые и Софийские ворота) и Владимира на Клязьме. Однако конструктивно и архитектурно это совсем иные сооружения, суть которых составляют подчеркнуто длинные проезды, ограниченные стенами-опорами, лишенными боковых помещений и смыкающимися с валом. Надвратные сооружения — церкви — лишь увенчивают перекрытия, располагаясь выше уровня опорных стен. От двухбашенной структуры Малого городка это очень далеко. Подобное ей надо искать в другом направлении. Двухбашенные проезды, известные с глубокой древности, активно использовались, перестраивались, разрабатывались заново архитекторами мусульманского Востока, доживая в принципе до нового времени (ср. ворота Баб-аль-Киоан в Дамаске, XIII–XIV вв., — сводчатый проезд, зажатый двумя выступающими вперед прямоугольными башнями; Баб-аль-Футух и прочие ворота Каира, XI в.; ворота На-рын-



Здание для омовений Малого городка середины XIV в.

Кала в Дербенте, XVIII в.). Различные по размерам, конструкциям перекрытий, строительной технике, декору и т.п., двухбашенные проезды оставались близкими по схеме во множестве городов и крепостей от Магриба до Индии, в том числе в странах, сопредельных мусульманскому миру и также наследовавших античные градостроительные традиции, — на Балканах, в Византии, в Крыму.

Аналогами для композиционных решений зданий Малого городка могут послужить сходные объемно-пространственные структуры хронологически и исторически близких Болгарам строительных школ. Например, вход в Дворцовую мечеть Ширваншахов (1441 г.) представляет собой стрельчатую арку в прямоугольной нише портала, ограниченную с двух сторон равновеликими плоскостями башнеобразного основания минарета и сводчатой палаты, увенчанной куполом. Еще ближе формы отдельных зданий Куня-Ургенча, где известны и четырехнишевые схемы интерьеров квадратных в плане помещений (Иль-Арслан, мавзолей Текеша, XIV в.), и порталы, в пилонах которых скрыты винтовые лестницы и кельи-худжры (входной объем ханега-медресе «мавзолей Тюрабек-ханым», середина XIV в.). Давно отмеченные связи Ургенча (и Хорезма в целом) с Болгарией позволяют указать на эти аналогии как на особенно важные.

Существование сооружений, подобных двухбашенным воротам, сближает болгарскую архитектурную традицию с той сферой городского средневекового строительства, которая сложилась в странах Средиземноморья (как христианских, так и мусульманских) и характерные черты которой метко схвачены и зафиксированы в условных значках на картах XIV в. — пусть и в несколько гротескной, упрощенной форме.

Безусловно, Малый городок рассматривался строителями и заказчиками как объект первостепенной важности. Подъезжающему с юга путешественнику он должен был издали представляться своего рода парадными воротами города, демонстрировать средствами архитектуры могущество, богатство, а возможно, и благочестие горожан и (или) правителя. Мощные белоснежные объемы, строгие границы лапидарных, геометризированных масс немало выигрывали, вероятно, на фоне зелени и темно-серебристых деревянных стен «большого вала», оживляя довольно плоский рельеф окрестностей.

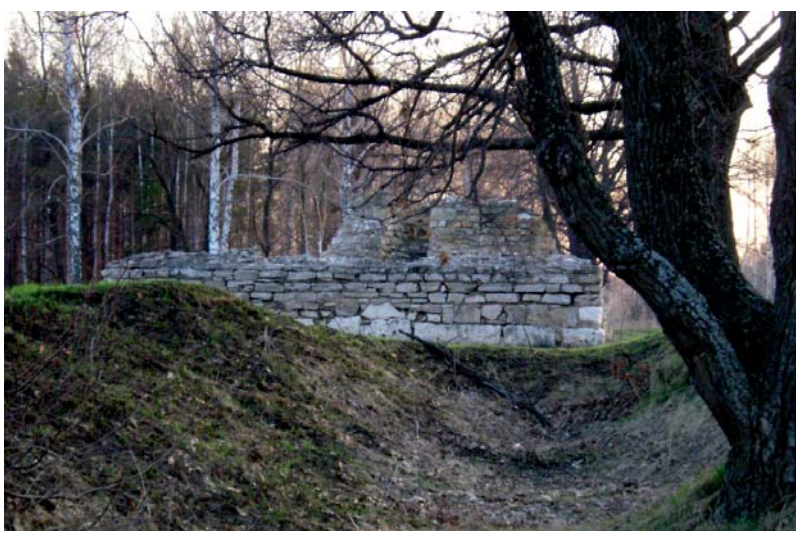
Остановимся на проблеме предназначения ансамбля. Сама целостность замысла предполагает, что Малый городок строился для исполнения определенных задач. Однако выяснить, каких именно, при отсутствии серьезных следов обживания, неполной еще исследованности ансамбля и недостроенности ряда сооружений представляется затруднительным. Чрезвычайно простой план ансамбля — замкнутый двор с осевым расположением входа и главного объема и с возможной в принципе застройкой изнутри по периметру — присущ самым разным по функциям ансамблям культового, административного, хозяйственного и военного назначения. Замок (дворец, цитадель), мечеть (ханака, медресе), караван-сарай могли иметь одинаковую объемно-пространственную композицию. Некоторые из этих типов сооружений связаны между собой и возникновением, и взаимными влияниями, и дублированием функций, поэтому на уровне почти «чистого плана» они достоверно не различаются. Большинство авторов, писавших в прошлом о Малом городке, склонялись к мысли о существовании здесь в прошлом фортификационного узла (эксцентрическая цитадель, загородный дворец, замок — «кешк» и т.п.), допуская в ряде случаев совмещение его с таможней.

Исследования, к сожалению, дали лишь ряд косвенных свидетельств, позволяющих судить о назначении городка. Прежде всего следует подчеркнуть, что на внутренней площадке и вокруг каменных сооружений полностью отсутствуют следы производственной деятельности, за исключением строительной. Однако и «бытовая функция» в исследованных постройках не выявлена и как бы игнорируется. Нет никаких свидетельств того, что строители пытались сделать здание пригодным для обживания. Печи или подпольные отопительные системы, так же как каны, характерные для всех каменных жилых и бытовых построек Болгарии, здесь, несомненно, отсутствуют. Без постоянного обогрева использование крупных каменных построек в зимнее время на Средней Волге вряд ли возможно. Сама планировка помещений: большие зальные пространства, отсутствие выгородок, широкие порталы, проемы без сеней или пристроек — все свидетельствует о равнодушии к вопросу сохранения тепла и об отсутствии стремления уменьшить обогреваемый объем. Представляется, что столь малый интерес к обеспечению комфортных условий существования мешает видеть в Малом городке феодальный замок, цитадель и т.п. Даже для летнего дворца следует ожидать большей заботы о планировках и украшении зданий. Возможность существования в прошлом на городке дворцового комплекса сейчас правильнее было бы отвергнуть.

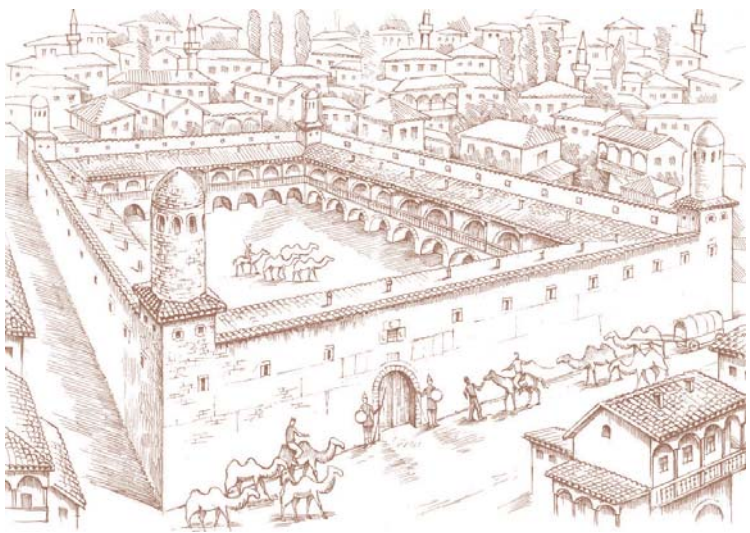
Невыраженность бытовой функции мешает видеть в Малом городке и караван-сарай. Комплексы караван-сараев хорошо изучены в районах, непосредственно связанных с Болгарией, — в Хорезме и в Средней Азии в целом, в Азербайджане, Малой Азии, Армении. Важно указать на то, что в городах средневекового Востока наиболее крупные, дорогие, «солидные» караван-сараи и ханы (средоточия оптовой торговли, склады, гостиницы, конторы, банки и т.п. — в одном лице) располагались

внутри городских укреплений, зачастую близко к центру города. За стены же при необходимости выносились дворы упряжного и вьючного скота, беднейшие заезжие дворы для окрестных крестьян. К таким Малый городок относиться не может.

Вторым типом караван-сараев были путевые, придорожные, поставленные обычно в мало-



Малый городок



Караван-сарай Таш-хан в Карасу-базаре

освоенных районах на расстоянии дневного караванного перехода. Необходимость автономного существования заставляла придавать им вид небольших крепостей, фортов или сильно укрепленных домов. Среди них встречаются относительно близкие к Малому городку по плану и размерам (хотя прямых совпадений нет), но следует помнить о стандартности плановых решений средневековых мусульманских ансамблей. Например, уже в средневековье было отмечено поразительное сходство некоторых планов караван-сараев и медресе (и других культовых комплексов), на основе чего возник устойчивый легендарный сюжет.

Однако любые караван-сараи строились с расчетом создать путешественникам и торговцам условия для отдыха, длительного пре-



Ворота Баб-аль-Футух в Каире

бывания или даже для постоянной жизни в городе, для хранения товаров, содержания животных и т.п. Именно этим требованиям отвечает единственное пока в Болгарии сооружение, трактуемое как караван-сарай городского типа, — мехман-хана в Биляре, — отапливаемое кирпичное здание с мелко поделенным внутренним пространством, но им же никак не удовлетворяет комплекс построек, изученных к настоящему времени на Малом городке.

Оборонительное предназначение городка более вероятно, о чем говорит, во-первых, само расположение возле южного, наиболее уязвимого въезда в город, дающее возможность флангового обстрела подходов к городским воротам; во-вторых, очевидная связь с поясом общегородских укреплений; в-третьих, наличие собственных защитных линий, — возможно, недостроенных; в-четвертых, наличие прочных каменных построек, что само по себе усиливает оборону. Наконец, о том же может косвенно свидетельствовать присутствие в прошлом каких-то укрепленных валами участков и у двух других городских ворот. Однако безоговорочно фортификационную функцию городка за основную мешает принять ряд выявившихся при исследовании признаков, как будто специально призванных ослабить его, сделать как укрепление менее совершенным. Это уже указывавшееся расположение входов в башни за чертой ворот, снаружи, т. е. на «территории противника», раскрытие створок внутрь укрепления, тонкость внешней стены восточной башни и примыкание рва к наружным углам каменных укреплений, что лимитирует возможности ведения огня с башен, наконец, очевидная слабость внутреннего обвода в его нынешнем виде и расположение массы Именных построек вне его, за валом (здание с водоемом, ряд неизвестных нам построек на планах XIX в.).

Тем не менее определенный расчет на усиление с помощью возведения Малого городка обороны южного въезда, конечно, у строителей

был, и оборонительная функция, вообще характерная для монументальных построек средневековья, выявляется здесь достаточно ясно.

Нелишне также подчеркнуть ряд признаков, указывающих на возможность культового использования памятника. Культовые постройки Болгара в отличие от всех остальных как раз лишены отопления (мечети, мавзолеи, минареты) и, конечно, не приспособлены для обживания. Для них характерны именно просторные, зального характера, помещения. Среди зданий городка одно можно рассматривать как культовое с очень большой долей вероятности (здание с водоемом). Что касается «загородного» расположения сооружения, то оно достаточно характерно для целого ряда культовых памятников, причем один тип таких сооружений имеет весьма сходные с Малым городком план и размеры. Речь идет о загородных мечетях намазга, мусалля, состоявших из большого незастроенного двора, южная стена которого разрывалась собственно мечетью (обычно трехкамерной, с анфиладной планировкой), а северная включала ворота. Ансамбль дополнял минарет, располагавшийся отдельно (возможно, он еще будет обнаружен на Малом городке). Важно подчеркнуть, что намазга не предназначалась для постоянного использования и посещалась в основном в период двух крупных мусульманских праздников — курбан и фитр. В этом случае было бы объяснимым и практическое отсутствие культурного слоя на городке даже при функционировании его сооружений в течение какого-то срока.



Северное здание Малого городка середины XIV в.

Ориентировка зданий городка, весьма важный фактор для решения вопроса о возможности культового использования памятника, не противоречит такому предположению. Ориентированная в целом на Каабу ниша михрабного типа в здании с водоемом имеет азимут оси, близкий к 242° ЗЮЗ. Примерно так же ориентировано своей продольной осью Южное здание; возможно, оно даже имело нишу в юго-западной стене, судя по толщине, но уровень сохранности не позволяет это проверить. Допустим ли столь развернутый к западу азимут для кыблы Болгара? Если сравнить известные нам ориентировки Соборной мечети Болгара (195° ЮЮЗ), мечети в Биляре (205° ЮЮЗ) и кладбищ там же (раннее 200–210° ЮЮЗ, позднее 220° ЮЮЗ), не говоря уже о предполагаемой мечети караван-сарая Биляра (236° ЗЮЗ), то отчетливо заметный дрейф ориентировок к западу на протяжении X–XV вв. допускает как вероятную и ориентировку Малого городка.

Не настаивая пока на определении культовой функции ансамбля как основной, хочется подчеркнуть, что она все же достаточно выражена в архитектурно-планировочной структуре памятника.

Окончательная функциональная атрибуция — дело будущего. Здесь могут помочь обследования близких по типу построек иных городов Болгарии, развитие исследований самого городка и его ближайших окрестностей, да и города в целом, а также введение в оборот материалов еще не проводившихся обследований по многочисленным и практически неизученным монументальным памятникам обширных сопредельных районов Золотой Орды XIII–XIV вв.

Исследования, проведенные на Малом городке, позволили изучить вблизи многие этапы процесса широких строительных работ, вплоть до завершающей стадии. Удалось подробно разобрать ряд деталей строительной техники, обычно недоступных исследованию. Строительство на Малом городке представляло собой одну из наиболее ярких попыток возвести в Болгаре крупный репрезентативный ансамбль. Сопоставление строительной техники, рабочих приемов, материалов позволяет говорить как о стремлении к созданию монументальных сооружений, о появлении «воли к ансамблю», так и о наличии определенных затруднений экономического и (или) политического свойства, не позволивших достойно завершить начатые работы. Сохранявшиеся в Болгаре в середине — третьей четверти XIV в. реальные возможности устраивать «возвышенные строения, прекрасные местопребывания, строить рабаты на больших дорогах» позволяет говорить о продолжавшемся развитии производительных сил города, а также, видимо, и о каких-то попытках борьбы за сохранение престижа, за постепенно утрачиваемое первенство в регионе, о попытках подчеркнуть и укрепить это традиционное первенство.

Даже в незавершенном, необжитом виде комплекс Малого городка добавляет много нового к нашим представлениям об истории архитектуры и строительной техники Волжской Болгарии, путях ее развития и внешних связях. Формы зданий Малого городка могут свидетельствовать о наметившемся, благодаря укреплению и расширению деловых и культурных связей сближении архитектуры Болгара времени последнего расцвета с градостроительными традициями средиземноморского мира.

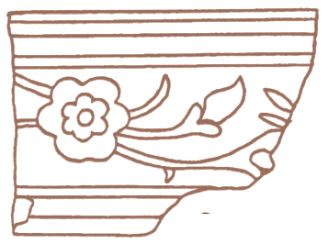
Л.М. Носкова

Строительная керамика

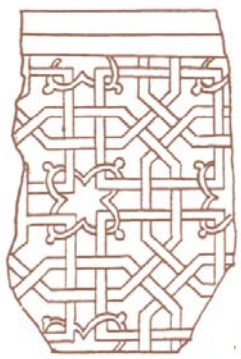


Фрагмент изразца XIV в. Болгар. Рисунок Д.И. Архангельского





Мозаики и майолика. Болгар





Кирпичная кладка стен здания XIV в.

Первый значительный материал, характеризующий декоративное убранство архитектурных сооружений Великого Болгара, был получен в 1914–1915 гг. в результате раскопок Ханской усыпальницы, проводимых С.И. Покровским, Б.Е. Крелленбергом и М.Б. Худяковым. В основном это поливные майоликовые плитки с подглазурной росписью. Коллекция была дополнена в 1957 г., когда рядом с Ханской усыпальницей были зафиксированы разрушенные фундамент и надпольная строительная система какого-то монументального сооружения, украшенного расписными изразцами, а в 1970–1980 гг. раскопан мавзолей, где также были найдены остатки майоликового архитектурного декора.

Расписные майолики найдены практически в одном районе, где сосредоточен целый комплекс архитектурных сооружений: Ханская усыпальница, Малый минарет и останки разрушенных мавзолеев. Обломки отдельных мозаичных элементов, одноцветные поливные плитки и кирпичи имеют более широкое распространение: в центральной части городища — в районе комплекса сооружений вокруг Соборной мечети, около Белой палаты, к северо-западу от Большого Иерусалимского оврага и т.д. Но майоликовый и мозаичный архитектурный декор, как дорогостоящий материал, судя по его немногочисленности, применялся, видимо, только в богатых парадных и культовых сооружениях. Значительно чаще для украшения поверхностей использовали одноцветные майоликовые плитки, кирпичи, настенные росписи и цветную штукатурку, Так были оформлены стены Белой и Красной палат, подробное описание которых дает А.П. Смирнов. На территории городища найдены и фрагменты терракоты с резным и штампованным орнаментом, а также резной штук, которые, однако, сохраняются плохо и представлены незначительным количеством.

Наиболее цельное представление об орнаментальных мотивах, применявшихся в резном штуке, дает облицовка Малого минарета: орнаментальная полоса с розетками из стилизованного растительного орнамента и два круга с пальметтами из растительных побегов, образующих лепестки пальметт. Украшая стрельчатую арку и вход в сооружение, концентрические окружности окаймляют переплетающиеся стебли, образующие плетенки. Штампованный ганч представлен деталями для облицовки сталактитов, оформлен в виде пятиугольника с гранеными арками. На неглазурованном фрагменте резной терракоты растительный орнамент дан в сочетании с эпиграфическим. Он состоит из переплетающихся стеблей, листьев и трилистников, а надпись выполнена, возможно, проросшим «куфи». Штампованная терракота покрыта глухой бирюзовой поливой, на ней сохранились остатки четырехлепестковой розетки с сердцевиной из восьмилепесткового цветка.



Фрагмент изразца XIV в. Болгар. Рис. Д.И. Архангельского

Поливные изразцовые кирпичи применялись для облицовки внешних поверхностей зданий и оформления фризов. Часто они использовались в сочетании с простыми, образуя геометрические или эпиграфические орна менты. Кроме обычных кирпичей, покры-

тых бирюзовой, ультрамариновой или белой поливой, встречаются небольшие по размерам, толщиной до 3,5 см, плитки с поперечными узкими и широкими полосами, применявшиеся, в основном, для обрамления майоликовых панно. Иногда также оформленный край можно увидеть на расписных майоликовых плитках. Для облицовки профилированных поверхностей использовались фигурные белокашинные изразцы голубого или ультрамаринового цвета. Встречаются фигурные архитектурные детали и на красноглиняной основе.

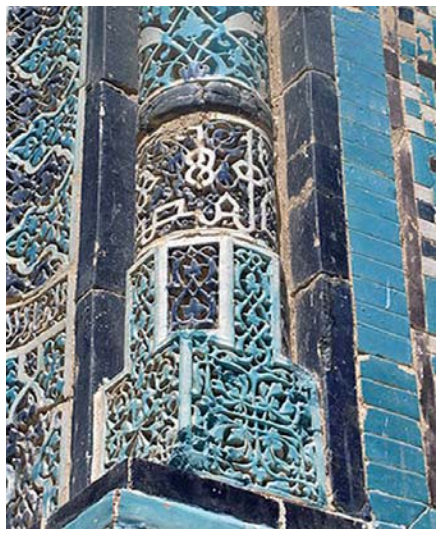
Сложение золотоордынского орнаментального стиля в первую очередь происходило под сильным влиянием Средней Азии, Закавказья и Ирана. Поэтому вполне понятно, что мозаики и майолики поволжских архитектурных сооружений, в том числе и болгарских, имеют много общего с иранскими и среднеазиатскими, особенно это относится к майоликам. Следует заметить, что господствующий орнаментальный стиль в мусульманском искусстве распространялся на все виды архитектурного декора, будь то мозаика или майолика, терракота или ганч. Даже в бытовой керамике встречают-



Облицовка внутреннего портала Черной палаты



Орнаментированный архитектурный блок. Болгар. XIV в. БГИАМЗ



Стилизованные эпиграфические пояски на капителях угловых колонок из мавзолея XIV в. Улуг-Султан-бегим в Шахи-Зинда



Архитектурная деталь. Болгар. Гипс. XIV в. БГИАМЗ



Архитектурная деталь. Болгар. Известняк. XIV в. БГИАМЗ

ся те же мотивы, что и в декоративном оформлении сооружений.

Наиболее яркие и интересные в художественном отношении фрагменты майоликовых орнаментированных плиток, дающие представление о существовавшем орнаментальном стиле архитектурного декора в Болгарах золотоордынского времени, было найдено при исследовании так называемой Ханской усыпальницы и площадей, примыкающих к ней. По мнению А.С. Воскресенского, стилистический анализ майоликовых украшений позволяет датировать их не позднее первой половины XIV в., что тем самым подтверждает время сооружения этого архитектурного памятника. Интересно отметить, что многие художественные мотивы, такие, как окаймляющие полосы с растительным орнаментом из трилистников, находят себе аналогии в азербайджанском орнаментальном искусстве XIV в.

Майолики с геометрическим орнаментом напоминают герихи на оконных решетках — панджара, широко распространенных в мусульманской архитектуре. Чаще всего их использовали в ганчевых и терракотовых облицовках, а также при выкладке орнаментированных поверхностей поливными кирпичами. Наиболее близкий к болгарским по построению герих известен в Азербайджане, в мавзолее близ с. Хачин-Дорбатлы, сооруженном в 1314 г. Плетенки на майоликовых плитках состоят из пересекающихся растительных побегов или стволов букв. Это упрощенные варианты плетенок, образующих всевозможные «узлы счастья», распространившихся в мусульманском искусстве с приходом монголов. Наиболее близкие аналогии дают стилизованные эпиграфические пояски на капителях угловых колонок из мавзолея XIV в. Улуг-Султан-бегим в Шахи-Зинда.

Наибольший интерес представляют майоликовые плитки и фрагменты декоративных деталей с растительным орнаментом. Характер этих деталей — сложнопрофилированные угловые колонки, заканчивающиеся капителями в виде перевернутых вазонов, узкие карнизы с выступающими и заглубленными сталактитами, плоские плитки с вписанным в медальоны орнаментом — указывает на их использование для украшения надгробий, форма которых хо-



Каменно-кирпичная кладка стен Соборной мечети. Болгар

рошо известна в мусульманских памятниках Средней Азии. По техническому использованию и орнаментальным сюжетам болгарские майолики наиболее близки к майоликам, украшавшим надгробие в мавзолее Наджмеддина Кубра в Ургенче. Здесь те же самые изображения — стилизованные гвоздики, хризантемы, лотосы и т.п., которые полностью соответствуют болгарскому цветочному букету. Близкие по трактовке лотосы встречаются на майоликовых облицовках надгробия Сеид Алауд Дина в Хиве. Широкие листья с выкружкой у основания, с прорисовкой внутреннего пространства, с концами, завивающимися в спирали-усики, получили широкое распространение в мусульманской орнаментике и известны на разных видах архитектурных облицовок: ганч, терракота, поливная майолика. Аналогии имеются в Иране на люстровых изразцах XIII в., на штуковом михрабе мавзолея Иммам-Заде Рабия Хатун в Исфагане, на изразцовом надгробии мавзолея Мазлум-хан-Сулу на городище Миздакхан в Хорезме.

Схожесть болгарских майоликовых облицовок с хорезмийскими говорит о том, что они появились в Болгарах, несомненно, под влиянием керамистов средневекового Ургенча. О хорезмийском «происхождении» некоторых типов болгарских майолик свидетельствует и техника нанесения росписи, когда рельефный орнамент покрыт мелкой штриховой прорисовкой. Этот стилистический прием вначале появляется на глазурованной кашинной керамике Хорезма. Оттуда к XIV в. он распространяется по городским центрам Повол-

Резной декор в оформлении Малого минарета. Болгар





Архитектурные детали. Гипс. Болгар. XIV в. БГИАМЗ



Майолики с подглазурной росписью под прозрачной бесцветной поливой. Болгар. XIII–XIV вв.







Руины стен Ханского дворца. Болгар. XIII в.



Кирпичная кладка. Болгар. XIV в.

жья, в Сарай-Бату, Сарай-Берке, Увек, в том числе и в Болгары. То же самое относится к керамике с черной подглазурной росписью под прозрачной бирюзовой поливой, известной как в Хорезме, так и в золотоордынском Поволжье. Этот тип росписи исследователи связывают с подражанием люстровой керамике, пришедшей в Хорезм и Мавераннахр из Ирана и Закавказья. Техника надглазурного золочения нашла применение в основном в архитектурном декоре золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Многочисленные образцы происходят из Сарая-Бату и Сарая-Берке и относятся ко второй половине XIV в. В Болгары этот прием, возможно, был принесен золотоордынскими керамистами, но широкого распространения не получил. Фрагменты майоликовых плиток с высоким рельефным орнаментом также немногочисленны и стилистически связаны с сарайскими образцами, что в очередной раз указывает на единые пути развития декоративного искусства Золотой Орды в различных ее центрах.

Таким образом, исследование художественной строительной керамики показало, что декоративное оформление в золотоордынской архитектуре, в том числе и болгарской, развивалось на основе синтеза различных направлений. Орнаментальный стиль складывался под сильным влиянием ирано-закавказской и хорезмийской художественных школ. Их взаимопроникновение породило своеобразное, синкретическое в своей основе, искусство, отвечающее запросам и вкусам смешанного населения золотоордынских городов.

И.Л. Измайлов

Ислам в Поволжье в эпоху средневековья

Ислам в Волжской Болгарии

Мусульманская Болгария была одним из ранних средневековых государств в Восточной Европе и активно взаимодействовала с Русью, в том числе и по вопросам религии, но и потому, что ислам резко изменил этноконфессиональную ситуацию в регионе, на многие века определив его своеобразие.

Несомненно, что распространение ислама среди болгар связано с процессами консолидации различных племен под эгидой болгар во главе с Шилки и особенно его сыном Алмышем. Важнейшим политическим мотивом этого было стремление добиться независимости от Хазарского каганата. Алмыш, как, очевидно, и другие вожди тюрко-угорских племен Волго-Уральского региона находились в вассальной зависимости от кагана хазар и платили ему дань мехами, а сын Алмыша находился заложником в Итиле. Вообще власть хазар была довольно безжалостной и унизительной: так, узнав о красоте дочери Алмыша, правитель хазар захотел взять ее в свой гарем и, когда эльтебер болгар отказал, послал войска, которые заставили его послать ему дочь силой. А уже после ее смерти потребовал отдать ему ее сестру. Намереваясь противостоять хазарам, Алмыш стремился усилить свою власть над тюркскими племенами Среднего Поволжья.

Однако по мере подчинения племен правящий клан болгар столкнулся с проблемой не только военно-политического, но и идеологического объединения различных племен и родов, имевших свои племенные культы и верования, ислам не был востребован элитой болгар. Создание надплеменного этнополитического объединения потребовало утверждения унифицированной, универсалистской и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде. Такую веру могли дать только мировые религии. Одновременно новая вера укрепляла власть правителя и, придавая ему дополнительную легитимацию, она не только ставила его власть выше племенных династий, но и в определенной мере отвергала их, лишая их божественной санкции на власть.

Имеющиеся у нас факты свидетельствуют, что процессы становления Болгарского государства стали особенно активно протекать в конце IX — начале вв., поэтому распространение ислама следует относить именно к этому времени. Не случайно первые археологические следы ислама прослеживаются еще в языческих погребениях второй половины IX в. Танкеевского могильника, где обнаружены перстни с арабскими надписями, знаменуя, очевидно, начальный этап проникновения ислама в среду болгарских племен. Таким образом, основной причиной распространения ислама среди болгар следует признать внутренние факторы, консолидацию различных племен под властью болгар.



Скульптура всадника салтово-маяцкая культура. IX в. Ростовская область

Но почему из всех мировых религий в Поволжье распространился именно ислам? Ответ на этот вопрос можно объяснить взаимодействием различных внешних и внутренних факторов. С одной стороны, ни христианство, ни иудаизм не могло быть привлекательны для болгар, поскольку ближайшая тогда христианская держава, Византия, находилась в союзе с Хазарией и не оказывала сколько-нибудь активное влияние на Поволжский регион, а против иудейской Хазарии болгары собирались вести борьбу. Следовательно, выбор ислама был предопределен складывающейся политической конъюнктурой.

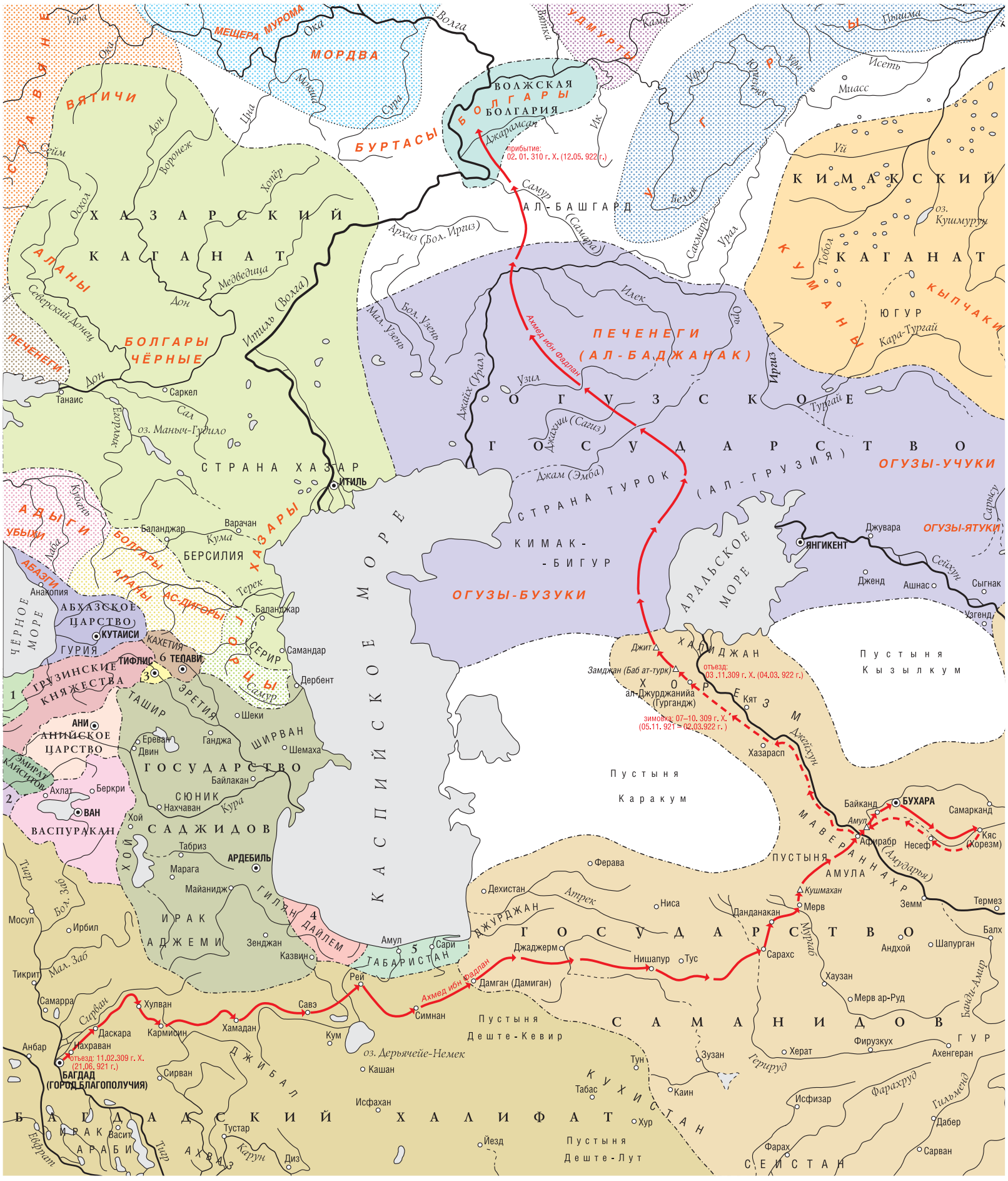
Особую роль в этом выборе сыграли активные торгово-экономические контакты Повол-

Славянские племена платят дань хазарам. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.





Список Корана. VIII в.



Путешествие Ахмета ибн Фадлана на Волгу в 921–922 гг.

Населённые пункты
○ **Амул**
Города
△ *Джит*
Селения, рабаты, караван-сараи

Территории расселения:
славян
финнов
финно-перми
угров
печенегов хазарских
касогов
алан
нахов

Маршрут путешествия Ахмеда ибн Фадлана
Часть маршрута, нанесённая предположительно
03.11.309 г. Х. (04.03.922 г.)
Основные даты путешествия

Цифрами обозначены государства:
1 — *Византийская империя*
2 — *Сасун*
3 — *Тифлисский эмират*
4 — *Дайлем*
5 — *владения Алидов (Табаристан)*
6 — *Кахетия*

Границы государств даны на 921 г.

жья со странами Средней Азии — Хорезмом и державой Саманидов. Благодаря прямому торговому пути в Среднее Поволжье мусульманские купцы получили доступ к северным товарам в обход Хазарии.

Плавное развитие болгарского общества и медленное проникновение в него ислама в IX–X вв. привело к возникновению государственности и принятию мусульманства Алмышем и частью знати. Кратким и в достаточной мере искаженным свидетельством этого служит упоминание в одном из своих сочинении арабского купца и дипломата из Андалусии (Испания) Абу Хамида Ал-Гарнати. Он приводит рассказ о начале Болгарского государства и первых его правителях. Особо следует подчеркнуть, что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им в книге «История Болгарии», написанной болгарским столичным кади Йагкубом ибн Нугманом, то есть вполне официальную историографическую традицию. «А смысл слова болгар», — пишет андалусский путешественник, — «ученый человек». Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину». Далее он рассказывает о болезни эмира/царя болгар и его жены, их излечении этим факихом и о принятии болгарами ислама. Принятие ислама вызвало гнев царя хазар, который пошел на болгар войной, но был разбит, с помощью «больших мужей на серых конях» («войска Аллаха, великого и славного», как сообщает источник ал-Гарнати). Это, скорее всего, не первая версия этого сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Основная канва этого своеобразного «введения» в болгарскую историю состоит в том, что болгары приняли ислам в период существования Хазарского каганата (до начала 980-х гг.), и значительную роль в этом сыграли проповедники из государства Саманидов.

В другой, более поздней версии, дошедшей до нас в преданиях, записанных в XVIII–XIX вв., сюжет этот изложен более подробно и приписывает распространение ислама в Болгарии трем асхабам (сподвижникам) Пророка Мухаммада. Один из них излечил дочь правителя от смертельного недуга и, женившись на ней, дал начало новой исламской династии. С точки зрения исторической реальности сюжет этот носит легендарный характер. Это было ясно уже такому реалистически мыслящему просветителю, как Ш. Марджани, подвергшему эту версию резкой критике. И он прав. Однако зерно истины в этой легенде все же есть. По существу, это предание можно расценивать, как попытку болгарских средневековых историков удревнить корни своего правоверия и утвердить в среде населения Болгарии чувство превосходства над соседями, не способными претендовать на родство со сподвижниками Пророка. Следовательно, историческая и фольклорная версии довольно сходны, что позволяет думать, что последняя сохранила отрывки болгарской исторической традиции, хотя и в переработанном виде.

В чисто богословском аспекте, это играет важнейшую определяющую роль. Дело в том, что в IX–X вв. в Средней Азии, особенно при дворе Саманидов наибольшее распространение получил ханифитский мазхаб (толк) ислама, в то время как в Багдаде утвердились мазхабы аш-Шафии и Ханбаля. По ряду замечаний Ибн-Фадлана, описывавшего «ошибки» религиозной практики болгар (особенности чтения хутбы, двойная икама, не упоминание имени халифа и т.д.) можно заключить, что они следовали в ней как раз учению Абу Ханифы. Все это убедительно свидетельствует о приоритете среднеазиатского центра ислама на выбор веры у болгар.

Точная дата принятия ислама Алмышем неизвестна, но достаточно уверенно можно отнести это событие к первому десятилетию X в. Так, Ибн Русте, который, по мнению большинства ученых, писал между 903 и 913 гг., сообщает, что «Царь Болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам», а «большая часть их (т.е. болгар. — *И.И.*) исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами». Прямо о том, что болгары-мусульмане действовали против русов, совершивших в 912/913 гг. рейд в прикаспийские провинции Саманидов, писал ал-Масуди. Сведения о том, что правитель болгар мусульманин сообщает и Ибн Фадлан, хотя старается этот факт завуалировать в стремлении выпятить свою роль в исламизации болгар и их «малика». Тем не менее, этот арабский автор, побывавший на Средней Волге, пишет, что в 921 г. в Багдад прибыло посольств к халифу с письмом от «ал-Хасана сына Балтавара, царя сакалиба («белокожих варва-



Кочевые огузы. Турецкая миниатюра. XV в.



Средневековое изображение арабского воина

ров». — *ИИ.*)», что означает, что правитель болгар (эльтебер и сын эльтебера) Алмыш подписывался мусульманским именем «ал-Хасан» и, очевидно, был мусульманином, как и его дочь. В составе посольства находились один из приближенных Алмыша также мусульманин — Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари.

Были общины мусульман и в самой Болгарии. Кроме ставки Алмыша, в которой был специальный штат духовенства, включая муэдзина, и, где, судя по словам Ибн Фадлана, было довольно много мусульман и он даже описывает их погребальный обряд, были и другие значительные мусульманские общины. Так, Ибн Фадлан описывает общину «домочадцев» (сородичей, ?) под именем ал-баранджар «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам ... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся». Таким образом, можно уверенно говорить, что уже в 910–920-е гг. среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру.

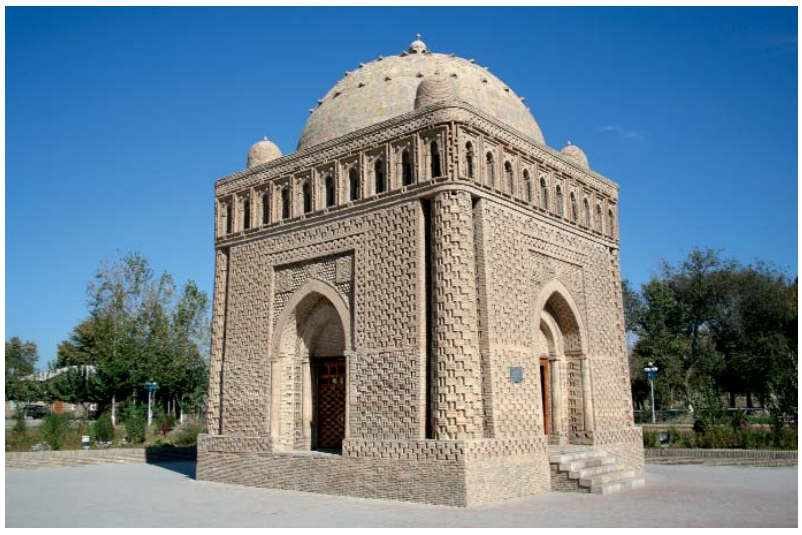
Важнейшим событием, знаменовавшим утверждение ислама в Болгарии, стал обмен посольствами между Алмышем и багдадским халифом ал-Муктадиром. Политическая история этих контактов, а также перипетии путешествия посольства от Багдада до берегов Волги довольно хорошо изучены. В данном случае важно отметить, что, несмотря на некоторые замечания Ибн Фадлана, ислам был достаточно значительно распространен в Поволжье и в смысле распространения веры посольство успеха не имело. Однако достижением этого посольства



Приезд Ибн-Фадлана в Волжскую Болгарию. Худ. К. Нафиков. 1995 г.



Монета Омейядского халифата. 695 г.



Мавзолей Саманидов. Начало X в. Бухара

стало «дипломатическое признание» Болгарии, как исламской страны. С этого времени ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания болгар. Развивались и крепли и связи со странами ислама.

В конце X — начале XI вв. Волжская Болгария стала средневековым государством, страной «классического ислама». Уже с начала X в. арабо-персидская историко-географическая традиция (Ибн-Русте, Истахри, Марвази, Гардизи, «Худуд ал-алам» и др.) фиксировала, что у болгар два основных города: Болгар и Сувар; в обоих городах — деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными. Все русские и арабо-персидские источники указывают, что уже к концу X в. Болгария на международной арене выступала как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Средней и Передней Азии, Ближнего Востока.

Но насколько ислам был распространен среди основного населения страны? Помочь ответить на этот вопрос могут археологические материалы. К сожалению, о внутренней жизни и степени распространения ислама среди населения Болгарии сведений в письменных источниках чрезвычайно мало. В некоторой степени этот недостаток могут восполнить данные археологии. Например, для болгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках. Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника. Высокая статистически представи-

тельная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Болгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании болгарами предписаний и запретов ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских болгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Их анализ позволяет сделать вывод о начале распространения ислама в Болгарии в конце IX — начале X вв., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в. Исламская обрядность распространилась не только вширь (мусульманские могильники открыты и изучены во всех регионах Болгарии), но и вглубь (мусульманский погребальный обряд болгарского населения устоялся и приобрел единообразные «канонические» формы). Действительно, на всей территории Болгарии повсеместно был установлен и утвердился довольно единообразный обряд: погребение в неглубокой (обычно до 1 м) могиле, погребенный укладывался головой на запад или запад-северо-запад, лицом на юг (на большинстве могильников до 100 % всех случав), чуть повернуто на правом боку (реже на спине), руки обычно уложены: правая вдоль тела, а левая на тазе, ноги вытянуты или полусогнуты. Умершие часто хоронились в гробу (от 40 до 50 % случаев). Вещи в погребении отсутствуют, по крайней мере, в отличие от X в., таких случаев с начала XI в. и до второй половины XIII в. не отмечено. В настоящее время открыто примерно 59 могильников по всей территории Болгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду.

Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру. Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность, выраженных в исторической традиции представлений. По сути дела полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т.д.) свидетельствует о растворении племенных традиций в общемусульманской однородной этнической среде.

Сама организация мусульманской общины в Болгарии плохо известна, но сам факт ее существования, судя по данным восточных источников не вызывает сомнений. Уже в начале X в. в болгарских городах и поселениях, фиксируются муэдзины и имамы. Есть некоторые сведения о существования в стране болгар института судей — городских кади, входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах. Косвенные сведения о структуре улама у болгар можно почерпнуть у ал-Гарнати, который описывая население Саксина, отмечал, что живущие там болгары и сувары имеют своих эмиров и соборные мечети, где они совершают пятничную молитву, у них также есть «кадии, факихи, и хатибы: и все толка Абу Ханифы».

Болгары, приняв ислам, оказались достаточно далеко от стран ислама и в некоторой культурной изоляции, но смогли преодолеть ее. Ученый-энциклопедист ал-Бируни в своем труде отмечая, что болгары оторваны «от коренных стран ислама», тем не менее «не лишены сведений о халифате, халифах, а напротив, читают хутбу с их именами». Однако само ощущение «оторванности» болгар, нахождение их во враждебном окружении не могло не отразиться на их общественном сознании. Уже отмечался факт, повторяемый целым рядом арабо-персидских авторов, которые говорили о походах болгар на соседей как о «джихаде/священной войне»: «со всяким войском неверных; сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают». Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Плано Карпини, Рубрук и т.д.). Наиболее яркая характеристика болгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти болгары — самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем, кто-нибудь другой».



Архитектурные памятники Болгарского городища

Мотив «священной войны» и «бремени истории», тяготеющий над их народом, был не только важной политической доктриной болгарской политической идеологии, но и заметно влиял на массовое сознание. Он формировал мнение болгар о себе, как об общности, связанной не просто общей судьбой, но борьбой предков за идеалы ислама. Подчеркнутый антагонизм по отношению к соседям, отмеченный восточными и западноевропейскими авторами, служивший, видимо, больше не как постоянно действующая реалия, а как политическая амбиция и перспективная цель, в народном сознании акцентировался в форме подчеркнутого единства мусульман перед лицом угрозы нашествия язычников, реальность которой доказывала историческая традиция.

К сожалению, о характере болгарской богословской школы можно только догадываться, поскольку достаточных источников в нашем распоряжении нет. Однако не возникает сомнений в том, что на всей территории Болгарии господствовал не только единый масхаб (ханифитский в своей основе), но и единая улама, которая трактовала некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии



Торжество на Болгарском городище в честь принятия ислама Волжской Болгарией. 2012 г.

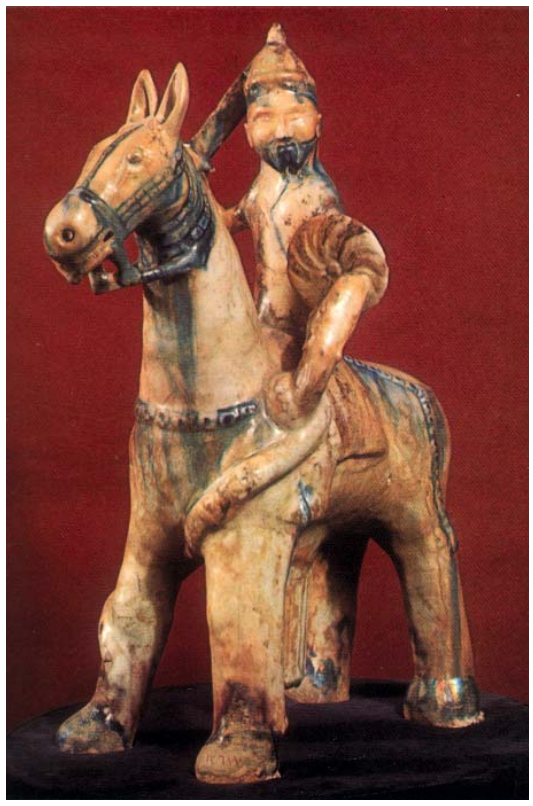
с выработанными традициями, причем, несомненно, опиралась в этом на светскую власть. Соответственно, именно эта традиция преподавалась в медресе и воспроизводилась, сохраняя преемственность и стабильность нормам мусульманского права на протяжении более чем двух веков, что свидетельствует о силе религиозных норм, которые явно поддерживались авторитетом государства.

В болгарском исламе, тем не менее, была заложена определенная противоречивость. С одной стороны, ощущение своего пограничного положения в мусульманской ойкумене и строгое следование определенным ритуалам, что ярко выражалось в особенностях болгарской джаназы и политической практике. С другой — условия жизни и географическое положение диктовали некоторые отступления от канонов ритуальной практики. Сложная коллизия была связана с тем, что на этой параллели летом ночи коротки, а зимой — дневной свет. Вследствие этого было затруднительностью совершать положенные шариатом пять дневных намазов. Главным образом проблема состояла в невозможности чтения пятого ночного намаза, который совершался после заката солнца, поскольку летом он по сути дела сливался с утренним намазом. Из-за того, что летом в Среднем Поволжье летом вечерняя заря не исчезает, стало быть, время ночного намаза не наступает. Этот факт был отмечен арабо-персидской географической традицией и отмечался практически всеми авторами, кто писал о болгарах, составляя особую традицию: «У болгар летом ночь так коротка, что не успевает вскипеть котелок (или не успевает человек пройти более одно фарсаха); зимой же день становятся таким же коротким, как ночь летом». По этому поводу в богословской литературе и религиозных кругах, очевидно, шли довольно бурные споры. Поездка болгар в Среднюю Азию по религиозным вопросам во многом имели целью разрешение именно этих вопросов ритуальной практики, что породило, видимо, целую плеяду болгарских факихов и богословов, широко известных во всем мусульманском мире. С течением времени в Поволжье был выработан свои особенности ритуальной практики, учитывающие местные особенности, канон, позволявший во время некоторых месяцев читать намаз только четырежды в день. Со временем именно эти особенности поволжского ислама привели татарских богословов к необходимости реформирования догматики ислама и появления своеобразного течения богословской и общественной мысли, как джадидизм.

Таким образом, Болгария уже с X в. являлась самой северной страной исламской ойкумены, а «языком» болгарской культуры был ислам. Есть сведения о развитии монументальной архитектуры, декоративно-прикладного искусства, музыки и литературы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе. Благодаря системе образования население обучалось грамоте и основам религии. Сохранились сведения о развитии наук и знаний — астрономии и астрологии, медицины и алхимии, богословия и права, географии. Существовала своя историографическая традиция, здесь жили и творили многие крупные ученые и богословы: среди них богословы, философы и поэты. Известны биографии выходцев из Болгарии, ставших на Востоке знаменитыми учеными, таких как известный медик Таджаддин ал-Болгари, демонстрирует включенность болгар в исламский культурный мир, где они были, хотя и отдаленными, но единоверцами. Показывает, что, несмотря на расстояния, между странами Востока и Средним Поволжьем шел непрерывный информационный обмен. При этом надо учитывать, что болгарам, чтобы участвовать в этом обмене идеями и мыслями требовались огромные усилия, в первую очередь на создание и поддержание системы образования. Не случайно, видимо, и удивление восточных путешественников, видевших мектебе и медресе в болгарских аулах и городах.

Ислам в Улусе Джучи

В эпоху формирования государственности и идеологии в империи Чингиз-хана, в среде монгольских ханов и их кланов из ближайшего окружения, традиционно были распространены шаманизм и христианство несторианского толка. Эволюция мировосприятия населения Золотой Орды также определялась совместной жизнью с народами различных конфессий: христианами, в том числе и несторианами и григорианами, иудеями и другими. В результате встречи ислама, имеющего более чем трехсотлетнюю историю в этом регионе, с различными религиями и верованиями в Золотой Орде создалась своеобразная ситуация для особого пути межконфессионального взаимодействия и определило своеобразие распространения ислама.



«Монгольский всадник». Керамика, роспись цветными глазурями. Ракка, XIII в. Национальный музей, Дамаск



Коран. Почерк куфи. Пергамент. IX в. Музей Метрополитен. Нью-Йорк

Для начального этапа истории Монгольской империи была характерна определенная «веротерпимость», возведенная в закон и имперскую политическую традицию, позволявшая потомкам Чингиз-хана сохранять свою власть. Создавая впечатление, что вероисповедание, если оно законопослушно по отношению к власти монгольских ханов и не призывает к «священной войне» против завоевателей, является личным делом населения державы, Чингизиды сохраняли «равноудаленность» от дел веры. В полном соответствии с китайской традицией государственного управления для монгольской администрации была важна именно политическая лояльность, а не духовное подчинение своей вере.

В первый период после завоевания Восточной Европы, особенно в оседлых странах Джучиды также проводили политику веротерпимости, стремясь найти союзников в лице различных церквей и вероучений. Так, персидский историк Джувейни (XIII в.) писал, что Бату (1242–1256) «не придерживался ни одной из религий и сект, равным образом не питал склонности к познанию бога (т. е. Аллаха. — *ИИ.*)».

Такое положение, однако, не могло продолжаться достаточно долго.

Уже в конце правления Бату-хана и его ближайших потомков происходит яростная борьба за влияние на ханский престол между различными группами знати, знаменем которых стало свое вероучение. После недолгой борьбы победу одержали сторонники хана Берке (1257–1266). Ожесточенность столкновения объяснялась, в частности, тем, что часть Джучидов была несторианами, в частности ими, определенно, были жена Бату-хана Баракчин и их сын Сартак. Политически они ориентировались на единую Монгольскую империю и подчинение великому каану. Другая часть знати во главе с Берке-ханом ставила своей целью отделение от Монголии и создание независимого государства. В своей политике сепаратизма эти круги ориентировались на ислам.

Берке стал первым золотоордынским ханом, принявшим ислам. Современник Берке Джузджани считал, «что Берке-хан принял ислам из рук Сейф ад-Дина Бахарзи». По данным ал-Омари принятие ислама Берке произошло в то время, когда он возвращался в Поволжье из Монголии с курултая, на котором Мунке был провозглашен великим ханом (1251). О принятии ислама Берке еще до того, как он взошел на трон упоминает, побывавший при дворе хана Бату в 1253 г. францисканский монах Г. Рубрук, специально указавший, что: «Берке выдает себя за сарацина (т.е. мусульманина. — *ИИ.*) и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо».

Одновременно с Берке ислам принимают, очевидно, и его жены и часть эмиров свиты и его гвардия. Не без некоторого преувеличения, в странах Востока распространялись слухи о том, что войско хана татар состоит из 30 тыс. мусульман, которые строго соблюдают все предписания шариата, обязательно участвуют в пятничной молитве и не пьют вина. В Индию до историка Джузджани дошли рассказы о том, что у Берке богатая библиотека, при дворце его постоянно находятся богословы и законоведы — толкователи Корана и Сунны, при участии которых происходят частые



Фронтиспис рукописи Корана. Пергамент, чернила, краски, золото. Кордова. 538 хиджры/1143 г. Библиотека Стамбульского университета

диспуты по вопросам шариата. Не удивительно, что историк ан-Нувайри (XIV в.) писал о Берке, что «он первый из потомков Чингиз-хана принял религию ислама... он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманскиие, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе... и построил в пределах своего государства мечети и школы». Другие арабские авторы, описывающие дипломатические контакты с Золотой Ордой отмечали, что при приеме посольства ханом Берке присутствовали его старшая жена и около 50 или 60 эмиров, причем «у каждого из эмиров (находящихся) при нем есть муэдзин и имам; у каждой хатуни (также) свой муэдзин и имам». Отмечалось также, что дети знати учатся в медресе, где «слушают чтение досточтимого Корана».

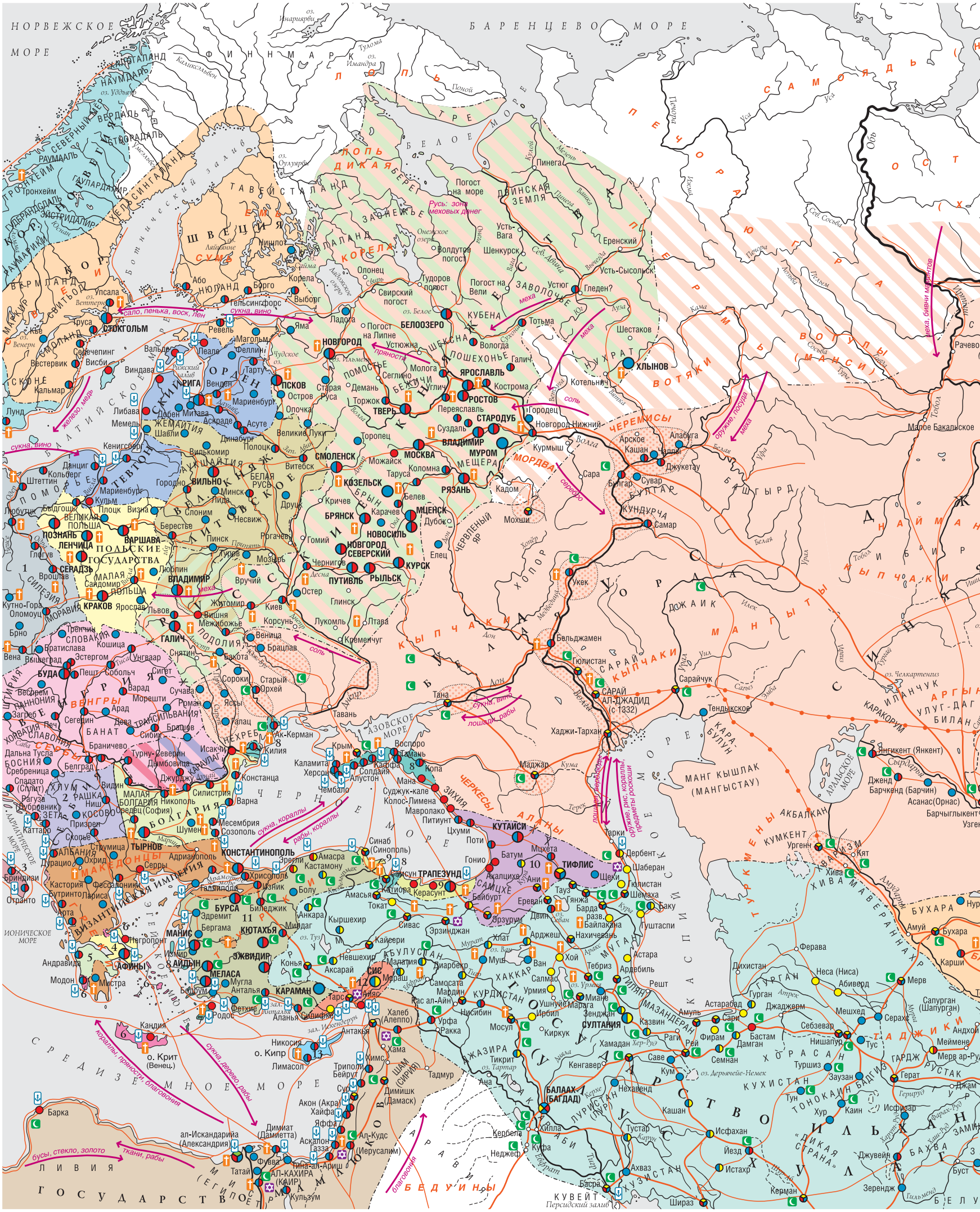
Принятие ислама ханом Берке, его женами и ближайшими эмирами стало фактором огромной политической значимости. Одновременно был дан ход действиям, которые прямо вели к отделению Улуса Джучи от власти великого каана: прекратилась чеканка монет с именем Мунке-каана, на них появляется «высокая тамга» дома Джучи (с 1257 г.) и имя Берке (с 1259 г.), а после начала междоусобной войны в Улусе великого хана между Хубилаем и Ариг-Бугой прекращается выплата налогов в Каракорум (примерно с 1260 г.). Изменения, которые начинают происходить в Золотой Орде при правлении нового хана, представляются далеко не случайными, а отвечавшие тенденциям развития общества. Скорее всего, наряду с золотоордынской знатью, стремившейся к независимости от великого хана, победа Берке была облегчена и поддержкой его кандидатуры со стороны мусульманских купцов, привлеченных еще при Бату золотоордынской администрацией в качестве откупщиков дани и чиновников. Со вступлением на престол хана Берке мусульманская аристократия и городская верхушка действительно получила доступ к государственным учреждениям, а перед мусульманским духовенством открылось широкое поле для миссионерской деятельности. После прихода к власти Берке началось активное распространение ислама в Улусе Джучи, особенно среди степного населения, в некоторых регионах уже прошедших начальный этап исламизации. После завоевания, слома их старой племенной структуры и рассеяния их между улусами новых правителей, прежние племенные культы утратили священность, а их мифология потеряла почву. В этих условиях в общественное сознание тюрок Даш-и Кыпчака успешно внедряется новая государственная религия — ислам.

Особенно ускорила процесс этой переориентации ханов Улуса Джучи война с Хулагуидами. Базовыми причинами ее были укрепление власти Хулагу и отказ его от признания старшинства дома Джучи. Это происходило



Серебряные и медные монеты Болгара ордынского времени (XIII–XIV вв.). 1, 3–6 — реконструкция штемпелей; 2,7 — находки на Болгарском городище; 1–4, 7 — серебряные; 5, 6 — медные

на фоне гибели Багдадского халифата (1258) и усиления противостояния Хулагу с Мамлюкским Египтом, куда был в тайне перевезен потомок последнего аббасидского халифа Муста'сима, казненного монголами. В Египте он был провозглашен халифом, но, лишенный каких-либо реальных рычагов власти, стал религиозным символом для стран ислама. Берке, в условиях усилившегося противоборства с Хулагу, обратился к религиозному фактору, как средству привлечения союзников. Послы, принятые султаном Египта с большим почетом, присягнули халифу, признав его авторитет и главенство в делах веры. Военно-политические аспекты этой войны хорошо известны, но гораздо важнее ее дипломатическая и культурная составляющие. Вступив в противоборство с государством Хулагу, Улус Джучи тем самым выступил противником православной Византии, католических стран Запада, их крестоносных владений на Ближнем Востоке, и союзником турок-сельджуков и египетских мамлюков. Тем самым, были определены приоритеты политики и важнейшее направление цивилизационной ориентации.


НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
БЕЛОЕ МОРЕ
ФИННМАРК
ЛОПЬ
ПОПЬ ДИКАЯ БЕРЕГ
ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ЗАОНЕЖЬЕ
ПЕЧОРА
САМОЯДЬ (НЕНЦЫ)
ЮГРА
ОСТЯКИ (ХАНТЫ)
ВОТЯКИ
ЧЕРЕМИСЫ
МОРДВА
БАШГЫРД
ТАТАРЫ
ДАЙМАН
КЫПЧАКИ
ТУРКМЕНЫ
АКБАЛКАН
КУМКЕНТ
ХИВА
ХОРАСАН
ТАДЖИКИ
ГАРДЖ
ТОНОКАБОН
БАДГИЗ
ГЕРАТ
ЗАМИН
ДЖУВЕЙН
ИСТАХР
ИСФАХАН
ЙЕЗД
ЗЕРЕНДЖ
ШИРАЗ
КЕРМАН
БУХАРА
ФЕРАВА
МЕРВ
ДЖАЙХУН
ТУРКЕСТАН
ОТРАР
ТАШКЕНТ
ЯНГИКЕНТ (ЯНКЕНТ)
ДЖЕНД
БАРЧКЕНД (БАРЧИН)
АСАНАС (ОРНАС)
ЗЕРАВШАН
ЗАРАФШАН
ЗЕМЛЯ ШВЕЦИЯ
ЗЕМЛЯ ФИНЛЯНДИЯ
ЗЕМЛЯ КОРЕЛА
ЗЕМЛЯ ЕМЬ
ЗЕМЛЯ ТАВЕИСТАЛАНД
ЗЕМЛЯ ЛАППЛАНД
ЗЕМЛЯ ВЕРМЛАНД
ЗЕМЛЯ СВИТЬОД
ЗЕМЛЯ ГЕТЛАНД
ЗЕМЛЯ ГЕМЛАНД
ЗЕМЛЯ ЭСТЛАНД
ЗЕМЛЯ ЛИВЛАНД
ЗЕМЛЯ КУРЛАНД
ЗЕМЛЯ ЖЕМАЙТИЯ
ЗЕМЛЯ ЛИТВА
ЗЕМЛЯ ПРУССИЯ
ЗЕМЛЯ ПОМОРЬЕ
ЗЕМЛЯ ПОЛЬША
ЗЕМЛЯ ВЕЛИКАЯ ПОЛЬША
ЗЕМЛЯ МАЛАЯ ПОЛЬША
ЗЕМЛЯ ЧЕХИЯ
ЗЕМЛЯ МОРАВИЯ
ЗЕМЛЯ СЛОВАКИЯ
ЗЕМЛЯ ВЕНГРИЯ
ЗЕМЛЯ ПАННОНИЯ
ЗЕМЛЯ ХОРВАТИЯ
ЗЕМЛЯ СЛАВОНИЯ
ЗЕМЛЯ СЕРБИЯ
ЗЕМЛЯ БОСНИЯ
ЗЕМЛЯ ХУМ
ЗЕМЛЯ ЗЕТА
ЗЕМЛЯ АЛБАНИЯ
ЗЕМЛЯ МАКЕДОНЦЫ
ЗЕМЛЯ ГРЕЦИЯ
ЗЕМЛЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЗЕМЛЯ ЭПИР
ЗЕМЛЯ ФЕССАЛИЯ
ЗЕМЛЯ ЭВБЕЯ
ЗЕМЛЯ ЭТОЛИЯ
ЗЕМЛЯ ПЕЛОПОННЕС
ЗЕМЛЯ ЭПИРОТ
ЗЕМЛЯ ЛИВИЯ
ЗЕМЛЯ ЕГИПЕТ
ЗЕМЛЯ ЭФИОПЫ
ЗЕМЛЯ ЭЛАМ
ЗЕМЛЯ ЛУРИСТАН (ЛУРЫ)
ЗЕМЛЯ ЗАНДЖ
ЗЕМЛЯ ЗИНДЖ
ЗЕМЛЯ ЗАБАГ
ЗЕМЛЯ ЗАБАЙКАЛЬЕ
ЗЕМЛЯ ЗАБАЙКАЛЬЕ
ЗЕМЛЯ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Культурно-экономическое развитие Улуса Джучи в первой половине XIV в.

Территории русских княжеств, зависимые

от Улуса Джучи

от Великого княжества Литовского

Прочие территории, зависимые от Улуса Джучи

Территории, зависимые от Венгрии

банат Турну-Северин

Мунтянское княжество

Зоны сплошной оседлости

в Белой Орде

в Монголии и соседних землях

Экономические центры

крупные

прочие

Специализация экономических центров

таможни

монетные дворы Джучидов, Хулагуидов и Джагатаидов, 1310—1380 гг.

центры торговли

центры ремёсел

Торговые пути

Великий шёлковый путь

прочие

почтовые (ямские) станции

важнейшие порты

направления движения товаров

Религиозные центры

христианские (католические, православные, несторианские, якобитские, григорианские)

мусульманские (суннитские, шиитские, ханефийские)

буддийские, ламаистские, даосские

индуистские

иудейские

языческие (бон, тенгрианство и пр.)

Цифрами обозначены государства:
1—*Священная Римская империя*
2—*Сербия*
3—*Неаполитанское королевство*
4—*герцогство Афинское*
5—*княжество Ахайя*
6—*владения Венеции*
7—*орден иоаннитов*
8—*владения Генуи*
9—*Трапезундская империя*
10—*грузинские государства*
11—*эмираты малоазийских турок*
12—*Киликийская Армения*
13—*королевство Кипр*

Границы государств даны на 1328 г.

меха

лаковые изделия
фарфор

драгоценные камни, аммиак, слоновая кость

серебро
скот, меха

Монголия, Китай и Тибет: зона сумажных денег



Зеркало с рельефным орнаментом и ушком в центре. XII–XIII вв. Дешт-и-Кипчак



Чаша с изображением всадника. Кварцево-фриттовая керамика с росписью хафт ранг «семицветный», или минаи («эмалевый»). Рей (Иран). XIII в. Исламский музей, Тегеран. Фото Т.Х.Стародуб

Вместе с тем, нельзя переоценивать масштабы распространения ислама среди населения Улуса Джучи. Массовой исламизации степного населения и основной части знати не произошло. Определенное равновесие сохранялось при Менгу-Тимуре (1266–1281), который продолжал внешнюю политику предшественников, но не был ревностным сторонником ислама. В государственном управлении и административной практике продолжали функционировать прежние традиции: для печатей на ханские ярлыки еще долго применялось квадратичное уйгурское письмо, в качестве верительных грамот чиновники пользовались пайцзами с традиционной формулой с ссылкой на санкцию Вечного Неба и волю хана. Не только общественная, но и повседневная жизнь, даже в ставке хана, регламентировалась традицией: арабских дипломатов специально предупреждали о том, что в ней «нельзя есть снег и стирать одежды, а если случиться стирать его, то делать это тайком». Иными словами ислам, хотя и имел сильные позиции среди татарской знати и городской верхушки, а также в ряде регионов Улуса Джучи (Хорезм, Болгария, Приаралье), но влияние их было еще далеко не определяющим.

Тем не менее, процесс этот стал необратимым. И во время междоусобных войн конца XIII в., когда решался вопрос о выборе пути дальнейшего развития Улуса Джучи, победа осталась за сторонниками ислама. Не вдаваясь в подробности череды этих войн и мятежей, необходимо отметить, что движущей и направляющей силой их выступил Ногай. Поворотным пунктом его политической деятельности можно считать письмо в Египет (1270/1271), в котором он уведомляет султана о принятии им и рядом других эмиров ислама и о следовании ими «по пути отца нашего Берке-хана, следим за истиной и уклоняемся от лжи». Вполне очевидно, что заявляя себя в качестве прямого продолжателя «дела Берке», он опирался на мусульманские татарские кланы и городской нобилитет.

Свидетельством реального следования Ногаем этим курсом стало возведение на престол после смерти Менгу-Тимура в 1281 г. хана Туда-Менгу (1281–1287), при котором он стал фактическим правителем Золотой Орды. Тогда же, видимо, Туда-Менгу принимает ислам и отправляет посольство к египетскому султану с просьбой: «просить для него... прозвище из имен мусульманских, которым он мог бы называться, знамя от халифа и знамя от султана, на накары (боевые барабаны. — *И.И.*), чтоб он мог двинуться с ними в поход и выступить навстречу врагам веры». После этого посольство совершило хаджж в Мекку. Отстраненный от реального ведения государственных дел хан Туда-Менгу, скорее всего, занимался вопросами веры и своим духовным просвещением: он «привязался к шейхам и факирам, посещал богословов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого».

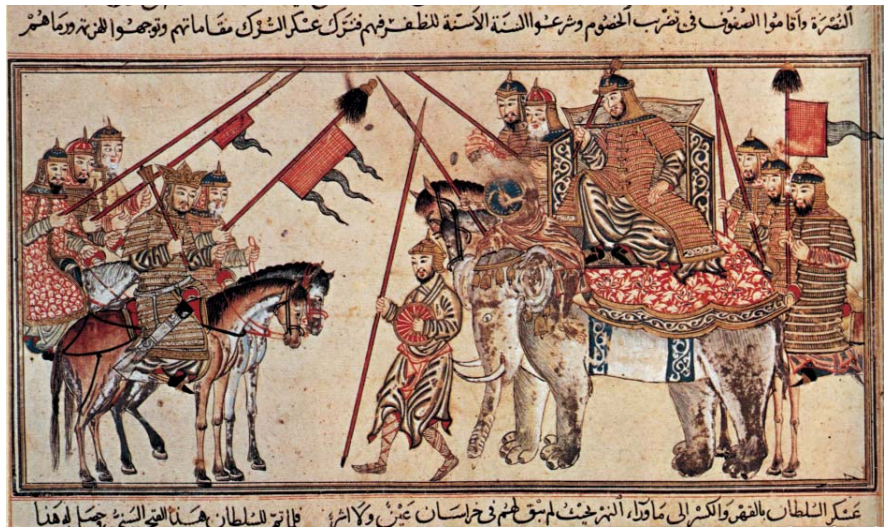
Правление Токты (1291–1312), хотя официально он и не был мусульманином, стало временем укрепления власти татарской исламизированной аристократии, среди которой следует выделить Кутлуг-Тимура, приближенного ко двору еще при хане Берке. Ислам получил но-



«Придворные». Фрагмент панельного изразца в форме восьмиконечной звезды. Керамика, роспись люстром и синим кобальтом. Первая четверть XIV в. Кашан (?) (Иран)

вый импульс. Особенно широко он распространился, очевидно, в городах. Влияние мусульманских кланов на внутреннюю и внешнюю политику было очень велико. Стремясь заручиться их поддержкой Токта уже с 1293 г. начинает чеканить монету со звучным именем «Насир лид-Дин Аллах» («Помощнник веры и Аллаха»).

Благодаря поддержке мусульман Токта не только разгромил своих врагов, но и добился небывалого укрепления Улуса Джучи. Расширилась мировая торговля, происходил рост городов, на внешнеполитической арене был одержан ряд побед. В степях и городах Золотой Орды с конца XIII в. все шире начинает распространяться мусульманство. Свидетельством тому служит сокращение числа языческих курганных могильников в Поволжье





Миниатюра из рукописи «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) Рашид ад-дина, посвященной монгольским завоеваниям (Иран). XIV в.

Хан Хубилай. Китайская миниатюра





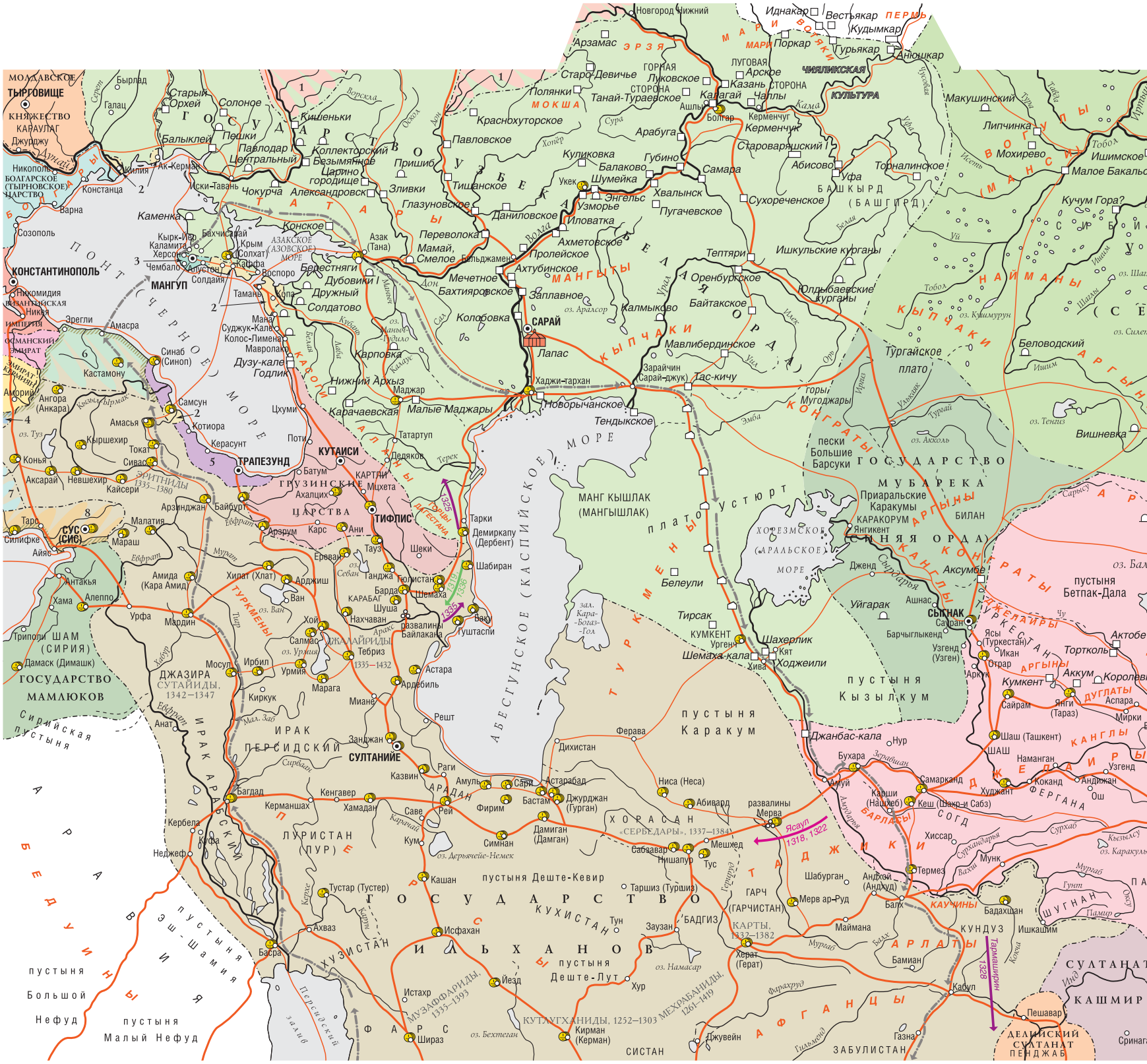
Хан Хулагу. Миниатюра из «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) Рашид ад-дина. Иран. XIV в.

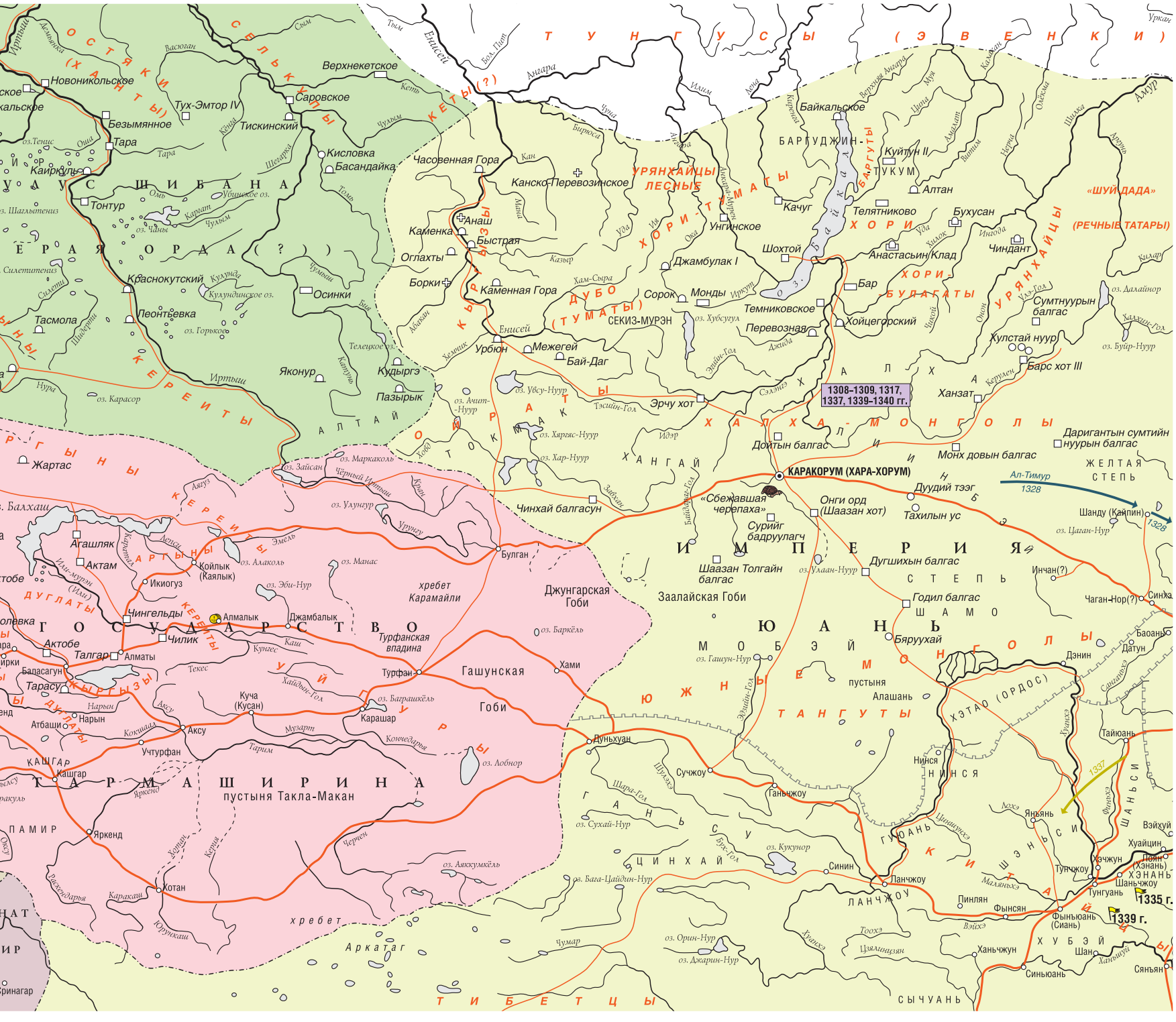
Взятие монголами Багдада. 1258 г. Миниатюра из «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) Рашид ад-дина. Иран. XIV в.

и Приуралье, появление и распространение мусульманских некрополей. Тем самым уже в начале XIV в. были подготовлены все предпосылки к повышению статуса ислама как официальной религии Улуса Джучи.

Принятие ислама в качестве государственной религии. Наконец, в начале XIV в., мусульманская община среди татарской аристократии настолько усилилась, что не только возвела на престол своего ставленника — хана Узбека (1312–1342 гг.), но и решительно порвала с прежними религиозными и политическими традициями. Об этом ключевом событии истории Улуса Джучи существует сравнительно большое количество источников и значительная историография. В своем письме к египетскому султану, в пересказе ан-Нувайри, Узбек так описывал произошедшие события: «в царстве его (Узбека) оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислама, но что он, воцарившись, предоставил им выбрать или вступление в исламскую религию, или войну, что они отказались (от принятия ислама) и вступили в бой, что он напав на них, обратил их в бегство и уничтожил их...».

Обстановку того времени ярко передает их современник ал-Бирзали (первая половина XIV в.). Он пишет, что хан Токта был «неверным», придерживался религии идолопоклонников и любил «лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякого вероисповедания, но более других уважал мусульман... Был у него сын... он был привержен к исламу,


Новгород Нижний
Иднакар
Вестьякар
ПЕРМЬ
Кудымкар
МАРИ ВОЯКИ
МАРЫ
Поркар
Гурьякар
Анюшкар
Арзамас
ЭРЗЯ
ЛУГОВАЯ СТОРОНА
ГОРНАЯ СТОРОНА
ЧИЯЛИКСКАЯ КУЛЬТУРА
Арское
Казань
Калагай
Чаллы
Ашлы
Болгар
Керменчук
Старо-Девичье
Луковское
Танай-Тураевское
Полянки
МОКША
Краснохуторское
Павловское
Арабуга
Старовaряшский
Липчинка
Макушинский
Мохирево
Ишимское
Малое Бакальское
Кучум Гора?
Торналинское
Абисово
Уфа
БАШКЫРД (БАШГИРД)
Губино
Самара
Куликовка
Балаково
Шумейка
Укек
Энгельс
Хвалынск
Сухореченское
Пугачевское
Узморье
Иловатка
Даниловское
Тишанское
Глазуновские
Зливки
Пришиб
Царино городище
Александровск
Чокурча
Иски-Тавань
Ак-Кермак
Коллекторский
Безымянное
Павлодар
Центральный
Пешки
Балыклей
Старый Орхей
Солонце
Кишеньки
Молдавское Тырговище
Княжество Караулак
Джуджу
Никополь болгарское (тырновское) царство
Варна
Созополь
Каменка
Конское
Бахчисарай
Крым (Солхат)
Кафа
Кырк-Ир
Каламита
Херсон
Чембало
Алустон
Солдайя
Воспоро
Дубовики I
Дружный
Солдатово
Тамань
Копа
Мана
Суджук-Кале
Колос-Лимена
Мавролака
Дузу-кале
Годлик
Азак (Тана)
Переволока
Мамай, Смелое
Бельджамень
Ахтубинское
Мечетное
Бахтияровское
Пролейское
Ахметовское
Заплавное
Колобовка
САРАЙ
Лапас
Калмыково
Оренбургское
Тептяри
Ишкульские курганы
Юлдыбаевские курганы
Байтакское
Мавлибердинское
Зарайчин (Сарай-джук)
Тас-кичу
Хаджи-тархан
Новорычанское
Тендыкское
Малые Маджары
Карачаевская
Нижний Архыз
Карповка
Маджар
Цхуми
Поти
Кутаиси
Татартуп
Дедяков
Батум
Ахалцих
Мцхета
Картли
Грузинские царства
Трапезунд
Керасунт
Котиора
Самсун
Синоб (Синоп)
Амасра
Эрегли
Никея
Никомидия
Византийская империя
Османский эмират
Эмират Кастамониды
Кастамону
Амасья
Кыршехир
Токат
Сивас
Конья
Аксарай
Невшехир
Кайсери
Эритниды 1335–1380
Арзинджан
Байбурт
Эрзурум
Карс
Ани
Тифлис
Тарки
Демиркапу (Дербент)
Шабиран
Шеки
Тауз
Ереван
Ванджа
Гюмистан
Барда
Шемахи
Нахчаван
Шуша
Карабаг
Ваку
Гуштаспи
развалины Байлакана
Тебриз
1335–1432
Астара
Ардабиль
Миане
Решт
Занджан
Султанийе
Казвин
Раги
Амуль
Сари
Астарабад
Джурджан (Гурган)
Бастам
Фирим
Реи
Саве
Хамадан
Керманшах
Кенгавер
Багдад
Кербела
Куфа
Неджеф
Басра
Ахваз
Тустар (Тустер)
Кашан
Исфахан
Шираз
Истахр
Йезд
Кирман (Керман)
Тун
Заузан
Бадгиз
Карты, 1332–1382
Герат (Герат)
Тарши (Туршиз)
Мерв ар-Руд
Гарч (Гарчистан)
Шабурган
Андхой (Андхуд)
Балх
Бамиан
Кабул
Газна
Джувейн
Дихистан
Ферава
Ниса (Неса)
Абиверд
развалины Мерва
Нишапур
Сабзавар
Тус
Мешхед
Термез
Хиссар
Карши (Нахшеб)
Кеш (Шахр-и Сабз)
Самарканд
Бухара
Нур
Джанбас-кала
Шаш (Ташкент)
Наманган
Коканд
Худжант
Андижан
Ош
Узгенд
Сайрам
Янги (Тараз)
Аспара
Мирки
Аккум
Кумкент
Торткуль
Отрар
Сыгнак
Сауран
Ясы (Туркестан)
Икан
Узгенд (Узген)
Барчыглыкенд
Уйгарак
Ашнас
Шахерлик
Кят
Ходжеили
Шемаха-кала
Хива
Кумкент
Тирсак
Кумкент
Белеули
Аксумбе
Дженд
Янгикент
Каракорум
Приаральские Каракумы
Большие Барсуки пески
Мубарека государство
Билан
Сыгнак
Ногайская Орда
Хорезмское (Аральское) море
Пустыня Кызылкум
Пустыня Каракум
Пустыня Деште-Кевир
Пустыня Деште-Лут
Пустыня Бетпак-Дала
Пустыня Эш-Шамия
Пустыня Большой Нефуд
Пустыня Малый Нефуд
Сирийская пустыня
Плато Устюрт
Мангышлак (Мангышлак)
Каспийское (Хазарское) море
Средиземное море
Черное море
Азовское (Азакское) море
Персидский залив
Государство Мамлюков
Ирак Персидский
Ирак Арабский
Джазира
Сутайиды, 1342–1347
Сирия (Шам)
Триполи
Хама
Алеппо
Антакья
Урфа
Мардин
Амида (Кара Амид)
Арджиш
Хилат (Хлат)
Ван
Хой
Салмас
Урмия
Ирбил
Мосул
Киркук
Марага
Мианэ
Зенджан
Сарбадар
Ормузиды 1325–1505
Ормузиды 1325–1505
Ормузиды 1325–1505



Границы

государств и объединений племен, 1328 г.

политического влияния государства ильханов на западе

○ Кашгар
Города

Основные направления военных походов, 1301–1350 гг.

джагатаидских ханов

китайцев

белоордынских ханов



Раскопки столицы Золотой Орды (до первой четверти XIV в.) Сарая-ал-Махруса (Сарая-Бату) — Селитренное городище в Астраханской области



Медная монета хана Тохты (правил в Золотой Орде в 1291–1312 гг.). БГИАМЗ

любил слушать чтение Корана великого, хотя и не понимал его, и предполагал, когда сделается царем этой страны, не оставит в царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской. Когда он умер (уже) при жизни отца, оставив сына. Когда он умер, то отец его (Токта) назначил наследником сына упомянутого сына своего, однако же ему не привелось повелевать, так как после него (Токты) царством овладел сын брата его, Узбек-хан... Он умертвил нескольких эмиров и вельмож, умертвил большое количеств... лам и волшебников и провозгласил исповедание ислама».

Следует подчеркнуть, что начиная с Узбека, который на монетах чеканил свое полное мусульманское имя: «Султан Мухаммад Узбек-хан», все другие Джучиды также имели кроме тюркского еще и мусульманское имя — Джанибек (1342–1357) имел имя «Султан Джалал-ад-Дин Махмуд». Бердибек (1357–1359) и Урус — Султан Мухаммад, Токтамыш (1379–1395) — Султан Насир ад-Дин и т.д.

Средневековое татарское государство таким образом становилось центром ислама на севере, недаром арабские дипломаты уважительно называли ханов из рода Джучи (сына Чингиз-хана), правящих в Золотой Орде, «мечом ислама в северных землях».

Тем самым в первой половине XIV в. в Улусе Джучи складывалась достаточно сложная идеологическая ситуация: ислам из рядовой, одной из нескольких конкурирующих, стал государственной религией. Мусульманство начало охватывать значительную часть населения страны, однако на первых порах формальное увеличение числа верующих, отнюдь не привело к одномоментному глубокому проникновению ислама в общественное сознание и повсеместному установлению нового вероучения и шари'атской правовой и обрядовой практики.

Происходило становление не только ислама как государственной религии, но и выбор конкретной вероучительной практики и законоведческих канонов, а также выработка соотношения местных традиций и мусульманского права. Судя по всему в Улусе Джучи был воспринят суннизм в его ханифитском толке из Средней Азии. При этом, вопреки весьма расхожему мнению, исламские традиции из Болгарии, существовавшие в более ортодоксальной и милленаристской форме, чем в Хорезме и Мавераннахре, не оказали определяющего влияния на вероисповедание и ритуальную практику Золотой Орды, а позднее оказались размыты и нивелированы новыми традициями. Ханафитский мазхаб, а также в определенной степени, видимо, распространенный в золотоордынских городах, близкий к нему шафиитский, лояльно относившиеся к некоторым традициям и допускавшие в ряде случаев сохранение доисламских обычаев, идеально подходили для общества, находящегося в стадии внедрения ислама.



Насх (текст) и сульс (заголовки). Двойная декоративная страница из рукописи Корана. Левая сторона. Бумага; чернила, краски, золото. Египет. Середина XIV в. Художественная галерея Фрир, Вашингтон

При этом хан Узбек и его ближайшие потомки внешне проявляли себя как строгие ревнители ислама. Это выражалось в изменении дипломатического этикета и практики, в появлении мусульманских фискальных терминов и мусульманского судопроизводства, которое освещалось авторитетом хана, а также в нетер-

пимости к иноверцам, которые с 1313 г. не допускались, судя по всему, в государственные и административные ведомства Улуса Джучи. Отношения между Золотой Ордой и Египтом при правлении Узбека и его потомков продолжали оставаться дружественными и союзными. Стороны неоднократно обменивались посольствами. Был выработан даже определенный дипломатический этикет и формы обращения при переписке.

Однако нельзя отрицать и определенные различия в следовании некоторым канонам мусульманского права со стороны различных слоев населения. Кочевая знать при всем показном внешнем благочестии явно, позволяла себе некоторые послабления в ритуальной практике, например, это касалось питья вина, погребе-



Монета хана Берке (правил в Золотой Орде в 1257–1266 гг.). БГИАМЗ



Монета хана Кульпы (правил в Золотой Орде в августе 1259 — январе 1260 гг. БГИАМЗ

ния в одежде и с оружием. И это отнюдь не случайно. Главное для ханов было не вероисповедание татарских аристократических кланов — «опоры трона», а их лояльность власти роду Джучидов, личная преданность хану, вера в святость «дома Чингиз-хана» и его законоустановлений. Недаром эмиры в ответ на требование хана Узбека принять ислам, ответили: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и каким образом мы покинем закон и устав (Йасу) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов». Поэтому, хотя ислам и играл значительную роль при дворе ханов и служил идеологической санкцией на власть (наряду с законоустановлениями «Йасы» Чингиз-хана), в среде знати, особенно кочевой, мусульманство часто было внешней оболочкой, артикулированной на обрядовой стороне жизни, прикрывавшей рыцарский комплекс чести, местные культы святых и суеверия.

Татаро-мусульманская цивилизация. Реформы хана Узбека были направлены на усиление государства, его единства и военной мощи. Религиозная политика Узбека, при лояльном отношении ко всем религиям, была направлена на усиление роли ислама в общественной жизни и политике. Узбек-хан, наряду с Йасой Чингиз-хана, ввел в судебную практику шариат и мусульманское судопроизводство. При нем началось широкое строительство мечетей и медресе остатки их сохранились в Болгаре, Солхате, Куня-Ургенче, Татартупе, а археологические остатки известны в Нижнем Поволжье, Крыму и Приднестровье. Постепенно мусульманские культовые здания, а также медресе, больницы и судебные палаты появляются во всех регионах страны. Принятие ислама привело к изменению статуса всей государственной власти. Хан получал санкцию на власть именем Аллаха. Соответственно изменяется и государственная идеология и историография. Материальным выражением этой перемены в цивилизационной ориентации стали новая джучидская дипломатика, нумизматика и делопроизводство. Среди официальной титулатуры ханов Улуса Джучи и высших сановников появляются формулы «поборник воителей и борцов за веру», «величие ислама и мусульман», «подпора веры», «меч повелителя правоверных» и т.д. Насыщается исламскими мотивами традиционный фольклор и народный эпос.

В первой половине XIV в. в Золотой Орде складывается иерархическая структура мусульманского духовенства во главе с потомками Пророка — сейидами, отражая статус ислама как государственной религии. Кроме них в различных источниках упоминаются шейхи, кади, правоведы, шерифы, факиры, а также кади-муфтии и шейхи над шейхами, а также шейхи-суфии. Указанные духовные лица, несомненно, находились между собой в иерархической со-



Пайцза хана Абдуллы. Улус Джучи. 1362–1369 гг.



Серебряные монеты хана Узбека (правил в 1313–1341 гг.). БГИАМЗ

подчиненности. В середине XIV в. в Улусе Джучи жили и творили выдающиеся знатоки богословия и фикха. Тогда же происходило и становление всеобщей системы мусульманского образования. Все это оказало определяющее влияние на население государства и уже к середине XIV в. городское население было полностью исламизировано.

Особую роль в иерархии духовенства отводилась судьям-чиновникам — кади, выбираемого общиной или назначаемого правителем и отправляющего правосудие на основании шариата. В соответствии с мусульманскими традициями их основной обязанностью было решение не только гражданских дел и разрешение вопросов вероучения, но и наблюдение за вопросами нравственности, надзор за имуществом вакуфов и т.д. Очень часто кади выполнял функции административного руководителя общины, иногда служил чиновником для особых поручений. Золотоордынские кади часто упоминаются как участники дипломатических контактов, например, с Египтом. В важных случаях судебные функции исполнял сам хан или высшие административные чины государства.



Большая мечеть в Багдаде



Надгробие с арабской надписью. Территория Волжской Болгарии. XIV в.

В середине XIV в. в Улусе Джучи жили и творили выдающиеся знатоки богословия и фикха. Тогда же происходило и становление всеобщей системы мусульманского образования. Обычно медресе организовывались при известной усыпальнице какого-нибудь святого, служившего местом паломничества, или мечети. Средства на содержание мечети и медресе, а также больнице при них, часто давали вакфы (обычно это были караван-сараи и/или бани). Медресе служило целям подготовки класса профессиональных ученых для распространения в обществе мусульманского закона и веры, т.е. религиозной и юридической информации, что стало существенным вкладом в распространение ислама вглубь и вширь среди населения страны. Многие улемы получали высокие должности при дворе ханов и определенное денежное или вакуфное содержание.

Другим выражением процесса институционализации ислама не только в районах традиционного распространения ислама, но и в Нижнем Поволжье и Крыму, стало широкое распространение в Поволжье, Хорезме и Крыму суфийских обителей (ханака, рибаты). Сущность учения суфизма, как мистического направления в исламе, благодаря трудам ал-Газали и его последователей, а в тюркских странах Северной Евразии проповедям и трудам Ахмеда Йасави, вошла в саму суннитскую ортодоксию. Особенно широко ханака, находящиеся близ мазаров, распространились в Золотой Орде в правление хана Узбека и его ближайших потомков, когда резко возрос их духовный авторитет и социальный престиж. Некоторые ханака получали богатые вакфы, денежное содержание и находились под патронажем самих ханов, как, например, усыпальница на месте погребения Наджм ад-Дина ал-Кубра, которая была перестроена по указанию Узбек-хана. Значительное влияние при дворе ханов имели в разные годы шейхи ал-Бахерзи, Сейид-Ата и другие. Иными словами, суфийские ханака, основанные близ мест поклонения святым местам и погребений святых (мазары), служили центрами распространения ислама в разных регионах страны. Это оказало определяющее влияние на население государства. Уже к середине XIV в. городское население было полностью исламизировано.

Исламская культура Улуса Джучи — яркая страница мусульманской цивилизации и всей мировой культуры. В Золотой Орде был создан

Мечеть хана Узбека. Солхат (Старый Крым). XIV в.





Мавзолей Ахмеда Ясави (1103–1166) — суфийского поэта и мистика, место активного паломничества мусульман в ордынскую эпоху и позже. Туркестан, Казахстан

пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении разнородных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучавшими стилями и направлениями, различными в разные периоды существования. В начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, пышно распускается новая урбанистическая, восточная средневековая культура с татарскими элементами. В облике городов это проявлялось в наличии Джами-мечетей и квартальных мечетей, квартальных бань и медресе. Большое влияние на мусульманскую архитектуру Улуса Джучи оказали сельджукские и среднеазиатские традиции. Они оказали влияние на формирование образного репертуара мусульманского искусства. Повсеместно распространяется мусульманская грамотность, свидетельством чего служат как многочисленные надгробия с эпитафиями, надписи на кирпичах и бытовых предметах.



Архитектурный декор мавзолея Ахмеда Ясави

В мире были широко известны мусульманские писатели и законоведы из Улуса Джучи, творившие по-арабски и по-персидски: Сад ат-Тафтазани, написавший ряд книг по риторике и праву, Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди, знаменитый факих Ибн Баззазаи, создавший «Изречения Баззази» и многие другие. Одновременно с арабским и персидским языками в Улусе Джучи тюркский язык стал носителем мирового уровня «высокой» культуры. Именно на основе кыпчакского общегородского койне и норм литературного караханидского (и, видимо, болгарского) языков сформировался литературный золотоордынский татарский язык — поволжский тюрки. На нем созданы такие произведения, имеющие исламские мотивы, как «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи, «Мухаббат-наме» ал-Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Кисекбаш китабы». Особый жанр литературы составляли религиозно-философские произведения социально-этического характера, например «Нахдж ал-фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда ас-Сараи ал-Булгари, «Кыссас ул-анбиййа» («История пророков») Рабгузи и многие другие известные, но, очевидно, не дошедшие до нас произведения. Расцвет империи Джучидов, развитие городов, внедрение и распространение ислама, становление единой культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка, а также активное перемешивание военно-феодальной знати привело к формированию татарской этнополитической общности.

Все это делает дату принятия ислама в Улусе Джучи определяющей для татарской истории. Именно благодаря усилиям правителей Золотой Орды от Берке и Узбека до Идегея ислам выходит за региональные рамки. Он становится имперской и в значительной мере общетюркской религией и вместе с городской цивилизацией распространился по самым дальним уголкам Северной Евразии от Тобольска (Искера), до Хаджи-Тархана (Астрахани), от Аккермана (Белгород-Днестровский) до Мухши (Наровчат). Иными словами, образование средневековой татарской общности прямым и непосредственным образом связано с распространением ислама и городской цивилизации. Без вмешательства ханов, таким образом, не состоялась бы тюрко-мусульманская цивилизация, определяющая облик современной Евразии. Именно эта дата является значимой не только для собственно татарской истории, но и является общетюркским, евразийским явлением.



Генуэзская планисфера.
1321 г.


Jndia extra gangē fluuiū
Cathayum
Cathayum
Jndia
Jndia
Jndia

Л.Т. Яблонский

Население средневекового Болгара

Более столетия продолжается археологическое изучение Болгарского городища. За это время наряду с жилыми, производственными и хозяйственными комплексами здесь раскапывались и могильники с многочисленными погребениями. Они разновременны и оставлены разноэтничными группами городского населения. В этом разделе делается попытка обобщить сведения, полученные в результате исследования городских некрополей, дать сравнительную характеристику физического облика захороненных в них людей.

Первые погребения на территории городища были вскрыты в последней трети XIX в. Широкий размах исследования Болгар и некрополей города связан с работой археологических экспедиций, созданных и долгие годы возглавляемых А.П. Смирновым. На протяжении 1930-х гг. в раскопах попадались отдельные погребения, а с 1945 г. ведутся планомерные раскопки кладбищ.

Кладбище у Греческой палаты. Исследование этого некрополя относится к 1945–1946 гг. В результате раскопок А.П. Смирнов пришел к выводу, что погребения у Греческой палаты оставлены жителями христианской армянской колонии города.

Краниологическая серия из раскопок обработана Т.А. Трофимовой, которая находит аналогии в физическом облике населения, оставившего этот могильник, с современными армянами, но отмечает при этом неоднородность средневековой серии, связанную с межэтническими контактами в среде городского населения.



Мусульманские погребения XIII–XIV вв.



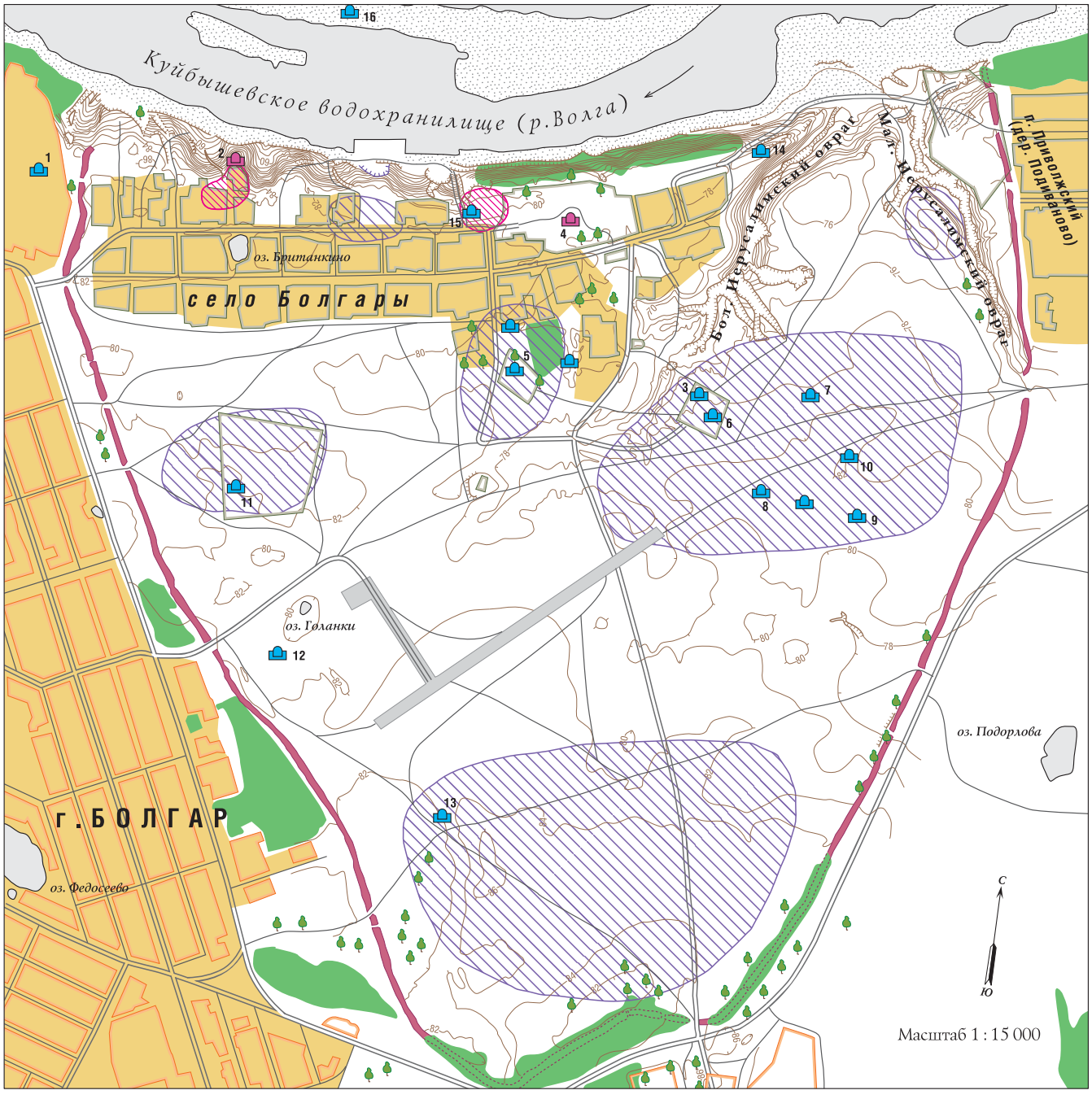
Миссионерский крест с эмалью с территории городища. БГИАМЗ



Надгробный камень с армянской надписью. БГИАМЗ

Могильник Бабий бугор. Исследование могильника проводилось в 1947–1948 гг. Было вскрыто более 200 погребений, датирующихся как домонгольским, так и золотоордынским временем. Обряд, захоронения даже для разновременных могил отличается единообразием. Костяки лежали на спине вытянуто, черепом на запад, лицо обращенок югу или востоку, реже — к северу. Количество погребений с вещами очень невелико. Авторы раскопок рассматривали могильник как оставленный рядовым населением города. Е.А. Халикова пришла к выводу, что кладбище принадлежало неболгарской группе населения.

Краниологическая серия из могильника Бабий бугор исследовалась частично А.П. Богдановым и Г.Ф. Дебецем, а с добавлением материалов 1947–1948 гг. — Т.А. Трофимовой. Основу серии составляют мезо- и долихокранные европеоиды, которых Т.А. Трофимова предположительно отнесла к местному населению, генетически связывая их с людьми из Верхнесалтовского могильника. В серии устанавливается также урало-лапоноидный компонент, который автор связывает с местным финно-угорским населением.



Расположение могильников на территории Болгарского городища

Могильники

домонгольского периода

золотоордынского периода

Расположение некрополей

домонгольского периода

золотоордынского периода

Селитебные территории

Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

Оборонительный земляной вал

Цифрами обозначены могильники:
1 — *у Греческой палаты*
2 — *Бабий бугор*
3 — *Ханская усыпальница*
4 — *Четырехугольник*
5 — *у Черной палаты*
6 — *у Малого минарета*
7–10 — *восточнее и юго-восточнее Малого минарета*
11 — *у западного вала*
12–16 — *отдельные погребения*

Один из компонентов серии Бабьего бугра, а именно — доминирующий здесь долихо-мезокранный европеоидный компонент с сильно выступающими носовыми костями и сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицом, не имеет аналогий среди других краниологических серий Волжской Болгарии. Этот вывод вполне согласуется с мнением Е.А. Халиковой о неболгарской этнической принадлежности большинства дозолотоордынских погребений могильника.

Могильник Ханская усыпальница. Первые погребения были вскрыты, раскопками М.Г. Худякова. В 1957 г. и в последующие годы работы здесь были продолжены. Исследовано 23 погребения, а также несколько небольших мазаров. Некоторые из могил имели кирпичные надгробия — вымостки или ступенчатые, находящие аналогии в некрополях нижневолжских городов. Могилы располагались рядами, вытянутыми в направлении север-юг. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицом на юг или восток. Найдены остатки гробовищ. Кладбище было мусульманским некрополем социальной верхушки города. Оно может быть датировано XIV — началом XV в. Раскопки продолжались с 1969 по 1974 г. Краниологические материалы из погребений находятся в обработке.

Могильник Четырехугольник исследовался в 1964–1965 гг. близ Соборной мечети. Здесь вскрыто 25 погребений двух периодов — домонгольского и золотоордынского времени. А.П. Смирнов считал, что кладбище оставлено наиболее правоверными мусульманами города. Лишь в редких случаях удавалось проследить пережитки домусульманской погребальной обрядности. Как правило, захоронения совершены в грунтовых ямах. Погребенные лежали на спине вытянуто, головой на северо-запад-запад, лицом на юг. Погребальный инвентарь в могилах отсутствовал. Хронологически все погребения могильника делятся, по мнению А.П. Смирнова, на домонгольские (X–XII вв.) и раннезолотоордынские (XIII — начало XIV в.). Несколько могил относится к XVIII–XIX вв.

Остеологический и краниологический материал из средневековых погребений исследован Н.М. Постниковой (Рудь). Автор устанавливает близость черепов с сериями из раннего Кайбельского и отчасти Большетарханского могильников. Серию из Болгар Н.М. Постникова (Рудь) относит к «зливкинскому» варианту болгарского населения, отмечая признаки далеко зашедшей метисации. В основе антропологического облика населения, оставившего могильник Четырехугольник, лежит сарматский тип; несомненна, по мнению автора, связь его с салтово-маяцкими группами. Суммарное сопоставление серии из Четырехугольника с синхронными золотоордынскими позволило установить сходство ее с материалами из Хан-Тюбе Астраханской обл. и Миздахкана в Хорезме.

Кладбище у Черной палаты датируется ранним этапом золотоордынского времени. Раскопки производились в 1966–1967 гг., а затем — в 1975 г. Могильник оставлен мусульманской группой городского населения. Как правило, умерших хоронили в грунтовых ямах, в гробовищах. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад, лицом на юг.



Фрагмент головного убора с погребения внутри мавзолея. Ткань, золото. XIV в. Болгар. Раскопки 2012 г. И.И. Елкина



Височные кольца с головного убора. Золото. XIV в. Болгар. Раскопки 2012 г. И.И. Елкина

Два черепа из могильника опубликованы Н.М. Постниковой (Рудь). Черепа европеоидные брахикранные, с высоким и широким лицом, слабопрофилированным в верхней части, с сильно выступающим носом. Такой тип черепов отмечался в материалах из могильника Четырехугольник.

Кладбище у Малого минарета. Раскопами 1967–1968 и 1973–1974 гг. вскрыты мусульманские погребения, датирующиеся поздним золотоордынским временем. Захоронения совершены в грунтовых ямах на спине, головой на запад, лицом к югу. Встречены также погребения в могилах с подбоями.

Краниологическая серия из могильника опубликована Н.М. Постниковой (Рудь). По мнению автора, население, оставившее могильник у Малого минарета, отличалось неоднородностью антропологического состава. В общем черепа близки к «зливкинскому» варианту болгарских серий, в частности, аналогии в антропологическом типе есть в материалах могильника Четырехугольник.



Каменный резной образок с изображением апостола. Ага-базар. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Фрагмент каменной иконки из затопленной части Болгара. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Деталь хороса. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Каменный нательный крестик с территории городища и округи. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Крест-энколпион XI–XII вв. с территории Ага-базара. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Отдельные группы мусульманских погребений, датирующихся золотоордынским временем, исследовались в 1970–1971, 1977–1982 гг.

А.П. Смирнов неоднократно подчеркивал роль, которую сыграли болгары в распространении ислама на территории средней Волги и Приуралья. Действительно, ислам проник в массу болгарского населения задолго до монгольского завоевания. В отличие от болгар, племена, обитавшие в нижневолжских степях и попавшие под власть золотоордынских ханов, были подвергнуты сплошной и часто насильственной исламизации уже в эпоху расцвета золотоордынского государства. У местного нижневолжского населения отсутствовали мусульманские традиции. Они получили ислам в «готовом» виде, непосредственно из рук хорезмийских имамов, которые и сыграли, видимо, основную роль проповедников ислама на нижней Волге, прежде всего в городах. О степени исламизации населения можно судить по особенностям погребального обряда мусульман в городах Золотой Орды. На основании изучения погребального обряда; городских некрополей мы высказали предположение о существовании двух центров распространения ислама на территории золотоордынского государства, противопоставляя особенности погребального обряда Болгара и прилегающих территорий, с одной стороны, и нижневолжских городов — с другой .

Особенности мусульманского погребального обряда Болгара можно выявить путем сравнения его погребений с захоронениями некрополя Селитренного городища (Сарая Бату), расположенного в Астраханской обл. Отметим при этом, что среди населения обоих городских центров мусульмане составляли подавляющее большинство.

В сопоставлении учтены данные по 130 погребениям, происходящим из некрополей Болгара, и 272 — из некрополя Селитренного городища. Надгробия учтенных типов не характерны для погребального обряда мусульман Болгара. Они были зафиксированы лишь в 10 случаях (7,7 % от общего количества учтенных погребений). В Селитренном доля погребений с надгробиями — 8,8 %.

Можно заметить, что надгробия некоторых типов (3 и 4) встречаются в некрополях обоих городов, другие — и их большинство — характерны только для одного из них. Так, кирпичные оградки, столь типичные для Селитренного, в Болгарах не фиксируются. В то же время погребения с применением камня составляют отличительную черту болгарского обряда. На нижней Волге такие надгробия обнаружены лишь в некрополе Водянского городища.

Обратившись к анализу конструкций погребальных камер могил, отметим, во-первых, сравнительное единообразие погребений в Болгарах. Могилы без перекрытия составляют отличительную особенность нижневолжского могильника. Сходный удельный вес имеют в обоих некрополях могилы с деревянным перекрытием.

Одним из важнейших признаков, позволяющих определить степень мусульманизации различных групп золотоордынского населения, является ориентировка лица погребенно-



Серебряные и позолоченные украшения. Болгар. Раскопки 2012 г. И.И. Елкина



Надгробие с эпитафией. Болгар. XIV вв. БГИАМЗ

го. Напомним, что для областей Поволжья «правильной» будет ориентировка лица на юг, совпадающая здесь с кыблой. По этому признаку погребения обоих некрополей распределяются следующим образом.

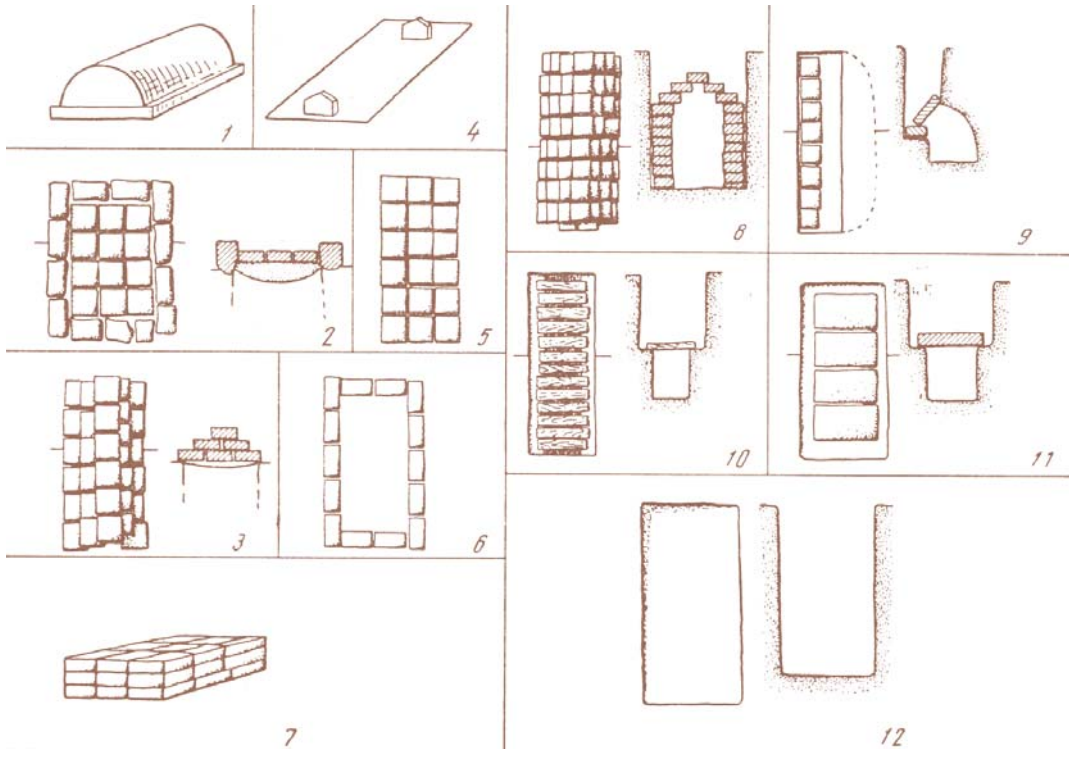
В Болгарах подавляющее большинство (84,3 %) погребенных ориентировано «правильно», и совсем нет случаев обратной ориентировки. Не то в Селитренном. Здесь «правильно» уложено немногим более половины погребенных, остальные — с явным нарушением обряда, причем значительное количество людей (12,3 %) захоронено с нарочитым поворотом лица на север. Близок и процент захороненных лицом вверх. Рассмотренные показатели еще раз свидетельствуют о давних мусульманских традициях населения Болгара, в отличие от Селитренного, где 1/3 людей захоронена с соблюдением домусульманских традиций.

Трупоположение на спине наиболее характерно для некрополей Болгара. В Селитренном таких погребений тоже много, но все же, процент их меньше. Здесь чаще, чем в Болгарах, встречается положение «на спине, с разворотом на правый бок», которое в Болгарах составляет исключение. Примерно равную долю составляют погребения на боку. Замечено, что в данном случае, как правило, речь идет о захоронении детей.

Таким образом, наряду с чертами сходства в погребальной обрядности Болгара и некрополя Селитренного городища прослеживаются и существенные различия. Главное из них определено широким применением кирпича на нижней Волге при сооружении могил и практически полным отсутствием его в погребениях Болгара. Здесь следует подчеркнуть широкое распространение кирпичных конструкций в средневековых мусульманских некрополях Средней Азии. Влияние среднеазиатской культуры в большей степени сказывается в погребальном обряде населения нижневолжских городов и значительно меньше — в обряде Болгара. Отметим также, что некрополь Селитренного городища демонстрирует отдельные устойчиво сложившиеся типы погребального обряда мусульман, что на кладбищах Болгара не наблюдается. В частности, в Селитренном распространен обряд трупоположения в могиле с подбоем, перекрытым кирпичной закладкой. Погребенный в таком подбое лежит, как правило, на спине с разворотом на правый бок, головой на запад, лицом к Мекке. Именно этот обряд (таких могил в Селитренном больше 30 %) имеет наиболее близкие аналогии в среднеазиатских некрополях. Все данные говорят о том, что процесс исламизации в среде населения Болгара начался раньше, чем в Сарае Бату, и охватил более широкие слои населения. В Сарае Бату погребальный обряд мусульман в большей степени приближен к исламским канонам. В качестве причины этого явления можно предполагать непосредственное присутствие в нижневолжских городских центрах групп переселенцев из областей Средней Азии. Это предположение не противоречит сложившимся историческим представлениям.

Сосуществование двух центров распространения ислама в Золотой Орде не могло служить препятствием в процессе этнических контактов населения средней и нижней Волги, объединенного монголами в рамки единого государства с общей религией. Культурное влияние болгар отчетливо проявляется в погребальном обряде некрополей нижневолжских городищ, таких, например, как Водянское и Мечетное. С другой стороны, отдельные черты в погребальном обряде мусульман Болгара имеют прямые аналогии на кладбищах нижневолжских и среднеазиатских городов Золотой Орды.

Значительные успехи в детальном палеоантропологическом исследовании болгарского населения раннего средневековья и Золотой Орды достигнуты благодаря усилиям Г.Ф. Дебеца, Т.А. Трофимовой, М.С. Акимовой, М.М. Герасимовой, К.Н. Наджимова, Н.М. Постниковой (Рудь), С.Г. Ефимовой.



Типы надгробий (1–7) и погребальных камер (8–12): 1 — тип 1, полуцилиндрическое; 2 — тип 2, каменная оградка; 3 — тип 4, ступенчатое из кирпича; 4 — тип 7, кирпич по торцам ямы; 5 — тип 3, кирпичная вымостка; 6 — тип 6, оградка из кирпича; 7 — тип 5, кирпичное с отвесными стенками; 8 — тип 1, кирпичный склеп; 9 — тип 2, могила с подбоем; 10 — тип 3, могила с деревянным перекрытием; 11 — тип 4, кирпичное перекрытие на заплечиках; 12 — тип 5, грунтовая яма без дополнительных устройств.









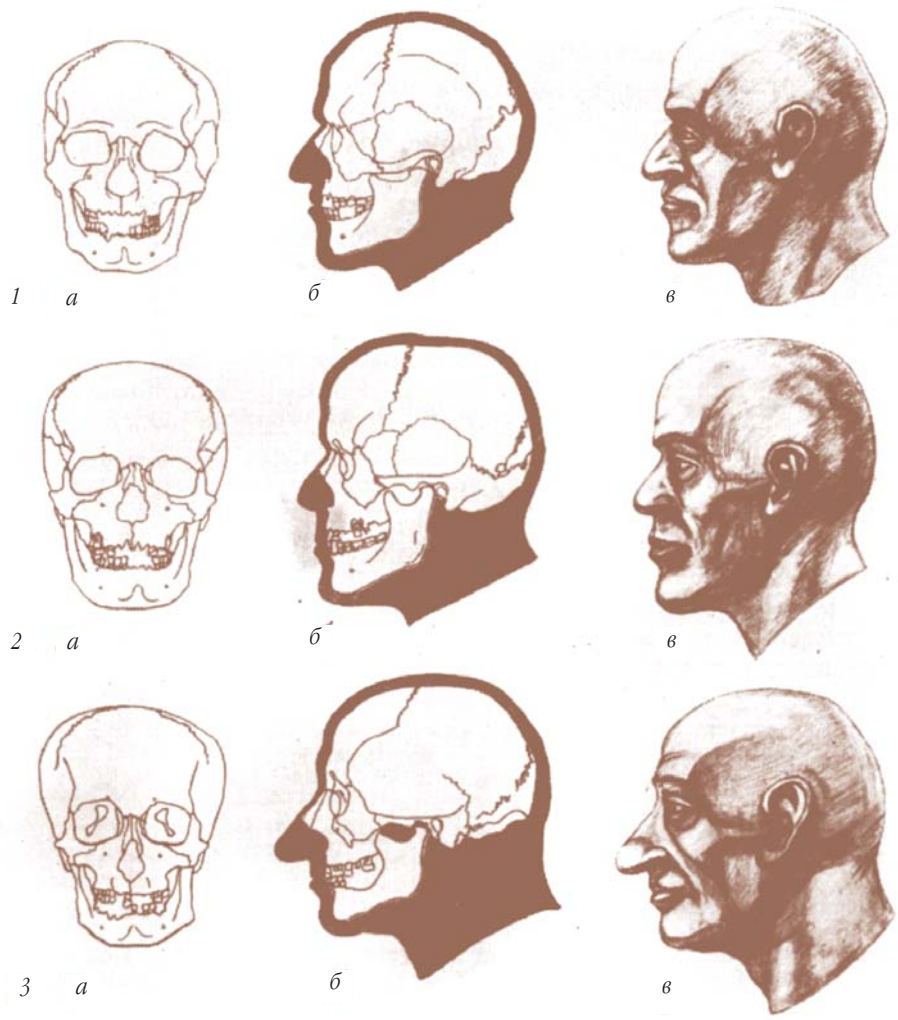




Реконструкции облика жителей Великого Болгара







Болгары: 1 — раскоп XXVII 1968 г., погребение 19; 2 — раскоп XV 1966 г., погребение 11; 3 — раскоп XXVII 1968 г., погребение 13; а — череп, фас; б — череп, профиль и профильный обвод мягких тканей; в — графическая реконструкция лица по черепу.

В этих исследованиях проводится подробный внутри- и межгрупповой анализ городских и сельских болгарских средневековых популяций. В рамках настоящего очерка наша основная цель сводится к общей сравнительной характеристике особенностей антропологического облика населения Болгара и нижневолжских городов.

С учетом всех данных можно предполагать, что в основе формирования физического облика таких современных народов, как татары, чуваши и узбеки, лежит антропологический пласт, который в средние века представляло население, оставившее, в частности, городские могильники Четырехугольник в Болгаре, на Водянском и Селитренном городищах и сельские — Кайбельский, Воровской враг и Измерский.

Кочевники степей Нижнего Поволжья сыграли в этом процессе гораздо менее заметную роль. Более тесными генетическими связями с ними могут быть объединены казахи.

В свою очередь основу мусульманского населения средневековых городов Нижнего Поволжья и в значительной части Болгара составили популяции, генетическим происхождением связанные с племенами, оставившими такие могильники, как Кайбельский, Воровской враг и Измерский. Это население антропологически близко к сарматским группам и к «зливкинскому» варианту болгарских серий. Оно в целом относится к европеоидной брахикранной расе с монголоидной примесью, усилившейся в период монгольских завоеваний.

Краниологическая серия из могильника у Бабьего бугра в Болгаре выпадает из этого круга популяций. Не является, видимо, типичной для него и серия из кладбища у Малого минарета. Люди, захороненные на территории могильника Четырехугольник в Болгаре, обнаруживают большое сходство с населением нижневолжских золотоордынских городов как «по форме», так и «по величине». С учетом упоминавшегося тезиса А.П. Смирнова о «классическом» типе мусульманских погребений Четырехугольника, можно, на наш взгляд, высказать предположение о непосредственном присутствии в средневековом Болгаре выходцев из городов Нижнего Поволжья. При этом нельзя отрицать участия отдельных болгарских групп в составе населения нижневолжских городов, в первую очередь Водянского городища. Серии из Кайбельского могильника и Четырехугольника дают наименьшие расстояния с водянской как «по форме», так и «по величине».

В результате работ археологических экспедиций были получены значительные по объему данные, касающиеся погребального обряда населения средневековых городов Поволжья. Одновременно собраны палеоантро-



Погребения XIII–XIV вв. Болгар. Раскопки 2010–2011 гг.





*Зеркало.
Болгар. XIII–XIV вв.
БГИАМЗ*



пологические материалы, позволяющие судить об антропологическом облике жителей этих городов.

На основании изучения погребального обряда городских мусульман было отмечено, что, несмотря на общее сходство, прослеживаются особенности, позволяющие наметить два центра исламизации населения в Поволжье и сопредельных областях. Одним из них является Болгар. Процесс внедрения ислама в широкие массы населения начался в Болгаре раньше, чем в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. В нижневолжских городах погребальный обряд мусульман в большей степени канонизирован. Можно предполагать присутствие в нижневолжских городских центрах переселенцев из Средней Азии.

Большая часть средневековых жителей поволжских городов по атропологическому типу близка к позднесарматским племенам Нижнего Поволжья и к тем группам раннесредневекового болгарского населения, которые антропологи относят к «зливкинскому» варианту.

С.Г. Ефимова, применив в исследовании методику межгруппового краниометрического анализа, отличную от нашей, также пришла к выводу, что часть серий Волжской Болгарии (Большетарханский, Кайбельский, Семеновский II, Четырехугольник, Измерский могильники) обнаруживает сходство с брахикранным мезоморфным, с небольшим налетом монголоидности краниологическим типом, представленным в средневековом населении салтово-маяцкой культуры, Хазарии, а в более позднее время — в городском населении Золотой Орды.





*Шумящие подвески.
Болгар. XIII–XIV вв.
БГИАМЗ*

Антропологические исследования подтверждают вывод Е.А. Халиковой о неболгарской этнической принадлежности большинства погребений могильника Бабий бугор. Краниологическая серия из этого могильника резко отличается от типичных поволжских и по комплексу признаков, как это убедительно показано С.Г. Ефимовой, сближается с материалами Северного Кавказа эпохи средневековья.

Можно высказать предположение и о непосредственном присутствии выходцев из нижневолжских золотоордынских городов в составе населения Болгара, и об участии каких-то болгарских групп в процессе формирования населения отдельных нижневолжских городов. В этом отношении данные антропологии подкрепляются материалами погребального обряда.

КОРОЛЕВСТВО НОРВЕГИЯ
УРМАНЕ (НОРВЕЖЦЫ)
КУМАДАЛЬ
РАУМАРИКИ
УПЛАНД
ТЕЛЕМЕРК
ГРЕНЛАНД
Вик
Усеберг (Осло)
Гокстад
Скирингссаль
АГДИР
ЭЙСТРИДАГИР
ЭЙДСКОГ
ДАЛЕКАРЛИЯ
шведы XII в.
шведы XII в.
УПЛАНД
СВИОНЫ
УПСАЛА
Евле
Вестервик
Эребру
Арбога
Стренгнес
Фолькландстингстуна
Сигтуна
Бирка
Хедеби (Стокгольм)
Амнехольм
Скара
Людос
Кунгсэлена
Линчёпинг
Норчёпинг
Седертелинг
Вестервик
Павикен
Висби
ГОТЛАНД
ЮТЫ
Фюркат
ЮТЛАНД
Орхус (Ааргас)
Гетеборг
Хрингстад
ДАНИЯ
Трелеборг
Копенгаген
Лунд
Роскильде
Леддечепинг
Экеторп
Кальмар
Эланд
ОКОНЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ВЕСТ-ЕТЫ
ЭСТ-ЕТЫ
-ЕТЫ
ЭСТЫ (ЭСТОНЦЫ)
ЛИВЫ
ЛАТГАЛЫ
ЛЕТТЫ
ЛИТВА
ЖЕМОЙТЫ (ЖЕМАЙТЫ)
ЯТВЯГИ
ЯЗЫ
ЯТВЯГИ
ЯТВЯГИ
ЯТВЯГИ

Границы

максимальная граница политического и экономического влияния Дунайской Болгарии в X в.

Волжской Болгарии в XI — нач. XIII вв.

Территории расселения

финноязычных племён

балтов

славян

печенегов

племён Предкавказья, черноморского побережья Кавказа, Чечни и Дагестана

финно-перми

угров

самодийцев

Населённые пункты

○ Нитра

○ Чичерск

города, крепости, замки

△ *Вихтуй*

села, погосты (Русь)

△ *Афирабр*

постоялый двор, пограничный пост, пригород (Центральная Азия)

Населённые пункты, упоминаемые в письменных источниках

КИЕВ

Висби

Афирабр

в X в. и ранее

Олешье

Вихтуй

в XI — нач. XIII вв. (до 1237 г.)

Цифрами обозначены государства:

1—*Тифлисский эмират*

2—*владения Византийской империи*

Маршруты путешествий

Абу Хамида ал-Гарнати, 1130-1155 гг.

Ахмеда ибн Фадлана, 921-922 гг.

Направления военных походов

монголов

русских князей (пунктиром показаны пути отступления)

Основные направления этнических переселений в X — нач. XIII вв.

Фортификационные сооружения, валы

Горные перевалы

Волоки

Речные переправы

Важнейшие торговые пути

Ресурсы территорий

воск

вино

железо

зерно

кожа

мёд

оружие

посуда

пенька

пушнина

рыба

соль

свинец

серебро

скот

ткани

украшения

фрукты

Границы государств даны на 925 г.

Волжская и Дунайская Болгарии, X–начало XIII вв.

Ф.С. Хакимзянов, И.Л. Измайлов

Язык и письменность в городе Болгаре

Языковая ситуация в Среднем Поволжье VIII–XIII вв. и «болгарский язык». Проблема характера, особенностей и развития языка (или языков) населения Болгарского государства является одним из самых спорных в тюркологии. Проблема есть даже в самой терминологии. Поскольку в тюркологии принято называть один из тюркских языков, который был распространен в Дунайской Болгарии (представлен в «Именнике болгарских ханов» и надписях на каменных стелах на греческом языке и т.д.), Предкавказье (зафиксирован в северокавказских рунических памятниках и заимствованиях в венгерском языке) и в Среднем Поволжье (сохранился в эпитафийных памятниках XIII–XIV вв. и заимствованиях), «болгарским», то очень часто вольно или невольно историки путаются, ставя знак равенства между термином «болгарский язык» и «язык населения Волжской Болгарии».

Между тем как язык населения Волжской Болгарии отнюдь нельзя свести к своеобразному «болгарскому» языку. Еще более усиливается путаница, когда для лингвистической ситуации в средневековом Поволжье используют параллельно термины «болгарский» и «кыпчакский» языки, которые прямо указывают исследователям на простой и окончательный путь решения проблемы — произошла смена одного этноса (болгарского) другим (кыпчакским) и соответственно их языков.

Сложность состоит в том, что о характере языковой ситуации и ее особенностях в период VIII — первой трети XIII в. в Болгарии лингвисты имеют весьма отрывочные сведения, а основой для ее реконструкции является экстраполяция языковой ситуации, конструируемой на основе анализа эпитафийных памятников XIII–XIV вв., на более раннюю ситуацию. Кроме того факта, что сам язык эпитафий в силу своей формульности и наддиалектности не вполне репрезентативен для описания разговорного языка населения страны, языковая ситуация в период Улуса Джучи в Поволжье явно и самым радикальным образом отличалась от более ранней, что связано как с чисто лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.



Болгары на берегу Волги. Худ. Н. Хазиахметов



Аварский воин с пленником. Изображение на золотом сосуде из Надь-Сент-Миклошского клада

Острoту этой, лингвистической проблеме, придает то, что единственным из современных языков, который мог бы быть назван наследником болгарского является чувашский язык. В результате идет не просто спор о смене одного древнего языка другим, а об этногенезе и этнической истории современных народов, что вызывает массу вненаучных аллюзий и споров.

Этнополитическая история болгар в Волго-Уральском регионе и языковая ситуация. В исторической литературе нередко возникают, разногласия о количественном составе болгар. Здесь бросается в глаза то, что исследователи зачастую смешивают два понятия: болгары (племя) и болгарская этнополитическая общность (сложившийся в результате консолидации многих племен в рамках Болгарского эмирата).

Пришедшие в Среднее Поволжье тюркоязычные болгары застали здесь довольно пеструю лингвистическую ситуацию. Кроме племен и племенных групп, говоривших на различных диалектах тюркских языков, здесь проживали протовенгры, ставшиеся на родине после ухода части мадьяр в Подунавье и различные финно-пермские племена. В этой ситуации важно отметить, что болгары и другие носители р-языка, отнюдь не превалировали в количественном отношении над носителями других вариантов тюркского языка (так называемого з-языка или языка общетюркского типа). По мере объединения различных племен под властью болгарских эльтеберов, становле-

ния государственных институтов и укрепления торговых связей с мусульманскими странами.

Разумеется, параллельно с процессом сложения нового этноса волжских болгар, шла борьба как между тюркскими языками (этническими диалектами), так и между тюркскими и нетюркскими языками. В такой сложной этноязыковой ситуации необходимо было средство для межэтнического общения, хотя бы в этно-территориальных рамках. Несомненно, таким языковым образованием могло служить лишь наддиалектное койне, в основе, которого лежал принцип взаимопонимаемости. Вначале, естественно, на базе диалектов могли возникнуть промежуточные языковые образования, границы которых бывают всегда неустойчивыми и они меняются в соответствии с условием развития кон-

Знатный огузо-печенежский сокольник. Начало XI в. Реконструкция О.В. Федорова



Фалар конской сбруи. Венгры. X в.





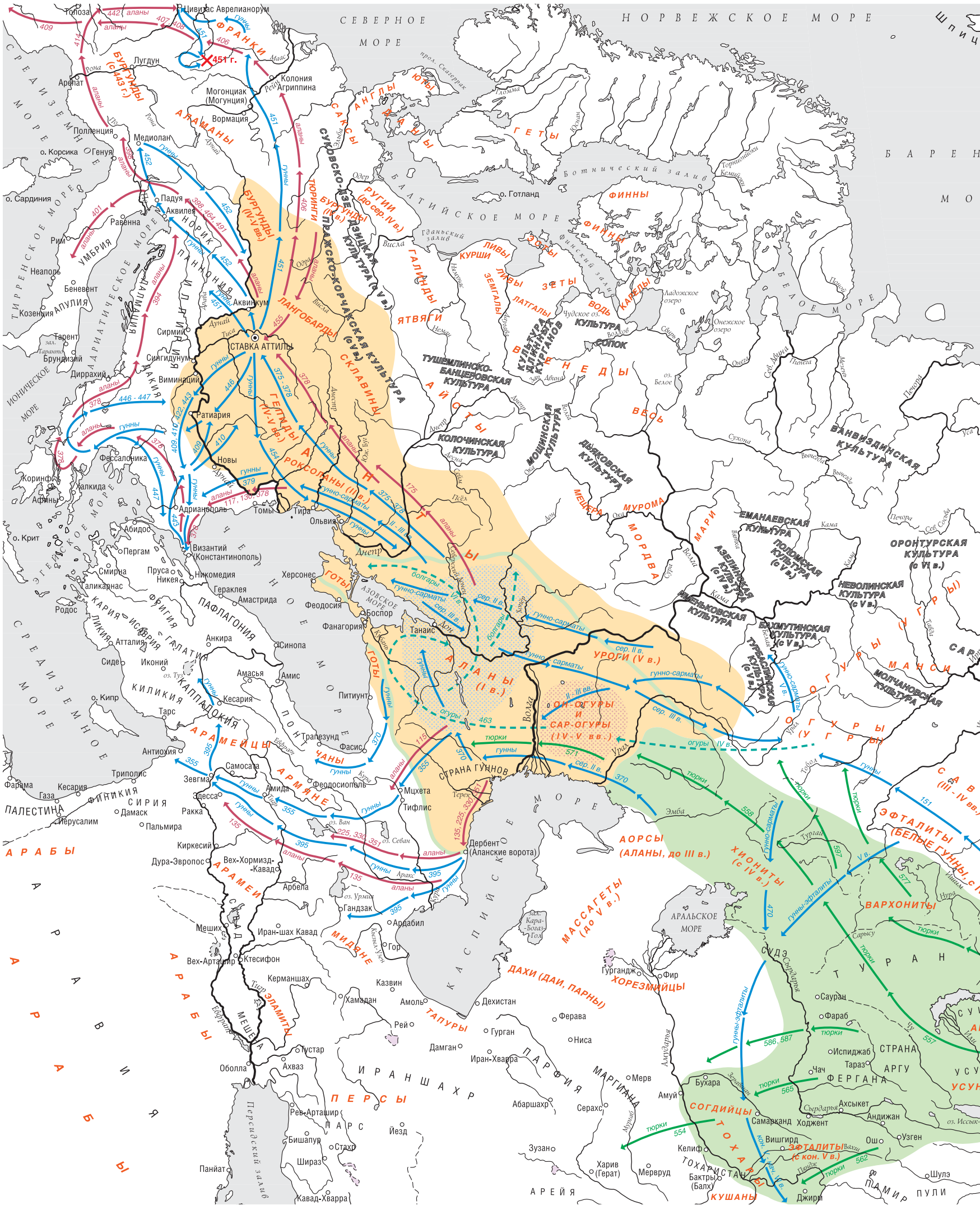


Поясной набор. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Самарская область. Конец VII — VIII в.

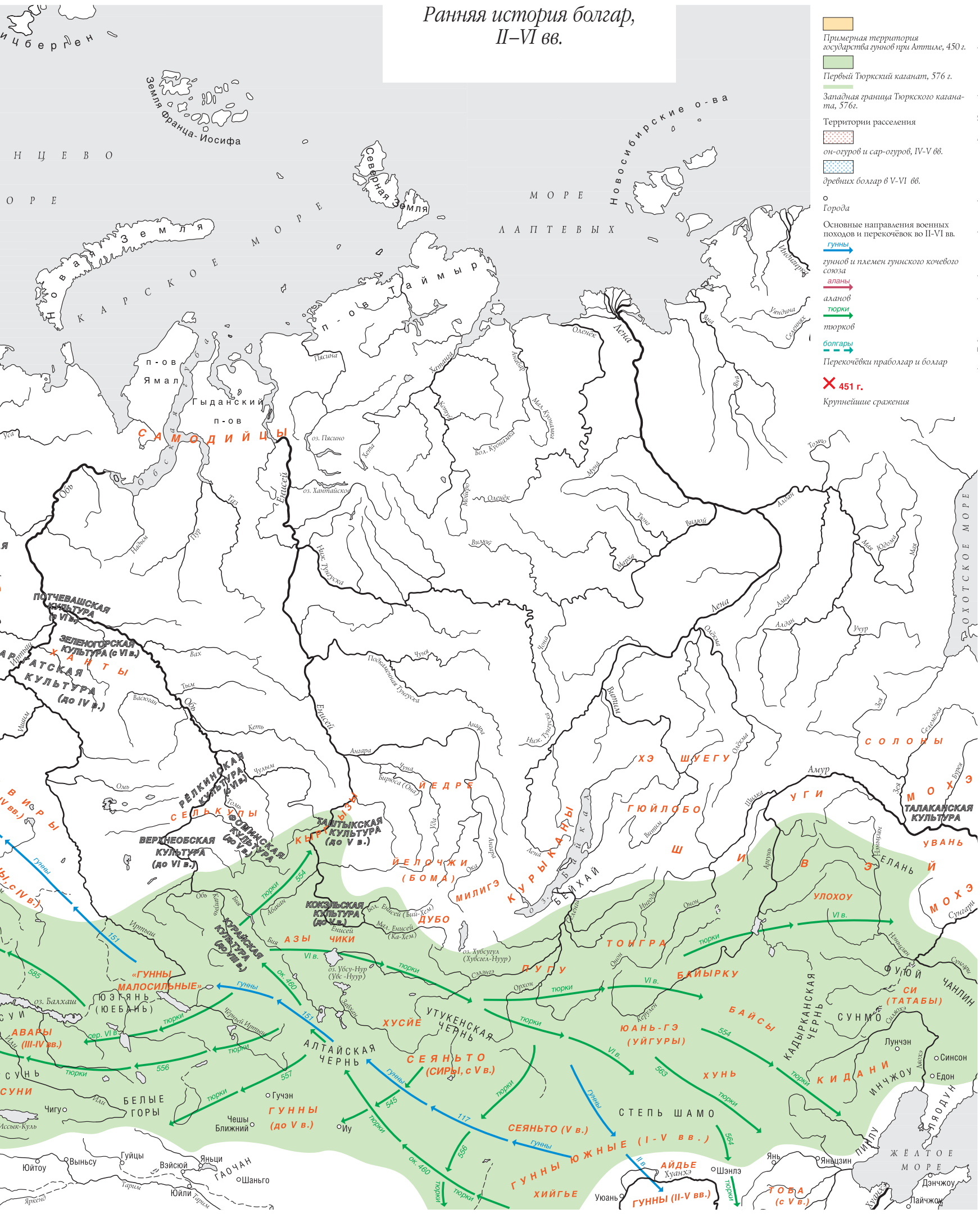
кретного диалекта в его соотношении с литературным языком и с изменением условий исторической жизни данного языкового коллектива.

Однако выступал ли болгарский язык (с р-признаком) средством межэтнического общения? Если, да, то можно ли определить его функциональные (да и типологические) границы? Думается, р-язык в силу своей специфичности не мог выступать не только в качестве какой-либо разновидности форм наддиалектности, но и как базы в образовании промежуточных форм. Очевидно, правомерно было бы рассматривать его в конкретном периоде историко-экономического развития общества территориально маркированной единицей.

У нас нет никаких данных, позволяющих раскрыть структурные особенности или характер языков хотя бы тех основных племен, которые были известны в X в., это: берсула, эсегели, сувары, буртасы и др., кроме как проанализировать сами эти этнонимы. Рассмотрение их показывает, что часть из них связана своим происхождение с регионом Северного Кавказа — сувары, берсула (барсилы) и баранджары, некоторые — с Семиречьем и Восточным Туркестаном — эсегели (чигили или эсгили). Из этих групп мы довольно уверенно можем говорить выделить эселегей, как носителей з-языка. Поскольку карлукский род чигилей и телесский эсгилей, наряду с ягма, являлись создателями государства Караханидов с языком общетюркского типа. Хотя языки сувар и берсула могли быть носителями языка и р-типа, но не исключено, что уже баранджары, как оседлые и городские жители, могли быть носителями общетюркского наддиалектного койне. В течение X–XI вв. в Болгарию продолжался приток тюркского населения, причем как из Подонья и Предкавказья, так и из Центральной Азии. Поэтому в данном случае можно ставить вопрос как об отдельных языках, так и о группе диалектов, которые обладали признаком территориальности.


СЕВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
БЕЛОЕ МОЕ
Ботнический залив
Финский залив
Гданьский залив
о. Готланд
Шпиц
Б А Р Е Н
М О
Голоза
Цивитас Аврелианорум
ФРАНКИ
451 г.
Лугдун
БУРГУНДЫ (с 443 г.)
Арелат
Колония Агриппина
Могонциак (Могунция)
Вормация
Медиолан
Полленция
о. Корсика
Генуя
о. Сардиния
Падуя
Аквилея
Равенна
Рим
Неаполь
Беневент
Козеция
Тарент
Брундизий
Диррахий
Сингидунум
Виминаций
Сирмий
Ратиария
Новы
Фессалоника
Коринф
Халкида
Афины
Адрианополь
Византий (Константинополь)
Томы
Тира
Ольвия
Абидос
о. Крит
Пергам
Смирна
Пруса
Никея
Никомедия
Галикарнас
Родос
Херсонес
Гераклея
Амастрида
Синопа
Анкира
Амасья
Амис
Сиде
Иконий
Атталия
Кипр
Тарс
Кесария
Питиунт
Трапезунд
Фасис
Антиохия
Триполис
Фарама
Газа
Кесария
Самосата
Зевгма
Эдесса
Амида
Феодосиополь
Мцхета
Тифлис
Ракка
Дамаск
Иерусалим
Пальмира
Дура-Европос
Вех-Хормизд-Кавад
Киркесий
Аквинкум
СТАВКА АТТИЛЫ
Дербент (Аланские ворота)
Арбела
Гандзак
Ардабил
Гор
Иран-шах Кавад
Вех-Ардашир
Ктесифон
Керманшах
Казвин
Хамадан
Амоль
Дехистан
Рей
Гурган
Ферава
Ниса
Дамган
Иран-Хварра
Тустар
Ахваз
Оболла
Рев-Ардашир
Бишапур
Стахр
Шираз
Йезд
Абаршахр
Серахс
Мерв
Зузан
Харив (Герат)
Мервруд
Бактры (Балх)
Келиф
Вишгирд
Ош
Узген
Ходжент
Самарканд
Андижан
Ахсыкет
Бухара
Амуй
Тараз
Чач
Испиджаб
Саурам
Фараб
Джирм
Шулэ
Гургандж
Фир
Дахистан
Фераба
Ниса
Мерв
Серахс
Абаршахр

Ранняя история болгар, II–VI вв.


Земля Франца-Иосифа
Северная Земля
Новосибирские о-ва
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
КАРСКОЕ МОРЕ
Новая Земля
п-ов Таймыр
п-ов Ямал
Гыданский п-ов
САМОДИЙЦЫ
Обская губа
Енисейский з.
оз. Пясино
оз. Хантайское
Пясина
Хатанга
Оленёк
Лена
Анабар
Яна
Индигирка
Хета
Котуй
Мал. Куюмэ
Бол. Куюмэ
Мунго
Тюмпо
Алдан
Амга
Вилюй
Тюнг
Мирэ
Вилюй
Нижн. Тунгуска
Подкаменная Тунгуска
Чуня
Ангара
Ирэ
Бирюса (Онь)
Ока
Чулым
Тым
Васюган
Кеть
Омь
Ишим
Вах
Обь
Иртыш
Надым
Пур
Таз
Юрибей
Ямбуто
Тадебей
Ханмей
Усть-Енисейск
Игарка
Дудинка
Норильск
Хатанга
Волочанка
Новорыбная
Тарея
Хета
Ессей
Кресты
Ворогово
Подтесово
Толька
Чая
Тогур
Колпашево
Парабель
Каргасок
Нарым
Александровское
Васюганье
Тегульдет
Бакчар
Кожевниково
Чаинское
Асино
Первомайское
Томск
Зырянское
Кривошеино
Бакчар
Колпашево
Парабель
Каргасок
Нарым
Александровское
Тегульдет

По мере усиления централизации государства, возникновения городов и городской инфраструктуры и расширения торговых связей по Великому Волжскому пути и по караванному пути в Хорезм способствовали появлению разных форм наддиалектной речи, которые в науке принято называть наддиалектным койне. Для нас важно то обстоятельство, что, утратив этноязыковую принадлежность, все племенные языки стали именоваться лишь болгарскими, тем самым внутриэтнические границы оказались стертыми. Об этом можно, в частности, судить по сведениям абу-Райхана Бируни, который, характеризуя население Болгарии, писал о «болгарах Сувара» (возможно, ошибка переписчика и должно быть традиционно — Болгара и Сувара), что «они говорят не по-арабски, а на своем языке, смешанном из тюркского и хазарского».



Тюркский конный латник. Деревянная раскрашенная погребальная статуэтка. Восточный Туркестан. VII в.



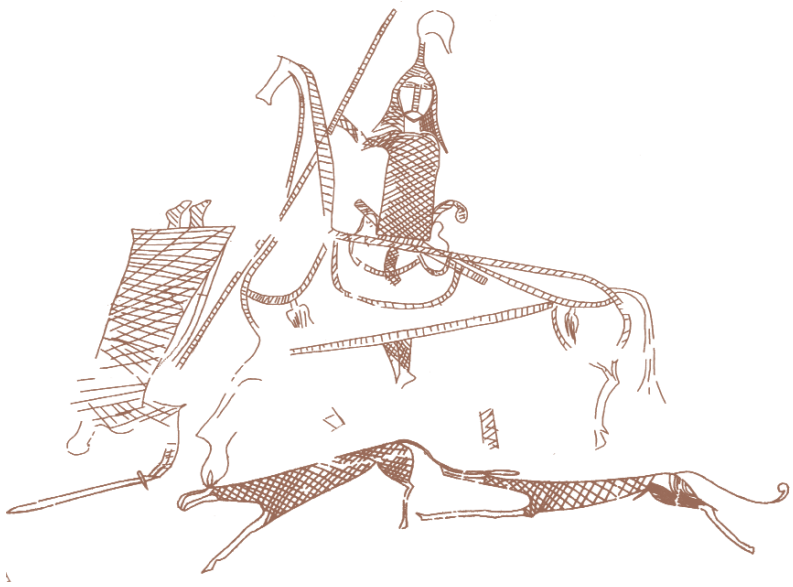
Цепь. Серебро. Кушнаренковская культура. Такталачукский могильник. ИИ АН РТ

Можно было бы только гадать о характере этого наддиалектного языка, если бы в нашем распоряжении не было уникального источника, характеризующего этноязыковую ситуацию в Болгарском эмирате уже в середине XI в. — словаря слов тюркских языков «Диван-у лугат ат-турк», написанный в 1074 г. Махмудом Кашгари на арабском языке. В нем автор отразил сведения о 31 тюркском наречии. Собрал он весьма интересные сведения и о языках населения Болгарского государства, с которым государство Караханидов поддерживало политические, культурные и торговые связи. Известен факт перекочевок некоторых тюркских племен (видимо, родственных с чигилями и карлуками) от границ государства Караханидов до «пределов Болгарии» в 1040-е гг. Махмуд Кашгари привел сведения о говорах населения болгарских городов Болгара и Сувара. Однако при этом, судя по его примерам, эти говоры не отличались друг от друга и, возможно, разделяя их, автор отдавал дань мусульманской историко-географической традиции.

Махмуд Кашгари указывает 8 примеров из языка болгар, 1 — из аргу и болгар, 1 — из йемеков, кыпчаков и сувар, 4 — из кыпчаков, огузов и сувар, 1 — из болгар, йемеков, кыпчаков и сувар и 1 — как «кроме языка огузов, кыпчаков и сувар». Среди приведенных им конкретных примеров можно сослаться на такие: bal «мед», тат., башк., караим., уйг., кирг., казах., ккалп., ног., туркмен., узб. «бал», узб. «бол» тур. bal , чув. — «пыл» — то же. Отсюда видно, что эта



Изображения на реликварии измогильника Таловый II. Орловский р-н Ростовской обл.





Изображение кимакского воина. IX–XI вв.

лексема — общетюркская, к тому же Кашгари считает ее общим для кыпчаков, огузов и сувар.

Как видно из указаний Махмуда Кашгари и приведенных им примеров, оба языка (или диалекта) — болгарский и суварский имеют ярко выраженный общетюркский характер, недаром автор сравнивает их каждый раз именно с кыпчакским (и йемекским) и огузским. У нас есть все основания предполагать, что в данном случае мы сталкиваемся с наддиалектными типами речи, которым принадлежит ведущая роль при изменении языковых ситуаций. Иными словами, это образцы речи жителей городов Болгара и Сувара, которые по существу не были этнически маркированы.

Существует мнение, что, поскольку Махмуд Кашгари сам в Волжской Болгарии не был, то и разобраться в сложной лингвистической ситуации в Поволжье не мог, а поскольку в его примерах из болгарского языка нет элементов, характерных для протоболгарского языка, то ценность его свидетельства невелика. Даже, если оставить в стороне явные свидетельства о связях Болгарии со Средней Азией, то все равно нельзя не предположить, что, судя по данным Махмуда Кашгари, в число его информаторов попались люди из Болгарии (точнее, из городов Болгара и Сувара) лишь с обычной тюркской речью огузо-кыпчакского типа. Если это так, это само по себе доказывает наличие в начале XI в. в Болгарии тюрков с языком общетюркского типа, притом не в малом количестве, коль Кашгари принимал их язык за образец. Все же общественно-политическая ситуация в стране и наличие более поздних намогильных памятников XIII–XIV вв. с р- и л-элементами позволяют интерпретировать это явление несколько иначе, чем просто считать эти сведения ошибочной фиксацией автором речи кыпчаков вместо болгар. Нет практически никаких сомнений, что в Болгарии был выработан язык для междиалектного общения и, как показывают примеры Махмуда Кашгари, он имел общетюркский характер.

Общеизвестно, что главным фактором, вызывающим необходимость в койне, выступает практическая потребность в нем, и оно складывается при наличии имеющихся довольно существенных диалектных различий. Общетюркский характер койне, очевидно, был предопределен рядом условий:



Изображение кимакского воина. IX–XI вв.



Коминтерновский клад. Болгар. XII–XIII вв. БГИАМЗ

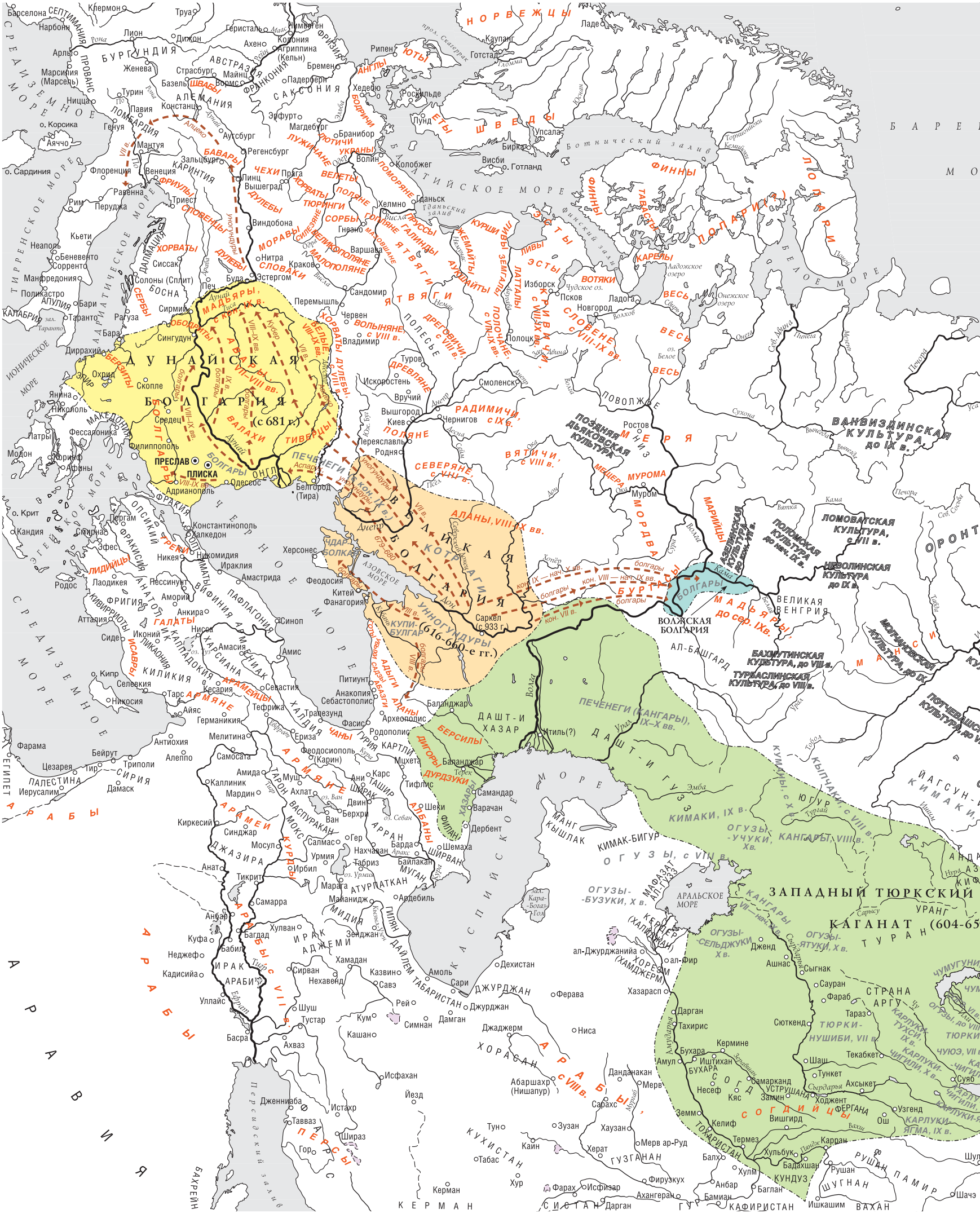


1) наличием в составе населения Болгарского эмирата таких этноязыковых групп, которые говорили на языке общетюркского типа, о чем свидетельствуют отдельные факты, зафиксированные Ибн-Фадланом (922 г.), да и сам титул «эльтебер» болгарского царя известен в тюркском мире с VI в., его носили также племенные вожди в тюркском каганате, а также указание на племена эсегел/чигил/эсгил, как составной части населения;

2) тесными этнокультурными, торговыми и политическими связями Волжской Болгарии с племенами, говорящими на языке огузо-кыпчакского типа и живущими на сопредельных территориях. Достаточно привести факт постоянных контактов, неоднократно зафиксированных восточными и даже русскими источниками X–XI вв. о военно-политических и этнокультурных контактов болгар с огузами и тюркскими племенами из Южной Сибири и Восточного Туркестана;

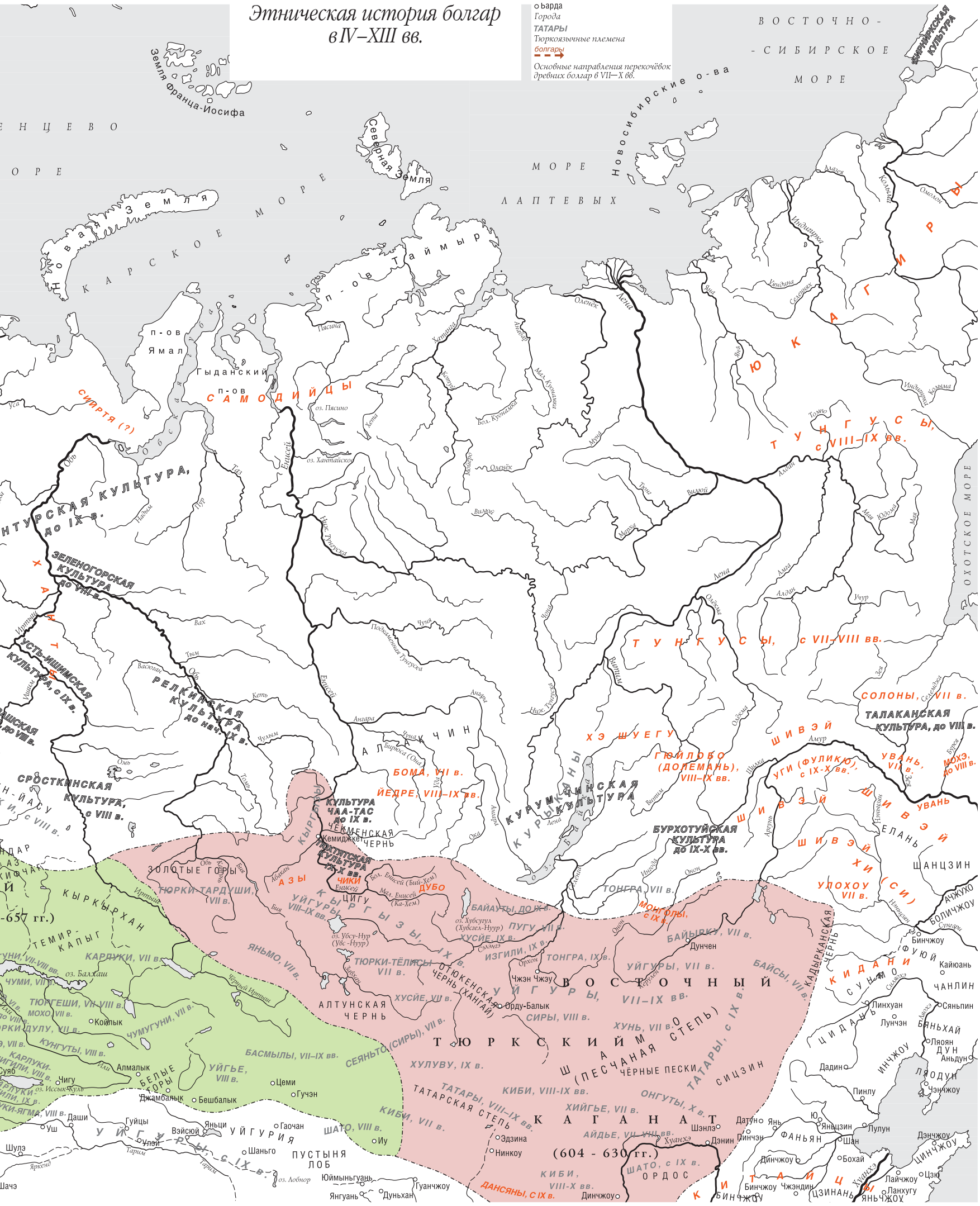
3) проникновением западных кыпчаков в Волжскую Болгарию с начала XI в. (отдельные небольшие группы, возможно, еще раньше были в составе болгарского союза племен как в Великой Болгарии, так и в Волжской Болгарии), которые занимались ремеслами, торговлей, земледелием и служили в войске. Наиболее яркие эпизоды подобных контактов — вторжение кыпчаков в Болгарию в 1117 г. и участие йемеков во внутриполитических усобицах болгар в 1183 г.;

4) прибытием в большом количестве представителей духовенства и их последователей из Средней Азии после официального принятия болгарами исламской религии. Следует по-


НОРВЕЖЦЫ
ЮТЫ
АНГЛЫ
ШВАБЫ
ШВЕДЫ
ЕТЫ
ФРИЗИЯ
САКСОНИЯ
ФРАНКОНИЯ
АВСТРАЗИЯ
БУРГУНДИЯ
ПРОВАНС
АЛЕМАНИЯ
ЛОМБАРДИЯ
БАВАРЫ
ЧЕХИ
ЛУЖИЧАНЕ
ВЕЛЕТЫ
ПОЛЯНЕ
ПОМОРЯНЕ
ЛЮТИЧИ
УКРАНЫ
БОДРИЧИ
ДУЛЕБЫ
ТЮРИНГИ
СОРБЫ
ХОРВАТЫ
ФРИУЛЫ
СЛОВЕНЦЫ
ЛИВЫ
ЭСТЫ
ФИННЫ
ТАВАСТЫ
ПОЛАБИЯ
ЖЕМАЙТЫ
КУРШИ
ЗЕМГАЛЫ
ЯТВЯГИ
ГАЛИНДЫ
ПРУССЫ
МАЗОВШАНЕ
ЛАТТАЛЫ
ВОТЯКИ
КАРЕЛЫ
ВЕСЬ
СЛОВЕНЕ
с VIII–IX вв.
ДРЕГОВИЧИ
с VIII в.
ПОЛОЧАНЕ
с VIII–IX вв.
КРИВИЧИ
с VIII–IX вв.
ВОЛЫНЯНЕ
с VIII в.
ДРЕВЛЯНЕ
ПОЛЕСЬЕ
РАДИМИЧИ,
с IX в.
СЕВЕРЯНЕ,
с VIII в.
ВЯТИЧИ,
с VIII в.
ПОЗДНЯЯ ДЬЯКОВСКАЯ КУЛЬТУРА
МЕЩЕРА
МУРОМА
МОРДВА
ВОЛГА
ПОВОЛЖЬЕ
МЕРЯ
ВАНВИЗДИНСКАЯ КУЛЬТУРА до IX в.
ЛОМОВАТСКАЯ КУЛЬТУРА, с VII в.
ПОЛОМСКАЯ КУЛЬТУРА до нач. IX в.
НЕВОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА до IX в.
АЗЕЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА до кон. VII в.
МАРИЙЦЫ
ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ
ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ
МАДЬЯРЫ до сер. IX в.
БАХМУТИНСКАЯ КУЛЬТУРА, до VIII в.
ТУРБАСЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА, до VIII в.
МОГИЛЬНИКОВСКАЯ КУЛЬТУРА, до IX
ПОЧЕПШИНСКАЯ КУЛЬТУРА, до VI
ДУНАЙСКАЯ БОЛГАРИЯ (с 681 г.)
ПРЕСЛАВ
ПЛИСКА
ОНГЛ
ОБОДРИТЫ
ОБОТРИТЫ
СЕРБЫ
ХОРВАТЫ ДУЛЕБЫ
ТИВЕРЦЫ
ПЕЧЕНЕГИ
ВЕЛИКАЯ БОЛГАРИЯ (616–660-е гг.)
КОТРАГИ
УННОГУНДУРЫ
КУПИ-БУЛГАР
АЛАНЫ, VIII–IX вв.
ПЕЧЕНЕГИ (КАНГАРЫ), IX–X вв.
ДАШТ-И ХАЗАР
ДАШТ-И ГУЗ
ХАЗАРЫ
БЕРСИЛЫ
ДИГОРЬ
ДУРДЗУКИ
КИМАКИ, IX в.
КЫПЧАКИ, с VIII в.
ОГУЗЫ-ЯТУКИ, X в.
ОГУЗЫ-СЕЛЬДЖУКИ X в.
ОГУЗЫ-БУЗУКИ, X в.
ОГУЗЫ, с VIII в.
ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (604–65
ТУРАН
УРАНГ
СТРАНА АРГУ
ТЮРКИ-НУШИБИ, VII в.
СОГД
СОГДИЙЦЫ
ФЕРГАНА
ТОХАРИСТАН
ЧУМУГУНИ
КАРЛУКИ-ЯГМА, IX в.
КАРЛУКИ-ЧИГИЛИ, X в.
ТУХСИ, IX в.
ТЮРКИ
ЧУЮЭ, VII в.
ОГУЗЫ, до VIII в.
АРАБЫ
АРАБЫ с VII в.
АРАБЫ, с VIII в.
ХОРАСАН
ХОРЕЗМ (ХАМДЖЕРМ)
ХОРЕЗМ (ХАЗАРАСП)
ТАБАРИСТАН
ДАЙЛЕМ
ГИЛЯН
ДЖУРДЖАН
ДЖАЗИРА
ИРАК АДЖЕМИ
ИРАК АРАБИ
МИДИЯ
АТУРПАТКАН
АРРАН
ШИРВАН
ГУРГАН
ПЕРСИДА
ПАРФИЯ
ЭЛАМ
ХУЗИСТАН
ФАРС
КЕРМАН
СИСТАН
ГУРГАН
КАФИРИСТАН
ВАХАН
РУШАН
ШУГНАН
ПАМИР
ЙАГСУН-КИМАКИ
АНДА
КИПЧАКИ
ОРОНТ
ЕГИПЕТ
ПАЛЕСТИНА
СИРИЯ
ГАЛАТЫ
ИСАВРЫ
ЛИДИЙЦЫ
ФРИГИЯ
ЛИКАОНИЯ
КИЛИКИЯ
КАППАДОКИЯ
ПАФЛАГОНИЯ
ВИФИНИЯ
АРМЕНЬЯ
АРМЕНЬЯ
АРМЕЙЦЫ
АРМЕНЬЯ
ХАЛДИЯ
ЧАНЫ
ГУРИЯ
КАРТЛИ
АБХАЗЫ
АДЫГИ
АЛАНЫ
ЛАЗЫ
ЛЕЗГИ
ХАЗАРЫ
ВЕЛИКАЯ БОЛГАРИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
БАХРЕЙН
Ботнический залив
Финский залив
Гданьский залив
Ладожское озеро
Онежское озеро
Чудское оз.
Белое оз.
Ильмень
Волхов
Ловать
Западная Двина
Днепр
Дон
Волга
Ока
Кама
Сура
Десна
Сейм
Северский Донец
Оскол
Хопёр
Медведица
Вычегда
Печора
Мезень
Онега
Пинега
Северная Двина
Сухона
Уса
Вятка
Белая
Урал
Тобол
Ишим
Иртыш
Обь
Сев. Сосьва
Конда
Ингул
Ингулец
Буг
Южный Буг
Днестр
Прут
Сирет
Дунай
Марица
Тунджа
Струма
Вардар
Черная
Эгейское море
Мраморное море
Эгейское море
Средиземное море
Ионическое море
Адриатическое море
Тирренское море
Средиземное море
Красное море
Персидский залив
Каспийское море
Аральское море
Белое море
Балтийское море
Ботнический залив
Финский залив
Гданьский залив
Ладожское озеро
Онежское озеро
Чудское оз.
Белое оз.
Ильмень
Волхов
Ловать
Западная Двина
Днепр
Дон
Волга
Ока
Кама
Сура
Десна
Сейм
Северский Донец
Оскол
Хопёр
Медведица
Вычегда
Печора
Мезень
Онега
Пинега
Северная Двина
Сухона
Уса
Вятка
Белая
Урал
Тобол
Ишим
Иртыш
Обь
Сев. Сосьва
Конда
Ингул
Ингулец
Буг
Южный Буг
Днестр
Прут
Сирет
Дунай
Марица
Тунджа
Струма
Вардар
Черная
Эгейское море
Мраморное море
Эгейское море
Средиземное море
Ионическое море
Адриатическое море
Тирренское море
Средиземное море
Красное море
Персидский залив
Каспийское море
Аральское море
Белое море
Балтийское море
Ботнический залив
Финский залив
Гданьский залив
Ладожское озеро
Онежское озеро
Чудское оз.
Белое оз.
Ильмень
Волхов
Ловать
Западная Двина
Днепр
Дон
Волга
Ока
Кама
Сура
Десна
Сейм
Северский Донец
Оскол
Хопёр
Медведица
Вычегда
Печора
Мезень
Онега
Пинега
Северная Двина
Сухона
Уса
Вятка
Белая
Урал
Тобол
Ишим
Иртыш
Обь
Сев. Сосьва
Конда
Ингул
Ингулец
Буг
Южный Буг
Днестр
Прут
Сирет
Дунай
Марица
Тунджа
Струма
Вардар
Черная
Эгейское море
Мраморное море
Эгейское море
Средиземное море
Ионическое море
Адриатическое море
Тирренское море
Средиземное море
Красное море
Персидский залив
Каспийское море
Аральское море
Белое море
Балтийское море
Ботнический залив
Финский залив
Гданьский залив
Ладожское озеро
Онежское озеро
Чудское оз.
Белое оз.
Ильмень
Волхов
Ловать
Западная Двина
Днепр
Дон
Волга
Ока
Кама
Сура
Десна
Сейм
Северский Донец
Оскол
Хопёр
Медведица
Вычегда
Печора
Мезень
Онега
Пинега
Северная Двина
Сухона
Уса
Вятка
Белая
Урал
Тобол
Ишим
Иртыш
Обь
Сев. Сосьва
Конда
Ингул
Ингулец
Буг
Южный Буг
Днестр
Прут
Сирет
Дунай
Марица
Тунджа
Струма
Вардар
Черная

Этническая история болгар в IV–XIII вв.

Ьарда
Города
ТАТАРЫ
Тюркоязычные племена
болгары
Основные направления перекочёвок древних болгар в VII—X вв.


ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
КАРСКОЕ МОРЕ
Земля Франца-Иосифа
Новая Земля
Северная Земля
Новосибирские о-ва
п-ов Таймыр
п-ов Ямал
Гыданский п-ов
САМОДИЙЦЫ
СИРТЯ (?)
ЗЕЛЕНОГОРСКАЯ КУЛЬТУРА до VIII в.
УСТЬ-ИШИМСКАЯ КУЛЬТУРА, с IX в.
РЕЛКИНСКАЯ КУЛЬТУРА до нач. IX в.
СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА, с VIII в.
ТУРСКАЯ КУЛЬТУРА, до IX в.
ТУНГУСЫ, с VII–VIII вв.
СОЛОНЫ, VII в.
ТАЛАКАНСКАЯ КУЛЬТУРА, до VIII в.
ЖИРИНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА
ЮКАГИРЫ
ТУНГУСЫ, VIII–IX вв.
ШИВЭЙ
ХЭШУЕГУ
ГЮЙЛОБО (ДОЛЕМАНЬ), VIII–IX вв.
УГИ (ФУЛИКЭ), с IX–X вв.
УВАНЬ, VII в.
МОХЭ, до VIII в.
КУРЫКАНСКАЯ КУЛЬТУРА
БУРХОТУЙСКАЯ КУЛЬТУРА до IX–X вв.
КУЛЬТУРА ЧАА-ТАС до IX в.
ЧЕМЕНСКАЯ ЧЕРНЬ
ТОХТЯТСКАЯ КУЛЬТУРА IX–X вв.
БОМА, VII в.
ЙЕДРЕ, VIII–IX вв.
ЧИКИ
ДУБО
ЦИГУ
ТОНГРА, VII в.
МОНГОЛЫ, с IX в.
ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ
ТЮРКИ-ТАРДУШИ, VII в.
КЫРГЫЗЫ, IX в.
УЙГУРЫ, VIII–IX вв.
ТЮРКИ-ТЁЛИСЫ VII в.
ОТЮКЕНСКАЯ ЧЕРНЬ (ХАНГАЙ)
ЯНЬМО, VII в.
ТЕМИР-КАПЫГ
КЫРКЫРХАН (-657 гг.)
КАРЛУКИ, VII в.
ЧУМИ, VII в.
ТЮРГЕШИ, VII–VIII вв.
МОХО VII в.
ЧУМУГУНИ, VII в.
КУНГУТЫ, VIII в.
БАСМЫЛЫ, VII–IX вв.
УЙГЬЕ, VIII в.
СЕЯНЬТО (СИРЫ), VII в.
КИБИ, VII в.
ШАТО, VIII в.
УЙГУРЫ, с IX в.
ПУСТЫНЯ ЛОБ
АЛТУНСКАЯ ЧЕРНЬ
ХУСЙЕ, VII в.
ХУЛУВУ, IX в.
ТАТАРЫ, VIII–IX вв.
ТАТАРСКАЯ СТЕПЬ
КИБИ, VIII–IX вв.
ХИЙГЬЕ, VII в.
АЙДЬЕ, VII–VIII вв.
ШАТО, с IX в.
ОРДОС
ДАНСЯНЫ, с IX в.
ИЗГИЛИ, IX в.
ПУГУ VII в.
ХУСЙЕ, IX в.
БАЙАУТЫ, ДО IX в.
ТОНГРА, IX в.
ОРХОН
ЧЖАН ЧЖЭУ
ОРДУ-БАЛЫК
СИРЫ, VIII в.
ХУНЬ, VII в.
ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (604 - 630 гг.)
ВОСТОЧНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ VII–IX вв.
УЙГУРЫ, VII в.
БАЙЫРКУ, VII в.
БАЙСЫ, VII в.
ТАТАРЫ, с IX в.
ЧЁРНЫЕ ПЕСКИ
ШАМО (ПЕСЧАНАЯ СТЕПЬ)
СИЦЗИН
ОНГУТЫ, X в.
ЧЖЭНДИН
ЦЗИНАНЬ
ЯНЬЧЖОУ
ЛАНЬЧЖОУ
ЦЗЮ
БОХАЙ
ДАТУН
ЯНЬ
ЯНЬЦЗИН
ЛУЛУН
ДЭЧЖОУ
ЦИНЧЖОУ
ФАНЬЯН
ШАН
ДИНЧЖОУ
ЛАЙЧЖОУ
ЛАНХУГУ
ЦЗЯОДУН
ЦЗЯОЧЖОУ
ЛЯОДУН
ЛЯОЯН
АНЬДУН
ДАДИН
ПИНЛУ
ИНЧЖОУ
ЦИДАНЬ
ЛИНХУАН
ЛУНЧЭН
БЯНЬХАЙ
СЯНЬПИН
ЧАНЛИН
КАЙЮАНЬ
БИНЧЖОУ
ФУЮЙ
КИДАНИ
СУНЬМО
ЧЖЭНЬЧЖОУ
ЧЖЭНЬ
ЧАЧУХУ
БОЛИЧЖОУ
ШАНЦЗИН
ЕЛАНЬ
УЛОХОУ (СИ) VII в.
ДУНЧЕН
ЧЖЭНЬ
ЧЖЭНЬ
ЧЖЭНЬ



Копоушка. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Самарская область. Конец VII — VIII в. (внизу)



Болгарский воин. VII в. Реконструкция М.В. Горелика

лагать, что духовные руководители (шейхи, имамы, муллы и др.) занимали высокую ступень в аристократической иерархии общества и, так как их язык общения обычно характеризуется высшими по уровню обработанности наддиалектными формами родного языка, в силу своего положения он оказывал ощутимое влияние на складывающееся койне;

5) знакомство с литературой, написанной на тюркском литературном языке того периода и ее распространение были во многом связаны с суфийской практикой (особенно тариката Йасавийа). Можно предполагать применение материалов этих литературных памятников для обучения грамоте в медресе. В результате появляется литературный образец на отшлифованном, нормированном языке для подражания.

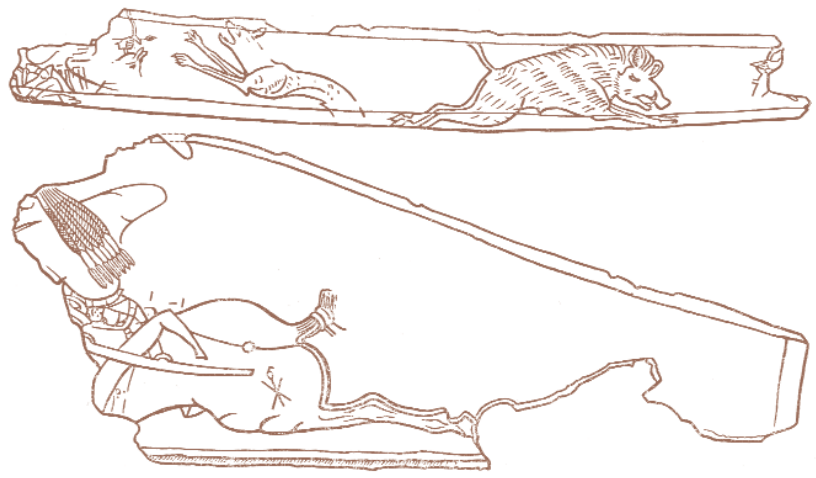
Естественно, не все перечисленные условия, влияющие на характер наддиалектной формы языка, могут иметь одинаковый вес. Нельзя исключать возможность появления и иных условий, имеющих какое-либо значение в конкретных исторических и историко-культурных ситуациях, в выборе необходимого комплекса языковых средств.

Как правило, образцовым признается язык какой-нибудь местности или же какого-нибудь города. Исследованиями ученых убедительно доказано значение города для жизни страны, когда он выступает очагом ремесленного производства и торговли, культурным и экономическим центром, и здесь создаются многообразные условия для развития особой формы обобщенной речи. В этом отношении города Болгарии не составляли исключения, поэтому у нас есть все основания утверждать, что именно здесь сложилась обобщенно-наддиалектная форма языка. Поскольку мы не располагаем материалами, проливающими свет на характер языковой ситуации в других городах волжских болгар, необходимо исходить из фактов эпитафий XIII–XIV вв. (хотя и осознаем возможность изменения языковой ситуации в связи с миграцией племен, входивших в состав Золотой Орды), которые позволяют предполагать относительную близость языковой основы в столь разных в территориальном отношении памятниках.

В золотоордынском периоде Волжской Болгарии в характере сложившегося к XII в. общенародного койне, в силу сохранения социолингвистического базиса, существенных изменений не происходило. Ведь во второй половине XIII в. Болгария экономически восстанавливалась в качестве отдельной области Улуса Джучи и в Болгаре даже стали чеканиться монеты хана Бату. Все это вызвало приток нового населения (мастеров, торговых людей, проповедников мусульманства) в основном из Средней Азии. В таких условиях естественно было дальнейшее развитие наддиалектных форм языка, в результате которого койне расширяло границы употребления и стало функционировать в различных общественных сферах. Оформление текстов эпитафий на структурно различающихся языках с р- и с з-элементами (есть случаи их применения как в одном тексте, так и в различных надписях, например, в памятниках отца и сына) является убедительным подтверждением необходимости учитывать и присутствие наддиалектных форм языка.



Золотая серьга. Брусянский II могильник. Самарская область. VII–VIII вв. (вверху). Золотая серьга. Шелехметский I могильник. Самарская область. VII–VIII вв. (вверху).



Костные накладки с изображением сцен охоты из кургана № 17, Верхнечирюртовский могильник

Наддиалектное койне в Болгарии и проблема литературного языка. За последние годы в татарском языкознании наметилась тенденция к более расширенному изучению истории языка исходя из особенностей социально-общественной сферы, в которой мог функционировать язык. Бесспорно, основной формой существования в раннефеодальной Волжской Болгарии выступали территориальные диалекты (мы здесь не затрагиваем вопрос их возникновения), а также функционировали городское койне и другие возможные формы устного общения. То есть типы, возникшие в результате самостоятельного спонтанного развития. Литературный же язык, видимо, вначале выступал языком письменного общения элитарной части общества. Есть все основания предполагать,


Чудское озеро
Верхоляны
Тарту
Удрай
Отепя
Курея
Новгород
Ловницы
Городище
Березовый Рядок
Брейтово
Рыуге
Пуйга
Яновище
Асоте
Осиновка
Селяне
Полоцк
Дивное
Бескатово
Русанова
Кубарево
Семлево
Платово
Малое Стахово
Грязивец
Юдичи
Скорыничи
Краснозаборье
Христовая
Огородники
Хильницы
Дятковичи
Адамовка
Новый Кривск
Гребежовка
Городец
Ракитино
Тепеница
Хайч
Горбаши
Городск
Изяславль
Сандраки
Сквирка
Остаровое
Хриневка
Грабовец
Подыжин
Григоровка
Сороки
Малдешты
Алчедар
Петруха
Телешово
Починок
Попово
Юмский
Мыдланьшай
Поломскмй
Гуркешур
Неволино
Еремисское кладбище
Попадьинское
Дурасово
Копок
Сарское
Кухмарь
Суздаль
Суйгирь
Кубашевское
Ижевское
Лопьял
Иванова гора
Безводнинский
Берискинский
Волчихино
Сомовское II
Ознобишино
Муром
Пятницкий
Сакон
Ош-Пандо
Шокша
Большетиганский
Большетарханский
Кушнаренково
Караякулово
Уряньский
Хрящевский
Самозлейское
Крюково- Кужново
Немчанский
116 км
Армиево
Пляда
Рамонь
Лебедка
Песковатое
Шепилово
Воронцово
Солоново
Камензино
Ямань
Ханская могила
Гришанкин
Жарсуат
Челкар
Ямайкино
Карасуг
Быково
Эльтон
Ленинск
Чонин
Рахинка
Киляковка
Сухая Саратовка
Воронеж
Городище
Архангельское
Рыльск
Афонька
Борщево
Воробьевка
Маяцкое
Волынцево
Ромны
Комаровка
Этулия
Новотроицкое
Салтово
Волоконское
Трясиновский
Подлысенки
Крещатик
Опошня
Малое Перещепино
Коробовы хутора
Эливки
Маяки
Гуково
Карнаухово
Средний
Барановка
Лапас
Летняя ставка
Асат- Бай
Правобережное Цимлянское
Вознесенка
Обрыв
Таганрог
Азов
Кунцын-Толга
Щёлковский
Баланджар
Нижний Джулат
Бараульская
Тарки
Самандар
Варачан
Дербент
Чола
Шабиран
Ширван
Кабала
Шемаха
Баку
Гандзак
Барда'а
Ани
Багаран
Байлакан
Арташат
Ереван
Севан
оз. Севан
Кура
Аракс
Терек
Сунжа
Волга
Дон
Днепр
Буг
Днестр
Ока
Сура
Самара
Кама
Вятка
Чепца
Белая
Ветлуга
Унжа
Керженец
Ветлуга
Мокша
Хопер
Ворона
Медведица
Битюг
Тихая Сосна
Псёл
Ворскла
Сейм
Десна
Снов
Ирпень
Тетерев
Припять
Горынь
Случь
Неман
Западная Двина
Нарва
Рижский зал.
Великая
Ловать
Псковское озеро
Ильмень
Мста
Молога
Шексна
Молога
Сухона
Вычегда
Ижма
Печора
Мезень
Северная Двина
Онега
Выг
Сегежа
Суна
Кемь
Кандалакша
Ладожское озеро
Свирь
Сясь
Волхов
Нева
Ловать
Западная Двина
Неман
Висла
Одер
Эльба
Рейн
Темза
Сена
Луара
Гаронна
Рона
Дунай
Тиса
Прут
Сирет
Марица
Струма
Вардар
Эбро
Тахо
Гвадалквивир
Тежу
Дуэро
Гвадиана
Сан
Днестр
Южный Буг
Ингул
Ингулец
Молочная
Конка
Самара
Волчья
Берда
Кальмиус
Миус
Северский Донец
Оскол
Ворскла
Псёл



Фляга с хазарской надписью из собрания Новочеркасского музея



Кыпчакский латник. Реконструкция К.С. Ахметжана

что в данный период развития общества роль литературного языка выполнял чужой (арабский) и тюркский, функционирующий в тюркском мире. Это был не столько тюркский литературный язык, а язык тюркской письменно-книжной литературы.

Судя по историческим данным, этим языком являлся язык Караханидского государства, где главенствовали два карлукских рода — чигиль и ягма, а чигильский язык по всей вероятности, был основным официальным языком этого государства. Скорее всего, эти тюрки имели давние этнокультурные связи с племенем эсегел (аскел /чигил), входившего в состав Волжской Болгарии. Учитывая же более поздние развитые товарно-денежные отношения, но и политико-культурные взаимосвязи между Болгарией и Средней Азией можно предположить, что именно оттуда был заимствован литературно-книжный языком тюркского средневековья.

Караханидский письменно-литературный язык «тюркӣ» в Поволжье в начале, возможно, не отличался многофункциональностью и употреблялся с целью удовлетворения эстетических потребностей. По мере формирования единой болгарской этнополитической общности в XII веке меняется и сама языковая ситуация. Основная коммуникативная функция в сфере общения сохраняется за территориальными диалектами и обобщенными типами устной речи в виде койне. Литературный тюркӣ, функционально окрашенный рамками своего применения, все же находится не в глухой изоляции, а взаимодействует с другими региональными формами языка. Народная основа койне начинает оказывать сильное воздействие и на внутриструктурное образование литературного языка, что, естественно, вызывает ответную реакцию. Постепенно начинают появляться и структурные изменения в литературном языке.

Исследователи единодушно отмечали, что языком науки в Волжской Болгарии выступал арабский язык. Однако функции его этим не ограничивались: он был и языком религии, и языком текстов таких утилитарных вещей как изделия прикладного искусства. Это — арабографичные надписи на замках, зеркалах, браслетах и других изделиях художественного металла. Кроме всего, монеты, чеканившиеся и имевшие хождение в Волжской Болгарии. также имели арабоязычные легенды.

Функционально-стилистическое варьирование в рамках литературного языка обусловлено,





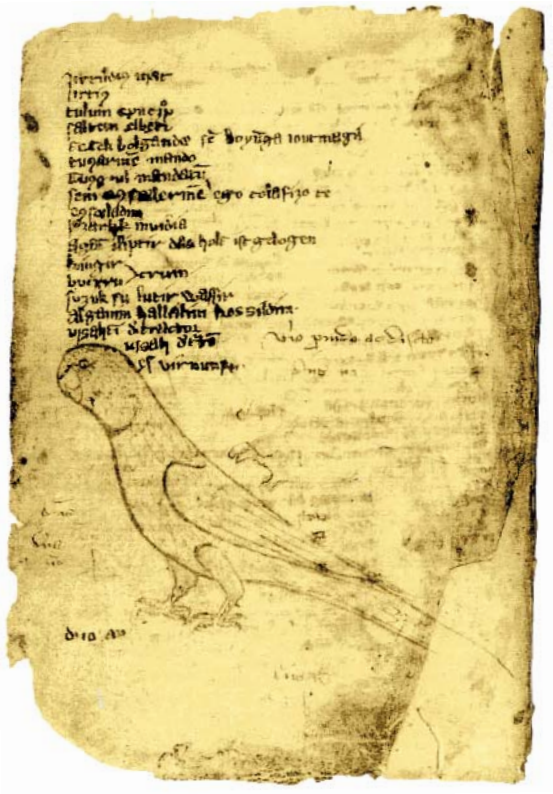
Украшения. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

прежде всего, сферой применения языка. Приведенное Махмудом Кашгари четверостишие, на наш взгляд, отражает литературный язык караханидского государства XI в., использованный на новой территории в качестве престижного наддиалектного литературного языка, ср.:

Etil suwä aqa turur,
Qaja tu̎bi qaqa turur,
Balıq telim baqa turur,
Kölu̎ng taqi ku̎šeru̎r.

«Текут воды Итиль-реки.
об скалы ударяются.
Много там рыб и лягушек.
Плавни также заполняются».

Как показывают исследования литературных языков средневековой Европы, они, прежде всего, характеризовались узостью своей социальной базы, так как обслуживали господствующие классы феодального общества. Такую же узкую сферу употребления должен был иметь тюркский региональный литературный язык. Такая ситуация обычно вызывает появление нескольких, письменно-литературных вариантов в одной и той же языковой среде.



Codex Cumanicus — «Словарь кыпчакских языков». 1303 г. Уникальный трехъязычный словарь (итальянский, немецкий, куманский), составленный католическими мессионерами на основании разговорного языка кыпчаков в Крыму. Содержит 1300 слов, 47 тюркских загадок, перевод «Десяти заповедей» на кыпчакский язык, фрагменты других христианских текстов в переводе на кыпчакский

Одним из таких вариантов нашел отражение в «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали (начало XIII в.). Если опираться лишь на внутриструктурные особенности поэмы, то действительно можно обнаружить больше огузских признаков и на этой основе объявить произведение огузоязычным, искать место написания среди обитания огузов и т.д. При этом нельзя забывать о том, что огузские элементы являются неотъемлемой частью поволжского (старотатарского) литературного языка. Например: корт «волк», чук «много», ол- «быть», вар- «идти», звонкий ряд анлаута (деш, датлы), аффикс дательного падежа на -а/-ä, винительного падежа на -ы/-е, причастные формы на -мыш, -алы, -ан и др. Огузские формы имеют свои исторические корни, которые связаны не только письменными традициями, но и разговорным влиянием огузских племен, пришедшими из южных степей и появившихся в Поволжье уже в X–XI вв. Огузские племена, значительно влиявшие на общее состояние литературного языка и диалектов (наречий), находились на территории самого Болгарского государства и в соседних с ним областях.

По своему лексическому составу, грамматическому строю стилистическим традициям в произведении Кул Гали отражается тюркский письменный литературный язык Поволжья, характеризующийся своими специфическими чертами и сформировавшийся в этом крае до монгольского завоевания. Начало становления локальных лексических, фонетических, грамматических особенностей татарского письменно-литературного языка, происходят в период существования Болгарского эмирата в X–XIII вв. и формирования болгарской этнополитической общности.

Следует подчеркнуть, что в раннефеодальном периоде развития обществ большую роль играет степень устойчивости и престижности более ранних литературных языков, точнее, сохранения литературных традиций. Чужой письменный язык из-за своей престижности употребляясь в Поволжье, и Приуралье, стал функционировать в языковой системе региона, как вариант регионального тюркского литературного языка. Именно литературно-эстетическая традиция предопределила выбор языка поэмы и используемых художественных средств. В таких случаях обращение к дифференциальным признакам внутриязыковой структуры мало что дает и язык приходится рассматривать как совокупность функциональных стилей (форм существования и т.д., Тем более этот вариант литературного языка поступил «в готовом виде». Таким образом, в рассматриваемом периоде развития общества не было одного единого или нормированного болгарского литературного языка, а функционировало несколько письменных форм (вариантов) литературного языка.



Песня о Болгаре. Худ. Х.Н. Латыпов. 1996 г.

Другим, возможным, хотя и специфичным литературным языком являлся, видимо, собственно болгарский язык. К сожалению, о его лингвистических особенностях и функционировании в качестве литературного языка в X — начале XIII в. нет никаких достоверных данных. Все сведения о нем получены из анализа эпитафийных памятников более позднего периода — конца XIII — первой половины XIV в. Есть все основания полагать, что уже в XI в. этот архаичный р-язык стал наддиалектной формой специфичного языка болгарской знати, позднее воплотившись в виде сакрального, ритуального языка в эпитафиях XIII–XIV вв.

Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов

Надписи на металлических изделиях

Многолетнее систематическое изучение Волжской Болгарии целыми поколениями исследователей обогатило нас прекрасными произведениями прикладного искусства. Среди них металлические изделия с надписями по своему художественному оформлению и информативности занимают особое место.

За годы исследования Болгарского городища были собраны обширные коллекции различных металлических изделий, среди которых есть как более или менее целые вещи, так и фрагменты различной величины и качества. Это же целиком относится и к сохранности надписей на них, выполненных в различной технике: припаиванием букв, углубленным или рельефным прочерчиванием, оттиском с матрицы.

В последние годы фонды Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника обогатились рядом металлических изделий с надписями, которые можно было бы рассматривать в качестве изготовленных местными болгарскими мастерами или привезенных из восточных стран

Мы предлагаем анализ надписей на зеркалах, браслетах, щитках и крышке от кувшина.

1. Крышка от кувшина с полукруглой шишечкой-ручкой в центре, диаметр 77 мм (БГИАЗ. Инв. 143 № 62). Бронза. Гравировка, инкрустация красной медью и серебром. Между петлями по гурту симметрично расположены по три зверя.

Рельефная надпись на арабском языке идет по кругу и разделена на три равные части тремя медальонами с изображением утки. Поле для надписи орнаментировано спирально вьющимися стеблями. Такое построение благожелательной надписи с рисунком водоплавающей птицы (да и сам рисунок) не встречается на возможных аналогиях художественного металла из Малой Азии и Восточного Ирана.



Крышка от кувшина. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Перевод надписи:

Слава и успех, и владычество, и счастье, и здравие, и милосердие Аллаха, и долголетие всегда владельцу сего.

Таким образом, здесь налицо чисто благожелательное речение, которое, кстати, часто встречается в мусульманских произведениях прикладного искусства.

Надпись на крышке от кувшина в технике рельефной припайки идет по кругу и разделена на три равные части тремя медальонами с водоплавающей птицей. Она выполнена почерком насх без диакритических знаков. Однако простота относительна: за счет удлинения буквенных стволов и помещения уау на строке письма, чем она стала похожей на буквы фа, каф, и акцентируя их дугообразность, мастер-художник создал симметричный радиальный узор, притом вертикали параллельны и не имеют каких-либо завершений.

Стиль почерка не имеет близких аналогов с известными нам надписями на предметах прикладного искусства. Необычно написание низких букв, их зубчики лишь слегка обозначены и закруглены, а у син, например, напоминает волнистую горизонталь. Особенности в написании лигатуры лам-алиф позволяет утверждать, что каллиграф не всегда старался придерживаться стиля написания одинаковых букв. Очевидно, он не был традиционалистом и владел различными почерками и типами письма.

Следует отметить, что эта надпись не лишена и элементов скорописи. Таким образом, палеографические особенности надписи показывают употребление различных манер письма, однако на нынешней стадии изучения восточных надписей на металлических изделиях Болгара невозможно сделать выводы относительно их локализации.



Фрагмент зеркала с изображением голов двух сфинксов, бронза. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

2. Зеркала. Здесь мы остановимся лишь на последних находках из Болгарского городища.

2.1. Фрагмент зеркала с изображением голов двух сфинксов, диаметр 85 мм (БГИАЗ. Инв. 17 № 438). Бронза. Сохранилась часть арабской благожелательной надписи, которая занимала наружное поле зеркала и выполнена почерком куфи. Такие зеркала импортировались, а также делались на месте болгарскими ремесленниками. По этому поводу А.П. Смирнов отмечал, что местные мастера, часто не понимая смысла надписей, просто копировали буквы. Текст надписи гласил: «Слава и долговечность, счастье и величие, возвышение и хвала, благополучие и честь, власть и процветание, могущество и милость Аллаха владельцу сего навеки».

Подобные зеркала не знали территориального ограничения. Становясь утилитарными предметами, а также своеобразными амулетами, возможно, из-за украшения благопожелательными текстами, они были популярными предметами купли-продажи. Аналогичные зеркала известны не только в Волжской Болгарии, но и в Средней Азии и на Алтае, так как в XII–XIV вв. в многочисленных копиях распространялись по всему мусульманскому миру.



Фрагмент зеркала, бронза. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

Во фрагменте анализируемого зеркала сохранилось начало этой надписи, которую можно сравнить с полной надписью в палеографическом плане. Обе надписи выполнены куфическим почерком, однако они имеют и стилевые различия. Почерк полной надписи вернее было бы назвать процветшим куфи с характерным подъемом кверху нижней части таких конечных букв, как ра, за; также декоративно загнута верхняя часть буквы ха и соединены между собой несоединяемые буквы. Буква уау же лежит на строке письма и напоминает фа почерка насх. Во фрагменте же куфический почерк более прост, хотя и сделана попытка поднять окончание буквы за, но сделано это простыми линиями. Прижата в строку буква 'айн, не имеют соединительной дуги буквы алиф и лам.

2.2. Зеркало диаметром 130 мм (БГИАЗ. Инв. 176 № 284). Высота бортика 8 мм. Бронза. Оно было орнаментировано пояском с выпуклинами четырехугольной формы. Надпись выполнена процветшим куфи и занимает наружное поле, которое заполнено растительными побегами. В этом фрагменте зеркала сохранилась часть благожелательной формулы ..... «...здравие и...». Возможно, с буквы 'айн начиналось слово «наслаждение», входящее в состав формулы с благими пожеланиями. Главной особенностью этой надписи в палеографическом отношении является стилевое своеобразие почерка. Начертания букв весьма схожи с почерком каллиграфа, написавшего текст на сосуде XI в. и который был определен иранским или среднеазиатским. В них окончание буквы уау приподнято до уровня вершины стволов высоких букв и закруглено в левую сторону. Однако закругление в надписи на фрагменте зеркала сделано вплоть до образования круга.

Тот же прием «подъем вверх» применен в обеих надписях в начертании та марбуты, ствол которой вытянут до высоты верха алифа. Все вышесказанное, да и округленность мима в обеих надписях, т е их поразительное палеографическое сходство, позволяют говорить о принадлежности почерка этих надписей к одной каллиграфической школе.

2.3. Фрагмент зеркала диаметром 65 мм (БГИАЗ Инв 218 № 9). Бронза. Высота бортика 2 мм. По краю зеркала имеется орнамент в виде ломаных линий Надпись была сделана почерком насх, притом начертания букв не претендуют на каллиграфичность. Сохранилась



Фрагмент зеркала, бронза. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

лишь малая часть надписи.....- или .....

2.4. Фрагмент зеркала диаметром 140 мм. Бронза. Поле зеркала круга разделено на 4 части и каждая часть поля разделена рельефным бортиком высотой 2 мм. Средняя часть, где, вероятно, была ручка, не сохранилась. Внутреннее поле орнаментировано растительным орнаментом типа «ислими», а наружное — толстыми ломаными линиями с заполнением образовавшегося треугольного пространства кругами.

Надпись выполнена почерком сульс, буквы толстые, монументального характера. В распоряжении надписи есть одна примечательная деталь: она разделена на четыре части при помощи восьмилепестковых розеток. Аналогов такой декорировки и построения надписей на зеркалах мы не знаем.

Что касается самой надписи, то она сохранилась плохо и может быть прочитана в таком виде:... благоденствие и успех..., хотя и не исключено, что первое слово ... — благочестие.

Браслеты. Наряду со всевозможными декоративными украшениями на пластинчатые браслеты наносились и арабографичные надписи. Их характер мог быть различным.





Браслет. Бронза. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

1. Браслет представляет собой бронзовую пластину (БГИАЗ. Инв. 56 № 65). На одном конце браслета схематическое изображение морды льва, посередине грубый циркульный орнамент. В центральной части браслета имеется штампованная надпись:... Здесь налицо датировка изготовления браслета — 614 г. по хиджре, который по современному летосчислению соответствует 1217 г. Неясен смысл слова при (?) дате. Исходя из соединения цифр 6 и 1 между собой (а это весьма странно), можно предположить, что все цифры «посажены» на какое-то слово. Таким словом мог бы быть «год» (однако арабское начертание не соответствует тому, что есть на пластинке) или имя мастера вроде «Албал». Один из авторов этого раздела предлагает рассмотреть как сокращенную форму от ... «мир, свет», т.е. как

3. Часть браслета (пластины) длиной 30 мм, шириной 9 мм (БГИАЗ. Инв. 177 № 308). Бронза. Фрагмент надписи занимает все поле пластины и, возможно, надпись была разделена розеткой на несколько частей. Надпись почти стерлась и различаются лишь отдельные буквы: толстые стволы вертикальных букв, йа с двоеточием, уау или фа (каф) подняты до середины вертикалей.

4. Браслет длиной 150 мм, шириной 9 мм (БГИАЗ. Инв. 24 № 758). Бронза. На концах браслета — схематические львиные морды, корпус покрыт орнаментом в виде узла счастья. В центре браслета имеется сильно стилизованная надпись: .... — Именем Аллаха. Даже в этой мелкомасштабной надписи сделана попытка орнаментации самих букв: верх лама, напри-





Браслет. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ





Часть браслета, браслет. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

бы синонимом слова «год». Это же самое слово, возможно, начертано в волжскоболгарской эпитафии 1244 г. из с. Ямбухтино ТАССР, зафиксированного Г. Ахмаровым.

2. Браслет в виде изогнутой пластины из латуни длиной 17,5 мм, шириной 12–14 мм и толщиной 2 мм (БГИАЗ. Инв. 145 № 3). На лицевой стороне надпись:

Султан справедливый. 752. Ал-Джедид.

Указанная дата по нынешнему летосчислению соответствует 1380 г. Сама надпись помещена в круг диаметром 20 мм и с ошибками: в слове «султан» отсутствует конечный нун, а втором слове — серединный алиф.

Характер надписи и ее оформление позволяют прийти к выводу, что данная пластина является монетным чеканом Тохтамыш хана. Медные монеты с его именем редки, и все монеты времени правления Тохтамыша чеканились с изображением животных, птиц или орнамента на обратной стороне. Рассматриваемая пластина, очевидно, служила материалом для пробного чекана с ошибочно написанным штемпелем. На оборотной стороне можно предположить наличие начертания имени Тохтамыш хана, но оно сильно искажено.

мер, украшен растительным побегом, а ствол конечного ха приподнят до верха высоких букв и несколько загнут налево.

Браслет с арабской надписью по корпусу приведен в вышеупомянутом очерке Г.Ф. Поляковой. К сожалению, надпись полностью прочитать не удалось, но последнее слово без всякого сомнения «успех». В таком случае, есть основание предположить благожелательный характер надписи, так как она входит в состав таких надписей.

Нельзя не упомянуть и о золотом браслете с персидской надписью из Джукетауского клада. Браслет состоит из звеньев, имеет две продолговатые и две квадратные пластины, одна из которых с выдвижной иглой. Верхняя колонка исполнена техникой гравировки, а нижняя — растительным узором. Звериные морды на колонках проработаны до отдельных деталей, и изображение головы льва напоминают аналогичные рисунки на болгарских серебряных и медных браслетах. Браслет был датирован XIV в.

Надпись на браслете: Да будет творец мира покровителем Владельца сего предмета, где бы. он ни находился. Надпись является вариантом текста на крышке сосуда.

Перстни. При исследовании городища Великие Болгары были найдены золотые, серебряные и медные перстни с надписями, которые не отличались оригинальными текстами. В большинстве случаев надписи скопированы с какого-то оригинала, однако «проволочное» выполнение надписи (т.е. припайка) не позволяло точно скопировать буквы



Перстень, серебро. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Перстень, электр. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



и в результате получались как бы инварианты текста. В связи с этим уместно будет сравнить перстни из находки 1966 г., и перстень из фонда БГИАЗ. Надписи на этих перстнях графически несколько отличаются, однако тексты на них идентичны.

А.П. Смирнов и С.А. Янина предлагали такое чтение: ... — Да продлит Аллах здоровье (благоденствие). На наш взгляд, в определенной группе перстней написана именно такая благожелательная надпись. Здесь не можем согласиться лишь в чтении надписи на золотом перстне как Да будет вечен Алий, т. е. как изречение шиитского толка. Видимо, здесь следует видеть изречение Да продлит Аллах здоровье (благоденствие), потому что, несмотря на сильную стилизацию (точнее, искаженность начертания букв), эта надпись имеет графическую аналогию с некоторыми другими надписями. Правда, здесь присутствует композиционное отличие: начальное слово помещено в средней части щитка.

В работе А.П. Смирнова и С.А. Яниной приведен и снимок электрового перстня, найденного в 1964 г. в Болгарах и находящегося в ГИМе (Инв. 98695)20. Обруч имеет ромбовидные украшения: два покрупнее (заполнены растительным орнаментом) и одно — меньшего размера (заполнено кружочками). Припаянные на щитке буквы, по мнению авторов, составляли слово «Беркай», имя первого джучидского хана, принявшего мусульманство. И такой перстень с его именем должен был служить владелице залогом удачи и знаком благочестия.

По нашему мнению, правильнее было бы прочитать эту надпись как благословение, так как ханское имя Беркай (тем более на женском перстне) вряд ли могло служить каким-либо символом.

Слово же является одним из главных компонентов в широко распространенной мусульманской благожелательной формуле, на его основе появилось и название монеты, которую носили на счастье.



Перстень, серебро. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

В фондах БГИАЗ (Инв. 226 №104) хранится еще один серебряный перстень с характерными тремя налепами в виде ромбов с орнаментацией и с надписью на прямоугольном щитке с бортиками. Размеры щитка 130 х 60 мм. На щитках припаяны буквы из серебряных полос, составляющие слово. По всей видимости, это ... , означающее охранять, защищать, предохранять. Выходит, и данный перстень имеет защитительную надпись.

В очерке Г.Ф. Поляковой «Изделия из цветных и драгоценных металлов» данной книги приведены фотографии еще нескольких видов перстней. По всей вероятности, тексты этих перстней идентичны и их следует читать как «победитель», тем самым перстню придается магическое свойство.

Таким образом, металлические изделия с надписями, кроме своих художественных, эстетических функций, имели и словесно-информационную функцию. Как показывают рассмотренные выше надписи, в большинстве случаев они предназначались для психологического воздействия на человека, некоторые служили своеобразными амулетами. Отдельные изделия дают материал для рассмотрения их как образцов искусства каллиграфии.

Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов

Эпиграфические памятники Болгара

В настоящее время выявлено около 400 болгарских намогильных эпиграфических памятников, из них более 150 плит происходит из Болгарского городища. В действительности в Болгарах было гораздо больше намогильных плит, чем зафиксировано в различных источниках и обнаружено непосредственно на месте.

Болгарские намогильные памятники представляют собой тщательно обработанные известняковые плиты в форме плоского параллелепипеда, длина которых колеблется от 70–80 до 350 см и более.

Устанавливались они в землю у изголовья погребенного лицевой стороной на восток. Так как основной текст эпитафий занимает около половины (иногда больше) лицевой части плиты, подземная часть камня не обрабатывалась. Верхняя часть надгробия, как правило, прямоугольная или слегка скошенная, с углубленными на 3–7 см плечиками и со стрельчатой или килевидной аркой, где расположена кораническая формула, а иногда шести- или восьмилепестковая розетка. Редко встречаются памятники с остроконечным завершением, и как исключение нужно указать на два памятника с полукруглым завершением и плечиками на всю толщину камня.



Намогильный камень с арабской надписью из гробницы эмира Ахмеда-хаджи, сына Мулике сын Мир-Хусейна Назара Булгарского. 720 г.х. БГИАМЗ



Намогильный камень сына Ауараз Урун-Алпа с булгарской надписью из южной части Болгарского городища. 709 г.х. БГИАМЗ

У большинства памятников имеются боковые надписи, состоящие, как правило, из благочестивых изречений. Часто встречаются надписи и на обратной стороне.

Оформление эпиграфических памятников и их декорировка неразрывно связаны со структурой текста, его почерком и содержанием самой надписи. Это источники особого рода, включающие в себя особенности памятников письменности и материальной культуры. При классификации эпиграфических памятников Болгара мы учитывали такие признаки, как оформление оголовника, наличие тимпана, шрифт, орнаментация бордюра, размеры, с одной стороны, и язык, структура текста, почерк — с другой. Учитывались также текст и орнаментация боковых частей, декорировка нижней части, обратной стороны и другие особенности. По указанным признакам эпиграфические памятники города Болгара в рамках классификации болгаро-татарских памятников XIII–XIX вв. разделяются на две группы, а те в свою очередь — на типы, подтипы и виды. Обе группы по хронологической и региональной классификации относятся к Болгарскому региональному округу болгарских эпиграфических памятников XIII — первой половины XIV в.

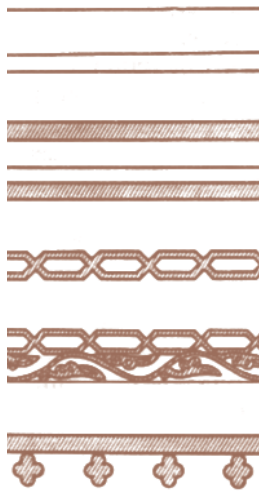
По наличию и заполнению тимпана и структуре текста эпитафии данной группы подразделяются на четыре типа: I — эпитафии с формулой в тимпане, которые в свою очередь имеют два подтипа: А — с формулой «Он (Аллах) живой, который не умирает!» в тимпане; Б — с формулами «Суд Аллаха всевышнего, великого!» и «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!» II — памятники с розеткой в тимпане и формулой «Суд Аллаха всевышнего, великого!» в первой строке. По размерам здесь можно вычленить два вида: 1) памятники больших размеров и 2) маломерные памятники с сокращенным вариантом текста. III — памятники с прямоугольным верхом, стрельчатой аркой и формулой в тимпане, с употреблением различных шрифтов в заглавной формуле и основном тексте. Малое количество памятников этого типа не позволяет выделить подтипы и виды. К первой группе относятся памятники с прямоугольным и полукруглым верхом, стрельчатой или килевидной аркой с плечиками и с формулой в тимпане, выполненной рельефным почерком сульс на арабском языке или же на литературном языке, который часто называют «поволжским тюрки». По структуре текста и языку эти памятники разделяются на три типа: I) на арабском языке; II) на тюркском литературном языке того периода с поэтическими эпитетами; III) смешанного оформления; IV) — памятники с полукруглым верхом, без тимпана и даты.

Ко второй группе мы относим памятники с прямоугольным, остроконечным или полукруглым верхом, выполненные почерком куфи на болгарском языкене позволяет выделить подтипы и виды. Первая строка начинается с формулы «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!»

В памятниках XIII в. большое значение имеют бордюры, которые сделаны главным образом

для усиления художественного восприятия. Бордюрные орнаменты могут быть трех разновидностей: 1) углубленные одинарные или двойные прямые линии; 2) рельефные или углубленные полосы; 3) параллельно идущие валики или линии, пересекающиеся под прямым углом через определенные промежутки. Третья разновидность очень оригинальна и, как нам кажется, имеет датирующее значение. Подобный орнамент можно увидеть в михрабе праздничной мечети XII в. Бухары, в арке мавзолея Гюлистана XII–XIII вв. в Азербайджане, на бордюре бронзовой чаши второй половины XIII в. из Болгар. Близки к этому орнаменту картуши болгарских дирхемов конца XIII в. Эти аналогии позволяют утверждать, что данный вид орнамента бытовал в пределах XII–XIII вв.

Основной текст эпитафии может отделяться от заглавной формулы орнаментальной полосой, которая имеет вид растительного побега, известного на Востоке под названием «византийской ветки» или же «ислими». На памятниках из Болгар крупные изгибы стебля завершаются мотивом трилистника или гроздьями винограда. У единичных памятников боковая часть украшена геометрическим орнаментом,



Орнаментация бордюра



Надгробие с территории церкви Успения с булгарской надписью «почитателя ученых, мечети строившего, множества подаяний вершителя, благодетельного, страны Суар сборщика податей Али ходжи». 708 г.х. БГИАМЗ



Намогильный памятник с арабской надписью. 684 г.х. Обнаружен во время ремонта церкви Успения. БГИАМЗ

ски, вероятно, он связан с представлением татар о том, что после смерти человека душа улетает, покидает его. Птица, вероятно, рассматривалась как переносчик души в «потусторонний вечный» мир. В татарском языке с этим представлением связано словосочетание «кот очу», т. е. «сильно испугаться», «прийти в ужас» (дословно «отлет души»). Можно полагать, что изображение птицы свидетельствует о тесном соединении в мировоззрении болгар мусульманских догматов и языческих верований.

Тип II второй группы памятников XIII в. представлен надгробием № 4. Это прямоугольная плита размерами 22 х 60 х 117 см с килевидной аркой и бордюрным орнаментом третьей разновидности. В тимпане помещена восьмилепестковая розетка с узкими лепестками без разделения на дольки и с мотивом свастики между ними. Во внутреннем кружочке розетки вырезана маленькая восьмилепестковая розетка. Надпись выполнена рельефным куфическим почерком, начертания букв несколько отличаются от традиционного куфи болгарских эпитафий: написание отдельных графем, например, джима, ра, за, алифа, сближает шрифт памятника с шрифтом куфических дирхемов.

состоящим из ряда ромбиков и треугольников, пересеченных параллельными линиями, которые в свою очередь разделяют их на еще более мелкие треугольники.

Памятники XIII в. не отличаются богатой декорировкой, для них первостепенной, вероятно, была каллиграфия, которая в мусульманских странах считалась разновидностью искусства.

Из памятников второй группы наиболее ранними являются, эпитафии типов I и II. К типу I относится и надгробие, на котором помещен орнамент в виде стилизованного изображения птицы. Данный рисунок можно расценивать как связующее звено между языческими изображениями более раннего периода и зооморфными узорами, которые появляются в деревянной резьбе казанских татар с XVIII в. Генетиче-

Известные намогильные стелы XIII в. охватывают небольшой отрезок времени (670–699 гг. х.) и типологически составляют единое целое с памятниками первой половины XIV в. Однако зафиксированы некоторые элементы, которые в дальнейшем развиваются или исчезают. К таковым нужно отнести бордюрный орнамент третьей разновидности, полукруглое завершение верхней части плиты плечиками на всю толщину камня, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра».

В количественном отношении более половины эпитафий XIII в. относится к первой группе, и написаны они на арабском языке.

К XIV в. отнесено 27 памятников: ранний датирован 700 г. х., позднейший — 749 г. х. С Болгарского городища также происходит большое

количество фрагментарно сохранившихся памятников, стилистически и типологически датируемых первой половиной XIV в.

Для памятников первой группы XIV в. характерна простота оформления. Виноградная лоза отделяет основной текст от заглавной формулы, а на № 74 вместо нее имеется широкая рельефная полоса. Обращает на себя внимание орнаментальная полоса на эпитафии № 114, состоящая из растительного побега, закрученного в спираль, с очень мелкими листочками. Этот редкий мотив можно увидеть на боковой части эпитафии XVI в. из Заказанья. Основным орнаментом следует считать бордюр, выполненный в виде рельефной полосы. Естественно, бывают и различные отклонения от общепринятого бордюра. Кроме указанного растительного побега, на одном фрагменте зафиксирован мотив с не связанными между собой трилистниками. На стелах Казанского ханства и более позднего времени данный мотив является компонентом более развитой цветочной орнаментации, здесь же он выступает самостоятельным орнаментом.

Тексты на памятниках XIV в. выполнены рельефным почерком сульс, как и на памятниках



Надгробие. Камень. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Намогильный памятник с арабской надписью. 730 г.х. БГИАМЗ



Намогильный памятник с татарской надписью. 724(?) г.х. БГИАМЗ

XIII в. Только № 1 имеет текст, врезанный куфическим почерком. И по структуре текста памятники данного типа продолжают традиции XIII в.

О языке памятников типа II первой группы высказаны разные суждения. Предполагали, что это чагатайский язык, или древнетатарский, или среднеазиатский литературный тюркский, или новоболгарский и т. д. Мы придерживаемся того мнения, что в XIII–XIV вв. (а возможно, и ранее) на территории Волжской Болгарии, бывшей одним из культурных центров Золотой Орды, должен был функционировать локальный вариант литературного языка «тюрки». По всей видимости, этот язык сложился на базе более древнего караханидско-уйгурского языка и местных диалектов. Именно на таком языке написаны тексты памятников типа II первой группы, в которых употреблены и поэтические эпитеты «краса молодцов», «сердце сердец».

Типовое оформление, определенная структура и шаблонность отдельных фраз подтверждает ранее высказанное исследователями предположение о существовании болгарской школы по изготовлению надгробий. Характерной чертой ее является стрельчатая, реже — килевидная арка с плечиками. Арки преимущественно крутые, а стрела подъема равняется 1 : 4. Только пять памятников типа IV второй группы не имеют никакой арки.

Другим характерным признаком болгарской школы мы считаем заглавную кораническую формулу «Он (Аллах) живой, который не умирает, все живущее умрет!» Из 91 эпитафии, где присутствует заглавная формула и ее удается восстановить, 74 содержат именно данную формулу. В 11 случаях встречается формула «Суд Аллаха великого, всевышнего!», а в шести — формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!». Необходимо отметить, что все памятники первой группы начинаются с первой формулы.

Памятники болгарской школы отличаются каллиграфическим почерком сульс или куфи. Некоторые эпитафии первой группы выполнены таким изящным шрифтом, что их можно рассматривать и как произведения искусства. Кроме того, надгробия из Болгар выделяются четким аккуратным исполнением, наличием надписи или орнаментом на боковой и обратной сторонах. Почти все памятники типа I первой группы имеют боковые надписи.

На болгарском городище обнаружено несколько заготовок для эпитафий, что доказывает существование в Болгаре мастерской по изготовлению надгробий и дает возможность проследить процесс изготовления. Камень для памятников, очевидно, добывали на правой стороне Волги. Архитектурные памятники Болгара построены из этого же камня. В мастерской резчика камню придавали форму плоского параллелепипеда, намечали и вырезали арку. Затем производили первичную обработку поверхности долотом и троянкой, следы которых обнаружены на многочисленных плитах. Подобные заготовки хранились в мастерских, вероятно, в большом количестве. На некоторых из них поставлены знаки в виде трезубца, известные и по керамическому материалу из Болгар. После первичной обработки намечались тимпан, площадь, предназначенная для письма, и нижняя часть для установки памятника. Далее шла шлифовка лишь той части камня, которую предполагали занять надписью или орнаментом. На шлифованную поверхность острым предметом наносили линии строк, орнамент или контуры букв. Затем промежутки между буквами выбирали. Часть памятников изготовлена другим способом: буквы и орнамент вырезаны на ровной поверхности камня, образуя углубленный шрифт.

Употребление разнообразных орнаментации и шрифта, трудоемкость процесса изготовления и длительное сохранение традиции устанавливать надгробия с эпитафиями говорят о том, что в мастерских существовало разделение труда. Первичную обработку камня, выемку арки, шлифовку плиты и другие трудоемкие работы, не требующие специальных знаний и большого мастерства, могли выполнять подмастерья Работа мастеров, по нашему мнению, начиналась с вычерчивания строк и букв. Можно полагать, что резчики эпитафий не только занимались изготовлением намогильных памятников, но и принимали деятельное участие в строительстве, точнее, в декорировке, архитектурных памятников. И там и здесь использование единой меры длины — локтя, наличие стрельчатой арки косвенно свидетельствуют о том, что высококачественная резьба по камню и в архитектуре, и на эпитафиях производилась в одних и тех же мастерских.



Намогильный памятник с арабской надписью: «Он живой, который не умирает, все живущее умрет. Этот сад целомудренной, непорочной, совершавший омовение, прекрасной, благородной Шамар малики, дочери Джафар-ага Ал-Аллаха. Помилуй её милостью неизмеримой и почти ее оставлением грехов и прощением. Да освятит Аллах душу ее. Отошла к милости всевышнего в конце месяца рамазана года семьсот сорок второго. Спасибо тому правоверному, кто один раз Фатиху, три раза суру Ихлас прочтет». На боковых сторонах надписи: «Вижу мир развалиной по существу не останется он продолжительно в покое» и «Словно звуки курая, часть смерти к нам придет». БГИАМЗ



Надгробие. Камень. Болгар. XIV в. БГИАМЗ

Однако нельзя считать, что все намогильные стелы делались только в мастерских. Памятники типа надгробия № 31 изготовлялись в домашней обстановке людьми, знающими грамоту и камнерезное дело.

Эпиграфические памятники болгарской школы получили широкое распространение по обоим берегам Волги. Западная граница их ареала совпадает с границей Волжской Болгарии, восточная проходит по линии Иски-Рязяп Куйбышевского р-на, Старое Ромашкино Чистопольского р-на, Ново-Чувашский Адам Алексеевского р-на — в Закамье. Измя, Таутермень Мамадышского района — в Заказанье. За пределами этой территории памятники болгарской школы обнаружены в пос. Чишма Башкирской АССР.

Однако это не значит, что все памятники болгарской школы изготовлены в Болгаре. Не было никакой надобности перевозить готовые памятники из Болгара, например, в Северное Предволжье, где надгробия делали на месте, ибо чувствуется некоторое своеобразие в изготовлении этих эпиграфических памятников, хотя они, несомненно, относятся к болгарской школе. Эти плиты делались мастерами, получившими в Волгаре навыки резьбы по камню и использовавшими болгарские образцы текстов и декора (содержание и структура текста, художественное оформление и т. д.). Такие каноны могли соблюдаться только при централизованном руководстве со стороны верховной духовной власти в пределах округа.

Г.М. Давлетшин

Духовная культура тюрок Поволжья

Духовная культура — сложное общественное явление. В литературе прочно утвердилось понятие культуры как способа и результата материальной и духовной деятельности людей. При этом способ и результат рассматриваются в неразрывном диалектическом единстве. С этой точки зрения традиционное членение культуры на духовную и материальную требует специальной оговорки. Такое разделение материальной и духовной культур носит условный характер, поскольку они не только органически взаимосвязаны и взаимообусловлены, но и составляют диалектическое единство. Продукты человеческой деятельности, в том числе и археологические материалы, являются одновременно результатом как физического, так и духовного труда.



Звериный цикл. «Болгарский календарь». Барс, Заяц, Барадж (дракон), Змея, Лошадь, Баран , Ёж , Курица, Собака, Кабан, Мышь, Корова. АИ. Тимиршин Казань, 2006, г. Холст, масло

Понятие духовная культура включает в себя самые разные виды общественного сознания. Вместе с тем духовная культура не есть простая сумма тех или иных форм общественного сознания. Многогранное, сложное общественное явление — духовная культура — может быть до конца понято лишь при определении его роли в конкретном обществе.

Город Болгар, занимая промежуточное положение между европейским Западом и азиатским Востоком, играл значительную роль в передаче как культурных достижений «мусульманского ренессанса» в Европу, так и элементов европейской культуры на Восток.

Болгар был не только экономическим, политическим, но и культурным центром Волжской Болгарии, и особенно Болгарского улуса, в золотоордынский период. Поэтому культура Болгара в конечном итоге является концентрацией лучших достижений всей болгарской земли в области культуры. Сложная синкретическая культура города Болгара никогда не была застывшей, представляя собой живой и обновляющийся организм.

Традиционная духовная жизнь народа включала в себя широкий круг понятий, таких как календарь и система счета, метрология и система счета, космогонические воззрения, взгляды на пространство и время, система верований, устное народное творчество, народные мелодии, художественно-прикладное искусство и т.д.

Календарь и счет времени

От древнетюркской эпохи болгары унаследовали двенадцатиричный звериный цикл. Еще Б.Д. Греков связывал изображения зверей на болгарских предметах с годами 12-летнего цикла. Эти изображения сохранились на металлических зеркалах, амулетах-подвесках (изображения собаки, барса, дракона, зайца, барана, овцы, курицы, мыши). Животные 12-летнего цикла изображены на зеркалах идущими друг за другом. Нередко встречаются изображения бегущих по окружности четырех животных. Возможно, они символизировали четыре времени года.

Двенадцатилетний звериный цикл и официальный мусульманский календарь в Улусе Джучи и в Казанском ханстве оставались самыми распространенными и основными летосчислениями. Однако под влиянием ислама и традиций тех народов, у которых этот цикл использовался, одни звери в цикле были заменены другими. В Болгаре вместо года Дракона на монетах изображена рыба — год Рыбы, год Тигра заменили годом Барса.

У древних тюрок счет дней велся по названию и последовательности животных, фигурирующих в цикле, например: «день Собаки, третьего месяца года Собаки». Следовательно, у древних тюрок цикл из 12 дней составлял определенный отрезок времени, типа недели. Дни в месяце обычно фиксировались порядковыми числительными.

С проникновением ислама у болгар начал распространяться мусульманский лунный календарь — лунная хиджра. Он был одним из ат-



Белая палата

рибутов мусульманской религии, употреблялся у болгар для расчета религиозных дат, в официальных документах, канцелярских делах, чеканке монет и т.д.

Имеются сведения о пользовании болгарами и других типов календарей. Ш. Марджани приводит отрывок из книги муллы Салимджана ибн Дустмухаммад ал-Кавали (умер в 1873 г.): «Эй, умный человек, знай, солнечный год имеет три вида счисления. Один называют «счислением персов». Им пользовалось население Болгара. Другой называют «счислением румов» (византийцев). Им пользовались христиане. Третьим — «счислением хамала» пользовались мусульмане всех городов».

У болгар, очевидно, были и свои народные календари, частично они сохранились у татар и соседних с ними народов. Название билек ае — пятый месяц в календаре — говорит о том, что у болгар, подобно древним тюркам и протоболгарам, некогда бытовал календарь, основанный на порядковых числительных. С принятием ислама у болгар распространились персоарабские, мусульманские названия дней недели. Кроме того, бытовали и местные их названия, встречающиеся на надгробных болгарских эпитафиях XIII–XIV вв.

В основе счета времени у болгар лежат, прежде всего, наблюдения за небесными светилами: солнцем, луной, звездами и планетами. Наблюдения за их движениями привели к астрономическим временным понятиям (год, времена года, месяц, день и ночь, час). У болгар, как и у других тюркоязычных народов, количество месяцев в году соответствовало лунным фазам.

Таким образом, календари для населения города Болгара, и в целом для всего болгарского общества, служили не только в качестве простых летоисчислений, но и вливались в другие области духовной культуры (фольклор, приметы, мифы и т.д.) и обогащали ее.



Зеркало. Бронза. XIII – нач. XIV в.



Пластина с изображением всадника, животных, месяца и солнца. Волжская Болгария, X в.

Метрология и счет

Ремесленное производство, градостроительство, широкая торговля в Болгаре нуждались в хорошо разработанной системе метрологии и счета.

Исследователи средневековых архитектурных памятников для выяснения мер длины, применявшихся зодчими далекого времени, обращали внимание на строительный материал — кирпич. Размеры кирпича были тесно связаны с применявшейся в Болгарии, Золотой Орде метрической системой.

17–18 см — это малая пядь — расстояние от кончика большого пальца до кончика указательного. Размер большинства кирпичей равняется 20–23 см (это большая пядь — расстояние от большого пальца до мизинца). Эта единица измерения использовалась в Болгаре, в частности в строительстве мавзолеев. Диаметр типичных оконных дисков также соответствовал этой единице измерения (18–23 см).

Метрологическому анализу хорошо поддаются культовые сооружения. Возможно, здесь измерение производилось наиболее популярной единицей домонгольской Болгарии — малым локтем, равным 26–27 см, или большим локтем, равным 53–54 см.

Двухъярусные башни в Болгарах были на расстоянии полета стрелы (ук атым). Подобная единица измерения практиковалось у многих тюрко-монгольских народов. Использование той или иной единицы измерения определялось характером материала. Судя по записям Ибн Баттуты, тюрки Улуса Джучи войлок мерили локтем и пядью, а материю и бумагу — шириной пальца (ил) и ладони (кул яссуы).

Приведенные единицы измерения нередко встречаются и в произведениях золотоордынских писателей: аршин (Хусам Кятиб: 51 аршинная цепь), ширина пальца (4 бармак эндазыеча-иленчэ), газ (Дастаны Бабахан: длина волос в 40 газов — локтей).

Длина камней для надгробий измерялась локтями и пядями. Локти были разной величи-



Фигурка языческого божества. Глина. Болгар. XIV в. БГИАМЗ



Каменные литейные формы. Билярское городище. XI–XII вв.

ны. Они совпадали с болгарскими локтями домонгольского периода. Размер 37–38 см зафиксирован у 73 надгробий. Размер в 45–47 см — у 21, а размер в 50–55 см — у 51 надгробия. Это — болгарские локти в 46 и 52–53 см.

Толщина камней измерялась большими и малыми пядями, малым локтем в 27 см. Размер 18 см, что равняется длине пяди, имеют 28% камней. Хотя и редко, но встречаются и самые малые размеры (12–15 см) — малая пядь (соям), соответствующая расстоянию от кончика большого пальца до/или середины указательного. Малые размеры чаще встречаются (90 камней) в пределах 19–24 см, наиболее частым среди них (58 камней) является размер 20–22 см.

Стандартно чеканились серебряные монеты весом в 1,24 г. Дирхем весом в 2,98 г происходил от мискаля в 4,26 г. Динар равен шести дирхемам, три серебряные монеты — одному мискалю, один алтын — шести ярмакам. Монеты имели четко выдержанный вес.

Космогонические воззрения

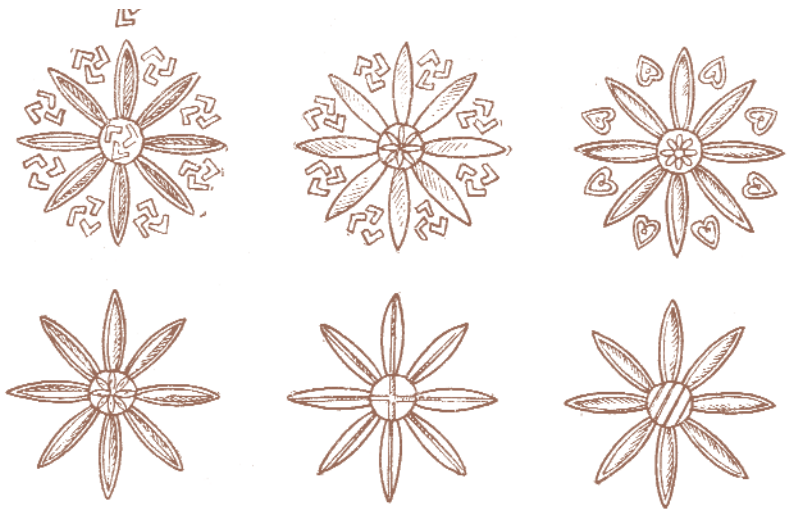
Космогонические представления о возник-новении мира отражаются в характерном болгарском височном кольце с тремя нанизанными яйцеобразными или желудеобразными бусинами. Посередине этого кольца находится фигурка уточки, держащая в клюве небольшой шарик. Рождение мира из яйца утки, плавающей в первичном мировом океане, является одним из наиболее распространенных космогонических сюжетов у различных народов мира, в том числе и у тюркоязычных народов. Отображение этого сюжета в болгарском украшении говорит о бытовании подобной космогонической легенды и у болгар. По их представлениям, Земля, Солнце, Луна возникли из трех яиц, снесенных уткой, что отражено в трех яйцеобразных бусинах, имеющихся на височном кольце.

Височные кольца, в которых золотая утка держит в клюве шарик, связываются с другим вариантом этой легенды, по которой Земля и Суша возникли из комочка земли, доставленной уткой со дна океана. Как показывают ранние мифологические сюжеты разных народов, важная роль в сотворении мира отводилась животным, главным образом, птицам-демиургам. Такой птицей у болгар была утка или подобная ей фантастическая птица.

По представлению болгар, как и древних тюрок, мир состоит из трех частей: Земли, Неба и Подземного мира. Подземный и небесный миры, подобно земному, населены реальными и мифическими существами.

В болгарских археологических материалах, в том числе из города Болгара, часто встречаются так называемые протомы — повернутые в сторону друг от друга изображения голов

Солярные знаки (восьмилепестковые розетки), изображенные на архитектурных памятниках Болгара



птиц, лошадей (коньковые подвески), баранов и других животных. Эти фигуры, по мнению М.Г. Худякова, отражают диаметрально противоположные понятия: солнце, свет, жизнь — с одной стороны; подземный мир, мрак, смерть — с другой.

Пространство и время в мировоззрении древних было одним из важных атрибутов модели мироздания. Пространство стояло в оппозиции к хаосу и означало освоенный, упорядоченный мир. Главными мотивами таких представлений являлись борьба пространства и хаоса, упорядочение первобытного хаоса, утверждение взамен его космической структуры.

В космогонических воззрениях и мифах выделяются две идеи — идея творения и идея развития. По одним воззрениям мир создан каким-



Крышка чернильницы с изображением птиц (бронза). Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ

либо сверхъестественным существом, богом-творцом, демиургом и т.п., по другим — мир постепенно развился из некоего первобытного бесформенного материального состояния, хаоса. В воззрениях болгар были обе идеи: по отдельности и в синкретической форме.

Верования и мифы

Возникшие в глубокой древности верования и мифы отражали мировоззрение древнего человека, были необходимой ступенью в процессе познания окружающего мира. Они служили основой для сюжетов и образов изобразительного искусства, народнопоэтического творчества и отчасти художественной литературы. В них запечатлен сложный донаучный опыт культурного развития народа.

Несмотря на раннее проникновение в Поволжье (IX в.) мусульманской религии, у болгар сохранились многочисленные пережитки политеизма. Древние болгары, как и другие народы, одухотворяли окружающий мир, природу. По их языческим верованиям, разные природные явления, объекты управлялись отдельными божествами.

Определенный материал для изучения болгарского традиционного политеизма дает изображение так называемого в общей мифологии «древа жизни», «мирового дерева», «небесного древа», у татар — «яфан агачы» (дерево яфан). Очевидно, на попарно отходящих ветвях «древа» располагались божества, управляющие противоположными явлениями, как, например, бог жизни и бог смерти, бог ночи и бог дня, бог лета и бог зимы, и другие боги. Главным божеством, венчавшим языческий пантеон, как почти у всех древнетюркских народов, был бог неба Тенгре.

О широком распространении культа солнца у населения Волжской Болгарии свидетельствует огромное количество болгарских бытовых предметов, украшенных солярным орнаментом в виде знаков-символов солнца, огня, например: серьги, металлические зеркала и др. На зеркалах изображены шести- и восьмилепестковые розетки.

Болгарские надгробные камни украшались солярным орнаментом. Это розетки, вписанные в круг, или более реальное изображение — солнце с расходящимися лучами. В прошлом этот знак был символом бога огня, молнии, неба — Тенгре.

В Болгаре и Сарае также были найдены зеркала с изображением двух драконов, двух рыб, плывущих по кругу. Оба рисунка подчеркивают, что зеркало — символ воды. Круглой формой зеркала символизировали солнце, а свойство отражения зеркал ассоциировалось с водой.

Кроме своего прямого назначения они еще выполняли функции амулетов-оберегов. Считалось, что они отражают влияние злых духов, отпугивают их.

Тотемизм как сложная религиозная языческая система в болгарское время уже изжил себя, но реликты его были еще ощутимы, особенно в переосмысленных мифах, генеалогических легендах, в которых первобытный животный тотем уже выступает не один, а вместе с антропоморфным существом.



Мастер. Худ. Ф.Х. Якутов. Холст, масло

Так, в одной распространенной у древних тюрок легенде, зафиксированной в китайских источниках, говорится, что род из дома Хунну (Сунну) по прозванию Ашина был разбит в сражении и совершенно истреблен. Остался в живых лишь один десятилетний мальчик. Отрубив у него ногу и руку, бросили в травянистое озеро (болото). Мальчика подобрала и вырастила волчица. Через десять лет юноша был убит, а волчица скрылась в долине, окруженной горами, и родила там десять сыновей. От старшего из них, Ашины, берут начало десять тюркских племен. В других версиях, связанных с происхождением уйгуров, мальчика заменяет девочка, и ее спас волк.

Широкое бытование подобной легенды у болгар подтверждают бронзовые фигурки «уродцев», относящиеся к домонгольскому времени. Наиболее выразительной из них является так называемая «маклашеевская всадница» — замок в виде барса с сидящей на нем изуродованной женщиной. У всадницы заплыл глаз, укорочены рука и нога; левой рукой женщина прижимает к груди ребенка. Найден и вариант замка с всадником — уродцем-мужчиной. Все замки-фигурки иллюстрируют упомянутое выше предание.



Половецкое каменное изваяние. XII – нач. XIII в.

Кроме таких фигурок-уродцев, на территории домонгольской Болгарии, в том числе и на Болгарском городище, найдены бронзовые замки в виде фигурок барсов, но без всадников.

В мифологии рога являются символом изобранности. Изображения рогатых барсов проникли в болгарскую культуру с древних времен.

Видимо, в качестве тотема эти барсы появились там, где они обитали: на Алтае, в Западной Сибири и в Средней Азии. А.Х. Халиков в своих работах писал об оформлении тотемистического культа барса на территории Средней Азии, Алтая, Южной Сибири.

Происхождение этнонима от названия тотема — широко распространенное явление в древности. Это было характерно и для тюркских, в том числе болгарских, племен. Можно предполагать, что среди населения были люди из рода или племени, считавшего своим тотемом барса. Не исключено, что поклонниками барса были представители известного болгарского племени «барсил». Правителя Волжской Болгарии называли царем болгар и барсилов.

В XII в. Болгарское государство достигает полной самостоятельности, вступает в этап своего наивысшего развития. Изображения барсов стали использоваться в официальной государственной атрибутике. По мнению А.В. Арциховского, изображение геральдического барса с XII в. становится гербом всей Болгарии.

Дальнейшая судьба государственного символа Болгарии связана с гербами и названиями в царских титулатурах, эмблемах, печатях Московской Руси. Нередко на них есть надписи: «Печать болгарская, на ней барс идущий».

В золотоордынскую эпоху стало заметным влияние пришлых групп на духовную культуру народов Среднего Поволжья. Новыми находками для этой территории стали, например, антропоморфные фигурки, вырезанные из медных пластин, изображающие монгольских ильханов.

В это время начали распространяться обычаи, характерные для кочевнического мира. Нельзя, например, было бить лошадей уздой, стучать костью о кость и разбивать их.

Во время раскопок на территории Болгарского городища в 1969 г. недалеко от мавзолея «Ханская усыпальница» был найден фрагмент скульптуры из камня (голова человека). Эта каменная голова напоминает кыпчакские и сибирские изваяния.

В золотоордынское время господствующей религией стал ислам. Но на монетах еще встречались изображения птиц, животных, правда, они уже не воспринимались как признаки язычества, а были лишь символами, и, что немаловажно, соседствовали с кораническими изречениями. Более того, в них отображены астрономические символы и в них чеканены изображения животных «звериного» цикла, совпадающих с годами чеканки монеты.

Изображения людей и животных встречаются и на посуде, привезенной из центров ислама. Следовательно, проблема запрета изображения живых существ в разные периоды и в разных местах исламского мира была неодинакова.

Характерные черты болгарского домонгольского искусства, не во всем совпадающие с канонами ислама, не были броскими. Противостояние язычества и мусульманства завершилось. Оно ознаменовалось окончательной победой последнего.

Ислам и богословие

В 1262–1263 гг. после принятия ислама хан Берке отправил в исламский центр того времени — в мамлюкский Египет — султану Каира Бейбарсу официальное посольство с сообщением, что он сам и самые богатые монгольские роды приняли ислам.

Можно утверждать, что Болгар сыграл большую роль в распространении ислама в Джучиевом Улусе. К этому времени у болгар уже были 400-летние традиции ислама. Как и в домонгольской Болгарии, ислам в Улусе Джучи принимался из Бухары.

Суннитский и ханафитский толки ислама, что характерно для регионов Средней Азии, нашли отражение на монетах Джучиева Улуса, ханских ярлыках и даже в личных именах людей, в тахаллусах (например, Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Хозыр ал-Болгари ал-Ханафи). Ханы Джучиева Улуса тоже были ханафитами.

Принятие ислама в центрах Улуса Джучи было благотворным и для старых мусульманских центров. Болгар золотоордынского периода стал «самым северным форпостом мусульманского мира» (В.В. Бартольд).

Мусульманство Улуса Джучи, в том числе Болгара, отличалось чертами суфизма. Берке хан принял ислам от Бухарского суфия Сейф ад-дина (Шемс ад-дина?) Бахарзи (умер в 1261 г.), ученика Наджм ад-дина ал-Кубра (1145–1221), основателя суфийского братства Кубравийа. Вероятно, позднее Наджм ад-дин Кубра стал духовным отцом всего мусульманства Болгара.

Углубление исламизации и нестабильности в болгарском обществе, в основном связанные с социально-политическими потрясениями в центрах Джучиева Улуса, способствовали усилению позиции суфизма (мистико-аскетического течения в исламе) в Болгаре. Надписи на

могильных плитах, склепах, появление болгарских надгробных памятников с эпитафиями религиозного содержания, постройка мавзолеев-дюрбе, усыпальниц, захоронение отдельных личностей возле стен мечети — это все явления, связанные с суфизмом. Суфизм в рамках канонического ислама получил даже официальный статус, и его последователи пользовались широкими правами.

К западу от города Болгар располагалась армянская колония, обосновавшаяся здесь еще до монгольских завоеваний. На Болгарском городище найдено много христианских вещей: крестиков, иконок, медальонов оплечий, предметов убранства церквей. Это позволяет судить об известной веротерпимости в Болгаре.

Ислам занимал основное положение в культуре Болгара. На основе ислама в Болгаре развивалось богословие. Ученый XIV в. из Болгара Бурханеддин Ибрагим ибн Хозыр ал-Ханафи в 1350 г. творчески переписал книгу «Начало исламских мазхабов». Ученый интересовался исламскими течениями, внес вклад в исследование этой темы. Позднее он подготовил книгу «Усул ал-Хосами». В ней речь идет об известном ученом-богослове Хосамеддине Мухаммаде Акситани (умер 1246–1247 гг.). Термин религиозного учения Усул обозначает корни, устои религии. Одно из таких произведений — книга шейха Ибрагима ибн Мухаммад Ходжи ибн Таджаддина ал-Кыртимани под названием «Усуле имам Фахрелислам».

С тахаллусом Ханафи известен другой богослов. Во второй половине XIII в. в Болгаре и Сарае жил и творил беженец из Ирана Абу Мохтар ибн Махмуд ал-Казвини ал-Ханафи (умер в 1289 г.). Это известный теолог и историк своего времени, автор книги «Рисалаи Насрия» (Описания победителей), подаривший экземпляр книги хану Берке.

Госам ибн ал-Малик Магилани (Маргинани) из Ферганы, долгие годы живший в Болгаре, занимался различными науками, был поэтом. Умер в 1411 г. в Хаджитархане по возвращению из хаджа.

Ал-Малик Маргинани имел совместные труды с другим известным ученым, которого в богословском, научном мире знали под именем Ибн ал-Баззас (около 1343–1423 гг.). Он был и историком. По сведениям Ш. Марджани, начальное образование ученый получил в хорезмском городе Кердари, затем побывал в Болгаре, Крыму, Руме и других городах и землях. Позднее жил в Болгаре, Хаджитархане. Собрал воедино основные учения масхаба Ханафи. Особой популярностью пользовалась его книга «Ал-фатави ал-Баззасия».

Ходжа Хасан ибн Омар ал-Болгари (умер в 1299 г.) родился в Азербайджане в городе Ганджа (Нахичевань). Это, очевидно, крупный религиозный деятель, возможно, даже глава болгарского мусульманства. Об этом свидетельствует его весьма почетный титул — шейх-уль-имам, — присваивавшийся только крупным религиозным авторитетам, знатокам религии, главам наставников и учителей.

Идеи ислама распространялись и через литературу. Среди литературных произведений периода Джучиева Улуса выделяются произведения Махмуда ибн Гали шейх ибн Омар ал-Болгари ас-Сараи (умер 22 марта 1360 г.) под названием «Нахдж ал-фарадис» (Открытый путь в рай), завершенное автором 20 января 1358 г. Первая глава этого произведения посвящена пророку Мухаммеду. Во второй главе речь идет об истории ислама, о первых халифах, сахабах. В третьей главе — нравоучительные истории, призывающие совершать богоугодные дела. В последней, четвертой главе описываются конкретные жизненные ситуации, когда совершаются греховные поступки и делаются моральные выводы. Изображение реальных явлений общественной жизни того периода делает эту главу книги ценным источником для изучения исторического, в том числе духовного, мира того времени.

Таким образом, город Болгар был одним из центров науки и мусульманского богословия. В то время не уместно было бы делить просвещенных болгар на богословов и ученых. Наука и богословие были неразрывно взаимосвязаны. Богословие считалось ведущей частью науки. В свою очередь каждый богослов занимался и другими науками.



«Творите (окажите) добро». Шамаиль. Н.Наккаш



Болгары. XX в. Худ. АИ. Алексеев

Развитие наук

Астрономия и геодезия. О развитии этих наук свидетельствуют находки частей астролябий и квадранта. Эти инструменты использовались для определения координат, а также при землемерных работах. Приборы использовались также при строительстве гидротехнических сооружений. Многие мону-ментальные здания Сарая, Болгара (мечети, мавзолеи и другие общественные здания) строились с точным учетом сторон света. Определение их велось с использованием приборов.

Ибн Фадлаллах ал-Омари (1301–1349) писал о том, что подобные инструменты в Болгаре используются для более точного определения времени и приводит подробный рассказ. Таким образом, в Болгаре был свой астроном, который в городской обсерватории и в различных широтах (в основном на северо-востоке) вел астрономические наблюдения и определял продолжительность дня и ночи.

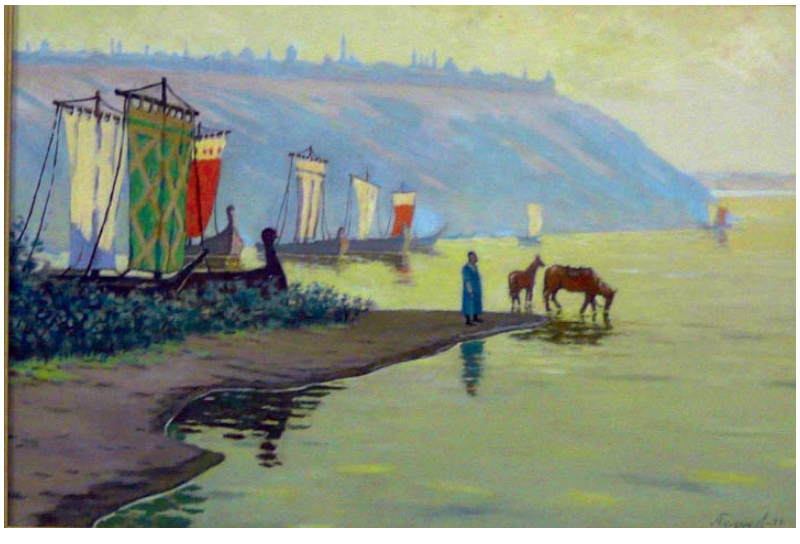
В золотоордынский период Болгар превратился в один из центров точного определения времени путем наблюдения за небесными светилами, используя инструменты типа астролябий, квадрантов.

Строительная и архитектурная математика. Город Болгар с середины XIII в. стал переживать период роста. В годы распространения ислама в центрах Улуса Джучи, в Болгаре построена Соборная мечеть. Она перестраивалась неоднократно.

Знание особенностей различных геометрических фигур и их умелое чередование позволило зодчим создать величественные архитектурные ансамбли из геометрических фигур: куб, переходящий через тромпы в восьмерик, шестигранник, завершающиеся полусферическим куполом, пирамидальным шатром. Ученый-математик В. Беркутов отмечает, что «подобные типы строительных конструкций говорят об очень хорошем знании болгар приемов стереометрических и стереографических наук».



Мыслитель», Худ. Ф.Х. Якупов



Утро у древних стен Болгара. Худ. А.И. Тумашев

Построение архитектурных памятников по принципу чередования геометрических фигур характерно и для других золотоордынских городов. Нередко сооружения в плане составляют вписанные прямоугольники, напоминающие «вавилоны». Золотоордынские зодчие, как и болгарские домонгольского времени, вели математические расчеты, используя вавилоны. Чертежи вавилонов наблюдаются и на кирпичах в нижневолжских городах. Это болгаро-хазарская традиция. Использование соотношений линии вавилона при сооружении в плане прямоугольных, квадратных, восьми- и шестнадцатигранных зданий было намного удобнее. Правда, такие чертежи использовались и при играх (например, в «игре в мельницу»).

Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов, исследуя бани Болгара, пришли к выводу о том, что «отношения между основанием и высотой сводов соответствуют простым пропорциям «египетского треугольника»: для восточного свода — 4 : 3, для южного — 3:2, для западного — 5 : 4».

В городах Джучиева Улуса среди предметов, найденных на раскопках, встречались т.н. магические квадраты. Например, при раскопках, проведенных А.В. Терещенко, в 1847 г. в городе Сарай ал-Джадид, был найден именно такой квадрат. Он начерчен на горшке, состоит из девяти клеточек, сумма чисел во всех вариантах равна 15. Этот магический квадрат был для жителя Сарая головоломкой, способствовал развитию мышления. Среди них выделяются игральные кости в виде кубика, стороны которого соответственно отмечены точками углубления: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Таким образом, математическое мышление проникло в жизнь широких слоев населения города. В отдельных проявлениях оно приобретало формы игры, развлечения и магии.

Географические представления

Представления волжских болгар о географии были тесно связаны с территорией их расселения. Арабо-персидские авторы город Болгар помещают на седьмом «климате».

В 1260 гг. уже полностью сформировавшийся Джучиев Улус объединяет в своих границах значительную часть территории Азии и Европы. Болгар не утратил своей роли посредника между югом и севером в торговых делах и в период Джучиева Улуса. Даже исколесивший полсвета Ибн



Баттута дальше Болгара на север не пошел, сочтя достаточными сведения, взятые у болгар.

Конечно, авторы периода Джучиева Улуса были хорошо знакомы с гео-графическими произведениями более раннего периода. Описание Джучиева Улуса Ибн Баттутой очень похожи на рассказы домонгольского периода о диких северных народах, о землях «Мрака». Однако среди авторов встречаются и другие мнения о северных территориях, в которых нетрудно заметить сплетение сюжетов из Корана и рассказов, которых наслушался путешественник.

Построенный еще в 50-е годы XIII в. недалеко от современного Саратова город Укек (Увек) был основным опорным пунктом торговцев из Генуи. Отсюда они начали свой путь по Волге в Болгары, Мордву, Русь. Составленный в Италии в 1303 г. латино-персидско-кыпчакский словарь «Codex Cumanicus» — это прежде всего результат оживленной торговли между Италией и Джучиевом Улусом. «Большой энциклопедический словарь» на итальянском языке также относится к XIV в. В нем слово bulgaro объясняется как изготовленная в Болгаре кожа.

На болгарских надгробных памятниках встречаются имена людей иностранного происхождения, которые жили и умерли в Болгаре (например, Ширвани, Шамахи, Самарканди, Кардари, Дженди, Курсани (Хорасани), Африканджи). По всему Джучиеву Улусу, особенно в период усиления суфизма, существовали пристанища (ханаке) для религиозных деятелей — шейхов, паломников, дервишей.

В мусульманской религии и в Коране путешествиям уделяется довольно большое внимание. Не зря один месяц мусульманского календаря так и называется Сэфэр — путе-шествие. Путешествия, странствования способствовали распространению религии, открытию новых путей, поэтому считались богоугодным делом.

Медицина

С древних времен человечество волновали вопросы долгой и здоровой жизни, профилактики и быстрых легких способов избавления от болезней. Изначальные знания по медицине были тесно связаны с магией, тотемистическими представлениями, фетишизмом.

Знания о медицине в Волжской Болгарии основывались на традициях народной медицины. Болгарам были известны мед, березовый веник, бобровая струя, мясо различных животных и птиц, белемниты и т.д. Следовательно, использовался определенный, в некоторой степени уже испытанный веками, круг природных лекарств растительного, минерального, биологического происхождения.

Чрезвычайно важным событием в истории народа было принятие новой веры. Оздоровление правителя страны, его семьи и окружения сверхъестественным способом представлялось самым важным условием в принятии религии.

Медицинская культура общества была тесно связана с уровнем развития государства, бытом его населения, религиозными воззрениями, влияниями других государств и народов.

Оздоровительный эффект бань хорошо был известен населению. Бытуют татарские легенды, в которых говорится об излечении от паралича болгарской царевны березовым веником.

Путь Ибн Фадлана в Болгары. Худ. РИ. Шамсутов. 1993 г.



С помощью рога делали кровопускание и сбор крови. Обычно рог ставился на место укуса пиявок или на место надреза скальпелем. Древние использовали и горшки. Обычно они применялись при заболевании живота. Подобные способы лечения были известны еще с античных времен.

Древние мечтали о бессмертии, вечной молодости. В татарских легендах повествуется об исцеляющей, омолаживающей живой воде, воде вечности. Бумаги с арабским письмом, молитвами, по мнению мусульман, также имели лечебное свойство. Древние пытались усилить лечебные свойства белемнитов путем нанесения на них священных для мусульман арабских

слов и букв. Арабские буквы — священные письмена ислама, считались оберегами.

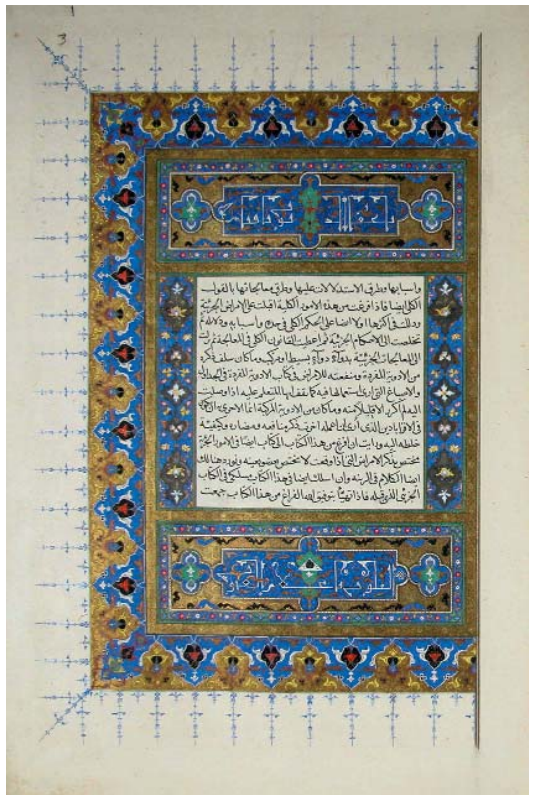
В Улусе Джучи были профессиональные медики. Возможно, в Золотой Орде складывалась медицинская служба. Это отражается и в литературных произведениях той поры. Так, в одном из рассказов под названием «Табиб» (Лекарь) говорится об излечении женщины от бесплодия путем психологического воздействия.

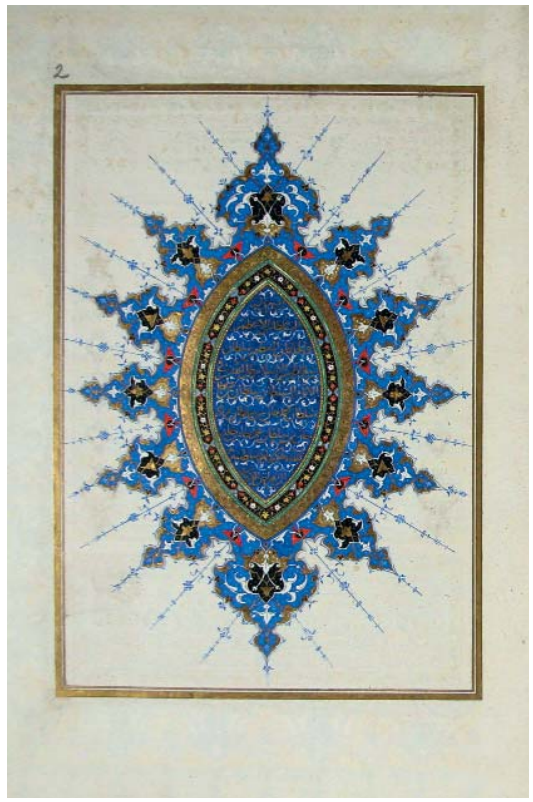
О развитии профессиональной болгарской медицины говорят дошедшие до нас сообщения о болгарских ученых-медиках, труды которых были популярны на Востоке.

Болгарские медики стали известными во всем мусульманском мире своими научными трудами. Сулейман ибн Дауд ас-Саксини Сувари (XI в.) приводит сведения по медицине из трудов Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Болгари; в них, в частности, изложены и материалы по эмбриологии.

Болгарские медики особенно прославились в области фармакологии, фармакогнозии. Так, Бурханетдин Ибрагим ибн Йусуф ал-Болгари написал трактат по фармакологии «О простых лекарствах», который был популярен среди мусульман. Средневековые ученые, описывающие историю науки, в своих произведениях упоминают о 110 мусульманских фармакологах, готовивших простые лекарства.

Универсальные, сложные лекарства назывались тирйак. Известным знатоком в этой области был Таджаддин ибн Йунус ал-Болгари. В начале XIII в. он жил и работал в Ираке в г. Мосуле.





Листы из медицинской книги Канон Ибн Сины

Интерес к истории

Первоначальные «исторические произведения» болгар были посвящены их этногониям, тотемным предкам. Они представляли собой тотемистические и генеалогические легенды о приключениях тотема и человека-предка. В центре этих «историй» находились отдельные личности и тотемистические герои. В них «история» тесно взаимосвязана с культом предков, характерным для высшего слоя болгарского общества.

Интерес к истории у болгар, как и у других мусульманских народов, во многом определялся общей тенденцией, характерной для средневекового Востока, когда в X–XIII вв. были широко распространены историко-этнографические трактаты и энциклопедии таких видных ученых, как Ибн Русте, ал-Масуди, ал-Марвази, ал-Бируни и др.



*Вестник.
Худ. Х.Н. Латыпов. 1995 г.*

В период централизации Болгарии, формирования болгарской народности складываются и распространяются представления о происхождении болгар. Вначале они еще не выходят за пределы генеалогических и даже тотемистических культов, но уже вскоре приобретают историко-этнографические формы. В XI–XII вв. в Болгарии появляются свои историки. Одним из них был Йакуб ибн Нугман, написавший «Историю Болгара».

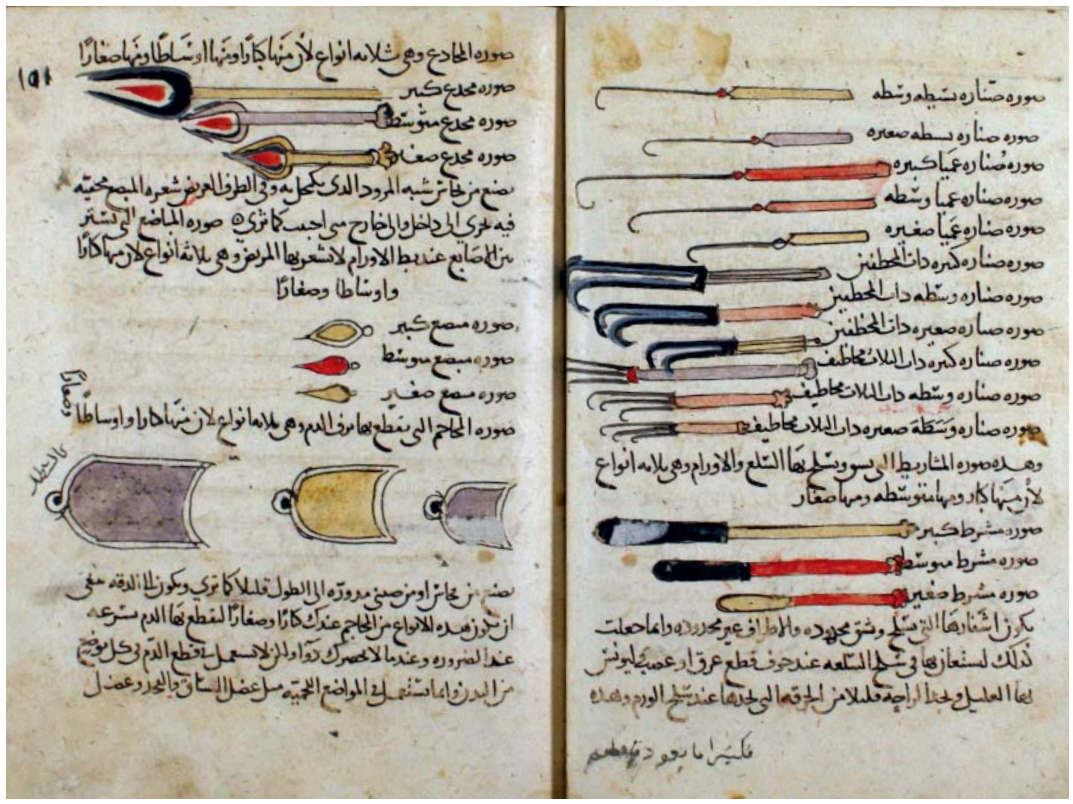
По историческим книгам, распространенным в мусульманском мире, болгары были знакомы с историей других народов и стран. Так же как на мусульманском Востоке, основание и строительство крупных городов, сооружений, отдельные события связывались с именем Александра Македонского Строителя или Искандера — Зул-Карнайна. Этим подчеркивалась их древность. Бытовали легенды об основании Александром Македонским (Искандером) города Болгара, о победе его над северными народами и возведении им непреодолимых стен. Даже генеалогия болгарских царей связывалась с именем Искандера. Наджип ал-Хамадани сообщал, что в Болгаре падишах является одним из потомков Зул-Карнайна. Таким образом, болгарские цари пытались подчеркнуть древность своих родов. Эти знания через мусульманскую историческую литературу традиционно распространялись и в Улусе Джучи. М.И. Ахметзянов писал, что у правителей Улуса была заметна тенденция связывать свое государство с античной цивилизацией.

Здесь появляется вопрос хронологии. Если время жизни Зулькарнайна — это мифологическое время, то годы жизни Александра Македонского известны (356–323 гг. до н.э.). В некоторых татарских исторических преданиях рассказывается о построении им в III в. до н.э. города Болгара. В некоторых случаях для отсчета времени брался год рождения Христа. Например, время постройки города Болгара Болгаром ибн Камари определялось как 200 лет до рождения Христа. Выделяется предание, рас-

сказывающее о разрушении города Болгара скифом по имени Канаш.

В исторических знаниях болгар значительное место занимали родословные, тесно связанные с исламом. Немало официальных деятелей объявляли себя потомками пророка Мухаммеда и его рода. В исламском мире счет времени фиксировался родословными. В родословных стремились подчеркнуть благородность рода, количество колен, их древность. Утвержденная авторитетными кадиями (мусульманскими судьями) родословная являлась важнейшим документом для занятия высоких должностей.

Восточная, в том числе золотоордынская, художественная литература была действенным средством распространения исторических



Абу аль-Касим аз-Захрави (325–404/936–1013)



Дозор. Худ. Б.А. Гильванов. 2004 г.

знаний. В рассматриваемый нами период арабо-персидские авторы немало писали об Улусе Джучи и его истории. Главным сюжетом их произведений было принятие ислама ханами Берке и Узбеком, их возвеличивание.

Просвещенность, ученость в золотоордынском обществе, в том числе в Болгаре, были в большом почете. Содержание ученых, писателей, религиозных деятелей, покровительство им считалось богоугодным делом. Эти черты, наряду с коранческими изречениями, как важнейшие свойства человека отмечались на их надгробных памятниках.

Арабская письменность стала естественным явлением во всех областях золотоордынского общества. Она даже проникла в сокровенные уголки глубоко традиционной культуры населения. Культуру Улуса Джучи часто называют эклектической, синкретической. Такая характеристика вряд ли подходит к ее письменной культуре.

В изучении золотоордынской культуры вообще и болгарской в частности, в их взаимовлияниях ясно одно, что болгарская и другие региональные культуры этой поры должны рассматриваться как составная часть золотоордынской культуры.

Монгольское нашествие нанесло большой урон болгарской культуре. Но нашествие и его последствия это еще не Золотая Орда. Окончательно Улус Джучи сформировался в 1260-е гг. Именно с этого времени начинается новый этап расцвета болгарской культуры. Оказавшись в составе мощного государства с сильной центральной властью, Болгар приобрел возможность не только сохранить, но и развивать свою самобытную культуру. Болгарская культура, развиваясь на основе достижений домонгольского периода, приобретает черты, свойственные культуре Золотой Орды. Золотая Орда выступала гарантом в сохранении и развитии болгарской культуры. Город Болгар превратился в один из культурных центров мусульманского мира. Здесь жили и совершали открытия ученые, творили писатели и поэты, зодчие воздвигали оригинальные сооружения. С началом неурядиц в Улусе Джучи и его распадом связаны значительные изменения в традиционной культуре Болгара и утеря ее отдельных самобытных черт.

Д.К. Валеева

Искусство города Болгара



Медная пломба. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАМЗ



Поливной изразец. XIV в. Нижнее Поволжье

Большой интерес представляет искусство Болгара, которое во многом явилось началом богатого и разнообразного декоративно-прикладного искусства казанских татар. Пути развития искусства, как и пути развития общества, сложны, противоречивы и зависят от множества разных причин. В них огромную роль играют законы взаимовлияний, взаимодействий, развитию, ускорению и обогащению которых способствует состояние социальных отношений, хозяйства и торговли данного общества.

Искусство города Болгара, так же как и искусство всей Волжской Болгарии в целом, в своем становлении и развитии прошло многовековой, долгий путь. Золотоордынское болгарское искусство — часть исламской культуры, одна из заметных и ярких ее страниц; искусство, целиком пронизанное духом мусульманского Востока, от которого веет таинственностью и недосказанностью, в то же время оно наполнено чистыми, светлыми красками живого мира, что проявляется в колорите, форме, фактуре различных предметов прикладного искусства и монументальной архитектуры. Особой духовностью овеяны эпиграфические памятники, где эпитафии, выполненные изысканными арабскими шрифтами, а также узоры, окаймляющие их, можно рассматривать как своеобразные художественные композиции. Сохранив лучшие качества своей самобытности, искусство приобрело новые черты, благодаря которым мы можем его ставить в ряд с культурой и искусством средневекового мусульманского Востока.



Поливная чаша. XIV в. Болгар. БГИАМЗ

В начале XIII в. накануне монгольского нашествия Волжская Болгария находилась на высоком уровне экономического и культурного развития. Складываясь в течение веков, болгарское искусство к концу домонгольского периода уже стало культурным явлением, имеющим свои художественные каноны, выражающие определенную идеологию.

Почти все предметы быта болгар, принадлежности одежды и туалета, украшения и т.д. своими эстетическими привлекательными композициями, формами, орнаментами позволяют говорить о них как о произведениях искусства. Эту мысль особенно подтверждают богатство орнаментальных композиций и их стилевое разнообразие. Вырабатываются определенные приемы изобразительности, техники исполнения. Так, один и тот же орнамент (растительный или геометрический) может повторяться в металле, кости, керамике. Сложение стандартных канонов, выработка жестких законченных форм с насыщенным декоративным полем — черта, присущая высокоразвитым искусствам Средневековья. Характерна эта особенность и для болгарского искусства.

С X в. болгары исповедовали ислам. Вопрос о языческом или исламском характере болгарского искусства сложен, неоднозначен. Самым легким было бы сказать, что после официального принятия ислама в Волжской Болгарии вся жизнь, в том числе и культура, искусство стали мусульманскими. Но это лишь одна сторона факта. Другая сторона — это языческий характер искусства, и приход исламского монотеизма вначале словно и не затронул его. Язычески окрашенные предметы болгарского искусства, видимо, отвечали определенным духовным потребностям общества еще в XII–XIII вв. Видимо, эти потребности являли собой суть существующего строя тогдашних общественных отношений. С приходом же новой религии, новой идеологии, вероятно, лишь постепенно менялись отдельные элементы культуры. Вся же совокупность общественных отношений еще оставалась преж-ней, о чем как раз и свидетельствует искусство. Кроме того, и сам ислам как религия, как идеология в основном относился более терпимо к иным религиям и верованиям и не спешил огнем и мечом уничтожать те духовные ценности, которые бытовали у народа до его утверждения, тем более что страна болгар была окружена морем языческих народов, с которыми осуществля-

лись тесные торговые и иные контакты, и сохранение элементов язычества в культуре было вполне естественным.

Тем не менее, именно в домонгольский период болгарское декоративно-прикладное искусство выступает в своем наиболее оригинальном «чистом» виде. Орнаменты, изображения, формы его символичны и несут отголоски древнего мировоззрения, понемногу впитывая в себя и исламские мотивы, которые выразились, например, в использовании каллиграфии (надписей) как орнамента на предметах быта и искусства.

Но в золотоордынское время наступает новый расцвет искусства волжских болгар и города Болгара — уже как неотъемлемой части исламской культуры Улуса Джучи, распространившейся на огромных просторах Евразии. И этот период в жизни Болгара является наиболее значимым, наиболее ярким, ибо благодаря этому периоду своей культуры он становится столицей, а с ней вся Волжская Болгария обретает мировую известность.

Своеобразие культуры и искусства Золотой Орды определилось следующими особенностями:

1. В период между 1240–1300 г. происходило активное взаимодействие двух пластов — традиционного кыпчакского с новым, отражающим представления и вкусы господствующей метрополии. Наиболее полно чингизидские черты вобрали формы искусства, характерные для кочевнического образа жизни (металлопластика и резная кость). В раннеджучидский период начался процесс урбанизации степной



Бронзовая подвеска. Городище Красная Речка. VI — начало XIII вв. Чуйская долина. Кыргызстан



Шейная гривна с тремя подвесками. Серебро. Находка близ Чистополя. НМ РТ



Перстень. Серебро. Волжская Болгария

части государства, не знавшей развитой городской жизни до середины XIII в.

2. Второй этап золотоордынской культуры охватывает первую половину и 60-е гг. XIV в. Это время взлета городской жизни, в значительной мере окрашенной традициями ислама.

3. К последней трети XIV в. и до падения Золотой Орды во второй трети XV в. относится третий этап, в котором усиливается тенденция к обособленному развитию степных и городских элементов в культуре Золотой Орды. В это время заметно прогрессируют городские ремесла. В гончарном производстве используются сложные технологии: появляются изделия из полуфаянса с подглазурной росписью, поливная посуда с рисунком врезной линией.

Со второй половины XIII в., но особенно с начала 90-х гг. вплоть до второй трети XV в. на территории Золотой Орды действовал международный торговый путь, соединявший Европу с городами Центральной Азии и Китая. Пути сообщения, проходившие через эти области, использовались для всевозможных связей Золотой Орды не только с арабским Египтом, но и с Западной Европой. Общение с Западом принесло в быт местных народов множество новых, изысканных вещей.

Связующей нитью между кочевой степью и городом была ханская кочевая ставка — орда. Она одновременно сосредоточивала в себе и степь, и город. Ставка — орда была не только кочевой резиденцией хана, но и центром политической, общественной жизни. Здесь принимали иноземных послов, проводили празднества и торжества, религиозные служители тоже находились при ней. Ставку окружала многочисленная знать, которой всегда нужна была роскошь. Поэтому многочисленные ремесленники-мастера (ювелиры, керамисты и т.д.) тоже располагались рядом.

Золотоордынские ремесла вообще, и художественные в том числе, развивались в различных формах. Существовал обычный домашний промысел, когда те или иные предметы быта или украшения изготовлялись ремесленниками для собственного пользования. Существовало городское специализированное ремесло, когда мастера одной специальности работали в общей мастерской. Такое производство уже становилось профессиональным объединением, в котором создаваемые произведения можно было считать изделиями городского профессионального искусства.

Еще одной формой золотоордынского ремесленного производства являлась деятельность мастеров, работавших в кочевой ставке. Эта группа специалистов была довольно многочисленной, ибо ей приходилось обслуживать не только хана, но и всю окружавшую его знать, гостей и послов, посещавших его.

Культура и искусство на огромных пространствах Орды в главном не имеют больших различий — это общая мусульманская культура. Но локальные различия все же имеются. И они зависят от того, какая культура, какие художественные традиции имели место в тех или иных землях, странах или государствах до прихода татаро-монголов. Если это было просто племя, кочевое или оседлое, степное или

лесное, то, естественно, возникшая и расцветшая в Золотой Орде культура имела главенствующее, господствующее на них влияние.

Иначе обстояло дело, когда татаро-монголы завоевали государства с многовековой культурной цивилизацией. Это, например, относится к Средней Азии, Кавказу, Крыму и Волжской Болгарии. В этом случае нет сомнения, что культура и искусство этих стран, вошли составной частью в общую сокровищницу золотоордынской культуры. Говоря о Волжской Болгарии отметим, что еще более, чем в домонгольское время, расширились ее торговые и культурные связи со Средней Азией, Кавказом, Крымом и дальними восточными странами — Сирией, Египтом, Аравией.

Безусловно, велика была доля участия Средней Азии и других мусульманских стран и областей в образовании золотоордынской культуры. Но все эти страны находились далеко от столиц Золотой Орды — Сарая и Сарая ал-Джадид. А город Болгар был рядом, на одной реке, в соседстве. И поэтому влияние его на Орду наиболее заметно и значительно. Об этом авторитетно и убедительно сказал А.П. Смирнов, один из основных исследователей истории Волжской Болгарии: «...Несомненна и значительная роль болгарских ремесленников в создании городской культуры Золотой Орды, о чем свидетельствует наличие там болгарской лощеной керамики, болгарских бронзовых замков в виде лошадок, баранчиков и собачек, ювелирных предметов, украшенных филигранью и зернью, бронзовых зеркал с растительным орнаментом».

Но и Волжская Болгария обрела немало нового в своей культуре золотоордынского времени. Ее архитектура (мечети, дворцы, общественные сооружения) почти вся стала белокаменной и кирпичной (в домонгольское время большинство сооружений и городские стены были деревянными). А культовые сооружения стали частью общемусульманской восточной архитектуры, представляя самую северную мусульманскую культуру на земле.

В таком городе, каким мы видим золотоордынский Болгар, было развито и яркое, богатое декоративно-прикладное искусство. И искусство это было именно золотоордынским, характерным в XIII–XIV вв. не только для Болгара, но и для многих сопредельных стран этого времени — Средней Азии (Хорезма), Ирана, Азербайджана, Крыма.

Для восточного средневекового искусства характерны некоторые общие черты, обусловленные господством ислама и его канонов: замечательная гармония звучных ярких красок — в изразцах, керамике, книжной миниатюре, в коврах и тканях; роскошный сложный орнамент, образуемый из причудливых сплетений и сочетаний растительного и геометрического орнаментов; стилизованные изображения животных.

Что касается искусства Волжской Болгарии (в золотоордынское время оно идентифицируется с искусством города Болгара), то оно и в домонгольское время, и в пору расцвета страны, развития экономики, торговли не имело таких глубоких классических традиций и многих жанров, присущих искусствам вышеназванных стран. Например, в Болгарии никогда не производились роскошные ковры, узорные шелковые ткани, подобные персидским, изделия из металла были более скромны по формам, орнаментам, качеству. Но в золотоордынское время искусство и культура Болгарии поднялись на такой же высокий уровень, как и в родственных ей по духу исламских странах, входивших, как и она, в состав Золотой Орды. Это прежде всего относится к художественной керамике и художественному металлу. Из других видов и жанров искусства в это время в Болгарии была широко рас-пространена резьба по камню. В основном это были архитектурный декор (сохранился декор на Малом минарете) и надгробия, исполненные в белом камне. Каллиграфия и обрамляющий ее орнамент являют собой художественную композицию.



Фрагмент поливного блюда. XIV в. Золотая Орда



Бронзовые накладные бляхи и подвески с изображением кошачьего хищника. Бронза. Городище Красная Речка. VI — начало XIII вв. Чуйская долина. Кыргызстан

Высокохудожественное болгарское искусство золотоордынского времени было синкретичным, как все искусство Золотой Орды. Оно соединяло в себе традиции и домонгольского, с одной стороны, а с другой — традиции искусства многих средневековых и древних восточных государств, таких как Иран, Средняя Азия, Кавказ. Если от собственно болгар шли традиции в изготовлении художественных изделий из кожи («болгари»), некоторых ювелирных украшений (браслетов, оканчивающихся зооморфными мотивами), неполивной красноглиняной керамики, то от древних восточных цивилизаций в золотоордынское болгарское искусство пришли высокое искусство каллиграфии, техника изготовления поливной полихромной керамики, изразцов, искусство декоративно-монументальной архитектуры.

Золотоордынское искусство, как отмечалось, — это соединение искусства степи и города, поскольку культура естественно сочетала элементы городской и кочевой жизни: ханы и знать в зимние холодные месяцы жили в городах, а летом выезжали в степи и жили в юртах, кочевали, принимая там даже иностранных послов.



Бронзовый медальон с изображением богини на быке. Городище Красная Речка. VI — начало XIII вв. Чуйская долина. Кыргызстан



Поливной изразец. Нижнее Поволжье. XIV в.

Особенность кочевнического искусства прежде всего в его практичности, прикладном характере. Жизнь, основанная на постоянном передвижении с места на место, заставляла производить вещи из прочных небьющихся материалов (металла, кости), придавать им удобные формы и делать их округлыми, небольшими (зеркала с отверстиями для подвешивания, костяные обкладки для оружия).

Городская оседлая жизнь, напротив, предполагала неторопливый ритм, основательность, обстоятельность. Предметы искусства можно было не спеша украшать фантастическими узорами, изразцы и посуду расписывать разноцветными красками, сочетая все возможные цвета, но особенно — любимый цвет востока — бирюзовый, который ассоциировался со степным знойным небом. Формы предметов могли быть самыми разнообразными — от простых до изысканных.

Таким образом, взаимодействие кочевнической и городской культуры привело к возникновению своеобразного яркого искусства Золотой Орды. Отсюда закономерен и тот факт, что расцвет городской культуры (ремесел, архитектуры, декоративно-прикладного искусства) совпадает со временем тесного взаимодействия культуры города и степи.

Характерной чертой искусства всего мусульманского мира XIII–XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. В этом проявляется особый стиль эпохи, его особая изысканность. Архитектурные формы наполняются пластическим и декоративным богатством: сливаются воедино язык архитектуры, каллиграфии и орнамента, струясь и перетекая друг в друга. Золотоордынское искусство достигает высокого уровня в понимании, воплощении декоративности как особой художественной формы, придающей образу большую эмоциональную выразительность. Это искусство на удивление идет от сердца, а не от головы. Орнамент в восточном искусстве



Нашивная бляшка в виде цветка лотоса. Серебро, позолота. Улус Джучи. XIV в.

(и в золотоордынском, и в болгарском) настолько значим, настолько символичен, что именно посредством орнамента передается созерцающему произведение искусства человеку тот подтекст, то иносказание, которые находятся за пределами изображения.

Если в домонгольское время в болгарском искусстве смысловую нагрузку несли образы различных животных и птиц, изображения цветов, листьев или отдельных геометрических линий и фигур, то в золотоордынское время содержание, смысл, идея произведения (или архитектурного сооружения в совокупности с декоративным оформлением) доводятся до зрителя через многократно повторяемый узор орнамента, который уже трудно на-



Поливная чаша. Нижнее Поволжье. XIV в.



Серебряная подвеска с кастом, украшенная в техниках филиграни, гравировки и чеканки

звать только геометрическим или только растительным — настолько он усложнен технически и углублен, зашифрован стилистически и «идейно». Именно в средневековом исламском искусстве (и конкретно в золотоордынском и болгарском) усложненный орнамент становится арабеской, в которой используются и причудливые, необычные сочетания всевозможных изображений, наполненных особой гармонией и выразительностью.

Вся эта изумительная роскошь восточного орнамента и проступает в архитектурном декоре болгарских сооружений, но в более спокойном, не буйном, более «собранном» качестве.

Одновременно в XIII–XIV вв. существовало и другое искусство каменной резьбы, истоки которого нужно искать, очевидно, в древних степных скульптурах кыпчаков и других тюркских племен.

Имеющиеся на болгарских изделиях растительно-геометрические орнаменты — растительные побеги, цветочные бутоны и лепестки, волнистые, точечные элементы и другие, — как правило, расположены то на одном, то на другом предмете раздельно. На золотоордынских изделиях в композиции можно встретить сочетание всех этих орнаментов вместе, да еще и с зооморфными сюжетами.

На смену ей пришел ислам со строгостью своих канонов и чистотой поклонения единому богу — Аллаху. В XIII–XIV вв. вся Золотая Орда и Волжская Болгария в ней представляют собой исламское государство, и в сказочно красивых городах Улуса Джучи, как и на всем мусульманском Востоке, в честь Аллаха строятся великолепные мечети с тонкими стрелами минаретов, устремленных к небу.

В сверкающем светском искусстве золотоордынских городов невиданных сочетаний и красот достигли растительный, геометрический и каллиграфический орнаменты. В своем поклонении Аллаху богатые горожане и дворцовая знать давно забыли о язычестве и многоликости художественных образов. В произведениях искусства им была важна изысканная пышность, роскошность узоров. Символичность искусства для них, вероятно, состояла в скрытых среди цветов и листьев, геометрических фигур и линий, изречениях из Корана, где каллиграфия письма также превращалась в дивный, сложный орнамент, который и прочесть-то было невозможно. Но в этом, быть



Пластинчатый браслет. Серебро. Волжская Болгария



Коранница гравированная с чернью. Серебро. Реплика древней болгарской коранницы хранящейся в государственном Эрмитаже. Автор. А. Мухаметшин



Золотые монетовидные подвески Золотая Орда. Начало XIV в.

может, и заключалась особая утонченная тайна слов посланника Аллаха, Мухаммеда, — тайна слов изображенных, существующих и ... недоступных одновременно.

Жизнь же степных кочевников-кыпчаков, которые в большинстве своем тоже являлись мусульманами, была более простой, по-прежнему почти слитой с природой, и им еще долго оставались близки (в искусстве и мировоззрении) образы, сохранившиеся с языческих времен. И, очевидно, по этой самой причине городские художники, работавшие на кочевников и создававшие для них различные изделия, использовали зооморфные образы.

Таким образом, следует подчеркнуть, что золотоордынское и болгарское искусство развилось, имея перед собой великолепные



Браслет пластинчатый с львиными протомами. Серебро. Волжская Болгария

образцы изделий восточного камня и стекла — древности и своего времени. Преемственность в культуре эпох — явление естественное и необходимое. Освоение прежних традиций, близких по духу и религии, позволяет говорить о новом этапе развития культуры, искусства.

В средневековом искусстве большое значение придавалось символике цвета. Через цвет можно было выразить различные эмоциональные состояния и нравственные понятия. Художники могли цветом выразить мысли и переживания, внося в них образно-эмоциональное содержание.

Для золотоордынского искусства характерна гармонизация и контрастных взаимоотношений цвета, сопоставление противоположных красок: золотисто-желтого с сине-голубым, красного с зеленым (реже). При этом один из тонов, чаще синий, бирюзовый, являлся господствующим, ему «подчинялись» другие тона — зеленый, коричневый, желтый. Интервалы между тем или иным цветом строились на принципе ритмического сочетания, то усиливаясь, то смягчаясь. Формы сосудов, изразцов создавали возможность для своеобразного ритма, динамики. На то, как смотрится тот или иной цвет на изразцах, посуде, влияла и их форма. Например, известно, что выпуклость способствует восприятию линий, рисунков орнамента, а вогнутость содействует восприятию фона.

Развитие, расцвет художественной керамики позволяют разрабатывать, сочетать, использовать разную технику — роспись, гравировку и разные орнаменты — геометрический, растительный, эпиграфический. Свободное владение этими техниками давало возможность мастерам создавать высокохудожественные композиции, достигая и в орнаменте, и в колорите небывалых красот и мастерства.

В искусстве Волжской Болгарии и города Болгара велика роль изделий из металла. Сложные орнаментальные украшения золотоордынской торевтики имели аналогии в искусстве Ближнего Востока (Иране, Сирии) и Западной Европы (Византии, Италии), но это вовсе не означает, что искусство Золотой Орды только брало свои мотивы то из одной, то из другой страны или эпохи. Во всех этих так называемых заимствованиях огромную роль играет творчество и талант мастера.



Кольцо с зернью. Золото, бирюза. Волжская Болгария. XII–XIII вв.



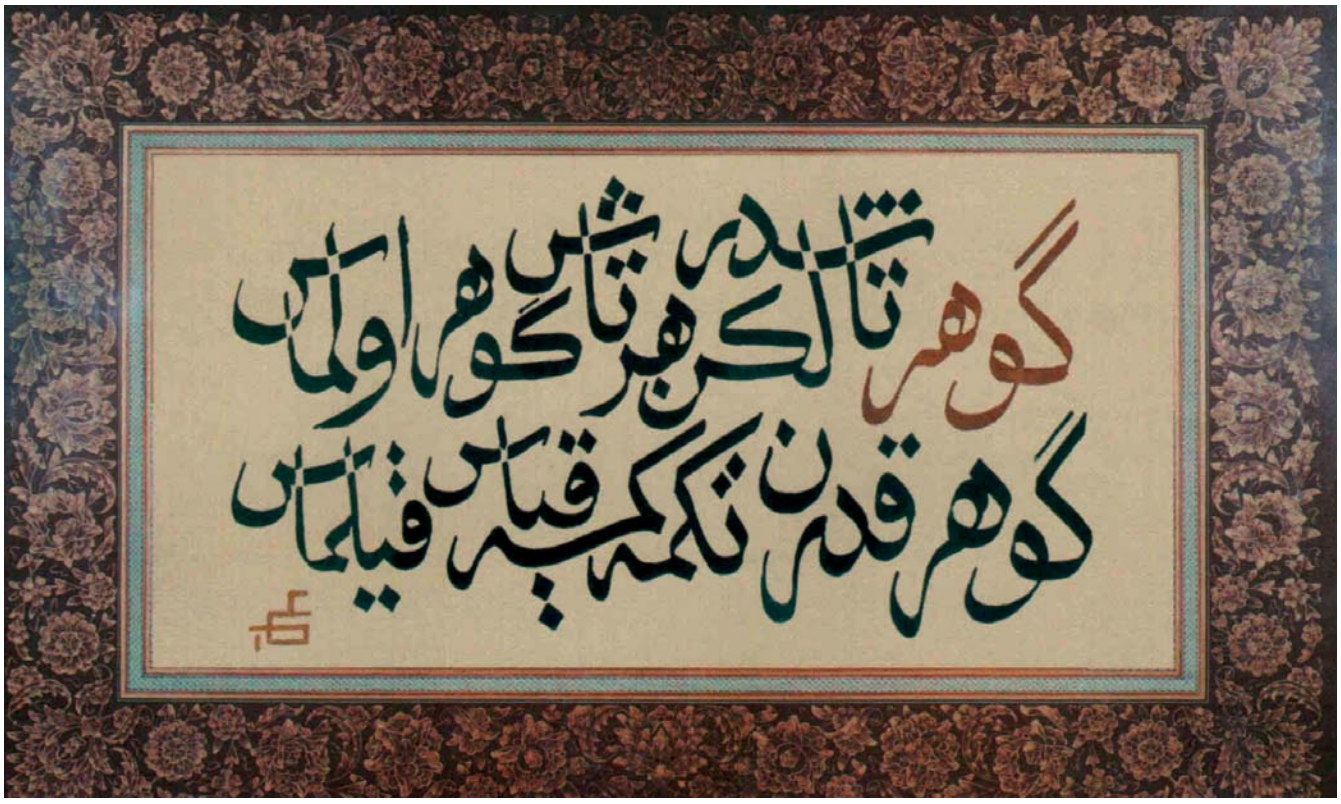


Перстень. Серебро, позолота. XIV–XV вв.

Поясная накладка. Бронза, позолота. Болгар. Вторая половина XIII в. БГИАМЗ



Поясная накладка. Бронза, позолота. Болгар. Вторая половина XIII — начало XV в. БГИАМЗ



*Шамаиль.
Авт. БИ Урманче. XX в.*

И этот процесс правильнее было бы назвать сотворчеством или накоплением опыта, продолжением традиций. Истинный мастер, художник вбирает в свою душу традиции предшествующих мастеров, изучая их творчество, их произведения. Ему нравятся какие-то отдельные мотивы, формы, техники, композиции и он пользуется ими в своем творчестве, что-то перерабатывая, во что-то вплетая свои или местные мотивы, узоры, а где-то повторяя уже прежние, известные ранее композиции, но неизменно что-то меняя. Так возникают новые традиции, новые орнаменты, их новые сочетания.

Возможен и другой путь создания художественных произведений. Какие-то мотивы, орнаменты, их элементы могут возникнуть совершенно независимо от того, видел мастер эти мотивы у других художников и на других изделиях или не видел. Просто он сам их придумывает.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся явные параллели с восточным искусством ряда стран и государств, очевидно, что произведения мастеров художественного металла Болгарии XIII–XIV вв., являясь частью всей золотоордынской культуры, все же сохраняли и свои, домонгольские традиции.

Конкретно символическая природа болгарского искусства золотоордынского времени, искусства самой Золотой Орды, сочетавшего черты оседлой, городской, исламской культуры и культуры степной, кочевнической, языческой проявляется в изображениях на болгарских надгробиях.

Настоящее искусство никогда не занимается просто украшательством. Искусство это всегда попытка запечатлеть окружающую человека реальность: в язычестве — это реальность многобожия, реальность потрясающе живого мира во всех его проявлениях; в исламе, в искусстве Золотой Орды, реальность — это единобожие, которому подчинен весь подлунный мир и который только по воле Аллаха приводится



*Футляр
для амулетов. Серебро, ковка, гравировка. XIV — начало XV в.*



*Коран
на подставке.
XIV в.*



Амулетница.
Золото, скань.
Первая половина XIV в.

в движение. И если языческие мифы, поддавались расшифровке, и то не всегда и трудно, то еще труднее поддается расшифровке утонченный символический, метафорический знак исламского, золотоордынского искусства. Может быть, это чисто религиозное сознание, и только душа человека, чувствующая религию изнутри, глубоко, способна воспринимать этого бога, минуя образ, минуя сюжет, всего лишь через знак — орнамент, каллиграфию? В этом случае искусство становится посредником между человеком и богом, Аллахом.

Мне думается, что изучение средневекового искусства вообще, а в данном случае — искусства Золотой Орды и города Болгара в том числе — в будущем должно еще сделать интересные открытия. Ведь до сих пор в нашей стране мы изучали его как атеисты. А вся история человечества и искусства, как мы знаем, была религиозной историей, которой мы в основном не знали. Поэтому, чтобы понять культуру того или иного народа в разные эпохи, надо овладеть языком и мышлением тех эпох, уметь в них погружаться душой.

Таким образом, анализ показывает, что искусство Золотой Орды и города Болгара имеет символическую природу. Дело в том, что все восточное и западное Средневековье, вплоть до эпохи Возрождения, имело символическую природу; само мышление человека, природочувствование его, отношение к миру было символическим. И не бывало в истории такого, чтобы язычество, сменившееся исламом (или христианством), тут же переставало существовать, чтобы сразу же изменилась природа искусства. Если до возникновения культуры Золотой Орды звериные образы в языческом искусстве несли определенное содержание, были носителями мифов, то в той или иной, пусть завуалированной, форме они продолжали оставаться символами и в последующем. Изображения животных стали реалистичны, но само присутствие изображения животного на колчане, например, осталось символичным, таким образом, оно привлекалось к охотнику. И не может быть так, что если в языческий период искусство несло в себе глубокое содержание, символ, а потом это содержание кончилось, то все узоры, линии, орнаменты стали являть собой только чистую декоративность, лишенную смыслового содержания.



Кулон
на цепочке.
Золото, чернь.
XIV в.

Орнаменты в искусстве Золотой Орды облекаются в исламскую идеологию и несут определенный символический смысл. В золотоордынских орнаментах может быть выражено сложнейшее философское размышление о бесконечности бытия, вселенной, о смене жизни и смерти. Ведь недаром вся культура ислама была утонченной, изысканной — это видно и в поэзии, и в архитектуре, и в декоративно-прикладном искусстве, и в науках. В этом и состоит символическая природа золотоордынского и болгарского искусства. Все эти бесконечные ритмы, повторы, узоры, цвета вроде бы отвлеченные, бессюжетные. Но к ним можно относиться и как к сложным философским текстам, которые надо научиться читать.

Золотоордынский период явился качественно новым этапом в развитии искусства, которое в это время становится мусульманским. Это было видно и в литературе, и в архитектуре, и в декоративно-прикладном искусстве. В искусстве эпохи Золотой Орды каллиграфия заняла уже прочное положение и сохранилась до наших дней, прежде всего в эпиграфике, и часто в виде благопожелательных надписей на керамике или на изделиях из металла, а начиная с конца XVIII в. — в виде шамаилей.

Искусство города Болгара периода Золотой Орды, безусловно, является важнейшей и неотъемлемой страницей средневековой культуры. Это было искусством Востока, созданным его народами на новом историческом и культурном витке развития. Таких высот оно достигло потому, что появилось в едином, сильном, скрепленном идеологией ислама, могучем государстве, каким была Золотая Орда с середины XIII и почти до середины XV в.

Высокая духовная культура, мощный экономический и политический базис, широкие торговые связи с восточными и западными странами, существовавшие в Болгаре в XIII — середине XV в., являются свидетельством общечеловеческого значения этой культуры.

Т.А. Хлебникова

История изучения Болгарского городища в 1864–1980 гг.

Раскопки на Болгарском городище начались в 1860–1870-х гг. В 1864 г. известный русский востоковед и археолог В.Г. Тизенгаузен произвел разведывательные раскопки в урочище Бабий бугор на северо-западной окраине городища. На мысу верхней волжской террасы было выявлено древнее кладбище с многочисленными захоронениями.

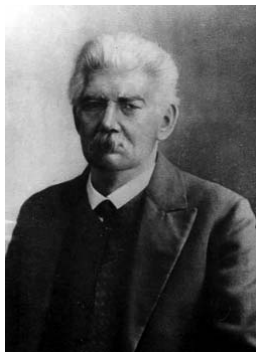
Исследования городища путем небольших раскопок разведывательного характера в конце 1870-х гг. связаны с проведением в Казани IV археологического съезда и созданием при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии. Съезд привлек внимание ученых к археологическим памятникам Восточной Европы, а научное общество при Казанском университете (далее — Общество) стало центром археологического изучения края. В 1877 г. проведены двухдневные раскопки участниками археологического съезда (В.В. Радлов, Л.К. Ивановский, Б.И. Поповский, Э.Д. Пельцам); в 1880 г. осуществлены работы на территории могильника Бабий бугор (Н.М. Малиев, Н.Ф. Высоцкий); в 1887 г. произведена расчистка развалин бани Белая палата (И.И. Ващук, В.В. Глинский); в 1892 г. предприняты работы по выявлению плана Соборной мечети (А.А. Штукенберг, И.А. Износков, Ф.Г. Мищенко, И.Н. Смирнов, Н.А. Фирсов); в 1893 г. обследовано урочище Ага-Базар и раскопаны бугры у въезда Малого городка (П.А. Пономарев, И.Н. Смирнов, А.И. Александров), где открыта столбовая конструкция ворот. Не все из этих работ отражены научной документацией. Ее нет, в частности, по работам 1877 г. Однако деятельность Общества явилась заметной вехой в истории исследования городища.

Далее экспедиционная деятельность Общества на Болгарском городище прервалась на 20 лет. Возможно, в этом сыграло роль мнение П.А. Пономарева и А.А. Спицына, не видевших здесь остатков города домонгольской поры и связывавших историю городища лишь с «татарским» периодом. И позднее их мнение о необходимости экспедиций на Болгарском городище было отрицательным.

Однако в начале XX в. работы Общества в Болгарах все же были возобновлены. Так, в 1913 г. проведено обследование северо-восточной части городища над Капитанским колодцем, выявлен район гончарного производства у Голланского озера на юго-западе городища и вскрыты коллективные погребения на Бабьем бугре (П.И. Кротов, М.М. Хомяков). В 1914 г. Л.К. Ильинский, М.Г. Худяков, С.И. Покровский, Б.Е. Кремленберг продолжили исследование Соборной мечети, начали изучение района Черной палаты и вскрыли руины мавзолеев в районе Малого минарета. Эти работы продолжались и в 1915 г. (Б.Е. Кремленберг, В.Ф. Смолин). В 1916 г. Смолин обратился к изучению Греческой палаты .



Барон Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902)



Василий Васильевич Радлов (1837–1918)

Внимание исследователей привлекли в основном архитектурные руины, при расчистке которых выявлялась планировка, а по ней определялся характер построек. Эти работы XIX — начала XX в. представляли собой в сущности разведки, собравшие некоторые данные о городище и его архитектурных памятниках.

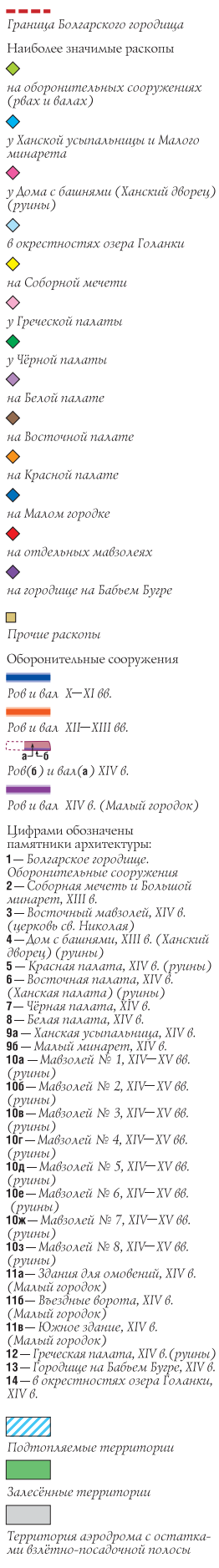
Находка монеты 1178–1228 гг. под полом Соборной мечети в 1915 г., выявленные при работах 1914–1916 гг. детали конструкций Соборной мечети, мавзолеев у Малого минарета, Греческой и Белой палат, открытие остатков гончарного производства у Голланского озера, могильника на Бабьем бугре — все эти сведения были приняты во внимание при систематических исследованиях памятников, начатых в 1930–1940-х гг.

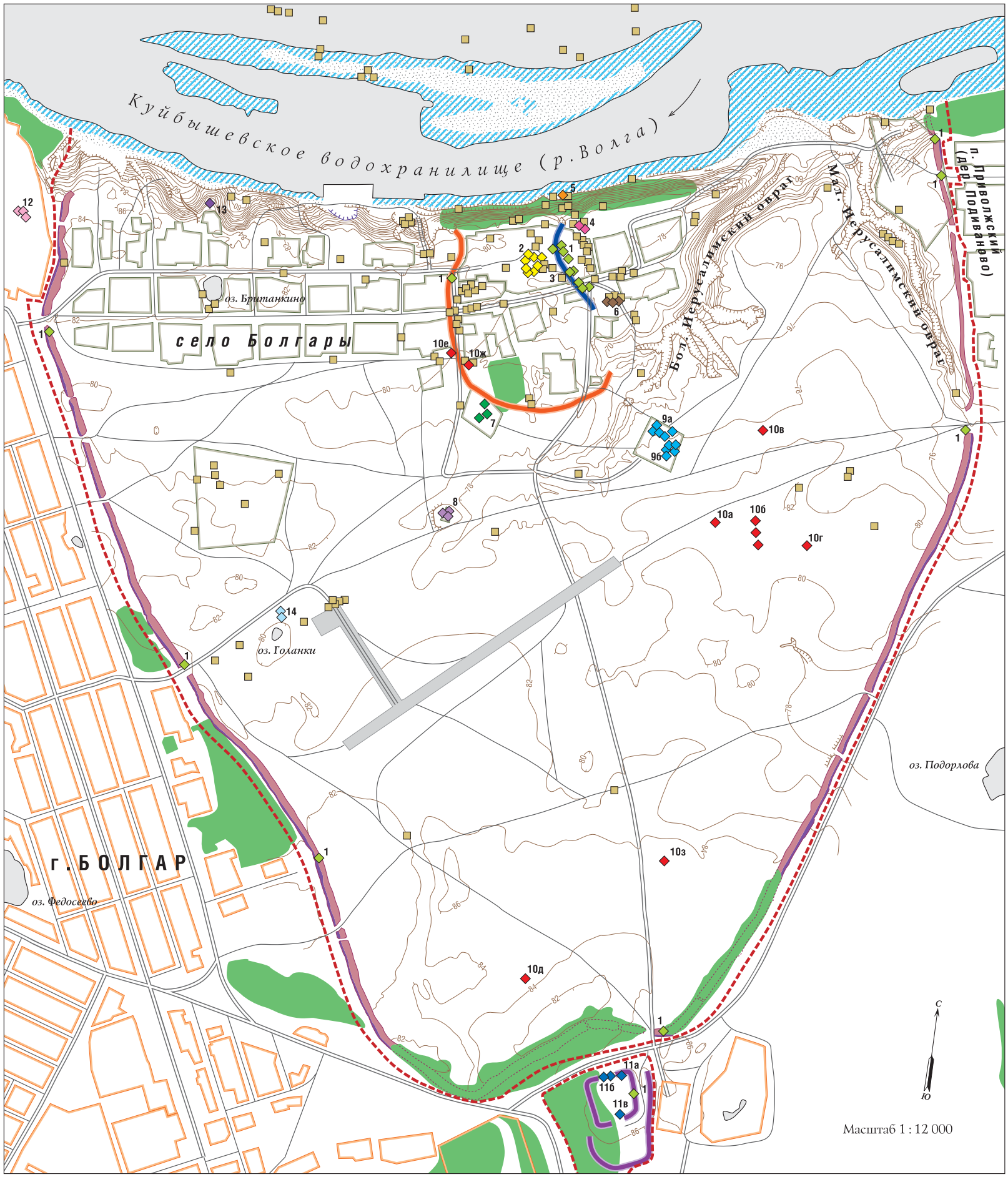
В первые десятилетия советской власти на городище по-прежнему проводились лишь небольшие раскопки. Они имели скорее учебный характер. Так, в 1919 г. группа студентов Самарского университета под руководством А.С. Башкирова провела работы в районе Малого минарета, в Черной палате и на валах городских укреплений; в 1920 г. группа студентов Восточного историко-археологического института в Казани под руководством А.Ф. Адлера копала на Бабьем бугре. Эти работы были проведены организациями, которые готовили кадры для молодой советской науки. Было обращено внимание на стратиграфию культурных напластований и на исследование фортификации города.

Остальные работы тех лет (И.Э. Грабарь, В. Ф. Смолин, В.В. Егерев, П.Е. Корнилов, Б.П. Денике) касались главным образом обмера и ремонта архитектурных памятников городища, изучения орнаментальных мотивов декора, резного камня и эпиграфических памятников, а также и охранных мер.

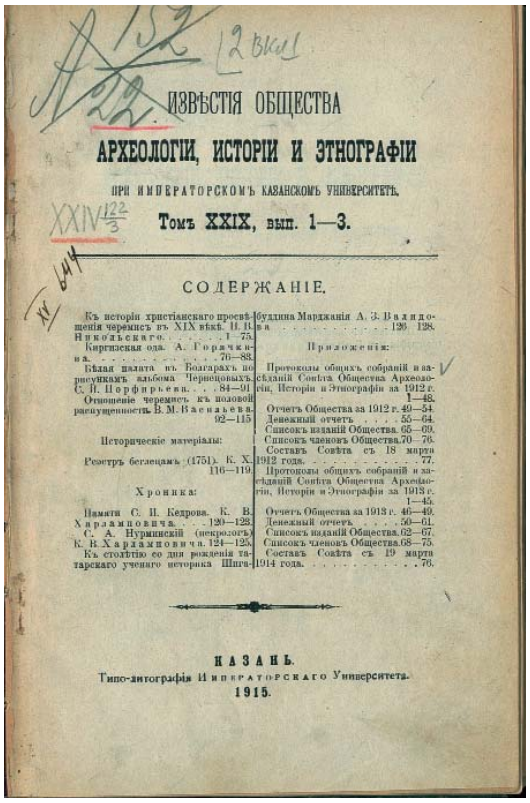
При дальнейших работах в Болгарах были привлечены планы и описания городища, относящиеся к XVI–XIX вв. и началу XX в. Наиболее ранним из них является «Книга большому чертежу, или древняя карта Российского государства». Затем следует описание дьяка Михайлова, сделанное в 1712 г. при вымежевании земель под монастырь. К XVIII в. (между 1712 и 1732 гг.) относятся описание и обмер укреплений городища, выполненные подполковником Н. Савенковым и геодезистом И. Крапивиным. Их сведения равноценны плану, поскольку по их обмерам можно графически воспроизвести конфигурацию укреплений. Особенно ценны обмеры замошного вала, уже давно не прослеживающегося на местности. Важны и указания на несохранившиеся постройки. Значимо описание подполковника Свечина 1765 г.

Позднее были сняты планы городища с указанием места известных архитектурных памятников и руин многих исчезнувших камен-





Археологическая изученность Болгарского городища



ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXIX, вып. 1—3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ исторіи христіанскаго просвѣщенія черемисъ въ XIX вѣкѣ. И. Н. Никольскаго. . . . . 1—75.
Киргизская ода. А. Горячкина. . . . . 76—83.
Бѣлая палата въ Болгарахъ по рисункамъ альбома Череповыхъ. С. И. Порфирьева. . . . 84—91
Отношеніе черемисъ къ половой распущенности. В. М. Васильева. 92—115

Историческіе матеріалы:

Реэстръ бесленцамъ (1751). К. Х. 116—119.

Хроника:

Памяти С. И. Кедрова. К. В. Харламповича. . . 120—123.
С. А. Нуриманскій (некрологъ). К. В. Харламповича. 124—125.
Къ столѣтію со дня рождѣнія татарскаго ученаго историка Шигабудина Марджани А. З. Валидова . . . . . 126—128.

Приложенія:

Протоколы общихъ собраній и засѣданій Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1912 г. 1—46.
Отчетъ Общества за 1912 г. 49—54.
Денежный отчетъ . . . . 55—64.
Списокъ изданій Общества. 65—69.
Списокъ членовъ Общества. 70—76.
Составъ Совѣта съ 18 марта 1912 года. . . . . 77.
Протоколы общихъ собраній и засѣданій Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1913 г. 1—45.
Отчетъ Общества за 1913 г. 46—49.
Денежный отчетъ. . . . . 50—61.
Списокъ изданій Общества. 62—67.
Списокъ членовъ Общества. 68—75.
Составъ Совѣта съ 19 марта 1914 года. . . . . 76.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1915.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXIX. Вып. 1-2. Казань. 1915 г.

ных построек. Это план А. Шмита съемок 1827 г.; план 1869 г.; сводный план по А. Шмиту, Штраусу, Н. Савенкову, Ф. Сурину и исследованиям 1892 г.; близкий, но с заметными отличиями, тоже сводный план по А. Шмиту, Штраусу, Н. Савенкову и др.; дополненный в 1913 г. план 1869 г.; наконец, план, снятый инженером П.Н. Ефимовым в 1919 г.

Эти планы, особенно наиболее ранние из них, имеют значение источника при изучении исторической и социальной топографии города, но требуют, конечно, специального анализа. Чрезвычайно важно сопоставление их сведений с результатами археологических наблюдений.

Начиная плановые систематические раскопки на городище в 1938 г., А.П. Смирнов опирался на данные этих планов и обмеров. Учитывались они и при всех последующих работах.

Плановые систематические раскопки Болгарского городища были начаты экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР при участии Государственного исторического музея и Государственного музея ТАССР под руководством А.П. Смирнова в 1938 г. и продолжались, с перерывом в годы Великой Отечественной войны, до 1949 г. Приступая к работам, А.П. Смирнов ставил в первую очередь задачи по разрешению таких вопросов, как проблема раннего Болгара, исторической топографии города.

В 1938–1940 гг. проводились исследования в северо-восточной части верхнего плато городища и склона верхней террасы. Топографические особенности данной территории, некоторые сведения письменных источников, сосредоточение архитектурных памятников позволяли предполагать здесь место возникновения и центр Болгара. Исследовались урочище Коптелов бугор, представляющее треугольный с крутыми обрывистыми склонами мыс верхней береговой террасы, участок близ мавзолея Монастырский погреб и склон верхней береговой террасы под этим памятником.

Раскопки на Коптеловом бугре (раскоп 1) под дерновым покровом и слоем русской деревни XVI–XIX вв. выявили болгарские культурные напластования — мощный слой золотоордынского времени XIII–XIV вв. и более ранний малоинтенсивный слой, залегающий лишь в ямах, в котором «совершенно нет красной золотоордынской керамики или буро-красной лощеной болгарской», а встречены лишь «фрагменты глиняных сосудов наиболее древних типов с шероховатой поверхностью». Слой этот был определен как «древнейший» и рассматривался А.П. Смирновым как слой доболгарского поселения и начального этапа Болгарского городища, относимого к IX или даже к VIII в.

Раскопки близ мавзолея Монастырский погреб (раскоп 2) открыли болгарские культурные напластования, близкие слоям раскопа на Коптеловом бугре. Не был обнаружен лишь ранний догородской слой. На Коптеловом бугре и у Монастырского погреба найдены болгарские землянки, хозяйственные ямы, разрушенные погребения. Но основное значение работ состояло в том, что был выявлен древнейший слой на городище и выделены разновременные культурные напластования, что заложило основу стратиграфической шкалы городища.

В 1938–1940 гг. произведены раскопки в основании склона верхней береговой террасы (раскопы 3, 4), где в 1936 г. при рытье силосной ямы были найдены водопроводные трубы. Раскопки выявили значительную интенсивность болгарского городского строительства на этой территории в XIII–XIV вв. Более ранних культурных слоев не было. Установлено три последователь-



Развалины Болгара. Малый минарет. Открытка начала XX в.

но залегавших горизонта культурного слоя: первый (нижний) — второй половины XIII в., с подпольем деревянного дома, колодцем; второй (средний) — первой половины XIV в., с каменными мостовыми, частью каменной постройки, водопроводом; третий (верхний) — середины и второй половины XIV в., с каменной мостовой и каменно-кирпичным зданием бани, получившей наименование Красная палата. Эта баня восточного типа была сложена из каменных блоков и кирпичей, с подпольным отоплением, водопроводом, каменными фигурными водоемами и фонтаном. Разрушенное здание бани оказалось перекрытым слоем XV в., относящимся ко времени запустения этой части города.

В 1938 г. произведены разведки в урочище Ага-Базар, расположенном на мысу береговой

террасы, в 6 км к северо-западу от Болгара, в устье р. Меленка. По преданиям здесь были пристань и торжище волжских болгар. Разведки выявили следы болгарского поселка с культурным слоем мощностью до 1 м, содержащим значительное количество культурных остатков.

В 1945 г., после перерыва в годы Великой Отечественной войны, плановые систематические исследования Болгарского городища экспедицией Института истории материальной культуры при участии Государственного исторического музея и Государственного музея ТАССР возобновились под руководством А.П. Смирнова.

Разрешение вопроса о раннем Болгаре X–XII вв., городе времени приезда Ибн Фадлана, стояло как неотложная первоочередная задача. В связи с ней в 1946-1949 гг. были продолжены работы в северо-восточной части верхнего плато городища. Раскопами (10, 12, 13, 15, 17, 18) была охвачена площадь к западу от исследовавшейся ранее, в том числе и территория, где предполагался замошный вал. В результате этих работ получена полная стратиграфическая шкала городища X–XX вв.: слои русского села — I–II; слой запустения города в XV–XVI вв. — III; болгарские слои XIII–XV вв. — IV; болгарские слои X–XII вв. — V–VI. Эти слои соответствовали отдельным историческим этапам жизни города.

Выявлены многочисленные остатки деревянных и глинобитных жилых домов, землянки, полуземлянки, хозяйственные ямы, ремесленные мастерские резчика по кости, кожевника, металлурга. Остатки металлургического производства XI–XII и XIV вв. представляли особый интерес. Обнаружены (более 20) полуразрушенные горны, скопления угля, шлаков, криц. Различия в конструкции домонгольских горнов и горнов XIV в. показали развитие металлургии, овладевшей в XIV в. производством чугуна и литьем чугунных сосудов. Местонахождение замошного вала в эти годы не было выявлено. Это удалось сделать позднее. В 1945–1948 гг. одновременно с указанными работами в центре городища проводились исследования северо- и юго-западной части верхнего плато городища с целью выявления исторической и социальной топографии города. Изучались оборонительные сооружения города (раскоп 9), побережье озер Британкина (раскоп 5) и Голланского (раскоп 16), урочище Бабий бугор на северо-западном мысу береговой террасы (раскоп 14) и береговая территория за пределами городских укреплений, где были исследованы руины Греческой палаты и остатки других каменных построек (раскопы 6–8).

Стратиграфические данные и комплекс культурных остатков свидетельствовали об освоении городом исследованной территории во второй половине XIII–XIV в. Домонгольские культурные напластования X–XII вв. не обнаружены. Однако начало заселения юго-западной части городища, судя по остаткам ранней постройки типа юртообразного жилища, выявленной на западном побережье Голланского озера под слоем XIII–XIV вв., можно относить к более раннему времени. Несомненный интерес представляют остатки предболгарского поселка именьковской культуры VI–VIII вв. в урочище Бабий бугор. При изучении оборонительных сооружений установлено время возведения вала и рва — первая половина XIV в.; выявлена конструкция деревянных оборонительных сооружений — крепостные стены на гребне вала, надолбы, колья во рву и с напольной стороны вала.

В связи с исследованием системы укреплений Болгара XIV в. велись небольшие раскопки на Малом городке — укрепленном участке у южного въезда в город. Здесь обнаружены следы двойной линии невысоких валов и рва. Была высказана мысль об ином, не оборонительном характере этого памятника.

На берегу Британкина озера выявлены остатки мастерской XIV в. по обработке черного металла со скоплением шлаков, криц, железными изделиями, а также полуземлянка. Раскопками на западном побережье Голланского озера выявлен район гончарного производства XIV в. Открыты четыре гончарных горна, огромное скопление фрагментов керамики. Из-за отсутствия жилых построек производство было определено как сезонное.

В 1947–1948 гг. проводились раскопки в урочище Бабий бугор. Анализ культурных напластований и комплекса культурных остатков позволил выделить здесь слой VII (наиболее ранний в стратиграфической шкале напластований на территории городища), связанный с располагавшимся на мысу именьковским поселением VI–VIII вв. Болгарские напластования перекрыли наслоения опустевшего именьковского поселка. Культурные слои на Бабьем бугре оказались пересеченными многочисленными могильными ямами кладбища рядового на-



А.П. Смирнов



Болгары. Художник Д.И.Архангельский. 1954 г.



А.П. Смирнов на раскопках Болгарского городища

селения города XII — начала XV в. Кладбище было мусульманским, но с пережитками древней языческой погребальной обрядности, отражающей сложный этнический процесс сложения населения Болгара и волжских болгар в целом.

В 1945–1947 гг. проводились раскопки за пределами укреплений городища. В 1945 г. исследованы бугры по дороге к Ага-Базару (раскоп 6). Выявлены следы каменной болгарской постройки золотоордынского времени.

В 1945–1947 гг. исследовались развалины Греческой палаты и прилегающая территория. Здесь (раскопы 7, 8) выявлен слой IV (XIV в.). Более ранних культурных напластований не оказалось. В основании слоя — остатки сгоревшей деревянной усадьбы XIV в. После запусте-



А.П. Смирнов в Болгаре



ния поселка было построено каменное здание. Изучение руин этого здания позволило рассматривать его как христианский храм, имеющий ближайшие аналогии среди армянских храмов XIV в. Анализ остатков погребений, погребального обряда и инвентаря выявил богатое христианское кладбище. Здание храма и кладбище свидетельствуют о торговой армянской колонии, располагавшейся за пределами городских укреплений, как было свойственно иноземным колониям в эпоху средневековья.

Систематические плановые археологические исследования верхнего плато городища в 1938–1940 и 1945–1949 гг. выявили предболгарские поселения I тыс. н. э., предшествовавшие городу, позволили наметить местоположение раннего Болгара и определить территорию города последующего периода.

В 1950–1954 и 1957 гг. археологическое исследование Болгарского городища производил Болгарский отряд Куйбышевской археологической экспедиции АН СССР при участии Государственного исторического музея и Государственного музея ТАССР под неизменным руководством А.П. Смирнова. Задачей экспедиции было вскрытие площади, подлежащей затоплению водами Большой Волги в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Ввиду этого работы производились на нижней береговой террасе и на склоне верхней террасы, где располагалась северная окраина города, а также в урочище Ага-Базар.

Работами 1950 г. были охвачены некоторые участки склона верхней террасы против центральной части городища (раскопы 19, 20–22)



Болгары. Развалины Соборной мечети. Худ. Д.И. Архангельский. 1948 г.

и в северной, заречной (за р. Меленка) части города Болгара (раскоп 23). Последовательность слоев здесь оказалась аналогичной стратиграфии верхнего плато городища. Прослежены остатки многочисленных жилых деревянных домов, зерновые и хозяйственные ямы. Выявлены следы металлургического и металлообрабатывающего производств, горны, скопления шлаков, криц. Большой интерес представляют развалины двух каменных зданий общественных бань XIV в. восточного типа: одна — на левом берегу Меленки, в 150 м к востоку от Красной палаты; другая — на правом берегу, в заречье, на месте, где по преданию стоял маяк, отмеченный на плане А. Шмита. Особый интерес представляют деревянные срубы ряжей, вскрытые в нижней части береговой террасы и укреплявшие грунт на склоне, в основании которого строились каменные здания первой половины XIV в.

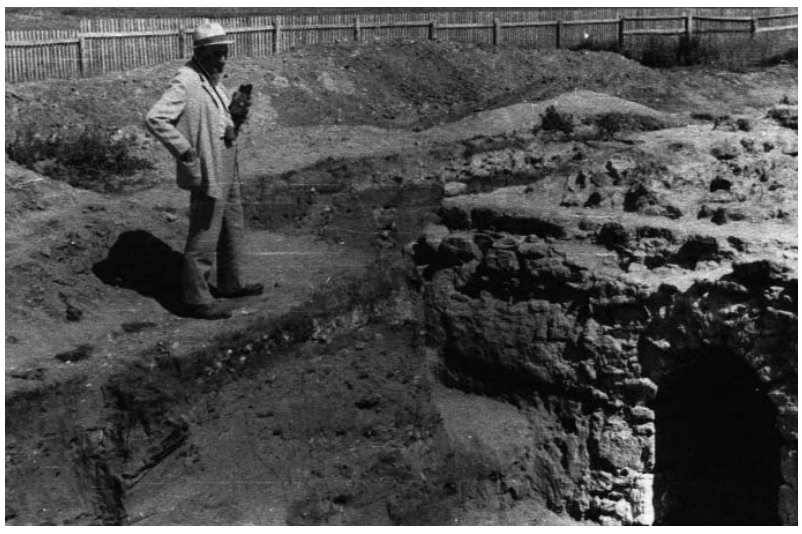
Исследовалась также береговая полоса р. Меленка. Установлено, что она была заболочена еще до X в.

В 1951 г. продолжалось исследование склона верхней береговой террасы у центральной части городища (раскопы 24, 26, 27) и заречной правобережной части побережья р. Меленка (раскопы 25, 28). Культурные напластования на левобережье содержали мощный слой IV золотоордынского времени и менее интенсивные, не везде прослеженные отложения домонгольского слоя. Интенсивность напластования слоя IV позволила наметить стратиграфические его горизонты — нижний, средний и верхний.

В них обнаружены материалы ремесленного металлургического производства, остатки горнов, обломки чугуна. У подошвы верхней террасы левого берега р. Меленка, у земляного перехода в заречье через Меленку выявлено разрушенное каменное здание — еще одна общественная баня восточного типа второй четверти XIV в. Удалось реконструировать водопроводные и канализационные сооружения.

На склоне третьей террасы левобережья продолжалось исследование ряжей, открытых раскопками 1950 г. Вскрыто комбинированное дренажно-ряжевое сооружение начала XIV в., построенное для укрепления и осушения склона, где возводились не только малые деревянные постройки, но и крупные каменные сооружения общественных бань.

Продолжались раскопки на правом берегу р. Меленка, где в 1950 г. была открыта баня XIV в. Обнаружены ямы для гашения извести и горн для обжига кирпича, связанные со строительством бани. Перед баней открыты вымощенная каменными плитами площадь с основанием фонтана и три колодца, снабжавших баню водой. Хорошо выраженный слой IV (золотоордынский) залегает на погребенной почве. Домонгольские культурные напластования не встречены. Слой чернозема, прослеженный в верхних напластованиях слоя IV, свидетельствует о запустении территории в позднее золотоордынское время, после 1361 г.



Раскопки Болгарского городища. Начало 1950-х гг.

В 1952 г. продолжались работы в восточной части склона верхней береговой террасы (дренажно-ряжевое сооружение — раскоп 31) и в заречье на правом берегу Меленки (раскопы 29, 30). Исследование гидротехнических сооружений было завершено. Выявлена сложная дренажно-ряжевая система, состоявшая из поглощающего и водоразборного колодцев, водоотводного канала, перекрытых массивными срубами ряжей. Дренажно-ряжевая система отводила избыточные грунтовые воды и укрепляла склон центральной части города. Построенная в конце XIII — начале XIV в., дренажно-ряжевая система пришла в упадок в позднее время существования города. Создание гидротехнических сооружений говорит о росте производительных сил города в XIV в., показывает опыт и мастерство болгарских гидростроителей.

На правом берегу Меленки, в западной части заречья, был исследован район гончарного ремесленного производства золотоордынского периода. Выявлено четыре гончарных горна различной конструкции, прослежены особенности производственного процесса, изучена продукция мастерских. Здесь находились две гончарные мастерские, разновременные и различные по производственному процессу и качеству продукции. Мастерская раннезолотоордынского периода выпускала продукцию более высокого качества с применением ангобирования и штамповки. Мастерская середины XIV в. изготовляла керамику более низкого качества и по составу глины, и по отделке.



Раскопки Болгарского городища. Начало 1950-х гг.

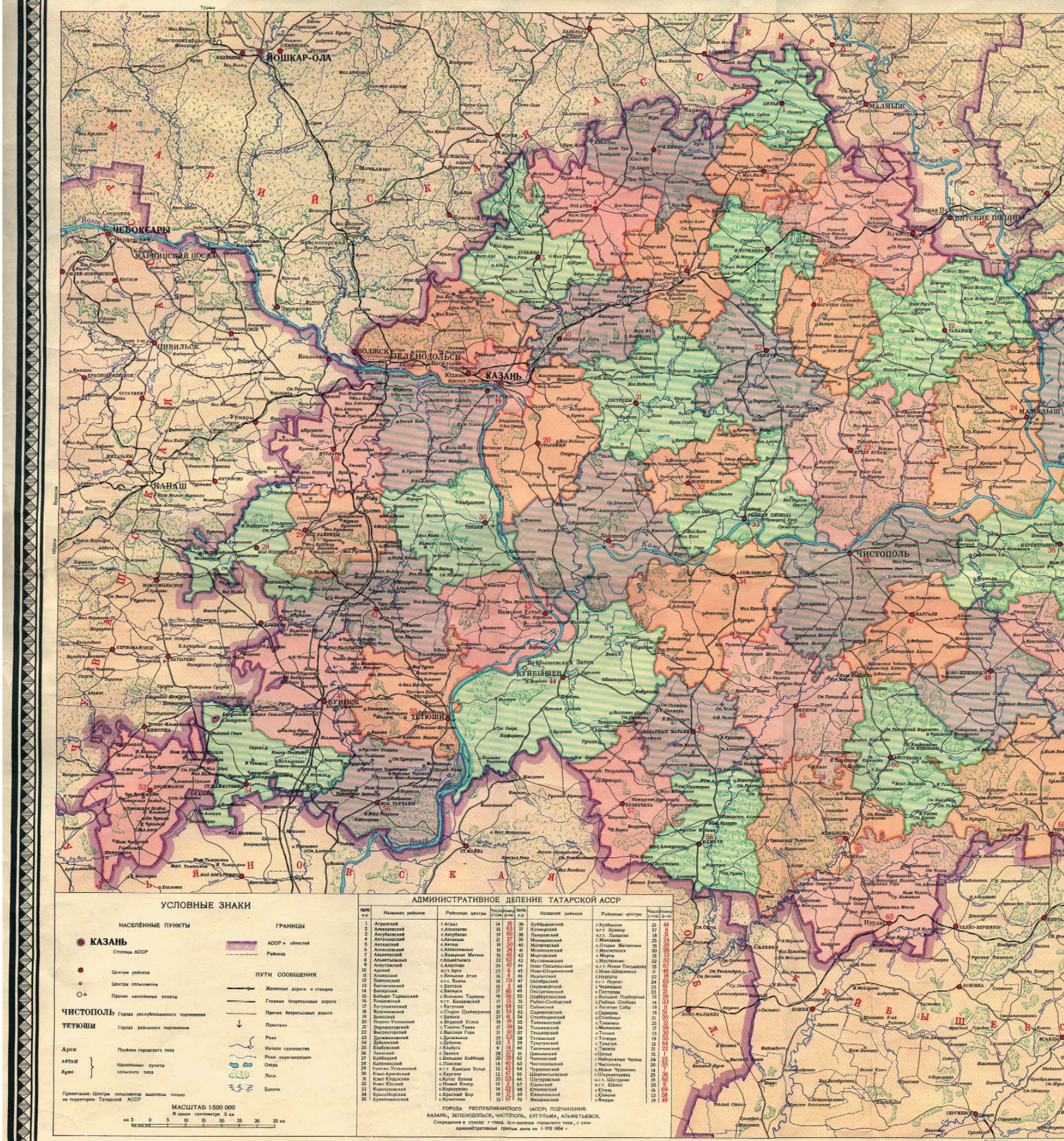
В 1952 г. велись раскопки в средней части заречного района, где также обнаружены только золотоордынские напластования с жилищами земляночного и наземного типов и хозяйственными сооружениями.

В этот же сезон было начато исследование левобережной части памятника в низовьях Меленки, где в 1200 м к востоку от Ага-Базара обнаружена плотина. В урочище Ага-Базар раскапывался поселок.

Исследования Ага-Базара в 1952–1954 гг. позволяют рассматривать его как торгово-ремесленный пригород Болгара X — начала XV в. Здесь прослежен слой IV значительной мощности. Выявлен слой V, разрешающий относить возникновение пригорода к домонгольскому времени. Среди находок было много золотоордынских монет, восточной и южной керамики. Встречены остатки металлургического и косторезного производств, жилых деревянных домов, по постройкам и предметам быта прослежена имущественная дифференциация. Обнаружено языческое святилище, состоявшее из кольца ям



ТАТАРСКАЯ А


ЙОШКАР-ОЛА
ЧЕБОКСАРЫ
МАРИИНСКИЙ ПОСАД
ЦИВИЛЬСК
ВОЛЖСК
ЗЕЛЕНОДОЛЬСК
КАЗАНЬ
КАНАШ
ЧИСТОПОЛЬ
МАЛМЫЖ
ТЕТЮШИ
БУИНСК
КУЙБЫШЕВ
Куйбышевский Затон
Камское Устье
Красный Сундырь
Мочалище
Сусловгер
Звениго
Урмары
Шемурша
Комсомольское
Первомайское
Батырево
Красноармейское
Красногорский
Ибреси
Вурнары
Шумерля
Ядрин
Марпосад
Цивильск
Козловка
Юдино
Высокая Гора
Столбищи
Тетюши
Буинск
Дрожжаное
Тенячи
Кайбицы
Камско-Устьинск
Кзыл-Юлдуз
Кзыл-Армейский
Кзыл-Яр
Красноборск
Кузнечихинский
Нурлат
Чекмагуш
Октябрьский
Мелекесский
Сызганка
Ульяновка
Ново-Малыклы
Ново-Чеканы
Ново-Шешминск
Бугульма
Альметьевск
Бавлы
Заинск
Елабуга
Мамадыш
Арск
Кукмор
Балтаси
Высокое
Муслюмово
Актаныш
Апастово
Тюлячи
Сабинское
Богатые Сабы
Рыбно-Слободский
Пестрецы
Большие Кабаны
Большие Тарханы
Большие Подберезье
Сарманово
Столбищенский
Тюлячинский
Кайбицкий
Высокогорский
Дрожжановский
Дубъязский
Заинский
Камско-Устьинский
Актанышский
Апастовский
Бугульминский
Альметьевский
Елабужский
Мамадышский
Арский
Кукморский
Балтасинский
Пестречинский
Сабинский
Рыбно-Слободский
Тюлячинский
Сарманский
Столбищенский
Высокогорский
Дрожжановский
Дубъязский
Заинский
Кайбицкий


АССР
Ижевск
Можга
Агрыз
Сарапул
Симонята
Бамбары
Елабуга
Мензелинск
Набережные Челны
Бондюжский
Дербешинский
Альметьевск
Бугульма
Шугурово
Зеленая Роща
Сарманы
Актаныш
Черемшан
Н. Письмянка
Уруссу
Октябрьский
Серафимовский
Нижние-Троицкий
Бавлы
Белебей
Ермекеево
Аскаково
Поисево
Кармала
Камышла
Карлыганы
Кр. Бор
Кама
Ик
Ик
Ик

На левобережье Меленки было продолжено исследование района каменной бани, вскрытой в 1951 г. Удалось выявить раннеболгарский слой под массивом оползня со склона террасы и подтвердить стратиграфическое разделение золотоордынского слоя IV на три последовательных горизонта: до строительства бани (конец XIII — начало XIV в.), с остатками жилого дома; времени строительства и бытования бани (вторая четверть XIV в.); периода после разрушения бани (середина XIV — начало XV в.), с жилыми и производственными сооружениями.

Таким образом, в 1950–1954 гг. Куйбышевская археологическая экспедиция получила большие материалы по ранее не исследовавшейся подгорной северной части города Болгара и его торгово-ремесленному посаду в урочище Ага-Базар. Без этих работ невозможно было бы представить историческую и социальную топографию Болгара.

1957 год был последним сезоном работ Куйбышевской экспедиции в Болгарах. В этот сезон в связи с проведением строительных работ по укреплению берега и оврагов подтопляемой зоны были продолжены археологические исследования на верхнем плато, по краю террасы в центре (раскопы 44, 45, 48) и в западной части городища, близ Бабьего бугра (раскоп 47), а также в глубь террасы, вблизи Иерусалимского оврага, у Ханской усыпальницы (раскоп 49). Продолжена стратиграфическая разработка золотоордынского слоя IV, заключавшаяся в разделении его на ранний и поздний горизонты. На раскопе в западной части городища (раскоп 47) прослежены домонгольские напластования. Очевидным стало их распространение вдоль края террасы. В слое IV исследовано значительное количество остатков жилых и хозяйственных сооружений, деревянных домов, несколько каменных построек, хозяйственные ямы. В домонгольских слоях выявлены полуземлянки и хозяйственные ямы.



Усыпальница. Худ. Д.И.Архангельский. 1948 г.

Раскопки близ Ханской усыпальницы (раскоп 49) выявили два мусульманских могильника, каменные склепы второй половины XIV — начала XV в. и разрушенное каменное здание середины XIV в. с подпольной системой отопления. Найдено большое количество поливных орнаментированных изразцов.



А.П. Смирнов в Болгарах

В 1957 г. в связи с готовящейся реставрацией Черной палаты по заданию Архитектурного управления при Совете Министров ТАССР был заложен раскоп к юго-западу от этого памятника (раскоп 46) для получения сведений о датировке. Стратиграфические данные и комплекс культурных остатков горизонта строительства позволили датировать Черную палату XIV в.

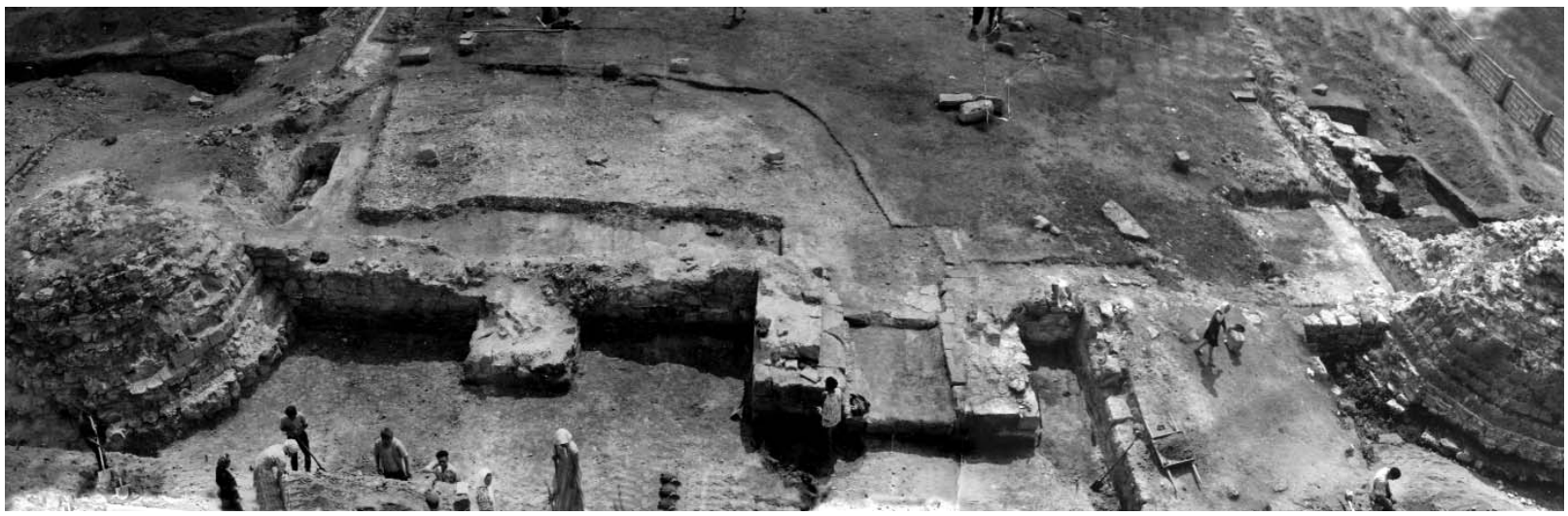
С завершением работ Куйбышевской экспедиции исследования городища были на некоторое время прерваны. Возобновление их относится к 1964 г., когда начала свои работы Поволжская экспедиция под руководством А.П. Смирнова. Коллектив археологов ряда учреждений (Института археологии АН СССР, Института языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, Болгарского историко-архитектурного заповедника, Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа) составил Болгарский отряд экспедиции, который в 1960–1970-е гг. проводил исследования городища, продолжающиеся и поныне. С 1969 г., когда был создан Болгарский историко-архитектурный заповедник, работы на городище организуются им.

Основное направление исследований 1960-х гг. — археологическое изучение архитектурных памятников городища для проведения их научной реставрации, которой и в настоящее время занимается Казанская специальная научно-реставрационная мастерская Министерства культуры ТАССР.

Археологическому исследованию были подвергнуты развалины всех известных архитектурных памятников: Соборной мечети и близлежащих к ней дюрбе — Монастырского погреба и церкви св. Николая (раскопы I–XIV), Черной палаты (раскоп XV), Малого минарета (раскопы XVII, XXVII) и комплекса мавзолеев у Ханской усыпальницы (раскопы XXVI, XXIX, XXXI, XXXII, XXXV, XXXIX). Были изучены скрытые в земле части зданий, установлено время их возведения, а в ряде случаев — и гибели. Анализ куль-



Т.А. Хлебникова



Раскопки соборной мечети. 1950-е гг.



Члены Болгарской археологической экспедиции. 1950-е гг.

турных напластований вблизи зданий установил их связь с жизнедеятельностью города .

С созданием заповедника возникла необходимость увеличить число памятников, пригодных для обозрения. В этой связи в 1970–1980-е гг. были вскрыты руины мавзолеев второй половины XIV — начала XV в. в юго-восточной части городища, за Малым минаретом. Раскрываются остатки бани Белая палата, каменные постройки на Малом городке.

От археологических работ на архитектурных памятниках и в связи с ними с конца 1960-х гг. Болгарский отряд Поволжской экспедиции перешел к планомерному исследованию культурного слоя отдельных районов раннего и позднего города и его укреплений

Районом длительных многолетних исследований был участок городища у Ханской усыпальницы и Малого минарета, к юго-востоку и востоку от них (раскопы XXXVII, XL, XLV, XLVIII, XLIX, LIV, LXXVI, LXXVII, LXXXI). Здесь выявлены напластования с раннезолотоордынскими землянками и полуземлянками, позднезолотоордынский слой с остатками усадеб состоятельного населения города, перекрытые слоем мусульманского кладбища феодальной верхушки со склепами и мавзолеями, возводимыми вплоть до XV в., а может быть, и позднее.

После исследования архитектурных памятников в районе Соборной мечети изучение этого центрального участка городища было продолжено в связи с обнаружением рва X в. В течение десяти полевых сезонов, с 1967 до 1981 г., велись поиски и исследования древнейших укреплений Болгара. Неизвестные ранее археологически укрепления X–XII вв. были вскрыты в нескольких пунктах (раскопы XVI, XXVIII, XXX, XLI, XLVI). Изучались также укрепления XII — начала XIII в. (раскопы LII, LV, LVII, LXXIII, LXXVIII).

В 1967 г. проводилось исследование линии городских укреплений XIV в. (раскопы XVIII-XXII, XXV), существенно дополнившее представления о болгарской фортификации, полученные в 1940-е гг.

В 1970-е гг. были продолжены исследования центра и окраины города домонгольского периода и центра города XIV в., начатые еще в 1940-е гг.

В эти же годы с целью уточнения стратиграфии проведены раскопки на северо-восточном мысу центральной части городища, в районе Коптелова бугра, где археологи работали еще в 1938 г.

Планомерное изучение отдельных районов города в течение нескольких сезонов, возвращение к ранее раскапываемым участкам с целью уточнения стратиграфии и получения дополнительных данных о том или ином районе города можно считать вторым, после архитектурных раскопок, направлением исследований конца 1960–1970-х гг. и начала 1980-х гг.

Третье направление исследований на городище в последние десятилетия — охранные работы. Они заключаются в проведении раскопок и наблюдении за строительными траншеями протяженностью около 3000 м на месте строительных работ в центре, западной и юго-западной частях города, а также на карьере, у Малого Иерусалимского оврага, в северо-восточной части городища. Благодаря всесторонней фиксации наблюдений за культурными напластованиями в траншеях, сбору материалов, вскрытию площадей раскопами, эти работы значительно дополняют результаты планомерных исследований по изучению стратиграфии и топографии Болгара.

Кроме того, следует указать еще на сбор подъемного материала, чем заповедник непрерывно занимается с начала своего возникновения.

Р. Ф. Шарифуллин

Болгарская археологическая экспедиция

Болгарское городище — остатки одной из бывших столиц государства Волжская Болгария, а в XIII–XIV вв. — центр Болгарского улуса в составе Золотой Орды. С 1864 г. начинается археологическое изучение памятника. Почти до 1940-х гг. эти работы носили спорадический характер — то затухая, то возобновляясь вновь. Планомерные археологические исследования городища и его округи ведутся с 1938 г.: — до 1973 г. под руководством А.П. Смирнова, затем Т.А. Хлебниковой и Р.Ф. Шарифуллина.

Археология Болгара своими достижениями обязана многим исследователям.

Неразрывно связаны с Болгарской экспедицией имена Николая Филипповича Калинина, Германа Алексеевича Федорова-Давыдова, Марины Дмитриевны Полубояриновой, Ольги Сергеевны Хованской, Светланы Михайловны Ефимовой, Зулейхи Асфандияровны Акчуриной, Натальи Дмитриевны Аксеновой, Петра Николаевича Старостина, Галины Федоровны Поляковой, Людмилы Львовны Савченковой, Леонида Андреевича Беляева, Вячеслава Сергеевича Баранова, Мурата Мазитовича Кавеева, Айрата Маратовича Губайдуллина, Ильгизара Равильевича Газимзянова, Нины Александровны Кокориной и др..

Еще студентами принимали участие в работах экспедиции Валентин Васильевич Седов, Альфред Хасанович Халиков.

За 143 года с начала археологических работ на Болгарском городище раскопки проводились 69 полевых сезонов, причем 57 из них приходятся на период с 1938 по 2007 гг. Пропущены, по разным причинам, сезоны: 1941–44 гг.; 1955–56 гг.; 1958–63 гг. и 1999 г. (т.е. 13 сезонов). Археологическое исследование Болгара, таким образом, относится в основном к последним шести десятилетиям и неразрывно связано с именем А.П. Смирнова, создавшего российскую школу болгароведения. Все предыдущие работы, важные для своего времени и занимающие определенное место в истории науки, представляются как бы разведывательными перед последующим монографическим, планомерным, систематическим исследованием этого памятника. С 1981 г. тема археологического изучения Болгара включена в планы НИР ИЯЛИ КФ АН СССР, а с 1997 г. — в Планы Института истории АН РТ.

Обращаясь к вопросу о степени исследованности городища в настоящее время, приведем несколько итоговых цифр о вскрытой площади. На городище и его укреплениях, на склоне верхней террасы и в заречной части памятника, с учетом также иноземных поселков — армянского у Греческой палаты, древнерусского в заречье — и района Ага-Базара 190 раскопами вскрыто более 22 тыс. кв. м. На территорию Ага-Базара приходится около 200 кв. м вскрытой площади, на армянскую колонию — около 600 кв. м. В заречной части города, за р. Меленка, вскрыто примерно 2 тыс. кв. м. На верхнее



Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931–2000)



Валентин Васильевич Седов (1924–2004)



Н.Ф.Калинин, А.П.Смирнов, Н.И.Воробьев на раскопе 1953 г. у Тайницкой башни Казанского кремля

плато городища с укреплениями, склоном верхней террасы и Малым городком приходится почти 20 тыс. кв. м.

Если попытаться соотнести вскрытую площадь с территорией города, получится следующая картина.

На территории крепостной части города X–XI вв. вскрыто около 1,2 % площади; на территории посада X–XI вв. и в его укрепленной части XII — начала XIII в. — около 1,8 %; на площади города в пределах его границ золотоордынской поры — лишь 0,6 % площади. Очень слабо исследованы периферийные районы города XIV в., особенно в южной части городища. На южную треть площади города золотоордынской поры, включая Малый городок, приходится лишь 12 раскопов, которыми исследовались в основном укрепления. Да и северо-западный район города в пределах его площади золотоордынского периода, кроме участка Бабьего бугра, раскопан недостаточно. Лишь площадь между Большим и Малым Иерусалимскими оврагами в восточной части городища в последние 15 лет изучалась достаточно интенсивно, что позволило практически полностью исследовать раннеболгарское поселение и золотоордынский могильник.

Тем не менее, продуманное размещение раскопов на территории городища, дополненные многолетними наблюдениями за культурными напластованиями в траншеях, в обнажениях слоя и сбором подъемного материала позволили учесть особенности распространения культурного слоя и создали определенные основания для суждения об исторической и социальной топографии Болгара.

Особое значение имело то, что максимальное внимание при исследованиях обращалось на стратиграфию культурных отложений. С первых лет археологических работ А.П. Смирновым была поставлена задача разработки стратиграфической шкалы культурного слоя городища. Уже в 1938–1940 гг. он стремился сопоставить синхронные напластования разных раскопов между собой.

В надежно разработанной в настоящее время стратиграфической шкале городища различается семь слоев от времени, предшествующего возникновению города, до современности.

Эта стратиграфическая шкала связана с периодизацией истории Волжской Болгарии и восточноевропейской средневековой истории в целом. Со временем стратиграфия каждого слоя получает и может получить более углубленную разработку. Но общая схема, последовательность и датировка слоев твердо доказаны многолетними работами. Поэтому, она и была успешно применена при исследованиях археологов в Казани в 1994–2005 гг.

Разработанная шкала Болгара дает возможность связывать любой его участок с определенным периодом в истории города и позволяет более целенаправленно исследовать историческую топографию, проследить динамику развития территории и локальные особенности развития отдельных его районов.

Н.Ф.Калинин за работой в эпиграфической экспедиции. 1950-е гг.



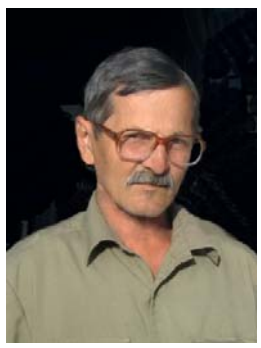


Болгарское городище. Космоснимок

Основные направления исследований, которыми руководствуется коллектив исследователей, определились еще в 1970–1980-е гг..

Так, изучение архитектурных памятников Болгара остается одним из главных направлений, продолжающим в какой-то степени интерес и традиции исследователей XIX в. К настоящему времени на территории Болгарского городища известны и археологически исследованы около 30 кирпично-каменных построек различной сохранности, из которых 16 законсервированы с элементами частичной реставрации и доступны для обозрения. Среди последних — Соборная мечеть, Северный и Восточный мавзолеи, Черная, Ханская, Восточная и Белая палаты, Малый минарет, фундаменты богатого дома и четырех небольших мавзолеев в различных районах городища, комплекс Малого городка (3 здания) у южных ворот Болгара. Недоступны для экспозиционного использования памятники Подгорной и Заречной слобод среди которых 4 общественные бани.

Древние руины подвергаются дальнейшему разрушению под влиянием природно-климатического и антропогенного воздействия, хотя и в меньшей степени чем до создания заповедника. Поэтому необходимость первоочередного изучения памятников подвергающихся угрозе исчезновения существует. Кроме того, резко возросший в последние годы поток туристов, в том числе и зарубежных, требует уже как качественных так и количественных изменений в подходе к вопросам экспозиционного обслуживания. Выявление и показ новых архитектурных памятников, с учетом их расположения, функциональных, конструктивных и хронологических особенностей безусловно обогащает картину восприятия Болгара в целом.



Руководитель Болгарской археологической экспедиции Рафинд Фоатович Шарифуллин

Второе направление — планомерное обследование отдельных районов города с целью уточнения стратиграфии и получения дополнительных данных для локализации основных производств или этнических особенностей населения города на отдельных этапах его жизни. Этим объясняется и то, что, наряду с выявлением новых памятников и изучением «белых пятен» на территории городища, иногда возникает потребность вернуться на тот или иной участок еще раз.

Третье направление представлено несколькими составляющими. Восточная часть территории имеет пересеченный оврагами и ложбинами рельеф, подвергаемый заметной эрозии из-за воздействия осадков и талых вод даже после полного прекращения пахотных работ. Наблюдения и, в случае необходимости, раскопки на отрогах Большого и Малого Иерусалимского оврагов в северо-восточной части городища, а также на старых грунтовых дорогах, размываемых дождевыми потоками — это всего лишь часть работ, проводимых в охранных целях. Гораздо большую угрозу сохранности культурного слоя городища представляет деятельность человека. Значительную площадь памятника все еще занимает современное село со всеми его потребностями. Прокладка газо-, водо- и тепловодов, телефонных коммуникаций, капитальный ремонт существующего жилого фонда, и даже возведение целой серии коттеджей вдоль западного вала Болгара, планируемый коттеджный поселок за юго-восточным валом памятника, отличающиеся в последнее десятилетие особой интенсивностью — вот что вызывает особую тревогу археологов и заставляет проводить исследования



Белая палата

в авральном порядке. Но, как и прежде, основной целью остается получение научных результатов, несмотря на то, что интерес археологов не является главным фактором инициирующим проведение археологических раскопок в том или ином районе памятника.

Так, в 1981 г., к юго-востоку и к северо-востоку от Малого минарета, проведение исследований было вызвано нарушением пахотой фрагментов кладок. Раскопы Н.Д. Аксеновой позволили расчистить здесь основания двух каменных мавзолеев второй половины XIV в. с мусульманскими погребениями, а ниже — сохранившиеся постройки и ямы, которые существовали в домонгольский период жизни города.

Остатки еще одного мавзолея были изучены вблизи южных ворот города тем же исследователем в 1983–1985 гг. 12 расчищенных погребений, совершенных по мусульманскому обряду, имели следы деревянных гробовищ, а одно — детское, кроме того, имело еще и кирпичную обкладку. Датируются погребения, как и сама постройка последними десятилетиями XIV в.

В 1981–1984 гг. были проведены довольно обширные исследования на известном архитектурном комплексе у южного въезда — Малом городке. Исследователь (Л.А. Беляев) пришел к мнению, что это остатки недостроенного репрезентативного сооружения, строительство которого было прервано в середине XIV в.

В 1983 г. было завершено археологическое изучение одной из самых крупных общественных бань Болгара — Белой палаты, уже подвергавшегося раскопкам в 1887 г.

В результате проведенных исследований значительно пополнилась и информация о самой постройке. Уточнены размеры, выявлена и расчищена дополнительная отопительная печь, зафиксированы следы позднейших реставрационных работ XVIII в., установлено время функционирования 30-60-е гг. XIV века. Сразу же после вскрытия, памятник был укреплен и частично реставрирован, что позволило включить его в экспозицию.



Фрагмент надгробия с арабской вязью. XIV в.

В 1991 г. археологические работы проведены в интерьере Восточного мавзолея, что было вызвано необходимостью музеефикации памятника. Здесь расчищены остатки 7 деревянных и каменных склепов золотоордынского периода, в некоторых из которых зафиксированы останки погребенных. Исследователи (В.С. Баранов и М.М. Кавеев) считают, что отдельные погребения могли быть совершены еще до или при строительстве дюрбе.

Следующим памятником, изучение которого завершено в 1993 г. (исследователи М.Д. Полубояринова и Р.Ф. Шарифуллин), стала «Восточная палата» — еще одна общественная баня, возведенная одновременно с Соборной мечетью в середине XIII в. Восточная палата была частично реставрирована и также заняла до-



Некрополь у Южного мавзолея. XIV в. Раскопки 2012 г.

стойное место в ряду памятников по маршруту туристической экскурсии.

Одним из интереснейших объектов, является расположенный к юго-западу от Соборной мечети археологический комплекс, исследуемый с 1989 г. Судя по материалам раскопок, он представляет собой остатки городского рынка золотоордынского времени с торгово-ремесленными рядами. Исследователи (М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, Н.А. Кокорина) отмечают, что вместе со значительным количеством нумизматического материала, фиксируемого на раскопе в виде компактных пятен, так же четко локализуются сырье, полуфабрикаты, предметы и орудия производства из кости, стекла, гипса, цветного металла. О торговом назначении исследуемого комплекса свидетельствуют и находки практически в каждом сооружении разновесов и деталей весов. Вне всякого сомнения, этот комплекс остается одним из наиболее привлекательных объектов археологического изучения.



Подпол жилища с ямами-погребками. XIV в. Раскопки 2012 г.

Второй памятник располагается на краю верхней террасы, над Красной палатой. К настоящему времени вскрыта площадь более 900 кв. м при средней мощности культурного слоя в 160–180 см, что позволило расчистить почти полностью остатки крупной кирпично-каменной постройки вытянутой с севера на юг. Накопленный раскопками материал позволяет соотнести время начала его строительства с серединой XIII в. Судить о назначении и конструктивных особенностях здания из-за сильной фрагментированности пока затруднительно. В то же время, достаточно богатый комплекс находок дает основание надеяться, что перед нами остатки не рядовой постройки.

Здесь же были выявлены более 90 других объектов и сооружений разных периодов, в том числе существовавших еще до строительства здания, или связанных с его возведением. Интересен ров домоногольского времени, засыпанный практически сразу же после укладки по дну деревянного желоба.

Поэтому, еще одно направление — изучение фортификационных сооружений Болгара, успешно проводимое А.М. Губайдуллиным.

Часть раскопов, как в последнем случае, продиктованы необходимостью их изучения в связи с обнаружением в процессе исследования памятников другого назначения. Значимость таких работ трудно переоценить, так как все оборонительные сооружения, выявленные попутно, датируются домонгольским временем жизни города, что пополняет сведения по его ранней топографии.

Вторая часть работ, связанных с изучением оборонительных сооружений, — вынужденная, охранно-спасательная, т.е. сопровождение или ликвидация последствий хозяйственной деятельности людей. В районе Малого городка и по ул. Назаровых — это прокладка городского водовода. Со стороны поселка Приволжский — ликвидация последствий разрушения вала и т.д.

Невозможно в одном сообщении изложить все аспекты работы за 70 лет, да и нет наверное необходимости в этом, так как результаты исследований изложены в серии коллективных монографий «Город Болгар», пятый том которой увидит свет в ближайшее время.

Считаю заслугой коллектива исследователей то, что даже в тяжелое десятилетие 1990–2000 гг., при полном отсутствие финансирования, работа экспедиции не прекращались.

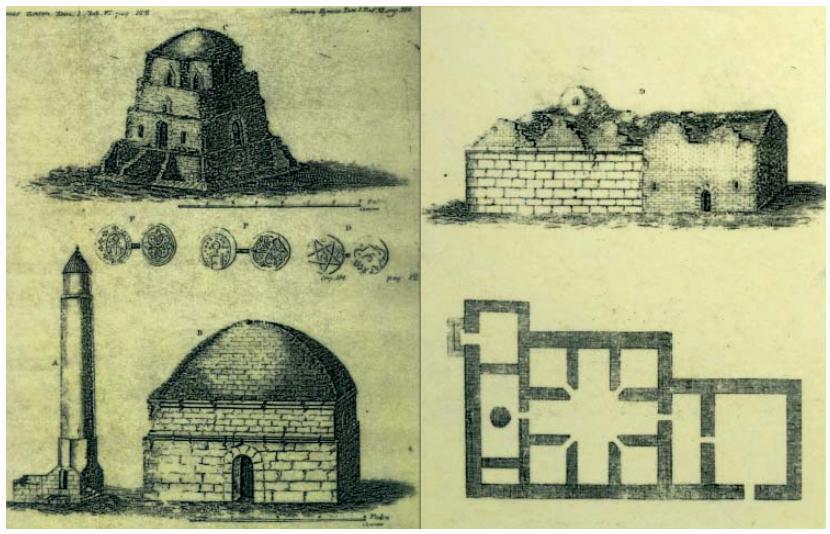
Энтузиазм участников экспедиции, поддержка (в 1990-е гг. — только моральная) руководства заповедника, Института истории АНТ и Института археологии РАН помогли сохранить тот дух и целеустремленность, которые были заложены в работу экспедиции А.П. Смирновым. Выражая искреннюю благодарность сотрудникам экспедиции прошлых полевых сезонов, надеюсь, что и последующие работы принесут всем радость новых открытий, а быт ее участников примет достойный облик.

А.Г. Ситдиков, Р.Р. Хайрутдинов, Р.З. Махмутов

Создание Болгарского музея-заповедника



Центральный архитектурный комплекс Болгарского музея-заповедника



Руины болгарских архитектурных памятников. Рис. П.С.Палласа 1768 г.

Перспективной формой развития, как сферы охраны культурного наследия, так и музейного дела, принятой в мире и активно развивающейся в Татарстане, является создание историко-культурных заповедников. Главное их преимущество — это симбиоз исторического, архитектурного, художественного и природного комплексов. В нашей республике число подобных заповедников достигло шести.

В их ряду особое место занимает Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Это связано, в первую очередь с тем, что именно здесь с эпохи древности сложился настоящий узел контактных зон и пересечений культур. Многочисленные народы, жившие в этом месте, сыграли выдающуюся роль в формировании и развитии уникальной евразийской цивилизации и являются ее неотъемлемой частью. Многоаспектное изучение Болгарского государства и Болгарской цивилизации в целом — большая историко-культурная проблема, имеющая выход на целый спектр наук и самостоятельных направлений научного поиска.

В целом, исследовательскую и научно-организационную деятельность БГИАМЗ можно разделить на три важные составляющие: археологические исследования; работы связанные с архитектурными памятниками Болгара — их консервация и реставрация; музейное дело — создание выставок и экспозиций.

В изучении проблем создания, функционирования и развития Болгарского музея-заповедника еще немало «белых пятен». Надо отметить, что Болгарское городище было наиболее известным памятником архитектуры и археологии на территории Казанской губернии и одним из самых знаменитых в России, который неизменно привлекал внимание исследователей. Уже начиная с XVIII в., стал накапливаться огромный материал по истории этих заповедных территорий. Знаменитые российские и зарубежные ученые, художники, литераторы, в числе которых П.С. Паллас, Н.П. Рычков, А. Гумбольд, Э. Турнерелли, Г.Р. Державин, И.И. Лепехин, П.П. Свиньин, А.Ф. Риттих, И.Н. Березин, С.М. Шпилевский, А.Ф. Лихачев, Н.Ф Высоцкий, братья Чернецовы, К.А. Саврасов и многие другие составили подробные описания городища, произвели архитектурные обмеры и зарисовки памятников, оставили многочисленные сведения по истории Болгара. Не оставляли своим вниманием памятники городища и российские монархи. Посещавшие Болгар Петр I и Екатерина II, с большим интересом осматривали его развалины и определенным образом пытались влиять на их сохранность.



А.Ф. Лихачев. Худ. П.Рёмер. 1860-е гг.

Что касается системы охраны памятников Болгарского городища в целом, то до конца XIX в. она практически отсутствовала, как впрочем, и на других заповедных историко-



Великие Болгары 1722 г. Худ. А.М. Родионов 1980 г.

культурных территориях Казанской губернии. Это было следствием отсутствия законодательной базы в сфере охраны культурного наследия в России, а так же не желанием в условиях православной государственной идеологии возрождать мусульманские святыни Болгара. В результате этого памятникам городища из года в год наносился значительный вред местными жителями и заезжими «бугровщиками». Многочисленные обращения ученых и краеведов к российским властям по поводу разрушений памятников в Болгаре на протяжении почти всего XIX в. тонули в бюрократических проволочках. И только в начале 1880-х гг. центральная часть городища была официально передана в ведение Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), которое в условиях минимального финансирования пыталось наладить элементарную работу по охране отдельных объектов Болгара. Однако памятники, находившиеся на территории частных владений и, не попавшие в зону ответственности Общества, продолжали разрушаться и гибнуть под натиском неконтролируемой хозяйственной деятельности. Все попытки расширения территории охранной зоны не удавались из-за отсутствия средств для переселения крестьян с заповедных земель.

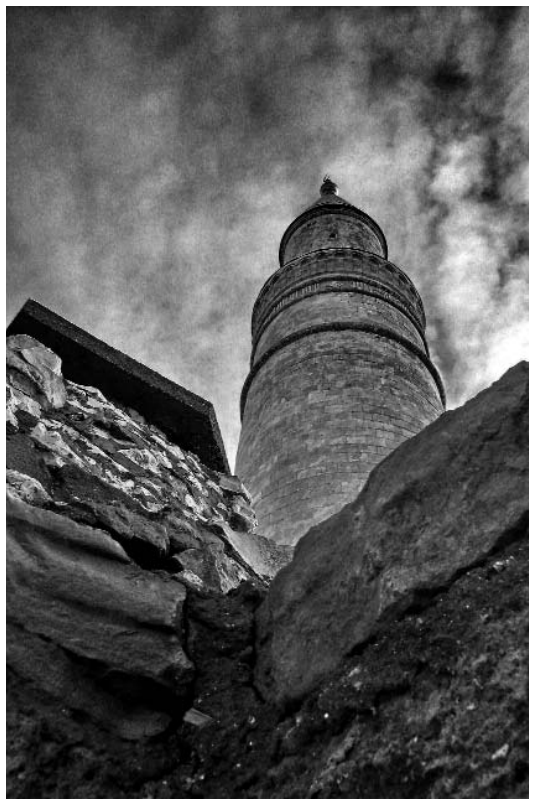
Более или менее крупные ремонтно-реставрационные работы в дореволюционный период проводились на памятниках Болгара в 1884, 1885, 1889, 1896 и 1905 гг. Однако качество этих работ страдало от крайне недостаточного финансирования, а также отсутствия опыта в проведении реставрации на сложных исторических объектах. При этом необходимо признать огромную научно-организационную роль, которую сыграло Общество археологии, истории и этнографии в деле сохранения и популяризации выдающихся памятников Болгарского городища.

Собственно археологические исследования в Болгаре, начатые в 1864 г. проводились бессистемно и лишь в небольших объемах. Помимо хронической нехватки необходимых средств на их производство, они также осложнялись отсутствием необходимых методик и слабой технической оснащенностью экспедиций ОАИЭ и Императорской Археологической комиссии (ИАК), производивших раскопки. Положение усугублялось и тем, что городище «перепахивали» многочисленные кладоискатели, которые уничтожали культурный слой, а в частные руки уходили и бесследно пропадали ценнейшие археологические находки. Лишь в 1913–1916 гг., с получением необходимых субсидий от Министерства народного просвещения России, удалось организовать довольно крупные археологические исследования памятников Болгара, Биляра и их окрестностей.

Идея о необходимости организации в Болгаре музея нарастала по мере все большего разрушения архитектурных и археологических объектов городища. Впервые такое предложение было выдвинуто К.Г. Евлентьевым на проходившем в 1869 г. в Москве 1-м Археологическом Съезде. Она получила горячую поддержку ученых России, однако, так и осталась не реализованной. Лишь в 1888 г. усилиями Общества археологии, истории и этнографии удается создать некое подобие музея в «Черной палате», куда стали складироваться крупные археологические находки. Это дало возможность прекратить их массовый отток в Москву и Петербург, а также в руки частных лиц. Но в целом решить проблему охраны и реставрации памятников городища эти полумеры не могли. Для создания в Болгаре музея под открытым небом не хватало главного — государственной поддержки и соответствующего финансирования.

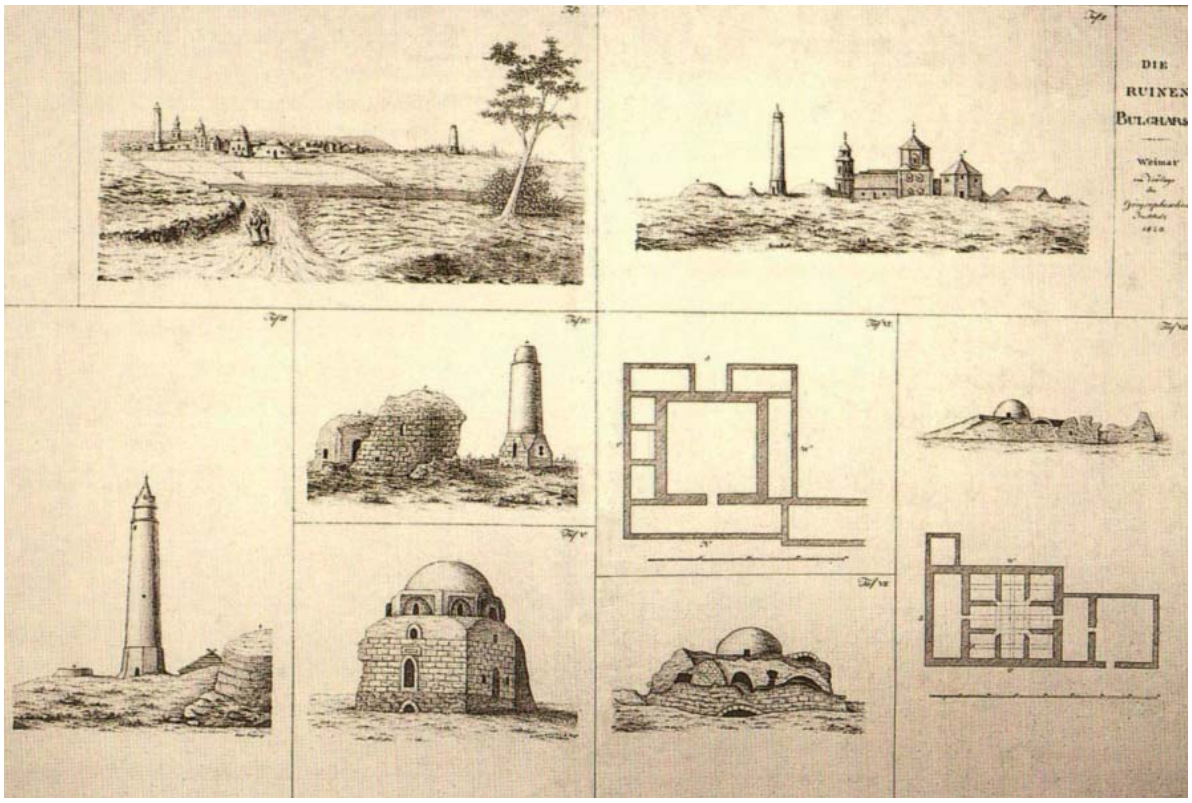
После Октябрьской революции 1917 г. памятники Болгара продолжали страдать от возросшей хозяйственной деятельности на территории городища. Хотя, Общество археологи, истории и этнографии пыталось координировать охранно-спасательные работы, однако на практике, ввиду полного отсутствия финансов у ОА-

Большой минарет





Руины Белой палаты в Болгарах. Рис. из альбома Н.Г. и П.Г. Чернецовых. 1838 г.



Руины Болгара. 1820 г.
Ф.Х. Эрдерман

ИЭ, все работы прекратились. Как никогда ценнейшие объекты Болгара оказались под угрозой полного исчезновения. Под давлением научного сообщества, государство было вынуждено начать работу по спасению памятников городища. Важным шагом к этому было создание в Татарской республике Отдела по охране памятников при Наркомате просвещения ТАССР. Его довольно активная деятельность привела к тому, что в 1919 г. в Болгаре был создан музей, в 1923 г. Болгарское городище было признано историко-культурным заповедником местного значения, а в 1926 г. удалось провести на многих памятниках ремонтные работы. Большое внимание привлекло к Болгарам также инициированное Отделом масштабное исследование территории ТАССР с целью открытия новых памятников археологии и архитектуры. В этой работе помимо местных исследователей приняли участие специалисты из Москвы и Ленинграда. Эти и другие мероприятия, проведенные Отделом, способствовали тому, что в 1934 г. Болгар был объявлен заповедником, а Биляр и Сувар заказниками республиканского (РСФСР) значения. Однако эти важные структурные преобразования не меняли кардинально положение городища. Выделяемых средств не хватало, как на создание полноценной администрации заповедника, так и на поддержание объектов Болгара в надлежащем виде. Практически вся реставрационная работа была свернута вплоть до конца 1950-х гг.

Собственно археологические работы на городище, начиная с 1930-х гг. приобрели необходимую плановость и системность. Ежегодно исследователями вскрывались значительные площади, систематизировался материал, и, как результат, складывалось довольно ясное представление об истории Болгара в X–XIV вв. Параллельно велись работы в Биляре и Суваре. Активные археологические исследования в Болгаре прекратились лишь в период Великой отечественной войны, но уже в 1945 г. вновь возобновились.



Информационный знак
на Болгарском городище

Значительное расширение полевых исследований в послевоенный период связано с созданием Куйбышевской археологической экспедиции, которая сосредоточила свою деятельность на затопляемых территориях Куйбышевского водохранилища. Другим важным фактором развития археологических исследований в республике в 1950-е гг. стало некоторое улучшение их финансирования, а также стремление местных властей создать в республике туристический центр в Болгарах.

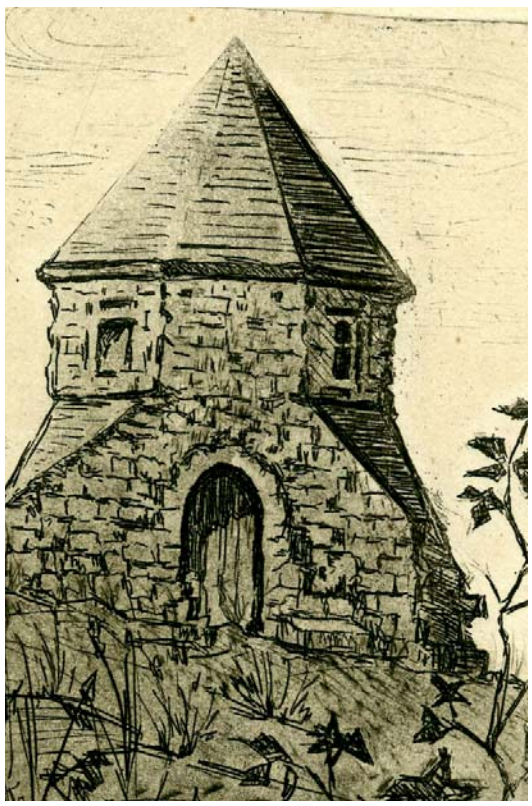
Сразу же после организации в 1934 г. Болгарского историко-культурного заповедника стала проводиться активная работа по созданию здесь разветвленной научной, музейной и административно-хозяйственной инфраструктуры. Большую помощь в этом оказывали местным властям выдающиеся советские ученые И.Э. Грабарь, А.П. Смирнов, Л.А. Давид и др. Это кропотливая и длительная работа увенчалась успехом — в 1969 г. было принято решение об открытии Болгарского Государственного Историко-Архитектурного Заповедника. В его структуру вошли также Билярское и Суварское городище. В процессе создания заповедника, помимо важных науч-

но-исследовательских проблем необходимо было решить огромное количество непростых организационных задач. В первую очередь, это обеспечение надежной охраны памятников, находящихся на этих территориях, которые разрушались из-за активной хозяйственной деятельности. Серьезную угрозу существованию заповедника могло принести и решение о переселении части жителей г. Куйбышева на территорию городища. Несмотря, на многочисленные правительственные постановления, касающиеся охраны культурного наследия в целом и Болгарского заповедника в частности, положение оставалось сложным.

С 1960-х гг. под эгидой Министерства культуры ТАССР и силами СНРПМ под руководством



На раскопках в Болгаре. 1950-е гг.



Восточный мавзолей. Худ. Мавровская. 1970-е гг.

С.С. Айдарова началась системная реставрационная и музеефикационная работа на памятниках Болгара. Это позволило на основе новых методик исследовать многие архитектурные шедевры, осуществить их реставрацию и консервацию с сохранением исторического облика объектов. На территории заповедника постепенно стала складываться и развиваться необходимая инфраструктура — были построены административные здания, значительно улучшено состояние дорог, была построена экспедиционная база. Постепенно удалось прекратить и массовую хозяйственную деятельность на территории, в том числе остановить работу местного аэродрома. Таким образом, постепенно создавались условия для превращения Болгара в один из важных туристических центров СССР.

Надо отметить, что на развитие БГИАМЗ в 1970–1980-е гг. определенное влияние оказывала коммунистическая идеология. Однако, БГИАМЗ в силу его специфики, не был подвергнут значительной идеологической деформации. Мусульманские святыни Болгара, которые воспринимались, как историко-культурное достояние всей страны, продолжало посещать большое количество, как жителей Поволжья, так и других регионов Советского Союза.

В эти годы сформировались и основные направления деятельности заповедника, который стал приобретать черты крупного исследовательского и музейного центра не только республики, но и страны в целом. На территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника активно велись археологические исследования и охранно-спасательные работы, комплектовался музейный фонд, проводилась реставрация, консервация, реконструкция и инженерная защита памятников, осуществлялось благоустройство территории заповедника, постепенно создавалась необходимая инфраструктура туризма.

В 1970–1980-е гг. в БГИАЗ произошли определенные изменения в научно-исследовательской деятельности. Заповедник начал самостоятельно силами студентов и школьников проводить археологические раскопки. Руководителями этих исследований в разное время были А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов, на Билярском городище плодотворно работал А.Х. Халиков. Способствовал повышению уровня исследовательской деятельности БГИАМЗ и сформированный Ученый Совет заповедника, членами которого были А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, С.С. Айдаров.

В этот период было значительно увеличено и финансирование мероприятий, проводимых БГИАМЗ. В целом, они уступали лишь вложениям в реставрацию Казанского Кремля. Так же в большем объеме стали финансироваться исследовательская деятельность и работы по консервации памятников в открытом в 1977 г. Билярском филиале заповедника, где была создана археологическая база Казанского филиала АН СССР и учебно-экспедиционная база Казанского государственного университета.

1970–1980-е гг. стали временем крупных реставрационных работ, которые проводились на Болгарских памятниках. Также активно выявлялись на территории городища и новые объекты, материалы которых все больше пополняли научный и музейный фонд заповедника.

Это обстоятельство стало предпосылкой не только расширения экспозиции БГИАМЗ, но и создания новых направлений музейного показа. В середине 1980-х гг. археологическая ее часть была разработана под руководством Д.Г. Мухаметшина и Н.Д. Аксеновой, при активном участии М.М. Кавеева.



Выступление гостей и дарение подарков Д.Г.Мухаметшину на праздновании 25летия БГИАМЗ

Одним из самых значимых событий в истории БГИАМЗ в советский период стало проведение летом 1989 г. торжеств, посвященных 1100 — летию официального принятия ислама в Волжской Болгарии. В празднике принимали участие тысячи людей из 60 регионов России и многочисленные зарубежные гости. Праздник стал традиционным и с тех пор в мае-июне в Болгары стекаются массы паломников. Но помимо этого эти торжества стали символом начала нового этапа в истории татарского народа, возвращения нации к своим истокам. И, конечно, этот памятное событие придало огромный импульс дальнейшему всестороннему развитию Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

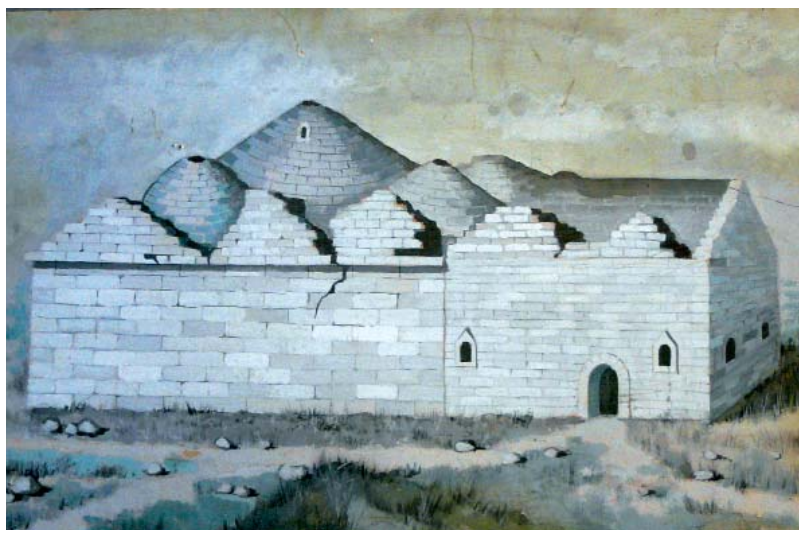
Жесточайший экономический и интеллектуально-духовный кризис, который поразил страну в начале 1990-х гг. не мог не отразиться на очень чувствительной сфере культурного наследия, внимание к которому со стороны федерального центра было сведено к минимуму. В этих условиях весь груз ответственности за состояния памятников истории и культуры ложился на региональные власти. Надо сказать, что правительством Татарстана были приняты все возможные меры по обеспечению исследовательской деятельности в Болгаре, а также по развитию инфраструктуры БГИАМЗ. Так, созданным в 1990 г. фондом «Болгар», были проведены в 1992 г. масштабные работы по углублению фарватера от русла Волги до древнего Болгара, что позволило останавливаться у пристани речным судам всех типов и значительно увеличить туристический поток на территорию Болгарского заповедника.



Дом лекаря — здание музейной экспозиции

История развития БГИАМЗ в 1990-х гг., выявила еще одну проблему, которая влияла на эффективность работы заповедника — нехватка квалифицированных специалистов в сфере охраны памятников. В последующем во многом она решалась, однако уже очевидно, что на новом современном этапе развития БГИАМЗ ему требуются специально подготовленные музееведы и специалисты в области культурного туризма.

В 1995 г. Болгарское городище приобретает статус памятника федерального значения. Общественно-политические и культурно-духовные перемены, которые произошли в стране, а вместе с тем пересмотр многих ключевых аспектов истории Татарстана и России в целом, поставили новые исследовательские и практические задачи. Памятники, расположенные на территории городища стали отражением не только собственно истории Болгарского государства, но важнейшей частью тюрко-татарской цивилизации. И совсем не случайно в 1998 г. Болгарский историко-архитектурный комплекс был включен в Предварительный список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО по Российской Федерации.



Восточная палата

Кроме этого Болгар стали центром паломничества мусульман не только из Поволжья, России в целом, но и зарубежья.

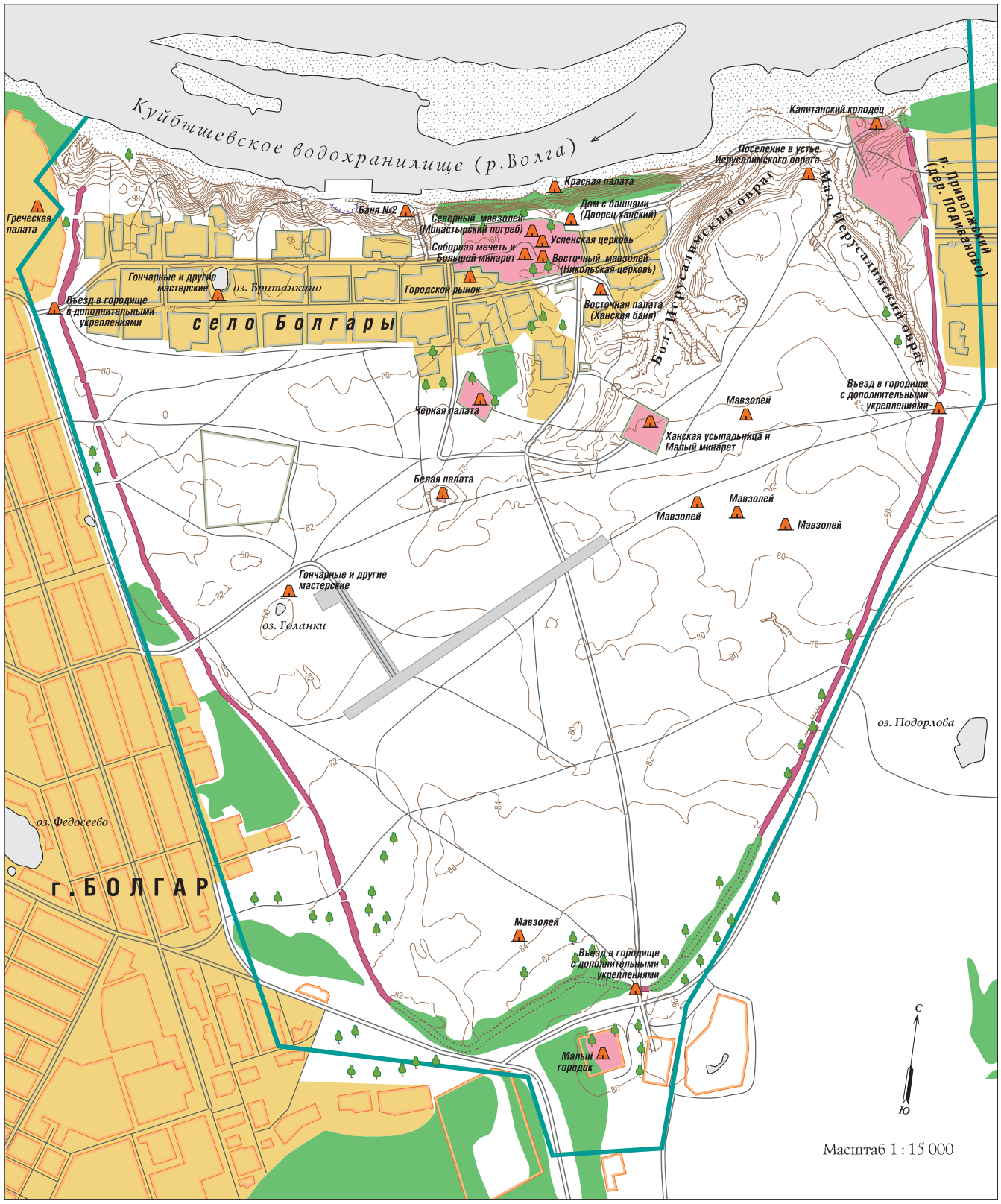
В 2000-е гг. БГИАМЗ приобретает значение, как крупный научный центр археологических исследований и охранно-спасательных работ всего Волго-Камского региона и признанная площадка для проведения многих российских и международных научных форумов.

Значительные изменения в деле охраны культурного наследия в Республике Татарстан произошли на рубеже XX–XXI вв. Новый этап в истории БГИАМЗ связан с началом реализации в 2010 г. уникального проекта «Культурное наследие — остров-град Свияжск и древний Болгар». Была поставлена амбициозная задача — превратить Болгар в современный, с развитой инфраструктурой, соответствующей самым высоким мировым стандартам, историко-культурный и музейный центр не только Татарстана, но и России в целом. Для координации работ был создан Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан.

Современный пример комплексного развития Болгарского государственного историко-



В.М. Королев — хранитель древностей Болгара. Худ. М. К. Мавровская. 1969г.



Археологические памятники на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Объекты культурного наследия

Граница охранной зоны Болгарского городища

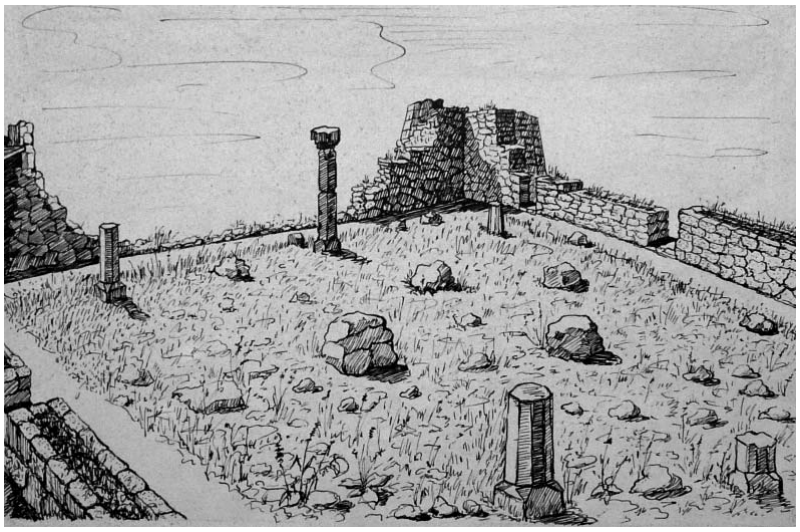
Селитебные территории

Территории наиболее интенсивно используемые музеем-заповедником

Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

Оборонительный земляной вал



Руины Соборной мечети

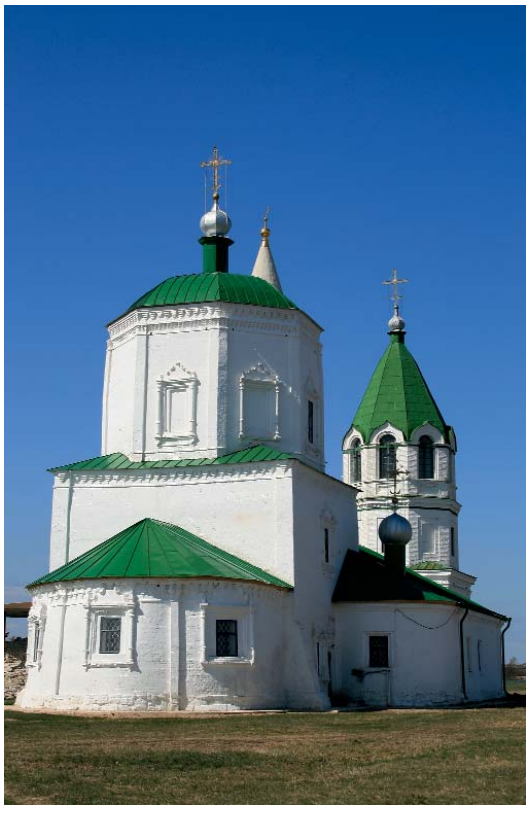
архитектурного музея-заповедника ярко демонстрирует, что проблемы изучения, сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия в Республике Татарстан сегодня перешли на новый уровень. В эту работу активно включились структуры, ведающие вопросами градостроительства и архитектуры, экономики и промышленного развития, экологии, транспорта, благоустройства, имущественного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, юридических служб, научно-образовательные организации, средства массовой информации и широкие слои общественности, без участия которых невозможна эффективная охрана и всестороннее развитие культурного наследия, которое является визой Татарстана в будущее.

*Ханский дворец —
объект музейного показа*





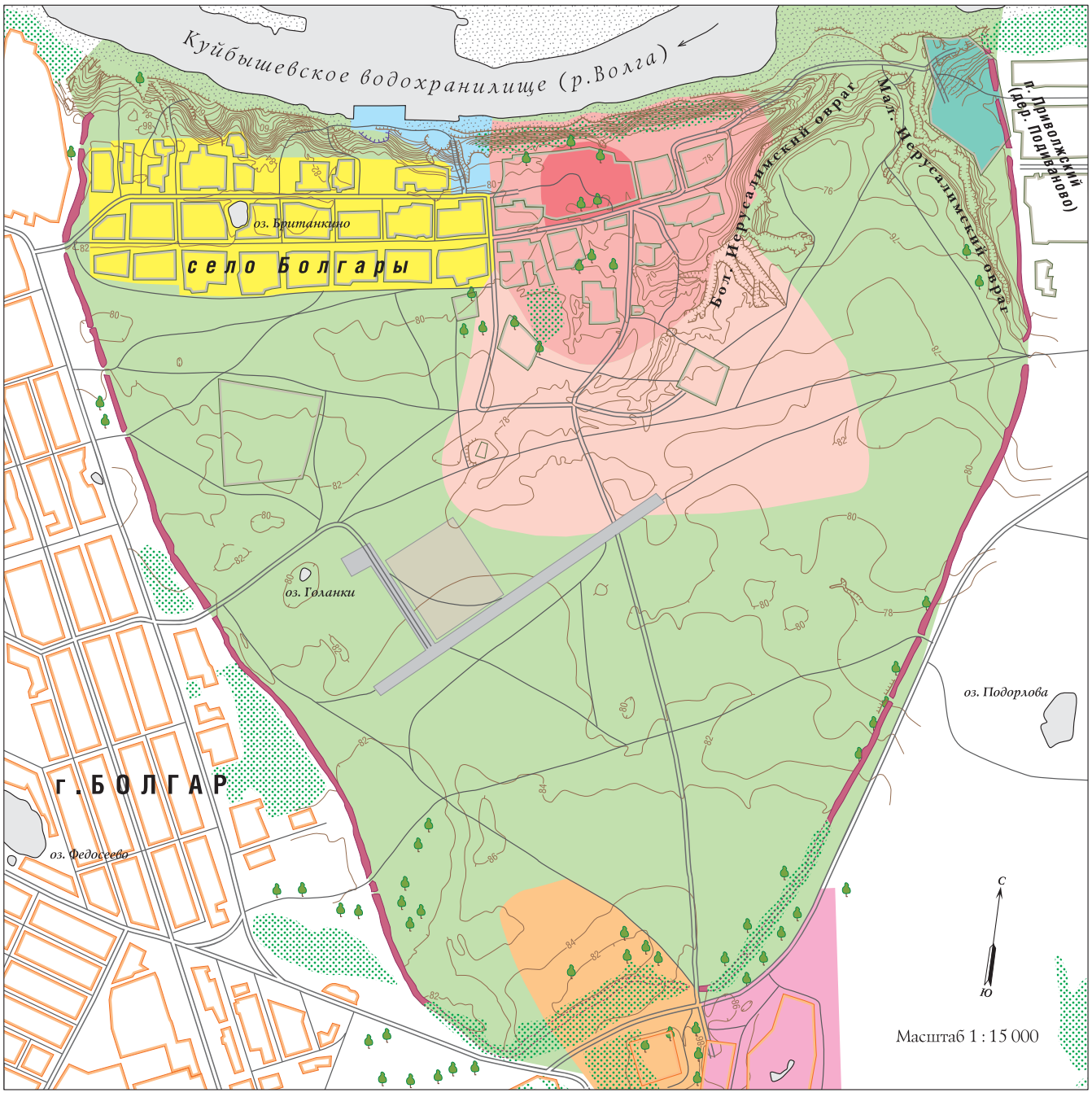
*Выступление гостей
(ансамбля) из д.Тукай на
праздновании
1100-летия принятия
ислама*



*Церковь Успения
Пресвятой Богородицы*



*Городище Великие
Болгары*



Функциональное зонирование Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Функциональные зоны. Объекты. Функциональная роль

Основной центр приема туристов («Новый центр»). Новый музейный комплекс, визит-центр, автостоянка, туристические гостиницы и инфраструктурные объекты. Основные ворота музея-заповедника, центр приема автотуристов

Второй центр приема туристов («Пристань»). Пристань, экспозиция. Вторые ворота музея-заповедника, центр приема водных туристов и организации речных экскурсий

Основной экспозиционный и культовый центр. Комплекс Соборной мечети и другие архитектурные памятники. Основное ядро музея-заповедника

Новый культовый комплекс. Колодец Габдрахмана. Место религиозного паломничества

Центральная археологическая зона. Активная музейная и туристическая зона музея-заповедника

Доордынский город. Бывший рынок, бани и другие архитектурные и археологические объекты

Центральная часть золотоордынского города. Черная палата, Белая палата, Малый минарет и другие архитектурные и археологические объекты с их природным окружением

Малый городок. Комплекс Малого городка с ценным археологическим и природным окружением. Активная музейная и туристическая зона музея-заповедника

Селитебная зона. Историческое село Болгары с археологическими и этнографическими памятниками. Этнографический музей и развитие туристической инфраструктуры

Экологическая зона. Зона с археологически ценным культурным слоем и экологически значимыми природными комплексами. Познавательные и экологические маршруты

Территория, расположенная рядом с аэродромом. Место палаточного лагеря для паломников

Залесённые территории

Оборонительный земляной вал

Территория аэродрома с остатками взлетно-посадочной полосы

Ф.М. Забирова

Болгарское городище в контексте регионального историко-культурного ландшафта



*Болгары X век .
Худ. А.Н. Хисамов.
1998 г.*

Болгарское городище в историко-культурном каркасе не только Республики Татарстан, но и всей Евразии имеет ключевое значение как перекрёсток водных и сухопутных торговых путей международного значения: Великого Волжского и Великого Шелкового. Уникальность Болгарского городища в геополитическом аспекте как центра Болгарской цивилизации на Волге, а затем Золотой Орды, центра торговли на самом активном участке Великого Волжского пути в контексте Евразии трудно переоценить. В историко-культурном аспекте это уникальное историческое поселение, непрерывно существовавшее более тысячи лет, имеющее символическую роль для татарского народа как сакральное место.

В результате археологических, историко-градостроительных, архивных и натурных исследований выявлены 8 этапов градостроительного освоения, разрушения и сохранения наследия на территории Болгарского городища и его окрестностей:

Догородской период (до начала X в.)

Самые ранние поселения в окрестностях Болгар относятся к палеолиту и эпохе бронзы, на территории Болгарского городища — к середине I тыс. н.э.

Характерной чертой памятника является сохранение культурного ландшафта в неизменном виде на протяжении тысячелетий. Яркий пример — существование Иерусалимского оврага с догородского периода.

I этап (начало X в. — 1236 г.) — болгарский-домонгольский

Ранний Болгар, городище домонгольского периода — уже не просто феодальный замок, хотя он и несет его черты, но городское поселение, имеющее двойную систему укреплений, посад, который тоже был, возможно, укреплен. На западных участках центральной части городища возникают ремесленные мастерские. Застройка имеет устойчивую планировочную сетку, что может свидетельствовать о ее планомерности в направлении улиц, связанном с ориентацией культовых зданий на Мекку.

У территории появляется культовая функция, город становится центром мусульманства.

Болгарская архитектура и градостроительство представляют самую северную территорию распространения мусульманской цивилизации.

II этап (1236–1431 г.г.) — золотоордынский

Вторая половина XIII — начало XIV в. — это время восстановления Болгара после разорения в 1236 г. войсками Батыя. В раннезолотоордынский период возводится каменная Соборная мечеть, одновременно строятся общественная баня «Восточная палата», а на северном краю верхнего плато — крупное административное здание. В центре города, у Соборной мечети сооружаются каменные дюрбе Восточный и Северный мавзолеи. Застройка продол-





Изделия. Болгар. XIII–XV вв. БГИАМЗ

жает формироваться по сложившейся в домонгольский период устойчивой планировочной сетке, что может свидетельствовать о ее преемственной планомерности и едином замысле.

Болгар становится одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Поволжья. Именно его золотоордынские ханы делают первым городом-центром Улуса Джучи.

Уникальность Болгарского городища в сохранности границ, оборонительных сооружений золотоордынского периода по всему периметру в виде вала и рва.

Градостроительная культура Болгара середины XIII–XV вв. является продолжением и развитием собственной местной болгарской культуры в отличие от культуры степных городов Золотой Орды со смешением традиций и навыков многих покоренных монголами народов. Об этом ярко свидетельствует керамика, сохранившиеся архитектурные и архитектурно-археологические объекты и другие объекты материальной культуры.

Болгарское городище — единственный надземный комплекс, свидетельствующий об утраченной болгарской цивилизации золотоордынского периода на Земле.

III этап (1431–1552 гг.) — ханский

После взятия и разрушения в 1431 г. войсками Федора Пестрого на руинах города, образован небольшой поселок у края террасы. Теплилась жизнь и на Ага-Базаре, о чем можно судить результатам археологических исследований. Но ни в Болгаре, ни на Ага-Базаре не найдены следы ремесленного производства. Скорее всего, существование этих поселков поддерживалось паломничеством людей, хранящих память о Болгаре. В этот период у поселения появляется паломническая функция.

IV этап (1552–1712 гг.) — ранний русский

Развалины Болгара, благодаря удобному расположению у реки Волги, весьма рано привлекли к себе внимание. Еще при царе Федоре Алексеевиче (1661–1682) было дано указание описать древние каменно-кирпичные сооружения, каменные здания и другие развалины, оставшихся от древнего города.

В 1712 г. по просьбе духовенства Петр I издал указ об отведении на Болгарском городище земли под строительство «монастыря и брацких келий и иных служеб и конюшенного и житного дворов». В 1718 г., Петр издал первый в российской истории указ о собирании и хранении древностей и сам старался всегда найти что-то необычное для своей Кунсткамеры. В 1719 г. в Поволжье побывала посланная Петром I в Сибирь экспедиция естествоиспытателя Д. Мессершмидта, составившая краткое описание Болгарского и Билярского городищ. Границы села Болгары, основанного в начале XVIII в., остались неизменными до настоящего времени.

V этап (1712–1917 гг.) — губернский русский

Направляясь по Волге на завоевание Азова, Петр I в июне 1722 г. посетил Болгарское городище. Он повелел описать все древние объекты и издал указ, предписывающий губернатору Казанской губернии починить и беречь их.

Успенский мужской монастырь вскоре возвели в центре Болгарского городища на месте Ханского (княжеского) двора около Соборной мечети. Восточный мавзолей был приспособлен под небольшой храм — Церковь Святителя Николая, Северный мавзолей стал «Монастырским погребом».

У территории появляется культовая функция — монастырь становится центром христианизации края.

Здесь же в северной части Болгарского городища возникает селение Монастырская слобода, позднее село Успенское, которое в XIX веке было переименовано в Болгары. Улицы села трассированы параллельно берегу реки Волги, образуя вторую устойчивую планировочную сетку, ориентация которой продиктована не только природным фактором, но и ориентацией на восток апсид Успенской церкви. Застройка села в пойменной части велась вдоль одной улицы, сложившейся параллельно домонгольским постройкам на склоне террасы, ориентированным также по линии восток-запад, но с изломом, что было обусловлено линией склона. Планировку села Болгары можно отнести к типу придорожной уличной с двусторонней застройкой.

Монастырь в Болгарах был закрыт в 1764 г. в связи с переводом его в Чебоксары Казанского уезда.

Болгар становится местом, связанным с пребыванием выдающихся личностей: императора Петра I (1722 г.), императрицы Екатерины II (1769 г.), российского поэта Г.Р. Державина, академика Российской Академии наук П.С. Палласа, в XIX в. российского поэта А.С. Пушкина, татарского религиозного и общественного деятеля Ш. Марджани, художников: братьев Н.Г. и Г.Г. Чернецовых, И.И. Шишкина, А.К. Саврасова, в XX в. татарского поэта Г. Тукая и многих других.

Болгарское городище является одним из первых исторических мест в Российской империи, где отражено внимание к проблемам сохранения и реставрации памятников на государственном уровне.

К этому периоду относится Успенская церковь в комплексе сооружений Болгарского городища — памятник федерального значения.



Болгар и окрестности на карте центральной России XVIII в.

VI этап (1917–1956 гг.) — советский I период до затопления

Весной 1919 г., в разгар гражданской войны, Самарская экспедиция под руководством А.С. Башкирова провела инструментальную съемку городища. В августе 1919 г. в Казань прибыла Вторая Волжская экспедиция, в которую входили И.Э. Грабарь, Т.Г. Трапезников и И.Е. Бондаренко. В 1923 г. Совнарком ТССР принял постановление об объявлении всей территории древних Болгар «неприкосновенным заповедником». С 1938 г. начинаются планомерные археологические исследования Болгара и его округи, неразрывно связанные с именем А.П. Смирнова, который руководил этими работами с 1938 по 1973 г.

В зону затопления водохранилища Куйбышевской ГЭС попали земли, расположенные в пойме реки Волги в 26 км восточнее Болгарского городища, территория уездного центра города Куйбышев Татарский (ранее Спасск), затона им. Куйбышева и поселка при нем. В связи с этим в 1950–1954 гг. были проведены широкомасштабные археологические исследования. Болгарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции АН СССР под руководством А.П. Смирнова изучалась та часть древнего города, которая подлежала затоплению.

Вопрос переноса города на новое место был разработан Гипрогором в 1939 г. в двух вариантах: 1 — перенести город на территорию Болгарского городища, 2 — на новое место восточнее городища.

Сначала был выбран первый вариант, но впоследствии с учетом мнения научной общественности был отклонен как закрывающий возможность дальнейших археологических исследований на территории городища.

В 1951 г. Решением Совета Министров ТАССР была определена площадка для размещения города и затона им. Куйбышева «на западе и юго-западе от земляного вала Болгарского городища». Выбор площадки для строительства был осложнен тем, что вокруг Болгарского городища были леса, в юго-западной части за пределами городища — кладбище, выгоны для скота, ипподром, лагерь.

Республиканской проектной конторой «Татпроект» по заказу Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР (арх. А.А. Любимов, экономист Г. П. Сергеева) в 1952 г. был разработан генеральный план города, построенный по регулярной сетке в двух направлениях: вдоль западных валов Болгарского городища с северо-запада на юго-восток и вдоль берега Волги в широтном направлении с запада на восток.

Перед затоплением часть наиболее крепких общественных зданий и жилых домов Спасска, Спасского затона и пойменной части села Болгары были разобраны и перевезены в город Болгар, который сначала тоже назывался Спасск с приставкой «Татарский». Это застройка сохранилась по улицам, расположенным вдоль западных валов Болгарского городища. Среди них на территории города Болгар выявлены ряд объектов XVIII–XIX вв. с признаками объектов культурного наследия. 18 домов по ул. Хирурга Шеронова и М. Галеева предложены как исторически ценные объекты историко-градостроительной среды.

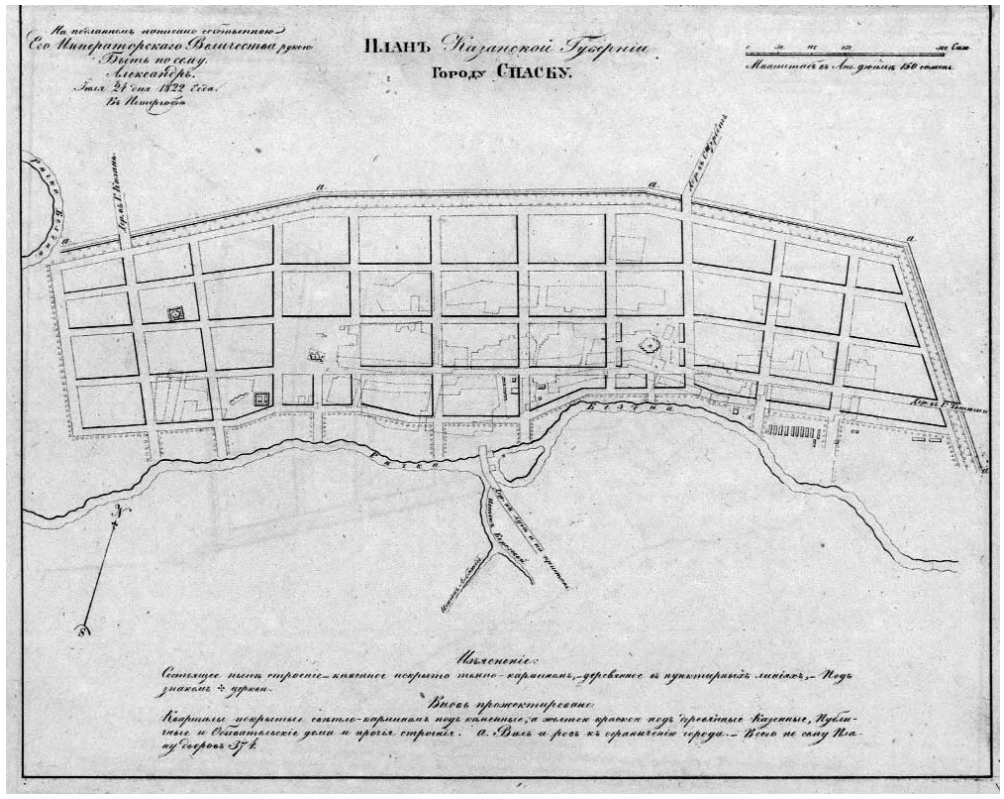
Город Болгар, расположенный западнее городища, является образцом нового города, построенного в короткие сроки в 1952–1957 гг.

VII этап (1956–1990 г.г.) — советский II период

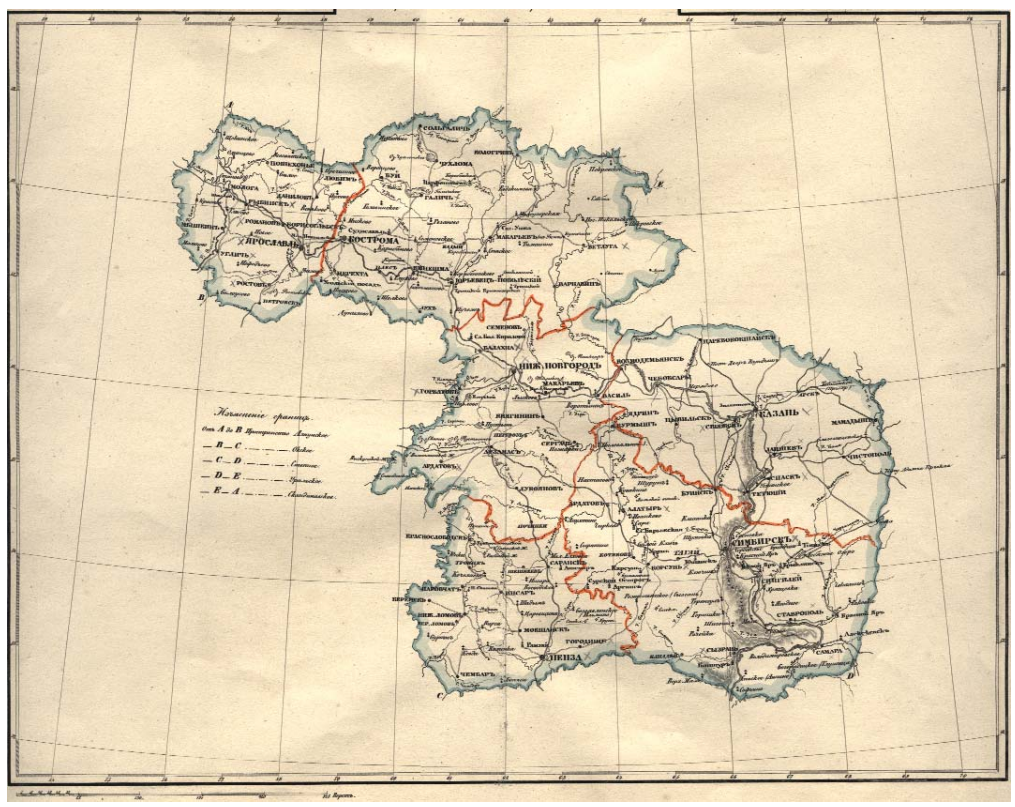
К моменту затопления в 1956 г. село Болгары состояло из 36 кварталов застройки на верхней террасе и 12 застроенных кварталов вдоль одной улицы в затапливаемой пойменной части села.

В 1969 г. Постановлением Совета министров ТАССР № 222 был создан Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник (БГИАЗ) как государственное научно-исследовательское и научно-просветительное учреждение культуры, самый первый в ТАССР, с общей площадью охранной зоны 416,8 га, которая включала Болгарского городище с Малым городком и территорию Армянской колонии.

В 1960–1980-е гг. в Куйбышеве Татарском начали свою работу многие предприятия города, велось активное строительство жилых домов, административных зданий, развивались парки. Однако генплан с выходящими на Волгу парками и большой площадью не был реализован. Вдоль берега Волги были расположены мясокомбинат, хлебозавод, пивзавод, хлебоприемное предприятие, нефтебаза, которые отрезали от реки общественную и жилую зоны.



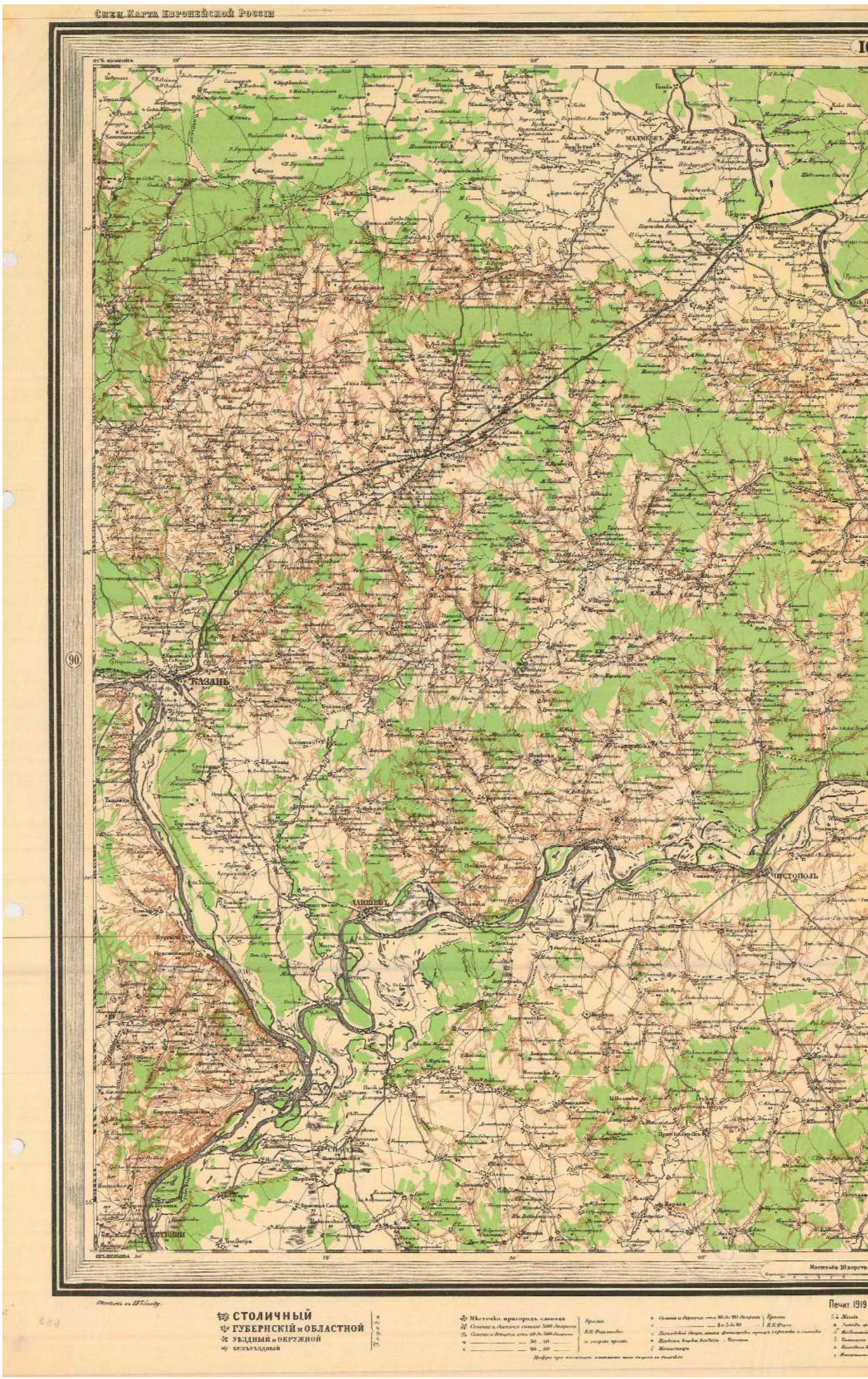
План регулярной планировки Спасска. 1822 г.



Восточнее Болгарского городища, первоначально предлагаемый как место для переноса города Спасска, по генеральному плану 1950-х гг. было образовано сельское поселение «Приволжский».

По заданию Госстроя ТАССР в 1986 г. «Татпроектом» был разработан генеральный план и детальный проект планировки Болгар, предусматривавшие увеличение масштаба кварталов с застройкой 5- и 9-этажными домами. К счастью, эти проекты не были осуществлены, так как это нарушило бы визуальные связи между новой застройкой и сложившейся системой исторических доминант.

На территории городища продолжается работа Болгарской экспедиции, которой с 1973 г. руководят Г.А. Федоров-Давыдов, Т.А. Хлебникова и Р.Ф. Шарифуллин.



Топографическая карта г. Спасска и окрестностей. 1874 г.


Изд. Воен.-Топ. Отдела Генеральн. Штаба.
109.
ЕЛАБУГА
МАМАДЫШ
МЕНЗЕЛИНСК
128
Литография Картографического Отдела.
ПЕЧАТАНО VII-1918 г.



В 1990 г. Болгар (Куйбышев, Спасск) был включен в Список исторических населенных пунктов Российской Федерации.

VIII этап (1990 — по с.д.) — современный (постсоветский)

Село Болгары в 1991 г. стало частью города, и поэтому город Куйбышев был переименован в Болгар, а Куйбышевский район — в Спасский. Таким образом, городу и району были возвращены одновременно два его исторических названия.

В 1992 г. Постановлением Кабинета Министров РТ № 571 «Об установлении территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника» и соответствующим постановлением Администрации Спасского района Республики Татарстан территория музея-заповедника площадью 416,8 га отнесена к землям историко-культурного назначения.

Чтобы спасти уникальные места, сохранить ценные водно — болотные угодья, их специфическую растительность и животный мир, 23 марта 2001 г. образован Государственный природный комплексный заказник «Спасский», который представляет собой группу из 64 островов в акватории Куйбышевского водохранилища на площади около 18 тыс. га от города Болгар до н. п. Измери.

В 2000 г. Болгар был включен в Список исторических населенных пунктов Республики Татарстан, утвержденный постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан № 38.

К настоящему времени на территории Болгарского городища известны и археологически исследованы около 30 кирпично-каменных построек различной сохранности, из которых 16 законсервированы с элементами частичной реставрации и доступны для обозрения.

На территории Болгарского городского поселения и прилегающих территорий сельского поселения с.п. «Приволжский» (в границах музея-заповедника) на государственной охране состоят: 13 памятников археологии, 10 памятников архитектуры и градостроительства, всего 23 памятника, из них 9 федерального значения. Выявлено 11 объектов с признаками объектов археологического наследия, 18 — средовых зданий.

Историко-архитектурный комплекс Болгарского городища включен в 1998 г. в Предварительный список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, повторно в 2013 г. По международным нормам охраны культурного и природного наследия при номинации в Список обязательным является требование наличия утвержденной буферной зоны (периферийного пояса охраны) вокруг объекта Всемирного наследия, как обязательной части плана сохранения.

Для обоснования границ буферной зоны Болгарского городища разработан ландшафтный анализ с целью выявления специфических фрагментов исторического культурного ландшафта во взаимосвязи природного комплекса с застройкой и выработки рекомендаций по сохранению и преемственному развитию городского ландшафта и культурно-ландшафтного разнообразия Болгара. Выявлены природные и культурные элементы ландшафта, определена взаимосвязь с ним планировки и застройки, установлены наиболее выразительные участки застройки и ландшафта, зоны зрительного восприятия архитектурных доминант, их видовых связей, определения ценных и дисгармоничных элементов, основных видовых точек и площадок панорамного раскрытия. При ландшафтном анализе также выявлены: бассейн видимости архитектурных ансамблей и доминант; зона наилучшего зрительного восприятия городского ландшафта и основные точки фотофиксации; традиционные точки панорамного раскрытия города, зафиксированные в иконографических материалах; видовые связи между доминантами и ансамблями.

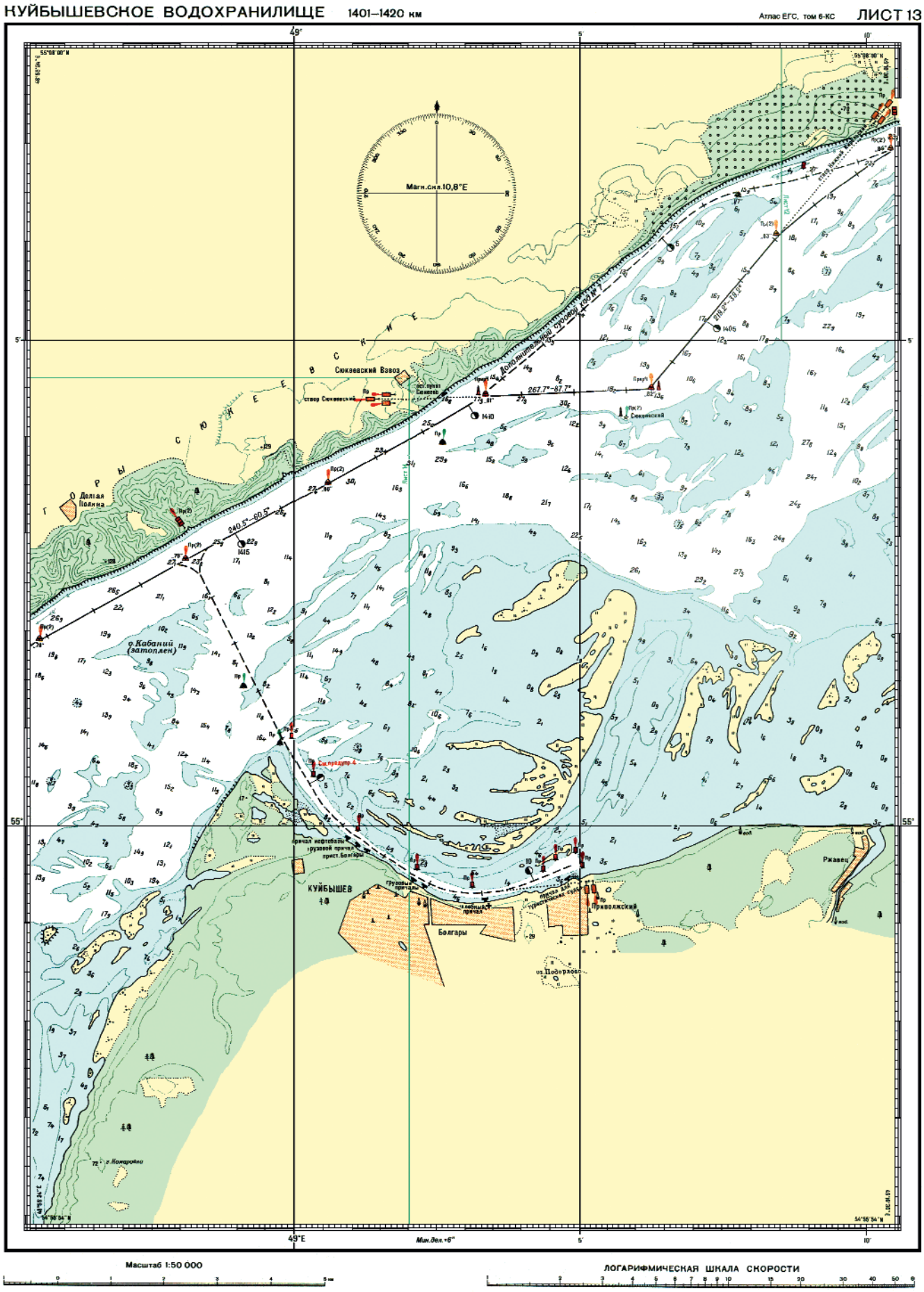
В зоне охраняемого ландшафта предлагается режим сохранения и реконструкции историко-градостроительной и ландшафтно-природной среды Болгарского историко-архитектурного комплекса, обладающих высокой историко-культурной ценностью и степенью сохранности, системы исторических речек, ручьев, озер (Мочилиище, Британкино, Три озера), исторических ландшафтов, их целостной характерной пространственно-видовой среды, древних трасс дорог (Ногайской), элементов исторического природопользования. Сохранение и восстановление элементов историко-природного ландшафта, особенностей рельефа, растительности, характерных соотношений застроенных территорий и свободных участков, склонов оврагов и пойменных долин.

Болгарский историко-архитектурный комплекс рассматривается как совместное творение человека и природы — культурный ландшафт.

В Болгарах. 1974 г. Худ. Н.О. Фрейман



Улица в Болгарах. Худ. Н.О.Фрейман. 1970-е гг.



Лист профессиональной морской (речной) карты Куйбышевского водохранилища, используемой для плавания судов: Атлас ЕгС, том 6-КС, Лист 13.
Подъем и развитие Волжской Болгарии неразрывно связано с ее удобным положением в системе речных и морских систем Евразии. Строительство Куйбышевской ГЭС превратило г. Болгар в прибрежный город, и вообще кардинально изменило природную среду вокруг него

С целью обеспечения физической и объемно-пространственной сохранности объектов культурного наследия в 2012 г. Казанским Институтом археологии под руководством советника РААСН Ф.М. Забировой и научным руководством А.Г. Ситдикова разработан Проект зон охраны Болгарского городища, который в настоящее время рассматривается государственной историко-культурной экспертизой.

Выделены следующие зоны охраны: охранная зона на территории вдоль валов Болгарского городища (ОЗ); зоны регулирования застройки (ЗР) территории города Болгар (ЗР-А) и территории СП «Приволжский» (ЗР-Б); зоны охраняемого природного ландшафта (ЗОПЛ) крутых склонов берега и оврагов (ЗОПЛ -А), лесов и острова севернее городища (ЗОПЛ-Б); зоны регулирования природного ландшафта (ЗРПЛ); зона охраняемого культурного слоя (ЗОКС); зона регулирования акватории (ЗРА).

В каждой зоне четко прописываются «правила игры» — что разрешено и запрещено в процессе градостроительной деятельности. Эти правила должны обеспечить сохранение предметов охраны Болгара как исторического поселения.

К материальным предметам охраны Болгара относятся: планировочная структура и ее элементы (Трассы древних дорог (Ногайской); планировочные структуры застройки болгарского периода, села Болгары русского времени, города Болгар советской эпохи с перенесенными зданиями из затопленного Спасска); исторически ценные градоформирующие объекты (историко-архитектурный комплекс Болгарского городища — комплекс Соборной мечети и мавзолеев XIII–XIV вв., а также Успенской церкви с колокольней XVIII–XIX вв.; комплексы застройки, сложившейся в основном в XIII–XIV, XVIII вв., объекты с признаками объектов культурного наследия, объекты ценной исторической среды); объемно-пространственная структура (градостроительные доминанты, подчиненность малоэтажной (одно-двухэтажной) застройки города этим доминантам); исторический культурный слой Болгарского городища середины I тыс. н.э. — середины XX в.; сакральные места (Габдрахман сахабэ коесы («Капитанский колодец»), Ключ Свято-Авраамининский (Туйбике), озеро «Рабига куле» (Мочилище) и три озера на территории г. Болгар).



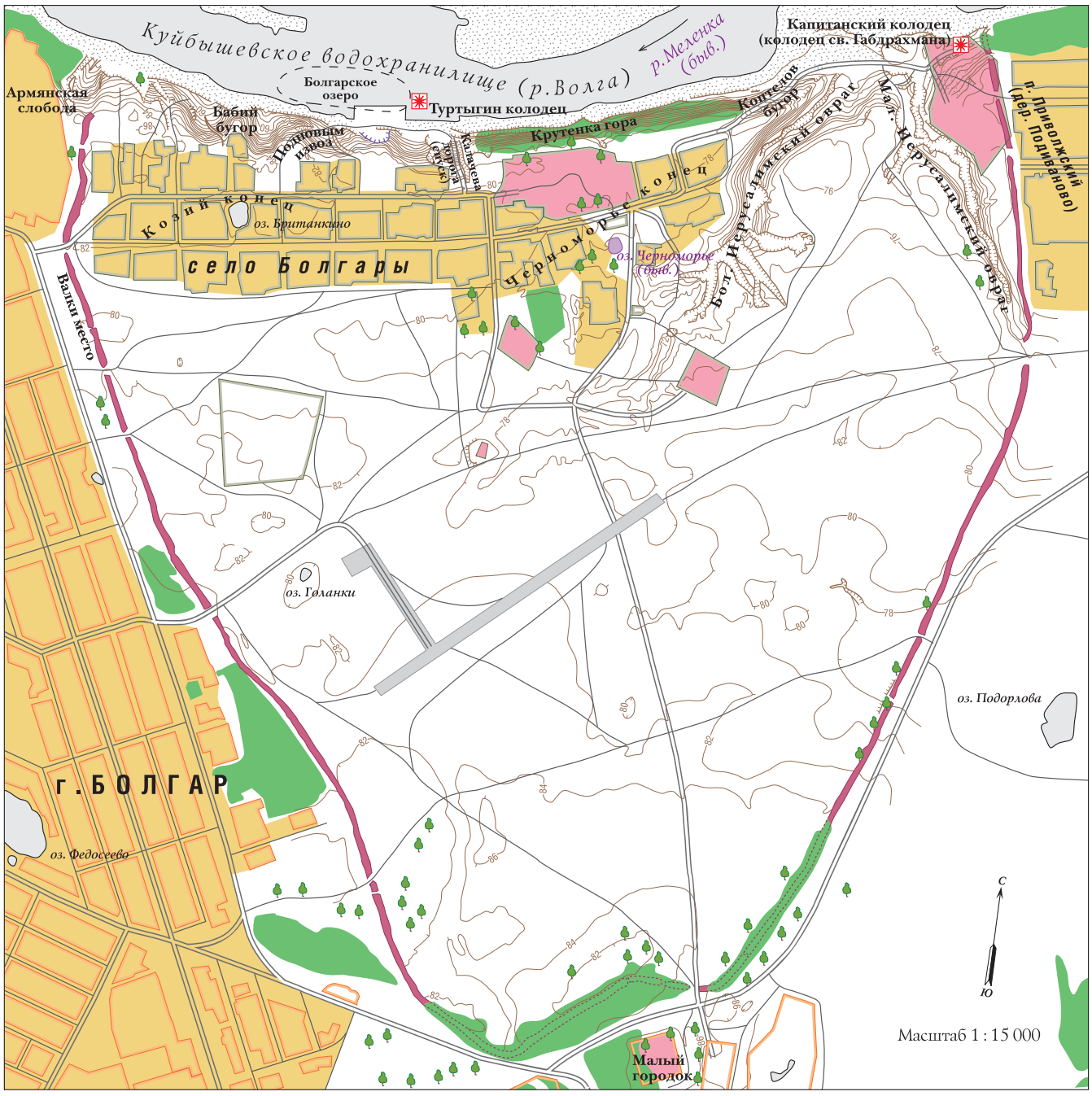
План защитных лесных насаждений на 1949–1965 гг.



Дом в Болгарах. 1974 г. Худ. Фрейман

Нематериальными предметами охраны Болгара являются: композиция и силуэт застройки (соотношение вертикальных и горизонтальных доминант и акцентов, фрагменты целостного пространственно-композиционного соотношения исторических доминант); соотношение между различными городскими пространствами (свободными пространствами на городище и доминантами сохранившихся памятников золотоордынского и русского периодов с озелененными валами, застроенными и озелененными в малоэтажной застройке середины XX в. с включенными в застройку домами XIX в.); композиционно-видовые связи (основные видовые точки и сектора обзора на «картины», виды, на панораму города, трасса панорамного раскрытия с фарватера Волги, с дороги на въезде в город Болгар, с дороги в с.п. Приволжский, соотношение природного и созданного человеком окружения, панорама исторической части города (Болгарское городище)); нематериальное культурное наследие Болгара (включает: устные традиции и формы выражения (сказки, легенды о Болгарах); исполнительские искусства и технологии (игра на народных инструментах, танцы, пение, народный театр и др.); инструментальное наследие (народные музыкальные инструменты); обычаи, обряды, праздники (празднование Сабан-туя у озера Мочилище-Рабига-куле), национальные виды спорта, знания и обычаи, ремесла и промыслы, произведения декоративно-прикладного народного художественного творчества).

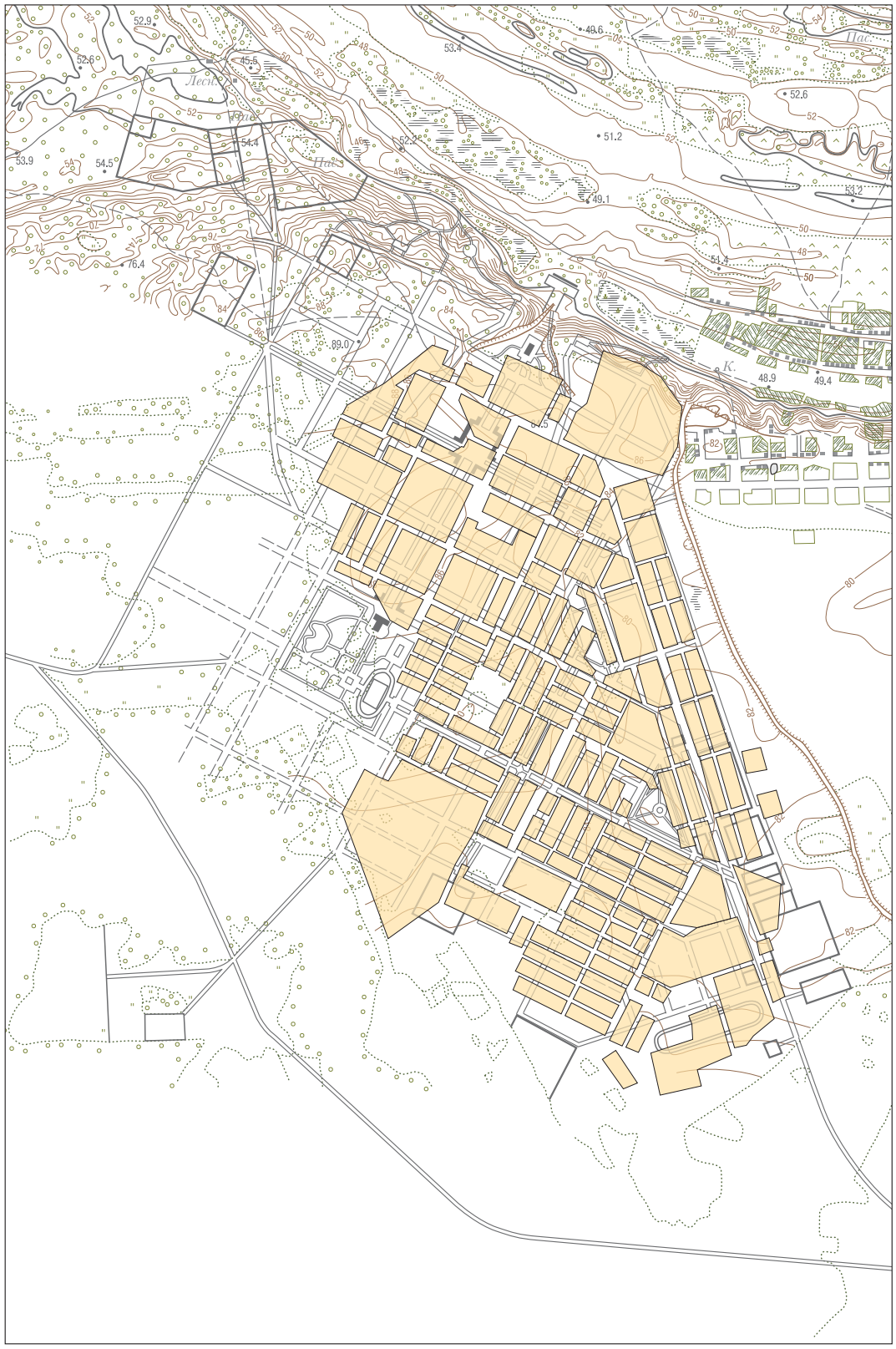
Все эти меры позволят сохранить Болгар, как уникальное историческое поселение, одно из древнейших в Поволжье, имеющее очень высокий, как материальный, так и нематериальный историко-культурный потенциал.



Характер использования территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и его окрестностей



Паломники в Болгарах на праздновании 1000-летия принятия ислама



Анализ реализации генерального плана 1952 г.

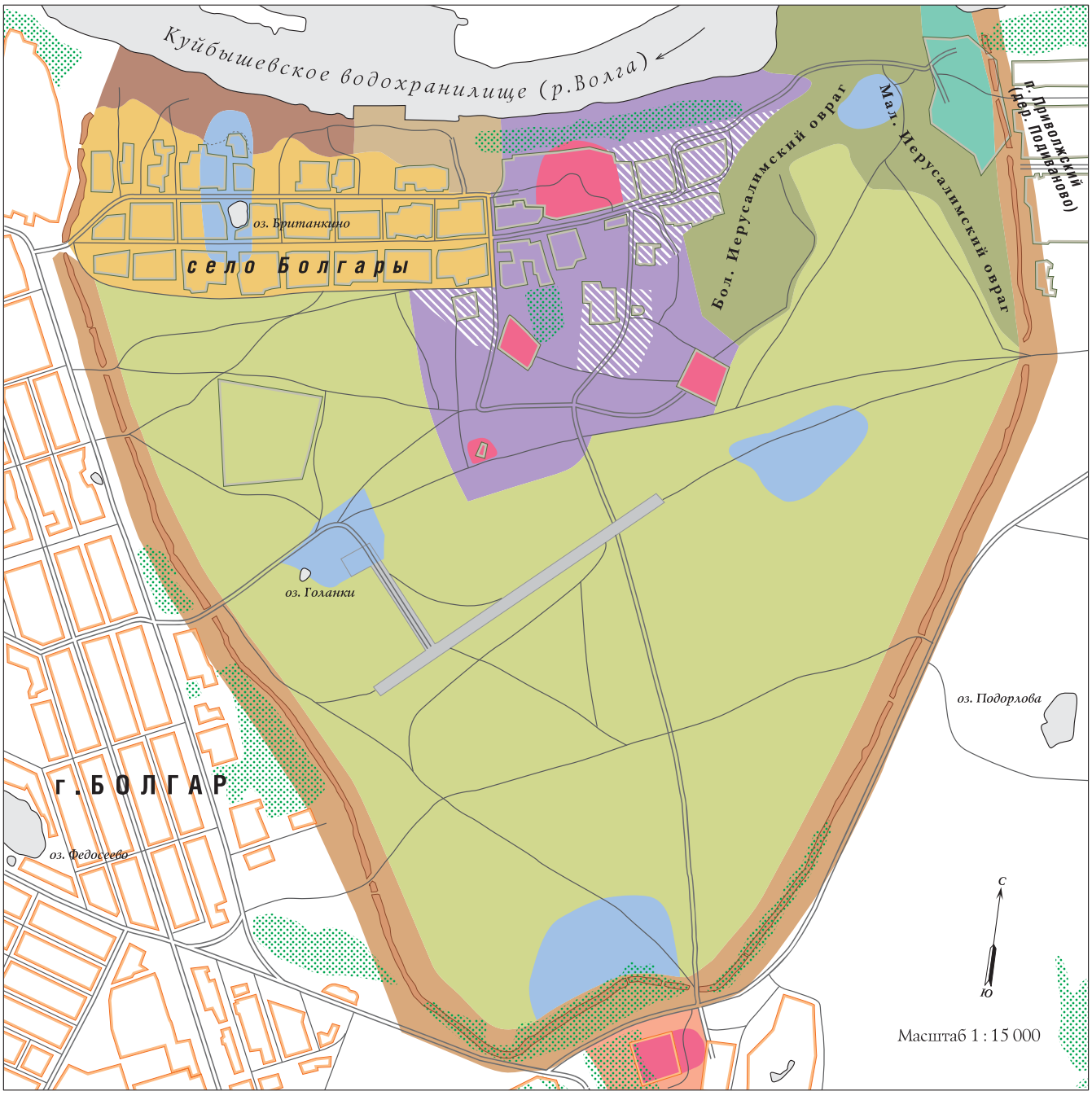


Экспликация

1 — *Судоремонтный завод*
2 — *Склад "Заготзерно"*
3 — *Мельничное предприятие*
4 — *Рыбокаптильный завод*
5 — *Электростанция*
6 — *Причалы мельничного предприятия*
7 — *Райпромкомбинат и райпищекомбинат*
8 — *Автопарка*
9 — *Артель металлических изделий*
10 — *Артель "Паппром"*
11 — *Хлебозавод*
12 — *Резервная площадка для местной промышленности и складов*
13 — *Овощехранилище*
14 — *Гаражи*
15 — *Пассажирская пристань*
16 — *Райисполком и горисполком*
17 — *Райком и дарком*
18 — *Гостиница*
19 — *Хозяйственно-кредитная организация*
20 — *Универсальный магазин*
21 — *Контора управления связи, телеграф, почта*
22 — *Дом культуры*
23 — *Кинотеатр*
24 — *Парк культуры и отдыха*
25 — *Стадион*
26 — *Нагорный сад*
27 — *Водная станция и купальни*
28 — *Педагогическое училище*
29 — *Школа механизации сельского хозяйства*
30 — *Ремесленное училище*
31 — *Больничный городок*
32 — *Поликлиника*
33 — *Санитарная станция*
34 — *Ветеринарная лечебница*
35 — *Баня*
36 — *Рынок*
37 — *Пожарное депо*
38 — *Ипподром*
39 — *Городской питомник*
40 — *Кладбище*
41 — *Контролируемая свалка*
42 — *Скотомогильник*
43 — *Узел связи МРФ СССР*
44 — *Автовокзал*

? *Предположительное местоположение объекта*

Генеральный план города Болгар 1952 г. (до затопления)



Культурно-ландшафтные районы

Исторический центр средневекового города с комплексом архитектурны памятников

Малый городок

Локальные археологические комплексы

Комплекс укреплений средневекового города (валы, рвы)

Территория средневекового города в границах крепостных стен с высоким археологическим потенциалом (ныне луговой комплекс)

Историческое поселение (село Болгары), сохранившее планировку XVIII в. и отдельные архитектурные памятники конца XIX — начала XX вв.

Территория с малоценной жилой застройкой в границах исторического центра

Пристань (причал)

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

Комплекс Иерусалимского оврага

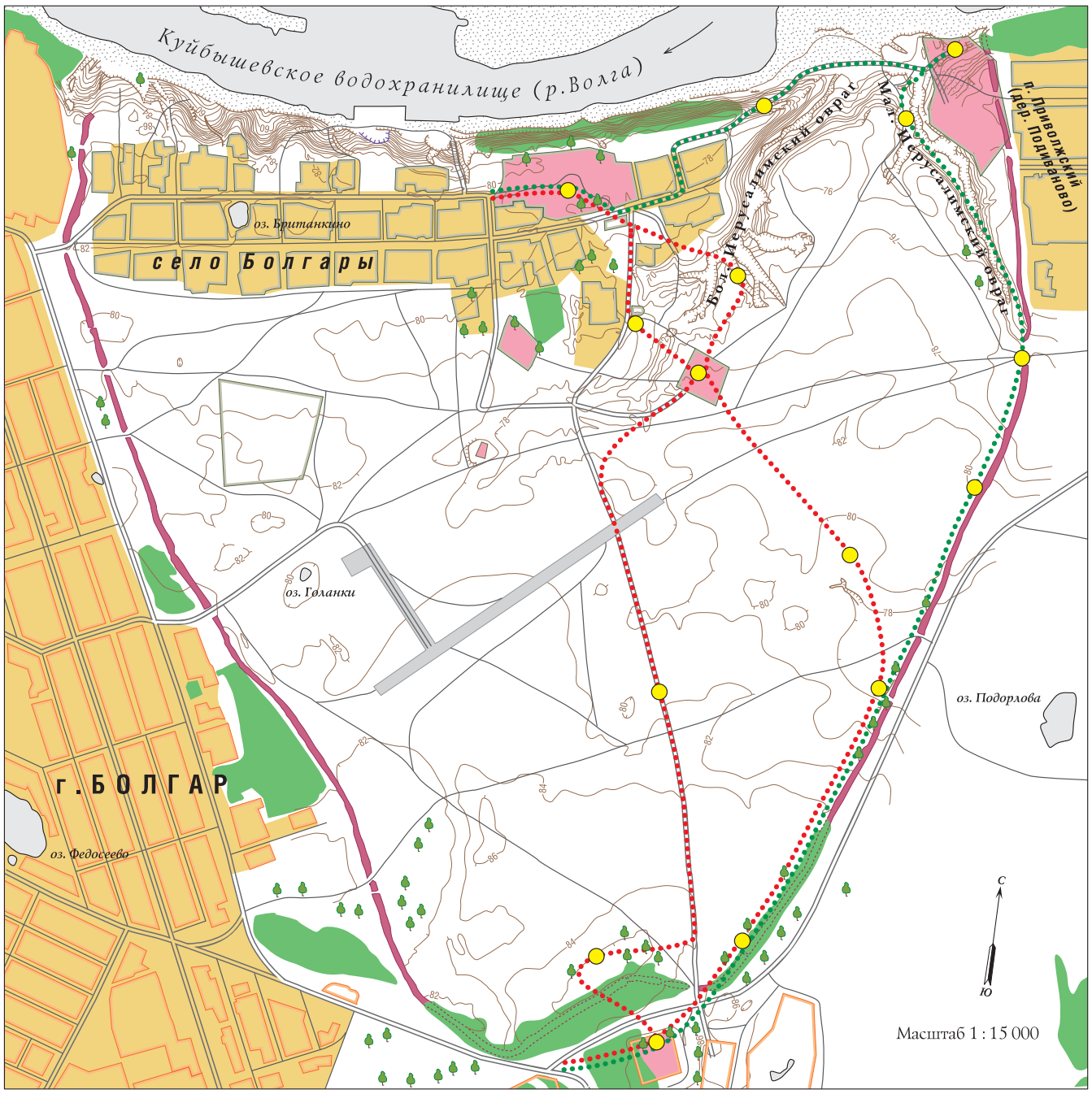
Колодец Габдрахмана и его окружение

Склон р. Волги

Наиболее значимые средневековые архитектурные комплексы

Залесённые территории

Культурно-ландшафтное районирование на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника



Перспективные эколого-культурные маршруты и тропы

Ключевые точки маршрутов и троп

Селитебные территории

Территории наиболее интенсивно используемые музеем-заповедником

Залесённые территории

Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы

Оборонительный земляной вал

Перспективные эколого-культурные маршруты по территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповеднику

Р.М. Валеев

Болгар — обьект всемирного наследия

Памятники Казани, Болгара и Свияжска занимают особое место в истории и культуры Татарстана и Российской Федерации. До середины XX в. объекты культурного наследия этих городов считались в повседневном сознании жителей республики чуть ли не единственными значимыми памятниками. В 1970–1990-е гг. была проведена огромная работа по выявлению, обследованию, фотофиксации и паспортизации памятников на территории районов и городов Татарстана. В результате этой работы было выявлено более 7 тыс. памятников археологии, истории, архитектуры и искусства, подготовлен и издан Свод памятников истории и культуры РТ, поставлено на государственную охрану более 2600 памятников и стало понятно, что эти три комплекса — только вершина айсберга.



Открытие Белой мечети на Болгарском городище

В 1998 г. по предложению Министерства культуры РТ, Президентом РТ М.Ш. Шаймиевым было сделано обращение в Министерство иностранных дел РФ, Министерство культуры РФ, Комиссию по делам ЮНЕСКО, Российский Комитет Всемирного культурного и природного наследия, а затем по заявке Российской Федерации в ЮНЕСКО о включении этих трех объектов в Предварительный список Всемирного культурного и природного наследия. («Лист ожидания»).

В 2000 г. на заседании Комитета Всемирного культурного и природного наследия в г.Кернсе (Австралия) Казанский Кремль был включен в Список Всемирного культурного и природного наследия.

Организация первым Президентом М.Ш. Шаймиевым в 2010 г. Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры и принятая Правительством РТ Комплексная программа «Культурное наследие РТ: Древний город Болгар и остров-град Свияжск» создали уникальную возможность не только для организации огромного объема научно-исследовательских, реставрационных, реконструктивных и благоустроительных работ в Болгаре и Свияжске, но и системного, последовательного продолжения деятельности по подготовке номинаций и продвижения этих объектов в Список ЮНЕСКО, а самое главное — их духовного, социально-экономического и культурного возрождения.



Соборная мечеть

Интересна уже ставшая историей подготовка номинации по Болгару. В заявке от Татарстана и Российской Федерации в ЮНЕСКО объект был заявлен как Болгарский историко-архитектурный комплекс. Одновременно с номинацией по Казанскому Кремлю в 1999 г. заявка была направлена в Париж — в Центр Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Представителем от ИКОМОС для экспертизы в 2000 г. в Казань и Болгары из Германии прибыл профессор Ханс Каспари.

По результатам этой миссии и положительным заключениям эксперта, Президиума ИКОМОС Болгарский комплекс был рекомендован к включению в Список объектов Всемирного культурного и природного наследия по критерию (iii), как уникальное свидетельство истории и культуры волжских болгар и их потомков татар, а также средневековых государств Восточной Европы — Волжской Болгарии и Золотой Орды (Улуса Джучи).

На 24 сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в г. Кернсе (Австралия) рассмотрение по Болгару было отложено, чтобы дать возможность государству-заявителю представить более детальную информацию о реконструкции Большого Минарета. На заседании 25 сессии Комитета в Хельсинки (Финляндия) вопрос о Болгарском комплексе был рассмотрен.

Вновь удалось вернуться к этому вопросу в 2010 г., когда в республике развернулись большие работы по осуществлению Комплексного проекта по Болгарам и Свияжску. В соответствии с замечаниями членов Комитета и учитывая те изменения, которые произошли в форме номинации, Болгары были представлены как историко-археологический комплекс с определением выдающейся универсальной ценности (ВУЦ). ВУЦ означает культурную или

природную ценность, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества (Конвенция п. 49). В 1998 г. совещание по глобальной стратегии в Амстердаме предложило следующее определение ВУЦ: «Особый отклик на вопросы универсального характера, общий для всех культур или разделяющийся всеми культурами». Для нас важно и почетно, что в 2005 г. в Казани состоялось специальное совещание экспертов ЮНЕСКО, посвященное концепции ВУЦ, где было заявлено, что «определение и использование ВУЦ устанавливается людьми и будет эволюционировать со временем».

В плане реализации научного обеспечения и производства работ главным сегодня является поддержание Выдающейся универсальной ценности (ВУЦ) Болгарского комплекса в долгосрочной перспективе, консервация и музеефикация выявленных объектов — важных элементов планировки средневекового города Болгара X–XV вв., регенерация территории и активная музеефикация, а также сохранение целостности и аутентичности комплексов.

Выдающаяся универсальная ценность. Болгарский историко-археологический комплекс представляет собой уникальное свидетельство существования древней цивилизации, которая сложилась в Среднем Поволжье и Приуралье в X–XV веках. Носителем этой цивилизации была Волжская Болгария, древнее государство Болгар. К XVI в. эта цивилизация прекратила свое существование, но парадигмы культуры и духовной жизни, сформировавшиеся в ней, определили на многие годы вперед характер веры, обычаев, традиций, социальных и нравственных норм жизни в геокультурном регионе Поволжья и Приуралья, положили начало современному татарскому этносу, — второй по численности нации России и другим народам Волго-Уралья.

В XIII веке на месте Болгарского комплекса была первая столица Золотой Орды. Пространственная организация Комплекса является прекрасным примером передового урбанизма в государстве Волжской Болгарии, что является одним из основных признаком цивилизации. Еще одним признаком цивилизации является наличие системы денежного обращения. В середине 1200-х гг. в Поволжье монеты чеканились в Болгаре.

Болгар — это сакральное место для всех мусульман. Олицетворяемый с пунктом официального принятия Ислама в 922 г. волжскими болгарами, комплекс является объектом религиозного поклонения, паломничества мусульман к своим святым местам с XVI в. Сегодня многие татары считают, что Болгар это их древняя и религиозная столица, культура которой дает представление о жизни болгар до монгольского нашествия на Волжскую Болгарию.

Болгарский историко-археологический комплекс — выдающийся образец мусульманской средневековой архитектуры в Европе. Это самый северный в мире памятник мусульманского зодчества XIII–XV вв., демонстрирующий высокий уровень строительной технологии и самобытный характер этой архитектуры. Архитектурные традиции древних болгар нашли свое отражение в гражданских и религиозных



Болгары. Худ. Р. Шамсутов

сооружениях современного Татарстана.

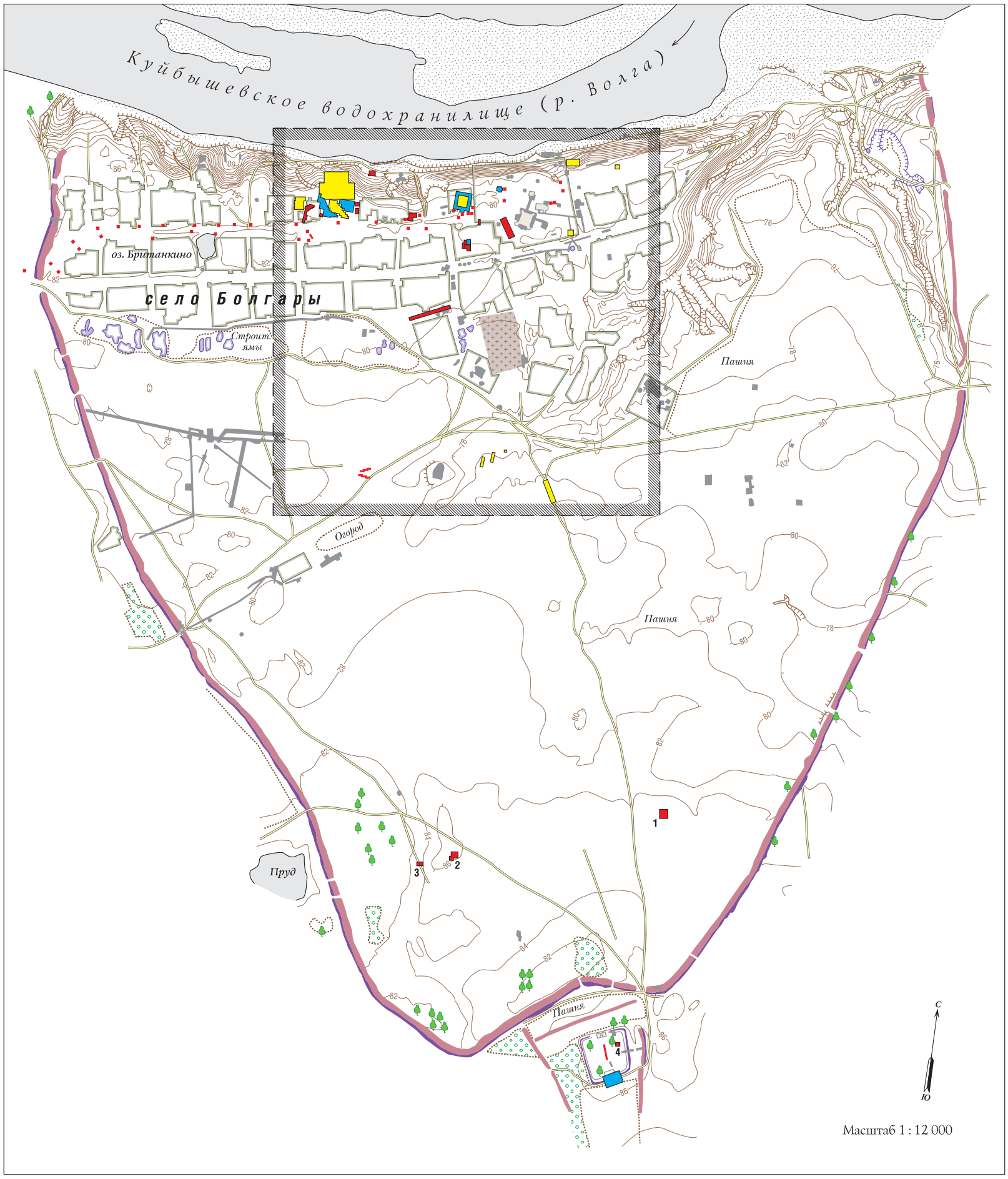
Культурный слой комплекса включает горизонт, относящийся к середине первого тысячелетия. Всего в культурном слое идентифицировано семь культурных страт. Это ценнейшее археологическое наследие.

Таким образом, Болгарский историко-археологический комплекс является уникальным свидетельством существования древней высокоразвитой цивилизации Волжской Болгарии, господствовавшей в Поволжье в X–XV веках.

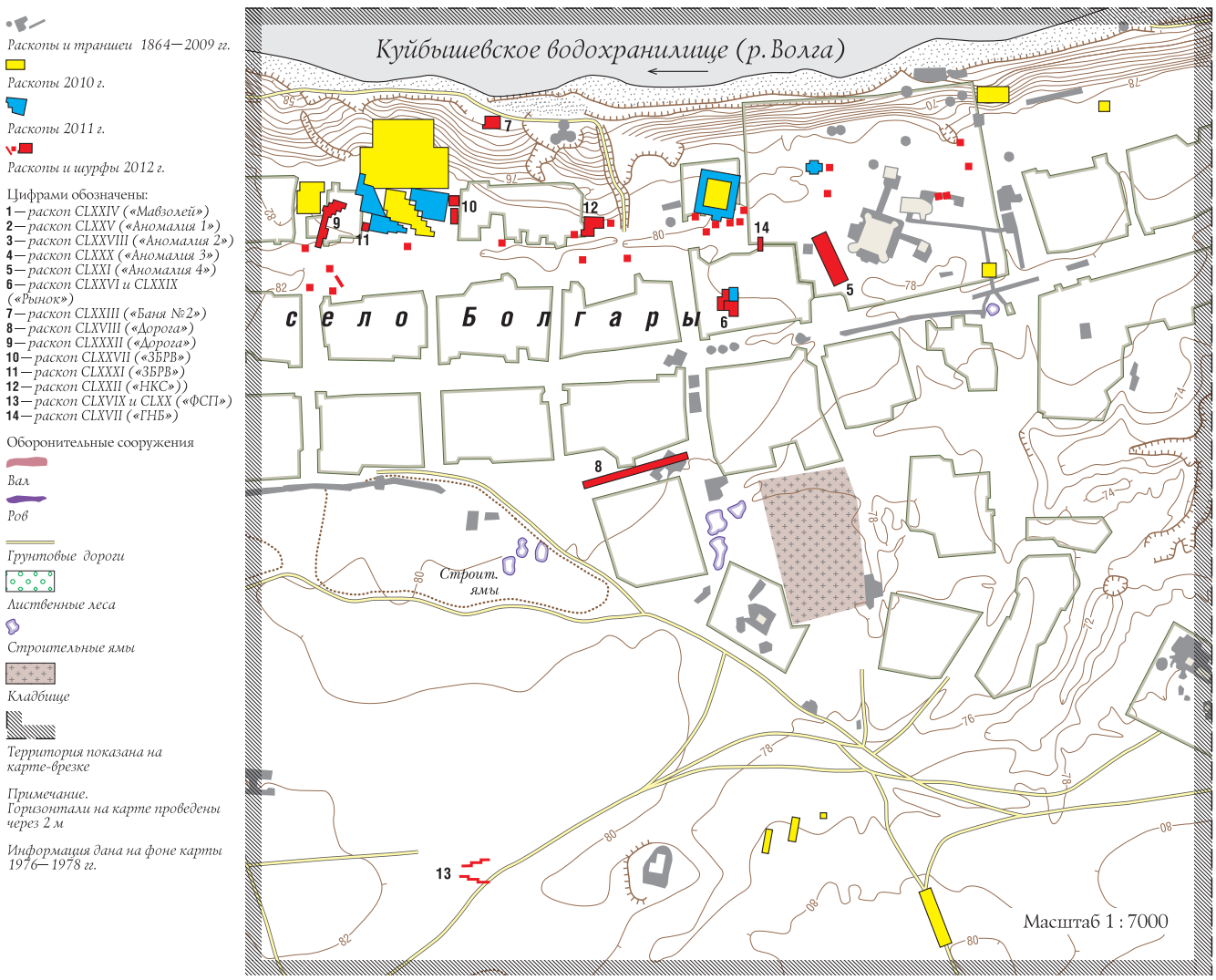
Целостность Болгарского историко-археологического комплекса обеспечивается четко установленными границами, как самого объекта, так и его буферной зоны. Фиксация границы осуществлялась таким образом, чтобы охватить наибольшую территорию города во время его существования, включая внешний вал. Статус памятника федерального значения, охраняемого государством, позволил сохранить в хорошем состоянии и полноте все архитектурные объекты и культурные археологические слои, связанные со средневековой жизнью города. Буферная зона отделяется таким образом, чтобы охватить все важные видовые точки и перспективы, чтобы предотвратить попытки многоэтажного строительства, что нарушило бы целостность исторического и визуального восприятия объекта.

Целостность объекта подтверждается и тем, что на территории были приняты все меры, чтобы сохранить все атрибуты, выражающие выдающуюся универсальную ценность объекта.

Законодательная защита номинируемой территории и ее буферной зоны вполне адекватны. Комплексная система управления объектом включает в себя как традиционные для России государственное управление через соответствующее федеральное законодательство по сохранению памятников культурного наследия, так и региональную систему управления Республики Татарстан, охватывающую государственные органы управления на региональном и муниципальном уровне, а также об-



Исследование Болгарского городища в 2010–2012 гг.



щественные организации. Целостность объекта, таким образом, надежно сохраняется.

Подлинность Болгарского историко-археологического комплекса подтверждается многочисленными описаниями в исторических документах, археологических, эпиграфических, нумизматических, топографических и иконографических материалах, старых картах и планах, опубликованных материалах и архивных документах, Подлинными являются и оригинальные элементы городской структуры, исходные строительные материалы. Сохранены археологический культурный слой и основные элементы природного ландшафта.

Вмешательство в архитектурные памятники незначительно. Архитектурные памятники комплекса подверглись музеефикации, консервации и фрагментарной реставрации с использованием строительных технологий, материалов и веществ, соответствующих данному историческому периоду.

Несмотря на то, что Большой минарет, реконструированный в 1990 г., утратил свою аутентичность, его восстановление было проведено строго по измерениям, зафиксированным на рисунках 1827 г., с учетом иконографии и многочисленных архивных материалов в точном соответствии с Венецианской Хартией. Реставрация Большого минарета была оправдана религиозными интересами и традициями верующих (паломничество мусульман, совершавших «Малый хадж» к святому месту и ежегодное празднование принятия ислама в 922 г.).

Природный ландшафт Комплекса не претерпел существенных изменений, вызванных деятельностью человека. Традиции землепользования местных жителей помогли сохранить его исторический вид.

Болгарский историко-археологический комплекс является наиболее значительным средневековым объектом Восточной Европы (X–XV вв.). Более 1500 археологических памятников в данном регионе связаны с историей древней болгаро-татарской культуры, но ни один из них не идет ни в какое сравнение с Болгарским историко-археологическим комплексом по размерам, ценности и состоянию сохранности.

До сих пор ни один из раннесредневековых памятников Поволжья (и даже Восточной Европы) не был номинирован на включение в Список всемирного наследия от России, как геокультурного региона. В категории археоло-

гических памятников, только петроглифы Сикачи-Алян в Хабаровском крае и Танаис в Ростовской области представлены в предварительном списке Российской Федерации.

Таким образом, Болгарский историко-археологический комплекс не имеет аналогов среди объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, расположенных во всем регионе Восточной Европы. Более или менее сходные объекты можно видеть в азиатском геокультурном регионе. Среди них, в частности: Минарет и археологические объекты в Джеме (Афганистан, 2002), Культурный ландшафт и археологические находки в долине Бамиан (Афганистан, 2003), Археологические руины Мохенджо-Даро (Пакистан, 1980), Древний город Таксила (Пакистан, 1994), Древний город Техте-Солейман (Иран, 2003), государственный историко-культурный парк «Древний Мерв» (Туркменистан, 1990), Древний город Куня-Ургенч (Туркменистан, 2005).

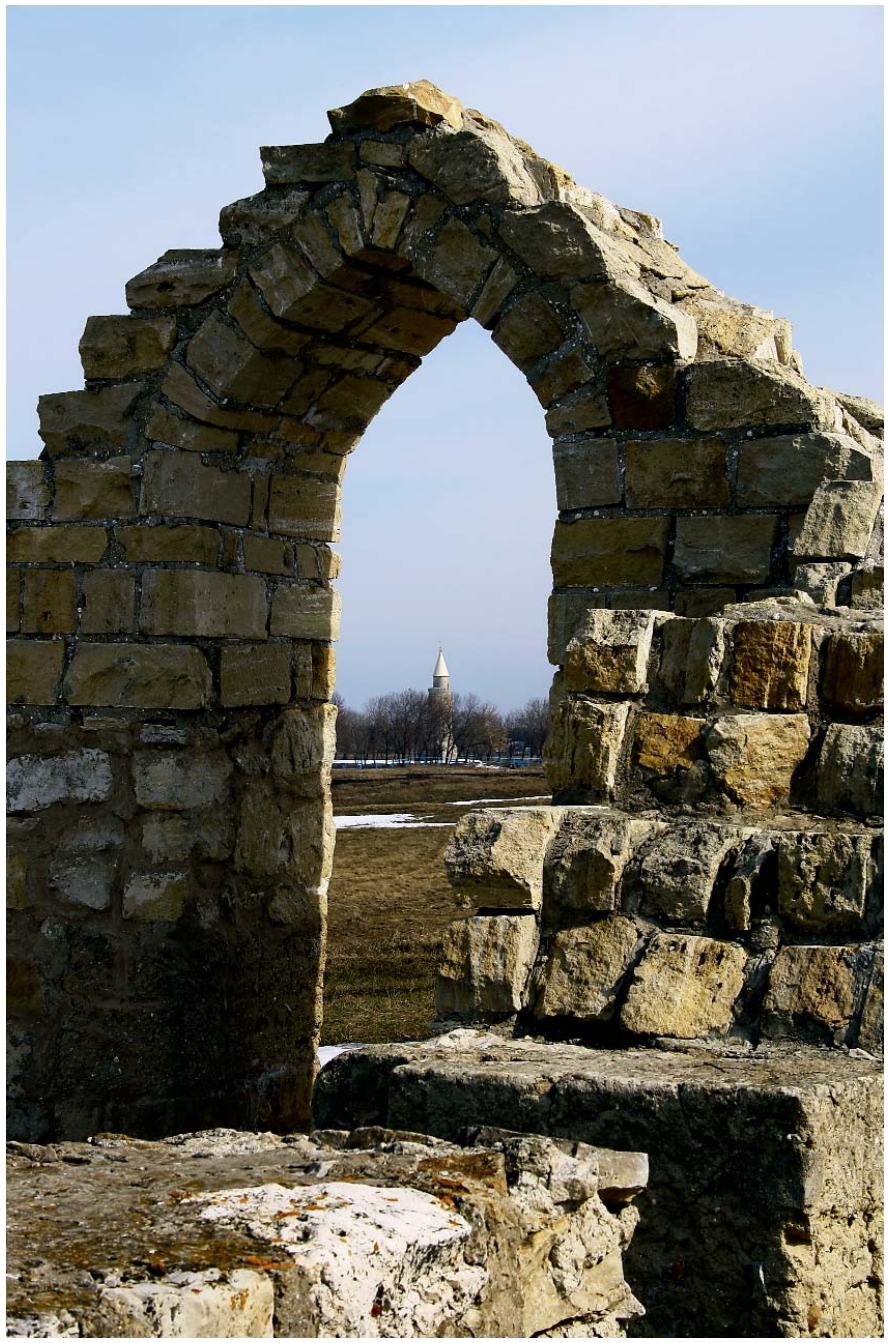
В качестве одного из подходящих мест для сравнения целесообразно рассмотреть Культурный ландшафт долины реки Орхон (Монголия, 2004, C1081), который включает в себя многочисленные археологические памятники, начиная с VI в. Здесь также обнаружены руины Каракорума XIII–XIV вв., столицы обширной империи Чингисхана.

Болгар был одним из центров Монгольской империи — Золотой Орды (Улуса Джучи), что свидетельствует о влиянии монгольской кочевой цивилизации, которое распространилось до территории Восточной Европы. В то же время, архитектурные элементы Болгара и археологические находки показывают степень трансформации монгольской цивилизации в Поволжье под действием взаимопроникновения различных культур, культурного обмена с местным болгарским этносом, распространения ислама и развития торговых связей.

Болгарский комплекс можно сравнивать с некоторыми объектами исламской культуры в Азии и арабских странах. Как показывают результаты натурных исследований, обнаруживается стилистическая общность архитектуры болгарских сооружений с архитектурой культовых зданий стран Ближнего и Среднего Востока, где господствующей религией был ислам. Единство канонических принципов объемно-планировочной организации культовых зданий в этих странах, способствующее распространению общности в архитектуре, коснулось и Волжской Болгарии.

В этом отношении Болгарский комплекс можно сопоставить с архитектурой исторических памятников Всемирного наследия Передней Азии и некоторых арабских стран. Например, Археологический город Самарра (Ирак, C276rev, 2007), Аль-Кала в Бени Хаммад (Алжир, C102, 1980), Старая крепость в Баку (Азербайджан, C958, 2000), Куня Ургенч (Туркменистан, C1199, 2005) и др.

Каждый из этих объектов в числе прочих своих атрибутов представляет собой выдающийся образец взаимодействия между общей для исламского мира культурой, сформированной в период существования Арабского халифата в VII–VIII вв. и местными традициями. Волжская Болгария, присоединившаяся к исламскому миру в X в., тем не менее, органично входит в этот ряд объектов, дополняя его ещё



Руины Белой палаты

одним наглядным примером такого взаимодействия в совершенно иных природных и климатических условиях, культурном окружении и на фоне иных местных традиций.

Важно отметить, что в случае внесения в список Болгарский историко-археологический комплекс станет в нем первым памятником в европейском геокультурном регионе, относящимся не только к уникальной болгаро-татарской культуре в частности, но и к тюркско-монгольской общности в целом. Список Всемирного наследия ЮНЕСКО содержит единственный объект, имеющий отношение к наследию Золотой Орды, — это «Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента» (Российская Федерация, 2003). При этом Дербент был частью Золотой Орды чуть более ста лет в 13–14 вв. и несёт крайне мало следов влияния золотоордынской культуры (по сравнению с Болгаром. — *ред.*).

Болгарский комплекс раскрывает важный аспект истории отношений и культурного обмена кочевых цивилизаций Азии, Европы и Ближнего Востока, и его внесение заполнит очевидный пробел в Списке Всемирного наследия, касающийся влияний кочевой Тюрк-



Древний Мерв

ской цивилизации в Восточной Европе на макроуровне. При этом Болгарский историко-археологический комплекс занял бы в Списке Всемирного наследия свою собственную нишу, будучи уникальным свидетельством существования малоизвестной до сего времени, но самобытной Болгарско-Татарской цивилизации. Это была первая высокоразвитая Исламская цивилизация в Восточной Европе. Немаловажным фактором является то, что внесение Болгарского историко-археологического комплекса в Список всемирного наследия способствовало бы гармонизации Списка, где, согласно документу The World Heritage List: Filling the Gaps — An Action Plan for the Future, превалируют христианские религиозные памятники.

Важно отметить, что среди памятников культуры, включенных в Список всемирного наследия, не существует сайтов с таким сочетанием ценностей и атрибутов, свидетельствующих о высокоразвитой культуре исчезнувших средневековых государств Волжской Болгарии и Золотой Орды в X–XV вв., какое свойственно Болгарскому историко-археологическому комплексу.



Вид на Соборную мечеть в Болгарах

Р.Р. Салихов, А.Г. Ситдиков

Город Болгар: культурное и духовное возрождение



Посещение Президентом России В.В.Путиным Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

В пространстве мировой цивилизации существует несколько основных регионов, где происходило постоянное и многообразное взаимодействие народов и культур. Таким регионом, без преувеличения, являлось Поволжье. Именно здесь, страницы истории многих народов, как бесценные жемчужины, нанизаны на связующую нить многовекового историко-культурного взаимодействия.

Изучение Поволжского региона — глобальная историко-культурная, цивилизационная проблема, имеющая выход на целый спектр наук и самостоятельных направлений научного поиска. В наше время, когда еще велико влияние деструктивных, разрушающих единство мира факторов, чрезвычайно важно искать и находить пути его объединения. В этом видится важнейший смысл и глубокий подтекст.

Большой интерес к истории и культуре нашего края и народов, населявших его в прошлом вполне закономерен. История Поволжья была насыщена драматическими коллизиями и поворотами, что определялось, в первую очередь тем, что здесь еще с эпохи древности сложился настоящий узел контактных зон и пересечений цивилизаций. В этом «плавильном котле» образовывались многие культуры и великие государства прошлого, которые внесли огромный вклад в развитие евразийской цивилизации и являются ее неотъемлемой частью. Поэтому, изучение исторических процессов, в частности эпохи средневековья, может пролить свет на истоки многих современных проблемных ситуаций.

Несомненно, что комплексное изучение истории поволжского региона имеет огромный исследовательский и практический интерес, и уже закономерно способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира. Сегодня, благодаря слаженной работе Академии наук Татарстана и Российской Академии наук, их институтов и подразделений, вновь образованного в Казани федерального университета, при поддержке государственных структур осуществляются комплексные научные исследования.

Не удивительно, что сохранившиеся руины — свидетели реальных событий многовековой давности, издавна привлекали внимание путешественников, исследователей природы, художников, коллекционеров и просто кладоискателей, причем последние развили здесь целый промысел по добыче и перепродаже древностей, разбирая при этом кладку еще сохранившихся зданий, чем способствовали их интенсивному разрушению и полному исчезновению.

В феврале 2010 г. Указом первого Президента РТ Минтимера Шаймиева был учрежден Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры. Его главной миссией было и остается сохранение и развитие исторических, культурных, духовных традиций многонационального народа, проживающего на территории Татарстана.



Государственный советник Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев, Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, директор Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Т.П.Ларионова

Ключевой задачей деятельности фонда является реставрация двух жемчужин республики, центров мусульманской и православной культуры: Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника и Государственного историко-архитектурного и художественного музея «остров-град Свияжск».

Особенность этих древних городов заключается в духе времени, ощущении возрождения веры и культуры, которое царит там, в волшебстве архитектуры и богатстве природы этих краев.

Под непосредственным руководством Государственного советника Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева развернулась масштабная, не имеющая аналогов в мировой практике, по настоящему ювелирная работа, направленная на сохранение, реставрацию бесценных памятников отечественной культуры, являющихся уникальным и неотъемлемым достоянием человеческой цивилизации. «Возрождением во имя добра, дружбы и согласия» назвал

М.Ш. Шаймиев подвижническую деятельность ученых, реставраторов, строителей, музейных работников, всех россиян, помогающих словом и делом, бережному восстановлению святынь. Трудно переоценить социально-экономическое, гуманитарное, просветительское значение этой благородной деятельности. Древний Болгар и остров-град Свияжск на глазах превращаются в крупные международные музейно-туристические комплексы, коренным образом меняются бытовые условия их жителей, появляются новые очаги культуры, современная транспортная инфраструктура, что, безусловно, способствует повышению инвестиционной привлекательности как республики, так и Российской Федерации в целом. Огромное значение для успешной реализации целей и задач Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры, имеет активное, каждодневное участие и помощь руководства республики, лично Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова.

Безусловно, решающая роль в осуществлении сложнейших задач сохранения и возрождения объектов культурного наследия принадлежит Президенту Российской Федерации В.В. Путину, который в августе 2012 г. посетил древний город Болгар и остров-град Свияжск, дал высокую оценку деятельности органов власти, широкой общественности Татарстана, подчеркнув, что данный проект способствует толерантности и культуре диалога между народами и конфессиями. Памятники архитектуры и истории, символы древних традиций становятся сегодня значимым ресурсом экономического, и — что еще важнее- духовного развития региона.

В рамках проекта, реализуемого Республиканским Фондом «Возрождение», осуществляется реконструкция и строительство 62 объектов в Свияжске и в Болгаре, в Свияжске проводятся масштабные реставрационные работы на памятниках XVI–XVII вв., в Болгаре ведутся беспрецедентные археологические раскопки и реставрируются памятники X–XI вв. Это позволяет говорить о нем как о крупнейшем совместном проекте государства, бизнеса, религиозных организаций и общественности по возрождению культурного наследия.

Сохранение и возрождение исторического наследия Татарстана стало по настоящему общенародным делом. Среди участников проекта, как говорится, и стар, и млад. Если самому маленькому участнику проекта исполнилась всего неделя, когда любящие родители внесли средства на счет Фонда, то самому старшему — 103 года.

Общий объем инвестиций из федерального и республиканского бюджетов в 2010–2012 гг. составил 2400 млн рублей. Многое делается и за счёт инвесторов.

За время существования Республиканского Фонда «Возрождение» был выполнен немалый объем работы. В результате проведенной восстановительной работы изменился и продолжает меняться облик исторических памятников. Успешно реализуются поставленные задачи по возрождению ценнейших памятников истории, культуры, уникального зодчества и духовности.

В рамках проекта осуществляется реконструкция и строительство 31 объекта в Свияжске и 30 объектов в Болгаре.



Посещение Президентом России В.В. Путиным Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

В 2011–2012 гг. на острове Свияжск после проведенных ремонтно-строительных и реставрационных работ открыты 14 объектов. На остров был проведен газ, построены новые жилые дома, дороги, мосты.

В Болгаре отреставрировано, построено и сдано в эксплуатацию 10 объектов.

В рамках реализации программы в 2010–2011 гг. велись раскопки Болгарского городища. Исследования были направлены на изучение разрушаемого культурного слоя на местах производства строительных работ, по музеефикации, благоустройству территории памятников.

Археологические исследования проводились под научным руководством Института истории им. Ш. Марджани АН РТ с привлечением специалистов Казанского (Поволжского) федерального университета, Института археологии РАН и других научных и учебных учреждений. Кроме представителей научного сообщества в работах принимали участие студенты и школьники Татарстана, соседних регионов.

Широкие археологические раскопки памятника дали интересный материал по истории их формирования и развития средневековой материальной культуры Восточной Европы. Исследования велись с широким применением современных методов изучения. Новые результаты были получены неразрушающими геофизическими и дистанционными аэрокосмическими методами, позволившим локализовать многие монументальные каменные здания, находящиеся под толщей культурного слоя. Новую страницу изучения открыли исследования предметов материальной культуры комплексом естественнонаучных методов, направленных на реконструкцию палеоэкологии, технологических особенностей изготовления средневековых изделий, а также изучение антропогенетики населения средневекового Болгара.

Полученные материалы в 2010–2011 гг. позволили узнать много нового о казавшихся хорошо известных фактах истории и культуры Болгара, а также изменить устоявшиеся представления о застройке и планиграфии средневекового города. Это стало возможным благодаря значительным по площади археологическим исследованиям на территории памятника. Общим объем исследований составил около 20 тыс. кв. м раскопов на территории городища. В их осуществлении приняло участие около 150 специалистов и лаборантов, а также ра-

Эмблема Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры

Перспективы развития Болгарского музея-заповедника

Болгарское городище с его уникальными памятниками и богатым культурно-ландшафтным окружением является историко-культурным комплексом, который в совокупности своих ресурсов имеет высокий научный, культурно-просветительный и туристский потенциал. Сформированный на его основе музей-заповедник может стать не только региональным туристским центром, но и весьма привлекательным объектом на туристской карте России и мира в целом.

Стратегия музейного развития этой территории должна базироваться на создании системы различных музеев, паломнических и эколого-культурных маршрутов по территории Болгарского городища, автобусных и речных экскурсионных маршрутов в его окрестностях. Это позволит достаточно равномерно распределить посетителей по исторической территории и избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты.

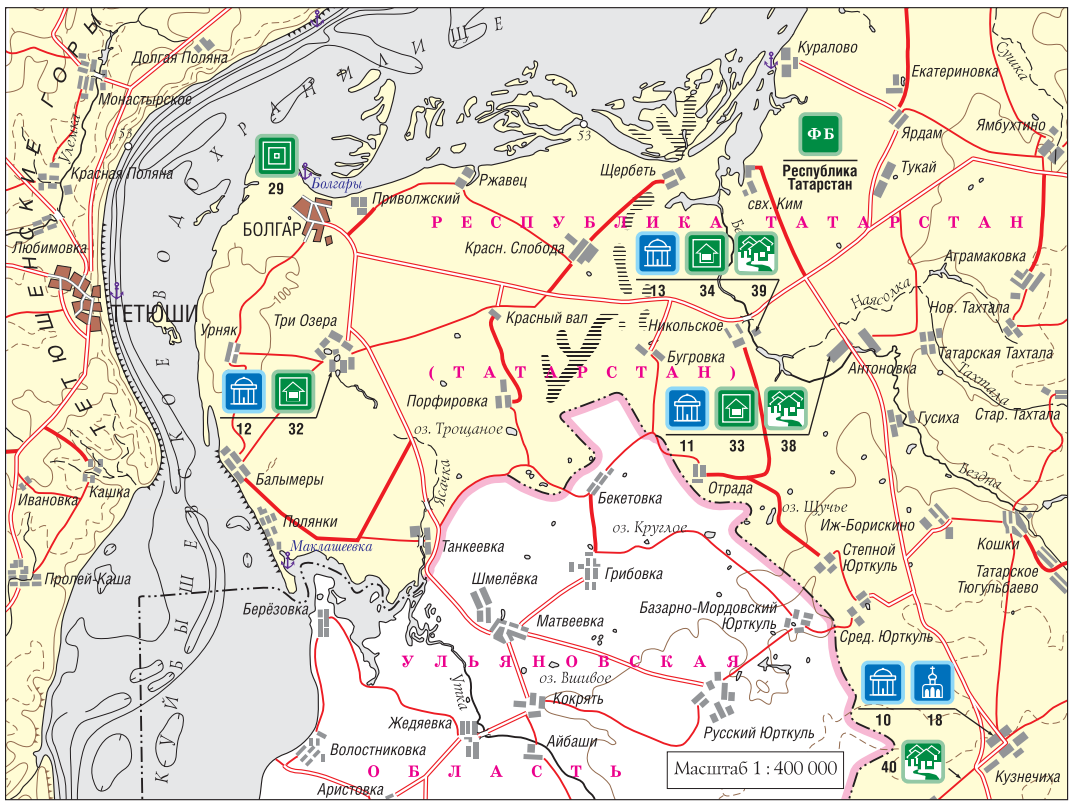
Сохранение и использование культурного наследия Болгарского городища в статусе музея-заповедника позволит обеспечить решение следующих важных задач:

— сохранение уникального объекта культурного наследия;

— включение комплекса культурного и природного наследия исторического Болгара в систему общероссийских и международных туристских программ;

— развитие значимого общероссийского духовного центра мусульманских народов;

— создание научно-методического центра изучения истории и культуры Волжской Болгарии





Перспективное развитие Болгарского государственного историко-культурного музея-заповедника и его окрестностей

Музейно-реставрационные проекты

Комплексные музейные объекты

Музейные объекты

Музеефицированные объекты

Архитектурно-археологические объекты

Памятники культовой архитектуры

Научная реставрация памятников археологии

Туристическая инфраструктура

Гостиницы

Гостиничные комплексы

Гостевые дома

Палаточный лагерь

Информационный визит-центр

Научно-образовательные проекты

НИР

Разработка и проведение научных, научно-методических, научно-исследовательских и проектных работ

Создание профессионального училища по возрождению ремёсел и обучению задачам туристического сервиса

Развитие музея-заповедника

Изменение границ музея-заповедника за счёт присоединения территорий

Наделение музея-заповедника земельными участками (приобретение) для создания филиалов в окрестных сёлах

Строительство и благоустройство объектов

ФБ

Воссоздание фонда «Болгар» (Сбор добровольных пожертвований, даров и средств на развитие Болгарского музея-заповедника)

Обустройство функциональных зон музея-заповедника

зоны «Новый центр»

зоны «Пристань»

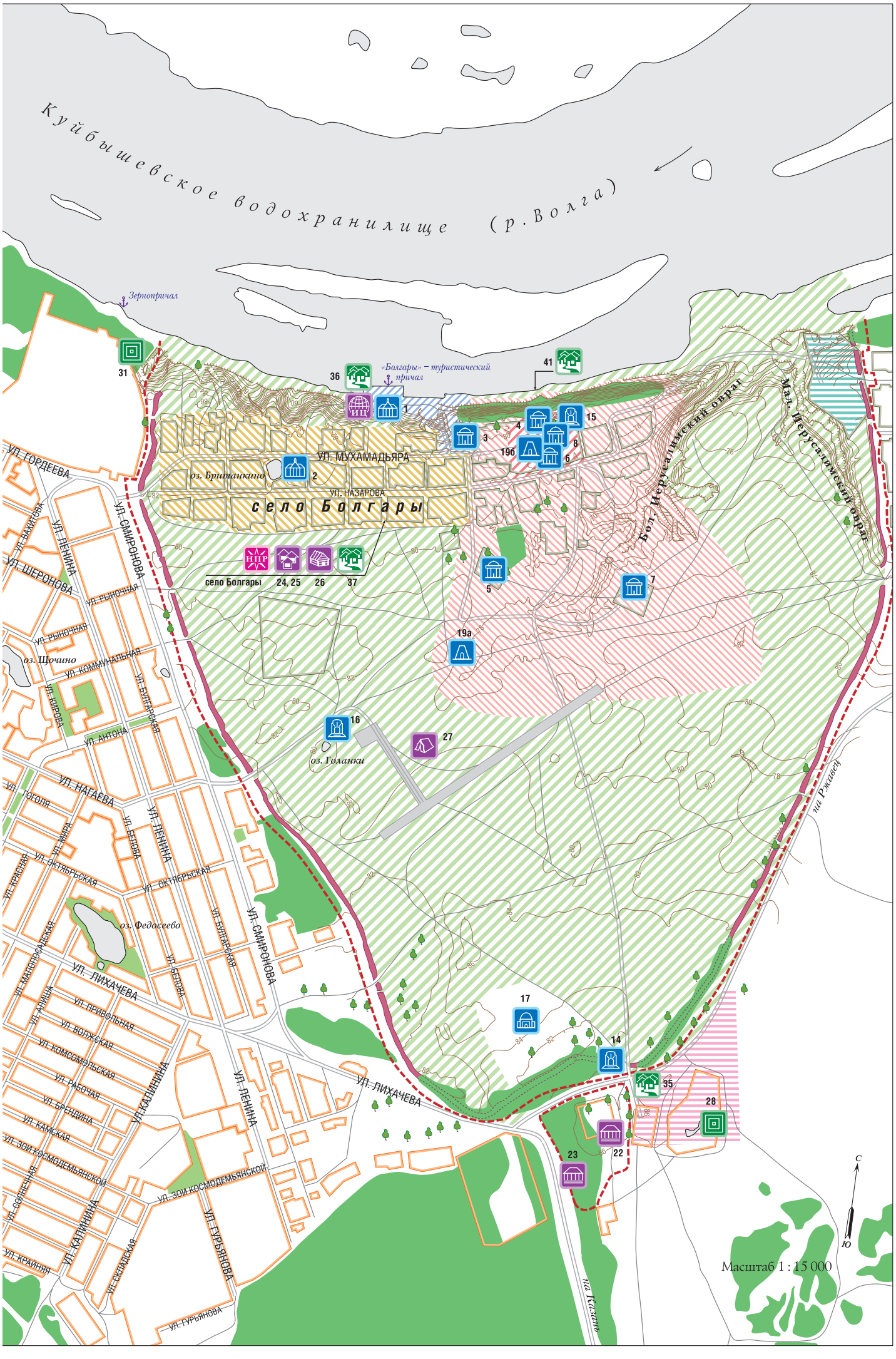
зоны «Основной экспозиционный и культовый центр

зоны «Новый культовый комплекс»

Селитебной зоны

Центральной археологической зоны

Экологической зоны



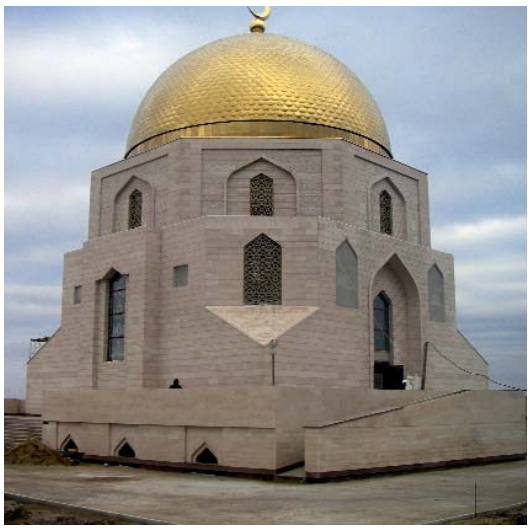
Границы
Республики Татарстан
Болгарского городища

Населённые пункты
Города
ТЕТЮШИ
от 10 000 до 50 000 жителей
БОЛГАР
менее 10 000 жителей
Посёлки сельского типа
Порфировка
менее 1 000 жителей

Автомобильные дороги
Усовершенствованные шоссе
Шоссе
Улучшенные грунтовые дороги
Основные проезды г. Болгар и дороги с асфальтовым покрытием
Прочие проезды г. Болгар и дороги без твёрдого покрытия

Залесённые территории
Древесно-кустарниковая растительность
Территория аэродрома с остатками взлётно-посадочной полосы
Оборонительный земляной вал

Цифрами обозначены:
1 — *Музей Болгарской Цивилизации*
2 — *Этнографический музей*
3 — *Музей расположенный вдоль склона*
4 — *Северный мавзолей*
5 — *Чёрная палата*
6 — *Восточный мавзолей*
7 — *Ханская усыпальница у Малого минарета*
8 — *Успенская церковь*
9 — *Музей городской истории*
10 — *Музей в селе Кузнечиха*
11 — *Музей усадебной культуры в селе Антоновка*
12 — *Музейный филиал в селе Три Озера*
13 — *Музейный филиал в селе Никольском*
14 — *Валы - оборонительные укрепления*
15 — *Ханский дворец*
16 — *Гончарные мастерские*
17 — *Мавзолеи*
18 — *Реставрация музея в селе Кузнечиха*
19 — *Реставрация объектов культурного наследия (**а** — Белой палаты; **б** — Ханской мечети)*
20 — *Гостиница «Регина»*
21 — *Развитие сети туристических гостиниц*
22 — *Малая комфортабельная гостиница*
23 — *Мотель*
24 — *Этнографическая гостиница в бывших сельских домах (туристическая деревня)*
25 — *Ведомственная музейная гостиница (в бывших сельских домах)*
26 — *Гостевые дома (приём туристов владельцами частных домов)*
27 — *Палаточный лагерь для паломников (временный)*
28 — *Присоединение к музею-заповеднику территории к востоку от Малого Городка*
29 — *Присоединение к музею-заповеднику территории Ага-Базара*
30 — *Присоединение к музею-заповеднику территории вокруг озера Рабига (Мочилище)*
31 — *Присоединение к музею-заповеднику Армянской колонии*
32 — *Наделение музея-заповедника земельным участком в селе Три Озера*
33 — *Наделение музея-заповедника земельным участком в селе Антоновка*
34 — *Наделение музея-заповедника земельным участком в селе Никольское*
35 — *Благоустройство нового въезда в музей-заповедник*
36 — *Строительство речного причала*
37 — *Ликвидация дисгармоничной застройки в селе Болгары (расселение сельских жителей)*
38 — *Строительство новой школы в селе Антоновка для освобождения здания старинной усадьбы, занимаемой школой*
39 — *Возрождение конезавода в селе Никольское*
40 — *Строительство дороги Кузнечиха-Сувар*
41 — *Берегоукрепление*



Памятный Знак в честь принятия ислама болгарами в 922 г.

ботало при вскрытии культурных напластований в качестве рабочих около 800 человек из многих организации республики и других областей.

В ходе последних трех лет археологических исследований были получены уникальные данные о средневековой истории г. Болгара. В ходе раскопок на территории городища были изучены целые районы жилой застройки в центральной части городища с остатками усадебной застройки. Одним из крупных объектов, на котором проводились раскопки этих лет является здание Ханского дворца. К числу крупных монументальных зданий изученных в центре городища относятся и остатки каменной бани у речного вокзала

Кроме исследований в центральной части были осуществлены раскопочные работы и на других участках огромного городища. Раскопки на Малом городке на южной оконечности городища выявили остатки белокаменного здания середины XIV в. Вблизи южных ворот Болгара были обнаружены остатки фундамента большого каменного мавзолея XIV в. Объектом самостоятельного исследований стали захоронения средневековых некрополей памятника, давшие интересный материал по погребальным традициям того времени. В ходе планомерных работ были также вскрыты остатки гончарных горнов, локализованные в районе Галанкиного озера.

Сооружения, найденные в результате исследований, стали объектом планомерного изучения и проведения реставрационных работ. С целью сохранения выявленных объектов были проведены не только консервация обнаруженных сооружений, но и разработаны и сооружены защитные сооружения над объектами, не только обеспечивающие сохранность древних сооружений, но и формирующие новое историко-культурного пространство памятника для массовых туристических посещений.

В ходе раскопок последних лет был получен уникальный материал иллюстрирующий быт горожан. В числе интересных находок многочисленные изделия гончарного и кузнечного ремесла. Привлекают внимание привозные изделия из Ирана, Нижнего Поволжья, Китая, Ближнего Востока, Крыма и других регионов Евразии. В числе находок имеется и несколько кладов в виде монетных сбережений, а также спрятанные некогда предметы украшений.

Фундаментальное значение для комплексных научных исследований древнего Болгара имеет Международный Болгарский Форум, учрежденный по инициативе Государственного советника Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева, объединяющий ведущих специалистов, занимающихся историей, культурой и наследием болгарской цивилизации. За последние два года Форум стал постоянной площадкой для координации и обмена знаниями между учеными из России, Украины, Болгарии, Венгрии, Молдовы, Казахстана, Китая, Монголии и других государств. Так, 6 — 9 сентября 2012 г. в Алтайском крае и Республике Алтай прошел III Международный Болгарский форум, в рамках которого состоялось открытие II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. В ходе дискуссий на площадках симпозиума были выработаны концептуаль-



Государственный советник Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев

ные основы исследований тюркской цивилизации, оказавшей определяющее воздействие на исторические судьбы Евразийского континента. С 22 по 25 октября 2012 г. в Варне (Болгария) под патронажем Президента Республики Болгарии Росена Плевнелиева и при поддержке Министерств культуры Республики Татарстан и Болгарии, Союза болгарских ученых состоялся IV Международный Болгарский форум, организованный Республиканским фондом возрождения памятников истории и культуры РТ, Академией наук Болгарии и Академией наук Республики Татарстан.

Одной из основных задач мероприятия являлось изучение процессов, происходивших в древности на огромной территории от Великой Китайской стены на Востоке до Дуная на Западе, где предки тюркских и славянских народов, сформировали уникальную евразийскую цивилизацию. Свои научные исследования представили свыше 50 ученых Европы, России и стран СНГ.

Результаты дискуссий, новейшие научные открытия в самых разных отраслях гуманитарного знания, позволили международному коллективу авторов подготовить фундаментальный научный труд — Атлас «Bulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации», который представляет собой комплексное научное картографическое изложение истории Болгарской цивилизации, уходящей корнями в древнюю тюркскую культуру Центральной Азии и распространившейся в раннем Средневековье в Восточной Европе на пространстве от Балкан до Среднего Поволжья. В книге впервые подробно изложена история миграций болгар



Торжества в честь Дня принятия ислама

после распада их древнейшего государства Великой Болгарии в Приазовье, которые привели к образованию Болгарского царства на Балканах и Волжской Болгарии. Особое внимание уделено контактам болгар с окружающими их народами и культурами (тюрками, финно-уграми, славянами), характеристике материальной и духовной культуры Волжской Болгарии, являвшейся в X–XIII вв. одним из крупнейших государств Восточной Европы, а также излагается история и культура Болгарского царства на Балканах. В Атласе рассказывается о роли и значении болгарского наследия в культуре современных народов татар и чуваш, о древних и современных культурно-исторических связях потомков двух ветвей болгарской народности — дунайской и волжской. Книга включает в себя более 100 исторических карт, планов и схем, отражающих пространственную историю Болгарской цивилизации. В качестве иллюстраций использованы исторические реконструкции ведущих специалистов, фотографии предметов и конструкций из раскопок памятников Центр Азии, Крыма, Кавказа, Балкан и Поволжья.

Иными словами, возрождение памятников древнего Болгара, инициировало дальнейшее развитие целенаправленных, комплексных исследований, с привлечением широкого круга опытных специалистов: археологов, историков, источниковедов, этнологов, искусствоведов, которые на основе вновь выявленных документальных материалов, разностороннего анализа источников археологического и письменного характера, дают целостную картину формирования болгарской цивилизации, определяют ее место в контексте истории Евразийского континента.

В целях научно-методического обеспечения проводимых работ создан Международный научно-методический Экспертный Совет Республиканского Фонда «Возрождение». Очень важно, что при содействии Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, в состав Экспертного совета вошёл и активно работает Специальный Советник Генерального директора ЮНЕСКО и Генерального директора ИККРОМ господин Мунир Бушенаки.

Осенью 2012 г. Татарстан принял экспертов ИКОМОС (Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест), МСОП (Международный Союз Охраны Природы) и ИККРОМ (Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей) для оценки объектов Болгара и Свияжска. Экспертами положительно были отмечены приверженность стандартам Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, большой потенциал достопримечательных мест, а самое главное — всеобщий интерес к возрождению культурного наследия древнего Болгара и острова-града Свияжск.

Большое внимание уделяется воспитанию у молодежи и школьников уважения к истории и культуре. В связи с этим интересен и полезен опыт Татарстана по программам ЮНЕСКО в сфере образования, прежде всего «Ассоциированных школ ЮНЕСКО». На сегодняшний день в Республике действуют 7 сертифицированных ассоциированных школ ЮНЕСКО и еще около 20 проходят подготовительный период.

В целом, хотел бы подытожить: сотрудничество Татарстана с ЮНЕСКО расширяется с каждым годом и надеюсь, что впредь все больше и больше идеалы ЮНЕСКО, а в особенности идеи культурного разнообразия во имя диалога и развития, будут входить в повседневную жизнь наших граждан, формируя сознательное гражданское общество.

Сохраняя в Болгаре и Свияжске очарование старины, неповторимый дух истории, здесь создаются современные туристические центры, оснащенные по последнему слову архитектурной и технической мысли, проводятся работы по развитию инфраструктуры (причалы, коммуникации, гостиницы).

Построенные сегодня объекты станут наследием для будущих поколений.

Д.Д. Хисамова

Великий Болгар в изобразительном искусстве Татарстана

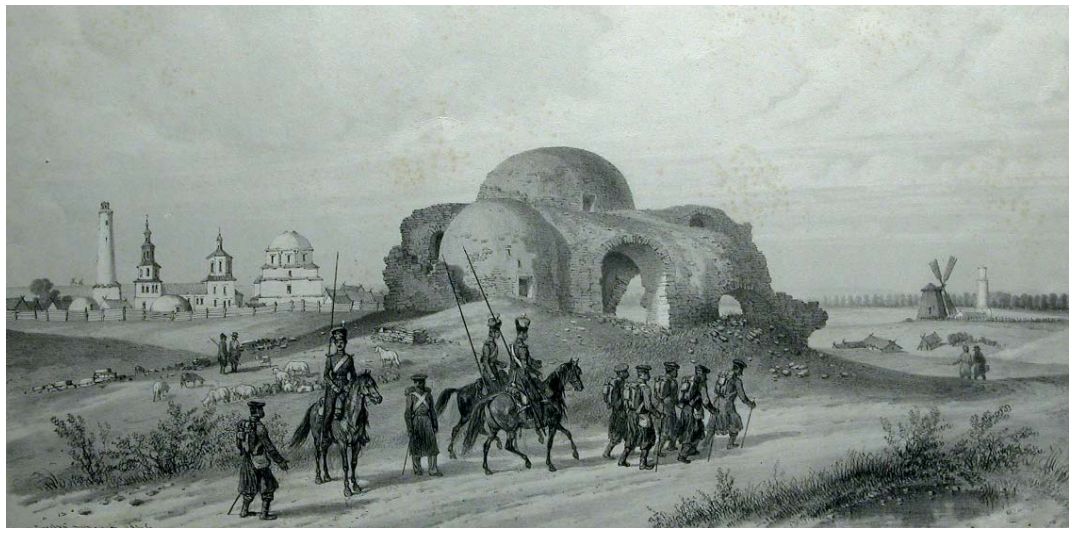
Некогда древняя цивилизация, существовавшая на территории огромного ареала Евразии, духовность и культура, безвозвратно утраченные ее пласты — наполняет изобразительное искусство своей духовной и содержательной стороной, прокладывают мост в будущее.

Официальное принятие ислама в 922 г. определило облик городов Волжской Болгарии — Болгара, Биляра, Сувара, формы их архитектурных сооружений, мечетей, дворцов, декоративно-прикладного искусства, характер письменности и литературы.

Монгольское завоевание Азии и Европы совершалось не под знаменем ислама, но — парадокс истории, — его результатом было то, что Золотая Орда, органично восприняв мировоззрение и культуру завоеванных народов, явилась одним из крупнейших очагов исламской цивилизации в XIII–XV вв. XIV в. становится веком расцвета исламского средневекового зодчества и всех видов художественной культуры в городах и провинциях Золотой Орды — от Болгара до крымского Солхата, от столиц на Нижней Волге до берегов Черного и Каспийского морей.

Ориентиры древностей Волжской Болгарии, преломленные через прошедшие столетия, веками показывали свой определенный путь художникам. Несмотря на разрушение мусульманской духовности, нравственности, правовой традиции, эстетики и культуры, в ряду которых были ломка письменности, осуждения «байско-феодального эпоса», грозные предупреждения против «идеализации» эпохи Золотой Орды и многое другое, что давило, уничижало и дезориентировало народы, лишало культуру фундамента, — и в Новое время, и в эпоху советского строя творцы находили в этом великом наследии для себя точки опоры для определения национального самосознания.

Первые изображения развалин древнего Болгара известны еще с XVIII в., после посещения их Петром I в 1722 г. Для художников эпохи романтизма первой половины XIX в. — француза Андре Дюрана, англичанина Эдуарда Турнерелли, посвятивших иконографии Казани и ее окрестностей многие свои графические произведения, руины Болгарии представляли интерес как восточная экзотика, воплощавшая в себе сверкающее богатство переливов разноцветных изразцов мавзолеев, мечетей и дворцов, изысканность каллиграфии некогда существовавшего здесь восточного царства. Популярные издания путешествий по ближним и дальним странам, особенно по странам Востока, сопровождались натурными иллюстрациями, воплощенными затем в изданиях в технике литографии. Наряду с хорошо сохранившимися соборами и зданиями Казани (Петропавловский собор, Иоанно-Предтеченский монастырь), им интересно было запечатлеть памятники татарской старины. Дюрановские литографии «Руины в Болгарах» вошли в его известный «Альбом путешествия живописного и археологического по России...», изданный в Париже в 1849 г. Первыми произведениями, сделанными Э. Турнерелли в нашем крае в 1837 г., были натурные рисунки сепией с изображениями архитектурных видов Болгара — «Малый минарет» и «Черная палата» (коллекция Национального музея РТ).



Дюран А. Руины в Болгарах. Б., литография. 1846 г..

Иконография города Болгара в XIX веке была продолжена русскими художниками-пейзажистами — в работах путешествовавших по Волге братьев Чернецовых (Государственный Русский музей) и И.И. Шишкина (ГМИИ РТ). В 1861 г. И.И. Шишкин побывал в древнем городе и запечатлел его в своих живописных произведениях — «Развалины Болгар. Белая палата» и «Развалины ханской усыпальницы и Малый минарет в Болгарах», поступившие в коллекцию Музея изобразительных искусств из собрания А.Ф. Лихачева. В 1860-е гг. знаменитым казанским коллекционером был составлен Археологический атлас с тридцатью четырьмя литографиями, которые были сделаны по рисункам казанского художника И.И. Журавлева. Это были подробно



Акварель из «Болгарского цикла». Худ. РА. Гусманов. 1970-е гг.

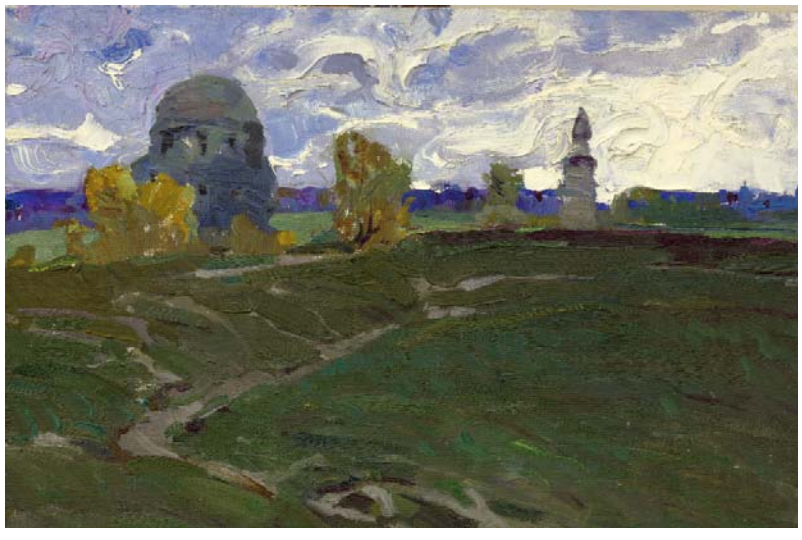


Болгары. Худ. М.К. Мавровская. 1969 г.

прорисованные изображения болгарской керамики, которые позднее стали бесценным источником для археологических, исторических и искусствоведческих исследований.

Из всех запечатленных художниками останков болгарской архитектуры той поры до рубежа XX—XXI вв. дошло до нас немногое: оказались разрушены почти полностью Большой минарет, Белая палата и многое другое.

В силуэтах древних руин палат и минаретов золотоордынской эпохи, их четких округлых очертаниях с арочными сквозными проемами, сквозь которые просвечивает предзакатное небо, художники искали эффектности и той печати отрешенности, чтобы достичь тем самым глубины и проникновенности, донести аромат ушедших эпох.

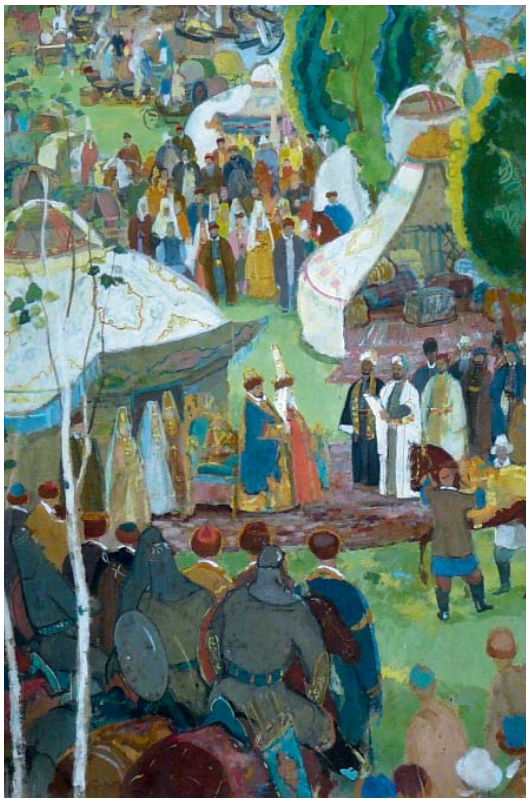


Болгары. Худ. С.О. Лывин. Этюд. 1980 г.

Волна интереса к болгарским развалинам и сохранившейся архитектуре постепенно ослабевала вместе с другими ориентирами и направлениями, возобладавшими в изобразительном искусстве с начала XX в. Тем не менее, отдельные мастера обращались к мотивам ушедшей старины. В офорте И.Н. Плещинского — все те же узнаваемые силуэты.

Годы революции и советской эпохи диктовали иные ценности и приоритеты: вплоть до конца 1960-х гг. в произведениях художников Татарстана национальная тема и национальная история были завуалированы на уровне этнографизма и типажа, не было создано произведений, которые изображались бы сквозь призму былой государственности. Национальная тема проявлялась в творчестве художников через фольклорные и сказочные образы, мотивы легенд и праздников (Сабантуй), народные типажи и портреты современников, через народную поэзию и музыку (Г. Тукай и С. Сайдашев). Архитектурные мотивы как основа сюжета стала появляться у мастеров кисти и пера как натурный, пленэрный материал, например, в живописных этюдах С.О. Лывина (Болгары. 1970), или в графике М.К. Мавровской (офорты 1969 г.).

Новое слово в иконографии Болгара в начале 1970-х гг. звучит в экспрессивных, насыщенных акварелях Р.А. Гусманова. Впервые в этих листах встает образ не просто памятника старины, не экзотический мотив причудливых древних развалин, а проступает некий стержень какой-то доселе неизведанной и лишь интуитивно нащупываемой татарской духовности или души. В своем болгарском цикле художник далек от изображения эффектной восточной рафинированности, отстраненного любования. Его влечет сюжет и судьба города Болгара: мятежность ветра, закатные всполохи красок земли и неба, люди, живущие в этом городе. Впервые город Болгар в акварелях Р.А. Гусманова населяется людьми, он становится живым, наполненным жизнью и движением. Автор очень близко подходит к тому душевному строю произведений, которые вскоре появятся в панораме исторической живописи Татарстана 1970–1980-х гг.: работам Б.И. Урманче, А.И. Тумашева, К.А. Нафикова, немного позднее — Р.М. Вахитова. Таким образом, начала формироваться плеяда художников, ищущих свой художественный язык — национальную пластическую систему, тонкое, эфемерное, сложно поддающееся определению понятие — «народная душа». Одни и те же источники питали эту среду: классическое и современное отечественное и европейское искусство, средневековое искусство мусульманского Востока (миниатюра и фреска), традиции болгаро-татарского декоративного искусства. На этом фундаменте начало складываться искусство национальных художников, целенаправленно посвятивших свое творчество историческому жанру, раскрытию его через историю народа. Необходимо помнить, что это было время преобладания в искусстве героических тем революции и войны, образов революционеров и рабочих, ленинской темы, тем труда, добычи нефти, советских строек, индустриальных пейзажей. Нужно было иметь собственную позицию, гражданскую смелость, полное отреше-



Приезд Ибн-Фадлана в Болгары. Худ. Б.И. Урманче 1973 г.

ние от конъюнктуры и «злобы дня», чтобы идти по однажды избранному пути.

Просматривается закономерность в том, что первыми художниками, начавших разрабатывать национальную тему еще советской эпохи стали татарские мастера, творческими узами связанные с настоящим Востоком — Средней Азией. Ташкент и его художественный институт, где преподавал в 1950-е гг. Б.И. Урманче, учился К.А. Нафиков в 1960–1970-х гг., жил и работал Р.М. Вахитов, а изящество и очарование творчества Чингиза Ахмарова, искусство средневекового мусульманского Востока и сама атмосфера пиетета перед историей, культивировавшейся в республиках Средней Азии, — для ряда художников эти факторы стали определяющими в избрании своего пути в искусстве. Сопричастность к жизни своих предков, народа, память о героических делах, воспетых в легендах и красочных миниатюрах, преклонение перед высшей мудростью книг (Корана, Слова), — все это впиталось в душевный настрой живописцев, постепенно кристаллизовалось и отразилось затем в их творчестве.

Открытие в мир болгарской истории было сделано Баки Урманче в 1973 году в его картине «Приезд Ибн-Фадлана в Болгары». В этом произведении, как в целом работах мастера этого периода — «В предгорьях Урала», «Воспоминания», сериях графических листов «Шурале» и «Сак-Сок», — проявляется пристрастие к чистым, несмешанным краскам чуть приглушенных тонов. Их гамма близка в палитре произведений татарского декоративно-прикладного искусства. Пространство трактуется плоскостно, а формы предметов стилизуются; прихотливая вьющаяся линия становится средством ритмически-музыкальной организации картины. Звонкая декоративность, заключенная в одеждах, ритмике человеческих фигур, заполнивших все пространство холста, многоголосый гул площади со сверкающими белизной юртами, украшенными крупным восточным орнаментом, всадники в шлемах — пластичность форм и линий берется автором за основу, становится камертоном всей живописной композиции. Композиция строится на плоскостном размещении и заполнении людской массы по всей поверхности холста, подобно ковру; оно лишено линии горизонта и небесного пространства, но все оно буквально напоено воздухом и солнцем. Условность, стилизованность художественного языка, свобода цвета, пластики, ритма, ассоциативность — все эти качества не лишают содержание картины конкретности. Художник открывает окно в прошлое, в далекую историческую эпоху. Путешествие посольства аббасидского халифа Муктадира в столицу Волжской Болгарии, совершенное в 921–922 гг., прославило его секретаря Ибн-Фадлана благодаря его ярким описаниям

Древние тюрки. Клятва хана. Худ. К.А. Нафиков 1990, 2003 г.





Болгары. XII век. Худ. А.И. Тумашев. 1988 г.

в своих записках. В этом сравнительно небольшом произведении проявляется эпический размах — все исполнено значимости и достоинства, необычности происходящего, торжественности момента.

Эпический пейзаж разворачивается в трехчастном полотне Баки Урманче «Татарстан». Три узловых опоры истории трактует автор как основные: Казань, Великий Болгар и Свияжск. Переплетение древности и современности, неразрывность и взаимообусловленность прошлого и настоящего, истинная толерантность и баланс между исторически сложившимися на земле Татарстана двумя основными конфессиями, духовное и светское, — вся многогранность мощного таланта Урманче отразилась в этом живописном и светлом триптихе. Так



Улу Мухаммад-хан. Худ. Р.М. Вахитов. 2013 г.

лаконично и емко, оперируя лишь небольшим набором символов, мастер выразил сущность национальной души народа и его земли.

У А.И. Тумашева проникновение в национальную тему произошло через создание декораций и сценографического оформления спектаклей. Ему близка была историческая романтика Востока («Кул Гали» Н. Фаттаха), мотивы легендарно-сказочных сюжетов («Тахир и Зухра» Ф. Бурнаша), комедии из народной жизни («Башмачки» Д. Файзи). Его Древний Болгар — это крепость, цитадель, остров непобедимости и духовной крепости и опоры.

К.А. Нафиков одним из первых татарских живописцев подошел к теме мира и войны в Болгарском государстве. Его интересует живая ткань бытия: в воображении художника оживают картины прошлого. Художественная фантазия живописца подобно кадрам кино реконструирует дома, многолюдные базары, ремесленные кварталы, караван-сараи («Улица в Болгарах», 1975; «Ага-Базар в Болгарах», 1976). Неспокойное время, затишье, нависшее над городом перед монгольским нашествием — дозор болгарских воинов, — отражается в работах первой половины 1970-х гг. («Тре-

У источника. Худ. Р.М. Вахитов. 1991 г.



вожно», 1973; «В Болгарах, Часовой». 1976, «Бачман», 1978). Колорит работ насыщенно-напряженный. Ночное небо, белеющие в свете луны минареты и палаты, создают среду, когда в самом воздухе витает дух будущих битв.

Серия работ посвящена труду болгарских мастеров и ремесленников — «В мастерской гончара» (1979), «Чугунолитейщики в Болгарах» (1980). Художник, так образно и пытливо отразивший бытовую сторону жизни предков, наверное, один из немногих опоэтизировал этот труд, образно показал уровень высокоразвитого производства и искусства Волжской Болгарии.

Ему же принадлежит и исторический портрет, запечатлевший в те годы, наряду со скульптурными шедеврами Б.И. Урманче, галерею великих деятелей прошлого — Кул Гали (1990), Сараи (1994), Мухамедьяра (1998).

Среднеазиатский Восток наложил отпечаток на искусство Р.М. Вахитова, создавшего триптих «Легенда о Болгарской земле» в 1991 г. Приемы художественной стилизации под архаику восточной миниатюры проявляются в плоскостности композиции, локальности и открытости цветовых пятен, отсутствии линии горизонта. Линия становится формообразующим элементом, очерчивающим контуры изображаемого. Сюжеты показывают мирную радостную жизнь — «Ханская охота», «Сабантуй», «У источника». Художник стремится к орнаментальной декоративности композиций, а историческое прошлое подвергается идеализации как «золотой век» государственности, традиции, культуры и предстает как идеал красоты и доблести, окружается ореолом утраченной гармонии. Другие полотна мастера — пятичастная «Татар-наме» («История татар»), созданная в середине 1990-х гг., — исторические картины-фантазии о той же идеально прекрасной эпохе Болгарского царства и Казанского ханства.

Работы художника 2000-х гг. тяготеют к парадности, локальности поставленной задачи — отразить личность, подчеркнуть ее роль в исто-



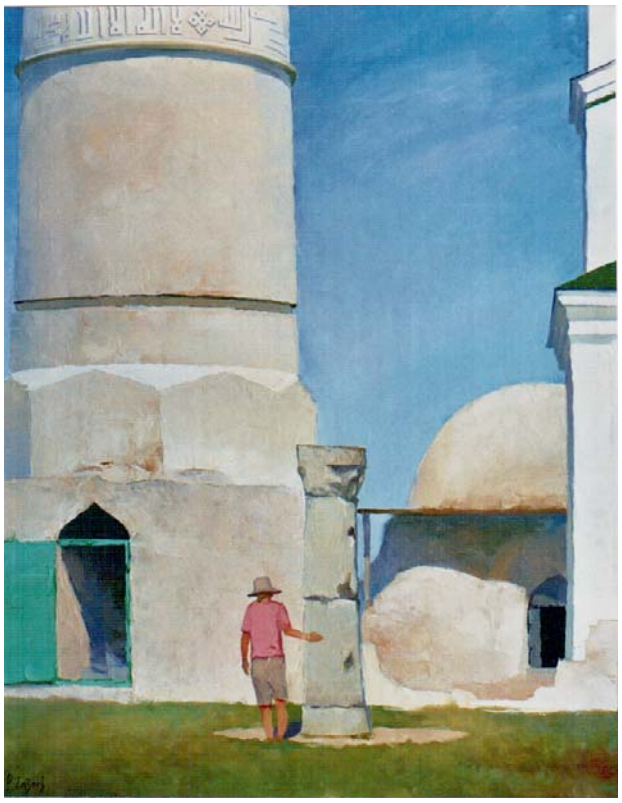
*За веру, за Болгарию!
Худ. Р.Ф. Хузин.
2008–2010 гг.*

рии народа и государственности, показать незыблемость этих постулатов и основ. Личности из разных эпох — хан Улу-Мухаммед и наш современник, первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев, — определяются автором как олицетворение исторического предназначения на земле предков. Конный парадный портрет болгарского хана — воина-победителя (2013) запечатлен на фоне панорамы неба, очень низкой линии горизонта, что еще более подчеркивает широту и масштаб личности. Декоративное решение всего полотна разработано посредством пастельно-персикового цвета небесного фона, набором символов и аксессуаров, где в центре в геральдическом обрамлении начертана кораническая сура «Победа».

Портрет М.Ш. Шаймиева, названный автором «Идель йорт ил агасы» (2010), представляет Первого президента стоящим на широком и вольном берегу Волги, держащем за узду резвого, ретивого коня, в роскошном, расшитом дорогими шелками и тканями восточном халате. На втором плане широкой панорамой разворачивается величественный пейзаж Болгарского города с минаретами, палатами и дворцами, пасущимся табуном лошадей. Над головой персонажа — силуэты Казанского Кремля, вознесенные на фоне неба. Вся композиция — символическое воплощение восточной мудрости и достоинства, идеализированного мира, чуждого суетности бытия.

Новый этап в осмыслении национальной темы, а в ее контексте — истории расцвета, падения и полного забвения некогда цветущего мусульманского государства Волжской Болгарии, — наступает на рубеже 1980–1990-х гг., вместе с рухнувшей системой советского строя и наступлением перемен. Особенно остро эти изменения были восприняты теми, кто подходил к осмыслению мира как системы духовных ценностей — в истории, мировоззрении, культуре и искусстве. Импульсы, обращенные в будущее, неизбежно подняли пласты прошлого, почти нетронутого, неизведанного, неизученного. Интерес к зодчеству и монументально-декоративному искусству золотоордынского периода Болгара, объективное изучение которого находило часто однобокое трактование в науке и культуре, поднялся на небывалую высоту уже в начале 1990-х гг. Новая генерация тогда молодых художников органично и радостно восприняла эти открывшиеся возможности пытливого исследования собственной истории предков. Этому процессу было созвучно становление Казани эпицентром движения татарского народа за возрождение культуры, истории, духовных традиций.

Творчество Ф.Г. Халикова казанского периода начинается с натурного постижения архитектурных мотивов болгарских древностей. В этюдах начала 1990-х гг. проходят чередой знакомые силуэты Черной палаты и Малого минарета, Ханской усыпальницы и Северного мавзолея, рельефы знаменитого Иерусалимского оврага. Более глубокому постижению темы способствовала работа художника над иллюстрированием трудов татарских ученых-археологов, в частности — А.Х. Халикова. Опыт работы с источником, непосредственность и близость материала — изразцов и керамики,

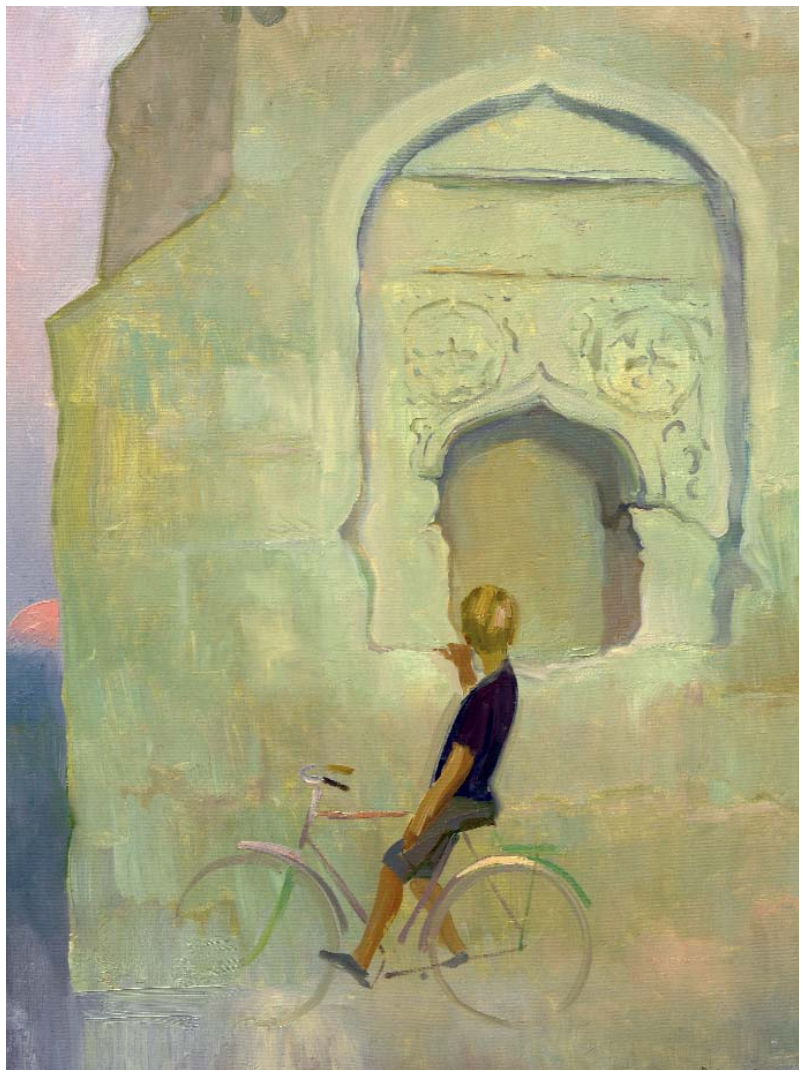


*Колонна желаний.
Худ. Р.Х. Газеев.
2004 г.*

останков погребений и селищ, составили плоть и основу его погружения в исторические пласты прошедших столетий. В этот период Халиков впервые для собственного творчества обращается к жанровой интерпретации событий (графический цикл «Хан Алмуш», 1993. Б., акв., гуашь). На фоне Малого минарета разворачивается другое судьбоносное событие в истории Волжской Болгарии — приезд Багдадского посольства и его секретаря Ибн-Фадлана («Встреча Ибн-Фадлана». 2004. Б., гуашь).

Склонность к философским размышлениям, мировоззренческим обобщениям характерна для зрелых, художественно цельных произведений художника. В них за завесой внешних событий, разворачивающихся на полотне, художник приоткрывает для зрителя и исследователя иносказательную сторону — они заключены в незримых, на уровне чувствования и интуиции, жестах, взглядах, мимике, символике цвета и полутонов («Камень желаний». 2012. Б., акв.).

Расцвет татарской исторической живописи, эпических батальных сцен, воплощенных через призму исторических перипетий и событий, рожденных реальной историей и вымыслом или фантазией художника, приходится на последнее пятнадцатилетие. Им, наряду с творчеством Ф.Г. Халикова, становится и Р.Ф. Хузин, так же последовательно и верно воплощающий исторический жанр в европейской и русской реалистической традиции, сформированный на профессиональной основе академической школы. Рустем Хузин — представитель сложившегося на рубеже XX — XXI столетий молодого искусства, «мусульманского» по происхождению и собственной конфессиональной принадлежности, а также по магистральному направлению собственной темы. Генетически тесно связанный с европейской, русской школой (Глазуновская Академия в Москве), художник все более ощущал свое особое, преимущественное право на более глубокое знание, на более точную интерпретацию пережитых драм и будущих путей развития. С наступлением «религиозного ренессанса», охватившего российское пространство, художники органично, в знакомых, освоенных ими формах станковой картины, стремились раскрыть мир веры, историю развития своего народа, представить реальных и легендарных героев, показать семейные общечеловеческие ценности. В арсенал тем новых реалий вошли и хорошо известные образы памятников исламского зодчества, художественная, фантазийная реконструкция городов и селений, воспроизведение сюжетов и мотивов, почерпнутых из шедевров восточной поэзии, легенд, сказок, мифологии. В творчестве Р.Ф. Хузина находят отражение и образы интеллектуальной элиты болгарского общества — ученые,



*Окно в Болгарах.
Худ. Р.Х. Газеев.
2003 г.*

военачальники в соответствующем антураже восточного великолепия интерьеров или аскетичности военного быта.

Программными для всего творчества живописца стали полотна «Принятие болгарами ислама в 922 году» (2004–2006) и «За веру, за Болгарию» (2008–2010).

На широком полотне холста разворачивается многофигурная композиция — сцена принятия религии как объединяющего начала народа и различных сил. Необходимость в этом акте объяснялась политическими соображениями — противостоянием Хазарии. Волжская панорама придает всей композиции торжественный настрой; белые одежды с вкраплениями блеска оружия, украшений и покрытый восточным ковром пьедестал придают картине празднич-



Церемония вручения письма Багдадского халифа о признании Волжской Болгарии Исламским государством в 922 году. Худ. И.М. Самакаев. 2008 г.

ность и мажорное звучание. Вторит общему настроению и природный ландшафт — живописное небо, ветер, под которым развеваются разноцветные знамена и сама центральная фигура хана Алмыша, возглашающего о прибытии знатного заморского посольства.

Напротив, в картине «За веру, за Болгарию» главенствует батальная кровопролитная сцена монгольского завоевания, когда «смешались кони, люди...». Только не «залпы орудий», а сплошной частокол, тысячи стрел «слились в протяжный вой»... Искаженные гримасами ужаса, смерти, напора и праведного гнева в отношении врага, лица персонажей мелькают в водовороте движения и хаоса смертельной битвы. Великолепное знание художником законов композиции батальных сцен предопределили уникальность произведения, которое по всему своему масштабу и замыслу претендует на доминирующее положение в иконографии болгарской темы в изобразительном искусстве Татарстана.

Современная интерпретация болгарской темы условно разделяется на два потока: реалистическое изображение исторической темы, которое также имеет свою специфику в сторону изображения и варьирования видовых архитектурных пейзажных мотивов и собственно развития исторического, батального жанра, многофигурных композиций из жизни древнего и средневекового города (Ф.Г. Халиков, Р.Ф. Хузин; к ним стилистически присоединяются А.Н. Хисамов, И.М. Самакаев, Н.Т. Хазиахметов, Б.А. Гильванов, в некоторых работах Ф.Р. Валиуллин).



Ханская усыпальница. Худ. Р.З. Мухаметдинов 2000 г.

Некоей интимизацией образов древнего Болгара, введением емких символов отличаются работы Р.Х. Газеева «Окно в Болгар», «Камень желаний». В них — особый аромат древности, диалога с современностью, когда герой полотна предстает один на один перед вечностью для того, чтобы искать ответы на извечные вопросы бытия: что есть истина? быть или не быть?

Второй мощный поток устремлен сквозь призму условного, постмодернистского языка так называемого «мусульманского авангарда», абстракционизма, концептуализма, приемов примитива, эстетики искусства шамаиля. Особой опорой широких поисков в ареалах исторической памяти является ориентация на примитивизм как источник иносказаний и лаконичных, емких стилизаций. Х.М. Шарипов ин-



Въезд Ибн-Фадлана в страну Болгар. Худ. Ф.Р. Валиуллин. 2012 г.

терпретирует реальность через набор символов, которые, как азбука народной мудрости, повествуют о вечных ценностях: веры, семьи, отчего дома, родной земли-кормилицы, гармонии человека и природы, единства мироздания. Статичные композиции, контуры изображений которых напоминают неторопливый шов тамбурного шитья, исполнены глубины



Старый город. Худ. Ф.Р. Валиуллин. 2012 г.

и символики бытия. Нам хорошо знакомы очертания Черной палаты и Малого минарета, полумесяца, как — будто зацепившегося за кровлю строения.

Близок стилистически его произведениям Р.И. Шамсутов. Но в его работах — иная стихия: кочевой мир тюрков, движение, перемена мест и пейзажей, кибитки и суровые лица воинов. «Карта Болгара» и «Путь Ибн-Фадлана в Болгары» — живописно-условная траектория древних перемещений на просторах Евразии как демонстрация единства мира.

Последовательное претворение в живописи мусульманской мифологии происходит в творчестве А.Р. Ильясовой. В работах «Семь ангелов», «Марьям, срывающая плод», «Лев-солнце», «Белые одежды», «Юсуф», «Фатима» заключены переплетения мотивов коранических сур с мифами и легендами, классической восточной поэзией. Дух болгар, его символики передан опосредованно, через систему цветовых, световых эффектов и линеарного оформления композиций.

К большей фигуративности и жанровости тяготеют произведения Ф.Р. Валиуллина, М.Ш. Хазиева, Р.М. Саляхова, Р.З. Мухаметдинова, Х.Н. Латыпова, С.Ф. Сиразиевой. Некоторые из них являются иллюстрацией к легендам и сказкам (С.Ф. Сиразиева), другие создают собственные интерпретации восточных мотивов, выходя за жанры станковой картины, создавая монументальные фрески. В работе Ф.Р. Валиуллина представлена его, авторская, интерпретация ставшего уже каноническим сюжета о принятии ислама на болгарской земле, берущего свои истоки от бессмертного полотна Баки Урманче.

Великий Болгар в изобразительном искусстве — это попытка связать миры различных мифологий и изобразить сущность мусульманской эстетики, одним из ярких и устойчивых символов которого является древний город. Это возможность окунуться в прошлое, примерив на себя вечные истины, а также заглянуть в будущее. Тема Великого Болгара только начинает по-настоящему гордо и зримо звучать в панораме изобразительного искусства Татарстана.

Р.Г. Фахрутдинов

Неизгладимая память прошлого



Панорама Болгарского городища

Коль выйду я на просторы,
Томлюсь желанием
Пройти тебя, Шахри Болгар...
Из татарской народной песни

Каждая поездка в древний Болгар вызывает у меня особые чувства, теплые воспоминания минувших лет. Болгар для меня — это столица того раннего средневекового государства, земли которого я исколесил вдоль и поперек в поисках оставшихся от него археологических памятников, это один из знаменитых золотоордынских городов XIII-XIV вв., культурные пласты которого я помогал поднимать в свои молодые годы, богатейшие коллекции находок которого я изучал в известных музеях страны. Развалины Великого Болгара, остатки других городов и аулов, канувших в Лету; тысячи километров пути, пройденные с рюкзаком на спине и с лопатой в руке с целью изучения этих древностей; огромная масса выявленных в разведках и на раскопках бесценных находок — все это неизгладимая память прошлого, научная юность моя.

Когда я хожу среди развалин города Болгара или сижу на высоком берегу Волги, то вновь вспоминаю эти свои молодые годы, а вместе с ними перед глазами проходят и прошлые века — периоды седой истории моего народа.

...Империя гуннов, которая заставила задрожать почти всю Европу более 1600 лет тому назад, рухнула в 453 г. после смерти ее могущественного вождя Аттилы. Начали образовываться новые союзы племен и государств, среди которых объединение древних болгар, протоболгар, прибывших в Восточную Европу из Центральной Азии в составе гуннов и кочевавших уже на новой земле — в приазовских и северокавказских степях. Союз болгарских племен во главе с Органой (известен также как Моходу-хан) в начале 30-х годов VII в. превратился в полуфеодальное государство под названием Великая Болгария, правителем которого стал племянник Органы Кубрат-хан.



Тюркский лучник-охотник. Петроглиф на реке Чаганке. Алтай. VII–VIII вв.

Великая Болгария распалась в 650-е гг. после смерти Кубрата; часть болгарских племен ушла в другие места, часть осталась на своей земле. Центральное племя во главе с Исперихом (Аспарух), младшим сыном хана, направилось к берегам Дуная и, образовав там союз с южнославянскими племенами, создало новое болгарское царство на западе — Дунайскую Болгарию. Болгарские ханы правили этой страной около 200 лет, но с середины IX в. там усилилась славянизация и началась христианизация всего населения. Бывшие тюркоязычные болгары были постепенно ассимилированы славянами, но оставили свое имя — болгары.

Старший сын Кубрата Батбай остался на своих землях, подчинившись усилившимся на вос-

токе хазарам. С его болгарами, известными в истории под названием «черные болгары», язык которых со временем был ассимилирован кыпчакским, связывают современных балкар и карачаевцев (карачалы, т.е. черноликие). Третья часть болгар и родственных им племен переселилась в Среднее Поволжье. Однако это событие произошло не сразу после смерти Кубрата, как ошибочно думают некоторые, а позднее, в конце VIII в. Там на юге они подчинились хазарам и вместе с ними, а также с северными тюркизированными аланами составили знаменитую салтово-маяцкую археологическую культуру — государственную культуру Хазарского каганата, и только потом, спустя более ста лет, пошли на север, в наши края.

Войдя здесь в тесный политический и этнокультурный контакт с местными финно-угорскими, и особенно с доболгарскими тюркоязычными племенами (последние появились на Волге в период Великого переселения народов в IV в.), на рубеже IX–X вв. болгары создали новое, уже третье, государство — Волжскую Болгарию.

Волжская Болгария была раннефеодальным государством. С 20–30-х гг. X в. ее население постепенно переходит к оседлости, начинает заниматься земледелием. Появляются первые города — Болгар и Сувар, в которых налаживается чеканка собственных монет. Чуть позднее возникают и новые города: Буляр (современному читателю больше известен в поздней русской транскрипции как Биляр), Ошель, Кашан, Джукетау, Нухрат, Торцск (Торческ), Тухчин и другие большие и малые города, исторические названия которых не дошли до нас.

Появление городов и городской культуры в Волжской Болгарии тесно связано с принятием там ислама, что произошло в 922 г. Тогда, по просьбе правителя болгар Алмаса, из Багдада пришло посольство халифа, главной миссией которого являлось распространение исламской религии в этом северном государстве. Болгария входит в довольно широ-



Золотой перстень с монограммой Кубрата. VII в. ГЭ

кий контакт с мусульманским миром, о ней появляется географическая и историческая литература арабо-персидского средневековья. До наших дней дошли некоторые весьма ценные сочинения или отрывки из трудов восточной географии, среди них особый интерес представляют сочинения двух людей, лично посетивших Волжскую Болгарию и видевших болгар своими глазами. Это знаменитое «Рисаля» (Записка) Ибн Фадлана, секретаря упомянутого выше посольства из Багдада, и две книги испано-арабского путешественника ал-Гарнати, побывавшего у болгар в середине XII в. Имеются также ценные сочинения представителей классической школы арабской географии X в., таких как ал-Бал-хи, ал-Масуди, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси, ши-

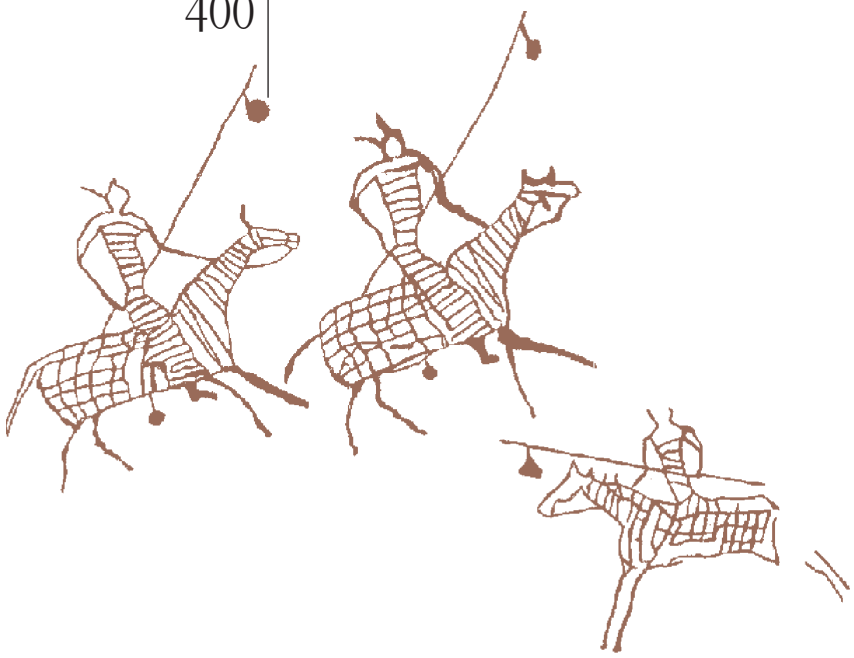


Золотые наконечники ремней от конской сбруи. Украшены перегородчатым орнаментом со стеклянными вставками. VII в. ГЭ





Гиря в виде фигурки кочевника. IV–VI вв. ГЭ



Древнетюркские тяжеловооруженные воины. Петроглифы Аршан-Хад. Монголия

роко известное персидское сочинение «Границы мира» того же X в., работа арабского естествоведа и историка XI в. ал-Марвази, в которые включены интересные сведения о Волжской Болгарии и болгарах, об их городах, образе жизни, обрядах и обычаях, внешних связях с целым рядом стран и народов Евразии. Много ценного и поучительного по истории Волжской Болгарии содержат русские летописи, в которых можно черпать интересный материал по вопросам хронологии и хода исторических событий, связей Болгарии с Древнерусским государством.

К сожалению, не сохранились исторические источники, созданные самими болгарами, но этот вакуум в значительной степени восполняется результатами археологических исследований, которые интенсивно проводятся на этой земле. Совокупность накопленных к настоящему времени всех письменных и археологических источников дает возможность иметь хорошее представление почти по всем сторонам жизни болгарского общества и его внешних связей.

Основу хозяйства Волжской Болгарии составляло земледелие при подсобном скотоводстве, были развиты строительное дело и ремесла — металлообработка, изготовление ювелирных изделий, гончарное производство, костяной промысел и т.д. Особое внимание уделялось строительству городов, а также феодальных замков и военных крепостей в пограничных зонах, на военных и торговых путях. География экономических, торговых связей Волжской Болгарии была достаточно обширной, а ее столица со своей пристанью Ага-Базар на Волге являлась значительным центром транзитной торговли между восточными и западными странами и народами.

Внешнеполитические связи Волжской Болгарии наиболее ярко выражены во взаимоотношениях с Русью, вначале с Киевской, а затем с Северо-Восточной с центром на верхней Волге. Если отношения с Киевской Русью были в основном добрососедскими, то с Северо-Восточной Русью — довольно натянутыми, когда участились походы русских князей (Андрея Боголюбского, Мстислава, Святослава) на болгар, хотя стороны временами приходили и к мирным соглашениям. Однако с монгольским завоеванием Восточной Европы, начавшимся в 1236 г., картина в их политической жизни сильно меняется. В том же году была порабощена Волжская Болгария, а в 1238–1240-х гг. — Русь, подчинившаяся Золотой Орде. Болгария непосредственно вошла в состав Орды в качестве ее северного улуса, прекратив свое существование как самостоятельное государство.

Начинается совершенно новая жизнь города Болгара. Залечив свои раны, полученные в результате завоеваний армии Бату-хана (Батыя), он отстраивается почти заново, становится первым центром чеканки монет монгольских ханов, когда у Золотой Орды еще не было собственных городов. Сохранились сведения о том, что первые золотоордынские ханы Бату и Берке правили и в Болгаре. В средневековой арабо-персидской исторической и географической литературе Болгар фигурирует как один из известнейших городов Улуса Джучи — Золотой Орды.

В жизни города Болгара и на бывшей болгарской земле происходят коренные изменения. Появляется совершенно новый для болгар обычай устанавливать намогильные камни с надписями — подобного обычая не было в домонгольской Болгарии, его принесли из Центральной Азии тюркоязычные татары, которых было несравнимо больше, чем монголов в Золотой Орде. Начинается применение огнестрельного оружия — сообщение об этом сохранилось в русских летописях при описании похода князей на Болгар в 1370-х гг. Появляется совершенно новый, золотоордынский, тип изразцовой художественной керамики с подглазурными тонкими узорами. Крупнейшим достижением золотоордынской, в том числе и болгарской, монументальной архитектуры является приме-

Дом лекаря — интерьер музейной экспозиции





Да будет здесь земля Болгария. Хан Аспарух. Худ. С.Н. Присекин. 2001 г.

нение полихромной мозаики и майолики. Появляется целый ряд других нововведений в материальной культуре города Болгара. В период могущества Золотой Орды и расцвета золотоордынской культуры в XIV в., особенно к концу этого столетия, становится другим этнический облик города и всей бывшей болгарской земли. Болгарский язык, как и языки других домонгольских племен и народностей, ассимилируется кыпчако-татарским.

Этот этнос к концу XIV в. в исторических источниках фигурирует уже как татарский, да и сама болгарская земля начинает называться татарской. В то же время надо отдать должное тому, что Болгар в свою очередь внес значительный вклад в исламизацию Золотой Орды, как бывший мусульманский центр Поволжья. Болгар, наряду с некоторыми другими домонгольскими земледельческими районами и очагами городской культуры, играл определенную роль в развитии земледельческого уклада жизни и городской цивилизации Улуса Джучи.

Последний удар по городу Болгару был нанесен в 1431 г. Федором Пестрым — воеводой великого русского князя Василия II, после чего город сошел с исторической арены. Все, что осталось от того золотоордынского Болгара к сегодняшнему дню (от домонгольской эпохи, помимо нижнего культурного слоя, к сожалению, не осталось каких-либо наземных сооружений), насчитывает всего семь-восемь исторических памятников. Прошедшие консервацию и отреставрированные развалины Соборной мечети, овеянная легендами Черная палата, «потерявший» свою мечеть одинокий минарет, три дюрьбе-мавзолея, нижняя часть Белой палаты, бывшей когда-то общественной баней, едва уцелевшие основания Малого городка на отшибе — вот что осталось от былого величия одного из центров городской культуры Улуса Джучи. К этой же эпохе относятся несколько десятков каменных стел с надписями и их обломки, семиверстные земляные валы — жалкие остатки некогда мощных оборонительных укреплений с воротами и боевыми башнями, окружавших Великий Болгар...

Вот так прошла перед моими глазами одна из богатых и поучительных страниц истории моего народа, когда на рассвете я сидел на высоком берегу Волги, слушая соловьиные трели из рощи на склоне горы и утреннюю песню жаворонка под облаками. Трепетно вслушиваясь в мелодию камней древнего Болгара, я представил себе один день этого овеянного легендами, вечно седого и благородного Великого Болгара.

...Занимается рассвет. Раздаются веселые песни жаворонков. Яркие лучи солнца падают на высокие минареты мечетей, затем рассеиваются по всему городу. Звучит первый азан — призыв к утреннему намазу. Постепенно просыпается город. Стража отворяет ворота, пастухи выгоняют стада, девушки идут к роднику за водой. Начинается новый день, полный забот и ожиданий. Золотых и серебряных дел мастера, медники и кузнецы, надев фартуки, разжигают горны, из кузниц слышен веселый звон молотков. Гончары, засучив рукава и замесив глину, принимаются лепить горшки да кувшины.

На Ага-Базаре начинается большая ярмарка. Чего только здесь нет: хлеб и скот, мед и воск, красный товар, золото и серебро, меха соболиные, горна-стаевы, бобровые, кони белогривые, мечи булатные, ковры персидские, селадон китайский, орехи и арбузы астраханские, изюм среднеазиатский, персики кавказские, товары иные, заморские...

День клонится к вечеру. Люди, утомленные хлопотами прошедшего дня, предаются отдыху: купцы направляются в караван-сарай, городской люд — по своим домам. Вот старики направляются к икенде-намазу — вечерней молитве перед заходом солнца, звучит мелодичный азан. Садится солнце. Наступает ночь с полной луной и яркими звездами. Город окутывается в таинственную полутьму. Вдали, на берегу Идел-реки, кто-то на курае выводит протяжную мелодию, кто-то ему подпевает...

Исследователи Болгарского городища

Тизенгаузен Владимир (Эрнест-Вальдемар) Густавович (1825, Нарва — 2.2.1902, Санкт-Петербург), востоковед, археолог и нумизмат, член-корр. АН (1893). Окончил Петербургский университет (1848). С 1861 г. работал в Археологической комиссии, в 1894–1900 гг. заместитель председателя. Принимал участие в раскопках Чартомлыкского кургана (1863) и курганов «Семь братьев» (1875–76). В 1864 г. руководил раскопками Болгара (открыл кладбище в урочище «Бабий бугор»), в 1868–84 гг. — античных памятников на Северном Кавказе. Труды по восточной нумизматике, археологии, истории Волжской Болгарии и Золотой Орды. Был удостоен премии (1852, 1861) и большой серебряной медали (1874) Русского археологического общества за работы по нумизматике, большой золотой медали за издание источников по истории Золотой Орды (1884).

Лихачёв Андрей Фёдорович (4.7.1832, с.Полянки-НикольскоеСпасского у. Казанской губ. — 11.8.1890, там же), археолог, нумизмат и коллекционер. Из старинного дворянского рода. После окончания Казанского университета (1853) работал в канцелярии казанского губернатора. В 1858 г. вышел в отставку и посвятил себя нумизматике, археологии и этнографии народов края. Коллекционировал археологические находки от палеолита до XVI в. Один из основателей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878). Один из первых выдвинул теорию происхождения татарского народа, доказывающую преемственность болгарской и татарской культур. После его смерти коллекция (более 40 тыс. предметов) была передана в дар городу Казани, и в дальнейшем разошлась по разным музеям РТ.

Шпилевский Сергей Михайлович (20.05.1833, Москва — 03.08.1907, Ярославль), юрист, историк, краевед, доктор государственного права (1870). После окончания юридического факультета Московского университета (1856) на педагогической работе, редактор славянофильской газеты К.С.Аксакова «Молва» (1859). С 1860 адъюнкт, в 1870–1885 профессор Казанского университета, в 1885–1904 директор Демидовского юридического лицея в Ярославле. Один из учредителей и руководителей, почетный член (1901) Общества археологии, истории и этнографии и действительный член Общества естествоиспытателей (1880) при Казанском университете. Член-учредитель и первый председатель Ярославской губернской ученой архивной комиссии (1889). Автор ряда работ по истории и археологии Волжско-Камского края. За труд «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (Казань, 1877) удостоен Академической (Уваровской) премии, больших золотых медалей Русского географического и археологического обществ (1878).

Пономарёв Петр Алексеевич (24.11.1847–14.03. 1919) — казанский историк и археолог, член-учредитель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, преподаватель истории и географии Казанского Родионовского института, Казанского юнкерского училища, частной женской школы. С 1878 г. проводил археологические работы в Поволжье. Особенно известны его раскопки Увекского городища, болгарских городищ Джукетаусского, Болгарского, Билярского и Кашана. Исследовал памятники бронзового и железного века, а также поселения ананьинской культуры в Прикамье и Балымерские курганы. На основе полевых исследований впервые предложил отделить болгарскую археологическую культуру от более ранних культур бронзового и железного веков. Исследовал и доказал синхронность и однокультурность памятников 1-го тыс. до н. э. (анаьинская культура).

Смирнов Алексей Петрович (29.05.1899, Москва — 10.03.1974, там же) — археолог, доктор исторических наук (1944), профессор. Участник Первой мировой и Великой Отечественной (1941–1942) войн. Окончил археологическое отделение факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета (1924), аспирантуру Института археологии и искусствознания Российской ассоциации НИИ общественных наук (РАНИОН) (1929). В 1929 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Археология прикамских финнов в X–XIV вв.». В 1932–1974 в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (Институт археологии АН СССР): зам. директора и зав. сектором скифо-сарматской археологии (с 1956), одновременно зам. директора и зав. вторым археологическим отделом ГИМ, зав. сектором НИИ краеведческой и музейной работы, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ и Высших музейных курсов. Исследователь древней и средневековой истории населения Волго-Камья, Волжской Болгарии. С 1938 — работы в г. Болгары Татарской АССР. Руководитель Поволжской археологической экспедиции (1957–1974). В докторской диссертации и обобщающей монографии «Волжские булгары» (М., 1951) рассмотрел этапы становления и развития этого государства, военное, строительное дело и ремесло, развитие городов, в т.ч. столицы г. Болгар. Заслуженный деятель науки Чувашской АССР (1958), Татарской АССР (1959). Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Хлебникова Тамара Александровна (22.05.1928, Башкирская АССР — 22.07.2001, Казань) — археолог, кандидат исторических наук (1964), лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники (1994).Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1952), аспирантуру при Историческом музее под руководством А.П. Смирнова (1955). В 1955–57 гг. работала научным сотрудником ГИМа, в 1957–86 гг. — в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР, где прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Специалист в области археологии Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Фёдоров-Давыдов Герман Алексеевич (17.07.1931, Москва — 23.04.2000, Москва) — археолог, историк, нумизмат, доктор исторических наук, профессор (1969). Окончил исторический факультет МГУ (1954) и аспирантуру при кафедре археологии (1957). В 1956–1960 гг. — младший научный сотрудник Института истории материальной культуры, в 1958–60 гг. ответственный секретарь журнала «Советская археология». С 1960 г. преподавал на кафедре археологии МГУ. Специалист в области средневековой археологии и истории. В 1950–1989 гг. участвовал в археологических экспедициях в Хорезме, Татарии, Чувашии, Мордовии, на Нижней Волге. В конце 1950-х гг. вместе с А.П. Смирновым стал основателем и руководителем Поволжской археологической экспедиции (начальник Нижневолжского отряда (1958–72), начальник экспедиции (1973–82), консультант (с 1983)). Специалист по золото-ордынской и русской нумизматике XIV–XV вв., впервые привел золотоордынские монеты в единую систему, составил перечень из 31 города, чеканившего джучидские монеты.

Полубояринова Марина Дмитриевна (04.11.1932, Москва) — археолог, кандидат исторических наук (1974). Окончила исторический факультет МГУ (1955). С 1956 г. — научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР (Института археологии АН СССР). В 1971–77 гг. ученый секретарь отдела славяно-русской археологии. Основные научные интересы — археология русских, болгарских, золотоордынских городов; связи средневековой Руси с ее восточными соседями — Волжской Болгарией и Золотой Ордой. С 1963 г. работала на золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. В 1976–1990 гг. участвовала в раскопках Болгарского городища в качестве начальника отряда.

Старостин Петр Николаевич (24.07.1936, д. Пинженерь, Мари-Турекского района Марийской АССР — 03.07.2012, Казань) археолог, кандидат исторических наук (1967). Окончил Марийский педагогический институт (1960). С 1963 г. работал в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, с 1997 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ, одновременно, в 1990–2004 гг., заведующий Национальным центром археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Проводил разведки и раскопки на территории Марий Эл, Чувашской Республики, Татарстана, Кировской, Нижегородской областей и др. Внес значительный вклад в исследование памятников именьковской культуры. Труды по истории и археологии Нижнего Прикамья периода раннего средневековья. За участие в разработке и составлении «Археологической карты Республики Татарстан» удостоен Государственной премии РТ.

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович (02.08.1946, с. Б. Нуркеево Сармановского р-на) — историк, нумизмат, заслуженный работник культуры ТАССР (1990), кандидат исторических наук (2004). Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного педагогического института (1969).Тогда же был назначен директором вновь организованного Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМЗ). С 2000 г. начальник Болгарской археологической экспедиции, с 2006 г. научный сотрудник БГИАМЗ. Внес большой вклад в охрану и реставрацию памятников Болгарского городища, организацию туристического показа болгарских памятников. Им были исследованы археологические и эпиграфические памятники Республики Татарстан, республик и областей Среднего Поволжья.

Шарифуллин Рафинд Фоатович (01.02.1950, д. Асеево Азнакаевского р-на ТАССР) — участник (с 1980) и руководитель (с 1988) Болгарской археологической экспедиции. В 1967–1973 учился на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета, в 1975–1978 — в аспирантуре по специальности «Археология» Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова (ИЯЛИ) КФ АН СССР. В 1978–1996 — инспектор Отдела кадров, младший научный сотрудник, учёный секретарь Института, научный сотрудник ИЯЛИ. с 1996 — научный сотрудник, с 2009 — старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Круг научных интересов — изучение строительного дела и архитектуры городов Волжской Булгарии по материалам археологических исследований. Ежегодно участвует в работах археологических экспедиций на разных памятниках (Билярская и Нижнекамская экспедиции, Тетюшский могильник, Болгарская экспедиция и городище Сувар, Казань, Казанский Кремль). Среди изученных раскопками объектов Болгара три монументальных сооружения XIII-XIV вв.: «Белая палата», «Восточная палата» и «Дом с башнями». Награждён медалью «В память 1000-летия Казани».

Условные обозначения карт Атласа

Населённые пункты
БОЛГАР
Столицы государств
Биляр
Прочие населённые пункты

Границы
государственные
государственные приблизительные
прочие

Гидрография
Береговая линия морей, озер и водохранилищ
Береговая линия непостоянная и неопределенная
Озера, водохранилища
Иле
Реки постоянные
Реки пересыхающие

Торговые пути
Фортификационные сооружения
Великая китайская стена
Осады населённых пунктов (цветом показана осаждающая сторона)
Перевалы
1223 г.
Крупнейшие сражения (цветом указана победа одной из сторон)
1335 г.
Исторические события

Памятники археологии
Селища
Городища
Отдельные находки
Курганные могильники
Грунтовые могильники
Сопки
Крепости
Могильники- склепы
Клады
Катакомбы
Поминальные храмы
Смешанные могильники
Караван-сараи
Могильники
Дворцы

Подписи
ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ
Государства
БУРДАС
Историко-географические области
САВИРЫ
Племена, народы, союзы племён (спорная локализация племён отмечена знаком вопроса)
Матакское
Археологические памятники
КУШНАРЕНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА
Археологические культуры

Примечание.
На картах даны современные названия гидрографических объектов и только в ряде случаев — исторические, что является результатом специальных исследований

На картах Болгарского государственного историко-архитектурного музея заповедника масштабов 1:12 000, 1:15000
Дороги и улицы с асфальтовым покрытием
Дороги и улицы без твёрдого покрытия
Отдельные группы деревьев
Пески
82
Горизонтали и их подписи (в метрах)
Обрывы, уступы
Овраги
Карьер

Карты Атласа

С. 13 Экскурсионные автобусные и речные маршруты в районе г. Болгара (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова)
С. 28 Государство Кубрата (Великая Болгария), 660–610-е гг. (авт А.А. Астайкин)
С. 31 Природные ландшафты Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (авт. А.И. Глухов)
С. 33 Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (авт. А.И. Глухов)
С. 35 Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (авт. А.И. Глухов)
С. 37 Экологически ценные природные объекты на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (авт. А.И. Глухов)
С. 43 Этническая история болгар в IV–XIV вв. (авт. А.А. Астайкин)
С. 46–47 Ранние болгары в Европе, IV–IX вв. (авт. А.А. Астайкин)
С. 48–49 Этническая история Волго-Камья, VII–VIII вв. (авт. А.А. Астайкин, С.Ю. Шокарев)
С. 56 Путешествия Абу-Хамида ал-Гарнати
С. 62–63 Волжская Болгария и ее соседи в IX — начале XIII в. (авт. А.А. Астайкин, С.Ю. Шокарев)
С. 64–65 — Войны монголов в 1207 — 1242 гг. Образование Монгольской империи (авт. А.А. Астайкин)
С. 66–67 Волжская Болгария, Русь и Золотая Орда в XIII–XIV вв. (авт. А.А. Астайкин, С.Ю. Шокарев)
С. 73 Расположение культурных слоев и некрополей домонгольского периода (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам Т.А. Хлебниковой)
С. 77 Расположение культурных слоев и некрополей золотоордынского периода периода (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам Т.А. Хлебниковой)
С. 87 Русско-болгарские войны. 1108–1220 гг.
С. 96 Великий Шелковый путь: система трансъевразийский коммуникаций VIII–IX вв. (авт. А.А . Астайкин)
С. 96 Великий Шелковый путь: система трансъевразийский коммуникаций X–XI вв. (авт. А.А. Астайкин)
С. 97 Великий Шелковый путь: система трансъевразийский коммуникаций XIII в. (авт. А.А. Астайкин)
С. 97 Великий Шелковый путь: система трансъевразийский коммуникаций XIV в. (авт. А.А. Астайкин)
С. 106–107 Внешние связи Волжской Болгарии X — начала XIII вв. (авт. А.А. Астайкин)
С. 113 Карта распространения импортных изделий в Верхнем Прикамье
С. 114 Болгарский импорт на Руси. X–XI вв.
С. 115 Болгарский импорт на Руси. XII– начало XIII вв.
С. 116 Путь из Биляра в Киев (авт. С.Ю. Шокарев по материалам Б.А. Рыбакова)
С. 143 Истоки традиций производства неполивной керамики Болгара (авт. И.Ю. Стрикалов по материалам Т.А. Хлебниковой)
С. 194–195 Экономика Волжской Болгарии. X — начало XIII в. (авт. А.А. Астайкин)
С. 223 Оборонительные сооружения города Болгара периода (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам Ю.А. Краснова)
С. 243 Исследованные общественные бани на территории Болгарского городища периода (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам Р.Ф. Шарифуллина)
С. 253 Размещение изученных мавзолеев на территории Болгарского государственного историко–архитектурного музея-заповедника периода (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам В.С. Баранова, М.М. Кавеева)
С. 275 Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу в 921–922 гг. (авт. А.А. Астайкин)
С. 282–283 Культурно-экономическое развитие Улуса Джучи в первой половине XIV в. (авт. А.А. Астайкин)
С. 286–287 Белая (Золотая) Орда при Узбек-хане. 1312–1341 гг. (авт. А.А. Астайкин)
С. 295 Расположение могильников на территории Болгарского городища периода (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам Л.Т. Яблонского)
С. 302–303 Волжская и Дунайская Болгарии. X — начало XIII в. (авт. А.А. Астайкин)
С. 306–307 Ранняя история болгар, II–VI вв. (авт. А.А. Астайкин)
С. 310–311 Этническая история болгар в VI–XIII вв. (авт. А.А. Астайкин)
С. 313 Болгары и аланы в составе Хазарского каганата, VIII–X вв. Салтово-маяцкая археологическая культура (авт. А.А. Астайкин)
С. 343 Археологическая изученность Болгарского городища (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам А.Г. Ситдикова, Р.Ф. Шарифулина)
С. 361 Археологические памятники на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам А.Г. Ситдикова, Р.Ф. Шарифулина)
С. 363 Функциональное зонирование Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам П.М. Шульгина)
С. 373 Характер использования территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и его окрестностей (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам П.М. Шульгина)
С. 376 Культурно-ландшафтное районирование на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам П.М. Шульгина)
С. 377 Перспективные эколого-культурные маршруты на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам П.М. Шульгина)
С. 380 Исследование Болгарского городища в 2010–2012 гг. (сост. Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам А.Г. Ситдикова)
С. 386–387 Перспективное развитие Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (сост Г.С. Козлова, Т.С. Козлова по материалам П.М. Шульгина)

Министерство культуры Республики Татарстан
Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

Атлас из серии «TARTARICA»
Великий Болгар

Научный руководитель проекта: академик АН РТ, д.и.н. Р.С. Хакимов
Научный редактор: к.и.н. А.Г. Ситдиков
Ответственные редакторы: к.и.н. В.С. Баранов, д.и.н. Р.М. Валеев,
член-корр. АН РТ, д.и.н. Р.Р. Салихов, к.и.н. М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин
Редакторы: к.г.н. Н.В. Разумова, к.и.н. И.Ю. Стрикалов, к.и.н. С.Ю. Шокарев, А.М. Шаров
Руководитель издательско-картографического проекта: А.П. Притворов
Директор издательства: А.С. Градобоев

Руководитель картографических работ: А.Ю. Кириллова
Ответственные редакторы карт: Г.С. Козлова, Т.С. Козлова
Редакторы карт: В.П. Алтунин, А.Ю. Кириллова
Картографы: А.Н. Данилова, М.Н. Дружинина, О.В. Калинина, Г.С. Козлова, Е.Д. Колесова, Е.Л. Никитина, Г.Г. Прохоров, М.Д. Романова
Дизайнеры макета и художественные редакторы: Б.Г. Аразян, А.М. Игитханян
Верстка: А.П. Окатов, Ю.З. Окатова
Корректура: С.Б. Павлищева

Информационное и документальное обеспечение проекта: М.Н. Перпета, О.В. Туманова
Координация, коммерческое обеспечение проекта, заместитель генерального директора издательства: К.П. Недельчук
Менеджеры: Д.В. Брезгунова, И.М. Недельчук, К.К. Недельчук, Р.К. Недельчук, В.В. Недельчук
В работе над проектом принимали участие: Н.Г. Горелова, Ю.И. Никульников

Авторы фотоматериалов:
А.К. Акманова-Окутан, М. Багаутдинов, В.С. Баранов, Л.А. Беляев, Р.Р. Валиев, Ф.К. Гайнуллина, О.Р. Гасимов, А.М. Губайдуллин, И.И. Елкина, В.Н. Калуцков, В.Ю. Коваль, М. Козловский, Р.З. Махмутов, Н.Г. Набиуллин, И.М. Нестеренко, А.Г. Ситдиков, Р.Ф. Шарифуллин

Издательство и авторский коллектив выражает искреннюю благодарность за помощь и возможность использовать научные материалы сотрудникам:
Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан
Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
Билярского государственного историко-археологического и природного музея заповедника
Государственного исторического музея
Государственного Эрмитажа
Казанского Федерального (Приволжского) университета
Национального музея Республики Татарстан
Отдела картографии Российской государственной библиотеки,
а также:
Е.П. Казакову, Д.Ж. Мухаметшину, И.М. Нестеренко, А.Ю. Хабутдинову

Организации-участники проекта:
Национальный музей Республики Татарстан
Изобразительный музей Республики Татарстан
Государственный историко-архитектурный Болгарский музей-заповедник
Государственный историко-археологический Билярский музей-заповедник
Российский государственный архив древних актов
Российский государственный военно-исторический архив
Национальный архив Республики Татарстан

Издательство благадорит А.И. Куркчи за поддержку
Издательство благадорит всех остальных участников процесса создания и выпуска Атласа и приносит свои извинения, если невольно кого-то не отобразило в выходных сведениях

Подписано в печать 01.05.13. Формат 70x100 / 8
Печать офсетная. Усл. печ. л. 65.1. Тираж 1750 экз.

ООО «Феория»
Лицензия Федеральной службы государственной регистрации,
кадастра и картографии № 77_00010К от 16.11.2010 г.
107023, г. Москва, ул. Измайловский Вал, д. 30, стр. 6
тел./факс (495) 964 97 35
office@feoria.net
feoria.net

Отпечатано в Венгрии при содействии фирмы «Интерпресс»
interpress@interpress.eu